

33-2

Б 97

Н. С. Менделеев

ЕВГЕНІЙ БЭМЪ-БАВЕРКЪ.

Л 9

Капиталъ

33-2
Б 97

И

прибыль.

ИСТОРИЯ И КРИТИКА ТЕОРИЙ ПРОЦЕНТА НА КАПИТАЛЪ.

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРОГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ
Л. I. ФОРБЕРТА

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
М. И. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКАГО.

№ 231

24. 8. 1908
Л 231

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

59

ИЗДАНИЕ ВОСЬМЬДЕСЯТЫЕ

КАПИТАЛЪ

№

ПРИБОРЪ

ИСТОРИЯ И ВНУТРЕННЯЯ ТЕОРИЯ ДРОБНЕЙШАГО НА ПАРТІИ

АВТОГРАФИЧЕСКАЯ КОПИЯ СЪ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ

ВЪ ПЕРВОМЪ ТОМѢ

ПОДЪ РЕДАКЦИЕЙ ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ М. ТУЛАНЪ-БАКАНОВСКОМЪ

Отъ редактора русскаго перевода.

Выходящая въ русскомъ переводѣ книга Бэмъ-Баверка принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя не нуждаются въ рекомендаціи. Ея репутація прочно установилась во всемъ мірѣ, какъ одного изъ тѣхъ научныхъ произведеній, которыя по справедливости называютъ классическими. Какъ бы мы ни относились къ тѣмъ или инымъ взглядамъ автора, никто ему не откажетъ въ логической силѣ, остроуміи и обоснованности его разсужденій, въ удивительномъ блескѣ и мастерствѣ изложенія. Поэтому даже читатель, стоящій на принципиально иной точкѣ зрѣнія, вынесетъ очень много отъ ближайшаго ознакомленія съ воззрѣніями этого замѣчательнаго представителя современной экономической науки. Отсутствие русскаго перевода важнѣйшаго произведенія Бэмъ-Баверка было крупнымъ пробѣломъ въ русской переводной литературѣ. Теперь этотъ пробѣлъ устраненъ.

М. Туланъ-Барановскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	страни.
Предисловіе Бэмъ-Баверка ко 2-му изданію	1—13
Предисловіе Бэмъ-Баверка къ 1-му изданію	14—17
I. Проблема процента на капиталъ.	
Сущность теоретической проблемы процента. Отличіе теоретической проблемы отъ социальнo-политической. Опасность смѣшенія обѣихъ проблемъ.—Временное объясненіе нѣкоторыхъ основныхъ понятій	19—28
II. Древніе философы и канонисты, какъ противники ссуднаго процента.	
Ссудный процентъ, какъ первый и въ теченіе очень продолжительнаго времени единственный предметъ теоріи процента. Враждебное отношеніе къ проценту на низшихъ ступеняхъ культуры. Запрещенія взиманія процента въ законодательствѣ древняго міра. Древніе философы. Аристотель. Возобновленіе запрещенія взиманія процента христіанской церковью. Теоретическія основы ученія канонистовъ	29—41
III. Защитники ссуднаго процента отъ 16-го по 18-ый вѣкъ. Паденіе ученія канонистовъ.	
Борьба практической жизни съ запрещеніемъ взиманія процента канонистами. Нарушеніе этого запрещенія многочисленными исключеніями. Зарожденіе принципиальной оппозиціи. Кальвинъ. Молиней. Ихъ первые послѣдователи. Безольдъ. Бэконъ. Побѣда ученія, благопріятствующаго взиманію процента, въ Нидерландахъ. Гуго Гроціи и Сальмазіи. Ученіе Сальмазія.—Постепенная побѣда направленія, благопріятствующаго взиманію процента, и въ другихъ странахъ. Характеръ развитія въ Германіи. Юсти, Зонненфельсъ. Англія. Локкъ, Стюартъ, Юмъ, Бентамъ. Отсталость романскихъ странъ. Италія. Галіани. Беккарія. Франція. Упорное соблюденіе ученія канонистовъ французскимъ законодательствомъ и литературой. Потъе. Мирабо. Побѣда Тюрго.—Резюме	41—81
IV. Теорія естественной производительности Тюрго.	
Неблагопріятность условій до Тюрго для изученія первичнаго процента на капиталъ. Причины этого явленія. Отсутствіе изученія первичнаго процента у первыхъ физиократовъ. Первая общая теорія процента Тюрго. Ея характеръ. Ея недостатки. Кругъ въ объясненіи	82—90

V. Проблема процента у Адама Смита. Обзоръ дальнѣйшаго развитія.

Отсутствие вполне определенной теории у Адама Смита. Противорѣчивыя замѣчанія. Содержащіяся въ нихъ зародыши важнѣйшихъ позднѣйшихъ теорій. Теоретическая и социальнo-политическая нейтральность Смита.— Возрастаніе практическаго значенія проблемы процента. Возрастаніе этого значенія, какъ толчокъ для болѣе оживленнаго теоретическаго изслѣдованія проблемы. Распадъ въ литературѣ послѣ Смита. Пять главнѣйшихъ направленій . . . . .

91—100

VI. Безцвѣтныя теоріи.

Необыкновенно большое число „безцвѣтныхъ“ писателей въ древнѣйшей нѣмецкой литературѣ. Зоденъ, Лотцъ, Якобъ, Фульда, Эйзеленъ, Рау и др. Англійская литература. Рикардо, Торренсъ, Макъ-Куллохъ, Макъ-Леодъ и др. Сравнительная рѣдкость „безцвѣтныхъ“ теорій во французской литературѣ. Причины этого явленія. Жерменъ Гарнье, Канаръ, Дрозъ . . . . .

101—132

VII. Теоріи производительности.

1. Предварительныя замѣчанія:

Многозначность выраженія „производительность капитала“. Его четыре различныхъ значенія. Разница между „физической“ и „цѣнностной“ производительностью. Вредныя послѣдствія смѣшенія этихъ значеній.— Природа теоретической задачи, выпадающей на долю теорій производительности. Виды, въ которыхъ могла бы быть рѣшена эта задача. Схема возможныхъ видовъ. Въทวี дѣйствительныхъ теорій производительности. Планъ дальнѣйшаго изложенія . . . . .

133—142

2. Наивныя теоріи производительности.

Основатель этихъ теорій—Ж. Б. Сэ. Его ученіе. Его послѣдователи въ Германіи. Шенъ, Ридель, Рошеръ, Клейнвехтеръ и др. Франція. Италія. Сціалойа.— Критика наивныхъ теорій производительности. Критика перваго варианта. Несостоятельность силы капитала непосредственно „созидающей цѣнность“ въ буквальномъ смыслѣ слова, ничѣмъ не подтвержденной, съ одной стороны, и противорѣчащей природѣ цѣнности и производства, съ другой. Болѣе подробное обоснованіе этого взгляда. Несостоятельность втораго варианта. Отсутствие естественной и необходимой связи между результатомъ физической производительности, излишкомъ продуктовъ и прибавочной „цѣнностью“. Резюме . . . . .

142—168

3. Мотивированныя теоріи производительности.

Общая характеристика. Необходимость спеціальнаго изученія всѣхъ отдѣльныхъ формулировокъ. Лодердаль. Мальтусъ. Кэри. Пешинъ Смитъ. Тюненъ. Глазеръ. Реслеръ. Страсбургеръ. Заключение . . . . .

169—224

VIII. Теорія пользования.

Общая характеристика . . . . . 224—228

1. Изложение истории теорий пользования.

Основание учения Ж. Б. Сэ. Его первые послѣдователи. Шторхъ. Небеніусъ. Марло. Развитие этого учения Германномъ. Основные черты его теории. Разборъ таковой. Послѣдователи Германа. Бернгарди. Мангольдтъ. Митгофъ, Шеффле, Книсъ. Позднѣйшее развитие теории пользования Менгеромъ. Изложение его учения . . . . . 228—256

2. Критика.

Установленіе отдѣльныхъ пунктовъ возраженія. Критика понятія „пользованія“ направленія Сэ-Германна. Существованіе пользованій благами, обладающихъ извѣстною самостоятельностью. Болѣе подробное разсмотрѣніе таковыхъ. Теорія полезности благъ. Вещественныя „полезныя дѣйствія“. Неожиданность таковыхъ съ „пользованіемъ“, постулируемымъ теоретиками пользования. Нереальность этого понятія, представляющаго собою исключительно плодъ недопустимой фикціи. Дальнѣйшія доказательства этого положенія. Несостоятельность всѣхъ приведенныхъ въ пользу существованія постулируемаго „пользованія“ доказательствъ: ошибка или недоразумѣніе. Доказательства этого по отношенію къ Сэ, Шеффле, Германну и Кнису. Внутреннія противорѣчія, по необходимости вытекающія изъ предположенія существованія постулируемаго самостоятельнаго пользования. Раскрытіе историческаго источника фикціи. Перенесеніе фикціи, придуманной для практическихъ юридическихъ цѣлей и въ этихъ предѣлахъ допускаемой, въ область народнаго хозяйства, и дословное ея толкованіе. Критика спора между Сальмазіемъ и канонистами. Настоящая природа ссуды.— Критика понятія пользования Менгера.— Несостоятельность теории пользования и независимо отъ несостоятельности ея понятія пользования. Причины, по которымъ теорія пользования никогда не можетъ привести къ удовлетворительному разрѣшенію проблемы . . . . . 257—310

IX. Теорія воздержанія.

Состояніе англійской литературы о процентѣ до Сеніора. Первые зародыши теории воздержанія у Смита и Рикардо, болѣе опредѣленные у Небеніуса и Скропа. Сеніоръ—истинный основатель теории воздержанія. Его ученіе. Критика его ученія. Его послѣдователи, въ особенности Бастіа. Ученіе Бастіа, представляющее собою ухудшенную копію теории воздержанія Сеніора . . . . . 311—336

X. Трудовыя теоріи.

А. Англійская группа. Объясненіе процента, какъ вознагражденіе за трудъ, при помощи котораго производится самъ капиталъ. Джемсъ Милль и Макъ-Куллохъ. В. Французская группа. Объясненіе процента, какъ вознагражденіе за „трудъ сбереженія“. Курсель-Сенейль, Ковэсъ и др. С. Нѣмецкая группа. Объясненіе процента,

какъ вознагражденіе за народо-хозяйственныя функціи. Зародыши этого взгляда у Родбертуса. Его развитіе у Шеффле и Вагнера. Критика этого взгляда. Примѣнимость этого взгляда въ качествѣ социальна-политическаго оправданія процента на капиталъ, а не въ качествѣ теоретическаго объясненія такового . . . . . 337—354

XI. Джонъ Рэ.

Рэ—писатель, значеніе котораго выяснялось только поздно. Изложеніе его ученія. Критика такового . . . . . 355—401

XII. Теорія эксплуатаціи.

1. Историческій обзоръ.

Общая характеристика теоріи эксплуатаціи. Ея происхожденіе. Болѣе ранніе ея провозвѣстники. Локкъ. Стюартъ. Зонненфельсъ, Бюшъ и др. Содѣйствіе, оказанное ея развитію теоріей цѣнности Смита и Рикардо. Томпсонъ и Сисмонди. Соціалисты. Прудонъ. Родбертусъ. Лассаль. Марксъ. Распространеніе теоріи эксплуатаціи и внѣ круговъ социалистовъ. Гуть. Дюрингъ. Дж. Ст. Милль. Шеффле. Катедеръ-соціалисты. Положеніе объ исключительно созидающей цѣнность силъ труда . . . . . 402—415

2. Критика.

Планъ изложенія . . . . . 415—416

А. Родбертусъ. Подробное изложеніе его ученія. Недостатки такового. 1. Несостоятельность положенія, что блага съ хозяйственной точки зрѣнія являются исключительно продуктами труда. 2. Ошибочное толкованіе Родбертусомъ и соціалистами правильнаго положенія, что рабочіе имѣютъ право на полную цѣнность своего продукта. Настоящее значеніе этого положенія. 3. Несостоятельность предположенія, что цѣнность благъ измѣряется трудомъ, затраченнымъ на ихъ производство. Освѣщеніе теоретической ошибки, допущенной Родбертусомъ благодаря этому предположенію. 4. Противорѣчія въ ученіи Родбертуса въ важныхъ пунктахъ. Несовмѣстимость предположеннаго Родбертусомъ значенія закона нивелированія прибыли и важнѣйшихъ положеній его теоріи ренты вообще и его теоріи земельной ренты въ частности. 5. Неспособность теоріи Родбертуса, какъ цѣлага, дать какое-нибудь объясненіе для значительной части фактическихъ явленій процента. Окончательный приговоръ теоріи Родбертуса . . . . . 417—462

В. Марксъ. Изложеніе его теоріи цѣнности и процента. Нововведенія по сравненію съ Родбертусомъ. Самое важное нововведеніе—попытка дать опредѣленное доказательство положенія, что трудъ представляетъ собою принципъ всякой цѣнности благъ. Исслѣдованіе этого положенія. Несостоятельность доказательства, состоящаго въ обычныхъ ссылкахъ на авторитеты Смита и Рикардо. Исслѣдованіе и опроверженіе причинъ, приведенныхъ Марксомъ

въ пользу этого положенія. Изслѣдованіе матеріала, доставляемаго практической жизнью. Несоответствіе этого матеріала закону трудовой цѣнности. Полная несостоятельность послѣдняго.—Посмертные томы системы Маркса. Ученіе о „цѣнахъ производства“ и „средней нормѣ прибыли“. Противорѣчіе между послѣдними и основами теоріи Маркса. . . . . 462—500

С. Ученіе Маркса въ устахъ его послѣдователей. Попытки новыхъ толкованій у Зомбарта и К. Шмидта. Критика этихъ толкованій. Бернштейнъ.—Резюме . . . . . 500—518

XIII. Эклектизмъ.

Общій характеръ эклектизма. Сущность такового. Отдѣльные группы эклектиковъ. Сочетаніе теорій производительности и воздержанія. Росси. Молилари. Леруа-Больё. Рошеръ и др. Косса. Дживонсъ.—Комбинаціи съ трудовой теоріей. Ридъ. Герстнеръ. Ковэсъ. Жозефъ Гарнье.—Сочетаніе теорій, благоприятствующихъ проценту и враждебныхъ такому. Гофманъ. Дж. Ст. Милль. Шеффле. . . . . 519—537

XIV. Двѣ новѣйшія попытки.

Вступленіе. 538

а) Новѣйшая теорія естественной производительности Джоржа. Изложеніе. Объясненіе процента творческой силой природы. Возраженія. Повтореніе ошибки физиократовъ. Отсутствие объясненія процента на естественно-разножающіяся блага и на капитальные блага вообще. . . . . 539—545

в) Видоизмѣненная теорія воздержанія Шелльвина. Изложеніе. Критика. Двойное примѣненіе понятія „потребленія капитала“. Отношеніе Шелльвина къ теоріи трудовой цѣнности. Опасности ложнаго идеализированія естественныхъ основъ хозяйства. . . . . 545—553

XV. Заключение.

Три основныхъ взгляда на проблему процента. Проблема процента не есть ни чистая проблема производствани чистая проблема распредѣленія, а проблема цѣнности. Ступени развитія. Самая низкая ступень. Предубѣжденіе о создающихъ цѣнность силахъ и его исторія. Болѣе высокія ступени. Направленіе развитія. Исходная точка для окончательнаго разрѣшенія проблемы. . . . . 554—562

Приложеніе. Литература о процентѣ въ настоящее время (1884—1899).

I. Общій обзоръ . . . . . 563—565

II. Теорія лажа . . . . . 565—567

III. Теорія пользованія . . . . . 568—570

IV. Теорія воздержанія. Дальнѣйшее ея развитіе, въ особенноти у Маквена и Маршалля. Попытка новаго толкованія Карвера . . . . . 570—595

VIII

V. Трудовая теорія. Теорія Штольцманна	596—611
VІ. Мотивированная теорія производительности, въ особенности теорія Визера	611—628
VІІ. Теорія експлоатаціи и „вульгарно-экономическій ростокъ“ таковой. Дитцель, Лексисъ	628—632
VІІІ. Эклектическія теоріи. Принципіальная защита эклектизма Дитцелемъ	633—636
ІХ. Современное состояніе	636—640
Указатель авторовъ	641—644
Важнѣйшія опечатки	645

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно быть:</i>
184	1 сверху	доказываль	доказываетъ
184	21 сверху	которую дословно воспроизведу	которую я дословно воспроизведу
194	4 сверху	на который онъ можетъ	дающій ему возможность
204	16 снизу	50,009	50,000
292	19 снизу	сохраняющіяся блага	длящіяся блага
357	13 сверху	я считаль бы свою за- служу	я считаль бы свою за- дачу
416	10 сверху	представляю	представлю
506	13 снизу	это значеніе	его значеніе
514	6 сверху	приводить	привходить

Предисловіе

ко второму изданію.

Второе изданіе „*Geschichte und Kritik der Capitalzins-theorien*“ представляетъ, по сравненію съ первымъ, нѣкоторыя измѣненія и дополненія.

Измѣненія несущественны. Они ограничиваются немногими улучшеніями, касающимися формы изложенія, и нѣкоторыми—также немногочисленными—исправленіями замѣченныхъ ошибокъ. Что же касается дополненій, то мнѣ пришлось многое прибавить, благодаря чему объемъ книги увеличился на добрую треть по сравненію съ прежнимъ.

Съ одной стороны, мнѣ пришлось пополнить тѣ пробѣлы, которые были допущены въ первомъ изданіи при изложеніи древнѣйшей литературы. Въ этомъ отношеніи наиболѣе существеннымъ является разборъ ученія канадца *Джона Рэ*. Я надѣюсь, что подробное изложеніе ученія этого крайне оригинальнаго, но по странной случайности до сихъ поръ почти совершенно неизвѣстнаго мыслителя, будетъ встрѣчено людьми, интересующимися теоріей, какъ желательное обогащеніе даннаго матеріала. Съ другой стороны, я продолжилъ изложеніе „*Geschichte und Kritik*“, доведенное въ первомъ изданіи до 1884 года, вплоть до нашего времени. Въ этомъ отношеніи я имѣлъ въ своемъ распоряженіи богатый, можно даже сказать, очень богатый матеріалъ, такъ какъ въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ изслѣдованіе капитала приняло необыкновенно широкіе размѣры. Поэтому я не могъ избѣжать объемистыхъ дополненій, несмотря на то, что я очень хотѣлъ ограничиться только общимъ краткимъ обзорѣмъ и дать критику только весьма немногихъ, особенно выдающихся ученій нашего времени.

Что касается внѣшней стороны изложенія новаго матеріала, то передо мною были открыты два пути: во-первыхъ, я могъ непосредственно включить изложеніе новѣйшихъ

ученій, смотря по ихъ принадлежности, въ ту или другую главу моей книги, посвященную соотвѣтственной группѣ теорій; во-вторыхъ, я могъ, сохраняя по возможности прежнее изложеніе, прибавить стройный обзоръ новѣйшаго состоянія науки нашей проблемы въ видѣ самостоятельнаго приложения. Послѣ основательнаго размышленія я остановился на послѣднемъ. Какого бы взгляда ни придерживаться на значеніе моего сочиненія, все же одно уже существованіе сочиненія, обсуждающаго болѣе подробно, чѣмъ всѣ предшествующія, совокупность проблемъ о капиталѣ съ исторической, критической и догматической точки зрѣнія, должно было оказать нѣкоторое вліяніе, хотя бы вызвавъ отпоръ, на послѣдующія изслѣдованія того же предмета—тѣмъ болѣе, что моему сочиненію было суждено найти необычно быстрое и широкое распространеніе почти непосредственно послѣ его появленія. Если бы я включилъ въ составъ того историческаго матеріала, который находился въ моемъ распоряженіи уже при выработкѣ моихъ критическихъ сужденій, и болѣе позднія изложенія и формулировки теоріи капитала, которыя фактически обнаруживаютъ извѣстное родство съ критикой, данной мною въ первомъ изданіи, то получился бы нѣкотораго рода анахронизмъ, вредящій ясности изложенія. Даже болѣе, я полагаю, что тѣмъ, кто интересуется историческимъ развитіемъ идей проблемъ капитала, я въ значительной степени облегчу ознакомленіе и безпристрастную оцѣнку доктринъ, если я и съ внѣшней стороны отдѣлю матеріалъ, предшествовавшій первой обширной критикѣ капитала, отъ матеріала позднѣйшаго. Изъ этого правила я былъ вынужденъ сдѣлать только одно исключеніе: это исключеніе касается теоріи эксплоатации, по отношенію къ которой получилось своеобразное хронологическое уклоненіе благодаря тому, что слѣдующіе томы „Капитала“ *Маркса*, существовавшіе уже въ рукописи при выпускѣ перваго изданія моего сочиненія, были опубликованы только нѣсколькими годами позже.

Если отдѣльные мѣста моего критико-историческаго труда мнѣ пришлось измѣнить очень мало, то еще меньше приходилось мнѣ отступать отъ той принципиальной точки зрѣнія, съ которой я приступилъ къ своему труду. Это, пожалуй, могло бы показаться вполнѣ естественнымъ, такъ какъ тотъ радушный пріемъ, который въ громадномъ большинствѣ случаевъ встрѣчала моя книга, могъ явиться для меня, конечно, нѣкоторой гарантіей того, что я удачно рѣшилъ задачу, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ чертахъ, поставлен-

ную моимъ критико-историческимъ изслѣдованіемъ. Несмотря, однако, на это, я долженъ высказаться обстоятельно и по этому поводу. Дѣло въ томъ, что среди моихъ многихъ оппонентовъ встрѣчаются имена нѣкоторыхъ ученыхъ, которыхъ я вообще такъ высоко цѣню, что не могу не обратить вниманія на ихъ возраженія или спокойно обойти ихъ молчаніемъ; къ тому же они высказали свои возраженія въ такомъ направленіи, въ какомъ я меньше всего ожидалъ или желалъ бы таковыхъ.

Фр. Уокеръ и проф. *Альфредъ Маршалль* упрекаютъ меня—первый въ довольно рѣзкой, второй въ болѣе мягкой, но все же въ довольно серьезной формѣ—въ томъ, что я, выражаясь кратко, критиковалъ своихъ предшественниковъ по теоріи капитала слишкомъ уже невеликодушно. Въмѣсто того,—думаетъ *Уокеръ*—чтобы съ терпимостью и доброжелательностью изслѣдовать то, что въ дѣйствительности думали и старались изложить отдѣльные авторы, я будто бы только старался изложить въ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ несовершенства изложенія и неточности въ способѣ выраженія („blunders of expression“)¹⁾; что же касается проф. *Маршалля*, то онъ упрекаетъ меня въ томъ, будто я нерѣдко ошибочно предполагаю у разсматриваемыхъ авторовъ наличность противорѣчій и односторонностей тамъ, гдѣ въ дѣйствительности можно констатировать только нѣкоторую неправильность въ изложеніи, выражающуюся въ томъ, что авторъ—въ угоду ли извѣстнымъ цѣлямъ или просто вслѣдствіе отсутствія систематичности—слишкомъ подчеркиваетъ одинъ элементъ и отодвигаетъ на задній планъ другіе, также при-сущіе его ученію. И проф. *Маршалль* считаетъ себя въ правѣ заявить по поводу моего изложенія „наивныхъ теорій производительности, теорій пользованія и т. д.“, что „сами эти писатели врядъ-ли согласились бы признать это изложеніе правильной и полной передачей ихъ учений“²⁾.

Если бы—какъ это можетъ показаться—здѣсь дѣйствительно шла рѣчь о правильности или неправильности изложенія взглядовъ нѣкоторыхъ писателей, т. е. о вопросахъ, которые для историка учений являются вопросами техническихъ деталей, то было бы весьма неумѣстнымъ, да и врядъ ли стоило бы труда, разбирать эти возраженія въ данномъ мѣстѣ. Я могъ бы спокойно положиться на содержаніе слѣдующихъ стра-

¹⁾ „Dr. Boehm-Bawerks-theory of interest“ въ *Quarterly Journal of Economics*, июль 1892 г., р. 399 и слѣд., въ особенности 401—405.

²⁾ *Principles of Economics*, 3-е изд. стр. 142 и 664.

ницъ, которое само говоритъ за себя. Я вездѣ строю свои критическія сужденія на глазахъ у самого читателя и притомъ преимущественно на основаніи почти дословной передачи взглядовъ разбираемаго автора, касающихся данной проблемы,—передачи, по поводу которой—я думаю—ни одинъ изъ моихъ противниковъ не станетъ утверждать, что она невѣрна и недобросовѣстна.

Но рѣчь идетъ совершенно о другомъ. Въ различіи взглядовъ на содержаніе и цѣнность сужденій другихъ писателей отражается только рѣзкое расхожденіе нашихъ собственныхъ взглядовъ на разбираемыя проблемы капитала и на условія дѣйствительнаго разрѣшенія таковыхъ. Вопросъ, критиковалъ ли я своихъ предшественниковъ великодушно или невеликодушно, стоитъ между мною и моими критиками только для вида: въ сущности же вопросъ сводится къ тому, у кого изъ насъ—у мр. *Уокера* и проф. *Маршалля* или же у меня—болѣе правильный взглядъ на то, въ чемъ именно заключается центральная идея проблемы процента, и чего собственно требуетъ правильное ея разрѣшеніе. А этотъ вопросъ можно вполне умѣстно и легко разрѣшить уже въ данномъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что мои критики прибавили къ своимъ критическимъ отзывамъ нѣсколько замѣчаній, проливающихъ свѣтъ на тѣ причины, на основаніи которыхъ они пришли къ точкѣ зрѣнія, отличной отъ моей по отношенію къ исторіи соотвѣтствующихъ ученій; и я надѣюсь, что уже одинъ бѣгло брошенный взглядъ на эти причины съ достаточной ясностью покажетъ, что я дѣйствовалъ бы въ ущербъ самому себѣ, если бы позаимствовалъ у моихъ критиковъ ихъ точку зрѣнія.

По отношенію къ *Уокеру*, это — я думаю—ясно какъ на ладони. *Уокеръ*—убѣжденный приверженецъ теоріи производительности и притомъ весьма нетребовательный теоретикъ. Онъ весь проникнутъ простотой проблемы процента и полной удовлетворительностью идей теоріи производительности для объясненія этой проблемы и никакъ не можетъ согласиться съ тѣмъ, что болѣе глубокое мышленіе могло бы искать объясненія проблемы процента въ совершенно иной плоскости. Онъ вполне серьезно высказываетъ, напр., взглядъ что теорія пользования и теорія воздержанія вовсе не существовали, какъ теоріи, отличныя отъ теоріи производительности, и что онѣ ошибочно и произвольно только разсматриваются мною, какъ таковыя. „Ни одинъ первоклассный экономистъ“,—говоритъ онъ—„который серьезно относился къ проблемѣ

процента на капиталъ“, не станеть говорить о конструируемой мною теоріи пользования иначе, какъ такъ, что „употребленіе капитала производительно въ томъ смыслѣ, въ которомъ употребляютъ это выраженіе теоретики производительности“¹⁾. А существенное различіе теоріи воздержанія и теоріи производительности *Уокера* устраняеть аргументомъ, будто точка зрѣнія теоріи воздержанія въ духѣ ея авторовъ можетъ служить только социально-политическимъ оправданіемъ процента, „которой, по всей вѣроятности, ни одинъ изъ нихъ никогда не принималъ ошибочно за научное установленіе причинъ процента“—т. е. за теоретическое объясненіе²⁾.

Съ точки зрѣнія *Уокера* выходитъ, что только „неудачная форма изложенія“ могла, напр., въ ученіяхъ *Гермакна* или *К. Менгера* вызвать впечатлѣніе, будто эти писатели пытались дать своеобразную теорію, отличную отъ теорій производительности; что только благодаря несообразному, сбивчивому способу выраженія *Сеніора*, могло сложиться впечатлѣніе, что этотъ выдающійся теоретикъ думалъ содѣйствовать теоретическому объясненію процента на капиталъ своей ссылкой на воздержаніе, какъ на составную часть издержекъ, опредѣляющую цѣны; съ моей-же стороны проявилось невеликодушное использование этой „неудачной формы изложенія“, такъ какъ я вообще приписалъ этимъ и другимъ ученымъ оригинальныя, глубоко продуманныя теоріи! Я полагаю, мнѣ нечего даже говорить о томъ, что дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ, что было бы весьма невеликодушнымъ; а для добросовѣстнаго историка даже почти недопустимымъ представить истинное положеніе вещей такимъ образомъ, т. е. совершенно игнорировать въ исторіи развитія теоріи процента теоріи пользования и воздержанія, а вмѣсто того стараться открыть въ самыхъ разнообразныхъ объясненіяхъ одинъ только мотивъ теорій производительности, или—правильнѣе—наильно приписывать таковой каждому объясненію³⁾!

Что же касается проф. *Маршалля*, то его отношеніе, хотя не такъ уже рѣзко, какъ отношеніе *Уокера*, но по существу оно едва-ли отличается отъ такового. Проф. *Мар-*

¹⁾ О. с. стр. 405.

²⁾ О. с. стр. 404 и слѣд. „They thus reached a social justification of interest, which no one of them probably ever mistook for a scientific ascertainment of the cause of interest“.

³⁾ См. также мое возраженіе *Уокеру* въ *Quarterly Journal of Economics*, апрѣль 1895 г. стр. 235 и слѣд.

шалль также отдаёт предпочтёніе извѣстному теоретическому построению и также, въ силу весьма похвальной черты, своего великодушія, охотно приписываетъ это свое, на его взглядъ, лучшее теоретическое построение какъ можно большому числу болѣе раннихъ писателей. Но при этомъ онъ такъ же, какъ и *Уокеръ*, дѣлаетъ двѣ ошибки—ошибка послѣдняго, конечно, болѣе груба:—во первыхъ, неправиленъ его взглядъ на доказательную силу даннаго имъ теоретическаго построения, а во-вторыхъ—его взглядъ на дѣйствительное соотношеніе между различными группами теорій и этимъ приписываемымъ имъ построениемъ.

Проф. *Маршалль* основываетъ свое собственное объясненіе процента на капиталъ на совмѣстномъ дѣйствіи двухъ факторовъ: производительности капитала, опредѣляющей, на его взглядъ, спросъ, съ одной стороны, и его „prospectiveness“, т. е. отдаленности получения потребляемыхъ продуктовъ, что вліяетъ на предложеніе капиталовъ и ограничиваетъ такое, — съ другой. Эти два положенія—говоритъ проф. *Маршалль*—давно уже были извѣстны; но при этомъ одни писатели придавали больше значенія фактору спроса, другіе— фактору предложенія. Но и тѣмъ писателямъ, которые настаивали главнымъ образомъ на производительности капитала, было хорошо извѣстно нежеланіе людей сберегать и жертвовать настоящимъ въ цѣляхъ будущаго; и, наоборотъ, тѣ писатели, которые работали главнымъ образомъ во второмъ направленіи, считали производительныя выгоды запаса капитала вполне очевидными. Смущаясь, повидимому, тѣмъ, что я-де не приписывалъ каждый разъ болѣе раннимъ писателямъ обѣихъ частей разсужденія одновременно, проф. *Маршалль* критикуетъ мое изложеніе наивной теоріи производительности, теоріи пользования и другихъ группъ теорій — я не знаю, сколько группъ теорій и какія именно проф. *Маршалль* могъ бы еще включить въ свое „и т. д.“, заканчивающее это перечисленіе, — называя такое одностороннимъ и несостоятельнымъ.

Конечно, въ одномъ отношеніи проф. *Маршалль* правъ: извѣстная связь между процентомъ на капиталъ и обоими рядами объясненій давно уже была констатирована—она до того ясна, что бросается въ глаза почти каждому наблюдателю. Онъ могъ бы и въ моей книгѣ найти замѣчаніе, подтверждающее эту его мысль или—правильнѣе—подсказывающее таковую. „Ни одинъ безпристрастный человекъ“— говорилъ я и говорю въ главѣ объ „эклетикахъ“— „не могъ отказаться отъ мысли, что все же должно существо-

вать нѣчто общее между существованіемъ процента и большей производительностью капиталистическаго производства, или, какъ выражались, — производительностью капитала“. Но такъ же нельзя было „отрицать, что лишенія, которыхъ обыкновенно стоитъ сбереженіе, не могутъ остаться безъ вліянія на происхожденіе и величину процента на капиталъ“. Однако, этихъ двухъ основаній, давно уже жившихъ въ умахъ людей, далеко не достаточно для теоретическаго объясненія процента на капиталъ. Этого такъ же недостаточно, какъ—я этимъ сравненіемъ разъ уже пользовался въ аналогичномъ случаѣ по отношенію къ *Уокеру* ¹⁾—недостаточно считать для научнаго объясненія явленія радуги увѣренность и утвержденіе, что послѣдними причинами явленія радуги являются лучи солнца и дождевое облако, на которое лучи падаютъ подъ извѣстнымъ угломъ. Самую трудную задачу науки здѣсь составляетъ не констатированіе того, что интересное явленіе семицвѣтной радуги находится въ связи съ паденіемъ солнечныхъ лучей на дождевое облако, а специальное объясненіе того, какимъ образомъ и при содѣйствіи какихъ промежуточныхъ явленій эти вполне очевидныя эмпирическія причины приводятъ именно къ такого рода дѣйствию,—объясненіе, которое въ духѣ старой теоріи истеченія свѣта будетъ рѣзко отличаться отъ объясненія въ духѣ современной теоріи колебаній, хотя обѣ теоріи были, конечно, вполне согласны въ томъ, что радуга создается солнечными лучами и дождевымъ облакомъ.

Точно такъ же обстоитъ дѣло и въ нашемъ случаѣ: общее знаніе того, что процентъ на капиталъ обязанъ своимъ происхожденіемъ производительности капиталистическаго производства и отдаленности полученія его плодовъ, отнюдь не представляетъ собою еще дѣйствительнаго объясненія процента на капиталъ, преодоленія многочисленныхъ предстоящихъ при такомъ объясненіи трудностей или хотя бы только серьезнаго отношенія къ таковымъ. Согласно признавая, что эти два обстоятельства имѣютъ извѣстное значеніе для происхожденія процента на капиталъ, мы по необходимости должны еще выяснитъ тотъ промежуточный путь, на которомъ эти причины могутъ вызвать такое дѣйствіе; притомъ здѣсь открывается широкое поле не только для одного, а для цѣлаго ряда объясненій или теорій, которыя отнюдь не являются только вариантами одной и той же

¹⁾ См. мою выше цитированную статью въ *Quarterly Journal of Economics*, апрѣль 1895 г., стр. 250.

мысли, различно выраженной, а отличаются по существу, такъ какъ выдвигаютъ различнаго рода связь между этими послѣдними причинами и явленіемъ процента на капиталъ, т. е. появленіе и дѣйствіе совершенно различныхъ промежуточныхъ причинъ.

Я не думаю, чтобы проф. *Маршалль* не призывалъ этого, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ группъ теорій, и чтобы онъ, напр., не согласился признать, что теорія пользованія *Менгера*, теорія воздержанія *Сеніора* и различныя „трудовыя теоріи“ французскихъ и нѣмецкихъ писателей представляютъ собою теоріи, совершенно различныя по содержанію, несмотря на то, что всѣ онѣ въ томъ или другомъ видѣ включили въ ходъ мыслей, какъ моментъ „prospectiveness“, такъ и моментъ большей производительности капиталистическаго производства—совершенно такъ же, какъ и моя собственная теорія признаетъ и примѣняетъ къ объясненію оба момента. Поскольку же проф. *Маршалль* все-таки не согласенъ съ этой точкой зрѣнія,—а онъ вѣдь ясно показываетъ, что онъ далеко съ ней не согласенъ—онъ, очевидно, былъ введенъ въ заблужденіе преувеличенной оцѣнкой доказательной силы этой общей рамки: ошибочная точка зрѣнія, будто общія предположенія уже включаютъ въ себѣ существенную часть объясненія, должна была, конечно, вызвать вторую ошибку—предположеніе, что не-общее, дифференцирующее можетъ относиться только ко второстепенной области, къ области формы, выраженія или способа изложенія.

Однако, критика проф. *Маршалля* особенно обостряется въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Онъ упрекаетъ меня, въ особенности, въ томъ, что я не приписалъ тѣмъ теоріямъ, которыя особенно подчеркиваютъ „факторъ предложенія“ или „prospectiveness“, соответствующихъ соображеній о „производительности“ капитала, а тѣмъ теоріямъ, которыя особенно подчеркиваютъ такую производительность,—соображеній о „prospectiveness“. Выражаясь вполне конкретно, *Маршалль* въ моемъ изложеніи теоріи пользованія, теоріи воздержанія, трудовой теоріи—изъ коихъ первую онъ называетъ открыто, двѣ же остальные онъ, очевидно, включаетъ въ свой приговоръ посредствомъ выраженія „и т. д.“—не находитъ соответственныхъ соображеній о производительности капитала, въ изложеніи же наивной теоріи производительности—названной открыто—соображеній о „prospectiveness“.

Первая половина этого обвиненія покоится на недоразумѣніи, вторая по существу ничѣмъ не обоснована.

На недоразумѣніи основанъ взглядъ проф. *Маршалля*, будто я не нахожу никакихъ соображеній о производительности капитала въ первыхъ изъ названныхъ группъ теорій, особенно рельефно развивающихъ „факторъ предложенія“. Напротивъ, я никогда не сомнѣвался въ томъ, что всѣ эти теоріи въ своихъ разсужденіяхъ предполагали и даже должны были предполагать техническую или физическую производительность капитала, въ родѣ той, которую имѣетъ въ виду самъ проф. *Маршалль*. Въ частности, напр., по отношенію къ теоріи пользованія, которую проф. *Маршалль* открыто приводитъ, какъ примѣръ односторонняго изложенія въ моей книгѣ, это было для меня такъ ясно, что я въ цѣломъ рядѣ опредѣленныхъ замѣчаній—которыя, можетъ быть, упустилъ изъ вида проф. *Маршалль*—прямо-таки назвалъ теорію пользованія вѣтвью теорій производительности, которая постепенно только развивалась до извѣстной самостоятельности ¹⁾). Въ моемъ изложеніи отдѣльныхъ формулировокъ теоріи пользованія я отводилъ этой сторонѣ вопроса мѣсто постольку, поскольку это дѣлаютъ разсматриваемые писатели. Такъ, напр., при изложеніи ученій *Сэ* и *Германна* я говорилъ весьма много о производительности капитала, при изложеніи же ученій *Шеффле* и *Менгера* весьма мало. При разсмотрѣніи характерной центральной идеи теоріи пользованія я, конечно, опять-таки говорилъ о производительности капитала весьма мало потому, что характерныя мысли теоріи пользованія направлены совсѣмъ въ другую сторону, хотя техническая производительность капитала, очевидно, лежитъ въ той теоретической плоскости, въ которой вращается теорія пользованія. Я увѣренъ, что, если бы я захотѣлъ приписать все то, что говоритъ проф. *Маршалль* со свойственной ему тщательностью, доведенной до малѣйшихъ деталей, о технической производительности капитала и о ея вліяніи на „факторъ спроса“, напр., *Менгеру*—я, конечно, не имѣлъ права этого сдѣлать, такъ какъ самъ *Менгеръ* никогда этого не говорилъ—то мое изложеніе было бы, правда, болѣе многословнымъ, болѣе подробнымъ, но теоретическій характеръ изложеннаго ученія отъ этого нисколько не измѣнился бы: общее резюмэ этого ученія не должно было содержать большихъ подробностей и не должно было содержать другихъ словъ, кромѣ тѣхъ, которыя я въ дѣйствительности употребилъ при изложеніи этой теоріи.

¹⁾ См., напр., стр. 89 и слѣд., 226, 227 середина, 227 конецъ, 228 и слѣд. перваго изданія.

То же повторяется и по отношенію къ теоріи воздержанія. Это въ послѣдствіи выяснится еще рѣзче, и притомъ какъ разъ на собственной теоріи самого *Маршалля*. Дѣло въ томъ, что въ этой книгѣ мнѣ придется подвести теорію *Маршалля*, богатую всѣми детальными выводами о роли производительности, подъ тотъ же общій теоретическій типъ теоріи воздержанія, а въ критикѣ мнѣ придется противъ нея приводить тѣ же аргументы, и притомъ всѣ до одного, которые мнѣ приходилось въ свое время приводить противъ теоріи воздержанія его предшественниковъ, которую я, по мнѣнію проф. *Маршалля*, изложилъ неполно и односторонне.

Такимъ образомъ, *Маршалль* ошибается, полагая, что я приписываю теоріямъ процента, развивающимъ особенно рѣзко факторъ предложенія, пробѣлъ по отношенію къ фактору спроса, и что поэтому я примѣнилъ къ нимъ слишкомъ строгую критику.

Затѣмъ проф. *Маршалль* упрекаетъ меня въ томъ, что въ теоріяхъ, принимающихъ во вниманіе исключительно только производительность капитала, я не упомянулъ также о соображеніяхъ по поводу „фактора предложенія“, и притомъ выразительно указываетъ, какъ на объектъ такого упрека, на „наивныя теоріи производительности“; по поводу этого я могу замѣтить слѣдующее. Большинство изъ упомянутыхъ мною писателей этой группы, притомъ самыхъ выдающихся (какъ, напр., *Ж. Б. Сэ*, *Рошеръ*, *Росси*, *Леруа-Болье*, *Ковзэ* и др.), въ дѣйствительности опредѣленно затрагиваютъ „факторъ предложенія“—и это было мною также установлено не менѣе опредѣленно въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ, напр., по отношенію къ важной теоріи *Ж. Б. Сэ* даже довольно обстоятельно. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у теоретика производительности можно было найти только малѣйшее указаніе на сопутствующій мотивъ жертвы и т. п., я всякій разъ старался добросовѣстно отмѣтить это указаніе (какъ напр. по отношенію къ *Мальтусу*). Конечно, чѣмъ опредѣленнѣе были эти указанія на сопутствующую жертву пользованія капиталомъ, „воздержанія“, труда сбереженія и т. п., тѣмъ менѣе они сливались по существу въ одно гармоническое или хотя-бы только связанное цѣлое съ—обыкновенно весьма опредѣленнымъ—указаніемъ на „самостоятельную“, отнюдь не вытекающую только изъ производящаго капиталъ труда, производительную силу капитала, „создающую цѣнность“, и поэтому я отнесъ большинство этихъ писателей къ эклектикамъ, опредѣленно при-

нимая во вниманіе ихъ замѣчанія, высказанныя по поводу фактора предложенія.

Другіе же „наивные“ теоретики производительности подчеркиваютъ только самостоятельную производительную силу капитала, ни словомъ не указывая на вліяніе „prospectiveness“ или какой-либо другой жертвы. Неужели я долженъ былъ или имѣть право вложить въ ихъ ученіе сознательныя теоретическія соображенія относительно этихъ мотивовъ? Я долженъ замѣтить, что говорю не только о совершенно очевидномъ фактѣ, который былъ уже извѣстенъ *Адаму Смиту*, что капиталистическое производство приноситъ свои плоды только въ будущемъ, или, что капиталъ можетъ быть образованъ или увеличенъ только путемъ сбереженія,—я говорю здѣсь о сознательномъ положеніи, будто при образованіи процента на капиталъ на ряду съ производительностью капитала и помимо таковой имѣетъ рѣшающее значеніе *только этотъ моментъ*. А если это такъ, то долженъ-ли я былъ приписать имъ это положеніе только въ томъ общемъ, неопредѣленномъ 'смыслѣ, что „prospectiveness“ вообще должна находиться въ извѣстной связи съ происхожденіемъ процента на капиталъ, или же въ смыслѣ уже разработанныхъ данныхъ объ опредѣленной жертвѣ, заключающейся въ этой „prospectiveness“, о жертвѣ, заключающейся въ самостоятельныхъ пользованіяхъ, въ воздержаніи, въ трудѣ сбереженія и т. п.? И въ такомъ случаѣ, какую же изъ этихъ довольно разнообразныхъ жертвъ мнѣ слѣдовало приписывать?

Я полагаю, что если-бы я поступилъ иначе, чѣмъ я поступилъ на самомъ дѣлѣ, то я измѣнилъ-бы исторіи и оказался-бы вмѣстѣ съ тѣмъ несправедливымъ по отношенію къ разбираемымъ мною писателямъ. Я измѣнилъ-бы исторіи, такъ какъ я убѣжденъ, что извѣстное направленіе, нѣкогда весьма популярное, въ настоящее же время совершенно устарѣвшее, дѣйствительно считало проблему процента разрѣшенной ссылкой на существованіе самостоятельной силы капитала, создающей цѣнность, направленіе, которое стоитъ по срединѣ между старымъ ученіемъ фізіократовъ о привилегированной созидающей цѣнности силъ земли и болѣе новымъ, но, какъ я полагаю, теперь уже отживающимъ свой вѣкъ, предубѣжденіемъ социалистовъ о привилегированной созидающей цѣнности силъ труда, и которое по существу родственно, какъ тому, такъ и другому.

Съ другой стороны, я поневолѣ оказался бы несправедливымъ по отношенію къ самимъ писателямъ, если бы я

приписывалъ имъ невысказанные ими мотивы, такъ какъ въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы порицать ихъ за вещи, которыхъ они не высказали, и о которыхъ они по всей вѣроятности и не думали. А если бы я имъ приписалъ только общія основныя соображенія о „prospectiveness“, то я долженъ былъ бы немедленно возразить имъ, что такія соображенія не представляютъ собою даже попытки дѣйствительнаго объясненія. Въмѣсто невѣрной, но все же характерной, соотвѣтствующей духу времени, дѣйствительной теоріи я долженъ былъ бы приписать имъ неопредѣленную, совершенно не постигающую трудностей и сущности проблемы и, собственно говоря, не представляющей собою никакой теоріи точку зрѣнія,—и я не знаю, назвалъ ли бы это критикъ болѣе глубокимъ пониманіемъ. А приписывать этимъ умалчивающимъ писателямъ законченную, въ предѣлахъ указанной рамки, дѣйствительную теорію, какъ, напр., законченную теорію пользования, теорію воздержанія или же трудовую теорію, очевидно, было бы совершенно нелѣпымъ. Это означало бы не только заполнять по собственной фантазіи незаполненный авторомъ листъ—это означало бы вставлять плодъ своей собственной фантазіи туда, гдѣ самъ авторъ, по всей вѣроятности, не видѣлъ даже никакихъ пробѣловъ. И къ тому же каждую произвольно созданную теорію пользования, трудовую теорію или теорію воздержанія—даже если бы она была полной и вѣрной копіей тщательно разработанной теоріи *Маршалля*—я все же долженъ былъ бы подвергнуть критикѣ, такъ какъ я вѣдь ни одно изъ этихъ объясненій не могу считать удовлетворительнымъ. Ясно, какъ на ладони, что тогда я вполнѣ справедливо заслужилъ бы всѣ тѣ упреки, которые теперь несправедливо дѣлаютъ мнѣ мр. *Уокеръ* и проф. *Маршалль*, ибо нѣтъ ничего, что справедливѣе заслуживало бы названія невѣрнаго или пристрастнаго изложенія исторіи литературы, чѣмъ обвиненіе писателя въ ошибкахъ, на существованіе которыхъ въ его произведеніяхъ мы не находимъ ни малѣйшихъ указаній.

Въ общемъ, я думаю, что проф. *Маршалль* не требовалъ бы отъ меня ничего подобнаго, если бы удивительная ясность и выпуклость, которыми обыкновенно отличаются планъ и изложеніе его теоретическихъ разсужденій, не измѣнили ему, къ сожалѣнію, какъ разъ въ той части его замѣчательнаго сочиненія, которая посвящена проблемѣ капитала. Какъ я уже замѣтилъ выше, источникомъ его отличныхъ отъ моихъ и, по моему мнѣнію, несостоятель-

ныхъ взглядовъ относительно исторіи теоріи является недостаточно ясное и недостаточно глубокое пониманіе проблемы имъ самимъ. Онъ не сознаетъ ея трудности, не замѣчаетъ различныхъ существенныхъ и логическихъ препятствій, которыя мѣшаютъ удовлетворительному ея разрѣшенію—это обнаружится еще въ собственной положительной теоріи процента *Маршалля*, о которой читатель будетъ имѣть возможность судить въ дальнѣйшей части этого сочиненія—и онъ склоненъ поэтому считать излишней шепетильностью стремленія, направленныя на указаніе и преодоленіе этихъ препятствій, и при томъ чуть ли не упрекать въ таковыхъ, и даже историка-критика. Какъ ни дорожу я обыкновенно согласіемъ съ уважаемымъ авторомъ „Principles of Economics“, все же я думаю, что разбираемую проблему буду понимать правильно только тогда, если буду понимать ее иначе, чѣмъ мр. *Уокеръ* и проф. *Маршалль*.

Я przygotowляю уже новое изданіе второго тома этого сочиненія, содержащаго „положительную теорію капитала“. Надѣюсь, что мнѣ удастся выпустить его вскорѣ послѣ настоящаго перваго тома.

Авторъ.

Вѣна, августъ 1900 г.

Предисловіе

къ первому изданію.

Я едва ли долженъ привести что-либо въ оправданіе своего намѣренія изложить теорію „капитала и процента“ при современномъ состояніи экономическоѣ науки по этому вопросу. Никто не сомнѣвается въ томъ, что этотъ предметъ принадлежитъ къ самымъ важнымъ предметамъ, изслѣдованіемъ которыхъ занимается наша наука; никто также не сомнѣвается въ томъ, что этотъ предметъ принадлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ самымъ труднымъ; и, къ сожалѣнію, никто также не можетъ сомнѣваться въ томъ, что этотъ предметъ принадлежитъ къ тѣмъ предметамъ нашей науки, которые пока разработаны менѣе удовлетворительно, чѣмъ всѣ остальные. Я не могъ бы назвать ни *одного* основного понятія, начиная съ понятія самого капитала, и ни одного важнаго положенія о капиталѣ, которое не возбуждало бы больше споровъ и разногласій; по поводу самыхъ важныхъ вопросовъ взгляды до того расходятся, что поразительное множество ученій можетъ быть превзойдено развѣ только еще болѣе поразительными размѣрами той пропасти, которая лежитъ между ними. Я считалъ своимъ правомъ и обязанностью, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать достиженію всеобъединяющей истины.

Соображенія цѣлесообразности побудили меня раздѣлить мое сочиненіе на двѣ самостоятельныхъ части. Первая, находящаяся въ рукахъ читателя, содержитъ „исторію и критику теорій процента на капиталъ“; вторая, которую я надѣюсь кончить въ недалекомъ будущемъ, дастъ „положительную теорію капитала“.

Я не сразу и не охотно рѣшился на такое подраздѣленіе. Исторія литературы принадлежитъ къ самому неблагоприятному матеріалу научнаго изслѣдованія. Трудности изслѣдованія возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ расширяется его область, по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ число отдѣльныхъ теорій, которыя приходится развивать, и изъ которыхъ каж-

дая ставить читателю трудно выполняемую задачу—вникать въ сущность мыслей даннаго автора, которая черезъ минуту опять приходится оставить для того, чтобы перейти къ точкѣ зрѣнія другого писателя; трудности, наконецъ, возрастають тѣмъ болѣе, чѣмъ основательнѣе и добросовѣстнѣе историкъ теоріи считаетъ нужнымъ изложить именно эти индивидуальныя точки зрѣнія. Ни въ одномъ изъ этихъ отношеній исторія теоріи процента на капиталъ не доставляетъ писателю облегченія, наоборотъ, она въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ порождаетъ новыя затрудненія.

Однако, несмотря на все это, я считалъ своей обязанностью взять на себя задачу составленія связной критической исторіи теоріи процента на капиталъ. Достаточнымъ побудительнымъ мотивомъ—я думаю—могло бы уже послужить то внѣшнее обстоятельство, что въ нашей литературѣ, вообще богатой изслѣдованіями исторіи теоріи, какъ это ни странно, совершенно еще нѣтъ такового по вопросу о процентѣ на капиталъ. Для меня, однако, рѣшающее значеніе имѣли иные, внутренніе мотивы.

Среди отдѣльныхъ вопросовъ, относящихся къ ученію о капиталѣ, нѣтъ вопроса болѣе важнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе запутаннаго, чѣмъ вопросъ о процентѣ на капиталъ. При желаніи легко можно насчитать цѣлую дюжину, даже дюжины двѣ различныхъ теорій процента. Неужели же я долженъ былъ прямо-таки прибавить къ уже существующимъ 24 теоріямъ 25-ую? Такой пріемъ, по всей вѣроятности, содѣйствовалъ бы не разъясненію, а только увеличенію хаоса ученій. Настоящее положеніе вещей, на мой взглядъ, больше всего требовало глубокаго и обширнаго критическаго обзора огромнаго существующаго матеріала. Такіе обзоры до сихъ поръ давались только въ весьма неудовлетворительномъ видѣ. Не слѣдуетъ, однако, полагать, чтобы совершенно не было критическихъ работъ; онѣ существовали, но содѣйствовали скорѣе ожесточенію спора, чѣмъ его разрѣшенію. Я здѣсь не буду останавливаться на причинахъ этого явленія; отмѣчу только, что изъ многочисленныхъ причинъ, которыя препятствовали плодотворному разрѣшенію спора, на мой взглядъ, наиболѣе важное значеніе имѣють двѣ: во-первыхъ, преобладаніе надъ чисто-теоретическимъ мотивомъ мотива социальнаго-политическаго, который со страстью выдвигался на первый планъ, и, во-вторыхъ, преобладаніе въ новѣйшей политической экономіи историческаго направленія, понизившаго прежде всего интересъ,

а затѣмъ и способности къ разрѣшенію строго-теоретическихъ проблемъ.

Разъ, на основаніи уважительныхъ причинъ, я рѣшилъ удѣлить особенное вниманіе критикѣ теорій процента на капиталъ, то для меня сейчасъ же стало яснымъ, что это можетъ быть сдѣлано только въ отдѣльномъ сочиненіи. Для того, чтобы критика была болѣе или менѣе обстоятельна и полна,—неполный поверхностный разборъ не привелъ бы къ желанной цѣли—я долженъ былъ, въ виду неимовернаго объема литературнаго матеріала по разбираемому вопросу, расширить размѣръ критическихъ изслѣдованій настолько, что я никакъ уже не могъ включить ихъ въ догматическое изложеніе. Мнѣ показалось также вполне естественнымъ обратить подробную критику въ „исторію и критику“ теорій процента на капиталъ: незначительная затрата лишняго труда съ избыткомъ должна вознаградиться той опорой, какой является для критическаго пониманія присоединенный историческій элементъ.

О томъ, какъ я понималъ свою задачу, мнѣ придется сказать только нѣсколько словъ. Послѣ сказаннаго ясно, что наиболѣе существенной была для меня критическая сторона задачи. Тѣмъ не менѣе я полагаю, что мнѣ не придется также услышать упрека, будто я не обратилъ достаточнаго вниманія на историческую сторону. Правда, я не смѣю предполагать, что я далъ историческій матеріалъ совершенно безъ пробѣловъ, уже по той причинѣ, что я почти совершенно былъ лишенъ всякой опоры въ видѣ предварительныхъ работъ предшественниковъ. Сравнительно самую большую услугу оказали мнѣ прекрасныя работы *Эндеманна* объ ученіи о процентѣ канонистовъ, которыя, однако, обнимаютъ собою весьма небольшую область, и ученіе *Пирсторффа* о предпринимательской прибыли, историческій матеріалъ котораго имѣетъ, правда, также очень мало общаго съ предметомъ моихъ изслѣдованій. Такимъ образомъ, по отношенію къ огромному большинству вопросовъ, касающихся моего предмета, я долженъ былъ начать съ самаго начала. Тѣмъ не менѣе я надѣюсь, что существующіе пробѣлы будутъ касаться только деталей, а не общей картины развитія: можетъ быть, будетъ пропущенъ тотъ или другой авторъ, но врядъ ли будетъ пропущено какое-нибудь теоретическое направленіе или дѣйствительно характерный представитель таковаго.

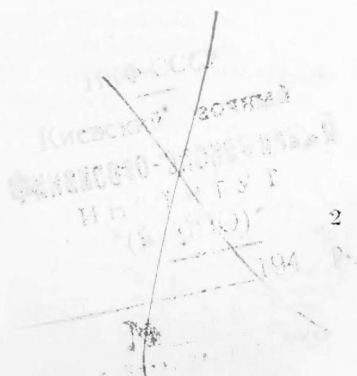
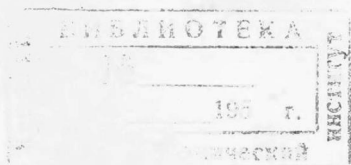
Послѣ серьезныхъ размышленій, я часто и довольно обстоятельно вдавался въ теоретическія детали, какъ въ истори-

ческомъ изложеніи, такъ и въ критическомъ изслѣдованіи. Я притомъ прекрасно знаю, что этимъ я не мало увеличилъ и безъ того уже значительныя затрудненія, вытекающія для изложенія изъ самой природы даннаго вопроса. Тѣмъ не менѣе я врядъ ли долженъ оправдываться передъ знатоками за такое отношеніе къ предмету. Знатокамъ извѣстно, что въ физиогноміи ученія весьма часто мелкія черты бывають самыя характерныя; имъ извѣстно, что критику никогда не удастся убѣдить противника, если онъ уже характеромъ своей критики не дастъ ему гарантіи въ томъ, что онъ знаетъ, понимаетъ и оцѣниваетъ разсматриваемое ученіе во всемъ его объемѣ; имъ извѣстно, что величайшимъ недостаткомъ критика являются общія поверхностныя сужденія о неточно изложенныхъ ученіяхъ.

Тотъ, кто критикуетъ, долженъ, въ свою очередь, ожидать критическихъ нападеній отъ другихъ. Я не боюсь такихъ нападеній, а ожидаю ихъ и желаю. Каковъ бы ни былъ исходъ — благоприятный или неблагоприятный, — во всякомъ случаѣ эти критическія сужденія содѣйствуютъ достиженію истины, которую я, говоря по совѣсти, искренно искалъ.

Авторъ.

Иннсбрукъ, май 1884 г.

I.

Проблема процента на капиталъ.

Кто владѣеть капиталомъ, тотъ обыкновенно въ состояніи извлекать изъ него постоянный чистый доходъ, который въ наукѣ носить названіе ренты или процента на капиталъ, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова.

Этотъ доходъ отличается нѣкоторыми замѣчательными особенностями.

Онъ возникаетъ независимо отъ какой-бы то ни было личной дѣятельности капиталиста; онъ поступаетъ къ капиталисту и въ томъ случаѣ, если тотъ не ударилъ даже пальцемъ о палецъ для его созданія, и кажется, что доходъ этотъ въ буквальномъ смыслѣ слова производится *капиталомъ* или—по старинному сравненію—*рождается* имъ. Онъ получается отъ всякаго капитала, все равно изъ какихъ бы благъ онъ ни состоялъ: изъ естественно-размножающихся или неразмножающихся, изъ потребляемыхъ или сохраняющихся, изъ замѣнимыхъ или незамѣнимыхъ, изъ денегъ или товаровъ. Онъ поступаетъ, наконецъ, не уничтожая никогда капитала, отъ котораго онъ получается, и не подчиняясь никакимъ предѣламъ времени; онъ способенъ къ вѣчному существованію, если только вообще можно такъ выразиться про земные предметы.

Такимъ образомъ, явленіе процента въ его цѣломъ представляетъ замѣчательную картину вѣчно-существующаго, неистощающагося созиданія благъ безжизненнымъ капиталомъ. И это замѣчательное явленіе выступаетъ въ хозяйственной жизни съ такой планомѣрностью, что нерѣдко даже самое понятіе „капитала“ основывали на немъ. Такъ, *Германнъ* въ своихъ „*Staatswirtschaftlichen Untersuchungen*“ представляетъ капиталъ, какъ имущество, которое, подобно вѣчно новому благу, постоянно допускаетъ пользованіе, не теряя при этомъ своей мѣновой цѣнности ¹⁾.

¹⁾ 2-е изд., стр. 111.

Откуда и почему получает капиталист этот не-уничтожающийся и нетрудовой доход? Эти слова и заключаютъ въ себѣ теоретическую проблему процента на капиталъ. Она будетъ разрѣшена тогда, когда описанный фактъ происхожденія процента со всѣми его существенными особенностями будетъ вполне объясненъ, вполне, какъ по объему, такъ и по глубинѣ—вполнѣ по объему, когда всѣ формы и разновидности полученія процента найдутъ себѣ объясненіе, вполнѣ по глубинѣ, когда это объясненіе будетъ доведено безъ пробѣловъ до предѣла политико-экономическаго изслѣдованія; другими словами, когда это объясненіе будетъ сведено къ тѣмъ окончательнымъ, простымъ и всѣми признаннымъ фактамъ, на которыхъ вообще кончается политико-экономическое объясненіе, на которые политическая экономія опирается, дальше ихъ не доказывая, и дальнѣйшее объясненіе которыхъ, если оно требуется, выпадаетъ на долю смежныхъ съ ней наукъ, въ особенности психологіи и естествознанія.

Отъ теоретической проблемы процента на капиталъ нужно строго отличать проблему социально-политическую. Теоретическая проблема ставитъ вопросъ—почему *существуетъ* процентъ на капиталъ, социально-политическая—*долженъ* ли процентъ существовать, справедливъ ли онъ, законенъ, правомѣренъ, и долженъ ли онъ поэтому быть сохраненъ, преобразованъ или же совершенно уничтоженъ. Теоретическая проблема интересуется исключительно причинами процента на капиталъ, социально-политическая—преимущественно его слѣдствіями. Теоретическая проблема заботится объ истинѣ, социально-политическая обращаетъ прежде всего вниманіе на цѣлесообразность.

Какъ различна природа обѣихъ проблемъ, такъ различенъ и характеръ аргументовъ, къ которымъ приходится прибѣгать при разрѣшеніи каждой изъ нихъ, и такъ же различна убѣдительная сила этихъ аргументовъ. Въ сферѣ первой проблемы имѣютъ рѣшающее значеніе исключительно соображенія истины, во второй—преимущественно соображенія выгоды. При изслѣдованіи вопроса: „почему существуетъ процентъ на капиталъ?“—можетъ быть найдена только *одна* истина, которую долженъ признать всякій, поскольку для него обязательны законы мышленія; между тѣмъ рѣшеніе вопроса, является-ли процентъ справедливымъ, законнымъ или полезнымъ, остается по необходимости въ значительной степени дѣломъ взгляда; даже самая основательная аргументація можетъ, правда, убѣдить многихъ

думающихъ иначе, но никогда не будетъ въ состояніи убѣдить всѣхъ иначе думающихъ. Если, напримѣръ, кто-либо посредствомъ наиболѣе убѣдительныхъ доводовъ сумѣетъ доказать, что уничтоженіе процента на капиталъ неизбѣжно должно повести за собою регрессъ матеріальнаго благосостоянія народовъ, то онъ еще не достигъ побѣды надъ тѣмъ, кто, со своей субъективной точки зрѣнія, вообще ставитъ ни во что матеріальное благосостояніе, можетъ быть потому, что земное существованіе—мигъ въ сравненіи съ вѣчностью, и что матеріальное богатство, которое увеличивается, благодаря проценту на капиталъ, скорѣе задерживаетъ достиженіе вѣчныхъ цѣлей существованія человѣка, чѣмъ способствуетъ таковому.

Осторожность требуетъ и требуетъ настойчиво, чтобы объ эти проблемы, такъ существенно различныя, были также отличаемы и въ научномъ изслѣдованіи. Правда, объ онѣ неоспоримо стоятъ въ близкой связи одна съ другой. И мнѣ кажется, что вѣрное рѣшеніе вопроса, справедливѣ ли процентъ или нѣтъ, ничѣмъ инымъ не можетъ быть подвинуто впередъ успѣшнѣе, чѣмъ точнымъ изслѣдованіемъ причинъ, которыя порождаютъ процентъ. Но эта зависимость даетъ намъ только право устанавливать связь между результатами изслѣдованія обѣихъ проблемъ, но не даетъ намъ права смѣшивать самое изслѣдованіе.

Такое смѣшеніе можетъ оказать только вредное вліяніе на правильное разрѣшеніе обѣихъ проблемъ. Причинъ этого нѣсколько. Съ одной стороны, при изслѣдованіи соціально-политической проблемы не могутъ не оказывать вліянія всевозможныя желанія, склонности, страсти, которыя, если объ проблемы будутъ разсматриваемы одновременно, могутъ попасть также въ теоретическую часть нашего изслѣдованія и здѣсь, благодаря своей вѣскости и убѣдительной силѣ, дать перевѣсъ одной чашкѣ вѣсовъ, можетъ быть, какъ разъ той, которая могла оказаться болѣе легкой, если бы были взвѣшены *однѣ только причины*. Чему охотно вѣрятъ — гласитъ старинная правдивая поговорка — тому вѣрятъ легко. Но если разрѣшеніе теоретической проблемы процента на капиталъ окажется ложнымъ, то, въ зависимости отъ этого, будетъ также, конечно, нарушена и правильность практическо-политическихъ сужденій.

Затѣмъ, то же обстоятельство представляетъ постоянную опасность, чтобы аргументы, сами по себѣ правильные, не были использованы неправильно. Кто не различаетъ или даже смѣшиваетъ объ эти проблемы и на основаніи со-

вмѣстнаго ихъ изслѣдованія дѣлаеть общій выводъ, тотъ легко будетъ смѣшивать обѣ группы аргументовъ, и каждый изъ нихъ будетъ, такимъ образомъ, оказывать вліяніе на *совмѣстное* рѣшеніе обѣихъ проблемъ. Иными словами, такой изслѣдователь будетъ судить о причинахъ появленія процента, руководствуясь соображеніями цѣлесообразности, что безусловно вредно, а о желательности существованія процента на капиталъ будетъ судить, руководствуясь непосредственно чисто теоретическими соображеніями, что иногда тоже можетъ оказаться вреднымъ. Такъ, напримѣръ, при смѣшеніи обѣихъ проблемъ, легко можетъ случиться, что кто-либо, видя, что существованіе процента на капиталъ оказываетъ благотворное вліяніе на народное производство, будетъ всего болѣе склоненъ согласиться съ теоріей, усматривающей причину процента въ производительной силѣ капитала; или можетъ случиться, что кто-либо, пришедши къ теоретическому убѣжденію, что процентъ на капиталъ обязанъ своимъ происхожденіемъ вычету изъ заработной платы, обусловленному борьбой между капиталомъ и трудомъ, будетъ осуждать существованіе процента только на основаніи этого, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, и требовать совершеннаго уничтоженія процента. Однако, первое такъ же необосновано, какъ и второе. То обстоятельство, оказываетъ ли существованіе процента полезное или вредное вліяніе на народно-хозяйственное производство, не имѣетъ абсолютно ничего общаго съ вопросомъ, почему процентъ существуетъ, а опредѣленіе источника процента на капиталъ не можетъ само по себѣ разрѣшать вопросъ, долженъ ли процентъ на капиталъ быть сохраненъ или уничтоженъ. Какой-бы ни былъ источникъ процента, будь онъ даже довольно сомнительной чистоты,—мы можемъ высказаться за уничтоженіе процента только постольку, поскольку это требуется интересами народнаго блага.

Необходимость различать обѣ эти по существу различныя проблемы въ научномъ изслѣдованіи многими писателями оставлялась безъ вниманія. Несмотря на то, что это обстоятельство служило источникомъ многихъ ошибокъ, недоразумѣній и предрассудковъ, мы едва ли имѣемъ право быть имъ недовольными: практическая проблема процента служила причиной введенія въ научное изслѣдованіе теоретической проблемы. Правда, вслѣдствіе тѣсной связи обѣихъ проблемъ, теоретическая проблема должна была изслѣдоваться при обстоятельствахъ, которыя не были благоприятны для выясненія истины; но не будь указанной связи, проблема

эта не была бы совершенно поставлена очень многими даровитыми писателями. Тѣмъ важнѣе поэтому воспользоваться для будущаго такими опытами прошлаго.

Я преднамѣренно ограничиваю свою задачу и желалъ бы дать на послѣдующихъ страницахъ критическую исторію *теоретической* проблемы процента. Я постараюсь изобразить въ ихъ историческомъ развитіи различныя научныя попытки объясненія сущности и происхожденія процента на капиталъ и подвергнуть критическому изслѣдованію правильность различныхъ взглядовъ по этому вопросу. Сужденія же о томъ, справедливъ ли, полезенъ и законенъ процентъ, я буду вводить въ кругъ моего изложенія лишь постольку, поскольку это будетъ необходимо для того, чтобы извлечь находящееся въ такихъ сужденіяхъ теоретическое ядро.

Несмотря на это самоограниченіе, я не буду ощущать недостатка въ матеріалѣ для моей критической исторіи—ни для исторіи ни для критики. Дѣло въ томъ, что по вопросу о процентѣ на капиталъ накопилась литература, объема которой достигли лишь немногія отдѣльныя вѣтви политической экономіи, а разнообразія проявившихся точекъ зрѣнія—ни одна. Не одна, не двѣ и не три, а добрая дюжина теорій процента служатъ лучшимъ доказательствомъ того усердія, съ которымъ экономисты обращались къ изслѣдованію этой замѣчательной проблемы.

Были ли эти попытки такъ же удачны, какъ и усердны—вотъ вопросъ, который небезосновательно можетъ возбудить сомнѣніе: дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ многочисленныхъ точекъ зрѣнія, которыя обнаружались по поводу сущности и происхожденія процента на капиталъ, ни одна не была принята всѣми. Несмотря на то, что каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія, естественно, казалась вполне убѣдительною извѣстному, иногда большому, иногда меньшему кругу лицъ, все-же ни одна изъ нихъ не была настолько убѣдительна, чтобы быть принятой всѣми. Но и тѣ теоріи, которыя смогли привлечь на свою сторону только незначительное меньшинство, оказались достаточно живучими, чтобы не позволить себя совершенно вытѣснить. И, благодаря этому, современное состояніе теорій процента на капиталъ представляетъ собой пеструю картину всевозможнѣйшихъ мнѣній, изъ которыхъ ни одно не въ состояніи побѣдить другихъ, и ни одно не признаетъ себя побѣжденнымъ, но уже самая многочисленность которыхъ свидѣтельствуетъ безпристрастному человѣку, какая масса ошибокъ должна по необходимости заключаться въ нихъ.

Быть можетъ, мнѣ будетъ суждено слѣдующими страницами хотъ на нѣсколько шаговъ подвинуть впередъ дѣло объединенія научныхъ мнѣній въ этой области, отъ котораго теперь мы еще очень далеки.

Прежде чѣмъ приступить къ моей настоящей задачѣ, я долженъ предварительно вкратцѣ ознакомить читателей съ нѣкоторыми понятіями и терминами, которыми я неоднократно буду пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Изъ многихъ значеній, которыя придаютъ слову „капиталь“ въ столь, къ сожалѣнію, неодинаковой терминологіи нашей науки, я буду придерживаться въ области моего настоящаго критическаго изслѣдованія того значенія, согласно которому капиталъ означаетъ *совокупность произведенныхъ человекомъ средствъ производства*, т. е. совокупность благъ, возникшихъ вслѣдствіе предыдущаго производства и должнствующихъ притомъ служить не для непосредственнаго употребленія, а для производства новыхъ благъ. Въ понятія „капитала“ стоятъ поэтому для насъ предметы непосредственнаго употребленія, съ одной стороны, и вся (непроизведенная человекомъ) почва—съ другой.

Приведу пока нѣсколько соображеній цѣлесообразности въ пользу именно такого пониманія термина „капиталь“. Во-первыхъ, при такомъ пониманіи я остаюсь въ согласіи съ обычнымъ словоупотребленіемъ, по крайней мѣрѣ, относительнаго большинства писателей, взгляды которыхъ я долженъ буду изобразить, и, во-вторыхъ, это ограниченіе понятія „капитала“ лучше всего отвѣчаетъ предѣламъ проблемы, которой мы намѣрены заниматься. Мы вѣдь намѣрены изслѣдовать не теорію земельной ренты, а только теоретическое объясненіе того возникновенія благъ, которое обусловливается другими благами, кромѣ почвы.—Болѣе подробное развитіе понятія „капитала“ я оставляю для второй, догматической части этого сочиненія.

Въ общемъ понятіи „капитала“ нужно, далѣе, какъ извѣстно, отличать два отѣнка: народо-(соціально)-хозяйственнаго понятіе „капитала“, которое обнимаетъ средства производства народо-хозяйственнаго дохода и только эти средства; и частно-хозяйственное понятіе „капитала“, которое обнимаетъ средства частно-хозяйственнаго дохода, т. е. тѣ блага, посредствомъ которыхъ какое-либо лицо пріобрѣтаетъ блага для себя, безразлично, будутъ ли они, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, средствами производства или потреб-

ленія или благами производства или потребления. Такъ, на-
 примѣръ, книги библіотеки для чтенія, принадлежащей част-
 ному лицу, будутъ капиталомъ, съ точки зрѣнія частнаго,
 но не народнаго хозяйства. Объемъ народо-хозяйственнаго
 капитала данной страны, если не считать тѣхъ немногихъ
 предметовъ непосредственнаго употребленія, которые уступ-
 лены за вознагражденіе другимъ странамъ, тождественъ съ
произведенными въ странѣ средствами производства. Теорія
 процента имѣетъ дѣло съ обоими оттѣнками понятія „ка-
 пitala“. Она должна бы собственно относиться преимуще-
 ственно къ частно-хозяйственному понятію, такъ какъ про-
 центъ является формой частно-хозяйственнаго дохода; особыя
 обстоятельства сдѣлали, однако, то, что въ большинствѣ
 изслѣдованій проблемы процента все-таки на первомъ планѣ
 стоитъ народо-хозяйственное понятіе. Мы будемъ поэтому
 обыкновенно имѣть въ виду послѣднее значеніе понятія „ка-
 пitala“, если будемъ употреблять это слово безъ дальнѣй-
 шаго объясненія.

Доходъ, получаемый на капиталъ, я буду называть *рентой*
 или, обыченѣе, *процентомъ* на капиталъ, въ болѣе широкомъ
 значеніи этого слова.

Процентъ на капиталъ также выступаетъ въ нѣсколь-
 кихъ формахъ.

Прежде всего нужно отличать валовой процентъ на ка-
 пitalъ отъ чистаго. Первый представляетъ собою смѣсь
 разнородныхъ доходовъ, которые только съ внѣшней сто-
 роны образуютъ цѣлое. Онъ обнимаетъ валовой доходъ отъ
 примѣненія капитала, въ которомъ на ряду съ настоящимъ
 процентомъ на капиталъ содержится обыкновенно часть,
 идущая на возстановленіе сношенной части капитала, на
 всевозможныя текущія издержки, расходы по ремонту, преміи
 за рискъ и т. п. Такъ, на примѣръ, наемная плата, которую
 получаетъ владѣлецъ дома отъ отдачи въ наемъ квартиръ,
 является валовымъ процентомъ, и, для того, чтобы получить
 содержащейся въ немъ настоящей процентъ на капиталъ,
 должно изъ дохода домовладѣльца вычесть извѣстную сумму
 на текущія издержки по содержанію и ремонту ветшающаго
 съ теченіемъ времени дома.—Чистый процентъ и служить
 именно этимъ настоящимъ доходомъ на капиталъ, каковымъ
 онъ является послѣ вычета разнородныхъ элементовъ вало-
 вого дохода. Теорія процента имѣетъ, естественно, дѣло съ
 объясненіемъ чистаго процента на капиталъ.

Затѣмъ слѣдуетъ отличать *первичный* (ursprüngliche) про-
 центъ на капиталъ отъ *договорнаго* (ausbedungene) или *ссуднаго*.

Въ рукахъ челоуѣка, употребляющаго капиталъ на производство, польза, приносимая капиталомъ, проявляется въ томъ, что совокупность произведенныхъ при помощи капитала продуктовъ имѣеть обыкновенно большую цѣнность, чѣмъ совокупность благъ, затраченныхъ на ихъ производство. Излишекъ цѣнности и составляетъ *доходъ на капиталъ* или *первичный* процентъ на капиталъ, какъ мы и будемъ его называть.

Очень часто случается, что владѣлецъ капиталовъ не желаетъ лично получать первичный процентъ, а предпочитаетъ предоставить временное пользованіе капиталомъ другому лицу за извѣстное вознагражденіе. Это вознагражденіе носитъ въ обыденной рѣчи различныя названія. Оно называется наемной платой или арендой, если предоставленный капиталъ состоитъ изъ постоянныхъ благъ. Оно называется ссуднымъ процентомъ, если капиталъ состоитъ изъ благъ потребляемыхъ или замѣнимыхъ. Всѣ эти разновидности можно подвести подъ общее названіе *договорнаго* или *ссуднаго* процента на капиталъ.

Понятіе „ссуднаго процента“ въ высшей степени просто. Между тѣмъ понятіе „первичнаго процента“ нуждается еще въ болѣе точномъ опредѣленіи. Дѣло въ томъ, что подлежитъ еще справедливому сомнѣнію, долженъ ли доходъ, который предприниматель получаетъ отъ производства, быть отнесенъ на счетъ капитала. Не подлежитъ сомнѣнію, что это невѣрно въ томъ случаѣ, если предприниматель въ то же время былъ и рабочимъ въ своемъ предпріятіи—тогда, безъ сомнѣнія, часть „прибыли“ является простой заработной платой предпринимателя. Но даже, если предприниматель и не принималъ личнаго участія въ производствѣ продукта, то все-таки ему принадлежитъ извѣстная доля труда по управленію, по руководству, по составленію плановъ предпріятія или, по крайней мѣрѣ, по его рѣшенію предоставить свои средства производства въ пользу извѣстнаго предпріятія. Возникаетъ вопросъ, не надо ли, сообразно съ этимъ, различать въ общемъ доходѣ, который получается отъ предпріятія, двѣ части и разсматривать одну, какъ результатъ затраченнаго капитала, какъ доходъ на капиталъ, а другую, какъ результатъ предпринимательской дѣятельности.

Мнѣнія по поводу этого пункта раздѣлились. Большинство экономистовъ проводитъ такое различіе. Они выдѣляютъ изъ общаго дохода предпріятія одну часть, какъ доходъ на капиталъ, другую, какъ доходъ предпринимателя. Конечно, нельзя съ математической точностью установить, въ какой

степени въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ способствовали образованію общаго дохода вещественный факторъ, капиталъ, и въ какой степени личный факторъ, дѣятельность предпринимателя. Поэтому, чтобы все-таки количественно отдѣлить эти части другъ отъ друга, исходятъ изъ обстоятельствъ другого рода. А именно, считаются съ тѣмъ, что обыкновенно приносятъ капиталъ опредѣленной величины въ иныхъ случаяхъ. Это проще всего выражается въ процентной нормѣ, которая получается въ каждой странѣ отъ совершенно-вѣрной отдачи взаймы ссудныхъ капиталовъ. Соотвѣтственно этому, на счетъ капитала относятъ изъ общаго дохода предпринимателя тотъ доходъ, который равнялся бы суммѣ, получаемой при отдачѣ на проценты затраченнаго на предпріятіе капитала по существующей въ данной странѣ процентной нормѣ, а остальной доходъ относятъ на счетъ дѣятельности предпринимателя, какъ предпринимательскій доходъ. Если, напримѣръ, какое-либо предпріятіе, на которое затраченъ капиталъ въ 100,000 гульденовъ, даетъ ежегодный доходъ въ 9000 гульденовъ, а существующая въ данной странѣ процентная норма 5%, то 5000 гульденовъ будутъ разсматривать, какъ доходъ на капиталъ, а остальныя 4000, какъ доходъ предпринимателя.

Другая часть экономистовъ, въ особенности новѣйшихъ, напротивъ, придерживается мнѣнія, что такое дѣленіе не должно имѣть мѣста, и что такъ называемый доходъ предпринимателя однороденъ съ доходомъ на капиталъ ¹⁾.

Рѣшеніе, которое изъ этихъ мнѣній правильно, составляетъ предметъ самостоятельной проблемы немалой трудности, проблемы предпринимательской прибыли.

Трудности, которыя представляетъ избранная нами проблема процента, такъ значительны, что для меня не можетъ быть желательнымъ увеличеніе ихъ посредствомъ осложненія ея другой трудной проблемой. Поэтому я преднамѣренно не буду входить въ изслѣдованіе и разрѣшеніе проблемы предпринимательской прибыли; я буду разсматривать, какъ процентъ на капиталъ только то, относительно процентной природы чего согласны всѣ стороны, а именно—договорный процентъ на капиталъ въ цѣломъ ²⁾, а изъ первичной прибыли предпріятій часть, соотвѣтствующую суммѣ, которую

¹⁾ См. на эту тему, главнымъ образомъ, соч. *Pierstorff'a*: „Die Lehre vom Unternehmergewinn“ Berlin, 1875.

²⁾ Конечно, постольку, поскольку онъ вообще является чистымъ процентомъ.

можно было бы получить отъ отдачи на проценты затраченнаго на предпріятіе капитала при существующей въ данной странѣ процентной нормѣ. Вопросъ же, является ли такъ называемая предпринимательская прибыль прибылью на капиталъ или нѣтъ,—я нарочно оставляю открытымъ. Къ счастью, обстоятельства сложились такъ, что я могу слѣдять это безъ вреда для нашего изслѣдованія: дѣло въ томъ, что тѣ явленія, процентная природа которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, представляютъ собою, въ крайнемъ случаѣ, до такой степени преобладающую часть и характерное ядро этого явленія—процента, что на основаніи ихъ можно съ увѣренностью изслѣдовать суть и происхожденіе послѣдняго, какъ бы ни былъ разрѣшенъ указанный споръ относительно прибыли на капиталъ.

—Я едва ли долженъ особо оговориться, что я нисколько не думаю, будто настоящими короткими замѣчаніями я даль исчерпывающее или хотя бы только достаточное изложеніе основныхъ понятій теоріи капитала: я хотѣлъ только точно установить съ возможно меньшей провололочкой времени употребляемую мною опредѣленную терминологію, на почвѣ которой я буду стоять въ критико-исторической части этой работы.

II.

Древніе философы и канонисты, какъ противники ссуднаго процента.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не только наши свѣдѣнія о предметахъ, возбуждающихъ наше вниманіе, развиваются постепенно, но что и самый интересъ къ нимъ развивается постепенно. Только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ мы можемъ сразу объять взоромъ какое-либо явленіе въ полномъ его объемѣ, въ полномъ составѣ его внутренне-связанныхъ отдѣльныхъ проявленій и сдѣлать его предметомъ одного цѣлостнаго изслѣдованія уже тогда, когда оно впервые возбуждаетъ наше вниманіе. Гораздо чаще случается, что въ самомъ началѣ вызываетъ у насъ размышленіе особенно яркій единичный случай, и только постепенно достигается то, что и менѣе бросающіеся въ глаза члены той же группы явленій признаются однородными и входящими въ составъ постоянно-растущей проблемы. Точно такъ же обстояло дѣло и съ явленіемъ процента на капиталъ. Первоначально онъ сдѣлался предметомъ изслѣдованія только въ одномъ видѣ ссуднаго процента; 2000 лѣтъ занимались изслѣдованіемъ ссуднаго процента, прежде чѣмъ сочли необходимымъ поставить вопросъ: „отчего и откуда происходитъ первичный процентъ на капиталъ?“—и этимъ дали, наконецъ, проблемѣ процента на капиталъ ея полный, естественный объемъ.

Что это шло такимъ путемъ—вполнѣ понятно. Дѣло въ томъ, что въ процентѣ на капиталъ прежде всего вызываетъ наше размышленіе то обстоятельство, что его будто-бы производитъ капиталъ безъ всякаго труда со стороны человѣка. Эта характерная особенность проявляется въ ссудномъ процентѣ, и именно въ ссудномъ процентѣ на естественно-неразрѣжающіяся денежныя суммы въ такой рѣзкой формѣ, что особенность эта, даже безъ систематическаго изслѣдованія, должна была броситься въ глаза и вызвать такое изслѣдованіе. Первичный же процентъ на капиталъ, хотя и

получается не *благодаря* труду предпринимателя-капиталиста, то все-таки *при фдвйствіи* его труда, что при поверхностномъ разсмотрѣніи могло быть легко смѣшиваемо или недостаточно строго различаемо, чтобы можно было уловить странный моментъ нетрудового дохода и въ первичномъ процентѣ на капиталъ. Для того, чтобы это различіе было достигнуто, и соотвѣтственная проблема была понята во всемъ ея объемѣ, долженъ былъ развиться гораздо больше самый капиталъ и его примѣненіе въ хозяйственной жизни, должно было быть положено начало систематическому изслѣдованію источниковъ дохода, изслѣдованію, которое не довольствовало бы тѣмъ, что сразу бросается въ глаза, но умѣло бы пролить свѣтъ также и на болѣе скрытыя и основныя явленія. Но эти условія явились только нѣсколько тысячъ лѣтъ спустя послѣ перваго изумленія челоувѣка по поводу ссуднаго процента, „получаемаго на неразмножающіяся деньги“.

Исторія проблемы процента на капиталъ начинается поэтому очень продолжительной эпохой, когда предметомъ изслѣдованія былъ одинъ только ссудный процентъ или еще болѣе ограниченный процентъ на отдаваемые въ ссуду деньги. Эта эпоха начинается въ глубокой древности и простирается до 18-го столѣтія нашего лѣтосчисленія. Она характеризуется двумя враждующими ученіями: первое, болѣе древнее, отрицательно къ ссудному проценту, другое, болѣе юное, оправдываетъ его. Ходъ этого спора въ высшей степени интересенъ въ культурно-историческомъ отношеніи и имѣлъ также весьма большое вліяніе на практическое развитіе хозяйственныхъ и юридическихъ отношеній, вліяніе, слѣды котораго замѣчаются часто и въ настоящее время. Но для развитія теоретической проблемы процента эта эпоха была мало плодотворна, несмотря на свою продолжительность и большое число писателей, которые занимались этимъ вопросомъ. Спорили не изъ-за центрального вопроса проблемы процента, а, какъ мы увидимъ, изъ-за теоритически-подчиненнаго ему аванпоста. Къ тому же теорія слишкомъ рабски подчинялась практикѣ. Для большинства заинтересованныхъ было важно не столько постичь сущность ссуднаго процента ради нея самой, сколько найти ключъ къ рѣшенію вопроса о справедливости или несправедливости процента, вопроса, который въ силу религіозныхъ, моральныхъ или хозяйственно-политическихъ мотивовъ пріобрѣталъ особое значеніе. Такъ какъ развитіе этого спора совпадаетъ съ развитіемъ схоластики, то естественно, что познание сущности предмета,

изъ-за котораго шелъ споръ, не шло параллельно съ ростомъ аргументовъ за и противъ.

Въ виду этого, въ изображеніи этой первоначальной фазы развитія нашей проблемы я буду очень кратокъ. Я имѣю на это право, тѣмъ болѣе, что объ этой эпохѣ существуютъ многія, отчасти удачныя работы, въ которыхъ читатель можетъ найти гораздо больше деталей, чѣмъ сколько необходимо или хотя-бы только цѣлесообразно привести для нашей задачи ¹⁾. Теперь я обращаюсь къ изложенію того направленія, которое относилось враждебно къ ссудному проценту.

На низшихъ ступеняхъ хозяйственной культуры — какъ справедливо указалъ *Рошеръ* — замѣчается враждебное отношеніе ко взиманію процента. Производственный кредитъ тогда еще мало развитъ, почти всѣ ссуды дѣлаются для непосредственнаго потребленія, чаще всего подъ давленіемъ нужды. Заимодавецъ обыкновенно богатъ, должникъ бѣденъ, и первый выступаетъ въ ненавистномъ свѣтѣ челоуѣка, который, взимая процентъ, выжимаетъ изъ и безъ того незначительнаго состоянія бѣдняка нѣкоторую часть, чтобы увеличить свое и безъ того уже значительное богатство. Неудивительно поэтому, что, какъ античный міръ, который, несмотря на извѣстное хозяйственное процвѣтаніе, никогда не имѣлъ очень развитого кредита, такъ тѣмъ паче и христіанскіе средніе вѣка, которые, послѣ паденія римской культуры, были въ хозяйственномъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, отодвинуты въ состояніе первобыт-

¹⁾ Изъ богатой литературы, разсматривающей явленіе процента и ростовщичества болѣе отдаленныхъ временъ, я укажу слѣдующія сочиненія: *Böhmer*: „Jus ecclesiasticum Protestantium“ *Галле* 1736 г. 5-ый томъ, 19-ый титулъ; *Rizy*: „Ueber Zinstaxen und Wuchergesetze“, Вѣна 1859 года; *Wiskemann*: „Darstellung der in Deutschland zur Zeit der Reformation herrschenden national-ökonomischen Ansichten“ (Preisschriften der fürstl. Jablonowski'schen Gesellschaft, 10-ый томъ, Лейпцигъ, 1861 года); *Laspeyres*: „Geschichte der volkswirtschaftlichen Ansichten der Niederländer“ (томъ XI-ый только что упомянутыхъ Preisschriften, Лейпцигъ 1863 года); *Neumann*: „Geschichte des Wuchers in Deutschland“ *Галле* 1865 года; *Funk*: „Zins und Wucher“, Тюбингенъ 1868 г.; *Knies*: „Der Credit“, 1-ый томъ, Берлинъ 1876 г. р. 328 ислѣд.; особенно же превосходныя работы *Endemann'a* объ ученіи канонистовъ: „Die national-ökonomischen Grundsätze der canonistischen Lehre“. Йена 1863 г. и „Studien in der romanisch-canonistischen Wirtschafts-und Rechtslehre“ 1-ый томъ. Берлинъ 1874, 2-ой томъ 1883 г.

ности, крайне недоброжелательно относились къ ссудному проценту.

Это недоброжелательное отношеніе къ проценту оставило послѣ себя въ каждой изъ этихъ эпохъ литературныя слѣды.

Проявленія враждебнаго отношенія къ проценту античнаго міра немалочисленны, но не имѣютъ большого значенія для историко-догматическаго изслѣдованія. Они состоятъ отчасти изъ множества законодательныхъ актовъ, запрещавшихъ взиманіе процента, изъ которыхъ нѣкоторые относятся къ очень древнему времени ¹⁾, отчасти же изъ болѣе или менѣе случайныхъ отзывать философовъ или философствующихихъ мыслителей.

Законодательное запрещеніе процента можетъ, правда, быть разсматриваемо, какъ выраженіе сильнаго и распространеннаго убѣжденія въ практической нежелательности взиманія процентовъ, но оно врядъ-ли было основано на какой-либо опредѣленной теоріи, по крайней мѣрѣ до насъ она не дошла. Мыслители, философствующіе на эту тему, какъ *Платонъ*, *Аристотель*, оба *Катоны*, *Цицеронъ*, *Сенека*, *Плавтъ* и другіе, касались взиманія процентовъ обыкновенно такъ кратко, что они совершенно не дали теоретическаго обоснованія своего враждебнаго отношенія къ нему; кромѣ того, они часто выражаются объ этомъ въ такой связи, что становится сомнительнымъ, относились-ли они отрицательно ко взиманію процентовъ вслѣдствіе ихъ отрицательнаго отношенія именно къ проценту, или же вслѣдствіе ихъ общаго отрицательнаго отношенія къ увеличенію презираемаго ими богатства ²⁾.

¹⁾ Напр., запрещеніе взиманія процентовъ законами Моисея, которые, однако, запрещали его только по отношенію къ евреямъ же, а не по отношенію къ иностранцамъ: Exodus 22, 25.; Leviticus 25, 35—37; Deuteronomium 23, 19—20.—Въ Римѣ, послѣ того, какъ законы XII таблицъ разрѣшили unciarium foenus, lex Genucia (въ 322 г. до Р. Х.) окончательно запретила взиманіе процентовъ среди римскихъ гражданъ, и это запрещеніе впоследствии было распространено посредствомъ lex Sempronia и lex Gabinia и на socios и на socios и на провинціалами. Сравн. *Knies* о. с. р. 328 и слѣд., а также цитируемыхъ имъ писателей.

²⁾ Я приведу нѣкоторыя изъ чаще всего приводимыхъ цитатъ. *Платонъ*: „De legibus“ V, 742. „Предоставленіе денегъ человѣку, которому не довѣряютъ, или отдача ихъ на проценты не должны имѣть мѣста“. *Аристотель*: *Nikom. Ethik*“. IV, 1 „... тѣ, кто занимаются дѣлами, недостойными свободнаго и образованнаго человѣка,—содержатели публичныхъ домовъ и имъ подобныя, ростовщики, отдающие малыя суммы на большіе проценты,—всѣ они черпаютъ изъ источниковъ,

Одно только мѣсто въ античной литературѣ имѣетъ, по моему мнѣнію, непосредственное догматически-историческое значеніе, такъ какъ оно даетъ возможность судить объ опредѣленномъ взглядѣ автора на хозяйственную сущность процента на капиталъ,—это цитируемое многими мѣсто изъ 1-й книги Политики *Аристотеля*. *Аристотель* говоритъ тамъ: (Ш, 23). „Послѣдняя (т. е. дѣятельность, направленная на приобрѣтеніе имущества) имѣетъ двоякій характеръ: она направлена или на домашнее хозяйство, и въ такомъ случаѣ она необходима и похвальна, или на торговлю, и въ такомъ случаѣ она по справедливости порицается (такъ какъ она не естественна, а основана на обоюдномъ обманѣ). Отсюда ясно, почему такъ презираютъ ростовщичество: въ немъ извлекаютъ доходъ изъ денегъ, послѣднія же употребляются не для той цѣли, ради которой онѣ изобрѣтены. Деньги изобрѣтены для обмѣна товаровъ, процентъ же ихъ увеличиваетъ, откуда онъ и получилъ свое названіе (τόκος), ибо дѣти похожи на своихъ родителей. Процентъ представляетъ собою деньги отъ денегъ, и потому изъ всѣхъ отраслей дохода онъ самый противоестественный“.

Центральная идея этого разсужденія заключается въ слѣдующемъ: деньги по своей природѣ неспособны приносить плоды. Доходъ, который получаетъ заимодавецъ отъ отдачи денегъ на проценты, не можетъ поэтому вытекать изъ присущей имъ хозяйственной силы; онъ вытекаетъ изъ эксплуатаціи должника (ἐπ' ἀλλήλων ἑστίν), и процентъ

изъ которыхъ они не должны были бы черпать, и больше, чѣмъ слѣдовало бы“. (Другое мѣсто изъ *Аристотеля* см. ниже). *Катонъ Старшій* у *Цицерона*: „De officiis“, II, въ концѣ: „Ex quo genere comparationis illud est Catonis senis: a quo cum quaereretur, quid maxime in re familiari expediret, respondit: „Bene pascere“. „Quid secundum?“—„Satis bene pascere“. „Quid tertium?“—„Male pascere“. „Quid quartum?“—„Arare“. Et cum ille, qui quaesierat, dixisset: „Quid foenerari?“ Tum Cato: „Quid hominem—inquit—occidere“. *Катонъ Младшій*: „De re rustica, prooem.; „Maiores nostri sic habuerunt et ita in legibus posuerunt: furem dupli condemnare, foeneratorem quadrupli. Quanto peiorem civem existimarent foeneratorem quam furem, hinc licet existimari“. *Плаутъ*: „Mostellaria“ 3-ій актъ, 1-ая сцена—„Videturne obscuro hercle idoneus, Danista qui sit? genus, quod improbissimum est.. Nullum edepol hodie genus est hominum tertius, nec minus bono cum jure, quam Danisticum“. *Сенека*: „De beneficiis“. VII, 10: „... quid enim ista sunt, quid foenus et calendarium et usura, nisi humanae cupiditatis extra naturam quaesita nomina?... Quid sunt istae tabellae, quid computationes et venale tempus et sanguinolentae centesimae? voluntaria mala ex constitutione nostra pendentia, in quibus nihil est, quod subici oculis, quod teneri manu possit, inanis avaritiae somnia“.

является поэтому незаконнымъ доходомъ, основаннымъ на злоупотребленіи, достигаемомъ путемъ обмана.

То обстоятельство, что писатели языческой древности не интересовались глубже вопросомъ о ссудномъ процентѣ, объясняется проще всего тѣмъ, что этотъ вопросъ въ то время не имѣлъ практическаго значенія. Государственная власть съ теченіемъ времени примирилась со взиманіемъ процентовъ. Въ Атикѣ оно давно уже было разрѣшено. Римское государство, хотя формально и не уничтожило тѣхъ строгихъ законовъ, которыми совершенно запрещалось взиманіе процентовъ, тѣмъ не менѣе первоначально терпѣло его, а потомъ дало ему формальную санкцію своей закономъ установленной нормой ¹⁾. Въ дѣйствительности хозяйственныя отношенія сдѣлались слишкомъ сложными для того, чтобы можно было довольствоваться однимъ только безвозмезднымъ кредитомъ, который, въ силу своей природы, долженъ былъ быть крайне ограниченнымъ. Дѣловые люди и практики не могли, безъ сомнѣнія, не относиться съ полнымъ единолушіемъ доброжелательно къ проценту. Писать въ пользу процента при такихъ обстоятельствахъ было совершенно излишнимъ, противъ него бесполезнымъ; неудивительно поэтому, что единственными мѣстами, въ которыхъ сохранилось вообще примирившееся съ жизнью порицаніе взиманія процентовъ, являются сочиненія философовъ.

Несравненно больше поводовъ къ основательному разсмотрѣнію темы о ссудномъ процентѣ имѣли писатели христіанской эры.

Тяжелыя времена, которыя предшествовали паденію Римской имперіи и слѣдовали за нимъ, повели за собою также регрессъ хозяйственной жизни, естественнымъ слѣдствіемъ чего явилось, въ свою очередь, усиленіе тенденціи, враждебной къ проценту. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и своеобразный духъ христіанства: эксплуатація бѣдныхъ должниковъ богатыми займодавцами должна была представляться въ особенно ненавистномъ свѣтѣ тому, кого религія учила считать, съ одной стороны, высшими добродѣтелями снисходительности и состраданіе и, съ другой, вообще пренебрегать благами міра сего. Но важнѣе всего то, что въ Священномъ Писаніи Нового Завѣта нашлись извѣстныя мѣста, которыя въ толкованіи, какое тогда обыкновенно имъ давалось, будто бы содержатъ въ себѣ божественное запрещеніе взиманія процентовъ. Это относится къ пресловутому мѣсту

¹⁾ Ср. *Книга*, о. с. 330 и слѣд.

Евангелія св. Луки: „mutuum date, nihil inde sperantes“¹⁾. Могущественная поддержка, которую враждебный проценту духъ времени находилъ, такимъ образомъ, въ словахъ божественнаго авторитета, предоставила ему возможность еще разъ дать законодательной власти желательное направлѣніе. Христіанская церковь была посредницей въ этомъ дѣлѣ. Шагъ за шагомъ она сумѣла ввести въ законодательство запрещеніе взиманія процентовъ. Взиманіе процентовъ запрещалось сначала лишь со стороны церкви, и только духовенству; потомъ также всѣмъ мірянамъ, но все еще исключительно со стороны церкви; наконецъ, и свѣтское законодательство уступило влиянію церкви и присоединилось къ ея строгимъ требованіямъ, отвергая римскіе законы²⁾.

Это направлѣніе давало враждебной проценту литературѣ богатую пищу въ продолженіе полуторы тысячъ лѣтъ. Древніе языческіе философы могли произнести свой обвинительный приговоръ безъ особеннаго обоснованія, такъ какъ они не были вынуждены къ этому и не были въ состояніи придать ему какое-либо практическое значеніе: какъ „платоническое“ сужденіе-идеалистовъ, оно въ мірѣ практики имѣло слишкомъ малый вѣсъ, чтобы вызвать серьезную борьбу и нуждаться въ такомъ же серьезномъ обоснованіи. Теперь же дѣло приняло практическое значеніе. Сначала дѣло шло о томъ, чтобы помочь слову Божію утвердиться и на землѣ; а когда это было достигнуто, то справедливость новыхъ законовъ должна была быть защищаема противъ нападеній, которыя немедленно появились. Эта задача выпала на долю богословской и юридической литературы церкви; такимъ образомъ, возникла обширная литература о ссудномъ процентѣ, сопровождавшая канонистическое запрещеніе взиманія процентовъ отъ первыхъ его зачатковъ до послѣднихъ его проявленій въ восемнадцатомъ столѣтіи.

Въ характерѣ этой литературы двѣнадцатый вѣкъ нашего лѣтосчисленія образуетъ замѣчательный поворотъ. До этого времени названный вопросъ разрабатывался по преимуществу богословами, и методъ разработки былъ также главнымъ образомъ богословскій: для доказательства несправедливости ссуднаго процента ссылались на Бога и его откро-

¹⁾ Еванг. Луки VI, 32 и слѣд. Смотри о настоящемъ смыслѣ этого мѣста Кнуса о. с. Стр. 333 и слѣд.

²⁾ О распространеніи запрещенія взиманія процентовъ смотри *Endemann*, *Nationalökonomische Grundsätze*, стр. 8 и сл., *Studien in der romanisch-canonistischen Wirtschafts-und Rechtslehre*, стр. 10 и сл.

веніе, на соотвѣтствующія мѣста священнаго писанія, требованія любви къ ближнему, справедливости и т. п.; рѣдко только, и то въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, ссылались на юридическія и хозяйственныя соображенія. Подробнѣе другихъ, хотя также не очень ужъ подробно, высказываются по этому вопросу еще отцы церкви ¹⁾).

Начиная съ двѣнадцатаго столѣтія, соотвѣтствующее изслѣдованіе, напротивъ, становится болѣе научнымъ; къ доводамъ авторитета откровенія присоединяются и ссылки на авторитетъ извѣстнѣйшихъ отцовъ церкви, канонистовъ и философовъ — между прочимъ и языческихъ, — древнихъ и новыхъ узаконеній, а также цитаты изъ „*jus divinum*“, „*jus humanum*“ и — что для насъ особенно важно, такъ какъ онѣ затрагиваютъ хозяйственную сторону вопроса — изъ „*jus naturale*“. Сообразно съ этимъ, начинаютъ все болѣе и болѣе заниматься этимъ вопросомъ на ряду съ богословами и юристы — сначала канонисты, а потомъ и легисты.

Эта болѣе тщательная и болѣе широкая обработка проблемы процента въ литературѣ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что запрещеніе взиманія процентовъ съ теченіемъ времени стѣсняло все больше и больше жизнь и нуждалось въ болѣе сильной защитѣ противъ давленія со стороны требованій жизни. Запрещеніе взиманія процентовъ первоначально было введено тогда, когда народное хозяйство находилось еще на такой низкой ступени развитія, что могло легко его переносить; кромѣ того, это запрещеніе въ продолженіе первыхъ столѣтій своего существованія имѣло такъ мало внѣшней силы, что практика, если она чувствовала себя слишкомъ имъ стѣсненной, могла безъ большой опасности просто пренебрегать таковымъ. Съ теченіемъ времени развилось не только народное хозяйство, въ которомъ, благодаря росту потребности въ кредитѣ, должна была все больше и больше чувствоваться стѣснительность запрещенія взиманія процентовъ, но усилилась также и потребность въ отмѣнѣ этого запрещенія, нарушенія котораго все увеличивались въ количествѣ и силѣ. Такимъ образомъ, противорѣчія этого запрещенія съ интересами народнаго хозяйства должны были слѣлаться вдвойнѣ многочисленными и тяжелыми; самая естественная его опора — общественное мнѣніе, которое въ началѣ было всецѣло на его сторонѣ, — стала мало-по-малу ему измѣнять, и названное запрещеніе

¹⁾ См. ниже.

тѣмъ больше стало нуждаться въ поддержкѣ теоріи, которую ему и охотно давала развивающаяся наука ¹⁾).

Изъ двухъ фазъ литературы канонистовъ о процентѣ первая не имѣетъ почти никакого значенія для общей исторіи литературы о процентѣ: богословствующія и морализирующія разсужденія этой фазы мало чѣмъ отличаются отъ простого выраженія отвращенія ко взиманію процентовъ и ссылокъ на авторитеты ²⁾).

Гораздо большее значеніе имѣетъ вторая фаза, хотя не по численности писателей, относящихся къ ней, и не по количеству аргументовъ, приводимыхъ противъ процента ³⁾. Дѣло въ томъ, что послѣ того, какъ нѣсколько писателей выступило съ оригинальными мыслями, другіе рабски поплелись за ними, и все обиліе аргументовъ, приводимыхъ первыми, какъ непокосновенное наслѣдственное добро, переходило также въ сочиненія всѣхъ послѣдующихъ писателей. Но и тутъ бѣольшая часть аргументовъ или представляетъ собою ссылки на авторитеты, или носитъ нравоучительный характеръ, или же, наконецъ, совершенно лишена значенія, и только сравнительно небольшое количество ихъ—преиму-

1) Ср. *Endemann*, Studien, стр. 11—13, 15 и сл.

2) Чтобы дать читателямъ нѣкоторое представленіе о тонѣ, въ которомъ отцы церкви обсуждаютъ этотъ вопросъ, я приведу нѣкоторыя изъ чаще всего цитируемыхъ изреченій: *Lactantius* говоритъ о честномъ человѣкѣ въ lib. 6. *Divin. Inst.* с. 18: „*Pecuniae, si quam crediderit, non accipiet usuram: ut et beneficium sit incolume quod succurrat necessitati, et abstineat se prorsus alieno; in hoc enim genere officii debet suo esse contentus, quem oporteat alias ne proprio quidem parcere, ut bonum faciat; plus autem accipere, quam dederit, injustum est. Quod qui facit, insidiatur quodam modo, ut ex alterius necessitate praedetur*“. *Ambrosius*, de bono mortis с. 12: „*Si quis usuram acceperit, rapinam facit, vita non vivit*“. *Онъ же*, de *Tobia* с. 3: „*Talia sunt vestra, divites! beneficia. Minus datis, et plus exigitis. Talis humanitas, ut spoliatis etiam dum subvenitis. Foecundus vobis etiam pauper est ad quaestum. Usurarius est egenus, cogentibus nobis, habet quod reddat: quod impendat, non habet*“; и тамъ же с. 14: „*. . . Ideo audiant quid lex dicat: „Neque usuram, inquit, escaram accipies, neque omnium rerum*“. *Chrysostomus*, cap. *Matthaei* 17. *Homil.* 56: „*Noli mihi dicere, quaeso, quia gaudet et gratiam habet, quod sibi foenore pecuniam colloces: id enim crudelitate tua coactus fecit. . .*“. *Augustinus*, *Psalmum* 128: „*Audent etiam foeneratores dicere, non habeo aliud unde vivam. Hoc mihi et latro diceret, deprehensus in fauce: hoc et effractor diceret. . . et leno. . . et maleficus*“. *Онъ же* (цитируется въ *Decret. Grat.* с. I *Causa XIV* qu. III): „*. . . si plus quam dedisti exspectas accipere foenerator es, et in hoc improbandus, non laudandus*“.

3) *Молиней* упоминаетъ въ сочиненіи, изданномъ въ 1546-мъ году, о писателѣ, который недавно собралъ не менѣе 25 (!) аргументовъ противъ процента (*Tract. contract.* № 528).

шественно цитаты изъ „*jus naturale*“—можетъ претендовать на догматическое значеніе. Если же нѣкоторые изъ этихъ аргументовъ будутъ казаться теперь кому-либо изъ читателей мало убѣдительными, то не надо забывать, что они и тогда уже не обладали большой убѣдительной силой. То, чему должны были вѣрить, было опредѣлено уже заранѣе. Аргументомъ дѣйствительно вліятельнымъ было слово Божіе, которое, какъ предполагали, осуждало процентъ. Соображенія разума, которыя сумѣли придумать въ томъ же направленіи, были не что иное, какъ желательное украшеніе, дополненіе этого основного довода, дополненіе, которое могло быть менѣе вѣско, такъ какъ не на немъ покоилась вся сила доказательства ¹⁾.

Я приведу вкратцѣ тѣ соображенія разума, которыя могутъ для насъ имѣть интересъ, и поясню ихъ нѣсколькими цитатами изъ тѣхъ писателей, которые представили эти соображенія въ наиболѣе понятномъ и убѣдительно видѣ.

Прежде всего мы снова встрѣчаемъ доводъ *Аристотеля* о безплодности денегъ; при этомъ у канонистовъ рѣзче выступаетъ важный въ догматическомъ отношеніи доводъ, что процентъ—пользованіе чужимъ трудомъ. Такъ, напримѣръ, *Гонзалесъ Теллесъ* говоритъ ²⁾: „... Затѣмъ потому, что деньги не производятъ денегъ; поэтому естественнѣе брать что-либо сверхъ ссуженныхъ денегъ; и болѣе правильнымъ было бы признать, что излишекъ дается трудомъ, а не деньгами, которыя вѣдь ничего не производятъ, какъ это замѣтилъ уже *Аристотель*“. Еще рѣзче высказывается *Коваррувій* ³⁾: „Четвертая причина... заключается въ томъ, что деньги сами по себѣ не приносятъ и не производятъ никакихъ плодовъ: поэтому недозволительно и несправедливо брать что-либо сверхъ отданной въ наемъ вещи за пользованіе ею, такъ какъ это получалось бы не столько съ денегъ, которыя вѣдь плоды не приносятъ, сколько съ чужого труда“.

Вторая „естественная“ причина заключается въ томъ, что деньги и другія блага, отдаваемая въ ссуду, уничтожаются при расходованіи ихъ. Эта причина проводится уже очень основательно *Томою Аквинскимъ*. Онъ утверждаетъ, что существуютъ извѣстные предметы, употребленіе которыхъ заключается въ ихъ потребленіи, какъ, напримѣръ, хлѣбъ,

¹⁾ Ср. *Endemann*. Grundsätze, стр. 12, 18.

²⁾ *Commentaria perpetua in singulos textus quinque librorum Decretalium Gregorii IX.* Tom. V, cap. 3 de usuris V. 19. № 7.

³⁾ *Variarum resolutionum liber III.* Cap. I. № 5.

вино. У такихъ предметовъ нельзя, слѣдовательно, отдѣлять употребленіе вещи отъ самой вещи, и если мы желаемъ уступить кому-либо это употребленіе, то мы должны по необходимости уступить и самую вещь. На этомъ основаніи, при отдачѣ въ ссуду такихъ вещей уступается всякій разъ и полное распоряженіе ими. Поэтому было бы явной несправедливостью, если бы кто-либо хотѣлъ продать вино и, независимо отъ этого, такъ же и употребленіе вина; этимъ онъ или два раза продалъ бы одну и ту же вещь, или же онъ продалъ бы что-то такое, что совершенно не существуетъ. Совершенно такъ же несправедливо отдавать въ ссуду такія вещи за вознагражденіе. И въ данномъ случаѣ за одну вещь требуютъ двѣ цѣны: возвращеніе равной вещи и цѣну за употребленіе, которую называютъ процентомъ (*usura*). Такъ какъ и употребленіе *денегъ* заключается въ ихъ употребленіи или израсходованіи, то, на основаніи тѣхъ же причинъ, недозволительно требовать вознагражденіе за употребленіе денегъ ¹⁾. — По смыслу этой аргументаціи процентъ является вознагражденіемъ, выманеннымъ или истребованнымъ за вещь, въ дѣйствительности совершенно не существующую, за самостоятельное „употребленіе“ потребляемыхъ благъ.

Къ подобному же заключенію приходитъ и третье обычное, постоянно встрѣчающееся доказательство. Такъ какъ отданное въ ссуду благо переходитъ въ собственность должника, то и употребленіе его, за которое заимодавецъ требуетъ процентъ, является употребленіемъ *чужой* вещи, изъ котораго заимодавецъ не можетъ извлечь дохода безъ нарушенія справедливости. Такъ, напримѣръ, *Гонзалесъ Теллесъ* говоритъ: „Кредиторъ, который извлекаетъ доходъ изъ чужой вещи, обогащаетъ себя въ ущербъ другому“. Еще рѣзче выражается *Ваконій Вакунійскій* ²⁾: „Если кто-либо пользуется плодами отъ ссужаемыхъ денегъ, все равно, будутъ ли это монеты или что-либо иное, то онъ пользуется плодами отъ вещи, которая принадлежитъ не ему, и поэтому это совершенно то же, какъ если бы онъ укралъ „эти плоды““.

¹⁾ *Summa totius theologiae*, II 2. quaest. 78 art. 1. Въ родѣ этого *Covarruvias* I. c.: „... accipere lucrum aliquod pro usu ipsius rei, et deum rem ipsam, iniquum est et prava commutatio, cum id quod non est pretio vendatur... aut enim creditor capit lucrum istud pro sorte, ergo bis capit ejus aestimationem, vel capit injustum sortis valorem. Si pro usu rei, is non potest seorsum a sorte aestimari, et sic bis sors ipsa venditur“.

²⁾ *Lib. I nov. declar. jus civ. c. 14*; цитир. въ *Jus eccles. Prot.* Бемера. *Halae* 1736, стр. 340.

Наконѣць, доводъ, довольно своеобразный, который, какъ мнѣ кажется, былъ введенъ впервые въ сокровищницу аргументовъ канонистовъ *Томой Аквинскимъ*, рассматриваетъ процентъ, какъ обманнымъ образомъ полученную плату за всеобщее, всѣмъ принадлежащее благо, за *время*. Ростовщики, которые получаютъ обратно сумму, превышающую ссуженную ими сумму на величину процента, ищутъ предлога, чтобы все-таки представить сдѣлку честной. Этотъ предлогъ даетъ имъ время. Они рассматриваютъ именно время, какъ услугу съ ихъ стороны, за которую они получаютъ выраженный въ процентѣ прибавочный доходъ. Эта ихъ точка зрѣнія обнаруживается въ томъ, что они де увеличиваютъ и уменьшаютъ требованіе процента, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается время, на которое отдается въ наемъ данная вещь. Но время это общее благо, которое никому не принадлежитъ въ большей мѣрѣ, но дано Богомъ всѣмъ въ одинаковой степени. И если ростовщикъ требуетъ вознаграждения за время, какъ плату за предоставленное имъ благо, то онъ обманываетъ и ближняго, которому проданное время принадлежитъ такъ же, какъ и ему самому, и Бога, за даръ котораго онъ требуетъ вознагражденіе ¹⁾.

Резюмируемъ: канонисты безусловно считаютъ ссудный процентъ доходомъ, который кредиторъ путемъ обмана или вымогательства извлекаетъ изъ средствъ должника. Кредиторъ заставляетъ оплачивать въ видѣ процентовъ плоды, которыхъ не могутъ приносить безплодные деньги; онъ продаетъ „употребленіе“, котораго совсѣмъ не существуетъ; или же употребленіе, которое и безъ того уже принадлежитъ должнику въ такой же степени, какъ кредитору и всѣмъ людямъ. Однимъ словомъ, какъ ни смотрѣть на это дѣло, процентъ всегда является доходомъ паразитовъ, выжатымъ или хитростью выманеннымъ у эксплуатируемаго должника.

Процентовъ на капиталъ, получаемыхъ отъ отдачи въ наемъ *длящихся* благъ, какъ, на примѣръ, домовъ, мебели и т. п., этотъ приговоръ не касался. Равнымъ образомъ онъ не относился и къ первичной прибыли на капиталъ, получаемой путемъ личнаго примѣненія капитала. То обстоятельство,

¹⁾ *Томъ Аквинскій* въ брошюрѣ „De usuris“ I pars, стр. 4; подлинность этой брошюры, однако, въ настоящее время сомнительна.

что этотъ послѣдній видъ процента представляетъ собою доходъ, отличный отъ вознагражденія за трудъ предпринимателя, еще мало бросалось въ глаза, особенно въ началѣ періода, а если и бросалось въ глаза, то имъ совсѣмъ не интересовались. Во всякомъ случаѣ этотъ видъ прибыли на капиталъ принципиально не отрицался. Такъ, на примѣръ, канонистъ *Цабарелла* ¹⁾ жалѣетъ о существованіи ссуднаго процента между прочимъ и потому, что землевладѣльцы, ища „вѣрной прибыли“, легко могутъ предпочесть отдать деньги на процентъ, а не тратить ихъ на производство, что вреднымъ образомъ отзывается бы на средствахъ пропитанія націи — разсужденіе, которое, очевидно, не находитъ предосудительнымъ примѣнять капиталъ въ земледѣліи и извлекать изъ него прибыль. При этомъ даже не требовалось, чтобы собственникъ капитала распоряжался имъ лично, если только онъ не выпуститъ изъ своихъ рукъ владѣнія имъ. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, не запрещалась прибыль на капиталъ, получаемая отъ денежнаго взноса въ какое-либо товарищество ²⁾; и тотъ случай, когда кто-либо довѣряетъ другому сумму денегъ, но оставляетъ за собою право собственности на нихъ, рѣшается строгимъ *Томой Аквинскимъ* въ томъ смыслѣ, что кредиторъ могъ бы, не задумываясь, присвоить себѣ прибыль, получающуюся отъ этой суммы. А относительно названія для своего поступка онъ можетъ быть спокойнымъ: „онъ де получаетъ плоды отъ своей собственности“; хотя — какъ осторожно прибавляетъ *св. Тома* — они не получаютъ непосредственно отъ монетъ, но все же они получаютъ отъ тѣхъ вещей, которыя приобрѣли путемъ справедливаго обмѣна на эти монеты ³⁾.

Если же — что нерѣдко случается — порицается также и прибыль на капиталъ, приобрѣтенная лично, то это порицаніе относится не столько къ прибыли на капиталъ, какъ таковой, сколько къ предосудительному конкретному виду ея приобрѣтенія, какъ, на примѣръ, путемъ слишкомъ корыстолюбивой или даже мошеннической торговли, ненавистной торговли деньгами и т. п.

¹⁾ Secundo (usura est prohibita) ex fame, nam laborantes rustici praedia colentes libentius ponent pecuniam ad usuras, quam in laboratione, cum sit tutius lucrum, et sic non curarent homines seminare seu metere“. См. *Endemann*, Nationalökonomische Grundsätze, p. 20.

²⁾ См. *Endemann*, Studien I, стр. 361.

³⁾ De usuris II pars cap. IV. qu. 1.

III.

Защитники ссуднаго процента отъ 16-го по 18-ый вѣкъ. Паденіе ученія канонистовъ.

Ученіе канонистовъ о процентѣ достигло кульминаціоннаго пункта своей вышней силы въ 13-мъ столѣтіи. Его принципы безраздѣльно господствовали въ законодательствѣ, не только духовномъ, но и свѣтскомъ. Такъ, напримеръ, папа *Климентій V* въ началѣ 14-го вѣка могъ уже дойти до того, что на Виенскомъ соборѣ (1311-го года) угрожалъ отлученіемъ отъ церкви свѣтскимъ правителямъ, которые издавали законы, благопріятствующіе проценту, или же въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не отмѣнили бы уже изданные¹⁾. Законы, изданные подъ вліяніемъ ученія канонистовъ, не ограничивались противодѣйствіемъ проценту въ его чистомъ, неприкрашенномъ видѣ, но имѣли въ виду также посредствомъ обширнаго примѣненія остроумной казуистики преслѣдовать его на многихъ, хотя и не на всѣхъ, потаенныхъ дорожкахъ, которыя можно было избрать для обхода запрещенія взиманія процентовъ²⁾. Въ той же степени, какъ въ законодательствѣ, господствовало это ученіе, наконецъ, и въ литературѣ, въ которую въ теченіе цѣлыхъ столѣтій не смѣла проникнуть ни одна попытка принципиальной оппозиціи.

Только одного противника оно никогда не сумѣло побѣдить вполне—практики хозяйственной жизни. Несмотря на всѣ небесныя и земныя наказанія, которыми угрожали, взиманіе процентовъ на практикѣ продолжалось отчасти открыто, отчасти въ тѣхъ разнообразныхъ маскахъ, которыя придумалъ изобрѣтательный умъ дѣловыхъ людей для того, чтобы при помощи ихъ прорваться сквозь петли враждебныхъ проценту законовъ, несмотря на всю ихъ казуистику. И чѣмъ болѣе развивалось народное хозяйство въ данной

¹⁾ Ср. *Endemann*, Grundsätze, стр. 9 и сл., 21 и сл.

²⁾ Clem. c. un de usuris 5, 5.

странѣ, тѣмъ сильнѣе реагировала практика противъ все еще безраздѣльно господствующей теоріи.

Побѣда въ этой борьбѣ осталась на сторонѣ болѣе упорной, а таковой въ данномъ случаѣ оказалась практика, борющаяся за свои жизненные интересы.

Перваго успѣха, который съ внѣшней стороны мало бросался въ глаза, но по существу имѣлъ большое значеніе, практика сумѣла добиться уже въ такое время, когда ученіе канонистовъ стояло еще на высшей ступени своей внѣшней силы. Будучи еще слишкомъ слабой, чтобы рѣшиться на открытую борьбу съ принципомъ безвозмездности, практика сумѣла, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать тому, чтобы названный принципъ былъ проведенъ въ законодательство со всѣми своими практическими послѣдствіями, и провела рядъ, отчасти прямыхъ, отчасти косвенныхъ исключеній изъ запрещенія взиманія процентовъ.

Прямымъ исключеніемъ мы можемъ считать, между прочимъ, привилегіи *montes pietatis*, терпимость по отношенію къ операціямъ другихъ банковъ и очень распространенное снисхожденіе, которое проявлялось по отношенію къ ростовщичеству евреевъ, по крайней мѣрѣ, свѣтскимъ законодательствомъ, впредь до формальнаго разрѣшенія взиманія процентовъ ¹⁾).

Косвенными исключеніями являются использованія института покупки рентъ, вексельныхъ операцій, товарищескихъ отношеній, а, главнымъ образомъ, возможность требовать вознагражденіе—*„interesse“*—отъ должника при запоздалыхъ платежахъ—такъ называемыя *damnum emergens* и *lucrum cessans*. Заимодавецъ собственно имѣлъ бы право на полученіе „интереса“, конечно, только въ случаѣ запозданія въ исполненіи обязательствъ договора по винѣ должника, то-есть въ случаѣ *тога*; а существованіе и величина „интереса“ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны были бы быть доказываемы отдѣльно. Но этому дѣлу, конечно, при протестѣ болѣе строгихъ канонистовъ, можно было пособить нѣсколькими оговорками въ контрактѣ. Въ одной оговоркѣ, напр., должникъ напередъ соглашался дать заимодавцу удостовѣреніе въ *тога*; въ другой условливались напередъ насчетъ опредѣленной величины, въ которой будетъ оплачиваться „*interesse*“ заимодавца. На практикѣ, такимъ

¹⁾ Распространенное мнѣніе, что евреи вообще были изъяты изъ церковнаго запрещенія ростовщичества, по новѣйшему изслѣдованію *Эндеманна*, ложно (*Studien II*, стр. 383 и слѣд.)

образомъ, дѣло сводилось къ тому, что заимодавецъ номинально хотя и давалъ должнику ссуду безвозмездно, но на дѣлѣ онъ получалъ подъ названіемъ „interesse“ постоянный процентъ за все время ссуды, которое для должника было искусственно переименовано въ тога ¹⁾).

За такими практическими успѣхами процента на капиталъ послѣдовали и принципiальные.

Внимательные наблюдатели людей и вещей съ теченіемъ времени все же должны были усомниться, являются ли, въ самомъ дѣлѣ, единственными причинами постояннаго и все возрастающаго сопротивленія практики только безнравственность и жестокосердіе людей, какъ это утверждали канонисты. Кто только задавался трудомъ проникнуть глубже въ технику хозяйственной жизни, тотъ долженъ былъ понять, что практика не только не хотѣла отказаться отъ процента, но и не могла отказаться отъ него; что процентъ—душа кредита; что тамъ, гдѣ желательно существованіе послѣдняго въ большемъ или меньшемъ объемѣ, нельзя запретить взиманіе процентовъ; что уничтоженіе процента тождественно съ уничтоженіемъ, по крайней мѣрѣ, девяти десятыхъ кредитныхъ операций; что—однимъ словомъ—процентъ является органической необходимостью въ каждомъ болѣе или менѣе развитомъ народномъ хозяйствѣ. Было неминуемо, что тѣ результаты наблюденій, которые давно уже были извѣстны практикѣ, должны были, наконецъ, проникнуть и въ область литературы.

Дѣйствіе, которое они произвели въ этой области, было различно.

Одна часть писателей не дала себя поколебать въ своемъ теоретическомъ убѣжденіи, что ссудный процентъ—доходъ паразитовъ, и что его нельзя оправдать передъ строгимъ судей; однако, она соглашалась на практической компромиссъ съ несовершенствомъ людей, которому приписывали вину въ невозможности искоренить процентъ. При идеальномъ порядкѣ вещей процентъ, конечно, не можетъ существовать, но такъ какъ люди уже такъ несовершенны, то процента нельзя искоренить, и поэтому лучше терпѣть его въ извѣстныхъ предѣлахъ. На эту точку зрѣнія стали, между прочимъ, нѣкоторые изъ великихъ реформаторовъ, какъ на примѣръ, *Цвингли* ²⁾, *Лютеръ* въ послѣдніе годы своей жизни,

¹⁾ Ср. *Endemann*, Studien II, стр. 243 и сл., стр. 366 и сл.

²⁾ *Wiskemann*. Darstellung der in Deutschland zur Zeit der Reformation herrschenden national-ökonomischen Ansichten, Preisschriften der Jablonowski'schen Gesellschaft, томъ X, стр. 71.

между тѣмъ какъ раньше онъ былъ безпощаднымъ противникомъ ростовщичества ¹⁾, и съ большей сдержанностью *Меланхтонъ* ²⁾.

То обстоятельство, что такіе вліятельные люди высказались за терпимость относительно взиманія процентовъ, произвело, конечно, значительное вліяніе на направленіе общественнаго мнѣнія и на дальнѣйшее развитіе законодательства. Но такъ какъ въ своихъ взглядахъ они руководились не принципиальными мотивами, а исключительно оппортунистическими, то ихъ направленіе не имѣетъ болѣе глубокаго догматически-историческаго значенія, и я подробнѣе на нихъ останавливаться не буду.

Но другая часть мыслящихъ и наблюдающихъ людей пошла дальше. Убѣдившись на опытѣ въ необходимости ссуднаго процента, они начали пересматривать теоретическія основы запрещенія взиманія процентовъ, находили ихъ не выдерживающими критики и начали въ литературѣ принципиальную борьбу съ ученіями канонистовъ.

Эта оппозиція беретъ начало около середины 16-го столѣтія, быстро и сильно развивается въ теченіе 17-го и достигаетъ къ концу его такого рѣшительнаго перевѣса, что въ теченіе 18-го ей приходится бороться уже только съ послѣдними единичными проявленіями ученія канонистовъ. Но кто бы захотѣлъ уже послѣ конца 18-го столѣтія защищать это запрещеніе со всѣми его специфическими аргументами, того сочли бы чудачкомъ, на слова котораго нельзя обращать серьезнаго вниманія.

Первыми передовыми борцами за новое направленіе были реформаторъ *Кальвинъ* и французскій юристъ *Дюмуленъ* (*Carolus Molinaeus*).

Кальвинъ высказался по интересующему насъ вопросу въ письмѣ къ своему другу Эколампадію ³⁾. Онъ разсматриваетъ его не подробно, но зато рѣшительно. Онъ отвергаетъ прежде всего обычное обоснованіе запрещенія взиманія процентовъ, состоящее въ ссылкахъ на авторитеты, и старается доказать, что тѣ мѣста священнаго писанія, на которыя обыкновенно ссылались сторонники послѣдняго, отчасти должны быть истолковываемы въ другомъ смыслѣ, отчасти

¹⁾ *Wiskemann* о. с. стр. 54—56. *Neumann*, Geschichte des Wuchers, стр. 480 и сл.

²⁾ *Wiskemann*, о. с. стр. 65.

³⁾ Ср. 383 въ собраніи его epistolae et responsa, Ганноверъ 1597 г.

же потеряли свое значеніе, въ виду совершенно измѣнившихся жизненныхъ условій ¹⁾.

Отвергнувъ, такимъ образомъ, доказательство, состоящее въ ссылкахъ на авторитеты, онъ обращается къ обычному рациональному обоснованію запрещенія взиманія процентовъ. Самый важный аргументъ такого обоснованія, который опирается на естественную бесплодность денегъ (*Rescunia non parit rescuniam*), онъ находитъ „легковѣснымъ“. Съ деньгами дѣло обстоитъ не иначе, какъ съ домомъ или полемъ. Крыша и стѣны дома, собственно, тоже не въ состояннн производить деньги; но, обмѣнивая пользу, приносимую жилищемъ, на деньги, можно изъ дома извлечь законный доходъ. Такимъ же образомъ и деньги могутъ быть сдѣланы плодотворными. Если за деньги купить участокъ земли, то, въ сущности, эти деньги производятъ ежегодно, въ видѣ дохода отъ земли, другія суммы денегъ. Праздныя деньги, конечно, безплодны; но у должника онѣ никогда праздно не лежатъ. Поэтому должника не обманываютъ, когда его заставляютъ платить проценты: онъ ихъ платитъ „ex proventu“, изъ дохода, который онъ извлекаетъ изъ этихъ денегъ.

Потомъ *Кальвинъ* подробно доказываетъ на примѣрѣ, что взиманіе займодавцемъ процентовъ можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія справедливости, подъ угломъ которой онъ вообще старается разсматривать весь этотъ вопросъ.

Богачъ, владѣющій большой земельной собственностью и пользующійся соотвѣтствующими доходами, но имѣющій мало наличныхъ денегъ, обращается съ просьбой о ссудѣ къ другому, гораздо менѣе состоятельному лицу, располагающему бѣльшими запасами наличныхъ денегъ: займодавецъ могъ бы или лично купить на эти деньги участокъ земли, или онъ могъ бы требовать, чтобы участокъ, купленный на его деньги, былъ ему уступленъ на ипотечныхъ правахъ до тѣхъ поръ, пока долгъ не будетъ погашенъ. Если же онъ вмѣсто этого довольствуется процентами, плодами денегъ, то на какомъ основаннн это можетъ возбудить осужденіе, когда первыя, болѣе суровыя условія договора признаются допустимыми? Это, по мѣткому выраженію *Кальвина*, все равно, что ребяческая насмѣшка надъ Богомъ: „et quid aliud est quam pue-

¹⁾ „Ac primum nullo testimonio Scripturae mihi constat usuras omnino damnatas esse. Illa enim Christi sententia, quae maxime obvia et aperta haberi solet: Mutuum date, nihil inde sperantes, male huc detorta est... Lex vero Mosis politica cum sit, non tenemur illa ultra quam aequitas ferat atque humanitas. Nostra conjunctio hodie per omnia non respondet“...

rogum instar ludere cum Deo, cum de rebus ex verbis nudis, ac non ex eo quod inest in re ipsa judicatur“?

Такимъ образомъ, *Кальвинъ* приходитъ къ заключенію, что въ общемъ вовсе не слѣдуетъ отвергать взиманіе процентовъ. Однако, нельзя также разрѣшать процента во всѣхъ случаяхъ. Надо разрѣшать взиманіе процентовъ постольку, поскольку оно не противорѣчитъ справедливости и милосердію. Осуществленіе этого принципа требуетъ установленія ряда исключеній, въ которыхъ взиманіе процентовъ не должно быть разрѣшаемо. Главныя изъ нихъ заключаются въ томъ, что нельзя требовать процентовъ отъ людей, находящихся въ крайней нуждѣ; что нужно оказывать должное снисхожденіе „pauperes fratres“; что надо имѣть въ виду „пользу Государства“, и что никогда нельзя перейти за предѣлы той процентной нормы, которая установлена законами государства.

Кальвинъ былъ первымъ богословомъ, который, въ силу внутреннихъ побужденій, возстаетъ противъ запрещенія канонистами взиманія процента; первымъ же юристомъ, возставшимъ противъ такого запрещенія, является *Молиней*. Соображенія, изъ которыхъ они выходятъ, почти тождественны, но способы ихъ изложенія такъ же различны, какъ и ихъ профессіи. *Кальвинъ* кратко и прямо идетъ къ тому, что онъ считаетъ центромъ вопроса, не обращая вниманія на второстепенныя возраженія противниковъ и ихъ опроверженіе. Притомъ онъ черпаетъ свои доводы больше изъ внутренняго убѣжденія, чѣмъ изъ діалектическихъ доказательствъ. Между тѣмъ *Молиней* неутомимъ въ отфѣнкахъ и казуистикѣ: онъ неустанно слѣдуетъ за противниками во всѣхъ ихъ схоластическихъ поворотахъ и оборотахъ, тщательно стараясь формально опровергнуть ихъ по всѣмъ ихъ отдѣльнымъ пунктамъ. Впрочемъ и *Молиней*, хотя онъ и осторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ, чѣмъ не стѣсняющійся ничѣмъ *Кальвинъ*, отличается необыкновеннымъ прямодушіемъ и правдивостью.

Главнымъ сочиненіемъ *Молинея* по этому вопросу является изданный въ 1546-мъ году *Tractatus contractuum et usurarum, redituumque pecunia constitutorum* ¹⁾. Начало его раз-

¹⁾ Предшествовала этому уже (въ томъ же году) *Extrictio labyrinthi de eo quod interest*, въ которой вопросъ о „interesse“ уже разсматривался довольно свободно, но по вопросу о процентѣ *Молиней* еще не сталъ открыто на ту или другую сторону. Ср. *Endemann*, *Studien* I, стр. 63.

суждений—быть можетъ случайно—имѣеть большое сходство съ ходомъ мыслей *Кальвина*. Установивъ нѣсколько предварительныхъ понятій, онъ также обращается къ изслѣдованію *ius divinum* и находитъ, что относящіяся къ этому вопросу мѣста священнаго писанія толкуются невѣрно. Они запрещаютъ не взиманіе процентовъ вообще, а только такое взиманіе, которое нарушаетъ требованія милосердія и любви къ ближнему. Затѣмъ онъ также приводитъ уже *Кальвиномъ* выставленный убѣдительный примѣръ о богачѣ, который покупаетъ участокъ земли при помощи одолженныхъ денегъ ¹⁾.

Дальнѣйшія доказательства у него, однако, по содержанію гораздо богаче, чѣмъ у *Кальвина*. Онъ обстоятельно доказываетъ (№ 75), что почти во всякой ссудѣ играетъ роль „interesse“ займодавца, причиненный убытокъ или не использованная выгода, вознагражденіе за которые справедливо и экономически необходимо. Этимъ вознагражденіемъ и является „процентъ“, „usura“ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Поэтому не только нельзя назвать несправедливымъ того, что законы Юстиніана допускаютъ процентъ и ограничиваютъ его норму; напротивъ, это даже лежитъ въ интересахъ должниковъ, которые теперь имѣютъ возможность за умѣренный процентъ приобретать большой доходъ (№ 76).

Затѣмъ (№ 528 и сл.) *Молиней* разбираетъ главные аргументы, приводимые канонистами противъ взиманія процентовъ, и сопровождаетъ ихъ обстоятельными опроверженіями.

Чтобы опровергнуть извѣстное возраженіе *Томы Аквинскаго*, что займодавецъ, берущій проценты, продаетъ два раза одно и то же или же продаетъ что то такое, что совершенно не существуетъ (см. выше стр. 39), *Молиней* доказываетъ, что *употребленіе* денегъ приноситъ самостоятельную пользу на ряду съ денежнымъ капиталомъ и поэтому можетъ также быть продано самостоятельно. Нельзя вѣдь считать исключительно первое, единовременное израсходование денегъ ихъ употребленіемъ, такъ какъ употребленіе ихъ состоитъ и въ послѣдующемъ употребленіи тѣхъ благъ, которыя были приобретены или при помощи одолженныхъ денегъ, или при помощи собственнаго капитала (№ 510 и 530). Далѣе, на утверженіе, что вмѣстѣ съ самыми деньгами переходитъ въ юридическую собственность должника и ихъ употребленіе, и что, такимъ образомъ, ему въ процентѣ про-

1) Tractatus № 10.

дается его собственная вещь, *Молиней* возражаетъ (530), что и чужую вещь можно продать, не нарушая справедливости, въ томъ случаѣ, если она въ сущности принадлежитъ продавцу; а это имѣетъ мѣсто при употребленіи одолженной суммы денегъ: „*usus pecuniae mihi pure a te debitaе est mihi pure a te debitus, ergo vel tibi vendere possum*“. Противъ довода о естественной бесплодности денегъ *Молиней*, наконецъ, возражаетъ (№ 530), что ежедневный опытъ хозяйственной жизни показываетъ, что употребленіе значительной суммы денегъ даетъ не малую пользу, которая на языкѣ юристовъ и называется „*плодомъ*“ денегъ. То обстоятельство, — говоритъ онъ — что деньги сами по себѣ плодовъ произвести не могутъ, ничего еще не доказываетъ; и земля вѣдь не производитъ ничего сама по себѣ, безъ затраты напряженія и трудовъ со стороны человѣка. Точно такъ же и деньги при содѣйствіи человѣческаго труда даютъ значительные плоды. — Остальная часть полемики противъ канонистовъ представляетъ мало догматическаго интереса.

На основаніи такого всесторонняго разсмотрѣнія предмета, *Молиней* (№ 535) приходитъ къ своему окончательному заключенію: *во-первыхъ, необходимо и полезно, чтобы взиманіе процентовъ сохранялось и терпѣлось въ извѣстныхъ предѣлахъ*... Противоположный взглядъ, что процентъ безусловно долженъ быть отвергаемъ, по его мнѣнію, неразуменъ, губеленъ и суевѣренъ (*stulta illa et non minus pernicioса quam superstitiosa opinio de usura de se absolute mala*, № 534).

Благодаря этимъ словамъ, *Молиней* сталъ въ самое рѣзкое противорѣчіе съ ученіемъ церкви. Чтобы нѣсколько его смягчить, — а это для католика было крайне желательно уже по внѣшнимъ соображеніямъ, — онъ пошелъ на нѣкоторыя практическія уступки, не отступая, однако, отъ самаго принципа. Самая важная уступка заключается въ томъ, что онъ, руководствуясь соображеніями цѣлесообразности, оправдываетъ, въ виду усилившихся злоупотребленій, церковное запрещеніе непосредственнаго взиманія процентовъ при срочныхъ ссудахъ для даннаго времени и требуетъ только сохраненія болѣе мягкаго и гуманнаго вида покупки ренты, которую онъ все же справедливо считаетъ однимъ изъ „настоящихъ видовъ процентныхъ операций“ ¹⁾.

¹⁾ Ea taxatio (установленіе максимальной процентной нормы, соединенное съ принципиальнымъ разрѣшеніемъ взиманія процентовъ въ узаконеніяхъ Юстиніана) nunquam in se fuit iniqua. Sed ut tempore suo summa et absoluta, ita processu temporis propter abusum hominum nimis in quibusdam dissoluta et vaga inventa est, et omnino super foenore ne-

Выступленіе *Кальвина* и *Молинея* нѣкоторое время не имѣло послѣдователей. И это вполне понятно. Для того, чтобы объявить справедливымъ то, что церковь, законодательство и ученый міръ единогласно и при помощи самыхъ разнообразныхъ аргументовъ отвергли, какъ вещь негодную, понадобилась не только рѣдкая независимость ума, но и столь же рѣдкая сила характера, которая не боялась бы заподозриваній и преслѣдованій. А о томъ, что послѣднія могли имѣть мѣсто, достаточно ярко свидѣтельствуеетъ судьба названныхъ передовыхъ борцовъ. Не говоря уже про *Кальвина*, который, какъ извѣстно, далъ католическому міру и другой поводъ къ озлобленію, много должны были перенести и *Молиней* и его произведеніе, какъ умѣренно и осторожно оно ни было написано. Онъ былъ осужденъ на изгнаніе, а его книга попала въ число запрещенныхъ церковью книгъ. Несмотря, однако, на все это, она распространялась, читалась, цитировалась, издавалась и переиздавалась и бросала, такимъ образомъ, сѣмя, которое въ концѣ концовъ должно было дать богатую жатву ¹⁾).

Изъ небольшого числа людей, которые еще въ 16-мъ вѣкѣ смѣли выступать въ защиту дозволительности процента на основаніи научныхъ соображеній, надо прежде всего назвать—не считая уже непосредственныхъ учениковъ *Кальвина*, которые, конечно, соглашались со взглядами своего учителя, — гуманиста *Камерарія* ²⁾, *Борнитца* ³⁾ и въ особенности *Безольда*, который въ своей въ 1598-мъ году появившейся диссертации „*Quaestiones aliquot de usuris*“, положившей начало его весьма плодотворной литературной дѣятельности, подробно и умѣло полемизируетъ съ ученіемъ канонистовъ о ростовщичествѣ ⁴⁾).

gociativo forma juris civilis incommoda et perniciosa debitoribus apparuit. *Unde merito abrogata fuit, et alia tutior et commodior forma inventa, videlicet per abalienationem sortis, servata debitori libera facultate luendi. Et haec forma nova, ut mitior et civilior, ita minus habet de ratione foeneris propter alienationem sortis, quam forma juris civilis. Est tamen foenus large sumptum, et vera species negotiationis foenimatoriae*“... (№ 536).

¹⁾ Ср. *Endemann*, Studien I, стр. 64 и слѣд. *Эндеманнъ*, впрочемъ, приписываетъ *Молинею* слишкомъ малое вліяніе на позднѣйшее развитіе. См. ниже.

²⁾ Въ его примѣчаніяхъ къ „политикѣ“ *Аристотеля*; см. *Рошеръ*, Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland, стр. 54.

³⁾ *Рошеръ* о. с. стр. 188.

⁴⁾ Впослѣдствіи *Безольдъ* включилъ свою диссертацию въ расширенное и исправленное, по его словамъ, видѣ, въ другое сочиненіе „*Vitae et mortis Consideratio politica*“ (1623 г.), въ которомъ она составляетъ V-ю главу I-го тома. Въ моемъ распоряженіи находилось только это послѣднее произведеніе. Къ нему и относятся слѣдующія цитаты въ текстѣ.

Безольдъ видитъ источникъ процента въ явленіи торговыхъ и дѣловыхъ оборотовъ (negociationis et mercaturae): по отношенію къ нимъ деньги уже не бываютъ безплодными. По этой причинѣ, а также и потому, что должно быть дозволено преслѣдовать свою собственную выгоду, пока это возможно безъ нарушенія правъ другихъ, естественная справедливость не противорѣчитъ взиманію процентовъ. Подобно своему предшественнику, *Молинею*, котораго онъ часто цитируетъ, соглашаясь съ нимъ, онъ приводитъ въ пользу процента аналогию, которая существуетъ между ссудой, приносящей проценты, и наемной платой. Ссуда, приносящая проценты, находится въ томъ же отношеніи къ ссудѣ безвозмездной, какъ—вполнѣ дозволенная—наемная плата къ безвозмездному наему. Онъ очень наглядно показываетъ, какъ величина ссуднаго процента всегда должна соответствовать величинѣ первичнаго процента на капиталѣ, который вѣдь является причиной и источникомъ ссуднаго процента. Онъ говоритъ, что въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ посредствомъ употребленія денегъ обыкновенно получаютъ большую прибыль, должна также быть разрѣшена и высшая норма ссуднаго процента (р. 32 и сл.). Наконецъ, онъ мало преклоняется передъ мѣстами священнаго писанія, толкуемыми въ смыслѣ запрещенія взиманія процентовъ (р. 38 и сл.), а также и передъ аргументами „философовъ“, которые онъ даже считаетъ ничтожными, если только смотрѣть на дѣло съ правильной точки зрѣнія (р. 32).

На основаніи этой краткой характеристики можно убѣдиться, что *Безольдъ*—искренній и ловкій приверженецъ *Молинея*, у котораго онъ, какъ свидѣтельствуяютъ его многочисленные цитаты, очевидно, позаимствовалъ лучшую часть своего ученія ¹⁾. Однако, превосходящая надъ *Молинеемъ* мы врядь ли сумѣемъ найти въ его разсужденіяхъ ²⁾.

Еще менѣе это справедливо по отношенію къ великому англійскому философу *Бэкону*, который высказался по во-

¹⁾ Подробная цитата находится уже въ 1-ой главѣ 1-го тома (р. 6): въ 5-ой главѣ цитаты встрѣчаются часто.

²⁾ По моему мнѣнію, *Рошеръ* (Geschichte der National-Oekonomie, стр. 201, пр. 2) оказываетъ *Безольду* слишкомъ много чести, приписывая ему рядомъ съ *Сальмазіемъ* и *Гуго Гроціемъ* почетное мѣсто передового борца. *Сальмазій*, по сравненію съ нимъ, будто не открылъ уже ничего новаго, а *Гроцій* будто даже отсталъ отъ него. *Рошеръ* здѣсь долженъ былъ бы назвать *Молинея* вмѣсто *Безольда*, который самъ черпалъ изъ другого источника. *Безольдъ* не является болѣе оригинальнымъ, чѣмъ *Сальмазій*, и уже навѣрно менѣе проникательнымъ и умнымъ.

просу о процентѣ почти одновременно съ *Безольдомъ* ¹⁾. Онъ обладаетъ достаточной независимостью ума и достаточнымъ пониманіемъ потребностей хозяйственной жизни для того, чтобы, не стѣсняясь старыми предрасудками относительно „неестественности“ взиманія процентовъ, взвѣсить безпристрастно его преимущества и недостатки и признать процентъ хозяйственною необходимостью; но его отношеніе къ проценту есть все же лишь оппортунистическая терпимость: „въ виду того, что люди по необходимости должны давать и брать взаймы деньги, въ виду того, что они такъ жестокосердны (*sintque tam duro corde*), что не желаютъ безвозмездно ссужать ихъ, то не остается ничего иного, какъ только разрѣшать взиманіе процентовъ“.

Несравненно успѣшнѣе подвигалось впередъ новое ученіе въ теченіе 17-го столѣтія, и прежде всего въ Нидерландахъ. Здѣсь условия для развитія теоріи были особенно благоприятны. Среди политическихъ и религиозныхъ смуть, во время которыхъ зародилась молодая республика, въ достаточной степени научились сбрасывать оковы рабскаго слѣдованія авторитетамъ. Къ тому же устарѣвшая теорія отцовъ церкви и схоластиковъ нигдѣ не находилась въ болѣе рѣзкомъ противорѣчій съ потребностями дѣйствительности, чѣмъ здѣсь, гдѣ высоко развитое народное хозяйство вызвало процвѣтаніе кредитныхъ и банковыхъ операций, гдѣ вслѣдствіе этого взиманіе процентовъ вездѣ и постоянно примѣнялось на практикѣ, и гдѣ кромѣ того свѣтское законодательство, уступая давленію практики, давно уже разрѣшило взиманіе процентовъ ²⁾. При такихъ обстоятельствахъ, дальнѣйшее существованіе теоріи, считающей процентъ чуть ли не безбожнымъ надувательствомъ должника, сдѣлалось неестественнымъ явленіемъ, которому неминуемо угрожалъ близкій конецъ.

Предвѣстникомъ этого переворота можетъ считаться *Гуго Гроцій*. По отношенію къ нашему вопросу онъ занимаетъ странное двойственное положеніе. Съ одной стороны, онъ уже ясно понимаетъ, что приводимое канонистами догматическое обоснованіе запрещенія взиманія процентовъ „законами природы“ не выдерживаетъ критики. Онъ не признаетъ основательной причиной естественную бесплодность денегъ, такъ какъ „и дома и другіе по своей природѣ бесплодные предметы дѣлаются плодородными благо-

¹⁾ *Sermones fideles*. Cap. XXXIX (1597).

²⁾ Ср. *Grotius de jure pacis ac belli Liber II*. Cap. XII, 22.

даря искусству человѣка“; и на аргументъ, что употребленіе денегъ, заключающееся въ потребленіи, не можетъ быть отдѣляемо отъ самихъ денегъ, а поэтому и не можетъ быть самостоятельно вознаграждаемо, онъ находитъ удачное возраженіе; и вообще всѣ аргументы, представляющіе процентъ будто-бы противорѣчащимъ законамъ природы, по его мнѣнію, не таковы, чтобы „могли вынудить согласіе“ („non talia ut assensum extorqueant“). Однако, съ другой стороны, онъ считаетъ безусловно обязательными мѣста священнаго писанія, запрещающія взиманіе процентовъ, такъ что въ сущности онъ является сторонникомъ канонистовъ, по крайней мѣрѣ, принципиально; на практикѣ же онъ нерѣдко отступаетъ отъ принципа запрещенія взиманія процентовъ, допуская и одобряя, подобно другимъ, различнаго рода „напоминающія собою процентъ“ вознагражденія за убытки, лишеніе дохода, усилія и рискъ со стороны заимодавца ¹⁾.

Такимъ образомъ, *Гроцій* занимаетъ нерѣшительное мѣсто между старымъ и новымъ ученіемъ ²⁾.

Эта нерѣшительная точка зрѣнія держалась не долго. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ открыто выбросили за бортъ не только рационалистическое обоснованіе запрещенія взиманія процентовъ, какъ это сдѣлалъ *Гроцій*, но и самое это запрещеніе. Рѣшительный переворотъ имѣлъ мѣсто незадолго до 1640-го года. Въ это время какъ бы сразу рушились преграды долготѣней сдержанности, и появился цѣлый рядъ сочиненій, въ которыхъ взиманіе процентовъ защищалось съ величайшей рѣшительностью. И число сочиненій этого рода постоянно возрастало до тѣхъ поръ, пока побѣда не осталась на сторонѣ принципа взиманія процентовъ, по крайней мѣрѣ въ Нидерландахъ. Среди многочисленныхъ сочиненій этого рода, какъ по времени, такъ и по достоинству, занимаютъ первое мѣсто знаменитыя работы *Клавдія Сальмазія*. Самыя важныя изъ этихъ работъ, которыя, начиная съ 1638-го года, слѣдовали одна за другой въ небольшихъ промежуткахъ времени, слѣдующія: „*De usuris*“ (1638 г.), „*De modo usurarum*“ (1639 г.), „*De foenore trapecitico*“ (1640 г.); къ

¹⁾ De jure pacis ac belli. Lib. II, Cap. XII, 20—21.

²⁾ Послѣ сказаннаго, нельзя считать *Гроція* пионеромъ теоріи, благоприятствующей проценту. Последнее мнѣніе раздѣляютъ, между прочимъ, *Neumann*, *Geschichte des Wuchers in Deutschland*, стр. 499 и *Laspeyres* о. с. стр. 10 и 257; оно не безосновательно исправлено *Эндеманномъ*. *Studien I*, стр. 66 и сл.

нимъ присоединяется еще небольшое полемическое произведение, появившееся подъ псевдонимомъ *Алексія Массалійскаго*: „Diatriba de mutuo, mutuum non esse alienationem“ (1640 г.)¹⁾. Эти сочиненія почти исключительно опредѣляли направление и содержаніе теоріи процента въ теченіе больше ста лѣтъ, и даже въ современномъ ученіи, какъ мы впоследствии увидимъ, замѣчаются еще нѣкоторые слѣды ученія *Сальмазія*. Поэтому оно заслуживаетъ болѣе обстоятельной оцѣнки.

Взгляды *Сальмазія* на процентъ высказываются ярче всего въ восьмой главѣ его сочиненія: „De usuris“. Онъ начинается изложеніемъ своей собственной теоріи процента. Процентъ—это вознагражденіе за употребленіе одолженныхъ денежныхъ суммъ. Ссуда относится къ тому разряду правовыхъ операций, въ которыхъ собственникъ вещи уступаетъ ея употребленіе другому. Если уступается употребленіе вещи непотребляемой, и при этомъ безвозмездно, то эта правовая операция называется *commodatum*; если же за вознагражденіе, то она называется *locatio conductio*. Если уступается употребленіе потребляемой или замѣнимой вещи безъ вознагражденія, то получается безвозмездная ссуда—*mutuum*; если же за вознагражденіе—ссуда, приносящая процентъ,—*foenus*. Слѣдовательно, ссуда, приносящая процентъ, относится къ ссудѣ безвозмездной совершенно такъ же, какъ наемъ за вознагражденіе къ наему безъ вознагражденія, и имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и наемъ за вознагражденіе²⁾.

¹⁾ Число сочиненій, въ которыхъ нашъ весьма плодовитый писатель высказывается на тему о процентѣ, нисколько не исчерпывается работами, приведенными въ текстѣ. Такъ, напримѣръ, существуетъ относящаяся къ 1645-ому году „Disquisitio de mutuo qua probatur non esse alienationem“, въ которой авторъ подписывается только инициалами С. Д. Б; однако эти, инициалы, какъ и весь способъ изложенія мыслей, ясно указываютъ на *Сальмазія* (*Dijonicus Burgundus*). Затѣмъ существуетъ относящееся къ тому же году анонимное, но, безъ сомнѣнія, также принадлежащее *Сальмазію* произведеніе „Confutatio diatribae de mutuo tribus disputationibus ventilatae Auctore et praeside Jo. Jacobo Vissembachio“ и т. д. Однако, именно работы, указанныя въ текстѣ, совершили переворотъ.

²⁾ „Quae res facit ex commodato locatum, eadem praestat ut pro mutuo sit foenus, nempe merces. Qui eam in commodato probant, cur in mutuo improbent, nescio, nec ullam hujus diversitatis rationem video. Locatio aedium, vestis, animalis, servi, agri, operae, operis, licita erit: non erit foeneratio quae proprie locatio est pecuniae, tritici, hordei, vini, et aliarum hujusmodi specierum, frugumque tam arentium quam humidarum?“

Единственно мыслимая причина, по которой можно было бы иначе судить о дозволительности вознагражденія при *commodatum* и иначе при *mutuum*, могла бы развѣ заключаться въ различной природѣ употребленія предметовъ *mutuum*, съ одной стороны, и *commodatum*, съ другой. Дѣло въ томъ, что въ предметахъ ссуды употребленіе заключается въ полномъ ихъ *потребленіи*, и можно было бы возразить, что поэтому употребленіе здѣсь не можетъ быть отдѣлено отъ самой вещи. Однако, противъ этого возраженія *Сальмазіи* приводитъ два соображенія: во-первыхъ, такая аргументація повела бы къ отверженію и уничтоженію безвозмездной ссуды, такъ какъ въ такомъ случаѣ потребляемая вещь вообще не могли бы быть уступаемы другому въ „употребленіе“, которое вообще считается сомнительнымъ, — значить, оно не можетъ быть и безвозмезднымъ. А затѣмъ въ потребляемости отдаваемыхъ въ наемъ благъ, напротивъ, заключается еще одна причина, говорящая въ пользу вознагражденія за ссуду. Въ наймѣ собственникъ во всякое время можетъ взять обратно свою вещь, потому что онъ, вѣдь, остается ея собственникомъ; въ ссудѣ онъ этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ его вещь исчезла, въ виду ея потребленія. Вслѣдствіе этого сужающей деньги терпитъ отсрочки, заботы и убытки, и поэтому вознагражденіе за ссуду отвѣчаетъ справедливости еще въ большей степени, нежели вознагражденіе при *commodatum*.

Послѣ изложенія своего собственнаго мнѣнія, *Сальмазіи* обращается къ аргументамъ противниковъ и старается ихъ опровергнуть одинъ за другимъ. При чтеніи этихъ возраженій становится яснымъ, почему *Сальмазію* удалось такимъ блестящимъ образомъ достигнуть того, чего сто лѣтъ раньше не удалось достигнуть *Молинею*, — то есть, убѣдить современниковъ. Относящіяся къ этому вопросу разсужденія крайне убѣдительны: это поистинѣ рѣдкіе образцы блестящей полемики. Матеріалъ для нихъ, правда, въ значительной степени данъ уже его предшественниками, въ особенности *Молинеемъ* ¹⁾; но *Сальмазіи* обрабатываетъ этотъ матеріалъ

¹⁾ Для опредѣленія отношеній, въ которыхъ находились *Сальмазіи* и *Молиней*, было бы не излишнимъ, въ виду рѣшительнаго замѣчанія *Эндеманна*, что *Сальмазіи* не цитируетъ *Молинея* (*Studien I*, p. 65), констатировать, что такія цитаты встрѣчаются у него довольно часто. Списокъ авторовъ, приложенный къ сочиненіямъ *Сальмазія*, указываетъ для книги: „*De usuris*“ на три цитаты изъ *Молинея*, для „*De modo usurarum*“ на двѣнадцать цитатъ и для „*De foenore trapecitico*“ на одну цитату. Эти цитаты относятся преимущественно къ главному

такъ удачно и обогащаетъ его такими убѣдительными мыслями, что его полемика далеко оставляетъ за собою все предшествовавшее.

Можетъ быть, нѣкоторые изъ моихъ читателей пожелаютъ ознакомиться подробно съ нѣкоторыми отрывками изъ его сочиненій, отчасти для того, чтобы получить болѣе обстоятельное представленіе о духѣ, въ которомъ разрабатывали нашу проблему въ продолженіе 17-го и большей части 18-го столѣтій, отчасти для того, чтобы ближе познакомиться съ писателемъ, котораго даже въ настоящее время очень часто цитируютъ, хотя читаютъ крайне рѣдко. Поэтому въ примѣчаніи я воспроизведу дословно нѣсколько отрывковъ изъ его полемики ¹⁾.

сочиненію *Молинея* по этому вопросу: „Tractatus contractuum et usuratum“; одна изъ нихъ (de usuris p. 221) указываетъ непосредственно на мѣсто, которое находится въ центрѣ рѣшающихъ разсужденій (tractatus № 529; № 528 и сл. содержатъ изложеніе и опроверженіе антично-философскихъ и канонистическихъ аргументовъ противъ процента). Въ виду этого, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что *Сальмазіи* точно зналъ сочиненія *Молинея*, и почти такъ же несомнѣнно—какъ и можно было ожидать по его принципиальному съ нимъ согласію,—что онъ черпалъ изъ нихъ. Если въ выше (стр. 54) цитируемой „Confutatio diatribae“ упоминается въ одномъ мѣстѣ (p. 290), что *Сальмазіи* въ то время, когда онъ писалъ подъ псевдонимомъ *Алексія Массалійскаго* свою „Diatriba de mutuo“ не зналъ еще тождественныхъ разсужденій *Молинея* въ его „Tractatus de usuris“, то это замѣчаніе объясняется или только незнаніемъ тѣхъ специальныхъ мѣстъ изъ сочиненій *Молинея*, въ которыхъ онъ отрицаетъ природу ссуды, какъ отчужденія, или, въ виду сказаннаго, оно прямо невѣрно.

¹⁾ *Сальмазіи* начинаетъ аргументомъ о недозволительномъ требованіи двойного вознагражденія за одинъ товаръ. Противники утверждали, что человекъ, берущій что-либо сверхъ одолженной вещи, можетъ брать это только или за употребленіе вещи, уже потребленной, слѣдовательно, за то, что совершенно не существуетъ, или же за самую вещь, и въ такомъ случаѣ онъ одну и ту же вещь продаетъ два раза. На это *Сальмазіи* возражаетъ: „Quae ridicula sunt, et nullo negotio difflari possunt. Non enim pro sorte usura exigitur, sed pro usu sortis. Usus autem ille non est nihilum, nec pro nihilo datur. Quod haberet rationem, si alicui pecuniam mutuum darem, ea lege ut statim in flumen eam projiceret aut alio modo perderet sibi non profuturam. Sed qui pecuniam ab alio mutuum desiderat, ad necessarios sibi usus illam expetit. Aut enim aedes inde comparat, quas ipse habet, ne in conducto diutius maneat, vel quas alii cum fructu et compendio locet: aut fundum ex ea pecunia emit salubri pretio, unde fructus et reditus magnos percipiat: aut servum, ex cujus operis locatis multum quaestus faciat: aut ut denique alias merces praestinet, quas vili emptas pluris vendat“. (p. 195). Указавъ затѣмъ на то, что заимодавецъ такъ же мало долженъ освѣдомляться, были ли его деньги, въ самомъ дѣлѣ, затрачены должникомъ плодотворно, какъ и отдающій въ наемъ домъ, онъ продолжаетъ: „Nec non est sortem bis vendere, nec pro nihilo aliquid percipere. An pro nihilo computandum

Дальнѣйшее не имѣетъ уже такого значенія для исторіи развитія догмы. Прежде всего это вялое, и, несмотря на свою хитроумность, довольно шаткое доказательство того, что въ

quod tu dum meis nummis uteris, sive ad ea quae tuae postulant necessitates, sive ad tua compendia, ego interim his careo cum meo interdum damno et jactura? Et cum mutuum non in sola sit pecunia numerata, sed etiam in aliis rebus quae pondere et mensura continentur, ut in frugibus humidis vel aridis, an, qui indigenti mutuum vinum aut triticum dederit, quod usurae nomine pro usu eorum consequetur, pro nihilo id capere existimabitur? Qui fruges meas in egestate sua consumpserit, quas care emere ad victum coactus esset, aut qui eas aliis care vendiderit, praeter ipsam mensuram quam accepit, si aliquid vice mercedis propter usum admensus fuerit, an id injustum habebitur? Atqui poteram, si eas servassem, carius fortasse in foro vendere, et plus lucri ex illis venditis efficere, quam quantum possim percipere ex usuris quas mihi reddent". (p. 196 и сл.)—Особенно наглядно его возраженіе на аргументъ о бесплодности денегъ: „Facilis responsio. Nihil non sterile est, quod tibi sterile esse volueris. Ut contra nihil non fructuosum, quod cultura exercere, ut fructum ferat, institueris. Nec de agrorum fertilitate regeram, qui non essent feraces nisi humana industria redderet tales... Magis mirum de aëre, et hunc quaestuosum imperio factum. Qui *αερίων* imposuerunt vectigal singulis domibus Constantiopolitani imperatores, aërem sterilem esse pati non potuerunt. Sed haec minus cum foenore conveniunt. Nec mare hic sollicitandum, quod piscatoribus, urinatoribus ac nautis ad quaestum patet, ceteris sterilitate oclusum est. Quid sterilius aegroto? Nec ferre se, nec movere interdum potest. Hunc tamen in reditu habet medicus. Una res est aegroto sterilior, nempe mortuus... Hic tamen sterilis non est pollincitoribus, neque sardapilonibus, neque vespillonibus, neque fossariis. Immo nec praeficis olim, nec nunc sacerdotibus, qui eum ad sepulcrum cantando deducunt. Quae corpus alit corpore, etiamsi liberos non pariat, non tamen sibi infecunda est. Nec artem hic cogites; natura potius victum quaerit. Meretricem me dicere nemo non sentit... De pecunia quod ajunt, nihil ex se producere natura, cur non idem de ceteris rebus, et frugibus omne genus, quae mutuo dantur, asserunt? Sed triticum duplici modo frugiferum est, et cum in terram jacitur, et cum in foenus locatur. Utrobique foenus est. Nam et terra id reddit cum foenore. Cur natura aedium, quas mercede pacta locavero, magis potest videri foecunda, quam nummorum quos foenore dederо? Si gratis eas commodavero, aequae ac si hos gratis mutuo dederо, tum steriles tam hi quam illae mihi evadent. Vis scire igitur, quae pecunia proprie sterilis sit dicenda, immo et dicta sit? Illa certe, quae foenore non erit occupata, quaeque nihil mihi pariet usurarum, quas et propterea Graeci *τόκον* nomine appellarunt". (p. 198 и сл.)—И третій главный аргументъ противниковъ—что ссуда не должна быть возмездной, потому что вещи, отданныя въ наемъ, представляютъ собою собственность должника—*Сальмазіи* находитъ „смѣшнымъ": „At injustum est, ajunt, me tibi vendere quod tuum est, videlicet usum aeris tui. Potens sane argumentum. Atqui non fit tuum, nisi hac lege, ut pro eo, quod accepisti utendum, certam mihi praestes mercedem, usurae nomine, absque qua frustra tuum id esse cuperes. Non igitur tibi, quod tuum est vendo, sed, quod meum est, ea conditione ad te transfero, ut pro usu ejus quamdiu te uti patiar, mihi, quod pactum inter nos est, persolvas".

ссудѣ еще не заключается отчужденіе (*alienatio*) ссуженнаго предѣта,—тема, которой онъ посвящаетъ всю свою „*Diatriba de mutuo*“. Затѣмъ онъ оспариваетъ нѣкоторые аргументы, приводимые канонистами въ пользу справедливости и цѣлесообразности запрещенія процента: что несправедливо отягощать еще процентами должника, на котораго немедленно же съ полученными деньгами переходить соотвѣтствующій рискъ, и, такимъ образомъ, передавать плоды денегъ другому, который не носитъ риска; и что ростовщичество повлекло бы за собою, въ ущербъ интересамъ общества, запущеніе земледѣлія, торговли и другихъ „*bonae artes*“. Оспаривая послѣдній аргументъ, *Сальмазій*, между прочимъ, пользуется случаемъ, чтобы восхвалить пользу конкуренціи: чѣмъ больше существуетъ „*foenoratores*“, тѣмъ лучше; они своимъ соперничествомъ будутъ понижать процентную норму. Дальше—начиная съ IX-ой главы—онъ съ необычнымъ умомъ, знаніемъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, хотя съ чрезмѣрной многорѣчивостью, опровергаетъ аргументъ о „неестественности“ процента. Въ заключеніе, наконецъ (гл. XX, *De usuris*), онъ обсуждаетъ вопросъ, гармонируетъ ли процентъ, оправдываемый въ смыслѣ „*jus naturale*“, и съ „*jus divinum*“, что онъ, конечно, и подтверждаетъ.

Таковы существенныя основныя черты ученія *Сальмазія*. Оно представляетъ собою не только значительный прогрессъ въ разработкѣ соотвѣтствующей темы, но въ теченіе продолжительнаго времени и высшій предѣлъ этого прогресса. Въ теченіе больше ста лѣтъ дальнѣйшее развитіе заключалось почти исключительно въ томъ, что ученіе *Сальмазія* распространялось все больше и больше, что его приводили въ болѣе или менѣе удачныхъ вариантахъ и придавали его аргументамъ форму, соотвѣтствующую духу времени. Но въ сущности его никто не превзошелъ до временъ *Смита* и *Турго*.

Въ такой же степени, въ какой увеличивалось число приверженцевъ ученія *Сальмазія*, уменьшалось число тѣхъ, кто еще придерживался ученія канонистовъ. Этотъ послѣдній упадокъ совершался по легкому понятнымъ причинамъ быстро въ странахъ реформации и германской группы народовъ, медленно въ странахъ чистаго католицизма и романской группы.

Въ Нидерландахъ, какъ мы уже замѣтили выше, за сочиненіями *Сальмазія* послѣдовалъ почти непосредственно рядъ сочиненій, родственныхъ имъ по духу. Еще къ 1640-му

году относятся сочиненія *Клоппенбурга*, *Боксгорна*, *Марезія* и *Грасвинкеля* ¹⁾. Нѣсколько позже (съ 1644-го года) въ литературѣ возгорѣлся споръ обѣихъ партій ²⁾, который въ 1658-мъ году кончился практически побѣдой сторонниковъ взиманія процентовъ. Въ слѣдующее затѣмъ время, среди многочисленныхъ приверженцевъ этого послѣдняго направленія, отличается знаменитый и вліятельный юристъ *Гергардтъ Нодтъ*, который въ своихъ „*Libri tres de foenore et usuris*“ разсматриваетъ всю проблему процента очень обстоятельно, съ большимъ знаніемъ дѣла и литературы ³⁾. Еще позже проявленія враждебности къ проценту становятся все рѣже и рѣже, особенно въ кругахъ специалистовъ; однако, въ единичныхъ случаяхъ они встрѣчаются еще и во второй половинѣ 18-го столѣтія ⁴⁾.

Въ *Германіи*, гдѣ политическая экономія не имѣла большого значенія въ 17-мъ и даже 18-мъ столѣтіяхъ, распространеніе ученія *Сальмазія* совершалось медленно, безъ интересныхъ инцидентовъ и безъ всякой пользы для развитія распространяющагося ученія. Въ *Германіи* обнаруживалось довольно рѣзко, что практика была той силой, которая своимъ напоромъ вызвала переворотъ, между тѣмъ какъ теорія съ трудомъ тащилась за перемѣнами въ общественномъ мнѣніи и законодательствѣ. За полвѣка до того времени, когда въ лицѣ *Безольда* высказался въ пользу процента первый нѣмецкій юристъ, уже въ узаконеніяхъ многихъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ разрѣшалось взиманіе процентовъ или, по крайней мѣрѣ, требованіе опредѣленнаго, уже заранѣе означеннаго „*interesse*“, что на практикѣ сводилось къ одному и тому же ⁵⁾; и когда въ 1654-мъ году

¹⁾ *Laspeyres* о. с. стр. 257.

²⁾ Подробно изложено *Laspeyres* омъ о. с. стр. 258 и сл.

³⁾ Въ научной литературѣ 18-го вѣка особенно часто цитируется *Нодтъ*, какъ авторитетъ; на примѣръ: *Boehmer*, *Protest. Kirchenrecht* V. 19 *passim*. *Varbeuras*, издатель нѣсколькихъ изданій сочиненій *Гуго Гроція*, говоритъ, что существуетъ по вопросу о процентѣ „*opus absolutissimum et plenissimum*“ нѣкотораго „*summi jurisconsulti et non minus judicio, quam eruditione, insignis, Clariss. Noodtii*“. (*De jure Belli ac Pacis* Гроція, изданное въ Амстердамѣ въ 1720-мъ году, р. 384).

⁴⁾ *Laspeyres* о. с. стр. 269.

⁵⁾ *Neumann*, *Geschichte des Wuchers in Deutschland* (стр. 546) упоминаетъ о разрѣшеніяхъ узаконеніями отдѣльныхъ государствъ договорнаго процента, начиная съ двадцатыхъ годовъ 16-го столѣтія. *Эндеманнъ* (*Studien* II 316 и сл., 365 и сл.) относитъ, впрочемъ, эти разрѣшенія только къ договорному „*interesse*“, который, по крайней мѣрѣ принципиально, отличался отъ настоящихъ процентовъ, *usurae*. Во всякомъ случаѣ, такимъ образомъ, взиманіе процентовъ было практически терпимо въ германскихъ государствахъ.

имперское законодательство присоединилось къ этому направлению ¹⁾, то все еще немногіе только теоретики перешли уже на сторону *Безольда* и *Сальмазія*; нѣкто *Адамъ Контценъ* еще въ 1629-мъ году могъ требовать, чтобы всѣ заимодавцы были уголовно наказываемы на ряду съ ворами, и чтобы всѣ евреи, какъ „*venenatae bestiae*“, были изгнаны изъ предѣловъ государства ²⁾. На мой взглядъ, только въ концѣ 17-го столѣтія мнѣніе о принципальной дозволенности процента становится болѣе общимъ въ теоріи. То обстоятельство, что столь выдающіеся люди, какъ *Пугфендорфъ* ³⁾ и *Лейбницъ* ⁴⁾ присоединились къ новому ученію, ускорило его побѣду, и въ теченіе 18-го вѣка оно, наконецъ, постепенно перестаетъ быть спорнымъ вопросомъ.

Въ такомъ фазисѣ мы находимъ данное ученіе у двухъ великихъ камералистовъ, которые выступаютъ въ концѣ нашего періода—*Юсти* и *Зонненфельса*. Политическая экономія ⁵⁾ *Юсти* не содержитъ уже ни одной строки о томъ великомъ вопросѣ, о которомъ прежде было написано много толстыхъ томовъ, хотя она не содержитъ также ни одной строки, которую вообще можно было бы истолковать, какъ теорію процента. Онъ молчаливо считаетъ вполне естественнымъ, что за ссуду платятъ процентъ, и если въ нѣсколькихъ короткихъ замѣчаніяхъ (I, § 268) онъ высказывается противъ ростовщичества, то и здѣсь онъ понимаетъ, опять-таки молчаливо, чрезмѣрно высокіе проценты.

По вопросу о процентѣ *Зонненфельсъ* говоритъ нѣсколько больше *Юсти*. Но и онъ въ первыхъ изданіяхъ своей книги „*Handlungswissenschaft*“ ⁶⁾ не упоминаетъ ни единымъ словомъ о спорѣ по поводу принципальной дозволенности процента. Въ болѣе позднемъ изданіи (въ пятомъ, отъ 1787-го года) онъ, правда, упоминаетъ объ этомъ спорѣ, но въ такой формѣ и въ такомъ тонѣ, въ которыхъ говорятъ о вполне уже рѣшенныхъ вопросахъ; а именно, только въ примѣчаніи (стр. 496) онъ въ нѣсколькихъ рѣшительныхъ словахъ отвергаетъ запрещеніе канонистами взиманія процентовъ, осмѣиваетъ ихъ абсурдныя доказательства, основанныя на священномъ писаніи, и находитъ нелѣпымъ за-

¹⁾ Въ послѣднемъ постановленіи имперскаго сейма. О спорномъ толкованіи н этого мѣста см. *Нейманъ* о. с. стр. 559 и сл.

²⁾ *Рошеръ* о. с. стр. 205.

³⁾ *Рошеръ* о. с. стр. 312 и сл.

⁴⁾ *Рошеръ* стр. 338 и сл.

⁵⁾ Второе изданіе отъ 1758 года.

⁶⁾ Такъ во второмъ, Вѣна 1771 г.

прешеніе взимать 6% съ денегъ въ то время, какъ при превращеніи денегъ въ товаръ можно заработать 100%.

То обстоятельство, что *Зонненфельсъ* относится къ ученію канонистовъ съ такимъ пренебреженіемъ, заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что обыкновенно онъ относится совсѣмъ недоброжелательно къ проценту. Подъ влияніемъ *Форбоннэ* онъ видитъ происхожденіе процента въ приостановкѣ денежнаго обращенія капиталистами, накопляющими деньги, изъ рукъ которыхъ можно ихъ выманить только при помощи дани, выраженной въ процентѣ ¹⁾. Онъ приписываетъ проценту различныя вредныя слѣдствія, а именно: что процентъ увеличиваетъ цѣну товаровъ, уменьшаетъ доходъ труда и даетъ возможность собственнику денегъ присваивать часть этого дохода ²⁾. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже называетъ капиталистовъ классомъ людей, „которые ничего не дѣлаютъ, а живутъ на счетъ трудящихся классовъ“ ³⁾.

На ряду съ такими взглядами опять-таки пробивается принятое имъ ученіе *Сальмазія*. Въ одномъ мѣстѣ *Зонненфельсъ*, совсѣмъ въ духѣ *Сальмазія*, считаетъ причинами требованія процентовъ кредиторами то, что кредиторы лишаются своихъ денегъ, несутъ рискъ потери ихъ и утрачиваютъ ту пользу, которую они могли бы приобрести посредствомъ покупки приносящихъ плоды предметовъ ⁴⁾; въ другомъ мѣстѣ онъ признаетъ, что пониженіе закономъ разрѣшенной процентной нормы не является подходящимъ средствомъ для уничтоженія вреда высокихъ процентовъ ⁵⁾; еще въ другомъ мѣстѣ онъ вообще находитъ нецѣлесообразной опредѣленную, закономъ установленную процентную норму, такъ какъ выше приведенныя причины, опредѣляющія процентъ, непостоянны; норма или излишня или вредна ⁶⁾.

Глубокое молчаніе, которымъ *Юсти* обходитъ этотъ вопросъ, въ связи съ краснорѣчіемъ, не лишеннымъ внутреннихъ противорѣчій, которое *Зонненфельсъ* проявляетъ по этому же вопросу, я считаю характернымъ подтвержденіемъ двухъ фактовъ: во-первыхъ, того, что во время этихъ людей ученіе *Сальмазія* настолько уже укрѣпилось въ Германіи, что даже для тѣхъ писателей, которые менѣе всего благоприятно относились къ проценту, было невозможно возвратиться къ

¹⁾ Второе изданіе, стр. 419, 425 и сл.

²⁾ Тамъ же стр. 427.

³⁾ О. с. стр. 430.

⁴⁾ О. с. стр. 426 и сл.

⁵⁾ О. с. стр. 432 и сл.

⁶⁾ Пятое изданіе, 497.

строгой канонистической точкѣ зрѣнія; а, во-вторыхъ, и того, что до рассматриваемаго времени распространеніе названной теоріи не было связано ни съ какимъ дальнѣйшимъ ея развитіемъ.

Англія, кажется, была той страной, гдѣ отверженіе ученія канонистовъ было сопряжено съ наименьшимъ литературнымъ движеніемъ. Благодаря развитію торговли и промысловъ, она рано созрѣла для кредитнаго хозяйства, и ея законодательная власть рано уступила требованіямъ хозяйственной жизни. *Генрихъ VIII* уже въ 1545-омъ году отмѣнилъ запрещеніе взиманія процентовъ и замѣнилъ его только процентной нормой. Временно оно опять было восстановлено въ царствованіе *Эдуарда VI*, однако, уже въ 1571-омъ году оно снова было отмѣнено королевой *Елизаветой*, и на этотъ разъ навсегда ¹⁾. Такимъ образомъ, принципиальный вопросъ, является ли заемный процентъ справедливымъ, былъ разрѣшенъ въ Англіи практически, прежде чѣмъ тамъ явилась экономическая теорія; а когда она, наконецъ, появилась, то этотъ вполнѣ уже рѣшенный вопросъ представлялъ для нея мало интереса. Зато тѣмъ большій интересъ былъ возбужденъ въ Англіи новымъ спорнымъ вопросомъ, который былъ вызванъ перемѣнами въ законодательствѣ, а именно, вопросомъ, умѣстна ли процентная *норма*, и въ какихъ предѣлахъ.

Эти обстоятельства наложили печать на англійскую литературу о процентѣ 17-го и 18-го столѣтій. Разсуждали съ большимъ усердіемъ и въ цѣломъ рядѣ сочиненій о величинѣ процента, о его преимуществахъ и недостаткахъ, о цѣлесообразности или нецѣлесообразности его ограниченія законодательнымъ путемъ; но только очень рѣдко, и притомъ обыкновенно совѣмъ поверхностно, затрагивали вопросъ о его хозяйственной природѣ, происхожденіи и правомѣрности.

Я приведу нѣсколько краткихъ примѣровъ, относящихся сюда.

О *Бэконѣ*, который по времени стоялъ очень близко къ эпохѣ запрещенія взиманія процентовъ и высказался въ пользу процента въ силу довольно трезвыхъ практическихъ

---

¹⁾ Ср. *Schanz*, *Englische Handelspolitik*, Leipzig 1881, I томъ, стр. 552 и сл.

соображений, мы упомянули уже раньше ¹⁾. Приблизительно двадцать лѣтъ спустя даже самый ожесточенный врагъ процента, *Тома Кульпеперъ*, не смѣлъ уже приводить доводы канонистовъ противъ процента отъ *своего* имени, а обходить этотъ вопросъ очень характерно оговоркой, что доказать несправедливость процента онъ предоставляетъ богословамъ, онъ же ограничится только тѣмъ, что покажетъ, сколько вреда приноситъ процентъ ²⁾. Но въ дальнѣйшемъ онъ нападаетъ не столько на проценты вообще, сколько на высокіе проценты ³⁾.

И другой писатель, относящійся весьма недоброжелательно къ проценту, *Джозіа Чайльдъ*, не хочетъ уже разбирать вопросъ о справедливости процента, а указываетъ читателю, желающему познакомиться съ нимъ поближе, исключительно на болѣе старинное, кажется, анонимное сочиненіе, появившееся въ 1634-омъ году подъ заглавіемъ. „The English usurer ⁴⁾“.

Затѣмъ онъ часто называетъ процентъ „цѣною денегъ“, что, во всякомъ случаѣ, не служитъ доказательствомъ его основательнаго знакомства съ сущностью процента, и, при случаѣ, высказываетъ мнѣніе, что, благодаря проценту, заимодавецъ обогащается на счетъ должника ⁵⁾, но все-таки онъ только высказывается за ограниченіе закономъ установленной процентной нормы, а не за полную отмѣну процента. Его противникъ *Нортъ*, относящійся дружелюбно къ проценту, рассматриваетъ, подобно *Сальмазію*, процентъ, какъ „rent for stock“, наравнѣ съ земельной рентой; однако, для объясненія обоихъ явленій онъ ничего не умѣетъ привести кромѣ того, что собственники уступаютъ лишнюю часть земли и капитала тѣмъ, кто въ этомъ нуждается ⁶⁾.

¹⁾ См. выше стр. 51.

²⁾ *Traict against the high rate of usury 1621*. Въ моемъ распоряженіи находился только французскій переводъ этого трактата, Амстердамъ и Берлинъ 1754 г. Мѣсто, цитируемое въ текстѣ, находится на 441-ой страницѣ этого перевода.

³⁾ Напримѣръ, стр. 477, гдѣ отвергается, какъ несправедливый, только тотъ процентъ, „qui rongge et qui détruit“, т. е. слишкомъ высокій.

⁴⁾ Этого сочиненія я, къ сожалѣнію, не могъ достать. Вышеприведенное замѣчаніе *Чайльда* находится во вступленіи къ его разсужденіямъ о торговлѣ. Стр. 9 французскаго перевода отъ 1754-го года.

⁵⁾ *New discourse of trade, 1690*. Я пользовался только тѣмъ же французскимъ переводомъ отъ 1754-го года, которымъ пользовался и *Рошеръ* въ своемъ сочиненіи „Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre“ (*Abhandlungen der königl. sächs. Ges. der Wissenschaften, III томъ 1857 г.*) См. *Рошеръ*, стр. 59 и сл.

⁶⁾ *Рошеръ*, о. с. стр. 89 и сл.

Среди такого поверхностнаго отношенія къ проблемѣ ссуднаго процента составляетъ исключеніе только *одинъ* писатель 17-го вѣка—философъ *Джонъ Локкъ*.

Локкъ оставилъ намъ весьма оригинальное объясненіе причинъ происхожденія ссуднаго процента. Сначала онъ приводитъ нѣсколько мыслей, которыя весьма напоминаютъ собою точку зрѣнія канонистовъ. „Деньги“, говоритъ онъ ¹⁾, „вещь безплодная (barren thing) и ничего не производятъ; онѣ только путемъ договора переводятъ въ карманы одного доходъ, вознаграждающій трудъ другого“. Несмотря, однако, на это, *Локкъ* находитъ ссудный процентъ законнымъ. Доказательствомъ и соединяющимъ звеномъ для него служитъ полная аналогія, существующая между ссуднымъ процентомъ, съ одной стороны, и арендной платой за участокъ земли, съ другой. Ближайшая причина обоихъ явленій лежитъ въ неравномъ распредѣленіи благъ. Въ виду того, что у одного больше денегъ, чѣмъ ему надобно, а у другого меньше, первый находитъ „наемщика“ для своихъ денегъ ²⁾, точно такъ же, какъ землевладѣлецъ находитъ арендатора для своей земли потому, что у него слишкомъ много земли, а у того слишкомъ мало. Но почему же должникъ соглашается платить процентъ за одолженные деньги?—Опять-таки по той же причинѣ, по которой арендаторъ соглашается платить ренту за пользованіе землей: деньги—какъ это подчеркиваетъ *Локкъ*—только благодаря дѣятельности должника въ состояніи „произвести“ въ торговлѣ для должника больше 6%, совершенно такъ же, какъ земля, „благодаря труду арендатора“, въ состояніи произвести больше плодовъ, чѣмъ стоитъ ея аренда. А если, несмотря на это, ссудный процентъ, получаемый капиталистомъ, долженъ быть разсматриваемъ, какъ плодъ труда другого, то это по отношенію къ нему справедливо не въ большей степени, чѣмъ и по отношенію къ земельной рентѣ. Напротивъ, даже въ меньшей, такъ какъ земельная рента обыкновенно оставляетъ арендатору отъ его плодовъ гораздо меньше, чѣмъ сколько можетъ выручить берущій въ ссуду извѣстную сумму денегъ изъ полученнаго дохода, послѣ вычета ссуднаго процента; такимъ образомъ, *Локкъ* приходитъ къ заключенію: „Отдавать деньги на про-

¹⁾ Considerations of the consequences of the lowering of interest and raising the value of money, 1691 p. 24. Я цитирую по полному собранію сочиненій *Локка*, Лондонъ 1777 г. II томъ.

²⁾ И въ другихъ мѣстахъ (напр. о. с. стр. 4) *Локкъ* называетъ процентъ цѣною за „наемъ денегъ“ (hire of money).

центы не только неизбежно для многихъ людей въ силу требованій хозяйственной жизни и устройства человѣческаго общества, но и получение дохода отъ отдачи въ наемъ денегъ такъ же справедливо и законно, какъ получение земельной ренты, при чемъ должникъ легче можетъ это перенести“...

Едва ли можно утверждать, что эта теорія особенно удачна. Отправная точка и окончательный выводъ находятся между собою въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчii. Если справедливо, что ссудный процентъ переводитъ вознагражденіе, созданное трудомъ одного, въ карманъ другого, который лично совсѣмъ не трудится, деньги же котораго сами по себѣ безплодны, то съ этимъ никакъ не вяжется взглядъ, что ссудный процентъ все-таки „справедливъ и законенъ“. То обстоятельство, что существуетъ несомнѣнная аналогія съ доходомъ отъ аренды, послѣдовательнымъ образомъ могло бы привести развѣ только къ выводу, что земельная рента должна быть включена въ общее осужденіе. Для такого включенія теорія *Локка* имѣла бы достаточно поводовъ—онъ вѣдь ясно называетъ и земельную ренту плодомъ труда другого, а между тѣмъ ея законность для *Локка*, кажется, была внѣ всякаго сомнѣнія.

Какъ ни мало удовлетворительна теорія процента *Локка*, все же одно обстоятельство придаетъ ей значительный догматически-историческій интересъ. А именно, въ ней мы видимъ зачатки мысли, что только человѣческій трудъ производитъ всѣ блага. Здѣсь *Локкъ* скорѣе примѣняетъ эту мысль, чѣмъ формулируетъ, при чемъ примѣняетъ ее не очень удачно. Въ другомъ мѣстѣ онъ ее высказываетъ болѣе опредѣленно, говоря: „на дѣлѣ только трудъ придаетъ каждому предмету различную цѣнность“ 1). Впослѣдствіи мы увидимъ, какое громадное значеніе приобрѣла эта мысль въ болѣе позднюю эпоху для развитія проблемы о процентѣ 2).

Нѣкоторое сродство со взглядами *Локка* на ссудный процентъ обнаруживаетъ нѣсколько позже *Джемсъ Стюартъ*. „Интересъ,“—пишетъ онъ—„который платятъ за одолженные деньги, незначителенъ въ сравненіи съ тою цѣнностью, которую (какъ-бы) создаютъ путемъ примѣненія своего времени и способностей“.

1) Of civil government. Книга II гл. V, § 40. Ср. *Рошеръ*, о. с. р. 95 и сл.

2) См. ниже, глава XII.

„Если говорить, что это неубѣдительно, такъ какъ не подтверждается никакимъ доказательствомъ, то я отвѣчаю на это, что *цѣнность* челоѣческаго *труда* можетъ быть опредѣляема *отношеніемъ между готовымъ продуктомъ*, когда она выносится на рынокъ, и *сырымъ матеріаломъ*“¹⁾. Курсивомъ напечатанныя слова свидѣлствуетъ о томъ, что *Стюартъ*, какъ и *Локкъ*, считаетъ весь излишекъ цѣнности, получившійся при производствѣ, результатомъ труда должника, а, слѣдовательно, и ссудный процентъ плодомъ этого *труда*.

Если и *Локкъ* и *Стюартъ* совершенно еще не выяснили себѣ природы того, что мы теперь называемъ первичной прибылью на капиталъ, то все-таки они ясно сознавали, что ссудный процентъ обязанъ своимъ происхожденіемъ и обоснованіемъ именно этой прибыли. Такъ, напримѣръ, въ другомъ мѣстѣ *Стюартъ* говоритъ опредѣленно: „Въ зависимости отъ природы преимуществъ, которыя можно пріобрѣсти на одолженные деньги, берущие ихъ въ ссуду предлагаютъ большее или меньшее вознагражденіе за пользование ими“²⁾.

Въ общемъ, англійская литература о процентѣ много трудилась надъ выясненіемъ зависимости между ссуднымъ процентомъ и прибылью на капиталъ, при чемъ она хотя и не превзошла ученія *Сальмазія* въ смыслѣ принципиальной опредѣленности, но все же она обогатила его разработкой деталей. Особенно излюбленнымъ было изслѣдованіе, является ли высокій ссудный процентъ причиной или слѣдствіемъ высокой прибыли. *Юмъ* рѣшаетъ этотъ споръ такимъ образомъ, что признаетъ ихъ обоюдное дѣйствіе. „Совершенно излишній трудъ“—говоритъ онъ³⁾—„представляетъ собою изслѣдованіе, которое изъ двухъ обстоятельствъ является причиной и которое слѣдствіемъ—низкій ли процентъ или низкая прибыль. Оба они являются съ развитіемъ торговли и поддерживаютъ другъ друга. Никто не будетъ довольствоваться низкой прибылью, если можетъ получить высокій процентъ, и никто не будетъ довольствоваться низкимъ процентомъ, если можетъ получить высокую прибыль“.

¹⁾ Изслѣдованіе принциповъ народнаго хозяйства. Нѣмецкій переводъ изд. Котта, Тюбингенъ 1769—1772 г. IV, р. 50.

²⁾ о. с. р. 24.

³⁾ Of Interest; Essay's and treatises on several subjects, Basil. 1793, II томъ, р. 60.

Это мнѣніе Юма не очень глубоко; гораздо болѣе цѣннымъ является другое мнѣніе, также связанное съ именемъ Юма. А именно: онъ первый вполне опредѣленно проводитъ различіе между понятіями „деньги“ и „капиталь“ и показываетъ, что величина процентной нормы въ данной странѣ зависитъ не отъ количества монетъ, находящихся въ ея распоряженіи, а отъ величины запаса находящихся въ ней благъ ¹⁾. Однако, для обоснованія происхожденія процента на капиталъ это важное открытіе было использовано только гораздо позже.

Доказательствомъ того, насколько для англичанъ 18-го столѣтія, привыкшихъ къ промышленной жизни, стало чуждымъ нѣкогда столь распространенное ученіе канонистовъ, можетъ, наконецъ, еще служить отношеніе къ проблемѣ взиманія процентовъ Бентама въ его появившемся, однако, только въ 1787-омъ году сочиненіи—„Defence of usury“. О серьезномъ оправданіи взиманія процентовъ нѣтъ уже и рѣчи. Доводы древнихъ и канонистовъ приводятся только, какъ благодарный матеріаль для остроумныхъ замѣчаній, и *Аристотель*, этотъ родоначальникъ идеи о бесплодности денегъ, осмѣивается словами, что онъ „никогда не былъ въ состояніи открыть въ монетѣ какіе-либо органы, которые могли бы служить для производства другихъ такихъ же монетъ“ и пр. (Letter. X).

Италія находилась непосредственно на глазахъ у римской церкви. Но, съ другой стороны, Италія была той страной въ Европѣ, въ которой раньше всего достигли пышнаго расцвѣта торговля и промышленность, и которая поэтому раньше другихъ должна была почувствовать невыносимость гнета запрещенія канонистами взиманія процентовъ. Отношеніе, которое проявляли къ запрещенію, сумѣло учесть оба эти обстоятельства: нигдѣ въ Европѣ запрещеніе взиманія процентовъ на дѣлѣ не имѣло такъ мало практическаго значенія, какъ въ Италіи, но зато здѣсь теоретики

¹⁾ О. с. passim. Для одной половины этого взгляда Юмъ имѣлъ уже замѣчательнаго предшественника въ лицѣ *Николая Барбона*, который называетъ процентъ „rent of stock“ и прибавляетъ, что обыкновенно считаютъ, будто бы процентъ платится за деньги; однако, это заблужденіе: процентъ собственно платится за капиталъ (stock), такъ какъ одолженные деньги уступаются для покупки товаровъ. (A Discourse of trade, 1690 p. 31 и слѣд.; см. сочиненіе *Стефана Бауера* о *Барбонѣ* въ словарѣ Конрада Н. К. томъ XXI отъ 1890-го года стр. 561 и сл., въ особенности 573).

позднѣ всего рѣшились открыто выступить противъ церковнаго запрета.

Было сдѣлано все, что только можно было сдѣлать тайкомъ отъ формально дѣйствующаго запрещенія взиманія процентовъ. И кажется, что можно было сдѣлать почти все, въ чемъ только нуждалась практика. Самые удобные виды обхода закона представляло вексельное обращеніе, которое вѣдь въ Италіи и имѣетъ свою родину, и скрытіе процентовъ подъ видомъ „возмѣщенія убытковъ“. Свѣтское законодательство охотно благопріятствовало такому обходу законовъ, такъ какъ оно уже давно разрѣшило предварительное договорное соглашеніе объ „интересѣ“ съ опредѣленной процентной нормой для ссуднаго капитала и опредѣляло только maximum „интереса“, котораго не имѣла права нарушать ни одна изъ сторонъ ¹⁾.

Между тѣмъ, кажется, ни одинъ изъ писателей Италіи до 18-го столѣтія не выступилъ съ открытымъ принципиальнымъ нападеніемъ на ученіе канонистовъ. *Галиани* въ 1750-омъ году называетъ *Сальмазія* первымъ, давшимъ полное изложеніе ученія о процентѣ въ духѣ ему благопріятствующемъ, а изъ дальнѣйшей итальянской литературы онъ упоминаетъ только о спорѣ, который незадолго до него разгорѣлся по поводу проблемы процента между маркизомъ *Маффей* и доминиканцемъ *Фра Даніэлло Концина* ²⁾. И другіе извѣстные писатели того же времени обыкновенно называютъ выдающимися своими предшественниками главнымъ образомъ *Сальмазія* и нѣкоторыхъ другихъ иностранцевъ, какъ *Локка*, *Юма*, *Монтескье* и *Форбоннэ*, изъ соотечественниковъ же никого до времени маркиза *Маффей* ³⁾. Такимъ образомъ, по всей вѣроятности, никто иной, какъ *Сальмазія* положилъ основаніе итальянской литературѣ, благопріятствующей проценту.

¹⁾ Ср. историческія разсужденія *Васко*: „L'usura libera“ (Scrittori Classici Italiani, Parte moderna, томъ 34) р. 182 и сл., въ особенности 195, 198 и сл., 210 и сл.

²⁾ Galiani, Della moneta. (Scritt. Class. Ital. Parte mod. томъ 4-ый, р. 240 и сл.).

³⁾ Impiego del danaro 1744. Самой книги не было въ моемъ распоряженіи. Однако, содержаніе книги—какъ мнѣ имѣлъ любезность сообщить покойный профессоръ *Луиджи Косса*—по большей части почерпнуто изъ появившагоса годомъ раньше сочиненія голландскаго богослова *Бредерсена*, благосклонно относящагоса къ проценту (De usuris licitis et illicitis, 1743).

Позднее распространение, которое нашло себя здесь его учение, кажется, не было связано ни с каким особенным обогащением его. Один только писатель составляет исключение из этого правила—*Галиани*. Онъ объясняетъ вопросъ о сущности и справедливости ссуднаго процента вполне оригинально.

Если-бы—говорить онъ ¹⁾—процентъ былъ въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ его обыкновенно считаютъ, а именно прибылью или барышомъ, который заимодавецъ извлекаетъ изъ своихъ денегъ, то онъ, дѣйствительно, долженъ бы былъ заслуживать осужденія, ибо каждая прибыль, — безразлично, высокая или низкая—которую даютъ деньги, сами по себѣ бесплодныя, заслуживаетъ порицанія. Такую прибыль нельзя также назвать плодомъ труда, потому что трудится тотъ, кто беретъ ссуду, а не тотъ, кто ее даетъ“ (р. 244). Но процентъ не является настоящей прибылью, а только необходимымъ дополненіемъ для равенства того, что чело-вѣкъ даетъ, и что онъ беретъ. Справедливости требуетъ, чтобы то и другое было равноцѣнно. Такъ какъ цѣнность является отношеніемъ, въ которомъ находятся предметы къ нашимъ потребностямъ, то было бы совершенно неправильно искать равноцѣнности въ равенствѣ вѣса, количества или внѣшняго вида обмѣниваемыхъ предметовъ. Напротивъ, важно только то, чтобы польза получаемаго и отдаваемого была одинакова. Поэтому настоящія и будущія суммы денегъ, равныя по величинѣ, не равноцѣнны, подобно тому, какъ въ вексельномъ обращеніи не равноцѣнны одинаковыя суммы денегъ въ различныхъ мѣстахъ. И подобно тому, какъ прибыль на вексель (*сambio*), несмотря на кажущійся видъ ажіо (*сorgharîu*), въ сущности есть дополненіе, которое, будучи прибавлено то къ имѣющимся въ данномъ мѣстѣ, то къ отдаленнымъ по мѣсту своего нахождения деньгамъ, восстанавливаетъ равенство внутренней цѣнности обѣихъ суммъ,—точно такъ же ссудный процентъ не представляетъ собою ничего иного, какъ приравненіе различныхъ цѣнностей настоящихъ и отдаленныхъ по времени денежныхъ суммъ (р. 243 и сл.).

Этой интересной мыслью *Галиани* открылъ новый путь для оправданія ссуднаго процента; она, между прочимъ, освобождаетъ *Галиани* отъ необходимости пользоваться извѣстнымъ сомнительнымъ доказательствомъ, къ которому должны были прибѣгнуть его предшественники. А именно,

¹⁾ О. с. V книга, гл. I.

для того, чтобы избѣгнуть упрека въ нарушеніи равенства взаимныхъ услугъ, *Сальмазій* и его послѣдователи должны были прибѣгать къ доказательству, что существуетъ непрерывное употребленіе, какъ для потребляемыхъ благъ, такъ и для такихъ, которыя, можетъ быть, въ началѣ уступки, въ самомъ дѣлѣ, уже были потреблены, и что за отдѣльную уступку этого употребленія по справедливости требуется отдѣльное вознагражденіе — процентъ. Это все-таки нѣсколько сомнительное доказательство стало лишнимъ благодаря нововведенію *Галиани*.

Къ сожалѣнію, однако, окончательный видъ, который принимаетъ эта мысль у *Галиани*, мало удовлетворителенъ. А именно, *Галиани* видитъ причину того, что настоящія суммы денегъ имѣютъ болѣшую цѣнность, чѣмъ будущія, исключительно въ различной степени надежности полученія денегъ: права на полученіе извѣстной суммы денегъ въ будущемъ всегда сопряжены съ извѣстными опасеніями, въ силу которыхъ сумма эта оцѣнивается ниже, чѣмъ такая же сумма денегъ въ настоящее время. Процентъ, уплачиваемый, какъ вознагражденіе за эти опасенія, является, такимъ образомъ, видомъ страховой преміи. *Галиани* рѣзко высказываетъ этотъ взглядъ въ двухъ мѣстахъ: въ одномъ (р. 247) онъ называетъ „такъ называемые плоды денегъ“ цѣной за „сердцебіеніе“ (*prezzo del batticuore*); въ другомъ (р. 252) онъ напрямикъ заявляетъ, что то, что называютъ плодомъ денегъ, вѣрнѣе могло-бы называться цѣной за страхованіе (*prezzo dell'assicurazione*). Такимъ образомъ, онъ совершенно невѣрно понимаетъ сущность ссуднаго процента.

Способъ, которымъ позднѣйшіе итальянскіе писатели 18-го столѣтія рассматриваютъ проблему процента, не заслуживаетъ уже особеннаго вниманія. И болѣе выдающіеся изъ нихъ—въ родѣ *Геновези* ¹⁾ и *Беккарія* ²⁾—и тѣ, которые обрабатывали предметъ о процентѣ монографически, какъ *Васко* ³⁾, вращаются преимущественно въ сферѣ взглядовъ, традиціонныхъ со времени *Сальмазія*.

Lezioni di Economia Civile 1769 (Scritt. Cl. Ital. part. mod. томъ 9), II часть, гл. XIII.

¹⁾ Elementi di Economia Pubblica, составляемые отъ 1769-го по 1771-ый годъ, впервые напечатанные въ 1804-омъ году въ собраніи Scritt. Cl. It. part. mod. томъ 11-ый и 12-ый; особенно IV часть, гл. 6-ая и 7-ая.

³⁾ Usura libera; томъ 34-ый выше указаннаго собранія сочиненій (parte mod.).

Наибольшаго вниманія заслуживаютъ еще разсужденія *Беккарія*. Онъ проводитъ рѣзкую грань между интересомъ и процентомъ (*usura*): первый представляетъ собою непосредственную пользу отъ какого-либо предмета, между тѣмъ какъ процентъ является „пользой отъ пользы“ (*l'utilità dell'utilità*). Непосредственную пользу (интересъ) даютъ всѣ блага. А такъ какъ деньги служатъ общимъ мѣриломъ и представителемъ цѣнности всѣхъ другихъ благъ, то, въ частности, интересъ денегъ заключается въ пользѣ, которую могутъ приносить представляемые ими блага. Такъ какъ, въ особенности, каждая сумма денегъ представляетъ или можетъ представлять собою извѣстный участокъ земли, то и интересъ суммы опредѣляется ежегоднымъ доходомъ отъ этой земли. На основаніи этого, интересъ этотъ измѣняется съ измѣненіемъ величины дохода отъ земли, и средняя величина денежнаго интереса будетъ равняться среднему доходу отъ земли (р. 116 и сл.).

Такъ какъ въ этомъ разсужденіи слово „интересъ“, очевидно, обозначаетъ то же самое, что мы назвали бы первичной прибылью на капиталъ, то въ вышеуказанномъ мѣстѣ мы можемъ усмотрѣть попытку, хотя и крайне примитивную, объясненія происхожденія и величины первичнаго процента на капиталъ возможностью покупки земли. Какъ мы, однако, увидимъ впослѣдствіи, та же мысль нашла себѣ за нѣсколько лѣтъ до того времени болѣе совершенное изложеніе у другого писателя.

Въ одномъ мѣстѣ *Беккарія* затрагиваетъ также мотивъ, впервые введенный *Галиани*, о вліяніи времени и объ аналогіи съ вексельнымъ процентомъ, являющимся интересомъ по отношенію къ мѣсту (р. 122); однако, онъ останавливается на немъ еще поверхностнѣе, чѣмъ *Галиани*.

Что касается католической *Франціи*, то она отстала и въ теоріи и въ практикѣ. Ея государственные законы о процентѣ въ теченіе столѣтій считались самыми строгими въ Европѣ. Въ то время, какъ во всѣхъ остальныхъ государствахъ единогласно уже разрѣшили взиманіе процентовъ или совершенно открыто или въ очень слабо замаскированной формѣ уже напередъ условленнаго интереса, *Людовикъ XIV* нашелъ подходящимъ возобновить существующее запрещеніе взиманія процентовъ въ такомъ объемѣ, что запрещались даже торговые проценты: единственно Лионскій рынокъ былъ изъятъ изъ этого запрещенія ¹⁾. Сто лѣтъ

¹⁾ *Баско*, о. с. р. 209.

спустя, когда въ другихъ странахъ уже стали осмѣивать давно отжившее свое время запрещеніе взиманія процентовъ въ тонѣ *Зонненфельса* или *Бентама*, во французскомъ судопроизводствѣ оно пользовалось еще всей своей губительной силой, и только 1789-ому году выпало на долю порвать съ этой институціей средневѣкового духа, какъ со многими другими: закономъ отъ 12-го октября 1789-го года запрещеніе взиманія процентовъ было формально отмѣнено и было замѣнено процентной нормой въ 5⁰/₁₀₀.

Какъ законодательство, такъ и теорія во Франціи упорнѣ всего придерживалась строгой точки зрѣнія канонистовъ. Мы уже видѣли, въ какой незначительной степени могла быть принята теорія *Молінея* около середины 16-го столѣтія. Въ концѣ 16-го столѣтія столь просвѣщенный писатель, какъ *Жанъ Боденъ*, находитъ запрещеніе взиманія процентовъ вполнѣ справедливымъ, хвалитъ законодателей, издающихъ его, за ихъ мудрость и считаетъ самымъ цѣлесообразнымъ вырвать процентъ вмѣстѣ съ его корнями („*usuratum non modo radices, sed etiam fibras omnes amputare*“) ¹⁾. Въ 17-мъ столѣтіи французъ *Сальмазій* высказывался, правда, блестяще въ пользу процента, однако, онъ это дѣлалъ внѣ предѣловъ Франціи. Въ 18-мъ вѣкѣ, наконецъ, растетъ число писателей, сторонниковъ процента. Такъ, *Ло* борется уже за полную свободу процентнаго обращенія, даже за уничтоженіе процентной нормы ²⁾; *Мелонъ* называетъ процентъ неизбѣжной общественной необходимостью и предоставляетъ богословамъ согласовать свои нравственныя сомнѣнія съ этой необходимостью ³⁾. *Монтескье* объявляетъ, что безвозмездная отдача въ ссуду денегъ безспорно представляетъ собою похвальный поступокъ, но это можетъ быть только предметомъ религіознаго совѣта, а не гражданскаго закона ⁴⁾. Несмотря, однако, на это, все же еще находились писатели, которые выступали противъ нихъ, защищая старое строгое ученіе канонистовъ.

Среди этихъ запоздалыхъ борцовъ за ученіе канонистовъ выдѣляются въ особенности двое: высоко цѣнимый юристъ *Потье* и фیزیократъ *Мирабо*.

Потье сумѣлъ выбрать изъ хаоса аргументовъ канонистовъ наиболѣе основательные и соединить ихъ съ боль-

¹⁾ De Republica II, изд. 1591 г. V. II p. 799 и сл.

²⁾ Напримѣръ, II. Mémoire sur les banques; Economistes financiers du XVIII siècle, Ed. Daire, Paris 1851, p. 571.

³⁾ Essai politique sur le commerce, тамъ же p. 742.

⁴⁾ Esprit des lois XXII.

шимъ умѣніемъ и остроуміемъ въ одно цѣлое, въ которомъ они, въ самомъ дѣлѣ, представлены очень убѣдительно. Я въ примѣчаніи приведу главное характерное мѣсто, которое уже обратило на себя вниманіе нѣкоторыхъ изслѣдователей ученія о процентѣ¹⁾.

Въ томъ же смыслѣ высказывался и авторъ: „Philosophie rurale“²⁾, *Мирабо*, впрочемъ, болѣе усердно, чѣмъ удачно. Его разсужденія о процентѣ относятся къ наиболѣе запутаннымъ, которыя когда либо писались по этому вопросу. Онъ фанатическій противникъ процента и неутомимъ въ приведеніи доводовъ противъ него. Онъ, между прочимъ, дока-

¹⁾ Уже у *Ризи* въ его сочиненіи о процентныхъ нормахъ и законахъ о ростовщичествѣ и у *Кнуса* (*Credit I*, стр. 347), встрѣчается мѣсто, изъ котораго взята нижеслѣдующая цитата, которая гласитъ: „Справедливость требуетъ, чтобы услуги, которыя дѣлаются обѣими сторонами при возмездныхъ договорахъ, были равноцѣнны, и чтобы ни одна сторона не давала больше, чѣмъ получила, или получала больше, чѣмъ дала. Слѣдовательно, всѣ требованія займодавца отъ должника, сверхъ предоставленнаго капитала, несправедливы, такъ какъ онъ получаетъ при возвращеніи одного только капитала уже все то, что далъ. Однако, по отношенію къ *незамѣнимымъ* предметамъ, которые употребляютъ, не разрушая ихъ, не задумываясь, можно разрѣшить взиманіе наемной платы, такъ какъ здѣсь (по крайней мѣрѣ, мысленно) употребленіе всегда можетъ быть вполне отдѣляемо отъ самого предмета и подлежить, слѣдовательно, также оцѣнкѣ и имѣть цѣну, которая можетъ быть отдѣляема и на дѣлѣ отдѣляется отъ цѣны самой вещи. Если поэтому я уступилъ кому-либо такую вещь исключительно для употребленія, то ничто не мѣшаетъ мнѣ, сверхъ возвращенія предмета, оставшагося моею собственностью, требовать еще и наемную плату, которая является цѣною за предоставленное мною употребленіе такового. Однако, совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ тѣми предметами, которые юристы обыкновенно называютъ *замѣнимыми*. Такъ какъ они по необходимости разрушаются при употребленіи, то невозможно представить себѣ отдѣльнаго ихъ употребленія, которое было бы отлично отъ самого предмета, и другой цѣнности кромѣ той, которую представляетъ собою самый предметъ. Изъ этого по необходимости вытекаетъ, что нельзя уступить другому пользованія замѣнимымъ предметомъ, не уступая ему вмѣстѣ съ тѣмъ въ собственность и самого предмета. Если я тебѣ уступаю сумму денегъ съ условіемъ, возвратити мнѣ по истеченіи опредѣленнаго срока такую же сумму, то ты получаешь отъ меня только эту сумму денегъ и ничего больше. Употребленіе этихъ денегъ включено въ осуществленіе права собственности, которое я тебѣ уступилъ на данныя тебѣ деньги. Оно не представляетъ собою ничего самостоятельнаго, ничего такого, что ты получилъ бы сверхъ полученной суммы. Я тебѣ уступилъ только эту сумму и ничего больше; по справедливости я не могу требовать съ тебя ничего, кромѣ предоставленной тебѣ суммы, ибо справедливость требуетъ, чтобы возвращалось только то, что было дано“.

²⁾ Амстердамъ, 1764 г.

зываетъ, что нѣтъ никакого справедливаго обоснованія для отдачи въ ссуду денегъ за вознагражденіе. Во-первыхъ, деньги не служатъ для естественнаго употребленія, а только *представляютъ* его. „Извлекать доходъ изъ ихъ представительнаго характера—значить искать въ зеркалѣ изображеніе, которое оно даетъ“. Затѣмъ, на его взглядъ, въ пользу собственниковъ денегъ не говоритъ и тотъ доводъ, что они должны жить доходомъ на свои деньги: это можно было бы устранить тѣмъ, что они могли бы превратить деньги въ другія блага и жить затѣмъ доходомъ отъ отдачи въ наемъ *этихъ* благъ. Наконецъ, для денегъ не имѣетъ мѣста порча, которая существуетъ для домовъ, мебели и т. п.; поэтому по справедливости нельзя требовать также вознагражденія за ихъ порчу ¹⁾.

По всей вѣроятности, уже эти доводы покажутся довольно слабыми. Но *Мирабо* въ своемъ слѣпомъ усердіи идетъ еще дальше. Онъ не можетъ отрицать того факта, что должникъ въ состояніи добыть при примѣненіи денегъ, „emploi“, средства для уплаты процентовъ за взятый въ ссуду капиталъ. Но и этимъ фактомъ онъ пользуется противъ процента! Онъ доказываетъ, что должники всегда должны терпѣть убытокъ, потому что невозможно установить равновѣсія между процентомъ и emploi. Неизвѣстно, какой доходъ дастъ земледѣліе земледѣльцу, занимающему капиталъ; могутъ имѣть мѣсто непредвидѣнные несчастные случаи, и поэтому (!) должникъ всегда (!) будетъ въ убыткѣ ²⁾. Даже больше! Въ одномъ мѣстѣ изъ вполне естественнаго факта, что для каждаго частнаго лица пріятнѣе получать проценты, чѣмъ платить, *Мирабо* выводитъ серьезно доводъ, что платить проценты должно быть вредно для должника! ³⁾.

Опираясь на такіе доводы, онъ не стѣсняется въ рѣзкости осужденія денежнаго процента. „Въ общемъ“—говоритъ онъ ⁴⁾—„денежный процентъ разоряетъ общество, препровождая доходы въ руки людей, которые не являются ни землевладѣльцами, ни производителями, ни промышленниками, и которые . . . могутъ считаться только трутнями, живущими эксплоатаціей общественныхъ житницъ“.

Однако, несмотря на это, самъ *Мирабо* не въ состояніи отрицать дозволенность взиманія процентовъ въ извѣст-

¹⁾ О. с. р. 269 и сл.

²⁾ р. 257—262.

³⁾ р. 267.

⁴⁾ р. 284.

ныхъ случаяхъ. Поэтому онъ долженъ, въ разрѣзъ со своими взглядами, нарушить принципъ запрещенія взиманія процентовъ и признать нѣкоторыя исключенія, выборъ которыхъ зависитъ отъ совершенно произвольныхъ и не выдерживающихъ критики разграниченій ¹⁾.

Рѣдко существовала болѣе благодарная задача, чѣмъ такую представляло собою во второй половинѣ 18-го вѣка опроверженіе ученія, давно отжившаго свой вѣкъ, давно уже разложившагося, возбуждившаго отвращеніе у однихъ, а насмѣшку у другихъ, ученія, которое существовало въ настоящемъ только, какъ ветхая развалина, и при всемъ томъ еще должно было прибѣгать къ такому жалкимъ научнымъ подпорамъ. За эту весьма благодарную задачу взялся *Тюрго*, который разрѣшилъ ее съ необыкновеннымъ умѣніемъ и блестящимъ успѣхомъ. Его „*Mémoire sur les grêts d'argent*“ ²⁾ равноцѣнное pendant къ сочиненіямъ *Сальмазія* о ростовщичествѣ. Тѣмъ не менѣе, нынѣшній изслѣдователь найдетъ въ его разсужденіяхъ на ряду со многими удачными обоснованіями и не мало слабыхъ. Но удачныя и неудачныя обоснованія приводятся съ такимъ умомъ и оструміемъ, съ такимъ риторическимъ и діалектическимъ искусствомъ и при помощи такихъ убѣдительныхъ пріемовъ, что ихъ дѣйствіе на современниковъ могло быть только побѣдоноснымъ.

Такъ какъ достоинства этой работы заключаются не столько въ самыхъ мысляхъ, которыя, по большей части, тождественны съ обычными аргументами его предшественниковъ, сколько въ убѣдительной ихъ формѣ, то болѣе подробный разборъ содержанія „*Mémoire*“ имѣлъ бы смыслъ только тогда, если бы я воспроизводилъ длинныя цитаты изъ него дословно, а отъ этого я долженъ отказаться за недостаткомъ мѣста. Поэтому я ограничусь тѣмъ, что приведу нѣкоторыя болѣе характерныя мысли изъ разсужденій *Тюрго*.

Самымъ важнымъ обоснованіемъ, оправдывающимъ процентъ, онъ считаетъ право собственности, которое заимодавецъ имѣетъ на свои деньги. Въ силу этого онъ имѣетъ „неприкосновенное“ право располагать ими по своему усмотрѣнію и облагать ихъ отчужденіе и ссуду такими условіями,

¹⁾ См. въ особенности р. 276, 290, 292 и сл., 298 и сл.

²⁾ Составленная въ 1769-омъ году, изданная двадцать лѣтъ спустя, въ 1789-омъ году. Я цитирую по полному собранію сочиненій *Тюрго*, изданному Деромъ; Парижъ 1844 г. I томъ, р. 106—152.

какія онъ найдетъ желательными, напрімѣръ, уплатой процента (§ 23 и сл.). Этотъ аргументъ, очевидно, ложенъ, такъ какъ имъ можно было бы доказать законность процента вообще, совершенно такъ же, какъ и законность и справедливость ростовщическаго процента въ 100%!

Возраженіе о бесплодности денегъ *Тюрго* опровергаетъ тѣми же доводами, что и его предшественники (§ 25).

Особенное вниманіе оказываетъ *Тюрго* выше воспроизведенному разсужденію *Потье*. Мнѣніе *Потье*, что взаимныя услуги по справедливости должны быть одинаковы, чего въ ссудѣ за вознагражденіе не наблюдается, онъ опровергаетъ посредствомъ аргумента, что тѣ предметы, которыми обмѣниваются добровольно, безъ обмана или принужденія, въ извѣстномъ смыслѣ всегда обладаютъ одинаковой цѣнностью. На роковое возраженіе, что въ потребляемыхъ вещахъ нельзя себѣ еще представить употребленія, независимаго отъ самой вещи, онъ возражаетъ упрекомъ въ неправомерной юридической казуистикѣ и недозволительной метафизической отвлеченности и приводитъ обычную аналогію между ссудой денегъ и отдачей въ наемъ непотребляемой вещи, напрімѣръ, алмаза. „Какъ! Неужели это преступленіе заставлятъ меня платить что-нибудь за ту громадную выгоду, которую я извлекаю изъ употребленія суммы денегъ, а требовать плату за ничтожную пользу, которую я извлекаю изъ мебели или драгоценности въ теченіе того же времени, справедливо? И это потому, что тонкій умъ юриста въ одномъ случаѣ можетъ отдѣлать употребленіе вещи отъ самой вещи, а въ другомъ не можетъ? Это въ самомъ дѣлѣ слишкомъ забавно“ (р. 128).

Однако, непосредственно послѣ этого самъ *Тюрго* впадаетъ въ ту же метафизическую отвлеченность и юридическую казуистику. А именно, чтобы устранить возраженіе, что должникъ становится собственникомъ одолженной суммы денегъ, вслѣдствіе чего принадлежитъ ему и ихъ употребленіе, онъ придумываетъ право собственности на цѣнность денегъ и отличаетъ его отъ права собственности на металлъ: второе, по его мнѣнію, конечно, переходитъ на должника, первое же остается за кредиторомъ.

Очень замѣчательны, наконецъ, нѣкоторыя разсужденія, въ которыхъ *Тюрго*, по примѣру *Галиани*, указываетъ на вліяніе времени на оцѣнку благъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ приводитъ уже извѣстную намъ параллель между вексельной операціей и ссудой. Подобно тому, какъ въ вексельныхъ операціяхъ даютъ меньшую сумму денегъ въ одномъ мѣстѣ, чтобы получить большую въ другомъ, такъ и въ ссудѣ даютъ

меньшую сумму въ одно время, чтобы получить большую въ другое. Причина обоихъ явленій заключается въ томъ, „что разница во времени, какъ и въ мѣстѣ, производитъ реальную разницу въ цѣнности денегъ“ (§ 23). Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ на общеизвѣстную разницу, существующую между цѣнностями настоящей суммы денегъ и суммы, получаемой въ болѣе отдаленное время (§ 27), и нѣсколько дальше онъ восклицаетъ: „Если эти господа полагаютъ, что сумма въ 1000 франковъ и обѣщаніе въ 1000 франковъ обладаютъ совершенно одинаковою цѣнностью, то они высказываютъ еще болѣе абсурдное предположеніе, ибо, если бы эти вещи имѣли одинаковую цѣнность, то для чего же въ такомъ случаѣ вообще одалживали бы?“

Къ сожалѣнію, *Тюрго* не развилъ дальше этой плодотворной мысли: съ другими его разсужденіями она, такъ сказать, неорганически связана и, собственно, находится съ ними въ противорѣчій. Въ самомъ дѣлѣ, если процентъ и возвращенный капиталъ только вмѣстѣ взятые составляютъ эквивалентъ одолженнаго капитала, если, слѣдовательно, процентъ является только частью эквивалента всей суммы, то какимъ же образомъ онъ можетъ служить вознагражденіемъ за самостоятельное употребленіе всей суммы, надъ доказательствомъ чего *Тюрго* такъ много раньше трудился?

Полемика *Тюрго* и *Потье* можетъ считаться финаломъ трехсотлѣтняго спора, который вели юриспруденція и политическая экономія противъ стараго ученія канонистовъ о процентѣ. Со времени *Тюрго* этотъ вопросъ разрѣшенъ для политической экономіи. Для богословія же онъ влачилъ еще фиктивное существованіе въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій, пока, наконецъ, въ нашемъ столѣтій и ему не былъ положенъ конецъ. Такъ какъ папская власть разрѣшила взиманіе процентовъ, какъ таковыхъ, безъ особыхъ для этого названій, то сама церковь признала паденіе своего прежняго ученія ¹⁾.

Остановимся на минуту, чтобы бросить критическій взглядъ на только что разсмотрѣнную эпоху. Какіе дала она результаты, и какіе успѣхи сдѣлала за это время наука въ области объясненія проблемы процента?

¹⁾ *Funk*, Zins und Wucher, Tübingen 1868, стр. 116. О приѣмѣ, который нашло это либеральное рѣшеніе Рима (отъ 18-го августа 1830 г.) У одной части французскаго духовенства, см. у *Молинари*, Cours d'Économie Politique, второе изданіе I, p. 333.

Древніе и канонисты говорили: ссудный процентъ представляет собою несправедливый обсчетъ должника со стороны заимодавца, такъ какъ деньги бесплодны, и такъ какъ, сверхъ того, совсѣмъ не существуетъ отдѣльное „употребленіе“ денегъ, которое заимодавецъ по справедливости могъ бы продавать за отдѣльное вознагражденіе. Новое же ученіе гласитъ: ссудный процентъ справедливъ въ виду того, что, во-первыхъ, деньги *не* бесплодны, такъ какъ; при соответственномъ ихъ примѣненіи, можно съ ихъ помощью приобрести прибыль, отъ полученія которой кредиторъ отказывается въ пользу должника, и, во-вторыхъ, *существуетъ* употребленіе капитала, которое можетъ быть отдѣляемо отъ самого капитала и продаваемо независимо отъ него.

Если мы временно оставимъ въ сторонѣ послѣднюю, болѣе формальную мысль,—впослѣдствіи мы съ ней встрѣтимся еще въ другой связи—то центръ тяжести новаго объясненія лежитъ во взглядѣ, что капиталъ приноситъ плоды тому, кто его примѣняетъ. Такимъ образомъ, въ новомъ ученіи при необыкновенной затратѣ остроумія, діалектики, полемики и словъ въ сущности пробивается та же мысль, которую нѣсколько позже высказалъ *Смитъ* со свойственной ему простотой въ слѣдующихъ немногихъ словахъ, которыми, по его мнѣнію, исчерпывается весь вопросъ о законности ссуднаго процента: „as something can everywhere be made by the use of money, something ought everywhere to be paid for the use of it“ ¹⁾. Въ переводѣ на нашу современную терминологію, эта мысль гласила бы: *Существуетъ ссудный процентъ потому, что существуетъ первичный процентъ.*

Такимъ образомъ, теорія *Сальмазія* и его послѣдователей въ сущности сводится къ тому, что они объясняютъ договорный или ссудный процентъ на основаніи *факта существованія первичнаго процента на капиталъ.*

На сколько объясненіе проблемы процента, такимъ образомъ, было подвинуто впередъ?—Конечно, не мало. Въ пользу этого говоритъ уже то обстоятельство, что требовалось интеллектуальнаго труда цѣлыхъ столѣтій для того, чтобы снискать довѣріе къ новому ученію, несмотря на противоположныя вліянія и предразсудки. Но, съ другой стороны, не пошежитъ сомнѣнію, что этимъ объясненіемъ было слѣлано еще далеко не все. Проблема ссуднаго процента была не разрѣшена, а только отодвинута на задній планъ. На

¹⁾ Wealth of nations, II томъ, IV гл.

вопросъ, почему заимодавецъ получаетъ постоянный нетрудовой доходъ на ссудный капиталъ, отвѣчали: Потому, что онъ могъ бы самъ его получать при личномъ примѣненіи своего капитала. Но почему онъ могъ бы его получать—этотъ вопросъ, который, очевидно, одинъ только ведетъ къ настоящему источнику процента, въ рассматриваемую нами эпоху не только не былъ разрѣшенъ, но даже не былъ поставленъ.

Всѣ попытки объясненія процента доходятъ только до пункта, что человѣкъ, обладающій капиталомъ, можетъ при его помощи получать прибыль. Но на этомъ онѣ останавливаются. Онѣ рассматриваютъ это обстоятельство, какъ фактъ, нисколько даже не пытаясь объяснить его дальше. Такъ, у *Молинея* мы встрѣчаемъ мысль, что деньги при содѣйствіи человѣческаго труда приносятъ плоды, и ссылку на ежедневный опытъ. Въ томъ же смыслѣ высказывается самъ *Сальмазіи* въ своемъ прекрасномъ доказательствѣ плодородности денегъ, въ которомъ онъ, однако, опять только ссылается на фактъ, не объясняя его. То же самое мы видимъ и у послѣднихъ и наиболѣе выдающихся экономистовъ рассматриваемой эпохи: у *Локка*, *Ло*, *Юма*, *Джемса Стюарта*, *Юсти*, *Зонненфельса*. Они даютъ въ иныхъ мѣстахъ весьма ясное и подробное объясненіе того, какимъ образомъ ссудный процентъ является неизбежнымъ слѣдствіемъ возможности получать прибыль на капиталъ, и какъ величина послѣдней служитъ масштабомъ для величины перваго ¹⁾, но до вопроса о причинѣ этой прибыли на капиталъ не доходитъ ни одинъ изъ нихъ ²⁾.

¹⁾ Напр., *Зонненфельсъ*. *Handlung* V. A. стр. 488, 497. *Стюартъ* 4-ый томъ, I часть стр. 24; *Юмъ* о. с. стр. 60. Ср. выше, стр. 60 и 66.

²⁾ Нѣкоторые историки экономическихъ ученій, которые въ то же время являются и приверженцами теоріи производительности, подлежащей нашему разсмотрѣнію ниже, какъ напр. *Розеръ*, *Функъ* и *Эндеманнъ*, любятъ приписывать писателямъ рассматриваемой эпохи „предчувствіе“ или даже „предвидѣніе“ „производительности капитала“ и считаютъ ихъ провозвѣстниками теоріи производительности. Я это считаю недоразумѣніемъ. Эти писатели, хотя и говорятъ о „плодородности“ денегъ и разныхъ другихъ вещей, но это слово въ ихъ устахъ является скорѣе названіемъ того факта, что извѣстные предметы приносятъ прибыль, чѣмъ его объясненіемъ. Они попросту называютъ всѣ предметы, которые даютъ прибыль или „плоды“, „плодоносными“ уже только по этой одной причинѣ, при чемъ имъ и въ голову не приходитъ желаніе дать этими словами формальное теоретическое объясненіе происхожденія этой прибыли. Это ясно замѣтно у *Сальмазіи* въ его разсужденіяхъ на эту тему. Если *Сальмазіи* называетъ „плодоносными“ воздухъ, болѣзнь, смерть и проститутцію (см. выше

Значеніе *Сальмазія* и его эпохи для проблемы процента лучше всего можетъ быть освѣщено посредствомъ параллели съ проблемой земельной ренты. *Сальмазіи*, несмотря на то, что онъ дѣйствовалъ въ очень неблагоприятныхъ условіяхъ, сдѣлалъ для проблемы процента то, что даже никогда не требовалось для проблемы земельной ренты, какъ слишкомъ очевидное, а именно: онъ указалъ на то, что арендаторъ платитъ договорную арендную плату потому, что земля, взятая имъ въ аренду, приноситъ ее. Между тѣмъ *Сальмазіи* недалъ и даже не попытался дать для проблемы процента того, что въ области земельной ренты только и требовало научной обработки, а именно—объясненіе того, почему земля, взятая въ аренду, даетъ ренту владѣльцу.

Такимъ образомъ, все, что въ разсмотрѣнную нами эпоху было сдѣлано, какъ бы сводилось къ оттѣсненію врага съ форпоста на главную позицію. Проблема ссуднаго процента изслѣдуется до тѣхъ поръ, пока она не сливается съ общей проблемой процента на капиталъ. Но этой главной позиціи не берутъ, ея даже не атакуютъ, и ядро проблемы процента даже въ концѣ нашей эпохи почти не затронуто.

Несмотря, однако, на это, разсматриваемая эпоха не прошла совершенно безрезультатно и для разрѣшенія главной проблемы. Она, по крайней мѣрѣ, подготовила позднѣйшую обработку проблемы, такъ какъ вывела ея предметъ—первичный процентъ на капиталъ—изъ неопредѣленныхъ представлений и постепенно придавала ему бѣольшую наглядность. Фактъ, что человекъ, работающій при помощи капитала, получаетъ прибыль, былъ уже давно извѣстенъ. Но очень долго ясно не различали природы этой прибыли и были склонны относить всю прибыль въ счетъ дѣятельности предпринимателя. Такъ даже смотритъ *Локкъ*, когда онъ называетъ проценты, которые должникъ платитъ заимодавцу, „плодомъ труда другого человека“ и сводитъ признанную имъ возможность, что одолженные деньги, примѣненные въ дѣловыхъ операціяхъ, могутъ дать плоды, исключительно къ труду должника. Такъ какъ желаніе оправдать ссудный про-

---

стр. 56, примѣчаніе), то это, очевидно, только рѣзкая форма выраженія для того факта, что государство, облагающее воздухъ налогомъ, что врачи, могильщики и проститутки извлекаютъ прибыль изъ выше названныхъ явленій. Но не менѣе очевидно и то, что *Сальмазіи* нисколько не думалъ серьезно выводить вознагражденіе могильщика изъ производительной силы, присущей смерти. Серьезнѣе не надо также смотрѣть и на „плодовосность“ денегъ, которую *Сальмазіи* какъ разъ и хотѣлъ объяснить аналогіей съ этими примѣрами.

центъ побуждало изслѣдовать интенсивнѣе вліяніе, производимое капиталомъ на созиданіе прибыли, то, естественно, должны были дойти, наконецъ, до яснаго пониманія того, что часть предпринимательской прибыли представляетъ собою вѣтвь дохода *suī generis*, которая должна быть рѣзко отличена отъ выручки за трудъ,—настоящую прибыль на капиталъ. Этотъ взглядъ, явные проблески котораго уже проявляются у *Молинея* и *Сальмазія*, въ концѣ этой эпохи наблюдается вполне отчетливо въ сочиненіяхъ *Юма* и другихъ. А коль скоро было обращено вниманіе на явленіе первичнаго процента на капиталъ, то по необходимости раньше или позже должны были возникнуть вопросы о происхожденіи этого явленія. А здѣсь исторія проблемы процента на капиталъ и вступаетъ въ новую эру.

IV.

Теорія естественной производительности Тюрго.

Поскольку мнѣ позволяетъ судить мое знакомство съ экономической литературой, я долженъ считать *Тюрго* первымъ мыслителемъ, который старался дать научное объясненіе и для первичнаго процента на капиталъ, и который, такимъ образомъ, выдвинулъ проблему процента на капиталъ въ полномъ ея внѣшнемъ объемѣ.

Время до *Тюрго* было совершенно неблагоприятнымъ для научнаго изслѣдованія первичнаго процента на капиталъ. Съ одной стороны, только незадолго до него вполнѣ выяснили себѣ, что здѣсь идетъ рѣчь о самостоятельной своеобразной вѣтви дохода. А затѣмъ—и это было особенно важно—не было внѣшняго толчка для возбужденія вопроса о природѣ этого дохода. Проблема ссуднаго процента была обработана уже такъ рано потому, что ссудный процентъ подвергался нападенію въ практической жизни; а такъ рано онъ сталъ подвергаться нападенію потому, что между сторонами, принимающими участіе въ ссудныхъ операціяхъ, т. е. между займодавецемъ и должникомъ, всегда существуетъ противорѣчіе интересовъ. Совершенно иначе обстояло дѣло съ первичнымъ процентомъ на капиталъ. Его только что научились ясно отличать отъ личнаго вознагражденія предпринимателя за трудъ и, во всякомъ случаѣ, относились къ нему еще равнодушно. Сила капитала была еще невелика; между нею и трудомъ, т. е. между факторами, обуславливающими первичный процентъ на капиталъ, почти совершенно не существовало противорѣчія, а если оно и существовало, то, во всякомъ случаѣ, оно не обострилось еще до классового противорѣчія. Поэтому, пока никто еще не нападалъ на этотъ видъ прибыли на капиталъ, никто не имѣлъ и внѣшняго побужденія защищать его или, вообще, подробнѣе изслѣдовать его природу. При такихъ условіяхъ заниматься этимъ вопросомъ могло прійти въ голову только

систематику, для котораго теоретическая потребность могла замѣнять собою побужденіе извнѣ; но настоящихъ систематиковъ въ экономической наукѣ тогда еще не существовало.

Настоящую систему внесли впервые физиократы. Но и они нѣкоторое время еще оставляли безъ вниманія нашу проблему. *Кенэ*, основатель этой школы, еще такъ мало постигъ сущность первичнаго процента на капиталъ, что видѣлъ въ немъ не столько чистый доходъ капиталиста, сколько возмѣщеніе издержекъ, нѣ котораго рода резервный фондъ, изъ котораго возмѣщаются амортизаціонная доля капитала и непредвидѣнные убытки. ¹⁾ Тотъ фактъ, что капиталъ даетъ чистую прибыль, понималъ правильнѣе *Мерсіэ-де-ля-Ривіеръ* ²⁾; но онъ доказываетъ только, что такая прибыль должна получаться на капиталъ, затрачиваемый въ земледѣліи, для того, чтобы земледѣліе не запускалось ради другихъ занятій. Однако, изслѣдованіемъ вопроса, почему вообще капиталъ даетъ процентъ, онъ совершенно не занимается. Не занимается имъ и *Мирабо*, который по вопросу о процентѣ на капиталъ, хотя и писалъ очень много, но, какъ мы знаемъ, и очень неудачно. ³⁾

Такимъ образомъ, *Тюрло*, величайшій изъ физиократовъ, былъ также среди нихъ первымъ изслѣдователемъ, который старался дать болѣе подробное объясненіе явленія первичнаго процента на капиталъ. Но и его отношеніе къ этой проблемѣ еще довольно скромно и наивно; не подлежитъ сомнѣнію, что его побудило взяться за перо не увлеченіе великой соціальной проблемой, а исключительно желаніе соединить мысли въ логическую систему, желаніе, которое могло бы довольствоватся и очень неглубокимъ объясненіемъ, лишь бы только оно было убѣдительнымъ.

1) „Les intérêts des avances de l'établissement des cultivateurs doivent donc être compris dans leurs reprises annuelles. Ils servent à faire face à ces grands accidents et à l'entretien journalier des richesses d'exploitation, qui demandent à être réparées sans cesse“. (Analyse du Tableau Economique. Ed. Daire p. 62). Ср. и болѣе подробное изложеніе, непосредственно предшествующее цитатѣ.

2) L'Ordre Naturel. Ed. Daire. p. 459.

3) Объ его отношеніяхъ къ ссудному проценту см. выше, стр. 75 и сл. Что касается первичнаго процента на капиталъ, то *Мирабо* одобряетъ взиманіе процентовъ съ капиталовъ, примѣняемыхъ въ земледѣліи (Philosophie rurale, p. 83 и сл., затѣмъ 295), не объясняя такового подробнѣе. А процентъ, получаемый въ торговлѣ и ремеслахъ, онъ въ неясныхъ выраженіяхъ называетъ скорѣе плодомъ труда, „de la profession“, чѣмъ плодомъ капитала (p. 278).

Въ своей, уже намъ извѣстной, „Mémoire sur les prêts d'argent“ *Тюрго* разсматриваетъ исключительно вопросъ о ссудномъ процентѣ; его же болѣе общая теорія процента развивается—вѣрнѣе, содержится—въ главномъ его сочиненіи „Réflexions sur la formation et la distribution des richesses“¹⁾. Формально *Тюрго* даже не поднимаетъ вопроса о происхожденіи процента на капиталъ; онъ вообще въ цѣломъ не разсматриваетъ этого вопроса: онъ только помѣщаетъ во многихъ отдѣльныхъ параграфахъ (§§ 57, 58, 59, 61, 63, 68 и 71) цѣлый рядъ замѣчаній, на основаніи которыхъ мы можемъ составить себѣ представленіе о его теоріи происхожденія процента на капиталъ²⁾. Я предлагаю для этой теоріи краткое названіе *теоріи естественной производительности*, потому что она кладетъ въ основу процента на капиталъ вообще возможность, открытую для собственника капитала, найти для своего капитала иное производительное примѣненіе путемъ покупки земель, дающихъ ренту.

Ходъ мыслей *Тюрго* таковъ:

Владѣніе участкомъ земли обезпечиваетъ собственнику, въ видѣ земельной ренты, постоянный доходъ, получаемый безъ затраты собственнаго труда. Такъ какъ движимыя блага допускаютъ пользованіе и независимо отъ земельныхъ участковъ и имѣютъ поэтому и самостоятельную цѣнность, то можно, слѣдовательно, сравнивать и цѣнности обоихъ родовъ благъ, измѣрять цѣнность земельныхъ участковъ цѣнностью движимыхъ благъ и обмѣнивать ихъ другъ на друга. Мѣновая цѣнность зависитъ при этомъ, какъ и у всѣхъ благъ вообще, отъ соотношенія между предложеніемъ и спросомъ (§ 57). Она всегда въ нѣсколько разъ превышаетъ ежегодный доходъ, получаемый съ извѣстнаго участка, и часто опредѣляется этимъ соотношеніемъ. Земельный участокъ, говорятъ, продается за *denier vingt*, *denier trente*, *denier quarante*, если покупная цѣна превышаетъ ежегодную земельную ренту въ 20, 30 или 40 разъ. Величина этого множителя опять-таки зависитъ отъ соотношенія между предло-

¹⁾ Составленное въ 1766-омъ году, изданное въ 1769-омъ (въ „*Ephémérides du Citoyen*“). Я цитирую по полному собранію сочиненій *Тюрго*, изданному *Дэромъ*, Парижъ 1884 г., I томъ.

²⁾ Въшняя безформенность объясненія процента у *Тюрго* побудила одного, въ общемъ добросовѣстнаго изслѣдователя его произведеній утверждать, что *Тюрго* совсѣмъ не объясняетъ процента (*Sivers, Turgo's Stellung etc. Hildebrands Jahrbücher*, томъ 22, р. 175, 183 и сл.). Это ошибка, хотя объясненіе *Тюрго*, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не очень глубоко.

женіемъ и спросомъ, т. е. отъ того, больше-ли лицъ жа-
елаетъ купить землю или же продать (§ 58).

Въ силу этого соотношенія всякая сумма денегъ и вообще
всякій капиталъ является эквивалентомъ земельного участка,
который даетъ доходъ, равный извѣстной части капитала (§ 59).

Такъ какъ вслѣдствіе этого владѣлецъ капитала имѣетъ
возможность путемъ покупки земельныхъ участковъ полу-
чать постоянный ежегодный доходъ, то онъ не захочетъ
обратить свой капиталъ на предпріятія промышленныя (§ 61),
земледѣльческія (§ 63) или торговыя (§ 68), если онъ въ
нихъ не можетъ ожидать, независимо отъ возмѣщенія всѣхъ
издержекъ и усилій, такой же *прибыли на капиталъ*, какую
онъ могъ-бы получить при покупкѣ земельныхъ участковъ.
Значить, капиталъ во всѣхъ перечисленныхъ предпріятіяхъ
долженъ приносить прибыль.

Такимъ образомъ, прежде всего объясняется хозяйствен-
ная необходимость первичнаго процента на капиталъ. Ссуд-
ный процентъ выводится изъ него очень просто: предпри-
ниматель, не обладающій капиталомъ, охотно соглашается и,
съ хозяйственной точки зрѣнія, можетъ согласиться усту-
пать тому, кто ему довѣряетъ свой капиталъ, часть дохода
съ предоставленнаго ему капитала (§71).—Итакъ, въ концѣ
концовъ, всѣ виды процента на капиталъ объясняются, какъ
необходимое слѣдствіе того факта, что капиталъ можно об-
мѣнять на земельный участокъ, дающій ренту.

Какъ мы видимъ, *Тюрго* въ этомъ ходѣ мыслей выходитъ
изъ того обстоятельства, на которое охотно ссылались за-
щитники ссуднаго процента въ теченіе нѣсколькихъ столѣ-
тій, начиная съ *Кальвина*. Но *Тюрго* использовалъ это об-
стоятельство въ совершенно иномъ, болѣе широкомъ смыслѣ.
Его предшественники приводили его только между прочимъ
и въ видѣ примѣра, *Тюрго* же дѣлаетъ его систематическимъ
отправнымъ пунктомъ. Первые видѣли въ немъ не един-
ственную причину ссуднаго процента, а на ряду съ нимъ
ставили и возможность извлекать прибыль изъ дохода на
капиталъ въ торговлѣ, въ промыслахъ и пр., *Тюрго* же счи-
таетъ это обстоятельство единственной причиной. Первые
пользовались имъ только для объясненія ссуднаго процента,
Тюрго же объясняетъ имъ все явленіе процента на капиталъ.
Тюрго, такимъ образомъ, создалъ, хотя и изъ стараго мате-
ріала, новое ученіе, первую общую теорію процента на ка-
питалъ.

Для научнаго значенія этой теоріи весьма характерна
участь, которая ее постигла: насколько я помню, я никогда

не читаль формальнаго ея опроверженія, но она была молча объявлена неудовлетворительной тѣмъ, что продолжали искать другихъ объясненій. Ея не опровергали, такъ какъ она казалась слишкомъ убѣдительною; на ней не останавливались, такъ какъ она казалась слишкомъ поверхностною: она оставляла послѣ себя такое чувство, какъ будто она еще не дошла до послѣднихъ корней процента на капиталъ; однако, никто не умѣлъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, въ чемъ собственно заключаются ея недостатки.

Я не считаю излишнимъ приняться за точное ея изслѣдованіе, хотя-бы даже въ настоящее время. Я этимъ не только выполняю формальность, къ которой меня обязываетъ мое обѣщаніе дать критико-догматическую исторію процента на капиталъ, но, показывая, въ чемъ заключаются недостатки *Тюрго*, и каковы они, я вмѣстѣ съ тѣмъ надѣюсь также рельефнѣе выдвинуть центральную идею проблемы, въ которую должна вникнуть каждая серьезная попытка ея разрѣшенія, и, такимъ образомъ, подготовить почву для нашей дальнѣйшей работы. Къ тому же примѣръ одного очень даровитаго писателя нашего времени доказываетъ, что ходъ мыслей *Тюрго* и въ настоящее время не такъ уже намъ чуждъ, какъ это можетъ показаться ¹⁾.

Объясненіе процента на капиталъ *Тюрго* недостаточно потому, что оно представляетъ собою заколдованный кругъ. Этотъ кругъ не замѣчается лишь потому, что *Тюрго* прекращаетъ свое объясненіе тамъ, гдѣ дальнѣйшее объясненіе необходимо привело бы къ исходной точкѣ.

Дѣло обстоитъ такъ. *Тюрго* говоритъ: опредѣленный капиталъ долженъ давать опредѣленный процентъ потому, что на него можно было бы купить участокъ земли, дающій опредѣленную ренту. Приведемъ конкретный примѣръ: капиталъ въ 100000 франковъ долженъ дать 5000 франковъ процентовъ потому, что на эту сумму можно было бы купить участокъ земли, дающій 5000 франковъ ²⁾ ренты; а между тѣмъ эта возможность покупки сама по себѣ еще не окончательный фактъ, непосредственно очевидный; поэтому мы должны задать затѣмъ вторичный вопросъ — почему на

¹⁾ См. ниже (гл. XIV^a) „позднѣйшая теорія естественной производительности“ *Генриха Джоржа*.

²⁾ Обыкновенно рента съ участка земли нѣсколько ниже, чѣмъ процентъ съ покупной цѣны. Но этотъ фактъ, подробно объясненный *Тюрго* въ § 84 и сл. его *Reflex.*, не имѣетъ никакого вліянія на общую изслѣдуемую проблему, и въ данномъ случаѣ имъ можно прямо пренебречь.

капиталь въ 100000 франковъ, можно вообще купить участокъ земли, дающій ренту, и, въ частности, участокъ земли, дающій ренту въ 5000 франковъ? Самъ *Тюрго* чувствуетъ, что этотъ вопросъ можетъ и долженъ быть поставленъ, такъ какъ онъ пытается отвѣтить на него. Онъ ссылается на соотношеніе между предложеніемъ и спросомъ, которое, по его мнѣнію, всегда создаетъ извѣстное соотношеніе между цѣнами капитала и земли ¹⁾.

Но исчерпывается ли этимъ наша любознательность и наша обязанность задавать дальнѣйшіе вопросы? Конечно, нѣтъ. Если кто либо при объясненіи вопроса о причинѣ установленія цѣнъ ссылается на „спросъ и предложеніе“, то онъ даетъ скорлупу вмѣсто зерна. Это можетъ быть допускаемо въ случаяхъ, въ которыхъ можно предположить, что лицо, задающее вопросъ, хорошо знаетъ зерно вопроса и въ состояніи дополнить данное объясненіе. Но этого мало, если рѣчь идетъ о еще недостигнутомъ объясненіи изслѣдуемаго явленія. Въ противномъ случаѣ, относительно всѣхъ проблемы процента, которая цѣликомъ относится къ явленіямъ цѣны,—напримѣръ, относительно факта, что должникъ платитъ нѣкоторую цѣну за „пользованіе капиталомъ“, или относительно факта, что цѣна готоваго продукта больше цѣны издержекъ производства, благодаря чему предприниматель и получаетъ прибыль на капиталъ,—можно было бы просто ограничиться фразой, что предложеніе и спросъ именно такъ и устанавливаютъ цѣны всѣхъ благъ, что для капиталиста всегда останется нѣкоторая прибыль. Но этого, конечно, никто не считалъ бы удовлетворительнымъ объясненіемъ.

Поэтому мы должны задать дальнѣйшій вопросъ: какія болѣе глубокія причины стоятъ за „предложеніемъ и спросомъ“ и опредѣляютъ ихъ колебанія такъ, что всегда на капиталъ въ 100000 франковъ можно купить земельный уча-

¹⁾ „Si quatre boisseaux de blé, produit net d'un arpent de terre, valaient six moutons, l'arpent lui-même qui les produisait aurait pu être donné pour une certaine valeur, plus grande à la vérité, mais toujours facile à déterminer de la même manière que le prix de toutes les autres marchandises, c'est-à-dire, d'abord par le débat entre les deux contractants, et ensuite d'après le prix courant établi par le concours de ceux qui veulent échanger des terres contre des bestiaux, et de ceux qui veulent donner des bestiaux, pour avoir des terres“ (§ 57). „Il est encore évident que ce prix ou ce denier doit varier suivant qu'il y a plus ou moins de gens qui veulent vendre ou acheter des terres, ainsi que le prix de toutes les autres marchandises varie à raison de la différente proportion entre l'offre et la demande“ (§ 58).

стокъ, дающій ренту вообще, и, въ частности, участокъ земли, дающій 5000 франковъ ренты?—На этотъ вопросъ *Тюрго* уже не даетъ намъ отвѣта, если не считать таковымъ неопредѣленные слова въ началѣ § 57, которыхъ, впрочемъ, также нельзя признать удачными: „Люди, у которыхъ было много движимаго имущества, могли его примѣнять не только при обработкѣ земельныхъ участковъ, но и въ различныхъ отрасляхъ промышленности. Легкость накопленія такихъ благъ и употребленія ихъ, даже независимо отъ земли, вызвала то, что можно было оцѣнить самые участки земли и сравнить ихъ цѣнность съ цѣнностью движимаго имущества“.

Если мы вмѣсто *Тюрго* нѣсколько продолжимъ его преждевременно прерванное объясненіе, то мы убѣдимся, что процентъ на капиталъ, который *Тюрго* хотѣлъ объяснить, какъ слѣдствіе мѣноваго соотношенія между землей и капиталомъ, на дѣлѣ является причиной этого соотношенія. То обстоятельство, просятъ ли или предлагаютъ за участокъ земли сумму, въ двадцать, тридцать или сорокъ разъ превышающую годовую ренту, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, какой процентъ далъ бы покупной капиталъ при другомъ примѣненіи. Участокъ, который даетъ 5000 франковъ ренты, будетъ имѣть цѣну въ 100000 франковъ, если процентная норма равняется 5%, въ 50000 франковъ, если процентная норма равняется 10%, въ 20000 франковъ—если 2½%, и только поэтому. Значитъ, существованіе и величина процента на капиталъ не могутъ быть объясняемы мѣновымъ соотношеніемъ между землей и капиталомъ, а, наоборотъ, самое это мѣновое соотношеніе должно быть объясняемо существованіемъ и величиной процента на капиталъ. Для объясненія послѣдняго не сдѣлано, слѣдовательно, ничего, такъ какъ весь ходъ доказательствъ представляетъ собою заколдованный кругъ.

Я могъ бы уже ограничиться этими критическими замѣчаніями объ ученіи *Тюрго*, если бы я не считалъ себя обязаннымъ относиться особенно серьезно ко всему тому, что соприкасается съ вопросомъ о характерѣ причинной зависимости между хозяйственными явлениями. Въ самомъ дѣлѣ, я знаю, что, при сложности хозяйственныхъ явленій, необыкновенно трудно въ точности установить начало причинной цѣпи дѣйствій и противодѣйствій, и что при такихъ установленіяхъ особенно легко впасть въ логическую ошибку. Поэтому я не хотѣлъ бы навязывать читателю моего мнѣнія, что *Тюрго* въ этомъ отношеніи ошибается, не устранивъ

еще однимъ доказательствомъ всякое сомнѣніе, тѣмъ болѣе, что это доказательство дастъ мнѣ желанную возможность еще ярче освѣтить характеръ нашей проблемы.

Земельные участки, если не принимать во вниманіе случайностей, даютъ ренту непрерывно, въ продолженіе практически безконечнаго ряда лѣтъ. Владѣніе ими обезпечиваетъ собственнику и его наслѣдникамъ доходъ отъ годичнаго пользованія ими не только въ теченіе двадцати или сорока лѣтъ, но въ теченіе многихъ столѣтій, можно даже сказать, въ теченіе почти безконечнаго числа лѣтъ. Если мы при этомъ замѣчаемъ, что этотъ безконечный рядъ пользованій, представляющій собою въ совокупности огромный доходъ, всегда продается за небольшую его часть, за сумму въ двадцать или сорокъ разъ большую годичнаго пользованія, то это представляетъ собою явленіе, которое должно быть объяснено.

Для этого не можетъ быть достаточнымъ простое указаніе на состояніе предложенія и спроса. Если предложеніе и спросъ всегда находятся въ такомъ состояніи, что обнаруживается этотъ характерный результатъ, то такое постоянное повтореніе должно имѣть болѣе глубокія причины, которыя надо изслѣдовать.—Я хочу только мимоходомъ упомянуть о гипотезѣ, которая могла бы прійти кому-либо на умъ, будто низкая покупная цѣна основывается на томъ, что собственникъ принимаетъ въ расчетъ только тѣ пользованія, которыя онъ имѣетъ возможность извлечь лично, и пренебрегаетъ тѣми, которыя лежатъ внѣ этой возможности. Если бы эта гипотеза была вѣрна, то, въ виду того, что средняя продолжительность человѣческой жизни, а слѣдовательно, и жизни землевладѣльцевъ, мало измѣнилась въ историческія времена, и соотношеніе между цѣнностью земли и земельной рентой должно было бы остаться тѣмъ же; а это далеко не такъ: напротивъ, мы видимъ, что это соотношеніе мѣняется отъ десяти до пятидесяти въ извѣстной связи съ соотвѣтствующей процентной нормой.

Это характерное явленіе должно имѣть другую причину.

Я увѣренъ, что встрѣчу всеобщее одобреніе, если назову настоящей причиной этого явленія тотъ фактъ, что при оцѣнкѣ участка земли мы производимъ *учетъ*. Мы цѣнимъ вѣковое пользованіе участкомъ земли при пятипроцентной нормѣ только въ двадцать разъ больше годичнаго пользованія имъ и при четырехпроцентной нормѣ въ двадцать пять разъ больше потому, что нынѣшняя оцѣнка будущихъ пользованій производится только съ извѣстнымъ учетомъ,

т. е. ниже на опредѣленную сумму *pro rata temporis et usuratum*, совершенно по тому же принципу, по которому мы въ данный моментъ опредѣляемъ цѣнность всякаго другого источника доходовъ, продолжающихся опредѣленное время или постоянныхъ.

А разъ это такъ—а я не думаю, что кто-либо будетъ въ этомъ сомнѣваться,—то оцѣнка земельныхъ участковъ, долженствующая, по мнѣнію *Тюрго*, объяснить явленіе процента, не представляетъ собою ничего иного, какъ одинъ изъ тѣхъ многихъ видовъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ это явленіе въ хозяйственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, оно очень разнообразно. Оно встрѣчается то какъ наемная плата, которая послѣ вычета амортизаціонной доли даетъ еще собственнику „чистую пользу“, то какъ разность въ цѣнахъ продукта и издержекъ, которая выпадаетъ на долю предпринимателя, въ видѣ прибыли на капиталъ, то какъ предварительный вычетъ заимодавцемъ изъ ссуды, данной должнику, то какъ увеличеніе покупной цѣны при отсрочкѣ платежа, то какъ уменьшеніе покупной цѣны на требованія, преимущества и выгоды, срокъ платежа которыхъ еще не наступилъ, то, наконецъ, какъ родственное съ предыдущимъ, по существу даже съ нимъ совпадающее пониженіе покупной цѣны на позднѣйшее пользованіе, овеществленное въ часткѣ земли.

Такимъ образомъ, сведеніе прибыли на капиталъ въ торговлѣ и промыслахъ къ возможности приобрѣтать земли на ограниченныя суммы не представляетъ собою ничего иного, какъ сведеніе одного вида процента на капиталъ къ другому, который такъ же нуждается въ объясненіи, какъ и первый. Почему мы получаемъ процентъ на капиталъ? и почему мы учитываемъ цѣнность будущихъ платежей и пользованій?—это, очевидно, только два различныхъ вида одного и того же вопроса, стремящихся къ одной и той же цѣли. И для разрѣшенія его ничего нельзя сдѣлать объясненіями, которыя начинаютъ первымъ вопросомъ и останавливаются передъ вторымъ.

Проблема процента у Адама Смита. Обзоръ дальнѣйшаго развитія.

Ни одному, мнѣ кажется, основателю какой-либо научной системы не было суждено довести до конца всѣ, хотя бы только болѣе важныя, мысли, которыя составляютъ ее. Для этого не хватитъ у отдѣльнаго человѣка ни силы ни жизни. Достаточно, если хоть нѣкоторыя мысли, которыя должны служить фундаментомъ идейной постройки, будутъ доведены до опредѣленнаго обоснованія, если будутъ обнаружены всѣ ихъ развѣтвленія и сплетенія; болѣе, чѣмъ достаточно, если и на долю нѣкоторыхъ другихъ элементовъ системы выпадаетъ преимущество быть предметомъ такого же вниманія: даже самый глубокий умъ долженъ доволноваться многими гипотетическими построениями и включать въ свою систему, не вдаваясь въ серьезную критику, мысли, исчерпать которыя ему не суждено.

Это мы должны имѣть въ виду, если желаемъ правильно оцѣнить позицію, которую занялъ по отношенію къ нашей проблемѣ *Адамъ Смитъ*.

Смитъ не упустилъ изъ вида проблемы процента на капиталъ, но онъ и не обработалъ ея. Онъ относится къ ней такъ, какъ обыкновенно относится великій мыслитель къ важному вопросу, съ которымъ онъ часто встрѣчается, но который основательнѣе изслѣдовать онъ не имѣетъ ни времени ни возможности. Онъ создалъ себѣ нѣкоторое, весьма естественное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неясное объясненіе нашей проблемы. Чѣмъ это объясненіе неопредѣленнѣе, тѣмъ менѣе оно обязываетъ къ строгой послѣдовательности; какъ разносторонній умъ, *Смитъ*, при случаѣ, не оставляетъ безъ вниманія ни одного изъ всевозможныхъ многообразныхъ взглядовъ, которые допускаетъ наша проблема, но у него нѣтъ самоконтроля вполнѣ законченной теоріи, и поэтому у него невольно прорываются нѣкоторыя

неопредѣленные и противорѣчивыя мысли. Такимъ образомъ, сложилось то своеобразное явленіе, что *Смитъ* совершенно не выставляетъ опредѣленной теоріи процента на капиталъ, при чемъ, однако, въ его отдѣльныхъ замѣчаніяхъ можно найти болѣе или менѣе опредѣленные зародыши почти всѣхъ позднѣйшихъ противоположныхъ теорій—явленіе, которое повторяется у *Смита* аналогичнымъ образомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ.

Ходъ мыслей, въ которомъ, кажется, *Смитъ* главнымъ образомъ усматриваетъ объясненіе первичнаго процента на капиталъ, повторяется въ почти аналогичной формѣ два раза, въ VI и VIII главахъ I книги его „Исслѣдованій“. Разсужденіе *Смита* сводится къ тому, что прибыль на капиталъ должна существовать, такъ какъ въ противномъ случаѣ не было бы въ интересахъ капиталиста представлять капиталъ для производительнаго труда рабочихъ ¹⁾.

Выраженная въ столь общихъ чертахъ, безъ всякаго болѣе глубокаго обоснованія, безъ объясненія связи между психологическими мотивами интересовъ капиталиста и окончательнымъ установленіемъ рыночной цѣны, безъ объясненія разницы между затратой и выручкой, а, слѣдовательно, и прибыли на капиталъ,—эти мысли не могутъ, кажется, претендовать на названіе законченной теоріи ²⁾. Но въ нихъ, въ связи съ другимъ мѣстомъ ³⁾, въ которомъ *Смитъ* рѣзко противопоставляетъ „будущую прибыль“, вознаграждающую рѣшеніе накоплять капиталъ, „настоящему наслажденію“, получаемому отъ непосредственнаго потребленія благъ, можно усмотрѣть зародышъ теоріи, которую

¹⁾ „In exchanging the complete manufacture either for money, for labour, or for other goods, over and above what may be sufficient to pay the price of the materials and the wages of the workmen, *something must be given for the profits* of the undertaker of the work, who hazards his stock in this adventure... *He could have no interest to employ them*, unless he expected from the sale of their work something more than what was sufficient to replace his stock to him; and *he could have no interest to employ a great stock rather than a small one*, unless his profits were to bear some proportion to the extent of his stock“. (Изданіе *Макъ-Куллоха* отъ 1863 г., р. 22). Второе мѣсто (р. 30) гласитъ: „... *and who would have no interest to employ him*, unless he was to share in the produce of his labour, or unless his stock was to be replaced to him with a profit“.

²⁾ Ср. также *Pierstorff*, *Lehre vom Unternehmergewinn*, Berlin, 1875, стр. 6 и *Platter*, *Der Capitalgewinn bei Adam Smith* (Hildebrandsche Jahrbücher, томъ 25, стр. 317 и сл.).

³⁾ Книга II, гл. I (стр. 123 въ изданіи *Макъ-Куллоха*).

впослѣдствіи разработалъ *Сеніоръ* подъ названіемъ теоріи воздержанія.

Смитъ не только оставляетъ безъ болѣе глубокаго обоснованія указанную имъ необходимость существованія процента на капиталъ, но и не вдается въ систематическое изслѣдованіе важнаго вопроса, изъ какого источника происходитъ прибыль на капиталъ предпринимателя, а довольствуется тѣмъ, что затрагиваетъ этотъ послѣдній вопросъ въ случайныхъ, ближе не обоснованныхъ замѣчаніяхъ. Въ различныхъ мѣстахъ онъ даетъ двѣ исключаютія другъ друга версіи отвѣта на названный вопросъ. По одной версіи доходъ на капиталъ происходитъ отъ того, что покупатели, въ виду требованія капиталистомъ прибыли, должны согласиться платить за товаръ больше, чѣмъ слѣдовало бы по отношенію къ затраченному на него труду. На основаніи этого, источникъ процента на капиталъ представляетъ собою излишекъ цѣнности продукта надъ цѣнностью, созданной трудомъ, но и этотъ излишекъ ближе не объясняется. По другой версіи процентъ, напротивъ, получается изъ вычета, который капиталистъ дѣлаетъ въ свою пользу изъ дохода отъ труда, такъ что рабочіе не получаютъ всей созданной ими цѣнности, но должны дѣлиться ею съ капиталистами. На основаніи этой версіи, источникъ дохода на капиталъ представляетъ собою удержанную часть созданной трудомъ цѣнности.

Обѣ эти версіи встрѣчаются во многихъ мѣстахъ и притомъ, какъ это ни странно, иногда стоятъ очень близко одна отъ другой, въ особенности въ VI главѣ I книги.

Смитъ говоритъ здѣсь, прежде всего, о времени, хотя и мифическомъ, когда земля еще не была предметомъ частной собственности, и еще не было накопленія капитала, и замѣчаетъ при этомъ, что тогда *единственнымъ* факторомъ опредѣленія цѣны благъ было необходимое для ихъ производства количество труда. Затѣмъ онъ продолжаетъ: „Какъ только въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ накопился извѣстный капиталъ, то нѣкоторыя изъ нихъ стали его употреблять на то, чтобы использовать трудъ рабочихъ; они снабжаютъ послѣднихъ всѣмъ необходимымъ для производства для того, чтобы получить прибыль отъ продажи созданныхъ рабочими продуктовъ или отъ излишка цѣнности, который сообщаетъ сырому матеріалу ихъ трудъ. При обмѣнѣ готоваго товара, будь это на деньги, на трудъ или на другой товаръ, *надо, сверхъ возмѣщенія цѣны сырого матеріала и заработной платы, платить еще кое-что, чтобы доставить предпринимателю прибыль на капиталъ, затраченный на предпріятіе*“.

Эти слова, особенно въ связи съ выше приведеннымъ противоположнымъ замѣчаніемъ, что въ первобытномъ состояніи единственнымъ факторомъ опредѣленія цѣны является трудъ, ясно выражаютъ мысль, что притязаніе капиталиста на процентъ вызываетъ увеличеніе цѣны продуктовъ и удовлетворяется изъ такового. Но *Смитъ* непосредственно за этимъ продолжаетъ: „Въ такомъ случаѣ, слѣдовательно, *цѣнность, которую рабочий прибавляетъ къ сырому матеріалу*, распадается на двѣ части, изъ которыхъ одна представляетъ собою его вознагражденіе, другая же—прибыль работодателя за предоставленный имъ заранее сырой матеріалъ и заработную плату“. Здѣсь снова цѣна продукта опредѣляется исключительно количествомъ затраченнаго труда, а процентъ является долей дохода, созданнаго рабочими.

Еще рѣзче выступаетъ то же противорѣчіе на слѣдующей страницѣ.

„При такихъ обстоятельствахъ“—говоритъ здѣсь *Смитъ*— „не всегда весь доходъ съ труда принадлежитъ рабочему— послѣдній долженъ обыкновенно дѣлиться имъ съ собственникомъ капитала, который даетъ ему работу“. — Явная перефразировка второй версіи; но непосредственно за этимъ идутъ слѣдующія слова:

„И количество труда, затраченнаго на приобрѣтеніе или на производство товара, не опредѣляетъ всецѣло количества другихъ товаровъ, на которое можно купить или обмѣнять данный товаръ: очевидно, должно даваться еще кое-что для доставленія прибыли капиталисту, который уплатилъ впередъ заработную плату и доставилъ сырой матеріалъ“. Яснѣе, кажется, *Смитъ* врядъ ли могъ бы выразить мысль, что требованіе процента поднимаетъ цѣну и дѣлаетъ излишнимъ пониженіе заработной платы!

А затѣмъ онъ говоритъ то одно, то другое: „Такъ какъ въ цивилизованной странѣ бываетъ мало товаровъ, *мнѣшая цѣнность которыхъ опредѣляется исключительно трудомъ*, въ большинствѣ же случаевъ имѣютъ большое значеніе и земельная рента и *прибыль на капиталъ*, то и ежегодный доходъ съ труда всегда достаточенъ“ и т. д. ¹⁾ (Первая версія).

„Такому вычету прибыли подвергается выручка почти со всякаго другого труда. Почти во всѣхъ ремеслахъ и фабричныхъ предпріятіяхъ большинство рабочихъ нуждается въ хозяинѣ, который даетъ имъ матеріалъ для работы и авансируетъ имъ жалованье и содержаніе до окончанія производ-

¹⁾ I книга, VI гл. въ концѣ.

ства. Онъ беретъ часть дохода съ ихъ труда или часть цѣнности, которую рабочіе прибавляютъ къ предоставленному имъ сырому матеріалу; эта часть и представляетъ собою прибыль капиталиста“¹⁾. (Вторая версія).

„Высокая или низкая заработная плата и прибыль является причиной высокихъ или низкихъ цѣнъ; высокая или низкая рента является ихъ слѣдствіемъ“²⁾. (Первая версія).

Такія противорѣчія у такого замѣчательнаго мыслителя можно объяснить исключительно тѣмъ, что *Смитъ* не вникнулъ глубже въ проблему процента; поэтому—какъ это обыкновенно дѣлается при поверхностномъ знакомствѣ съ какимъ-нибудь вопросомъ—онъ особенно и не стѣснялся въ выборѣ выраженій и преспокойно отдавался тѣмъ различнымъ впечатлѣніямъ, которыя могъ и долженъ былъ произвести на него данный вопросъ.

Итакъ, *Смитъ* самъ не далъ опредѣленной теоріи процента на капиталъ³⁾. Но всѣмъ его отдѣльнымъ замѣчаніямъ было суждено упасть на плодородную почву. Подобно тому, какъ его поверхностныя замѣчанія о необходимости процента въ послѣдствіи были развиты въ теорію воздержанія, точно такъ же и обѣ версіи, которыя онъ даетъ по поводу источника процента на капиталъ, были подхвачены его послѣдователями, систематически развиты и положены въ основу особыхъ теорій процента. На версіи, что процентъ уплачивается изъ излишка цѣнности, который даетъ примѣненіе капитала, основаны позднѣйшія теоріи производительности; на версіи, что процентъ уплачивается изъ дохода на трудъ, — социалистическія теоріи процента на капиталъ. Такимъ образомъ, важнѣйшія изъ позднѣйшихъ теорій могутъ считать своимъ родоначальникомъ *Адама Смита*.

¹⁾ I книга, VIII гл.

²⁾ I книга, XI гл.

³⁾ *Платтеръ* въ выше (стр. 92, прим. 2-ое) упомянутой статьѣ приходитъ къ заключенію, что, „на основаніи системы *Смита*, доходъ на капиталъ безусловно является несправедливымъ“; *Платтеръ* могъ придти къ такому заключенію только потому, что обращалъ вниманіе исключительно на одну часть мыслей *Смита*, а не принималъ совершенно во вниманіе другой части, такъ какъ она находится въ противорѣчіи съ его прочими взглядами. Точно такъ же, какъ *Платтеръ* судитъ о *Смитѣ* и *Кэннанѣ* въ своемъ цѣнномъ произведеніи: „History of the theories of production and distribution“ (Лондонъ 1894 г. стр. 202), но онъ не въ состояніи убѣдить меня въ правильности своего субъективнаго мнѣнія.

Позицію, которую занялъ *Адамъ Смитъ* по отношенію къ вопросу о процентѣ на капиталъ, можно считать вполнѣ нейтральной. Онъ былъ нейтральнымъ и въ своемъ теоретическомъ объясненіи, такъ какъ высказывалъ рядомъ основныя мысли различныхъ теорій, не отдавая опредѣленно предпочтенія ни одной изъ нихъ. Онъ былъ нейтраленъ и въ своемъ практическомъ сужденіи, такъ какъ проявлялъ одинаковую сдержанность или, вѣрнѣе, одинаковое, полное противорѣчій колебаніе по отношенію къ одобренію и порицанію процента на капиталъ: онъ то прославляетъ капиталистовъ, какъ благодѣтелей человѣческаго рода, основателей вѣчнаго счастья ¹⁾, то снова изображаетъ ихъ классомъ людей, которые живутъ эксплуатаціей труда другихъ, и проводитъ рѣзкую параллель между ними и людьми, которые „любить жать тамъ, гдѣ не посѣяли“ ²⁾.

Во время *Смита* взаимоотношенія теоріи и жизни допускали еще такое нейтральное положеніе. Но его послѣдователи не могли уже занимать такой нейтралитетъ. Измѣнившіяся условія жизни заставляли—конечно, не во вредъ наука—высказываться съ полной опредѣленностью по вопросу о процентѣ.

Уже сама теорія, какъ таковая, не могла не требовать опредѣленности. *Смитъ* всю свою жизнь употребилъ на то, чтобы заложить основы своей системы. Его послѣдователи нашли уже эти основы готовыми и могли поэтому приступить къ разработкѣ еще не затронутыхъ вопросовъ. Вовлеченіе въ изслѣдованіе проблемы процента естественно было вызвано развитіемъ родственныхъ ей проблемъ земельной ренты и заработной платы: существовала уже разработанная теорія земельной ренты; существовала также не менѣе разработанная теорія заработной платы—было вполнѣ естественно, что систематически занялись, наконецъ, серьезно и вопросомъ о происхожденіи и причинахъ третьей крупной вѣтви дохода, дохода на капиталъ.

Этотъ вопросъ сталъ, наконецъ, выдвигаться и самой жизнью. Капиталъ мало-по-малу сдѣлался силой. Появились машины и одержали свою великую побѣду; онѣ содѣйствовали расширенію производства и придавали ему все болѣе

¹⁾ Книга II гл. III.

²⁾ Книга I, гл. VI стр. 23. Мысль эта высказывается, правда, прежде всего по отношенію къ земельнымъ собственникамъ, однако, во всей соответствующей главѣ процентъ на капиталъ и земельная рента рассматриваются рядомъ другъ съ другомъ, въ противоположность заработной платѣ.

и болѣе капиталистическую окраску. Но, съ введеніемъ машинъ, выступило наружу тягостное противорѣчіе интересовъ, которое, съ развитіемъ капитала, проникло въ хозяйственную жизнь и съ каждымъ днемъ стало приобрѣтать все большее значеніе: противорѣчіе интересовъ капитала и труда.

Въ ремеслѣ предприниматели и наемные рабочіе, мастера и подмастерья принадлежали не столько къ различнымъ социальнымъ классамъ, сколько къ различнымъ поколѣніямъ. Чѣмъ былъ первый, тѣмъ могъ и долженъ былъ сдѣлаться второй. И если даже ихъ интересы временно и были различны, то въ общемъ все-таки брало перевѣсъ чувство принадлежности къ одному и тому же сословію. Совершенно иначе обстояло дѣло въ крупномъ капиталистическомъ производствѣ. Предприниматель, который предоставляет капиталъ, рѣдко бывалъ рабочимъ или же никогда имъ не бывалъ; а рабочій, который предоставляет свои рабочія руки, рѣдко или никогда не будетъ предпринимателемъ. И тѣ и другіе заняты въ одномъ и томъ же дѣлѣ, какъ мастера и подмастерья, но они люди не только различнаго общественнаго положенія, какъ эти послѣдніе, но и различныхъ міровъ. Они принадлежатъ къ двумъ различнымъ классамъ, интересы которыхъ имѣютъ такъ же мало общаго, какъ мало имѣютъ общаго и они сами. Примѣръ машинъ показалъ, какъ рѣзко могутъ расходиться интересы капитала и труда: машины доставляли предпринимателю-капиталисту золотые плоды, но тѣ же самыя машины, при своемъ введеніи, лишили тысячи рабочихъ насущнаго хлѣба. Но даже тогда, когда уже зажили первыя раны, этотъ контрастъ все еще проявлялся въ значительной степени. Капиталистъ и рабочій дѣлятся доходомъ отъ предпріятія, но дѣлятся такъ, что рабочій получаетъ обыкновенно мало, даже очень мало, а предприниматель много. Недовольство по поводу этой незначительной части дохода не смягчается, какъ это было раньше у подмастерьевъ, надеждой на полученіе впоследствии львиной доли, потому что такой надежды у рабочаго въ крупномъ производствѣ нѣтъ; напротивъ, недовольство это обостряется въ значительной степени еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: рабочій видитъ, что ему достается скудная плата за болѣе тяжелый трудъ, предпринимателю же достается львиная доля, хотя трудъ его, если только предприниматель вообще трудится, гораздо легче. Если ко всѣмъ этимъ контрастамъ судьбы и интересовъ присоединить еще мысль, что, въ дѣйствительности, *рабочіе* создаютъ продукты, изъ которыхъ

предприниматель извлекаетъ свою прибыль—а эта мысль почти непосредственно вытекаетъ изъ многихъ мѣстъ получившей быстрое распространение системы *Смита* — то вполне естественно, что защитники „четвертаго сословія“ стали поднимать по поводу первичнаго процента на капиталъ тотъ же вопросъ, который за много столѣтій до того былъ поднятъ въ пользу должниковъ по поводу ссуднаго процента,—*является ли справедливымъ процентъ на капиталъ?* Справедливо ли, что предприниматель-капиталистъ, даже въ томъ случаѣ, если онъ не принимаетъ никакого участія въ производствѣ, получаетъ, подъ названіемъ прибыли на капиталъ, значительную часть того, что рабочіе создаютъ своими усиліями, и не долженъ ли принадлежать этимъ послѣднимъ весь продуктъ?

Этотъ вопросъ сталъ раздаваться въ концѣ 18-го и въ началѣ 19-го столѣтія, сначала тихо, а потомъ все громче и громче; а то обстоятельство, что этотъ вопросъ былъ вообще выдвинутъ, вызвало въ теоріи процента на капиталъ необыкновенное и продолжительное оживленіе. Проблема процента, которая могла остаться незамѣченной, пока она интересовала только теоретиковъ и только для теоретическихъ цѣлей, выросла теперь въ великую социальную проблему, пройти мимо которой наука и не могла и не хотѣла. И насколько изслѣдованія природы первичнаго процента на капиталъ были скудны и блѣдны до *Адама Смита*, настолько многочисленны и содержательны они сдѣлались послѣ него.

Однако, эти изслѣдованія были такъ же не согласованы другъ съ другомъ, какъ и многочисленны. До *Адама Смита* научные взгляды эпохи выражались одной только теоріей. Со времени *Смита* мнѣнія распались на рядъ противорѣчивыхъ теорій, которыя съ удивительнымъ постоянствомъ сохраняютъ свой противорѣчивый характеръ и по настоящій день. Обыкновенно новыя теоріи вытѣсняють старыя, которыя мало-по-малу уступаютъ имъ свое мѣсто. Въ нашемъ же вопросѣ каждой новой теоріи удавалось только занять мѣсто *на ряду* съ прежними, которыя сумѣли съ необыкновенной стойкостью сохранить за собою свое мѣсто. При такихъ условіяхъ, вѣднѣе развитіе со времени *Смита* не представляетъ собою картины внутренняго преобразования, а скорѣе картину накопленія разнорѣчивыхъ теорій. Этимъ ясно опредѣляется наша дальнѣйшая задача. Она будетъ заключаться въ томъ, что мы прослѣдимъ всѣ разнорѣчивыя ученія въ ихъ появленіи и развитіи по настоящій день и постараемся составить себѣ критическое сужденіе о достоин-

ствахъ и недостаткахъ каждаго изъ этихъ ученій въ отдѣльности. Такъ какъ развитіе теорій, начиная съ этого момента, совершается одновременно различными путями, то я считаю цѣлесообразнымъ оставить хронологическій порядокъ изложенія, котораго мы придерживались до сихъ поръ, и расположить матеріаль по содержанію различныхъ теорій.

Съ этой цѣлью я постараюсь прежде всего дать краткій обзоръ всего литературнаго матеріала, который мы будемъ разсматривать. Этого мы достигнемъ скорѣе всего, если выдвинемъ на первый планъ характерное зерно проблемы. Тогда мы увидимъ, какъ, въ зависимости отъ этого зерна, теорія распалась на множество различныхъ оттѣнковъ, подобно тому, какъ свѣтъ преломляется въ призмѣ.

Предметомъ нашего изслѣдованія является тотъ фактъ, что при производительной затратѣ капитала въ рукахъ предпринимателя всегда остается излишекъ, пропорциональный величинѣ затраченнаго капитала, при чемъ этотъ излишекъ обусловливается тѣмъ, что цѣнность благъ, произведенныхъ при помощи капитала, всегда больше цѣнности благъ, затраченныхъ на ихъ производство. Возникаетъ вопросъ: *Почему существуетъ такой постоянный излишекъ, или прибавочная цѣнность?*

На этотъ вопросъ *Тюрго* отвѣтилъ: Излишекъ долженъ существовать потому, что въ противномъ случаѣ капиталисты обращали бы свой капиталъ на покупку земли. *Смитъ* отвѣтилъ: Прибавочная цѣнность должна существовать потому, что въ противномъ случаѣ не было бы въ интересахъ капиталиста затрачивать свой капиталъ на производство.

Оба эти отвѣта мы признали уже неудовлетворительными.—Какіе же отвѣты даютъ позднѣйшіе изслѣдователи?

Ихъ отвѣты, по моему мнѣнію, распадаются прежде всего на пять отдѣльныхъ группъ.

Одна группа довольствуется отвѣтами, данными *Тюрго* и *Смитомъ*, и успокаивается на нихъ. Это направленіе, въ началѣ нашего столѣтія еще очень распространенное, но съ этого времени все болѣе и болѣе теряющее свой престижъ, я обозначу названіемъ *безцветныхъ теорій*.

Вторая группа теорій говоритъ: *Капиталь производитъ излишекъ*. Это направленіе, имѣющее въ литературѣ многихъ представителей, можетъ быть обозначено общимъ названіемъ „*теорій производительности*“. Уже здѣсь я замѣчу, что теоріи производительности, какъ мы это впоследствии увидимъ, въ свою очередь, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи распадаются на нѣсколько развѣтвленій: на теоріи произво-

дательности въ болѣ тѣсномъ смыслѣ этого слова, которыя признають непосредственное производство капиталомъ излишка продуктовъ, и на „теоріи пользованія“, которыя объясняютъ происхожденіе прибавочной цѣнности окольнымъ путемъ, а именно, тѣмъ, что производительное *пользованіе* капиталомъ представляетъ собою особенный элементъ издержекъ, требующій себѣ вознагражденія, какъ и всякая другая составная часть издержекъ.

Третья группа отвѣчаетъ: *Прибавочная цѣнность является эквивалентомъ части издержекъ, входящей въ составъ цѣны, — „воздержанія“.* Въ самомъ дѣлѣ, если капиталистъ обращаетъ свой капиталъ на производство, то онъ долженъ отказать себѣ въ его настоящемъ потребленіи. Эта отсрочка потребленія, это „воздержаніе“, является жертвой и, какъ таковая, является частью издержекъ производства, требующей вознагражденія. Это направленіе я буду называть *теоріей воздержанія*.

Четвертая группа видитъ въ прибавочной цѣнности *вознагражденіе за предоставленный капиталистомъ трудъ*. Для этой теоріи, имѣющей также различныя видоизмѣненія, я буду употреблять названіе *теоріи трудовой*.

Наконецъ, пятая группа — преимущественно принадлежащая социалистамъ — отвѣчаетъ: *Прибавочная цѣнность не отвѣчаетъ никакому естественному излишку, а появляется исключительно вслѣдствіе сокращенія справедливаго вознагражденія рабочихъ*. Эту теорію я буду называть *теоріей эксплоатации*.

Таковы главныя направленія. Уже главныя направленія достаточно многочисленны. Несмотря, однако, на это, они не выражаютъ собою еще всего разнообразія, до котораго развилась теорія процента. Мы, напротивъ, увидимъ, что нѣкоторыя изъ главныхъ направленій распадаются, въ свою очередь, на большое число существенно различныхъ типовъ, что въ иныхъ случаяхъ элементы нѣсколькихъ теорій соединяются въ новую своеобразную комбинацію, и что, наконецъ, въ предѣлахъ одного и того же теоретическаго типа, разновидности въ формулировкѣ общей основной мысли часто такъ значительны и характерны, что, не безъ основанія, можно было бы признать отдѣльные отбѣнки учений самостоятельными теоріями. То обстоятельство, что выдающіеся мыслители нашей науки прибѣгали къ столь различнымъ путямъ для открытія истины, является убѣдительнымъ доказательствомъ того, что ея открытіе не только важно, но и трудно.

Мы начнемъ обозрѣніемъ безцвѣтныхъ теорій.

VI.

Безцвѣтныя теоріи.

Не сразу совершился описанный въ концѣ предыдущей главы переворотъ, которому было суждено развить въ социальную проблему первенствующей важности явленіе процента на капиталъ, проблему, значенія которой во всемъ ея объемѣ долгое время не постигали. Даже послѣ *Адама Смита* цѣлый рядъ писателей считалъ возможнымъ довольствоваться нѣсколькими патриархальными взглядами на этотъ вопросъ *Турго* и *Смита*. Было-бы весьма ошибочнымъ полагать, что среди этихъ запоздалыхъ ихъ послѣдователей можно найти только несамостоятельные умы, свѣтила второй и третьей величины. Конечно, къ этой группѣ относится почти цѣликомъ рядъ тѣхъ несамостоятельныхъ писателей, которыхъ всегда является много послѣ появленія вызвавшего переворотъ гения, писателей, вся дѣятельность которыхъ посвящается исключительно популяризаціи новаго ученія; но, на ряду съ таковыми, мы видимъ и не одного замѣчательнаго мыслителя, который обошелъ нашу проблему исключительно по тѣмъ же мотивамъ, что и *Смитъ*.

Понятно, что взгляды, высказанные по поводу процента на капиталъ этими „безцвѣтными“ писателями,—я такъ ихъ буду называть—оказали въ общемъ очень незначительное вліяніе на развитіе теоріи. Это обстоятельство позволяетъ мнѣ отказаться отъ подробнаго разсмотрѣнія сочиненій большинства этихъ писателей и остановиться только на нѣкоторыхъ изъ нихъ—на тѣхъ, которые представляютъ больший интересъ или благодаря своей личности или же благодаря оригинальности ученія.

Человѣкъ, знакомый съ характеромъ нѣмецкой политической экономіи въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, не будетъ удивляться тому, что среди нѣмецкихъ писателей найдется необыкновенно большое число „безцвѣтныхъ“.

Ихъ индифферентность не можетъ быть названа шаблонной. Нѣкоторые изъ нихъ, привыкшіе строго итти по стопамъ *Смита*, какъ, напримѣръ, *Зарторій* ¹⁾, *Людеръ* ²⁾ и *Краусъ* ³⁾, повторяютъ почти дословно и неопредѣленные его замѣчания о процентѣ, въ особенности его мысль, что не было бы въ интересахъ капиталиста примѣнять свой капиталъ производительно, если бы не существовалъ процентъ. Другіе даютъ болѣе свободные варианты того же мотива, какъ, напр., *Гуффеляндъ* ⁴⁾ и *Зейтеръ* ⁵⁾. Третьи, какъ, напр., *Пелитцъ* ⁶⁾ и нѣсколько позже *Мургардъ* ⁷⁾, смотрятъ на существованіе процента, какъ на нѣчто вполне естественное, и не приводятъ ни одного слова для объясненія такового. Четвертые даютъ, правда, оригинальныя объясненія, однако, эти объясненія въ высшей степени поверхностны и лишены всякаго значенія, такъ что они едва-ли могутъ претендовать на почетное названіе теоріи. Къ такимъ писателямъ относится *Шмальцъ*, который, замѣтно вращаясь въ кругѣ, не стѣсняется объяснить существованіе первичнаго процента на капиталъ возможностью отдавать капиталъ на проценты ⁸⁾.

Весьма наивно объясненіе нашей проблемы, данное графомъ *Канкриномъ*. Какъ курьезъ, я приведу короткую цитату дословно. „Всякому извѣстно“, говоритъ онъ ⁹⁾, „что

¹⁾ Handbuch der Staatswirtschaft, Berlin, 1796; въ особенности § 8 и 23. И позднѣйшее его сочиненіе: „Abhandlungen die Elemente des Nationalreichthums und die Staatswirtschaft betreffend“ (Göttingen 1806) не отличается большей самостоятельностью по отношенію къ нашему вопросу.

²⁾ Über Nationalindustrie und Staatswirtschaft, 1800—1804; см. въ особенности стр. 82, 142 и т. д.

³⁾ Staatswirtschaft, изданіе *Ауэрсвальда* 1808—1811; см. въ особенности I, стр. 24, 150 и сл., и весьма наивныя разсужденія III, 126 и сл.

⁴⁾ Neue Grundlegung, Wien 1815, стр. 221.

⁵⁾ Die National-Ökonomie. Ulm 1823, стр. 145. Ср. и стр. 164, гдѣ онъ выводитъ первичный процентъ на капиталъ изъ ссуднаго, извращая ихъ причинную связь.

⁶⁾ Staatswissenschaften im Lichte unserer Zeit, II часть (Лейпцигъ 1823 г.) стр. 90. Въ этомъ сочиненіи *Пелитцъ* старается только доказать, что прибыль на капиталъ, существованіе которой онъ предполагаетъ, должна достаться *собственнику* капитала.

⁷⁾ Theorie des Handels, Göttingen 1831.

⁸⁾ Handbuch der Staatswirtschaft, Berlin 1808, § 110 и 120. Ср. также § 129, гдѣ договорная „рента“ уже вовсе не объясняется, а только рассматривается, какъ данный фактъ. И другія сочиненія *Шмальца* не болѣе содержательны.

⁹⁾ Die Ökonomie der menschlichen Gesellschaften und das Finanzwesen, Stuttgart, 1845, стр. 19.

деньги даютъ процентъ; но почему же это такъ? *Если два собственника вещественныхъ капиталовъ желаютъ обмѣняться своими продуктами, то каждый изъ нихъ желаетъ получить за трудъ сбереженія капитала и въ видѣ прибыли, сверхъ настоящей цѣнности продукта, столько, сколько другой согласится ему дать; необходимость же заставляетъ обоихъ сговориться на средней цѣнѣ.* Дѣло въ томъ, что деньги представляютъ собою вещественный капиталъ: при помощи денегъ можно получить прибыль—вотъ происхождение процента“. Словами, напечатанными курсивомъ, *Канкринъ* хочетъ объяснить существованіе первичнаго процента, второй половиной этой цитаты — существованіе ссуднаго процента; при томъ онъ считаетъ это объясненіе вполне достаточнымъ, и въ послѣдствіи, въ другомъ мѣстѣ, онъ самодовольно ссылается на него: „Я уже выяснилъ, почему капиталъ даетъ прибыль—деньги въ видѣ опредѣленнаго процента, а вещественный капиталъ въ видѣ цѣны вещей!“ (стр. 103).

Большаго вниманія заслуживаютъ писатели, которые въ болѣе яркихъ краскахъ выразили взглядъ *Смита*, что прибыль на капиталъ представляетъ собою долю продукта, присваиваемую капиталистами.

Изъ числа послѣднихъ графъ *Зоденъ* 1) рѣзко противопоставляетъ капиталъ, т. е. вещество, въ которомъ овеществляется „производительная сила“, этой послѣдней. Прибыль на капиталъ онъ объясняетъ тѣмъ, что собственникъ „вещества-капитала“ имѣетъ возможность „привести за себя въ движеніе чужую силу, значить, дѣлиться прибылью отъ примѣненія этой силы съ лишеннымъ средствъ производства наемнымъ рабочимъ. (I, стр. 65). Существованіе такого распределенія *Зоденъ* считаетъ естественнымъ слѣдствіемъ конкуренціи. Онъ не задается трудомъ дать формальное объясненіе этого, однако, у него часто прорывается взглядъ, что меньшее число капиталистовъ въ сравненіи съ большимъ числомъ наемныхъ рабочихъ всегда должно дать капиталистамъ возможность купить наемный трудъ за цѣну, при которой они будутъ получать доходъ (стр. 61, 138). *Зоденъ* это вполне одобряетъ (напр. стр. 65 и сл.) и совѣтуетъ не добиваться увеличенія заработной платы, путемъ ея регулированія. „Въ самомъ дѣлѣ“, говоритъ онъ, „если бы собственникъ матеріала вслѣдствіе установленія заработной платы на болѣе высокомъ уровнѣ не получалъ уже прибыли

1) Die National-Oekonomie (Leipzig 1805—1815, я цитирую по перепечатанному изданію, Вѣна 1815).

отъ примѣненія чужой силы, то онъ оставлялъ бы мертвымъ весь матеріаль, котораго онъ лично не въ состояніи обработать“. (Стр. 140). *Зоденъ* только желаетъ, чтобы „цѣна“ заработной платы приравнивалась къ ея „дѣйствительной цѣнности“. Однако, несмотря на подробное обсужденіе проблемы цѣнности производительной силы, (стр. 132 и сл.) остается довольно неяснымъ, какая—по мнѣнію *Зодена*—заработная плата соотвѣтствуетъ этой „дѣйствительной цѣнности“: вполне ясно только то, что, по его мнѣнію, капиталистъ долженъ получать доходъ и тогда, когда производительная сила вознаграждается по *полной* своей цѣнности ¹⁾.

При разборѣ этихъ разсужденій несомнѣнно получается впечатлѣніе, что, на основаніи первой части, въ которой онъ называетъ процентъ прибылью отъ примѣненія чужого труда, слѣдуетъ ожидать выводъ, прямо противоположный тому, который даетъ вторая часть; притомъ мотивировка этого неожиданныго вывода, благодаря своей неопредѣленности, совсѣмъ не убѣдительна.

Такого же рода замѣчанія можно сдѣлать и по отношенію къ *Лотцу*.

Этотъ остроумный писатель подробно высказывается по поводу процента на капиталъ въ своемъ „*Handbuch der Staatswirtschaftslehre*“ (Erlangen 1821). Онъ рѣшительно высказывается противъ появившагося ученія *Сэ*, что капиталъ обладаетъ самостоятельной производительной силой: „сами по себѣ всѣ капиталы мертвы“, и „самостоятельный трудъ капитала, безъ сомнѣнія, немислимъ“; напротивъ, капиталъ является всегда только орудіемъ чловѣческаго труда (I, стр. 65 и сл.). Впослѣдствіи эта точка зрѣнія находитъ себѣ примѣненіе въ одномъ очень важномъ мѣстѣ, а именно, при обсужденіи дохода на капиталъ.

Если—говоритъ *Лотцъ*—капиталъ представляетъ собою только средство облегченія труда, а самъ по себѣ никакого труда не создаетъ, то капиталистъ въ правѣ требовать „изъ выручки отъ труда, т. е. изъ суммы благъ, пріобрѣтенныхъ или произведенныхъ при его помощи, для себя только возмѣщенія благъ, затраченныхъ при такомъ предоставленіи капитала рабочимъ, или точнѣе, возмѣщенія издержекъ на содержаніе рабочаго, возмѣщенія предоставленнаго ему сырого матеріала и возмѣщенія орудія, сношеннаго вслѣдствіе употребленія его рабочимъ; . . . это возмѣщеніе, строго

¹⁾ Выводъ изъ стр. 140 ал. 3 и 5.

говоря, представляет собою, въ сущности, ренту на капиталъ, которую капиталистъ можетъ по справедливости требовать отъ рабочаго, работающаго на него; это возмѣщеніе въ сущности представляет собою ту часть произведенныхъ или добытыхъ рабочимъ благъ, которая по справедливости принадлежитъ капиталисту. Следовательно, не можетъ быть и рѣчи о прибыли на капиталъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. о такомъ вознагражденіи капиталиста за предоставленіе капитала, которое давало бы излишекъ сверхъ затраченнаго капитала. Если трудъ приноситъ больше, чѣмъ стоилъ затраченный на производство капиталъ, то эта выручка и всякій изъ нея вытекающій доходъ принадлежитъ въ сущности исключительно рабочему, какъ вознагражденіе за его трудъ: въ дѣйствительности не капиталистъ производитъ продукты рабочаго, и, следовательно, все, что рабочій произвелъ или же добылъ при помощи предоставленныхъ капиталистомъ благъ, принадлежитъ ему, рабочему, или же всему человѣчеству, если смотрѣть на силу, проявляющуюся въ рабочемъ, какъ на естественный фондъ, принадлежащій всему человѣчеству". (Стр. 487 и сл.).

Въ этомъ остроумномъ и оригинальномъ замѣчаніи Лотцъ близко подходитъ къ позднѣйшей „теоріи эксплуатаціи“ социалистовъ. Но онъ не дѣлаетъ окончательнаго вывода изъ этого хода мыслей, а неожиданно возвращается къ прежнему безцвѣтному объясненію Смита: „Если бы, однако“,—продолжаетъ онъ—„капиталисту приходилось довольствоваться только возмѣщеніемъ того, что онъ уступилъ рабочему для производства изъ накопленныхъ своихъ благъ,—если бы обращались съ капиталистомъ такъ строго—то онъ врядъ ли согласился бы передать рабочему что-либо для производства изъ своего запаса благъ. Онъ, можетъ быть, никогда не согласился бы сберегать капиталъ; дѣйствительно, многіе отказались бы отъ сбереженія капиталовъ, если бы они не имѣли въ виду нѣкоторое вознагражденіе за трудъ этого сбереженія въ ожидаемомъ процентѣ. Следовательно, если рабочій, у котораго нѣтъ того, что необходимо для примѣненія его рабочей силы, хочетъ, чтобы капиталистъ предоставилъ ему это необходимое и сдѣлалъ возможнымъ использованіе присущей ему производительной силы или облегчилъ это использованіе, то онъ неизбежно долженъ согласиться уступить капиталисту долю дохода отъ своего труда“.

Въ дальнѣйшемъ Лотцъ еще нѣсколько расширяетъ это неопредѣленное объясненіе: онъ приводитъ въ оправданіе

требованій капиталиста то обстоятельство, что безъ помощи капитала рабочій или совсѣмъ не былъ бы въ состояннн выполнять работу, дающую выручку, подлежащую распредѣленію, или же, по крайней мѣрѣ, онъ не могъ бы выполнять ее такъ удачно. Это обстоятельство и даетъ *Лотцу* масштабъ для „настоящей справедливой нормы“ ренты на капиталъ: рента, по его мнѣнію, должна опредѣляться соотвѣтственно поддержкѣ, получаемой рабочимъ благодаря примѣненію капитала. Этотъ способъ опредѣленія нормы *Лотцъ* поясняетъ нѣсколькими примѣрами и показываетъ при этомъ, насколько близко могутъ сойтись крайности: онъ только что доказывалъ, что вся „выручка отъ труда, а слѣдовательно, и весь получающійся отъ труда доходъ въ сущности принадлежитъ только рабочему, какъ вознагражденіе за трудъ“; теперь же онъ доказываетъ, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, собственникъ машины, сберегающей трудъ, по справедливости можетъ требовать даже девять десятыхъ изъ выручки отъ производства!

Очевидно, контрастъ между отправной точкой и окончательнымъ выводомъ еще болѣе яркъ, чѣмъ у *Зодена*, и средняя часть разсужденія, которая должна объяснить эту непоследовательность, едва-ли болѣе содержательна, чѣмъ у перваго. Въ сущности тамъ только и говорится о томъ, что капиталисты *желаютъ* получать процентъ, а рабочіе *могутъ* согласиться на вычетъ процента; насколько это „объясненіе“ не соотвѣтствуетъ понятію о дѣйствительной теоріи процента на капиталъ, освѣтитъ ярче всего сравненіе его съ проблемой земельной ренты. Названное объясненіе имѣетъ такое же значеніе для проблемы процента, какое имѣло бы въ области проблемы земельной ренты объясненіе, что землевладѣльцы должны получать земельную ренту потому, что въ противномъ случаѣ они предпочитали бы оставлять свою землю необработанной, и что сельскіе рабочіе по справедливости могутъ согласиться на вычетъ земельной ренты потому, что безъ содѣйствія земли они или вовсе не создали бы подлежащей распредѣленію выручки, или же во всякомъ случаѣ не такъ удачно!—Очевидно, *Лотцъ* и не подозревалъ, что такимъ ходомъ объясненія онъ даже не затронулъ сущности проблемы ¹⁾.

¹⁾ Уже въ болѣе раннемъ основномъ сочиненнн *Лотца*: „Die Revision der Grundbegriffe“ (1811—1814) мы находимъ нѣсколько довольно интересныхъ, но тоже противорѣчивыхъ замѣчаній на эту тему; между прочимъ, строгое осужденіе теорій производительности (III, стр. 100 и сл.): объясненіе процента, какъ „произвольное доба-

Наконецъ, послѣдняя группа безцвѣтныхъ писателей остановилась по срединѣ между взглядами *Смита*, съ одной стороны, и въ то время уже появившейся теоріей производительности *Сэ*, съ другой; эти писатели заимствовали у того и у другого взгляда нѣсколько характерныхъ чертъ, но не развили ни того ни другого въ обстоятельную теорію. У *Сэ* почти всѣ эти писатели заимствуютъ взглядъ, что капиталъ представляетъ собою самостоятельный факторъ производства, и нѣкоторые обороты рѣчи, намекающіе на „производительную силу“ капитала; у *Смита*—ссылку на мотивы, побуждающіе капиталиста предоставлять свой капиталъ рабочимъ; однако, всѣ эти писатели избѣгаютъ дать точное опредѣленіе проблемы процента.

Среди этихъ писателей мы встрѣчаемъ, на ряду съ другими, *Якоба* ¹⁾, который считаетъ основнымъ источникомъ всѣхъ полезныхъ вещей исключительно природу и трудъ (§ 49) и сводитъ прибыль на капиталъ къ прибавочной выручкѣ, созданной *трудомъ* (§ 275, 280); въ другомъ же мѣстѣ онъ называетъ прибылью на капиталъ то, „что производится капиталомъ сверхъ его цѣнности“ (§ 277), а капиталъ — употребляя терминъ *Сэ* — „орудіемъ производства“ (§ 770) и смотритъ часто на собственниковъ капиталовъ, какъ на непосредственныхъ производителей, которые имѣютъ право принимать участіе въ первичномъ распредѣленіи выручки, въ виду непосредственнаго содѣйствія, оказаннаго ими производству благъ, благодаря предоставленію своихъ капиталовъ ²⁾. Затѣмъ мы встрѣчаемъ *Фульду* ³⁾, который смотритъ на капиталъ, какъ на особенный, хотя и не первоначальный источникъ благъ, и, между прочимъ, сравниваетъ его съ

вліеніе къ необходимымъ издержкамъ производства“, и какъ „дань, которую корыстолюбіе капиталиста вынуждаетъ у потребителя“ (стр. 338); эту дань *Лотцъ*, хотя и не находитъ необходимой, но все же „вполнѣ справедливой“ (стр. 339). Въ другомъ мѣстѣ онъ прямо считаетъ „обсчетомъ“ капиталиста рабочимъ, если капиталистъ не получаетъ процента на капиталъ въ такомъ размѣрѣ, „въ какомъ онъ имѣлъ бы право требовать, въ зависимости отъ вліянія примѣненныхъ рабочимъ орудій на производительность труда и валовую выручку“ (стр. 323).—Странно, что въ предпоследней цитатѣ *Лотцъ* отводитъ процентъ на капиталъ въ счетъ *потребителя*, а въ послѣдней въ счетъ *рабочаго*; такимъ образомъ, у него повторяются тѣ же противорѣчія, которыя по этому же вопросу встрѣчаются у *Адама Смита*.

¹⁾ Grundsätze der National-Ökonomie, Halle 1805; третье изданіе Halle 1825. Я цитирую по этому послѣднему изданію.

²⁾ § 211, 711, 765 и особенно выразительно въ § 769.

³⁾ Grundsätze der ökonomisch-politischen oder Cameralwissenschaften, второе изданіе, Тюбингенъ 1820 г.

машиной, „которая при цѣлесообразномъ примѣненіи не только постоянно сохраняется, но при помощи которой можно также кое-что приобрести“; дальнѣйшаго объясненія этой мысли *Фульда*, однако, не даетъ (стр. 135). Затѣмъ мы встрѣчаемъ *Эйзелена* ¹⁾, неясность котораго характеризуется уже тѣмъ обстоятельствомъ, что въ началѣ онъ признаетъ только два основныхъ источника благъ—природу и трудъ (стр. 11), а потомъ называетъ „основными силами производства“ трудъ, природу и капиталъ, изъ совмѣстной дѣятельности которыхъ вытекаетъ цѣнность всѣхъ продуктовъ (§ 372); впрочемъ, онъ видитъ назначеніе капитала въ повышеніи производительности труда и силъ природы (§ 497 и др.), а для объясненія процента на капиталъ онъ въ концѣ концовъ ничего не можетъ сказать, кромѣ того, что существованіе процента необходимо, какъ импульсъ для сбереженія капитала (§ 491; приблизительно то же въ § 517, 555 и др.). Мы встрѣчаемъ въ этой группѣ писателей и уважаемаго *Рау*.

Характерно, что *Рау*, несмотря на появленіе цѣлаго ряда законченныхъ теорій процента на капиталъ, держался до самаго конца своей долготѣнейшей научной дѣятельности того нехитростнаго объясненія, которое было общепринятымъ въ его молодости. Еще въ восьмомъ и послѣднемъ изданіи своего курса экономической науки, появившемся въ 1868-мъ году, *Рау* затрагиваетъ проблему процента лишь въ нѣсколькихъ поверхностныхъ замѣчаніяхъ, которыя, въ сущности, содержатъ въ себѣ старый, введенный еще *Адамомъ Смитомъ* мотивъ о причинахъ, побуждающихъ капиталиста предоставлять свой капиталъ для производства. „Для того, чтобы онъ (капиталистъ) рѣшался накапливать блага, собирать и обращать ихъ въ капиталъ, онъ долженъ имѣть прибыль другого рода, а именно ежегодный доходъ, который долженъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуетъ капиталъ. Такимъ образомъ, обладаніе капиталомъ для частнаго лица... обращается въ источникъ дохода, который называется рентой на капиталъ, или процентомъ“ ²⁾.

Богатое развитіе литературы о процентѣ до 1868-го года почти не оставило слѣдовъ въ сочиненіяхъ *Рау*. Изъ теорій производительности *Сэ* онъ перенялъ только взглядъ *Сэ*, что капиталъ представляетъ собою самостоятельный источникъ благъ: но онъ сейчасъ же смягчаетъ этотъ взглядъ

¹⁾ Die Lehre von der Volkswirtschaft, Halle 1843.

²⁾ Volkswirtschaftslehre I, § 222. Приблизительно то же, только въ болѣе еще общихъ чертахъ I, § 138.

и отвергаетъ терминъ „производительныя услуги“, употребленный *Сэ* для обозначенія содѣйствія этого источника благъ, какъ выраженіе неподходящее, и причисляетъ капиталы къ „мертвымъ вспомогательнымъ средствамъ“, въ противоположность силамъ, создающимъ блага (I, § 84). А въ другомъ мѣстѣ, въ примѣчаніи, онъ цитируетъ теорію воздержанія *Сеніора*, не прибавляя, однако, отъ себя ни слова для выраженія одобренія или порицанія (I, § 228).

Перейдемъ теперь изъ Германіи въ Англію. Тамъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе *Рикардо*.

У этого великаго мыслителя повторяется явленіе, которое обнаружилось уже у *Смита*: самъ онъ не далъ теоріи процента, но зато имѣлъ громадное вліяніе на развитіе этой теоріи. Его самого я долженъ причислить къ безцвѣтнымъ писателямъ: онъ, хотя и занимался въ значительныхъ размѣрахъ темой процента на капиталъ, но онъ считаетъ таковой явленіемъ вполне, или, по крайней мѣрѣ, почти вполне естественнымъ; говоря о происхожденіи процента, онъ ограничивается нѣсколькими поверхностными замѣчаніями, а зато очень подробно останавливается на различныхъ конкретныхъ деталяхъ, но и изслѣдованіе этихъ деталей, освѣщенныхъ, правда, весьма обстоятельно и остроумно, вовсе не проливаетъ свѣта на основной теоретическій вопросъ. Но и въ его ученіи, какъ въ ученіи *Смита*, есть мысли, на которыхъ можно было бы построить самостоятельныя теоріи, если ихъ только развитъ послѣдовательно. Впослѣдствіи эти теоріи были, дѣйствительно, развиты и находили себѣ не малую опору въ авторитетѣ *Рикардо*, на котораго онъ часто ссылались, какъ на своего теоретическаго основателя.

Разсужденія, въ которыхъ *Рикардо* затрагиваетъ процентъ на капиталъ, весьма многочисленны. Ихъ можно найти, не считая случайно высказанныхъ замѣчаній, главнымъ образомъ, въ I, VI, VII, и XXI главахъ его „Принциповъ политической экономіи и налоговъ“¹⁾.

Въ этомъ сочиненіи — поскольку это необходимо для нашихъ цѣлей — можно до наибольшей наглядности различать три группы соображеній по поводу процента. Къ первой группѣ я отношу замѣчанія, высказанныя *Рикардо* непосредственно по поводу происхожденія процента на капиталъ, ко

¹⁾ Лондонъ 1817 г. 3-е изданіе 1821 г. Я цитирую по перепечаткѣ 3-го изданія, включенной въ полное собраніе сочиненій *Рикардо*, Лондонъ, 1871 г.

второй группѣ — его взгляды на причины, обуславливающія величину процента, къ третьей—его взгляды на связь, существующую между процентомъ на капиталъ и цѣнностью благъ. При этомъ я долженъ еще предварительно замѣтить, что *Рикардо*, какъ большинство англичанъ, вообще не отличаетъ процента на капиталъ отъ предпринимательской прибыли и обнимаетъ оба эти явленія словомъ „profit“.

Первая группа очень невелика. Она обнимаетъ собою лишь нѣсколько случайно высказанныхъ замѣчаній, что процентъ на капиталъ долженъ существовать потому, что въ противномъ случаѣ, ничто не побуждало бы капиталиста сберегать капиталъ ¹⁾. Эти замѣчанія, очевидно, напоминаютъ аналогичныя замѣчанія *Адама Смита*; о нихъ можно сказать то же, что и о послѣднихъ. Есть нѣкоторое основаніе усмотрѣть въ нихъ первый зародышъ, изъ котораго впоследствии развилась теорія воздержанія; сами по себѣ, эти замѣчанія не представляютъ собою теоріи.

Почти то же можно сказать о другомъ замѣчаніи *Рикардо*, о которомъ здѣсь слѣдуетъ упомянуть. Въ одномъ мѣстѣ *Рикардо* заявляетъ, что цѣнность благъ, производство которыхъ требуетъ болѣе продолжительнаго примѣненія капитала, должна быть больше цѣнности благъ, требующихъ того же труда, но менѣе продолжительнаго примѣненія капитала, и говоритъ въ заключеніе: „Разница въ цѣнности... представляетъ собою только справедливое вознагражденіе за то время, на которое было отсрочено полученіе прибыли“ ²⁾.— При желаніи, въ этихъ словахъ можно усмотрѣть еще болѣе непосредственное предвосхищеніе теоріи воздержанія; однако, и эти слова не содержатъ въ себѣ законченной теоріи.

Оригинальностью и законченностью отличаются взгляды, которые *Рикардо* высказываетъ о величинѣ прибыли на ка-

¹⁾ Вотъ самое подробное замѣчаніе: „... ни одинъ человѣкъ не будетъ сберегать капиталъ, если не будетъ имѣть возможности примѣнять его производительно, и исключительно при такомъ примѣненіи капиталъ даетъ прибыль. Безъ этой побудительной причины немислимо сбереженіе капитала, а потому немислимы и такія цѣны, (которыя вовсе не давали бы капиталисту прибыли). *Арендаторъ и предприниматель не могутъ жить безъ прибыли, какъ и рабочій безъ заработной платы.* Желаніе ихъ сберегать капиталъ будетъ уменьшаться съ уменьшеніемъ прибыли и окончательно исчезнетъ, если ихъ прибыль будетъ такъ ничтожна, что не будетъ даже давать достаточнаго вознагражденія за трудъ и рискъ, которые они по необходимости должны взять на себя при производительномъ примѣненіи своего капитала“. (Глава VI, р. 68; въ томъ же духѣ въ той же главѣ, р. 67, глава XXI, р. 175 и др.).

²⁾ Гл. I, отд. V, р. 25.

питаль (въ особенности въ VI и XXI главахъ). Эти взгляды являются слѣдствіемъ его теоріи земельной ренты, на нѣкоторыхъ принципахъ которой я поэтому долженъ здѣсь остановиться.

По мнѣнію *Рикардо*, въ началѣ люди обрабатываютъ самыя плодородныя земли. Пока есть много земель „высшаго качества“, собственникъ не получаетъ никакой земельной ренты, и весь доходъ выпадаетъ на долю обрабатывающихъ землю, какъ заработная плата и процентъ на капиталъ.

Впослѣдствіи, съ ростомъ населенія растетъ и спросъ на продукты земли, и приходится расширить обработку земли: съ этой цѣлью отчасти начинаютъ обрабатывать земельные участки болѣе низкаго качества, которыми до тѣхъ поръ пренебрегали, отчасти же обрабатываютъ и раньше уже обрабатываемые участки высшаго качества болѣе интенсивно, съ болѣею затратой капитала и труда. Въ обоихъ случаяхъ — при неизмѣнномъ состояніи земледѣльческой техники — увеличеніе продуктовъ земли можетъ быть достигнуто только благодаря увеличенію издержекъ, а, слѣдовательно, затрата этого добавочнаго капитала и добавочнаго труда менѣе производительна, менѣе производительна по мѣрѣ того, какъ постепенно исчезаютъ болѣе плодородныя земли, и приходится обращаться къ менѣе плодороднымъ.

Различіе выручки съ капиталовъ, затрачиваемыхъ въ различныхъ условіяхъ производительности не можетъ удержаться, какъ различіе доходовъ на таковыя: конкуренція между капиталистами скоро сведетъ къ одному уровню норму прибыли всѣхъ капиталовъ, затраченныхъ на земледѣліе, и притомъ къ уровню прибыли, получаемой при наименѣе производительной затратѣ, между тѣмъ какъ добавочная выручка, которую даютъ капиталы, затраченные при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, благодаря лучшему качеству земли, поступитъ къ землевладѣльцамъ въ видѣ земельной ренты.

Слѣдовательно, величина суммы изъ прибыли на капиталъ и заработной платы всегда опредѣляется выручкой отъ наименѣе производительной затраты капитала, такъ какъ эта выручка земельной ренты не даетъ и цѣликомъ распредѣляется, какъ прибыль на капиталъ и заработная плата.

Изъ этихъ двухъ слагаемыхъ высота заработной платы подчиняется строгому закону. А именно, она неизмѣнно тяготеетъ къ стоимости средствъ, необходимыхъ къ жизни рабочаго. Заработная плата велика, если велика цѣнность средствъ существованія; она мала, если мала цѣнность средствъ существованія. Капиталистъ получаетъ все осталь-

ное; такимъ образомъ, факторомъ, опредѣляющимъ величину прибыли на капиталъ, является *величина заработной платы*. Въ этой зависимости, существующей между прибылью и заработной платой, *Рикардо* видитъ истинный законъ процента на капиталъ, который онъ выразительно подчеркиваетъ въ различныхъ мѣстахъ и противопоставляетъ прежнему взгляду, представителемъ котораго является главнымъ образомъ *Смитъ*,—взгляду, что высота прибыли на капиталъ опредѣляется количествомъ и конкуренціей капиталовъ.

Въ силу этого закона—продолжаетъ *Рикардо*—прибыль на капиталъ должна имѣть тенденцію падать съ ростомъ хозяйственной культуры. Чтобы найти средства пропитанія для все возрастающаго народонаселенія, надо постепенно переходить къ обработкѣ менѣе плодородныхъ участковъ, и уменьшенное количество продуктовъ даетъ, послѣ вычета заработной платы, все меньшую и меньшую прибыль на капиталъ. *Цѣнность* уменьшающихся въ своемъ количествѣ продуктовъ, конечно, не падаетъ, такъ какъ она, по извѣстному закону цѣнности *Рикардо*, опредѣляется всегда количествомъ труда, затраченнаго на производство этихъ продуктовъ. Слѣдовательно, если впослѣдствіи трудъ десяти человѣкъ произведетъ только 150 кварталовъ пшеницы, тогда какъ раньше при той же затратѣ труда производили 180 кварталовъ, то теперь 150 кварталовъ будутъ имѣть ту же цѣнность, которую имѣли раньше 180 кварталовъ потому, что въ обоихъ случаяхъ въ продуктѣ заключается одно и то же количество труда, а именно, годичный трудъ десяти человѣкъ. Конечно, при этомъ возрастетъ цѣнность одного квартала пшеницы. вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежно возрастетъ и сумма цѣнности, необходимая для покрытія потребностей рабочаго, а вслѣдствіе этого должна расти также и заработная плата. Если поэтому изъ такой же, какъ раньше, суммы, которую представляетъ собою продуктъ, добытый въ меньшемъ количествѣ, приходится вычитывать большую заработную плату, то, очевидно, останется меньшая прибыль на капиталъ.

Если бы, наконецъ, приходилось распространить обработку на столь неплодородныя земли, что все уменьшающееся количество продуктовъ пошло бы цѣликомъ на покрытие потребностей рабочихъ, то прибыль на капиталъ упала бы до нуля. Однако, это невозможно, такъ какъ надежда на прибыль является единственнымъ мотивомъ сбереженія капитала, и этотъ мотивъ ослабѣваетъ съ уменьшеніемъ прибыли; поэтому еще до достиженія нулевой точки должно при-

остановиться дальнѣйшее сбереженіе капитала, а вмѣстѣ съ нимъ и развитіе богатства и народонаселенія.

Конкуренція капиталовъ, которой *Смитъ* приписываетъ столь важное значеніе, по мнѣнію *Рикардо*, только временно можетъ понизить прибыль на капиталъ: при увеличеніи количества капиталовъ ¹⁾, хотя и возрастетъ первоначально заработная плата, однако, она опять вскорѣ понизится до прежняго уровня, такъ какъ, соотвѣтственно увеличенію спроса на трудъ, увеличивается и число рабочихъ, и, слѣдовательно, прибыль на капиталъ будетъ имѣть тенденцію возрастать. Прибыль на капиталъ дѣйствительно будетъ падать только тогда, когда средства, необходимыя къ жизни для возрастающаго населенія, можно будетъ производить исключительно путемъ требующей болѣе затратъ обработки менѣе плодородныхъ земель, при чемъ уменьшенное количество продуктовъ будетъ давать меньшую прибыль, послѣ вычета необходимой заработной платы: прибыль на капиталъ падаетъ не вслѣдствіе конкуренціи, а вслѣдствіе необходимости прибѣгать къ менѣе производительной затратѣ труда. Тенденція прибыли на капиталъ падать съ успѣхами хозяйственнаго развитія иногда нѣсколько пріостанавливается благодаря успѣхамъ земледѣльческой техники, которые даютъ возможность съ меньшей затратой труда производить то же количество продуктовъ.

Обратимъ вниманіе на центральную идею этой теоріи. *Рикардо* выводитъ величину прибыли на капиталъ изъ величины заработной платы: величина заработной платы—причина, величина прибыли—слѣдствіе ²⁾.

Критика можетъ подойти къ этой теоріи съ различныхъ сторонъ. Теорія эта, конечно, несостоятельна для тѣхъ, кто считаетъ принципиально невѣрной уже теорію земельной ренты *Рикардо* ³⁾. Затѣмъ часть доказательства, опирающаяся на теорію фонда заработной платы, будетъ подлежать

¹⁾ По извѣстной „теоріи фонда заработной платы“.

²⁾ Ту же причинную связь *Рикардо* вполне опредѣленно указываетъ и въ другомъ мѣстѣ: въ началѣ IV отд. I главы онъ называетъ величину „цѣнности труда“ второй причиной цѣнности благъ, на ряду съ количествомъ труда, затраченнаго на производство, при чемъ онъ имѣетъ въ виду вліяніе, которое оказываютъ на цѣнность благъ притязанія капиталистовъ на прибыль. Величину прибыли *Рикардо* считаетъ только несамостоятельнымъ соединительнымъ звеномъ и ссылается, какъ на послѣднюю причину всего этого соотношенія, на измѣненія величины заработной платы.

³⁾ Такъ, напр. *Pierstorff*^a, *Lehre vom Unternehmergewinn*, стр. 12 и сл.

всѣмъ возраженіямъ, высказаннымъ по поводу этой теоріи. Я оставлю въ сторонѣ всѣ возраженія, касающіяся внѣшнихъ предпосылокъ теоріи процента, и буду критиковать только самую теорію. Я ставлю вопросъ: объясняетъ-ли теорія *Рикардо*—предполагая правильность теоріи земельной ренты и теоріи фонда заработной платы — дѣйствительную величину прибыли на капиталъ, а, можетъ быть, даже и самое существованіе послѣдней?

Отвѣтъ будетъ отрицательный, и отрицательный потому, что *Рикардо* принялъ ошибочно за причину объясняемаго имъ явленія *обстоятельства, сопровождающія* таковое. — Дѣло обстоитъ такъ:

Совершенно вѣрно, что заработная плата, прибыль и выручка отъ производства — послѣ вычета земельной ренты, если таковая въ данномъ случаѣ существуетъ, — находятся между собою въ неизбѣжной связи. Совершенно вѣрно также, что прибыль на капиталъ никогда не можетъ быть больше или меньше разности между выручкой и заработной платой. Однако, ошибочно объяснять эту зависимость такъ, какъ будто величина выручки и заработной платы является опредѣляющимъ элементомъ, а величина прибыли исключительно опредѣляемымъ. *Рикардо* назвалъ величину прибыли слѣдствіемъ величины заработной платы; однако, съ такимъ же правомъ онъ, наоборотъ, могъ бы назвать и величину заработной платы слѣдствіемъ величины прибыли. Онъ этого не сдѣлалъ потому, что онъ понималъ, что величина заработной платы опредѣляется самостоятельными причинами, свойственными фактору „трудъ“. Но то, что *Рикардо* оцѣнилъ вѣрно по отношенію къ заработной платѣ, онъ упустилъ изъ вида по отношенію къ прибыли на капиталъ. Величина прибыли на капиталъ также опредѣляется причинами, вытекающими изъ ея своеобразныхъ условій. Капиталистъ беретъ не только то, что остается, онъ всегда сумѣетъ вынудить для себя соответствующую долю. Дѣйствительное объясненіе прибыли на капиталъ должно было бы подчеркнуть всѣ моменты, существующіе на сторонѣ фактора „капиталъ“ и противодѣйствующіе поглощенію прибыли на капиталъ заработной платой, совершенно такъ же, какъ, напримѣръ, удовлетвореніе необходимыхъ потребностей рабочаго противодѣйствуетъ поглощенію заработной платы процентомъ на капиталъ. *Рикардо* же вовсе не выставляетъ специфическихъ причинъ, опредѣляющихъ величину процента на капиталъ.

Только одинъ разъ онъ упоминаетъ о существованіи

такихъ причинъ: это въ замѣчаніи, что прибыль на капиталъ никогда не можетъ упасть до нуля потому, что въ такомъ случаѣ было бы приостановлено дѣйствіе мотива накопленія капитала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое накопленіе ¹⁾). Однако, онъ не останавливается на этой мысли, которая, при послѣдовательномъ развитіи, могла бы дать матеріалъ для разумной теоріи процента, а продолжаетъ искать причины, опредѣляющія величину прибыли на капиталъ, исключительно въ лагерѣ конкурирующихъ факторовъ и безпрестанно указываетъ, какъ на причины, опредѣляющія величину прибыли, то на величину заработной платы, то на наименьшую степень производительности труда, то, наконецъ, приближаясь нѣсколько къ ученію физиократовъ, хотя и не въ разрѣзъ съ только что изложеннымъ ученіемъ, на естественную плодородность земли ²⁾).

Моя критика, направленная противъ *Рикардо*, въ свою очередь, можетъ вызвать слѣдующее простое возраженіе: разъ, какъ мы предполагали все время въ духѣ *Рикардо*, заработная плата представляетъ собою вполнѣ опредѣленную величину—величину стоимости средствъ къ жизни,—то могло бы показаться, что и величина, представляющая собою прибыль на капиталъ, уже такъ строго опредѣлена, что нѣтъ мѣста для дѣйствія самостоятельныхъ факторовъ по отношенію къ послѣдней. Допустимъ, что выручка отъ производства, подлежащая распредѣленію, равняется 100 квартирамъ. Если для удовлетворенія потребностей рабочихъ, принявшихъ участіе въ ихъ производствѣ, требуется 80 квартиръ, то доля капитала въ 20 квартиръ представляетъ собою вполнѣ опредѣленную величину и не можетъ измѣняться въ зависимости отъ какихъ бы то ни было факторовъ со стороны послѣдняго.

А между тѣмъ это возможное возраженіе не выдерживаетъ критики. Дѣло въ томъ, что — мы всецѣло остаемся при этомъ вѣрными духу ученія *Рикардо* — выручка отъ наименѣе производительнаго труда не представляетъ собою ничего строго опредѣленнаго: она измѣняема и можетъ подлежать вліянію неустранимыхъ требованій капитала и труда. Какъ, съ одной стороны, требованія рабочихъ могутъ не допустить и фактически не допускаютъ, чтобы обработку земли распространяли до предѣловъ, въ которыхъ трудъ не покрываетъ даже издержекъ своего существованія, такъ, съ

¹⁾ Гл. VI р. 67 и др.

²⁾ Гл. VI, въ концѣ (р. 70).

другой стороны, и требованія капитала могутъ не допускать чрезмѣрнаго распространенія обработки, и они, дѣйствительно, не допускаютъ этого. Если, напримѣръ, мотивы которымъ вообще процентъ обязанъ своимъ существованіемъ, и которыхъ *Рикардо*, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ и не объясняетъ, требуютъ для капитала опредѣленной величины долю прибыли въ 30 кварталеровъ; если затѣмъ на удовлетвореніе потребностей рабочихъ, работающихъ при содѣйствіи этого капитала, требуется 80 кварталеровъ, то обработку земли придется пріостановить тамъ, гдѣ трудъ рабочихъ, которые могутъ содержать себя на 80 кварталеровъ, еще будетъ приносить 110 кварталеровъ. Если бы „*motives of accumulation*“ требовали только прибыли въ 10 кварталеровъ, то можно было бы распространять обработку до тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ самый непродуцительный трудъ давалъ бы еще 90 кварталеровъ. Обработка участковъ еще менѣе плодородныхъ невозможна въ силу экономическихъ соображеній, и, такимъ образомъ, временно достигается предѣлъ для дальнѣйшаго роста населенія ¹⁾.

То обстоятельство, что требованія капитала могутъ имѣть такое ограничивающее дѣйствіе, самъ *Рикардо* признаетъ, какъ мы видѣли, только въ томъ крайнемъ случаѣ, если прибыль на капиталъ окончательно исчезаетъ. Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тѣ обстоятельства, которыя вообще обуславливаютъ происхожденіе прибыли на капиталъ, дѣйствуютъ не только въ крайнихъ случаяхъ, но и постоянно; они не только противодѣйствуютъ полному исчезновенію прибыли, но и поддерживаютъ ее постоянно въ борьбѣ съ другими факторами и содѣйствуютъ опредѣленію ея величины такъ, что прибыль на капиталъ подчиняется самостоятельнымъ опредѣляющимъ причинамъ не менѣе, чѣмъ заработная плата. Главная ошибка *Рикардо* заключается въ томъ, что онъ совершенно не обратилъ вниманія на эти самостоятельныя опредѣляющія причины.

¹⁾ Внимательный читатель легко убѣдится, что результатъ не мѣняется, если мы измѣнимъ форму разсужденія и вмѣсто *количества* продуктовъ и величины заработной платы будемъ разсматривать ихъ *цѣнность*. Въ такомъ случаѣ цѣнность выручки остается *постоянной* величиной (ср. выше стр. 111, 112), а заработная плата *переменной*, и мысль, высказанная въ текстѣ, измѣняется только по формѣ, а не по существу: обработка земли должна пріостановиться тамъ, гдѣ, благодаря увеличенію издержекъ обработки, увеличивается заработная плата, а слѣдовательно, часть цѣнности продукта, выпадающая на долю капиталиста, слишкомъ мала, чтобы удовлетворить его требованія.

Своеобразный характеръ этой ошибки, какъ нельзя проще, объясняетъ то вообще странное явленіе, что обширныя изслѣдованія, посвященныя такимъ замѣчательнымъ мыслителемъ, какъ *Рикардо*, вопросу о величинѣ прибыли на капиталъ, остались совершенно безрезультатными по отношенію къ основному вопросу о происхожденіи самой прибыли.

Наконецъ, третья группа замѣчаній, относящихся къ прибыли на капиталъ, находится въ связи со взглядами *Рикардо* на цѣнность благъ. Вообще, цѣнность благъ представляетъ собою тему, предоставляющую писателямъ возможность прямо или косвенно высказаться о происхожденіи прибыли на капиталъ. Увеличивается ли мѣновая цѣнность благъ въ зависимости отъ требованій прибыли капиталистами или же нѣтъ? Въ первомъ случаѣ прибыль на капиталъ оплачивается изъ особенной, „добавочной цѣнности“ безъ обчета собственниковъ сотрудничающихъ производительныхъ силъ, въ частности, безъ обчета наемныхъ рабочихъ; во второмъ случаѣ прибыль получается на счетъ остальныхъ участниковъ предпріятія.

Рикардо высказывается и по этому вопросу, и высказывается при томъ въ смыслѣ признанія увеличенія цѣнности благъ, вызваннаго примѣненіемъ капитала, однако, онъ это дѣлаетъ нѣсколько осторожно.

Онъ различаетъ двѣ различныхъ эпохи общества. Въ первую, первобытную эпоху, когда капиталовъ еще очень мало, и совсѣмъ еще нѣтъ частной земельной собственности, мѣновая цѣнность благъ опредѣляется исключительно количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство ¹⁾. Во второй эпохѣ, къ которой относится современное народное хозяйство, происходитъ перемѣна благодаря примѣненію капитала. Дѣло въ томъ, что предприниматели-капиталисты требуютъ на свой капиталъ, предоставленный рабочимъ для производства, обычную норму прибыли, въ зависимости отъ величины капитала и продолжительности его примѣненія. Величина, продолжительность примѣненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и требованія прибыли различны въ различныхъ отрасляхъ производства, въ зависимости отъ того, требуется ли въ данной отрасли большій оборотный капиталъ, который быстро возстанавливается въ цѣнности продукта, или же большій основной капиталъ, а также въ зависимости отъ того, требуется ли основной ка-

¹⁾ Гл. I, отд. I.

питаль на болѣе или менѣе продолжительное время, при чемъ продолжительность примѣненія капитала обратно пропорціональна скорости возстановленія его въ цѣнности продукта. Различныя требованія капиталистовъ удовлетворяются тѣмъ, что мѣновая цѣнность благъ, производство которыхъ требовало большей затраты капитала, увеличивается соотвѣтственно этой затратѣ ¹⁾).

Это разсужденіе *Рикардо*, очевидно, клонится къ выводу, что процентъ на капиталъ вытекаетъ изъ особенной добавочной цѣнности. Однако, впечатлѣніе, производимое этимъ разсужденіемъ, нѣсколько ослабляется, отчасти нѣкоторыми другими мѣстами, въ которыхъ *Рикардо* говоритъ о зависимости между прибылью и заработной платой и объясняетъ увеличеніе одного фактора уменьшеніемъ или сокращеніемъ другого, отчасти предшествовавшимъ установленіемъ чистаго „трудового принципа“ для первобытной эпохи хозяйства; къ тому же, этотъ принципъ *Рикардо* сопровождаетъ болѣе опредѣленнымъ существеннымъ обоснованіемъ, чѣмъ капиталистическую модификацію такового, такъ что неволью получается впечатлѣніе, будто онъ считаетъ естественнымъ такое первобытное положеніе вещей. Въ самомъ дѣлѣ, позднѣйшіе социалистическіе писатели смотрятъ на „трудовой принципъ“, какъ на настоящій взглядъ *Рикардо*, а на допущеніе капиталистической модификаціи этого принципа только, какъ на непослѣдовательность своего учителя ²⁾).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что *Рикардо* не высказывается опредѣленно и по вопросу о происхожденіи прибыли на капиталъ; онъ высказывается, правда, болѣе опредѣленно, чѣмъ его учитель *Смитъ*, но все же не такъ ужъ опредѣленно, чтобы его можно было исключить изъ группы безцвѣтныхъ теоретиковъ.

Великій современникъ *Рикардо*—*Мальтусъ* едва ли опредѣленнѣе, чѣмъ самъ *Рикардо*. высказался на тему процента на капиталъ. Но все же въ его сочиненіяхъ встрѣчается нѣсколько мыслей, которыя даютъ возможность исключить его изъ числа совершенно безцвѣтныхъ писателей и включить его въ группу теоретиковъ производительности капитала.

¹⁾ Гл. I, отд. IV и V.

²⁾ Такого же мнѣнія придерживается *Bernhardi*, „Kritik der Gründe etc.“, 1849, стр. 310 и сл. Напротивъ, см. *Verrijn Stuart*, „Ricardo en Marx.“, s-Gravenhage 1890 и мой разборъ этой статьи въ „Congrads Jahrbücher“, III выпускъ, томъ I (1891 г.), стр. 877 и сл.

Зато опредѣленіе „безцвѣтный“ какъ нельзя лучше идетъ къ *Торренсу* ¹⁾). Этотъ поверхностный и недалновидный писатель высказываетъ свой взглядъ по поводу процента на капиталъ, главнымъ образомъ, въ полемикѣ, направленной противъ только что появившейся теоріи *Мальтуса*, на основаніи которой прибыль на капиталъ представляетъ собою составную часть издержекъ производства, а, слѣдовательно, и естественной цѣны благъ. Противъ этого *Торренсъ* справедливо, хотя слишкомъ уже многорѣчиво, возражаетъ, что прибыль представляетъ собою излишекъ надъ издержками, а не составную часть таковыхъ. Однако, самъ онъ лучшаго объясненія не даетъ.

Онъ различаетъ рыночную и естественную цѣны. Рыночной цѣной называется то, что мы должны дать, чтобы путемъ обмѣна получить на рынкѣ соотвѣтствующее благо; естественной цѣной называется то, что мы должны дать, чтобы получить нѣкоторое благо „изъ огромнаго скопления товаровъ въ природѣ“, или, другими словами, естественная цѣна представляетъ собою затрату издержекъ производства, при чемъ *Торренсъ* понимаетъ подъ этимъ выраженіемъ величину капитала, затраченнаго при производствѣ ²⁾). Рыночная цѣна вовсе не имѣетъ тенденціи устанавливаться въ среднемъ на томъ же уровнѣ, что и естественная, какъ это обыкновенно утверждаютъ; напротивъ, въ виду того, что прибыль не представляетъ собою составной части издержекъ производства, а, слѣдовательно, и естественной цѣны, а рыночная цѣна должна—для того, чтобы предпріятіе не прекратилось—давать предпринимателю обычную норму прибыли, то рыночная цѣна принципиально должна всегда превышать естественную цѣну, и превышать ее на величину обычной нормы прибыли ³⁾).

Такимъ образомъ, *Торренсъ* исключилъ прибыль на капиталъ изъ области мотивовъ, опредѣляющихъ естественную цѣну, и включилъ ее въ область причинъ, опредѣляющихъ рыночную цѣну. Нетрудно убѣдиться въ томъ, что это измѣненіе чисто формальное; оно основывается исключительно на употребленіи другой терминологіи. Экономисты, которымъ *Торренсъ* возражалъ, имѣли въ виду то обстоятельство, что прибыль на капиталъ является причиной, опредѣляющей

¹⁾ An essay on the production of wealth, London 1821.

²⁾ p. 34: „the amount of capital or the quantity of accumulated labour expended in production“.

³⁾ p. 50 и сл.

величину средней цѣны благъ, и называли эту среднюю или постоянную цѣну—естественной. *Торренсъ* доказываетъ совершенно то же; онъ только называетъ постоянныя цѣны рыночными, а названіе „естественная цѣна“ онъ оставляетъ для явленія, которое вовсе собою цѣны не представляетъ, а именно, для затраченнаго на производство капитала.

Торренсъ ничего почти не сдѣлалъ для основного вопроса, почему дѣйствительныя цѣны благъ—безразлично, будемъ ли мы ихъ называть естественными или рыночными,—даютъ прибыль на капиталъ. Очевидно, онъ считаетъ прибыль на капиталъ явленіемъ вполне естественнымъ, а потому считаетъ совершенно излишнимъ подробное объясненіе таковой; онъ ограничивается нѣсколькими смутными стереотипными выраженіями, которыя къ тому же носятъ противорѣчивый характеръ, такъ какъ наводятъ на самыя разнообразныя мысли. Такимъ выраженіемъ является часто повторяющееся замѣчаніе, что капиталистъ долженъ получать прибыль потому, что, въ противномъ случаѣ, ничего не побуждало бы его накоплять капиталъ или же предоставлять его для производства ¹⁾; другое подобное выраженіе, имѣющее совершенно иное направленіе, представляетъ собою объясненіе, что прибыль на капиталъ представляетъ собою „новое созданіе“, произведенное благодаря затратѣ капитала ²⁾. О томъ, *какимъ образомъ* „создается“ прибыль на капиталъ, мы не получаемъ никакого представленія; *Торренсъ* ограничивается стереотипными выраженіями, при полномъ отсутствіи теоріи.

Однако, ни одинъ представитель англійской школы не обработалъ проблемы процента на капиталъ такъ неумѣло и такъ неудачно, какъ *Макъ-Куллохъ* ³⁾. Послѣдній высказываетъ цѣлый рядъ разнорѣчивыхъ мыслей. Онъ разсматриваетъ каждую изъ нихъ слишкомъ ужъ подробно для того, чтобы не впасть въ рѣзкое противорѣчіе съ самимъ собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ ужъ поверхностно для того, чтобы развить ее до болѣе или менѣе цѣльной теоріи процента на капиталъ. Въ одномъ только мѣстѣ мы встрѣчаемъ исключеніе изъ общаго правила: но теорія, которую тамъ развиваетъ *Макъ-Куллохъ*, одна изъ самыхъ безтол-

¹⁾ p. 53 и 392.

²⁾ „a new creation brought into existence in consequence of this expense“ (p. 51): „they create it . . . It is essentially a surplus, a new creation“ (p. 54).

³⁾ Principles of Political Economy; I изданіе, Единбургъ, 1825 г.; V изданіе 1864 г.

ковыхъ, какія вообще могутъ прійти въ голову мыслителю, и въ позднѣйшихъ изданіяхъ своихъ сочиненій *Макъ-Куллохъ* самъ уже отказывается отъ нея; однако, и отъ этой теоріи у него остаются нѣкоторыя мысли, которыя находятся въ рѣзкомъ противорѣчій съ дѣйствительностью и съ тѣми условіями, въ которыхъ онѣ были высказаны. Такимъ образомъ, мысли, высказанныя *Макъ-Куллохомъ* по поводу процента на капиталъ, представляютъ собою верхъ недосказанности, неопредѣленности и противорѣчивости.

Въ виду того, что взгляды *Макъ-Куллоха* все же нашли широкое распространеніе и пользуются вообще уваженіемъ, я не въ правѣ уклониться отъ неприятной задачи обосновать нѣсколько подробнѣе свое мнѣніе о *Макъ-Куллохѣ*.

Макъ-Куллохъ прежде всего высказываетъ взглядъ, что трудъ является единственнымъ источникомъ богатства. Цѣнность благъ опредѣляется количествомъ труда, необходимаго для ихъ производства. По мнѣнію *Макъ-Куллоха*, это справедливо не только для первобытнаго состоянія, но и для современной хозяйственной жизни, въ которой, на ряду съ непосредственнымъ трудомъ, затрачивается на производство и капиталъ: капиталъ же не представляетъ собою ничего иного, какъ продуктъ прошлаго труда. Если къ непосредственно затраченному труду прибавить трудъ, накопленный въ капиталѣ, то полученная сумма и въ настоящее время опредѣляетъ собою цѣнность всѣхъ продуктовъ ¹⁾; поэтому и въ настоящее время одинъ только трудъ опредѣляетъ собою всѣ издержки производства ²⁾.

Такимъ образомъ, *Макъ-Куллохъ* „отождествляетъ издержки съ количествомъ труда“, между тѣмъ какъ нѣсколькими строками выше онъ включилъ и прибыль на капиталъ въ составъ издержекъ, на ряду съ трудомъ ³⁾; а непосредственно за взглядомъ, что цѣнность опредѣляется исключительно количествомъ затраченнаго труда, онъ высказываетъ

¹⁾ p. 61, 215, 289 и сл. I изд.; p. 6 и 276 V изд.

²⁾ The cost of producing commodities is, as will be afterwards shoon, identical with the quantity of labour, required to produce them and bring them to market (I изд. p. 250). Почти дословно то же въ V изданіи, p. 250: The cost, or real value of commodities is, as already seen'determined by the quantity of labour etc.

³⁾ But it is quite obvious, that if any commodity were brought to market and exchanged for a greater amount either of other commodities or of money, than was required to defray the cost of its production, including, in that cost, the common and average rate of net profit at the time . . . etc. I изданіе p. 249. Въ объемѣ то же и въ V изданіи, p. 250.

взглядъ, что и возрастаніе *заработной платы* въ связи съ паденіемъ прибыли на капиталъ измѣняетъ мѣновую цѣнность благъ: увеличивается цѣнность благъ, при производствѣ которыхъ примѣнялся капиталъ въ теченіе менѣе продолжительнаго времени, и, наоборотъ, уменьшается цѣнность благъ, при производствѣ которыхъ примѣнялся капиталъ въ теченіе болѣе продолжительнаго времени ¹⁾.

А затѣмъ опять *Макъ-Куллохъ* не задумывается опредѣлить прибыль на капиталъ, какъ „excess of produce“, какъ „surplus“, какъ „the portion of the produce of industry, accruing to the capitalist after all the produce expended by them in production is fully replaced“,—однимъ словомъ, какъ *чистый излишекъ*, несмотря на то, что нѣсколько раньше онъ называлъ таковую составной частью издержекъ. Слѣдовательно, что мысль, то и противорѣчіе!

А между тѣмъ, по крайней мѣрѣ въ первомъ изданіи своихъ „Principles“, *Макъ-Куллохъ* всячески старается казаться послѣдовательнымъ. Какъ средствомъ, онъ при этомъ пользуется теоріей, при помощи которой онъ сводитъ прибыль на капиталъ къ труду. На 291-ой страницѣ перваго изданія онъ печатаетъ курсивомъ, что прибыль на капиталъ представляетъ собою только другое наименованіе „вознагражденія за накопленный трудъ“. Это объясненіе даетъ ему возможность подчинить своему закону, по которому цѣнность всѣхъ благъ опредѣляется трудомъ, и тѣ частные случаи, въ которыхъ прибыль на капиталъ оказываетъ вліяніе на цѣнность благъ. Но какимъ же образомъ онъ доходитъ до этого вывода?

„Допустимъ“, говоритъ онъ ²⁾, „что боченокъ молодого вина, стоящій 50 фунтовъ, отстаивается въ погребѣ, и, по истеченіи двѣнадцати мѣсяцевъ, онъ приобретаетъ цѣнность въ 55 фунтовъ. Возникаетъ вопросъ: представляетъ ли собою это увеличеніе цѣнности на 5 фунтовъ вознагражденіе за *время*, въ теченіе котораго цѣнность капитала въ 50 фунтовъ была изъята изъ обращенія, или же цѣнность добавочнаго *труда*, который, дѣйствительно, былъ затраченъ на производство вина“? *Макъ-Куллохъ* высказывается въ пользу втораго объясненія: увеличеніе цѣнности наблюдается только въ молодомъ винѣ, въ которомъ, слѣдовательно, надо провозвести еще извѣстное измѣненіе или дѣйствіе; въ винѣ же, достигшемъ уже полной спѣлости, это не наблюдается. И

¹⁾ I изданіе, р. 298 и сл.; V изданіе 283 и сл.

²⁾ I изданіе р. 313.

это обстоятельство *Макъ-Куллохъ* считаетъ „неопровержимымъ“ доказательствомъ того, „что увеличение цѣнности вина не представляетъ собою вознагражденія за время, а является вознагражденіемъ за дѣйствіе или измѣненіе, произведенное въ винѣ“. „Время“—говоритъ *Макъ-Куллохъ*— „само по себѣ ничего не можетъ произвести, оно только представляетъ собою ту сферу, въ которой могутъ активно проявляться дѣйствительныя причины; отсюда ясно, что между временемъ и цѣнностью нѣтъ ничего общаго“.

Этими словами *Макъ-Куллохъ* съ удивительной наивностью заканчиваетъ свое доказательство. Онъ, кажется, и не подозреваетъ того, что существуетъ громадная разница между тѣмъ, что онъ долженъ былъ доказать, и тѣмъ, что онъ доказалъ на самомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ доказать, что увеличение цѣнности является слѣдствіемъ труда, слѣдствіемъ дѣятельности человѣка, а онъ—если угодно—доказалъ, что увеличение цѣнности является слѣдствіемъ не времени, а какого-то „измѣненія“ вина. А то обстоятельство, что это измѣненіе вызывается затратой добавочнаго труда, не только не доказано, но даже исключается возможность такого измѣненія вслѣдствіе природы приведеннаго примѣра: вѣдь вино въ теченіе всего времени пролежало въ погребѣ, никѣмъ не тронутое.

Макъ-Куллохъ, кажется, самъ отчасти сознаетъ слабость этого перваго доказательства; для того, чтобы „освѣтить эту мысль еще больше“, онъ приводитъ еще цѣлый рядъ примѣровъ, которые, однако, тѣмъ невѣроятнѣе, чѣмъ опредѣленнѣе они должны бы доказать основной тезисъ.

Въ первомъ изъ этихъ примѣровъ ¹⁾ онъ предполагаетъ человѣка, имѣющаго два капитала: „одинъ представляетъ собою молодое вино, цѣнностью въ 1000 фунтовъ, а другой состоитъ изъ кожи, цѣнностью въ 900 фунтовъ, и изъ денегъ, цѣнностью въ 100 фунтовъ. Положимъ, что вино помѣщается въ погребъ, а 100 фунтовъ выплачивается сапожнику, занятому изготовленіемъ изъ кожи обуви. По истеченіи года капиталистъ будетъ имѣть два капитала одной и той же цѣнности, примѣрно, вино, цѣнностью въ 1100 фунтовъ, и обувь, цѣнностью въ 1100 фунтовъ“. Слѣдовательно, кончаютъ *Макъ-Куллохъ*, оба случая аналогичны: и сапоги и вино являются результатомъ одного и того же количества труда.

¹⁾ I изданіе, р. 314.

Безъ сомнѣнія! Но доказалъ ли *Макъ-Куллохъ* этимъ то, что онъ хотѣлъ доказать, а именно, что увеличеніе цѣнности вина является слѣдствіемъ затраченнаго человѣкомъ труда?—Конечно, нѣтъ. Оба случая аналогичны; но они аналогичны и въ томъ, что, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ остается необъясненнымъ приростъ цѣнности на 100 фунтовъ. Кожа обладала цѣнностью въ 900 фунтовъ. Деньги, цѣнностью въ 100 фунтовъ, обмѣниваются на трудъ той же цѣнности, который—какъ можно было бы ожидать—увеличиваетъ цѣнность сырого матеріала на 100 фунтовъ; слѣдовательно, цѣнность всего продукта, обуви, должна равняться 1000 фунтамъ. Но вѣдь цѣнность обуви равна 1100 фунтамъ. Откуда же берется прибавочная цѣнность? Вѣдь она не результатъ труда сапожника, такъ какъ въ такомъ случаѣ, получая 100 фунтовъ, сапожникъ увеличилъ бы цѣнность кожи на 200 фунтовъ, а капиталистъ получилъ бы полностью 100% прибыли, что несогласно со слѣдственнымъ предположеніемъ. Откуда же берется прибавочная цѣнность?—Этого объясненія *Макъ-Куллохъ* не даетъ въ примѣрѣ съ кожей; слѣдовательно, онъ не даетъ также объясненія происхожденія прибыли на капиталъ для примѣра съ виномъ, который онъ предполагалъ объяснить при помощи аналогій.

Но *Макъ-Куллохъ* не ограничивается этимъ. „Строевой лѣсъ“ (timber) говоритъ онъ—„даетъ *еще лучший* матеріалъ для примѣра“.

„Положимъ, что дерево, цѣнность котораго теперь равняется 25 или 30 фунтамъ, было посажено сто лѣтъ тому назадъ, при издержкахъ въ одинъ шиллингъ; не трудно доказать, что теперешняя цѣнность дерева всецѣло является слѣдствіемъ труда, на него затраченнаго. Дерево въ одно и то же время представляетъ собою и единицу строевого лѣса (timber) и орудіе для производства такового; и, хотя первоначальныя издержки на это орудіе не велики,—оно къ тому же не подвергается порчѣ—тѣмъ не менѣе затраченный на него капиталъ, по истеченіи продолжительнаго промежутка времени, даетъ значительный результатъ, или, другими словами, производитъ значительную цѣнность. Допустимъ, что машина, которая стоила всего только одинъ шиллингъ, была уже изобрѣтена сто лѣтъ тому назадъ; допустимъ далѣе, что эта машина неразрушима и, слѣдовательно, не нуждается въ починкѣ, что въ теченіе всего времени она ткала пряжу, безвозмездно произведенную природой, и что эта работа закончена къ концу этого промежутка времени; цѣнность

произведенной ткани можетъ, такимъ образомъ, равняться 25-и или 30-и фунтамъ; но какова бы ни была ея цѣнность, очевидно (!), что эта цѣнность цѣликомъ является результатомъ непрерывной работы машины или, другими словами,—результатомъ *труда*, затраченнаго на производство ткани“¹⁾).

Слѣдовательно, дерево стоитъ нѣсколько часовъ труда, цѣнность которыхъ равняется всего только одному шиллингу. А теперь то же дерево стоитъ не шиллингъ, а 25 или 30 фунтовъ, несмотря на то, что за данный промежутокъ времени на него уже не затрачивался никакой другой человеческій трудъ. И это *Макъ-Куллохъ* приводитъ не для опроверженія, а для доказательства взгляда, что цѣнность всѣхъ благъ безъ исключенія зависитъ отъ количества труда, затраченнаго на ихъ производство. Дальнѣйшіе комментаріи, кажется, излишни!²⁾

Въ позднѣйшихъ изданіяхъ своихъ „Principles“³⁾ *Макъ-Куллохъ*, впрочемъ, отказался отъ своего поразительнаго вывода, что прибыль на капиталъ представляетъ собою вознагражденіе за трудъ. Въ соответствующемъ мѣстѣ своей

¹⁾ I изданіе, р. 317.

²⁾ Мы могли бы нѣсколько смягчить строгость нашего приговора, если бы мы имѣли возможность предположить, что въ этихъ доказательствахъ *Макъ-Куллохъ* употребляетъ слово „трудъ“ въ томъ неопредѣленномъ и расплывчатомъ смыслѣ, въ которомъ онъ въ послѣдствіи (примѣчаніе I къ изданію сочиненій *Смита*, Эдинбургъ, 1863 г., р. 435 и сл.) понималъ слово трудъ, а именно, какъ „всякій видъ дѣятельности“—какъ дѣятельность человѣка, такъ и дѣятельность животныхъ, машинъ, силъ природы. Конечно, при такой неопредѣленности основнаго понятія, его теорія цѣнности теряла бы всякій отпечатокъ оригинальности и представляла бы собою только безсодержательную игру словъ; но зато тогда онъ могъ бы избѣжать обвиненій въ логической бессмыслицѣ. А между тѣмъ и такое скромное смягченіе недопустимо, такъ какъ *Макъ-Куллохъ* слишкомъ ужъ часто и слишкомъ ужъ категорически высказываетъ взглядъ, что процентъ сводится къ *туду* *человѣка*, затраченному на производство капитала. Такъ, напримѣръ, въ примѣчаніи первомъ на стр. 22 выше упомянутаго изданія сочиненій *Смита*, *Макъ-Куллохъ* называетъ процентъ „вознагражденіемъ за трудъ, первоначально затраченный на образованіе капитала“, при чемъ подъ этими словами никакъ нельзя понимать „труда“ самой машины; еще рѣзче этотъ взглядъ проявляется въ примѣрѣ съ виномъ, (въ пятomъ изданіи его *Principles* р. 292—294), гдѣ *Макъ-Куллохъ* категорически заявляетъ, что прибавочная цѣнность *не* производится силами природы, дѣйствующими безвозмездно.

³⁾ Въ моемъ распоряженіи находилось только пятое изданіе; однако, на основаніи прекраснаго сочиненія *Кэннана* „English theories of production and distribution“ (Лондонъ, 1894 г., стр. 212, прим. 2-ое) я заключаю, что это измѣненіе произошло уже во второмъ изданіи, вышедшемъ въ 1830 г.

книги (въ пятомъ изданіи р. 292 — 294) онъ, правда, упоминаетъ о примѣрѣ съ виномъ, который, очевидно, нѣсколько смущаетъ его, — но онъ ограничивается установленіемъ отрицательнаго факта, что прибавочная цѣнность производится не дѣйствіемъ силъ природы, которая вѣдь дѣйствуетъ безвозмездно. Въ положительномъ смыслѣ онъ высказываетъ только взглядъ, что приростъ цѣнности является *слѣдствіемъ прибыли* на капиталъ, необходимый для производства, но природы этой прибыли онъ подробнѣе не объясняетъ. Въ р. 277 остался, правда, въ прежнемъ видѣ взглядъ, что прибыль на капиталъ представляетъ собою только другое названіе „вознагражденія за прошлый трудъ“ (wages of prior labour). Чтобы окончательно охарактеризовать несостоятельность теоріи *Макъ-Куллоха*, я приведу еще два его замѣчанія.

Какъ бы желая придать хаосу различныхъ безсвязныхъ взглядовъ еще болшую полноту, *Макъ-Куллохъ* приводитъ также въ одномъ мѣстѣ извѣстный, введенный еще *Адамомъ Смитомъ* мотивъ, побуждающій капиталистовъ накапливать капиталъ ¹⁾; но хаосъ въ его ученіи о процентѣ на капиталъ, очевидно, еще не удовлетворяетъ его — онъ какъ бы хочетъ представить въ такомъ же безсвязномъ видѣ и нѣсколько лучше построенную теорію заработной платы, и вотъ онъ называетъ рабочаго капиталомъ, машиной, а его заработную плату — прибылью на капиталъ, на ряду съ добавочной суммой за порчу машины, „носящей названіе челоуѣка“ ²⁾.

Я обхожу молчаніемъ рядъ другихъ писателей, которые для нашей проблемы не даютъ ничего заслуживающаго вниманія, какъ, на примѣръ, *Уэтли*, *Чомерса* и *Джонса*, и оставлюсь только на *Макъ-Леодъ* ³⁾.

Для этого эксцентричнаго ученаго характерна та необыкновенная наивность, съ которой онъ относился еще въ пятидесятыхъ и даже въ семидесятыхъ годахъ нашего столѣтія къ сильно разившейся уже проблемѣ процента на капиталъ. Проблемы здѣсь для него нѣтъ никакой; „прибыль“ (profit), по его мнѣнію, явленіе вполнѣ естественное и необходимое. Цѣна проданныхъ товаровъ, наемная плата за временно уступленный вещественный капиталъ, ссудный

¹⁾ I издание, р. 221 въ примѣчаніи; почти то же въ V-омъ изданіи, р. 240 въ ковшѣ.

²⁾ I издание, р. 319; V издание р. 294 и 295

³⁾ Elements of Political Economy, London, 1858; Principles of Economic Philosophy, 2-ое изданіе, Лондонъ, 1872 г.

процентъ за предоставленныя суммы денегъ—все это „должно“ дать „необходимую“ прибыль сверхъ издержекъ, амортизации и преміи за рискъ. ¹⁾ А почему это такъ? Изслѣдованія этого вопроса, хотя бы только самаго поверхностнаго, онъ не даетъ.

Въ одномъ мѣстѣ *Макъ-Леодъ* объясняетъ происхожденіе ссуднаго процента, но въ своемъ примѣрѣ онъ нарочно подбираетъ всѣ частныя обстоятельства такъ, что имѣетъ возможность представить фактъ прироста (increase) предоставленнаго капитала, какъ явленіе вполне естественное, само по себѣ понятное: капиталистъ у него одалживаетъ хлѣбъ и овецъ ²⁾; но онъ считаетъ фактъ „прироста“ такимъ же естественнымъ и въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о капиталѣ, не состоящемъ изъ предметовъ естественно-размножающихся. Онъ, кажется, и не подозреваетъ даже, что можно и не считать прибыли на капиталъ явленіемъ вполне естественнымъ, что можно сомнѣваться даже въ законности таковой,—несмотря на то, что въ его время были уже широко распространены социалистическія идеи: для него „вполнѣ ясно“, что человѣкъ, затрачивающій капиталъ на собственное предпріятіе, имѣетъ право присвоить себѣ всю прибыль, полученную отъ этой затраты капитала, будь она въ 20%, въ 100% или даже въ 1000%; и если изобрѣтатель какой-либо полезной машины обратитъ свой капиталъ на производство такихъ машинъ, получить „невѣроятную прибыль“ и накопить „блестящее состояніе“, то ни „одинъ здравомыслящій человѣкъ не будетъ осуждать его“ ³⁾.

Несмотря на это, *Макъ-Леодъ* беретъ на себя роль строгаго критика чужихъ теорій процента: онъ отвергаетъ ученіе, что прибыль является составной частью издержекъ ⁴⁾; онъ полемизируетъ съ ученіемъ *Рикардо*, на основаніи котораго величина прибыли обусловливается величиною заработной платы; ⁵⁾ онъ осуждаетъ также своеобразную трудовую теорію *Макъ-Куллоха* и остроумную теорію воздержанія *Сеніора* ⁶⁾.

Причинами того, что даже такія критическія выходки не побудили *Макъ-Леода* дать, вмѣсто критикуемыхъ имъ взглядовъ, свой собственный положительный взглядъ, по моему

1) Ср. Elements, pp. 76, 77, 81, 202, 226 и др.

2) Elements, p. 62 и сл.

3) Elements, p. 216.

4) Economical Philosophy I, 638.

5) Elements, p. 145.

6) Principles of Ec. Phil. I p. 634 и II, p. 62.

мнѣнію, являются двѣ характерныя особенности его ученія. Первой особенностью является необыкновенная неопредѣленность его понятія „капиталъ.“; въ основномъ, первоначальномъ смыслѣ онъ считаетъ понятіе капитала равносильнымъ орудію обращенія (circulating power), и только „во вторичномъ и переносномъ смыслѣ“ оно можетъ быть примѣняемо и по отношенію къ благамъ (commodities), но тогда оно обнимаетъ собою также столь различные предметы, какъ орудія, товары, умѣніе, способности, воспитаніе, почву и хороший характеръ ¹⁾—многосторонность, которая, въ самомъ дѣлѣ, не позволяетъ подвести подъ общее правило доходы, получаемые отъ столь различныхъ предметовъ, и объяснить таковыя одной опредѣленной теоріей. Второй особенностью является преувеличенное значеніе, приписываемое *Макъ-Леодомъ* теоретическому значенію формулы о предложеніи и спросѣ для объясненія различныхъ явленій цѣны. Если только ему удавалось свести какое-либо явленіе цѣнности къ соотношенію между предложеніемъ и спросомъ или, какъ онъ любилъ выражаться, къ соотношенію между „интенсивностью оказанной услуги и зависимостью продавца отъ покупателя“, то онъ считалъ свою задачу конченной. Такимъ образомъ, возможно, что онъ считалъ также удовлетворительнымъ слѣдующій взглядъ на прибыль на капиталъ, который онъ высказываетъ въ одномъ мѣстѣ: „всякая цѣнность зависитъ исключительно отъ спроса, а всякая прибыль получается потому, что цѣнность блага превышаетъ издержки производства“ ²⁾.

Между тѣмъ, какъ въ Германіи и Англій сравнительно большое число выдающихся писателей и въ теченіе продолжительнаго времени проявляетъ такое неопредѣленное отношеніе къ проблемѣ процента на капиталъ, въ литературѣ Франціи можно отмѣтить лишь небольшое число безцвѣтныхъ писателей. Причиной этого является главнымъ образомъ то обстоятельство, что во Франціи одинъ изъ первыхъ распространителей ученія *Смита*, *Ж. Б. Сэ*, уже создалъ опредѣленную теорію процента, которая популяризировалась одновременно съ ученіемъ *Смита*, между тѣмъ какъ въ Англій и Германіи общимъ развитіемъ литературы долгое время руководили самъ *Смитъ*, а вслѣдъ за нимъ *Рикардо*, которые, какъ извѣстно, пренебрегали проблемой процента.

Поэтому я остановлюсь только на трехъ писателяхъ

¹⁾ Elements, p. 66, затѣмъ 69 и сл.

²⁾ Principles of Ec. Phil. p. 66.

французской литературы, изъ которыхъ двое по времени еще предшествовали *Сэ: Жерменъ Гарнье, Канаръ и Дрозъ.*

Гарнье ¹⁾, который отчасти еще придерживается ученія физиократовъ, подобно имъ, называетъ почву единственнымъ источникомъ всякаго богатства, а трудъ—средствомъ, при помощи котораго люди черпаютъ изъ этого источника (стр. 9 и сл.). Капиталь для него тождественъ съ первоначальными затратами (avances), которая долженъ дѣлать предприниматель, а прибыль на капиталъ онъ опредѣляетъ, какъ вознагражденіе, получаемое за эти затраты (стр. 35). Въ одномъ мѣстѣ онъ еще опредѣленнѣе называетъ прибыль „вознагражденіемъ за лишеніе и рискъ“ (indemnité d'une privation et d'un risque, стр. 27); однако, болѣе глубокаго изслѣдованія этого вопроса онъ постоянно избѣгаетъ.

Чтобы изложить объясненіе процента на капиталъ *Канара* ²⁾, я въ нѣсколькихъ словахъ долженъ охарактеризовать общія основы его ученія.

Канаръ въ трудѣ человѣка усматриваетъ средство къ его содержанію и развитію. Одна часть человѣческаго труда должна затрачиваться исключительно на содержаніе человѣка: эту часть *Канаръ* называетъ „необходимымъ трудомъ“. Но, къ счастью, для этого требуется не весь трудъ человѣка; остальная часть, „добавочный трудъ“, можетъ затрачиваться на производство благъ, не входящихъ въ составъ непосредственно необходимыхъ; эти блага даютъ производителю право распоряжаться, путемъ обмѣна, количествомъ труда, равнымъ тому количеству, которое было необходимо для ихъ производства. Такимъ образомъ, трудъ является источникомъ всякой мѣнливой цѣнности; блага, подлежащія обмѣну, не представляютъ собою ничего иного, какъ накопленный „добавочный трудъ“ (accumulation de travail superflu).

Возможностью накопить добавочный трудъ люди обязаны хозяйственному прогрессу. При помощи накопленнаго добавочнаго труда дѣлаютъ годными для обработки земельныя участки, строятъ машины, добываютъ то безконечное количество средствъ, которыя служатъ для увеличенія продукта человѣческаго труда.

Накопленный добавочный трудъ является также источникомъ всевозможныхъ рентъ. Онъ можетъ давать ренту

¹⁾ Abrégé élémentaire des principes de l'Économie Politique. Paris, 1796.

²⁾ Principes d'Économie Politique, Paris 1801.

въ трехъ видахъ. Во-первыхъ, при обработкѣ и культиви-
ровкѣ земли; получающійся при этомъ, чистый доходъ
представляетъ собою земельную ренту (*rente foncière*). Во-
вторыхъ, при усвоеніи человѣкомъ знаній въ какой-нибудь
области, при изученіи искусства или ремесла; получающійся
благодаря такимъ затратамъ „обученный трудъ“ (*travail
appris*) долженъ, сверхъ вознагражденія за „простой“ трудъ,
давать еще ренту на фондъ, который надо было пожертво-
вать для приобрѣтенія этихъ знаній. Наконецъ, всѣ про-
дукты труда, происшедшіе изъ этихъ двухъ „источниковъ
ренты“, должны соотвѣтственно распредѣляться для того,
чтобы отдѣльные индивиды могли пользоваться таковыми
для удовлетворенія своихъ потребностей. Для этого необхо-
димо, чтобы третій классъ собственниковъ доставлялъ на
рынокъ „добавочный трудъ“. Этотъ накопленный трудъ дол-
женъ также давать ренту, „*rente mobilière*“, которую обык-
новенно называютъ *денежнымъ процентомъ*.

Но *почему* накопленный трудъ даетъ ренту въ этихъ
трехъ видахъ—объ этомъ *Канаръ* намъ почти ничего не
говоритъ. Земельную ренту онъ считаетъ явленіемъ вполнѣ
естественнымъ, не нуждающимся въ дальнѣйшихъ объясне-
ніяхъ ¹⁾; то же можно сказать и о *rente industrielle*, отно-
сительно которой *Канаръ* только заявляетъ, что „обучен-
ный трудъ“ *долженъ* давать ренту на капиталы, затрачен-
ные на усвоеніе познаній (р. 10). Что же касается *rente
mobilière*, нашего процента на капиталъ, то *Канаръ* ограни-
чивается только не дающей никакого объясненія фразой,
испещренной употребляемыми безъ связи выраженіями, ко-
торыя могли бы развѣ только сопровождать объясненіе.
„Торговля, такимъ образомъ, какъ и первые два источника
ренты, предполагаетъ накопленіе добавочнаго труда, кото-
рый, *слѣдовательно*, долженъ давать ренту („*qui doit par
conséquent produire une rente*, р. 12). „*Par conséquent?*“—Но
Канаръ не привелъ никакихъ предпосылокъ, обосновываю-
щихъ такое „слѣдовательно“, если онъ не считаетъ доста-
точной причиной для полученія ренты уже того обстоятель-
ства, что трудъ былъ накопленъ, но онъ нигдѣ этого
опредѣленно не высказалъ: онъ, правда, высказалъ мысль,
что всякая рента сводится къ накопленному труду, но онъ

¹⁾ „Землю потому только стали обрабатывать, *что ея продукты
были въ состояніи не только вознаградить ежегодный трудъ обработки,
но и возмѣстить и предварительно затраченный трудъ, который по-
требовался для первой обработки земли. Этотъ излишекъ (superflu)
и составляетъ земельную ренту*“ (р. 5).

не высказалъ мысли, что всякій накопленный трудъ долженъ давать ренту; это, конечно, не одно и то же, и онъ долженъ былъ не только высказать эту мысль, но и доказать ее.

Если далѣе принять во вниманіе выведенное имъ въ послѣдствіи (р. 13 и сл.) положеніе, что между всѣми тремя видами ренты должно существовать равновѣсіе, то можно, конечно, вывести также и нѣкоторую мотивировку процента на капиталъ, которой *Канаръ*, впрочемъ, открыто не высказалъ, мотивировку, которая въ общихъ чертахъ тождественна съ теоріей естественной производительности *Гюрго*. А именно, если фактъ, что капиталъ, затраченный на землю, долженъ давать ренту, является вполне естественнымъ, то и всѣ капиталы, затраченные другимъ путемъ, должны давать ренту, потому что, въ противномъ случаѣ, вообще предпочитали бы обращать таковыя на землю. Уже при разборѣ теоріи *Гюрго* мы указали, что такое объясненіе—единственное, которое у *Канара* можно найти, и то между строкъ—недостаточно.

Дрозъ ¹⁾, который выступилъ на арену литературной дѣятельности нѣсколькими десятилѣтіями позже, уже долженъ былъ выбирать между теоріей англичанъ, на основаніи которой трудъ представляетъ особую единственную производительную силу, и между теоріей *Сэ*, по которой капиталъ считается самостоятельной производительной силой. Онъ, однако, находитъ недостатки въ каждой изъ этихъ теорій; онъ ни одной не принимаетъ, а высказываетъ третій взглядъ, въ силу котораго онъ, вмѣсто капитала, называетъ основной производительной силой *бережливость* (*l'épargne*). Такимъ образомъ, онъ признаетъ три производительныхъ силы: дѣятельность природы, трудъ человѣка и бережливость, образующую капиталы (стр. 69 и сл.).

Если бы *Дрозъ* распространилъ этотъ взглядъ, который прежде всего относится къ ученію о производствѣ благъ, и на область распредѣленія и использовалъ его для болѣе точнаго изслѣдованія природы дохода на капиталъ, то онъ, по всей вѣроятности, создалъ бы оригинальную теорію процента. Но до этого онъ не дошелъ. Въ своемъ ученіи о распредѣленіи онъ главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на договорный ссудный процентъ, который собственно подробно объяснять не приходится; что же касается первичнаго процента на капиталъ, который долженъ быть объясненъ

¹⁾ *Economie Politique*, Paris 1829.

во всѣхъ своихъ деталяхъ, то *Дрозъ* ограничивается нѣсколькими словами, въ которыхъ избѣгаетъ всякаго болѣе глубокаго изслѣдованія его природы: онъ смотритъ на первичный процентъ на капиталъ, какъ на ссудный процентъ, который предприниматель платитъ самому себѣ (стр. 267 и сл.). Такимъ образомъ, несмотря на оригинальность, проявившуюся въ созданіи производительной силы „бережливости“, *Дрозъ* не выходитъ изъ ряда безцвѣтныхъ писателей.

VII.

Теорія производительности.

---

1. Предварительныя замѣчанія.

Нѣкоторые изъ ближайшихъ послѣдователей *Адама Смита* стали объяснять процентъ на капиталъ *производительностью капитала*. *Ж. Б. Сэ* положилъ начало этому направленію въ 1803 году, лордъ *Лодердаль* послѣдовалъ, независимо отъ *Сэ*, въ слѣдующемъ году. Новое объясненіе было принято сочувственно. Оно стало приниматься въ все болѣе широкихъ кругахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тщательнѣе разрабатываться, при чемъ оно раздѣлилось на нѣсколько, довольно рѣзко отличающихся одна отъ другой, вѣтвей. Несмотря на то, что теорія производительности подвергалась многократнымъ нападкамъ, въ особенности со стороны социалистовъ, все же она сумѣла долго продержаться, и въ настоящее время ¹⁾ большинствомъ писателей, относящихся къ проценту на капиталъ не совсѣмъ враждебно, придерживается какой-либо ея вѣтви.

Взглядъ, что капиталъ самъ производитъ свой процентъ — вѣренъ онъ или нѣтъ — все же кажется очень яснымъ и простымъ. Можно было бы поэтому ожидать, что теоріи, построенныя на этой основной идеѣ, будутъ отличаться особенной опредѣленностью и ясностью хода мыслей. А между тѣмъ это далеко не такъ. Къ несчастью, важнѣйшія понятія, съ которыми приходится оперировать теоріямъ производительности, страдаютъ крайней неопредѣленностью и расплывчатостью, а это сдѣлалось источникомъ многочисленныхъ неясностей, недоразумѣній, подтасовокъ и ложныхъ заключеній. Теоріи производительности такъ переполнены ими, что я не могу приступить къ разсмотрѣнію этихъ теорій безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ замѣчаній и

---

¹⁾ Напис. въ 1884 году.

ориентироваться только при изложении каждой отдельной теории. Я попрошу поэтому у читателя извинения, если я прежде всего отмежую ту область, в которой будут вращаться изложение и критика теории производительности, и освещу ее некоторыми предварительными замечаниями.

По моему мнению, в выяснении особенно нуждаются два вопроса: значение или, правильнее, значения понятия „производительности капитала“, во-первых, и природа теоретической задачи, которая выпадает на долю производительности капитала в теориях производительности, во-вторых.

Прежде всего, что обозначают слова: „капитал производитель“?

В самом общем и минимальном смысле это выражение может обозначать лишь то, что капитал вообще служит для производства благ, в противоположность непосредственному удовлетворению потребностей. В таком случае капитал назывался бы производительным в том же смысле, в каком, при общей группировке благ, говорят о „производительных благах“, в противоположность благам потребляемым; и уже наименьшая степень производительного действия, даже в том случае, если продукт не достигает даже ценности затраченного капитала, давала бы нам право называть благо производительным.— Но очевидно, что производительность в этом смысле не может быть достаточной причиной происхождения процента на капитал.

Приверженцы теории производительности приписывают поэтому производительности капитала больше вѣское значение. Они понимают—открыто или молча—это слово в том смысле, что при помощи капитала производится *больше*, чѣм безъ него, что капиталъ является причиной особеннаго *излишка* въ производствѣ.

Но и это объяснение, в свою очередь, развѣтвляется. „Производить больше“, „излишекъ въ производствѣ“ можетъ имѣть два значенія: производить больше *благъ* и производить больше *цѣнностей*, что далеко не одно и то же. Чтобы различныя вещи различать и по названіямъ, я буду называть способность капитала производить больше благъ *физической* или *технической производительностью* такового, а способность производить больше цѣнностей—*цѣнностной производительностью*. Быть можетъ, здѣсь будетъ не излишне замѣтить, что я пока оставляю совершенно открытымъ вопросъ, дѣйствительно ли капиталъ обладаетъ такими способностями или нѣтъ; я констатирую только различныя

значенія, какія могутъ придаваться и придавались выраженію „капитальъ производителенъ“.

Физическая производительность выражается въ увеличеніи количества продуктовъ или же въ улучшеніи ихъ качества. Я хочу пояснить это на извѣстномъ, приведенномъ *Росчеромъ*, примѣрѣ ловли рыбъ: „Представимъ себѣ народъ, занимающійся рыболовствомъ, не имѣющій ни частной собственности ни капитала, народъ голый, живущій въ пещерахъ и питающійся морской рыбой, выбрасываемой на берегъ морскимъ приливомъ и собираемой прямо руками. Допустимъ, что всѣ работающіе здѣсь ровны, и каждый ежедневно ловить и съѣдаетъ по три рыбы. Но вотъ одинъ благоразумный человекъ въ продолженіе 100 дней ограничиваетъ свое потребленіе двумя рыбами ежедневно и употребляетъ накопленный, такимъ образомъ, запасъ въ 100 рыбъ на то, чтобы въ теченіе 50 дней всю свою рабочую силу употребить на изготовленіе лодки и сѣтей. Съ помощью этого капитала онъ впредь ежедневно ловить по 30 рыбъ“¹⁾.

Физическая производительность капитала выражается здѣсь въ томъ, что рыбакъ при помощи капитала ловить больше рыбъ, чѣмъ безъ его помощи, тридцать вмѣсто трехъ, или, вѣрнѣе, нѣсколько меньше тридцати, вмѣсто трехъ, потому, что тридцать рыбъ, которыя онъ теперь ловить въ одинъ день, представляютъ собою выручку больше, чѣмъ одного только рабочаго дня. Чтобы считать правильно, нужно къ труду, затраченному на ловлю, прибавить еще нѣкоторую долю труда, употребленнаго на изготовленіе лодки и сѣтей. Если, на примѣръ, лодки и сѣтей хватитъ на 100 дней, а на изготовленіе ихъ понадобилось 50 дней труда, то 3000 рыбъ, которыя будутъ пойманы въ теченіе этихъ 100 дней, представляютъ собою выручку 150 рабочихъ дней. Излишекъ продуктовъ, получаемый благодаря затратѣ капитала за весь этотъ періодъ времени, равняется $3000 - 450 = 2550$ рыбъ, въ каждый отдѣльный день $20 - 3 = 17$ рыбъ. Этотъ излишекъ продуктовъ является результатомъ физической производительности капитала.

А въ чемъ выражается производство „большей цѣнности“? Эти слова, въ свою очередь, имѣютъ нѣсколько значеній, такъ какъ слово „больше“ можетъ быть отнесено къ различнымъ объектамъ сравненія. Оно можетъ означать, что при помощи капитала производится сумма цѣнности *больше той, которую можно было бы получить безъ его помощи*;

¹⁾ *Roscher*. Grundlagen der National-Oekonomie. 10-e изд. § 189.

въ нашемъ примѣрѣ это обозначало бы, что 20 рыбъ, вылавливаемыхъ ежедневно при помощи капитала, имѣютъ больше цѣнности, чѣмъ 3 рыбы, вылавливаемая безъ затраты капитала.—Но эти слова могутъ также обозначать, что при помощи капитала производится сумма цѣнности *больше цѣнности самого капитала*; другими словами, капиталъ даетъ производительную выручку, превышающую его собственную цѣнность, такъ что остается *прибавочная цѣнность*, сверхъ цѣнности капитала, затраченнаго на производство. Въ нашемъ примѣрѣ это означало бы, что излишекъ въ 2700 рыбъ, которыя поймалъ рыбакъ въ теченіе 100 дней при помощи лодки и сѣтей, сверхъ того количества, которое онъ поймалъ бы безъ таковыхъ, и которыя, такимъ образомъ, представляютъ собою (валовую) выручку отъ затраты капитала, имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ лодка и сѣти; поэтому, при полной амортизаціи лодки и сѣтей, остается еще излишекъ цѣнности.

Изъ этихъ двухъ возможныхъ толкованій писатели, приписывающіе капиталу цѣностную производительность, обыкновенно имѣютъ въ виду послѣднее. Поэтому, если я буду употреблять слово „цѣностная производительность“ безъ дальнѣйшаго объясненія, то я буду подъ этимъ словомъ всегда понимать способность капитала производить излишекъ цѣнности, превышающей его *собственную цѣнность*.

Такимъ образомъ, для этихъ, на первый взглядъ нехитростныхъ словъ „капиталъ производителенъ“ мы нашли не менѣе четырехъ, рѣзко отличающихся одно отъ другого, значеній, которыя я, для большей наглядности обзорѣнія, перечислю еще разъ. Приведенныя выше слова могутъ означать:

1) Капиталъ вообще способенъ служить для производства благъ.

2) Капиталъ обладаетъ способностью служить для производства *большаго количества благъ*, чѣмъ можно произвести безъ него.

3) Капиталъ обладаетъ способностью служить для производства *большой цѣнности*, чѣмъ можно произвести безъ него. И, наконецъ.

4) Капиталъ обладаетъ способностью производить *цѣнность больше той, которой онъ самъ обладаетъ* ¹⁾.

¹⁾ Я могъ бы это перечисленіе еще продолжить. Такъ, физическая производительность можетъ быть подраздѣлена на два вида. Первый, на который исключительно было обращено вниманіе въ текстѣ, имѣетъ мѣсто тогда, если капиталистическій процессъ производства въ цѣломъ,

Само собою, конечно, понятно, что нельзя отождествлять различные понятія, даже если бы они случайно обозначались однимъ и тѣмъ же выраженіемъ, а тѣмъ болѣе нельзя замѣнять ихъ по усмотрѣнію въ доказательствахъ. Такъ, на примѣръ, разъ доказана способность капитала *производить блага вообще* или служить для производства *большаго количества благъ*, то, на основаніи этого, конечно, отнюдь еще нельзя считать доказанной силу капитала производить *больше цѣнности*, чѣмъ можно было произвести безъ такового или даже *цѣнность, превышающую цѣнность самого капитала*. Подтасовка въ доказательствахъ однихъ понятій вмѣсто другихъ носила бы, очевидно, характеръ уловкой добытаго, но въ сущности не выведеннаго доказательства. — Какъ ни естественно это замѣчаніе, но я все-таки долженъ его выразительно подчеркнуть потому, что, какъ мы увидимъ, у теоретиковъ производительности эти понятія сплошь да рядомъ произвольно смѣшиваются.

Теперь я перехожу ко второму вопросу, который я намѣренъ выяснитъ въ этихъ предварительныхъ словахъ—къ

т. е. и предварительное производство самого капитала и дальнѣйшее производство при помощи капитала, привело къ производству большаго количества благъ. Но можетъ также случиться, что первый фазисъ общаго процесса производства капитала дастъ такой значительный дефицитъ, что капиталистическій процессъ производства кончается убыткомъ, между тѣмъ какъ второй фазисъ производства *при помощи* капитала, разсматриваемый въ отдѣльности, могъ бы дать большее количество благъ. Допустимъ, на примѣръ, что для производства лодки и сѣтей, которыя существуютъ въ продолженіе 100 дней, требуется 2000 дней; тогда при помощи лодки и сѣтей въ теченіе всѣхъ 2100 рабочихъ дней можно словить только $100 \times 30 = 3000$ рыбъ, между тѣмъ какъ голыми руками за то же время можно было бы словить $2100 \times 3 = 6300$ рыбъ. Если мы, напротивъ, будемъ разсматривать второй фазисъ независимо отъ перваго, то уже существующій капиталъ является, конечно, „производительнымъ“—при его помощи въ 100 дней словить 3000 рыбъ, безъ его помощи только 300. А если на этомъ основаніи и въ данномъ случаѣ говорятъ объ излишкѣ въ производствѣ и о производительности капитала, что въ дѣйствительности очень часто имѣетъ мѣсто,—то это не безъ основаній; только теперь этимъ словамъ приписываютъ совершенно иной и гораздо болѣе широкій смыслъ, чѣмъ прежде.—Дальше, съ понятіемъ производительности капитала часто соединяютъ второстепенное значеніе, что капиталъ представляетъ собою *самостоятельную* производительную силу, что онъ представляетъ собою не только промежуточную причину производительнаго дѣйствія, которое въ концѣ концовъ сводится къ производящему капиталъ *труду*, а совершенно самостоятельный элементъ на ряду съ трудомъ.—Я нарочно не останавливался въ текстѣ на этихъ отгѣнкахъ потому, что я не хотѣлъ обременять читателя различными частными видами, которыми я, по крайней мѣрѣ теперь, не намѣренъ пользоваться.

природѣ теоретической задачи, которая выпадаетъ на долю „производительности капитала“ въ теоріяхъ производительности.

Эту задачу мы можемъ очень просто выразить въ слѣдующихъ словахъ: *Теоріи производительности должны и хотятъ объяснить процентъ на капиталъ производительностью капитала.* Эти слова, однако, не такъ просты, какъ можетъ показаться на первый взглядъ—въ нихъ заключается многое, что заслуживаетъ болѣе подробнаго поясненія.

Предметомъ объясненія является процентъ на капиталъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что договорный процентъ на капиталъ (ссудный процентъ) основывается главнымъ образомъ на первичномъ, и разъ первичный процентъ на капиталъ объясненъ удовлетворительно, то объясненіе договорнаго процента можетъ быть легко выведено путемъ дополнительнаго частнаго доказательства; поэтому предметъ нашего изслѣдованія можетъ быть ограниченъ только изслѣдованіемъ *первичнаго процента на капиталъ.* Факты, лежащіе въ основѣ первичнаго процента на капиталъ, въ нѣсколькихъ словахъ можно представить слѣдующимъ образомъ:

Опытъ показываетъ, что вездѣ, гдѣ только капиталъ затрачивается на производство, при обыкновенномъ ходѣ событій выручка или доля выручки, которую капиталъ доставляетъ своему собственнику, имѣетъ болшую цѣнность, чѣмъ доля капитала, затраченнаго на ея производство.

Это явленіе имѣетъ мѣсто, какъ въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда одинъ только капиталъ содѣйствуетъ образованію выручки, какъ, на примѣръ, въ превращеніи молодого вина посредствомъ отстаиванія въ лучшее, старое, такъ и въ тѣхъ гораздо болѣе частыхъ случаяхъ, когда капиталъ кооперируетъ съ другими факторами производства—землей и трудомъ. Люди, занимающіеся хозяйствомъ, въ силу необходимости—мы не будемъ здѣсь этого объяснять—распредѣляютъ общій продуктъ по отдѣльнымъ долямъ, хотя онъ получился при непосредственномъ сотрудничествѣ. Одна часть приписывается капиталу, какъ специфическая выручка съ капитала, другая часть приписывается природѣ, какъ выручка съ земли, съ шахтъ и т. п., третья, наконецъ,—сотрудническому труду, какъ вознагражденіе за трудъ ¹⁾. Опытъ показываетъ, что часть

¹⁾ Вопросъ о томъ, покрываются ли въ практической хозяйственной жизни части, выпадающія на долю отдѣльныхъ факторовъ производства, въ точности тѣми частями общаго продукта, которыя *создали*

продукта, выпадающая на долю капитала, валовой доход на капиталъ, въ общемъ имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ капиталъ, затраченный на производство таковой. Такимъ образомъ, получается излишекъ цѣнности, „прибавочная цѣнность“, которая остается въ рукахъ владѣльца капитала и составляетъ его первичный процентъ на капиталъ.

Слѣдовательно, для объясненія процента на капиталъ надо объяснить появленіе „прибавочной цѣнности“. Проблема поэтому болѣе опредѣленно будетъ гласить такъ: почему валовая выручка съ капитала имѣетъ всегда большую цѣнность, чѣмъ капиталъ, затраченный на ея производство? или другими словами: *почему существуетъ постоянная разность между цѣнностью затраченнаго капитала и цѣнностью выручки?* ¹⁾—Пойдемъ дальше.

Эту разность цѣнностей теоріи производительности должны и желаютъ объяснить *производительностью капитала*.

Объяснить—это значитъ открыть полную и достаточную причину, а не приводить только одно условіе, оставляя необъясненными другія. Для объясненія прибавочной цѣнности не достаточно производительности капитала, какъ не достаточно для объясненія земельной ренты того, что она не можетъ существовать безъ плодородія почвы, какъ не достаточно для объясненія явленія дождя того, что безъ силы тяжести вода не могла бы падать на землю.

Для того, чтобы объяснить прибавочную цѣнность производительностью капитала, необходимо доказать или сдѣлать очевидной такую производительную силу капитала, которая въ состояніи служить полной удовлетворительной причиной происхожденія прибавочной цѣнности или сама по себѣ, или

каждый изъ нихъ или же нѣтъ, представляется весьма спорнымъ; я здѣсь не могу предрѣшать этого вопроса, поэтому я выбралъ употребленное мною въ текстѣ не совсѣмъ опредѣленное выраженіе. Впрочемъ, надо замѣтить, что явленіе прибавочной цѣнности имѣетъ мѣсто не только между отдѣльными частями выручки и соответствующими имъ источниками дохода, но также между произведенными и производящими благами *въ цѣломъ*. Совокупность средствъ производства, затраченныхъ на продуктъ, — труда, капиталовъ и пользованія землей—имѣетъ всегда меньшую мѣбовую цѣнность, чѣмъ въ послѣдствіи готовый продуктъ—вотъ обстоятельство, которое дѣлаетъ труднымъ объясненіе „прибавочной цѣнности“ исключительно на основаніи распредѣленія частей выручки между отдѣльными факторами производства.

¹⁾ О постановкѣ проблемы ср. также *mei Rechte und Verhältnisse*. Innsbruck 1881. Стр. 107 и слѣд.

же въ связи съ другими факторами, *которые въ такомъ случаѣ также должны быть включены въ объясненіе.*

Это можетъ быть доказано только тремя способами:

1) Если будетъ доказано или сдѣлано очевиднымъ, что капиталъ имѣетъ силу, *направленную непосредственно на созданіе цѣнности*, силу, посредствомъ которой капиталъ можетъ надѣлять блага, физическому производству которыхъ онъ содѣйствуетъ, цѣнностью, словно хозяйственной душой. (Цѣнностная производительность въ буквальномъ и самомъ точномъ смыслѣ).

2) Если будетъ доказано или сдѣлано очевиднымъ, что капиталъ, путемъ оказываемой имъ услуги, способствуетъ производству большаго количества или лучшаго качества благъ, и если *вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ сдѣлано непосредственно очевиднымъ*, что большее количество или лучшее качество благъ должны имѣть также бѣльшую цѣнность, чѣмъ капиталъ, затраченный на ихъ производство. (Физическая производительность, изъ которой, какъ необходимое слѣдствіе, вытекаетъ прибавочная цѣнность).

3) Если будетъ доказано или сдѣлано очевиднымъ, что капиталъ, путемъ оказываемой имъ услуги, способствуетъ производству бѣльшаго количества или лучшаго качества благъ, и если *вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ ясно доказано*, что (и почему) большее количество или лучшее качество благъ должны имѣть бѣльшую цѣнность, чѣмъ капиталъ, затраченный на ихъ производство. (Физическая производительность съ ясно мотивированнымъ происхожденіемъ прибавочной цѣнности).

Таковы, по моему мнѣнію, единственные видоизмѣненія условій, при которыхъ производительность капитала можетъ служить достаточной причиной для объясненія прибавочной цѣнности. Ссылка на производительность капитала, лежащая внѣ этихъ формъ, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть убѣдительна. Если, на примѣръ, ссылаться на физическую производительность капитала, не дѣлая очевиднымъ и не доказывая того, что увеличенному количеству благъ соотвѣтствуетъ также „*прибавочная цѣнность*“,—то, очевидно, такая производительность не можетъ быть достаточной причиной для объясненія этого слѣдствія.

Историческое развитіе дѣйствительно существующихъ теорій производительности нисколько не уступаетъ отвлеченной схемѣ мыслимыхъ теорій: каждый изъ возможныхъ типовъ нашелъ себѣ представителей въ историческомъ развитіи. Рѣзкое внутреннее различіе, наблюдаемое между от-

дѣльными типичными направленьями, дѣлаеть желательнымъ распредѣленіе теорій производительности по группамъ въ цѣляхъ изложенія и критики. Группировка будетъ въ общемъ придерживаться нашей схемы, но не будетъ совсѣмъ съ ней тождественна. Тѣ теоріи производительности, которыя относятся къ первымъ двумъ типамъ, имѣють такъ много общаго, что онѣ могутъ быть цѣлесообразно рассматриваемы историкомъ теоріи вмѣстѣ; между тѣмъ въ теоріяхъ, относящихся къ третьему типу, наблюдаются такія значительныя разногласія, что здѣсь является необходимость ввести дальнѣйшія подраздѣленія.

1. Тѣ теоріи производительности, которыя признають за капиталомъ непосредственную производящую цѣнности силу капитала (1-ый типъ), а равно и тѣ, которыя, хотя и исходятъ изъ физической производительности капитала, но полагають, что съ ней естественно и по необходимости тѣсно связано явленіе прибавочной цѣнности (2-ой типъ), сходятся въ томъ, что непосредственно и безъ всякаго объясненія выводятъ изъ предполагаемой производительности прибавочную цѣнность. Онѣ просто утверждаютъ, что капиталъ производителенъ, въ крайнемъ случаѣ прибавляють описаніе его производительнаго дѣйствія, при чемъ описаніе чисто внѣшнее, и безъ дальнѣйшихъ разсужденій переходять къ тому, что объясняютъ прибавочную цѣнность предполагаемой производительностью. Я объединю эти ученія подъ названіемъ „*наивныхъ теорій производительности*“. Недостаточность мотивировки, которая характерна для этихъ теорій, по своей природѣ доходитъ нерѣдко до того, что даже остается неяснымъ, придерживается ли авторъ перваго или втораго типа, — лишній мотивъ, побуждающій меня къ соединенію этихъ двухъ родственныхъ направлений въ историческомъ изслѣдованіи теоріи.

2. Тѣ теоріи, которыя исходятъ изъ физической производительности капитала, но не считаютъ естественнымъ, что излишекъ продуктовъ связанъ также съ прибавочной цѣнностью, и которыя поэтому считаютъ необходимымъ перейти въ своихъ разсужденіяхъ и въ область цѣнности, я буду называть *мотивированными теоріями производительности*. Онѣ отличаются тѣмъ, что къ предположенію и описанію факта производительности капитала присоединяють болѣе или мѣнѣе удачное доказательство того, что производительная сила капитала служитъ причиной получаемой капиталистами прибавочной цѣнности, и почему это такъ.

3. Отъ мотивированныхъ теорій производительности слѣ-

дуетъ, наконецъ, отдѣлить группу теорій, которыя, хотя и исходятъ, какъ и первыя, изъ физической производительности капитала, но подчеркиваютъ самостоятельное существованіе, дѣятельность и жертву *пользованій* капиталомъ. Эти теоріи я буду называть *теоріями пользованія*. Послѣднія усматриваютъ въ производительности капитала условіе, но не главную причину происхожденія прибавочной цѣнности, и поэтому онѣ заслуживаютъ названія теорій производительности уже не сполна. Я предпочелъ поэтому выдѣлить ихъ и внѣшнимъ образомъ и отвести имъ самостоятельный отдѣлъ.

2 Наивныя теоріи производительности.

Основателемъ этихъ теорій является *Ж. Б. Сэ*.

Изложеніе взглядовъ *Сэ* на происхожденіе процента на капиталъ представляетъ собою для историка догмы одну изъ самыхъ неблагоприятныхъ задачъ. Дѣло въ томъ, что этотъ писатель, хотя и умѣетъ посредствомъ красивыхъ, стройныхъ словъ, которыя онъ употребляетъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ, придавать своимъ мыслямъ кажущуюся ясность, но на дѣлѣ онъ совершенно не даетъ своимъ мыслямъ опредѣленнаго выраженія, и его многочисленныя замѣчанія, на которыя онъ раздробляетъ свою теорію процента, обнаруживаютъ, къ сожалѣнію, довольно существенныя противорѣчія. Послѣ тщательнаго анализа, я пришелъ къ заключенію, что совершенно невозможно разсматривать эти замѣчанія, какъ выраженіе *одной* теоріи, проповѣдуемой этимъ писателемъ; *Сэ* колеблется между двумя теоріями, при чемъ онъ ни одной изъ нихъ не излагаетъ особенно ясно; тѣмъ не менѣе обѣ эти теоріи должны быть отличаемы одна отъ другой. Одна изъ нихъ по своему содержанію представляетъ собою наивную теорію производительности; другая содержитъ въ себѣ первый зародышъ теоріи пользованія. Такимъ образомъ, *Сэ*, несмотря на неясность своихъ взглядовъ, занимаетъ въ исторіи литературы о процентѣ на капиталъ выдающееся мѣсто. Онъ представляетъ собою своего рода узловой пунктъ, въ которомъ берутъ свое начало два самыхъ важныхъ теоретическихъ направленія.

Изъ двухъ главныхъ сочиненій *Сэ*—„*Traité d'Économie*

politique¹⁾ и „Cours complet d'Économie politique pratique“²⁾— источникомъ для изложенія его взглядовъ на происхождение процента можетъ служить почти исключительно первое, потому что „Cours Complet d'Économie politique pratique“ совершенно лишень всякихъ опредѣленныхъ мыслей.

По Сэ всѣ блага получаются благодаря совмѣстной дѣятельности трехъ факторовъ: природы (agents naturels), капитала и человѣческой рабочей силы (faculté industrielle). Эти факторы составляютъ „производительные фонды“, изъ которыхъ ведутъ свое начало всѣ блага данной націи, и образуютъ основное національное богатство (fortune)³⁾. Блага, однако, не происходятъ непосредственно изъ этихъ фондовъ: каждый фондъ оказываетъ сначала „производительную услугу“ (services productifs), и только изъ послѣдней получаютъ уже настоящіе продукты.

Производительная услуга выражается въ дѣятельности (action) или работѣ (travail) фонда. Fonds industriel оказываетъ свою услугу посредствомъ труда занимающагося въ производствѣ человѣка, природа посредствомъ дѣятельности силъ природы, дѣятельности почвы, воздуха, воды, солнца и т. д.⁴⁾; о томъ же, въ чемъ выражается производительная услуга капитала, мы получаемъ менѣе опредѣленные свѣдѣнія. Въ одномъ мѣстѣ своего „Traité“ Сэ говоритъ довольно неясно: „Они (капиталы) должны, такъ сказать, работать сообща съ человѣческимъ трудомъ, и это сотрудничество я называю производительной услугой капитала“. (c'est ce concours que je nomme le service productif des capitaux)⁵⁾. Правда, онъ обѣщаетъ при этомъ дать впослѣдствіи болѣе точное объясненіе производительной дѣятельности капиталовъ, но при исполненіи этого своего обѣщанія⁶⁾ онъ ограничивается описаніемъ видоизмѣненій (transformations), которымъ подвергаются капиталы въ производствѣ. Удовлетворительной картины дѣятельности капитала не даетъ также и „Cours complet“. Въ этомъ сочиненіи мы находимъ только замѣчаніе, что капиталъ работаетъ, если его примѣняютъ въ производительныхъ операціяхъ. (On fait travail-

1) Появилось въ 1803 году. Я цитирую по 7-ому изданію. Paris Guillaumin & Cie., 1861 года.

2) Парижъ, 1828 и 1829 гг.

3) Cours, I. Стр. 234 и слѣд.

4) Traité p. 68 и сл.

5) 1-ая книга, 3-ья глава p. 67, въ концѣ.

6) 10-ая глава 1-ой книги.

ler un capital, lorsqu'on l'emploie dans des opérations productives I, p. 239). Только косвеннымъ путемъ, изъ часто повторяющихся сравненій, мы узнаемъ, что *Sz* представляетъ себѣ дѣятельность капитала однородной съ дѣятельностью человѣка и дѣятельностью силъ природы.—Впослѣдствіи мы еще увидимъ, какой вредной по результатамъ оказалась та неясность, съ которой *Sz* употребляетъ многообразное выраженіе „service“ по отношенію къ сотрудичеству капитала.

Часть „agents naturels“ не захвачена въ частную собственность и оказываетъ свою производительную услугу безвозмездно; таковы море, вѣтеръ, химическія и физическія взаимодействія веществъ и т. д. Услуга же другихъ факторовъ—человѣческой рабочей силы и находящихся въ частной собственности силъ природы (въ особенности земли)—должна давать вознагражденіе ихъ владѣльцамъ. Вознагражденіе дается изъ цѣнности благъ, произведенныхъ дѣятельностью этихъ факторовъ. Эта цѣнность распределяется между всѣми факторами, которые содѣйствовали производству таковой, благодаря содѣйствію *services productifs* соотвѣтственныхъ фондовъ. Въ какомъ же отношеніи?—Этотъ вопросъ разрѣшается въ концѣ концовъ соотношеніемъ спроса и предложенія по отношенію къ каждой отдѣльной услугѣ. Органомъ распределенія является предприниматель, который приобретаетъ всѣ услуги, необходимыя для производства, и оплачиваетъ ихъ по рыночной цѣнѣ. Такимъ путемъ *services productifs* приобретаютъ цѣнность, которую надо строго отличать отъ цѣнности самого фонда, изъ котораго они ведутъ свое начало ¹⁾).

Эта „услуга“ составляетъ также и настоящій *revenu* (доходъ) собственниковъ. Она представляетъ собою то, что въ дѣйствительности фондъ даетъ собственнику. Если послѣдній продаетъ эту услугу или же путемъ производства „обмѣниваетъ“ ее на продукты, то это только видоизмѣненіе, которому подвергается доходъ.

Весь доходъ, согласно тремъ видамъ производительныхъ услугъ, распадается на три части: одна часть представляетъ собою *вознагражденіе за трудъ* (*profit de l'industrie*), другая—*земельную ренту* (*profit du fonds de terre*), третья—*прибыль на капиталъ* (*profit или revenu du capital*). Между этими тремя частями существуетъ такая же полная аналогія, какъ и между

¹⁾ Traité, p. p. 72, 343 и сл.

различными видами самих *services productifs*¹⁾; каждая из этих частей представляет собою цѣну производительной услуги, которою пользовался предприниматель при производствѣ продукта.

Такимъ образомъ, *Сэ* далъ съ внѣшней стороны довольно ясное объясненіе прибыли на капиталъ. Капиталъ оказываетъ производительную услугу; послѣдняя должна доставлять вознагражденіе собственнику; этимъ вознагражденіемъ является прибыль на капиталъ. Убѣдительность этого хода мыслей существеннымъ образомъ усиливается благодаря постоянно проводимымъ аналогіямъ съ явленіемъ заработной платы, не нуждающимся въ объясненіи. Капиталъ работаетъ совершенно такъ же, какъ и человѣкъ; его дѣятельность должна быть вознаграждаема совершенно такъ же, какъ и дѣятельность человѣка: процентъ на капиталъ—это вѣрная копія заработной платы.

Если, однако, всмотрѣться глубже, то начинаются затрудненія, а вмѣстѣ съ ними и противорѣчія *Сэ*.

Если производительная услуга капитала должна быть вознаграждаема изъ цѣнности продукта, то прежде всего должна вообще существовать цѣнность, которая могла бы быть употребляема для этой цѣли. Возникаетъ, слѣдовательно, вопросъ, на который теорія процента во всякомъ случаѣ обязана дать отвѣтъ: *почему всегда существуетъ такая цѣнность*, или, выражаясь конкретнѣе, почему продукты, въ производствѣ которыхъ принималъ участіе капиталъ, всегда имѣютъ столь высокую цѣнность. что, послѣ вычета изъ таковой вознагражденія на основаніи существующей рыночной цѣны остальныхъ принимающихъ участіе въ производствѣ *services productifs*—труда и пользованія землей,—остается еще извѣстная сумма для вознагражденія услуги капитала, притомъ сумма, достаточная для вознагражденія этой услуги соотвѣтственно величинѣ и продолжительности затраты капитала? Почему, напримѣръ, благо, которое для своего производства требуетъ труда и пользованія почвой въ размѣрѣ цѣнности въ 1000 франковъ, и производство котораго продолжается столько времени, что капиталъ въ 1000 франковъ, затраченный на покупку этихъ услугъ, возстанавливается по истеченіи года, будетъ имѣть цѣнность не 1000 франковъ, а больше, чѣмъ 1000 франковъ, допустимъ, 1050 франковъ? И почему другое благо, на производство котораго затрачено совершенно такое же количество труда и

¹⁾ Cours, IV, 64.

пользованія почвой, но производство котораго продолжается въ два раза большее время, будетъ имѣть цѣнность не 1000 или 1050 франковъ, а 1100 франковъ, вслѣдствіе чего становится возможнымъ вознаграждать соотвѣтственнымъ образомъ за два года *services productifs* капитала въ 1000 франковъ ¹⁾?—Нетрудно убѣдиться, что эта формулировка вопроса о „прибавочной цѣнности“, представляющей собою центральную идею проблемы процента, приспособлена къ теории *Сэ*. Эта идея совершенно еще не затрагивалась въ томъ, что мы до сихъ поръ изложили; мы теперь только къ ней переходимъ.

О причинѣ существованія прибавочной цѣнности *Сэ* не высказывается съ желательной опредѣленностью. Его взгляды на этотъ вопросъ можно подраздѣлить на двѣ группы, между которыми существуетъ довольно глубокое различіе. Въ одной группѣ *Сэ* приписываетъ капиталу силу, непосредственно создающую цѣнность: цѣнность существуетъ потому, что капиталъ ее создалъ, и производительная услуга капитала вознаграждается именно *потому, что* создана необходимая для этого прибавочная цѣнность. Здѣсь, слѣдовательно, вознагражденіе производительной услуги капитала является *слѣдствіемъ* существованія прибавочной цѣнности.

Во второй группѣ замѣчаній *Сэ* даетъ какъ разъ обратное отношеніе: вознагражденіе услуги капитала онъ представляетъ какъ *основаніе*, какъ причину существованія прибавочной цѣнности. Продукты вообще имѣютъ цѣнность потому, что собственники *services productifs*, изъ которыхъ эти продукты ведутъ свое начало, требуютъ вознагражденія; послѣдніе потому именно и имѣютъ цѣнность, достаточно высокую для того, чтобы оставить излишекъ—прибыль на капиталъ—, что сотрудничество капитала безвозмездно не дается.

Къ первой группѣ, кромѣ многочисленныхъ замѣчаній, въ которыхъ *Сэ* вообще говоритъ о „*faculté productive*“ и „*rouvoir productif*“ капитала, относится прежде всего еще полемическое примѣчаніе къ 4-й главѣ I книги его „*Traité*“ (р. 71-й, прим. 2). *Сэ* полемизируетъ здѣсь со *Смитомъ*, который будто бы не понялъ производительной силы капитала и приписывалъ цѣнность, созданную капиталомъ, *труду*, по-

¹⁾ Въ своемъ примѣрѣ я рядомъ съ затратой труда и использованій землей не приводилъ никакой отдѣльной затраты амортизаціонной доли *капитала* потому, что эта послѣдняя, по *Сэ*, всецѣло можетъ быть сведена къ затратѣ элементарныхъ производительныхъ услугъ.

средствомъ котораго нѣкогда былъ созданъ самъ капиталъ, напримѣръ, маслобойня. „Смитъ ошибается; продуктомъ этого предшествовавшего труда является, если угодно, цѣнность самой маслобойни; но цѣнность, которая ежедневно создается маслобойней, представляетъ собою совершенно иную, новую цѣнность точно такъ же, какъ польза отъ аренды какого-нибудь земельного участка представляетъ собою цѣнность, отличную отъ цѣнности самого участка, цѣнности, которую можно потратить, не уменьшая при этомъ цѣнности участка“. И вотъ Сэ продолжаетъ: „Если бы капиталъ не обладалъ производительной силой, независимо отъ труда, его создавшего (si un capital n'avait pas en lui-même une faculté productive indépendante de celle du travail qui l'a créé), то чѣмъ можно было бы объяснить то обстоятельство, что капиталъ постоянно даетъ доходъ, независимо отъ прибыли промышленнаго предприятия, которое пользуется таковымъ?“¹⁾ Итакъ, капиталъ создаетъ цѣнность, и эта его способность является *причиной* прибыли на капиталъ. Въ другомъ мѣстѣ Сэ высказывается въ томъ же духѣ: „Le capital employé paie les services rendus, et les services rendus produisent la valeur qui remplace le capital employé“¹⁾.

Ко второй группѣ я отношу прежде всего замѣчаніе, которое, хотя и не относится непосредственно къ прибыли на капиталъ, но которое въ силу полной аналогіи слѣдуетъ также отнести и къ таковой. „Тѣ силы природы,—говоритъ въ одномъ мѣстѣ Сэ²⁾—которыя переходятъ въ частную собственность, становятся фондами, созидающими цѣнность (deviennent des fonds productifs de valeur) *потому, что онѣ не предлагаютъ своего сотрудничества безъ вознагражденія*“... Далѣе цѣна продуктовъ нѣсколько разъ ставится въ зависимость отъ величины вознагражденія services productifs, которые принимали участіе въ ихъ производствѣ: „Продуктъ, слѣдовательно, будетъ дороже тогда, когда его производство требуетъ не только большаго количества производительныхъ услугъ, но и услугъ, *лучше вознаграждаемыхъ* (plus fortement rétribués). „Цѣна поднимется тѣмъ выше, чѣмъ большую надобность *ощущаютъ* въ этомъ продуктѣ потребители, чѣмъ больше они имѣютъ средствъ для уплаты, и *чѣмъ высшее вознагражденіе въ состояніи требовать продавцы производительныхъ услугъ*“³⁾.

1) Книга 1-я, Глава IV-я, въ концѣ.

2) Книга 2-я, Глава VIII, § 2, р. 395. Прим. 1-е.

3) Книга 2-я, Глава I-я, р. 315 и слѣд.

Наконецъ, специально къ прибыли на капиталъ относится характерное мѣсто въ началѣ VIII-й главы 2-й книги: „Невозможность создать продуктъ безъ сотрудничества капитала заставляетъ потребителей платить за каждый продуктъ цѣну, достаточную для того, чтобы предприниматель, который беретъ на себя производство такого, могъ приобрести услугу этого необходимаго орудія“. Такимъ образомъ, эти слова какъ разъ противорѣчатъ выше приведеннымъ ¹⁾: тамъ вознагражденіе капиталиста объясняется существованіемъ „уже созданной“ прибавочной цѣнности, здѣсь же существованіе прибавочной цѣнности объясняется необходимостью вознагражденія капиталиста. Этому послѣднему взгляду соотвѣтствуетъ также и то, что *Сэ* разсматриваетъ прибыль на капиталъ, какъ составную часть издержекъ производства ²⁾.

Эти противорѣчія являются вполне естественнымъ слѣдствіемъ неувѣренности, которую *Сэ* обнаруживаетъ во всей своей теоріи цѣнности, въ которой онъ полемизируетъ противъ проповѣдуемой *Смитомъ* и *Рикардо* теоріи издержекъ, между тѣмъ какъ самъ онъ часто въ нее впадаетъ. Довольно характернымъ для этой неопредѣленности является, между прочимъ, и то обстоятельство, что *Сэ* въ выше цитированномъ мѣстѣ (*Traité*, p. 315 и 316) выводитъ цѣнность продуктовъ изъ цѣнности ихъ *services productifs*, въ другомъ же мѣстѣ, наоборотъ, цѣнность *fonds productifs* изъ цѣнности продуктовъ, которые происходятъ изъ таковыхъ: „leur valeur (des fonds productifs) vient donc de la valeur du produit qui peut en sortir“ ³⁾.—Это очень важное мѣсто, къ которому я еще возвращусь при случаѣ впоследствии.

На основаніи сказаннаго, я полагаю, что не окажусь несправедливымъ по отношенію къ *Сэ*, если скажу, что онъ не составилъ себѣ опредѣленнаго мнѣнія объ основной причинѣ процента на капиталъ, но неувѣренно колебался между двумя мнѣніями: на основаніи одного процентъ на капиталъ существуетъ потому, что капиталъ его производитъ, на основаніи другого потому, что часть издержекъ „*services productifs* капитала“ требуетъ вознагражденія.*

Между обоими этими мнѣніями существуетъ глубокое внутреннее разногласіе, болѣе глубокое, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Первое разсматриваетъ явленіе

¹⁾ *Traité*, p. 71. прим. 2-е.

²⁾ *Traité*, p. 395.

³⁾ *Traité*, p. 338.

процента главнымъ образомъ, какъ проблему производства, второе—какъ проблему распредѣленія. Первое кончаетъ свое объясненіе непосредственной ссылкой на фактъ производства: капиталъ производитъ прибавочную цѣнность, поэтому она существуетъ; всякій дальнѣйшій вопросъ излишенъ. Вторая теорія только отчасти опирается на сотрудничество капитала въ производствѣ,—существованіе этого сотрудничества она, однако, предполагаетъ—но центръ тяжести она находитъ въ причинахъ, которыя основываются на условіяхъ хозяйственнаго образованія цѣнности и цѣны. Благодаря своей первой теоріи, Сэ стоитъ въ ряду наивныхъ теоретиковъ производительности, своей второй теоріей онъ открываетъ собою рядъ интересныхъ и теоретически важныхъ „теорій пользованія“.

Слѣдуя установленному мною плану изложенія, я пока отступаю отъ теоріи пользованія Сэ, чтобы изложить ходъ развитія, который приняла наивная теорія производительности послѣ Сэ.

Собственно говоря, о развитіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе выдающимся признакомъ наивныхъ теорій производительности является то молчаніе, которымъ онѣ обходятъ причинную связь между производительностью капитала и предполагаемымъ слѣдствіемъ таковой—„прибавочной цѣнностью“; здѣсь нѣтъ поэтому ничего, что можно было бы развить. Историческій ходъ наивныхъ теорій производительности представляетъ собою только монотонный рядъ варіацій той простой мысли, что капиталъ производитъ прибавочную цѣнность, а настоящаго развитія можно ожидать только на слѣдующей ступени, ступени мотивированныхъ теорій производительности.

Наивная теорія производительности нашла самое большое число приверженцевъ въ Германіи, затѣмъ во Франціи и Италіи; англичане совершенно обошли фазу наивной теоріи, во-первыхъ, потому, что ихъ общія воззрѣнія, какъ кажется, вообще не благопріятствуютъ теоріи производительности, во-вторыхъ, потому, что со времени лорда *Лодердала* они имѣли уже мотивированную теорію производительности.

Въ Германіи выдвинутая Сэ идея „производительности капитала“ стала быстро распространяться. Вначалѣ на производительности капитала не основывали, правда, еще никакой опредѣленной теоріи, но съ теченіемъ времени вошло въ привычку считать капиталъ третьимъ самостоятельнымъ факторомъ производства, на ряду съ природой и тру-

домъ, и при объясненіи трехъ видовъ дохода — земельной ренты, вознагражденія за трудъ и ренты на капиталъ—ставить таковыя въ зависимость отъ трехъ различныхъ факторовъ производства. Теоріи нѣкоторыхъ писателей, которые дѣлаютъ это еще нерѣшительно и съ этой точкой зрѣнія соединяютъ еще представленіе о другомъ происхожденіи процента на капиталъ, я рассмотрѣлъ въ предыдущемъ отдѣлѣ между „безцвѣтными“ теоріями.

Вскорѣ, однако, стали примѣнять идею Сэ къ объясненію процента на капиталъ болѣе рѣшительно. Это было сдѣлано уже *Шеномъ* ¹⁾. Онъ даетъ еще довольно краткое объясненіе. Прежде всего онъ въ довольно умѣренныхъ выраженіяхъ признаетъ за капиталомъ свойство „третьяго самостоятельнаго, хотя и посредственнаго источника благъ“, (стр. 47). При этомъ онъ считаетъ вполне доказаннымъ и очевиднымъ то, что капиталъ долженъ давать ренту, потому что „выручка прежде всего принадлежитъ тѣмъ, кто содѣйствовалъ ея созданію“ (стр. 82); ясно, что національная выручка должна представлять столько различныхъ рентъ, сколько существуетъ категорій производительныхъ силъ и средствъ“ (стр. 87). Дальнѣйшее обоснованіе—это весьма характерно—считается излишнимъ. Даже полемика, которую *Шенъ* ведетъ со *Смитомъ*, не побудила его дать болѣе обстоятельную мотивировку своей точки зрѣнія. Онъ только въ общихъ выраженіяхъ порицаетъ *Смита* за то, что тотъ считаетъ участниками производства только непосредственныхъ рабочихъ, а упускаетъ изъ вида производительную природу капитала и земли, вслѣдствіе чего *Смитъ* и приходитъ къ заключенію, что рента на капиталъ основывается на вычетѣ изъ заработной платы (стр. 85 и слѣд.).

Подробнѣе и съ большей опредѣленностью выступаетъ съ этимъ новымъ ученіемъ *Ридель* ²⁾. Онъ посвящаетъ изложенію таковаго отдѣльный параграфъ подъ заглавіемъ: „Производительность капитала“. Въ этомъ параграфѣ онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Производительность, которою вообще обладаетъ капиталъ при своемъ примѣненіи, проявляется въ томъ, что вещественныя цѣнности, которыя затрачиваются на производство для содѣйствія природѣ и труду, въ большинствѣ случаевъ не только возста- навливаются, но способствуютъ также полученію излишка

¹⁾ Neue Untersuchung der National-Oekonomie, Stuttgart und Tübingen 1835.

²⁾ National-Oekonomie oder Volkswirtschaft. Berlin 1838.

вещественных цѣнностей, который безъ нихъ не могъ бы возникнуть... Продуктомъ затраты капитала является всегда получающійся результатъ отъ примѣненія капитала для производства вещественныхъ цѣнностей, послѣ вычета цѣнностей содѣйствующихъ при дѣятельности капитала природы и труда... Но во всякомъ случаѣ нельзя продуктъ капитала приписывать дѣйствующимъ силамъ, въ которыхъ послѣдній нуждается при своей дѣятельности,—силамъ природы и труда. *Капиталъ есть самостоятельная величина* совершенно такъ же, какъ и эти послѣднія; въ большинствѣ случаевъ онъ нуждается въ нихъ не больше, чѣмъ онѣ въ немъ“ (I, § 366).

Въ высшей степени характернымъ является здѣсь то, что, по мнѣнію *Риделя*, производительность капитала „*проявляется*“ въ фактѣ существованія излишка цѣнности. По его мнѣнію, прибавочная цѣнность и производительность такъ неразлучно и вполне естественно связаны между собою, что на основаніи факта существованія прибавочной цѣнности онъ заключаетъ о производительности капитала, какъ объ единственно возможной причинѣ первой. При такомъ положеніи вещей мы не должны удивляться, что и *Ридель* считаетъ совершенно разрѣшеннымъ вопросъ о причинѣ существованія процента на капиталъ исключительно ссылкой на „производительность капитала“, и что нигдѣ больше онъ не даетъ болѣе опредѣленной мотивировки процента.

Больше всѣхъ другихъ писателей содѣйствовалъ популяризаціи теоріи производительности въ Германіи *Вильгельмъ Рошеръ*.

Этотъ замѣчательный ученый, главныя заслуги котораго, правда, относятся не къ области строгихъ догматическихъ излѣдованій, къ сожалѣнію, обратилъ очень мало вниманія на теоретическую сторону ученія о процентѣ на капиталъ. Это обнаруживается уже внѣшнимъ образомъ въ различныхъ грубыхъ ошибкахъ и непослѣдовательностяхъ. Такъ, напр., въ § 179 своего главнаго сочиненія ¹⁾ *Рошеръ* опредѣляетъ процентъ на капиталъ, какъ *цѣну* за пользованіе капиталомъ, хотя это опредѣленіе подходитъ только къ договорной, а не къ „естественной“ рентѣ на капиталъ, которую въ томъ же параграфѣ *Рошеръ* все-таки называетъ видомъ процента на капиталъ. Такъ, въ § 148 онъ заявляетъ, что сумма всѣхъ вѣтвей первичнаго дохода, „очевидно“, опредѣляетъ собою и сумму договорнаго дохода таковыхъ, а, слѣ-

¹⁾ Grundlagen der National-Oekonomie. Stuttgart 1873. 10-е изданіе.

довательно, и величина „естественной“ ренты на капиталъ опредѣляетъ собою величину договорной ренты на капиталъ. Тѣмъ не менѣе въ § 183 онъ разрѣшаетъ вопросъ о величинѣ процентной нормы не на основаніи первичной ренты, могущей служить руководствомъ, а на основаніи ничего не доказывающей наемной ренты. По его мнѣнію, цѣна пользования капиталомъ зависитъ отъ спроса и предложенія „прежде всего обращающихся капиталовъ“; спросъ, со своей стороны, зависитъ отъ количества и платежеспособности желающихъ приобрести таковыя, въ особенности не-капиталистовъ, т. е. земельныхъ собственниковъ и рабочихъ“. На основаніи изложенія *Рошера*, получается, такимъ образомъ, впечатлѣніе, будто величина ренты на капиталъ опредѣляется прежде всего соотвѣтствующей нормой договорнаго процента на денежномъ рынкѣ, и будто только отсюда—въ силу закона относительнаго равенства ренты въ различныхъ отрасляхъ—переносится на первичный процентъ, а между тѣмъ, какъ мы уже видѣли, существуетъ какъ разъ обратное отношеніе. Наконецъ, *Рошеръ* въ теоретической части своихъ изслѣдованій совершенно не затрагиваетъ чрезвычайно важнаго основнаго теоретическаго вопроса о происхожденіи процента на капиталъ, а говоритъ о таковомъ только вскользь въ связи съ практической политикой процента, при обсужденіи вопроса о законности процента на капиталъ.

Какъ видно изъ сказаннаго, *Рошеръ* является эклектикомъ. Его воззрѣнія представляютъ собою смѣсь изъ наивной теоріи производительности и теоріи воздержанія *Сеніора*. Въ текстѣ § 189 онъ приписываетъ капиталу „настоящую производительность“ и въ примѣчаніи считаетъ „вполнѣ удачнымъ“ способъ выраженія грековъ, называвшихъ процентъ на капиталъ *τόκος*, рожденнымъ. Въ другомъ примѣчаніи онъ обстоятельно полемизируетъ съ *Марксомъ* и его „новымъ возвращеніемъ къ старому ошибочному ученію о непроизводительности капиталовъ“, при чемъ, въ качествѣ убѣдительнаго доказательства производительности капитала, онъ, между прочимъ, приводитъ природу цѣнности сигаръ, вина, сыра, вообще благъ, „которыя могутъ приобрести значительную большую цѣнность (потребительную и мѣнову), благодаря одной только отсрочкѣ потребления, безъ всякаго новаго прибавленія труда“. Въ текстѣ того же параграфа производительность капитала поясняется пресловутымъ примѣромъ рыбака, который первоначально, исключительно при помощи рукъ, ловитъ ежедневно три рыбы и потомъ, со-

бравъ, благодаря своей бережливости, запасъ въ 100 рыбъ и изготовивъ за время ихъ потребления лодку и сѣть, ловить съ помощью этого капитала ежедневно тридцать рыбъ.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ взгляды *Рошера* сводятся къ тому, что капиталъ при помощи свойственной ему производительной силы непосредственно создаетъ прибавочную цѣнность; онъ не старается при этомъ отыскать болѣе сложное объясненіе происхожденія таковой, и поэтому я долженъ причислить его къ наивному направленію теоріи производительности.

Какъ я уже замѣтилъ выше, *Рошеръ* не придерживался строго этого направленія, а по формѣ и по существу соединяетъ таковое съ теоріей воздержанія. Онъ считаетъ второй „несомнѣнной“ причиной существованія процента на капиталъ „дѣйствительную жертву, которая заключается въ воздержаніи отъ потребления капиталовъ“; онъ подчеркиваетъ, что, при установленіи цѣны за пользование лодкой, важнымъ мотивомъ является лишеніе сберегающаго въ теченіе 150 дней, и что процентъ на капиталъ можно считать вознагражденіемъ за воздержаніе съ такимъ же правомъ, какъ заработную плату вознагражденіемъ за трудъ. — Вообще у *Рошера* мы встрѣчаемъ не мало плохо скрываемыхъ противорѣчій. Между прочимъ, съ признаваемой имъ самостоятельной производительностью капиталовъ плохо вяжется то, что онъ считаетъ (§ 183) „потребительную цѣнность капиталовъ въ большинствѣ случаевъ тождественной съ ловкостью *рабочихъ* и богатствомъ *силъ природы*“, между которыми, по его мнѣнію, существуетъ зависимость.

Очевидно, авторитетъ, которымъ пользовалось громкое имя *Рошера* между экономистами Германіи, благопріятствовалъ также распространенію его теоріи процента. Несмотря на то, что эта теорія, какъ мы видѣли, едва ли можетъ считаться удовлетворяющей основнымъ требованіямъ всякой теоріи—единству, послѣдовательности и глубинѣ содержанія,—она все-таки нашла себѣ многочисленныхъ сторонниковъ и послѣдователей.

Я не буду останавливаться на довольно значительномъ числѣ писателей, которые со времени *Рошера* просто переняли ученіе о производительности капитала, совершенно такого не обогащая ¹⁾, и выдѣлку только въ нѣмецкой лите-

¹⁾ Между ними находится также *Шульце-Деличъ*. Объ его ученіи, которое такъ же, какъ и ученіе *Рошера*, въ извѣстной степени эклектическое и не лишено противорѣчій, см. „Capitel zu einem deutschen Arbeiterkatechismus“. Leipzig 1863, Стр. 24 и слѣд.

ратурѣ еще одного писателя, который обработалъ это учение, хотя и не болѣе удачно, чѣмъ остальные, но зато съ большей обстоятельностью и тщательностью — *Фридриха Клейнвехтера*.

Клейнвехтеръ высказывается по этому вопросу въ различныхъ случаяхъ — сначала подробно въ самостоятельной статьѣ: „*Beitrag zur Lehre vom Capital*“ ¹⁾, потомъ только, между прочимъ, въ „*Handbuch der politischen Oekonomie*“ *Шенберга*.

Свою самостоятельную статью *Клейнвехтеръ* начинаетъ тѣмъ, что прежде всего устанавливаетъ нѣкоторыя предварительныя понятія, при чемъ производство онъ опредѣляетъ, какъ „*созиданіе цѣнности*“, а созиданіе цѣнности — отождествляя цѣнность съ полезностью, — какъ „*производство средствъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей*“. (Стр. 322). Способность къ производству или производительность не является исключительнымъ преимуществомъ человѣка, такъ какъ и животныя, и растенія, и безжизненная природа также могутъ производить продукты, обладающіе способностью служить человѣческимъ потребностямъ. Такъ, напр., лошадь производитъ силу (?), корова — молоко, овца — шерсть и т. д. (Стр. 325). Такимъ образомъ, и капиталъ обладаетъ производительностью. При этомъ *Клейнвехтеръ* считаетъ производительную способность такимъ выдающимся свойствомъ капитала, что онъ на ней цѣликомъ строитъ и опредѣленіе послѣдняго. „Если согласиться съ тѣмъ“, — говоритъ онъ — „что невозможно произвести новое вещество (т. е. новое, основное вещество въ смыслѣ химическомъ), что все наше производство заключается только въ созиданіи цѣнностей, и что способность производить цѣнности свойственна не только человѣку, но что и вся природа, какъ безжизненная, такъ и животныя и растенія въ состояніи производить цѣнность такъ же, какъ и человѣкъ, — *то капиталъ самъ собою опредѣляется, какъ благо, производящее цѣнность*“ (стр. 372).

Въ этомъ опредѣленіи, какъ это выразительно подчеркиваетъ „во избѣжаніе недоразумѣній“ въ одномъ примѣчаніи (стр. 373, прим. 2-ое) *Клейнвехтеръ*, цѣнность пока еще обозначаетъ только „способность предмета служить для удовлетворенія человѣческихъ потребностей“. На основаніи предыдущихъ объясненій, цѣностная производительность даннаго капитала, напр., машины или сырья, обозначаетъ

¹⁾ *Hildebrand'sche Jahrbücher*, 9-ый томъ (1867) pp. 310—326 и 369—421.

только то, что при его помощи можно производить предметы, годные для употребленія, какъ, напр., сукно или одежду. Мысль, что произведенныя блага должны имѣть *больше* цѣнности, чѣмъ капиталъ, ихъ производящій, и что блага эти должны имѣть въ особенности бѣльшую *мѣновую цѣнность*, однимъ словомъ, мысль, что продуктъ долженъ давать *излишекъ мѣновой цѣнности*, ни въ коемъ случаѣ не вытекаетъ изъ пока установленнаго понятія цѣностной производительности.

Вполнѣ неожиданнымъ является поэтому то, что *Клейнвехтеръ*, не измѣняя ничего въ установленныхъ понятіяхъ, все же выводитъ ренту на капиталъ непосредственно изъ цѣностной производительности капитала. „Подъ рентой въ общемъ видѣ“—говорятъ онъ на страницѣ 382—„понимаютъ постоянный доходъ, который получается изъ постоянного источника. А такъ какъ здѣсь капиталъ былъ опредѣленъ, какъ благо, производящее цѣнности, то изъ этого, очевидно, вытекаетъ, что *рента на капиталъ состоитъ изъ создаваемыхъ капиталомъ цѣнностей*“.

Ясно, что *Клейнвехтеръ* въ своихъ заключительныхъ словахъ придаетъ „цѣностямъ, создаваемымъ капиталомъ“, смыслъ, котораго эти слова до сихъ поръ еще не имѣли. Если бы онъ употреблялъ эти слова теперь въ томъ же смыслѣ, что и прежде, то „цѣнности, создаемыя капиталомъ“, были бы тождественны со *всѣми* произведенными капиталомъ благами, оцѣненными соответственно ихъ потребительной цѣнности (=полезности). Но это былъ бы валовой доходъ на капиталъ, а не его рента. Для того, чтобы отнести „созданныя капиталомъ цѣнности“ къ рентѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ, нужно въ двухъ отношеніяхъ сообщить этимъ словамъ иное толкованіе. Во-первыхъ, цѣнность нужно толковать какъ мѣновую, а не какъ „потребительную“, потому что потребительной цѣнностью въ смыслѣ *Клейнвехтера* обладаютъ вѣдь также и свободныя блага, какъ воздухъ, вода и т. п., которыя, безъ сомнѣнія, не могутъ дать никакой ренты на капиталъ, и, во-вторыхъ, производство цѣнности нужно толковать, какъ производство „большей цѣнности“, какъ производство *излишка цѣнности* потому, что не весь продуктъ образуетъ ренту, а только излишекъ цѣнности такового.

Могло бы показаться, что теорія *Клейнвехтера*, благодаря болѣе точнымъ вступительнымъ разсужденіямъ о „цѣностной производительности“, поднялась надъ уровнемъ „наивныхъ“ теорій производительности; но, благодаря выше приведенному

недоразумѣнію, она снова отодвигается къ рядамъ послѣднихъ: той „цѣнностной производительности“, которую доказалъ *Клейнвехтеръ*, абсолютно недостаточно для объясненія происхожденія прибавочной цѣнности, а такой цѣнностной производительности, которая могла бы объяснить происхожденіе прибавочной цѣнности, *Клейнвехтеръ* не доказалъ; остается, такимъ образомъ, только ничѣмъ не обоснованное *утвержденіе*, что капиталъ производитъ свою ренту.—

Въ „Handbuch“ *Шенберга* разбираемый нами авторъ касается нашей проблемы слишкомъ поверхностно для того, чтобы можно было узнать съ полной опредѣленностью позднѣйшіе его взгляды. „Вопросъ о производительности капитала“—говоритъ онъ довольно осторожно—„это вопросъ о томъ, принимаетъ ли капиталъ какое-нибудь активное участіе въ производствѣ вещественныхъ благъ. На этотъ вопросъ слѣдуетъ дать утвердительный отвѣтъ въ виду того, что капиталъ является орудіемъ труда (орудіемъ производства). Какъ орудіе производства, капиталъ производителенъ потому, что въ производствѣ онъ двоякимъ образомъ содѣйствуетъ труду: во-первыхъ, капиталъ содѣйствуетъ тому, что человѣкъ при помощи этого орудія производства можетъ при одинаковой затратѣ силъ производить больше благъ, чѣмъ сколько онъ могъ бы производить, если бы былъ лишенъ этого орудія производства (производительность капитала въ количественномъ отношеніи); во-вторыхъ, капиталъ содѣйствуетъ тому, что человѣкъ при помощи этого орудія производства можетъ производить продукты, которыхъ онъ не могъ бы производить безъ него (качественная производительность капитала)“.

Въ этихъ словахъ нѣтъ уже рѣчи о способности капитала непосредственно „созидать цѣнность“. Но все-таки и здѣсь *Клейнвехтеръ* основываетъ ренту на капиталъ на производительности послѣдняго. „Оба, капиталъ и трудъ, являются дѣйствительными и справедливыми источниками дохода потому, что продукты появляются только при сотрудничествѣ обоихъ; поэтому выручка отъ производства должна дѣлиться между этими факторами“¹⁾.

Во Франціи теорія производительности *Сэ* снискала себѣ

¹⁾ Handbuch der politischen Oekonomie, изд. *Шенбергомъ*, Тюбингенъ 1882 года, I-ый томъ, 179 и слѣд. Еще болѣе осторожно высказывается *Клейнвехтеръ* въ позднѣйшихъ изданіяхъ Handbuch *Шенберга* и въ появившемся въ послѣдствіи сочиненіи: „Das Einkommen und seine Vertheilung“, Лейпцигъ, 1896 г.

не меньшую популярность, чѣмъ въ Германіи. Теорія эта прямо-таки вошла въ моду, и распространенію ея мало мѣшали даже рѣзкія нападенія, которыя, начиная съ 40-хъ годовъ, направлялись противъ нея со стороны социалистовъ, въ особенности *Прудона*. Заслуживаетъ вниманія, однако, то обстоятельство, что теорія производительности у французовъ рѣдко высказывалась въ полной своей чистотѣ: почти всѣ ея сторонники смѣшивали ее эклектически съ элементами одной или даже нѣсколькихъ другихъ теорій; таковы, напр., — я называю только самыхъ вліятельныхъ писателей—*Росси*, *Молинари*, *Жозефъ Гарнье*, а въ послѣднее время *Ковэзъ* и *Леруа-Больё*.

Такъ какъ теорія производительности въ устахъ этихъ ученыхъ не подверглась никакому существенному измѣненію, то я могу подробно не останавливаться здѣсь на изложеніи ихъ ученій, тѣмъ болѣе, что съ самыми выдающимися изъ нихъ мы встрѣтимся еще въ одной изъ слѣдующихъ главъ, между эклектиками.

Я приведу только одно особенно характерное замѣчаніе послѣдняго изъ упомянутыхъ писателей въ доказательство того, какъ прочно держится, несмотря на всю критику социалистовъ, еще и въ настоящее время во французской наукѣ теорія производительности. Въ своемъ сочиненіи „*Essai sur la répartition des richesses*“, наиболѣе замѣчательной французской монографіи на тему о распредѣленіи благъ, выдержавшей въ теченіе двухъ лѣтъ два изданія, *Леруа-Больё* пишетъ: „*Капиталь производитъ (engendre) капиталъ, это неоспоримо*“. Нѣсколько дальше онъ протестуетъ противъ того взгляда, будто капиталъ производитъ процентъ (engendre un intérêt) только въ юридическомъ смыслѣ и только вслѣдствіе произвола законовъ: „*это дѣйствительно совершается, и совершается вполне естественно; законы здѣсь только копировали природу*“ („c'est naturellement, matériellement; les lois n'ont fait ici que copier la nature“) ¹⁾.

Изъ итальянской литературы разбираемаго нами направленія я изъ многихъ писателей упомяну только объ одномъ, безыскусственность формы котораго вмѣстѣ съ неясностью самой сути является, на мой взглядъ, типичной для наивной теоріи производительности, — о многочитаемомъ *Сциалойтъ* ²⁾.

¹⁾ Essai sur la répartition des richesses, 2-ое изд. Парижъ, 1883 г., стр. 234 и 239.

²⁾ Principi della Economia sociale, Napoli 1840.

Этотъ писатель полагаетъ, что факторы производства, къ которымъ онъ причисляетъ также и капиталъ, (р. 39) *передаютъ* продукту или *переносятъ* на него свою „возможную“ или „потенціальную“ цѣнность, основанную на ихъ способности къ производству; затѣмъ онъ полагаетъ, что содѣйствіе, которое оказалъ при созиданіи цѣнности каждый изъ факторовъ производства, является также непосредственно основаніемъ для распредѣленія продукта между факторами, принимающими участіе въ производствѣ, такъ что каждый факторъ при распредѣленіи получаетъ созданную имъ часть цѣнности, хотя эта часть и не можетъ быть а priori опредѣлена въ цифрахъ. (р. 100). Въ связи съ этимъ, *Сциалой* называетъ въ частности первичный процентъ на капиталъ „частью“ общей прибыли предпринимателя, „которая отвѣчаетъ производительной дѣятельности капитала за все время производства“ (р. 125).

Перейдемъ теперь отъ изложенія къ критикѣ.

Для этой цѣли я долженъ опять разъединить тѣ двѣ вѣтви наивной теоріи производительности, которыя я соединилъ въ историческомъ изложеніи. Всѣ разсмотрѣнные нами ученія сходятся въ томъ, что выводятъ прибавочную цѣнность изъ производительной силы капитала безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія. Но въ основѣ этихъ словъ могутъ лежать, какъ я это уже замѣтилъ выше въ предварительныхъ замѣчаніяхъ, двѣ существенно различныхъ точки зрѣнія: производительную силу капитала, на которую ссылаются при объясненіи прибавочной цѣнности, понимаютъ или въ буквальномъ смыслѣ, какъ цѣностную производительность, какъ способность капитала, непосредственно создавать *цѣнность*, или же какъ физическую производительность, какъ способность капитала создавать особенно много *благъ* или особенно полезныя *блага*, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ не даютъ никакого дальнѣйшаго объясненія прибавочной цѣнности, такъ какъ считаютъ вполне естественнымъ, что это большее количество благъ или эти особенно полезныя *блага* должны заключать въ себѣ излишекъ цѣнности.

Большинство наивныхъ теоретиковъ производительности въ изложеніи своего ученія такъ скупы на слова, что легче установить, что они *могли думать*, чѣмъ то, что они *думали*; и часто мы можемъ только догадываться, какой изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія придерживался тотъ или другой писатель. Такъ, напр., „производительная сила“ *Сэ* допускаетъ въ одинаковой степени обѣ версіи; такова же

„производительность“ *Риделя*. Напротивъ, *Сциалойя* и *Клейн-вехтеръ* склоняются, кажется, больше къ первой, *Рошеръ* со своимъ примѣромъ объ обильной рыбной ловлѣ—ко второй. Впрочемъ, точное установленіе этого отношенія для насъ не важно потому, что мы подвергнемъ нашей критикѣ объ эти точки зрѣнія, а, слѣдовательно, и всѣхъ писателей, которые придерживаются того или другого взгляда.

Я полагаю, что наивная теорія производительности въ обѣихъ своихъ версіяхъ далеко не удовлетворяетъ требованіямъ, которыя мы въ правѣ прилагать къ научному объясненію процента на капиталъ.

Со времени рѣзкихъ критическихъ нападеній, которымъ подверглись теоріи производительности со стороны социалистической и „соціально-политической“ школы, убѣдились въ неудовлетворительности этихъ теорій, по крайней мѣрѣ въ нѣмецкой наукѣ, и поэтому я чуть ли не долженъ опасаться, что буду ломиться въ открытыя двери, если стану подробно обосновывать произнесенный мною приговоръ. Тѣмъ не менѣе я не могу отказать отъ этого, отчасти потому, что въ области разсматриваемыхъ нами идей было высказано такъ много поверхностныхъ и непродуманныхъ взглядовъ, что я, какъ критикъ, уже никакъ не въ правѣ дѣлать ту же ошибку, отчасти, и даже главнымъ образомъ, потому, что я намѣренъ опровергать наивную теорію производительности при помощи аргументовъ, которые существенно отличаются отъ аргументовъ критики социалистовъ, и которые, на мой взглядъ, ближе затрагиваютъ суть нашего предмета.

Начнемъ съ первой версіи.

Если насъ увѣряютъ, что процентъ на капиталъ обязанъ своимъ происхожденіемъ своеобразной силѣ капитала, направленной на созиданіе цѣнности, то прежде всего у насъ долженъ возникнуть вопросъ: какія существуютъ доказательства того, что капиталъ дѣйствительно обладаетъ такой силой? Пока эта мысль не доказана, она не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для серьезной научной теоріи.

Если мы будемъ просматривать произведенія наивныхъ теоретиковъ производительности, то мы найдемъ въ нихъ нѣкоторыя доказательства *физической* производительности капитала, но не найдемъ почти ничего такого, что можно было бы назвать попыткой доказать существованіе силы капитала, непосредственно *созидающей цѣнности*. Они

утверждаютъ, что такая сила существуетъ, но ея не доказываютъ, за исключеніемъ одного только хода мыслей, въ которомъ фактъ, что при производительной затратѣ капитала постоянно получается излишекъ цѣнности, разсматривается, какъ своего рода основанное на опытѣ доказательство цѣнностной производительности. Впрочемъ, и эта мысль высказывается только очень поверхностно. Сравнительно яснѣе всего эта мысль высказывается *Сэ*, когда онъ въ выше цитированномъ мѣстѣ (стр. 147) спрашиваетъ, какимъ образомъ капиталъ могъ бы постоянно приносить самостоятельный доходъ, если бы онъ не обладалъ самостоятельной производительностью, и *Риделемъ*, по мнѣнію котораго производительность капитала „проявляется“ въ происхожденіи излишка цѣнности ¹⁾.

Но какъ обстоитъ дѣло съ убѣдительностью этого „основаннаго на опытѣ“ доказательства? Дѣйствительно ли фактъ, что при примѣненіи капитала постоянно получается излишекъ цѣнности, содержитъ въ себѣ достовѣрное доказательство того, что капиталъ обладаетъ силою, созидающей цѣнности?

Конечно, нѣтъ, какъ и фактъ, что въ высокихъ горахъ, послѣ выпаденія снѣга лѣтомъ, постоянно наступаетъ повышение барометра, не является достовѣрнымъ доказательствомъ того, что въ лѣтнемъ снѣгѣ заключается какая-то магическая сила, поднимающая столбъ ртути—наивная теорія, которую нерѣдко можно услышать изъ устъ жителей горъ. Научная ошибка, которая здѣсь дѣлается, очевидна: обыкновенныя гипотезы смѣшиваются здѣсь съ доказанными фактами. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторой эмпирической зависимостью между двумя фактами, *причины которой еще неизвѣстны, а только отъскакиваютъ*. Въ обоихъ случаяхъ возможны многія причины для объясненія даннаго явленія. Въ обоихъ случаяхъ можно поэтому высказать о настоящей причинѣ много гипотезъ; и объясненіе повышения барометра специфической силой лѣтняго снѣга, а прибавочной цѣнности на капиталъ специфической силой капитала, созидающей цѣнности, является только одной изъ многихъ возможныхъ гипотезъ. Это тѣмъ болѣе

¹⁾ Попытка *Клейнвехтера* подробно изложить „производство цѣнностей“ сюда не относится, такъ какъ *Клейнвехтеръ*, въ силу своей особенной терминологіи, понимаетъ подъ этимъ выраженіемъ только производство *благъ*, годныхъ для употребленія.

только обыкновенная гипотеза, что такъ вообще о существованіи „силъ“, при помощи которыхъ объясняется происхожденіе этихъ явленій, ничего не извѣстно; эти силы нужно было специально *постулировать* для данной конкретной цѣли—объясненія явленія.

Сравнимые нами случаи сходны не только въ томъ, что представляютъ собою примѣры обыкновенныхъ гипотезъ, но и въ томъ, что они представляютъ собою примѣры плохихъ гипотезъ. Вѣроятность гипотезы зависитъ отъ того, находитъ ли она себѣ подтвержденіе также внѣ того факта, который вызвалъ ее къ жизни, и, въ особенности, говорятъ ли въ ея пользу соображенія внутренней правдоподобности. Извѣстно, что это не имѣетъ мѣста по отношенію къ навивной гипотезѣ жителей горъ—ни одинъ образованный человѣкъ не вѣритъ, будто повышеніе столба ртути вызывается мистической силой лѣтняго снѣга. Но не лучше обстоитъ также дѣло и съ гипотезой о силѣ капитала, созидающей цѣнности: съ одной стороны, она не подтверждается ни однимъ другимъ фактомъ,—слѣдовательно, *она совершенно невѣроятная гипотеза*; съ другой стороны, она противорѣчитъ природѣ вещей—слѣдовательно, *она невозможная гипотеза*.

Приписывать капиталу силу, созидающую цѣнности въ буквальномъ смыслѣ слова, значить совершенно не понимать сущности цѣнности, съ одной стороны, и сущности производства, съ другой. Цѣнность вообще не создается и не можетъ быть созидаема. Производятся только формы, вещественныя фигуры, вещественныя комбинаціи, т. е. вещи, блага. Последнія могутъ, конечно, *обладать цѣнностью*, но этой цѣнности они не выносятъ съ собою въ готовомъ видѣ изъ производства, какъ нѣчто необходимое: они приобрѣтаютъ ее всегда только извнѣ—изъ взаимоотношенія потребностей и ихъ удовлетворенія въ хозяйственномъ мірѣ. Цѣнность обусловливается не прошедшимъ благъ, а ихъ будущимъ; она возникаетъ не въ мастерскихъ, въ которыхъ были созданы блага, а опредѣляется потребностями, которыя она должна удовлетворить. Цѣнность не можетъ быть выкована, какъ молотокъ, или соткана, какъ кусокъ полотна: если бы это было возможно, то въ нашихъ народныхъ хозяйствахъ не было бы тѣхъ ужасныхъ потрясеній, которыя мы называемъ кризисами, и единственной причиной которыхъ является то, что массы продуктовъ, произведенныхъ по всѣмъ правиламъ искусства, не могутъ приобрѣсти предполагаемой цѣнности. Производство можетъ создавать только

блага, о которыхъ можно предполагать, что, при ожидаемомъ взаимоотношеніи между потребностями и ихъ удовлетвореніемъ, они приобрѣтутъ цѣнность. Въ извѣстной степени производство напоминаетъ бѣлильщика. Подобно тому какъ бѣлильщикъ подвергаетъ дѣйствию солнечныхъ лучей свое полотно, такъ и производство направляетъ свою дѣятельность на такіе предметы и мѣста, гдѣ оно можетъ ожидать для своихъ продуктовъ цѣнности. Но цѣнности оно не создаетъ, какъ не создаетъ солнечныхъ лучей бѣлильщикъ.

Я полагаю, что могу не приводить другихъ положительныхъ доказательствъ этой мысли: она кажется мнѣ слишкомъ уже очевидной для того, чтобы нуждаться въ таковыхъ. Напротивъ, не будетъ, можетъ быть, излишнимъ защитить эту мысль отъ нѣкоторыхъ возраженій, которыя на первый взглядъ, но *только* на первый, будто бы противорѣчатъ ея вѣрности.

Такъ, напр., всѣмъ извѣстно, что цѣнность благъ находится въ нѣкоторой, правда не совсѣмъ опредѣленной, зависимости отъ издержекъ производства. Но не надо при этомъ упускать изъ вида того, что эта зависимость имѣетъ мѣсто только при извѣстныхъ условіяхъ, изъ которыхъ одно обыкновенно ясно сознается при формулировкѣ закона цѣнности издержекъ, между тѣмъ какъ другое принимается молча, условіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ производствомъ: первое заключается въ томъ, что произведенныя блага должны также быть *полезными*, второе—въ томъ, что они должны быть *рѣдкими* и оставаться таковыми по отношенію къ спросу.

При помощи доказательства отъ противнаго легко установить, что настоящими причинами, опредѣляющими цѣнность, являются не издержки, а послѣднія два обстоятельства, такъ скромно стоящія на заднемъ планѣ закона издержекъ: до тѣхъ поръ, пока издержки дѣлаются на производство вещей, соотвѣтственно полезныхъ и рѣдкихъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока издержки соотвѣтствуютъ полезности и рѣдкости благъ, до тѣхъ поръ онѣ соотвѣтствуютъ также и цѣнности послѣднихъ и будто ею управляютъ. Но какъ только, напротивъ, издержки дѣлаются на предметы, которые недостаточно полезны или недостаточно рѣдки, какъ, напр., на производство часовъ, которые не идутъ, или дерева въ мѣстностяхъ съ природнымъ богатствомъ такового, или на производство хорошихъ часовъ сверхъ требуемаго количества, то цѣнность ихъ не покрываетъ уже издержекъ, и

исчезаетъ всякій видъ, будто бы эти предметы вынесли съ собою свою цѣнность изъ условій производства.

Второе возраженіе. Допустимъ, что мы прежде всего создаемъ только блага. Но такъ какъ безъ производства благъ нельзя создать и ихъ цѣнности, то мы посредствомъ производства благъ, очевидно, создаемъ также и ихъ цѣнность. Если кто-либо производитъ блага цѣностью въ миллионъ гульденовъ, то онъ, очевидно, вызываетъ и появленіе цѣнности въ миллионъ гульденовъ, которая никогда бы не возникла безъ производства; это, кажется, является нагляднымъ доказательствомъ мысли, что и цѣнность возникаетъ путемъ производства.

Это возраженіе, безъ сомнѣнія, вѣрно, но только не въ томъ смыслѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ нашемъ спорномъ вопросѣ. Оно вѣрно только въ томъ смыслѣ, что производство является *одной* изъ причинъ возникновенія цѣнности, но оно не вѣрно въ томъ смыслѣ, что производство является *единственной* причиной возникновенія цѣнности, т. е. что вся необходимая для возникновенія цѣнности совокупность причинъ лежитъ въ области производства.

Между этими двумя значеніями существуетъ колоссальная разница, которую я выясню еще лучше на примѣрѣ. Если, напр., вспахать поле паровымъ плугомъ, то несомнѣнно, что паровой плугъ является *одной* изъ причинъ произведеннаго хлѣба, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его цѣнности. Но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что возникновеніе цѣнности хлѣба ни въ коемъ случаѣ не объяснено вполне, если сказать, что паровой плугъ произвелъ ее. *Одной* изъ причинъ производства хлѣба, а, слѣдовательно, и его цѣнности, были также и солнечные лучи; однако, на вопросъ, почему мѣра хлѣба имѣетъ цѣнность въ 5 гульденовъ, никто не считалъ бы удовлетворительнымъ отвѣтъ: солнечные лучи создали эту цѣнность! Или, напр., извѣстный спорный вопросъ, врождены ли таланты или только приобрѣтаются, разрѣшить въ пользу перваго мнѣнія посредствомъ аргумента, что, если бы человѣкъ не родился, то не существовали бы также и его таланты, и что, слѣдовательно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что рожденіе является причиной таланта!

Примѣнимъ-те только-что сказанное къ нашему спорному вопросу. Наши теоретики производительности не правы потому, что всѣ они ужъ очень хотятъ быть правыми. Если бы они производительную силу капитала понимали только

въ томъ смыслѣ, что капиталъ является *одной* изъ причинъ возникновенія цѣнности, то противъ этого нельзя было бы ничего возразить. Правда, для объясненія прибавочной цѣнности этимъ почти ничего не было бы сдѣлано; въ такомъ случаѣ они высказали бы только формально то, что почти очевидно, а остальные причины возникновенія прибавочной цѣнности они должны были бы, конечно, выяснить. А между тѣмъ разсматриваемые нами теоретики полагаютъ, что нашли *единственную* причину возникновенія цѣнности. Они полагаютъ, что слова: „капиталъ въ силу своей производительности создалъ цѣнность или прибавочную цѣнность“ представляютъ собою такое законченное и полное объясненіе существованія послѣдней, что нѣтъ уже никакой надобности въ дополнительномъ объясненіи,—и въ этомъ они глубоко не правы.

Изложенное допускаетъ, однако, еще второе важное примѣненіе, которое я сейчасъ же здѣсь и укажу, хотя оно собственно направлено и не противъ теории производительности. Что справедливо по отношенію къ одному, то справедливо и по отношенію къ другому—если капиталъ не можетъ обладать никакой силою, созидающей цѣнности, потому, что цѣнность вообще не „созидается“, то по той же причинѣ не могутъ отличаться такой силой и другіе элементы производства—земля и человѣческій трудъ. Это упустило изъ вида то широко распространенное направленіе, которое подвергаетъ самой строгой критикѣ взглядъ, будто бы земля и капиталъ обладаютъ силой, созидающей цѣнности, но которое съ тѣмъ большей рѣшительностью приписываетъ такую силу *труду* ¹⁾.

Я полагаю, что эта критика низвергла только одного идола, чтобы на его мѣсто поставить другого. Она опровергла только болѣе широкое предубѣжденіе, чтобы принять болѣе узкое. Человѣческій трудъ, какъ и всѣ другіе факторы, не имѣетъ преимущества создавать цѣнности. И трудъ создаетъ блага и исключительно блага, которыя ожидаютъ и приобрѣтаютъ свою цѣнность только въ зависимости отъ потребностей хозяйственной жизни, которыя они должны удовлетворять. Причинами того, что существуетъ нѣкоторая, но никакъ не полная, законная связь между количествомъ труда и цѣнностью продуктовъ, являются совер-

¹⁾ И помимо социалистовъ этотъ взглядъ нашель себѣ широкое распространеніе. См., напр., *Pierstorff*: „Lehre vom Unternehmergewinn“. Стр. 22 и сл.

шенно иныя обстоятельства, чѣмъ „созидающая цѣнности“ сила труда, которая не существуетъ и существовать не можетъ; объ этихъ причинахъ я уже, правда очень поверхностно, упомянулъ выше, когда говорилъ о случайной связи между издержками и цѣнностью.

Всѣ эти предубѣжденія, къ сожалѣнію, задержали развитіе теоріи. Они служатъ причиной слишкомъ поверхностныхъ изслѣдованій труднѣйшихъ научныхъ проблемъ. Желая объяснить образованіе цѣнности, теоретики изслѣдовали рядъ причинъ, иногда даже очень небольшой, для того, чтобы остановиться потомъ на ложной и основанной на предубѣжденіяхъ точкѣ зрѣнія: капиталъ или трудъ создаетъ цѣнность. Вслѣдствіе этого, однако, упускали изъ вида дальнѣйшее изслѣдованіе дѣйствительныхъ причинъ и тѣхъ болѣе глубокихъ сторонъ проблемы, въ которыхъ и заключаются настоящія ея трудности.

Обратимся теперь ко второму толкованію, которое допускаетъ ученіе наивныхъ теоретиковъ производительности. На основаніи этого толкованія, производительную силу, приписываемую капиталу, нужно понимать прежде всего какъ техническую или физическую производительность, т. е. какъ способность капитала содѣйствовать производству большаго количества или лучшаго качества благъ, чѣмъ можно производить безъ содѣйствія такового; при этомъ, однако, считаютъ очевиднымъ, что увеличенное количество продуктовъ, сверхъ возстановленія затраченнаго на производство капитала, должно заключать въ себѣ и прибавочную цѣнность.—Какъ обстоитъ дѣло съ убѣдительностью этой версіи?

Я вполне согласенъ съ тѣмъ, что капиталъ, дѣйствительно, обладаетъ приписываемой ему физической производительностью, т. е. что при его помощи можно произвести большее количество продуктовъ, чѣмъ безъ него ¹⁾. Я могу также согласиться,—хотя здѣсь связь не такъ уже обяза-

1) Я нарочно отказываюсь въ этомъ мѣстѣ отъ изслѣдованія, является ли признаваемая физическая производительность капитала первоначальной силой этого послѣдняго, или же излишекъ, получаемый благодаря производительному примѣненію капитала, долженъ быть отнесенъ въ счетъ тѣхъ производительныхъ силъ, при помощи которыхъ былъ произведенъ самъ капиталъ, особенно въ счетъ труда, созидающаго таковой. Я нарочно отказываюсь отъ этого изслѣдованія, чтобы не выводить нашего спорнаго вопроса изъ той плоскости, въ которой, по моему мнѣнію, проблема процента только и можетъ быть окончательно разрѣшена,—плоскости теоріи цѣнности.

тельна—что большее количество благъ, произведенныхъ при помощи капитала, обладаютъ также и большей цѣнностью, чѣмъ меньшее количество благъ, которое могло быть произведено безъ его помощи. Но ни одна черта во всемъ этомъ ходѣ мыслей не указываетъ на то, что большее количество благъ должно имѣть и большую цѣнность, *чѣмъ субстанція капитала, затраченнаго на производство такихъ-выхъ*,—въ чемъ и заключается сущность объясненія явленія прибавочной цѣнности.

Я поясню это конкретнѣе на извѣстномъ примѣрѣ *Рошефа*. Я охотно соглашаюсь съ тѣмъ и понимаю, что при помощи лодки и сѣтей ежедневно ловятъ 30 рыбъ, между тѣмъ какъ безъ этого капитала ловили бы только три. Я охотно соглашаюсь и понимаю, что 30 рыбъ обладаютъ большей цѣнностью, чѣмъ прежде три рыбы. Что же касается утвержденія, что 30 рыбъ должны обладать большею цѣнностью, *чѣмъ амортизаціонная доля лодки и сѣтей, затраченныхъ на ихъ ловлю*,—то оно отнюдь не обусловливается и не поясняется сдѣланными предположеніями и ужъ ни въ коемъ случаѣ не вытекаетъ изъ такихъ-выхъ. Если бы опытъ намъ не говорилъ, что цѣнность выручки на капиталъ всегда больше цѣнности затраченнаго капитала, то наивные теоретики производительности не дали бы намъ ни одного аргумента, который заставилъ бы насъ считать необходимымъ это положеніе. Могло бы быть и иначе. Почему, напр., *капиталы*, доставляющіе большую выручку, не могутъ, въ виду послѣдней, *цѣниться высоко*, такъ высоко, чтобы цѣнность капитала равнялась цѣнности получающагося въ большомъ количествѣ продукта. Почему, напр., лодка и сѣти, которыя за все время своего существованія способствуютъ полученію излишка въ 2700 рыбъ, не могутъ быть равноцѣнны именно тѣмъ же 2700 рыбамъ, полученію которыхъ онѣ способствовали? Въ такомъ случаѣ—при всей физической производительности—не было бы никакой прибавочной цѣнности.

У нѣкоторыхъ выдающихся представителей наивной теоріи производительности встрѣчаются, какъ это ни странно, такія положительныя замѣчанія, на основаніи которыхъ можно этотъ послѣдній выводъ—отсутствіе прибавочной цѣнности—считать естественнымъ. Нѣкоторые изъ нихъ прямо-таки высказываютъ взглядъ, что цѣнность субстанции капитала имѣетъ тенденцію приравниваться къ цѣнности получающагося изъ него продукта. Такъ, напр., *Сэ* пишетъ, (*Traité*, p. 348) что цѣнность *fonds productifs* вытекаетъ изъ

цѣнности продукта, который можетъ получиться изъ такихъ; *Ридель* въ § 91 своей политической экономіи развиваетъ подробно мысль, что „цѣнность средствъ производства“, слѣдовательно, и капитала, зависитъ главнымъ образомъ „отъ ихъ производительныхъ силъ или отъ обеспеченной за ними, въ силу неизмѣнныхъ основныхъ законовъ производства, способности оказывать большее или меньшее содѣйствіе въ производствѣ вещественныхъ цѣнностей“; а *Рошеръ* въ § 149 своихъ „основъ“ говоритъ: „Впрочемъ, земля имѣетъ съ другими средствами производства то общее, что ея цѣнность главнымъ образомъ обуславливается цѣной ея продуктовъ“.

А что, если, согласно съ только-что сказаннымъ, цѣнность капитала вполнѣ приноровится къ цѣнности продуктовъ, если она будетъ совершенно равна послѣдней? Неужели это невозможно? Куда же въ такомъ случаѣ дѣнется прибавочная цѣнность ¹⁾?

Если даже прибавочная цѣнность фактически связана съ физической производительностью капитала,—хотя на дѣлѣ это, конечно, не вѣрно—то все же теорія, считающая первую естественнымъ слѣдствіемъ второй, не поясняя этого ни однимъ словомъ, не выполнила своей задачи.

Резюмируемъ.

Наивная теорія производительности не удовлетворительна ни въ одномъ изъ возможныхъ толкованій производительности капитала, при помощи которой старались объяснить процентъ на капиталъ. Если эта теорія признаетъ силу капитала, непосредственно созидающую цѣнности, то она признаетъ невозможное. Ни у одного изъ элементовъ производства нѣтъ такой силы, которая непосредственно и по необходимости сообщала бы цѣнность производимымъ продуктамъ. Факторъ производства никогда не можетъ быть окончательнымъ источникомъ цѣнности: гдѣ бы ни являлась цѣнность, она имѣетъ свою послѣднюю причину въ соотношеніи человѣческихъ потребностей и удовлетворенія такихъ. Основательное объясненіе процента на капиталъ должно дойти до этого послѣдняго источника. А между тѣмъ гипотеза о силѣ, создающей цѣнности, старается обойти эту послѣднюю и самую трудную сторону доказательства посредствомъ не выдерживающаго критики предположенія.

¹⁾ Ср. мои разсужденія въ „*Rechte und Verhältnisse vom Standpunkte der Volkswirtschaftlichen Güterlehre*“, Innsbruck, 1881. Стр. 104 и сл., въ особенности 107—109.

Если же разбираемое нами направлѣніе понимаетъ эту производительность только какъ физическую производительность, тогда его ошибка заключается въ томъ, что оно разсматриваетъ прибавочную цѣнность какъ естественную спутницу этой производительности. Такъ какъ оно ни однимъ словомъ ближе не обосновываетъ этого quasi-естественнаго явленія, то и въ этомъ случаѣ самая важная и трудная часть объясненія не выполнена.

Широкое распространѣніе, которое, несмотря на такіе недостатки, нашла себѣ наивная теорія производительности, вполне понятно. Нельзя отрицать того, что на первый взглядъ эта теорія производитъ чрезвычайно подкупающее впечатлѣніе. Капиталь безпорно содѣйствуетъ производству и содѣйствуетъ производству „большаго“ количества продуктовъ. При томъ наблюдается, что въ концѣ каждаго производства, въ которомъ принимаетъ участіе капиталъ, на долю предпринимателя выпадаетъ излишекъ, „surplus“, и что величина послѣдняго всегда соотвѣтствуетъ величинѣ затраченнаго капитала и продолжительности его примѣненія. При такихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно, весьма естественно привести существованіе этого „излишка“ въ связь съ той производительной силой, которая заключается въ капиталѣ. Было бы даже удивительно, если бы не была выдвинута теорія производительности.

Продолжительность господства этой теоріи зависитъ, безъ сомнѣнія, отъ того, когда начнутъ относиться критически къ смыслу слова: „производительный“. Пока этого не дѣлаютъ, теорія производительности кажется вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности: теорія эта, говоря словами *Леруа-Болье*, „n'a fait ici que copier la nature“. Но если относиться къ нему критически, то теорія эта представляетъ собою сплетеніе діалектическихъ подтасовокъ, благодаря злоупотребленію растяжимымъ словомъ „производительный излишекъ“ капитала.

Въ виду этого, наивная теорія производительности является, такъ сказать, предопредѣленной теоріей процента примитивнаго и полужрѣлага состоянія науки. Но этой теоріи предопредѣлено также исчезнуть, коль скоро наука перестанетъ быть „наивной“; а если теорія эта и въ настоящее время *) пользуется такимъ широкимъ распространѣніемъ, то этимъ современная политическая экономія отнюдь не можетъ гордиться.

*) Пис. въ 1884 году.

3. Мотивированныя теоріи производительности.

Мотивированныя теоріи производительности тождественны съ наивными въ томъ, что онѣ тоже видятъ послѣднюю причину процента на капиталъ въ производительной силѣ послѣдняго. Но въ обработкѣ этой основной мысли эти теоріи обнаруживаютъ два преимущества по сравненію съ наивными теоріями. Во-первыхъ, онѣ отрѣшились отъ мистицизма силъ, „создающихъ цѣнность“, и, оставаясь на почвѣ реальныхъ фактовъ, понимаютъ подъ производительностью капитала исключительно физическую производительность. И, во-вторыхъ, онѣ уже не находятъ естественнымъ того, что физическая производительность обязательно должна сопровождаться излишкомъ цѣнности. Поэтому онѣ вводятъ въ свои доказательства специфическое объясненіе того, что увеличеніе *продукта* должно непременно вести къ *излишку цѣнности*.

Конечно, научное значеніе всѣхъ этихъ теорій зависитъ отъ того, выдерживаетъ ли это специфическое объясненіе критику или же нѣтъ. Такъ какъ различные авторы нашей группы сильно расходятся въ мнѣніяхъ относительно природы этого объясненія, то въ изложеніи и критикѣ отдѣльныхъ ученій въ этой главѣ я долженъ выдѣлить индивидуальность каждаго больше, чѣмъ это требовалось при разборѣ почти однообразныхъ „наивныхъ“ теорій. Конечно, этимъ я не мало обременяю и самого себя и моихъ читателей, но освободить себя и читателей отъ этой задачи я могъ бы только въ томъ случаѣ, если бы я отказался также отъ безпристрастной и основательной критики. Если кто-нибудь хочетъ сказать нѣчто особенное, то безпристрастный критикъ долженъ дать ему возможность высказаться особо и долженъ такимъ же образомъ ему отвѣтить, а не отдѣливаться общей фразой отъ разсмотрѣнія индивидуальных особенностей.

Рядъ мотивированныхъ теорій производительности открываетъ собою лордъ *Лодердалъ*¹⁾.

Лодердалъ представляетъ собою личность, весьма важную для исторіи литературы процента на капиталъ. Онъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ сознаетъ тотъ фактъ, что здѣсь надо разрѣшить великую проблему. Прежде всего онъ

¹⁾ An Inquiry into the nature and origin of public wealth. Edinburgh. 1804.

формально и выразительно устанавливаетъ проблему и задаетъ вопросъ: „Какова природа прибыли на капиталъ, и каково ея происхождение?“ Затѣмъ онъ даетъ хорошо продуманную критику тѣхъ немногихъ писателей, которые высказались до него по поводу первичнаго процента на капиталъ; онъ, наконецъ, первый даетъ также вмѣсто разбросанныхъ замѣчаній съ внѣшней стороны стройную и законченную теорію.

Лодердаль начинаетъ свою теорію процента тѣмъ, что, въ противоположность *Смиту*, называетъ капиталъ третьимъ основнымъ источникомъ богатства на ряду съ землей и трудомъ (р. 121). Затѣмъ онъ обстоятельно разсматриваетъ, какимъ образомъ капиталъ дѣйствуетъ, какъ источникъ благъ (р.р. 154—206), и здѣсь уже въ самомъ началѣ мы находимъ у него очень замѣчательное мѣсто, гдѣ онъ формально подымаетъ проблему процента, важность и трудность которой онъ вполне сознаетъ ²⁾.

Взгляды, высказанные его предшественниками, не могутъ его удовлетворить; онъ категорически отвергаетъ ученіе *Локка* и *Смита*, полагающихъ, что процентъ сводится къ приросту цѣнности, произведенной трудомъ рабочихъ, направленнымъ на блага, составляющія капиталъ, какъ и ученіе *Турго*, который, на его взглядъ, слишкомъ поверхностно приводитъ процентъ въ связь съ возможностью получить ренту путемъ покупки земли.

Лодердаль, напротивъ, формулируетъ свою собственную теорію слѣдующимъ образомъ: „во всякомъ случаѣ, когда капиталъ затраченъ на предпріятіе и приноситъ прибыль, послѣдняя всегда получается или потому, что капиталъ *замѣняетъ* собою нѣкоторое количество *труда* (supplant), который въ противномъ случаѣ должна была бы выполнить рука человѣка, или же потому, что капиталъ *выполняетъ* нѣкоторое количество *труда*, выполнение котораго недоступно силамъ человѣка“ (р. 161).

²⁾ By what means Capital or Stock contributes towards wealth is not so apparent (чѣмъ для земли и труда). *What is the nature of the profit of stock? and how does it originate?* are questions the answers to which do not immediately suggest themselves. They are, indeed, questions that have seldom been discussed by those who have treated on political economy; and important as they are, they seem nowhere to have received a satisfactory solution“ (р. 155). Я долженъ здѣсь замѣтить, что и *Лодердаль*, подобно *Смиту* и *Рикардо*, собственно процента на капиталъ не отдѣляетъ отъ предпринимательской прибыли, а обнимаетъ оба вида дохода названіемъ „profit.“

Называя *силу капитала, замѣняющую собою трудъ*, причиною прибыли на капиталъ, *Лодердалъ* ссылается на то же обстоятельство, которое мы согласились называть физической производительностью капитала, нѣсколько измѣнивъ лишь названіе. И, въ самомъ дѣлѣ, *Лодердалъ* самъ нѣсколько разъ опредѣленно называетъ капиталъ „производительнымъ“ и „производящимъ“¹⁾.

Но еще не затронуть главный вопросъ: какимъ образомъ на происхожденіе прибыли на капиталъ вліяетъ сила капитала, замѣняющая собою трудъ? На основаніи дальнѣйшихъ указаній, данныхъ по этому поводу *Лодердалемъ*, это происходитъ въ силу того, что собственникъ капитала имѣетъ возможность присвоить себѣ заработную плату рабочихъ, замѣщенныхъ капиталомъ, цѣликомъ или, по крайней мѣрѣ, отчасти.

„Допустимъ“, говоритъ *Лодердалъ* въ одномъ изъ многихъ примѣровъ, посредствомъ которыхъ онъ желаетъ доказать правильность своей теоріи²⁾, „что человекъ при помощи вязальной машины можетъ изготовить въ день три пары чулокъ, и что для того, чтобы изготовить то же количество чулокъ въ то же время и того же качества, необходимо шесть ручныхъ чулочниковъ: очевидно, что хозяинъ вязальной машины за изготовленіе трехъ паръ чулокъ можетъ требовать вознагражденія пяти ручныхъ чулочниковъ и можетъ получить таковое, такъ какъ потребитель, если онъ отдаетъ ему предпочтеніе передъ ручными чулочниками, все еще сбережетъ при покупкѣ чулокъ вознагражденіе одного чулочника“ (р. 165).

При этомъ *Лодердалъ* сейчасъ же старается опровергнуть возможное возражаніе. „Прибыль, получаемая обыкновенно собственникомъ машинъ, будучи незначительной сравнительно съ вознагражденіемъ за трудъ, замѣщенный машиной, можетъ возбудить сомнѣніе въ правильности этого взгляда. Существуютъ насосы, которые ежедневно выкачи-

¹⁾ Inquiry p.p. 172, 177, 205.

²⁾ *Лодердалъ* выводитъ свою теорію съ большимъ терпѣніемъ и основательностью для различныхъ видовъ примѣненія капитала. Онъ различаетъ при этомъ пять видовъ: постройку и примѣненіе машинъ, примѣненіе капитала во внутренней торговлѣ, примѣненіе капитала во внѣшней торговлѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ и въ „циркуляціи“, или обращеніи въ данной странѣ. Примѣръ, приведенный въ текстѣ, относится къ первому изъ пяти этихъ видовъ, подлежащихъ изслѣдованію. Я выбралъ этотъ примѣръ потому, что въ немъ нагляднѣе всего проявится та связь, которая, по мнѣнію *Лодердала*, существуетъ между прибылью на капиталъ и силой капитала, замѣщающей трудъ.

ваютъ изъ каменноугольныхъ копей больше воды, чѣмъ могли бы вынести на плечахъ триста человѣкъ; ... притомъ издержки, сопровождающія работу насоса, несомнѣнно значительно меньше, чѣмъ вознагражденіе рабочихъ, которыхъ замѣщаетъ насосъ. Это, конечно, справедливо по отношенію ко всѣмъ машинамъ“.

Но это явленіе—говоритъ *Лодердаль*— не должно насъ смущать. Оно является слѣдствіемъ того, что прибыль, получаемая при употребленіи машины, такъ же подчиняется универсальному регулятору цѣны—соотношенію между предложеніемъ и спросомъ. „Примѣръ патента или исключительной привилегіи на пользованіе машиной... освѣтитъ это еще лучше“.

„Если существуетъ такая привилегія на изобрѣтенную машину, которая при помощи труда одного человѣка совершаетъ работу, требовавшую для своего выполненія обыкновенно труда четырехъ человѣкъ, то вознагражденіе этихъ послѣднихъ, очевидно, будетъ служить мѣриломъ требованій (charge) собственника патента до тѣхъ поръ, пока дѣйствителенъ патентъ—въ виду того, что исключительная привилегія собственника машины на пользованіе таковой исключить возможность всякой конкуренціи при выполненіи этой работы, за исключеніемъ работы, выполняемой руками четырехъ человѣкъ; чтобы обезпечить своей машинѣ постоянную дѣятельность, собственникъ патента долженъ только требовать меньшаго вознагражденія, чѣмъ вознагражденіе за трудъ, замѣщенный машиной. Но истекаетъ срокъ патенту, является конкуренція другихъ машинъ того же рода—теперь требованія собственника машины должны подчиниться тому же принципу, что и все остальное, т. е. количеству машинъ или (что одно и то же) легкости приобрѣтенія таковыхъ въ зависимости отъ спроса“.

Этимъ *Лодердаль* считаетъ окончательно доказаннымъ то, что причина и источникъ прибыли на капиталъ дѣйствительно заключаются или въ сбереженіи труда или въ сбереженіи заработной платы.

Дѣйствительно ли является это доказательство удачнымъ? Дѣйствительно ли *Лодердаль* при помощи вышеизложеннаго вывода объяснилъ происхожденіе процента на капиталъ? Внимательный разборъ его аргументовъ немедленно заставитъ насъ дать отрицательный отвѣтъ.

Правда, отправная точка аргументаціи *Лодердаля* безупречна. Я согласенъ—мы будемъ разбирать этотъ вопросъ на примѣръ, выбранномъ самимъ *Лодердалемъ*,—что человѣкъ

при помощи машины можетъ изготовить столько же чулокъ, сколько шесть чулочниковъ безъ машины. Совершенно вѣрно и то, что собственникъ машины можетъ требовать за ежедневную работу таковой вознагражденія пяти чулочниковъ въ случаѣ монополіи машины, а въ случаѣ неограниченной конкуренціи, конечно, соотвѣтственно меньше, при чемъ, послѣ вычета заработной платы человѣка, обслуживающаго машину, на долю собственника машины ежедневно выпадетъ еще заработная плата четырехъ человѣкъ—при свободѣ конкуренціи опять-таки соотвѣтственно меньше, но все же извѣстная сумма останется. Такимъ образомъ, дѣйствительно доказано, что капиталистъ получаетъ нѣкоторую долю цѣнности.

Но эта доля капиталиста, существованіе которой дѣйствительно доказано *Лодердалемъ*, представляетъ собою не чистый процентъ на капиталъ, подлежащій объясненію, не profit, а только валовую вырѣчку отъ пользованія капиталомъ. Заработная плата пяти человѣкъ, присваиваемая капиталистомъ, или—правильнѣе—заработная плата четырехъ человѣкъ, выпадающая собственно на его долю, послѣ вычета заработной платы человѣка, обслуживающаго машину, представляетъ собой валовой доходъ, получаемый при помощи машины. Чтобы получить содержащуюся въ послѣднемъ чистую прибыль, надо, очевидно, еще вычесть изъ этой суммы амортизаціонную долю машины. *Лодердаль*, который въ своемъ доказательствѣ постоянно имѣетъ въ виду „profit“, или не обратилъ вниманія на это обстоятельство и смѣшиваетъ поэтому валовой процентъ съ чистымъ, или же считалъ очевиднымъ, что, послѣ вычета амортизаціонной доли капитала изъ валового дохода, долженъ получиться нѣкоторый остатокъ—чистая прибыль. Если вѣрно первое предположеніе, то *Лодердаль* впалъ въ явную ошибку; если вѣрно второе, то онъ безъ всякихъ доказательствъ постулируетъ то, что какъ разъ труднѣе всего доказать, даже болѣе, то, что только и составляетъ предметъ затрудненія, а именно то, что и почему, послѣ вычета субстанции затраченнаго капитала изъ валового дохода на таковой, должна остаться еще нѣкоторая прибавочная цѣнность; въ этомъ какъ разъ и заключается центръ тяжести проблемы процента на капиталъ.

Для болѣе рельефной иллюстраціи при помощи цифровыхъ данныхъ того обстоятельства, вокругъ котораго все вращается, допустимъ, что ежедневная заработная плата рабочаго равняется одному гульдону, и что машина можетъ просуществовать годъ до окончательной негодности. Въ

такомъ случаѣ валовое пользованіе машиной будетъ приносить ежегодно 4×365 , т. е. 1460 гульденовъ; чтобы получить содержащейся въ этой суммѣ чистый процентъ, нужно, очевидно, изъ этой суммы вычесть всю цѣнность капитала—машины, совершенно сношенной въ теченіе года. Какъ велика же эта цѣнность капитала?—Очевидно, въ этомъ вопросѣ и заключается вся суть. Если цѣнность капитала меньше 1460 гульденовъ, то остается чистый процентъ, если она равняется или же больше 1460 гульденовъ, то не можетъ быть никакой прибыли.

Относительно этого рѣшающаго обстоятельства *Лодердалъ* не только не даетъ никакихъ доказательствъ, но не дѣлаетъ даже никакихъ предположеній. Въ его теоріи нѣтъ ни одного мѣста, которое исключало бы возможность предположить, что цѣнность капитала—машины можетъ достигъ всей суммы въ 1460 гульденовъ. Напротивъ, если мы вмѣстѣ съ *Лодердалемъ* будемъ смотрѣть на машину, какъ на предметъ монополіи, то мы съ извѣстнымъ правомъ можемъ предположить, что цѣна машины очень велика. Опытъ, конечно, говоритъ намъ, что машины, и вообще капиталъ, не могутъ стоить столько, сколько даютъ, какъ бы высоко ни поднималась ихъ монополющая цѣна. Но это говоритъ только опытъ, а не *Лодердалъ*; послѣдній совершенно не объясняетъ этого факта, наблюдаемаго на опытѣ, и поэтому онъ не затрагиваетъ даже центральной идеи проблемы процента.

Въ томъ видоизмѣненіи примѣра, въ которомъ *Лодердалъ* предполагаетъ полную свободу конкуренціи, мы, конечно, могли бы предположить, что цѣнность машины опредѣляется, по крайней мѣрѣ условно, величиною издержекъ производства. Но зато въ этомъ случаѣ колеблется второй рѣшающій факторъ — величина валового пользованія. Если, на примѣръ, величина издержекъ, а, слѣдовательно, и предполагаемая цѣнность машины равняется ста гульденамъ, то полученіе чистаго процента будетъ зависѣть отъ того, превышаетъ ли ежедневное валовое пользованіе машиной $100/365$ гульдена или нѣтъ. Превышаетъ ли оно эту норму? Относительно этого *Лодердалъ* ограничивается замѣчаніемъ, что требованія капиталиста „должны подчиниться тому же принципу, что и все остальное“, т. е. соотношенію между предположеніемъ и спросомъ. Другими словами, онъ не говоритъ намъ ничего.

А объ этомъ слѣдовало бы говорить и притомъ не только говорить, но и доказать сказанное. Дѣло въ томъ, что ни въ коемъ случаѣ нельзя считать очевиднымъ, будто бы ва-

ловое пользованіе больше цѣнности машины, которая въ силу свободы конкуренціи понизилась до уровня издержекъ производства. Напротивъ, если въ пользованіи машиной существуетъ полная свобода конкуренціи, то послѣдняя влияетъ также на цѣнность *продуктовъ*, въ данномъ случаѣ на цѣнность чулокъ, и уменьшаетъ, такимъ образомъ, валовой доходъ отъ машинъ. До тѣхъ поръ, пока машина приноситъ больше, чѣмъ стоила, предприниматель получаетъ прибыль, и существованіе послѣдней, какъ и слѣдовало бы ожидать, будетъ служить импульсомъ къ дальнѣйшему распространенію машинъ, пока въ концѣ концовъ, благодаря все болѣе и болѣе усиливающейся конкуренціи, эта специальная прибыль не исчезнетъ совершенно. А почему конкуренція должна остановиться раньше? Почему, на примѣръ, она должна остановиться уже тогда, когда валовое пользованіе машиной, стоящей сто гульденовъ, понизится до 110 или до 105 гульденовъ, такъ что оно все еще будетъ давать чистый процентъ въ 10 или въ 5 %? Этотъ вопросъ требуетъ основательнаго объясненія, а *Лодердаль* не привелъ ни одного слова для его доказательства.

Такимъ образомъ, объясненіе *Лодердаля* не достигло своей цѣли. На дѣлѣ *Лодердаль* объяснилъ только то, что вовсе не нуждалось въ объясненіи, а именно то, что капиталъ даетъ валовой процентъ, валовую выручку. А того, что непременно должно было быть объяснено, т. е., что отъ валовой выручки получается всегда чистая выручка, остается по-прежнему туманнымъ.

Нашъ взглядъ едва ли измѣнитъ доказательство отъ противнаго, которымъ *Лодердаль* хочетъ подтвердить вѣрность своей теоріи, и которому онъ приписываетъ большое значеніе. Онъ доказываетъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда машина не сберегаетъ труда, когда, на примѣръ, машина требуетъ трехъ дней для изготовленія пары чулокъ, между тѣмъ какъ ручной чулочникъ выполнить ту же работу въ два рабочихъ дня, „profit“ не существуетъ. По мнѣнію *Лодердаля*, это является яснымъ доказательствомъ того, что „profit“ дѣйствительно является слѣдствіемъ силы капитала, замѣщающей трудъ (р. 164 и сл.).

Это доказательство слабо. Оно, конечно, доказываетъ, что сила машины, замѣщающая трудъ, представляетъ собою необходимое условіе „profit“; это, впрочемъ, разумѣется само собою, такъ какъ безъ этого качества машина не обладала бы свойствомъ полезности и даже не представляла бы собою блага. Но это сужденіе ни въ коемъ случаѣ не доказы-

ваетъ того, что процентъ вполнѣ объясняется этой силой. При помощи аналогичнаго доказательства отъ противнаго *Лодердаль* могъ бы доказать справедливость прямо противоположной теоріи, а именно, что прибыль на капиталъ является слѣдствіемъ *дѣятельности человека*, обслуживающаго машину. Если никто не обслуживаетъ машины, то машина бездѣйствуетъ, а если она бездѣйствуетъ, то она не даетъ и прибыли. Отсюда—рабочій создаетъ прибыль на капиталъ.

Я нарочно представилъ съ большей точностью всѣ ошибки, къ которымъ ведетъ ходъ доказательства *Лодердаля*, такъ какъ моя критика относится не къ одному только *Лодердалю*; она относится ко всѣмъ тѣмъ, кто, при объясненіи процента на капиталъ производительностью послѣдняго, впалъ въ ту же ошибку, что и *Лодердаль*. И мы увидимъ, что число тѣхъ писателей, критику которыхъ я далъ здѣсь а priori, отнюдь не мало, и что среди нихъ найдется не одно славное имя.

Перваго извѣстнаго, но не вполнѣ опредѣленнаго послѣдователя *Лодердаля* нашелъ въ *Мальтусъ* ¹⁾.

Какъ извѣстный сторонникъ точныхъ опредѣленій, *Мальтусъ* тщательно установилъ и природу прибыли на капиталъ: „прибыль на капиталъ заключается въ разности между цѣнностью затраты, необходимой для производства блага, и между цѣнностью готоваго продукта“ (р. 293). „Доля прибыли“ — продолжаетъ онъ съ большей точностью, чѣмъ благозвучіемъ — „представляетъ собою отношеніе разности цѣнности затраты (advances) и цѣнности готоваго продукта къ цѣнности затраты; эта доля измѣняется съ измѣненіемъ цѣнности затраты относительно цѣнности продукта“ (р. 294).

Послѣ такихъ словъ можно было бы задать вопросъ, почему вообще должна существовать такая разность между цѣнностью затраты и цѣнностью продукта. Къ сожалѣнію, *Мальтусъ* не доходитъ до опредѣленной постановки этого вопроса. Онъ обращаетъ все свое вниманіе на изслѣдованіе величины процента на капиталъ и удѣляетъ вопросу объ его происхожденіи лишь нѣсколько скудныхъ замѣчаній.

Въ самомъ обстоятельномъ изъ этихъ замѣчаній *Мальтусъ* указываетъ на производительность капитала, подобно тому, какъ это сдѣлалъ до него *Лодердаль*. Благодаря затратѣ капитала — орудій, средствъ къ жизни и сырого матеріала — даютъ рабочему возможность произвести въ восемь

¹⁾ Principles of Political Economy, London 1820.

или десять разъ больше, чѣмъ онъ могъ бы произвести безъ такового. На первый взглядъ это какъ будто даетъ капиталисту право присвоить себѣ всю разность между результатами труда рабочихъ, не получившихъ такой помощи, и рабочихъ, получившихъ ее. Но увеличеніе производительности труда влечетъ за собою увеличеніе предложенаго продуктовъ, которое, въ свою очередь, влечетъ за собою паденіе цѣнъ таковыхъ. Вслѣдствіе этого вскорѣ должно уменьшиться и вознагражденіе за капиталъ и уменьшиться до уровня, „необходимаго для того, чтобы, при данномъ состояніи общества, еще можно было вынести на рынокъ продуктъ, въ производствѣ котораго принималъ участіе капиталъ“. Заработная плата останется при этомъ почти неизмѣнной, такъ какъ напряженіе и ловкость рабочихъ останутся почти такими же, какими они были до примѣненія капитала. „Поэтому“ — продолжаетъ *Мальтусъ*, выясняя свою точку зрѣнія при помощи полемическаго замѣчанія, — „не совсѣмъ вѣрно считать прибыль на капиталъ вычетомъ изъ продукта труда, какъ это дѣлаетъ *Адамъ Смитъ*. Прибыль на капиталъ является только справедливымъ вознагражденіемъ за предоставленный капиталистомъ капиталъ“. ¹⁾

Въ этомъ разсужденіи нетрудно уловить основныя мысли теоріи производительности *Лодердалля*, которыя только излагаются въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и съ меньшей точностью. Только одна черта указываетъ на другое направленіе: это, хотя, впрочемъ, только слегка затронутое замѣчаніе, что при натискѣ конкуренціи всегда должна остаться доля капиталиста, т. е. столько, „сколько необходимо для того, чтобы можно было вынести на рынокъ продуктъ, въ производствѣ котораго принималъ участіе капиталъ“. *Мальтусъ* даже не считаетъ нужнымъ мотивировать эту особенность ни однимъ словомъ. Но уже то, что онъ вообще высказываетъ эту мысль, свидѣтельствуетъ о томъ, что, на его взглядъ, въ образованіи прибыли на капиталъ принимаетъ участіе на ряду съ производительностью капитала еще какая-то сила.

Еще ярче эта мысль проявляется въ томъ, что *Мальтусъ* открыто называетъ прибыль на капиталъ *составной частью издержекъ производства*. ²⁾

Опредѣленная формулировка этого взгляда, къ которому

¹⁾ Principles p. 80 и сл.

²⁾ Principles p. 84 и много другихъ; Definitions in Political Economy, № 40 и 41.

клонились уже *Смитъ* и *Рикардо*, хотя точно его и не формулировали ¹⁾, представляет собою весьма важное литературное событіе. Это событіе вызвало очень интересный споръ, который съ большимъ оживленіемъ велся въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, первоначально только въ англійской литературѣ, а потомъ и въ другихъ, споръ, который косвенно очень содѣйствовалъ развитію теоріи процента на капиталъ. Въ виду того, что споръ шелъ о томъ, входитъ ли прибыль на капиталъ въ составъ издержекъ производства или нѣтъ, неизбѣжно должна была появиться необходимость болѣе точно изслѣдовать природу и происхожденіе таковой.

Отношеніе теоретика къ тому взгляду, что процентъ на капиталъ представляет собою составную часть издержекъ производства, должно быть существенно инымъ, чѣмъ отношеніе историка теоріи. Теоретикъ будетъ считать эту мысль глубокоимъ заблужденіемъ; таковъ, напримѣръ, взглядъ современника *Мальтуса*, *Торренса* ²⁾, и въ послѣднее время *Пирсторфа*, который отзывался объ этой мысли очень рѣзко, по моему, слишкомъ даже рѣзко. ³⁾ Для теоретика прибыль на капиталъ представляет собою не жертву, необходимую въ производствѣ, а долю его плодовъ. Называть прибыль жертвой можно было только вслѣдствіе грубаго смѣшенія двухъ различныхъ точекъ зрѣнія—народо-хозяйственной и частно-хозяйственной, т. е. точки зрѣнія отдѣльнаго предпринимателя, который, конечно, считаетъ уплату процентовъ за взятый имъ въ ссуду необходимый капиталъ жертвой. Но въ этой неудачной формулировкѣ все же заключается важная, возвышающаяся надъ неудовлетворительной теоріей производительности мысль, которую, очевидно, имѣлъ въ виду *Мальтусъ*, а именно мысль, что жертвы производства не исчерпываются трудомъ, который тратится на производство, отчасти посредственно, будучи осуществленнымъ въ субстанціи капитала, отчасти же непосредственно, и что на ряду съ этой жертвой требуется еще

¹⁾ Извѣстное примѣчаніе, находящееся въ концѣ VI-го отд. I-ой главы „Principles“ *Рикардо* (р. 30 въ изданіи 1871 г.), иногда наводило на мысль, будто уже *Рикардо* опредѣленно высказалъ этотъ взглядъ. Однако, дѣло обстоитъ не такъ. Въ этомъ мѣстѣ онъ цитируетъ только *Мальтуса*, который въ самомъ дѣлѣ высказалъ этотъ взглядъ. См. *Wollemborg*, Intorno al costo relative di produzione. Bologna 1882 р. 26 и сл.

²⁾ См. выше стр. 119 и сл.

³⁾ Lehre vom Unternehmergewinn, стр. 24.

спеціальная жертва со стороны капиталиста, которая также должна вознаграждаться. *Мальтусъ* не былъ еще въ состояннн точно опредѣлить природу этой жертвы. Тѣмъ не менѣе въ своеобразномъ опредѣленнн прибыли на капиталъ, какъ составной частн издержекъ, историкъ теорнн найдетъ интересннй переходъ отъ первыхъ намековъ *Адама Смита*, что капиталистъ долженъ получать прибыль, потому что въ противномъ случаѣ не было бы въ его интересахъ накапливать капиталъ, къ болѣе точнымъ теорнямъ: *Сэ*, считающаго жертвой, требующей вознагражденн, и составной частн издержекъ—*services productifs*, *Германна*, считающаго такими „пользованн капиталомъ“, и, въ особенности, *Сенюра*, выдвигающаго „воздержанн“ капиталиста. У *Мальтуса*, конечно, зачатки этихъ ученн еще такъ слабы, что не въ состояннн еще одержать верхъ надъ болѣе грубымъ объясненнмъ, которое онъ, по примѣру *Лодердала*, основываетъ на производительности капитала.

Изъ разсужденн *Мальтуса* о величинѣ прибыли на капиталъ (р. 294 и сл.) видно, что ни одно изъ этихъ объясненн не вошло въ кровь и плоть автора. Было бы естественно выводить величину процента на капиталъ изъ стеченн тѣхъ же силъ, которыя вообще вызываютъ явленн процента; между тѣмъ *Мальтусъ* объясняетъ такую влннн совершенно разнородныхъ факторовъ, а именно — величины заработной платы, съ одной стороны, и цѣны продуктовъ, съ другой. При этомъ онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Прибыль представляетъ собою разность между цѣнностью авансируемыхъ издержекъ и цѣнностью продукта. Слѣдовательно, прибыль будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше авансируемая издержки, и чѣмъ больше цѣнность продукта. А такъ какъ наибольшую и самую существенную часть авансируемыхъ издержекъ составляетъ заработная плата, то причинами, опредѣляющими величину прибыли, являются, съ одной стороны, величина заработной платы, а, съ другой, цѣна продукта.

Какъ бы это объясненн ни казалось логичнымъ, тѣмъ не менѣе оно не вникаетъ въ суть дѣла; это не трудно показать. Я позволю себѣ привести сравненн. Допустимъ, что требуется найти причины, опредѣляющн величину разстоянн между лодкой поднявшагося на воздухъ воздушнаго шара и этимъ послѣднимъ. На первый взглядъ уже ясно, что эту причину надо искать въ длинѣ каната, соединяющаго лодку съ шаромъ. Но что мы сказали бы, если бы кто-либо сталъ вести изслѣдованн такимъ образомъ: „разстоянн равно

разности между абсолютными высотами шара и лодки; следовательно, все то, что увеличивает абсолютную высоту поднятия шара и уменьшает абсолютную высоту поднятия лодки, увеличивает также и искомое разстояние, и, наоборот, все то, что уменьшает абсолютную высоту поднятия шара и увеличивает абсолютную высоту поднятия лодки, уменьшает это разстояние“. И вотъ объясняющій приводитъ для поясненія всевозможные моменты, которые могли бы повліять на абсолютное поднятіе шара и лодки—плотность воздуха, вѣсъ оболочки шара и лодки, число лицъ въ лодкѣ, легкость газа, наполняющаго шаръ, и т. д.—однимъ словомъ, все. только не длину каната, соединяющаго шаръ съ лодкой!

Совершенно такъ же поступаетъ и *Мальтусъ*. Онъ на многихъ страницахъ изслѣдуетъ причины, почему заработная плата велика или мала; онъ неумоимо полемизируетъ съ *Рикардо*, что трудность или легкость обработки земли не представляетъ собою единственной причины высокой или низкой заработной платы, такъ какъ на нее вліяетъ также и количество капитала, который затрачивается на спросъ на трудъ; онъ такъ же неустанно утверждаетъ, что соотношеніе между предложеніемъ продуктовъ и спросомъ на нихъ, повышая или понижая цѣны послѣднихъ, является причиной высокой или низкой прибыли на капиталъ; но онъ упускаетъ изъ вида самый простой вопросъ, отъ котораго все зависитъ: какая сила *препятствуетъ заработной платѣ подняться до уровня цѣны* продукта? Какая сила устанавливаетъ разность между этими двумя факторами, независимо отъ абсолютнаго ихъ уровня, разность, представляющую собою прибыль на капиталъ?

Только поверхностно. поверхностнѣе даже, чѣмъ это дѣлаетъ въ аналогичномъ случаѣ *Рикардо*, *Мальтусъ* намекаетъ на существованіе такой силы въ замѣчаніи, что постепенное паденіе нормы прибыли въ концѣ концовъ должно приостановить ¹⁾ „возможность и желаніе накапливать капиталъ“. Но онъ такъ же, какъ и *Рикардо*, не сумѣлъ использовать этотъ элементъ для объясненія величины прибыли.

Наконецъ, совершенно неубѣдительнымъ становится объясненіе *Мальтуса* потому, что онъ не сумѣлъ найти болѣе содержательнаго аргумента, чѣмъ соотношеніе предложенія и спроса для одного изъ, на его взглядъ, рѣшающихъ фак-

¹⁾ О с. р. 303; аналогично р. 299 и др.

торовъ, а именно, для величины цѣнъ продукта ¹⁾. Вслѣдствіе этого нельзя опровергнуть взгляда *Мальтуса*, но его объясненіе теряетъ всякое значеніе. Само собою разумѣется, что на величину процента вліяетъ соотношеніе предложенія извѣстныхъ благъ и спроса на нихъ, разъ самый процентъ представляетъ собою цѣну или разность цѣнъ ²⁾.

Послѣ *Мальтуса* теорія производительности капитала обрабатывалась въ Англіи только еще *Ридомъ* ³⁾, который, однако, соединилъ ее съ другими теоріями; поэтому мы встрѣтимся съ нимъ потомъ между эклектиками. Зато мы находимъ аналогичные взгляды нѣсколько позже въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ сѣверо-американскихъ писателей, особенно у *Генри Кэри* и *Пешина Смита*.

Въ нашемъ запутанномъ вопросѣ теорія *Кэри* ⁴⁾ является одной изъ самыхъ запутанныхъ. Взгляды, высказанные имъ по поводу процента на капиталъ, представляютъ собою вереницу неимовѣрно грубыхъ и поверхностныхъ ошибокъ, такъ что трудно понять, какимъ образомъ такія ошибки могли пользоваться когда-либо уваженіемъ въ научномъ мірѣ. Я бы не высказалъ своего мнѣнія въ такой рѣзкой формѣ, если бы теорія процента *Кэри* и въ настоящее время ⁵⁾ не пользовалась у многихъ уваженіемъ, которое я считаю весьма неумѣстнымъ. Она принадлежитъ къ тѣмъ теоріямъ, которыя, на мой взглядъ, дискредитируетъ не только автора, но и науку, легковѣрно принявшую таковую: не потому, что она ошибается вообще, а потому, что ошибки, въ которыя она впадаетъ, непростительны. О томъ, сужу ли я слишкомъ строго, читатели сами могутъ убѣдиться на основаніи нижеслѣдующаго.

Кэри не далъ отвлеченный формулировки своихъ взглядовъ на происхожденіе процента на капиталъ. Онъ вообще

¹⁾ „ . . . the latter case. . . shews at once how much profits depend upon the prices of commodities and upon the cause which determines these prices, namely the supply compared with the demand“ (p. 334).

²⁾ Я считаю себя въ правѣ обойти молчаніемъ детали длиннаго и неудачнаго возраженія *Мальтуса* противъ теоріи процента *Рикардо*. Въ немъ много слабыхъ мѣстъ. Кто хочетъ найти подробный разборъ этого возраженія, тотъ можетъ найти его у *Пирсторфа*, о. с. стр. 23 и сл.

³⁾ An inquiry into the natural grounds of right to vendible property or Wealth, Edinburgh 1829.

⁴⁾ Главное его сочиненіе Principles of social science, 1858 г. Я цитирую по нѣмецкому переводу *Адлера* „Grundlagen der Socialwissenschaft“, Мюнхень 1863 г.

⁵⁾ Написано въ 1888-омъ году.

любить выводить объясненія хозяйственныхъ явленій изъ примѣровъ первобытныхъ условій жизни *Робинзона*; и по поводу нашей проблемы онъ только рисуетъ картину происхожденія процента на капиталъ, при чемъ его взгляды на причины даннаго явленія отражаются только въ нѣкоторыхъ характерныхъ чертахъ, служащихъ декорацией этого явленія. На основаніи такихъ картинъ мы должны составить себѣ представленіе о теоріи *Кэри*.

Кэри разсматриваетъ нашъ вопросъ ex professo въ 41-ой главѣ своихъ „Основныхъ понятій“, озаглавленныхъ „заработная плата, прибыль и процентъ“. Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ мы находимъ въ § 1-омъ этой главы слѣдующую картину:

„*Пятница* не имѣлъ лодки и не достигъ еще умственнаго развитія, необходимаго для производства этого орудія. Если бы *Крузо* имѣлъ лодку, а *Пятница* хотѣлъ бы ее получить у него, то первый, навѣрно, сказалъ бы ему: „На нѣкоторомъ разстояніи отъ берега находится много рыбъ, у самаго же берега ихъ мало. Если ты будешь трудиться безъ помощи моей лодки, то, несмотря на всѣ твои усилія, ты съ трудомъ только найдешь себѣ пищу, необходимую для поддержанія жизни; съ помощью же лодки ты за половину этого времени поймашь столько рыбъ, сколько нужно намъ обоимъ. Поэтому дай мнѣ три четверти всѣхъ рыбъ, которыя ты поймашь, а остальные я уступаю тебѣ за твой трудъ. Это дастъ тебѣ возможность заготовить большой запасъ пищи; къ тому же у тебя останется много свободного времени, которое ты можешь употребить на улучшение жилища и одежды“. Какъ бы жестоки ни были на первый взглядъ эти условія, — *Пятница* все же принялъ бы это предложеніе и извлекъ бы прибыль изъ капитала *Крузо*, несмотря на то, что онъ долженъ былъ дорого заплатить за пользованіе таковымъ“¹⁾.

До сихъ поръ, какъ мы видимъ, теорія *Кэри* представляетъ собою довольно точную копию съ теоріи *Лодердалля*. *Кэри*, подобно *Лодердаллю*, исходитъ изъ того, что капиталъ является причиной увеличенія продукта. Вслѣдствіе этого капиталистъ получаетъ нѣкоторое вознагражденіе за предоставленное имъ пользованіе капиталомъ, и это вознагражденіе—какъ это видно изъ многихъ мѣстъ—*Кэри*, какъ и *Лодердалль*, не задумываясь, отождествляетъ съ объясняемымъ имъ процентомъ на капиталъ, между тѣмъ какъ это вознагра-

¹⁾ Ш. 128; въ томъ же духѣ I, 193.

гражденеі представляет собою, очевидно, только *валовой доходъ* на капиталъ.

То обстоятельство, что *Кэри*, въ противоположность *Лодердалю*, называетъ капиталъ не самостоятельнымъ факторомъ производства, а только *орудіемъ* ¹⁾, не существенно: существенная черта, что онъ считаетъ увеличеніе продукта, вызванное примѣненіемъ капитала въ производствѣ, причиной процента на капиталъ, все-же остается

Лодердаля можно упрекнуть только въ смѣшеніи валового пользованія съ чистымъ; между тѣмъ *Кэри* смѣшиваетъ цѣлый рядъ понятій. Онъ смѣшиваетъ не только валовое пользованіе съ чистымъ, но смѣшиваетъ также оба эти понятія съ самымъ капиталомъ. Онъ дѣлаетъ это не случайно, а принципиально: онъ вполнѣ сознательно отождествляетъ причины высокаго или низкаго *процента на капиталъ* съ причинами высокой или низкой *цѣнности самого капитала*, причѣмъ онъ прямо-таки объясняетъ величину процентной нормы величиной цѣнности самого капитала.

Это необыкновенное смѣшеніе понятій наблюдается вездѣ, гдѣ *Кэри* говоритъ о процентѣ на капиталъ. Для изложенія его разсужденій я пользуюсь, главнымъ образомъ, VI-ой главой (о цѣнности) и XLI-ой (о заработной платѣ, прибыли и процентѣ), въ которыхъ *Кэри* высказывается по нашему вопросу наиболѣе подробно и послѣдовательно.

По извѣстной теоріи цѣнности *Кэри* мѣриломъ цѣнности всѣхъ благъ является величина издержекъ, необходимыхъ для ихъ воспроизводства. Прогрессъ хозяйственнаго развитія не представляет собою ничего иного, какъ расширеніе власти человѣка надъ природой; этотъ прогрессъ и даетъ человѣку возможность производить необходимыя блага со все меньшими издержками. Это относится, между прочимъ, и къ тѣмъ орудіямъ, которыя составляютъ капиталъ человѣка; слѣдовательно, цѣнность капитала имѣетъ тенденцію все больше и больше падать съ развитіемъ культуры. „Количество труда, необходимаго для воспроизводства даннаго капитала и для дальнѣйшаго увеличенія его размѣровъ, уменьшается съ каждой стадіей прогресса. Цѣнность раньше образованныхъ капиталовъ постоянно падаетъ; въ зависимости отъ этого такъ же постоянно возрастаетъ и цѣнность труда“ ²⁾.

На ряду съ паденіемъ цѣнности капитала и какъ слѣдствіе такого паденія, происходитъ и паденіе цѣны за поль-

1) III, 47, 78 и много др.

2) III, p. 130. Въ томъ же духѣ томъ I, гл. VI, passim.

зованіе имъ. Этой мысли *Кэри* собственно не доказывалъ,— онъее, повидимому, считаетъ очевидной, что, собственно говоря, и вѣрно—онъ, не задумываясь, прямо включаетъ ее въ картину хозяйственнаго развитія *Робинзона*. Онъ рассказываетъ, что собственникъ перваго топора могъ бы требовать за временную уступку такого въ вознагражденіе больше половины дровъ, которое можно срубить за данное время при помощи этого орудія, между тѣмъ какъ съ теченіемъ времени, когда за меньшую цѣну можно пріобрѣсти лучшіе топоры, и за пользованіе ими платятъ сравнительно меньшую цѣну ¹⁾).

На этихъ предпосылкахъ *Кэри* и строить свой великій законъ процента на капиталъ. Законъ этотъ гласитъ: съ развитіемъ хозяйственной культуры *падаетъ относительная величина прибыли на капиталъ, т. е. процентная норма, и возрастаетъ абсолютная величина прибыли на капиталъ*. Ходъ мыслей, посредствомъ котораго *Кэри* доходитъ до этого закона, мы сможемъ правильно оцѣнить только тогда, когда мы познакоимся съ дословнымъ содержаніемъ соответствующихъ разсужденій. Читатель проститъ мнѣ нѣсколько длинную цитату, которую дословно воспроизведу:

„Какъ бы малъ ни былъ трудъ, который можно было выполнить при помощи каменнаго топора, все же значеніе службы послѣдняго было очень велико для собственника. Поэтому для него было ясно, что человекъ, которому онъ уступалъ свой топоръ, долженъ былъ платить большую цѣну за *пользованіе* топоромъ. А тотъ, со своей стороны, понятно, могъ также платить эту цѣну. Такъ какъ при помощи топора въ теченіе дня онъ срубилъ больше дровъ, чѣмъ срубилъ бы въ теченіе мѣсяца безъ топора, то, благодаря помощи послѣдняго, онъ все-таки остался бы еще въ выигрышѣ, даже если бы ему досталась только десятая часть *продукта* его *труда*. Если же ему будетъ разрѣшено взять себѣ четвертую часть, то его вознагражденіе замѣтно возрастетъ, несмотря на значительную *долю*, которую присваиваетъ себѣ его *сосѣдь-капиталистъ* въ видѣ *прибыли*“.

„Топоръ изъ грубой руды, который стали выдѣлывать впослѣдствіи, оказывается болѣе полезнымъ и, представляя другому пользованіе имъ, собственникъ такого топора долженъ теперь принятъ во вниманіе то обстоятельство, что не только значительно возросла производительность труда, но что одновременно значительно уменьшилось и *количество*

¹⁾ I. 193 и ин. др.

труда, необходимое для производства топора, что, слѣдовательно, уменьшилась власть капитала надъ трудомъ, а возросло значеніе труда для воспроизводства капитала. Поэтому онъ уже не требуетъ больше двухъ третей цѣны болѣе производительнаго орудія... Если согласиться съ этимъ, то результатъ прежняго распредѣленія по отношенію къ позднѣйшему представится въ слѣдующемъ видѣ:

	валовая вы- ручка.	доля рабо- чаго.	доля капи- листа.
Первое распредѣленіе . . .	4	1	3
Второе " . . .	8	2,66	5,33

„Затѣмъ слѣдуетъ топоръ изъ желѣза, и необходимо новое распредѣленіе, такъ какъ опять уменьшились издержки воспроизводства, а увеличилась доля труда по отношенію къ капиталу. Новымъ орудіемъ можно колоть вдвое больше дровъ, чѣмъ топоромъ изъ сырца; тѣмъ не менѣе собственникъ долженъ довольствоваться половиной *продукта*. Слѣдующія цифры даютъ намъ возможность сравнить распредѣленіе продуктовъ въ различныхъ случаяхъ.

	валовая вы- ручка.	рабочій.	капита- листъ.
Первое распредѣленіе . .	4	1	3
второе " . .	8	2,66	5,33
третье " . .	16	8	8

„Топоръ изъ желѣза и стали, являющійся еще позже, опять удваиваетъ выручку и еще больше уменьшаетъ издержки воспроизводства; и теперь капиталистъ долженъ довольствоваться меньшей долей, и распредѣленіе представится въ слѣдующемъ видѣ:

четвертое распредѣленіе . .	32	19,20	12,80
-----------------------------	----	-------	-------

„Доля рабочаго въ распредѣленіи увеличилась, а такъ какъ значительно увеличилась и *валовая выручка*, то значительно возросло также и количество достающихся рабочему продуктовъ. Относительная доля капиталиста, правда, пала, но такъ какъ значительно возросла валовая выручка, то это паденіе относительной доли капиталиста сопровождается значительнымъ увеличеніемъ количества продуктовъ. Такимъ образомъ и капиталистъ и рабочій извлекаютъ большую прибыль, благодаря введеннымъ улучшениямъ. Каждый дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи будетъ сопровождаться такими результатами: съ увеличеніемъ производительности труда увеличивается доля рабочаго, и *уменьшается доля капиталиста*, при чемъ постоянно увеличивается количество

продуктовъ, и усиливается тенденція къ приравненію долей различныхъ элементовъ, составляющихъ общество“.

Такъ гласитъ великій законъ, регулирующій распределе-
ніе продуктовъ труда. Изъ всѣхъ законовъ, выдвинутыхъ наукой, это, можетъ быть, самый прекрасный законъ, такъ какъ онъ устанавливаетъ полную гармонию реальныхъ существенныхъ интересовъ различныхъ классовъ общества“¹⁾).

Я попрошу теперь читателя остановиться минуту на этомъ мѣстѣ цитаты для того, чтобы точно опредѣлить, что собственно *Кэри* до сихъ поръ установилъ, и что онъ болѣе или менѣе ясно представилъ, хотя строго и не доказалъ. Предметомъ изслѣдованія *Кэри* была цѣна, которую платятъ за уступку употребленія топора,—т. е. наемная плата. Величина наемной платы сравнивалась съ величиной *валовой выручки, которую рабочий можетъ произвести при помощи топора*. Результатъ послѣдовательныхъ сравненій сводится къ тому, что съ развитіемъ культуры наемная плата за капиталъ является все меньшей и меньшей долей *упомянутой валовой выручки*. Въ этомъ, и только въ этомъ заключается суть закона, установленнаго и доказаннаго *Кэри*, закона, который въ сокращенномъ видѣ онъ любитъ обозначать словами: „доля капиталиста падаетъ“.

Но послушаемъ-те, что говоритъ *Кэри* дальше.

„Послѣ нѣкотораго размышленія читатель убѣдится, что законъ, установленный здѣсь относительно выручки отъ капитала, затраченнаго на топоръ, справедливъ также и для всякаго другого вида капитала“.

Кэри прежде всего доказываетъ вѣрность этого закона на паденіи наемной платы за старые дома—по поводу чего нельзя сказать ничего особеннаго—и продолжаетъ: „Точно такъ же дѣло обстоитъ съ деньгами. *Брутъ* бралъ чуть ли не 50% за пользованіе деньгами, а во времена *Генриха VIII* разрѣшалось заимодавцамъ не больше 10%. Съ тѣхъ поръ процентъ постоянно падалъ, и 4% сдѣлались въ Англии до того общей *процентной нормой*, что собственность опредѣляется, какъ рента, взимаемая въ теченіе двадцати пяти лѣтъ; несмотря, однако, на это, силы человѣка возросли до того, что нынѣшній собственникъ одной двадцать пятой части можетъ получить на эту сумму вдвое больше удовольствій и удобствъ, чѣмъ его предшественники могли получить за одну десятую часть Въ этомъ паденіи доли, взимаемой за пользованіе капиталомъ, мы видимъ самое убѣдительное доказа-

¹⁾ III, 131—133.

тельство высшаго „состоянія челоѣческаго общества“ (III, 135).

Этими словами *Кэри* неожиданно сдѣлалъ смѣлый поворотъ. Онъ вдругъ дѣлаетъ видъ, будто раньше выведенное доказательство относилось къ *процентной нормѣ*, и съ тѣхъ поръ все время считаетъ доказаннымъ, что паденіе *цѣнности капитала* влечетъ за собою паденіе *процентной нормы*¹⁾.

Этотъ поворотъ представляетъ собою необыкновенно грубую подтасовку понятій. Во всемъ предыдущемъ ходѣ доказательства процентная норма даже не упоминается, не говоря уже объ объясненіи таковой. Для того, чтобы все-таки свои разсужденія отнести къ процентной нормѣ, *Кэри* долженъ былъ допустить двойное искаженіе смысла понятій: съ одной стороны, понятія „пользованіе“, съ другой, понятія „доля“.

Во всемъ ходѣ доказательства онъ употреблялъ понятіе „употребленіе“ или „пользованіе“ капиталомъ всегда въ смыслѣ „валового пользованія“. Кто уступаетъ топоръ, тотъ продаетъ валовое пользованіе таковымъ; цѣна, которую онъ при этомъ получаетъ, представляетъ собою наемную плату или валовой процентъ. Теперь же *Кэри* вдругъ начинаетъ употреблять слово пользованіе въ смыслѣ чистаго пользованія, которому соответствуетъ чистый (денежный) процентъ. Положимъ, что было доказано, будто *валовой процентъ* имѣетъ тенденцію падать относительно; *Кэри* же извращаетъ результатъ доказательства въ томъ смыслѣ, будто эта тенденція была доказана для *чистаго процента*.

Но еще крупнѣе второе искаженіе.

Во всемъ ходѣ доказательства слово „доля“ относилось всегда къ соотношенію между величиною процента и *валовой выручкой отъ труда, выполненнаго при помощи капитала*. Теперь, при примѣненіи вывода изъ своего доказательства; *Кэри* извращаетъ смыслъ слова „доля“ такъ, что оно выражаетъ собою соотношеніе между величиной пользованія и *цѣнностью основнаго капитала*, другими словами, процентную норму. Онъ говоритъ о „долѣ въ 10⁰/0“, при чемъ онъ подъ этими словами уже не понимаетъ 10⁰/0 выручки, полученной отъ труда при помощи уступленнаго капитала, а 10⁰/0 самого капитала; и въ паденіи процентной

¹⁾ Напр. III, стр. 141. Доля капиталиста (=прибыли или проценту, какъ это показываютъ слѣдующія строки) падаетъ... „вслѣдствіе большаго сбереженія труда“; стр. 149 въ концѣ: уменьшеніе издержекъ производства и вытекающее изъ такового паденіе процентной нормы“ и т. д.

нормы отъ 10⁰/₀ до 4-хъ, „въ этомъ паденіи доли, взимаемой за пользованіе капиталомъ“, онъ усматриваетъ непосредственное примѣненіе раньше доказаннаго закона паденія „доли“ и даже не подозрѣваетъ, что эта „доля“ прежде обозначала совсѣмъ не то, что теперь.

Чтобы убѣдить читателя, что въ этомъ моемъ упрекѣ рѣчь идетъ не о мелочахъ, я попрошу его принять во вниманіе слѣдующій конкретный примѣръ, въ которомъ я постараюсь придерживаться, какъ можно ближе, хода мыслей *Кэри*.

Допустимъ, что при помощи стального топора рабочій въ теченіе года можетъ срубить 1000 стволовъ. Если существуетъ только одинъ такой топоръ, а другого такого достать нельзя, то собственникъ такого можетъ требовать за уступку пользованія имъ значительную часть валовой выручки, напр., половину и дѣйствительно получить ее. Цѣнность капитала, которую, при такомъ положеніи дѣла, приобрѣтаетъ этотъ единственный топоръ, въ силу монополии, будетъ также велика; она, примѣрно, будетъ равняться цѣнности такого количества стволовъ, какое можно срубить при помощи топора въ теченіе двухъ лѣтъ, т. е. цѣнности 2000 стволовъ. Цѣна въ пятьсотъ стволовъ, которую платятъ за пользованіе топоромъ въ теченіе года, въ данномъ случаѣ представляетъ собою долю, равную 50% отъ годовой валовой выручки и 25% цѣнности капитала. Это уже доказываетъ, что обѣ эти доли не тождественны.

Но посмотримъ дальше.

Съ теченіемъ времени стали производить стальные топоры въ любомъ количествѣ. Цѣнность этихъ топоровъ падаетъ до величины теперешнихъ издержекъ воспроизводства. Если эти издержки равны, напр., 18-и рабочимъ днямъ, то цѣнность стального топора будетъ приблизительно равняться цѣнности 50-и стволовъ деревьевъ, для срубки которыхъ тоже понадобилось 18 рабочихъ дней. Конечно, собственникъ топора теперь будетъ уже довольствоваться за предоставленіе пользованія топоромъ меньшей долей изъ тѣхъ 1000—и стволовъ, которые можно срубить при помощи такого въ теченіе года; вмѣсто половины стволовъ, которую онъ получалъ прежде, онъ теперь получитъ, положимъ, только двадцатую часть таковыхъ, т. е. 50. Эти 50 стволовъ представляютъ собою 5% валовой выручки, съ одной стороны, и 100% цѣнности капитала — топора, съ другой.

Что же оказывается? Прежде доля, равная 50% валовой

выручки, представляла собою только 25% цѣнности капитала, топора, теперь же меньшая доля, равная только 5% валовой выручки, представляет собою 100% цѣнности капитала. Другими словами, доля валовой выручки пала до одной десятой первоначальной своей величины, между тѣмъ какъ процентная норма, отвѣчающая этой же долѣ, могла увеличиться въ четыре раза. Такъ различны могутъ быть „доли“, которыя *Кэри* такъ легкомысленно смѣшиваетъ, и поэтому законъ „паденія доли капиталиста“, выведенный *Кэри*, ничего не доказываетъ для измѣненія процентной нормы, къ которой онъ постоянно приурочиваетъ послѣдній!

Въ виду вышеизложеннаго, врядь ли нужно еще доказывать, что разсужденія *Кэри* лишены всякаго значенія для объясненія процента на капиталъ. *Кэри* даже не затрагиваетъ сути проблемы, т. е. объясненія того, почему цѣнность выручки, выпадающей на долю капиталиста, больше цѣнности самого капитала, затраченнаго на производство. Грубое quasi-рѣшеніе, которое онъ даетъ, не можетъ удовлетворить даже самыхъ скромныхъ требованій. То обстоятельство, что такое рѣшеніе проблемы встрѣтило сочувствіе въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ почтенныхъ писателей, какъ нашей, такъ и иностранныхъ литературъ, служить доказательствомъ недостаточной основательности и точности, проявляемой, къ сожалѣнію, при изслѣдованіи нашей легкой проблемы.

Не многимъ основательнѣе а, можетъ быть, такъ же неосновательнымъ, какъ *Кэри*, является и его ученикъ *Пешинъ Смитъ*, произведеніе котораго „Manual of Political Economy“ (1853) недавно нашло себѣ большое распространеніе въ Германіи, благодаря переводу *Стенеля* ¹⁾.

По *Пешину Смиту* прибыль на капиталъ получается благодаря хозяйственному договору между рабочимъ и капиталистомъ. Цѣлью этого договора является „измѣненіе вида товаровъ, доставляемыхъ капиталистомъ, и увеличеніе ихъ цѣнности при помощи новой затраты труда“. Выручка, „вновь произведенный предметъ“, распределяется, и распределяется такъ, что капиталистъ получаетъ больше возстановленія предоставленнаго капитала — слѣдовательно, онъ получаетъ прибыль. Смитъ, повидимому, считаетъ очевид-

¹⁾ Handbuch der politischen Oekonomie von E. Peshine Smith — нѣмецкій переводъ *Стенеля*, Берлинъ 1878 г. Я также излагаю на основаніи этого перевода.

нымъ, что это такъ и должно быть. Онъ не даетъ формальнаго объясненія прибыли на капиталъ, а ограничивается общимъ указаніемъ, что договоръ долженъ „благоприятствовать интересамъ обоихъ участниковъ“, и что, „какъ капиталистъ, такъ и рабочій ожидаютъ соответствующей доли прибыли отъ такого договора“. 1)

Впрочемъ, онъ прямо ссылается на фактъ: „и въ самомъ дѣлѣ они получаютъ прибыль“, говоритъ онъ, „независимо отъ того, сколько бы разъ ни приходилось перерабатывать и измѣнять форму продукта до его распредѣленія“ (стр. 99 и сл.).

Прибыль на капиталъ формально измѣняется въ зависимости отъ того, беретъ ли на себя по договору рискъ капиталистъ или рабочій. Въ первомъ случаѣ „доля продукта рабочаго называется *заработной платой*, а разность между цѣнностью матеріала, предоставленнаго рабочему въ сыромъ видѣ... и порчей примѣненныхъ орудій, съ одной стороны, и цѣнностью готоваго продукта, съ другой, называется *прибылью*. Если же рабочій беретъ на себя рискъ, то доля, которую онъ уступаетъ капиталисту, сверхъ возстановленія предоставленнаго ему капитала, называется рентой“ (стр. 101).

Въ томъ мѣстѣ, въ которомъ *П. Смитъ* вводитъ въ свою систему прибыль на капиталъ, онъ не даетъ болѣе глубокаго объясненія таковой; эта поверхностность, какъ нельзя лучше, доказываетъ, что онъ не постигъ той проблемы, которую намѣревался разрѣшить. Однако, эти его разсужденія пока еще болѣе или менѣе правильны, хотя и мало содержательны.

Дальнѣйшій ходъ разсужденій не заслуживаетъ даже этой скромной похвалы.

Смитъ переходитъ въ дальнѣйшемъ къ изслѣдованію вліянія, производимаго ростомъ капитала на *величину* прибыли на капиталъ, и копируетъ при этомъ строго не только способъ изложенія и окончательный выводъ *Кэри*, но и всѣ его ошибки и погрѣшности.

Смитъ ведетъ свое изслѣдованіе слѣдующимъ образомъ:

Прежде всего онъ, оставаясь вѣрнымъ способу изложенія *Кэри*, приводитъ нѣсколько картинъ изъ первобытной хо-

1) Это требованіе *Смитъ* вводитъ словомъ „слѣдовательно“; но это слово такъ мало опредѣляется предшествующимъ, что здѣсь слѣдуетъ предположить искаженіе смысла переводчикомъ.

зайственной жизни. Дикарь обращается къ собственнику каменнаго топора и получаетъ отъ него разрѣшеніе пользоваться топоромъ, но съ условіемъ, что долженъ изготавить одну лодку для себя, а другую для собственника топора.

Слѣдующее поколѣніе изобрѣтаетъ уже мѣдные топоры, которыми можно работать въ три раза успѣшнѣе, чѣмъ каменными. Изъ шести лодокъ, которыя рабочій изготавить за то же время, теперь онъ *четыре* можетъ оставить за собою, а капиталистъ требуетъ для себя *двѣ*. Доля рабочаго при этомъ возросла и абсолютно и относительно, доля же капиталиста увеличилась абсолютно и уменьшилась относительно: она понизилась отъ половины продукта до одной трети. Въ болѣе позднюю эпоху, наконецъ, входятъ въ употребленіе превосходные современные „американскіе“ топоры. При помощи такого топора можно опять произвести втрое больше, чѣмъ раньше при помощи мѣднаго, и изъ 18-ти лодокъ или другихъ продуктовъ труда, которые можетъ изготавить человѣкъ, занимающій топоръ, онъ долженъ отдать четыре за пользование топоромъ, а четырнадцать достается ему, какъ доля труда. И въ этомъ случаѣ возросла относительная доля рабочаго, и понизилась относительная доля капиталиста.

Затѣмъ *Смитъ* начинаетъ примѣнять выведенныя имъ правила къ современной хозяйственной жизни и къ различнымъ ея явленіямъ.

Прежде всего явленіе договора дикарей замѣняется современнымъ договоромъ.

„Приведенные примѣры показываютъ, что капиталистъ склоненъ платить опредѣленное вознагражденіе изъ общаго продукта, созданнаго его капиталомъ, предоставленнымъ рабочему, и трудомъ послѣдняго. Онъ при этомъ рискуетъ, что рабочій не будетъ напрягать всѣхъ своихъ силъ, и что остающаяся послѣ уплаты вознагражденія сумма, отъ которой зависитъ его *прибыль*, можетъ оказаться меньшею, чѣмъ онъ предполагалъ. Чтобы обезпечить себя отъ возможности послѣдняго, онъ, конечно, постарается платить рабочему меньшее вознагражденіе, чѣмъ онъ могъ бы платить безъ ущерба для ожидаемой *прибыли* въ томъ случаѣ, если рабочій относится къ своему труду прилежно и честно. Рабочій, со своей стороны, знаетъ, что онъ можетъ создать, и не хочетъ согласиться на такое уменьшеніе; поэтому онъ предпочитаетъ гарантировать капиталисту требуемую *прибыль* и взять на себя рискъ, что продуктъ дастъ прибыль, достаточную для уплаты того вознагражденія, на которое

капиталистъ не соглашается. Такимъ образомъ появляется *наемный договоръ*“.

Внимательный читатель замѣтитъ, что здѣсь не только прежній видъ договора замѣняется новымъ,—противъ этого ничего еще нельзя возразить—но что здѣсь цѣны за пользование капиталомъ, о которыхъ все время шла рѣчь раньше, и которыя представляли собою валовой процентъ, незамѣтно замѣняются „прибылью“ (чистымъ процентомъ), противъ чего можно возразить очень много.

Но *Смитъ* идетъ еще дальше. Онъ, не задумываясь, замѣняетъ долю *продукта* долей *основного капитала*, т. е. *процентной нормой*. *Кэри* смѣшивалъ эти факторы незамѣтно для себя; *Смитъ* же дѣлаетъ это умышленно, что еще болѣе странно и менѣе простительно. Люди обыкновенно опредѣляютъ свою прибыль на основаніи сравненія своего прежняго имущества и прироста такового. Капиталистъ опредѣляетъ свою прибыль не въ зависимости отъ доли продукта, получаемой благодаря сотрудничеству капитала съ трудомъ, а въ зависимости отъ относительнаго прироста своего прежняго капитала. Онъ говоритъ, что получилъ столько-то процентовъ на свой капиталъ, онъ отдаетъ его по столько-то процентовъ въ годъ. *Разница заключается только въ арифметическомъ обозначеніи, а не въ самой сути. Если доля капиталиста въ продуктъ, состоящая изъ первоначальнаго капитала и прироста, не велика, то не велико также и отношеніе этого прироста къ капиталу*“ (стр. 107).

Такимъ образомъ, малая доля отъ продукта и низкая процентная норма по существу будто тождественны и представляютъ собою лишь различныя арифметическія обозначенія одного и того же факта! Для оцѣнки этого страннаго ученія я только напомню читателю примѣръ, приведенный мною выше для опроверженія ученія *Кэри*. Мы видѣли, что *половина* продукта можетъ составить 25% капитала, а *двадцатая часть* продукта можетъ равняться 100% капитала. Это явленіе, кажется, представляетъ собою не только различіе математическихъ терминовъ!

Опираясь на такую подтасовку фактовъ, *Смитъ*, наконецъ, имѣетъ возможность вывести „великій законъ“ *Кэри*, что съ развитіемъ культуры уменьшается доля капиталиста, т. е. процентная норма, подтвердить таковой историческимъ фактомъ, что процентная норма падаетъ въ богатыхъ странахъ (стр. 108), и дать, такимъ образомъ, примѣръ того, что изъ очень невѣрнаго разсужденія можно вывести болѣе или менѣе вѣрную мысль.

Послѣ поверхностности только что разобранныхъ американскихъ писателей простое, но добросовѣстное и глубоко продуманное отношеніе къ нашей проблемѣ нѣмецкаго изслѣдователя *фонъ-Тюнена* ¹⁾ производитъ приятное впечатлѣніе.

Тюненъ, какъ и *Кэри*, изслѣдуетъ происхожденіе процента на капиталъ генетически. Онъ возвращается къ первобытному состоянію хозяйства, разбираетъ первые зачатки образованія капитала и изслѣдуетъ, какимъ образомъ и въ какихъ условіяхъ получается тамъ процентъ на капиталъ, и по какимъ законамъ онъ дальше развивается. Еще до начала самаго изслѣдованія, онъ съ педантичною точностью старается установить, какъ всѣ фактическія предпосылки, изъ которыхъ онъ намѣренъ исходить, такъ и терминологию, которою онъ намѣренъ пользоваться, (стр. 79—90)—фактъ, который для насъ можетъ послужить характернымъ свидѣтельствомъ точности и продуманности *Тюнена*, для него же—цѣннымъ средствомъ самоконтроля.

Изъ этого вступленія *Тюнена* я укажу на то, что онъ предполагаетъ народъ, владѣющій всѣми духовными средствами цивилизаціи, знакомый со всѣми ея знаніями и изобрѣтеніями, но не имѣющій никакого капитала; этотъ народъ живетъ въ странѣ, отличающейся тропическимъ плодородіемъ, безъ сообщенія съ другими народами, такъ что образованіе капитала должно совершаться исключительно въ нѣдрахъ этого народа, безъ всякаго вліянія извнѣ. Земля еще не имѣетъ мѣншій цѣнности, всѣ индивиды этого народа находятся въ одинаковыхъ условіяхъ, всѣ они одинаково трудолюбивы и бережливы и снискиваютъ себѣ пропитаніе трудомъ. Мѣриломъ цѣнности въ области своихъ изслѣдованій *Тюненъ* считаетъ средства существованія рабочихъ, а единицей цѣнности—сотую часть средствъ существованія рабочаго въ теченіе года. Средства существованія на весь годъ онъ обозначаетъ буквою S, сотую часть ихъ—буквою с, такъ что $S=100\text{ с}$.

„Положимъ“, говоритъ *Тюненъ* въ началѣ своего изслѣдованія (стр. 90), „что рабочій, если онъ трудолюбивъ и бережливъ, можетъ произвести своими руками въ теченіе года десятью процентами больше, чѣмъ сколько необходимо для его существованія,—т. е. единицы, 1 S; всего, слѣдовательно, онъ производитъ въ теченіе года 110 с. Послѣ

¹⁾ Der isolierte Staat. 2-ое изд. Ростокъ 1842—1863 г. Цитируемая въ текстѣ страницы относятся къ 1-ому отдѣлу II части (1850 г.).

вычета того, что необходимо для его существованія, онъ сберегаетъ, такимъ образомъ, 110 с. — 100 с. = 10 с.“

„Слѣдовательно, въ теченіе десяти лѣтъ рабочій можетъ сберечь запасъ, на который онъ можетъ прожить годъ безъ работы, или въ теченіе года затрачивать свой трудъ на изготовленіе полезныхъ средствъ производства, т. е. на образованіе капитала“.

„Послѣдуемъ теперь за его трудомъ, созидающимъ капиталъ“.

„При помощи разбитаго кремня онъ превращаетъ кусокъ дерева въ лукъ и стрѣлу; рыба кость служитъ ему остріемъ для стрѣлы. Изъ ствола тропическаго растенія или изъ волокнистой скорлупы кокосоваго орѣха онъ дѣлаетъ веревки и нитки; изъ первыхъ онъ изготовляетъ тетиву для лука, изъ вторыхъ—неводъ“.

„Въ теченіе слѣдующаго года онъ опять производитъ средства существованія; но онъ теперь снабженъ лукомъ, стрѣлами, неводомъ; благодаря этимъ орудіямъ его трудъ становится болѣе производительнымъ а продуктъ труда гораздо больше“.

„Положимъ, что результатъ его труда—послѣ вычета того, что онъ долженъ обратить на сохраненіе орудій въ исправности—увеличится, такимъ образомъ, отъ 110 с. до 150 с; слѣдовательно, въ теченіе года онъ можетъ сберечь 50 с. Теперь онъ долженъ посвятить всего только два года производству средствъ существованія, по истеченіи которыхъ онъ опять можетъ употребить цѣлый годъ на изготовленіе стрѣлъ и сѣтей“.

„Онъ, конечно, лично ими пользоваться не можетъ, такъ какъ ему достаточно средствъ, изготовленныхъ въ теченіе перваго года; но онъ можетъ ихъ одолжить рабочему, трудящемуся пока безъ содѣйствія капитала“.

„Второй рабочій до этого времени производилъ 110 с; если онъ теперь получаетъ капиталъ, на производство котораго рабочій, создавшій таковой, употребилъ трудъ одного года, то его выручка равняется 150 с, если онъ сохраняетъ и возвращаетъ одолженное орудіе въ прежней исправности ¹⁾. Такимъ образомъ, благодаря содѣйствию капитала, выручка увеличилась на 40 с.“

¹⁾ „Но какимъ же образомъ можно сохранить и возвращать одолженный предметъ въ одинаковой исправности и одинаковой цѣнности? Это, конечно, невозможно для отдѣльныхъ предметовъ, но возможно для совокупности всѣхъ одолженныхъ предметовъ въ предѣлахъ цѣлой націи. Если кто-либо отдаетъ въ наемъ 100 зданій, могущихъ просуществовать 100 лѣтъ, съ условіемъ, что наниматель долженъ ежегодно

„Этотъ рабочій, слѣдовательно, можетъ платить за предоставленный ему капиталъ ренту въ 40 с, которую рабочій, создавшій капиталъ, будетъ получать непрерывно за свой годовой трудъ“.

„Здѣсь мы наталкиваемся на происхожденіе процента, причину его существованія и отношеніе къ капиталу. Капиталъ относится къ проценту такъ же, какъ вознагражденіе за трудъ относится къ величинѣ ренты, создаваемой такимъ же трудомъ, направленнымъ на производство капитала“.

„Въ выше приведенномъ примѣрѣ вознагражденіе за годъ труда равняется 100 с; рента, получаемая на капиталъ, произведенной трудомъ одного года, равна 40 с.“.

„Соотношеніе, слѣдовательно, получается такое: 100 с. : 40 с. = 100 : 36,4, и величина процента равняется 36,4%“.

Дальнѣйшія разсужденія касаются не столько происхожденія процента, сколько его величины. Познакомимтесь теперь, хотя бы въ сжатомъ видѣ, съ нѣкоторыми основными мыслями, которыя могутъ лучше освѣтить взгляды *Тюнена*.

Съ увеличеніемъ количества капиталовъ уменьшается, по мнѣнію *Тюнена*, ихъ вліяніе на производительность въ томъ смыслѣ, что каждый новый капиталъ увеличиваетъ продуктъ человѣческаго труда въ меньшей степени, чѣмъ уже ранѣе затраченный капиталъ. Если, напр., первый капиталъ увеличилъ выручку отъ труда на 40 с, т. е. отъ 100 с. до 150 с, то второй капиталъ, присоединенный къ первому, повлечетъ за собою дальнѣйшее увеличеніе продукта только на 36 с., третій на 32,4 и т. д. Это объясняется двумя причинами:

1. Если самыя производительныя орудія, машины и т. д., изъ которыхъ состоитъ капиталъ, существуютъ въ достаточномъ количествѣ, то по необходимости . . . дальнѣйшее производство капитала должно быть направлено на орудія менѣе производительныя.

2. Въ земледѣліи увеличеніе количества капиталовъ—если допустить, что послѣдніе могутъ всегда найти себѣ примѣненіе—ведетъ къ обработкѣ менѣе плодородныхъ, менѣе удобныхъ участковъ земли или же къ болѣе интенсивному хозяйству, сопряженному съ болѣе большими издержками; въ

выстроить новое зданіе, то цѣнность этихъ 100 зданій остается неизмѣнной, несмотря на ежегодную порчу. При нашемъ изслѣдованіи мы обязательно должны имѣть въ виду цѣлое, и если въ нашемъ примѣрѣ представлены только два дѣйствующихъ лица, то это для того, чтобы нагляднѣе представить движеніе, происходящее одновременно во всей націи“. (примѣчаніе *Тюнена*).

такихъ случаяхъ послѣдній изъ затраченныхъ капиталовъ даетъ меньшую ренту, чѣмъ первый ¹⁾.

По мѣрѣ того, какъ падаетъ излишекъ продукта, полученный благодаря дѣятельности капитала, падаетъ, конечно, и цѣна, которую желаютъ и могутъ платить за предоставленіе пользованія капиталомъ; а такъ какъ параллельно не могутъ существовать двѣ различныхъ нормы прибыли на капиталы, затраченные въ различные моменты, то процентъ на весь капиталъ опредѣляется на основаніи „пользованія атомомъ капитала, позже всего затраченнымъ на производство“ (стр. 100). Въ силу этихъ условій процентная норма пріобрѣтаетъ тенденцію падать съ увеличеніемъ количества капиталовъ; вызванное этимъ уменьшеніе ренты идетъ въ пользу рабочаго, такъ какъ увеличивается вознагражденіе за его трудъ (стр. 101).

Мы видимъ, что вполне опредѣленную отправную точку *Тюнена* является производительность капитала: производительность капитала вообще является причиною образованія процента на капиталъ, а ея размѣры во всякое время опредѣляютъ въ точности величину процентной нормы.

Значеніе этого ученія всецѣло зависитъ отъ того, какимъ образомъ объясняется связь между большей производительностью труда, вызванной содѣйствіемъ капитала, и между полученіемъ прибавочной цѣнности собственникомъ капитала.

Тюненъ удачно обходитъ два опасныхъ подводныхъ камня: съ одной стороны, мы не находимъ у него ни слова о силѣ капитала, производящей цѣнность, — онъ приписываетъ капиталу только ту способность, которою онъ въ самомъ дѣлѣ обладаетъ, а именно, способность содѣйствовать производству большаго количества *продуктовъ*, другими словами, физическую производительность; съ другой стороны, *Тюненъ* счастливо избѣгаетъ рокового смѣшенія валового процента съ чистымъ: то, что онъ называетъ чистымъ процентомъ, т. е. 40 с, 36 с, 32,4 с. и т. д., получаемая капиталистомъ, въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою чистый процентъ, такъ какъ, по выразительно подчеркнутому предположенію (стр. 91. въ концѣ), должникъ долженъ еще *сверхъ того* возстановить полную цѣнность капитала.

Но это послѣднее предположеніе *Тюнена* послужило источникомъ нѣкоторой слабости его теоріи въ другомъ отношеніи.

¹⁾ Стр. 195. Подробности стр. 93 и сл.

Въ разсужденіяхъ *Тюнена*, служащихъ переходною ступенью отъ физической производительности капитала къ „полученію капиталистомъ прибавочной цѣнности“, можно отмѣтить слѣдующіе этапы:

1) *При содѣйствіи капитала трудъ можетъ произвести большее количество продуктовъ, чѣмъ безъ содѣйствія такового.* Это предположеніе безусловно вѣрно.

2) *Излишекъ, обусловленный примѣненіемъ капитала, въ примѣрѣ Тюнена состоитъ изъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, изъ тѣхъ 40, 36 или 32,4 с, которыя капиталистъ получаетъ въ средствахъ существованія, и, во-вторыхъ, изъ возстановленія самого капитала, сношеннаго при производствѣ.* Только оба эти фактора, *вмѣстѣ взятые*, составляютъ валовую выручку отъ примѣненія капитала.—Для доказательства того, что эта важная, хотя недостаточно ясно подчеркнутая *Тюненомъ* мысль въ самомъ дѣлѣ заключается въ его ученіи, я введу въ разсмотрѣніе небольшой численный примѣръ. У *Тюнена* годъ труда безъ содѣйствія капитала производитъ 110 с. Одного года труда при содѣйствіи капитала достаточно не только для возстановленія сношеннаго капитала, поскольку это необходимо, но и для производства 150 с. Слѣдовательно, разность между обоими этими результатами, представляющая собою излишекъ, обусловленный примѣненіемъ капитала, равняется 40 с, *помимо* возстановленія самого капитала.—Здѣсь нужно еще замѣтить, что *Тюненъ* мало выяснилъ существованіе этого второго элемента; за исключеніемъ двухъ мѣстъ на стр. 91, онъ совершенно о немъ не упоминаетъ, и, что важнѣе всего, впоследствии, при составленіи таблицъ, совершенно не принимаетъ его во вниманіе (стр. 98, 110 и т. д.). Благодаря этому немало нарушена точность этихъ таблицъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ примѣняются капиталы, для производства которыхъ понадобился трудъ 6-и или 10-и лѣтъ, то — слѣдуетъ ожидать — и трудъ, затрачиваемый ежегодно на возстановленіе таковыхъ, долженъ поглощать значительную часть силы рабочаго, пользующагося капиталомъ.

3) *Прибавочный доходъ* ¹⁾, обусловленный примѣненіемъ

1) Во избѣжаніе недоразумѣній, я выразительно подчеркиваю, что *Тюненъ* считаетъ рѣшающей для всего капитала прибавочную выручку, полученную на атомъ капитала, позже всего затраченный на производство.

капитала (= возстановленію + 40, 36 или 32,4 с.), *выпадаетъ на долю капиталиста, какъ такового.* — На мой взглядъ, это предположеніе *Тюнена* въ общемъ совершенно вѣрно, хотя и конкуренція цѣнъ можетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ видоизмѣнить долю капиталиста.

4) *Этотъ валовой доходъ, выпадающій на долю капиталиста, всегда превышаетъ цѣнность капитала, затраченнаго на производство, вслѣдствіе чего и получается чистый доходъ, излишекъ цѣнности, чистый процентъ на капиталъ.*— Эта мысль является естественнымъ замыкающимъ звеномъ въ цѣпи изложенныхъ мыслей. Но и этой мысли, какъ и раньше выведенныхъ тезисовъ, *Тюненъ* не представляетъ въ видѣ общаго постулата. Онъ высказываетъ эту мысль только въ томъ видѣ, что въ своемъ конкретномъ примѣрѣ онъ полагаетъ, будто доля капиталиста всегда превышаетъ затраченный капиталъ на величину прибавочной цѣнности; такъ какъ *Тюненъ* считаетъ при этомъ приведенный имъ примѣръ типичнымъ, то ясно, что такая постановка вопроса существенно ничѣмъ не отличается отъ опредѣленной формулировки постулата, тѣмъ болѣе, что *Тюненъ* *долженъ былъ* установить и объяснить постоянное существованіе излишка цѣнности выручки отъ капитала надъ затраченнымъ капиталомъ, если онъ хотѣлъ объяснить процентъ на капиталъ, составляющій эту прибавочную цѣнность.

Мы подошли теперь къ послѣднему рѣшающему этапу въ ходѣ мыслей *Тюнена*, въ общемъ пока безупречномъ. Но въ этомъ рѣшающемъ мѣстѣ его теорія оказывается несостоятельной.

На вопросъ, какимъ образомъ мотивируетъ и объясняетъ *Тюненъ* существованіе этой прибавочной цѣнности, мы должны отвѣтить: онъ вовсе не объясняетъ этого существованія, а только постулируетъ его, и постулируетъ при этомъ мало замѣтнымъ образомъ въ томъ мѣстѣ, въ которомъ онъ говоритъ о томъ, что обладаніе капиталомъ даетъ рабочему возможность произвести еще излишекъ продукта въ 40 или 36 с, и т. п., *сверхъ того, что необходимо для сохраненія капитала „въ прежней исправности“, „въ прежней цѣнности“.* Выяснимъ-те нѣсколько подробнѣе содержаніе этой на первый взглядъ невинной мысли: въ ней заключается предположеніе, что капиталъ обладаетъ способностью, 1) возстановить самого себя и свою собственную цѣнность, и 2) произвести еще сверхъ того нѣкоторый излишекъ. Если, какъ *Тюненъ* здѣсь предполагаетъ, продуктъ капитала всегда представляетъ собою сумму, одно изъ сла-

гаемых которой равняется уже всему затраченному капиталу, то, конечно, само собою разумѣется, что вся сумма должна обладать большей цѣнностью, чѣмъ затраченный капиталъ, и Тюненъ совершенно правъ, что не даетъ дальнѣйшаго объясненія этого соотношенія. Но вопросъ въ томъ, имѣлъ ли Тюненъ право предположить существованіе такой силы капитала?

Я полагаю, что на этотъ вопросъ можно только отвѣтить отрицательно. Въ конкретномъ примѣрѣ, который Тюненъ приводитъ въ началѣ своей гипотезы, такое предположеніе, конечно, можетъ показаться вѣрнымъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что охотникъ при помощи стрѣлы и лука не только имѣетъ возможность убить въ теченіе года 40 головами дичи больше, чѣмъ безъ этого оружія, но что у него остается еще достаточно времени на починку или восстановленіе стрѣлы и лука, и что, такимъ образомъ, его восстановленный капиталъ обладаетъ въ концѣ года тою же цѣнностью, что и въ началѣ. Но можно ли дѣлать аналогичныя предположенія и для болѣе сложнаго состоянія хозяйства? особенно для такого состоянія, когда капиталъ слишкомъ разнообразенъ, а раздѣленіе труда слишкомъ развито для того, чтобы рабочій, пользующійся капиталомъ, самъ могъ его восстановить? Неужели и для того случая, когда рабочій долженъ *оплатить* восстановленіе капитала, очевидно, что излишекъ продуктовъ, произведенный благодаря содѣйствію капитала, превышаетъ собою издержки восстановленія послѣдняго или цѣнность затраченнаго капитала?

Конечно, нѣтъ. Напротивъ, возможны два условія, при которыхъ прибавочная цѣнность могла бы исчезнуть. Во-первыхъ, возможно, что большая производительная польза, обезпечиваемая обладаніемъ капиталомъ, увеличиваетъ оцѣнку послѣдняго настолько, что ея цѣнность будетъ равняться цѣнности предполагаемаго продукта, что, напр., цѣнность лука и стрѣлы, дающихъ возможность за все время ихъ существованія убить на 100 головъ дичи болѣе, чѣмъ безъ нихъ, будетъ равняться цѣнности этихъ 100 головъ дичи. Въ такомъ случаѣ охотникъ долженъ былъ бы за сношенное оружіе платить фабриканту такого въ качествѣ возмѣщенія всю прибавочную выручку въ 100 головъ дичи или же ихъ цѣнность, и у него не осталось бы ничего для уплаты прибавочной цѣнности, процента на капиталъ, собственнику, предоставившему ему оружіе.

Во-вторыхъ, возможно, что конкуренція въ производ-

ствѣ оружія возрастаетъ такъ, что цѣна такового падаетъ ниже уровня этой высшей оцѣнки. Но не уменьшаются ли въ зависимости отъ этой конкуренціи и требованія, которыя капиталистъ можетъ предъявлять при уступкѣ оружія? Какъ *Лодердаль*, такъ и *Кэри* предполагаютъ возможность такого давленія конкуренціи, и опыты хозяйственной жизни вполнѣ подтверждаютъ существованіе такого давленія. Поэтому и здѣсь мы задаемъ тотъ же вопросъ, который мы задали уже у *Лодердаля*: почему давленіе конкуренціи на долю капиталиста никогда не можетъ быть такъ велико, чтобы понизить цѣнность доли послѣдняго до цѣнности самого капитала? Почему же не производятъ и не примѣняютъ какъ разъ столько единицъ какого-либо капитала, чтобы такое примѣненіе возстановляло только самый капиталъ? Вѣдь въ такомъ случаѣ должна бы совершенно исчезнуть прибавочная цѣнность, а вмѣстѣ съ нею и процентъ.

Однимъ словомъ, я вижу три возможныхъ отношенія между цѣнностью продукта и цѣнностью капитала, создавшаго таковой. Во-первыхъ, цѣнность капитала можетъ подняться до цѣнности продукта; во-вторыхъ, цѣнность продукта можетъ вслѣдствіе конкуренціи упасть до цѣнности капитала; и, въ-третьихъ, доля капитала въ продуктѣ можетъ превышать цѣнность капитала. *Тюнень* предполагаетъ третью возможность, совершенно ея не доказывая и не объясняя; вслѣдствіе этого онъ не даетъ также объясненія того явленія, которое долженъ былъ объяснить—процента на капиталъ,—а только постулируетъ его.

Поэтому мы должны вынести ему въ окончательномъ видѣ слѣдующій приговоръ: *Тюнень* даетъ болѣе тонкую, болѣе продуманную и болѣе основательную версію теоріи производительности, чѣмъ кто либо изъ предшествовавшихъ ему представителей таковой; но въ самомъ опасномъ мѣстѣ онъ также спотыкается: когда нужно было вывести прибавочную цѣнность изъ физической производительности капитала, изъ излишка продуктовъ, онъ включаетъ въ свои предположенія явленіе подлежащее объясненію ¹⁾.

¹⁾ Нѣкоторые дополненія къ вышеизложенной крикикѣ я дамъ въ примѣчаніи, чтобы не задерживать изложенія въ текстѣ еще болѣе детальными разсужденіями сверхъ тѣхъ, которыя я уже долженъ былъ привести читателю. Въ произведеніи *Тюнена* мы находимъ два мѣста, которыя, при желаніи, можно разсматривать, какъ попытки оправданія сдѣланнаго предположенія, и, слѣдовательно, какъ попытки дѣйствительнаго объясненія процента. Первая попытка заключается въ нѣсколько разъ (напр. стр. 111 и 149) приводимомъ замѣчаніи, что

Отношеніе *Тюнена* къ нашему вопросу представляет собою образецъ основательнаго и глубоко продуманнаго изслѣдованія. Но, къ сожалѣнію, нѣмецкая литература недолго удержалась на той высотѣ, на которую подняла ее *Тюненъ*. Уже у его ближайшаго послѣдователя въ разсматриваемомъ нами на-

наибольшій размѣръ ренты на капиталъ наблюдается при извѣстной величинѣ затраченнаго капитала, и что за этимъ кульминаціоннымъ пунктомъ онъ падаетъ, *такъ что ничто уже не побуждаетъ производителей капиталовъ продолжать производство таковыхъ за этимъ предѣломъ*. Эту мысль, при желаніи, можно было бы толковать какъ объясненіе того, что предложеіе капитала не можетъ дойти до такихъ размѣровъ, чтобы чистый процентъ упалъ до нуля. Но соображенія, касающіяся *общей пользы всего класса капиталистовъ*, не носятъ обязательнаго характера для каждаго *отдѣльнаго* капиталиста и врядъ ли имѣютъ какое-либо влияние на его образъ дѣйствій; эти соображенія не могутъ поэтому препятствовать дальнѣйшему росту капитала. Всякій—по справедливости—будетъ приписывать росту капитала, вызванному его личною бережливостью, безконечно малое влияние на величину процентной нормы данной страны, а зато очень замѣтное на увеличение его индивидуальнаго дохода на капиталъ; поэтому всякій, кто вообще имѣетъ склонность и возможность сберегать капиталъ, будетъ, не задумываясь, сберегать таковой; такъ всякій землевладѣлецъ будетъ культивировать свой участокъ и, по мѣрѣ силъ, улучшать способы его обработки, хотя онъ и убѣжденъ, что въ случаѣ, если *все* землевладѣльцы улучшатъ способы обработки, это должно повлечь за собою, при неизмѣнномъ состояніи населенія, паденіе цѣнъ продуктовъ и, независимое отъ уменьшенія издержекъ, паденіе земельной ренты.—Вторую попытку объясненія можно было бы усмотрѣть въ выше (стр. 194 и слѣд.) приведенномъ примѣчаніи *Тюнена* къ тому мѣсту, въ которомъ онъ говоритъ о возстановленіи капитала должникомъ. *Тюненъ* здѣсь указываетъ на то, что „при этомъ изслѣдованіи надо имѣть въ виду цѣлое“. Это указаніе можно было бы толковать какъ попытку объясненія того, что предполагаемое въ текстѣ явленіе—по которому должникъ, пользующійся капиталомъ, возстановляетъ его своимъ трудомъ и сверхъ того получаетъ еще излишекъ продуктовъ—сохраняетъ свою силу при всякихъ хозяйственныхъ условіяхъ, если только замѣнить индивида цѣлымъ народомъ. Если даже отдѣльный индивидъ своимъ личнымъ трудомъ не будетъ въ состояніи возстановить уступленный ему капиталъ, то все же въ предѣлахъ всего народа будетъ имѣть мѣсто явленіе, что, благодаря пользованію капиталомъ, люди въ состояніи произвести излишекъ продуктовъ и *сверхъ того* возстановить—при помощи части сбереженнаго труда—свои капиталъ. Въ этомъ ходѣ мыслей можно было бы усмотрѣть опроверженіе сдѣланнаго мною въ текстѣ возраженія, въ которомъ я назвалъ предположенія *Тюнена* вѣрными только для первобытныхъ условий и недоступными для болѣе сложныхъ. Я не думаю, чтобы *Тюненъ* понималъ свое указаніе, что нужно смотрѣть на хозяйство въ его цѣломъ, въ этомъ смыслѣ. Но даже и въ такомъ случаѣ это замѣчаніе нисколько не ослабляетъ силы моего возраженія, такъ какъ въ вопросахъ распредѣленія—а вопросъ процента на капиталъ принадлежитъ къ таковымъ—нельзя всегда смотрѣть на „цѣлое“. Тотъ фактъ, что общество въ своемъ цѣломъ въ состояніи при содѣйствіи капитала возстановитъ

правленій, *Глазера* ¹⁾), наблюдается, независимо отъ его благихъ пожеланій, несомнѣнный регрессъ въ глубинѣ и тонкости изслѣдованія.

Капиталь, который онъ вѣрно опредѣляетъ, какъ „примѣненіе посредственнаго труда“, по его мнѣнію, безусловно производителенъ. Возраженіе, будто капиталъ представляетъ собою мертвое орудіе, которое можно сдѣлать и живымъ и производительнымъ только благодаря примѣненію труда, онъ опровергаетъ тѣмъ, что съ такимъ же правомъ можно было бы говорить и наоборотъ, что „трудъ мертвъ, а дѣлается живымъ только благодаря капиталу“ ²⁾). Онъ считаетъ также окончательно рѣшеннымъ вопросъ, что прибыль на капиталъ обуславливается производительностью послѣдняго. „Явленіе прибыли на капиталъ“, говоритъ онъ, „основано на томъ, что капиталъ обуславливаетъ собою часть производства; прибыль является только вознагражденіемъ за это содѣйствіе капитала“. Онъ опредѣленно соглашается съ *Сэ*, который уже до него высказалъ то же, но справедливо упрекаетъ послѣдняго въ томъ, что онъ не сумѣлъ объяснить, „въ чемъ заключается это содѣйствіе капитала“.

И вотъ *Глазеръ* самъ берется разрѣшить эту задачу, которую онъ считаетъ не особенно трудной. Къ сожалѣнію, онъ это дѣлаетъ такимъ способомъ, который не выставляетъ въ привлекательномъ свѣтѣ его теоретическую проникательность.

Глазеръ исходитъ изъ того положенія, что всякій капиталъ представляетъ собою плодъ труда, что цѣнность капитала, какъ и всѣхъ прочихъ благъ, опредѣляется количествомъ труда, необходимаго для его производства, и что,

---

таковой и сверхъ того произвести еще извѣстный излишекъ, еще ничего не говоритъ въ пользу существованія процента на капиталъ. Вѣдь этотъ излишекъ продуктовъ могъ бы также итти не на уплату процентовъ капиталисту, а на увеличеніе заработной платы рабочихъ, которые такъ же необходимы въ производствѣ, какъ и капиталъ. Процентъ на капиталъ, какъ излишекъ цѣнности индивидуальной выручки надъ индивидуальной затратой капитала, зависитъ отъ того, что *индивидъ* постоянно получаетъ капиталъ по такой цѣвѣ, которая ниже цѣнности излишка, произведеннаго при помощи послѣдняго. Но это вовсе такъ просто не вытекаетъ изъ выше приведеннаго общаго соотношенія; по крайней мѣрѣ, оно совершенно не очевидно. Вѣдь если бы дѣло обстояло такъ, то навѣрно не существовало бы столько различныхъ теорій объ очевидномъ предметѣ.

¹⁾ Die allgemeine Wirtschaftslehre oder National-Ökonomie. Berlin 1858.

²⁾ Стр. 59 и 203. Дальнѣйшія, приведенныя въ текстѣ замѣчанія *Глазера* находятся въ о. с. стр. 203 и слѣд.

слѣдовательно, примѣненіе капитала слѣдуетъ только разсматривать какъ примѣненіе посредственного труда. „Дѣло не измѣняется отъ того, даю ли я 100 рабочимъ занятіе на одинъ годъ, или же примѣняю продуктъ, произведенный ста рабочими“. Поэтому капиталистъ вполне справедливо требуетъ, чтобы на его долю въ производствѣ выпадала такая же часть, какую онъ получилъ бы, если бы доставилъ производству рабочихъ, создавшихъ его капиталъ. Если, напр., капиталъ состоитъ изъ машины, цѣнность которой равняется цѣнности труда 100 рабочихъ въ теченіе года, и если для производства извѣстнаго продукта необходимо еще 500 рабочихъ, то этотъ продуктъ представляетъ собою результатъ труда 600 рабочихъ, и капиталистъ въ правѣ требовать для себя доли 100 рабочихъ, т. е. одной шестой всего продукта.

До сихъ поръ противъ хода мыслей *Глазера* врядъ ли можно что-либо возразить, но, съ другой стороны, врядъ ли также можно полагать, что капиталистъ, при сдѣланныхъ предположеніяхъ, еще можетъ получить прибыль. Самъ *Глазеръ* задаетъ слѣдующій вопросъ: „Если продуктъ обладаетъ какъ разъ цѣнностью 600 рабочихъ (?), то какимъ образомъ капиталистъ можетъ еще получить прибыль?“

Рѣшеніе этой загадки онъ находитъ въ томъ, что благодаря примѣненію капитала производится больше, чѣмъ безъ него. Такимъ образомъ, получается фондъ, изъ котораго можно получать вознагражденіе за пользованіе капиталомъ. При этомъ въ пользу капиталиста идетъ только часть этого фонда, другая же часть достается рабочимъ, положеніе которыхъ также улучшается благодаря примѣненію капитала; вообще, все общество извлекаетъ пользу изъ прибавочной выручки, создаваемой содѣйствіемъ капитала. При распредѣленіи дѣйствуетъ принципъ, что капиталъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ посредственный трудъ, и долженъ вознаграждаться совершенно такъ же, какъ и непосредственный трудъ. „Если бы, напр., рабочіе, производшіе капиталъ, составляли шестую часть всѣхъ рабочихъ, то на долю капиталиста выпала бы шестая часть всего продукта—при условіи, что весь капиталъ снашивается отъ примѣненія въ производствѣ“. „*Эта шестая часть*“, заканчиваетъ *Глазеръ* свое разсужденіе, „представляла бы собою больше, чѣмъ требовалось бы для возстановленія капитала, и излишекъ составлялъ бы прибыль на капиталъ“.

Это заключеніе является совершенно не мотивированнымъ предположеніемъ. *Глазеръ* здѣсь утверждаетъ, что

шестая часть продукта, выпадающая на долю капиталиста, была бы *больше* того, что было бы необходимо для восстановления капитала. Но онъ совершенно не доказалъ этой мысли; она даже прямо противорѣчитъ всѣмъ его предположеніямъ: изъ всего сказаннаго, напротивъ, слѣдуетъ, что *вся* шестая часть, достающаяся капиталисту, необходима для восстановления капитала, что, слѣдовательно, явленіе прибыли *невозможно*. Доказать это не трудно.

Немыслимо и, въ виду предположенія *Глазера*, совершенно невозможно, чтобы рабочіе, производящіе капиталъ, могли постоянно получать меньшее вознагражденіе, чѣмъ непосредственно трудящіеся рабочіе; если же заработная плата посредственно трудящагося рабочаго равна заработной платѣ непосредственно трудящагося, и если въ 5 разъ большее число непосредственно трудящихся рабочихъ получаетъ $\frac{3}{6}$ всего продукта, то рабочіе, трудящіеся посредственно, должны получить за свой трудъ пятую часть вознагражденія первыхъ, т. е. одну шестую всего продукта; такимъ образомъ, весь продуктъ распределенъ между *рабочими*, и для капиталиста не остается ничего. Приведемъ численный примѣръ: допустимъ, что 100 рабочихъ изготовляютъ машину, и что 500 другихъ рабочихъ при помощи этой машины производятъ въ теченіе года продуктъ цѣнностью въ 300.000 гульденовъ; такимъ образомъ, руководствуясь принципомъ распределенія *Глазера*, мы получимъ, что $\frac{3}{6} = 250.000$ гульденамъ, выпадаетъ на долю 500 непосредственно трудящихся рабочихъ, изъ которыхъ каждый получаетъ, слѣдовательно, въ годъ вознагражденіе въ 500 гульденовъ, а послѣдняя шестая часть = 50.000 гульденамъ, достается капиталисту, предоставившему машину. По сдѣланному предположенію, машина снашивается въ теченіе года, и капиталистъ долженъ ее возстановить изъ полученнаго дохода. Во сколько же обойдется ему возстановленіе машины? Очевидно въ сумму, не меньшую 50.000 гульденовъ, такъ какъ для ея производства онъ долженъ занимать въ теченіе года 100 рабочихъ, изъ которыхъ каждый получаетъ въ годъ вознагражденіе въ 500 гульденовъ; такимъ образомъ, расходы обойдутся въ 50.000 гульденовъ, которые цѣликомъ поглощаютъ доходъ въ 50.000 гульденовъ, и о прибыли, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи.

Однако, это противорѣчіе между вышеприведеннымъ, ни на чемъ не основаннымъ утвержденіемъ *Глазера* и раньше сдѣланными предположеніями не единственное. Онъ раньше категорически утверждалъ, что цѣнность всѣхъ благъ, въ

томъ числѣ и цѣнность капитала, опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство. Если въ общемъ продуктѣ, подлежащемъ распредѣленію, заключается трудъ 600 рабочихъ лѣтъ, то шестая часть, выпадающая на долю капиталиста, очевидно, должна обладать цѣнностью, соотвѣтствующею 100 рабочимъ годамъ. А такъ какъ производство капитала стоило также 100 рабочихъ лѣтъ, то, очевидно, капиталъ и доходъ на таковой должны обладать одною и тою же цѣнностью, и прибыль немыслима.

Всѣхъ этихъ простыхъ соображеній *Глазеръ* не принялъ во вниманіе и слѣпо поддался соблазну двусмысленнаго слова „излишекъ“; кто возьметъ на себя трудъ прочесть его разсужденія въ цѣломъ, тотъ увидитъ, какъ забавно мѣняется значеніе этого слова; сначала оно обозначаетъ еще совершенно правильно „излишекъ продуктовъ“, затѣмъ оно принимаетъ уже двусмысленное, но все еще допустимое значеніе „излишекъ выручки“, затѣмъ оно обозначаетъ „выгоду“, затѣмъ „прибыль“ и, наконецъ, въ рѣшающемъ выводѣ оно почти уже принимаетъ значеніе прибавочной цѣнности и въ этомъ значеніи примѣняется для объясненія прибыли на капиталъ.

Если уже *Глазера* приходится упрекать въ неосторожности при употребленіи растяжимыхъ понятій, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ упрекать въ этомъ *Реслера*, который, къ сожалѣнію, еще легкомысленнѣе относится къ неопредѣленнымъ понятіямъ и употребляетъ таковыя то въ одномъ то въ другомъ смыслѣ, въ зависимости отъ того, какъ это въ данный моментъ отвѣчаетъ его цѣлямъ, и при помощи все выносящаго слова создаетъ гармонію, которой нѣтъ въ сути дѣла.

Такъ какъ такое отношеніе къ дѣлу грѣшитъ, главнымъ образомъ, въ употребленіи словъ, то обосновать приговоръ безъ приведенія дословныхъ цитатъ не легко; поэтому мнѣ придется выписывать болѣе длинныя цитаты, чѣмъ это было бы желательно. Можетъ быть, впрочемъ, читатель будетъ считать себя вознагражденнымъ поучительной стороной дѣла: *Реслеръ* представляетъ собою весьма поучительный примѣръ, показывающій, сколько опасностей заключается въ общепринятой нашей научной терминологіи для послѣдовательнаго мышленія, и какъ необходима критическая осторожность—къ сожалѣнію, она очень рѣдко наблюдается—для того, чтобы при изслѣдованіи нашей нелегкой проблемы не затеряться въ противорѣчивыхъ фразахъ.

Въ трехъ важнѣйшихъ своихъ экономическихъ произведеніяхъ *Реслеръ* даетъ три довольно разнорѣчивыхъ версій происхожденія процента на капиталъ. Въ первомъ— „*Kritik der Lehre vom Arbeitslohn*“ (1861)—онъ даетъ мало оригинальное эклектическое объясненіе, представляющее собою смѣсь теорій производительности, пользованія и воздержанія; это произведеніе мы можемъ обойти молчаніемъ ⁴⁾. Подробнѣе и поучительнѣе всего онъ изслѣдуетъ нашу проблему во второмъ сочиненіи— „*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*“ (1864).

Реслеръ слѣдующими словами характеризуетъ производительность капитала: (стр. 104):

„Производительная сила капитала заключается въ его свойствахъ служить цѣлямъ производства, свойствахъ, которыя, какъ мы уже видѣли, весьма разнообразны. *Подобно природѣ и труду, каждый капиталъ обладаетъ извѣстнымъ количествомъ силъ, пользованіе которыми обуславливаетъ собою продуктъ капитала.* Капиталъ или предоставляет матеріалъ для труда, или же въ значительной степени облегчаетъ и сокращаетъ трудъ рабочихъ. *Продуктомъ капитала слѣдуетъ считать то, что получается во всякомъ производствѣ благодаря содѣйствию капитала.* Если, напр., кто-нибудь ловить рыбу непосредственно рукой, то пойманная рыба представляетъ собой лишь продуктъ природы и труда, если только вода или рыба не были произведены искусственно; если же при этомъ пользуются лодкою, сѣтью или удочкою, то здѣсь уже оказываетъ содѣйствіе сила капитала; *результатъ этого содѣйствія производительной силы капитала заключается въ томъ, что теперь ловятъ рыбу въ большемъ количествѣ, притомъ легче и скорѣе.* Слѣдовательно, капиталъ представляетъ собою такой же самостоятельный источникъ благъ, какъ и природа и трудъ; однако, чтобы быть въ состояніи проявить свое дѣйствіе, онъ долженъ соединяться съ послѣдними въ большей или меньшей степени, въ зависимости отъ характера каждаго отдѣльнаго предпріятія. Существуютъ также капиталы, которые могутъ дѣйствовать производительно и сами по себѣ; такъ, напр., вино можетъ отстаиваться въ бутылкахъ въ продолженіе цѣлыхъ лѣтъ безъ содѣйствія труда; то, что благодаря постоянному броженію выгадаетъ вино въ своей доброкачественности и крѣпости, и представляетъ собою исключительно продуктъ капитала“.

⁴⁾ Главнѣйшія мѣста читатель найдетъ на стр. 1, 4, 7, 8 и 99 вышеназваннаго сочиненія.

Въ этомъ разсужденіи, какъ мы видѣли, *Реслеръ* приписываетъ капиталу самостоятельную производительность, подъ которой онъ пока понимаетъ физическую, проявляющуюся въ томъ, что при содѣйствіи капитала можно производить больше, лучше и скорѣе.—Уже здѣсь я прошу читателя обратить вниманіе на то, что *Реслеръ* любитъ употреблять слово „продуктъ капитала“ въ нѣсколько неопредѣленномъ смыслѣ. Такъ, въ предложеніи: „продуктомъ капитала слѣдуетъ считать то, что получается во всякомъ производствѣ благодаря содѣйствію капитала“, слова „продуктъ капитала“ обозначаютъ *весь* продуктъ, получающійся отъ затраты капитала, т. е. *валовую выручку* отъ капитала; а въ примѣрѣ съ виномъ онъ называетъ такимъ продуктомъ только *увеличеніе цѣнности* вина, благодаря улучшенію качества и крѣпости, т. е. *чистую выручку* отъ капитала. Мы впослѣдствіи увидимъ, какую услугу оказала двусмысленность этого выраженія теоріи *Реслера*.

„За силами природы и трудомъ“, говоритъ *Реслеръ* нѣсколько дальше (стр. 135), „всегда признавали свойство производительности; не такъ обстояло дѣло съ капиталомъ. Только на исходѣ среднихъ вѣковъ постепенно сталъ зарождаться болѣе правильный взглядъ на значеніе капитала въ производствѣ... Однако, еще *Адамъ Смитъ* и нѣкоторые изъ его послѣдователей отрицали свойство производительности капитала, такъ какъ они полагали, что *рента на капиталъ*, получаемая капиталистомъ за содѣйствіе капитала въ производствѣ, *выплачивается изъ выручки отъ труда*. Ошибочность этого мнѣнія бросается въ глаза уже на первый взглядъ; безъ содѣйствія капитала каждый рабочий производилъ бы меньше, хуже или медленнѣе, слѣдовательно, все то, что выигрывается въ количествѣ, качествѣ и времени, представляетъ собою реальную пользу, обусловливаемую исключительно содѣйствіемъ капитала, пользу, безъ которой средства къ удовлетворенію потребностей несомнѣнно стояли бы на низшей ступени развитія“.

Этими словами *Реслеръ* подтверждаетъ ранѣе высказанную мысль о самостоятельной производительности капитала, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ взглядъ, что послѣдняя безусловно является источникомъ ренты на капиталъ, которая, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 471), „производится не предпринимателемъ или капиталистомъ“, а представляетъ собою „нетрудовой результатъ производительной силы, свойственной самому капиталу“.

Но какимъ же образомъ получается рента изъ произво-

длительности капитала? Выводъ этого объясненія представляетъ собою цѣль слѣдующаго страннаго разсужденія (стр. 448), которое я считаю самымъ цѣлесообразнымъ приводить и опровергать по отдѣльнымъ предложеніямъ.

„Продуктомъ капитала или выручкой является то, что получается въ производствѣ благодаря примѣненію капитала“.

Здѣсь, очевидно, онъ понимаетъ выручку отъ капитала въ смыслѣ *валовой выручки*.

„Этотъ результатъ отъ примѣненія капитала выражается, какъ и при примѣненіи труда, въ производствѣ блага или новой годности, существованіе которой обуславливается исключительно содѣйствіемъ капитала; этотъ результатъ мысленно слѣдуетъ рѣзко отличать отъ тѣхъ частей валовой выручки отъ производства, которыя произведены трудомъ или содѣйствіемъ свободныхъ силъ природы“.

Здѣсь надо замѣтить, что *Реслеръ* видитъ результатъ примѣненія капитала въ производствѣ *блага* или *годности*; о производствѣ цѣнности не было пока рѣчи ни въ данномъ мѣстѣ ни въ какомъ-либо другомъ.

„Слѣдовательно, если надо установить *цѣнность* нѣкотораго опредѣленнаго продукта, напр., четверика хлѣба, то на счетъ капитала можетъ быть отнесена только часть этой цѣнности, такъ какъ свободныя силы природы не обладаютъ цѣнностью; другая же часть цѣнности должна быть отнесена на счетъ затраченнаго труда, и, смотря по тому, въ какихъ размѣрахъ принимаетъ участіе капиталъ, опредѣляется часть цѣнности, относимая на счетъ капитала; другими словами, *цѣнность этой части* разсматривается, какъ выручка отъ затраченнаго на производство капитала.“

Слово „цѣнность“ вдругъ сдѣлалось равносильнымъ слову „благо“, такъ что теперь производство *цѣнности* распределяется между данными факторами такъ, какъ раньше производство блага, и выручкой отъ затраченнаго капитала считается теперь „его цѣнность“, т. е. цѣнность четверика хлѣба, а не, какъ раньше, благо или годность.—Но послушаемъ дальше.

„Нѣкоторые *продукты* въ извѣстные моменты можно также считать исключительно выручкой отъ капитала“.

Здѣсь выручка отъ капитала выражается опять въ продуктахъ или благахъ.

„Если, напр., помѣститъ молодое вино въ погребъ и къ цѣнности вина, боченка, погреба прибавить цѣнность труда этого перенесенія, то *улучшеніе* вина, вызванное процессомъ

броженія въ теченіе года, представляетъ собою *продуктъ капитала, цѣнность* котораго является разностью между цѣнами вина и винограднаго сока“.

Что здѣсь является продуктомъ капитала?—„Улучшеніе“. Это слово имѣетъ два значенія: оно обозначаетъ, во-первыхъ, большую годность, а не большую цѣнность, и, во-вторыхъ, не весь результатъ отъ примѣненія капитала, какъ это имѣетъ мѣсто выше, а только излишекъ, полученный сверхъ прежней годности вещественнаго капитала—винограднаго сока,—т. е. „чистую выручку годности.“ А непосредственно затѣмъ словами: „*цѣнность* котораго проявляется въ разности между цѣной вина и винограднаго сока“, онъ чистую выручку *годности* замѣняетъ чистой выручкой *цѣнности*.

Въ заключеніе *Реслеръ* дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „*эта выручка представляетъ собою ренту*“.

Какая-же это выручка? невольно приходится спросить себя: *валовая ли выручка благъ*, которую обозначали слова „выручка отъ капитала“ въ началѣ этого мѣста, или *чистая выручка цѣнности*, которую эти слова обозначали въ концѣ? Или, можетъ быть, это *валовая выручка цѣнности* или *чистая выручка годности*, въ значеніи которыхъ попеременно употреблялись слова „выручка отъ капитала“ въ серединѣ?—Въ самомъ дѣлѣ, мы не могли бы рѣшить, къ чему относится все это доказательство, если бы мы не знали уже и безъ *Реслера*, что рента представляетъ собою излишекъ цѣнности. Этотъ послѣдній, слѣдовательно, *Реслеръ* и хотѣлъ объяснить.

Объяснилъ ли онъ его въ самомъ дѣлѣ?—Я не въ состояніи указать, когда и какъ онъ это сдѣлалъ.

Онъ утверждаетъ, „что рента представляетъ собою нетрудовой результатъ производительной силы, присущей самому капиталу“. Для доказательства этой точки зрѣнія онъ обязанъ привести объясненіе, какимъ образомъ производительность капитала обусловливаетъ собою излишекъ цѣнности продукта надъ собственной цѣнностью капитала. А гдѣ же онъ далъ такое объясненіе?—Вѣдь не въ первыхъ же цитатахъ, въ которыхъ онъ характеризуетъ природу производительной силы капитала: тамъ онъ только утверждаетъ, что при помощи капитала можно произвести большее количество продуктовъ и годностей, чѣмъ безъ такового; тамъ онъ только говоритъ о производительности, направленной на производство при содѣйствіи капитала „большаго количества благъ, чѣмъ безъ такового,“ а не производительности, напра-

вленной на производство „цѣнности, превышающей цѣнность самого капитала.“

А въ заключительной цитатѣ, специально посвященной объясненію ренты?—Если кто-либо прочтетъ эту цитату внимательно, то онъ замѣтитъ, что и здѣсь происхожденіе „прибавочной цѣнности“ изъ производительности капитала не объясняется ни единымъ словомъ. Связь между этими явлениями, правда, установлена, но она заключается только въ томъ, что *Реслеръ* въ самомъ своемъ разсужденіи ни съ того ни съ сего начинаетъ употреблять слово „цѣнность“ тамъ, гдѣ онъ раньше употреблялъ слово „благо“, какъ будто понятія „продуктъ“ и „цѣнность“, „излишекъ продуктовъ“ и „излишекъ цѣнности“, и даже понятія „большее количество продуктовъ, чѣмъ безъ содѣйствія капитала“ и „цѣнность, превышающая цѣнность самого капитала“, совершенно тождественны, и какъ будто доказательство, что капиталъ создаетъ излишекъ продукта, доказываетъ также, что производительность капитала является источникомъ излишка цѣнности. Но дѣло обстоитъ не такъ. Капиталъ содѣйствуетъ производству бѣльшаго количества продуктовъ, чѣмъ то, которое можно получить безъ его содѣйствія: это *одинъ* фактъ. А то, что большее количество продуктовъ имѣетъ бѣльшую цѣнность, чѣмъ затраченный на производство капиталъ,—это другой фактъ, рѣзко отличающійся отъ перваго и нуждающійся въ специальномъ объясненіи. Этого объясненія *Реслеръ* не даетъ, какъ и многіе изъ его предшественниковъ.

И въ своихъ взглядахъ по поводу *величины* процента на капиталъ *Реслеръ* продолжаетъ примѣнять прежній приемъ въ неизмѣнномъ видѣ: онъ дѣлаетъ невѣрные выводы, основываясь на употребленіи двусмысленныхъ выраженій. Я бы съ удовольствіемъ освободилъ и себя и своихъ читателей отъ весьма неблагоприятной задачи прослѣдить еще дальше діалектическія ошибки *Реслера*, если бы какъ разъ эта часть его разсужденій не представляла собою особенно большого теоретическаго интереса. Здѣсь рѣзко бросается въ глаза то затрудненіе, въ которое попадаетъ не только *Реслеръ*, но, по необходимости, и всякая теорія производительности, лишь только приходится согласовать это ученіе о происхожденіи процента на капиталъ съ фактическими явлениями величины процента.

На основаніи теорій производительности причина процента на капиталъ лежитъ въ производительности капитала. Я думаю, что никто не будетъ отрицать того, что произво-

дительность *возрастает* ¹⁾ въ зависимости отъ хозяйственнаго развитія. Поэтому слѣдовало бы ожидать, что съ усиленіемъ причины будетъ усиливаться и слѣдствіе, что, слѣдовательно, въ зависимости отъ хозяйственнаго развитія будетъ возрастать также и процентная норма. Но, какъ извѣстно, въ дѣйствительности наблюдается какъ разъ обратное: процентная норма не растетъ, а *падаетъ* съ развитіемъ хозяйственной культуры.—Какъ же согласовать это явленіе съ ученіемъ, что производительность капитала является активной причиной процента на капиталъ?

Реслеръ ясно сознаетъ затрудненіе, вызванное этимъ обстоятельствомъ; онъ отвергаетъ при помощи мѣткой критики объясненія нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ, въ особенности *Кэри*, какъ неудовлетворительныя, и старается найти выходъ изъ этого затрудненія.²⁾ Онъ находитъ его въ томъ, что бблшая производительность капитала и является причиной паденія процента. „Чѣмъ производительнѣе примѣняется капиталъ, тѣмъ меньшей цѣнностью обладаетъ произведенный продуктъ. Паденіе процентной нормы является слѣдствіемъ не трудности, а легкости производства; это—не слѣдствіе, не признакъ, а помѣха дороговизнѣ.“

Для обоснованія этой точки зрѣнія *Реслеръ* развиваетъ слѣдующую теорію, которую я также буду приводить и разбирать по частямъ.

„Потребительная цѣнность капитала можетъ заключаться только въ потребительной цѣнности его продукта“.

Это безусловно вѣрно. Надо замѣтить, что *Реслеръ* говоритъ здѣсь о цѣнности и продуктѣ *капитала*, а не пользованія капиталомъ. Продуктъ капитала, слѣдовательно, представляетъ собою валовой продуктъ отъ примѣненія капитала.

„Но эта цѣнность должна падать тѣмъ болѣе, чѣмъ легче и дешевле можно удовлетворять потребности посредствомъ примѣненія капитала“.

Это уже невѣрно. Если продуктъ отъ примѣненія капитала растетъ, то падаетъ развѣ только потребительная цѣнность *отдѣльной единицы* продукта, а не *всего продукта*, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Если, напр., при одной и

¹⁾ „Стоитъ только бросить взглядъ на успѣхи техники, чтобы убѣдиться, что эта производительность постоянно возрастаетъ; стоитъ только сравнить стрѣлу и лукъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, улучшенія въ прядильной машинѣ, въ ткацкихъ станкахъ, въ плугахъ и т. д.“ *Реслеръ* о. с. стр. 460.

²⁾ Стр. 458 и сл.

той же затратѣ капитала я сумѣю произвести первоначально 500 центнеровъ сахара, а впоследствии 1000, то во второмъ случаѣ одинъ, отдѣльно взятый, центнеръ можетъ имѣть меньшую потребительную цѣнность, чѣмъ раньше, но 1000 центнеровъ, взятые вмѣстѣ и составляющіе теперешній „продуктъ капитала“, будутъ имѣть бѣльшую потребительную цѣнность, чѣмъ раньше 500 центнеровъ, вмѣстѣ взятые.

„Кажется болѣе естественнымъ, что за *пользованіе* производительной силой приходится платить тѣмъ больше, чѣмъ больше можно произвести при помощи таковой. Однако, такое разсужденіе представляло бы собою смѣшеніе количества и цѣнности выручки, которыя—это нужно помнить—представляютъ собою величины диаметрально противоположныя“.

Эти слова подають поводъ къ различнымъ замѣчаніямъ. Прежде всего бросается въ глаза, что *Реслеръ* ни съ того, ни съ сего переходитъ отъ самого капитала къ пользованію таковымъ. Далѣе *Реслеръ* напоминаетъ, что нельзя смѣшивать количество и цѣнность выручки; это представляетъ собою весьма вѣрный совѣтъ, который долженъ былъ бы имѣть въ виду самъ *Реслеръ* въ своихъ предыдущихъ разсужденіяхъ (см. выше стр. 208 и сл.). Затѣмъ въ нѣкоторомъ смыслѣ вѣрно, что количество и цѣнность величины диаметрально противоположныя, только не въ томъ смыслѣ, въ которомъ это представляетъ *Реслеръ*. Чѣмъ больше существуетъ экземпляровъ какого-либо рода благъ, тѣмъ меньше цѣнность каждаго *отдѣльнаго экземпляра*—*caeteris paribus*—это вѣрно, но невѣрно то, что цѣнность всѣхъ благъ извѣстнаго рода, *вмѣстѣ взятыхъ*, тѣмъ меньше, чѣмъ больше существуетъ экземпляровъ даннаго блага. Если урожай даетъ 10 милліоновъ мѣръ хлѣба вмѣсто пяти милліоновъ, то я, не задумываясь, соглашусь, что цѣнность одной мѣры теперь меньше, чѣмъ раньше. Но я сомнѣваюсь въ томъ, что цѣнность этихъ 10 милліоновъ мѣръ, *вмѣстѣ взятыхъ*, будетъ меньше цѣнности прежнихъ 5 милліоновъ, по крайней мѣрѣ ихъ потребительная цѣнность, о которой вѣдь говоритъ *Реслеръ*.

Но отбросимъ эти сомнѣнія и допустимъ вмѣстѣ съ *Реслеромъ*, что это вѣрно: чѣмъ больше продуктовъ производитъ капиталъ, тѣмъ меньше цѣнность этихъ продуктовъ, *вмѣстѣ взятыхъ*. Говоритъ ли это хоть что-нибудь въ пользу паденія процентной нормы?

Я не могу себѣ представить, что именно. *Реслеръ* самъ

сказалъ, что потребительная цѣнность капитала заключается въ потребительной цѣнности его продукта. Если цѣнность продукта теперь меньше, то естественно будетъ уменьшаться также и цѣнность капитала, т. е. цѣнность различныхъ средствъ производства — фабрикъ, машинъ, сырого матеріала и т. д. Но ничто не говоритъ въ пользу того, что при этомъ должна также падать и процентная норма. Можно обратиться къ *Реслеру* съ тѣмъ же упрекомъ, съ которымъ онъ обратился къ *Кэри*: „дѣло въ томъ, что нужно объяснить, почему процентъ на цѣнность въ 100 равнялся раньше 5%, а теперь 4%, а не почему за машину, которая стоила раньше 100, а теперь 80, даютъ теперь 4, а раньше 5“.

Если меньшая цѣнность „продукта капитала“ должна имѣть вліяніе на процентную норму, то это будетъ справедливо только въ томъ случаѣ, если слово „продуктъ капитала“ понимать опять въ совершенно другомъ смыслѣ, а именно, какъ чистый продуктъ капитала, т. е., какъ излишекъ цѣнности валовой выручки надъ цѣнностью капитала. Величина этого „продукта“, конечно, находится въ непосредственной связи съ процентной нормой. И, въ самомъ дѣлѣ, кажется, что *Реслеръ*, въ силу одной изъ многихъ неопредѣленностей своихъ понятій, въ этомъ доказательствѣ, какъ и раньше, понимаетъ подъ словомъ „продуктъ капитала“ именно чистый продуктъ ¹⁾).

Но въ этомъ проявляется еще одна слабая сторона *Реслера*. Онъ глубоко заблуждается въ своемъ взглядѣ на излишекъ производства, какъ на герметически замкнутую величину, цѣнность которой опредѣляется самостоятельно, въ зависимости отъ количества и годности содержащихся въ ней единицъ: условіемъ и причиной значительныхъ размѣровъ излишка является рѣдкость, а, слѣдовательно, и высокая цѣнность содержащихся въ немъ единицъ, и, наоборотъ, условіемъ незначительныхъ размѣровъ этого излишка является многочисленность, а, слѣдовательно, и низкая цѣнность содержащихся въ немъ единицъ.

¹⁾ Это проявляется, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ мѣстѣ, р. 462: „Если бы процентъ упалъ до нуля, то это явленіе произошло бы не отъ того, что исчезла производительность капитала, а отъ того, что послѣдняя возросла настолько, что *продукты капитала* не имѣютъ уже цѣнности“. Прибыль на капиталъ достигаетъ нулевой точки тогда, когда будетъ равна нулю цѣнность *излишка* продукта, а не въ томъ случаѣ, когда равенъ нулю *весь* продуктъ капитала, такъ какъ въ такомъ случаѣ получился бы убытокъ — весь первоначальный капиталъ.

Такой взгляд на природу излишка существенно невѣренъ. Излишекъ представляетъ собою самую несамостоятельную вещь въ мѣрѣ, а цѣнность и даже существованіе его опредѣляются факторами, лежащими исключительно внѣ такового. Существованіе или несуществованіе излишка, равно какъ и величина цѣнности такового, зависятъ всегда отъ двухъ условій: отъ цѣнности валового продукта, полученнаго благодаря примѣненію капитала, съ одной стороны, и отъ цѣнности амортизаціонной доли капитала, съ другой. Если первая величина превышаетъ вторую, то получается излишекъ, излишекъ тѣмъ большій, чѣмъ больше разность между этими величинами. *Этимъ одновременно опредѣляется также, сколько единицъ слѣдуетъ отнести къ излишку, и какой цѣнностью будетъ обладать каждая изъ нихъ. Но ни въ коемъ случаѣ нельзя разсуждать наоборотъ, что число единицъ, входящихъ въ составъ излишка, и цѣнность каждой изъ нихъ могли бы опредѣлить величину этого излишка.* Приписывать количеству единицъ, входящихъ въ составъ излишка, и цѣнности каждой изъ нихъ причинное вліяніе на существованіе и величину такового, значило бы отвѣтить на вопросъ: „почему получился излишекъ?“ — „потому что получился“, а на вопросъ: „почему получился значительный излишекъ?“ — „потому что онъ значителенъ“.

Такимъ образомъ, критика открываетъ въ ученіи Реслера одно слабое мѣсто за другимъ. Оно неудовлетворительно отъ начала до конца, оно не устанавливаетъ гармоніи между находящимися въ противорѣчій паденіемъ процентной нормы и ростомъ производительности; а вмѣстѣ съ этимъ неразрѣшеннымъ противорѣчіемъ остается также въ силѣ убѣдительный аргументъ противъ вѣрности всѣхъ теорій, считающихъ процентъ исключительно слѣдствіемъ производительности капитала.

Въ болѣе позднемъ сочиненіи, вышедшихъ въ 1878-омъ году, „Vorlesungen über Volkswirtschaft“, Реслеръ существенно измѣнилъ свои взгляды, но все же онъ и не далъ разрѣшенія проблемы, выдерживающаго критику.

Капиталъ (собственность) ему теперь представляется не только производительнымъ, но даже исключительно производительнымъ, между тѣмъ какъ самый трудъ, эта „подчиненная сила собственности, заключающейся въ капиталѣ“ (die dienende Kraft des im Capital liegenden Besitzes), не производителенъ ¹⁾. Производительность капитала основыв-

¹⁾ Ср. стр. 141, 143, 148, 219, 295, 426, 431 и др.

вается на власти надъ силами природы, въ которой и заключается сущность таковой; власть же эта проявляется посредствомъ службы подчиненнаго ему труда ¹⁾. Цѣнность по *Реслеру* является „мѣриломъ производительной силы собственности“ ²⁾. Такъ какъ эта сила постоянно возрастаетъ, то и цѣнность имѣетъ тенденцію постоянно возрастать ³⁾; той же тенденціей обладаетъ и цѣна всѣхъ благъ, которой вѣдь „оплачивается цѣнность благъ“ ⁴⁾. Объясненіе общаго возрастанія цѣнъ паденіемъ цѣнности благородныхъ металловъ совершенно ошибочно, такъ какъ цѣнность послѣднихъ также постоянно возрастаетъ ⁵⁾. Рента на капиталъ разсматривается вездѣ, какъ естественное слѣдствіе производительности капитала, а вопросъ объ ея происхожденіи опредѣленно и не выдвигается. Наконецъ, паденіе процентной нормы объясняется весьма странно слѣдующимъ образомъ: при ростѣ производительности увеличивается всякая цѣнность, слѣдовательно, „возрастаетъ также основной капиталъ, представляющій собою имущественную цѣнность“; изъ этого дѣлается выводъ, что увеличенная выручка капитала должна представлять собою меньшую долю основного капитала. „Доля капиталиста, какъ и доля труда, должна соответствовать росту производительной услуги; но такъ какъ вмѣстѣ съ этой послѣдней возрастаетъ и основной капиталъ, представляющій собою имущественную цѣнность, то, *по необходимости*, должна относительно падать и рента на капиталъ. Если рента возрастаетъ отъ пяти до десяти, а цѣнность земли или капитала отъ ста до трехсотъ, то новую выручку на капиталъ слѣдуетъ оцѣнить въ отношеніи десяти къ тремстамъ; выражая доходъ въ процентахъ, мы нашли бы, что процентная норма понизилась отъ 5 до $3\frac{1}{3}\%$ “ (стр. 437).

А почему же—можно здѣсь задать вопросъ—„доля капитала“ не могла бы подняться отъ 5 до 15, а цѣнность основного капитала только отъ 100 до 200? *Реслеръ* не только не объяснилъ и не доказалъ, но даже не заикнулся о томъ, что цѣнность основного капитала должна возрастать съ ростомъ производительности въ большей степени, чѣмъ рента. Въ такомъ случаѣ процентная норма не понизилась бы, а возрасла бы отъ 5 до $7\frac{1}{2}\%$!

1) См. стр. 75, 76, 127, 131, 148 и др.

2) Стр. 222, 223, 224 и др.

3) Стр. 224.

4) Стр. 289 и сл.

5) Стр. 292.

Эта небольшая выдержка, я полагаю, уже весьма убедительно свидѣтельствуешь о томъ, что *Реслеръ* въ новѣйшемъ видѣ своего ученія даетъ еще менѣе удовлетворительное объясненіе нашей проблемы, чѣмъ прежде.

Между тѣмъ теоріи производительности сдѣлались предметомъ серьезныхъ и сильныхъ нападеній. *Родбертусъ* въ спокойной, дѣльной критикѣ обвинилъ ихъ въ томъ, что онѣ смѣшиваютъ вопросы распредѣленія съ вопросами производства; что предположеніе, будто часть валового продукта, составляющая прибыль на капиталъ, является специфическимъ продуктомъ капитала, представляетъ собою *petitio principii*; что, напротивъ, единственнымъ источникомъ всѣхъ благъ является трудъ. *Лассаль* и *Марксъ* затѣмъ видоизмѣнили эту тему, каждый по-своему—первый съ увлеченіемъ и остроуміемъ, второй съ искренней беззабѣнчивостью.

Эти нападенія вызвали возраженіе со стороны теоретиковъ производительности, которымъ я и закончу эту весьма обширную главу. Несмотря на то, что это возраженіе вышло изъ подъ пера очень молодого еще ученаго, оно все же заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, отчасти въ виду положенія автора, который—будучи членомъ семинарія политическихъ наукъ въ Іенѣ—находился въ близкой научной связи съ лицами, стоявшими въ то время во главѣ исторической школы въ Германіи, такъ что на него можно смотрѣть, какъ на представителя взглядовъ, господствующихъ въ этой школѣ, отчасти же въ виду причинъ, вызвавшихъ таковое. Такъ какъ это возраженіе было составлено при основательномъ знакомствѣ съ тѣми серьезными нападеніями, которыя незадолго до этого были направлены *Марксомъ* въ его „Капиталъ“ противъ ученія о производительности капитала и для отраженія этихъ нападеній, то мы въ правѣ ожидать, что оно содержитъ въ себѣ все лучшее и наиболѣе убедительное изъ того, что его авторъ былъ въ состояніи привести послѣ долгихъ критическихъ размышленій въ пользу теоріи производительности.

Это возраженіе изложено въ двухъ статьяхъ, которыя *К. Страсбургеръ* опубликовалъ въ 1871-мъ году въ „Hildebrand's Jahrbücher für National-Oekonomie und Statistik“ подъ заглавіемъ „Zur Kritik der Lehre Marx' vom Capitale“ и „Kritik der Lehre vom Arbeitslohn“ ¹⁾.

¹⁾ Томъ 16-ый, стр. 93 и сл., томъ 17-ый, стр. 298 и сл.

Суть своего ученія *Страсбургеръ* изложилъ во второй изъ выше названныхъ статей ¹⁾ въ словахъ: „капитальъ приводитъ въ дѣйствіе силы природы, которыя, хотя онѣ и доступны всякому, часто можно использовать въ извѣстномъ производствѣ только при содѣйствіи капитала. Не всякій обладаетъ средствами подчинить себѣ силы природы; сила того, кто трудится при содѣйствіи незначительнаго капитала, поглощается операціями, выполняемыми силами природы для другого, обладающаго большимъ капиталомъ. *Поэтому дѣйствіе силъ природы, вызванное содѣйствіемъ капитала, не представляетъ собою дара природы; оно принимается въ расчетъ при обмѣнѣ, и человекъ, не обладающій капиталомъ, долженъ уступить капиталисту продуктъ своего собственнаго труда за дѣйствіе силъ природы. Капиталъ, слѣдовательно, производитъ цѣнности, но роль его въ производствѣ глубоко отлична отъ роли труда“.*

Нѣсколько дальше ²⁾ онъ говоритъ: „уже изъ вышесказаннаго ясно, какъ мы понимаемъ производительность капитала. *Капиталъ производитъ цѣнности, присоединяя къ силамъ природы трудъ, который въ противномъ случаѣ долженъ былъ бы совершить самъ человекъ.* Производительность капитала, слѣдовательно, основывается на томъ, что онъ по своей роли въ производствѣ отличается отъ живого труда. Мы говоримъ, что дѣйствіе силъ природы при обмѣнѣ разсматривается, какъ эквивалентъ человѣческаго труда. *Марксъ* же говоритъ противоположное. Если содѣйствіе силъ природы для труда одного рабочаго болѣе, чѣмъ для труда другого, то первый, по мнѣнію *Маркса*, производитъ болшую потребительную цѣнность, такъ какъ количество продукта увеличивается; но дѣйствіе силъ природы не увеличиваетъ мѣновой цѣнности произведенныхъ рабочимъ товаровъ. Для опроверженія этого взгляда достаточно вспомнить то, о чемъ мы упоминали уже выше,—что не всѣ обладаютъ равными средствами для подчиненія себѣ силъ природы; не обладающіе капиталомъ должны пріобрѣсти дѣйствіе такового своимъ собственнымъ трудомъ, а если они работаютъ при содѣйствіи чужого капитала, то они должны уступать его собственнику часть произведенной цѣнности. Эта часть вновь созданной цѣнности представляетъ собою прибыль на капиталъ; получение капитали-

1) Jahrbücher, томъ 17-ый, стр. 325, въ концѣ.

2) Стр. 329.

стомъ извѣстнаго дохода обуславливается природой капитала“.

Если выразить высказанныя здѣсь основныя мысли въ еще болѣе сжатомъ видѣ, то получимъ слѣдующее:

Силы природы сами по себѣ хотя и свободны, но использовать таковыя можно часто только при помощи капитала. Такъ какъ затѣмъ капиталъ существуетъ только въ ограниченномъ количествѣ, то собственники капитала имѣютъ возможность получать вознагражденіе за содѣйствіе силъ природы, вызванное при помощи ихъ капитала. Это вознагражденіе представляетъ собою прибыль на капиталъ. Послѣдняя, слѣдовательно, объясняется *необходимостью вознаграждать капиталиста за содѣйствіе силъ природы*.

Какова же убѣдительность этого ученія?

Къ предпосылкамъ, изъ которыхъ выходитъ *Страсбургеръ*, я не буду относиться особенно строго. Я безъ оговорокъ соглашаюсь, что многія силы природы могутъ быть используемы только при содѣйствіи капитала; я соглашаюсь также, что вслѣдствіе ограниченнаго количества капитала собственники такового могутъ требовать вознагражденія за содѣйствіе силъ природы, вызванное капиталомъ. Но я не могу согласиться съ тѣмъ, что изъ этихъ предпосылокъ вытекаетъ хоть что-либо для объясненія происхожденія процента на капиталъ. Взглядъ, будто *процентъ на капиталъ* является слѣдствіемъ сдѣланныхъ предпосылокъ, представляетъ собою необдуманную и немотивированную гипотезу *Страсбургера*, такъ какъ эти предпосылки въ силу своей природы должны проявить свое дѣйствіе въ совершенно иныхъ хозяйственныхъ явленіяхъ.

Я надѣюсь, что мнѣ будетъ нетрудно обнаружить ошибку *Страсбургера*.

Возможно только одно изъ двухъ: или капиталъ существуетъ въ столь ограниченномъ количествѣ, что капиталисты могутъ требовать вознагражденія за вызванное капиталомъ содѣйствіе силъ природы, или же нѣтъ. Теорія *Страсбургера* предполагаетъ первое, предположимъ-те мы то же.

Изслѣдуемъ теперь, каковъ хозяйственный процессъ, благодаря которому капиталистъ можетъ получить вознагражденіе за дѣйствіе силъ природы.

Отвѣтъ: „этотъ процессъ выражается въ полученіи прибыли на капиталъ“ — представлялъ бы собою необдуманную *petitio principii*. Уже поверхностное размышленіе покажетъ, что, если только вообще процентъ на капиталъ получается,

какъ вознагражденіе за содѣйствіе силъ природы, то онъ можетъ получиться изъ болѣе сложныхъ хозяйственныхъ явленій, только какъ второстепенное слѣдствіе. Такъ какъ силы природы зависятъ отъ капитала, то, очевидно, онѣ могутъ быть используемы только одновременно съ использованиемъ услугъ капитала. А такъ какъ капиталъ созданъ благодаря затратѣ труда и при употребленіи или уничтоженіи сразу или же снашивается постепенно, то ясно, что при использованіи услугъ капитала долженъ оплачиваться и трудъ, овеществленный въ капиталѣ. Слѣдовательно, вознагражденіе за силы природы можетъ доставаться капиталисту только въ видѣ составной части *валовой выручки*, содержащей, независимо отъ этого вознагражденія, еще другое за затрату труда.

Выражаясь точнѣе, хозяйственнымъ процессомъ, благодаря которому капиталистъ добивается вознагражденія за силы природы, является продажа услугъ его капитала за цѣну, превышающую ту, которая соотвѣтствовала бы затратѣ труда, понадобившагося для производства даннаго капитала. Если, напр., машина, существующая въ теченіе года, была создана съ затратой труда 365 дней, а обычная поденная плата равняется одному гульдону, то продажа ежедневной услуги машины за одинъ гульденъ была бы только скуднымъ вознагражденіемъ за трудъ, овеществленный въ машинѣ, а для вознагражденія силъ природы, использованію которыхъ содѣйствуетъ машина, не осталось бы уже ничего. Вознагражденіе за дѣйствіе силъ природы получается только въ томъ случаѣ, если ежедневная услуга машины оплачивается суммой, *превышающей* гульденъ, напр., 1 г. 10 кр.

Этотъ общій процессъ можетъ принять, въ свою очередь, нѣсколько различныхъ частныхъ видовъ.

Одинъ изъ этихъ видовъ имѣетъ мѣсто тогда, если собственникъ капитала самъ употребляетъ таковой, какъ предприниматель производства. Въ такомъ случаѣ вознагражденіе за полную услугу капитала заключается прежде всего въ долѣ продукта, остающейся послѣ вычета всѣхъ остальныхъ издержекъ производства, издержекъ на пользованіе землей и непосредственный трудъ,—эта доля представляетъ собою „валовую выручку на капиталъ“. Если эта послѣдняя составляетъ ежедневно 1 г. 10 кр., и если для вознагражденія труда, создавшаго капиталъ, сношенный въ теченіе этого дня, требуется одинъ гульденъ, то излишекъ въ 10 кр. представляетъ собою ежедневное вознагражденіе

за силы природы.—Изъ этого еще не вытекаетъ, что данный излишекъ представляетъ собою *прибыль на капиталъ*; этотъ вопросъ мы рѣшимъ ниже.

Другимъ, болѣе непосредственнымъ путемъ услуга капитала можетъ вознаграждаться въ *наймъ*. Если за наемъ машины платятъ въ день 1 г. 10 кр., то, какъ и раньше, доля выручки въ одинъ гульденъ явится вознагражденіемъ за трудъ, затраченный на производство машины, а излишекъ въ 10 кр.—вознагражденіемъ за силы природы.

Но существуетъ еще третій способъ отчужденія услуги капитала: онъ состоитъ въ отчужденіи *самого капитала*, что въ хозяйственномъ отношеніи равносильно общему отчужденію всѣхъ услугъ, которыя вообще капиталъ можетъ оказать ¹⁾. Будетъ ли капиталистъ довольствоваться при такомъ видѣ отчужденія вознагражденіемъ за трудъ, овеществленный въ машинѣ, и не будетъ ли онъ требовать также вознагражденія за силы природы, использованію которыхъ онъ содѣйствуетъ?—Безъ сомнѣнія, онъ будетъ требовать. Нѣтъ основанія думать, что капиталистъ станетъ требовать вознагражденія за силы природы при послѣдовательномъ отчужденіи услугъ машины и не станетъ требовать такового при общемъ отчужденіи—тѣмъ болѣе, что количество капитала, какъ это мы предположили вмѣстѣ со *Страсбургеромъ*, такъ ограничено, что капиталистъ можетъ вынудить такое вознагражденіе.

Въ какомъ видѣ выразится теперь вознагражденіе за силы природы?—Очевидно, въ томъ, что покупная цѣна машины будетъ превышать сумму, соотвѣтствующую обычному вознагражденію труда, затраченнаго на производство машины; значить, если машина стоила 365 рабочихъ дней по одному гульдену, то ея покупная цѣна будетъ *больше* 365 гульденовъ. И такъ какъ нѣтъ основанія полагать, что при общемъ отчужденіи услугъ капитала силы природы должны вознаграждаться въ меньшей степени, чѣмъ при послѣдовательномъ отчужденіи, то мы можемъ, соотвѣтственно нашимъ прежнимъ предположеніямъ, считать и здѣсь вознагражденіе силъ природы равнымъ 10 процентамъ вознагражденія за трудъ. Слѣдовательно, цѣна капитала машины равнялся бы $365 + 36,5 = 401,5$ гульд.

Какъ же, при сдѣланныхъ предположеніяхъ, обстоитъ дѣло съ процентомъ на капиталъ?—Это нетрудно показать. Соб-

¹⁾ Ср. *Книга*, Der Credit, II часть стр. 34 и сл., затѣмъ 77 и сл. Кроме того см. ниже отдѣлъ VIII.

ственникъ машины, примѣняющій ее въ собственномъ предпріятіи или отдающій ее въ наемъ, получаетъ за ея службу въ теченіе года существованія таковой ежедневно 1 г. 10 кр. Это составляетъ общій доходъ въ $365 \times 1 \text{ г. } 10 = 401,5 \text{ г.}$ А такъ какъ въ теченіе этого года и машина перестала существовать вслѣдствіе порчи, и ея цѣнность равняется цѣлымъ 401,5 г., то излишекъ, чистый процентъ на капиталъ, равняется нулю. Слѣдовательно, несмотря на то, что капиталистъ получилъ вознагражденіе за силы природы, процента на капиталъ все же нѣтъ—ясное доказательство того, что причина процента на капиталъ должна заключаться въ явленіи, отличномъ отъ вознагражденія силъ природы.

Я ожидаю, что въ этомъ мѣстѣ мнѣ сдѣлають возраженіе. Мнѣ скажутъ, что цѣнность капитала ни въ коемъ случаѣ не можетъ оставаться на такой высотѣ, чтобы человѣкъ, создавшій таковой, могъ получить въ покупной цѣнѣ еще премію за силы природы: вѣдь въ такомъ случаѣ производство капиталовъ было бы слишкомъ выгодно; это породило бы конкуренцію, которая въ концѣ концовъ низвела бы цѣнность капитала до цѣнности труда, затраченнаго на его производство. Если бы, напр., цѣна машины, стоившей 365 рабочихъ дней, равнялась 401,5 гульденамъ вслѣдствіе вознагражденія силъ природы, использованію которыхъ машина содѣйствуетъ, то—при прежней величинѣ заработной платы въ одинъ гульденъ—трудъ, направленный на производство такихъ машинъ, былъ бы выгоднѣе всякаго другого; вслѣдствіе этого эта отрасль промышленности находила бы себѣ многочисленныхъ представителей, и производство такихъ машинъ распространялось бы до тѣхъ поръ, пока ростъ конкуренціи не низвелъ бы цѣну каждой отдѣльной машины до 365-и гульденовъ, а вознагражденіе за трудъ, получаемое при производствѣ такихъ машинъ, до нормальной величины.—Я безъ оговорокъ признаю возможность такого факта. Но я въ свою очередь задаю вопросъ: если машины такъ распространены, что вслѣдствіе слишкомъ большой конкуренціи человѣкъ, производящій таковыя, долженъ согласиться при продажѣ на скудное вознагражденіе за свой трудъ, если онъ не можетъ требовать *никакого* вознагражденія за силы природы, использованію которыхъ онъ содѣйствуетъ,—то какимъ же образомъ онъ вдругъ сможетъ требовать вознагражденія за силы природы при отдачѣ въ наемъ или личномъ употребленіи тѣхъ же машинъ? Одно или другое! Или машины достаточно рѣдки, такъ что имѣется возможность требовать добавочнаго вознагражденія за силы

природы,— тогда ихъ рѣдкость будетъ имѣть одно и то же значеніе при продажѣ и при отдачѣ въ наемъ, и цѣнность капитала возрастетъ до поглощенія валового процента, если нѣтъ другихъ причинъ, противодѣйствующихъ росту такой. Или же машины такъ распространены, что вслѣдствіе давленія конкуренціи невозможно требовать добавочнаго вознагражденія за силы природы,—и тогда дѣло будетъ обстоять одинаково при отдачѣ въ наемъ и при продажѣ, и валовой процентъ будетъ падать до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ поглощенъ опять-таки амортизаціей, если и здѣсь нѣтъ другихъ причинъ, противодѣйствующихъ сліянію этихъ двухъ величинъ, причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ вознагражденіемъ за силы природы.

Странная случайность проявляется въ томъ, что мотивированная теорія производительности послѣ почти 70-тилѣтняго развитія остановилась почти на томъ же мѣстѣ, изъ котораго онѣ вышли. То, что въ 1871-омъ году говорилъ *Страсбургеръ*, по существу ничѣмъ не отличается отъ того, что въ 1804-омъ году говорилъ *Лодердаль*. Сила капитала, „замѣняющая трудъ“, содѣйствующая, благодаря своей рѣдкости и въ зависимости отъ таковой, полученію вознагражденія капиталистомъ, только по названію отличается отъ силъ природы, использованію которыхъ способствуетъ капиталъ, и которыя также должны вознаграждаться, въ зависимости отъ рѣдкости капитала. И здѣсь и тамъ наблюдается то же смѣшеніе валового процента и цѣнности капитала, съ одной стороны, и чистаго процента, съ другой, то же невѣрное толкованіе дѣйствительныхъ слѣдствій сдѣланныхъ предположеній, то же поверхностное отношеніе къ дѣйствительнымъ причинамъ объясняемаго явленія.

Возвращеніе къ отправной точкѣ свидѣтельствуетъ о бесплодности промежуточнаго развитія. Эта бесплодность не случайна. Не простую злосчастную случайность представляетъ собою и то обстоятельство, что никто не нашель того магическаго слова, которое могло бы объяснить таинственное происхожденіе процента на капиталъ изъ производительности послѣдняго. Такого слова не могли найти потому, что отправная точка по пути къ истинѣ была выбрана невѣрно. Уже самая попытка дать полное и всеобъемлющее объясненіе процента, основанное на производительной силѣ капитала, безнадежна. Это было бы возможно только тогда, если бы существовала сила, которая прямо заставляла бы „прибавочную цѣнность“ расти такъ, какъ на полѣ

растетъ пшеница! Но такой силы нѣтъ. Производительная сила можетъ создать только много продуктовъ, даже *много* цѣнности, но она никогда не создастъ *излишка* цѣнности. Процентъ на капиталъ представляетъ собою излишекъ, разность, которую даетъ уменьшаемое—„продуктъ капитала“—надъ вычитаемымъ—„цѣнностью затраченнаго капитала“. Производительная сила капитала можетъ выражаться только въ увеличеніи уменьшаемаго. Но, если дѣло зависитъ только отъ этой силы, то она не въ состояніи это сдѣлать, не увеличивая до той же нормы и вычитаемаго. Производительная сила неоспоримо представляетъ собою и причину и масштабъ цѣнности самого капитала, въ которомъ она заключается. Если при помощи капитала ничего нельзя произвести, то онъ и самъ не обладаетъ цѣнностью. Если при помощи капитала можно произвести лишь немного продуктовъ, то и его цѣнность не велика; если же при его помощи можно произвести много продуктовъ, то и онъ самъ обладаетъ большою цѣнностью, цѣнностью тѣмъ большей, чѣмъ больше продуктовъ можно произвести при его помощи, и чѣмъ больше цѣнность таковыхъ. Слѣдовательно, какъ бы велика ни была производительная сила капитала, она можетъ, правда, значительно увеличить уменьшаемое, но—пока это зависитъ отъ нея одной—до той же нормы увеличится и вычитаемое, и остатка—излишка—не окажется.

Въ заключеніе я позволю себѣ еще привести одно сравненіе. Если рѣку поперекъ загородить плотиной, то уровень воды впереди плотины будетъ ниже, чѣмъ позади. Если кто-нибудь спроситъ о причинѣ, почему вода позади плотины выше, чѣмъ впереди, то будетъ ли кто-либо считать обиліе воды въ рѣкѣ причиной этого явленія? Конечно, нѣтъ! Правда, обиліе воды является причиной того, что вода позади плотины находится на *высокомъ* уровнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это обиліе—поскольку данное явленіе зависитъ только отъ послѣдняго—стремится поднять настолько же и уровень воды впереди плотины. Оно является причиной „высокаго“ уровня воды, но причиной „болѣе высокаго“ уровня является не обиліе воды, а плотина.

Какое значеніе имѣетъ для разности уровня воды обиліе ея, какое значеніе имѣетъ для прибавочной цѣнности производительности капитала. Послѣдняя можетъ быть удовлетворительной причиной того, что цѣнность продукта капитала велика, но она не можетъ быть удовлетворительной причиной того, что его цѣнность больше цѣнности самого капитала, уровень котораго поддерживается и поднимается

производительностью въ такой же степени, какъ и уровень продукта. Дѣйствительной причиной этого „излишка“ является и здѣсь своего рода плотина, которой теорія производительности въ собственномъ смыслѣ даже не называетъ по имени, плотина, которой рядъ другихъ теорій ищетъ въ различныхъ явленіяхъ—то въ жертвѣ пользованія, то въ жертвѣ воздержанія, то въ жертвѣ труда по образованію капитала, то прямо въ эксплуатационномъ давленіи капиталистовъ на рабочихъ,—но природа и дѣйствія этой плотины до сихъ поръ еще не опредѣлены съ достаточной убѣдительностью 1).

1) Нѣкоторые изъ моихъ читателей вѣроятно удивляются, почему я, рѣшительный противникъ теоріи производительности, совершенно не пользуюсь той сильной поддержкой, которую могла бы оказать мнѣ критика этой теоріи социалистами, другими словами, почему я не опровергаю теоріи производительности аргументомъ, что и капиталъ представляетъ собою продуктъ труда, и что, слѣдовательно, если онъ и производителенъ, то его производительность не первоначальная. Я не пользовался этимъ аргументомъ лишь потому, что для теоретическаго объясненія процента на капиталъ я приписываю этому аргументу только второстепенное значеніе. По-моему, дѣло обстоитъ такъ. Кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что капиталъ, разъ онъ уже произведенъ, совершаетъ нѣкоторое производительное дѣйствіе, что, напр., паровая машина представляетъ собою причину извѣстнаго производительнаго дѣйствія. Основной теоретическій вопросъ, возникающій при объясненіи этого факта, таковъ: „представляетъ ли эта производительная сила уже существующаго капитала удовлетворительную причину процента на капиталъ?“ Если бы на этотъ вопросъ можно было отвѣтить утвердительно, то, конечно, слѣдовало бы задать второй вопросъ: самостоятельна ли производительная сила капитала, или же она является только слѣдствіемъ труда, создавшаго капиталъ? Другими словами, не слѣдуетъ ли полагать, что (человѣческой) *трудо*—при посредствѣ капитала—является дѣйствительнымъ источникомъ процента на капиталъ? Такъ какъ уже на первый вопросъ я отвѣтилъ отрицательно, то мнѣ нечего было разбираться въ этомъ условномъ вопросѣ о первоначальности производительной силы капитала. — Впрочемъ, мнѣ въ одномъ изъ послѣдующихъ отдѣловъ (XII) придется высказываться и по этому послѣднему вопросу.

Со времени появленія перваго изданія этого сочиненія сдѣлано еще нѣсколько попытокъ отстоять теорію производительности въ томъ или другомъ видоизмѣненіи. О самыхъ важныхъ изъ этихъ попытокъ я упомяну ниже, въ приложеніи, посвященномъ современной литературѣ о процентѣ.

VIII.

Теоріи пользованія.

Теоріи пользованія являются вѣтвью теорій производительности, которая вскорѣ сдѣлалась самостоятельной и своеобразной.

Эти теоріи исходятъ какъ разъ изъ той мысли, которая приводитъ къ крушенію теоріи производительности въ собственномъ смыслѣ,—изъ мысли о существованіи опредѣленной зависимости между цѣнностью продуктовъ и цѣнностью средствъ производства, затраченныхъ на ихъ изготовленіе. Если, какъ начали сознавать, цѣнность продукта принципиально тождественна съ цѣнностью затраченныхъ средствъ производства, то уже никоимъ образомъ нельзя объяснить „прибавочную цѣнность“ производительностью капитала. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше производительность капитала увеличиваетъ цѣнность продукта, тѣмъ больше она должна увеличить и собственную цѣнность капитала, принципиально съ нею тождественную; послѣдняя, подобно тѣни, должна сопровождать первую, между ними не можетъ поэтому быть никакого расхожденія.

А между тѣмъ такое расхожденіе существуетъ. Почему?

Почти само собою явилось въ только что изложенномъ ходѣ мыслей новое объясненіе.

Если, съ одной стороны, вѣрно, что цѣнность каждаго продукта тождественна съ цѣнностью затраченныхъ средствъ производства, и если, съ другой стороны, наблюдается, что цѣнность продукта все-таки постоянно превышаетъ цѣнность затраченнаго на его изготовленіе капитала, то сама собою напрашивается мысль, что затраченный капиталъ не обнимаетъ собою всѣхъ жертвъ, принесенныхъ для изготовленія продукта, что, можетъ быть, на ряду съ этимъ капиталомъ существуетъ еще факторъ, который такъ же необ-

ходимъ для производства, и на счетъ котораго должна быть отнесена часть цѣнности продукта, именно загадочная „прибавочная цѣнность“.

Этотъ факторъ стали искать и нашли—даже не одинъ, а нѣсколько. Такъ какъ о природѣ этого фактора сложились три различныя мнѣнія, то изъ общаго основнаго положенія выросли три различныхъ теоріи: *теорія пользованія*, *теорія воздержанія* и *трудоваго теорія*. Ближе всего къ теоріямъ производительности находится теорія пользованія, которая сначала разсматривалась только какъ дополненіе къ первымъ.

Теорія пользованія покоится на слѣдующихъ основныхъ мысляхъ.

На ряду съ субстанціей капитала и *употребленіе* такового или *пользованіе* имъ составляетъ предметъ самостоятельнаго существованія и самостоятельной цѣнности. Чтобы получить выручку на капиталъ, недостаточно принести въ жертву только субстанцію капитала, а нужно также жертвовать и „пользованіемъ“ затраченнымъ капиталомъ на все время производства. А такъ какъ принципиально цѣнность продукта равна суммѣ цѣнностей затраченныхъ на его изготовленіе средствъ производства, и такъ какъ, согласно сказанному, субстанція капитала и пользованіе капиталомъ, только вмѣстѣ взятыя, эквиваленты цѣнности „продукта“, то ясно, что этотъ послѣдній долженъ быть больше, чѣмъ цѣнность одной только субстанціи капитала. Такимъ образомъ объясняется явленіе прибавочной цѣнности, которая представляетъ собою не что иное, какъ долю цѣнности одной изъ жертвъ—„пользованія капиталомъ“.

Эта теорія, правда, предполагаетъ, что капиталъ производителенъ, но только въ мало опредѣленномъ и совершенно безвредномъ смыслѣ, а именно въ томъ смыслѣ, что сотрудничество капитала при данномъ количествѣ труда способствуетъ производству большаго количества продуктовъ, чѣмъ какое могъ бы произвести трудъ безъ этого сотрудничества. При этомъ нѣтъ уже необходимости въ томъ, чтобы былъ выгоденъ капиталистическій процессъ производства *въ цѣломъ*, процессъ, состоящій въ образованіи капитала и пользованіи таковымъ ¹⁾. Если, напр., при помощи 100 дней труда заготовляютъ сѣть, а потомъ при помощи этой сѣти за слѣдующіе 100 дней ея существованія словятъ 500 рыбъ, между тѣмъ какъ безъ сѣти ежедневно можно было бы ловить 3 рыбы, то очевидно, что весь процессъ не предста-

¹⁾ Ср. выше, стр. 136. Прим. г-е.

вляеть никакой выгоды. Несмотря на примѣненіе капитала, при затратѣ 200 дней труда словили только 500 рыбъ, между тѣмъ какъ безъ помощи капитала можно было словить 600 рыбъ. А между тѣмъ на основаніи теоріи пользованія—въ дѣйствительности такъ оно и бываетъ, — разъ сѣтъ изготовлена, то она должна непремѣнно приносить процентъ на капиталъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ сѣтъ изготовлена, то при ея помощи можно словить больше рыбъ, чѣмъ безъ нея, а этого достаточно, чтобы излишекъ въ 200 рыбъ можно было приписать сѣти. Однако, этотъ излишекъ приписывается сѣти только вмѣстѣ съ пользованіемъ таковою. Итакъ, часть рыбъ, напр., 190, или же цѣнность таковыхъ, относится на счетъ субстанции сѣти, а остальные — на счетъ пользованія сѣтью, вслѣдствіе чего и появляются прибавочная цѣнность и процентъ на капиталъ.

Если, такимъ образомъ, на основаніи теоріи пользованія для появленія прибавочной цѣнности достаточно уже очень скромной степени физической производительности капитала, то само собою понятно, что эта теорія ни въ коемъ случаѣ не предполагаетъ непосредственной *цѣнностной производительности*, строго говоря, она принципиально даже исключаетъ такую.

Отношеніе теорій пользованія къ производительности капитала не выяснено въ сочиненіяхъ теоретиковъ пользованія такимъ образомъ, какъ я постарался это сдѣлать въ настоящемъ мѣстѣ. Даже, напротивъ, ссылки на производительность капитала довольно долго идутъ параллельно съ развитіемъ теоріи пользованія въ собственномъ смыслѣ и нерѣдко приводятся въ тонѣ, заставляющемъ насъ сомнѣваться, основывается ли авторъ при объясненіи прибавочной цѣнности больше на производительности капитала или же на аргументаціи, свойственной теоріи пользованія. Только постепенно теоріи пользованія освобождались отъ такого смѣшенія съ теоріей производительности и развивались въ полной своей чистотѣ 1).

1) Неопредѣленный способъ выраженія многихъ теоретиковъ пользованія является въ большинствѣ случаевъ виной тому, что до настоящаго времени такъ мало обращали вниманія на самостоятельное существованіе „теорій пользованія“. Обыкновенно послѣдователей этихъ теорій смѣшиваютъ со сторонниками теорій производительности въ собственномъ смыслѣ и полагаютъ, что, разъ опровергнута теорія производительности, то опровергнуты также и эти теоріи. На основаніи сказаннаго въ текстѣ ясно, что это совершенно ошибочно; обѣ группы теорій исходятъ изъ существенно различныхъ основныхъ точекъ зрѣнія.

Теперь я приступлю къ изложенію теорій пользованія въ ихъ историческомъ развитіи. Что касается критики, то я ее подраздѣлю. Тѣ критическія замѣчанія, которыя имѣютъ отношеніе только къ индивидуальнымъ недостаткамъ разбираемыхъ отдѣльныхъ теорій, я немедленно же введу въ историческое изложеніе. А критическую оцѣнку всего направленія я оставляю для общаго окончательнаго разбора.

I. Изложеніе исторіи теорій пользованія.

Развитіе теоріи пользованія связано, главнымъ образомъ, съ тремя именами: *Ж. Б. Сэ*, который далъ этой теоріи первый толчокъ, *Германна*, который, благодаря детально разработанному ученію о природѣ и сущности пользованій, поставилъ ее на прочную почву, и *Менгера*, который сообщилъ ей высшее развитіе, къ какому вообще, по моему мнѣнію, способна эта теорія. Всѣ же промежуточныя обработки послѣдней примыкаютъ къ тому или другому прототипу и по своему значенію уступаютъ послѣднимъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ довольно замѣчательны. При этомъ списокъ авторовъ, которые обрабатывали эту теорію, наводитъ на два характерныхъ размышленія. Во-первыхъ, если не считать *Сэ*, то развитіе теоріи пользованія совершилось исключительно въ нѣмецкой наукѣ. Притомъ въ послѣдней теорія пользованія снискала себѣ особенное расположеніе у основательнѣйшихъ и проницательнѣйшихъ мыслителей: по крайней мѣрѣ, среди послѣдователей этой теоріи мы встрѣчаемъ необыкновенно большое число лучшихъ именъ нѣмецкой науки.

Ученіе *Сэ*, основателя этого направленія, я уже подробно изложилъ выше ¹⁾. Въ этомъ ученіи еще совершенно сплетаются теорія производительности и теорія пользованія, и при этомъ сплетаются до того, что ни одна изъ нихъ не пользуется большимъ или меньшимъ значеніемъ, чѣмъ другая; поэтому историку не остается ничего больше, какъ считать *Сэ* представителемъ *обѣихъ* теорій. Въ цѣляхъ дальнѣйшаго изложенія я намѣренъ воспроизвести въ самыхъ сжатыхъ выраженіяхъ тѣ мысли, которыя относятся къ теоріи пользованія.

¹⁾ См. стр. 142 и слѣд.

Капиталь, какъ *fonds productif*, оказываетъ производительную услугу. Последняя обладаетъ экономической самостоятельностью и служитъ предметомъ самостоятельной оцѣнки и самостоятельнаго отчужденія. Такъ какъ, съ одной стороны, въ производствѣ нельзя обойтись безъ этой услуги, а, съ другой, собственники не предоставятъ ея безъ вознагражденія, то цѣна продуктовъ должна — въ зависимости отъ спроса и предложенія — опредѣляться такъ, чтобы, послѣ вознагражденія всѣхъ остальныхъ факторовъ производства, она заключала въ себѣ также обычное вознагражденіе производительной услуги капитала. Такимъ образомъ, „прибавочная цѣнность“ продуктовъ и процентъ на капиталъ появляются въ силу необходимости самостоятельнаго вознагражденія самостоятельной жертвы производства — „услуги капитала“.

Наиболѣе выдающимся недостаткомъ этого ученія, если не обращать вниманія на постоянное его сплетеніе съ противорѣчивыми мнѣніями наивной теоріи производительности, является та неопредѣленность, въ которой *Сэ* оставляетъ понятіе производительной услуги. Кто ставитъ въ основу своей теоріи процента самостоятельное существованіе и вознагражденіе производительной услуги капитала, тотъ обязанъ ясно высказаться, что нужно понимать подъ этимъ выраженіемъ. Между тѣмъ *Сэ*, какъ я уже выше замѣтилъ, этого не сдѣлалъ; къ тому же тѣ немногія указанія, которыя онъ вообще даетъ, отличаются необыкновенной сбивчивостью.

На основаніи часто повторяемой аналогіи, которую *Сэ* проводитъ между услугой капитала, съ одной стороны, и человѣческимъ трудомъ и дѣятельностью естественныхъ фондовъ, съ другой, можно заключить, что *Сэ* понималъ подъ услугой капитала *дѣятельность силъ природы*, присущихъ капиталу, какъ, напр., физическую дѣятельность рабочаго скота, машины, дѣйствіе тепловой энергіи угля и т. д. Но разъ это такъ, то весь ходъ доказательствъ совершенно ложенъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта дѣятельность представляетъ собою то, что я въ другомъ мѣстѣ назвалъ „полезнымъ дѣйствіемъ“¹⁾; она представляетъ собою то, что по общепринятой, мало характерной и необыкновенно неопредѣлен-

¹⁾ Ср. мои „*Rechte und Verhältnisse*“, стр. 57 и слѣд. Болѣе подробно смотри ниже.

ной терминологіи нѣмецкой науки опредѣляется, правда, какъ пользованіе (*Nutzung*), но какъ *валовое* пользованіе капиталомъ, то, что вознаграждается посредствомъ полной величины *валового* наемнаго или ссуднаго процента на капиталъ,—однимъ словомъ, она служитъ основаніемъ валового, а не чистаго процента на капиталъ, о которомъ идетъ рѣчь. Если поэтому *Сэ* подъ словомъ „*services productifs*“, дѣйствительно, понималъ *такую* дѣятельность, то вся его теорія не достигла своей цѣли: тогда изъ необходимости оплачивать *services productifs* вытекаетъ, конечно, только существованіе валового процента на капиталъ, а отнюдь не чистаго, который нужно объяснить. Если же онъ понятію „*services productifs*“ придаетъ другое значеніе, то онъ совершенно не опредѣляетъ природы такового, и поэтому теорія, основанная на этомъ понятіи, совершенно несостоятельна.

Такимъ образомъ, теорія *Сэ* во всякомъ случаѣ является неудовлетворительной. Тѣмъ не менѣе она открыла новый путь, посредствомъ котораго при надлежащемъ развитіи можно было подойти къ центральной идеѣ проблемы процента гораздо ближе, чѣмъ это было возможно при помощи бесплодныхъ теорій производительности въ собственномъ смыслѣ.

Первые два послѣдователя *Сэ* не дали еще, однако, такого развитія. Одинъ изъ нихъ, *Шторхъ*, даже низвелъ эту теорію и съ той незначительной высоты, на которую поставилъ ее *Сэ*.

Шторхъ 1) въ общихъ чертахъ примыкаетъ къ *Сэ*, котораго онъ часто цитируетъ, но онъ не позаимствовалъ ничего изъ приводимыхъ *Сэ* аргументовъ и не приводитъ никакихъ самъ отъ себя. Характернымъ признакомъ бесплодности, которую онъ проявилъ по отношенію къ нашей проблемѣ, является то, что онъ объясняетъ не ссудный процентъ на основаніи первичнаго, а, наоборотъ, первичный на основаніи ссуднаго.

Онъ исходитъ изъ того, что капиталъ, на ряду съ природою и трудомъ, двумя основными источниками благъ, является третьимъ второстепеннымъ „источникомъ производства“ (стр. 212). Источники производства становятся источниками дохода, такъ какъ они часто принадлежатъ различнымъ лицамъ, и только посредствомъ особаго договора должны быть предоставлены для распоряженія тому,

1) Cours d'Économie politique. Tome 1, Paris 1823.

кто соединяетъ ихъ для производительнаго сотрудничества. При этомъ эти источники вознаграждаются, и это вознагражденіе служить доходомъ заимодавца. „Цѣна уступаемаго въ наемъ земельного участка называется арендой, цѣна наемнаго труда называется заработной платой, цѣна предоставляемаго въ ссуду капитала называется процентомъ или наемной платой“¹⁾.

Слѣдовательно, *Шторхъ* высказываетъ мысль, что предоставленіе въ наемъ производительныхъ силъ является обычнымъ средствомъ для получения дохода. Въ видѣ дополненія онъ прибавляетъ, что индивидъ можетъ получить доходъ и въ томъ случаѣ, когда онъ лично примѣняетъ свои производительныя силы. „Человѣкъ, который обрабатываетъ собственными средствами принадлежащій ему садъ, объединяетъ въ своихъ рукахъ земельный участокъ, трудъ и капиталъ. *Тѣмъ не менѣе* (эти слова характерны для точки зрѣнія *Шторха!*) онъ получаетъ отъ перваго земельную ренту, отъ втораго содержаніе, отъ третьяго ренту на капиталъ. Продажа продуктовъ должна дать ему цѣнность, равную, по крайней мѣрѣ, вознагражденію, которое онъ могъ бы получить отъ отдачи въ наемъ земельного участка, труда и капитала, въ противномъ случаѣ онъ не сталъ бы обрабатывать садъ, а отдалъ бы въ наемъ свои производительныя силы“²⁾.

Но почему же должно существовать вознагражденіе за отдаваемые въ наемъ производительныя силы и, въ частности, за отдаваемый въ ссуду капиталъ?—Надъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ *Шторхъ* особенно не задумывается. „Такъ какъ всякій человѣкъ“—говоритъ онъ на стр. 266—„принужденъ потреблять прежде, чѣмъ онъ можетъ создать продуктъ, то *бѣдный* попадаетъ въ зависимость отъ *богатаго* и не можетъ ни жить ни трудиться, если не получитъ отъ послѣдняго уже существующихъ средствъ къ жизни, которыя онъ обѣщаетъ ему возвратить тогда, когда его

1) Послѣднія слова представляютъ собою цитату изъ *Сэ*.

2) И въ вопросѣ о высотѣ ренты наблюдается также искаженіе отношенія между первичнымъ и ссуднымъ процентомъ. На стр. 285 *Шторхъ* говоритъ, что процентъ на капиталъ опредѣляется отношеніемъ между предложеніемъ со стороны капиталистовъ, имѣющихъ капиталы для ссуды, и спросомъ на таковые со стороны предпринимателей. А на стр. 286 онъ говоритъ, что высота дохода тѣхъ лицъ, которыя сами примѣняютъ свои производительныя силы, приспособляется къ той нормѣ, которая опредѣляется предложеніемъ и спросомъ на *отдаваемые въ наемъ* производительныя силы.

продуктъ будетъ оконченъ. *Эта ссуда не можетъ быть безвозмездна*, такъ какъ въ противномъ случаѣ вся выгода выпала бы на долю бѣднаго, между тѣмъ какъ богатый отъ этого договора не получилъ бы никакой выгоды. *Чтобы сдѣлать возможнымъ этотъ договоръ, нужно было согласиться на то, чтобы собственникъ накопленнаго излишка или капитала получалъ ренту или прибыль, въ зависимости отъ величины этой ссуды*“. Это объясненіе съ точки зрѣнія научной точности почти ничего не даетъ.

О другомъ послѣдователѣ *Сэ, Небеніусъ*, нельзя, по крайней мѣрѣ, сказать, что его теорія слабѣ теоріи *Сэ*.

Небеніусъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи объ общественномъ кредитѣ ¹⁾ посвятилъ также и нашей проблемѣ краткое разсужденіе, въ которомъ онъ даетъ нѣсколько эклектическое объясненіе процента на капиталъ. По своей основной идеѣ онъ является послѣдователемъ теоріи пользованія *Сэ*. Онъ принимаетъ его категорію производительныхъ услугъ капитала ²⁾ и основываетъ процентъ на капиталъ на томъ фактѣ, что эти услуги приобрѣтаютъ мѣновую цѣнность. Однако, для обоснованія этого факта онъ вводитъ, какъ новый моментъ, указаніе на „неприятныя лишенія и усилія“, которыхъ требуетъ образованіе капитала ³⁾. Наконецъ, то здѣсь то тамъ встрѣчаются также проблески теоріи производительности. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что наемную плату, которую должникъ долженъ давать за ссуженный производительно-примѣненный капиталъ, можно разсматривать какъ *плодъ съ этого самаго капитала* (стр. 21); въ другомъ мѣстѣ онъ подчеркиваетъ, что „въ обоюдной оцѣнкѣ, изъ которой вытекаетъ опредѣленіе наемной платы, основной моментъ образуетъ *производительная сила капиталовъ*“ (стр. 22).

Болѣе подробнаго развитія своей теоріи процента *Небе-*

¹⁾ Я цитирую по второму изданію, 1829 года.

²⁾ См., напр., стр. 19 и 20.

³⁾ „Необходимость и полезность капиталовъ въ производствѣ въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, съ одной стороны, и трудность лишеній, которымъ обязано ихъ накопленіе, съ другой, являются основаніемъ мѣновой цѣнности доставляемыхъ капиталами услугъ. Послѣднія находятъ себѣ вознагражденіе въ долѣ цѣнности продуктовъ, производству которыхъ онѣ способствовали“ (стр. 19). „Услуги капиталовъ и промышленности имѣютъ по необходимости мѣтовую цѣнность; первая потому, что капиталы получаютъ только благодаря болѣе или менѣе неприятнымъ лишеніямъ и усиліямъ, которымъ подвергаютъ себя только въ надеждѣ на соответствующее вознагражденіе...“ (Стр. 22).

нисуъ, однако, не даетъ; онъ не даетъ также анализа сущности производительныхъ услугъ капитала, которыя онъ, очевидно, перенялъ у *Сэ*, какъ готовую категорию.

Я здѣсь хочу еще остановиться на третьемъ писателѣ, который, хотя и выступалъ значительно *позже*, даже позже *Германна*, но который очень близокъ къ точкѣ зрѣнія *Сэ*. Это *Марло* въ своемъ сочиненіи „System der Weltökonomie“¹⁾.

Необыкновенно слабая обработка, которая выпала на долю проблемы процента, находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ широкимъ планомъ этого сочиненія и съ тѣмъ выдающимся значеніемъ, которое, въ виду общихъ задачъ этого сочиненія, должна была какъ разъ имѣть для него наша проблема. Тщетно мы будемъ искать въ его огромныхъ томахъ какого-либо связнаго и подробнаго изслѣдованія происхожденія процента на капиталъ, какой-либо настоящей теоріи процента. Если бы *Марло* въ извѣстной степени не обнаружилъ своей точки зрѣнія въ полемическихъ разсужденіяхъ противъ другихъ, въ особенности противъ ученія о трудѣ, какъ о единственномъ источникѣ цѣнности¹⁾, то его положительныя разсужденія едва ли дали бы возможность ориентироваться въ его взглядахъ даже поверхностно, не говоря уже о наглядномъ представленіи сущности проблемы, какъ таковой.

Ученіе *Марло* представляетъ собою позаимствованную у *Сэ* смѣсь изъ теорій пользованія и производительности. Онъ признаетъ два источника благъ, необходимость сотрудничества²⁾ которыхъ онъ особенно подчеркиваетъ,—силы природы и труда; что же касается капитала, то онъ разсматриваетъ таковой, какъ „усовершенствованную силу природы“³⁾. Соотвѣтственно двумъ источникамъ благъ, существуютъ также два вида дохода, процентъ и заработная плата. „Процентъ—это вознагражденіе за производительное или потребительное пользованіе имуществомъ“. „Если мы пользуемся частями имущества, какъ средствомъ производства, то онѣ содѣйствуютъ производству и этимъ доставляютъ свою услугу; если же мы пользуемся ими въ цѣляхъ потребленія, то мы потребляемъ не только ихъ, но и ту услугу, которую они могли бы принести при производительномъ примѣненіи.

1) Cassel, 1850—57.

2) Томъ I, Отд. 2-й, стр. 246 и слѣд. и много другихъ.

3) Томъ II, стр. 214 и др.

4) II, 255.

Если же мы пользуемся чужимъ имуществомъ, то мы должны вознаградить собственника за производительную услугу, которую оно можетъ доставить. Вознагражденіемъ за эту послѣднюю и является *процентъ*, который называется также *прибылью*, *интересомъ*, *рентой на капиталъ*. Если же мы пользуемся собственными благами, то мы сами получаемъ процентъ, который они приносятъ" ¹⁾). Воистину жалкая цитата изъ стараго ученія Сэ!

Еще болѣе страннымъ кажется это жалкое повтореніе давно сказаннаго, если подумать, что развитіе теоріи пользованія за этотъ промежутокъ времени сдѣлало значительный шагъ впередъ, благодаря появившимся въ 1832 году „*Staatswirtschaftliche Untersuchungen*“ *Германна*.

Это произведеніе открываетъ собою вторую стадію въ теоріи пользованія. Въ немъ *Германнъ* сумѣлъ изъ краткихъ и полныхъ противорѣчій намековъ, перенятыхъ имъ у Сэ ²⁾), передъ которымъ онъ преклонялся, создать стройную теорію, старательно разработанную, какъ въ своихъ основныхъ идеяхъ, такъ и во всѣхъ своихъ подробностяхъ. И эта хорошо разработанная теорія—на это нужно обратить особенное вниманіе—перешла у него въ плоть и кровь. Ея духомъ проникнуто все обширное сочиненіе, какъ по формѣ, такъ и по содержанію; послѣднее не содержитъ въ себѣ ни одного отдѣла, въ которомъ не было бы отведено замѣтное мѣсто изложенію или примѣненію этой теоріи, и ни въ одномъ мѣстѣ авторъ не позволяетъ себѣ измѣнить тѣмъ точкамъ зрѣнія, къ соблюденію которыхъ обязываетъ его теорія пользованія.

Я намѣренъ теперь развить вкратцѣ основныя мысли теоріи *Германна*, которая, я увѣренъ, заслуживаетъ болѣе подробнаго ознакомленія. Я придерживаюсь при этомъ главнымъ образомъ 2-го изданія его „*Staatswirtschaftliche Untersuchungen*“, появившагося 40 лѣтъ спустя послѣ 1-го, такъ какъ оно передаетъ сущность теоріи пользованія въ неизмѣненномъ видѣ и излагаетъ ее болѣе опредѣленно и подробно ³⁾.

Основаніе ученія *Германна* составляетъ его понятіе самостоятельнаго пользованія благами. Въ противоположность

¹⁾ Ш, 633, 660.

²⁾ См. 1-ое изд. Стр. 270, примѣчаніе.

³⁾ Второе изданіе появилось въ 1870 году и было перепечатано въ неизмѣненномъ видѣ въ 1874 году. Я цитирую по этому послѣднему.

Сэ, который старается обойти выяснение природы своих „services productifs“ посредством нѣсколькихъ аналогій и метафорическихъ выраженій, *Германнъ* обращаетъ на объяснение своего основного понятія какъ можно больше вниманія.

Онъ вводитъ послѣднее прежде всего въ ученіе о благахъ, гдѣ онъ говоритъ о различной ихъ годности. „Годность можетъ быть переходящей или длящейся. Рѣшающее значеніе имѣетъ здѣсь отчасти родъ блага, отчасти родъ употребленія. Переходящей, часто даже моментальной, является годность только что приготовленныхъ блюдъ, нѣкоторыхъ напитковъ; существуютъ услуги, которыя обладаютъ только минутной потребительной цѣнностью, хотя ихъ дѣйствіе можетъ быть длящимся, какъ, напр., преподаваніе, совѣтъ врача. Земельные участки, постройки, утварь, книги, деньги обладаютъ длящейся потребительной цѣнностью. Ихъ *потребленіе, въ теченіе котораго они существуютъ, называется ихъ пользованіемъ и можетъ быть разсматриваемо какъ самостоятельное благо, которое можетъ обладать мѣнливой цѣнностью само по себѣ, цѣнностью, называемой процентомъ*“.

Но не только длящіяся, но и переходящія потребляемыя блага въ состояніи предоставлять длящееся пользованіе. Такъ какъ эта точка зрѣнія имѣетъ огромное значеніе для теоріи *Германна*, то я передамъ это объясненіе дословно.

„Техника... въ состояніи при видоизмѣненіяхъ и комбинаціяхъ годности благъ удержать неизмѣнной сумму ихъ мѣнливой цѣнности, такъ что блага сохраняютъ свою цѣнность, хотя и мѣняють послѣдовательно свою форму. Годность желѣзняка, угля, труда комбинируется въ годности чугуна, для созданія котораго каждый изъ этихъ трехъ факторовъ доставилъ химическіе и механическіе элементы; если затѣмъ чугунъ обладаетъ мѣнливою цѣнностью трехъ употребленныхъ на его производство мѣнливыхъ благъ, то прежняя сумма благъ продолжаетъ существовать въ новой годности связанной качественно, въ мѣнливой цѣнности связанной количественно“.

„Переходящимъ матеріальнымъ благамъ техника сообщаетъ хозяйственную прочность и хозяйственное постоянство именно путемъ видоизмѣненій. Это постоянство годности и мѣнливой цѣнности въ переходящихъ благахъ, благодаря ихъ техническимъ видоизмѣненіямъ, имѣетъ въ хозяйственномъ отношеніи очень большое значеніе... Количество длящихся полезныхъ благъ вслѣдствіе этого значи-

тельно возрастаетъ; материально переходящимъ и только временно годнымъ благамъ можно, посредствомъ постоянныхъ видоизмѣненій, сообщить постоянство употребленія, не измѣняя при этомъ мѣнливой цѣнности. Поэтому употребленіе благъ, сохраняющихъ свою мѣнливую цѣнность и измѣняющихъ свою форму только качественно, можно разсматривать какъ самостоятельное благо, какъ пользованіе, которое можетъ приобрести самостоятельную мѣнливую цѣнность, совершенно такъ же, какъ и употребленіе благъ длящихся¹⁾.— Я впослѣдствіи еще вернусь къ этому замѣчательному мѣсту.

Германнъ пользуется этимъ разсужденіемъ для того, чтобы немедленно же ввести также свое понятіе капитала, которое цѣликомъ основывается на понятіи пользованія: „Постоянные или длящіяся блага, а равно и тѣ изъ переходящихъ, которыя сохраняютъ свою цѣнность, независимо отъ измѣненій формы, можно подвести подъ одно и то же понятіе—быть основой пользованія, имѣющаго мѣнливую цѣнность. Такія блага мы называемъ капиталами“²⁾.

Связью между этими предварительными понятіями и собственной теоріей процента *Германна* служитъ взглядъ, что пользованія капиталомъ въ хозяйственной жизни дѣйствительно обладаютъ мѣнливой цѣнностью, къ которой они способны, какъ самостоятельныя величины. *Германнъ* не относится къ этому взгляду съ такимъ вниманіемъ, какое соотвѣтствовало бы его важности. Несмотря на то, что все дальнѣйшее покоится на этомъ взглядѣ, онъ не высказываетъ его въ особенно яркой формѣ и не даетъ ему серьезнаго обоснованія. Послѣднее, правда, существуетъ, но оно скорѣе находится между строками, чѣмъ въ нихъ. Оно сво-

¹⁾ Стр. 109 и слѣд.

²⁾ Стр. 111.—Установленному здѣсь понятію капитала *Германнъ* все-таки не всегда остается совершенно вѣрнымъ. Между тѣмъ какъ здѣсь онъ называетъ капиталомъ самыя блага, которыя служатъ основой длящагося пользованія, въ другихъ мѣстахъ онъ любитъ разсматривать капиталъ какъ нѣчто отличное отъ благъ, какъ нѣчто находящееся надъ ними; такъ, напр., на стр. 605 онъ говоритъ: „Прежде всего нужно отличать предметъ, составляющій капиталъ, отъ самого капитала. Капиталъ—основа длящагося пользованія, которое имѣетъ опредѣленную мѣнливую цѣнность; онъ не уменьшается до тѣхъ поръ, пока пользованіе сохраняетъ эту цѣнность, и при этомъ безразлично, будутъ ли блага, образующія капиталъ, имѣть годность только, какъ капиталъ, или же какую-либо иную, независимую отъ формы капитала“. Если теперь задать вопросъ, что такое капиталъ, если не совокупность благъ, которыя его „составляютъ“, то безпристрастный отвѣтъ, не представляющий собою только игры словъ, будетъ весьма труднымъ.

дится къ тому, что пользованія обладают мѣною цѣнностью потому, что они являются *хозяйственными благами*; это указаніе приводится безъ всякаго объясненія, но оно въ виду своей ясности, собственно говоря, и не особенно нуждается въ таковомъ ¹⁾).

Дальнѣйшее объясненіе процента на капиталъ идетъ затѣмъ слѣдующимъ путемъ.

Пользованія, обладающія мѣною цѣнностью, почти въ каждомъ производствѣ составляютъ необходимую часть издержекъ производства. Эти послѣднія состоятъ изъ трехъ частей: во-первыхъ, изъ благъ, *авансифуемыхъ* предпринимателемъ, т. е. изъ затраты уже существующихъ имущественныхъ цѣнностей, какъ, напр., необходимыхъ второстепенныхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ, собственного и чужого труда, использованія мастерскихъ и орудій и т. д.; во-вторыхъ, изъ предоставленія ума и заботливости предпринимателя при устройствѣ и веденіи предпріятія и, въ-третьихъ, изъ необходимыхъ для производства пользованій основными и оборотными капиталами за время ихъ примѣненія до сбыта продуктовъ ²⁾).

Такъ какъ цѣна продукта съ хозяйственной точки зрѣнія должна покрыть всѣ издержки производства, то она должна быть достаточной для того, чтобы „на ряду съ другими издержками возмѣститъ жертву предпринимателя, состоящую въ предоставленіи пользованія капиталомъ, ума и заботливости“, или, какъ обыкновенно выражаются, она должна, сверхъ покрытія издержекъ, приносить также *прибыль* (прибыль на капиталъ и предпринимательскую прибыль). Эта послѣдняя, какъ прибавляетъ *Германъ* для болѣе опредѣленнаго освѣщенія своей мысли, „ни въ коемъ случаѣ не является только случайно образовавшимся въ борьбѣ опредѣленія цѣнъ излишкомъ“. Прибыль является, напротивъ, „такимъ же вознагражденіемъ за дѣйствительное предоставленіе благъ, обладающихъ мѣною цѣнностью, для производства, какъ и издержки“. Разница заключается только въ томъ, что эти издержки дѣлаются предпринимателемъ въ

¹⁾ *Германъ* считаетъ, очевидно, мѣною цѣнность пользованій чѣмъ-то слишкомъ уже очевиднымъ и не считаетъ нужнымъ дать формальное объясненіе таковой. И то чрезвычайно краткое объясненіе, которое онъ даетъ въ текстѣ, онъ приводитъ обыкновенно только косвенно, но все-таки достаточно ясно; такъ, напр., на стр. 507 онъ говоритъ: „За пользованіе землей производитель хлѣба *не можетъ* получить никакого вознагражденія въ цѣнѣ до тѣхъ поръ, пока оно предоставляется въ любомъ количествѣ всякому, какъ *свободное благо*“.

²⁾ Стр. 312 и сл., 412 и сл.

производствѣ для доставленія и сохраненія другихъ, уже существующихъ элементовъ, обладающихъ мѣнновой цѣнностью, между тѣмъ какъ пользованія подлежащими примѣненію капиталами и свое руководство онъ лично доставляетъ только теперь, во время производства. Онъ несетъ эти издержки для того, чтобы получить за эту свою новую жертву какъ можно большее вознагражденіе; этимъ вознагражденіемъ и является прибыль“ (стр. 314).

Для полноты этого объясненія прибыли на капиталъ недостаетъ еще одного, а именно выясненія, какимъ образомъ въ производствѣ, помимо предоставленія капитала, нужно еще жертвовать и пользованіемъ капиталомъ. — Это выясненіе *Германнъ* дѣлаетъ съ большою подробностью въ другомъ мѣстѣ, въ которомъ онъ указываетъ также, что всѣ продукты можно въ концѣ концовъ свести къ труду и пользованію капиталомъ. При этомъ *Германнъ* даетъ интересныя указанія относительно природы „пользованія благомъ“, какою онъ себѣ ее представляетъ, и поэтому я приведу это мѣсто дословно.

Германнъ анализируетъ жертвы, которыхъ требуетъ производство соленой рыбы. Онъ насчитываетъ: трудъ ловли, пользованіе орудіями ихъ порчу, суда; трудъ добыванія соли и снова пользованіе различными орудіями, бочками и т. п.; затѣмъ онъ расчленяетъ судно на дерево, желѣзо, канаты, трудъ и пользованіе орудіями труда; дерево, въ свою очередь, на пользованіе лѣсомъ и трудъ, желѣзо — на пользованіе рудникомъ и т. д. „Этимъ рядомъ усилій и пользованій, однако, не исчерпывается еще вполне сумма жертвъ, затраченныхъ на производство соленой рыбы: нужно еще принять во вниманіе время, въ теченіе котораго каждый элементъ мѣнновой цѣнности заключается въ продуктѣ. Ибо съ того момента, когда трудъ или пользованіе затрачиваются на продуктъ, прекращается всякое иное распоряженіе послѣдними; собственникъ, вмѣсто того, чтобы использовать таковыя лично, способствуетъ при ихъ помощи только производству продукта и доставкѣ его потребителю. Чтобы получить настоящее понятіе объ этихъ дѣйствіяхъ, нужно замѣтить, что усиліе и пользованіе, лишь только они затрачены на продуктъ, количественно входятъ, какъ составная часть, въ оборотный капиталъ съ тою мѣнноюю цѣнностью, которою они обладали во время примѣненія на основаніи опредѣленія цѣны. Благодаря этому они становятся оборотнымъ капиталомъ. Эта сумма цѣнностей и является тѣмъ, отъ самостоятельнаго употребленія чего отказы-

ваются до тѣхъ поръ, пока продуктъ не оплачивается покупателемъ. По мѣрѣ того, какъ, въ зависимости отъ добыванія, обработки, храненія, транспорта, растетъ оборотный капиталъ вслѣдствіе все новыхъ и новыхъ затратъ усилій и пользованій, послѣдній самъ становится имуществомъ, пользованіе которымъ уступается потребителямъ въ каждомъ новомъ прибавленіи цѣнности вплоть до передачи продукта получателю. *И это не только простое отреченіе отъ личнаго употребленія, которое уступается потребителю, нѣтъ,—это настоящее, новое, своеобразное пользованіе, которое ему уступается на ряду съ самымъ имуществомъ, пользованіе, зависящее отъ накопленія, береженія, храненія и имѣнія въ готовности всѣхъ техническихъ элементовъ производства въ теченіе всѣхъ его техническихъ преобразованій и коммерческихъ операций, начиная съ добыванія основныхъ веществъ въ природѣ и кончая доставкой продукта потребителю въ то мѣсто, въ то время и въ томъ количествѣ, какъ это желаетъ послѣдній. Это береженіе техническихъ элементовъ продукта является нѣкоторой услугой, объективнымъ пользованіемъ оборотнымъ капиталомъ“ 1).*

Если мы сравнимъ теорію пользованія *Германна* съ теоріей *Сэ*, то мы, правда, найдемъ въ нихъ много тождественнаго въ общихъ очертаніяхъ. Обѣ онѣ признаютъ существованіе самостоятельныхъ дѣйствій капитала, обѣ усматриваютъ въ примѣненіи послѣдняго въ производствѣ самостоятельную жертву на ряду съ затратой субстанціи капитала; обѣ, наконецъ, объясняютъ процентъ на капиталъ какъ необходимое вознагражденіе этой самостоятельной жертвы. Тѣмъ не менѣе теорія *Германна* представляетъ собою уже существенный шагъ впередъ по сравненію съ теоріей *Сэ*. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдній далъ только очертанія теоріи, между тѣмъ какъ самые важные вопросы остались невыясненными: его services productifs не что иное, какъ растяжимое слово, а необходимое объясненіе того, какимъ образомъ жертва таковыхъ представляетъ собою самостоятельную жертву производства на ряду съ жертвою субстанціи капитала, *Сэ* почти цѣликомъ предоставляетъ фантазіи читателя. Между тѣмъ *Германнъ* съ чисто нѣмецкой основательностью старается выяснить оба эти кардинальныхъ пункта и даетъ, такимъ образомъ, перенятымъ у *Сэ* очертаніямъ опредѣленное содержаніе, а всему ученію характеръ солидной теоріи. — Важной заслугой *Германна*

1) Стр. 286 и сл.

является также и то, что онъ строго воздерживается отъ параллельно встрѣчающихся у *Сэ* неудачныхъ объясненій, основанныхъ на производительности капитала: онъ, правда, также употребляетъ это выраженіе, но употребляетъ такое въ безвредномъ смыслѣ, хотя и неудачномъ ¹⁾.

Германнъ, правда, также не сумѣлъ дать формулировку теории пользованія, совершенно свободную отъ непоследовательностей. Въ частности, у него остается невыясненной связь между мѣною цѣнностью пользованій капиталомъ и цѣной продуктовъ. Зависитъ ли высота цѣны продуктовъ отъ высоты мѣновой цѣнности пользованій, или, наоборотъ, высота мѣновой цѣнности пользованій зависитъ отъ высоты цѣны продуктовъ?—Этого вопроса, при рѣшеніи котораго *Сэ* впадаетъ въ самыя рѣзкія противорѣчія ²⁾, не вывелъ на чистую воду и *Германнъ*. Въ выше цитированномъ мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ, очевидно, склоняется къ первому взгляду, т. е. полагаетъ, что на цѣну продуктовъ влияетъ цѣнность пользованій капиталомъ ³⁾; между тѣмъ мы можемъ найти у него и не мало замѣчаній, которыя предполагаютъ какъ разъ противоположную зависимость. Такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ (стр. 296) *Германнъ* замѣчаетъ, что опредѣленіе цѣны продуктовъ „со своей стороны производитъ обратное дѣйствіе на цѣну усилій и пользованій“; въ другомъ мѣстѣ (стр. 559) онъ почти такимъ же образомъ приписываетъ влияние, опредѣляющее цѣну промежуточныхъ продуктовъ, не издержкамъ, которыя способствовали производству таковыхъ, а *окончательнымъ продуктамъ*, которые получаютъ въ концѣ производства.—Только *Менгеру* было суждено вполне выяснитъ этотъ трудный вопросъ.

До сихъ поръ мы излагали только ученіе *Германна* о происхожденіи процента на капиталъ. Но мы не должны также оставлять безъ вниманія тѣ своеобразные взгляды, которые онъ развиваетъ о причинахъ различной *высоты* процентной нормы.

Германнъ выходитъ изъ раньше выведеннаго взгляда, что „совокупность продуктовъ“, расчлененная на отдѣльныя составныя части, является „суммою усилій и пользованій ка-

¹⁾ См. ниже.

²⁾ См. выше стр. 146 и слѣд.

³⁾ См. также стр. 560: „Пользованія капиталомъ являются, такъ-книжъ образомъ, причиной, опредѣляющей цѣны“.

питаломъ“. Если строго придерживаться этого взгляда, то для насъ прежде всего будетъ яснымъ, что всѣ мѣновыя акты состоятъ въ обмѣнѣ однихъ усилій и пользованій капиталомъ на другія, независимо отъ того, будутъ ли таковыя обмѣниваться непосредственно или же овеществленныя въ продуктахъ. То, что мы при томъ получаемъ въ чужихъ усиліяхъ и пользованіяхъ капиталомъ за собственный трудъ, является мѣнною цѣнностью труда, или заработной платою, а „то, что мы получаемъ въ чужихъ усиліяхъ и пользованіяхъ капиталомъ за уступаемая нами пользованія, является мѣнною цѣнностью послѣднихъ, или прибылью на капиталъ“. Заработная плата и прибыль на капиталъ должны, такимъ образомъ, исчерпать всю массу продуктовъ, выносимыхъ на рынокъ ¹⁾).

Отъ чего зависитъ теперь величина прибыли на капиталъ, или, что одно и то же, величина мѣнновой цѣнности пользованій капиталомъ?—Прежде всего, конечно, отъ количества чужихъ усилій и пользованій, которое мы получаемъ за таковыя. Это количество, въ свою очередь, зависитъ главнымъ образомъ отъ *взаимоотношенія*, въ которомъ находятся спросъ и предложеніе обѣихъ составныхъ частей общаго продукта—усилій и пользованій. Притомъ всякое увеличеніе предложенія труда имѣетъ тенденцію уменьшать заработную плату и повышать прибыль на капиталъ, а всякое увеличеніе предложенія пользованій имѣетъ тенденцію повышать заработную плату и уменьшать прибыль. Предложеніе каждаго изъ этихъ факторовъ можетъ, въ свою очередь, опять увеличиться благодаря двумъ обстоятельствамъ: отчасти благодаря увеличенію *количества*, въ которомъ таковой существуетъ, отчасти благодаря большей *производительности*. Эти обстоятельства проявляютъ свое вліяніе слѣдующимъ образомъ.

„Если увеличивается *количество* капиталовъ, то увеличивается и предложеніе пользованій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и спросъ на цѣнности, которыя даются взаимнъ послѣднихъ. Такими цѣнностями могутъ быть только усилія или пользованія. До тѣхъ поръ, пока за увеличенное количество пользованій капиталомъ требуютъ другихъ пользованій капиталомъ, до тѣхъ поръ можно дѣйствительно найти большее количество свободныхъ цѣнностей, даваемыхъ въ обмѣнъ; такъ какъ, такимъ образомъ, предложеніе и спросъ возрастаютъ равномѣрно, то мѣнновая цѣнность пользованій не

¹⁾ Германнъ подводитъ также подъ понятіе „капиталъ“ и почву.

можетъ измѣниться. Если же, какъ мы приняли, количество усилій въ цѣломъ не увеличилось, то владѣльцы капиталовъ получаютъ за большее количество пользованій, которыя они хотятъ обмѣнять на трудъ, только прежнее, т. е. недостаточное количество цѣнностей; мѣновая цѣнность пользованій будетъ уменьшаться по отношенію къ труду, и поэтому рабочій на одинаковыя усилія пріобрѣтетъ больше пользованій. При обмѣнѣ пользованія на пользование капиталисты получаютъ прежнюю цѣнность, но меньше усилій; такимъ образомъ, должна падать величина прибыли по отношенію ко всему капиталу, или норма прибыли. Вся совокупность произведенныхъ благъ, правда, возросла, но излишекъ распределяется между капиталистами и рабочими неравномѣрно“.

„Если увеличивается производительность капиталовъ, или если послѣдніе въ равный промежутокъ времени доставляютъ большее количество средствъ удовлетворенія потребностей, то собственники предлагаютъ большее количество потребительныхъ благъ, чѣмъ раньше, и требуютъ, слѣдовательно, взамѣнъ больше цѣнностей. Они получаютъ таковыя до тѣхъ поръ, пока каждый ищетъ новыхъ пользованій за свое увеличенное пользованіе. Вмѣстѣ со спросомъ возросло здѣсь и предложеніе; мѣновая цѣнность должна, такимъ образомъ, остаться неизмѣнной, т. е. пользованія одинаковыми капиталами должны быть обмѣнены другъ на друга въ одно и то же время; но значеніе такихъ пользованій въ смыслѣ годности больше, чѣмъ прежде. Если, однако, предположить, что трудъ не увеличился, то не всѣ пользованія, на которыя мы желаемъ пріобрѣсти трудъ, найдутъ себѣ взамѣнъ прежнюю цѣнность; это должно увеличить спросъ на трудъ и уменьшить мѣновую цѣнность пользованій по отношенію къ труду. Рабочіе получаютъ теперь за свою прежнюю работу больше пользованій, находятся теперь въ лучшемъ положеніи; владѣльцы капиталовъ не присваиваютъ себѣ цѣликомъ всѣхъ плодовъ возросшей производительности капиталовъ, а должны дѣлиться съ рабочими. Паденіе мѣновой цѣнности пользованій не приноситъ имъ, однако, никакого вреда, такъ какъ теперь меньшая мѣновая цѣнность можетъ обнять собою большее количество потребительныхъ благъ, чѣмъ прежде бóльшая“.

На основаніи аналогичныхъ причинъ, которыхъ нѣтъ уже надобности излагать, *Германъ* выводитъ, что норма прибыли возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія количества или производительности труда.

Наиболѣе рѣзкою чертою этой теоріи является, вѣроятно, то, что *Германнъ* въ увеличеніи производительности капитала видитъ причину паденія процента на капиталъ. Онъ впадаетъ благодаря этому въ непосредственное противорѣчіе, съ одной стороны, съ *Рикардо* и его школою, усматривающей главную причину паденія процентной нормы въ *уменьшеніи* производительности капиталовъ, которые должны быть обращаемы на почву худшаго качества, съ другой, — съ теоретиками производительности, которые, въ силу природы своего ученія, должны были также предположить прямую пропорціональность между степенью производительности и величиною процента ¹⁾).

Я не хочу пока касаться того, выдерживаетъ ли критику центральная идея теоріи пользованія *Германна*. Но я полагаю, что сумѣю доказать уже въ этомъ мѣстѣ нашего изслѣдованія неправильность примѣненія этой теоріи къ объясненію высоты процентной нормы.

Мнѣ кажется, что *Германнъ* въ этой части своего ученія слишкомъ мало различалъ двѣ величины, которыя слѣдовало рѣзко различать, а именно: *отношеніе валовой прибыли къ общему вознагражденію и отношеніе величины прибыли къ соответствующему капиталу, или процентную норму*. То, что *Германнъ* вывелъ, дѣйствительно, въ состояніи объяснить и доказать паденіе или повышеніе валовой прибыли по отношенію къ заработной платѣ, но оно не объясняетъ и не доказываетъ ничего по отношенію къ величинѣ нормы прибыли или процентной нормы.

Причиною этой погрѣшности является то, что *Германнъ* свою, въ другихъ случаяхъ допустимую, абстракцію, въ силу которой онъ въ продуктахъ усматриваетъ только усилія и пользованія, изъ которыхъ они произошли, распространилъ также и на такую область, къ которой она непримѣнима, а именно на область мѣновой цѣнности. Разсматривая обыкновенно пользованія и усилія, какъ представителей всѣхъ благъ, *Германнъ* считалъ себя въ правѣ смотрѣть также только на этихъ представителей, когда дѣло идетъ объ опредѣленіи того, имѣетъ ли какая-нибудь величина высокую или низкую мѣновую цѣнность. Онъ рассуждаетъ: пользованія и усилія являются представителями всѣхъ благъ. Если

1) Напр. *Рошеръ* § 183. Исключеніе составляетъ только *Реслеръ*, который является послѣдователемъ взгляда *Германна*, хотя опять таки съ нѣсколькими измѣненною мотивировкою. См. выше, стр. 210 и слѣд.

поэтому пользование обмѣнивается на такое же количество пользованій, что и раньше, но при этомъ на меньшее количество усилий, то мѣновая цѣнность такого уменьшается. Но это невѣрно. Мѣновая цѣнность блага (въ смыслѣ способности къ обмѣну, въ какомъ *Германнъ* всегда употребляетъ это слово) измѣняется не только количествомъ одного или двухъ опредѣленныхъ родовъ благъ, которыя можно обмѣнять на такое, а *среднимъ вѣсѣмъ благъ*, къ числу которыхъ нужно отнести всѣ продукты, при чемъ каждый имѣетъ такія же права, какъ благо „трудъ“ и благо „пользование капиталомъ“. Такъ понимаютъ мѣновую цѣнность въ обыденной жизни и въ наукѣ, и такъ понимаетъ ее самъ *Германнъ*, когда онъ на стр. 432-ой опредѣленно говоритъ: „при такомъ разнообразіи благъ, могущихъ служить цѣнами, установленіе средней цѣны, необходимой для опредѣленія мѣновой цѣнности, кажется недостижимымъ; изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, что опредѣленіе мѣновой цѣнности невозможно: *Послѣдняя получается на основаніи обзорнѣи вѣсѣмъ среднихъ цѣнъ*, которыя устанавливаются для даннаго блага на одномъ и томъ же рынкѣ во вѣсѣмъ благахъ, служащихъ цѣнами: *мѣновая цѣнность представляетъ собою рядъ приравненій этого блага къ многочисленнымъ другимъ благамъ*. Такимъ образомъ, опредѣленную мѣновую цѣнность блага, въ отличіе отъ средней величины денежныхъ цѣнъ или денежныхъ цѣнностей, мы будемъ называть *вещественной цѣнностью блага*“.

Теперь не трудно дойти до заключенія, что способность пользованія капиталомъ обмѣниваться на продукты подчиняется совершенно инымъ законамъ, чѣмъ его способность обмѣниваться на другія пользованія и усилия. Если, напр., производительность вѣсѣмъ пользованій и усилий одинаково увеличится вдвое, то способность къ взаимному обмѣну между пользованіями и усилиями совершенно не измѣнится; наоборотъ, способность къ обмѣну тѣхъ и другихъ на продукты, созданные при ихъ помощи, значительно измѣняется, а именно, увеличивается вдвое.

Въ вопросѣ о процентной нормѣ рѣчь идетъ, очевидно, только о соотношеніи способности къ обмѣну пользованій капиталомъ, съ одной стороны, и способности къ обмѣну опредѣленнаго рода продуктовъ, а именно капитала, который доставляетъ это „пользованіе“, съ другой стороны. Если способность къ обмѣну пользованія машиной въ двадцать разъ меньше способности къ обмѣну продукта, „машины“, если, напр., за пользованіе машиной можно

„получить“ 100 гульденовъ, между тѣмъ какъ сама машина обмѣнивается на 2000 гульденовъ, то это соотношеніе соотвѣтствуетъ процентной нормѣ въ 5%. Если, напротивъ, способность къ обмѣну пользования машиной въ десять разъ меньше способности къ обмѣну продукта, „машины“, и если за пользованіе машиной можно „получить“ 200 гульденовъ, между тѣмъ какъ сама машина обмѣнивается на 2000 гульденовъ, тогда это соотношеніе соотвѣтствуетъ процентной нормѣ въ 10%.

А такъ какъ нѣтъ никакого основанія предполагать, что мѣновая цѣнность капитала опредѣляется иначе, чѣмъ мѣновая цѣнность иныхъ продуктовъ, и такъ какъ мѣновая цѣнность продуктовъ по отношенію къ мѣновой цѣнности пользованій вообще можетъ, какъ мы видѣли, измѣняться въ иномъ отношеніи, чѣмъ измѣняются мѣновыя цѣнности пользованій и услугъ *между собою*, то ясно, что и отношеніе между способностью къ обмѣну пользованій капиталомъ, съ одной стороны, и капиталомъ, съ другой, другими словами, процентная норма, можетъ измѣняться иначе, чѣмъ соотношеніе мѣновыхъ цѣнностей пользованій и услугъ. Правило *Германна*, такимъ образомъ, недостаточно обосновано ¹⁾.

¹⁾ Можетъ быть, не будетъ излишнимъ пояснить на конкретномъ примѣрѣ это весьма отвлеченное разсужденіе, изложенное въ текстѣ. Допустимъ, что при данномъ состояніи народнаго хозяйства процентная норма равняется 5%. Машина, цѣнностью въ 2000 гульденовъ, будетъ, слѣдовательно, давать пользованіе, цѣнностью въ 100 гульденовъ. Допустимъ далѣе, что производительность всѣхъ капиталовъ, въ томъ числѣ и нашей машины, и всѣхъ усилій сразу увеличилась ровно вдвое. Естественно, что за каждое пользованіе и каждое усиліе можно теперь купить вдвое больше продуктовъ, чѣмъ прежде, а между тѣмъ мѣновое соотношеніе обоихъ остается неизмѣннымъ. Предположимъ, что продуктъ „деньги“ уменьшается въ своей мѣновой цѣнности въ томъ же отношеніи, что и всѣ другіе продукты; тогда результатъ въ числахъ мы можемъ представить слѣдующимъ образомъ: на пользованіе машиной, цѣнностью въ 2000 гульденовъ, (цѣнность машины, выраженная въ деньгахъ, остается неизмѣнной, потому что машина теперь такъ же, какъ и деньги и другіе продукты, вдвое дешевле) можно приобрести продукты, цѣнностью въ 200 гульденовъ, что соотвѣтствуетъ повышенію процентной нормы съ 5% до 10%. На основаніи теоріи *Германна* процентная норма должна была бы оставаться прежней, т. е. пятипроцентной, въ виду того, что способность къ обмѣну пользованій и усилій между собою *не* измѣнилась!—Последній результатъ могъ бы имѣть мѣсто только при двухъ условіяхъ: *во-первыхъ*, если мы предположимъ, что и денежная цѣнность *машины* увеличится съ 2000 гульденовъ до 4000; для этого, однако, при нашемъ положеніи вещей нѣтъ достаточной причины; *во-вторыхъ*, если мы

Въ заключеніе я скажу еще нѣсколько словъ объ отношеніи *Германна* къ „производительности капитала“. Я уже упомянулъ, что онъ часто употребляетъ это выраженіе, но никакъ не въ смыслѣ теоріи производительности; онъ не только не полагаетъ, что процентъ производится непосредственно капиталомъ, но, напротивъ, считаетъ даже высокую производительность причиной паденія процента. Онъ протестуетъ также (стр. 542) рѣшительно противъ того, что прибыль на капиталъ является вознагражденіемъ за „голое пользованіе“; напротивъ, для своего оплодотворенія капиталъ требуетъ „планомѣрныхъ дѣйствій, заботливости, руководства, вообще духовной дѣятельности“. Но особенно опредѣленнаго взгляда на понятіе „производительности“ онъ, впрочемъ, самъ себѣ не составилъ. Онъ опредѣляетъ производительность слѣдующими словами: „совокупность способовъ примѣненія капиталовъ и *отношеніе продукта къ издержкамъ* производства составляетъ то, что называютъ производительностью капиталовъ“ ¹⁾. Имѣетъ ли онъ здѣсь въ виду отношеніе *цѣнности* продукта къ *цѣнности* издержекъ производства? Тогда высокая производительность существовала бы только при высокомъ процентѣ, между тѣмъ какъ послѣдняя вызываетъ низкій процентъ. Или же онъ имѣетъ въ виду отношеніе *количества* продуктовъ къ *количеству* издержекъ производства? Но въ хозяйственной жизни количество продуктовъ вообще не имѣетъ никакого значенія. Или же онъ имѣетъ въ виду отношеніе *количества* продуктовъ къ *цѣнности* издержекъ производства? Но количество и цѣнность величины несоизмѣрима; однимъ словомъ, мнѣ кажется, что смыслъ вышеприведеннаго опредѣленія вообще не можетъ быть точно установленъ.

предположимъ, что распространеніе машинъ вслѣдствіе роста предложенія понижаетъ также и способность къ обмѣну пользованія такими по сравненію съ другими продуктами такъ, что на пользованіе машиной, цѣнностью въ 2000 гульденовъ, можно приобрести продуктовъ только на 100 гульденовъ. Я долженъ, однако, замѣтить, что и это предположеніе противорѣчитъ теоріи *Германна*: при такомъ предположеніи, увеличивается не только производительность капиталовъ, но и *количество* таковыхъ. Такъ какъ изъ обихъ явленій только первое компенсируется одновременнымъ увеличеніемъ производительности труда, то, на основаніи теоріи *Германна*, въ этомъ случаѣ должно наступить *уменьшеніе* мѣнсовой цѣнности пользованія капиталомъ по отношенію къ усиліямъ, а благодаря этому и *паденіе* процентной нормы—постулатъ, которому опять не соотвѣтствуетъ оставшаяся прежней процентная норма въ 5%.

¹⁾ Стр. 541. То же въ I-омъ изданіи, стр. 212.

Въ общемъ, *Германнъ*, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду своего рода физическую производительность.

Теорія пользованія *Германна* нашла себѣ пріемъ и тщательное развитіе у многихъ извѣстныхъ писателей Германіи.

Необыкновенно проникательнымъ послѣдователемъ *Германна* является *Бернгарди* ¹⁾. Не развивая дальше теоріи пользованія—онъ ограничивается одобреніемъ сочувственно цитируемаго имъ ученія *Германна* ²⁾,—*Бернгарди* проявляетъ свою оригинальность и глубину мыслей въ превосходной критикѣ, которую онъ направляетъ главнымъ образомъ противъ англійской школы ³⁾. Впрочемъ, онъ находитъ также и для противниковъ послѣднихъ, для слѣпыхъ теоретиковъ производительности, порицающее слово: онъ упрекаетъ ихъ въ „странномъ противорѣчьи“, заключающемся въ томъ, что они мертвому орудію приписываютъ самостоятельную живую дѣятельность (стр. 307) ⁴⁾.

На почвѣ *Германна* стоитъ затѣмъ *Мангольдтъ*, который отклоняется отъ *Германна* только въ маловажныхъ деталяхъ. Такъ, напр., онъ приписываетъ „производительности капитала“ меньшее значеніе для образованія процента—онъ даже осуждаетъ это выраженіе, какъ неподходящее, хотя самъ употребляетъ его „ради краткости“ ⁵⁾; затѣмъ онъ устанавливаетъ между величиной процента и производительностью капитала не обратную пропорціональность, какъ *Германнъ*, а прямую, при чемъ—принимая формулу *Тюнена*—онъ имѣетъ здѣсь въ виду производительность „послѣдняго изъ затраченныхъ атомовъ капитала“.—Точно такъ же примыкаетъ къ *Германну* во всѣхъ существенныхъ чертахъ *Митгоффъ* въ статьѣ о народо-хозяйственномъ распредѣленіи благъ въ курсѣ *Шенберга* ⁶⁾. Нѣсколько своеобразное отношеніе къ теоріи пользованія мы находимъ у *Шеффле*.

Будучи однимъ изъ самыхъ выдающихся пионеровъ того критическаго направленія, которое зародилось въ связи съ научнымъ социализмомъ, *Шеффле*, одинъ изъ первыхъ,

1) Versuch einer Kritik der Gründe, die für grosses und kleines Grundeigenthum angeführt werden. С.-Петербургъ 1849 г.

2) Напр. стр. 236 и сл.

3) Стр. 306 и сл.

4) Volkswirtschaftslehre, Stuttgart 1868, особенно стр. 121 и сл., 137, 333, затѣмъ 445 и т. д.

5) Стр. 122 и 432.

6) Schönbergs Handbuch, I изд. I, стр. 437 и сл., 484 и сл.

пережилъ также и то броженіе мыслей, которое является естественнымъ слѣдствіемъ столкновенія двухъ столь различныхъ точекъ зрѣнія. Это броженіе оставило очень характерные слѣды въ его разсужденіяхъ по поводу процента. Я впослѣдствіи покажу, что въ сочиненіяхъ *Шеффле* можно усмотрѣть не менѣе трехъ рѣзко различныхъ способовъ объясненія процента: одинъ изъ нихъ относится еще къ болѣе ранней точкѣ зрѣнія, два другихъ къ болѣе поздней—„критической“. Первое объясненіе *Шеффле* относится къ группѣ теорій пользованія.

Въ своемъ болѣе раннемъ основномъ сочиненіи: „Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft“ ¹⁾ *Шеффле* излагаетъ всю свою теорію процента еще на основаніи терминологіи теоріи пользованія: прибыль на капиталъ является у него прибылью, извлекаемой изъ пользованія капиталомъ, ссудный процентъ—цѣною за пользованіе, величина этого процента зависитъ отъ предложенія и спроса на предоставляемая пользованія капиталомъ; пользованія представляютъ собою самостоятельный элементъ издержекъ и т. д. Но уже во многихъ мѣстахъ рѣзко проявляется то, что онъ намѣренъ измѣнить только формально признаваемой имъ теоріи. Онъ неоднократно придаетъ слову „пользованіе“ значеніе, рѣзко отличающееся отъ того значенія, которое придаетъ ему *Германнъ*. Онъ называетъ пользованіе капиталомъ *дѣятельностью субъекта, трудящагося* при помощи благъ, „использованіемъ“ благъ для успѣшнаго производства, „посвященіемъ“, „примѣненіемъ“ благъ, „дѣйствіемъ“ предпринимателя ²⁾; на основаніи этихъ выраженій пользованіе является не столько вещественнымъ элементомъ производства, вытекающимъ изъ капитала, сколько личнымъ, предоставляемымъ предпринимателемъ. Этотъ взглядъ находитъ себѣ опору еще въ томъ, что во многихъ мѣстахъ *Шеффле* называетъ прибыль на капиталъ преміей за народо-хозяйственную *функцию*. Затѣмъ *Шеффле* рѣшительно полемизируетъ со взглядомъ, что прибыль на капиталъ является *продуктомъ* пользованія капиталомъ, представленнымъ для процесса производства (II. 389), и съ *Германномъ*, котораго онъ обвиняетъ въ томъ, что тотъ слишкомъ развиваетъ свою теорію въ духѣ самостоятельной производительности капитала (II. 459). Но, съ другой стороны, онъ часто

¹⁾ Третье изданіе, Тюбингенъ 1873 г.

²⁾ Ges. System, 3-ье изданіе, I, стр. 266 и сл., II 458.

употребляетъ слово пользование такъ, что оно можетъ быть объяснено только въ объективномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ *Германна*; такъ, напр., когда онъ говоритъ о предложени и спросѣ на *пользованія ссуднымъ капиталомъ*; а въ одномъ мѣстѣ онъ опредѣленно признаетъ, что въ пользованіи на ряду съ личнымъ элементомъ заключается еще и элементъ *вещественный* — употребленіе капитала (II. 458). Однако, и онъ иногда приписываетъ пользованію капиталомъ „способность къ размноженію“ (I. 268), хотя *Германну* онъ это ставитъ въ вину. Такимъ образомъ, онъ и не принялъ окончательно основныхъ положеній теоріи пользованія и не отказался окончательно отъ нихъ.

И въ другомъ, болѣе позднемъ систематическомъ сочиненіи *Шеффле* „*Vau und Leben des socialen Körpers*“¹⁾ взгляды его не вылились еще въ одну вполне цѣльную теорію: въ одномъ отношеніи онъ удалился отъ старой теоріи пользованія, въ другомъ же онъ приблизился къ таковой. И теперь онъ все еще формально считаетъ существующій въ дѣйствительной жизни процентъ на капиталъ „выручкой отъ пользованія капиталомъ“, которое во всякое время имѣетъ хозяйственную цѣнность. Притомъ онъ отказался отъ субъективнаго толкованія пользованія и относится къ нему теперь недвусмысленно какъ къ чисто объективному элементу, предоставляемому благами, при чемъ пользованія онъ называетъ „функциями благъ“, „эквивалентами полезныхъ веществъ въ живомъ трудѣ“, „дѣятельной энергіей неодушевленной социальной субстанции“. Даже въ социалистическомъ государствѣ это объективное пользование сохранить свою самостоятельную цѣнность, а слѣдовательно, и способность создавать процентъ на капиталъ; явленіе послѣдняго можетъ исчезнуть только благодаря тому, что въ социалистическомъ государствѣ общество, какъ собственникъ капитала, будетъ предоставлять безвозмездно пользование капиталомъ, обладающее цѣнностью, и, такимъ образомъ, выручка, получающаяся благодаря этому, достанется въ удѣлъ всему социальному организму (III. 491 и сл.).—Зато *Шеффле* опять уклоняется отъ болѣе ранней теоріи пользованія въ томъ, что онъ пользование капиталомъ не считаетъ уже послѣднимъ первоначальнымъ элементомъ производства и всѣ издержки производства сводитъ къ одному только труду (III. 273 и 274). Благодаря этому онъ

¹⁾ 2-ое изданіе, Тюбингенъ 1881 г.

создалъ для объясненія процента новое направленіе, которое я подробно разсмотрю въ другой связи.

Упомянутые послѣдователи *Германна* не столько развивали его теорію, сколько распространяли ее; заслуга весьма существеннаго исправленія этой теоріи принадлежитъ *Кнису*. Въ ея основныхъ положеніяхъ онъ, правда, никакого не сдѣлалъ измѣненія, но онъ придалъ этимъ положеніямъ гораздо болѣе точное и опредѣленное выраженіе, чѣмъ самъ *Германнъ*. Теорія *Германна* настоятельно нуждалась въ такомъ исправленіи—объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя недоразумѣнія, которыя она вызвала. Я уже замѣтилъ, что *Шеффле* считалъ *Германна* теоретикомъ производительности капитала. Еще характернѣе то, что самъ *Книсъ* видѣлъ въ *Германнѣ* не своего предшественника, а противника ¹⁾.

Книсъ вначалѣ не былъ теоретикомъ пользованія. Въ появившихся въ 1859-омъ году „*Erörterungen über den Credit*“ ²⁾ онъ смотрѣлъ на кредитныя операци, какъ на мѣновыя операци, или же, какъ на операци купли-продажи, „въ которыхъ дѣйствіе одного относится къ настоящему времени, дѣйствіе другого къ будущему“ (стр. 568). Чтобы быть послѣдовательнымъ, въ дальнѣйшемъ слѣдовало бы смотрѣть на процентъ на капиталъ не какъ на эквивалентъ пользованія, переносимаго въ ссудѣ, а какъ на частичный эквивалентъ самой ссуды, какъ это уже многимъ раньше сдѣлалъ *Галиани* ³⁾. Впослѣдствіи, однако, *Книсъ* открыто отказался отъ своего мнѣнія, мотивируя это тѣмъ, что нѣтъ никакой необходимости въ этомъ новшествѣ, и что, напротивъ, многое даже усиленно говорить противъ такового ⁴⁾; еще нѣсколько позже онъ въ подробномъ полемическомъ разсужденіи ясно высказываетъ взглядъ, что соображенія, касающіяся различія цѣнности, которую могутъ имѣть настоящія и будущія блага одного и того же рода, въ зависимости отъ большей необходимости удовлетворенія настоящихъ потребностей, хотя и „не совсѣмъ бесплодны“, но ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть достаточными для объясненія сущности явленія процента на капиталъ ⁵⁾.

¹⁾ Knies, Geld und Credit, II, 2-ой отд. стр. 35. Ср. рецензію *Нассе* въ 35-омъ т. Jahrbücher für National-Oekonomie und Statistik (1880) стр. 94.

²⁾ Zeitschr. für die gesamte Staatswissenschaft, т. 15, стр. 559 и сл.

³⁾ См. выше стр. 70 и сл.

⁴⁾ Der Credit, I часть, стр. 11.

⁵⁾ Der Credit, II часть, стр. 38 и сл. Я позволю себѣ здѣсь замѣтить, что уважаемый изслѣдователь, по всей вѣроятности, былъ вызванъ къ этой полемикѣ содержаніемъ одной работы, которую я нѣсколькими годами раньше написалъ въ его семинаріи по политической экономіи, и въ которой именно высказалъ опровергаемые имъ взгляды.

Вмѣсто этого *Книсъ* развиваетъ необыкновенно ясную и основательно продуманную теорію пользования, которая изложена въ его обширномъ сочиненіи „*Geld und Credit*“ ¹⁾. Согласно задачѣ этого сочиненія, *Книсъ* долженъ былъ изслѣдовать только договорный процентъ на капиталъ; однако, онъ ведетъ это изслѣдованіе со столь общей точки зрѣнія, что на основаніи сказаннаго о договорномъ процентѣ на капиталъ легко можно вывести и его мнѣніе о первичномъ процентѣ.

Въ своихъ основныхъ положеніяхъ онъ сходится съ *Германномъ*. Онъ разсматриваетъ пользование, совершенно такъ же, какъ и *Германнъ*, какъ „длящееся въ теченіе извѣстнаго времени и опредѣленнымъ временемъ ограниченное употребленіе“ блага, которое нужно отличать отъ самого блага—„носителя пользования“,—и которое способно къ хозяйственной самостоятельности. Что же касается важнаго для теоріи пользования вопроса, мыслимо ли также и осуществимо ли самостоятельное пользование благами *потребляемыми* и перенесеніе такового, то *Книсъ* посвящаетъ этому вопросу подробное изслѣдованіе, въ которомъ онъ приходитъ къ положительному отвѣту ²⁾. Другой кардинальный вопросъ теоріи пользования заключается въ томъ, имѣетъ ли самостоятельное пользование капиталомъ и мѣновую цѣнность, и подлежитъ ли оно вознагражденію, которое и становится процентомъ на капиталъ, а если это такъ, то почему. — Этому вопросу, какъ мы знаемъ, не оставилъ безъ отвѣта и *Германнъ*, но его отвѣтъ высказанъ въ такой нерѣшительной и скромной формѣ, что нерѣдко на него совершенно не обращали вниманія ³⁾. *Книсъ* же объясняетъ съ подробной мотивировкой, что „появленіе и хозяйственная законность цѣны за пользование въ видѣ процента обосновывается тѣми же причинами, которыя обосновываютъ цѣны вещественныхъ благъ“: пользование совершенно такъ же, какъ и вещественное благо, является средствомъ удовлетворенія человѣческихъ потребностей, „обладающимъ цѣнностью и съ хозяйственной точки зрѣнія и въ дѣйствительной жизни“ (*Ein wirtschaftswertiges und gewertetes Object*) ⁴⁾.—

1) I отд. *Das Geld*, Берлинъ 1873 г. II. отд. *Der Credit*, I часть 1876 г., II часть 1879 г.

2) *Das Geld*, стр. 61 и сл., 71 и сл. Къ подробностямъ этого изслѣдованія я еще вернусь впоследствии, при критикѣ теоріи пользования въ цѣломъ.

3) См. выше, стр. 236 и сл.

4) *Credit*, II часть стр. 33 и сл. и мн. др.

Если я къ этому еще прибавлю, что *Книсъ* сумѣлъ избѣгнуть не только присоединенія къ теоріи производительности, но даже какого-либо приближенія къ таковому, что онъ далъ въ своемъ ученіи замѣчательную критику, въ особенности социалистическихъ теорій процента, то я надѣюсь, что отмѣтилъ тѣ наиболѣе существенныя заслуги, которыя проявилъ при развитіи теоріи пользованія *Германна* этотъ выдающійся по глубинѣ и добросовѣстности изслѣдованія мыслитель.

Я подхожу теперь къ тому писателю, который сообщилъ теоріи пользованія самую совершенную форму, къ которой вообще она была способна, — а именно, къ *Карлу Менгеру* въ его сочиненіи „*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*“¹⁾.

Менгеръ превосходитъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ томъ, что онъ строитъ свою теорію процента на гораздо болѣе совершенной теоріи цѣнности, которая, въ частности, даетъ также полное и удовлетворительное разрѣшеніе очень труднаго вопроса объ отношеніи между цѣнностью продуктовъ и цѣнностью средствъ производства. Зависитъ ли цѣнность продуктовъ отъ цѣнности затраченныхъ на ихъ изготовленіе средствъ производства, или же, наоборотъ, цѣнность средствъ производства зависитъ отъ цѣнности продуктовъ?—До *Менгера* насчетъ этого вопроса блуждали въ потемкахъ. Нѣкоторые писатели, конечно, при случаѣ высказывали свои взгляды, которые сводились къ тому, что цѣнность средствъ производства обуславливается цѣнностью предполагаемаго продукта; таковы, напр., *Сэ*, *Ридель*, *Германнъ*, *Рошеръ*²⁾. Но эти замѣчанія никогда не приводились въ формѣ общаго закона, не говоря уже о строгой общей мотивировкѣ. Но у этихъ же писателей по этому же вопросу, какъ мы убѣдились, находятся также замѣчанія, предполагающія противоположную зависимость между цѣнностью продукта и цѣнностью средствъ производства, и этого послѣдняго взгляда придерживается огромное большинство экономистовъ, которые считаютъ основнымъ закономъ цѣнности положеніе, что *издержки производства* благъ опредѣляютъ ихъ цѣнность.

Однако, до тѣхъ поръ, пока не былъ выясненъ этотъ предварительный вопросъ, не могло, конечно, подняться и отношеніе къ проблемѣ процента надъ уровнемъ неопредѣ-

¹⁾ Вѣна 1871 г.

²⁾ См. выше, стр. 166 и сл., 240 и сл.

ленного блужденія въ потемкахъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можно точно опредѣлить разность между цѣнностями двухъ величинъ—затратой капитала и продуктомъ,—если даже не извѣстно, гдѣ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ искать причину и гдѣ слѣдствіе?

Менгеру принадлежитъ поэтому великая заслуга окончательнаго разрѣшенія этого предварительнаго вопроса; благодаря этому онъ разъ навсегда установилъ отправную точку, съ которой нужно исходить при рѣшеніи проблемы процента, и то направленіе, котораго надо придерживаться. Онъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что *цѣнность средствъ производства* („благъ высшаго порядка“, по терминологіи *Менгера*) *постоянно и исключительно зависитъ отъ цѣнности изготовленныхъ при ихъ помощи продуктовъ* („благъ низшаго порядка“), *а не наоборотъ*. Къ этому заключенію онъ приходитъ при помощи слѣдующаго разсужденія ¹⁾.

Цѣнностью вообще называется то значеніе, „которое приобрѣтаютъ для насъ конкретныя блага или опредѣленныя количества ихъ благодаря тому, что мы сознаемъ зависимость удовлетворенія нашихъ потребностей отъ наличности этихъ благъ въ нашемъ распоряженіи“. Величина цѣнности блага всегда опредѣляется значеніемъ тѣхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ зависитъ отъ обладанія этимъ благомъ. Такъ какъ блага „высшаго порядка“ (средства производства) служатъ намъ вообще только при посредствѣ благъ „низшаго порядка“ (продуктовъ), которыя вытекаютъ изъ нихъ, то ясно, что первая имѣютъ значеніе для удовлетворенія нашихъ потребностей лишь постольку, поскольку такое значеніе имѣютъ послѣднія: средства производства, исключительная польза которыхъ заключалась бы въ производствѣ благъ, не имѣющихъ цѣнности, не могли бы, очевидно, ни въ какомъ случаѣ приобрѣсти для насъ цѣнность. Такъ какъ затѣмъ кругъ потребностей, удовле-

¹⁾ Я долженъ, къ сожалѣнію, въ данномъ мѣстѣ ограничиться самымъ краткимъ изложеніемъ необходимыхъ основныхъ положеній ученія о цѣнности *Менгера*, вслѣдствіе чего, конечно, достоинства послѣдняго—которыя я причисляю къ прекраснѣйшимъ и надежнѣйшимъ приобрѣтеніямъ современной политической экономіи—не могутъ получить должной оцѣнки. Только во второмъ томѣ я буду имѣть возможность изложить это ученіе подробнѣе. Временно же я желающихъ ознакомиться болѣе основательно съ изложенными въ текстѣ только въ наиболѣе общихъ чертахъ мыслями отсылаю къ необыкновенно ясному и убѣдительному изложенію самого *Менгера* въ его „Grundsätze“ *passim*. Въ особенности стр. 77 и сл.

твореніе которыхъ обусловливается продуктомъ, и кругъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ обусловливается суммой средствъ производства, затраченныхъ на его изготовленіе, очевидно, тождественны, то должны также быть принципиально тождественны *величина* значенія, которое имѣеть для удовлетворенія нашихъ потребностей какой-либо продуктъ, и *величина* значенія, которое имѣеть сумма средствъ производства, затраченныхъ на изготовленіе этого продукта. На основаніи этого, предполагаемая цѣнность продукта будетъ масштабомъ не только для существованія средствъ производства, затраченныхъ на его изготовленіе, но и для величины цѣнности таковыхъ. Такъ какъ, наконецъ, (субъективная) цѣнность благъ является также основой *цѣны* таковыхъ, то и цѣна, или же такъ называемая (иными) „народо-хозяйственная цѣнность“ благъ, слѣдуетъ только-что изложенному правилу.

На такихъ основахъ проблема процента пріобрѣтаетъ слѣдующій видъ: капиталъ—это не что иное, какъ совокупность „комплементарныхъ“ благъ высшаго порядка. Такъ какъ, согласно сказанному, эта совокупность благъ заимствуетъ свою цѣнность у цѣнности предполагаемаго продукта, изготовляемаго при помощи названныхъ благъ, то чѣмъ же, спрашивается, объяснить то, что эти блага никогда не достигаютъ этой цѣнности вполнѣ, а всегда меньше ея на нѣкоторую опредѣленную сумму? Или, если уже предполагаемая цѣнность продукта является источникомъ и масштабомъ цѣнности средствъ производства, затраченныхъ на его изготовленіе, то почему продуктъ оцѣниваютъ выше, чѣмъ капиталъ?

Менгеръ даетъ на это слѣдующій глубокомысленный отвѣтъ: ¹⁾

Преобразование средствъ производства въ продукты, или производство, требуетъ всегда извѣстнаго, иногда большаго, иногда меньшаго промежутка времени. Въ цѣляхъ производства необходимо, чтобы мы имѣли производительныя блага въ нашемъ распоряженіи не только въ одинъ какой-нибудь опредѣленный *моментъ* этого промежутка времени, но чтобы мы *сохраняли* ихъ въ нашемъ распоряженіи въ теченіе всего этого промежутка времени и связывали въ процессъ производства. Такимъ образомъ, къ числу условій производства относится также и *распоряженіе извѣстнымъ количествомъ капитала въ теченіе опредѣленнаго промежутка*

¹⁾ Стр. 133—138.

времени. Въ этомъ распоряженіи Менгеръ видитъ сущность пользованія капиталомъ.

Такого рода пользованія капиталомъ или распоряженія капиталомъ, поскольку они не существуютъ и не предлагаются въ достаточномъ количествѣ, могутъ приобрести цѣнность или, другими словами, могутъ сдѣлаться хозяйственными благами. Если это имѣетъ мѣсто—что бываетъ всегда,—то кромѣ прежнихъ средствъ производства, которыя примѣняются въ конкретномъ производствѣ, т. е. кромѣ сырого матеріала, вспомогательныхъ орудій, труда и т. п., принимаетъ участіе въ суммѣ цѣнности, носителемъ которой будетъ предполагаемый продуктъ, еще и необходимое для производства *распоряженіе* этими благами, или пользованіе капиталомъ; и такъ какъ, на основаніи сказаннаго, отъ этой суммы цѣнности должно также остаться что-то для хозяйственного блага—„пользованія капиталомъ“, то остальные средства производства не могутъ достигнуть полной цѣнности будущаго продукта. — Таково происхождение разности между цѣнностью капитала, затраченнаго на производство, и цѣнностью продукта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и происхождение процента на капиталъ ¹⁾).

Въ этомъ ученіи Менгера теорія пользованія достигла, наконецъ, своей полной теоретической чистоты и зрѣлости. Въ этомъ ученіи нѣтъ уже не только никакого существеннаго возвращенія къ старымъ теоріямъ производительности, но и никакихъ сбивчивыхъ ссылокъ на таковыя, и проблема процента, которая до сихъ поръ ошибочно считалась проблемой производства, была окончательно превращена въ проблему цѣнности, которой она дѣйствительно является. Проблема цѣнности выставлена при этомъ такъ ясно и опредѣленно и, благодаря разсужденіямъ объ отношеніи между цѣнностью продукта и цѣнностью средствъ производства, такъ удачно построена, что Менгеръ не только превзошелъ въ этомъ своихъ предшественниковъ по теоріи пользованія, но создалъ также прочный фундаментъ, который теперь, по всей вѣроятности, будетъ служить основой для всѣхъ дальнѣйшихъ серьезныхъ попытокъ разрѣшенія проблемы процента.

Въ виду этого, задача критика по отношенію къ Мен-

¹⁾ Къ Менгеру примыкаетъ также въ существенныхъ чертахъ и Матая въ своей прекрасной работѣ „Der Unternehmerrgewinn“ (Вѣна 1834 г.); ср. особенно стр. 124, 127, 129 и сл. 168, изд. 2. 186, 192 и сл., 196 и сл.

геру существенно должна отличаться отъ его задачи по отношенію къ предшественникамъ *Менгера*. Въ ученіи послѣднихъ я пока—нарочно оставляя въ сторонѣ вопросъ о вѣрности основной идеи теоріи пользованія—старался исключительно установить, какимъ образомъ излагали они эти основныя положенія, съ ббольшимъ или меньшимъ совершенствомъ, съ большей или меньшей внутренней послѣдовательностью и ясностью: я до сихъ поръ какъ бы разсматривалъ конкретныя теоріи пользованія по отношенію къ идеальной теоріи пользованія, а не по отношенію къ истинѣ. Что же касается теоріи *Менгера*, то здѣсь можетъ быть рѣчь только объ ея истинности. По отношенію къ этой теоріи можно выставить только одинъ, безъ сомнѣнія самый рѣшительный критическій вопросъ: *способна ли вообще теорія пользованія дать намъ удовлетворительное объясненіе проблемы процента?*

Изслѣдованіе этого вопроса я буду вести такъ, что оно должно дать не только специальную критику формулировки *Менгера*, но и сужденіе обо всемъ теоретическомъ направленіи этого ученія, завершеніемъ котораго является его теорія.

Прежде чѣмъ приступить къ этому изслѣдованію, я долженъ замѣтить, что я взялъ на себя одну изъ наиболѣе трудныхъ критическихъ задачъ, трудную, во-первыхъ, благодаря общему характеру матеріала, въ изслѣдованіи котораго уже въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ изошрялись выдающіеся умы, трудную, во-вторыхъ, потому, что я буду вынужденъ возражать противъ мнѣній, которыя выставлены лучшими мыслителями нашей націи послѣ тщательнаго изслѣдованія и обоснованы съ поразительной глубиной; трудную, наконецъ, еще потому, что я буду вынужденъ оспаривать мнѣнія, которыя были горячо оспариваемы уже давно въ прошломъ, но которыя одержали тогда самую блестящую побѣду надъ противоположными мнѣніями и съ того времени принимаются на вѣру и проповѣдуются, какъ догма. Я прошу поэтому моихъ читателей удѣлить нижеслѣдующимъ выводамъ больше вниманія, терпѣнія и сосредоточенности.

2. К р и т и к а.

Всѣ теории пользованія покоятся на предположеніи, что на ряду съ самимъ капиталомъ существуетъ также „пользованіе“ таковымъ, какъ самостоятельное хозяйственное благо съ самостоятельной цѣнностью, и что эта цѣнность вмѣстѣ съ цѣнностью самого капитала составляетъ цѣнность продукта.

Я, напротивъ, утверждаю:

I. Такого рода самостоятельнаго „пользованія капиталомъ“ въ томъ видѣ, въ какомъ оно постулируется теоретиками пользованія, не существуетъ, поэтому оно не можетъ также обладать самостоятельной цѣнностью и вызывать своимъ существованіемъ „явленіе прибавочной цѣнности“. Предположеніе это является только продуктомъ недозволительной противорѣчащей дѣйствительности фикціи ¹⁾.

II. Если бы даже существовало пользованіе капиталомъ въ томъ видѣ, въ какомъ таковое выставляютъ теоретики пользованія, то все-таки имъ нельзя было бы еще удовлетворительно объяснить дѣйствительныя явленія процента на капиталъ. Теории пользованія покоятся поэтому на противорѣчащей дѣйствительности и притомъ неудовлетворительной для достиженія желанной цѣли гипотезы.

Изъ этихъ обоихъ тезисовъ доказательство перваго я долженъ начать при неблагоприятныхъ для меня литературныхъ условіяхъ. Между тѣмъ какъ обсужденіе втораго тезиса происходитъ на дѣвственной, еще нетронутой литературной полемикой почвѣ, обсужденіе перваго тезиса, повидимому, возобновляетъ *res iudicata*, которая уже давно прошла черезъ всѣ инстанціи и давно уже разрѣшена окончательно не въ мою пользу. Дѣло въ томъ, что рѣчь идетъ о томъ же вопросѣ, который въ теченіе предыдущихъ столѣтій былъ предметомъ спора между канонистами и защитниками ссуднаго процента *Kant*.

¹⁾ Чтобы сразу предотвратить непріятное недоразумѣніе, я выразительно подчеркиваю, что мнѣ и въ голову не приходитъ вообще отрицать существованіе „пользованія капиталомъ“. Но я долженъ, конечно, отрицать существованіе того спеціальнаго фактора, который теоретики пользованія называютъ пользованіемъ капиталомъ и иадѣляютъ различными, на мой взглядъ, противорѣчащими природѣ вещей свойствами. Болѣе подробно смотри ниже.

нисты утверждали: право собственности на вещь обнимаетъ собой право на всѣ пользованія, которыя можно извлечь изъ этой вещи; поэтому существованіе отдѣльнаго пользованія, которое, какъ независимое отъ самого блага, можно было бы уступить наравнѣ съ послѣднимъ при ссудѣ, немислимо. А защитники ссуднаго процента утверждали: а все-таки такое самостоятельное пользованіе существуетъ! И со *Сальмазіемъ* во главѣ они сумѣли подкрѣпить свое мнѣніе такими убѣдительными аргументами, что на ихъ сторону вскорѣ перешло общественное мнѣніе научнаго міра, и что въ настоящее время „близорукой педантизмъ“ канонистовъ можетъ развѣ только вызвать улыбку.

Да, я вполнѣ сознательно утверждаю, — пусть многимъ это кажется эксцентричнымъ — что въ этомъ отношеніи презируемое ученіе канонистовъ все-таки правильно: оспариваемаго самостоятельнаго пользованія капиталомъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ. И я твердо надѣюсь, что мнѣ удастся показать, что приговоръ первыхъ инстанцій въ этомъ литературномъ процессѣ въ самомъ дѣлѣ ошибоченъ, несмотря на то, что онъ былъ произнесенъ единогласно.

1-й тезисъ, подлежащій доказательству:

Пользованія капиталомъ, утверждаемаго теоретикими пользованія, не существуетъ.

Прежде всего, конечно, наша задача состоитъ въ установленіи предмета спора. Что же представляетъ собой пользованіе, самостоятельное существованіе котораго утверждаютъ теоретики пользованія, а я оспариваю? Насчетъ природы пользованія у самихъ представителей этой теоріи существуютъ разногласія. Въ особенности *Менгеръ* даетъ существенно иное опредѣленіе пользованія, чѣмъ его предшественники. Поэтому и я долженъ подраздѣлить мое изслѣдованіе, по крайней мѣрѣ, на двѣ части, изъ которыхъ первая будетъ имѣть дѣло съ понятіемъ пользованія направленія *Сэ-Германна*, вторая съ понятіемъ пользованія *Менгера*.

А. Критика понятія пользованія направленія Сэ-Германна.

И внутри направленія *Сэ-Германна* существуютъ извѣстныя разногласія въ изображеніи и опредѣленіи „пользованія“. Однако, эти разногласія, на мой взглядъ, объясняются не столько дѣйствительнымъ расхожденіемъ мнѣній, сколько наблюдаемымъ у всѣхъ отсутствіемъ яснаго представленія

о его сущности: колебаніе въ опредѣленіи объясняется не существованіемъ различныхъ предметовъ, которые имѣлись въ виду, а неясностью представленія того одного предмета, который всѣ имѣли въ виду. Доказательствомъ этого служить то, что отдѣльные представители теорій пользованія такъ же часто попадали въ противорѣчія со своими собственными опредѣленіями пользованія, какъ и съ опредѣленіями своихъ товарищей. Постараемся пока установить важнѣйшія изъ этихъ основныхъ опредѣленій.

Съ говоритъ о производительныхъ услугахъ, services productifs, капитала и называетъ ихъ „*трудолю*“, который доставляетъ капиталъ. *Германнъ* опредѣляетъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 109) пользованіе благами, какъ ихъ *употребленіе*; онъ повторяетъ эту мысль на стр. 111, гдѣ онъ говоритъ, что употребленіе матеріально уничтожающихся благъ можно разсматривать, какъ самостоятельное благо, какъ „пользованіе“. Такимъ образомъ, здѣсь просто отождествляются употребленіе и пользованіе. Не то уже мы имѣемъ на стр. 125, гдѣ *Германнъ* говоритъ, что употребленіе представляетъ собой *примѣненіе пользованія*. Наконецъ, на стр. 287 *Германнъ* объясняетъ „сохраненіе техническихъ элементовъ продукта“, какъ службу, какъ „объективное пользованіе“ оборотнымъ капиталомъ. *Книшъ* также отождествляетъ употребленіе съ пользованіемъ¹⁾. *Шеффле* опредѣляетъ пользованіе въ одномъ мѣстѣ, какъ „*примѣненіе*“ (Anwendung) благъ (ges. System, изд. 3-е, стр. 143); въ томъ же духѣ на стр. 266, какъ „примѣненіе по приобрѣтенію благъ“ (Erwerbsanwendung), на стр. 267, какъ „дѣйствіе *хозяйственнаго* субъекта посредствомъ имущества“, какъ „использованіе имущества въ цѣляхъ успѣшнаго производства“; на той же страницѣ, какъ „*назначеніе*“ (Widmung) имущества на цѣли производства. Съ этимъ совершенно не вяжется то, что *Шеффле* на слѣдующей страницѣ говоритъ о „назначеніи“ *пользованія капиталомъ*, слѣдовательно, о назначеніи „назначенія“. Наконецъ, въ „*Vau und Leben*“ *Шеффле* объясняетъ пользованія въ одномъ мѣстѣ (III, 258), какъ „функции благъ“, въ другомъ (стр. 259), какъ „эквиваленты полезныхъ веществъ по отношенію къ живому труду“, а на стр. 260 онъ опредѣляетъ пользованіе, какъ „извлеченіе пользы изъ вещественныхъ благъ“.

Если основательнѣе разсмотрѣть этотъ нѣсколько пе-

¹⁾ Geld, стр. 61. Пользованіе это *употребленіе* блага, продолжающееся въ теченіе извѣстнаго времени и ограниченное моментами такового.

стрый рядъ опредѣленій и разъясненій, то можно усмотрѣть въ немъ два значенія понятія пользованія: субъективное и объективное. Оба эти значенія почти точно соотвѣтствуютъ тому двойному значенію, въ которомъ вообще употребляется въ обыденной рѣчи слово „пользованіе“. Оно обозначаетъ, съ одной стороны, субъективную дѣятельность „пользующагося“, или „употребленіе“ въ субъективномъ смыслѣ этого многозначащаго слова, или еще рельефнѣе „*актъ употребленія*“. Съ другой стороны, оно обозначаетъ объективную функцію блага, приносящаго пользу, службу, исходящую изъ блага. Субъективное значеніе проглядываетъ слегка у *Германна* въ отождествленіи понятій „пользованія и употребленія“ и очень рѣзко въ болѣе раннемъ сочиненіи *Шеффле*. Объективное значеніе преобладаетъ рѣшительно у *Сэ*, почти такъ же рѣшительно у *Германна*, который въ одномъ мѣстѣ опредѣленно говоритъ объ „объективномъ пользованіи“; къ этому объясненію примыкаетъ также въ своемъ послѣднемъ сочиненіи и *Шеффле*, въ которомъ онъ считаетъ пользованіе „функціей блага“.

Легко можно замѣтить, что изъ этихъ двухъ значеній только и исключительно объективное соотвѣтствуетъ природѣ теоріи пользованія. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно обратить вниманіе на простѣйшія явленія, чтобы понять невозможность истолковывать въ субъективномъ смыслѣ то пользованіе капиталомъ, которое должникъ путемъ ссуды покупаетъ у кредитора и оплачиваетъ ссуднымъ процентомъ. Актомъ использованія со стороны кредитора это пользованіе быть не можетъ, потому что послѣдній не беретъ на себя такого; оно не можетъ также быть актомъ использованія со стороны должника, потому что послѣдній, хотя и беретъ на себя таковой, но своего собственнаго акта покупать у кредитора, конечно, не имѣетъ надобности. Говорить объ уступкѣ пользованій капиталомъ въ ссудѣ имѣетъ смыслъ только тогда, если подъ этими словами понимается какой-либо *объективный* полезный элементъ. Я считаю поэтому себя въ правѣ оставлять безъ вниманія субъективныя значенія понятія пользованія, которыя время отъ времени встрѣчаются въ отдѣльныхъ теоретиковъ пользованія, какъ непослѣдовательности, стоящія въ противорѣчій съ духомъ ихъ собственныхъ теорій, и придерживаться исключительно объективныхъ значеній, которыя сдѣлались преобладающими, а благодаря послѣднему направленію, принятому *Шеффле*, даже исключительно господствующими.

Мы должны, такимъ образомъ, въ духѣ направленія *Сэ*-

Германна подь словомъ „пользованіе“ понимать во всякомъ случаѣ объективный полезный элементъ, который исходитъ изъ благъ и приобретаетъ, какъ самостоятельное хозяйственное существованіе, такъ и самостоятельную хозяйственную цѣнность.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ дѣйствительности существуетъ нѣкоторая объективная полезная служба благъ, которая приобретаетъ хозяйственную самостоятельность и можетъ быть обозначена довольно подходящимъ именемъ „пользованіе“. Я уже подробно занимался этимъ вопросомъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ и всячески старался изложить, какъ можно опредѣленнѣе и основательнѣе, настоящую сущность пользованія. Какъ это ни странно, эта моя попытка стоитъ почти совершенно изолированной въ литературѣ политической экономіи. Я вполнѣ сознательно говорю: „какъ это не странно“; въ самомъ дѣлѣ, не странно ли это въ высшей степени, что въ наукѣ, которая отъ начала до конца, какъ вокругъ полюса, вращается вокругъ удовлетворенія потребностей посредствомъ благъ, вокругъ пользы, извлекаемой человѣкомъ изъ благъ, не изслѣдуется даже техническая структура пользы благъ? или что въ той же наукѣ, въ которой о различныхъ другихъ понятіяхъ пишутся цѣлыя страницы, главы, даже монографіи, основное понятіе „употребленіе блага“ не опредѣляется и не поясняется даже нѣсколькими строками, а вводится во всѣ теоретическія изслѣдованія во всей своей сбивчивой неопредѣленности и многозначности, въ которой оно употребляется въ устахъ народа?

Такъ какъ въ нашей теперешней задачѣ все сводится къ тому, чтобы получить правильное представленіе о полезныхъ функціяхъ благъ, то я долженъ здѣсь вторично коснуться этого вопроса болѣе опредѣленно и прошу читателя нижеслѣдующіе выводы считать не уклоненіями отъ темы, а строго относящимися къ послѣдней ²⁾.

Всѣ вещественныя блага приносятъ пользу человѣку благодаря дѣятельности присущихъ имъ силъ природы. Они составляютъ часть матеріальнаго міра, а потому вся ихъ дѣятельность, въ томъ числѣ и полезная, должна носить

1) См. мою работу „Rechte und Verhältnisse vom Standpunkte der volkswirtschaftlichen Güterlehre“. Innsbruck 1881. Стр. 51 и слѣд.

2) Я, конечно, могу себѣ позволить привести, отчасти дословно, мои выводы изъ „Rechte und Verhältnisse“, которые я уже тогда формулировалъ, имѣя въ виду ихъ теперешнее примѣненіе.

тотъ же характеръ, который вообще носить дѣятельность матеріальнаго міра, а именно дѣйствіе силъ природы по законамъ природы. Дѣятельность вещественныхъ благъ тѣмъ только и отличается отъ дѣятельности остальныхъ предметовъ природы, индифферентныхъ или вредныхъ, что основанная на законахъ природы дѣятельность этихъ вещественныхъ благъ допускаетъ возможность направленія таковой (также въ предѣлахъ законовъ природы) въ пользу человѣка. Правда, всѣ предметы вообще одарены активными силами природы; однако, опытъ показываетъ, что послѣднія только тогда допускаютъ направленіе къ опредѣленной полезной цѣли, если матерія, ими одаренная, имѣетъ извѣстныя формы, благоприятныя для такого направленія. Сила тяжести, напр., свойственна всякой матеріи безъ исключенія; однако, человѣкъ ничего не можетъ подѣлать съ тяжестью горы, тогда какъ та же сила тяжести приноситъ человѣку пользу, если она заключается въ тѣлѣ, имѣющемъ форму маятника, прессы или молотка. Совершенно такъ же силы природы, заключающіяся въ углеродѣ, тождественны для каждой молекулы этой матеріи. А между тѣмъ непосредственную хозяйственную пользу мы извлекаемъ изъ дѣятельности этихъ силъ только тогда, когда углеродъ принялъ, напр., форму дерева или угля; въ томъ же случаѣ, если углеродъ является составной частью воздуха, онъ такой пользы не приноситъ.— Поэтому сущность вещественныхъ благъ, въ противоположность бесполезнымъ матеріальнымъ предметамъ, заключается въ томъ, что *первыя представляютъ собой такія замѣчательныя видоизмѣненія матеріи, которыя допускаютъ направленіе силъ природы, заключающихся въ нихъ, въ пользу человека.*

Изъ сказаннаго вытекаютъ два важныхъ слѣдствія, изъ которыхъ одно касается характера полезныхъ функций вещественныхъ благъ, другое характера употребленія этихъ благъ.

Функция благъ можетъ заключаться только въ отдачѣ свойственныхъ имъ силъ природы или дѣйствій этихъ силъ. Съ естественной стороны существуетъ полная аналогія съ характеромъ полезныхъ функций рабочаго: подобно тому какъ носильщикъ или землекопъ приноситъ пользу посредствомъ дѣятельности силъ природы, имѣющихся въ его тѣлѣ, въ видѣ отдачи полезныхъ дѣйствій, такъ и у всѣхъ вещественныхъ благъ существуетъ *конкретная дѣятельность присущихъ имъ силъ природы, допускающихъ различное направленіе* въ зависимости отъ воли человѣка, или настоящія

дѣйствія силъ, посредствомъ которыхъ люди извлекаютъ пользу изъ вещественныхъ благъ.

Употребленіе блага выражается затѣмъ въ томъ, что человекъ въ подходящий моментъ вызываетъ, „извлекаетъ“ дѣйствія силъ, свойственныхъ благу, которыя ему необходимы, — если онѣ безъ того самостоятельно не вытекаютъ постоянно изъ блага — и приводитъ ихъ въ цѣлесообразную связь съ тѣмъ предметомъ, которому должна быть сообщена польза. Такъ, напр., чтобы употребить паровозъ, человекъ посредствомъ наполненія водой и отопленія заставляеть его отдавать динамическія дѣйствія и приводитъ въ соединеніе съ вагонами, въ которыхъ находятся пассажиры или подлежащая перевозу вещи. Или же человекъ приводитъ въ цѣлесообразную связь со своимъ глазомъ или со всѣмъ своимъ тѣломъ книгу или домъ, отъ которыхъ исходятъ постоянно свойственные имъ образы или дѣйствія защиты отъ внѣшнихъ неблагоприятныхъ условий. *Употребленіе вещественныхъ благъ, которое не заключалось бы въ полученіи полезныхъ дѣйствій силъ, заключенныхъ въ употребленныхъ благахъ, немислимо.*

По моему мнѣнію, я не долженъ опасаться, что выведенные мною до сихъ поръ тезисы могутъ вызвать научную оппозицію. Съ одной стороны, изложенная въ нихъ точка зрѣнія уже не чужда экономической литературѣ ¹⁾, съ другой стороны, признаніе таковой при теперешнемъ состояніи естественныхъ наукъ сдѣлалось неоспоримой необходимостью. Если кто-либо мнѣ возразитъ, что эта точка зрѣнія относится не къ политической экономіи, а къ естественнымъ наукамъ, то я на это отвѣчу, что въ этихъ вопросахъ политическая экономія именно и должна предоставить слово естественнымъ наукамъ. Принципъ единства всѣхъ наукъ требуетъ этого. Политическая экономія, какъ и всякая другая наука, не доводитъ до конца объясненій входящихъ въ ея область фактовъ; она разрѣшаетъ только часть причинной связи между различными явленіями и предоставляетъ другимъ наукамъ продолжать объясненія. Область объясненій политической экономіи заключается между областью объясненій психологіи, съ одной стороны, и областью объясненій естественныхъ наукъ, съ другой, не говоря уже о

¹⁾ Въ особенности очень умѣло изложилъ эту точку зрѣнія *Шефбле* въ 3-йемъ томѣ своей работы: „*Vau und Leben*“. *Шефбле* вообще не слѣдуетъ выше критикуемой привычкѣ — игнорировать элементы дѣятельности благъ. То же нужно сказать о *Джоннѣ Рэ* (см. ниже, глава XI) и въ новѣйшее время *Ирвингъ Фишеръ*.

другихъ смежныхъ наукахъ. Я приведу конкретный примѣръ: политическая экономія доводитъ объясненія того обстоятельства, что хлѣбъ обладаетъ мѣншею цѣнностью, до констатирования факта, что хлѣбъ въ состояннн удовлетворять потребность въ питаннн, и что люди стремятся обезпечить себѣ удовлетворенн своихъ потребностей, въ крайнемъ случаѣ даже не избѣгая жертвъ. Объясненн этого стремленн и причинъ такового относится уже не къ политической экономнн, а къ области психологнн; объясненн этой потребности въ питанн и причинъ таковой относится къ области физиологнн; наконецъ, объясненн того, что хлѣбъ въ состояннн удовлетворять эту потребность и причинъ этого также относится къ области физиологнн, которая, въ свою очередь, не доводитъ до конца этого объясненн, но должна призвать на помощь болѣе общня естественныя науки.

Теперь ясно, что всѣ объясненн политической экономнн имѣють цѣнность только при томъ условнн, что они могутъ быть продолжаемы смежными науками. Въ своихъ объясненняхъ политическая экономія не должна опираться ни на одну точку зрѣнн, которую смежныя съ нею науки должны считать ложной или невозможной, — въ противномъ случаѣ уже съ самаго начала прервана ннть объясненн. Она должна поэтому сохранять тѣсную связь съ пограничными областями смежныхъ наукъ, а такой пограничною областью и является вопросъ о дѣятельности вещественныхъ благъ.

Можетъ быть, я долженъ обратить вниманн еще на одно обстоятельство: приложенн вышеизложенной натуралистической точки зрѣнн къ извѣстному меньшинству вещественныхъ благъ, въ особенности къ такъ называемымъ „идеальнымъ“ благамъ, можетъ на первый взглядъ показаться кому-либо изъ читателей нѣсколько страннымъ. Что, напр., неподвижно стоящн жилой домъ, томъ стихотворенн или картина Рафаэля должны приносить намъ пользу посредствомъ дѣятельности свойственныхъ имъ силъ природы, на первый взглядъ можетъ, въ самомъ дѣлѣ, показаться нѣсколько страннымъ, — я съ этимъ согласенъ. — Нѣкоторыя соображенн устранять и эти сомнѣнн, которыя по своему происхожденн относятся скорѣе къ области чувства, чѣмъ къ разсудка.

Всѣ названныя предметы становятся благами только благодаря своеобразнымъ силамъ природы, которыми они обладаютъ и обладаютъ притомъ въ своеобразномъ видѣ. То явленн, что домъ защищаетъ и грѣетъ, представляетъ собою не что иное, какъ дѣятельность силъ тяжести, сцѣ-

плєнія, сопротивленія, непроницаемости, малой теплопроводности строительнаго матеріала. То явленіе, что идеи и чувства поэта воспроизводятся въ насъ, основывается на прямо-таки физическомъ дѣйствіи свѣта, цвѣта и вида буквъ, и это физическое дѣйствіе и является дѣломъ книги. Конечно, поэтическое воображеніе должно возбудить идеи и чувства, которыя вторично могутъ возбуждаться только въ воображеніи и при посредствѣ духовныхъ силъ; но путь отъ одного воображенія къ другому ведетъ черезъ матеріальный міръ, и въ области послѣдняго духовное должно пользоваться услугами силъ природы. Такія матеріальныя услуги и доставляетъ книга, картина или произнесенное слово: услуги эти выражаются въ физическомъ воздѣйствіи, и только; что же касается необходимыхъ духовныхъ силъ, то мы присовокупляемъ таковыя отъ себя при воспріятіи этого воздѣйствія, а если мы не подготовлены къ плодотворному воспріятію, т. е. если мы не можемъ читать, или же если мы можемъ читать, но не можемъ понимать или чувствовать, то все сводится только къ физическому воздѣйствію.

Я полагаю, что послѣ этихъ поясненій я могу разсматривать, какъ несомнѣнный фактъ, то, что матеріальныя блага проявляютъ свою хозяйственную пользу *посредствомъ дѣятельности присущихъ имъ силъ природы.*

Я предлагаю отдѣльные акты полезной дѣятельности силъ природы, присущихъ вещественнымъ благамъ, называть „*полезными дѣйствіями*“ (Nutzleistungen) вещественныхъ благъ ¹⁾. Само по себѣ не было бы здѣсь неподходящимъ и слово „пользованіе“. Въ такомъ случаѣ, однако, наше понятіе не избѣжало бы всей той неясности, которая теперь, къ сожалѣнію, связана съ растяжимымъ словомъ „пользованіе“; притомъ выраженіе „полезное дѣйствіе“ представляется мнѣ, дѣйствительно, необыкновенно рельефнымъ. Это въ самомъ настоящемъ смыслѣ слова полезныя дѣйствія силъ, вытекающія изъ вещественныхъ благъ ²⁾.

Понятію „вещественныхъ полезныхъ дѣйствій“, по моему мнѣнію, суждено сдѣлаться однимъ изъ самыхъ важныхъ

¹⁾ Я это названіе уже ввелъ въ своихъ „Rechte und Verhältnisse“, еще раньше я его употреблялъ въ трудѣ, написанномъ въ 1876 году, но не напечатанномъ. Книзь употребляеть его нѣсколько разъ во 2-ой части своего „Кредита“, но, къ сожалѣнію, въ томъ двузначномъ смыслѣ, въ которомъ онъ вообще употребляеть слово „пользованіе“.

²⁾ Понятіе „services productifs“ Сэ потому именно такъ часто подвергалось критическимъ нападєніямъ, что оно образное выраженіе,

основныхъ понятій науки о хозяйствѣ. Оно по своему значенію нисколько не уступаетъ понятію „благо“. Къ сожалѣнію, однако, на него до сихъ поръ мало обращали вниманія и его мало развивали. Наша задача требуетъ отъ насъ, чтобы мы въ извѣстной степени пополнили это упущеніе и развили нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ отношеній, въ которыя вступаютъ въ хозяйственной жизни „полезныя дѣйствія“.

Прежде всего ясно, что всякій предметъ, который можетъ претендовать на названіе „блага“, долженъ быть въ состояніи доставлять полезныя дѣйствія, и что съ прекращеніемъ этой его способности исчезаетъ и его значеніе, какъ блага: изъ ряда благъ онъ переходитъ въ рядъ обыкновенныхъ предметовъ. Прекращеніе этой способности мыслимо не какъ прекращеніе способности проявлять дѣйствія силъ вообще, потому что столь же вѣчными, какъ и матерія, являются и заключающіяся въ ней силы, которыя никогда не перестаютъ дѣйствовать или проявлять дѣйствія; но постоянно продолжающіяся дѣйствія силъ могутъ перестать быть *полезными* дѣйствіями, такъ какъ первоначальное благо во время отдачи своихъ полезныхъ дѣйствій испытало такое измѣненіе, разъединеніе, перемѣщеніе или соединеніе своихъ частей съ другими тѣлами, что оно въ своей измѣненной формѣ не будетъ больше годиться для направленія человѣкомъ къ полезной цѣли присущихъ этому благу силъ. Послѣ того, на примѣръ, какъ углеродъ сожженныхъ въ домнѣ дровъ соединился въ процессѣ сгорания съ кислородомъ, онъ не допускаетъ уже вторичнаго примѣненія своихъ продолжающихся постоянно существовать и естественно дѣйствовать силъ для плавленія металла. Сломанный маятникъ сохраняетъ свою силу тяжести и проявляетъ, благодаря таковой, дѣйствіе, какъ и прежде, но потеря формы маятника не годится уже для направленія этихъ силъ природы къ регулированію хода часовъ.—Это употребленіемъ обусловленное прекращеніе способности благъ проявлять полезное дѣйствіе обыкновенно называютъ *потребленіемъ* таковыхъ.

Всѣ блага доставляютъ и должны доставлять полезныя дѣйствія; но *количество* полезныхъ дѣйствій, доставляемыхъ

метафору хотѣло сдѣлать основнымъ научнымъ понятіемъ. Утверждали, что только „лицо“, а не „вещь“ можетъ доставлять „услуги“. послѣ всѣхъ сдѣланныхъ въ текстѣ разъясненій, я надѣюсь, что мнѣ нечего опасаться подобныхъ упрековъ по отношенію къ моей категоріи „полезныхъ дѣйствій“.

благами, существенно различно. На этомъ основано извѣстное дѣленіе благъ на потребляемыя и непотребляемыя, правильнѣе, „длящіяся“ ¹⁾. Одни блага для того, чтобы вообще принести свойственную имъ пользу, должны отдать всѣ свои полезныя силы за одинъ разъ, въ одномъ единственномъ болѣе или менѣе интенсивномъ „полезномъ дѣйствіи“, такъ что уже первое ихъ употребленіе совершенно исчерпываетъ ихъ способность къ проявленію „полезныхъ дѣйствій“ и, такимъ образомъ, представляетъ собою потребленіе. Это такъ называемыя потребляемыя блага, какъ средства пропитанія, порохъ, горючія вещества и т. п. Другія блага способны по своей природѣ къ большому количеству „полезныхъ дѣйствій“; они отдаютъ таковыя послѣдовательно въ теченіе извѣстнаго болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени и могутъ, такимъ образомъ, и послѣ перваго или даже нѣсколькихъ актовъ употребленія сохранять способность къ отдачѣ дальнѣйшихъ полезныхъ дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое значеніе, какъ благъ. Это длящіяся блага какъ, напримѣръ, платья, дома, орудія, драгоценныя камни, земельныя участки и т. п.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда благо отдаетъ послѣдовательно большое количество „полезныхъ дѣйствій“, оно можетъ отдавать таковыя двоякимъ образомъ: во-первыхъ, послѣдовательныя полезныя дѣйствія по своей формѣ могутъ отдѣляться другъ отъ друга, какъ рѣзко замѣтные отдѣльные акты, такъ, что ихъ легко можно различать, отдѣлять и считать, какъ, напримѣръ, отдѣльные удары молотка или дѣйствіе автоматическаго печатнаго станка; во-вторыхъ, полезныя дѣйствія силъ истекаютъ изъ блага въ непрерывномъ однообразномъ порядкѣ, какъ, напримѣръ, тихія и продолжительныя дѣйствія защиты жилого дома. Если все же желательно разъединить и раздѣлить непрерывно продолжающуюся массу полезныхъ дѣйствій,—а на практикѣ это часто необходимо—то прибѣгаютъ къ тому же выходу, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ при дѣленіи непрерывныхъ величинъ: масштабъ для дѣленія, которымъ же обладаетъ подлежащая раздѣленію величина, заимствуютъ у кадаго-либо внѣшняго обстоятельства, напримѣръ, какой-

¹⁾ И такъ называемыя „непотребляемыя“ блага потребляются, хотя только медленно. А между тѣмъ слово „длящееся“ подчеркиваетъ менѣе противоположность къ быстрому прекращенію благъ посредствомъ употребленія, чѣмъ къ быстрой ихъ порчѣ, независимо отъ ихъ употребленія.

нибудь промежутокъ времени: такъ предоставляютъ нанимателю дома „полезныя дѣйствія“, истекающія изъ такового *въ продолженіе года*.

Другая существенная черта, которая бросается намъ въ глаза при анализѣ „полезныхъ дѣйствій“,—это способность послѣднихъ приобрѣтать полную хозяйственную самостоятельность. Причина этого явленія заключается въ томъ, что въ очень многихъ случаяхъ, даже въ большинствѣ, для удовлетворенія какой-либо конкретной человѣческой потребности необходимо не исчерпаніе всей полезности, содержащейся въ благѣ, а только использование одного полезнаго дѣйствія. Вслѣдствіе этого послѣднее приобрѣтаетъ прежде всего самостоятельное значеніе для удовлетворенія нашихъ потребностей, значеніе, котораго не отрицаютъ и въ практической хозяйственной жизни. Мы признаемъ это значеніе, такъ какъ приписываемъ изолированнымъ полезнымъ дѣйствіямъ самостоятельную цѣнность и даже причисляемъ таковыя къ самостоятельнымъ предметамъ отчужденія. Это послѣднее имѣетъ мѣсто тогда, когда мы продаемъ или обмѣниваемъ отдѣльныя „полезныя дѣйствія“ или группы таковыхъ, независимо отъ самихъ благъ, изъ которыхъ они происходятъ. Практика хозяйственной жизни и право создали цѣлый рядъ формъ, въ которыхъ это можетъ быть осуществляемо; я перечислю самыя важныя: *договоры аренды, найма и займа (commodatum)* ¹⁾, затѣмъ институты *обязательства, наследственной аренды и наследственного процента (Emphyteusis и superficies)*. Можно легко убѣдиться, что въ дѣйствительности всѣ эти формы обмѣна тождественны въ томъ, что часть полезныхъ дѣйствій, къ которымъ способно благо, отдѣляется и переносится самостоятельно, между тѣмъ какъ остальная часть—большая или меньшая—еще ожидаемыхъ полезныхъ дѣйствій остается у прежняго владѣльца блага вмѣстѣ съ правомъ собственности на самое благо ²⁾.

Большое теоретическое значеніе имѣетъ, наконецъ, установленіе отношенія между полезными дѣйствіями, съ одной стороны, и благами, изъ которыхъ они вытекаютъ, съ другой. По поводу этого можно установить три основныхъ положенія, которыя кажутся мнѣ настолько очевидными, что я могу не прибѣгать къ ихъ подробному обоснованію

¹⁾ *He* ссуды; см. ниже.

²⁾ Ср. мои „*Rechte und Verhältnisse*“. Стр. 70 и слѣд.

въ этомъ мѣстѣ, обоснованію, которое я, впрочемъ, подробно мотивировалъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾.

Я считаю очевиднымъ, во-1-ыхъ: что мы вообще цѣнимъ и желаемъ блага только въ силу тѣхъ полезныхъ дѣйствій, которыя мы отъ нихъ ожидаемъ. Полезныя дѣйствія составляютъ, такъ сказать, хозяйственный центръ, который одинъ только имѣетъ для насъ значеніе, само благо—только его вещественную оболочку.—Отсюда вытекаетъ,—и, по моему мнѣнію, также не подлежитъ сомнѣнію—что

2) даже тамъ, гдѣ приобретаются и переносятся блага въ цѣломъ, хозяйственный центръ этихъ сдѣлокъ заключается въ приобретеніи и перенесеніи полезныхъ дѣйствій благъ и притомъ совокупности всѣхъ полезныхъ дѣйствій таковыхъ, между тѣмъ какъ перенесеніе самихъ благъ представляетъ собою явленіе, хотя въ силу природы вещи естественное, но все же только второстепенное и упрощающее: купить благо съ хозяйственной точки зрѣнія не что иное, какъ купить всѣ его полезныя дѣйствія ²⁾. Отсюда вытекаетъ, наконецъ,

3) важное слѣдствіе, что и цѣнность и цѣна блага не что иное, какъ ссумированная (оптовая) цѣнность и цѣна всѣхъ его полезныхъ дѣйствій, и что поэтому цѣнность и цѣна всякаго отдѣльнаго полезнаго дѣйствія заключается въ цѣнности и цѣнѣ самого блага ³⁾.

Прежде чѣмъ пойти дальше, я поясню еще эти три положенія на конкретномъ примѣрѣ. Я думаю, всѣ читатели согласятся со мною, что суконный фабрикантъ цѣнитъ и желаетъ приобрести ткацкіе станки только потому, что надѣется получить отъ таковыхъ всѣ свойственныя имъ полезныя дѣйствія силъ; что онъ имѣетъ въ виду исключительно приобретение ихъ полезныхъ дѣйствій не только тогда, когда онъ *нанимаетъ* ткацкій станокъ, но и тогда,

1) См. мои „Rechte und Verhältnisse“ стр. 60 и слѣд., гдѣ, въ частности, рассматривается также природа полезныхъ дѣйствій, какъ основныхъ элементовъ нашего веденія хозяйства, и выводится цѣнность благъ изъ цѣнности полезныхъ дѣйствій.

2) Эта мысль въ нѣсколько отличной терминологіи явно *привзвѣтъ*—*исчисломъ* въ его сочиненіи „Der Credit“, 2-я часть стр. 34 и сл., затѣмъ 77 и 78. Онъ опредѣленно называетъ *продажную цѣну* дома цѣной *для близкаго употребленія* дома, въ противоположность *наемной платѣ*, которая является цѣной *временнаго употребленія* того же блага. Ср. также его сочиненіе „Geld“ стр. 86 и сл.; затѣмъ *Шеффле* (Vau und Leben 2-ое изд., томъ III-й), который опредѣляетъ блага, какъ „запасы полезной упругости“ (стр. 258).

3) См. болѣе подробно мои „Rechte und Verhältnisse“ стр. 64 и слѣд.

когда онъ его *покупаешь*; что сопряженное съ этимъ приобретене въ собственность самой машины служить только для большаго обезпеченія полезныхъ дѣйствій, и что приобретение машины съ хозяйственной точки зрѣнія имѣетъ *второстепенное* значеніе, хотя съ юридической оно имѣетъ *первостепенное*; что, наконецъ, польза, которую приноситъ машина въ цѣломъ, представляетъ собою не что иное и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ суммой пользы всѣхъ ея полезныхъ дѣйствій, а цѣнность и цѣна всей машины—суммой цѣнностей и цѣнъ всѣхъ полезныхъ дѣйствій таковой.

Мы уже достаточно выяснили сущность и составъ полезности благъ: теперь мы вернемся къ нашей основной темѣ, къ критическому изслѣдованію понятія пользованія теоретиковъ пользованія.

Прежде всего мы зададимъ вопросъ: быть можетъ, „пользованія“ теорій направленія *Сэ - Германна* тождественны съ несомнѣнно существующими „полезными дѣйствіями“ благъ?—Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что эти понятія *не* тождественны. То, что называютъ пользованіемъ теоретики пользованія, должно быть основой и эквивалентомъ *чистаго* процента на капиталъ. Полезныя дѣйствія, напротивъ, являются или основой *валового* процента, заключающаго въ себѣ чистый процентъ и часть цѣнности самого капитала—у благъ длящихся, или даже основой *всей цѣнности* капитала—у благъ потребляемыхъ. Если я покупаю полезныя дѣйствія жилого дома, то я плачу за полезныя дѣйствія одного года годовичную наемную плату, которая представляетъ собою валовой процентъ. Если я покупаю полезныя дѣйствія центнера угля, то я плачу даже за полезныя дѣйствія одного часа, въ теченіе котораго уголь обращается въ пепель, всю его цѣнность. А между тѣмъ то, что теоретики пользованія называютъ „пользованіемъ“, вознаграждается совершенно иначе. Цѣна пользованія, которое даетъ центнеръ угля въ теченіе всего *года*, не поднимается выше, на примѣръ, двадцатой части цѣнности такового: „пользованіе“ и „полезное дѣйствіе“ должны, очевидно, быть двумя совершенно различными величинами.—Отсюда, между прочимъ, становится понятнымъ, почему писатели, которые думали опредѣлить и доказать основу чистаго процента на капиталъ посредствомъ опредѣленія и доказательства существованія нашихъ полезныхъ дѣйствій, глубоко обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Этотъ нашъ приговоръ относится въ особенности къ *services productifs*

Сэ и къ болѣе раннимъ опредѣленіямъ пользованія *Шефбле*.

Теперь я приступаю къ рѣшающему вопросу: *Если пользованія теоретиковъ пользованія представляютъ собою явленіе, отличное отъ „полезныхъ дѣйствій“ благъ, то могутъ ли они вообще быть еще чѣмъ-либо реальнымъ? Мыслимо ли, что между полезными дѣйствіями благъ, на ряду съ ними или въ нихъ самихъ, еще существуетъ что-то, приносящее пользу?*

На этотъ вопросъ я не могу найти никакого другого отвѣта, кромѣ категорически *отрицательнаго*; я полагаю также, что такой же отвѣтъ будетъ вынужденъ дать всякій, кто согласенъ, что вещественныя блага представляютъ собою предметы матеріальнаго міра, что матеріальныя дѣйствія могутъ вызываться только посредствомъ проявленій силъ природы, и что „приносить пользу“ то же, что и дѣйствовать: при такихъ предпосылкахъ, противъ которыхъ, вѣроятно, не будетъ никакихъ возраженій, я считаю невысказаннымъ всякій другой видъ проявленія пользы со стороны вещественныхъ благъ, кромѣ приведенія въ дѣйствіе свойственныхъ послѣднимъ силъ природы или отдачи ими „полезныхъ дѣйствій“.—Я даже не имѣю никакой нужды апеллировать къ логикѣ естествознанія. Я апеллирую только къ представленію читателя. Представимъ-те себѣ на нѣсколькихъ примѣрахъ, какую пользу приносятъ блага, и какимъ образомъ они приносятъ таковую. Молотилка, на примѣръ, несомнѣнно проявляетъ свою хозяйственную пользу въ томъ, что способствуетъ молотьбѣ зерна. Какимъ же образомъ она приноситъ эту пользу, какимъ образомъ она можетъ приносить ее?—Не иначе, какъ посредствомъ механическихъ дѣйствій силъ, которыя она отдаетъ послѣдовательно до тѣхъ поръ, пока сношенный механизмъ не откажетъ въ отдачѣ дальнѣйшихъ аналогичныхъ дѣйствій силъ. Или же кто-либо изъ читателей можетъ себѣ представить вліяніе, которое молотилка оказываетъ на отдѣленіе хлѣбныхъ зеренъ отъ колосьевъ, въ иномъ видѣ, чѣмъ въ механическомъ дѣйствіи силъ? Можетъ ли онъ себѣ представить хотя бы атомъ пользы отъ молотыбы, который машина могла бы принести не посредствомъ дѣйствій силы, а посредствомъ какого-либо иного „пользованія“? Я очень сомнѣваюсь — молотилка молотитъ или посредствомъ физическихъ дѣйствій силъ, или она совсѣмъ не молотитъ.

Для того, чтобы все-таки найти другое пользованіе, нельзя, во всякомъ случаѣ, указывать на всякаго рода *посредственную* пользу, которую можно извлекать изъ молотилки. Наше

смолоченное зерно, напримѣръ, несомнѣнно обладаетъ большею цѣнностью, чѣмъ не смолоченное, и этотъ приростъ цѣнности представляетъ собою пользу, которую мы получаемъ благодаря машинѣ. Но легко убѣдиться, что эта польза существуетъ не *на ряду* съ полезными дѣйствіями машины, а *благодаря* таковымъ; это, можно сказать, и представляетъ собою *ихъ дѣйствительную пользу*. Это совершенно аналогично тому, какъ если-бы кто-либо подарилъ мнѣ 500 гульденовъ, а я купилъ-бы себѣ на эту сумму верховую лошадь. Подобно тому, какъ я здѣсь не получилъ двухъ различныхъ подарковъ—500 гульденовъ и верховой лошади,—точно такъ же не слѣдуетъ разсматривать посредственную пользу самихъ полезныхъ дѣйствій, какъ *отличную отъ нихъ* вторую полезную службу ¹⁾.

Сказанное тѣмъ болѣе справедливо по отношенію къ благамъ потребляемымъ. Что получаю я отъ центнера угля? Тепловыя дѣйствія силъ, которыя отдаетъ уголь во время сгорания, и которыя я оплачиваю его цѣной, и больше ничего, ровно ничего. А мое употребленіе угля заключается въ томъ, что я эти полезныя дѣйствія—по мѣрѣ того, какъ они истекаютъ изъ блага—соединяю съ предметомъ, въ которомъ я хочу произвести перемѣну посредствомъ теплоты: употребленіе продолжается при этомъ до тѣхъ поръ, пока сгорающій уголь отдастъ свое полезное дѣйствіе. — А что получаетъ должникъ отъ центнера угля, который я ему одалживаю на годъ? Также тепловыя проявленія силъ, которыя отдаетъ уголь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и больше ничего, ровно ничего. И у него употребленіе угля также исчерпывается въ теченіе того же непродолжительнаго времени. А не можетъ ли онъ—мнѣ могутъ задать вопросъ — употреблять уголь и извлекать пользу изъ такового въ теченіе цѣлаго года на основаніи договора о ссудѣ? — Собственникъ, правда, противъ этого ничего не имѣетъ, но это невозможно въ силу природы вещи. Послѣдняя неумолимо требуетъ, чтобы употребленіе и пользованіе прекратились по истеченіи нѣсколькихъ часовъ. Отъ этого договора остается исключительно то, что должникъ обязанъ возвратить другому центнеръ угля только по истеченіи года. Однимъ изъ наиболѣе странныхъ искаженій понятій является толкованіе

¹⁾ Хитрые противники могли бы, пожалуй, указать еще на то, что владѣніе хорошими машинами благоприятствуетъ пріобрѣтенію обширнаго кредита, хорошей репутаціи, хорошихъ покупателей и т. п. Внимательный читатель легко разобьетъ и подобныя возраженія. То же самое можно сказать и объ „употребленіи посредствомъ обмѣна“.

того факта, что, вмѣсто одного сожженного центнера угля, слѣдуетъ отдать *другой* центнеръ только по истеченіи года, въ томъ смыслѣ, что у сожженного центнера угля въ теченіе цѣлаго года продолжаетъ существовать объективное пользованіе!

Такимъ образомъ, „пользованіе“ благами, отличное отъ ихъ естественныхъ „полезныхъ дѣйствій“, немислимо ни въ мірѣ дѣйствительности ни въ мірѣ логического мышленія.

Быть можетъ, тотъ или другой читатель сочтетъ уже достаточно убѣдительнымъ до сихъ поръ изложенныя разсужденія. Но предметъ слишкомъ уже важенъ, и убѣжденіе противниковъ слишкомъ уже глубоко для того, чтобы я могъ ограничиться вышесказаннымъ, и поэтому я постараюсь привести еще нѣкоторыя доказательства противъ существованія пользованія, постулируемаго теоретиками пользованія. Правда, доказываемая мною тема, въ силу своего отрицательнаго характера, не допускаетъ нагляднаго доказательства: я не могу представить несуществованіе предмета такъ же наглядно, какъ можно было бы представить его существованіе. Тѣмъ не менѣе, я не ошущаю недостатка въ рѣшительныхъ средствахъ для убѣжденія; я позаимствую таковыя какъ разъ у моихъ противниковъ. Я поступлю слѣдующимъ образомъ. Критеріями вѣрной мысли является то, что она приобрѣтена посредствомъ правильнаго хода доказательства, и что она ведетъ къ правильнымъ слѣдствіямъ. Я покажу теперь, что утвержденіе противниковъ о существованіи самостоятельнаго пользованія не имѣетъ на своей сторонѣ ни одного изъ этихъ критеріевъ. Я докажу два факта:

1) *что во всѣхъ выводахъ, посредствомъ которыхъ теоретики пользованія думали доказать существованіе постулируемаго ими пользованія, произошла ошибка или недоразумѣніе; и*

2) *что допущеніе самостоятельнаго пользованія по необходимости ведетъ къ не выдерживающимъ критики слѣдствіямъ.*

Если мнѣ удастся это доказать, тогда, въ связи съ вышеприведеннымъ доказательствомъ того, что на ряду съ полезными дѣйствіями немислимо никакое другое объективное пользованіе, мой тезисъ приобрѣтетъ полнѣйшую наглядность, каковую вообще можно приобрѣсти.

Изъ выдающихся представителей теоріи пользованія особенно много трудились надъ доказательствомъ существованія самостоятельнаго пользованія двое—*Германнъ* и *Книсъ*.

Ихъ доказательства я сдѣлаю поэтому главнымъ образомъ предметомъ моей критики. Кромѣ того критическаго изслѣдованія заслуживаютъ еще и тѣ соображенія, которыя приводятъ въ пользу этой точки зрѣнія Сэ, этотъ Несторъ теоріи пользованія, и *Шеффле*. Я начну разборомъ этихъ двухъ послѣднихъ писателей, по отношенію къ которымъ можно въ нѣсколькихъ словахъ выяснить то недоразумѣніе, жертвой котораго они пали.

Сэ приписываетъ капиталу дѣйствіе производительныхъ услугъ или, какъ онъ чаще выражается, дѣйствіе „работы“; эта работа, по его мнѣнію, и является основой процента на капиталъ. Можно было бы, конечно, придратъся къ выраженіямъ „услуги“ и „работа“, которыя скорѣе подходятъ для дѣйствій одушевленныхъ существъ, чѣмъ неодушевленнаго капитала: въ сущности, однако, Сэ несомнѣнно правъ — капиталъ доставляетъ „работу“. Но, по моему мнѣнію, такъ же несомнѣнно и то, что работа, въ самомъ дѣлѣ доставляемая капиталомъ, заключается въ томъ, что я опредѣлилъ словомъ „полезныя дѣйствія“ благъ, и что образуетъ основу *валового процента*, или же цѣнности благъ. Сэ очевидно, молча предполагаетъ, что капиталъ оказываетъ также услуги, отличныя отъ полезныхъ дѣйствій, услуги, которыя могли бы сдѣлаться отдѣльными основами *чистаго* процента, но не даетъ для этого никакого доказательства, по всей вѣроятности потому, что онъ совершенно не замѣтилъ опасной двусмысленности своего понятія „services productifs“.

Нѣчто подобное можно сказать и о *Шеффле*. Я оставляю въ сторонѣ субъективныя значенія понятія „пользованія“ въ его болѣе раннемъ сочиненіи, которое вообще не соотвѣтствуетъ характеру теоріи пользованія, и которое онъ въ послѣднемъ изданіи своего „*Vau und Leben*“ молча взялъ обратно. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи онъ, однако, называетъ блага „запасомъ полезной упругости“ (*Vorräte nutzbarer Spannkraft*) (III, 258), а пользованія — „функциями благъ“, „эквивалентами полезныхъ веществъ по отношенію къ живому труду“ (*Äquivalente der nutzbaren Stoffe an lebendiger Arbeit*) (III 258, 259), „живой энергіей неодушевленной социальной субстанціи“ (*Lebendige Energien der unpersönlichen Socialsubstanz*) (313). Все это совершенно вѣрно: но функция благъ, истекающая изъ запаса полезной упругости, представляетъ собою опять-таки не что иное, какъ наши полезныя дѣйствія, эквивалентомъ которыхъ, въ свою очередь, является не чистый процентъ на капиталъ, какъ это полагаетъ *Шеффле*, а валовой процентъ, или же цѣнность по-

требляемыхъ благъ. Вслѣдствіе этого недоразумѣнія Сэ и Шеффле доказываютъ существованіе совершенно иного явленія.

Психологически интереснымъ является способъ, посредствомъ котораго приходится къ своему самостоятельному „пользованію“ *Германнъ*.

Первое введеніе понятія пользованія сдѣлано подъ флагомъ пользованія *длящимися* благами. „Земельные участки, постройки, утварь, книги, деньги имѣютъ длящуюся потребительную цѣнность. Ихъ употребленіе, въ теченіе котораго они существуютъ, называется пользованіемъ; это пользованіе можетъ быть разсматриваемо какъ самостоятельное благо, которое можетъ само по себѣ достигнуть мѣновой цѣнности, называемой процентомъ¹⁾“. Настоящее доказательство существованія самостоятельнаго пользованія, обладающаго самостоятельной цѣнностью, здѣсь не дается; оно, впрочемъ, и не нужно, такъ какъ всякій знаетъ, что употребленіе земельного участка или дома, въ самомъ дѣлѣ, можетъ самостоятельно оцѣниваться и продаваться. Однако—и на это должно быть обращено особенное вниманіе—то, что въ этой связи каждый читатель будетъ и долженъ понимать подъ словомъ „пользованіе“, представляетъ собою *валовое пользованіе* длящимися благами, субстратъ арендной платы при земельныхъ участкахъ, наемнаго процента при домахъ, или то же, что я выше обозначилъ полезными дѣйствіями благъ. Самостоятельное существованіе этого „пользованія“ на ряду съ носителемъ этого пользованія допустимо потому, и только потому, что пользованіе, о которомъ теперь идетъ рѣчь, не исчерпываетъ собою самого блага: мы вынуждены согласиться, что пользованіе представляетъ собою нѣчто отъ блага отличное, самостоятельное потому, что благо продолжаетъ существовать *на ряду* съ таковымъ, сохраняя при этомъ часть своихъ полезныхъ свойствъ.

Второй шагъ *Германна* заключается въ томъ, что онъ проводитъ аналогію между употребленіемъ длящихся и потребляемыхъ благъ и старается и у послѣднихъ найти существованіе самостоятельнаго пользованія, обладающаго самостоятельной цѣнностью на ряду съ цѣнностью блага. Онъ находитъ²⁾, что и потребляемая блага, благодаря техническимъ измѣненіямъ, могутъ сохранить свою годность и могутъ, хотя и въ видоизмѣненной формѣ, „приобрѣсти посто-

1) Staatswirthschaftliche Untersuchungen. 2-ое изд. Стр. 109.

2) Стр. 110 и слѣд. См. выше, цитату на стр. 235 и слѣд.

янство употребленія“. Если, на примѣръ, руда, уголь и трудъ преобразовываются въ чугуны, то они при этомъ вносятъ во вновь образованную годность необходимые химическіе и механическіе элементы; „и если затѣмъ чугуны имѣютъ мѣновую цѣнность трехъ затраченныхъ на его производство мѣновыхъ благъ, то прежняя сумма благъ продолжаетъ существовать въ новой годности—связанной качественно, въ мѣновой цѣнности—связанной количественно“. Но если и потребляемыя блага способны къ дѣющемуся употребленію, „то—продолжаетъ *Германнъ*—и у благъ, которыя, сохраняя свою мѣновую цѣнность, качественно измѣняютъ свою форму, можно разсматривать это употребленіе какъ самостоятельное благо, какъ пользованіе, которое само по себѣ можетъ приобрести мѣновую цѣнность, совершенно такъ же, какъ это имѣетъ мѣсто у благъ дѣющихся“.

Такимъ образомъ, *Германнъ* достигъ своей желанной цѣли, а именно—констатированія существованія употребленія потребляемыхъ благъ на ряду съ самими благами. Разсмотримъ-те, однако, нѣсколько подробнѣе его мотивировку.

Прежде всего нужно установить, что единственной опорой его разсужденія является выводъ, сдѣланный на основаніи аналогіи. Существованіе самостоятельнаго употребленія потребляемыхъ благъ никоимъ образомъ не подтверждается чувственнымъ ощущеніемъ или опытомъ хозяйственной жизни, какъ это возможно для благъ дѣющихся. Никто не видѣлъ, чтобы изъ потребляемаго блага выдѣлялось самостоятельное употребленіе, а если кто-либо полагаетъ, что видѣлъ это, такъ какъ вѣдь во всякой ссудѣ переносится употребленіе потребляемыхъ благъ, то онъ ошибается: онъ не видитъ здѣсь самостоятельнаго употребленія, а только заключаетъ объ его существованіи. Онъ видитъ только то, что А получаетъ 100 гульденовъ для того, чтобы, по истеченіи года, отдать обратно 105 гульденовъ. То, что при этомъ 100 гульденовъ даются за ссужаемую сумму, а 5 гульденовъ за употребленіе ея, представляетъ собою только толкованіе наблюдаемаго явленія, а не непосредственное чувственное воспріятіе. Во всякомъ случаѣ, если идетъ рѣчь о самостоятельномъ употребленіи потребляемыхъ благъ, то нельзя ссылаться на фактъ ссуды, ибо до тѣхъ поръ, пока это существованіе проблематично, проблематично также, конечно, и право считать ссуду уступкой употребленія; и желаніе объяснить первое послѣднимъ было бы, очевидно, только постулированіемъ того, что нужно доказать.

Если поэтому существованіе самостоятельнаго пользо-

ванія потребляемыми благами не является только недоказаннымъ утвержденіемъ, то это развѣ только благодаря аналогіи, которую *Германнъ* проводитъ въ вышецитированномъ мѣстѣ, аналогіи, которой онъ формально, правда, не высказываетъ, но которая вытекаетъ изъ существа его разсужденій. Ходъ доказательства при этомъ слѣдующій: ддящіяся блага, какъ это всякій знаетъ, способны къ отдачѣ самостоятельнаго пользованія на ряду съ самимъ благомъ; потребляемая блага, если только глубже всмотрѣться въ ихъ сущность, допускаютъ такое же ддящееся употребленіе, какъ и блага ддящіяся; слѣдовательно, и потребляемая блага будутъ и должны быть способны къ отдачѣ самостоятельнаго пользованія на ряду съ благомъ.

Этотъ сдѣланный на основаніи аналогіи выводъ невѣренъ, потому что, какъ я сейчасъ покажу, въ рѣшительномъ мѣстѣ нѣтъ какъ разъ никакой аналогіи.

Я, не задумываясь, могу согласиться, что потребляемая блага, благодаря техническимъ измѣненіямъ, приобрѣтаютъ способность къ ддящемуся употребленію. Я согласенъ, что уголь и руда употребляются въ первый разъ для производства желѣза; я согласенъ, что употребленіе, которое потомъ дѣлаютъ изъ желѣза, не что иное, какъ дальнѣйшее дѣйствіе силъ тѣхъ первоначальныхъ предметовъ, которыми, такимъ образомъ, пользуются въ желѣзѣ во второй разъ, и затѣмъ въ гвоздѣ, который изготовляютъ изъ желѣза, въ третій разъ, въ домѣ, отдѣльныя части котораго скрѣпляетъ гвоздь, въ четвертый разъ,—однимъ словомъ, это употребленіе *ддящееся*. Нужно только обратить особенное вниманіе на то, что длительность покоится здѣсь на совершенно иныхъ началахъ и носить совершенно иной характеръ, чѣмъ у ддящихся благъ. Употребленія послѣднихъ повторяются, при чемъ посредствомъ каждаго акта употребленія исчерпывается только одна часть содержащейся въ нихъ полезности, а на ряду съ ней остается другая, нетронутая часть для будущихъ актовъ употребленія. Употребленія же первыхъ повторяются, при чемъ каждый разъ исчерпываютъ ихъ *полностью*, т. е. каждый разъ исчерпываютъ всю содержащуюся въ данномъ благѣ полезность, а, въ виду того, что содержащаяся въ немъ полезность ведетъ къ образованію новаго блага, то это исчерпывающее употребленіе повторяютъ и по отношенію къ послѣднему. Оба вида употребленія отличаются другъ отъ друга совершенно такъ же, какъ безпрерывное *выливаніе* воды изъ резервуара отъ такого же безпрерывнаго *переливанія* воды изъ одного кувшина въ другой и обратно;

или же — чтобы привести примѣръ изъ хозяйственной жизни—какъ получение повторяющихся выручекъ отъ продажи земельного участка *при частичной распродажѣ* отличается отъ получения повторяющихся выручекъ благодаря тому, что покупную цѣну всего участка земли обращаютъ на новую покупку, а купленный предметъ опять продаютъ и т. д.

Я приведу еще нѣсколько словъ для того, чтобы еще рѣзче охарактеризовать слабую сторону сопоставленія *Германна*.

Между „длѣщимся употребленіемъ“ потребляемыхъ благъ, существованіе котораго *Германнъ* доказываетъ, и такимъ же употребленіемъ „длѣщихся“ благъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ полнѣйшая аналогія; однако, вмѣсто „длѣщагося употребленія“, *Германнъ* ввелъ въ сравненіе нѣчто иное. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ отразились слѣды той небрежности, въ которой можно упрекнуть отношеніе науки къ понятію „употребленіе благъ“. Если бы *Германнъ* точнѣе изслѣдовалъ понятіе употребленія, то онъ замѣтилъ бы, что это слово обнимаетъ собою два довольно различныхъ понятія, которыя я, за неимѣніемъ лучшихъ выраженій, буду называть *непосредственнымъ* и *посредственнымъ* употребленіемъ благъ. Непосредственное употребленіе (которое, можетъ быть, только одно и слѣдовало бы называть употребленіемъ) заключается въ полученіи „полезныхъ дѣйствій“ блага; посредственное (которое, правильнѣе, совсѣмъ не должно бы называться „употребленіемъ“) заключается въ полученіи „полезныхъ дѣйствій“ *тѣхъ другихъ благъ*, которыя создаются только посредствомъ „полезныхъ дѣйствій“ перваго изъ употребленныхъ благъ; затѣмъ тѣхъ благъ, которыя снова происходятъ изъ „полезныхъ дѣйствій“ первыхъ и т. д. Другими словами, „посредственное употребленіе“ заключается въ полученіи болѣе отдаленныхъ—и, можетъ быть, не прекращающихся до конца свѣта—звеньевъ той цѣпи причинъ и дѣйствій, которая ведетъ свое начало отъ перваго непосредственнаго употребленія.

Я не буду утверждать, что взгляды на употребленіе этихъ отдаленныхъ *дѣйствій* блага, какъ на употребленіе *самого блага*, абсолютно невѣрны: во всякомъ случаѣ оба вида употребленія имѣютъ совершенно различный характеръ. Пускай даже, если я ѣзжу верхомъ на лошади, называютъ это употребленіемъ той *травы*, которую съѣла моя лошадь, во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это видъ употребленія, совершенно отличный отъ непосред-

ственного употребленія травы, видъ, который въ сущест-
ственныхъ чертахъ подлежить совершенно другимъ условіямъ.

Если поэтому желаютъ провести аналогію между ролями двухъ благъ или двухъ видовъ благъ по отношенію къ употребленію, то нужно при этомъ, очевидно, имѣть въ виду два совершенно *одинаковыхъ* рода употребленія; слѣдуетъ сравнивать или непосредственное употребленіе одного блага съ такимъ же употребленіемъ другого или же посредственное употребленіе двухъ благъ, но нельзя сравнивать непосредственное употребленіе одного блага съ посредственнымъ употребленіемъ другого; въ особенности этого не слѣдуетъ дѣлать тогда, когда изъ этого сравненія желательно вывести дальнѣйшія научныя заключенія. Такого рода ошибку и сдѣлалъ *Германнъ*. Въ самомъ дѣлѣ, какъ длящихся, такъ и потребляемыхъ блага допускаютъ оба вида употребленія. Непосредственное употребленіе угля, блага потребляемого, выражается въ сгораніи, посредственное, какъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ *Германнъ*,—въ употребленіи желѣза, производству котораго онъ содѣйствуетъ. Равнымъ образомъ всякое длящееся благо, какъ, на примѣръ, всякая прядильная машина, на ряду съ непосредственнымъ употребленіемъ, выражающимся въ производствѣ нитокъ, имѣетъ также и посредственное употребленіе, выражающееся въ употребленіи нитокъ для изготовленія сукна, въ употребленіи сукна для изготовленія платья, въ употребленіи самого платья и т. д. При правильномъ сочетаніи, можно было бы, очевидно, проводить аналогію между непосредственнымъ употребленіемъ длящихся благъ и моментальнымъ потребленіемъ потребляемыхъ благъ ¹⁾ и между длящимся посредственнымъ употребленіемъ потребляемыхъ благъ и такимъ же длящимся посредственнымъ употребленіемъ длящихся благъ. Сочетаніе *Германна*, однако, не правильно: онъ проводитъ аналогію между непосредственнымъ употребленіемъ длящихся благъ и совершенно не аналогичнымъ посредственнымъ употребленіемъ потребляемыхъ благъ, со-
блзавившись тѣмъ, что оба рода употребленія „длящіеся“, и не обративъ вниманія на то, что именно эта „длитель-

¹⁾ Чтобы убѣдиться въ мѣткости *этой* аналогіи, слѣдуетъ только представить себѣ переходъ отъ наиболѣе длящихся благъ, какъ, на примѣръ, земельныхъ участковъ, драгоценныхъ камней и т. д. къ менѣе длящимся благамъ — постройкамъ, мебели, платью, бѣлью, свѣчамъ, бумажнымъ воротникамъ и т. п., а отъ этихъ опять къ совершенно потребляемымъ благамъ — спичкамъ, пищѣ и т. д.

ность“ покоится въ обоихъ случаяхъ на совершенно различныхъ основахъ.

Вышеприведенныя разсужденія, по моему мнѣнію, достаточно выяснили, что проведенная *Германномъ* аналогія между „длящимся“ употребленіемъ длящихся и потребляемыхъ благъ во всякомъ случаѣ не состоятельна. Нетрудно показать, что ошибка заключается какъ разъ въ рѣшающемъ мѣстѣ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, можно себя представить у длящихся благъ самостоятельное употребленіе съ самостоятельной цѣнностью на ряду съ самимъ благомъ?—Конечно, не потому только, что употребленіе ихъ длящееся, а потому, что начавшееся употребленіе ихъ не поглощаетъ еще всего блага, всей цѣнности такового, потому что, какъ въ полученной, такъ и въ еще не полученной части непосредственной его полезности имѣются два различныхъ элемента, которые существуютъ параллельно, и изъ которыхъ каждый обладаетъ при этомъ хозяйственной цѣнностью. У благъ потребляемыхъ имѣеть мѣсто какъ разъ противоположное. Каждое употребленіе исчерпываетъ здѣсь полезность, присущую благу, сполна, и цѣнность этого употребленія всегда тождественна со всей цѣнностью самого блага. Мы не имѣемъ здѣсь двухъ предметовъ, одновременно обладающихъ цѣнностью, хотя бы въ продолженіе одной минуты; мы имѣемъ здѣсь только одинъ и тотъ же предметъ, обладающій цѣнностью, послѣдовательно два раза. При употребленіи угля и руды для изготовленія желѣза послѣдніе *потребляются*; за такое употребленіе этихъ благъ платятъ *всю ихъ цѣнность* и не сохраняютъ при этомъ ни одной частицы, которая продолжала бы существовать съ самостоятельной цѣнностью на ряду съ этимъ употребленіемъ или послѣ него. Совершенно такъ же обстоитъ дѣло при употребленіи желѣза для изготовленія гвоздей. Желѣзо потребляютъ, и за это потребленіе платятъ *всю цѣнность* желѣза; отъ него опять-таки не остается ни малѣйшей частицы. Мы никогда одновременно не имѣемъ *параллельно* вещи и употребленія таковой—мы имѣемъ только вещи „уголь и руду“, „желѣзо“ и „гвозди“ *послѣдовательно въ зависимости отъ* соответствующаго употребленія. При такомъ положеніи вещей, нельзя никоимъ образомъ, ни посредствомъ аналогіи ни другимъ какимъ-нибудь способомъ, выяснить, какимъ путемъ „употребленіе“ потребляемаго блага можетъ пріобрѣсти самостоятельное существованіе и самостоятельную цѣнность на ряду съ самимъ благомъ.

Выводъ, сдѣланный *Германномъ* на основаніи аналогіи, въ дѣйствительности не правильнѣе, напримѣръ, такого вывода: изъ большого бассейна я могу въ продолженіе часа выливать каждую секунду литръ воды. Каждый изъ 3600 вылитыхъ литровъ воды имѣетъ самостоятельное существованіе и представляетъ собою предметъ, отличный и отъ той воды, которая быда вылита раньше, и отъ той, которая осталась въ бассейнѣ. Если же я имѣю только одинъ литръ воды и переливаю его постоянно изъ одного сосуда въ другой, то я могу также въ продолженіе часа выливать каждую секунду одинъ литръ; слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ должно существовать 3600 самостоятельныхъ литровъ, которые можно вылить изъ нашихъ сосудовъ.

Германнъ дѣлаетъ, наконецъ, третій шагъ: онъ подраздѣляетъ употребленіе дѣющихся благъ на два элемента: на элементъ, который одинъ только заслуживаетъ названіе употребленія или пользованія, и на элементъ „порчу“.— Я долженъ сознаться, что этотъ послѣдній шагъ сильно мнѣ напоминаетъ извѣстную продѣлку Мюнхгаузена, въ которой послѣдній спускается съ луны при помощи веревки, которую онъ постоянно обрѣзываетъ надъ своей головой и привязываетъ внизу. *Германнъ* совершенно такъ же понимаетъ сначала все (валовое) пользованіе дѣющимися благами, какъ пользованіе, до тѣхъ поръ, пока онъ посредствомъ аналогіи, основанной на такомъ пониманіи, не нашелъ также пользованія и у благъ потребляемыхъ. Лишь только онъ добился этого, онъ выбрасываетъ за бортъ свое первоначальное понятіе пользованія, не заботясь о томъ, что онъ этимъ уничтожаетъ также и точку опоры, на которой онъ основываетъ свое позднѣйшее самостоятельное понятіе пользованія, и что это послѣднее виситъ теперь въ воздухѣ.

Это обстоятельство ведетъ еще къ другимъ непоследовательностямъ; о нихъ я буду говорить ниже. Здѣсь же я ограничусь только констатированіемъ того, что дѣйствительно подкупающія на первый взглядъ разсужденія *Германна*, если изслѣдовать ихъ основательнѣе, покоятся исключительно на невѣрной аналогіи.

Я допустилъ бы существенный пробѣлъ, если бы я не распространилъ своей критики и на основательныя и добросовѣстныя изслѣдованія нашего вопроса *Книсомъ*. Выводы этого замѣчательнаго ученаго обнаруживаютъ сходство съ ученіемъ *Германна* въ двухъ отношеніяхъ: на первый взглядъ они кажутся такими же убѣдительными, какъ и вы-

воды послѣдняго, и этой своей убѣдительностью они также обязаны искусному примѣненію аналогій, которыя я, однако, также долженъ буду объявить несостоятельными.

Книзь затрагиваетъ нашу тему при выясненіи вопроса о хозяйственной природѣ ссуды. Онъ придерживается мнѣнія, что сущность ссуды заключается въ перенесеніи пользованія ссужаемой суммой; со свойственной ему добросовѣстностью онъ старается обосновать этотъ взглядъ и поэтому вынужденъ коснуться вопроса о существованіи или несуществованіи самостоятельнаго пользованія потребляемыми благами.

Въ своемъ вступительномъ разсужденіи онъ выходитъ изъ той отправной точки зрѣнія, что существуютъ хозяйственныя „передачи“ („Übertragungen“), которыя не совпадаютъ съ передачей правъ собственности. Такими являются, главнымъ образомъ, передачи употребленія благъ или же пользованія благами. Затѣмъ онъ упоминаетъ о различіи между потребляемыми и непотребляемыми благами и обращается къ подробному изслѣдованію передачи пользованія непотребляемыми благами; эти пользованія для него такъ же, какъ и для *Германна*, должны служить переходомъ къ объясненію болѣе шекотливыхъ явленій, касающихся пользованія благами потребляемыми. Онъ устанавливаетъ здѣсь, между прочимъ, различіе, которое можно провести между „пользованіемъ“, какъ „въ продолженіе текущаго времени длящимся и моментомъ времени ограниченнымъ употребленіемъ блага“, и самимъ благомъ, „носителемъ пользованія“. Хозяйственный принципъ этихъ передачъ заключается въ томъ, что передается *пользованіе*, между тѣмъ какъ носитель этого пользованія *не* передается. Однако, природа разсматриваемаго нами явленія дѣлаетъ необходимымъ то, что передача пользованія благами всегда влечетъ за собою извѣстную передачу самого носителя этого пользованія. Напримѣръ, собственникъ отдаваемого въ аренду поля долженъ передать таковое арендатору и физически для того, чтобы послѣдній могъ имъ пользоваться. Характеръ передаваемыхъ при этомъ правъ, а также сопряженная съ такой передачей опасность потери или порчи носителя пользованія различны, въ зависимости отъ различія предметовъ и случаевъ; при наймѣ, напримѣръ, извѣстная порча и разрѣшеніе таковой со стороны собственника даже необходимы¹⁾.

Затѣмъ *Книзь* выясняетъ также значеніе юридическихъ

1) Geld. Стр. 59 и слѣд.

категорій замѣнимыхъ и незамѣнимыхъ благъ и выдвигаетъ слѣдующій вопросъ (стр. 71): „Не является ли вещественно возможнымъ и, съ точки зрѣнія цѣли договора, даже понятнымъ, чтобы переносилось также пользованіе замѣнимымъ и даже потребляемымъ благомъ?“.

Въ этихъ словахъ *Книсъ* косвенно поднимаетъ вопросъ о существованіи самостоятельнаго пользованія потребляемыми благами.—На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ слѣдующимъ разсужденіемъ, которое я передаю здѣсь дословно:

„Центнеръ хлѣба является такимъ замѣнимымъ и потребляемымъ благомъ. Собственникъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ не желать ни передать, ни обмѣнять, ни продать этого центнера хлѣба, можетъ быть, потому, что онъ самъ долженъ или хочетъ *потребить* таковой по истеченіи шести мѣсяцевъ. Но до этого времени онъ также въ немъ не нуждается. Онъ могъ бы поэтому, конечно, согласиться уступить *употребленіе* этого центнера хлѣба въ продолженіе ближайшихъ шести мѣсяцевъ другому, если только онъ получитъ обратно свое благо по истеченіи этого срока. Если затѣмъ другой человекъ, желающій получить этотъ хлѣбъ, но не имѣющій возможности приобрести таковой путемъ обмѣна или покупки, заявляетъ, что *пользованіе* центнеромъ хлѣба, какъ потребляемымъ благомъ, по необходимости заключается въ *потребленіи самого хлѣба*, напримѣръ, въ качествѣ сѣмянъ, и что поэтому онъ хотѣлъ бы возвратить другой центнеръ изъ полученнаго, благодаря перенесенію этого *пользованія*, урожая, то собственникъ можетъ, съ точки зрѣнія своихъ хозяйственныхъ интересовъ, согласиться на это, такъ какъ здѣсь вѣдь идетъ рѣчь о замѣнимомъ благомъ“.

„Въ этомъ изложеніи нѣтъ ни малѣйшей мысли, которая содержала бы въ себѣ что-либо невозможное, неестественное, искусственное. Такой процессъ самъ по себѣ, т. е. передача центнера, хлѣба при условіи возврата центнера хлѣба по истеченіи шести мѣсяцевъ, безъ сомнѣнія принадлежитъ къ тѣмъ, которые называются „судой“... Такимъ образомъ, мы включаемъ ссуду въ рядъ передачъ *пользованія*, и именно пользованія замѣнимыми благами, которые передаются для употребленія временному собственнику и возвращаются въ одинаковомъ количествѣ. Конечно, въ ссудѣ слѣдуетъ особенно твердо помнить, что принципъ этого явленія заключается не въ передачѣ носителя пользованія, какъ бы велики ни были уступаемая при томъ права. Размѣры этихъ правъ всегда ограничиваются тѣмъ, что без-

условно необходимо для пріобрѣтенія пользованія, и поэтому именно эти права на потребляемые блага распространяются даже вплоть до правъ собственности, при чемъ нигдѣ— даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ— нѣтъ другой руководящей основной мысли, кромѣ передачи пользованія. Такимъ образомъ, въ ссудѣ передача права собственности неизбѣжна, но все же она представляетъ собою только второстепенное явленіе“.

Я охотно признаю, что эти разсужденія могутъ показаться вполнѣ убѣдительными всякому, кто не очень глубоко въ нихъ вникнулъ. *Книсъ* не только использовалъ съ необыкновеннымъ умѣніемъ употребляемую уже старыми противниками канонистовъ аналогію между арендой и наймомъ, съ одной стороны, и ссудой, съ другой, но и обогатилъ ее еще новой необыкновенно убѣдительной чертой. Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ указанія на неизбѣжныя при всѣхъ передачахъ пользованія передачи самого носителя этого пользованія, онъ сумѣлъ сдѣлать *опорой* аналогіи между ссудой и наймомъ какъ разъ тотъ моментъ, который больше всего, казалось, *нарушалъ* таковую, а именно полную передачу права собственности на ссужаемыя блага.

Кто, однако, не увлекается такими блестящими аналогіями, а относится къ нимъ критически, тотъ легко замѣтитъ, что допустимость, а, слѣдовательно, и убѣдительность всѣхъ этихъ аналогій зависятъ отъ предварительнаго вопроса, — существуетъ ли вообще у потребляемыхъ благъ самостоятельное пользованіе, которое можетъ быть перенесено въ ссудѣ; поэтому внимательный читатель изслѣдуетъ основательнѣе тѣ доказательства, которыя *Книсъ* специально приводитъ для разрѣшенія этого предварительнаго вопроса, составляющаго ключъ ко всей его теоріи ссуды.

Здѣсь мы сдѣлаемъ неожиданное открытіе, что *Книсъ* совершенно не доказываетъ существованія или хотя бы только возможности существованія самостоятельнаго пользованія потребляемыми благами, а обходитъ этотъ камень преткновенія своей теоріи, пользуясь растяжимостью слова „пользованіе“.—Я постараюсь обнаружить его ошибку.

Книсъ самъ отождествляетъ (стр. б1) пользованіе съ употребленіемъ блага. Онъ знаетъ также (см. также стр. б1), что у потребляемыхъ благъ невозможно никакое другое употребленіе, кромѣ *потребленія*. Онъ долженъ поэтому, конечно, знать также, что у потребляемыхъ благъ пользованіе тождественно съ ихъ потребленіемъ. Между тѣмъ при установленіи проблемы и въ окончательномъ выводѣ: „Та-

кимъ образомъ, мы включаемъ ссуду въ число передачъ пользованія и т. д.“, онъ, очевидно, употребляетъ слово „пользованіе“ въ такомъ смыслѣ, въ которомъ оно не тождественно съ потребленіемъ, а понимается какъ длящееся пользованіе. Къ такому заключительному выводу *Книсъ* приходитъ благодаря тому, что въ своемъ разсужденіи постоянно смѣшиваетъ пользованіе въ первомъ, смыслѣ съ пользованіемъ во второмъ и потомъ изъ цѣлаго ряда мыслей, которыя вѣрны только по отношенію къ пользованію въ *первомъ* смыслѣ, дѣлаетъ выводъ, что существуетъ пользованіе во *второмъ* смыслѣ.

Въ началѣ своего разсужденія онъ говоритъ: „собственникъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ не желать ни передать, ни обмѣнять, ни продать этого центнера хлѣба, можетъ быть, потому, что онъ самъ долженъ или хочетъ *потребить* таковой по истеченіи шести мѣсяцевъ. Но до этого времени онъ въ немъ также не нуждается“.

Въ этихъ словахъ *Книсъ* имѣлъ въ виду и, въ силу природы явленія, исключительно могъ имѣть въ виду тотъ родъ пользованія, который представляетъ собою *потребленіе*.—Затѣмъ онъ продолжаетъ:

„Онъ могъ бы поэтому, конечно, согласиться уступить *употребленіе* этого центнера хлѣба въ продолженіе ближайшихъ шести мѣсяцевъ другому, если только онъ получитъ обратно свое благо по истеченіи этого срока“.

Здѣсь собственно и начинается двусмысленность: что обозначаетъ здѣсь слово „употребленіе“? Обозначаетъ ли оно „потребленіе“ или же длящееся въ теченіе шести мѣсяцевъ пользованіе? — Очевидно, что употребленіе мыслимо здѣсь только, какъ потребленіе, но слова „употребленіе въ теченіе ближайшихъ шести мѣсяцевъ“ могутъ вызвать представленіе о длящемся употребленіи; здѣсь начинается *quid pro quo*.

Затѣмъ слѣдуетъ:

„Если затѣмъ другой человекъ, желающій получить этотъ хлѣбъ, но не имѣющій возможности пріобрѣсти таковой путемъ обмѣна или покупки, заявляетъ, что *пользованіе* центнеромъ хлѣба, какъ потребляемымъ благомъ, по необходимости заключается въ *потребленіи* самого хлѣба, на примѣръ, въ качествѣ сѣмянъ, и что поэтому онъ хотѣлъ бы возвратитъ другой центнеръ изъ полученнаго, благодаря перенесенію этого *пользованія*, урожая, то собственникъ можетъ, съ точки зрѣнія своихъ хозяйственныхъ интересовъ, согласиться на это, такъ какъ здѣсь вѣдь идетъ рѣчь о замѣнимомъ благѣ“.

Эта мысль и содержитъ въ себѣ рѣшающее смѣшеніе. Хотя въ то же время *Книсъ* и заставляетъ своего заемщика прямо-таки заявить, что пользованіе потребляемыми благами можетъ быть только тождественно съ ихъ потребленіемъ, тѣмъ не менѣе онъ употребляетъ слова „пользованіе“ и „потребленіе“ такъ, что оба эти понятія являются независимыми другъ отъ друга и кажутся *не* тождественными; такимъ образомъ, посредствомъ діалектическаго самообмана онъ вовлекаетъ—чѣмъ болѣе открыто, тѣмъ менѣе замѣтно—въ свой ходъ доказательства представленіе о дѣлящемся пользованіи потребляемыми благами. Такъ какъ непосредственно затѣмъ идетъ рѣчь „о полученномъ, благодаря уступленному пользованію, урожаѣ“, то, рассуждая правильно, слѣдовало бы считать источникомъ урожая опять-таки только полезное употребленіе=полезному *потребленію* хлѣбныхъ сѣмянъ; но созвучіе выраженія „уступленное пользованіе“ съ выраженіемъ „уступка пользованія“, которое еще свѣжо въ нашей памяти, и которое обозначало нѣчто совершенно противоположное по сравненію съ „уступкой носителя пользованія“, является причиной того, что мы безсознательно начинаемъ представлять себѣ *дѣлящееся пользованіе*, аналогичное съ пользованіемъ дѣлящимися благами. Возможность существованія такого пользованія не можетъ при этомъ возбудить сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что этимъ пользованіемъ сейчасъ же объясняется полученіе урожая, и что, слѣдовательно, ему приписывается вполне реальное дѣйствіе,—доказательство, которое введенный уже въ заблужденіе читатель относитъ къ существованію „дѣлящагося пользованія.“

Затѣмъ *Книсъ* выводитъ слѣдствія изъ этого смѣшенія. Послѣ того, какъ онъ заявилъ: „въ этомъ изложеніи нѣтъ ни малѣйшей мысли, которая заключала бы въ себѣ что-либо невозможное, неестественное, искусственное“,—что, конечно, совершенно вѣрно, но что не имѣетъ никакого значенія для его тезиса, если во всѣхъ двусмысленныхъ мѣстахъ слова „употребленіе“ или „пользованіе“ всякій разъ замѣнять выраженіемъ „полезное потребленіе“,—онъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: такимъ образомъ, ссуда принадлежитъ къ числу уступокъ одного пользованія.

Этотъ выводъ просто ложенъ. Доказательство, которое нужно было привести, въ дѣйствительности совершенно не приведено; напротивъ, то, что нужно было доказать, было незамѣтнымъ образомъ введено въ дедукцію, какъ предположеніе, и понятіе „пользованіе“ въ требуемомъ смыслѣ употреблялось, какъ извѣстный фактъ, при чемъ не говорилось

ни слова о возможности существованія такого пользованія, которое слѣдовало бы доказать. Однако, открытіе этой основной ошибки доказательства очень затрудняется двумя обстоятельствами: во-первыхъ, тѣмъ, что подъ словомъ пользованіе въ настоящемъ смыслѣ скрывается также и совершенно иное понятіе: противъ существованія такого „пользованія“ не протестуютъ, такъ какъ—благодаря исходнымъ діалектическимъ приѣмамъ—не отличаютъ такого отъ несомнѣнно существующаго настоящаго пользованія, и во-вторыхъ, прямо таки вслѣдствіе наивности внушенія. Въ самомъ дѣлѣ, *Книсъ*, ни однимъ словомъ не касаясь проблемы, мыслимо ли дляшееся пользованіе и потребляемыми благами, заставляетъ своего собственника и заемщика говорить объ уступкѣ „пользованія“ въ такомъ увѣренномъ тонѣ, какъ будто существованіе этого пользованія не подлежитъ никакому сомнѣнію, увѣренность, которая потомъ безсознательно передается также и читателю ¹⁾.

Если теперь сравнить попытки отдѣльныхъ писателей направленія *Сэ-Германна* обосновать пользованіе капиталомъ, то, несмотря на все различіе въ отдѣльныхъ пунктахъ, мы найдемъ у нихъ весьма поучительное единодушіе въ цѣломъ.

Всѣ писатели, отъ *Сэ* до *Книса*, начиная говорить о пользованіи капиталомъ, ссылаются *прежде всего на дѣйствительно существующія полезныя дѣйствія* и подъ флагомъ послѣднихъ добиваются у читателей согласія, что „пользованіе капиталомъ“ дѣйствительно существуетъ, что оно существуетъ, какъ самостоятельный хозяйственный элементъ, и обладаетъ также самостоятельною хозяйственною цѣнностью; при этомъ они оставляютъ безъ вниманія то, что эта самостоятельность не является свойствомъ другого блага, существующаго независимо отъ даннаго, а только самостоятельно отдѣляемой частью самого блага, изъ чего вытекаетъ затѣмъ то, что отдѣленіе полезнаго дѣйствія всегда сопряжено съ уменьшеніемъ цѣнности самого блага, и что вознагражденіе за полезное дѣйствіе является *ваговымъ* пролетомъ.

Но лишь только они такимъ образомъ добились признанія „самостоятельнаго пользованія капиталомъ“, какъ они

¹⁾ Въ позднѣйшихъ работахъ, вышедшихъ послѣ перваго изданія этого сочиненія, *Книсъ* сдѣлалъ попытку защитить свою точку зрѣнія противъ вышеизложенныхъ возраженій. Я возвращусь къ этой попыткѣ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ второй, положительной части моего труда.

на мѣсто настоящихъ полезныхъ дѣйствій, подъ прикрытіемъ которыхъ это признаніе было достигнуто, подсовываютъ созданное ихъ собственной фантазіей пользованіе, ложно приписываютъ таковому самостоятельную цѣнность, *независимо отъ полной цѣнности блага*, и въ концѣ концовъ разбиваютъ еще въ куски настоящія пользованія, при помощи которыхъ были введены ложныя. *Сэ* и *Шеффле* изображаютъ этотъ процессъ только необыкновенно кратко — они молча преобразовываютъ основаніе валового процента въ основаніе чистаго; *Германнъ* же и *Книсъ* развиваютъ этотъ процессъ передъ нашими глазами съ полной подробностью. — Эти ошибки указываютъ, какъ велика необходимость, чтобы пресловутый „пересмотръ основныхъ понятій“ могъ также, наконецъ, проникнуть и въ область мало обращающихъ на себя вниманіе понятій „употребленіе благъ“ и „пользованіе благами“. Я, со своей стороны, попытался слѣлать въ этомъ отношеніи первый шагъ.

Я надѣюсь, что въ вышензложенныхъ разсужденіяхъ я пришелъ къ обѣщанному мною доказательству, — „что во всѣхъ выводахъ, посредствомъ которыхъ теоретики направленія *Сэ-Германна* думали доказать существованіе выставляемаго ими пользованія, произошла ошибка или недоразумѣніе“.

Но принятіе такого самостоятельнаго пользованія не только абсолютно не можетъ быть обосновано, но по необходимости ведетъ также и къ внутреннимъ противорѣчіямъ и не выдерживающимъ критики слѣдствіямъ; я постараюсь это доказать.

Теоретики пользованія, да и не только они ²⁾, обыкновенно не отличаютъ *валового пользованія*, которое является основой валового аренднаго или наемнаго процента, отъ

---

³⁾ Я долженъ категорически замѣтить, что въ моей полемикѣ по поводу понятія пользованія я выступаю не только противъ настоящихъ теоретиковъ пользованія, но почти противъ всей экономической литературы. Оспариваемый мною взглядъ на пользованіе капиталомъ является наиболѣе распространеннымъ со времени *Сальмазія*. Даже тѣ писатели, которые объясняютъ происхожденіе процента на капиталъ при помощи совершенно другихъ теорій, напримѣръ, при помощи теоріи производительности, какъ *Рошеръ*, при помощи теоріи воздержанія, какъ *Сеніоръ*, трудовой теоріи, какъ *Курсель-Сенель* или *Вагнеръ*, постоянно разсматриваютъ ссудный процентъ какъ вознагражденіе за уступленное пользованіе капиталомъ (use, usage), а иногда даже и *первичный* процентъ на капиталъ какъ плодъ того же пользованія капиталомъ. Разница между ними и настоящими теоретиками

чистаго пользованія, которое является основой чистаго процента на капиталъ. Странно, что мы всё привыкли просто душно смѣшивать эти термины, и никому не приходитъ въ голову, что здѣсь заключается неразрѣшимая загадка.

Пользованіе, по единодушному мнѣнію всѣхъ принимающихъ таковое, тождественно съ употребленіемъ, въ объективномъ смыслѣ этого слова. А разъ существуетъ валовое и чистое пользованіе, то неужели должны также существовать *два* пользованія, *два* употребленія одного и того же блага? И къ тому же не два послѣдовательные или два альтернативные вида употребленія, а два *одновременныя*, *кумулятивныя* употребленія, которыя въ самомъ элементарномъ процессѣ употребленія получаютъ одно возлѣ другого или одно въ другомъ.

Можно бы согласиться, что благо допускаетъ два употребленія послѣдовательно; можно бы еще согласиться, что благо допускаетъ два вида употребленія альтернативно, — дерево можетъ служить для построекъ или для сжиганія; можно еще, наконецъ, понять, что благо въ одно и то же время допускаетъ рядомъ два вида употребленія, которые, однако, приносятъ также различную, двоякую пользу, — напримѣръ, красивый рѣшетчатый мостъ одновременно служитъ и средствомъ сообщенія и предметомъ эстетическаго наслажденія. Но утверждать, что я, нанимая домъ или квартиру и пользуясь ими въ цѣляхъ обитанія, посредствомъ одной и той же серіи актовъ употребленія дѣлаю и получаю два различныхъ употребленія, одно въ болѣе обширномъ смыслѣ, за которое я отдаю всю наемную плату, и другое въ болѣе узкомъ смыслѣ, за которое я отдаю заключающійся въ наемной платѣ чистый процентъ; что я каждымъ росчеркомъ пера, который я дѣлаю на бумагѣ, каждымъ взглядомъ, который я бросаю на картину, каждымъ сѣченіемъ, которое дѣлаетъ мой ножъ, — однимъ словомъ, что во всякой элементарнѣйшей пользѣ, которую я извлекаю изъ блага, я всегда получаю *два* употребленія,

пользованія заключается только въ томъ, что первые пользуются такими оборотами простодушно, въ силу общепринятаго словоупотребленія, и не заботятся о дальнѣйшихъ предпосылкахъ и слѣдствіяхъ этого взгляда, который иногда находится въ противорѣчій съ ихъ теоріей процента; между тѣмъ теоретики пользованія какъ разъ строятъ свою своеобразную теорію на слѣдствіяхъ такого взгляда. Почти универсальное распространеніе заблужденія, которое я стараюсь опровергнуть, да будетъ оправданіемъ той подробности, съ которой я это дѣлаю.

или одно въ другомъ или одно возлѣ другого,—это противорѣчить природѣ вещей и всякому здравому смыслу. Если я разсматриваю картину или обитаю въ домѣ, то я дѣлаю изъ этого *одно* только употребленіе; если же я при этомъ все-таки называю употребленіемъ или пользованіемъ два акта, то одинъ изъ нихъ долженъ носить это названіе несправедливо.

Который же?

Насчетъ этого опять существуетъ въ высшей степени странный взглядъ. Теоретики, высказывающіе таковой, кажется, дѣйствительно, въ извѣстной степени поняли неумѣстность двухъ пользованій рядомъ. Правда, они постоянно называютъ „пользоуаніемъ“, какъ тотъ, такъ и другой актъ, но иногда они стараются устранить одинъ изъ нихъ, а именно: они устраняютъ валовое пользование тѣмъ, что разсматриваютъ таковое, какъ *чистое пользование + частичное возстановленіе капитала*. Таково, напримѣръ, отношеніе Рошера, котораго мы можемъ цитировать, какъ представителя обычнаго взгляда ¹⁾: „нельзя смѣшивать пользование капиталомъ съ его частичнымъ возстановленіемъ. Такъ, напримѣръ, въ наемной платѣ, *кроме вознагражденія за употребленіе дома*, должна заключаться еще извѣстная сумма, достаточная для ремонта, даже для постепеннаго накопленія капитала для новой постройки“. Итакъ, то, за что я отдаю чистый процентъ, въ дѣйствительности является употребленіемъ, а то, за что я отдаю валовой процентъ, называется употребленіемъ только благодаря ошибочной неточности.

Я полагаю, что послѣдователей этого страннаго взгляда ничѣмъ нельзя привести въ большее затрудненіе, чѣмъ требованіемъ дать опредѣленіе того, что они понимаютъ подъ словомъ „употребленіе“. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можетъ быть употребленіе, если не полученіемъ или, если придать употребленію объективное значеніе, предложеніемъ полезныхъ дѣйствій, къ которымъ способно благо? Или, если кому-либо не нравится мое выраженіе „полезныя дѣйствія“, то онъ можетъ употреблять выраженіе *Сэ* „полезныя услуги“, или выраженіе Шеффле „извлеченіе пользы“, или иное какое-либо выраженіе. Какъ бы, однако, ни опредѣлять „употребленіе“, одно, мнѣ кажется, неоспоримо: если мы предоставляемъ кому-либо домъ для временнаго обитанія, а

¹⁾ Grundlagen, 10-ое изд., стр. 401 и слѣд.

онъ обитаетъ въ немъ, то мы предоставляемъ ему *употребленіе* дома, и онъ изъ этого дома дѣлаетъ употребленіе. И если онъ что-либо за это платитъ, то онъ всю наемную плату до послѣдняго атома отдаетъ только за то, что онъ имѣлъ возможность пользоваться полезными свойствами и силами дома, другими словами, за предоставленное ему употребленіе.

А, можетъ быть, это все же не такъ! Не потребляетъ ли онъ также части цѣнности *самого дома*, и не уступаетъ ли ему, такимъ образомъ, на ряду съ употребленіемъ дома также и часть цѣнности самого дома?—Кто сталъ бы такъ думать, тотъ, какъ это ни странно, считалъ бы двѣ стороны какого-либо *одного* событія *двумя* различными событіями. Дѣло просто обстоитъ такъ: наемщикъ получаетъ *исключительно* употребленіе дома, но, благодаря извлеченію такого, онъ уменьшаетъ цѣнность блага; изъ „запаса упругихъ силъ“ онъ получаетъ только нѣкоторыя, при чемъ онъ только „извлекаетъ“, употребляетъ таковыя; естественно, что благодаря этому уменьшается цѣнность остальныхъ „упругихъ силъ“. Объясненіе этого явленія въ томъ смыслѣ, будто наемщикъ получаетъ два акта одинъ возлѣ другого, употребленіе и часть цѣнности капитала, аналогично тому, какъ если бы въ приобрѣтеніи четвертой лошади, подходящей къ тремъ уже имѣющимся, хотѣли видѣть приобрѣтеніе двухъ отдѣльныхъ предметовъ:—съ одной стороны, лошади вообще и, съ другой, лошади, необходимой для составленія четверни,—и если бы потомъ стали утверждать, что изъ 500 гульденовъ, которые уплатитъ покупатель, 250, напримѣръ, составляютъ цѣну лошади вообще, а 250 цѣну лошади, необходимой для составленія четверни! Или если бы сказали, что кровельщикъ, который ставитъ куполь и этимъ заканчиваетъ постройку башни, совершаетъ два акта—во-первыхъ, ставитъ куполь и, во-вторыхъ, заканчиваетъ постройку башни—и если онъ на всю работу затрачиваетъ часть, то для постановки купола онъ употребляетъ не болѣе трехъ четвертей часа, потому что часть всего затраченнаго времени должна быть отнесена на долю второго акта, окончанія постройки башни!

Если же кто-либо желаетъ считать употребленіемъ не валовое пользованіе, а что-то другое, трудно опредѣлимое, то пусть онъ скажетъ, въ чемъ заключается употребленіе *тищи*? Въ принятіи ея?—Это невозможно, такъ какъ это было бы валовое пользованіе, поглощающее собою всю цѣнность капитала, который вѣдь нельзя смѣшивать съ

настоящимъ „употребленіемъ“. Такъ въ чемъ же? Въ какой-либо части акта фды? Или, можетъ быть, въ чемъ-либо совершенно иномъ?—Обязанность отвѣтить на это, къ счастью, выпадаетъ не на мою долю, а на долю теоретиковъ пользованія.

Если поэтому словамъ „употребленіе“ и „пользованіе“ не придавать значенія, которое въ одинаковой степени противорѣчитъ, какъ разговорной рѣчи и жизни, такъ и представленіямъ практики и науки, то у валового пользованія нельзя отрицать свойствъ настоящаго пользованія. Однако, если согласиться, что двухъ пользованій существовать не можетъ, что валовое пользованіе можно во всякомъ случаѣ считать законнымъ носителемъ понятія пользованія, то самъ по себѣ вытекаетъ выводъ противъ чистаго пользованія теоретиковъ пользованія.

Но оставимъ все это въ сторонѣ и остановимся на слѣдующемъ. Будетъ ли валовое пользованіе настоящимъ пользованіемъ или нѣтъ, все же *чьимъ-либо* оно несомнѣнно должно быть. И чистое пользованіе должно также представлять собою что-либо, какъ этого хотятъ теоретики пользованія. Эти двѣ величины, разъ онѣ дѣйствительно существуютъ, должны находиться въ извѣстномъ соотношеніи. Чистое пользованіе или должно составлять часть валового или же не должно: ничего третьяго быть не можетъ. Присмотритесь ближе къ этимъ двумъ величинамъ. Если мы будемъ разсматривать сохраняющіяся блага, то намъ можетъ показаться, будто чистое пользованіе является частью валового; въ самомъ дѣлѣ, разъ вознагражденіе первого, чистый процентъ, заключается въ вознагражденіи второго, валового процента, то слѣдуетъ ожидать, что и первый предметъ покупки долженъ заключаться во-второмъ, быть частью послѣдняго: такого мнѣнія придерживаются также сами теоретики пользованія, такъ какъ они раздѣляютъ валовое пользованіе на сумму: чистое пользованіе + частичное возстановленіе капитала. Обратимся, однако, къ потребляемымъ благамъ. Чистый процентъ я плачу здѣсь *не* за потребленіе, потому что я вмѣсто потребляемаго чужого блага немедленно же возвращаю замѣнимый эквивалентъ и поэтому не долженъ платить никакого процента. Я плачу таковой только за отсрочку возвращенія эквивалента, слѣдовательно, за что-то, что не заключается въ потребленіи, этомъ наиболѣе интенсивномъ валовомъ пользованіи, а находится совершенно внѣ послѣдняго. Слѣдовательно, чистое пользованіе одновременно является *ча-*

стью и *нечастью* валового пользованія? Какъ объяснять теоретики пользованія это противорѣчіе?

Я могъ бы еще привести много загадокъ и противорѣчій, къ которымъ ведеть признаніе самостоятельнаго чистаго пользованія. Я могъ бы, напримѣръ, спросить теоретиковъ пользованія, что я долженъ понимать подъ десятилѣтнимъ пользованіемъ или десятилѣтнимъ употребленіемъ бутылки вина, которую я выпилъ въ первый день первого года? Существовать вѣдь оно должно, такъ какъ я могу его купить или продать при помощи договора, заключеннаго на десять лѣтъ! Я могъ бы указать на то, какъ странно, даже, можно сказать, смѣшно предположеніе, что благо въ тотъ моментъ, когда оно, вслѣдствіе совершеннаго, исчерпывающаго такового потребленія, фактически *перестаетъ приносить пользу*, должно только какъ разъ *начать* отдавать постоянное пользованіе; что должникъ, который возвращаетъ одолженную бутылку вина по истеченіи *одного* года, потребляетъ меньше, чѣмъ тотъ, который возвращаетъ ее по истеченіи десяти лѣтъ, такъ какъ первый потребилъ бутылку вина и *годового* пользованіе, а второй бутылку вина и *десятилѣтнее* пользованіе, между тѣмъ какъ совершенно ясно, что оба они извлекли изъ бутылки вина одинаковую пользу, и что раньше или позже наступившая необходимость возвратить *другую* бутылку вина не имѣетъ ничего общаго съ меньшей или большей длительностью объективныхъ пользованій *первой* бутылкой и т. д. и т. д. Я полагаю, что я сказалъ уже больше, чѣмъ нужно для доказательства.

Резюмируемъ.

Я считаю доказанными три факта:

Во-первыхъ, я считаю доказаннымъ, что сущность благъ, какъ вещественныхъ носителей полезныхъ силъ природы, исключаетъ возможность всякаго „пользованія“, которое не заключалось бы въ дѣятельности полезныхъ силъ природы, присущихъ таковымъ, которое, слѣдовательно, не было бы тождественнымъ съ „*полезными дѣйствіями*“ благъ, являющимися основой не *чистаго*, а *валового* процента, или же всей пѣнности капитала у благъ потребляемыхъ.

Во-вторыхъ, я считаю доказаннымъ, что всѣ попытки теоретиковъ пользованія продемонстрировать существованіе или возможность существованія чистаго пользованія, отличнаго отъ „*полезныхъ дѣйствій*“, ошибочны или основаны на недоразумѣніи; и

въ-третьихъ, я считаю доказаннымъ, что признаніе постулируемаго теоретиками пользованія чистаго пользованія

по необходимости ведетъ къ нелѣпымъ и противорѣчивымъ слѣдствіямъ.

Въ виду этого я считаю себя въ правѣ утверждать, что то чистое пользованіе, на существованіи котораго теоретики пользованія направленія *Сэ-Германна* основываютъ свое объясненіе процента на капиталъ, въ дѣйствительности не существуетъ, и что оно скорѣе является продуктомъ вводящей въ заблужденіе фикціи.

Но какимъ же образомъ вообще появилась въ нашей наукѣ эта странная фикція? Какимъ образомъ ее стали смѣшивать съ дѣйствительностью?—Я еще отвѣчу вкратцѣ на эти историческіе вопросы, надѣясь этимъ разсѣять послѣднія сомнѣнія и дать правильную переоцѣнку того результата, который можно было извлечь изъ старинной побѣды теоріи *Сальмазія*.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ не особенно рѣдкихъ случаевъ, въ когорыхъ фикція, возникшая на юридической почвѣ и употребляемая первоначально для практическихъ юридическихъ цѣлей съ полнымъ сознаніемъ ея фиктивной природы, переносится въ область народнаго хозяйства, при чемъ по пути теряется сознаніе ея фиктивности. Юриспруденція всегда чувствовала сильную потребность въ фикціяхъ. Для того, чтобы небольшого числа простыхъ юридическихъ правилъ было достаточно для всей разнообразной дѣйствительности правовой жизни, часто чувствовалась необходимость при помощи фикціи совершенно отождествлять одинъ случай съ другими, которые по существу совершенно съ ними не тождественны, но которые могутъ быть на практикѣ цѣлесообразно разсматриваемы, какъ таковыя. Такъ появились „*formulae fictitiae*“ римскаго гражданскаго процесса, таковы юридическія лица, таковы „*res incorporales*“ и безчисленное множество другихъ фикцій науки о правѣ.

Иногда случалось, что пустившая глубокіе корни фикція въ концѣ концовъ обращалась въ серьезно признаваемую догму; разъ въ продолженіе столѣтія привыкли обращаться въ теоріи и практикѣ съ предметомъ такъ, какъ будто онъ дѣйствительно существовалъ тождественъ съ другимъ предметомъ, то, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, можно было въ концѣ концовъ совершенно забыть, что все это только фикція. Такъ обстояло дѣло—я это уже констатировалъ—съ „*res incorporales*“ римскаго права, такъ обстояло также дѣло и съ самостоятельнымъ пользованіемъ потребляемыхъ и замѣнимыхъ благъ. И теперь еще можно шагъ

за шагомъ прослѣдить тотъ путь, по которому произошло преобразование фикціи въ догму.

Существуютъ блага, индивидуальность которыхъ не имѣетъ никакого значенія, которыя принимаются во вниманіе только въ зависимости отъ ихъ общей природы и количества, „*quae pondere numero mensura consistunt*“. Это такъ называемыя замѣнимыя вещи. Такъ какъ ихъ индивидуальность не имѣетъ никакого значенія, то „замѣняющія“ блага могутъ вполне занять мѣсто „замѣняемыхъ“ и разсматриваться, какъ тождественныя съ ними для извѣстныхъ цѣлей практической правовой жизни. Въ особенности это кажется намъ естественнымъ въ такихъ юридическихъ сдѣлкахъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о предоставленіи и возвращеніи замѣнимыхъ благъ. Въ такихъ операціяхъ кажется естественнымъ разсматривать возвращеніе *одинаковаго количества* иныхъ замѣнимыхъ благъ, какъ возвращеніе *тѣхъ же* благъ; другими словами, прибѣгать къ фикціи тождественности передаваемыхъ и возвращаемыхъ замѣнимыхъ благъ.

Насколько мнѣ извѣстно, древніе римскіе источники права формально не выставили еще этой фикціи: они совершенно правильно говорятъ о томъ, что въ ссудѣ возвращается „*tantundem*“ или „*idem genus*“, а не прямо „*idem*“; но по существу эта фикція уже существуетъ. Если, напримѣръ, такъ называемое „*depositum irregulare*“, при которомъ депозиторъ могъ пользоваться переданной ему для храненія суммой денегъ и имѣлъ право возвратити такую въ *другихъ* монетахъ, разсматривалось какъ *depositum*¹⁾, то эта конструкція можетъ быть объяснена только въ томъ смыслѣ, что прибѣгали къ фикціи тождественности монетъ возвращаемыхъ и передаваемыхъ для храненія. Современная юриспруденція въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пошла дальше—она прямо-таки говоритъ уже о „правовой“ тождественности замѣнимыхъ благъ²⁾.

Отъ этой первой фикціи былъ только одинъ шагъ ко второй. Разъ стали смотрѣть на дѣло такъ, что въ ссудѣ и въ родственныхъ ей операціяхъ возвращаются *тѣ же* блага, которыя получили должникъ, то, въ цѣляхъ послѣдовательности, нужно было также предположить, что должникъ сохраняетъ полученныя блага *въ теченіе всего времени ссуды*,

¹⁾ См. I. 31. Dig. loc. 19.2 и I. 25 § 1. Dig. dep. 16.3.

²⁾ Goldschmidt. Handbuch des Handelsrechtes, 2-ое изданіе (Stuttgart, 1883 г.) 2-й томъ, 1-ый выпускъ, стр. 26, примѣч.

безпрерывно владѣть и пользуется таковыми; что онъ, слѣдовательно, извлекаетъ изъ нихъ длящееся употребленіе и платитъ соотвѣтствующій процентъ именно за это длящееся употребленіе.

Юристы на самомъ дѣлѣ сдѣлали этотъ второй фиктивный шагъ. Они притомъ въ началѣ прекрасно знали, что здѣсь рѣчь идетъ только о фикціи. Они прекрасно знали, что возвращаемыя блага *не* тождественны съ получаемыми; что должникъ сохраняетъ ихъ и владѣетъ ими *не* въ теченіе всего срока ссуды, такъ какъ, напротивъ, онъ обыкновенно очень скоро уже долженъ совершенно съ ними разстаться, чтобы достигнуть цѣли ссуды; они знали, наконецъ, прекрасно, что по этимъ же причинамъ должникъ не получаетъ также *никакого* длящагося употребленія отъ сужаемыхъ благъ. Но для практическихъ цѣлей и потребностей обѣихъ сторонъ безразлично, имѣетъ ли на самомъ дѣлѣ мѣсто то, что фиктивно предполагается, или нѣтъ, а потому юристы въ правѣ создавать свои фикціи. Юристы даютъ этой фикціи въ области своей науки слѣдующее выраженіе: они относятъ вкоренившееся на почвѣ этой фикціи въ народной рѣчи слово „*usuga*“, вознагражденіе за употребленіе, къ ссудному проценту, утверждаютъ, что процентъ дается за употребленіе ссуды, и признаютъ за *потребляемыми* благами *ususfructus*, хотя только *quasi-ususfructus*, такъ какъ они прекрасно знаютъ, что оперируютъ съ фикціей; въ одномъ случаѣ они даже подчеркнули это, такъ какъ исправили законодательный актъ, который придалъ этой фикціи слишкомъ реальное выраженіе ¹⁾.

Послѣ того, наконецъ, какъ въ теченіе многихъ столѣтій учили, что „*usuga*“—это вознагражденіе за употребленіе, и

¹⁾ *Ulpianus*, какъ извѣстно, въ 1-ой книгѣ „*De usufructu eorum rerum, quae usu consumuntur vel minuuntur*“, Dig. 7. 5 цитируетъ одно *senatusconsultum*, которое ввело возможность завѣщанія *ususfructus* потребляемыхъ благъ. По этому поводу *Гай* замѣчаетъ: „*Quo senatus consulto non id effectum est, ut pecuniae usufructus proprie esset: nec enim naturalis ratio auctoritate Senatus commutari potuit; sed, remedio introducto, coepit quasi usufructus haberi*“. Я не думаю, какъ это полагаетъ *Книксъ* (*Geld*, стр. 75), что *Гай* придрался только къ формальному недостатку, что регулярный *ususfructus* возможенъ только по отношенію къ *чужой вещи*, между тѣмъ какъ завѣщатель владѣетъ завѣщанными потребляемыми благами, какъ собственными, какъ *res suae*. Призывъ къ *naturalis ratio* относится не столько къ возстановленію нарушеннаго формальнаго опредѣленія *ususfructus*, сколько—и это гораздо въроятнѣе—къ еще болѣе нарушенной правдоподобности.

послѣ того, какъ въ теченіе этого времени улетучилась также лучшая часть живого духа классической юриспруденціи, а на мѣсто послѣдней появилось тѣмъ большее преклоненіе передъ традиціонными формулами, канонисты стали рѣзко нападать на законность ссуднаго процента. Однимъ изъ наиболѣе острыхъ ихъ орудій было именно открытіе фикціи, которая дѣлалась при *usus* потребляемыхъ благъ. Вся дальнѣйшая ихъ аргументація казалась столь убѣдительной, что спасти ссудный процентъ казалось уже невозможнымъ, если согласиться съ предпосылкой канонистовъ, что самостоятельнаго употребленія потребляемыхъ предметовъ не существуетъ. Такимъ образомъ, эта фикція сразу приобрѣла такое значеніе, какого она раньше никогда не имѣла. Вѣра въ дѣйствительное существованіе такого *usus* была равносильна одобренію процента на капиталъ; отрицаніе его существованія, казалось, заставляло его осуждать. Желая спасти процентъ, предпочитали въ этой дилеммѣ приписывать юридической формулѣ больше значенія, чѣмъ слѣдовало, а *Сальмазій* и его сторонники стали искать причинъ, которыя позволили бы имъ считать эту фикцію дѣйствительностью. Причины, которыя они нашли, были какъ разъ достаточно вѣски, чтобы убѣдить людей, которые охотно хотѣли вѣрить, такъ какъ, благодаря остальнымъ, дѣйствительно прекраснымъ доказательствамъ, они были уже склонны думать, что *Сальмазій* въ общемъ правъ, между тѣмъ какъ противникамъ, которые въ основныхъ положеніяхъ, очевидно, были неправы, не довѣряли и въ томъ, въ чемъ они случайно были правы. Такимъ образомъ—не въ первый и навѣрно не въ послѣдній разъ—подъ сильнымъ давленіемъ практическихъ требованій создалась скользкая теорія, и старая фикція юристовъ была объявлена дѣйствительностью.

Съ этой поры положеніе дѣлъ не измѣнилось, по крайней мѣрѣ въ политической экономіи. Между тѣмъ какъ новѣйшая юриспруденція въ большинствѣ случаевъ уже отказалась отъ ученія *Сальмазія*, современная политическая экономія охотно сохраняетъ еще старыя юридическія формулы. Въ 17-омъ столѣтіи эти формулы служили опорой пратическаго оправданія процента, въ 19-омъ столѣтіи онѣ служили средствомъ для теоретическаго объясненія такового, объясненія, которое въ противномъ случаѣ представляло бы большія затрудненія. Требовалось объяснить загадочную „прибавочную цѣнность“. Она будто виситъ въ воздухѣ. Ищутъ для нея носителя. И какъ разъ предлагаетъ свои услуги старая фикція юристовъ. Соотвѣтственно раз-

вившимся теоретическимъ требованіямъ, послѣдняя снабжается различными новыми свойствами и, такимъ образомъ, становится, наконецъ, достойной, подъ названіемъ „пользованія“, достигнуть кульминаціонной точки величія: она становится основаніемъ необыкновенно своеобразной и обстоятельно разработанный теоріи процента на капиталъ.

Быть можетъ, этимъ страницамъ будетъ суждено содѣйствовать освобожденію отъ того заблужденія, въ которое поставила нашъ предметъ нѣсколькосотлѣтняя привычка. Быть можетъ, наконецъ, „чистое пользованіе“ капиталомъ отодвинуть обратно въ ту область, изъ которой оно лучше совсѣмъ не вышло бы,—въ область фикции, метафоры, которая, какъ справедливо замѣтилъ однажды *Бастіа*, не разъ уже сводила науку съ истиннаго пути. При этомъ, конечно, нужно будетъ отказаться отъ нѣкоторыхъ глубоко укоренившихся взглядовъ, не только отъ теоріи пользованія въ болѣе узкомъ и собственномъ значеніи этого слова, которая дѣлаетъ пользованіе основой объясненія процента на капиталъ, но и отъ ряда другихъ взглядовъ, которые распространены вообще, а не только въ кругахъ теоретиковъ пользованія, которые пользуются этимъ понятіемъ только между прочимъ. Въ частности, нужно будетъ также отказаться и отъ излюбленнаго взгляда на ссуду, какъ на передачу пользованій, какъ на нѣчто аналогичное арендѣ и найму.

Что же, однако, дать взамѣнъ этого?

Отвѣтить на этотъ вопросъ, строго говоря, уже не дѣло критики, которой мы здѣсь занимаемся, а дѣло положительнаго изложенія, которое я оставляю для второго тома настоящаго труда. Однако, по справедливости можно ожидать отъ меня, защитника одного изъ основныхъ положеній стараго ученія канонистовъ, чтобы я уже теперь указалъ, по крайней мѣрѣ, на исходъ, посредствомъ котораго можно избѣгнуть явно ложныхъ результатовъ ученія канонистовъ; поэтому я намѣренъ уже здѣсь вкратцѣ изложить мой взглядъ на сущность ссуды; я долженъ оговориться, что въ слѣдующемъ томѣ настоящаго сочиненія я дамъ болѣе подробное изложеніе этого вопроса, и попросятъ читателей воздержаться отъ окончательнаго приговора по поводу моей теоріи ссуды до того времени, когда я изложу ее болѣе подробно и въ большей связи съ общей теоріей процента на капиталъ.

Я начну лучше всего со стариннаго спора канонистовъ.

Что касается результата спора, то, по моему мнѣнію, были неправы одни только канонисты; что же касается мотивировки результатовъ, то были неправы обѣ стороны: канонисты неправы потому, что они въ своемъ доказательствѣ сдѣлали *одну* ошибку; *Сальмазій* же сдѣлалъ *двѣ* ошибки, изъ которыхъ вторая компенсируетъ собою вредъ, причиненный первой, такъ что, послѣ противорѣчиваго вступленія, его доказательство все же въ концѣ концовъ ведетъ къ истинѣ. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ:

Обѣ стороны согласно считаютъ аксіомой, что капиталъ, возвращенный по истеченіи ссуднаго договора, является эквивалентомъ и притомъ точнымъ и полнымъ эквивалентомъ переданнаго раньше капитала. Это мнѣніе настолько ложно, что въ дѣйствительности нужно удивляться, почему оно уже давно не признано предразсудкомъ. Вскій экономистъ знаетъ, что цѣнность благъ зависитъ не только отъ ихъ физическихъ качествъ, но и въ высокой степени отъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ эти блага находятся въ распоряженіи для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Извѣстно, что блага одного и того же рода, напримѣръ, хлѣбъ, въ различныхъ условіяхъ имѣютъ весьма различную цѣнность. Къ важнѣйшимъ обстоятельствамъ, которыя на ряду съ физическими свойствами благъ оказываютъ вліяніе на цѣнность таковыхъ, относятся, между прочимъ, *мѣсто и время* распоряженія ими. Было бы страннымъ, если бы блага извѣстнаго рода во всѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они могутъ только находиться, имѣли совершенно одинаковую цѣнность; было бы страннымъ, если бы 10 саженой дровъ въ лѣсу имѣли совершенно ту же цѣнность, что и 10 саженой дровъ на станціи желѣзной дороги, а послѣдніе опять ту же цѣнность, что 10 саженой дровъ на мѣстѣ ихъ употребленія; не менѣе страннымъ было бы, если бы 100 гульденовъ, которые теперь находятся въ моемъ распоряженіи, были совершенно эквивалентны 100 гульденамъ, которые я получу черезъ годъ, два года, десять или даже сто лѣтъ. Напротивъ, ясно, что если одно и то же количество благъ предоставляется въ распоряженіе человѣка, занимающагося хозяйствомъ, въ различные моменты времени, то оно будетъ оказывать также различное вліяніе на его хозяйственное положеніе и, сообразно этому, будетъ приобрѣтать и различную цѣнность. Невозможно поэтому выставить, какъ естественное правило, полную эквивалентность между настоящими благами, отдаваемыми въ ссуду, и благами, возвращаемыми въ будущемъ въ томъ же количествѣ и каче-

ствѣ, какъ это дѣлають канонисты и *Сальмазіи*; напротивъ, эта эквивалентность можетъ только составлять въ высшей степени рѣдкое случайное исключеніе.

Вполнѣ очевидно, изъ какого источника обѣ стороны извлекли совершенно ненаучное мнѣніе объ эквивалентности передаваемого и возвращаемого капитала,—это старая юридическая фикція о тождественности замѣнимыхъ благъ одинаковаго количества и качества. Если на основаніи этой фикціи смотрѣть на ссуду такъ, будто бы тѣ же 100 гульденовъ, которые кредиторъ даетъ должнику, по истеченіи срока ссуды снова возвращаются должникомъ кредитору, то, очевидно, слѣдуетъ также считать вполнѣ эквивалентнымъ и справедливымъ и это возвращеніе. Канонисты и ихъ противники сдѣлались жертвой этой первой части юридической фикціи — въ этомъ заключается ихъ общая ошибка, единственная ошибка канонистовъ, первая *Сальмазія*. Дальнѣйшее просто представляется такъ:

Канонисты остались неправыми потому, что эта ошибка была единственной ихъ ошибкой. Послѣ того какъ они ее сдѣлали, они не въ пору прозрѣли и въ мнимомъ самостоятельномъ употребленіи ссужаемыхъ благъ разоблачили фикцію. Теперь исчезъ также всякій субстратъ, за который по справедливости платился бы процентъ; они должны были поэтому—они были неправы, но послѣдовательны — объявить таковой несправедливымъ. *Сальмазіи*, однако, поправили первую ошибку, заключающуюся въ фикціи тождественности между получаемымъ и возвращаемымъ капиталомъ, посредствомъ второй: онъ принимаетъ за чистую монету и слѣдствія изъ этой фикціи и утверждаетъ, что должникъ обладаетъ „употребленіемъ“ взятыхъ въ наемъ вещей въ теченіе всего срока ссуды.

Правда лежитъ въ сторонѣ отъ обоихъ построеній. *Ссуда*—это *дѣйствительный* обмѣнъ *настоящихъ* благъ на *будущія*. Такъ какъ въ силу различныхъ причинъ (во второмъ томѣ онѣ будутъ изложены подробно) настоящія блага имѣютъ большую рѣдкость, чѣмъ будущія блага одинаковаго количества и качества, то извѣстная сумма настоящихъ благъ можетъ быть постоянно приобрѣтаема на большее количество будущихъ благъ. Настоящія блага обуславливаютъ прибавку, ажіо въ будущихъ благахъ. *Этимъ ажіо и является процентъ*. Послѣдній является не отдѣльнымъ эквивалентомъ за немыслимое отдѣльное дѣлающееся употребленіе ссужаемыхъ благъ, а выдѣленнымъ, въ силу практическихъ соображеній, частичнымъ эквивалентомъ ссужен-

ной суммы, полный эквивалентъ который составляетъ только „возвращеніе капитала“ вмѣстѣ съ процентомъ ¹⁾.—

Мои вышеизложенныя разсужденія должны были доказать, что самостоятельнаго пользованія благами въ томъ видѣ, въ которомъ таковое понимаетъ направленіе теоріи пользованія *Сэ-Германна*, а за нимъ почти всѣ современные экономисты, не существуетъ. Остается еще доказать, что нельзя приписывать самостоятельнаго существованія и тому существенно отличному виду пользованія, который пытался ему придать *Менгеръ*.

В. Критика понятія пользованія Менгера.

Между тѣмъ какъ направленіе *Сэ-Германна* представляло себѣ „чистое пользованіе“ какъ объективный, независимый отъ самихъ благъ полезный элементъ, *Менгеръ* рассматриваетъ это пользованіе какъ *распоряженіе*, какъ „распоряженіе количествомъ экономическихъ благъ въ предѣлахъ извѣстныхъ промежутковъ времени“ ²⁾. Такое распоряженіе является для лицъ, занимающихся хозяйствомъ, средствомъ для лучшаго и болѣе полного удовлетворенія потребностей и потому, съ точки зрѣнія *Менгера*, приобретаетъ характеръ самостоятельнаго блага, которое обыкновенно, въ силу своей относительной рѣдкости, является также и *хозяйственнымъ благомъ* ³⁾.

Уже самое утвержденіе, будто распоряженіе благомъ, т.е. отношеніе къ благу, представляетъ собою благо, кажется мнѣ необыкновенно смѣлымъ. Въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾ я подробно изложилъ тѣ спеціальныя причины, которыя, на мой взглядъ, не позволяютъ считать отношенія настоящими благами съ точки зрѣнія ученія о народномъ хозяйствѣ.

Къ изложеннымъ тамъ мыслямъ я здѣсь прибавлю только нѣсколько замѣчаній.

Противъ моего взгляда можно было бы возразить слѣдующее—и я въ дѣйствительности слышалъ такого рода возраженіе: извѣстныя отношенія, какъ, напр., источники

¹⁾ Зачатки этой точки зрѣнія, которую я считаю исключительно правильной, можно найти уже у *Галиани* (См. выше, стр. 69 и слѣд.), *Тюрго* (См. выше, стр. 76 и слѣд.), затѣмъ *Джона Рэ* (См. ниже гл. XI), а въ новѣйшее время у *Кнуса*, который, правда, впоследствии категорически отказался отъ нея, какъ невѣрной.

²⁾ Grundsätze стр. 132 и сл.

³⁾ Стр. 132.

⁴⁾ См. мои „Rechte und Verhältnisse“ passim; въ особенности стр. 124 и сл.

дохода, обеспеченный сбытъ и т. п., не могутъ быть только „призраками“; реальность этихъ отношеній ясно подтверждается ежедневно, такъ какъ ихъ можно продать, такъ какъ они оплачиваются известной цѣной. Я полагаю, что въ этомъ аргументѣ произвольное изложеніе факта, не доказывающаго ничего для нашего вопроса, ошибочно рассматриваютъ какъ дѣйствительный фактъ, который въ самомъ дѣлѣ могъ бы служить доказательствомъ.

Прежде всего я попытаюсь выяснитъ природу этой ошибки на нѣсколькихъ аналогичныхъ примѣрахъ, въ которыхъ послѣдняя проявляется особенно рѣзко. Ледъ въ Ледовитомъ океанѣ не обладаетъ никакой цѣнностью, ледъ въ Нью-Йоркѣ обладаетъ таковою: не „ясно“ ли изъ этого, что оплачивается „присутствіе“ льда или мѣсто, въ которомъ онъ находится? Руда, смѣшанная со шлаками, не годна для употребленія, чистый металлъ годенъ. Не „ясно“ ли отсюда, что собственно оплачивается „чистота“ металла владѣльцамъ доменныхъ печей, производящимъ ее? Не ясно ли, что, такимъ же образомъ рѣзчику, изготовляющему статуэтку изъ не имѣющаго цѣнности кусочка дерева, оплачивается „форма“, красильщику, окрашивающему ситецъ въ синий цвѣтъ, — „цвѣтъ“ ситца? А разъ „ясно“, что платятъ цѣну за „мѣсто“, за „чистоту“, за „форму“, за „цвѣтъ“, то не доказываетъ ли это наглядно, что всѣ эти категоріи должны собою представлять не только „призраки“, а настоящія, реальныя блага, самостоятельныя хозяйственныя предметы?

Не трудно убѣдиться, къ чему ведутъ такого рода разсужденія, не трудно также убѣдиться, что они заходятъ слишкомъ далеко. Не трудно, наконецъ, открыть и источникъ ошибки этихъ разсужденій. Изъ этихъ примѣровъ дѣйствительно ясно только то, что существуетъ что-то такое, что оплачивается реальной цѣной, но нисколько не ясно, что оплачиваются отвлеченныя категоріи мѣста, формы, цвѣта, чистоты и т. д., а не конкретныя блага—ледъ, металлъ, статуэтка, ситецъ. Наблюдаемое явленіе объясняется такъ только съ субъективной точки зрѣнія, и то при помощи болѣе или менѣе фигуральнаго оборота рѣчи. Совершенно такъ же обстоитъ дѣло и въ случаѣ платы за обеспеченный сбытъ товаровъ и т. п.: въ дѣйствительности наблюдается только, что реальная цѣна платится за что-то такое, что въ данномъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ не легко опредѣлить. Но вовсе изъ этого не „ясно“, что это проданное „что-то“ должно быть именно „отношеніемъ“ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а не, напр., только суммой ожидаемыхъ благъ,

приобрѣтаемыхъ благодаря этой обезпеченности сбыта,— какъ это имѣетъ мѣсто при покупкахъ въ кредитъ; въ этомъ духѣ толкуютъ наблюдаемое явленіе только произвольно. Но вѣрно и допустимо ли такое толкованіе, подтверждается ли оно дѣйствительностью, или же оно представляетъ собою только фигуральный оборотъ рѣчи,— въ этомъ и заключается вопросъ, который долженъ быть разрѣшенъ на основаніи болѣе общихъ научныхъ соображеній; ссылаться на какую-то мнимую очевидность фактовъ значить не разрѣшать этотъ вопросъ, а останавливаться на полудорогѣ.

Однако, если мы будемъ разсматривать это явленіе во всей его глубинѣ, то мы натолкнемся на вопросъ почти метафизическаго характера, вопросъ, который, несмотря на свой характеръ, допускаетъ, къ счастью, весьма опредѣленное рѣшеніе, по крайней мѣрѣ въ разсматриваемомъ нами направленіи. Существуютъ силы, вызывающія явленія. О дѣйствительной природѣ этихъ силъ мы ничего не знаемъ. Мы пытаемся подойти къ нимъ съ различныхъ сторонъ при помощи нашихъ понятій и выраженій. Мы называемъ то *самые предметы* (вещество, матерію, тѣло, субстанцію), то *ихъ силы*, то *свойства*, то, наконецъ, близкія къ послѣднимъ, *ихъ отношенія* (Verhältnisse). Предметъ, сила, свойство не суть, конечно, три различныхъ реальности, а только три различныхъ точки зрѣнія на одну и ту же реальность. Которая изъ этихъ трехъ точекъ зрѣнія вѣрна (и вѣрна ли вообще одна изъ нихъ)—этотъ вопросъ долженъ остаться открытымъ. Ни физика ни метафизика не можетъ дать вполнѣ убѣдительнаго отвѣта. Одно только остается убѣдительнымъ и очевиднымъ: доказательства объективнаго существованія различныхъ видовъ существующаго нельзя вывести изъ существованія различныхъ субъективныхъ взглядовъ и способовъ выраженія. Неопредѣленность нашихъ взглядовъ не можетъ служить доказательствомъ реальнаго существованія разнообразія предметовъ. Можно сомнѣваться относительно того, что собственно приноситъ пользу въ томъ, что мы называемъ благами,—вещества *ли*, силы *ли*, свойства *или* отношенія; но дѣлать изъ этой неопредѣленности опредѣленный выводъ, что реально существованіе отдѣльно, какъ вещества, такъ *и* силы, *и* свойства, *и* отношенія—разсужденіе, ошибочность котораго рѣзко бросается въ глаза ¹⁾.

¹⁾ Ср. и мои „Rechte und Verhältnisse“ (стр. 34, прим. 23).

Если бы суть заключалась только въ томъ, что при описаніи источниковъ благосостоянія или благъ мы пользуемся различными названіями для одного и того же предмета, то это представляло бы собою незначительное, легко переносимое, а, можетъ быть, даже неизбѣжное зло. Мы имѣли бы дѣло съ непослѣдовательностью въ терминологіи, а не съ существенно невѣрнымъ ученіемъ. Я полагаю, что наукѣ приходится нерѣдко по необходимости терпѣть и даже дѣлать отъ себя такого рода небольшія терминологическія непослѣдовательности уже потому, что она не можетъ и не хочетъ изобрѣсти для себя совершенно новую и вполне точную терминологію, а пользуется общеупотребительной терминологіей и поэтому должна волей-неволей примиряться съ различными неточностями и непослѣдовательностями, присущими послѣдней. Такого рода терминологическіе недостатки наука не всегда обязана устранять, да она и не всегда въ состояніи это сдѣлать; правда, наука въ иныхъ случаяхъ предостерегаетъ насъ отъ такихъ непослѣдовательностей, подчеркивая неправильность таковыхъ и тщательно избѣгая ихъ въ болѣе важныхъ случаяхъ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ не только объ удобномъ обозначеніи предмета по общепринятой терминологіи, но когда приходится дѣлать выводъ о природѣ даннаго предмета по существу; уже и тогда наука дѣлаетъ болѣе, чѣмъ достаточно. Въ этомъ смыслѣ я въ свое время и закончилъ свои изслѣдованія вопроса о принадлежности или непринадлежности правъ и отношеній къ категоріи благъ: я призналъ, что не только практика, но и теорія въ общихъ случаяхъ могутъ спокойно и впредь держаться общепринятой, хотя и неточной обыденной терминологіи, именующей эти категоріи благами, что наука должна только вполне выяснитъ сущую правду, дабы во всякое время и во всякомъ мѣстѣ быть въ состояніи вывести такую изъ своего арсенала, если это будетъ необходимо ¹⁾.

Терминологической непослѣдовательностью является, собственно говоря, уже и то, что объ категоріи, категорія вещественныхъ благъ и категорія вещественныхъ полезныхъ дѣйствій, рассматриваются какъ параллельныя—я поступаю такимъ же образомъ. Было бы болѣе послѣдовательно, а, можетъ быть, и болѣе правильно въ перечнѣ благъ вмѣсто вещественныхъ благъ помѣщать „совокупность полезныхъ дѣйствій“: или, наоборотъ, если желательна категорія веще-

¹⁾ Rechte und Verhältnisse стр. 148 и слѣд.

ственныхъ благъ, противопоставлять послѣднимъ полезныя дѣйствія, какъ „части вещественныхъ благъ“. Но и то и другое сопряжено съ извѣстными неудобствами. Съ одной стороны, наша мысль и наша рѣчь всегда будутъ разсматривать тѣла, вещественныя блага, какъ реальные предметы, тѣмъ болѣе, что давно уже прочно установившійся терминъ „блага“ прежде всего относится къ предметамъ или субстанціямъ; съ другой стороны, полезныя дѣйствія вещественныхъ благъ совершенно не соотвѣтствуютъ опредѣленнымъ, вполнѣ отдѣляющимся частямъ блага—эти дѣйствія представляютъ собою низшія, чѣмъ „вещественное благо“, хозяйственныя единицы, но они отнюдь не представляютъ собою *частей* блага въ буквальномъ смыслѣ. При такомъ положеніи дѣла наименьшимъ неудобствомъ является пользование нѣсколько неопредѣленной терминологіей, и заимствование названія цѣлаго у одной категоріи, а названіе его частей у другой; однако, истинное взаимоотношеніе между обѣими категоріями должно быть особо опредѣлено и объяснено, опредѣлено и объяснено въ томъ смыслѣ, что вещественныя блага и полезныя дѣйствія представляютъ собою не два различныхъ, параллельно существующихъ и дѣйствующихъ вида источниковъ благосостоянія, а одинъ и тотъ же видъ источниковъ благосостоянія, которые, въ зависимости отъ количества, разсматриваются попеременно то какъ цѣлое, то какъ часть, или, если угодно, то какъ совокупность, то какъ отдѣльная единица. Если, при соблюденіи этихъ оговорокъ, мы назовемъ „благами“, какъ вещественныя блага, такъ и полезныя дѣйствія, то мы сдѣлаемъ такую же неважную и безвредную погрѣшность, какую дѣлаетъ купецъ, если при составленіи баланса своего имущества въ графѣ актива онъ включаетъ въ статью „наличныя деньги“ одну часть находящихся въ его распоряженіи кредитныхъ документовъ, какъ, напр., незначительныя суммы, находящіяся въ оборотѣ, какъ средства обращенія, между тѣмъ какъ другую часть, напр., кредитный документъ на 10.000 фунтовъ стерлинговъ, въ статью „денежныя требованія“. Нашему купцу, конечно, можно возразить, что точность этихъ рубрикъ подлежитъ сомнѣнію, но уже никакъ нельзя утверждать, что балансъ поэтому невѣренъ.

Но дѣло обстояло бы совершенно иначе, если бы не совсѣмъ опредѣленная, двойственная природа кредитнаго документа, который съ одной точки зрѣнія можетъ быть разсматриваемъ, какъ „наличныя деньги“, а съ другой—какъ „денежное требованіе“, побудила нашего купца включить

одинъ и тотъ же документъ въ свой балансъ два раза—какъ наличныя деньги и какъ денежное требованіе: это была бы уже не невинная терминологическая непослѣдовательность, а существенно невѣрный балансъ. О такомъ же существенно невѣрномъ балансѣ идетъ рѣчь и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ цѣляхъ теории пользованія постулируютъ существованіе самостоятельнаго блага „распоряженія“. Аргументація здѣсь прямо-таки къ тому и клонится, что въ видѣ вещественнаго блага и распоряженія таковымъ приносятся въ жертву одновременно два различныхъ блага, и что, слѣдовательно, въ балансѣ издержекъ производства они должны приниматься во вниманіе, какъ двѣ отдѣльныхъ величины. Здѣсь, на мой взглядъ, понятію распоряженія приписывается природа благъ въ томъ самомъ важномъ и широкомъ смыслѣ, противъ котораго рѣшительнѣе всего направлены вышеизложенныя принципиальныя возраженія.

Для того, чтобы выдержать напоръ столь важныхъ по существу возраженій, гипотеза Менгера должна была бы опираться на очень серьезные положительные аргументы. Я сомнѣваюсь въ достаточной убѣдительности таковыхъ. О прямомъ доказательствѣ или о наглядномъ выводѣ того, что распоряженіе въ дѣйствительности является благомъ, при своеобразномъ характерѣ нашей темы, очевидно, не можетъ быть и рѣчи. Рѣчь можетъ быть только о томъ, подтверждается ли эта гипотеза достаточнымъ количествомъ характерныхъ *вторичныхъ* аргументовъ или же нѣтъ. Въ этомъ именно я и сомнѣваюсь.

Я полагаю, что существуетъ только одинъ вторичный аргументъ, говорящій въ пользу этой гипотезы,—этимъ аргументомъ является существованіе пока еще не выясненной прибавочной цѣнности. Подобно тому, какъ астрономы на основаніи нѣкоторыхъ, не допускающихъ другого объясненія уклоненій извѣстныхъ имъ планетъ отъ своихъ орбитъ заключили о существованіи другихъ, еще неизвѣстныхъ небесныхъ тѣлъ, точно такъ же и Менгеръ постулируетъ существованіе носителя пока еще не выясненной прибавочной цѣнности. А такъ какъ распоряженіе количества блага въ теченіе извѣстныхъ промежутковъ времени, по его мнѣнію, находится въ извѣстной законной связи съ появленіемъ и величиной прибавочной цѣнности, то онъ не задумывается высказать гипотезу, будто это распоряженіе и является искомымъ носителемъ, и будто, какъ таковой, оно представляетъ собою самостоятельное благо съ самостоятельнымъ существованіемъ. Если бы этому замѣчательному

мыслителю представлялась возможность другого объяснения, то, я увѣренъ, онъ, не задумываясь, отказался бы отъ этой гипотезы.

Является ли этотъ единственный, говорящій въ пользу принадлежности „распоряженія“ къ категоріи благъ, вторичный аргументъ убѣдительнымъ?

Я долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, я въ слѣдующемъ томѣ надѣюсь доказать, что явленіе прибавочной цѣнности можетъ быть объяснено вполнѣ удовлетворительно и безъ этой гипотезы, притомъ способомъ, указаннымъ самимъ Менгеромъ благодаря его классической теоріи цѣнности; и, во-вторыхъ, я сейчасъ приведу читателю нѣсколько соображеній, которыя, по моему мнѣнію, представляютъ собою убѣдительное *опроверженіе* взгляда о принадлежности разсматриваемаго нами „распоряженія“ къ категоріи благъ.

Въ духѣ теоріи Менгера слѣдуетъ смотрѣть на ссуду, какъ на перенесеніе распоряженій благами. Притомъ количество перенесеннаго блага—„распоряженія“,—конечно, тѣмъ больше, чѣмъ больше длительность ссуды. Въ ссудѣ на два года переносится больше распоряженія, чѣмъ въ ссудѣ на одинъ годъ, въ ссудѣ на три года больше, чѣмъ въ ссудѣ на два года, и т. д., въ ссудѣ на сто лѣтъ—почти неограниченное количество распоряженія. Если бы, наконецъ, возвращеніе капитала не только отсрачивалось на очень продолжительное время, а совершенно не требовалось, тогда получателю уступалось бы дѣйствительно неограниченное количество распоряженія. Это, напр., имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстная сумма благъ не дается въ ссуду, а дарится.

Теперь возникаетъ вопросъ, сколько цѣнности получаетъ въ такомъ случаѣ одаренный.—Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ получаетъ цѣнность, *равную цѣнности подаренной ему вещи*.—А какъ же обстоитъ дѣло съ цѣнностью уступленнаго вмѣстѣ съ благомъ безсрочнаго распоряженія таковымъ?—Очевидно, она заключается въ цѣнности самого предмета. Изъ этого я дѣлаю слѣдующій выводъ—и я увѣренъ, что этотъ выводъ не ложенъ:—разъ плюсь, т. е. цѣнность безсрочнаго пользованія, заключается въ цѣнности самого блага, то и заключающійся въ таковой минусъ, временное распоряженіе благомъ, должно входить въ составъ цѣнности самого блага; слѣдовательно, временное

распоряженіе не можетъ быть самостоятельнымъ носителемъ цѣнности *на ряду* съ цѣнностью самого блага въ томъ смыслѣ, въ которомъ это полагаетъ Менгеръ ¹⁾.

II. Тема для доказательства.

Если даже предположить, что гипотеза о существованіи самостоятельнаго чистаго пользованія вѣрна, то все же теорія пользованія не можетъ дать удовлетворительнаго объясненія процента на капиталъ.

По моему мнѣнію, я доказать, что пользованія, самостоятельное существованіе котораго признаетъ теорія пользованія, въ дѣйствительности не существуетъ. Но даже въ томъ случаѣ, если бы такое пользованіе существовало, то при его помощи все же нельзя было бы удовлетворительно объяснить фактическаго явленія процента. Я надѣюсь, что мнѣ удастся въ немногихъ словахъ обосновать этотъ тезисъ.

Теорія пользованія въ своемъ своеобразномъ ходѣ объясненія различаетъ двѣ цѣнности — цѣнность, которою обладают *блага сами по себѣ*, и цѣнность, которою обладает *пользованіе благами*. При этомъ она вездѣ молча выходитъ изъ предположенія, что обыкновенная цѣнность приобрѣтенія блага представляетъ собою цѣнность самого блага безъ цѣнности пользованія таковымъ, такъ какъ объ-

¹⁾ Еще нагляднѣе можно, я думаю, доказать, что цѣнность распоряженія входитъ въ составъ цѣнности блага, если нѣсколько видоизмѣнить нашъ примѣръ. Положимъ, что А ссужаетъ В въ некоторомъ предметомъ, сначала безвозмездно на 20 лѣтъ, т. е. онъ даритъ ему благо— „распоряженіе въ теченіе 20-ти лѣтъ“; затѣмъ, нѣсколько дней спустя послѣ составленія ссуднаго договора, онъ даритъ ему и самый предметъ. Такимъ образомъ, А подарилъ В двадцатилѣтнее распоряженіе предметомъ и самый предметъ въ силу двухъ актовъ. Если бы распоряженіе благомъ представляло собою предметъ, обладающій самостоятельной цѣнностью на ряду съ самимъ благомъ, то общая цѣнность подарка, очевидно, превышала бы цѣнность самого предмета, что, конечно, не имѣетъ мѣста.— Это явленіе, впрочемъ, можно было бы объяснить въ томъ смыслѣ, что подаренный предметъ по истеченіи извѣстнаго времени, отъ котораго уже было отдѣлено двадцатилѣтнее распоряженіе, уже не обладаетъ полной первоначальной цѣнностью, а цѣнностью, уменьшенной на величину цѣнности отдѣленнаго распоряженія—въ такомъ случаѣ мы только еще больше признали бы, что распоряженіе вмѣстѣ съ цѣнностью не можетъ лежать внѣ, какъ это предполагаетъ теорія Менгера, а только внутри самого предмета и его цѣнности.

яснение прибавочной цѣнности на томъ собственно и основано, что цѣнность пользования присоединяется, какъ *новый* элементъ, къ цѣнности субстанции капитала, и что первая только вмѣстѣ съ послѣдней составляетъ всю цѣнность продукта.

Однако, это предположеніе противорѣчитъ фактическимъ явленіямъ хозяйственной жизни.

Общеизвѣстно, что облигація продается по цѣнѣ, равной всей цѣнности облигаціи по курсу, только тогда, когда она снабжена всѣми соотвѣтствующими купонами, другими словами, когда покупателю уступается—говоря слогомъ теоретиковъ пользования—и распоряженіе всѣми будущими „пользованіями“. Если же недостаетъ какого-либо купона, то покупатель всегда вычтетъ соотвѣтствующую сумму изъ цѣны, уплачиваемой имъ за облигацію. Аналогичное явленіе наблюдается и у всѣхъ другихъ благъ. Если при продажѣ имѣнія, продажная цѣнность котораго равняется, примѣрно. 100.000 гульденамъ, я оставлю за собою право пользованія таковымъ въ теченіе года или нѣсколькихъ лѣтъ, или если я продаю это имѣніе, пользованіе плодами котораго въ силу завѣщанія принадлежитъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ третьему лицу, то, безъ сомнѣнія, цѣна, получаемая за это имѣніе, будетъ меньше 100.000 гульденовъ на сумму, соотвѣтствующую „пользованіямъ“, которыя я оставилъ за собою, или „пользованіямъ“, принадлежащимъ третьему лицу.

Эти факты—а такихъ безконечно много—на мой взглядъ, допускаютъ только одно толкованіе, а именно, что *обыкновенная продажная цѣнность благъ обнимаетъ собою не только цѣнность „благъ самихъ по себѣ“, но и цѣнность будущихъ пользованій таковыми—конечно, если такія пользованія вообще существуютъ.*

Такимъ образомъ, пользованіе не даетъ объясненія, которое теорія пользования ожидала отъ него. Эта теорія хочетъ объяснить фактъ, что цѣнность капитала въ 100 гульденовъ въ продуктѣ возрастаетъ до 105-и гульденовъ, тѣмъ, что присоединился новый, самостоятельный элементъ, цѣнностью въ 5 гульденовъ. Это объясненіе сейчасъ же теряетъ свою силу, разъ теорія пользования должна признать, что будущее пользованіе уже принято въ расчетъ и включено цѣликомъ въ составъ цѣнности капитала въ 100 гульденовъ. Если даже признать существованіе такихъ пользованій, то этимъ проблема прибавочной цѣнности не разрѣшается; измѣнится только нѣсколько форма проблемы. Послѣдняя теперь сводится къ слѣдующему: какимъ образомъ объ-

яснить то, что цѣнность элементовъ продукта, — *субстанции капитала и пользованія капиталомъ*, — которые прежде обладали цѣнностью въ 100 гульденовъ, во время производства поднялась до 105 гульденовъ? Число вопросовъ даже еще возросло: къ первому вопросу, который выдвигаетъ природа явленій всякой теоріи процентовъ, — проблемѣ, *почему возрастаетъ цѣнность элементовъ на величину прибавочной цѣнности*, — теорія пользованія прибавила еще отъ себя второй вопросъ: *какимъ образомъ будущія пользованія благомъ составляютъ вмѣстѣ съ цѣнностью „блага самого по себѣ“ настоящую цѣнность блага?* — Этотъ вопросъ представляетъ собою загадку, на тернистый путь рѣшенія которой даже не вступилъ ни одинъ теоретикъ пользованія.

Такимъ образомъ, теорія пользованія выдвинула и оставила безъ отвѣта еще больше вопросовъ, чѣмъ было до нея.

Однако, если теоріи пользованія и не суждено было достигнуть своей окончательной цѣли, то все же она больше, чѣмъ какая-либо другая теорія, содѣйствовала приближенію къ этой цѣли. Между тѣмъ какъ многія другія теоріи блуждали по совершенно бесплоднымъ стезямъ, теоріи пользованія все-же удалось прійти къ нѣкоторымъ весьма важнымъ результатамъ. Ее можно сравнить съ извѣстными старыми теоріями изъ области естествовѣдѣнія: со старой теоріей горѣнія, оперировавшей съ мистическимъ элементомъ „флогистономъ“, и со старой теоріей теплоты, оперировавшей съ „теплородомъ“. Флогистонъ и теплородъ оказались призраками совершенно такъ же, какъ и „чистое пользованіе“. Но символъ, которымъ временно обозначали пока еще неизвѣстную величину, содѣйствовалъ, подобно x въ уравненіяхъ, открытію множества цѣнныхъ соотношеній и законовъ, связанныхъ съ этой неизвѣстной величиной. Символъ этотъ еще не представлялъ собою истины, но содѣйствовалъ открытію таковой.

IX.

Теорія воздержанія.

Основателемъ теоріи воздержанія считается *Н. В. Сениоръ*. Онъ изложилъ ее сперва въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ Оксфордскомъ университетѣ, въ послѣдствіи въ своихъ „*Outlines of the Science of Political Economy*“¹⁾.

Чтобы по достоинству оцѣнить теорію воздержанія *Сениора*, мы должны себѣ на минуту представить состояніе, въ которомъ находилась доктрина процента на капиталъ въ Англии въ началѣ тридцатыхъ годовъ.

Главы современнаго направленія политической экономіи, *Смитъ* и *Рикардо*, объявили трудъ единственнымъ источникомъ всякой цѣнности благъ—первый съ меньшей опредѣленностью, второй съ большей. Послѣдовательное проведеніе этого принципа должно было повести къ полному отрицанію самой возможности явленія процента на капиталъ. А между тѣмъ процентъ фактически существовалъ и производилъ неоспоримое вліяніе на относительную мѣнливую цѣнность благъ. *Смитъ* и *Рикардо* упоминаютъ, правда, объ этомъ исключеніи изъ „трудового принципа“, но не дѣлаютъ серьезной попытки ни примирить это зловерное исключеніе съ главной теоріей, ни объяснить таковое самостоятельнымъ принципомъ. Такимъ образомъ, процентъ на капиталъ у *Смита* и *Рикардо* составляетъ необъясненное исключеніе, противорѣчащее принципу.

Слѣдующее поколѣніе въ литературѣ стало замѣчать этотъ недостатокъ и сдѣлало попытку возстановить гармонію между теоріей и дѣйствительностью. Эта попытка носила двоякій характеръ. Одна часть мыслителей пыталась подчинить дѣйствительность теоріи; она неизмѣнно признавала принципъ, что цѣнность создается только трудомъ, и всячески старалась объяснить процентъ на капиталъ; какъ резуль-

---

¹⁾ Специальная перепечатка по *Encyclopaedia Metropolitana*, London 1836. Я цитирую по пятому изданію, Лондонъ 1863 г.

татъ труда и вознагражденіе за таковой, что, конечно, удавалось ей довольно плохо. Самыми важными представителями этого направленія являются *Джемсъ Милль* и *Макъ-Куллохъ*¹⁾. Другая часть мыслителей рѣшила теорію подчинить дѣйствительности, что, конечно, было болѣе правильнымъ. Это опять-таки было сдѣлано различными способами. *Лодердаль* назвалъ капиталъ производительнымъ, но встрѣтилъ мало сочувствія у своихъ соотечественниковъ, потому что послѣдніе—со временъ *Локка*—слишкомъ уже сжились съ мыслью, что самъ капиталъ является продуктомъ труда, и не могли поэтому согласиться признать капиталъ самостоятельной производительной силой. Другіе, съ *Мальтусомъ* во главѣ, нашли иной исходъ: они назвали прибыль на капиталъ составной частью издержекъ производства на ряду съ трудомъ. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ съ вѣдшей стороны, явленіе процента было согласовано съ господствующей теоріей цѣнности: издержки, говорилось, опредѣляютъ цѣнность; къ этимъ издержкамъ относится и процентъ на капиталъ; слѣдовательно, продукты должны имѣть цѣнность, достаточную для того, чтобы, сверхъ вознагражденія труда, давать еще прибыль на капиталъ. Практически это объясненіе ничего не дало. — Слишкомъ уже было ясно, что прибыль на капиталъ представляетъ собою излишекъ надъ издержками, а не составную ихъ часть, что она представляетъ собою получку, а не жертву.

Такимъ образомъ, ни одна изъ научныхъ позицій, которыя занимали тогда по отношенію къ теоріи процента, не была вполне удовлетворительна — каждая изъ нихъ имѣла своихъ приверженцевъ, но еще большее число противниковъ, которые въ явно бросающихся въ глаза недостаткахъ даннаго ученія находили желанную возможность оспаривать его, возможность, которой и пользовались въ широкихъ размѣрахъ. Одна сторона должна была выслушивать, какъ съ уничтожающей логикой ей говорили, что излишекъ не представляетъ собою издержекъ, другая должна была видѣть, какъ посмѣивались надъ ея утвержденіемъ, будто возрастаніе цѣнности боченка вина путемъ отстаиванія въ погребѣ можно объяснить трудомъ. И въ то время, какъ объ эти стороны спорили относительно правильного обоснованія процента на капиталъ, стала подыматься, сначала, правда, только тихо, третья, которая объявила процентъ на

¹⁾ См. выше, стр. 120 и слѣд. и ниже, гл. X.

капиталь совершенно не обоснованнымъ и объяснила таковою эксплуатацией рабочихъ ¹⁾.

Во время этой бурной и непроизводительной борьбы мнѣній и выступилъ *Сеніоръ* съ ученіемъ, въ которомъ онъ объявилъ новый принципъ процента на капиталъ: процентъ, говоритъ онъ, является вознагражденіемъ за *воздержаніе капиталиста* (reward for abstinence).

Отдѣльные проблески этой точки зрѣнія не разъ проявлялись уже и до *Сеніора*. Болѣе отдаленные слѣды этой точки зрѣнія мы можемъ найти уже въ часто повторяющихся замѣчаніяхъ *Смита* и *Рикардо*, что капиталистъ долженъ получать процентъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ не имѣлъ бы никакихъ мотивовъ для накопленія и сохраненія капитала, а также въ прекрасномъ противопоставленіи настоящему наслажденію „будущей прибыли“, которое находится въ другомъ мѣстѣ произведенія *Смита* ²⁾. Болѣе опредѣленные проблески этой точки зрѣнія встрѣчаются у нѣмца *Небеніуса* и англичанина *Скрона*.

Небеніусъ основываетъ свое объясненіе мнѣновой цѣнности услугъ капиталовъ, между прочимъ, и на томъ, что „капиталы пріобрѣтаются только путемъ *болѣе или менѣе горькихъ лишеній* и усилій, подвергаться которымъ можетъ побудить только *соотвѣтствующая прибыль*“. Однако, онъ не развиваетъ дальше этой мысли и является въ общемъ приверженцемъ теоріи пользованія, впадающей въ теорію производительности ³⁾.

Еще опредѣленнѣе высказываетъ этотъ взглядъ *Скронъ* ⁴⁾. Установивъ предварительно, что, сверхъ возмѣщенія затраченного на производство капитала, для капиталиста долженъ еще остаться нѣкоторый излишекъ (some surplus), потому что не стоило бы примѣнять капиталъ производительно, если бы нельзя было получать прибыль, онъ опредѣленно говоритъ (р. 146): „Прибыль, которую извлекаетъ собственникъ капитала отъ производительнаго примѣненія такового, слѣдуетъ разсматривать какъ вознагражденіе за то, что *капиталистъ въ теченіе извѣстнаго времени воздерживается отъ потребленія соотвѣтствующей части имущества для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей*“. Впослѣдствіи онъ, правда, толкуетъ эту мысль такъ, какъ будто объек-

¹⁾ Со времени появленія *Годвина*, *Томпсона* и др.: см. ниже, гл. XII.

²⁾ См. выше, стр. 92 и слѣд.

³⁾ См. выше, стр. 232 и сл.

⁴⁾ Principles of Political Economy, London 1833.

томъ жертвы капиталиста является собственно „время“; при этомъ онъ оживленно полемизируетъ съ *Макъ-Куллохомъ* и *Джемсомъ Миллемъ*, которые считали время только словомъ, пустымъ звукомъ, который ничего не можетъ дать и ничего собою не представляетъ, и даже не находятъ неумѣстнымъ считать время составной частью издержекъ производства: „Издержки производства какого-либо продукта обнимаютъ собою, во-первыхъ, трудъ, капиталъ и время (!), которые необходимы для того, чтобы произвести продуктъ и вынести его на рынокъ“... ¹⁾).

Эту точку зрѣнія, о которой только кратко упомянули названные писатели, предшественники *Сеніора*, *Сеніоръ* положилъ въ основу вполне законченной теории процента, которой, какъ бы мы ни относились къ правильности ея выводовъ, нельзя отказать въ томъ, что среди теоретической путаницы тогдашняго времени она отличалась систематической законченностью, поразительной послѣдовательностью и болѣе глубокой обработкой матеріала. Краткое изложение содержания этого ученія подтвердить высказанный мною взглядъ.

Сеніоръ отличаетъ два „первоначальныхъ“ орудія производства—трудъ и силы природы. Но дѣятельность этихъ орудій не можетъ быть полной, если ихъ не поддерживаетъ третій элементъ. Этимъ третьимъ элементомъ *Сеніоръ* считаетъ *воздержаніе* (abstinence), подъ которымъ онъ понимаетъ „образъ дѣйствій человѣка, который или воздерживается отъ непроизводительнаго употребленія средствъ, находящихся въ его распоряженіи, или же намѣренно предпочитаетъ производство болѣе отдаленныхъ продуктовъ производству продуктовъ, получающихся непосредственно“ (р. 58).

Тонко и остроумно мотивируетъ *Сеніоръ*, почему онъ не считаетъ *капитала* третьимъ элементомъ производства, какъ это дѣлаютъ обыкновенно. Капиталъ не простое, не первоначальное орудіе; въ большинствѣ случаевъ онъ самъ является результатомъ сотрудничества труда, силъ природы и воздержанія. Если же этому своеобразному, отъ производительныхъ силъ труда и природы отличному элементу, который дѣйствуетъ въ капиталѣ и находится въ томъ же отношеніи къ прибыли на капиталъ, что и трудъ къ вознагражденію за трудъ, дать какое-либо названіе, то лучше всего къ нему подходитъ названіе воздержанія (р. 59).

Какимъ же образомъ участвуетъ элементъ „abstinence“

¹⁾ р. 188.

въ производствѣ капитала, а, слѣдовательно, и въ результатахъ производства? Для выясненія этого вопроса *Сеніоръ* приводитъ нѣсколько подробныхъ иллюстрацій, изъ которыхъ я процитирую одну изъ кратчайшихъ дословно. „Въ развитомъ состояніи человѣческаго общества самое простое орудіе представляетъ собою результатъ труда предыдущихъ лѣтъ, можетъ быть, предыдущихъ столѣтій. Орудіе плотника принадлежитъ къ самымъ простымъ, какіе только можно встрѣтить. Но сколькихъ жертвъ непосредственнаго наслажденія стоило оно капиталисту, который впервые подступилъ къ рудникамъ, изъ которыхъ были извлечены гвозди и молотокъ плотника! Сколько труда, направленнаго на болѣе отдаленные результаты, приходилось затратить тѣмъ, кто выдѣлывалъ орудія для обработки рудника! Въ самомъ дѣлѣ... мы можемъ смѣло сказать, что нѣтъ ни одного гвоздя..., который не былъ бы въ извѣстной степени результатомъ труда, затраченнаго на болѣе продолжительное производство, или, выражаясь по нашему, результатомъ воздержанія, которому люди себя подвергали еще до временъ завоеванія Англии норманнами или, можетъ быть, еще до временъ семивластія“ (р. 68).

„Жертва“, заключающаяся въ отказѣ отъ потребления или же въ отсрочкѣ такового, требуетъ вознагражденія. Такое вознагражденіе заключается въ прибыли на капиталъ. Но какимъ же образомъ — приходится задать вопросъ — капиталистъ въ состояніи осуществить въ хозяйственномъ мірѣ нравственное право на вознагражденіе, которое онъ, можетъ быть, и имѣеть? Отвѣтъ на этотъ важный вопросъ *Сеніоръ* даетъ въ своей теоріи цѣнъ.

Мѣновая цѣнность благъ, по мнѣнію *Сеніора*, зависитъ отчасти отъ полезности благъ, отчасти отъ ограниченности предложенія (limitation of supply). Для большинства благъ (исключеніе составляютъ только тѣ, для которыхъ существуетъ какая-нибудь природная монополія) предѣлы предложенія зависятъ всецѣло отъ трудности найти людей, которые согласились бы взять на себя издержки, необходимыя для производства таковыхъ. Опредѣляя, такимъ образомъ, размѣры предложенія, издержки производства регулируютъ мѣновую цѣнность, регулируютъ прежде всего такимъ образомъ, что издержки производства покупателя, т. е. жертва, путемъ которой покупатель лично могъ бы произвести или приобрести блага, составляютъ высшій предѣлъ мѣновой цѣнности, а издержки производства продавца — низшій предѣлъ. Но оба эти предѣла приближаются другъ

къ другу по отношенію къ тому большинству благъ, которыя подлежатъ свободной конкуренціи. Для нихъ, слѣдовательно, издержки производства составляютъ основную величину, опредѣляющую цѣнность.

Но издержки производства состоятъ изъ совокупности труда и воздержанія, потребныхъ для производства блага. Этимъ восстановлена связь между ученіемъ о процентѣ и ученіемъ о цѣнахъ. Если жертва „воздержаніе“ представляетъ собою составную часть издержекъ производства, а издержки производства регулируютъ цѣнность благъ, то эта цѣнность должна всегда быть достаточно велика для того, чтобы представить вознагражденіе за воздержаніе; такимъ образомъ, формально объяснена прибавочная цѣнность продуктовъ, а, слѣдовательно, и первичный процентъ на капиталъ.

Попутно съ этими разсужденіями, *Сеніоръ* даетъ критику теорій нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ, которая заслуживаетъ названія почти образцовой. Онъ, между прочимъ, самымъ убѣдительнымъ образомъ освѣщаетъ промахъ, сдѣланный *Мальтусомъ*, который отнесъ прибыль на капиталъ къ издержкамъ. Но онъ не только указываетъ на этотъ промахъ, но и вполнѣ вѣрно опредѣляетъ происхожденіе такового. *Мальтусъ*, говоритъ онъ, вѣрно понялъ, что на ряду съ трудомъ существуетъ еще другая жертва, которую надо принести въ производствѣ; а такъ какъ у него не было выраженія для обозначенія этой жертвы, то онъ придалъ ей названіе, которое, собственно говоря, принадлежитъ вознагражденію за таковую, подобно тому какъ нѣкоторые называютъ составной частью издержекъ вмѣсто труда заработную плату, которая представляетъ собою вознагражденіе за жертву труда. *Торренсъ* же, который уже указалъ *Мальтусу* на его ошибку—говоритъ *Сеніоръ*—со своей стороны, также сдѣлалъ извѣстный промахъ. Онъ справедливо выдѣлилъ „profit“ изъ издержекъ производства, но ничѣмъ не сумѣлъ заполнить этотъ пробѣлъ.

Такъ какъ первая формулировка, которая была дана теоріи воздержанія *Сеніоромъ*, осталась и наилучшей ¹⁾, то

¹⁾ Только въ самое послѣднее время *Маршалль* придалъ формулировку теоріи воздержанія нѣсколько такихъ отгѣнковъ, которые, если угодно, и могутъ быть названы улучшеніемъ ея; но эти измѣненія касаются не столько характерной центральной идеи самой теоріи процента, сколько одной только теоріи цѣны, въ которую включена теорія процента. Болѣе подробно см. ниже, въ приложеніи къ этому тому о новѣйшей литературѣ процента.

мы составимъ себѣ мнѣніе о всемъ соотвѣтствующемъ направленіи лучше всего по теоріи *Сеніора*. Прежде чѣмъ изложить мой собственный взглядъ на этотъ вопросъ, я хочу сказать нѣсколько словъ по поводу нѣкоторыхъ критическихъ замѣчаній, которыя нашли себѣ широкое распространѣніе въ нашей наукѣ, и въ которыхъ, какъ я полагаю, ученіе *Сеніора* осуждено слишкомъ рѣзко.

Такъ, напр.,—я начинаю критикой, ближе всего стоящей къ намъ по времени,—*Пирсторффъ* въ своемъ цѣнномъ произведеніи „*Lehre vom Unternehmergewinn*“ ²⁾ высказывается о теоріи *Сеніора* весьма недоброжелательно. Онъ доходитъ до того, что во взглядахъ *Сеніора* видитъ шагъ назадъ по сравненію со взглядами его предшественниковъ, видитъ отреченіе отъ серьезнаго научнаго изслѣдованія; при этомъ онъ обвиняетъ *Сеніора* въ томъ, что тотъ вмѣсто „хозяйственныхъ причинъ явленій даетъ хозяйственную и социальную теорію, приноровленную къ требованіямъ практической жизни“.

Я долженъ признать, что почти не понимаю этихъ словъ, въ особенности въ устахъ историка ученій, который долженъ былъ бы умѣть оцѣнить преимущества, хотя бы только относительныя. Напротивъ, *Сеніоръ* по глубинѣ, систематичности и научной серьезности стоитъ неизмѣримо выше своихъ предшественниковъ по ученію о процентѣ. По отношенію къ *Рикардо* или *Мальтусу*, по отношенію къ писателю въ родѣ *Макъ-Куллоха* или *Джемса Милля* было бы справедливо считать ихъ отношеніе къ проблемѣ процента отреченіемъ отъ серьезнаго научнаго изслѣдованія. Они отчасти совсѣмъ не формулируютъ проблемы, отчасти рѣшаютъ ее съ очевидной *retitio principii*, отчасти даже съ поразительными несообразностями. Даже такой замѣчательный писатель, какъ *Лодердаль*, о которомъ *Пирсторффъ*, къ сожалѣнію, не высказывается совсѣмъ, несмотря на серьезныя начинанія, останавливается передъ самой проблемой и, выводя объясненіе процента изъ теоріи цѣнности, впадаетъ въ самыя грубыя ошибки и недоразумѣнія.

Сеніоръ же, напротивъ, не только глубоко понялъ, что здѣсь существуетъ проблема,—онъ понялъ также, гдѣ надо искать ея разрѣшенія, и въ чемъ заключается трудность таковаго. Отвергая всѣ *quasi*-рѣшенія, онъ стремится къ центральной идеѣ проблемы, къ выясненію причинъ из-

²⁾ Берлинъ 1875 г., стр. 47 и слѣд.

лишка цѣнности продукта надъ цѣнностью затраченнаго капитала; если же онъ и не открылъ истины, то это ни въ коемъ случаѣ не объясняется недостаточностью серьезнаго научнаго его отношенія къ предмету. Уже тонкія и глубоко продуманныя критическія замѣчанія, которыя такъ часто вставляетъ *Сеніоръ*, должны были бы защитить его отъ такихъ рѣзкихъ упрековъ.

Далеко преувеличенными являются, на мой взглядъ, и пресловутыя слова, въ которыхъ въ свое время высмѣивалъ ученіе *Сеніора Лассаль* со свойственными ему увлекающе-краснорѣчивыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ декламаторски преувеличивающими приемами: „Прибыль на капиталъ есть „плата за лишенія“! Счастливое слово, безцѣнное слово! Европейскіе милліонеры—аскеты, индѣйскіе факиры, святые столпники, стоящіе на одной ногѣ на столпѣ, вытянувъ руку и согнувъ туловище, съ блѣдными лицами, протягивая толпѣ тарелку для сбора платы за свои лишенія! А посреди нихъ, высоко возносясь надъ своими кающимися коллегами,—главный кающийся и страстотерпецъ: домъ Ротшильда! *Вотъ* состояніе современнаго общества! Какъ это я просмотрѣлъ его! ¹⁾).

Я полагаю, что, несмотря на это блестящее нападеніе, въ ученіи *Сеніора* все же заключается доля истины. Нельзя отрицать того, что, какъ производство, такъ и сохраненіе всякаго капитала, въ самомъ дѣлѣ, требуютъ воздержанія отъ немедленнаго потребленія, отсрочки потребленія; я полагаю также, что не подлежитъ никакому сомнѣнію и то, что зависимость отъ этой отсрочки потребленія увеличиваетъ цѣну тѣхъ предметовъ, которые въ капиталистическомъ процессѣ производства не могутъ быть производимы безъ большей или меньшей отсрочки потребленія. Если, на примѣръ, для производства двухъ благъ требуется одинаковое количество труда, напр., сто дней, при чемъ одно изъ этихъ благъ годно для употребленія немедленно же послѣ затраты труда, а другое, какъ, напр., молодое вино, должно еще отстаиваться въ теченіе года, то опытъ показываетъ, что цѣна блага, годнаго для употребленія по истеченіи нѣкотораго времени, будетъ превышать цѣну блага, годнаго для немедленнаго употребленія на сумму; соотвѣтствующую величинѣ процента на капиталъ. И я нисколько не сомнѣваюсь, что причина этого вздорожанія въ самомъ дѣлѣ заключается въ необходимости отсрочить

¹⁾ Capital und Arbeit, Berlin 1864, стр. 110.

потребление результатовъ затраченнаго труда. Дѣйстви-тельно, если бы цѣнность блага, годнаго для немедленнаго употребленія, и цѣнность блага, годнаго для употребленія только по истеченіи извѣстнаго времени, были одинаковы, то всѣ люди предпочитали бы приложить свой стодневный трудъ тамъ, гдѣ онъ вознаграждается немедленно. Эта тенденція должна вызвать усиленное предложеніе благъ, годныхъ для немедленнаго употребленія, а усиленное предложеніе, со своей стороны, должно вызвать паденіе цѣнъ этихъ благъ по отношенію къ благамъ, годнымъ для употребленія только по истеченіи извѣстнаго времени. Такимъ образомъ, производитель этихъ послѣднихъ благъ получаетъ нѣкоторый излишекъ надъ нормальнымъ вознагражденіемъ за трудъ, которое—какъ извѣстно—во всѣхъ отрасляхъ производства стремится къ одному и тому же уровню; другими словами, получается процентъ на капиталъ.

Не подлечитъ также сомнѣнію и то—этимъ именно и объясняется то громадное впечатлѣніе, которое произвелъ своей полемикой *Лассаль*,—что существованіе и величина процента совершенно не соотвѣтствуютъ существованію и величинѣ „жертвы воздержанія“. Прибыль получается и въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда индивидуальная жертва воздержанія совершенно отсутствуетъ; очень часто высокой процентъ получается тамъ, гдѣ жертва воздержанія очень невелика (см. „милліонеры“ *Лассалья*), и незначительный процентъ тамъ, гдѣ жертва воздержанія очень велика: путемъ горькихъ лишеній сбереженный гульденъ, помѣщенный въ сберегательную кассу прислугой, даетъ и абсолютно и относительно меньшій процентъ, чѣмъ помѣщаемыя милліонеромъ биржи въ предпріятіе сотни тысячъ, безъ которыхъ онъ легко можетъ обойтись. Такіе факты, наблюдаемые на опытѣ, повидимому, совсѣмъ не вяжутся съ теоріей, которая вообще называетъ процентъ „вознагражденіемъ за воздержаніе“, и въ рукахъ человѣка, который былъ такимъ мастеромъ въ полемической риторикѣ, какъ *Лассаль*, каждый изъ этихъ фактовъ долженъ былъ послужить острымъ орудіемъ для нападеній на эту теорію.

А между тѣмъ я полагаю, что наиболѣе слабая сторона этого ученія заключается не въ этомъ, не въ недостаткѣ полной гармоніи между величиною будто-бы приносимой жертвы и величиною получаемаго за нее вознагражденія. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ издержки или жертвы опредѣляютъ цѣну благъ, тамъ, какъ извѣстно, величина всей, общей рыночной

цѣны опредѣляется всегда самыми большими издержками, необходимыми для снабженія рынка товарами, если только различные продукты одного и того же рода доставляются на рынокъ съ различными издержками. А если различныя издержки вознаграждаются одной общей цѣной, то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ полная гармонія между вознагражденіемъ и величиной приносимой жертвы принципиально не всегда возможна; очевидно, тѣ производители, которые доставляютъ на рынокъ свой продуктъ съ меньшими жертвами, чѣмъ самая высокая, опредѣляющія цѣны, всегда вознаграждаются за свои жертвы сравнительно лучше, чѣмъ ихъ конкуренты, находящіеся въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ. Какъ ни поражаетъ насъ дисгармонія между прибылью, получаемой миллионерами и ихъ до смѣшного малой „жертвой воздержанія“, то все же этотъ фактъ у теоретика не долженъ вызывать большаго недоумѣнія, чѣмъ тотъ, хорошо извѣстный каждому теоретику фактъ, что ту же высокую норму цѣны, которой требуютъ издержки обработки самыхъ неплодородныхъ земельныхъ участковъ, приходится платить и владѣльцамъ болѣе плодородныхъ участковъ, которые производятъ одни и тѣ же продукты съ меньшими издержками или же совершенно безъ таковыхъ ¹⁾).

Послѣ серьезнаго размышленія, я пришелъ къ заключенію, что дѣйствительные и рѣшительные недостатки теоріи *Сеніора* можно свести къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ:

Во-первыхъ, по моему, *Сеніоръ* слишкомъ грубо обобщилъ и слишкомъ шаблонно примѣнилъ мысль, самую по себѣ правильную. Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что моментъ отсрочки потребленія, который *Сеніоръ* выдвигаетъ на первый планъ, въ самомъ дѣлѣ оказываетъ нѣкоторое вліяніе на происхожденіе процента; но это вліяніе не такъ просто, не такъ непосредственно, не такъ исключительно, чтобы про-

¹⁾ Мысль, лежащая въ основѣ этого возраженія, въ общихъ чертахъ была уже изложена *Лорія* (La Rendita fondiaria, Миланъ 1880 г., стр. 610—624); *Маршалль* изложилъ и использовать ее систематически и построилъ на ней интересныя понятія „producer's surplus“ и „saver's surplus“ (см. ниже приложение о новѣйшей литературѣ процента); въ новѣйшее время опредѣленно высказалъ эту мысль, какъ опроверженіе сдѣланныхъ возраженій, *Мэкферленъ* (Value and distribution, Филадельфія 1899 г., стр. 175—177). Въ первомъ изданіи настоящаго сочиненія, хотя я и основывалъ свои собственныя возраженія противъ теоріи воздержанія на иныхъ соображеніяхъ, я все-таки отчасти признавалъ правильными и возраженія *Лассаля*. Теперь же я считаю болѣе правильнымъ присоединиться въ этомъ отношеніи къ взглядамъ выше-названныхъ авторовъ.

центъ на капиталъ можно было прямо назвать „вознагражденіемъ за воздержаніе“. Болѣе точное обоснованіе этого мѣня въ данномъ мѣстѣ еще невозможно и должно быть отнесено ко второй основной части настоящаго труда.

Во-вторыхъ, Сеніоръ существенно правильной части своей теоріи придавъ такую форму, которая во всякомъ случаѣ можетъ быть оспариваема. Я считаю логической ошибкой называть отреченіе отъ потребления, отсрочку потребленія, или воздержаніе второй самостоятельной жертвой *на ряду съ трудомъ, затраченнымъ на производство.*

Я считаю самымъ цѣлесообразнымъ прежде всего развить этотъ не совсѣмъ легкій вопросъ на конкретномъ примѣрѣ, а потомъ уже рѣшить его принципиально.

Представимъ себѣ поселянина, который обдумываетъ, какимъ образомъ онъ могъ бы использовать сегодняшній рабочій день. Онъ можетъ его использовать, положимъ, ста различными способами. Я назову только нѣсколько изъ самыхъ простыхъ—онъ можетъ ловить рыбу, охотиться или собирать плоды—Эти три рода занятій тождественны въ томъ, что они даютъ выручку немедленно, еще вечеромъ въ тотъ же рабочій день. Допустимъ, что нашъ поселянинъ рѣшилъ ловить рыбу и вечеромъ приноситъ домой три рыбы. Какой жертвы стоило ему ихъ приобрѣтеніе?

Если мы не будемъ обращать вниманія на минимальную порчу рыболовнаго снаряда, то очевидно, что жертва эта равна *одному рабочему дню*, и только.—Однако, возможно, что нашъ поселянинъ смотритъ на эту жертву и съ другой точки зрѣнія. Возможно, что онъ будетъ оцѣнивать ее по величинѣ того результата, котораго онъ могъ бы достичь при другомъ примѣненіи рабочаго дня, результата, безъ котораго онъ теперь долженъ обойтись. Онъ можетъ разсуждать слѣдующимъ образомъ: если бы я сегодня охотился, а не ловилъ рыбы, то я, по всей вѣроятности, убилъ бы трехъ зайцевъ. Мои рыбы, слѣдовательно, стоятъ трехъ зайцевъ, отъ потребления которыхъ я теперь долженъ отказаться.

Я полагаю, что такого рода опредѣленіе жертвы также не можетъ быть названо неправильнымъ. Здѣсь смотрятъ на трудъ исключительно, какъ на средство для достиженія цѣли: здѣсь не обращаютъ вниманія на средство, которое приносятъ въ жертву немедленно, а имѣютъ въ виду ту цѣль, отъ которой отказываются, жертвуя средствомъ. Тѣмъ же методомъ разсужденія мы часто пользуемся въ хозяйственной жизни. Допустимъ, что я окончательно рѣшилъ израсходовать сумму въ 300 гульденовъ, но колеблюсь между

двумя ея примѣненіями; допустимъ далѣе, что я выбираю одно изъ нихъ, напр., путешествіе для удовольствія, вмѣсто того, чтобы купить персидскій коверъ; по всей вѣроятности, жертва, которой мнѣ стоило мое путешествіе, въ концѣ концовъ будетъ мнѣ представляться въ видѣ персидскаго ковра, отъ котораго я теперь долженъ былъ отказаться.

Во всякомъ случаѣ очевидно, что при опредѣленіи жертвы, принесенной для достиженія хозяйственной цѣли, непосредственная жертва средствами, которая приносится вначалѣ, и посредственная жертва тѣми иными результатами, которые также можно было бы получить на затраченныя средства, могутъ приниматься въ расчетъ только альтернативно, а не кумулятивно. Жертвой для моего путешествія я могу считать *или* зоо гульденовъ, которыхъ оно стоило непосредственно, *или же* персидскій коверъ, котораго оно мнѣ стоило посредственно, но я никакъ не могу считать таковой *одновременно* и зоо гульденовъ и коверъ. Точно такъ же нашъ поселянинъ можетъ считать жертвой, которой ему стоило приобрѣтеніе трехъ рыбъ, или непосредственно затраченный рабочій день или же посредственно пожертвованныхъ трехъ зайцевъ—если угодно, ихъ потребленіе,—но ни въ коемъ случаѣ онъ не можетъ считать таковой одновременно рабочій день *и* потребленіе зайцевъ.—Мнѣ кажется, это ясно.

Но для нашего поселянина на ряду съ тѣми занятіями, которыя вознаграждаютъ его за затраченный рабочій день немедленно, еще въ тотъ же день, были открыты и такія занятія, которыя даютъ результаты только впоследствии. Онъ могъ бы, напр., сѣять пшеницу, плоды которой онъ можетъ получить только по истеченіи года; онъ могъ бы сажать фруктовыя деревья, плоды которыхъ онъ можетъ получить только по истеченіи десяти лѣтъ. Допустимъ, онъ выбираетъ послѣднее: какую жертву приносить онъ для созданія фруктовыхъ деревьевъ, если опять-таки не считать земли и минимальной порчи орудій?

Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Опять-таки *одинъ рабочій день*, и только. Или, если кто-либо предпочитаетъ посредственный расчетъ, то онъ, вмѣсто рабочего дня, можетъ принять въ расчетъ тотъ результатъ, котораго онъ могъ бы достигнуть путемъ другого примѣненія такового, напр., непосредственно потребленіе трехъ рыбъ, трехъ зайцевъ или корзины плодовъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ опять-таки кажется очевиднымъ, что, считая жертвою потребленіе, котораго можно было бы

достичь путемъ затраченнаго труда, нельзя одновременно считать жертвой ни одного атома труда; и, наоборотъ, считая жертвой трудъ, нельзя одновременно считать жертвой ни одного атома потребления, котораго можно было бы достичь при другой затратѣ труда. Если мы поступили бы такъ, то мы получили бы двойной счетъ, который такъ же невѣренъ, какъ если бы въ предыдущемъ примѣрѣ издержки путешествія опредѣлялись одновременно, какъ тѣми зоо гульденами, которыхъ оно стоило на самомъ дѣлѣ, такъ и персидскимъ ковромъ, который можно было бы приобрести на эти зоо гульденевъ.

Такой недопустимый двойной счетъ допустилъ *Сеніоръ*. Правда, онъ допустилъ его не въ такой грубой формѣ, что на ряду съ трудомъ принималъ въ расчетъ всѣ другія потребления, которыхъ можно было бы достичь при посредствѣ того же труда; однако, принимая въ расчетъ отдѣльно *отсрочку* потребления, воздержаніе отъ потребления на ряду съ трудомъ, онъ перешагнулъ границу дозволеннаго. Ясно вѣдь, что въ жертвѣ труда заключается уже жертва *всѣхъ* тѣхъ выгодъ, которыхъ можно было бы достичь при посредствѣ другого примѣненія труда, *всѣхъ* выгодъ, не исключая ни одного изъ частныхъ или второстепенныхъ отбѣнковъ таковыхъ, которые, можетъ быть, находятся въ связи съ основной выгодой. Кто жертвуетъ зоо гульденами въ пользу путешествія, тотъ приноситъ въ жертву и персидскій коверъ, который онъ могъ приобрести на эти деньги, и удовольствіе, которое онъ получалъ бы отъ ковра, и, между прочимъ, ту особенную выгоду, которая заключалась бы въ продолжительности этого владѣнія и пользованія, не на ряду съ зоо гульденами, а *въ* нихъ самихъ. Точно такъ же и крестьянинъ, жертвующій въ 1900-омъ году однимъ рабочимъ днемъ на посадку деревьевъ, которыя дадутъ плоды въ 1910-омъ году, приноситъ въ жертву и три рыбы, которыя онъ могъ бы приобрести на этотъ рабочій день, и то особенное удовольствіе, которое доставляетъ ему вкусъ рыбы, и ту выгоду, которая вытекаетъ изъ того, что уже въ 1900-омъ году онъ можетъ приобрести ея потребление, именно *въ* этомъ рабочемъ днѣ, а не на ряду съ нимъ. Принимать въ расчетъ отдѣльно отсрочку потребления—значитъ предъявлять двойной счетъ.

Смѣю надѣяться, что съ этими разсужденіями большинство моихъ читателей согласно. Тѣмъ не менѣе я этого вопроса еще не могу считать исчерпаннымъ. Нельзя отрицать того, что взгляды *Сеніора* имѣютъ въ себѣ что-то необыкновенно

подкупающее, и если представить себѣ случай, взятый въ нашемъ примѣрѣ, въ свѣтѣ, наиболѣе выгодномъ для точки зрѣнія *Сеніора*, то онъ, на первый взглядъ, представляетъ собою необыкновенно убѣдительный аргументъ противъ меня и въ пользу *Сеніора*. Съ этимъ аргументомъ я долженъ еще считаться.

Проведемъ параллель слѣдующимъ образомъ. Если я затрачу сегодняшній рабочій день на ловлю рыбъ, то эти рыбы стоятъ мнѣ одного рабочаго дня. Это ясно. Но если я затрачу сегодняшній рабочій день для насажденія фруктовыхъ деревьевъ, которыя принесутъ плоды только по истеченіи десяти лѣтъ, то я не только затратилъ одинъ рабочій день—сверхъ того я долженъ еще ждать результатовъ моего труда въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, что мнѣ стоитъ, можетъ быть, большого самообладанія и большихъ душевныхъ страданій. Такимъ образомъ, кажется, что я въ самомъ дѣлѣ приношу жертву, превышающую одинъ рабочій день: именно, день тяжелаго труда + тяжесть десятилѣтней отсрочки потребленія.

Какъ ни убѣдителенъ этотъ выводъ, все же онъ покоится на ложномъ основаніи. Прежде всего я на нѣсколькихъ слѣдствіяхъ покажу, что здѣсь въ самомъ дѣлѣ кроется ошибка, а затѣмъ выясню, гдѣ ея причина. Это послѣднее объясненіе дастъ мнѣ возможность разсмотрѣть весь этотъ вопросъ съ принципиальной точки зрѣнія.

Представимъ себѣ слѣдующій случай. Я цѣлый день занятъ насажденіемъ фруктовыхъ деревьевъ въ ожиданіи, что они дадутъ мнѣ плоды по истеченіи десяти лѣтъ. Въ слѣдующую ночь настанетъ непогода и совершенно разрушаетъ молодую плантацію. Какъ велика жертва, которую я принесъ напрасно?—Я полагаю, каждый скажетъ: потерянный рабочій день, и только. И вотъ я спрашиваю: увеличивается ли моя жертва отъ того, что непогоды нѣтъ, и что деревья дадутъ плоды по истеченіи десяти лѣтъ безъ всякаго дальнѣйшаго содѣйствія съ моей стороны? Приношу ли я болѣшую жертву, если при затратѣ одного рабочаго дня я долженъ въ теченіе десяти лѣтъ ждать результатовъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если—при затратѣ того же рабочаго дня—я по причинѣ губительной непогоды долженъ ждать результатовъ *ad infinitum*? Положительный отвѣтъ немислимъ. А между тѣмъ *Сеніоръ* это допускаетъ: во второмъ случаѣ жертва исчерпывается однимъ рабочимъ днемъ; въ первомъ же она опредѣляется однимъ рабочимъ днемъ плюсъ десятилѣтнее воздержаніе отъ потребленія, слѣдовательно, она больше!

Какой странный видъ приобрѣла бы, согласно *Сеніору*, прогрессія величинъ жертвы при возрастающей отсрочкѣ потребленія! Если трудъ оплачивается немедленно, то жертва равняется только затраченному труду. Если трудъ оплачивается по истеченіи года, то жертва=труду+годъ воздержанія. Если вознагражденіе получается черезъ два года, то жертва=труду+два года воздержанія. Если вознагражденіе получается черезъ двадцать лѣтъ, то жертва равняется труду + двадцать лѣтъ воздержанія. А что будетъ, если вознагражденіе не получится никогда? Не должна ли тогда жертва воздержанія возрасти до наибольшей мыслимой величины, до безконечности, и составить высшій предѣлъ прогрессіи?—Нѣтъ! здѣсь жертва воздержанія падаетъ до нуля, жертвой называется *только* трудъ, и общая жертва не наибольшая, и наименьшая во всемъ рядѣ!

По моему мнѣнію, эти результаты, какъ нельзя яснѣе, доказываютъ, что во всѣхъ случаяхъ единственная настоящая жертва заключалась въ затраченномъ трудѣ; если же мы считаемъ себя обязанными признать на ряду съ этой жертвой еще другую—отсрочку потребленія, то мы, должно быть, были введены въ заблужденіе какимъ-то обманчивымъ представленіемъ.

Что же является причиною такого—я съ этимъ согласенъ—весьма возможнаго заблужденія?

Источникомъ этого заблужденія является просто то, что время, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ собою весьма немаловажный моментъ. Оно обнаруживаетъ только свое дѣйствіе въ нѣсколько иномъ направленіи, чѣмъ это полагаютъ *Сеніоръ* и большинство неспециалистовъ. Время не представляетъ собою элемента второй самостоятельной жертвы—оно имѣетъ значеніе при опредѣленіи *величины единственной*, дѣйствительно принесенной жертвы. Для того, чтобы вполнѣ это выяснить, я долженъ начать нѣсколько издали.

Сущность всѣхъ хозяйственныхъ жертвъ, которыя мы приносимъ, заключается въ нѣкоторомъ пониженіи уровня нашего благополучія; величина этихъ жертвъ измѣняется степенью этого пониженія уровня нашего благополучія. Это пониженіе можетъ быть двоякаго рода: оно можетъ быть или *положительнымъ*, если мы беремъ на себя положительныя страданія, боль или усилія, или же *отрицательнымъ*, если мы лишаемся удовольствія или удовлетворенія, которое мы могли бы себѣ доставить. Въ большинствѣ хозяйственныхъ жертвъ, которыя мы приносимъ для опредѣленной полезной цѣли, имѣютъ мѣсто только лишенія *одного* рода:

величина принесенной жертвы здѣсь опредѣляется весьма просто. Если, напр., я для какой-нибудь полезной цѣли израсходую *деньги*, допустимъ 300 гульденовъ, то моя жертва опредѣляется прямо размѣромъ благополучія, которое я могъ бы получить путемъ другого примѣненія этихъ 300 гульденовъ, благополучія, котораго я теперь лишень.

Не такъ обстоитъ дѣло съ жертвой „трудъ“. Въ трудѣ съ хозяйственной точки зрѣнія слѣдуетъ различать двѣ стороны. Съ одной стороны, (какъ это понимаетъ большинство людей) онъ представляетъ собою напряженіе, соединенное съ положительнымъ страданіемъ, съ другой стороны, онъ представляетъ собою средство для достиженія самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Кто, слѣдовательно, затрачиваетъ трудъ для опредѣленной полезной цѣли, тотъ, съ одной стороны, приноситъ положительную жертву, выражающуюся въ страданіи, а, съ другой, отрицательную жертву въ видѣ тѣхъ другихъ цѣлей, которыхъ можно было бы достигнуть при помощи того же труда. Теперь вопросъ заключается въ томъ, какимъ образомъ можно правильно опредѣлить величину жертвы, принесенной для конкретной полезной цѣли.

Нужно принять во вниманіе ту степень наслажденія или страданія, которую мы ощущали бы, если бы мы затратили трудъ не для нашей конкретной полезной цѣли, а для какой-либо другой рациональной цѣли. Разность, очевидно, представляетъ собою ту потерю благополучія, которой намъ стоила наша полезная цѣль. Если мы будемъ руководствоваться этимъ методомъ опредѣленія разности въ различныхъ случаяхъ, то мы легко убѣдимся, что жертва, приносимая затратой труда, измѣряется или положительными страданіями или же отрицательной потерей наслажденія, но никогда не тѣмъ и другимъ одновременно.

Все сводится къ тому, *можемъ ли мы при помощи рабочаго дня, затраченнаго на какую-либо иную цѣль, достичь наслажденія, которое превышало бы то страданіе, которое причиняетъ намъ трудъ одного рабочаго дня, или нѣтъ*. Допустимъ, что мы осязаемъ тяжесть рабочаго дня въ видѣ страданія, величину котораго можно обозначить относительнымъ числомъ 10; мы фактически тратимъ рабочей день на ловлю трехъ рыбъ, которыя доставляютъ намъ наслажденіе, соотвѣтствующее относительному числу 15; и если мы желаемъ узнать величину жертвы, которой стоитъ намъ приобрѣтеніе трехъ рыбъ, то мы должны рѣшить, имѣемъ ли мы возможность при помощи того же рабочаго дня

приобрѣсти другое наслажденіе, превышающее относительное число 10, или же нѣтъ, если мы не затратимъ этого времени на ловлю рыбъ. Если мы *не имѣемъ* этой возможности, то, очевидно, мы предпочтемъ совсѣмъ ничего не дѣлать. Стоимость нашихъ трехъ рыбъ въ данномъ случаѣ опредѣляется *тяжестью труда, выраженной числомъ 10*, которой мы себя подвергаемъ изъ-за рыбъ, и которой мы *не* подвергали бы себя въ противномъ случаѣ. О потерѣ другихъ наслажденій здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ мы вообще не имѣли возможности приобрести таковыя.—Если же мы имѣемъ возможность и помимо рыбной ловли при помощи одного рабочаго дня приобрести наслажденіе, превышающее относительное число 10, если, напр., мы имѣемъ возможность при помощи одного дня охоты приобрести трехъ зайцевъ, цѣнностью въ 12, то мы, конечно, ни въ коемъ случаѣ не сидѣли бы сложа руки, не ловили бы рыбъ, а отправились бы на охоту. Дѣйствительную стоимость нашихъ рыбъ представляетъ собою теперь *не* положительная тяжесть труда, выраженная числомъ 10,—ибо отъ такового мы вообще не отказались бы—*а выраженная числомъ 12 отрицательная потеря наслажденія благами*, которое мы имѣли возможность приобрести.—Но, конечно, потерю наслажденія и тяжесть труда мы не имѣемъ права принимать въ расчетъ *одновременно*: если, съ одной стороны, вѣрно, что, отказавшись отъ рыбной ловли, мы не могли бы избѣгнуть тяжести труда, если бы хотѣли приобрести наслажденіе дичью, то, съ другой стороны, невѣрно, что, отправляясь на рыбную ловлю, мы, *благодаря таковой*, лишились бы обѣихъ выгодъ.

На основаніи сказаннаго, мы можемъ вывести одно общее правило, которое довольно часто и съ увѣренностью примѣняется въ практической жизни, и которое можетъ быть сформулировано въ слѣдующихъ словахъ: *если мы затрачиваемъ трудъ для известной полезной цѣли, то принесенная жертва всегда опредѣляется на основаніи того изъ двухъ соответственныхъ лишеній благополучія, которое превышаетъ по величинѣ другое,—на основаніи тяжести труда, если было невозможно приобретение какого-либо другого, больше сильнаго наслажденія, на основаніи послѣдняго, если оно было возможно, но никогда на основаніи того и другого одновременно.*—Такъ какъ въ современной хозяйственной жизни для большинства людей обыкновенно существуетъ не только возможность, но и необходимость примѣнять свой трудъ въ цѣляхъ приобретения, то первый изъ двухъ упо-

мянутыхъ случаевъ имѣеть мѣсто лишь сравнительно рѣдко и въ исключительныхъ случаяхъ: слѣдовательно, въ настоящее время мы въ громадномъ большинствѣ случаевъ опредѣляемъ жертву труда *не на основаніи тяжести такового, а на основаніи ускользнувшей выгоды* ¹⁾.

Теперь я достигъ, наконецъ, той области, въ которой можно доказать дѣйствительное вліяніе момента времени на величину жертвы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы, при прочихъ одинаковыхъ обстоятельствахъ, предпочитаемъ настоящее потребление будущему—я здѣсь не буду касаться того, почему это такъ. Если поэтому выборъ между затратой средства удовлетворенія, напр., труда, для удовлетворенія настоящей потребности и затратой такового для удовлетворенія будущей потребности будетъ зависѣть отъ насъ, то привлекательность немедленнаго потребления не позволитъ намъ остановиться на будущихъ выгодахъ. *А если мы все-таки отдадимъ предпочтеніе послѣднимъ, то, въ виду того, что мы измѣряемъ величину соответствующей жертвы по величинѣ ускользнувшей пользы, привлекательность настоящаго, присущая таковой, окажетъ свое вліяніе, и жертва будетъ казаться намъ болѣе тяжелой, чѣмъ она намъ казалась бы въ противномъ случаѣ.* Второй жертвы мы здѣсь не приносимъ. Выбираемъ ли мы одну изъ двухъ настоящихъ выгодъ или одну изъ двухъ будущихъ, или выбираемъ ли мы между настоящей и будущей выгодой,—мы всегда приносимъ только одну жертву—*трудъ*. Но такъ какъ, согласно сказанному, мы по общему правилу измѣряемъ величину жертвы по величинѣ ускользнувшей выгоды, то при этой оцѣнкѣ мы принимаемъ во вниманіе и привлекательность болѣе ранняго удовлетворенія, которая способствуетъ тому, что эта одна жертва оцѣнивается выше. Таково дѣйствительное положеніе вещей, которое, однако, *Сеніоръ* изложилъ ошибочно въ своей теоріи ²⁾.

¹⁾ Ср. по этому вопросу мое сочиненіе „Der letzte Masstab des Güterwertes“ въ *Zeitschrift für Volkswissenschaft, Socialpolitik und Verwaltung* III-ій томъ, стр. 185 и сл. и, въ особенности, стр. 201 и сл., а также главу о цѣнности во второмъ томѣ этого сочиненія.

²⁾ Моментъ времени—отсрочка потребления—не можетъ составлять второй самостоятельной жертвы и въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда жертва труда измѣряется на основаніи его *тяжести*. Дѣло въ томъ, что оцѣнка по тяжести труда, какъ мы видѣли, имѣеть мѣсто только въ томъ случаѣ, если эта тяжесть превышаетъ всякую другую пользу, получаемую при помощи труда,—включая всю привлекательность настоящаго, присущаго таковой,—и если, слѣдовательно, приходится выбирать только между конкретною будущей полезной

Я попрошу у читателя извиненія въ томъ, что я посвятилъ такъ много мѣста этимъ отвлеченнымъ разсужденіямъ. Но эти разсужденія представляютъ собою самый важный теоретическій аргументъ противъ ученія, заслуживающаго серьезнаго вниманія, ученія, которое до сихъ поръ часто уже отрицали, но котораго, на мой взглядъ, никто еще не опровергъ; что же касается меня, то я считаю меньшей погрѣшностью слишкомъ уже подробное изслѣдованіе какого-либо положенія до произнесенія приговора, чѣмъ осужденіе безъ всякаго изслѣдованія.

Теорія воздержанія *Сеніора* приобрѣла большую популярность среди экономистовъ, сочувствующихъ проценту, но не столько, кажется, по причинѣ ея относительныхъ теоретическихъ достоинствъ, сколько потому, что она шла навстрѣчу потребностямъ времени, нуждавшася въ опорѣ для подвергающагося жестокимъ нападеніямъ процента на капиталъ. Я прихожу къ этому заключенію на основаніи того своеобразнаго обстоятельства, что громадное большинство позднѣйшихъ представителей этой теоріи не признавало

цѣлю, на которую трудъ въ самомъ дѣлѣ и былъ направленъ, и между полнымъ спокойствіемъ. Но такъ какъ здѣсь и рѣчи не было о другомъ, болѣе раннемъ потребленіи благъ, то такое никакъ уже не можетъ быть элементомъ оцѣнки жертвы.—Противоположное мнѣніе *Мэкферлена* (*Value and distribution* стр. 179), который принципиально считаетъ себя въ правѣ и даже обязаннымъ считать жертвой тяжесть, сопряженную съ трудомъ, и сверхъ того еще „an additional allowance“ за отсрочку потребленія, на мой взглядъ, прямо-таки не выдерживаетъ критики; см. также разборъ теоріи процента *Маршалла* въ приложеніи къ этому тому.—Наконецъ, въ первомъ изданіи настоящаго сочиненія я вывелъ еще одно возраженіе противъ теоріи воздержанія *Сеніора* изъ того, что теорія процента *Сеніора* вставлена въ теорію цѣнности издержекъ производства, которая, какъ извѣстно, можетъ быть справедливой только для вѣкоторой части благъ, а именно, для благъ, свободно воспроизводимыхъ, вслѣдствіе чего его теорія процента не можетъ быть общей, а только частной. Принимая во вниманіе, что свойственная данной странѣ процентная норма устанавливается какъ разъ въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя открыты для тенденціи нивелированія цѣны, я считаю себя въ правѣ не приводить больше этого возраженія, слѣдуя и здѣсь примѣру *Мэкферлена* (о. с. стр. 181). Это возраженіе, впрочемъ, съ моей точки зрѣнія, никогда не представляло собою „most serious objection“, какимъ оно представляется *Мэкферлену* (о. с. стр. 224): оно было только второстепеннымъ возраженіемъ; и тогда, какъ и теперь, я вижу самый убѣдительный доводъ противъ теоріи воздержанія въ недопустимости, какъ по существу, такъ и съ точки зрѣнія логики вторичнаго зачета уже зачтеннаго фактора, содержащагося въ другомъ элементѣ издержекъ,—логическая ошибка въ родѣ той, которую я уже отмѣтилъ въ теоріи пользованія, считающей отдѣльнымъ факторомъ пользование благомъ, въ сущности уже заключающееся въ его цѣнности.

ея въ чистомъ видѣ, а соединяло только эклектически элементы теоріи воздержанія съ другими теоріями, сочувствующими проценту. Этотъ фактъ указываетъ, съ одной стороны, на извѣстное пренебреженіе строго теоретическимъ моментомъ, который грубо нарушался пестрымъ накопленіемъ противорѣчивыхъ объясненій, и, съ другой стороны, на предпочтеніе, отдаваемое практически - политической точкѣ зрѣнія, для которой было желательно выставленіе какъ можно большаго числа аргументовъ въ пользу законности процента, будь это даже въ ущербъ теоретическому единству и послѣдовательности.

Съ большинствомъ приверженцевъ теоріи воздержанія *Сеніора* мы встрѣтимся впоследствии, между эклектиками. Теперь же я назову только изъ англичанъ *Джемса Стюарта Милля* и остроумнаго *Джевонса*, изъ французовъ—*Росси*, *Моллиари* и *Жозэ Гарнпэ*, изъ нѣмцевъ—прежде всего *Рошера* съ его многочисленными приверженцами, затѣмъ *Шюца* и *Макса Вирта*.

Изъ писателей, сохранившихъ теорію воздержанія въ болѣе чистомъ видѣ, заслуживаютъ вниманія развѣ англичанинъ *Кернсъ*, который въ общемъ стоитъ на точкѣ зрѣнія *Сеніора* въ своей остроумной статьѣ объ издержкахъ производства ¹⁾; швейцарецъ *Шербюліэ* ²⁾, который, называя процентъ вознагражденіемъ за „трудъ воздержанія“ (les efforts de l'abstinence), стоитъ какъ бы на рубежѣ теоріи воздержанія и оригинальнаго видоизмѣненія трудовыхъ теорій, съ которыми мы познакомимся ближе въ слѣдующей главѣ; итальянецъ *Воллемборгъ*, который недавно далъ остроумное изслѣдованіе природы издержекъ производства по примѣру *Сеніора* и *Кернса* ³⁾, и нѣмецъ *Карлъ Дитцель*, который, правда, затрагиваетъ эту проблему только между прочимъ и поверхностно ⁴⁾.

¹⁾ Some leading Principles of Political Economy 1874 (новое изданіе, Лондонъ 1883 г.) Гл. III.

²⁾ Précis de la Science Economique, Парижъ 1862 г.; въ особенности томъ I, р. р. 161, 402 и слѣд.

³⁾ Intorno al costo relativo di produzione и т. д. Болонья 1882 г.

⁴⁾ System der Staatsanleihen, Гейдельбергъ 1855 г., стр. 48: „Человѣкъ, ссужающій другого капиталомъ, обосновываетъ свои права на вознагражденіе за уступленное пользованіе капиталомъ отказомъ отъ затратъ собственной рабочей силы на данный предметъ, съ одной стороны, и отказомъ отъ непосредственнаго потребленія этого предмета или его цѣнности, съ другой. На этомъ и основывается процентъ на капиталъ, который, однако, въ данномъ мѣстѣ насъ больше не интересуетъ“.

Такъ какъ ни одинъ изъ этихъ писателей не обогатилъ теоріи воздержанія *Сеніора* ни одной новой существенной чертой, то я считаю излишнимъ подробно останавливаться на ихъ ученіи. Но я долженъ въ этой главѣ еще подробно остановиться на писателѣ, теорія котораго въ свое время надѣлала много шуму и еще въ настоящее время пользуется значительнымъ вліяніемъ,—я говорю о *Фредерикъ Бастіа*.

Теорію процента *Бастіа*, бывшую предметомъ продолжительныхъ споровъ, можно охарактеризовать, какъ весьма неудачную копию теоріи воздержанія *Сеніора*, втиснутую въ рамки теоріи цѣнности *Бастіа*. Основная мысль у того и другого одна и та же: отсрочка потребленія—*Сеніоръ* говорить „abstinence“, а *Бастіа* то „dela“, то „privation“—представляетъ собою жертву, требующую вознагражденія. Въ дальнѣйшемъ построеніи они нѣсколько расходятся.

Сеніоръ, который основываетъ цѣнность благъ на издержкахъ производства, называетъ эту жертву просто составной частью издержекъ производства и этимъ достигаетъ своей цѣли. *Бастіа*, который признаетъ основой цѣнности благъ исключительно обмѣненные „услуги“, называетъ услугой и отсрочку; отсрочка сама по себѣ является специальной услугой, такъ какъ она налагаетъ жертву на того, кто ее беретъ на себя, и приноситъ пользу тому, кто ее требуетъ ¹⁾. По великому закону общества, гласящему „услуга за услугу“, эта „услуга“ должна оплачиваться особо. Если капиталистъ отдалъ другому взаймы свой капиталъ, то это вознагражденіе получается въ видѣ ссуднаго процента (intérêt). Но эта услуга должна вознаграждаться не только въ случаѣ ссуды: всякій, кто получаетъ удовлетвореніе, долженъ взять на себя всѣ тяжести, которыхъ требуетъ данное производство, въ томъ числѣ и отсрочку. Отсрочка считается „тягостнымъ обстоятельствомъ“ и поэтому всегда является элементомъ оцѣнки услугъ, а, слѣдовательно, и образованія цѣнности благъ ²⁾.—Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность ученія *Бастіа*, которое онъ излагаетъ съ риторической подробностью и частыми повтореніями.

Я называю его ученіе неудачной копіей ученія *Сеніора*. Если не обращать вниманія на тѣ недостатки, которые присущи теоріи процента *Бастіа*, не какъ таковой, а только по причинѣ ея облаченія въ теорію цѣнности *Бастіа*—на мой

¹⁾ Harmonies Economiques (томъ VI oeuvres complètes) III-е изд. Парижъ 1855 г.; р. 210. Ср. также непосредственно предшествовавшія разсужденія р. р. 207—209 и вообще всю главу VII.

²⁾ VII, 213.

взглядъ, очень слабую—то это ухудшеніе проявляется главнымъ образомъ въ двухъ пунктахъ.

Во-первыхъ, оно проявляется въ томъ, что *Бастіа* сосредоточиваетъ свое вниманіе и свои доказательства почти исключительно на второстепенномъ фактѣ, на объясненіи договорнаго процента на капиталъ. Какъ въ своихъ „*Harmonies Économiques*“, такъ и въ своей монографіи „*Capital et gente*“, ¹⁾ специально посвященной проблемѣ процента, онъ приводитъ массу и весьма подробныхъ разсужденій для объясненія и оправданія ссуднаго процента. Для объясненія первичнаго процента на капиталъ онъ пользуется своей теоріей только одинъ разъ, и то мимоходомъ, а именно въ вышецитированномъ мѣстѣ (*Harmonies*, 3-е изданіе р. 213), которое далеко не удовлетворительно ни по своей ясности ни по своей подробности.

Слѣдствіемъ этого поверхностнаго отношенія является главнымъ образомъ то, что сущность основнаго мотива объясненія процента, жертвы отсрочки, у *Бастіа* представлена далеко не такъ ясно, какъ у *Сеніора*. *Бастіа* противопоставляетъ собственника капитала занимающему *должнику* и обыкновенно считаетъ жертвою перваго лишеніе его той производительной пользы, которую можно было бы извлечь изъ уступленнаго за промежуточное время капитала ²⁾. Это было бы вполнѣ правильно въ томъ случаѣ, если бы *Бастіа* имѣлъ въ виду только то объясненіе, которое въ свое время привелъ противъ канонистовъ *Сальмазій*, а именно, что требованіе процента на капиталы, отдаваемые въ наемъ, естественно и справедливо, разъ можно вообще получать первичную прибыль на капиталъ. Между тѣмъ ссылка на эту жертву, очевидно, совершенно недостаточна для *окончательнаго* объясненія самого первичнаго процента на капиталъ, а, слѣдовательно, и явленія процента вообще, ибо въ

¹⁾ Вышла въ 1849 г. *Oeuvres complètes*, 4-ое изд. V томъ, р. 22 и слѣдующіе.

²⁾ Si l'on pénètre le fond des choses, on trouve qu'en ce cas le cédant se prive en faveur du cessionnaire ou d'une satisfaction immédiate qu'il recule de plusieurs années ou d'un instrument de travail qui aurait augmenté ses forces, fait concourir les agents naturels, et augmenté, à son profit, le rapport des satisfactions aux efforts“. (VII. 209). „Il ajourne la possibilité d'une production“. „Je l'emploierai pendant dix ans sous une forme productive“ (XV, 445 и слѣд.). Въ томъ же духѣ онъ часто высказывается и въ произведеніи „*Capital et Rente*“; напр., р. 44, гдѣ *Жакъ*, изготовивъ стругъ, уступаетъ его *Вильгельму* на одинъ годъ и обосновываетъ свое право на полученіе процента слѣдующимъ образомъ: „J'en attendais un avantage, un travail plus achevé et mieux rétribué, une amélioration dans mon sort. Je ne puis te céder tout cela gratuitement“.

такомъ случаѣ существованіе первичнаго процента на капиталъ предполагается, какъ уже данный фактъ.

Для болѣе глубокаго объясненія процента на капиталъ можетъ, очевидно, имѣть значеніе только вторая жертва, на которую ссылается *Сеніоръ*, жертва, состоящая въ отсрочкѣ удовлетворенія потребностей. *Бастіа*, правда, также говоритъ объ этой жертвѣ, но включеніе той, первой жертвы дѣлаетъ его ученіе неяснымъ, неяснымъ не только для читателей, но, какъ мнѣ кажется, и для него самого. По крайней мѣрѣ въ его произведеніяхъ—въ особенности, въ его разсужденіяхъ о капиталѣ и рентѣ—мы находимъ не мало мѣстъ, въ которыхъ онъ, отрываясь отъ своей теоріи воздержанія, черезчуръ уже приближается къ точкѣ зрѣнія наивныхъ теоретиковъ производительности. Въмѣсто того, чтобы объяснить излишекъ цѣнности капиталистически произведеннаго продукта—въ часто цитируемомъ мѣстѣ своихъ „*Harmonies*“ онъ самъ указываетъ на этотъ путь—тѣмъ, что покупатели продукта должны по необходимости оплачивать на ряду съ трудомъ, овеществленнымъ въ продуктѣ, и „тягостное обстоятельство“ отсрочки потребленія, онъ нерѣдко находитъ естественнымъ, что капиталъ, *благодаря содержащейся въ немъ производительной силѣ*, долженъ содѣйствовать полученію прибыли на капиталъ 1). А это, какъ мы уже знаемъ, не объясненіе прибыли на капиталъ, а постулированіе таковой.

И, въ самомъ дѣлѣ, *Бастіа* уже не разъ обвинялся въ томъ, что онъ совершенно уклонился отъ основной задачи, т. е. отъ объясненія первичнаго процента на капиталъ; это обвиненіе, хотя и не совсѣмъ правильно, но легко объяснимо постѣ всего сказаннаго 2).

Это—первое ухудшеніе теоріи воздержанія по сравненію съ теоріей *Сеніора*. Второе ухудшеніе заключается въ томъ, что *Бастіа*, какъ это ни странно, помимо изложеннаго объ-

1) Такъ, напр., въ „*Capital et Rente*“ на стр. 40 *Бастіа* предполагаетъ, что занимаемый кулъ сѣменнаго хлѣба даетъ возможность должнику произвести *valeur supérieure*. На стр. 43 онъ выразительно подчеркиваетъ, что „основой разрѣшенія“ проблемы процента является *свойственная орудіямъ способность увеличивать производительность труда*. Далѣе на стр. 46 онъ говоритъ: „... nous pouvons conclure qu'il est dans la nature du capital de produire un intérêt; на стр. 54; „... l'outil met l'emprunteur à même de faire des profits“. Наконецъ, тенденція брошюры „*Capital et Rente*“, какъ видно изъ вступленія, заключается въ защитѣ „производительности капитала“ противъ нападеній социалистовъ.

2) Ср., напр., *Родбертусъ*. Zur Beleuchtung der sozialen Frage, I. 116, и слѣд.; *Пирсторффъ* о. с. стр. 202 и слѣд.

ясненія процента, даетъ еще второе, которое совершенно не вяжется съ первымъ и къ тому же, очевидно, невѣрно, такъ что для меня совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ *Бастія* представлялъ себѣ соотношеніе между этимъ вторымъ объясненіемъ и основнымъ.

Всякое производство, говоритъ *Бастія*, представляетъ собою совокупность усилій. Послѣднія, однако, подраздѣляются на двѣ существенно различныя категоріи. Одна категорія усилій содѣйствуетъ только производству одного отдѣльнаго продукта, оказанію одной отдѣльной услуги; другая же категорія способствуетъ производству неопредѣленнаго ряда продуктовъ или услугъ. Къ первой категоріи относятся, напр., ежедневныя усилія водовоза, которыя направлены непосредственно на доставку воды, или, въ области сельскаго хозяйства, усилія, направленные на сѣяніе, полотье, паханіе, бороньбу, уборку, молотьбу, т. е. усилія, относящіяся только къ одной отдѣльной жатвѣ. Ко второй же категоріи относится трудъ, который затрачиваетъ водовозъ на изготовленіе тачки и бочки, земледѣлецъ на огораживаніе, расчистку, осушеніе, постройки, вообще на улучшенія: всѣ эти работы, которыя, какъ говорятъ экономисты, ведутъ къ образованію основнаго капитала, приносятъ пользу цѣлому ряду покупателей или же цѣлому ряду жатвъ ¹⁾.

Затѣмъ *Бастія* задается вопросомъ, какимъ образомъ должны быть оцѣниваемы и вознаграждаемы обѣ эти категоріи усилій по великому закону „услуга за услугу“. Относительно первой категоріи это, на его взглядъ, разрѣшается весьма просто: относящіяся къ ней услуги должны быть вознаграждаемы цѣликомъ тѣми, кому онѣ принесутъ пользу. Но не такъ легко разрѣшается вопросъ по отношенію ко второй категоріи, ведущей къ образованію „основнаго капитала“, такъ какъ число лицъ, которымъ этотъ капиталъ принесетъ пользу, неопредѣленно. Если бы производитель сталъ требовать все вознагражденіе отъ *первыхъ* покупателей, то это было бы несправедливо, прежде всего несправедливо потому, что первымъ пришлось бы платить за послѣднихъ, а затѣмъ еще потому, что долженъ былъ бы наступить моментъ, когда производитель имѣлъ бы одновременно и неистраченный еще основнаго капиталъ и вознагражденіе за таковой ²⁾. Слѣдовательно,—заключаетъ *Бастія* съ недурнымъ логическимъ salto mortale—распредѣленіе между

¹⁾ VII. 214 и слѣд.

²⁾ VII. 216.

неопредѣленнымъ числомъ покупателей можетъ быть совершенно не въ формѣ распредѣленія самого капитала, а исключительно въ формѣ обложенія процентомъ на капиталъ; этотъ выходъ, на взглядъ *Бастиа*, является единственно мыслимымъ для разрѣшенія рассматриваемой проблемы ¹⁾ и, будучи непосредственно предложенъ „изобрѣтательнымъ“ естественнымъ общественнымъ механизмомъ, освобождаетъ насъ отъ необходимости замѣненія его искусственнымъ ²⁾.

Такимъ образомъ, *Бастиа* считаетъ процентъ формой, въ которой распредѣляется авансируемый капиталъ между продуктами: „C'est là, c'est dans cette répartition d'une avance sur la totalité des produits, qu'est le principe et la raison d'être de l'intérêt“ (VII, 205).

При чтеніи этихъ строкъ, я думаю, каждому бросается въ глаза, что *Бастиа* въ своемъ разсужденіи сдѣлалъ нѣсколько неимовѣрно грубыхъ ошибокъ. Во-первыхъ, грубой ошибкой является предположеніе, будто нѣтъ возможности распредѣлить основной капиталъ между покупателями. Каждый дѣлецъ знаетъ, что это возможно, и знаетъ также, что (и какъ) это дѣлается на практикѣ. Опредѣляется просто вѣроятная продолжительность существованія основного капитала, и, въ зависимости отъ этой оцѣнки, къ каждому отдѣльному періоду производства или къ каждому отдѣльному продукту причисляется соотвѣтственная доля порчи или амортизациі. Если покупатели въ покупной цѣнѣ готоваго товара оплачиваютъ и амортизационную долю основного капитала, то, очевидно, и „самый капиталъ“ распредѣляется между ними; онъ распредѣляется, правда, не съ абсолютной „справедливостью“, такъ какъ при опредѣленіи вѣроятной продолжительности существованія основного капитала, а также и при опредѣленіи основанной на этомъ амортизационной доли, можно впасть въ ошибку, но въ среднемъ послѣдовательные платежи покупателей въ самомъ дѣлѣ будутъ болѣе или менѣе соотвѣтствовать снашивающемуся капиталу.

Вторая грубая ошибка заключается въ предположеніи, что производители получаютъ процентъ на капиталъ *вмѣсто* самого капитала, не поддающагося распредѣленію: они вѣдь получаютъ, какъ это извѣстно всякому, въ амортиза-

¹⁾ „... et je défie qu'on puisse imaginer un telle répartition en dehors du mécanisme de l'intérêt“; VII, 217.

²⁾ „Reconnaissons donc que le mécanisme social naturel est assez ingénieux pour que nous puissions nous dispenser de lui substituer un mécanisme artificiel“ (р. 216 въ концѣ).

ціонныхъ доляхъ, съ одной стороны, основной капиталъ, а съ другой,—до тѣхъ поръ, пока часть послѣдняго еще не возвращена—*кромя того* и процентъ, который, слѣдовательно, вызывается совершенно иными причинами, чѣмъ амортизація капитала. Трудно понять, какъ *Бастіа* могъ ошибаться относительно такихъ простыхъ и общеизвѣстныхъ фактовъ.

Въ заключеніе я замѣчу еще, между прочимъ, что свой практическій законъ процента? заключающійся въ томъ, что съ ростомъ капитала увеличивается абсолютная величина доли капиталиста въ общемъ продуктѣ, и уменьшается его относительная доля, *Бастіа* позаимствовалъ у *Кэри* ¹⁾, и что въ теоретическихъ, не имѣющихъ никакой цѣнности, попыткахъ доказать этотъ „законъ“ онъ такъ же, какъ и *Кэри*, смѣшиваетъ понятія „процентной нормы общаго продукта“ и „процентной нормы капитала“ (=процентной нормѣ).

Что же касается ученія *Бастіа* въ цѣломъ, то, на мой взглядъ, оно далеко не заслуживаетъ того вниманія, которымъ оно пользовалось въ теченіе такого продолжительнаго времени, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ сферахъ.

¹⁾ О. с. р. 223.

Трудовая теорія.

Подъ этимъ названіемъ я обнимаю рядъ теорій, которыя сходятся въ томъ, что считаютъ процентъ на капиталъ вознагражденіемъ за *трудъ*, затраченный капиталистомъ.

Что касается природы „труда“, который, на взглядъ теоретиковъ разсматриваемаго нами направленія, обосновываетъ права капиталиста на вознагражденіе, то мнѣнія по поводу таковой въ значительной степени расходятся. Поэтому въ области трудовыхъ теорій я долженъ различать три самостоятельныя группы, которыя я—въ виду того, что сонмы приверженцевъ этихъ теорій случайно довольно рѣзко распредѣляются по націямъ,—буду называть *англійской*, *французской* и *нѣмецкой* группой.

А. Англійская группа.

Первая группа сводитъ объясненіе процента къ тому труду, при помощи котораго былъ произведенъ самъ капиталъ. Главными представителями этой группы являются *Джемсъ-Милль* и *Макъ-Куллохъ*.

Джемсъ-Милль ¹⁾ наталкивается на проблему процента въ ученіи о цѣнѣ благъ. Онъ высказалъ положеніе, что издержки производства регулируютъ мѣновую цѣнность благъ (р. 93). На первый взглядъ, составными частями издержекъ производства являются капиталъ и трудъ. Но такъ какъ—*Милль* это развиваетъ подробнѣе—самый капиталъ произведенъ трудомъ, то всѣ издержки производства сводятся исключительно къ труду: слѣдовательно, трудъ является единственнымъ регуляторомъ цѣнности благъ (р. 97).

¹⁾ Elements of Political Economy. Я цитирую по вышедшей въ 1844 году перепечаткѣ третьяго изданія 1826 года. Первые два изданія (1821 и 1824 г.г.), къ сожалѣнію, не были въ моемъ распоряженіи.

Но съ этимъ положеніемъ, на мой взглядъ, не гармонируетъ тотъ извѣстный, уже *Рикардо* разсмотрѣнный фактъ, что и отсрочка времени оказываетъ влияніе на цѣны благъ. Если, на примѣръ, въ одно и то же время бочка вина и 20 кулей муки производятся при помощи одного и того же количества труда, то къ концу этого времени они будутъ обладать одной и той же мѣновой цѣнностью. Но если собственникъ вина спрячетъ его въ погребъ, гдѣ оно и будетъ отстаиваться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то, по истеченіи этого времени, боченокъ вина будетъ обладать большей цѣнностью, чѣмъ 20 кулей муки, а именно большею на величину прибыли на капиталъ, соотвѣтствующей двумъ годамъ.

И вотъ *Джемсъ Милль* устраняетъ это нарушеніе своего положенія тѣмъ, что считаетъ самую прибыль на капиталъ вознагражденіемъ за трудъ, а именно вознагражденіемъ за *посредственный трудъ*. „Почему должна существовать прибыль на капиталъ“? спрашиваетъ онъ. „Здѣсь можетъ быть только *одинъ* отвѣтъ: прибыль—это вознагражденіе за трудъ, не за тотъ трудъ, который затрачивается на данное благо непосредственно, а за тотъ, который затрачивается на таковое посредственно, при помощи другихъ благъ, являющихся плодомъ труда“. Эта мысль поясняется затѣмъ опредѣленнѣе при помощи слѣдующаго разсужденія:

„У человѣка есть машина—продуктъ стодневнаго труда. Затрачивая машину, собственникъ, безъ сомнѣнія, затрачиваетъ трудъ, хотя и въ посредственномъ смыслѣ (*secondary sense*),—онъ вѣдь затрачиваетъ то, что можно было приобрести только при помощи труда. Допустимъ, что продолжительность существованія машины равняется ровно 10 годамъ. Тогда въ теченіе одного года затрачивается десятая часть продукта стодневнаго труда; по отношенію къ издержкамъ и цѣнности это то же, что и затрата 10-ти дней труда. За 100 дней труда, которыхъ стоитъ собственнику машина, послѣдній долженъ быть вознагражденъ по обычной нормѣ въ столько-то процентовъ въ годъ, т. е. десятилѣтнимъ годовымъ доходомъ, который по своей цѣнности равняется первоначальной цѣнности машины ¹⁾. *Изъ этого вытекаетъ(!)*, что прибыль является простымъ вознагражденіемъ

¹⁾ Авторъ, какъ это вытекаетъ изъ аналогичнаго мѣста на стр. 100, имѣетъ въ виду ежегодные доходы, возмѣщающіе первоначальную цѣнность машины по истеченіи 10-ти лѣтъ и дающіе вмѣстѣ съ тѣмъ процентъ по нормѣ, установившейся на рынкѣ.

за трудъ. Ее можно, не коверкая языка (?), даже почти не употребляя метафоры, называть заработной платой, заработной платой за тотъ трудъ, который выполняется не непосредственно человѣческими руками, а посредственно, при помощи орудій, которыя изготовила человѣческая рука. И если величина непосредственного труда измѣряется на основаніи величины заработной платы, то величину того другого, посредственного труда можно измѣрять на основаніи величины того вознагражденія, которое получаетъ капиталистъ“.

Джемсъ Милль увѣренъ, что этимъ онъ вполне удовлетворительно объяснилъ процентъ на капиталъ, не нарушивъ при этомъ цѣльности своего закона, что цѣнность благъ опредѣляется исключительно трудомъ. А между тѣмъ ясно, что ему не удалось ни то ни другое.

Я могу еще понять, что онъ считаетъ капиталъ накопленнымъ трудомъ, примѣненіе капитала — примѣненіемъ посредственного труда, а порчу машины постепеннымъ израсходованіемъ накопленнаго труда,—но я никакъ не могу понять, почему каждая доля накопленнаго труда оплачивается ежегоднымъ доходомъ, превышающимъ первоначальную цѣнность того же труда, доходомъ, содержащимъ въ себѣ именно первоначальную цѣнность труда плюсъ обычную процентную норму? Я могу еще понять, что вознагражденіе за капиталъ представляетъ собою вознагражденіе за посредственный трудъ,—но я никакъ не могу понять, почему посредственный трудъ вознаграждается по высшей нормѣ, чѣмъ непосредственный, такъ какъ этотъ послѣдній вознаграждается вѣдь только заработной платой, между тѣмъ какъ первый—доходомъ, превышающимъ заработную плату на величину процентной нормы. *Милль* не рѣшаетъ этого вопроса, а разсматриваетъ, какъ фактъ, то, что цѣнность капитала, въ зависимости отъ рыночной конкуренціи, равна цѣнности опредѣленной суммы доходовъ, уже заключающихъ въ себѣ процентъ, какъ будто онъ не взялся объяснить прибыль, а, слѣдовательно, и ту долю прибыли, которая заключается въ доходѣ.

Правда, онъ говоритъ въ видѣ объясненія: прибыль является вознагражденіемъ за трудъ. Но онъ сильно заблуждается относительно убѣдительности этого объясненія. Оно могло бы считаться болѣе или менѣе удовлетворительнымъ, если бы *Милль* могъ доказать, что существуетъ трудъ, который еще не получилъ нормальнаго вознагражденія, и который долженъ получить таковое только въ видѣ

прибыли; но оно ни въ коемъ случаѣ не удовлетворительно для объясненія роста вознагражденія за трудъ, который уже получилъ нормальное вознагражденіе въ видѣ амортизаціонныхъ суммъ, заключенныхъ въ доходахъ. Здѣсь все же остается открытымъ вопросъ, почему посредственный трудъ долженъ вознаграждаться выше, чѣмъ непосредственный, вопросъ, для рѣшенія котораго *Милль* не далъ ни малѣйшихъ указаній.

Къ тому же его искусственное построеніе не гармонируетъ даже съ его теоріей цѣнности: очевидно, законъ, что цѣна всѣхъ благъ опредѣляется на основаніи количества затраченнаго труда, грубо нарушается тѣмъ, что часть цѣны опредѣляется не на основаніи количества затраченнаго труда, а на основаніи *роста вознагражденія* за таковой. Такимъ образомъ, теорія *Милля* во всѣхъ отношеніяхъ далеко не достигла того, чего должна была достигнуть.—

Теорію, очень близкую къ теоріи *Милля*, далъ *Макъ-Куллохъ* въ первомъ изданіи своихъ „Principles of Political Economy“ (1825), но въ позднѣйшихъ изданіяхъ этого произведенія онъ отказался отъ нея. Я уже раньше, при случаѣ, изложилъ его теорію и въ настоящее время ничего не могу прибавить къ уже сказанному ¹⁾.—Наконецъ, болѣе бѣгло излагаютъ ту же точку зрѣнія еще англичанинъ *Ридъ* и нѣмецъ *Герстнеръ*, о которыхъ мнѣ придется еще говорить впоследствии, между эклектиками.

В. Французская группа.

Вторая группа послѣдователей трудовой теоріи считаетъ прибыль на капиталъ вознагражденіемъ за трудъ, заключающийся въ сбереженіи капитала (*travail d'épargne*). Эта теорія подробнѣе всего изложена *Курселль-Сенейлемъ* ²⁾. По

¹⁾ См. выше стр. 120 и слѣд. Что касается того, кто первый высказалъ эту точку зрѣнія—*Джемсъ Милль* или *Макъ-Куллохъ*,—то я приведу слѣдующія указанія, позаимствованныя мною изъ недавно вышедшей (въ 1894 году) „History of the theories of production and distribution“ *Эдвина Кэннана*. (р. 206—212). Первый разъ упоминаетъ объ основной идеѣ ихъ общей теоріи *Макъ-Куллохъ* въ своей статьѣ о Political Economy въ вышедшемъ въ 1823 году приложеніи къ Encyclopaedia Britannica, *Джемсъ Милль* представляетъ эту точку зрѣнія впоследствии болѣе подробно въ вышедшемъ въ 1824 году второмъ изданіи своихъ Elements; приведенныя въ текстѣ цитаты, нѣсколько отличныя отъ соответственныхъ мѣстъ второго изданія, взяты изъ третьяго изданія (1826 г.).

²⁾ Traité théorique et pratique d'Economie Politique, I, Paris 1858.

Курселль-Сенейлю существуетъ два рода труда: „трудъ мускуловъ“ и „трудъ сбереженія“ (р. 85). Это послѣднее понятіе онъ поясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Для сохраненія уже созданнаго капитала требуются постоянныя усилія предусмотрительности и бережливости, вызванныя соображеніями о будущихъ потребностяхъ; для того же, чтобы быть въ состояніи удовлетворить таковыя при помощи сбереженныхъ капиталовъ, слѣдуетъ воздержаться отъ немедленнаго ихъ потребленія. Въ этомъ „трудѣ“ заключается умственный актъ, „*rgévoir*“, и актъ воли—сбереженіе, воздержаніе въ теченіе извѣстнаго времени отъ потребленія“.

Конечно, на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ называть сбереженіе „*трудомъ*“. Это, по мнѣнію автора, объясняется тѣмъ, что люди обыкновенно приписываютъ преувеличенное значеніе явленіямъ физическаго міра. Между тѣмъ минутнаго размышленія достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что человѣку такъ же трудно (*répible*) воздерживаться отъ потребленія созданнаго блага, какъ и работать мускулами и головой для приобрѣтенія желаннаго блага, и что для сохраненія капиталовъ въ дѣйствительности требуется особенное, произвольное напряженіе ума и воли, требуется сознательный актъ, противодѣйствующій врожденной склонности человѣка къ лѣни и влеченію къ наслажденіямъ.—Авторъ старается сдѣлать этотъ ходъ мыслей еще болѣе убѣдительнымъ ссылкой на привычки дикихъ народовъ и кончаетъ его слѣдующимъ формальнымъ заявленіемъ: „Итакъ, мы по справедливости, а не въ метафорическомъ только смыслѣ смотримъ на сбереженіе, какъ на видъ промышленнаго труда, а, слѣдовательно, и какъ на производительную силу. Оно требуетъ усилія, правда чисто нравственнаго, но тѣмъ не менѣе тягостнаго, а потому оно, естественно, такой же трудъ, какъ и усиліе мускуловъ“.

И вотъ „трудъ сбереженія“ требуетъ вознагражденія такъ же, какъ и „трудъ мускуловъ“. Между тѣмъ какъ послѣдній вознаграждается при помощи „*salaire*“, первый получаетъ свое вознагражденіе въ видѣ „*intérêt*“, процента на капиталъ (318). *Курселль-Сенейль* старается объяснить, что это такъ и должно быть, и, въ особенности, что вознагражденіе за трудъ сбереженія должно быть вѣчно. Онъ это дѣлаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Желаніе потребленія, искушеніе къ потребленію есть сила, дѣйствующая постоянно; она можетъ быть остановлена только противопоставленіемъ ей другой силы, тоже постоянной. Ясно, что каждый потреблялъ бы возможно болѣе, если бы не было

въ его интересахъ (s'il n'avait pas intérêt) воздержаться отъ потребления. Онъ пересталъ бы воздерживаться, если бы исчезъ этотъ интересъ, который долженъ продолжаться непрерывно для того, чтобы постоянно сохранять капиталы: поэтому мы и говоримъ, что процентъ („l'intérêt“— обратите вниманіе на эту игру словъ!) есть вознагражденіе за трудъ сбереженія и воздержанія, безъ котораго капиталы не могли бы существовать, и который составляетъ необходимое условіе промышленной жизни“ (р. 322).

Величина этого вознагражденія опредѣляется на основаніи великаго закона предложенія и спроса: она зависитъ отъ желанія и умѣнія примѣнять капиталъ для воспроизводства, съ одной стороны, и отъ желанія и умѣнія сберегать капиталъ, съ другой.

Я полагаю, что всѣ старанія, которыя приложилъ авторъ для того, чтобы представить трудъ сбереженія въ свѣтѣ настоящаго труда, не въ состояніи изгладить той искусственности, которой отличается эта теорія. Непотребленіе имущества—вотъ трудъ, заграбленіе нетрудового процента на капиталъ—вотъ соотвѣтственное вознагражденіе за трудъ! Какая благодарная почва для критика, который, подобно *Лассалю*, хотѣлъ бы вліять на чувство и настроеніе читателя! Но вмѣсто того, чтобы голословно утверждать, что *Курселль* не правъ, я лучше постараюсь привести доказательства того, почему онъ неправъ.

Прежде всего очевидно, что теорія *Курселля* представляетъ собою не что иное, какъ нѣсколько съ внѣшней стороны отличное видоизмѣненіе теоріи воздержанія *Сеніора*. Вездѣ, гдѣ *Сеніоръ* говоритъ „воздержаніе“ или „жертва воздержанія“, *Курселль* говоритъ „трудъ воздержанія“; но по существу оба они пользуются основной идеей совершенно одинаково. Поэтому прежде всего по отношенію къ трудовой теоріи *Курселля* вѣрна добрая часть тѣхъ возраженій, которыя относятся къ теоріи воздержанія *Сеніора*, и въ силу которыхъ мы уже объявили таковую неудовлетворительной.

Но, кромѣ того, новая форма теоріи *Курселля* вызываетъ еще спеціальныя возраженія.

Конечно, вѣрно, что предусмотрительность и бережливость стѣять нѣкотораго нравственнаго усилія, но участіе труда въ предпріятіи, дающемъ доходъ, еще совѣмъ не даетъ права считать соотвѣтственный доходъ вознагражденіемъ за трудъ. Это было бы возможно, если бы можно было доказать, что доходъ, въ самомъ дѣлѣ, получается за

этотъ трудъ и *исключительно на основаніи этого труда*. А это, въ свою очередь, можно было бы утверждать въ томъ случаѣ, если бы доходъ существовалъ тамъ, гдѣ затрачивается трудъ, а не существовалъ тамъ, гдѣ трудъ не затрачивается, если бы онъ былъ великъ тамъ, гдѣ было затрачено много труда даннаго вида, а малъ тамъ, гдѣ было затрачено мало труда. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ и слѣда такой гармоніи между этой quasi-причиной процента на капиталъ и дѣйствительнымъ его существованіемъ: кто машинально отрѣзываетъ купоны отъ своего милліона или велитъ это дѣлать своему секретарю, тотъ получаетъ въ качествѣ „вознагражденія за трудъ“ десятки или сотни тысячъ гульденовъ; тотъ же, кто дѣйствительными усиліями предусмотрительности и воздержанія сберегъ 50 гульденовъ и помѣщаетъ ихъ въ сберегательную кассу, получаетъ только нѣсколько гульденовъ; наконецъ, тотъ, кто сберегъ съ такими же усиліями пятьдесятъ гульденовъ, но, въ виду предстоящихъ неминуемыхъ расходовъ, не можетъ рѣшиться передать таковыя въ чужія руки, не получаетъ совсѣмъ никакого „вознагражденія за трудъ“.

Почему же это такъ? Почему вознагражденіе бываетъ столь различно? Почему оно различно для различныхъ классовъ сберегающихъ и отлично отъ вознагражденія за трудъ мускуловъ? Почему „рабочій годъ“ владѣльцу 20-ти милліоновъ даетъ милліонъ гульденовъ, ремесленнику, который трудится, но не сберегаетъ ни гроша, 500 гульденовъ, а ремесленнику, который трудится и притомъ сберегаетъ 50 гульденовъ, даетъ за трудъ мускуловъ и трудъ сбереженія вмѣстѣ 502 гульдена? Теорія, считающая процентъ вознагражденіемъ за трудъ, должна бы, мнѣ кажется, нѣсколько точнѣе объяснить это. А между тѣмъ Курселль разрѣшаетъ щекотливый вопросъ о величинѣ процента просто общей ссылкой на „великій законъ“ предложенія и спроса.

Можно было бы безъ всякой ироніи сказать, что Курселль приблизительно съ такимъ же теоретическимъ правомъ могъ бы объявить причиной прибыли на капиталъ физическій трудъ заграбання процентовъ или отрѣзыванія купоновъ: вѣдь и это трудъ, затрачиваемый капиталистомъ, а если кто-либо нашелъ бы страннымъ, что на основаніи закона предложенія и спроса этотъ родъ труда вознаграждается такъ необыкновенно высоко, то это врядъ ли странное того, что интеллектуальный трудъ наслѣдника милліоновъ вознаграждается ежегодно нѣсколькими сотнями тысячъ гульденовъ. И если по отношенію къ этому послѣднему труду можно

утверждать, что число людей, имѣющихъ „желаніе и умѣніе“ сохранять миллионныя капиталы, такъ же необыкновенно мало, и что поэтому при существующемъ спросѣ на капиталы вознагражденіе за таковыя должно быть такъ велико, то съ такимъ же правомъ можно утверждать, что только такое незначительное число людей имѣетъ „желаніе и умѣніе“ получать процентъ въ сотни тысячъ. „Желанія“ едва ли не будетъ у кого-нибудь; что же касается „умѣнія“, то оно вѣдь въ обоихъ случаяхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ того, имѣетъ ли данное лицо счастье владѣть миллионнымъ достояніемъ или же нѣтъ.

Возможно, что найдутся такіе читатели, которыхъ не удовлетворяютъ еще эти разсужденія, и которые потребуютъ непосредственнаго опроверженія трудовой теоріи *Курселля*; для того, чтобы удовлетворить и ихъ, я приведу слѣдующій примѣръ. Допустимъ, что капиталистъ А ссужаетъ фабриканта В миллионномъ гульденовъ по 5-ти процентовъ на одинъ годъ. Допустимъ далѣе, что фабрикантъ затрачиваетъ этотъ миллионъ на производство и получаетъ при этомъ валовую прибыль въ 60.000 гульденовъ, изъ которыхъ онъ 50.000 уплачиваетъ А въ качествѣ процентовъ на ссуду, а 10.000 оставляетъ себѣ въ качествѣ предпринимательской прибыли. По мнѣнію *Курселля*, тѣ 50.000, которыя получаетъ А, представляютъ собою вознагражденіе за то, что онъ предвидѣлъ будущія потребности и противодѣйствовалъ искушенію немедленно потребить миллионъ актомъ воли, направленнымъ на воздержаніе отъ потребленія. Но развѣ В не затратилъ того же самаго труда, даже еще большаго? Развѣ и В, получивъ на руки ссуженный ему миллионъ, не подвергся тому же искушенію непосредственно его потребить? Развѣ онъ не могъ, на примѣръ, прокутить миллионъ и затѣмъ объявить банкротъ? Развѣ онъ не противодѣйствовалъ этому искушенію актомъ воли? Развѣ онъ своей предусмотрительностью и заблаговременной заботой о будущихъ потребностяхъ не сдѣлалъ еще больше, чѣмъ А? Вѣдь онъ не только имѣлъ въ виду, подобно А, будущія потребности вообще, но и далъ количеству благъ, находящемуся въ его распоряженіи, то примѣненіе, въ которомъ они, будучи обращены въ продукты, въ самомъ дѣлѣ становятся годными къ удовлетворенію будущихъ потребностей? Тѣмъ не менѣе А получаетъ за трудъ сохраненія своего миллиона 50.000 гульденовъ, а В, который затратилъ по отношенію къ этому миллиону тотъ же интеллектуальный и нравственный трудъ, притомъ еще въ большей степени, не получаетъ ничего,

ибо тѣ 10.000 гульденовъ, которые составляютъ его предпринимательскую прибыль, представляютъ собою вознагражденіе за совершенно другую дѣятельность.

Но, можетъ быть, кто-либо возразить, что В не *имѣлъ права* потребить миллионъ, потому что онъ не принадлежалъ ему, что, слѣдовательно, его сбереженіе не является заслугой, достойной вознагражденія. Но вѣдь заслуга въ этой теоріи не играетъ никакой роли. Вознагражденіе за сбереженіе велико, если велика сбереженная или накопленная сумма, совершенно независимо отъ того, требовало ли это сохраненіе большого или малаго нравственного труда. Должникъ В дѣйствительно сохранилъ миллионъ и преодолѣлъ искушенія потребить таковой—этого никакъ нельзя отрицать. Почему же онъ не получаетъ вознагражденія за сбереженіе?—Я полагаю, выводъ изъ этихъ фактовъ не можетъ подлежать сомнѣнію; онъ долженъ гласить: процентъ на капиталъ получаютъ не за затрату труда, а просто за *право собственности* на капиталъ; процентъ на капиталъ—не доходъ на трудъ, а *доходъ на имущество*.

Въ новѣйшія времена теорія *Курселля-Сенейля* нашла себѣ нѣсколько робкаго представителя въ лицѣ *Ковэса* 1).

Этотъ писатель, правда, излагаетъ ее, но излагаетъ ее не исключительно какъ теорію процента и притомъ такимъ способомъ и съ такими оговорками, которыя ясно доказываютъ, что онъ все же не находитъ построенія труда сбереженія не подлежащимъ сомнѣнію. „Такъ какъ сохраненіе капитала предполагаетъ напряженіе воли, а во многихъ случаяхъ и промышленныя или финансовыя комбинаціи извѣстной трудности, то можно было бы сказать, что оно представляетъ собою настоящій трудъ, который иногда не безъ основанія называли „travail d'épargne“ (I, p. 183). Въ другомъ мѣстѣ *Ковэсъ* старается устранить сомнѣніе, долженъ ли капиталистъ получать процентъ или нѣтъ, если принятъ во вниманіе, что ссуда не стоитъ ему труда, который могъ бы обосновать его право на процентъ; онъ говоритъ: „Въ ссудѣ нѣтъ труда, съ этимъ я согласенъ; но онъ заключается въ постоянномъ желаніи сохранить капиталъ и въ продолжительномъ воздержаніи отъ всякаго акта потребленія, пользованія относительно цѣнности, которую представляетъ собою капиталъ. Это не что иное, какъ трудъ сбереженія—выраженіе это можетъ показаться нѣсколько стран-

1) Précis du Cours d'Économie Politique, II изд., Парижъ 1831 и 1882 гг.

нимъ,—трудъ сбереженія, который вознаграждается въ видѣ процента. ¹⁾ Но на ряду съ этимъ объясненіемъ процента на капиталъ, у *Ковэса* мы встрѣчаемъ и другія объясненія, а именно ученіе о производительности капитала; въ виду этого намъ придется съ нимъ еще встрѣтиться между эклектиками.

Къ трудовой теоріи *Курселля* въ извѣстной степени примыкаетъ еще нѣсколько другихъ французскихъ экономистовъ, какъ *Шербюліз* ²⁾, который называетъ процентъ на капиталъ вознагражденіемъ за „efforts d'abstinence“ и *Жозз Гарніз* ³⁾, который вноситъ въ свое необыкновенно пестрое объясненіе явленія процента и характерное слово „трудъ сбереженія“. Но упомянутые писатели не развиваютъ подробнѣе этой точки зрѣнія.

С. Нѣмецкая группа.

Той же идеей, которая во Франціи послужила сюжетомъ для искусственной, детально разработанной теоріи процента, воспользовалась, хотя и болѣе свободно, выдающаяся группа нѣмецкихъ экономистовъ, группа „катедеръ-соціалистовъ“, какъ я ихъ просто буду называть, слѣдуя общепринятому словоупотребленію. Тѣмъ не менѣе трудовая теорія нѣмецкихъ катедеръ-соціалистовъ напоминаетъ собою французскій вариантъ той же теоріи только въ виду общей идеи, лежащей въ основѣ, какъ той, такъ и другой. Но развитіе этой основной идеи совершалось независимо отъ развитія той же идеи въ нѣмецкой литературѣ; независимо также и ея происхожденіе.

Провозвѣстникомъ нѣмецкой трудовой теоріи можетъ считаться *Родбертусъ-Ягцовъ*, который высказываетъ идею, лежащую въ ея основѣ, въ нѣсколькихъ, при случаѣ высказанныхъ, замѣчаніяхъ. Въ одномъ мѣстѣ *Родбертусъ* говоритъ о возможности такого состоянія общества, при которомъ, хотя и будетъ существовать частная собственность вообще, но не будетъ частной собственности, дающей ренту, и при которомъ, слѣдовательно, всѣ существующіе

¹⁾ II, p. 189. Ср. также I p. 236.

²⁾ См. выше стр. 330.

³⁾ Traité d'Économie Politique. 8 изд. Парижъ 1880 года, p. 552; le loyer „rémunère et provoque les efforts ou le travail d'épargne et de conservation“.

доходы будутъ трудовыми доходами въ видѣ жалованій или заработныхъ платъ. Такое состояніе возможно въ томъ случаѣ, если, съ одной стороны, средства производства, земля и капиталъ будутъ составлять совмѣстную собственность всего общества, и если, съ другой стороны, будетъ признаваться частная собственность по отношенію къ доходамъ, получаемымъ всякимъ, сообразно съ его трудомъ. Въ примѣчаніи къ этому разсужденію *Родбертусъ* замѣчаетъ, что въ хозяйственномъ отношеніи вообще надо относиться различно къ праву собственности на средства производства и къ праву собственности на доходы. „Для права собственности на доходъ съ хозяйственной точки зрѣнія достаточно уже, если онъ потребляется въ домашнемъ хозяйствѣ. Право же собственности на землю и капиталъ включаетъ въ себѣ и *нѣкотораго рода обязанность*, которая влечетъ за собою общественно-экономическія функціи, функціи, состоящія въ руководствѣ экономическимъ трудомъ и экономическими средствами даннаго народа, сообразно съ его національными потребностями, т. е. въ выполненіи того, что при предполагаемомъ состояніи общей собственности выполнялось бы національными должностными лицами. Слѣдовательно, самое выгодное объясненіе, которое съ этой точки зрѣнія можно дать рентѣ—какъ земельной рентѣ, такъ и прибыли на капиталъ,—будетъ заключаться въ томъ, что она замѣняетъ собою жалованья этихъ должностныхъ лицъ, что она представляетъ собою видъ жалованья, при которомъ должностное лицо съ матеріальной стороны сильно заинтересовано въ правильномъ выполненіи своихъ функцій“¹⁾.

Въ томъ же духѣ выражается *Родбертусъ* и въ другомъ мѣстѣ²⁾: для того,—говоритъ онъ—чтобы въ извѣстномъ производствѣ съ успѣхомъ руководить распредѣленіемъ операцій большого числа рабочихъ, необходимо не только знаніе, но и нравственная сила и дѣятельность. Такого рода услугъ рабочіе, занятые въ производствѣ, сами выполнять не могутъ, но онѣ все же абсолютно необходимы для національнаго производства. Поскольку поэтому капиталисты, землевладельцы и предприниматели выполняютъ такіа полезныя и необходимыя услуги, никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что за эти услуги они „могутъ требовать себѣ вознагражденія такъ же, какъ и всякій другой чловѣкъ за полезную

¹⁾ Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Creditnot des Grundbesitzes. Второе изданіе 1876 г. II. стр. 273 и слѣд.

²⁾ Sociale Frage, стр. 146.

услугу другого рода. Они, конечно, могут дѣлать это съ такимъ же правомъ, съ какимъ, напр., это дѣлаетъ министръ торговли и общественныхъ работъ, при условіи, конечно, что онъ выполняетъ свою обязанность“.

Самъ *Родбертусъ* ни въ коемъ случаѣ не намѣревался построить на этой идеѣ теорію процента на капиталъ, т. е. объясненіе того вида дохода капиталистовъ, который мы фактически наблюдаемъ на практикѣ. Напротивъ, онъ категорически отвергаетъ эту мысль, подчеркивая нѣсколько разъ, что нынѣшній процентъ на капиталъ отнюдь *не* носитъ характера такого вознагражденія за оказанную услугу, характера жалованья, получаемого путемъ „производнаго распредѣленія благъ“, а носитъ характеръ непосредственной доли національнаго продукта, реализующейся уже при „первоначальномъ распредѣленіи благъ“; причину этого явленія *Родбертусъ* усматриваетъ въ совершенно другихъ обстоятельствахъ, а именно въ насиліи надъ рабочими, основанномъ на правѣ собственности на землю и капиталъ ¹⁾.

Эта точка зрѣнія, бѣгло намѣченная *Родбертусомъ*, которой онъ, однако, нарочно не примѣнилъ по отношенію къ теоріи процента, впоследствии опять выдвигается нѣкоторыми выдающимися катедеръ-соціалистами и на сей разъ примѣняется къ проблемѣ процента болѣе подробно.

Прежде всего это было сдѣлано *Шеффле*. Уже въ третьемъ изданіи своего болѣе ранняго произведенія „Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft“ (1873 г.) онъ включаетъ въ формальное опредѣленіе процента взглядъ, что прибыль на капиталъ представляетъ собою вознагражденіе за услугу капиталиста. „Прибыль“—пишетъ онъ—„должна быть разсматриваема, какъ вознагражденіе, котораго имѣетъ право требовать предприниматель за *народо-хозяйственную функцію* самостоятельнаго хозяйственнаго сочетанія производительныхъ силъ посредствомъ спекулятивнаго примѣненія капитала“ ²⁾. Этотъ взглядъ повторяется и во многихъ другихъ мѣстахъ произведенія, и притомъ обыкновенно въ такихъ, въ которыхъ процентъ на капиталъ разсматривается болѣе широко. Въ одномъ мѣстѣ *Шеффле* даже защищаетъ его, какъ единственно правильный, противъ другихъ теорій процента, которыя онъ всѣ безъ исключенія отвергаетъ ³⁾. Однако, болѣе интимныя детали ученія о

¹⁾ Sociale Frage, стр. 75 и 146; см. также ниже, главу XII.

²⁾ II стр. 458.

³⁾ II стр. 459 и слѣд.

процентъ, какъ, напр., вопросъ о величинѣ процентной нормы и т. д., *Шеффле* выводитъ, какъ это ни странно, не на основаніи этой основной мысли, а на основаніи теоріи пользованія, которую онъ, правда, нѣсколько приблизилъ къ своей основной мысли благодаря той субъективной окраскѣ, которую онъ придаетъ понятію пользованія ¹⁾.

Въ его позднѣйшемъ произведеніи „*Bau und Leben des sozialen Körpers*“ взглядъ на процентъ, какъ на вознагражденіе за „функциональныя услуги“ („*functionelle Leistung*“) капиталиста, высказывается еще опредѣленнѣе. Этотъ взглядъ даетъ *Шеффле* возможность оправдать процентъ на капиталъ, по крайней мѣрѣ для настоящаго и для того времени, пока нѣтъ болѣе цѣлесообразной организаціи, и нельзя обойтись безъ дорого оплачиваемыхъ услугъ частныхъ капиталистовъ ²⁾. Но и теперь детали явленія процента объектируются не на основаніи этого взгляда, и теперь еще остаются въ силѣ нѣкоторыя черты теоріи пользованія, при чемъ понятіе пользованія послѣдней теперь стало къ тому же объективнымъ ³⁾. Такимъ образомъ, *Шеффле* выставляетъ основной мотивъ трудовой теоріи, но только основной: болѣе детальнаго развитія, какое далъ намъ *Курселль-Сенейль*, онъ намъ не даетъ.

Немногимъ дальше, но только немногимъ, пошелъ въ этомъ отношеніи *Вагнеръ*. И онъ считаетъ капиталистовъ „должностными лицами общества при созданіи національнаго фонда средствъ производства и примѣненіи такового“ ⁴⁾, а

¹⁾ См. выше, стр. 248 и слѣд.

²⁾ „Въ виду этого я, конечно, не могу согласиться съ безусловнымъ осужденіемъ капитала и прибыли на капиталъ, какъ съ безусловнымъ присвоеніемъ прибавочной цѣнности“ („*reine Mehrwert-Aneignung*“): функція, выполняемая въ настоящее время частнымъ капиталомъ, имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ капиталъ все же содѣйствуетъ, по какимъ бы то ни было мотивамъ, „предоставленію самому самому обмѣну“ (Родбертусъ; 2-ое изд. III, стр. 386). „Съ исторической точки зрѣнія капитализму можно придать большое значеніе, и процентъ на капиталъ можетъ быть оправданъ. Было бы нелѣпнымъ уничтожить процентъ, пока еще не изобрѣтена лучшая организація производства“. „Поэтому только тогда будетъ практически осудить процентъ на капиталъ, какъ присвоеніе „прибавочной цѣнности“, когда мы будемъ въ состояніи замѣнить народо-хозяйственныя услуги частнаго капитала нѣкоторой другой общественной организаціей, болѣе совершенной и „поглощающей меньше прибавочной цѣнности“ (III, стр. 422 и слѣд.).

³⁾ См. выше, стр. 249.

⁴⁾ *Allgemeine oder theoretische Volkswirtschaftslehre*, I часть, *Grundlegung*, 2-ое изданіе, Лейпцигъ и Гейдельбергъ 1879 г., стр. 40, 594.

прибыль на капиталъ—доходомъ, который они получаютъ за эту функцию, или, по крайней мѣрѣ, въ ней (стр. 594). Однако, усилія капиталистовъ, заключающіяся въ „созиданіи и примѣненіи частныхъ капиталовъ“, въ „дѣятельности сбереженія и распредѣленія капиталовъ“, онъ характеризуетъ болѣе опредѣленно, чѣмъ это сдѣлалъ *Шеффле*: онъ считаетъ таковыя настоящимъ „трудомъ“ (стр. 111, 592, 630), который составляетъ часть всѣхъ издержекъ, затрачиваемыхъ на производство благъ, а поэтому „конститутивный элементъ цѣнности“ (стр. 630). Какимъ образомъ этотъ элементъ содѣйствуетъ образованію цѣнности благъ, какимъ образомъ изъ его дѣятельности можно вывести пропорціональность процента и величины капитала, размѣръ процентной нормы и т. д.—этихъ вопросовъ *Вагнеръ* коснулся такъ же мало, какъ и *Шеффле*; и онъ, слѣдовательно, выставилъ только основной мотивъ трудовой теоріи, хотя и нѣсколько опредѣленнѣе, чѣмъ *Шеффле*.

Въ виду такого положенія дѣлъ, я не берусь категорически рѣшить, думали ли вообще катедеръ-соціалисты дать этимъ рядомъ мыслей теоретическое объясненіе процента на капиталъ, или же они хотѣли только дать соціально-политическое оправданіе таковаго. Въ пользу перваго мнѣнія говоритъ, во-первыхъ, включеніе трудового мотива въ формальное опредѣленіе процента на капиталъ; во-вторыхъ, то, что, по крайней мѣрѣ, *Вагнеръ* относится отрицательно ко всѣмъ другимъ теоріямъ процента, и если онъ не является сторонникомъ трудовой теоріи, то онъ оставилъ процентъ теоретически совершенно необоснованнымъ; наконецъ, то, что *Вагнеръ* выразительно называетъ „трудъ“ капиталиста составной частью издержекъ производства и „конститутивнымъ элементомъ цѣнности“, что, на мой взглядъ, можно объяснить только тѣмъ, что онъ считаетъ теоретической причиной явленія „прибавочной цѣнности“ затраченный капиталистомъ и требующій вознагражденія трудъ.

Въ пользу втораго мнѣнія—что катедеръ-соціалисты смотрѣли на „услуги“ капиталистовъ только какъ на причину, оправдывающую уже существующій процентъ на капиталъ, не желая при этомъ обсуждать его существованіе—говоритъ, во-первыхъ, почти полное отсутствіе детальныхъ теоретическихъ изслѣдованій; во-вторыхъ, то, что, по крайней мѣрѣ, *Шеффле* для объясненія деталей пользуется другой теоріей процента; наконецъ, то преобладающее значеніе, которое приписывается въ сочиненіяхъ группы катедеръ-

соціалистовъ политическому элементу передъ теоретическимъ ¹⁾).

Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ, я считаю цѣлесообразнымъ придать моимъ критическимъ замѣчаніямъ гипотетическую форму.

Если катедеръ-соціалисты путемъ ссылки на „трудъ“ капиталистовъ желаютъ дать только соціально-политическое оправданіе существованія процента на капиталъ, то ихъ разсужденія въ высшей степени цѣнны. Однако, болѣе основательное разсмотрѣніе этой стороны вопроса не входитъ въ составъ задачи, которую я себѣ поставилъ въ этой части моего произведенія.

Если же катедеръ-соціалисты путемъ такой ссылки желаютъ дать *теоретическое объясненіе* существованія процента на капиталъ, то я и на нѣмецкую вѣтвь трудовой теоріи долженъ распространить тотъ же приговоръ, который я произнесъ по поводу французскаго варианта, и объявить ее совершенно несостоятельной.—Въ теченіе историческаго развитія смѣшеніе соціально-политическаго оправданія процента съ теоретическимъ объясненіемъ такового имѣло мѣсто очень часто, и поэтому я считаю не лишнимъ разъ навсегда провести рѣзкую границу между тѣмъ и другимъ. Съ этой цѣлью я проведу параллель между тѣмъ и другимъ, параллель,

¹⁾ Послѣ того, какъ я написалъ приведенныя въ текстѣ строки (1884 г.), мои сомнѣнія были разрѣшены однимъ изъ означенныхъ авторовъ, который далъ выразительное объясненіе своихъ личныхъ взглядовъ. А именно, *А. Вагнеръ* заявилъ въ 3-емъ изданіи своего „Grundlegung“ (II часть, 1894 г., стр. 289 и слѣд., § 134), что въ соответствующихъ разсужденіяхъ онъ имѣлъ въ виду дать не теоретическое „объясненіе“ процента на капиталъ, а „обоснованіе“ такового въ смыслѣ „соціально-политическаго оправданія“. Что же касается теоретической стороны, то *Вагнеръ* считаетъ возможнымъ признать „въ общемъ удачнымъ“ мое, тѣмъ временемъ появившееся, объясненіе процента на основаніи „вліянія момента времени на оцѣнку благъ людьми“, но онъ подчеркиваетъ, что это мое теоретическое объясненіе еще не содержитъ непосредственнаго „оправданія и обоснованія частнаго капитала, какъ учрежденія правового порядка“; поэтому, говоритъ онъ, мое „объясненіе“ еще надо пополнить высказанными имъ взглядами, чтобы получить народо-хозяйственное обоснованіе и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ.—Я всецѣло соглашаюсь съ этимъ взглядами выдающагося изслѣдователя на соотношеніе моей и его теоріи.—Теоретическое положеніе, категорически отвергнутое *Вагнеромъ*, въ послѣднее время включилъ—такъ же категорически—въ свою теорію *Штольцманнъ* (*Die sociale Kategorie*, Берлинъ 1896 г., стр. 421 и слѣд.; см. о *Штольцманнѣ* и ниже, въ приложеніи); слѣдовательно, изложенныя въ текстѣ замѣчанія о „трудовой теоріи“, какъ таковой, и теперь не менѣе дѣйствительны, чѣмъ въ 1884-омъ году, независимо отъ объясненія, даннаго *Вагнеромъ*.

которая, надѣюсь, къ тому же дастъ мнѣ возможность доказать наглядно и несостоятельность трудовой теоріи.

Первое приобрѣтеніе земли всегда предполагаетъ извѣстныя усилія или затраты труда со стороны ея приобрѣтателя. Послѣдній долженъ былъ или расчистить землю или приложить извѣстныя усилія для ея захвата, усилія, которыя, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, были довольно велики, какъ, напр., если захвату земли предшествовали болѣе продолжительные поиски мѣста, годнаго для поселенія. Земельный участокъ даетъ теперь приобрѣтателю земельную ренту. Можно ли *объяснить* существованіе земельной ренты фактомъ первоначальной затраты труда? За исключеніемъ *Кэри* и немногихъ приверженцевъ его несостоятельныхъ взглядовъ, никто не смѣлъ утверждать этого. Этого никто и не можетъ утверждать, если онъ не закрываетъ глазъ на соотношеніе вещей. Ясно, какъ Божій день, что плодородная долина даетъ ренту не потому, что ея захватъ нѣкогда стоилъ труда, а каменистый склонъ горы не потому не даетъ ренты, что его захватъ совершился безъ всякаго труда. Неоспоримо также и то, что два участка земли, одинаково плодородные, одинаково удобно расположенные, даютъ одну и ту же ренту даже въ томъ случаѣ, если одинъ изъ нихъ, плодородный по самой своей природѣ, былъ захваченъ безъ особенныхъ усилій, между тѣмъ какъ другой былъ расчищенъ только благодаря большой затратѣ труда; очевидно, далѣе, и то, что 200 десятинъ земли даютъ вдвое большую ренту, чѣмъ 100 десятинъ не потому, что ихъ захватъ стоилъ вдвое большаго труда; очевидно, наконецъ, и то, что между ростомъ земельной ренты съ увеличеніемъ населенія и первоначальной затратой труда нѣтъ ничего общаго,—однимъ словомъ, разъ существованіе земельной ренты, а тѣмъ болѣе величина ея, нисколько не гармонируютъ съ существованіемъ и величиной труда, первоначально затраченнаго на захватъ земли, то въ трудѣ ни въ коемъ случаѣ нельзя искать принципа для объясненія явленія земельной ренты.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ вопросомъ, нельзя ли этой затратой труда *оправдать* существованіе земельной ренты. Въ этомъ отношеніи можно вполне основательно отстаивать ту точку зрѣнія, что тотъ, кто расчистилъ участокъ земли или же—въ качествѣ пионера культуры—впервые занялъ его, заслуживаетъ такого же постояннаго вознагражденія, какъ постоянны и тѣ выгоды, которыя этимъ доставлены человѣческому обществу; что тотъ, кто навсегда предоставилъ участокъ земли культурѣ, вполне законно и

справедливо получаетъ—также всегда—въ видѣ земельной ренты часть выручки съ такового. Я не утверждаю, чтобы эти соображенія *должны* были имѣть рѣшающее значеніе для института частной земельной собственности и покоящагося на немъ полученія земельной ренты частными лицами во всѣхъ случаяхъ, но при извѣстныхъ условіяхъ они, конечно, *могутъ* приобрести такое значеніе. Вполнѣ, напр., возможно, что колониальное правительство поступаетъ правильно, если, въ цѣляхъ ускоренія заселенія территоріи, оно предоставляетъ въ собственность земли, взятыя въ обработку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и право на постоянное полученіе земельной ренты въ видѣ преміи за трудъ расчистки и перваго захвата земли.—Такимъ образомъ, трудъ, затраченный первымъ приобретателемъ—владѣльцемъ, можетъ служить немаловажнымъ основаніемъ для *оправданія* земельной ренты и рѣшающимъ социально-политическимъ мотивомъ для ея введенія и сохраненія, но для *объясненія* таковой онъ абсолютно недостаточенъ.

Почти таково же отношеніе „дѣятельности сбереженія и распределенія“ капиталистовъ къ проценту на капиталъ. Если, съ одной стороны, въ этой дѣятельности видятъ наиболѣе дѣйствительное средство для образованія и цѣлесообразнаго примѣненія національнаго капитала достаточной величины, и если, съ другою стороны, нельзя ожидать того, чтобы эти средства были доставляемы частными лицами въ достаточномъ количествѣ, разъ они не могутъ ожидать за это постояннаго вознагражденія, то услуги капиталистовъ могутъ представлять собою вполнѣ убѣдительную причину для оправданія и рѣшающій законодательный мотивъ для введенія или сохраненія процента на капиталъ. Но можетъ ли существованіе процента на капиталъ и теоретически быть объяснено ссылкой на этотъ „трудъ“—это совершенно другою вопросомъ. Если бы это было возможно, то можно было бы также установить какое-либо постоянное соотношеніе между предполагаемымъ слѣдствіемъ, процентомъ на капиталъ, и его предполагаемой причиной, затратой труда капиталистомъ. Но такого соотношенія мы будемъ тщетно искать въ реальномъ мірѣ. Милліонъ даетъ процентъ въ 5000 гульденовъ, независимо отъ того, стоило ли сбереженіе и примѣненіе милліона его собственнику большого, малаго или никакого труда; милліонъ даетъ въ 10000 разъ большій процентъ, чѣмъ 100 гульденовъ, хотя бы ихъ сбереженіе было сопряжено съ несравненно болѣшими заботами и страданіями, чѣмъ сбереженіе милліона; должникъ, который сохраняетъ и при-

мѣняетъ чужой капиталъ, не получаетъ процента, несмотря на свою „затрату труда“; собственникъ получаетъ таковой, несмотря на то, что его трудъ равенъ нулю. Вѣдь самъ *Шеффле* въ одномъ мѣстѣ долженъ былъ сознаться въ этомъ: „Распредѣленія,—говоритъ онъ — которое соотвѣтствовало бы размѣрамъ и значенію труда, не существуетъ ни между капиталистами ни между рабочими по отношенію къ капиталу. Оно не представляетъ собою ни принципа, ни случайнаго слѣдствія“ 1).

Однако, если, какъ это показываетъ дѣйствительность, процентъ на капиталъ вовсе не соотвѣтствуетъ труду капиталиста, то, какимъ образомъ, спрашивается, можно въ послѣднемъ усмотрѣть принципъ, объясняющій процентъ? Я полагаю, что истинное положеніе дѣлъ слишкомъ ужъ рельефно отражается на фактахъ, и поэтому не нуждается въ подробномъ изложеніи: процентъ на капиталъ не соотвѣтствуетъ труду капиталиста, зато онъ точно соотвѣтствуетъ собственности и величинѣ ея; процентъ на капиталъ, я повторяю свои слова, представляетъ собою не доходъ на трудъ, а доходъ на имущество.

Такимъ образомъ, трудовая теорія во всѣхъ своихъ вариантахъ неспособна дать выдерживающее критику теоретическое объясненіе процента на капиталъ. Ни одинъ безпристрастно судящій человекъ не могъ, конечно, ожидать другого исхода. Кто не любитъ искусственныхъ объясненій, тотъ ни минуты не могъ сомнѣваться въ томъ, что хозяйственное значеніе капитала покоится на другихъ началахъ, а не на „работоспособности“ капиталиста, что процентъ на капиталъ представляетъ собою нѣчто, отличное отъ заработной платы не только по названію, но и по существу.

А если, несмотря на это, все-же возникли различныя трудовыя теоріи, то это объясняется тѣмъ, что со временъ *Смита* и *Рикардо* вошло въ моду сводить всякую цѣнность къ труду. Желаніе включить и процентъ на капиталъ въ рамки этой теоріи и приписать ему единственно якобы легальное происхожденіе не останавливалось ни передъ какими искусственными построеніями 2).

1) *Vau und Leben*, III 451.

2) Въ видѣ дополненія къ этой главѣ я упоминаю еще въ нѣсколькихъ словахъ о *I. Г. Гоффманнѣ*. Дѣло въ томъ, что и онъ также объясняетъ процентъ на капиталъ, какъ вознагражденіе за извѣстные труды. „И эти ренты“, говоритъ онъ, имѣя въ виду ренты на капиталъ, „представляютъ собою только вознагражденіе за трудъ, за трудъ“

XI.

Джонъ Рэ.

Джонъ Рэ ¹⁾ принадлежитъ къ той немалочисленной группѣ выдающихся экономистовъ, которые остались почти совершенно незамѣченными современниками, но которые были оценены по заслугамъ только позднѣйшими поколѣніями послѣ того, какъ ихъ безслѣдно пропавшія открытія были независимо отъ нихъ вновь сдѣланы и стали предметомъ всеобщаго вниманія и обсуждения.

Рэ высказалъ, особенно въ области теоріи капитала, нѣсколько крайне оригинальныхъ и замѣчательныхъ взглядовъ, въ которыхъ отчасти проявляется неоспоримое сходство со взглядами, высказанными полвѣка спустя *Джевансомъ* и авторомъ настоящаго сочиненія. Однако, его современники оставили безъ вниманія какъ разъ оригинальную часть его ученія. Казалось бы, одно благопріятное для *Рэ* обстоятельство должно было обезпечить за его ученіемъ самое широкое и быстрое распространеніе: его трудъ часто и подробно цитировался самымъ блестящимъ и популярнымъ писателемъ-экономистомъ того времени—*Дж. Ст. Миллемъ*. Но какъ это ни странно, *Милль* въ своихъ многочисленныхъ

общественно-полезный, такъ какъ съ полученіемъ таковыхъ въ значительной степени и преимущественно сопряжена обязанность свободной дѣятельности для общаго блага въ области науки и искусства и всего того, что облегчаетъ, облагораживаетъ и украшаетъ человѣческую жизнь". (О дѣйствительной природѣ и назначеніи ренты съ земельной собственности и капитала въ собраніи мелкихъ статей экономическаго содержанія, Берлинъ 1843 г. стр. 566).—По отношенію къ *Гофманну* еще болѣе справедливо, чѣмъ по отношенію къ катедеръ-соціалистамъ, сомнѣніе, представляютъ ли эти слова теоретическое объясненіе процента на капиталъ. Если это такъ, то его теорія, безъ сомнѣнія, еще менѣе удовлетворительна, чѣмъ всѣ остальные трудовыя теоріи; если же они не представляютъ собою объясненія, то изслѣдованіе ихъ вѣрности въ другомъ направленіи не входитъ уже въ мою задачу.

¹⁾ Statement of some new principles on the subject of Political Economy, exposing the fallacies of the system of free trade, and of some other doctrines maintained in the „Wealth of Nations“. Boston 1834.

цитатахъ не привелъ ни одного слова изъ того, что составляетъ оригинальную сторону взглядовъ *Рэ*; *Милль* цитируетъ только его второстепенныя мысли, т. е. такія, которыми можно было также пользоваться и для освѣщенія обычныхъ доктринъ, выводимыхъ самимъ *Миллемъ*.¹⁾ Сочиненіе *Рэ*, очевидно²⁾, читало въ оригиналѣ лишь крайне ограниченное число лицъ, и поэтому самая интересная часть содержанія такого осталась неизвѣстной даже его современникамъ, не говоря уже о потомкахъ, которыхъ цитаты *Милля* едва ли могли побудить обратить вниманіе на значеніе этого сочиненія и разыскать эту книгу, такъ скоро преданную забвенію. Этимъ можно объяснить то обстоятельство, что даже *Джевонсъ*, англичанинъ и основательный знатокъ литературы, кажется, не видалъ этой книги; по крайней мѣрѣ, я не могъ найти въ его произведеніяхъ и слѣда знакомства съ *Рэ*, что въ противномъ случаѣ, конечно, было бы невозможно при близкомъ сходствѣ нѣкоторыхъ взглядовъ обоихъ авторовъ и при большой добросовѣстности *Джевонса*. И мнѣ эта книга была неизвѣстна при первомъ изданіи моего сочиненія „Capital und Capitalzins“. Я былъ знакомъ только съ цитатами, приводимыми *Миллемъ*, а на основаніи этихъ цитатъ я не приписывалъ этой книгѣ большого значенія³⁾. Только недавно *Рэ* былъ выведенъ

¹⁾ См. ниже упомянутое сочиненіе *Микстера* стр. 165.

²⁾ Объ этомъ свидѣтельствуеетъ чрезвычайная рѣдкость этой книги. Я тщетно старался пріобрѣсти экземпляръ въ продажѣ, и только въ послѣднее время я имѣлъ возможность ознакомиться съ этимъ сочиненіемъ благодаря любезности профессора *К. Менгера*, которому удалось пріобрѣсти экземпляръ для своей библиотеки, известной своимъ богатствомъ.—Странно, что это произведеніе, оставшееся незамѣченнымъ на родинѣ, было переведено 20 лѣтъ спустя послѣ своего появленія на итальянскій языкъ и включено въ составъ *Bibliotheca dell' Economista Vol. XI*. (Туринъ 1856 г.); но и это обстоятельство, кажется, мало способствовало его распространенію въ итальянской литературѣ. *Л. Косса* посвящаетъ ему въ своемъ „*Introduzione allo studio dell' Economia Politica*“ (Миланъ 1892 г.) на стр. 483 пять строкъ, въ которыхъ онъ говоритъ, что у *Рэ* можно найти удачныя замѣчанія о накопленіи капитала, цитируемыя *Миллемъ*; эти строки, по моему мнѣнію, свидѣлствуютъ о томъ, что и *Косса*, несмотря на существованіе итальянскаго перевода, обратилъ вниманіе на *Рэ* лишь постольку, поскольку это было возможно на основаніи цитатъ *Милля*.

³⁾ Въ первомъ изданіи моего сочиненія „*Positive Theorie des Capitalen*“ (стр. 249 прим. 1-ое) я далъ краткій обзоръ литературы, разсматривающей значеніе времени въ народномъ хозяйствѣ; въ этомъ обзорѣ я только и констатировалъ фактъ, что у „*Рэ*“, подробно цитируемаго *Дж. Ст. Миллемъ*“, есть „удачныя замѣчанія на эту тему“, при чемъ первымъ писателемъ, обсуждавшимъ такую ех professo, я

изъ этой безызвѣстности своимъ землякомъ *К. У. Микстеромъ*, который въ подробной статьѣ ¹⁾ изложилъ главныя черты содержанія его сочиненія и высказалъ взглядъ, что самыя существенныя черты современной теоріи капитала, развитой впоследствии авторомъ настоящей книги, были уже раньше изложены *Рэ*, и притомъ въ болѣе полномъ и безупречномъ видѣ. ²⁾

Я охотно пользуюсь случаемъ, представляющимся мнѣ при новомъ изданіи „Geschichte und Kritik der Capitalzinstheorien“ для того, чтобы заполнить пробѣлъ, несомнѣнно существующій въ первомъ изданіи моего сочиненія, подробнымъ изложеніемъ ученія *Рэ*. Конечно, я считалъ бы свою заслугу не выполненной, если бы я вслѣдъ за изложеніемъ взглядовъ *Рэ* не далъ ихъ критической оцѣнки, какъ это я дѣлалъ по отношенію ко всѣмъ авторамъ, разбираемымъ въ этомъ критико-историческомъ произведеніи; моя критическая оцѣнка будетъ, правда, не во всѣхъ чертахъ тождественна съ оцѣнкою *Микстера*.

А. Изложеніе.

Рэ, шотландецъ, переселившійся въ Канаду, написалъ свое произведеніе въ цѣляхъ обоснованія практическихъ выводовъ. Въ вопросѣ о свободѣ торговли, который игралъ особенно важную роль въ отношеніяхъ между Канадой и метрополіей, онъ былъ отъявленнымъ противникомъ *Адама Смита*. Чтобы какъ слѣдуетъ обосновать свое отрицательное отношеніе ко взглядамъ послѣдняго, *Рэ* обратился къ глубокимъ теоретическимъ изслѣдованіямъ, въ которыхъ онъ высказывается особенно подробно о „природѣ капитала (stock) и законахъ, опредѣляющихъ его ростъ и паденіе“. Этой темѣ посвящается вторая, самая обширная книга его сочиненія (стр. 78—357), которая представляетъ для насъ особенный интересъ; менѣе пространная первая книга (стр.

считалъ *Джевонса*. Въ первомъ изданіи „Geschichte und Kritik der Capitalzinstheorien“ я вовсе не упомянулъ о *Рэ*, такъ какъ мнѣ не была извѣстна его теорія процента, о которой вѣдь въ цитатахъ *Милля* не говорится ни слова.

¹⁾ „A forerunner of Böhm-Bawerk“ въ Quarterly Journal of Economics Vol. XI. январь 1897, стр. 161—190.

²⁾ О. с. стр. 190 „... he anticipated Böhm-Bawerks theory of interest, in the substance of its leading features and in many of its details, and even to a great extent in the exact form of its expression. He did more; he expanded that theory on some sides in which it was lacking, he avoided its greatest errors“.

7—77) посвящена доказательству того, что „индивидуальные и національные интересы не тождественны“; третья же книга, озаглавленная „the operations of the legislator on National stock“, также не объемистая (стр. 358—386), содержит въ себѣ приложение теории къ практикѣ.

Для нашихъ цѣлей достаточно передать изъ первой книги лишь нѣсколько замѣчаній. Прежде всего *Рэ* утверждаетъ, что способы и средства, при помощи которыхъ можно приобрести и увеличить индивидуальное богатство, вовсе не тождественны со средствами и способами, при помощи которыхъ можно обогатить народъ, какъ таковой. Индивидъ обогащается непосредственнымъ приобретениемъ благъ, уже существующихъ, народы же обогащаются только благодаря производству благъ, еще не существующихъ. „Разница между этими двумя процессами заключается въ томъ, что первый представляетъ собою приобретение (acquisition), второй — созиданіе (creation)“ (стр. 12). Уже во вступительныхъ замѣчаніяхъ *Рэ* подчеркиваетъ громадное значеніе интеллектуальнаго прогресса, изобрѣтеній и улучшеній для благосостоянія націй. Онъ нѣсколько риторически называетъ изобрѣтеніе (invention) единственной силой на землѣ, которой можно приписать дѣйствительное творчество; поэтому національное богатство, въ отличіе отъ богатства отдѣльныхъ личностей, не можетъ быть увеличено безъ содѣйствія „изобрѣтательской способности“ (15).

Во второй книгѣ своего сочиненія *Рэ* со строгою систематичностью изслѣдуетъ тѣ причины, которыя могутъ увеличить или уменьшить національное богатство, развивая постепенно одну мысль за другой.

Онъ начинаетъ съ элементовъ производства благъ. Человѣкъ обладаетъ способностью постигать „ходъ событій и ихъ взаимную связь“. Эта его способность, отличающая его отъ низшихъ животныхъ, даетъ ему возможность, какъ предвидѣть будущія потребности, такъ и обезпечить будущее удовлетвореніе таковыхъ, т. е. обезпечить свою дѣятельностью производство соответственныхъ средствъ удовлетворенія. *Рэ* обнаруживаетъ здѣсь вполне ясное пониманіе, какъ природы производства благъ, такъ и природы дѣйствія благъ. Онъ совершенно правильно называетъ блага „видами вещества“, „agangemens of matter“ (81), и замѣчаетъ, что мы, хотя и не въ состояніи измѣнить „природы вещей“, но все же мы можемъ измѣнить ихъ форму и можемъ, такимъ образомъ, повліять „на ходъ исходящихъ изъ нихъ или зависящихъ отъ нихъ дѣйствій“; что въ концѣ концовъ

самыя блага можно преобразовать въ годныя средства удовлетворенія будущихъ потребностей, или же при ихъ помощи произвести такія средства удовлетворенія потребностей или овладѣть такими (81—82).

Оригинальнымъ терминомъ является у него названіе „орудія“, подъ которымъ онъ понимаетъ—въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ въ обыденной рѣчи,—всѣ продукты, произведенные человѣческимъ трудомъ и предназначенные для удовлетворенія будущихъ потребностей, слѣдовательно, не только блага, служащія для производства, но и блага, служащія для удовлетворенія нашихъ потребностей, поскольку эти блага предназначены для будущаго удовлетворенія; такимъ образомъ, къ этой категоріи относятся также и потребляемыя блага, предназначенныя для удовлетворенія потребностей, какъ, напримѣръ, хлѣбъ до момента фактическаго потребленія (стр. 88), и длящіяся блага, предназначенныя для удовлетворенія потребностей, какъ шляпы (стр. 93), верховыя лошади (105), даже въ тѣхъ случаяхъ, когда такыя вошли уже въ употребленіе, но не подверглись еще окончательной порчѣ. ¹⁾ Отъ орудій онъ отличаетъ

¹⁾ Ср. также стр. 171, гдѣ *Pэ* подраздѣляетъ общій, обнимающій всѣ орудія „stock“ на „stock for immediate consumption“ и на „capital“, и въ качествѣ примѣровъ „орудій“, относящихся къ первому виду, онъ приводитъ платья, жилые дома, мебель, сады, мѣста для игры и т. п. Его опредѣленіе капитала и подраздѣленіе такого на основной и оборотный вполне соотвѣтствуютъ общепринятымъ въ его время взглядамъ: они и неудачны и неоригинальны. Согласно взглядамъ того времени, *Pэ* видитъ центръ тяжести въ томъ, что блага, составляющія капиталъ, и блага, производимыя при помощи капитала, должны быть предназначены для обмена („the instruments, to which this term (capital) applies, supply the future wants of the individuals owning them, indirectly, either from being themselves commodities that may be exchanged for articles directly suited to their needs, or by their capacity of producing commodities which may be so exchanged“ *p.* 171.); такимъ образомъ, онъ исключаетъ изъ понятія капитала производительныя блага производящихъ для собственнаго потребленія производителей, какъ, напр., плугъ, упряжь, молотилку земледѣльца, потребляющаго свои продукты въ собственномъ хозяйствѣ. Но, какъ это совершенно вѣрно замѣчаетъ *Мисстеръ* (О. с. стр. 169 и слѣд.), *Pэ* въ своемъ произведеніи почти совсѣмъ не пользуется этимъ болѣе узкимъ понятіемъ „капитала“, а руководствуется всегда болѣе обширнымъ „stock“, обнимающимъ собою всѣ орудія, и поэтому его неудачное опредѣленіе капитала не имѣетъ вредныхъ слѣдствій.—Но для меня остается непонятнымъ, какимъ образомъ *Мисстеръ* (О. с. стр. 169 и слѣд.) считаетъ тождественными это болѣе обширное понятіе „stock“ или „instruments“ съ моимъ понятіемъ „промежуточнаго продукта“. То обстоятельство, что и *Pэ* и я включаемъ „warehouse goods“ въ эти наши понятія, вовсе еще не доказываетъ, что они тождественны, такъ какъ мое понятіе „промежуточныхъ

чистые дары природы, которые служатъ „материаломъ“ для человѣческаго труда (92, 93, 99).

Нѣкоторыя свойства по необходимости присущи всѣмъ орудіямъ. Всѣ орудія созданы *трудомъ* непосредственнымъ или посредственнымъ (91). Затѣмъ всѣ орудія производятъ *дѣйствія* (events), удовлетворяющія человѣческія потребности, или способствуютъ появленію такихъ дѣйствій; наконецъ, всѣ орудія „исчерпываются“ (exhausted). Эта способность орудій производить такія дѣйствія или же результатъ (amount) такой ихъ дѣятельности *Рэ* называетъ „скасіту“ (92) ¹⁾. Наконецъ, общимъ признакомъ всѣхъ орудій является то, что между ихъ образованіемъ и амортизаціей проходитъ нѣкоторый *промежутокъ времени*. „Это по необходимости такъ и должно быть, потому что всякое дѣйствіе (all events) совершается во времени“ (93). Этотъ промежутокъ времени можетъ быть продолжительнымъ или непродолжительнымъ, онъ можетъ обнимать собою годы, мѣсяцы или еще меньшіе періоды, но онъ всегда долженъ существовать ²⁾.

продуктовъ“ принципиально *исключаетъ* совершенно законченныя потребительныя блага (дѣло въ томъ, что я считаю warehouse goods не совсѣмъ еще законченными для потребленія), между тѣмъ какъ *Рэ* также принципиально *включаетъ* таковыя въ понятіе instruments, даже въ томъ случаѣ, если они уже находятся въ рукахъ потребителя, но еще не потреблены цѣликомъ. На основаніи опредѣленія и объясненія *Рэ*, въ составъ его понятія „instruments“ входятъ, безъ сомнѣнія, и средства существованія; между тѣмъ *Микстеръ* высказываетъ по этому поводу другой взглядъ. По моему мнѣнію, это понятіе, самую выдающуюся чертою котораго является предназначеніе для удовлетворенія будущихъ потребностей, больше всего напоминаетъ собою понятіе капитала *Тюрго* и *Кнуса*.

¹⁾ Это выраженіе лучше всего перевести словомъ „дѣеспособность“ (Leistungsvermögen). Я согласенъ съ *Микстеромъ* (О. с. стр. 168), что понятіе полезныхъ „events“ у *Рэ* и его взглядъ на таковыя совершенно тождественны съ моими вещественными „полезными дѣйствіями“ (см. выше стр. 261).

²⁾ Здѣсь у *Рэ* впервые встрѣчается элементъ времени. Я опять-таки не могу понять, какимъ образомъ *Микстеръ* могъ считать тождественными промежутокъ времени у *Рэ*, проходящій между образованіемъ и амортизаціею орудій, съ тѣмъ промежутокъ времени, который я положилъ въ основу своего понятія о капиталистическомъ околномъ пути производства. *Рэ* говоритъ: „Between the formation and the exhaustion of instruments a space of time intervenes“; *Микстеръ* же полагаетъ, что это „the same thing as saying that the capitalistic process is a roundabout process“. (О. с. стр. 169). Это, очевидно, недоразумѣніе. Я имѣю въ виду промежутокъ времени, протекающій въ капиталистическомъ производствѣ между затратой первоначальныхъ производительныхъ силъ и между изготовленіемъ продукта, или, говоря языкомъ *Рэ*, промежутокъ времени до „formation“ соответствующихъ instruments. *Рэ* же имѣетъ въ виду существенно иной промежутокъ времени, про-

Является, говорить *P₃*, необходимость создать нѣкоторый масштабъ, при помощи котораго можно было бы сравнить дѣеспособность (capacity) и результаты примѣненія (returns) орудій съ непосредственнымъ и посредственнымъ трудомъ, затраченнымъ на производство таковыхъ. Этимъ масштабомъ *P₃* считаетъ трудъ; такимъ образомъ, „дѣйствія, производимыя какимъ-либо орудіемъ“ (the events brought to pass by any instrument), оцѣниваются въ зависимости отъ труда, къ цѣнности котораго эти дѣйствія приравняются собственникомъ орудія (are esteemed equivalent)“ (92). При этомъ *P₃* придерживается мнѣнія, не совсѣмъ вѣрнаго, какъ это мы еще увидимъ въ послѣдствіи, что такой взглядъ на предметъ имѣетъ только значеніе для терминологіи (has no other effect than that of giving distinctness to our nomenclature). Какъ бы желая оправдать этотъ взглядъ и подтвердить таковой фактомъ, *P₃* указываетъ и на то, что во многихъ случаяхъ результаты отъ примѣненія орудій фактически и сравниваются съ трудомъ, такъ какъ послѣднія непосредственно берегаютъ трудъ. Водопроводныя трубы, напр., берегаютъ трудъ носки воды, „и поэтому объ орудіи, которое изъ себя представляютъ трубы, можно, не измѣняя смысла (may be said indifferently), сказать, что послѣднее доставляетъ извѣстное количество воды, или же, что оно берегаетъ извѣстное количество труда“ (92). *P₃* и въ дальнѣйшемъ нерѣдко пользуется этимъ альтернативнымъ способомъ выраженія (напр., стр. 171).

Въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько позже (стр. 98), онъ прибавляетъ еще, что при такомъ примѣненіи труда, какъ масштаба для опредѣленія дѣеспособности благъ, имѣется въ виду собственно не физическій или интеллектуальный трудъ рабочаго, а *вознагражденіе*, получаемое таковымъ. Это вознагражденіе *P₃* въ области своего теоретическаго изслѣдованія считаетъ данной, постоянной величиной, пренебрегая его колебаніями, которыя ему не безызвѣстны (стр. 97).

Кромѣ этихъ трехъ вышеупомянутыхъ условій, дѣйствительно общихъ всѣмъ орудіямъ (появленія благодаря труду,

---

межутокъ времени, проходящій между „formation“ и „exhaustion“ орудій. Если Робинзонъ при посредствѣ труда нѣсколькихъ часовъ сдѣлаетъ себѣ изъ плоскихъ камней каменную скамью, то послѣдняя можетъ существовать въ теченіе 20, даже 100 лѣтъ, и, слѣдовательно, соответствующій „period between formation and exhaustion“, который имѣетъ въ виду *P₃*, будетъ весьма значителенъ, между тѣмъ какъ періодъ производства, который я имѣю въ виду, будетъ весьма незначителенъ.

способности производить полезныя дѣйствія, промежутка времени между образованіемъ и амортизаціей), *P₂* считаетъ необходимымъ въ области своихъ изслѣдованій признать общимъ еще четвертое обстоятельство, для котораго это фактически не совсѣмъ вѣрно. Когда мы сравниваемъ дѣеспособность различныхъ орудій, служащихъ для удовлетворенія одного и того же рода потребностей, то мы судимъ очень часто на основаніи относительнаго техническаго эффекта (by the relative physical effects), вызываемаго орудіями. Если, напр., сажень дровъ одного сорта даетъ вдвое больше тепла, чѣмъ сажень дровъ другого сорта, то „capacity“ перваго сорта вдвое больше „capacity“ втораго, и если первая приравнивается четыремъ рабочимъ днямъ, то вторая будетъ равноцѣнна какъ разъ двумъ рабочимъ днямъ (if the one be equivalent to four, the other will be equivalent to exactly two days labour). Однако, существуетъ много исключеній, въ которыхъ эта „relative capacity“ орудій одного и того же рода зависитъ отъ другихъ причинъ, а не только отъ ихъ чисто физическихъ свойствъ ¹⁾. Но все же *P₂* считаетъ нецѣлесообразнымъ разсматривать это явленіе при другихъ условіяхъ и считаетъ необходимымъ положить въ основу своего дальнѣйшаго теоретическаго вывода гипотетическое предположеніе, что capacity орудій всегда опредѣляется ихъ физическими свойствами, подобно тому, какъ при научномъ изслѣдованіи проблемъ механики можно и слѣдуетъ предполагать существованіе чисто математическихъ линій и отсутствіе тренія (94).

Но получается еще одна интересная комбинація величинъ, которую легко представить въ цифрахъ,—если въ сравненіи *capacity* орудій съ трудомъ, затраченнымъ на производство таковыхъ, или же съ издержками этого производства (стр. 100) включить еще, въ качествѣ третьяго элемента, *время*, протекшее между изготовленіемъ и амортизаціей

1) Исключительные случаи, на которые *P₂* намекаетъ здѣсь и впоследствии еще разъ на стр. 259, подробно излагаются имъ въ XI гл. о роскоши: эти исключенія заключаются въ томъ, что драгоценныя блага, которыя содѣйствуютъ удовлетворенію реальныхъ потребностей въ такой же степени, какъ другія блага, а если въ большей степени, то лишь въ незначительно большей, люди по своей суетности часто цѣнятъ гораздо выше, чѣмъ дешевыя блага, которыя могли бы оказать или такую же службу или, по крайней мѣрѣ, почти такую же. Если бы суетность въ большей или меньшей степени не вліяла на расходы людей, то—думаетъ *P₂*—люди оцѣнивали бы вещи только по ихъ физическимъ качествамъ (283; срав. и содержаніе главы о роскоши на стр. XV).

орудій. Всѣ три элемента могутъ быть выражены въ цифрахъ; въ зависимости отъ различныхъ относительныхъ чиселъ, получаемыхъ для различныхъ орудій, можно установить „схему рядовъ“, въ которую можно включить всѣ существующія орудія. *Рэ* объясняетъ необыкновенно оригинально и отвлеченно построение этой схемы, которая, собственно, сводится къ сопоставленію всѣхъ благъ по относительной величинѣ процента прибыли, получаемой отъ ихъ производства или владѣнія ими. Онъ предварительно дѣлаетъ замѣчаніе, что „въ силу принципа, который впоследствии будетъ объясненъ“, намѣренно производятся только такія орудія, „scaracity“ которыхъ превышаетъ величину затраты труда. Затѣмъ, въ цѣляхъ упрощенія, онъ временно предполагаетъ, что, какъ производство, такъ и амортизація всякаго орудія совершаются въ одинъ только опредѣленный моментъ времени. „При такихъ условіяхъ каждому орудію должно соответствовать мѣсто въ какомъ-либо ряду, члены (orders) котораго опредѣляются величиною промежутка времени, въ теченіе котораго включенныя въ этотъ рядъ орудія превращаются или могутъ превращаться—если они не подверглись еще полной амортизаціи (or would issue, if not before exhausted)—въ дѣйствія, обладающія цѣнностью вдвое большею, чѣмъ трудъ, затраченный на производство (issue in events equivalent to double the labour expended in forming them). Изобразимъ эти члены и ряды соответственно буквами А, В, С... Z, a, b, c... и т. д.“ Къ ряду А относятся тѣ орудія, которыя уже по истеченіи года превращаются или могутъ превращаться, если они не подверглись еще полной амортизаціи, въ дѣйствія, цѣнность которыхъ вдвое больше цѣнности труда, затраченнаго на производство; къ классу В относятся тѣ орудія, которыя въ теченіе двухъ лѣтъ доставляютъ дѣйствія, обладающія вдвое большею цѣнностью, чѣмъ трудъ производства, а затѣмъ подвергаются амортизаціи; въ классѣ С время, необходимое для удвоенія издержекъ производства, равняется тремъ годамъ; въ классѣ D—четыремъ, въ классѣ Z—26 и т. д. Классы съ меньшимъ періодомъ удвоенія цѣнности, слѣдовательно, классъ А и сосѣдніе съ нимъ, *Рэ* обнимаетъ общимъ названіемъ „the more quickly returning orders“, дальнѣйшіе классы, смежные съ классомъ Z—„the more slowly returning orders“ 1).

1) Эти выраженія врядъ ли можно перевести другими словами, чѣмъ „классы съ малымъ и большимъ періодомъ удвоенія“ („mit kurzer und langer Verdoppelungsperiode“). Ср. *Микстерь*, о. е. стр. 177.

На практикѣ, конечно, рѣдко вѣрны цѣлыя, круглыя цифры этой отвлеченной схемы: съ одной стороны, періоды, въ которые совершается амортизація орудій, рѣдко измѣняются какъ разъ цѣлымъ числомъ лѣтъ и обнимаютъ собою часто доли года; съ другой стороны, общая сарасити орудія не равняется какъ разъ удвоенной цѣнности издержекъ, а обыкновенно бываетъ больше или меньше послѣдней. Тѣмъ не менѣе эта схема остается въ силѣ; надо только внести нѣкоторыя поправки, для которыхъ *Рз* даетъ слѣдующее указаніе. Если сарасити превышаетъ величину издержекъ какъ разъ вдвое, а періодъ времени въ выражается цѣлымъ числомъ лѣтъ, то данное орудіе относится къ промежуточному классу, который и слѣдуетъ вставить въ соотвѣтственное мѣсто схемы. Если орудіе существуетъ, напр., $7\frac{1}{2}$ лѣтъ, то оно относится къ промежуточному классу между классами G и H. Если же амортизація орудія наступаетъ прежде, чѣмъ оно достигаетъ цѣнности, въ два раза превышающей цѣнность издержекъ производства, то слѣдуетъ мысленно продолжить время существованія орудія и опредѣлить, черезъ сколько времени его дѣйствія возросли бы до двойной величины издержекъ, если только излишекъ дѣйствій надъ издержками производства растетъ по прежнему закону. Положимъ, напр., что человекъ создаетъ орудіе съ затратою, равною цѣнности двухъ рабочихъ дней; полная амортизація наступаетъ по истеченіи 6 мѣсяцевъ, и цѣнность выручки, полученной, благодаря этому, орудію за это время, равняется цѣнности 2,828 рабочихъ дней: тогда, если бы излишекъ сарасити надъ издержками продолжалъ возрастать по прежнему закону, сарасити въ исходѣ двѣнадцатаго мѣсяца возросла бы до четырехъ, „такъ какъ число 2,828 представляетъ собою среднее (геометрическое) между 2 и 4“. Такимъ образомъ, орудіе относилось бы къ классу A, въ которомъ результатъ, превышающій вдвое издержки производства, получается по истеченіи года (102, 103). Точно такъ же, если бы мы имѣли дѣло съ орудіями, сумма дѣйствій которыхъ превышаетъ величину капитала вдвое, то мы должны прослѣдить ростъ ихъ сарасити въ обратномъ направленіи и опредѣлить, черезъ сколько времени сарасити, при равномѣрномъ возрастаніи, достигла бы двойной величины издержекъ. Этотъ промежутокъ времени и опредѣляетъ принадлежность къ тому или другому классу схемы (103).

Наконецъ, можетъ еще получиться осложненіе, когда образованіе или амортизація или же оба эти явленія не со-

вершаются, какъ это было предположено первоначально, въ одинъ опредѣленный моментъ, а совершаются въ теченіе болѣе продолжительнаго промежутка времени, какъ и бываетъ обыкновенно на самомъ дѣлѣ. Но въ такихъ промежуткахъ времени можно всегда подмѣтить какъ бы центръ тяжести ¹⁾, вокругъ котораго располагаются соотвѣтствующія дѣйствія такъ, что совокупность дѣйствій, имѣющихъ мѣсто до этого момента, компенсируется совокупностью дѣйствій, имѣющихъ мѣсто послѣ этого момента. Такіе моменты представляютъ собою „истинный періодъ“ образования ²⁾ или же амортизации (104, 105). Наконецъ, *Pэ* резюмируетъ всѣ условія, которыя оказываютъ вліяніе на принадлежность орудій къ тому или другому классу схемы: орудіе относится къ тѣмъ болѣе выгодному классу, чѣмъ выше его дѣеспособность, чѣмъ меньше издержки, затраченныя на его производство, чѣмъ меньше промежутокъ времени между его образованіемъ и амортизаціей (108).

Внимательному читателю нетрудно убѣдиться, что все это подраздѣленіе на классы можетъ быть изображено и выражено гораздо проще, какъ это и сдѣлалъ въ другомъ мѣстѣ своей книги самъ *Pэ* (стр. 195). Къ классу А относятся просто всѣ тѣ блага, для которыхъ излишекъ выручки надъ издержками производства въ теченіе года составляетъ 100%, такъ что ихъ первоначальная цѣнность удваивается въ теченіе года; орудія класса В даютъ 41% per annum, класса С—26, класса G—10%, класса N—5% и т. д. ³⁾ Такимъ образомъ, система *Pэ* представляетъ собою простое сопоставленіе благъ по величинѣ процента, получаемаго на таковыя.—

Изложивъ въ этихъ вступительныхъ разсужденіяхъ элементарное ученіе объ орудіяхъ, *Pэ* приступаетъ къ той проблемѣ, которой онъ долженъ былъ удѣлить больше

1) Этого выраженія у *Pэ* нѣтъ.

2) Очевидно, этотъ болѣе продолжительный промежутокъ времени, въ теченіе котораго затрачивается трудъ, необходимый для производства орудія, тождественъ съ „періодомъ производства“ въ *моей* теоріи капитала; слѣдовательно, этотъ періодъ совпадаетъ съ тѣмъ, что *Pэ* называетъ „period of formation“. Но *Pэ* не интересуется уже больше этимъ понятіемъ, а только промежуткомъ времени между „period of formation“ и „period of exhaustion“, при чемъ въ этихъ выраженіяхъ онъ очень часто (напр. стр. 104) употребляетъ слово „period“ не для обозначенія дѣйствительнаго промежутка времени, а для обозначенія момента. См. выше, стр. 360, 2-е прим.

3) При вычисленіи періода удвоенія по этой процентной нормѣ *Pэ*, конечно, пользуется геометрической прогрессіей, т. е. сложными процентами.

всего вниманія, согласно съ цѣлью своего произведенія. Онъ ставитъ вопросъ, какія причины опредѣляютъ количество производимыхъ и уже имѣющихся налицо у даннаго народа орудій, количество, въ которомъ и выражается размѣръ національнаго богатства.

P₂ устанавливаетъ четыре такихъ причины:

1. Количество и качество матеріаловъ, которыми обладаетъ народъ, т. е. природныя богатства, которыми онъ располагаетъ.

2. Интенсивность активной склонности къ накопленію и сбереженію (the strength of the effective desire of accumulation).

3. Величина заработной платы.

4. Развитие изобрѣтательской силы (inventive faculty; стр. 109).

О первой и третьей причинахъ *P₂* говоритъ немного ¹⁾. Но зато его разсужденія о склонности человѣка къ накопленію весьма подробны и оригинальны. Предварительно онъ констатируетъ еще — и это въ теоретическомъ отношеніи весьма интересно — наблюдаемый на опытѣ законъ, который напоминаетъ собой отчасти ученіе Тюнена, отчасти современныя теоріи капитала.

Если допустить, что свѣдѣнія людей относительно силъ и свойствъ веществъ не измѣняются, то capacity, сообщаемая веществамъ при превращеніи таковыхъ въ орудія, не можетъ возрастать въ неопредѣленныхъ размѣрахъ, *не передвигая вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно и созданныхъ орудій рядовъ А, В, С все дальше*, т. е. въ классы, имѣющіе *все большіе періоды удвоенія*, или, выражаясь проще, въ классы, дающіе *все меньшую въ процентахъ выручку* (the capacity... cannot be indefinitely increased without moving the instruments formed continually onwards in the series A, B, C etc.): но и при постоянномъ уровнѣ свѣдѣній, если только они уже достигли болѣе или менѣе широкаго объема, можно увеличить capacity, которая можетъ быть сообщена веществамъ, безъ

1) Качество и количество матеріала *P₂* считаетъ очень важнымъ но послѣднимъ фактомъ (important but ultimate fact), не составляющимъ предмета его изслѣдованія (130); почти такъ же онъ относится къ величинѣ заработной платы, которую онъ называетъ также „an existing circumstance“; о ней онъ вкратцѣ говоритъ только, что низшій уровень заработной платы дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, что и улучшение качества обрабатываемаго матеріала или новое техническое изобрѣтеніе. Всѣ эти обстоятельства въ одинаковой степени способствуютъ приобрѣтенію того же результата съ меньшими издержками. Притомъ *P₂* не упустилъ изъ вида того обстоятельства, что въ другихъ отношеніяхъ вліяніе перечисленныхъ моментовъ существенно различно (130, 131).

соблюденія опредѣленныхъ предѣловъ, *не вытѣсняя цѣликомъ орудій изъ ряда А, В, С и т. д.*, т. е. не исчерпывая полностью излишка ихъ capacity надъ издержками, или чистаго дохода въ процентахъ (but there is no assignable limit to the extent of the capacity which a people having attained considerable knowledge of the qualities and powers of the materials they possess, can communicate to them without carrying them out of the series A, B, C etc., even if that knowledge remain stationary, стр. 109).

Первую половину этого закона *P₂* обосновываетъ слѣдующимъ образомъ: Capacity орудій можно повысить или увеличеніемъ *продолжительности ихъ существованія* или увеличеніемъ ихъ *интенсивности* (efficiency)—или увеличеніемъ продолжительности времени, въ теченіе котораго они оказываютъ полезныя дѣйствія, или увеличеніемъ количества дѣйствій, которыя они оказываютъ въ теченіе того же времени.

Прочность орудій въ большинствѣ случаевъ можетъ быть увеличена только путемъ большей затраты труда при производствѣ таковыхъ. Если, напр., путемъ увеличенія труда продолжительность существованія жилого дома увеличивается отъ 30 лѣтъ до 60, то мы можемъ разсматривать это явленіе такъ, какъ будто мы при помощи этого прибавочнаго труда выстроили второй домъ, который будетъ существовать въ теченіе 30 лѣтъ, и которымъ мы начнемъ пользоваться только тогда, когда первый придетъ въ негодность. А такъ какъ прибавочный трудъ приходится затрачивать уже немедленно, то моментъ полученія выручки отъ затраты этого прибавочнаго труда весьма удаленъ отъ момента затраты соответствующихъ издержекъ, и если эта выручка и превышаетъ издержки, то все-же вдвое она будетъ превышать таковыя только черезъ очень продолжительный промежутокъ времени. Слѣдовательно, этотъ процессъ можетъ быть уподобленъ производству орудія, относящагося къ „order of slower return“. Эти соображенія были бы невѣрны только въ томъ случаѣ, если можно было бы постоянно уменьшать по закону геометрической прогрессіи величину прибавочнаго труда, ведущаго къ опредѣленному увеличенію продолжительности существованія орудія; но это, какъ *P₂* справедливо замѣчаетъ, въ концѣ концовъ привело бы къ абсурду ¹⁾.

¹⁾ „If, therefore, continual additions be made to the durability of an instrument, it cannot be preserved at an order of equally quick return un-

Что же касается увеличенія *интенсивности*, которое можетъ быть сообщено веществамъ путемъ обработки, то это увеличеніе съ теченіемъ времени наталкивается на все большія препятствія, которыя могутъ быть преодолюваемы только при помощи большей затраты труда. Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего люди стануть обрабатывать тѣ вещества, силы которыхъ легче всего могутъ быть приведены въ дѣйствіе, или тѣ вещества, которыя даютъ желанный результатъ въ большемъ количествѣ и въ менѣе продолжительное время, чѣмъ всѣ остальные. А такъ какъ запасъ веществъ у даннаго общества ограниченъ, то въ томъ случаѣ, если знаніе не прогрессируетъ, и постоянное увеличеніе количества орудій, создаваемыхъ изъ этихъ веществъ, все же желательно, то члены общества должны съ теченіемъ времени обратиться къ такимъ веществамъ, обработка которыхъ сопряжена съ бѣльшими затрудненіями, или же къ такимъ, которыя даютъ желанный результатъ въ меньшемъ количествѣ или же позже. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣятельность этихъ орудій требуетъ бѣльшихъ издержекъ, т. е. они должны перейти въ „orders of slower return“ (112, 113).

Этотъ переходъ изъ класса въ классъ будетъ совершаться быстро до тѣхъ поръ, пока техника находится на низкой ступени развитія, пока люди знаютъ только немного способовъ примѣненія различныхъ веществъ, вслѣдствіе чего скоро исчерпываются всѣ имъ извѣстные способы выгоднаго примѣненія веществъ; но если знанія находятся на высокомъ уровнѣ развитія, если людямъ извѣстно очень много различныхъ способовъ и комбинацій, ведущихъ къ достиженію желанной цѣли, то нѣкоторые изъ этихъ способовъ будутъ, правда, выгоднѣе другихъ, но все же разница будетъ получаться постепенно, такъ что переходъ къ слѣдующей, менѣе выгодной комбинаціи, разъ болѣе выгодная уже исчерпана, поведетъ къ образованію орудій, не отстоящихъ въ схемѣ классовъ доходности далеко отъ орудій, созданныхъ раньше (113).

Наконецъ, если извѣстно очень большое количество силъ и свойствъ очень большого количества веществъ, то число комбинацій, въ которыхъ эти силы и вещества могутъ дѣйствовать другъ на друга, практически ничѣмъ не ограничено—аналогично тому, какъ возрастающее число числовыхъ

less the several augmentations be communicated to it by an expenditure diminishing in a geometrical ratio; that is, in a ratio becoming indefinitely less, as it is continued. This, however, cannot happen, for, it would imply an absurdity“ (стр. 112).

элементовъ допускаеть все большее и большее и въ концѣ концовъ безконечно большое число комбинацій. Это соображеніе поясняетъ вторую половину вышеизложеннаго закона, что у націй, у которыхъ техника сильно развита, вообще не существуетъ предѣла для постояннаго увеличенія запаса орудій, за исключеніемъ того, что вновь созидаемыя орудія должны послѣдовательно входить въ менѣе выгодные классы схемы, какъ это и гласитъ первая часть закона (115). Эти отвлеченныя соображенія, по мнѣнію *Pэ*, подтверждаются и дѣйствительностью на конкретномъ примѣрѣ Великобританіи: обращеніе сырыхъ матеріаловъ, доставляемыхъ этой небольшою страной, въ орудія, безъ сомнѣнія, развито здѣсь въ гораздо большей степени, чѣмъ въ любомъ современномъ государствѣ; тѣмъ не менѣе здѣсь остается еще открытымъ необозримое, никакими предѣлами времени не ограниченное поле для дальнѣйшаго развитія обработки (116).

Въ какой степени на практикѣ пользуются такою свободою, зависитъ, при неизмѣнномъ состояніи техники, отъ интенсивности того фактора, который *Pэ* называетъ „силою эффективной наклонности къ накопленію“. Изслѣдованіе этого вопроса составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ главъ книги *Pэ* (118 и слѣд.).

Для производства всякаго орудія необходима затрата извѣстнаго количества труда или эквивалента труда, а всякое орудіе доставляетъ новое, большее количество труда или его эквивалентъ. Поэтому производство всякаго орудія сопряжено съ жертвою меньшаго, настоящаго блага въ пользу созданія будущаго, большаго. Если существуетъ убѣжденіе, что производство этого будущаго большаго блага стоитъ жертвы настоящаго меньшаго, то орудіе это производится, въ противномъ случаѣ оно не производится. При такихъ обстоятельствахъ, всякое общество будетъ продолжать увеличеніе количества орудій, сопряженное съ перемѣщеніемъ соотвѣтствующихъ орудій въ классы съ все большимъ періодомъ удвоенія, тѣмъ дальше, чѣмъ продолжительнѣе періодъ, въ которомъ члены общества все еще склонны жертвовать настоящимъ благомъ для пріобрѣтенія, по истеченіи этого періода, блага вдвое большаго. Если эта наклонность членовъ общества будетъ доходить до періода въ годъ, 2, 3, 20 лѣтъ и т. д., то производство орудій будетъ простирается до классовъ А, В, С, Т и т. д.; если же готовность членовъ общества приносить жертвы прекращается, то должно пріостановиться также и производство орудій. „Рѣшимость

(determination) жертвовать извѣстнымъ количествомъ настоящихъ благъ для пріобрѣтенія въ будущемъ другого, большаго количества благъ“ *P₂* называетъ „effective desire of accumulation“ (119).

Затѣмъ *P₂* изслѣдуетъ причины, опредѣляющія отношеніе людей къ этому вопросу, а, слѣдовательно, и степень ихъ склонности къ накопленію. Прежде всего въ неувѣренности и недолговременности жизни, съ одной стороны, и въ ослабленіи съ лѣтами способности наслаждаться благами, съ другой, *P₂* видитъ обстоятельства, содѣйствующія тому, что „большинство людей цѣнятъ настоящее гораздо выше, чѣмъ будущее“. Для чего же мы будемъ заботиться о благахъ, пользоваться которыми мы будемъ въ состояніи только въ такое время, до котораго врядъ ли доживемъ—а если оно очень уже далеко, то даже навѣрно не доживемъ,—или же въ такое время, когда наша способность наслаждаться ими уже ослабѣетъ? (119, 120). Къ тому же ожиданіе удовольствія въ настоящемъ обыкновенно возбуждаетъ наше вниманіе, наше воображеніе, а также и наше желаніе въ значительно высшей степени, чѣмъ ожиданіе будущихъ наслажденій. „Нѣтъ, можетъ быть, такого человѣка, который не приписывалъ бы благу, которымъ онъ можетъ пользоваться сегодня, совершенно иного значенія, чѣмъ такому же благу, которымъ онъ, однако, въ состояніи пользоваться только по истеченіи 12 лѣтъ,—даже въ томъ случаѣ, если бы оба блага были одинаково вѣрны“. (120). Если бы люди, говоритъ *P₂*, принимали въ расчетъ только свои личные интересы, то интенсивность ихъ склонности къ накопленію была бы невелика, и производились бы только орудія съ малыми періодами удвоенія (121). „Но не всѣ удовольствія людей носятъ отпечатокъ эгоизма“ (not altogether selfish). Люди имѣютъ въ виду не только свое личное благосостояніе, но и благосостояніе семьи, друзей, страны, племени. Благодаря этому обстоятельству, будущія блага, пріобрѣтаемая путемъ жертвованія настоящимъ наслажденіемъ, теряютъ „большую часть своей ненадежности и безцѣнности“ (incertainty and worthlessness). Забота объ остающихся въ живыхъ или, употребляя болѣе общее выраженіе, „соціальные и человѣколюбивые мотивы“ (social and benevolent affections) имѣютъ поэтому тенденцію существенно усиливать активную склонность къ накопленію (122).

Другимъ очень вліятельнымъ въ этомъ направленіи моментомъ является степень нашихъ интеллектуальныхъ способностей, поскольку послѣднія, въ противовѣсъ минутнымъ

увлеченіямъ, представляютъ будущія потребности „въ ихъ законной силѣ“, притомъ не только наши потребности, но и потребности другихъ людей, и, поскольку онѣ, такимъ образомъ, содѣйствуютъ надлежащему обезпеченію этихъ потребностей (122).

Затѣмъ интенсивность нашей наклонности къ накопленію должны поощрять всѣ вообще обстоятельства, усиливающія. вѣру въ то, что мы—или же другія лица—въ самомъ дѣлѣ будемъ имѣть возможность пользоваться плодами нашихъ трудовъ, направленныхъ на будущее. Такими обстоятельствами являются, напр., здоровый климатъ или благопріятное для здоровья, надежное занятіе. Наоборотъ, моряки, солдаты, жители странъ съ нездоровымъ климатомъ расточительны. Въ такомъ же направленіи дѣйствуетъ и надежность или ненадежность соціального положенія страны, судопроизводства и т. п. (123).

Мы перечислили всѣ главнѣйшія обстоятельства, опредѣляющія отношеніе оцѣнки между настоящимъ и будущимъ для людей, руководствующихся вообще извѣстными мотивами въ то время, когда у нихъ слагаются жизненные привычки. Разъ эти привычки уже сложились, то онѣ руководятъ дальнѣйшими поступками людей и какъ бы подчиняютъ себѣ своихъ прежнихъ господъ. Впрочемъ, громадное большинство людей вовсе не образуетъ своихъ привычекъ на основаніи собственнаго выбора или размышленія, а слѣдуетъ только примѣру окружающей среды и общему направленію, по которому идетъ образъ мыслей и дѣятельность всего общества (123). У различныхъ народовъ въ этомъ отношеніи наблюдаются весьма значительныя различія, влекущія за собою такія же громадныя различія и въ степени образованія и накопленія орудій, достигаемой каждымъ изъ этихъ народовъ; *Рэ* поясняетъ и доказываетъ это на цѣломъ рядѣ историческихъ примѣровъ.

Нѣсколько странная мысль служить затѣмъ *Рэ* переходомъ къ изслѣдованію *обмѣна* благъ, его законовъ и его средства—денегъ. Онъ исходитъ изъ того, что всякій старается исчерпать дѣеспособность своихъ орудій какъ можно скорѣе, потому что тогда они скорѣе производятъ свой продуктъ. Поскольку это удается, орудія переходятъ въ классы съ меньшимъ періодомъ удвоенія, а это въ еще большей степени поощряетъ къ накопленію и увеличенію количества орудій. Съ этой точки зрѣнія, на взглядъ *Рэ*, и надо разсматривать пользу *раздѣленія труда*. Если каждый будетъ ограничиваться извѣстною отраслью производства, т. е. обра-

зованіемъ такихъ орудій, которыя необходимы въ данномъ производствѣ, то орудія никогда не будутъ лежать праздными; вслѣдствіе этого между ихъ образованіемъ и амортизаціею проходитъ меньшій промежутокъ времени, они переходятъ въ „order of quicker return“; съ этимъ обстоятельствомъ связана возможность болѣе интенсивной аккумуляціи и лучшаго обезпеченія будущихъ потребностей всего общества (164, 165). Этотъ, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, весьма односторонній взглядъ на раздѣленіе труда кажется Рэ настолько важнымъ, что онъ посвящаетъ его защитѣ даже особое приложение (стр. 352 и слѣд.); въ этомъ приложеніи онъ полемизируетъ съ *Адамомъ Смитомъ*, который, какъ извѣстно, далъ иное объясненіе преимуществъ раздѣленія труда.

Раздѣленія труда нѣтъ безъ обмѣна; поэтому и обмѣнъ долженъ быть включенъ въ изслѣдованіе. При этомъ Рэ развиваетъ короткую, но замѣчательную теорію цѣнъ. Она представляетъ собою очень осторожно и удачно сформулированную *теорію издержекъ воспроизводства*. Если бы стоимость предметовъ опредѣлялась исключительно трудомъ, то предметы, требующіе равныхъ затратъ труда, обмѣнивались бы, какъ равноцѣнные. Но это имѣло бы мѣсто не потому, что эти предметы стоили такого количества труда, а потому, что они представляютъ собою орудія для удовлетворенія будущихъ потребностей, а также при условіи, что ихъ нельзя приобрести съ меньшей затратой труда. Если этого послѣдняго условія нѣтъ, если, напр., производитель затратилъ столько труда по неумѣнью и лѣности, то покупатель не будетъ платить цѣны, соответствующей въ дѣйствительности затраченному количеству труда. Рэ точнѣе формулируетъ свой законъ цѣнъ слѣдующимъ образомъ: если придется считаться съ однимъ только трудомъ, то предметы обмѣниваются другъ на друга не сообразно количеству труда, которое *было* затрачено на каждый изъ нихъ, а сообразно количеству труда, которое *необходимо* затратить (which it is necessary to bestow) для производства средствъ удовлетворенія потребностей одинаковой годности. Затѣмъ Рэ совершенно вѣрно подчеркиваетъ, что съ развитіемъ производственной техники предметы продаются уже не за то количество труда, котораго они стоили въ дѣйствительности, а за меньшее количество труда, которое необходимо для производства такого же предмета въ настоящее время (166—169).

Но, помимо труда, элементомъ, который приходится при-

нимать въ расчетъ, является также и *время* (one of the items to be taken into account). Почти всегда на ряду съ трудомъ потребляются или снашиваются также орудія, сырой матеріалъ, средства производства и т. п. Все это тоже должно возмѣщаться въ цѣнѣ товаровъ, и то въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ не только количеству труда, затраченнаго на производство, но и времени, по истеченіи котораго вознаграждается соотвѣтствующій трудъ, въ зависимости отъ интенсивности „effective desire of accumulation“. Если, напр., ткацкій станокъ, снашивающійся въ теченіе семи лѣтъ, стоилъ 100 рабочихъ дней, и если эффективная наклонность къ накопленію у соотвѣтствующаго индивида достаточно сильна, чтобы довести его при образованіи орудія до класса G съ семилѣтнимъ періодомъ удвоенія (strength sufficient to carry him to the order G), то содѣйствіе ткацкаго станка требуетъ вознагражденія, равнаго 200 рабочимъ днямъ въ концѣ семилѣтняго періода или же меньшему количеству рабочихъ дней, въ зависимости отъ даннаго промежутка времени, но все же превышающему 100 рабочихъ дней, если это вознагражденіе выплачивается раньше. Если бы у ткача „не было нравственной увѣренности, что онъ и получить столько, то онъ не образовалъ бы орудія, и если бы такая выручка не оставалась постоянной, то онъ не возстановлялъ бы орудія“ (169, 170).

Но и тамъ, гдѣ, повидимому, оплачивается одинъ только трудъ, на образованіе цѣнъ оказываетъ вліяніе и факторъ время. Если, напр., рабочий беретъ на себя вырубку участка лѣса, и исполненіе этой работы требуетъ 3 мѣсяцевъ, то его вознагражденіе будетъ различно, смотря по тому, получаетъ ли онъ таковое въ началѣ или въ концѣ этихъ трехъ мѣсяцевъ; „величина разности между этими двумя суммами, какъ и въ другихъ случаяхъ, будетъ зависѣть отъ того, до какихъ классовъ, при соотвѣтствующемъ положеніи дѣлъ, вообще дошло образованіе орудій“ (by the particular orders to which instruments, in that particular situation, are generally wrought up.; p. 170).

Эта точка зрѣнія весьма интересно поясняется другимъ замѣчаніемъ, высказаннымъ *P* въ послѣдствіи, хотя и въ другой связи. Всѣ орудія обладаютъ способностью къ удовлетворенію потребностей или сбереженію труда ¹⁾. Но такіа дѣйствія орудій принадлежатъ будущему. Немыслимо оцѣ-

¹⁾ См. выше, стр. 361.

нивать одинаково одинаковыя количества удовлетвореній потребностей или сбереженій труда, доступныя намъ завтра или же черезъ 5 или 50 лѣтъ. Въ противномъ случаѣ намъ приходилось бы считать равноцѣнными 100 большихъ деревьевъ, которыя завтра же могли бы намъ дать 100 сажень дровъ, и 100 молодыхъ деревьевъ, которыя дадутъ то же количество дровъ черезъ 50 лѣтъ. Естественнымъ масштабомъ для сравненія такихъ благъ и для опредѣленія общаго мѣрила въ настоящемъ трудѣ является *относительная оцѣнка*, сложившаяся у соотвѣтствующихъ индивидовъ при сопоставленіи настоящаго и будущаго, т. е. *интенсивность эффеkтивной наклонности къ накопленію*, господствующей въ даномъ обществѣ. Если эта наклонность къ накопленію обладаетъ *достаточною интенсивностью для того, чтобы довести образование орудій до класса E съ пятилѣтнимъ періодомъ удвоенія*, то цѣнность орудія, дающаго по истеченіи пяти лѣтъ выручку, цѣнностью въ два рабочихъ дня, будетъ соотвѣтственно равна цѣнности одного рабочаго дня настоящаго труда (171, 172).

Наконецъ, въ другомъ мѣстѣ (300) теорія цѣнности кратко и ясно резюмируется еще такимъ образомъ, что товары обмѣниваются „на равныя количества труда, въ зависимости отъ времени затраты такового и отъ *класса, фактически достигнушаго орудіемъ*“ (for equal quantities of labor, reckoned according to the time when applied, and the actual orders of instruments).

Отъ очень внимательнаго читателя, можетъ быть, не ускользнуло то, что въ различныхъ замѣчаніяхъ *Pз* формулируетъ вліяніе времени на опредѣленіе цѣнъ въ двухъ не совсѣмъ тождественныхъ вариантахъ, которые я привелъ курсивомъ. Въ однихъ мѣстахъ онъ устанавливаетъ принципъ, что моментъ времени долженъ вознаграждаться въ зависимости отъ интенсивности къ накопленію, наблюдаемой у даннаго индивида или у даннаго общества, т. е. опредѣляется психологическими факторами; на основаніи же другихъ замѣчаній масштабъ для вознагражденія долженъ опредѣляться тѣмъ классомъ выручки, до котораго фактически развилось образование орудій у даннаго общества. А эти два фактора вовсе не тождественны, какъ это было хорошо извѣстно уже самому *Pз*. Интенсивность наклонности къ накопленію всегда опережаетъ фактическое накопленіе, которое представляетъ собою только слѣдствіе этой наклонности: только въ томъ случаѣ, когда эта наклонность „дѣйствовала уже достаточно долго“, фактическое накопленіе можетъ достичь ея

уровня ¹⁾, но нѣкоторыя обстоятельства, среди которыхъ, по мнѣнію Рэ, особенно важную роль играютъ новыя изобрѣтенія, содѣйствуютъ тому, что между фактически достигнутымъ уровнемъ аккумуляціи и между уровнемъ, обуславливаемымъ психологическими факторами, всегда существуетъ нѣкоторый промежутокъ. Временно я только констатирую это разногласіе въ формулировкѣ закона цѣны и оставляю за собою право вернуться къ этому вопросу при критической оцѣнкѣ теоріи Рэ.

Введеніе денегъ придало всѣмъ операціямъ, относящимся къ выручкѣ на орудія соотвѣтственно промежутку времени, въ теченіе котораго таковая получается, болѣе простой и болѣе однообразный видъ. Считаютъ по процентамъ *per annum* ¹⁾. Выручка на орудія, которыя ссужаются въ кредитъ, называется процентомъ на капиталъ (*interest*), выручка на орудія, которыя собственникъ оставляетъ за собою, которыми онъ самъ пользуется, называется прибылью на капиталъ (*profit of stock*). Послѣднее выраженіе обнимаетъ собою въ большинствѣ случаевъ еще и вознагражденіе за физическій или интеллектуальный трудъ предпринимателя и за рискъ. Если исключить эти элементы, то общепринятую процентную норму (*rate of interest*) можно считать подходящимъ мѣриломъ реальной средней величины прибыли на капиталъ въ данной странѣ, а, слѣдовательно, и масштабомъ для того класса схемы доходности, до котораго дошло образованіе орудій („*at which instruments are there arrived*“, 195, 196).

Несмотря на то, что эффективная склонность къ накопленію весьма различна у различныхъ индивидовъ одного и того же народа, все же нетрудно убѣдиться въ томъ, что всѣ существующія въ одномъ и томъ же обществѣ орудія относятся къ одному и тому же или почти одному и тому же классу доходности (выражаясь проще, всѣ капиталы даютъ болѣе или менѣе одинаковые проценты). Рэ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ. Расточители и вообще лица, у которыхъ „*desire of accumulation*“ менѣе развито, чѣмъ у большинства общества, могутъ путемъ обмѣна при-

¹⁾ Рэ, напр., на стр. 172 и слѣд. опредѣленно отличаетъ случаи „*where the effective desire of accumulation of a community has had opportunity to work up the materials possessed by it into instruments of an order correspondent to its own strength*“, отъ случаевъ, „*where the accumulative principle has not yet had time fully to operate*“; въ томъ же духѣ стр. 194 и 264.

²⁾ См. выше, стр. 365 и слѣд.

обрѣсти за орудія, которыми они владѣютъ, больше той стоимости, которую они приписываютъ таковымъ на основаніи своей собственной оцѣнки настоящаго и будущаго, почему они ихъ и продаютъ; такіе люди постепенно бѣднѣютъ. Наоборотъ, люди, у которыхъ наблюдается необыкновенно интенсивная склонность къ аккумуляціи, склонны образоватъ орудія, относящіяся къ еще низшему классу доходности, чѣмъ общепринятый; но это излишне, такъ какъ они могутъ закупать орудія, дающія нормальную ренту, которыми пренебрегаютъ расточители. „Они—естественные покупатели составныхъ частей капиталовъ изъ рукъ расточителей; излишекъ предусмотрительности у нихъ уравниваетъ собою недостаточность таковой у расточителей и удерживаетъ общее количество орудій въ данномъ обществѣ болѣе или менѣе въ одномъ и томъ же классѣ“ (198, 199). То обстоятельство, что доходы, получаемые на различныя орудія, по относительной величинѣ равны между собою, ведетъ къ тому, что отдѣльные индивиды считаютъ эту величину мѣриломъ для оцѣнки различныхъ операций; операция, обѣщающая дать обычную норму прибыли, предпринимается и считается доходной, операция же, не обѣщающая обычной нормы прибыли, не предпринимается и считается невыгодной, приносящей убытокъ; эти выраженія—прибавляетъ Рэ совершенно вѣрно—не совсѣмъ правильны и во всякомъ случаѣ имѣютъ только относительное значеніе въ предѣлахъ извѣстной страны и извѣстнаго времени (205, 206).

На ряду съ склонностью къ аккумуляціи дѣйствуетъ и вторая великая основная сила—*прогрессъ въ области изобрѣтеній*. Рэ посвящаетъ этому фактору очень интересныя разсужденія общаго и историческаго характера. Для нашей темы имѣетъ главнымъ образомъ значеніе второе—какимъ образомъ успѣхи техники вліяютъ на величину національнаго богатства, съ одной стороны, и на величину процентной нормы, съ другой.

Сущность техническихъ изобрѣтеній заключается въ болѣшинствѣ случаевъ въ томъ, что открываются новыя или болѣе подходящія вещества, или новыя полезныя свойства или дѣйствія таковыхъ, при чемъ въ послѣднемъ отношеніи играютъ весьма важную роль успѣхи науки (224 и слѣд.). Ближайшимъ слѣдствіемъ прогресса является всегда то, что трудъ становится болѣе производительнымъ: теперь при помощи такого же количества труда производятъ болѣе большой эффектъ, чѣмъ прежде, или же при помощи меньшей затраты труда такой же. И поскольку вѣрно теоретическое предпо-

ложение, которое *Pэ* уже въ самомъ началѣ называетъ необходимымъ, предположеніе, что орудія оцѣниваются соотвѣтственно ихъ физическимъ дѣйствіямъ ¹⁾, дальнѣйшимъ слѣдствіемъ большей производительности труда является то, что орудія переходятъ въ „more speedily returning orders“, такъ какъ возрастаетъ соотношеніе между ихъ сарасити и стоимостью (258, 259). И это дѣйствіе, относящееся первоначально только къ тѣмъ специальнымъ орудіямъ, которыхъ данное изобрѣтеніе касается непосредственно, распространяется вскорѣ и на всѣ орудія, которыми владѣетъ общество. Если, напр., вводится улучшение въ печеніи хлѣба, дающее возможность произвести съ половиной затратой труда и топлива хлѣбъ такого же качества, то выгода отъ такого улучшенія выпала бы на долю не только пекарей, но и всего общества. „Прибыль пекарей возросла бы въ незначительной степени, между тѣмъ какъ все общество приобрѣтало бы хлѣбъ за меньшее количество труда, и каждый потребитель хлѣба, т. е. каждый членъ общества, приобрѣталъ бы при тѣхъ же расходахъ нѣсколько большее количество продуктовъ. Весь рядъ орудій, которыми владѣетъ общество, сталъ бы нѣсколько болѣе производительнымъ и перешелъ бы въ классъ съ меньшимъ періодомъ удвоенія“ (would be somewhat more productive, would be carried to an order of quicker return; 259).

Такимъ образомъ, передвигая всю совокупность орудій въ народномъ хозяйствѣ въ „more productive orders“, каждое изобрѣтеніе повышаетъ ту величину, которую *Pэ* называетъ его „абсолютнымъ капиталомъ и богатствомъ“ (absolute capital and stock), т. е. національный капиталъ, къ которому примѣняется тотъ идеальный масштабъ, который *Pэ* установилъ нѣсколько раньше (стр. 172, см. выше стр. 373 и слѣд.) для оцѣнки всѣхъ орудій, назначенныхъ для удовлетворенія будущихъ потребностей. Если оцѣниваютъ орудія по ихъ будущей выручкѣ, выражая послѣднюю въ настоящемъ трудѣ, на основаніи принятаго въ обществѣ масштаба для оцѣнки настоящаго и будущаго, то вызванное прогрессомъ удвоеніе выручки при неизмѣнномъ состояніи „desire of accumulation“ должно повести и къ вдвое большей оцѣнкѣ орудій или же къ удвоенію абсолютнаго капитала, представляемаго орудіемъ. Однако, обыкновенно при оцѣнкѣ своихъ орудій люди пользуются инымъ масштабомъ: они ихъ сравниваютъ между собою на основаніи отношенія ихъ взаимнаго обмѣна, при чемъ за масштабъ принимается извѣстное благо (деньги), съ

¹⁾ ср. выше, стр. 361 и слѣд.

которымъ и сравниваются всѣ остальные орудія. Оцѣнка по такому масштабу, на основаніи мѣновой цѣнности относительно другихъ видовъ орудій, ведетъ къ понятію „*относительнаго* капитала или богатства“ (172). Этотъ относительный капиталъ непосредственно не увеличивается благодаря изобрѣтеніямъ, такъ какъ, благодаря прогрессу, непосредственно увеличивается не количество существующихъ орудій, а только ихъ *saracit*. Если это увеличеніе распредѣляется равномерно между различными орудіями, то нѣтъ основанія предполагать, что орудія будутъ обмѣниваться въ другихъ отношеніяхъ, чѣмъ раньше; если улучшенія для различныхъ орудій наступаютъ неравномерно, то за нѣкоторыя орудія будутъ, правда, получать въ обмѣнъ большее количество орудій другого рода, чѣмъ раньше, но въ такомъ случаѣ пала, конечно, мѣновая цѣнность этихъ послѣднихъ въ томъ же отношеніи, и общая „относительная или мѣновая цѣнность“ (*relative of exchangeable value*) національнаго богатства останется прежней (260).

То, что ростъ абсолютнаго уровня богатства имѣетъ также реальное значеніе, вытекаетъ во всякомъ случаѣ изъ слѣдующихъ трехъ обстоятельствъ:

- 1) будущія потребности членовъ общества обезпечиваются въ большихъ размѣрахъ;
- 2) данное народное хозяйство становится болѣе могущественнымъ по сравненію съ другими народными хозяйствами; и
- 3) *посредственно* вызывается увеличеніе количества орудій или національнаго богатства. Дѣло въ томъ, что успѣхи техники даютъ возможность подвергнуть обработкѣ менѣе удобныя или болѣе упорныя вещества, которыя раньше оставляли безъ вниманія; такимъ образомъ, увеличивается рядъ веществъ, годныхъ для обработки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и количество орудій, производимыхъ изъ матеріаловъ данной страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наконецъ, растетъ и величина мѣновой цѣнности, которую представляетъ собою увеличенное количество существующихъ орудій, или же „относительный капиталъ“ націи. Будетъ ли этотъ приростъ великъ или малъ, это всецѣло зависитъ отъ свойствъ и количества веществъ, находящихся въ „ближайшихъ, низшихъ“ слояхъ, включенныхъ, благодаря прогрессу, въ область обработки (*quantity of materials of the next lower grades*). Иногда уже незначительное улучшеніе, при господствующей интенсивности склонности къ аккумуляціи, можетъ ввести въ сферу дѣйствій послѣдней значительное количество матеріаловъ. между тѣмъ какъ иногда значительное улучшеніе даетъ

возможность лишь незначительно увеличить число орудій (262, 263).

Введение улучшеній по вышеизложеннымъ причинамъ обыкновенно влечетъ за собою большую норму прибыли, если только этому не противодѣйствуютъ другія причины. Обусловленная такими причинами высокая прибыль представляетъ собою признакъ (indicative) совершившагося непосредственнаго роста абсолютнаго капитала въ народномъ хозяйствѣ и вышеизложеннымъ путемъ ведетъ затѣмъ также и къ росту относительнаго капитала. Однако, высокая прибыль должна существовать и въ такихъ странахъ, въ которыхъ активная наклонность къ накопленію развита слабо. Но въ такомъ случаѣ высокую прибыль нужно разсматривать съ совершенно иной точки зрѣнія. Она не представляетъ собою ни признака роста дохода отдѣльныхъ членовъ націи ни признака предстоящаго роста ихъ относительнаго капитала (263). —

Наконецъ, *P*₂ вводитъ въ разсмотрѣніе и противоположныя тенденціи, противодѣйствующія увеличенію народнаго богатства; среди нихъ особенно видное мѣсто занимаютъ роскошь и вредъ (waste), причиняемый образомъ дѣйствія отдѣльныхъ личностей или же государствъ (война!). Теоретическій интересъ представляетъ при этомъ раздѣленіе благъ на „luxuries“ и „utilities“. Блага представляютъ собою utilities, поскольку они оцѣниваются по физическимъ свойствамъ, дѣлающимъ ихъ годными къ удовлетворенію реальныхъ потребностей, — luxuries, поскольку они оцѣниваются по пригодности для удовлетворенія тщеславія (vanity) (оглавленіе р. XV). Предметы роскоши представляютъ собою тѣ блага, которыя не подчиняются сдѣланному *P*₂ въ началѣ (стр. 94; см. выше стр. 361 и слѣд.) теоретическому предположенію, что блага сравниваются между собою и оцѣниваются по ихъ физическимъ свойствамъ; у нихъ причиной оцѣнки является не ихъ пригодность для реального удовлетворенія потребностей, а ихъ драгоцѣнность (305 и др.).

Изслѣдованія совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ обстоятельствъ, вліяющихъ на природу и производство благъ, побуждаетъ, наконецъ, *P*₂ къ краткому сопоставленію образа дѣйствія двухъ различныхъ основныхъ факторовъ — „inventive principle“ и „accumulative principle“. Первый принципъ поднимаетъ могущество человѣка и увеличиваетъ народное богатство тѣмъ, что переноситъ орудія, составляющія таковое, въ классы *of quicker return*. „Accumulative principle“ побуждаетъ людей включать въ область своихъ операций новый рядъ фактовъ

и увеличиваетъ народное богатство тѣмъ, что повышаетъ *saracity* уже существующихъ орудій или вводитъ въ обработку новыя вещества; притомъ этотъ принципъ, въ противоположность „*inventive principle*“, переноситъ орудія въ классы *of slower return* (321, 322).

В. К р и т и к а.

Для того, чтобы безпристрастно выяснить значеніе *P₂* для нашего вопроса, надо прежде всего имѣть въ виду, что всѣ стремленія и цѣли *P₂* были направлены не на объясненіе процента на капиталъ, а на нѣчто совершенно другое. Его интересуется ростъ національнаго богатства. Онъ ведетъ свои глубокія изслѣдованія до тѣхъ поръ, пока они не даютъ ему возможности приложить таковыя къ главной темѣ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, онъ выдвигаетъ также вопросы, связанные съ процентомъ на капиталъ, въ особенности свою схему орудій различныхъ классовъ доходности. Классъ доходности, котораго въ данный моментъ достигли орудія, опредѣляетъ собою процентную норму; но вліяніе на процентную норму для него не такъ важно,—для него гораздо важнѣе то, что перемѣщеніе границы доходности вверхъ или внизъ имѣетъ вліяніе на количество орудій, которыя можно образовать при данныхъ условіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на величину національнаго богатства. *P₂* разсматриваетъ проблему процента, но разсматриваетъ ее только потому, что она лежитъ на пути къ его главной цѣли, и только въ предѣлахъ, необходимыхъ для достиженія таковой. Слѣдствіемъ этого является своеобразная несоразмѣрность обсужденія. Тѣ предпосылки теоріи процента, которыя въ то же время являются предпосылками и для его взглядовъ на увеличеніе народнаго богатства, развиваются съ большою подробностью и основательностью; такъ развиваются, напр., причины, опредѣляющія *effective desire of accumulation*. Тѣ же предпосылки, которыя могли имѣть значеніе для одной только проблемы процента, какъ проблемы распредѣленія, разсматриваются съ лаконическою краткостью; такъ, напр., всю теорію образованія мѣнновой цѣнности и цѣнъ онъ изложилъ на четырехъ сраницахъ (166—170), и—что въ высшей степени интересно—онъ нарочно не включаетъ въ изслѣдованіе

величины заработной платы, которая, въ силу своей неоспоримой связи съ величиною процента, должна была бы по необходимости затрагиваться,—онъ прямо предполагаетъ ее, какъ данную постоянную величину (стр. 97, 130 и слѣд.). Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ является то, что та необыкновенная основательность и законченность, съ которою Рэ обыкновенно развиваетъ свои мысли одну за другой, если онъ ведетъ къ его главной цѣли, не всегда наблюдаются въ тѣхъ случайныхъ отступленіяхъ, въ которыхъ онъ только слегка затрагиваетъ проблему распредѣленія—проблему процента, не вдаваясь въ подробное ея изслѣдованіе.

Въ замѣчаніяхъ Рэ по поводу проблемы процента можно различать два ряда мыслей. Одинъ рядъ объясняетъ процентъ на основаніи вліянія *времени* на оцѣнку потребностей и благъ. Этотъ рядъ по своему содержанію вполне законченъ, несмотря на то, что Рэ не приводитъ его въ стройной связи, а только отдѣльными отрывками въ различныхъ случаяхъ. Эти мысли можно резюмировать въ слѣдующихъ словахъ. По причинамъ, кроющимся въ насъ самихъ, а именно въ силу краткости и ненадежности жизни, въ силу ожидаемаго нами уменьшенія способности наслаждаться благами, наконецъ, въ силу нашей страстной преданности моменту, мы обыкновенно цѣнимъ настоящія удовольствія и потребности, а поэтому и средства къ удовлетворенію таковыхъ гораздо выше, чѣмъ будущія удовольствія, потребности и средства къ ихъ удовлетворенію. Въ силу этой высшей оцѣнки настоящаго, мы не считали бы себя достаточно вознагражденными за настоящее жертвованіе трудомъ или благами, если бы мы въ будущемъ получали путемъ производства только то, что мы пожертвовали въ настоящемъ; напротивъ, мы считаемъ настоящую жертву достаточно вознагражденною только въ томъ случаѣ, если будущій результатъ производства превышаетъ въ цѣнности настоящую жертву производства, по крайней мѣрѣ въ той же степени, въ какой мы настоящее цѣнимъ выше будущаго. Если цѣна продуктовъ не заключаетъ въ себѣ съ этой точки зрѣнія достаточнаго вознагражденія, то производство соответствующаго продукта не предпринимается или прекращается; такимъ образомъ, съ теченіемъ времени по необходимости наступаетъ такой уровень цѣнъ, при которомъ предприниматели, сверхъ возмѣшенія издержекъ, получаютъ еще прибавочный продуктъ, соответствующій общественной оцѣнкѣ отношенія настоящаго и будущаго и продолжительности промежутка времени, за который вознаграждаются

издержки. Этот прибавочный продукт и является прибылью на капитал¹⁾.

Въ этомъ рядѣ мыслей заключается значительное и оригинальное преимущество объясненія *Pэ* по сравненію съ различными попытками объясненій въ болѣе ранней литературѣ. Мы знаемъ, что уже *Галиани* и *Турго* не разъ въ общихъ выраженіяхъ приводили процентъ въ связь съ различной оцѣнкой настоящихъ и будущихъ благъ, но они не развивали дальше этой мысли и не использовали ея совершенно²⁾. *Pэ* первый сообщилъ ей мотивированное, законченное развитіе. Съ другой стороны, этимъ объясненіемъ онъ выполняетъ чертежъ, контуры котораго были набросаны *Смитомъ*, *Рикардо* и *Мальтусомъ* также въ неудовлетворительныхъ общихъ выраженіяхъ: названные писатели указали на то, что образование капитала и производительное его примѣненіе должны быть въ интересахъ капиталистовъ, и на то, что образование капитала приостанавливалось бы и прекращалось бы, если бы въ составъ цѣнъ благъ не входила прибыль на капиталъ³⁾. Всѣ эти общія выраженія *Pэ* развиваетъ такъ, что они становятся настоящей теоріей.

Я нѣсколько зайду впередъ и теперь уже охарактеризую отношеніе *Pэ* къ позднѣйшему развитію литературы: если бы этотъ рядъ мыслей остался у *Pэ* единственнымъ, то онъ случайно высказалъ бы этимъ то, что 37 лѣтъ спустя въ общихъ чертахъ высказалъ *Джевонсъ* по поводу настоящаго и будущаго; онъ высказалъ бы совершенно то же, что еще 15 лѣтъ спустя высказали *Лаунгардтъ* и *Заксъ* специально по поводу процента на капиталъ, примѣнивъ идеи *Джевонса*; онъ далъ бы, наконецъ, то же, что мерещилось мнѣ въ одной, самой ранней стадіи моихъ изслѣдованій причинъ процента на капиталъ, хотя я на этомъ ходѣ мыслей окончательно не остановился, усматривая въ немъ объясненіе, недостаточное для полнаго разрѣшенія проблемы.

Я считаю совершенно вѣрною мысль, что послѣдняя причина процента кроется въ различной оцѣнкѣ настоящихъ и

1) Этотъ ходъ мыслей особенно ясно вытекаетъ изъ сопоставленія *Pэ* на стр. 118 и слѣд., 172 и 169 и слѣд. Яснѣе всего онъ изложенъ въ тѣхъ многочисленныхъ мѣстахъ, въ которыхъ *Pэ* устанавливаетъ связь между чисто психологическимъ моментомъ „strength of the effective desire of accumulation“ и образованіемъ цѣнъ и процента. Между тѣмъ—въ этомъ мы убѣдимся впоследствии—введеніе „actual order of instruments“ вмѣсто „strength of desire“, какъ регулятора цѣнъ и процента, принадлежитъ другому ряду мыслей.

2) См. выше, стр. 69 и 76 и слѣд.

3) См. выше, стр. 92 и слѣд. 100, 180.

будущихъ благъ; я считаю далѣе совершенно вѣрнымъ то, что въ этой различной оцѣнкѣ играютъ существенно важную роль приводимыя *R*_э причины чисто психологическаго характера; но я считаю такъ же несомнѣннымъ и то, что эти причины не исчерпываютъ объясненія фактическихъ явленій процента на капиталъ. И это знали уже, какъ *R*_э, такъ и *Джевонсъ*. Факты, наблюдаемые на опытѣ, не допускаютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на колебаніе и величину процентной нормы вліяютъ не только чисто психологическія соображенія о краткости и ненадежности нашей жизни и нашей способности къ наслажденію, не только соображенія о большей прелести настоящаго—на колебаніе и величину процентной нормы вліяютъ также и условія производственной техники, т. е. тѣ факты и явленія, которые навели извѣстное уже намъ направленіе теоріи на мысль о самостоятельной „производительности капитала“. Затрудненіе—и къ тому же, на мой взглядъ, затрудненіе самое большое и самое интересное въ объясненіи проблемы процента — заключается въ томъ, чтобы доказать, какимъ образомъ и при содѣйствіи какихъ факторовъ эти разнородныя частичныя причины, отчасти объективныя, техническія, отчасти крайне субъективныя, психологическія, совмѣстно вліяютъ на окончательный результатъ—на явленіе процента на капиталъ, какъ такового. И я полагаю, что лучше всего я смогу содѣйствовать выясненію отношенія *R*_э къ этому вопросу, если постараюсь—опять-таки нѣсколько забѣгая впередъ—въ немногихъ общихъ выраженіяхъ охарактеризовать точку зрѣнія тѣхъ писателей, которые занимались этимъ вопросомъ послѣ *R*_э. При этомъ изложеніе я начну въ обратнo-хронологическомъ порядкѣ и изложу прежде всего свою собственную теорію.

Я стараюсь доказать, что условія производственной техники, на которыя я смотрю съ точки зрѣнія большей технической производительности продолжительнаго окольного пути производства, представляютъ собою частичную причину того, что настоящія блага, владѣніе которыми даетъ возможность выбирать такіе продолжительные окольные пути, оцѣниваются выше, чѣмъ будущія. На основаніи этого, условія производственной техники и условія психологическія уже съ самаго начала дѣйствуютъ совмѣстно: ихъ совмѣстная дѣятельность ведетъ прежде всего къ тому общему результату, что настоящія блага оцѣниваются выше, чѣмъ будущія,—этотъ результатъ одинъ только является пояснительнымъ связывающимъ звеномъ между частичными при-

чинами, вызывающими таковой, и процентомъ на капиталъ, который составляетъ его дальнѣйшее слѣдствіе ¹⁾.

Джевонсъ, очевидно, не видѣлъ или не нашелъ возможности включить въ одно общее доказательство условія производственной техники и условія чисто психологическія. Такимъ образомъ, онъ далъ электическое, двойственное объясненіе, при чемъ ни одно изъ нихъ не порываетъ со взглядами старыхъ школъ. Значеніе условій производственной техники онъ объясняетъ въ духѣ старой теоріи производительности, при чемъ онъ только вѣрно приписываетъ продолжительности промежутка времени между началомъ и концомъ процесса производства причинное вліяніе на величину техническихъ результатовъ; что же касается психологическихъ моментовъ, то послѣдніе нашли себѣ у него примѣненіе для объясненія процента подл старымъ шаблоннымъ выраженіемъ „воздержаніе“, между тѣмъ какъ блестяшіе и оригинальные результаты изслѣдованія психологическихъ причинъ меньшей оцѣнки будущихъ благъ остаются почти неиспользованными ²⁾.

Лаунгардтъ и *Заксъ*, напротивъ, совсѣмъ, кажется не сознавали необходимости пользоваться для объясненія наблюдаемаго явленія процента на капиталъ условіями производственной техники и считали достаточнымъ—въ разрѣзъ съ намѣреніями своего учителя—положить въ основу якобы *полнаго* объясненія процента на капиталъ исключительно тотъ матеріалъ для *частичнаго* объясненія, который былъ уже подготовленъ *Джевонсомъ*, но имъ не использованъ ³⁾.

Рз, наконецъ, совершенно вѣрно понялъ, что на ряду съ психологическими мотивами людей оказываютъ въ извѣстной степени вліяніе на процентъ на капиталъ и нѣкоторые объективные факты производственной техники; ему извѣстно, напр., и онъ это выразительно отмѣчаетъ, что, при совершенно неизмѣнномъ состояніи психологическихъ моментовъ, изобрѣтеніе лучшихъ техническихъ методовъ производства имѣетъ тенденцію увеличить процентную норму; въ виду этого, онъ и дополнилъ первый, чисто психологическій рядъ мыслей другимъ, касающимся *производственной техники*. Но, на мой взглядъ, этотъ второй рядъ мыслей—въ этомъ я

¹⁾ Желающимъ болѣе подробно ознакомиться съ моей теоріей я долженъ указать на второй томъ настоящаго сочиненія, заключающій въ себѣ мою положительную теорію (въ первомъ изданіи стр. 248 и слѣд. и 273 и слѣд.).

²⁾ Подробнѣе см. ниже, въ главѣ XIII.

³⁾ Подробнѣе см. ниже, въ приложеніи къ этому тому.

не согласенъ съ мнѣніемъ *мр. Микстера* ¹⁾ — и представляетъ собою слабую сторону его учения. *Рэ* не совладѣлъ съ проявляющимися здѣсь трудностями проблемы. Какъ многіе изъ его предшественниковъ, какъ даже *Джевансъ* послѣ него, онъ слишкомъ неосторожно и необдуманно принялъ техническій прибавочный продуктъ въ производствѣ за излишекъ цѣнности надъ издержками производства, вслѣдствіе чего объясненіямъ, способнымъ обосновать только бѣльшее количество продукта, онъ необдуманно придавалъ значеніе, достаточное для объясненія явленія излишка или процента. Въ этой части разсужденій *Рэ* рѣзче всего проявляется то, о чемъ я упомянулъ уже выше, а именно то, что объясненіе процента на капиталъ не представляло собою главной цѣли теоретическихъ изслѣдованій *Рэ*. Къ нѣкоторымъ изслѣдованіямъ, необходимымъ не для проблемы производства, а только для проблемы распредѣленія, *Рэ* относится поверхностно и не представляетъ ихъ ни себѣ ни читателямъ въ полной логической послѣдовательности. Благодаря этому, логическіе скачки, отсутствіе связи между тѣмъ, что было достигнуто прежде, и тѣмъ, изъ чего онъ исходитъ впослѣдствіи, наконецъ, различныя противорѣчія могли теперь остаться незамѣченными гораздо легче, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы *Рэ* сдѣлалъ проблему процента главнымъ предметомъ теоретическаго изслѣдованія, если бы онъ разобралъ одну за другой и соединилъ мысли, ведущія отъ эмпирическихъ основныхъ фактовъ къ объясненію процента на капиталъ.

Рэ вводитъ моментъ производственной техники въ свое психологическое объясненіе процента въ двухъ случаяхъ. *Во-первыхъ*, онъ при помощи производственной техники старается объяснить, почему люди при увеличеніи аккумуляціи и пріостановкѣ изобрѣтеній должны довольствоваться все меньшими излишками цѣнности. Онъ объясняетъ это ограниченными, скудными запасами матеріаловъ лучшаго качества и необходимостью постепенно обращаться для изготовленія орудій къ все худшимъ матеріаламъ, дающимъ тотъ же результатъ производства только при бѣльшей затратѣ труда или же при бѣльшихъ издержкахъ, вслѣдствіе чего получается меньшей излишекъ *saracitū* надъ издержками ²⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 357.

²⁾ См. выше, стр. 368 и слѣд. Дополнительное объясненіе, что и прочность благъ не можетъ быть увеличиваема безпредѣльно, не влеча за собою уменьшенія процента прибыли (см. выше стр. 368), по существу правильно, хотя оно и не постигаетъ всей глубины явленія.

Во-вторыхъ, путемъ производственной техники *P₂* образовываетъ психологически вѣрное правило, что процентная норма должна соответствовать психологической интенсивности общественной склонности къ накопленію, въ правило, отъ него отличное, что процентная норма опредѣляется уровнемъ доходности, до котораго фактически довела изготовленіе орудій аккумуляція. Здѣсь главную роль у *P₂* играютъ изобрѣтенія, „inventive principle“. Такъ какъ результатъ изобрѣтеній сказывается въ томъ, что орудіямъ при одинаковой затратѣ труда сообщается большая сарасити, то излишекъ сарасити надъ издержками растетъ; вслѣдствіе этого орудія переходятъ въ классы съ меньшимъ періодомъ удвоенія или же съ большей процентной выручкой. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что до тѣхъ поръ, пока еще можно производить орудія, дающія больший доходъ, и тѣ члены общества, которыхъ „strength of the effective desire of accumulation“ позволило бы принять за производство орудій, дающихъ меньшей доходъ, этого дѣлать не станутъ; такимъ образомъ, при всѣхъ дѣловыхъ вычисленіяхъ, при образованіи цѣнъ и, наконецъ, при опредѣленіи обычной нормы прибыли будетъ играть рѣшающую роль не интенсивность психологическаго „desire of accumulation“, а большая выручка, фактически получаемая на тотъ классъ орудій, до котораго дошло общество при постепенномъ использовании наилучшихъ условий производства. Такъ *P₂* въ большинствѣ мѣстъ своего произведенія, касающихся этого вопроса, вмѣсто „strength of the effective desire of accumulation“ приводитъ въ качествѣ причины, опредѣляющей процентъ, „actual order“, „at which instruments are arrived“ или „to which instruments are generally wrought up“¹⁾.

Легко убѣдиться въ томъ, что *P₂* въ своемъ объясненіи выдвигаетъ на первый планъ факты производственной техники; при этомъ онъ дѣлаетъ это такимъ образомъ,—это также немедленно бросается въ глаза—что его разсужденія необыкновенно напоминаютъ собою соответствующія разсужденія *Тюнена*. Не только мотивы производственной техники, обуславливающіе собою постепенное паденіе процент-

¹⁾ Напр., стр. 170, 196, 300 и много другихъ. Вышеприведенный ходъ мыслей также основанъ на отдѣльныхъ замѣчаніяхъ *P₂*. Самые важныя мѣста слѣдующія: стр. 258 и слѣд. (изобрѣтенія), 170 (образованіе цѣнъ), 205 и слѣд. (обычная норма прибыли); затѣмъ 194 и 172, содержащія замѣчанія о томъ, успѣло ли уже „desire of accumulation“ проявить свое дѣйствіе.

ной нормы, мотивы, на основаніи которыхъ, по истощеніи самыхъ производительныхъ условій производства, „дальнѣйшее образованіе капитала должно быть направлено на орудія менѣ производительныя“, приводятся у обоихъ писателей почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ—даже формула Тюнена, гласящая, что господствующая процентная норма опредѣляется на основаніи производительности „последняго атома капитала, затраченнаго на производствѣ“, представляетъ собою, очевидно, не что иное, какъ нѣсколько иначе выраженную мысль Рэ, что величина общепринятой процентной нормы опредѣляется доходностью того класса орудій, до котораго дошло общество при постепенномъ использованіи самыхъ выгодныхъ условій производства ¹⁾. Мы только должны и въ томъ и въ другомъ случаѣ задать вопросъ, использованы ли предпосылки изъ области производственной техники такимъ образомъ, что изъ нихъ вытекаетъ дѣйствительное и притомъ удовлетворительное объясненіе того, что хотѣли объяснить при ихъ помощи? По отношенію къ Тюнену мы должны были отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно; нашъ отвѣтъ не можетъ также быть положительнымъ и по отношенію къ Рэ.

Это старая пѣснь, извѣстная намъ уже изъ теории производительности: постоянно смѣшиваются производительность физическая и цѣнная. Это *quid pro quo* красною нитью проходитъ черезъ весь ходъ мыслей Рэ, отчасти сознательно, отчасти же полусознательно. Причиною этого являются понятіе „*saracity*“ и понятіе „*return*“, которое часто употребляется, какъ синонимъ перваго. Формально *saracity* опредѣляется какъ чисто техническое понятіе.

„Всѣ орудія“—говорится на стр. 92—„оказываютъ дѣйствія (*events*) или содѣйствуютъ созиданію этихъ дѣйствій, удовлетворяющихъ потребности людей. Ихъ способность оказывать такіа дѣйствія или результаты таковыхъ (*the amount of them*) я буду называть ихъ „*saracity*“. Такимъ образомъ, *saracity* велика или мала, смотря по тому, удовлетворяется ли при помощи даннаго блага большое или малое число потребностей, а, если мы имѣемъ дѣло не съ

¹⁾ См. выше, стр. 196 По моему убѣжденію, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что оба писателя дошли до аналогичныхъ результатовъ совершенно независимо одинъ отъ другаго. Ихъ изслѣдованія относятся почти къ одному и тому же времени, хотя и не были опубликованы одновременно, и оба они не слишкомъ увлекались чтеніемъ, а были уединенными мыслителями, ученія которыхъ цѣликомъ носятъ отпечатокъ вполне самостоятельной работы мыслей.

потребительнымъ благомъ, а производительнымъ, то *saracity* велика или мала въ зависимости отъ того, производится ли при помощи даннаго блага большое или малое количество продуктовъ. Въ томъ же техническомъ смыслѣ *saracity* много разъ поясняется на конкретныхъ примѣрахъ. Фруктовое дерево даетъ фрукты, поле—урожай, водопроводъ—воду (стр. 92). Такимъ же образомъ *Pэ* прямо-таки на основаніи естествознанія и техники доказываетъ на стр. 109 и слѣд., какимъ образомъ можетъ быть увеличена *saracity* благъ. Можно или увеличить промежутокъ времени, въ теченіе котораго орудія могутъ оказывать дѣйствія, или увеличить количество дѣйствій, оказываемыхъ орудіемъ за данный промежутокъ времени. Бѣльшая *saracity* улучшенныхъ дорогъ иллюстрируется тѣмъ, что онѣ допускаютъ использование при помощи 200.000 телѣгъ. А на стр. 259 *Pэ* иллюстрируетъ взглядъ, что изобрѣтенныя улучшенія даютъ „greater returns“ при тѣхъ же издержкахъ, тѣмъ, что при помощи усовершенствованнаго плуга люди могутъ при той же затратѣ труда и рабочаго скота обработать больше земли, чѣмъ прежде. Однимъ словомъ, *saracity* представляетъ собою техническую величину, измѣряемую количествомъ актовъ удовлетворенія потребностей или продуктовъ, производству которыхъ она содѣйствуетъ.

А между тѣмъ *Pэ* постоянно относитъ также *saracity* и къ *суммѣ цѣнностей*, которую представляютъ собою продукты или дѣйствія, произведенныя при помощи даннаго орудія. Онъ вводитъ это другое значеніе слова *saracity* съ замѣчаніемъ, что необходимо имѣть масштабъ для сравненія *saracity* или *returns* орудій съ трудомъ, затраченнымъ на ихъ производство. Этимъ масштабомъ онъ считаетъ трудъ, измѣряемый по его мѣнровой цѣнности или по вознагражденію, и *saracity* орудія представляется ему большой или малой, въ зависимости отъ того, равноцѣнны ли его дѣйствія большой или малой заработной платѣ, т. е. представляютъ ли они собою бѣльшую или меньшую сумму цѣнностей. *Pэ*, кажется, и не сознавалъ, что этимъ онъ конструируетъ новое понятіе *saracity*, по содержанію отличное отъ перваго, такъ какъ онъ сопровождаетъ новое толкованіе этого понятія замѣчаніемъ, что оно заключаетъ въ себѣ собственно только поясненіе терминологіи (92). Но въ другомъ мѣстѣ онъ приводитъ замѣчаніе, которое можетъ быть истолковано, какъ сознательное оправданіе отождествленія технической и цѣнностной производительности орудій, и которое, съ точки зрѣнія *Pэ*, вѣроятно, и

слѣдуетъ истолковать въ такомъ духѣ: онъ заявляетъ, что въ основу всѣхъ своихъ теоретическихъ разсужденій онъ долженъ положить предположеніе, что люди оцѣниваютъ орудія по ихъ физическимъ свойствамъ, т. е. по ихъ технической дѣеспособности — предположеніе, которое, на его взглядъ, соотвѣтствуетъ дѣйствительности ¹⁾),—за исключеніемъ только предметовъ роскоши, служащихъ исключительно для удовлетворенія тщеславія.

Однако, въ то же время *Рэ* устанавливаетъ въ своей системѣ еще противоположный законъ цѣнности; онъ учитъ, что цѣнность благъ опредѣляется величиною *издержекъ воспроизводства* ²⁾). Какимъ же образомъ *Рэ* представлялъ себѣ соотношеніе этихъ противорѣчивыхъ законовъ цѣнности, — вотъ одинъ изъ многочисленныхъ вопросовъ, для которыхъ я не нахожу вѣрнаго объясненія въ краткихъ и незаконченныхъ замѣчаніяхъ *Рэ*. Я считаю самымъ вѣроятнымъ, что *Рэ*, какъ и большинство экономистовъ того времени, имѣлъ въ виду двойное понятіе цѣнности: во-первыхъ, потребительную цѣнность (я, впрочемъ, нигдѣ въ его книгѣ не нашелъ выраженія „потребительная цѣнность“), къ которому относится законъ оцѣнки по физическимъ свойствамъ; и, во-вторыхъ, мѣновую цѣнность (это выраженіе *Рэ* прямо-таки и употребляетъ), подчиняющуюся закону издержекъ воспроизводства. Но какъ бы то ни было, явленіе излишка, ведущее къ проценту на капиталъ, безъ сомнѣнія, основано на разности между *мѣновыми цѣнностями* продукта и издержекъ; не подлежитъ также сомнѣнію и то, что при измѣненіи условій производства мѣновая цѣнность продукта вовсе не измѣняется сообразно его технической величинѣ и полезности. Несмотря, однако, на это, *Рэ*, соблазнившись двусмысленностью или, собственно говоря, даже трехсмысленностью своей *scarcity* (техническая *scarcity*,

¹⁾ Стр. 93 и слѣд. 259, 283 Contents XV. Слѣдуетъ отиѣтить, что замѣчаніе, сдѣланное при первомъ упоминаніи этого закона (стр. 94), а именно, что *scarcity* орудій, *служащихъ для удовлетворенія одного и того же рода потребностей*, сравнивается на основаніи *physical effects* таковыхъ, не представляетъ собою ограниченія сферы дѣйствій этого закона, а служитъ только для выраженія очевиднаго положенія, что сравнивать можно только величины однородныя. При слѣдующемъ упоминаніи закона объ этой оговоркѣ опредѣленно уже не упоминается, и, какъ изъ самыхъ словъ, такъ и изъ содержанія явно вытекаетъ, что оцѣнка на основаніи *physical effects* представляетъ собою *общій* принципъ оцѣнки для всѣхъ „*utilities*“, между тѣмъ какъ принципъ оцѣнки *luxuries* заключается въ ихъ драгоцѣнности, въ трудности ихъ приобрѣтенія (см. стр. 259, 283, 305 и слѣд. и XV° оглавленіе).

²⁾ См. выше, стр. 372.

сумма потребительных цѣнностей, сумма мѣновыхъ цѣнностей), на основаніи предпосылокъ, которыя могутъ имѣть значеніе только для технической сараситы, дѣлаетъ непосредственно выводы о суммѣ цѣнностей и излишкахъ мѣновыхъ цѣнностей. На основаніи чисто производственно-техническихъ предпосылокъ, какъ, напр., качества обрабатываемаго матеріала, увеличенія нашихъ свѣдѣній о свойствахъ веществъ и о явленіяхъ природы и т. п., онъ объясняетъ ростъ или паденіе технической сараситы, а затѣмъ изъ этого онъ непосредственно дѣлаетъ заключеніе о соответственномъ ростѣ или паденіи суммъ цѣнностей, объ увеличеніи или уменьшеніи излишка такихъ суммъ мѣновыхъ цѣнностей надъ издержками и о соответствующемъ переходѣ данныхъ орудій впередъ или назадъ въ „series of orders“, а эти „series of orders“ вѣдь не представляютъ собою ничего иного, какъ сопоставленіе благъ по процентному излишку цѣнности, приносимому таковыми сверхъ собственной цѣнности.

Это, конечно, совершенно невѣрно, что легко и наглядно можно доказать въ отдѣльности для каждаго изъ упомянутыхъ ходовъ мыслей, при помощи которыхъ P_2 вводитъ въ свою теорію процента элементъ производственной техники.

Паденіе процентной нормы при возрастающемъ накопленіи капитала P_2 желаетъ объяснить необходимостью прибѣгать къ все болѣе и болѣе неудобнымъ для обработки веществамъ, при чемъ орудія равной „efficiency“ могутъ быть произведены только съ большими издержками; „это значитъ“, говоритъ P_2 , они должны перейти въ классы съ меньшею доходностью (of slower return).

Но „это значитъ“ въ сущности совсѣмъ не то. Если люди производятъ орудія изъ все худшаго матеріала, если, напр., они разводятъ на менѣ плодородной почвѣ скоть, свекловицу или хлѣбъ, то, при томъ же уровнѣ техническихъ свѣдѣній, производство того же количества „орудій“ или продуктовъ, какъ, напр., производство центнера овечьей шерсти или центнера хлѣба, будетъ навѣрно стоить большей затраты посредственнаго или непосредственнаго труда, чѣмъ раньше; но зато этотъ центнеръ овечьей шерсти или хлѣба, на основаніи провозглашеннаго P_2 закона издержекъ воспроизводства, будетъ имѣть теперь большую цѣнность, чѣмъ раньше, несмотря на то, что его физическая efficiency или сараситы не измѣнились. Слѣдовательно, если оцѣнивать ¹⁾

¹⁾ См. выше, стр. 361 и 388 и слѣд.

сараситы—опять-таки по собственному указанію *P₂*—по количеству труда или заработныхъ платъ, къ которымъ приравнивается сараситы, то увеличенію издержекъ соотвѣтствуетъ и увеличеніе суммы цѣнностей, представляемыхъ сараситы орудій, и ни одна мысль ученія *P₂* не доказываетъ и даже не дѣлаетъ вѣроятнымъ, что цѣнность продукта должна возрасти въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ издержки: напротивъ, на основаніи закона издержекъ воспроизводства *P₂*, скорѣе можно было бы ожидать, что цѣнность продукта должна возрасти въ той же степени, въ какой возрастаютъ издержки, и тогда, конечно, было бы непонятнымъ, почему излишекъ цѣнности продукта надъ издержками долженъ уменьшаться, а уровень выручки, получаемой съ соотвѣствующихъ орудій, падать. А между тѣмъ *P₂* совершенно не даетъ болѣе детальныхъ доказательствъ, почему цѣнность продукта могла бы расти въ меньшей степени, чѣмъ издержки, такъ какъ, вслѣдствіе смѣшенія технической сараситы и сараситы цѣностной, онъ ошибочно считаетъ свою задачу выполненной, доказавъ, что тому же количеству продукта теперь соотвѣтствуетъ большее количество издержекъ.

Въ этомъ отношеніи *Рикардо* оказался болѣе дальновиднымъ. Въ разсужденіяхъ *P₂* нетрудно узнать ссылку на то же „law of diminishing returns“, при помощи котораго желаетъ объяснить тенденцію процентной нормы къ паденію и *Рикардо*. *P₂* только выразилъ этотъ законъ въ болѣе общемъ, въ болѣе отвлеченномъ видѣ, такъ какъ онъ вообще говоритъ о необходимости перехода къ менѣе благодарнымъ „веществамъ“, между тѣмъ какъ *Рикардо*, выражаясь болѣе конкретно, указывалъ только на самый важный случай, т. е. на необходимость прибѣгать къ менѣе благодарнымъ участкамъ земли. Но *Рикардо* совершенно вѣрно обратилъ вниманіе на то, что увеличеніе количества труда, которое приходится затрачивать на производство того же количества продуктовъ, теперь не урѣзываетъ уже непосредственно прибыли на капиталъ; напротивъ, цѣнность этого количества продуктовъ также должна возрасти и возрасти въ той же мѣрѣ, что и количество труда, необходимаго для производства таковыхъ; и только въ силу того, что, при данныхъ условіяхъ, должна также увеличиться и *заработная плата*, уменьшается излишекъ цѣнности продукта, возрастающей медленнѣе, надъ издержками производства, возрастающими быстрѣе, а вмѣстѣ съ нимъ и норма прибыли ¹⁾. Но эта

¹⁾ См. выше, стр. 110 и слѣд.

точка зрѣнія—которая, какъ мы видѣли, правда, также не ведетъ къ цѣли—осталась чуждой *Pэ*, который въ своихъ разсужденіяхъ нарочно и опредѣленно называетъ заработную плату данной и постоянной величиной ¹⁾).

Не лучше обстоитъ также дѣло и съ убѣдительною разсужденій *Pэ* о вліяніи новыхъ изобрѣтеній на увеличеніе нормы прибыли. Если какое-либо блестящее изобрѣтеніе даетъ возможность при помощи того же труда производить теперь въ десять разъ бѣльшій техническій продуктъ, то—за исключеніемъ случая монополіи, котораго, однако, *Pэ* также вовсе не имѣетъ въ виду—не можетъ быть и рѣчи о томъ, что и продуктъ будетъ представлять собою въ 10 разъ большую сумму цѣнности и будетъ давать въ 10 разъ бѣльшій излишекъ надъ собственной цѣнностью соотвѣтствующаго орудія, вслѣдствіе чего послѣднее соотвѣтственнымъ образомъ подвинулось бы впередъ въ схемѣ доходности. Напротивъ, опять-таки на основаніи закона, опредѣленно высказаннаго самимъ *Pэ* въ его ученіи о цѣнахъ (стр. 168), цѣнность продукта понизится до уровня, соотвѣтствующаго уменьшеннымъ издержкамъ производства, и опять-таки не очевидно, что (и почему) при такомъ равномерномъ паденіи цѣнности и издержекъ разность между ними, представляющая собою прибыль на капиталъ, должна теперь быть больше, чѣмъ прежде.

Впрочемъ, въ случаѣ изобрѣтеній паденіе цѣнности предметовъ, которыхъ касается данное изобрѣтеніе, представляетъ собою явленіе столь замѣтное и общеизвѣстное, что *Pэ* не могъ не обратить на него вниманія. Соотвѣтствующее мѣсто—обнимающее всего 16 строкъ—замѣчательно особенно потому, что оно представляетъ собою единственное мѣсто, въ которомъ *Pэ* касается, хотя опять-таки только очень кратко, дѣйствительно-критической стороны проблемы процента. А именно, онъ утверждаетъ, что дѣйствія улучшеній „непосредственно и первоначально“ простираются только на улучшенныя орудія, „но что они очень скоро распространяются на все количество орудій, которыми владѣетъ данное общество“. И въ этомъ мѣстѣ онъ приводитъ выше (стр. 377.) изложенный нами примѣръ о техническихъ улучшеніяхъ при печеніи хлѣба, которые доставляютъ пекарямъ только „небольшое увеличеніе ихъ прибыли“, а всѣмъ членамъ общества болѣе дешевый хлѣбъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—при тѣхъ же расходахъ—нѣсколько большее количество про-

¹⁾ См. выше, стр. 380 и слѣд.

дуктовъ, вслѣдствіе чего всѣ орудія, которыми владѣтъ общество, переходятъ въ классъ большей доходности.

Здѣсь *P₂* имѣлъ въ виду, очевидно, то, что, согласно выведенному имъ закону мѣнновой цѣнности, цѣнность хлѣба падаетъ вслѣдствіе паденія издержекъ производства. По мѣрѣ того, какъ совершается это паденіе, расходятся, конечно, и обѣ не отличаема *P₂* „*saracities*“. *Техническая saracity* хлѣба, т. е. его способность удовлетворять потребности людей, остается тою же, *цѣнностная* же его *saracity* понижается, что, между прочимъ, является нагляднымъ доказательствомъ того, что введеніе момента цѣнности въ понятіе *saracity* имѣло все-таки нѣсколько большее значеніе, чѣмъ простое терминологическое поясненіе. Но по мѣрѣ того, какъ осуществляется законъ мѣнновой цѣнности, прекращаются, конечно, и тѣ вліянія, при помощи которыхъ *P₂* хочетъ объяснить увеличеніе процентной нормы. Если мѣнновая цѣнность хлѣба падаетъ пропорціонально уменьшенію издержекъ, то выручка, очевидно, не дастъ большаго излишка надъ издержками, чѣмъ раньше, орудія, употребляемая для изготовленія хлѣба, *не* переходятъ въ высшій классъ доходности, и норма прибыли *не* повышается.

P₂ приводитъ, правда, еще два замѣчанія, которыя, на его взглядъ, очевидно, должны разрѣшить эту злосчастную для его теоріи дилемму, но которыя въ дѣйствительности не имѣютъ никакого значенія. Съ одной стороны, онъ утверждаетъ, что увеличивающее процентъ вліяніе изобрѣтеній, которое, вслѣдствіе паденія цѣны хлѣба, теряетъ значеніе для послѣдняго, отзывается на всѣхъ другихъ орудіяхъ, которыми владѣтъ общество. Но предположеніе, что польза, получаемая обществомъ отъ болѣе дешевой покупки хлѣба, должна выражаться въ большемъ процентѣ, получаемомъ на собственность, очевидно, невѣрно. Во-первыхъ, этой выгодой пользуются не только собственники, но и рабочіе, заработная плата которыхъ реально увеличивается отъ удешевленія потребительнаго блага. И, во-вторыхъ, если даже допустить, что эта выгода получается благодаря обмѣну собственностей, то все же ходъ мыслей *P₂* не дастъ ничего такого, что могло бы объяснить ростъ дохода отъ этихъ собственностей надъ ихъ цѣнностью. И здѣсь *P₂* сдѣлался жертвою самообмана вслѣдствіе того, что онъ смѣшиваетъ техническую дѣеспособность съ цѣнностной производительностью. Если вообще въ обмѣнъ получаютъ за свои товары большее количество хлѣба, чѣмъ прежде, то въ извѣстномъ смыслѣ можно, конечно, утверждать, что *техническая saracity*

всѣхъ товаровъ возросла, такъ какъ послѣдніе можно обмѣ-
нять на большее количество средствъ удовлетворенія потреб-
ностей. При желаніи, можно еще утверждать, что возросла
реальная мѣновая цѣнность этихъ товаровъ, такъ какъ мѣно-
вое отношеніе всякаго товара къ *одному* виду товара (хлѣбу)
увеличилось, а ко всѣмъ остальнымъ осталось неизмѣннымъ,
такъ что мѣновое отношеніе въ общемъ итогѣ нѣсколько
возросло. Но изъ этого нельзя еще заключать, что возросло
также и отношеніе между выручкой и собственной цѣнностью
или цѣнностью издержекъ орудій — отношеніе, обусло-
вливающее собою переходъ въ „order of more quicky
return“. Дѣло въ томъ, что небольшое увеличеніе реальной
мѣновой цѣнности, наблюдаемое у всѣхъ видовъ продуктовъ,
кромѣ хлѣба, распространяется и на средства производства
этихъ продуктовъ, въ томъ числѣ и на общее средство про-
изводства—трудъ; въ итогѣ возрастаютъ въ одинаковомъ
направленіи и въ одинаковой степени оба фактора—издержки,
съ одной стороны, и „выручка“, съ другой,—и совершенно
непонятно, какимъ образомъ этотъ фактъ можетъ служить
причиной увеличенія излишка выручки надъ издержками.

Но *R₂* даетъ еще второе указаніе. Онъ говоритъ, что
на долю пекарей выпадало бы небольшое увеличеніе ихъ
прибыли (a small additional profit). Въ этихъ трехъ словахъ
R₂ затрагиваетъ—притомъ, какъ мнѣ кажется, единственный
только разъ во всемъ своемъ сочиненіи, да и то тономъ
простого констатированія фактовъ—то явленіе, которое при
строгомъ отношеніи къ теоріи процента должно было бы
лежать въ центрѣ разсужденій. Почему нивелирующая кон-
куренція должна остановиться на уровнѣ, стоящемъ *выше*
издержекъ, если существуетъ нивелирующій законъ издер-
жекъ? Это тотъ же вопросъ, который мы должны были
задавать по порядку всѣмъ теоретикамъ производительности
капитала въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, смотря по инди-
видуальнымъ особенностямъ ихъ ученій, начиная съ *Лодер-
дала* и его ткацкихъ станковъ, сберегающихъ трудъ, и
кончая *Страсбургеромъ* и его вознагражденіемъ за содѣй-
ствіе силъ природы, и который мы теперь должны предло-
жить и *R₂*: почему на долю пекарей должно постоянно ¹⁾

1) Т. е. и послѣ завершения процесса уравниванія, вызваннаго ненор-
мальною въ первое время прибылью, получаемую пекарями. Исчезно-
веніе увеличенія прибыли *R₂* принимаетъ во вниманіе только по отно-
шенію къ тому отдаленному и вообще неопредѣленному времени,
когда аккумуляція капитала совершенно достигнетъ „desire of accumu-
lation“.

выпадать „небольшое“ увеличеніе прибыли, несмотря на нивеллирующую конкуренцію?

По всей вѣроятности, P_2 полагалъ, что эти два указанія взаимно подтверждаются. Если бы было вѣрно, что фактъ болѣе дешевой покупки хлѣба влечетъ за собою непосредственное увеличеніе прибыли на капиталъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности, тогда въ самомъ дѣлѣ было бы ясно, что пекарное ремесло могло бы не довольствоваться меньшей нормой прибыли, чѣмъ всѣ остальные отрасли производства, и что дальнѣйшее предложеніе капитала, благодаря которому и совершается нивеллирующее дѣйствіе закона издержекъ, пріостановится уже тогда, когда для пекарнаго ремесла будетъ существовать норма прибыли, превышающая прежнюю, т. е. та же норма прибыли, которая будетъ существовать, благодаря болѣе дешевой покупке хлѣба, и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ промышленности. Но такъ какъ послѣднее предположеніе, какъ мы видѣли, невѣрно, то оно не можетъ также служить опорой для перваго.

А опираться только на себя оно также не можетъ. Опора существуетъ, правда, — и въ этомъ заключается преимущество *общей* теоріи P_2 надъ чистыми теоріями производительности — для факта, что конкуренція никогда не можетъ понизить цѣну хлѣба вплоть до величины издержекъ производства, до простого возмѣщенія издержекъ на заработную плату и т. п.: этого не допускаютъ чисто психологическіе мотивы и силы, относящіяся къ „первому ряду мыслей“ ¹⁾ въ общей теоріи P_2 . Но для объясненія причинъ дальнѣйшаго измѣненія цѣнъ внѣ предѣловъ, обусловленныхъ этими силами, — т. е. причинъ того, что P_2 въ данномъ примѣрѣ называетъ „небольшимъ увеличеніемъ прибыли“, того, что въ своей общей теоріи онъ обозначаетъ понятіемъ „actual order of instruments“, которое въ дѣйствительности обозначаетъ высшій уровень выручки, вмѣсто чисто психологическаго „strength of effective desire of accumulation“ ²⁾, — P_2 не представляетъ никакихъ убѣдительныхъ аргументовъ. Это дальнѣйшее измѣненіе P_2 желаетъ объяснить и обосновать вліяніемъ производственной техники; однако, въ своемъ ходѣ мыслей онъ идетъ по пятамъ теоретиковъ производительности и не въ состояніи объяснить постоянное ³⁾ существованіе даннаго явленія. Физическій изли-

¹⁾ См. выше, стр. 381.

²⁾ См. выше, стр. 373 и слѣд. 386.

³⁾ См. выше, стр. 394 примѣчаніе 1-ое.

шекъ продуктовъ, изъ котораго *P₂* исходитъ, не долженъ обязательно представлять собою особаго увеличенія излишка цѣнности, къ которому онъ незамѣтно переходитъ въ своемъ разсужденіи; этотъ переходъ особенно рѣзко бросается въ глаза во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ говоритъ о переходѣ улучшенныхъ орудій въ *orders of more quicky returns*, въ зависимости отъ ихъ увеличившейся технической дѣеспособности; онъ менѣе бросается въ глаза (хотя для болѣе тонкаго наблюдателя онъ такъ же очевиденъ) въ одномъ своеобразномъ мѣстѣ, въ которомъ *P₂* вводитъ въ разсмотрѣніе понижающее вліяніе конкуренціи. Вмѣсто одного рода орудій, въ которомъ наступило улучшение, у него переходятъ въ *orders of more quicky returns* всѣ орудія, такъ что и въ этомъ мѣстѣ технической излишекъ непосредственно превращается, по его мнѣнію, въ излишекъ цѣнности, который, вслѣдствіе нивеллирующей конкуренціи, не прекращается и не уменьшается, а распределяется равномерно между всѣми орудіями, существующими въ данномъ обществѣ!

Въ довершеніе всего этого въ ученіи самого *P₂* есть еще одно лишнее положеніе, которое, при логичномъ мышленіи, должно было бы удержать его отъ толкованія большаго или меньшаго количества продуктовъ, производимыхъ при содѣйствіи какого-нибудь орудія, въ смыслѣ большаго или меньшаго излишка выручки. А именно, въ одномъ мѣстѣ онъ выразительно указываетъ на то, что мы опредѣляемъ цѣнность орудій на основаніи ихъ будущихъ дѣйствій, принимая въ соображеніе соотвѣтствующій промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ таковыхъ; въ этомъ и заключается ихъ „естественный“ масштабъ оцѣнки, который *P₂* самъ обѣщаетъ примѣнять въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ ¹⁾. Но къ чему же приводитъ примѣненіе этого масштаба? Если, благодаря удачному изобрѣтенію, можно при помощи орудія произвести вдвое больше продуктовъ, чѣмъ прежде, то и его собственная цѣнность должна была бы быть оцѣниваема въ два раза выше, и двойной выручкѣ должна была бы соотвѣтствовать, въ качествѣ двойныхъ издержекъ производства, двойная собственная цѣнность орудія, снашивающагося въ производствѣ; отсюда ясно, что увеличеніе разности между выручкой и издержками уже совсѣмъ не находитъ себѣ объясненія въ этихъ разсужденіяхъ!

Это наводитъ меня на послѣднюю точку зрѣнія, съ кото-

¹⁾ О. с. стр. 172; см. и выше, стр. 374.

рой—можетъ-быть проще и убѣдительноѣ всего — можно освѣтить ошибку Рэ. Всѣ выгодныя измѣненія въ производственной техникѣ, которыя Рэ считаетъ результатомъ необходимости прибѣгать къ обработкѣ менѣ удобныхъ веществъ, въ концѣ концовъ сводятся къ измѣненіямъ въ *производительности труда*: равныя количества труда даютъ въ первомъ случаѣ болѣе техническій результатъ, во второмъ меньшій; слѣдовательно, въ первомъ случаѣ трудъ болѣе производителенъ, во второмъ менѣе производителенъ, чѣмъ прежде ¹⁾. По мнѣнію Рэ, цѣнность всѣхъ орудій, которыхъ коснулось такое измѣненіе производительности, все равно, будетъ ли это цѣнность потребительная или мѣновая, измѣняется; не измѣняется только цѣнность труда: производить ли онъ въ силу удачныхъ изобрѣтеній для удовлетворенія человѣческихъ потребностей вдвое больше, чѣмъ прежде, или же, въ силу исчерпанія самыхъ удобныхъ веществъ, вдвое меньше, чѣмъ прежде—цѣнность его никогда не мѣняется. Что касается цѣнности труда и вознагражденія за таковой, то Рэ опредѣленно высказываетъ гипотетическое предположеніе, что они представляютъ собою величины данныя, постоянныя (стр. 97, 131; см. выше, стр. 361, 366), и остается вѣрнымъ ему въ области всѣхъ своихъ теоретическихъ изслѣдованій. Это можно было допустить, когда его теоретическая задача заключалась не въ объясненіи образованія цѣнностей, которыя вліяютъ на цѣнность труда и, въ свою очередь, зависятъ и отъ его вліянія; но это сдѣлалось неправою методическою ошибкою, когда предметомъ объясненія явилось какъ разъ образованіе разностей между цѣнностью благъ и цѣнностью труда,—а процентъ на капиталъ, собственно говоря, вѣдь не представляетъ собою ничего иного. Увеличеніе производительности труда *caeteris paribus* должно было бы, очевидно, вліять на его цѣнность—все равно, потребительную или мѣновую—по тѣмъ же причинамъ (и въ томъ же направленіи), по которымъ оно вліяетъ на цѣнность продукта, произведеннаго трудомъ; не менѣе очевидно, что ошибочна и теорія, объясняющая появленіе разстоянія между двумя величинами, передвигающимися въ одномъ и томъ же направленіи, просто тѣмъ, что считаетъ одну величину непрерывно движущеюся, а другую, движущуюся въ томъ же направленіи, считаетъ неподвижною на

¹⁾ Рэ самъ высказывается въ томъ смыслѣ, что *inventive faculty* „must render the labour of the members of the society more effective“ (стр. 258).

основаніи спеціально придуманной, ничѣмъ не оправданной гипотезы.

Такимъ образомъ, *Pэ* не постигъ причинъ и интенсивности вліяній, распространяющихся изъ области производственной техники на область процента на капиталъ; собственно говоря, онъ и не могъ постичь таковыхъ, такъ какъ въ его распоряженіи не было еще разработанной теоріи цѣнности, которая, подобно современной теоріи предѣльной полезности, дала бы возможность подробно изслѣдовать обратное вліяніе измѣненія количествъ продуктовъ на потребительную и мѣновую цѣнность, какъ самыхъ продуктовъ, такъ и ихъ средствъ производства. Великая и оригинальная заслуга *Pэ* заключается въ томъ, что онъ въ общихъ чертахъ—о частностяхъ я здѣсь говорить не буду—вѣрно изложилъ тотъ первый рядъ мыслей, который содержитъ въ себѣ психологическія причины различной оцѣнки настоящаго и будущаго, и что онъ приложилъ этотъ ходъ мыслей къ объясненію процента на капиталъ, въ чемъ онъ превзошелъ даже *Джеводса*. Второй же рядъ мыслей *Pэ*, касающійся области производственной техники, менѣе удаченъ. Если *мр. Микстеръ* приписываетъ ему и здѣсь законченную и вѣрную точку зрѣнія ¹⁾, то, по всей вѣроятности, онъ увлекся нѣкоторыми внѣшними условіями, которыя, на первый взглядъ, въ самомъ дѣлѣ, легко могутъ ввести въ заблужденіе. Дѣло въ томъ, что *мр. Микстеръ* былъ уже знакомъ съ нѣкоторыми детально разработанными теоріями процента, которыя были выдвинуты позднѣйшими изслѣдователями, въ особенности авторомъ настоящаго произведенія. Благодаря странной случайности, теорія *Pэ* съ внѣшней стороны заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ элементовъ, имѣющихъ поразительное сходство съ выраженіями, законами и методическими приѣмами, употребляемыми позднѣйшими теоріями процента; но, благодаря той же случайности, эти отличающіеся внѣшнимъ сходствомъ элементы обѣихъ теорій въ большинствѣ случаевъ совершенно различны по смыслу и содержанию.

Такъ, напр., моя теорія оперируетъ со „схемой убывающей прибавочной выручки“ ²⁾, а теорія *Pэ* съ „series of orders“, отличающимися убывающей процентной нормой выручки. По содержанию, конечно, оба „ряда“ ничего общаго не имѣютъ, такъ какъ въ нихъ группируются различные

¹⁾ См. выше, стр. 357.

²⁾ Positive Theorie I изданіе стр. 402, 413 и слѣд.

предметы—у меня валовыя выручки съ единицъ труда, у *Рэ* чистыя выручки съ капиталовъ—съ различныхъ точекъ зрѣнія—продолжительности промежутка времени, необходимаго для процесса производства, съ одной стороны, и продолжительности времени, въ теченіе котораго удваивается первоначальная цѣнность капитала, съ другой,—при чемъ, конечно, различны и результаты.

Затѣмъ моя теорія даетъ законъ „убывающей прибавочной выручки“, теорія же *Рэ*—законъ „of diminishing returns“¹⁾, содержанія которыхъ опять-таки совершенно различны. На основаніи скудности запаса матеріаловъ лучшаго и наилучшаго качества въ природѣ, *Рэ* выводитъ законъ, что при статическомъ состояніи изобрѣтеній должно имѣть мѣсто *дѣйствительное уменьшеніе результатовъ труда*, такъ что единица труда производитъ меньшее количество продуктовъ. Моя же теорія, на основаніи причинъ, не имѣющихъ ничего общаго со скудностью запасовъ вешествъ въ природѣ, выводитъ законъ, по которому, благодаря увеличенію періода производства, единица труда можетъ производить все большее количество продуктовъ, при чемъ прогрессія, по которой увеличивается количество продуктовъ, возрастаетъ медленнѣе²⁾.

Моя теорія создаетъ техническій терминъ „промежуточный продуктъ“, теорія *Рэ*—терминъ „орудіе“; я выше уже доказалъ, что это выраженіе обнимаетъ собою совершенно другую область благъ, и что *Микстеръ* ошибочно считаетъ такое тождественнымъ съ моими промежуточными продуктами³⁾.

Наконецъ, въ обѣихъ теоріяхъ моментъ времени играетъ важную роль. Поскольку мы говоримъ о вліяніи времени на оцѣнку настоящихъ и будущихъ потребностей, — это относится къ часто приводимому „первому ряду мыслей“—то мы въ самомъ дѣлѣ можемъ установить полную аналогію взглядовъ. Въ области производственной техники въ силу чистой случайности встрѣчаются также полупохожія понятія и похожія, почти даже тождественныя выраженія, имѣющія между тѣмъ различныя значенія. Моя теорія интересуется „періодомъ производства“, обнимающимъ промежутокъ вре-

1) Самъ *Рэ* не употребляетъ этого выраженія, но *мр. Микстеръ* пользуется имъ при сравненіи обѣихъ теорій.

2) И *Микстеръ* выразительно подчеркиваетъ, что эти сравниваемые мною взгляды обѣихъ теорій существенно различны. О. с. стр. 188 и слѣд.

3) См. выше, стр. 359, примѣчаніе.

мени до изготовления продукта. У *R₂*, при случаѣ, можно найти съ формальной стороны почти тождественное выраженіе „period of formation“; но значеніе для своихъ выводовъ *R₂* приписываетъ не *моему* промежутку времени, а другому, а именно промежутку между изготовленіемъ и амортизаціей продукта, слѣдовательно, не столько продолжительности образования благъ, сколько продолжительности ихъ существованія. Поэтому въ ходѣ мыслей *R₂* промежутку времени приписывается скорѣе распредѣлительная роль: отъ него зависитъ, слѣдуетъ ли разсматривать весь чистый доходъ, получаемый на данное орудіе за все время его существованія и существующій только благодаря человѣческой изобрѣтательности ¹⁾, какъ прибыль, получаемую въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени, а, слѣдовательно, даетъ ли этотъ чистый доходъ больший или меньшій годичный процентъ; между тѣмъ важная, уже *Дже-вонсомъ* высказанная мысль, которая впоследствии была использована въ моей теоріи для приведенія въ связь вліяній производственной техники со вліяніями чисто психологическими, мысль, что продолжительность процесса образования благъ оказываетъ причинное вліяніе на величину технического продукта, осталась чуждой ходу мыслей *R₂*—обстоятельство, которое счелъ нужнымъ подчеркнуть, хотя и косвенно, и *мр. Микстеръ*, который, впрочемъ, склоненъ ставить такое *R₂* въ заслугу ²⁾.

Однако, всѣ эти существенныя различія, можно даже сказать противорѣчія, замѣтны только для болѣе тонкаго наблюдателя; но если принять во вниманіе, что въ дѣйствительности существуетъ полная гармонія ³⁾ между взглядами *R₂* и моими, не только въ „первомъ рядѣ мыслей“, относящемся къ области психологіи, но и въ извѣстныхъ элементарныхъ основахъ ученія о производствѣ, въ особенности по поводу

¹⁾ См. выше, стр. 358.

²⁾ Въ одномъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что *R₂* не приводитъ вліянія времени на производство большаго продукта въ числѣ аргументовъ, доказывающихъ фактъ, что цѣнность настоящихъ благъ больше цѣнности будущихъ (О. с. стр. 173); въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ взглядъ, что *R₂* „могъ бы согласиться“ (Rae might agree и т. д. стр. 188) съ моимъ положеніемъ, что способы производства, требующіе большой затраты времени,—какъ показываетъ опытъ—болѣе производительны; изъ этого можно заключить, что *R₂* открыто съ этимъ положеніемъ не согласился; но вмѣстѣ съ тѣмъ *Микстеръ* ставитъ ему въ заслугу то, что—въ отличіе отъ меня—онъ приписалъ *изобрѣтенію* надлежащее значеніе въ этомъ вопросѣ.

³⁾ См. выше, стр. 359, 360, прим. 1-ое.

элементарнаго характера производства и дѣйствія благъ; если далѣе принять во вниманіе и то, что *Рэ* вообще высказывался необыкновенно кратко, а часто и неясно о самыхъ важныхъ вопросахъ, касающихся проблемы процента, какъ таковой, — то, съ субъективной точки зрѣнія, ясно, что побудило *мр. Микстера* нѣсколько поспѣшно высказать взглядъ, что и въ остальной части нашихъ теорій похожія выраженія и приемы содержать въ себѣ и одинаковыя мысли, и приписать той части ученія *Рэ*, которая касается производственной техники, такія мысли, которыя въ дѣйствительности были ему чуждыми.

Я опасаясь, что многіе читатели могутъ вынести впечатлѣніе, что я въ этой главѣ слишкомъ распространялся, забѣгая далеко впередъ, не только по поводу *Рэ*, но и моей собственной теоріи. Я навѣрно не сдѣлалъ бы этого, если бы меня не заставило, не обязало поступить такъ необыкновенное положеніе дѣлъ. Если бы я имѣлъ возможность исполнѣ согласиться съ мнѣніемъ *мр. Микстера*, то я призналъ бы примать *Рэ* въ части проблемы процента, касающейся техники производства, такъ же охотно и съ такою же готовностью, какъ я это открыто теперь дѣлаю по отношенію къ психологической части. Однако—*amicus Plato, sed magis amica veritas!* И такъ какъ я въ своей догматически-исторической критикѣ пришелъ къ другому мнѣнію, чѣмъ *мр. Микстеръ*, то я считалъ себя обязаннымъ изложить это какъ можно точнѣе и добросовѣстнѣе, тѣмъ болѣе, что произведеніе *Рэ* сдѣлалось очень рѣдкимъ и потому недоступнымъ для большинства читателей, вслѣдствіе чего я долженъ былъ въ этомъ мѣстѣ подробно изложить матеріалъ для оцѣнки его ученія.

Резюмируя, я могу сказать о *Рэ* слѣдующее: въ одной половинѣ своего ученія онъ оригиналенъ и первый положилъ начало новому направленію; въ другой же половинѣ онъ, независимо отъ нѣкоторыхъ оригинальныхъ деталей, идетъ по стопамъ теоретиковъ производительности, какъ и стоящій не ниже его, его современникъ *Тюнень*, съ которымъ вообще соединяетъ его большое сходство ученія, направленія и самостоятельности мыслей, непоколебленной вліяніемъ книгъ.

ХІІ.

Теорія експлоатаціи.

І. Историческій обзоръ.

Я перехожу теперь къ той замѣчательной теоріи, появленіе которой, если и не принадлежитъ къ самымъ утѣшительнымъ событіямъ въ наукѣ 19-го вѣка, то уже, безъ сомнѣнія, къ самымъ важнымъ по своимъ послѣдствіямъ, теоріи, которая стояла у колыбели современнаго социализма и выросла вмѣстѣ съ нимъ, которая въ данный моментъ представляетъ собою теоретическій полюсъ, вокругъ котораго въ большинствѣ случаевъ вращаются нападеніе и отраженіе въ борьбѣ за организацію человѣческаго общества.

Эта теорія еще не имѣетъ краткаго характернаго названія. Если бы я хотѣлъ его вывести изъ особенностей большинства приверженцевъ этой теоріи, то я могъ бы ее назвать *соціалистической* теоріей процента. Но въ виду того, что я считаю болѣе цѣлесообразнымъ при наименованіи этого ученія исходить изъ его теоретическаго содержанія, то я не нахожу для него болѣе подходящаго названія, чѣмъ *теорія експлоатаціи*. Этимъ названіемъ я впредь и буду пользоваться.—Въ нѣсколькихъ сжатыхъ словахъ сущность этого ученія временно можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ:

Всѣ блага, имѣющія цѣнность, являются продуктомъ человѣческаго труда и, съ хозяйственной точки зрѣнія, *исключительно* продуктомъ человѣческаго труда. Однако, рабочіе получаютъ не весь ими исключительно созданный продуктъ—благодаря обезпеченному институтомъ частной собственности распоряженію необходимыми средствами производства, капиталисты отнимаютъ у рабочихъ часть ихъ продукта. Средствомъ для этого служитъ наемный договоръ; въ силу этого договора капиталисты покупаютъ рабочую силу настоящихъ производителей, которыхъ голодъ заставляетъ согласиться

на предлагаемая капиталистами условия, только за часть производимаго ими продукта, другая же часть продукта переходитъ въ собственность капиталиста, какъ нетрудовой доходъ. Такимъ образомъ, процентъ на капиталъ является частью продукта чужого труда, приобретаемой путемъ эксплуатации стѣсненнаго положенія рабочаго класса.

Почва для появленія этого ученія подготовлялась въ теченіе продолжительнаго времени; даже больше, оно стало почти неизбѣжнымъ благодаря тому своеобразному направленію, которое приняла экономическая наука о цѣнности благъ со временъ *Смита* и, въ особенности, *Рикардо*. Учили и вѣрили, что цѣнность всѣхъ хозяйственныхъ благъ или, по крайней мѣрѣ, громаднаго ихъ большинства, измѣряется количествомъ труда, въ нихъ заключеннаго, и что трудъ является причиною и источникомъ цѣнности благъ. При такомъ положеніи вещей, естественно, долженъ былъ раньше или позже возникнуть вопросъ, почему рабочій не получаетъ всей цѣнности, создаваемой его трудомъ. А разъ этотъ вопросъ былъ поднятъ, то, съ точки зрѣнія этой же теоріи цѣнности, нельзя было найти иного отвѣта, кромѣ того, что часть общества, капиталисты, подобно трутнямъ, присваиваетъ себѣ часть цѣнности продукта, создаваемаго исключительно другою частью общества, рабочими.

Родоначальники трудовой теоріи цѣнности, *Смитъ* и *Рикардо*, какъ мы уже видѣли, не даютъ еще этого отвѣта. Этого отвѣта избѣгали также и нѣкоторые изъ первыхъ ихъ послѣдователей, какъ, напр., нѣмцы *Зоденъ* и *Лотцъ*, которые, хотя и подчеркивали уже довольно рѣзко созидательную цѣнность силу труда, но въ общихъ взглядахъ на народно-хозяйственную жизнь они еще твердо шли по стопамъ своихъ учителей. Но вѣдь этотъ отвѣтъ представлялъ собою послѣдовательный выводъ изъ ихъ ученія, и не доставало только подходящаго случая и послѣдовательнаго ученика для того, чтобы нѣсколько раньше или позже высказать его открыто. Такимъ образомъ, *Смитъ* и *Рикардо* можно считать невольными праотцами теоріи эксплуатации. Таковыми ихъ и считаютъ послѣдователи этого ученія. Даже самые непримиримые социалисты говорятъ о нихъ, даже почти исключительно о нихъ, съ извѣстнымъ уваженіемъ, которое питаютъ къ отцамъ „истиннаго“ закона цѣнности; единственный дѣлаемый имъ упрекъ заключается въ томъ, что недостаточность послѣдовательности помѣшала имъ самимъ вывести изъ своей теоріи цѣнности теорію эксплуатации.

Тому, кто любитъ изучать старинныя родословныя, не только для семействъ, но и для теорій, удастся уже въ предыдущихъ столѣтїяхъ найти не мало замѣчаній, которыя напоминаютъ собою основныя идеи теоріи эксплуатаціи. Не говоря уже о канонистахъ, которые, какъ извѣстно, только случайно приходятъ къ тѣмъ же выводамъ, я укажу на *Локка*, который въ одномъ мѣстѣ ¹⁾ вполне опредѣленно указываетъ на трудъ, какъ на источникъ всѣхъ благъ, а въ другомъ называетъ процентъ плодомъ чужого труда ²⁾; на *Джемса Стюарта*, который, хотя и высказывается менѣе опредѣленно, но все же возвращается въ томъ же кругѣ мыслей ³⁾; на *Зонненфельса*, который при случаѣ называетъ капиталистовъ классомъ людей, „которые вовсе не трудятся, а живутъ по томъ трудящихся классовъ“ ⁴⁾; на *Бюша*, который также считаетъ процентъ на капиталъ (хотя онъ говоритъ только о договорномъ ссудномъ процентѣ) „доходомъ на собственность, добытымъ путемъ чужого труда“ ⁵⁾. Вотъ примѣры, число которыхъ, я думаю, можно было бы въ значительной степени увеличить при добросовѣстномъ изученіи болѣе древней литературы.

Но все же зарожденіе теоріи эксплуатаціи, какъ вполне сознательнаго, связнаго ученія, слѣдуетъ отнести къ болѣе позднему періоду. Этому зарожденію предшествовало еще

¹⁾ Civil Gouvernement. Томъ II гл. V § 40. Мѣсто, которое я приведу въ переводѣ *Рошера* изъ его статьи „Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre,“ въ связи гласитъ слѣдующее: „И вовсе не такъ странно, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, что трудъ имѣетъ для собственности большее значеніе, чѣмъ земля. Въ самомъ дѣлѣ, только трудъ сообщаетъ всякой вещи ту или другую цѣнность. Стоитъ только представить себѣ, какова разница между участкомъ земли, засѣяннымъ табакомъ, свекловицей, пшеницей или ячменемъ, и участкомъ той же земли, не приспособленнымъ еще къ обработкѣ,—и мы убѣдимся, что улучшение, произведенное путемъ человѣческаго труда, представляетъ собою гораздо большую цѣнность. Я полагаю, что дамъ очень умѣренную оцѣнку, если скажу, что изъ всѣхъ продуктовъ земли, годныхъ для человѣческой жизни, $\frac{9}{10}$ представляетъ собою результатъ труда; если же мы пожелаемъ оцѣнить вещи, какъ слѣдуетъ, въ зависимости отъ ихъ значенія для употребленія, а различные расходы вычислимъ въ зависимости отъ того, обязаны ли мы ими исключительно природѣ или же труду,—тогда мы найдемъ, что въ большинствѣ случаевъ 90% слѣдуетъ отнести исключительно въ счетъ труда“.

²⁾ Considerations of the consequences of the lowering of interest и т. д. 1691, p. 24. Ср. выше, Отд. III стр...

³⁾ См. выше, гл. III, стр. 66.

⁴⁾ Handlungswissenschaft, 2-ое изд. Стр. 430.

⁵⁾ Geldumlauf. Томъ 3-ій § 26.

двѣ подготовительныхъ стадіи: во-первыхъ, какъ уже было замѣчено выше, развитіе и популяризація теоріи цѣнности *Рикардо*, которая представляла собою теоретическую почву, на которой теорія эксплуатаціи могла уже вырасти сама по себѣ; и, во-вторыхъ, побѣдоносный ростъ капиталистическаго крупнаго производства, которое создало глубокую пропасть между капиталомъ и трудомъ и тѣмъ самымъ выдвинуло на первый планъ великихъ общественныхъ проблемъ и проблему о нетрудовомъ процентѣ на капиталъ.

Мнѣ кажется, что подъ вліяніемъ всего этого наше время созрѣло для систематическаго развитія теоріи эксплуатаціи съ 20-хъ годовъ 19-го столѣтія. Къ первымъ теоретикамъ, которые ее обосновали болѣе обстоятельно, принадлежитъ *Вильямъ Томпсонъ* въ Англіи и *Сисмонди* во Франціи—о „практическихъ“ коммунистахъ, стремленія которыхъ основывались, конечно, на подобныхъ же взглядахъ, я въ настоящей исторіи теоріи говорить не буду.

Томпсонъ ¹⁾ развилъ главныя мысли теоріи эксплуатаціи кратко, но уже съ удивительною ясностью и опредѣленностью. Мы находимъ у него теоретическую отправную точку, что трудъ представляетъ собою источникъ всякой цѣнности, и приложеніе этой точки зрѣнія въ томъ смыслѣ, что производители должны получать весь доходъ отъ своего производства; что касается этого права на полный продуктъ труда, то *Томпсонъ* констатируетъ, что фактически рабочіе должны довольствоваться вознагражденіемъ, еле достаточнымъ для существованія, между тѣмъ какъ *прибавочная цѣнность* (additional value, surplus value), которая можетъ быть произведена при той же затратѣ труда, благодаря примѣненію машинъ и другого капитала, заграбается капиталистами, которые собрали капиталъ и предоставляютъ его рабочимъ. Такимъ образомъ, земельная рента и процентъ на капиталъ представляютъ собою вычеты изъ полной, слѣдующей рабочимъ выручки отъ труда ²⁾.

Что касается вліянія, которое *Томпсонъ* оказалъ на позднѣйшее развитіе литературы, то мнѣнія по этому поводу расходятся. Слѣды этого вліянія, которые бросались бы въ глаза, во

¹⁾ An inquiry into the principles of the distribution of wealth most conducive to human happiness 1. 24. О *Томпсонѣ* и его непосредственныхъ предшественникахъ, *Годвинъ* и *Галль*, см. *Антонъ Менгера*: „Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag“, Stuttgart 1886 §§ 3—5 и *Гельда*: „Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands“, Leipzig 1881. Стр. 89 и слѣд., 378 и слѣд.

²⁾ См. *Антонъ Менгера*. О. с. § 5.

всякомъ случаѣ незначительны. Въ англійской литературѣ направленіе *Томпсона* нашло себѣ мало послѣдователей ¹⁾, а самые выдающіеся социалисты французской и нѣмецкой литературы, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, не опираются на его ученіе. Трудно рѣшить, основателенъ ли взглядъ, высказанный въ послѣднее время съ большою настойчивостью *Антономъ Менгеромъ*, будто *Марксъ* и *Родбертусъ* позаимствовали самую важную социалистическія теории у болѣе раннихъ англійскихъ и французскихъ писателей, въ частности у *Томпсона* ²⁾. Я этого взгляда отнюдь не считаю обязательнымъ. Если какое-нибудь ученіе, такъ сказать, но ситя въ воздухѣ, то утвержденіе, будто чело-вѣкъ, высказавшій данную мысль, обязательно позаимствовалъ ее у другого, не всегда справедливо; оригинальность или неоригинальность писателя въ такомъ случаѣ совсѣмъ еще не зависитъ отъ того, высказалъ ли онъ данный взглядъ, носящійся въ воздухѣ, нѣсколькими годами раньше или позже; его творческая сила проявляется въ томъ, что онъ сумѣлъ оригинально развить этотъ взглядъ въ связанное жизненное научное построеніе. Въ научныхъ вопросахъ вообще очень часто—бываетъ, правда, и наобо-

¹⁾ Къ тому же времени и къ тому же направленію относятся произведенія *Hodgskin'a*: мало извѣстное „Popular Political Economy“ и анонимная статья подъ характернымъ заглавіемъ: „Labour defended against the claims of capital.“ Я лично не имѣлъ возможности познакомиться съ этими произведеніями и узналъ о нихъ только по цитатамъ изъ другихъ современныхъ *Hodgskin'у* англійскихъ писателей. Особенно часто приводятъ ихъ *Ридъ* и *Скропъ*, полемизируя съ ихъ содержаніемъ. Полное заглавіе анонимной статьи слѣдующее: „Labour defended against the claims of Capital; or the Unproductiveness of capital proved. By a labourer. London 1825.“ О томъ, что данная статья принадлежитъ *Hodgskin'у*, я сужу на основаніи замѣчанія *Скропа* въ „Principles of Political Economy“. London. 1833, p. 150. Я приведу нѣсколько характерныхъ мѣстъ изъ цитаты *Рида*. „All the benefits attributed to capital arise from co-existing and skilled labour“ (Вступленіе). Затѣмъ авторъ соглашается, что при помощи орудій и машинъ можно произвести большее количество и лучшихъ продуктовъ, чѣмъ безъ таковыхъ, но присоединяетъ слѣдующее замѣчаніе: „But the question then occurs what produces instruments and machines, and in whad degree do they aid production independent of the labourer, so that the owners of them are entitled to by far the greater part of the whole produce of the country? Are they or are they not the produce of labour? Do they or do they not constitute an efficient means of production separate from labour? Are they or are they not so much inert, decaying, and dead matter, of no utility whatever, possessing no productive power whatever, but as they are guided, directed and applied by skilful hands?“ (p. 14).

²⁾ См. *Антонъ Менгеръ*. О. с. Вступленіе, стр. V, затѣмъ стр. 53, 79 и слѣд., 97 и др.

ротъ—гораздо легче (да и заслуга меньше) высказать извѣстный взглядъ, „предугадать“ таковой, чѣмъ убѣдительно доказать и развить его. Я укажу хотя бы на извѣстное отношеніе *Дарвина* къ *Гете*, предугадавшему основныя идеи теоріи развитія; или въ нашей наукѣ—на *Адама Смита*, который бѣгло брошенный *Локкомъ* взглядъ, что трудъ является источникомъ всѣхъ богатствъ, сумѣлъ развить въ свою знаменитую „промышленную систему“. Что же касается нашего случая, то, на мой взглядъ, *Родбертусъ* и *Марксъ* поняли и развили идею объ эксплуатаціи, какъ бы подсказанную имъ развитіемъ трудовой теоріи цѣнности, настолько оригинально, что я лично не могу согласиться съ тѣмъ, будто они „позаимствовали“ ее одинъ у другого или же у предшествующихъ имъ писателей ¹⁾.

Болѣе сильнымъ и широкимъ, чѣмъ вліяніе *Томсона*, было несомнѣнно вліяніе *Сисмонди*.

Я считаю *Сисмонди* представителемъ теоріи эксплуатаціи; я долженъ, однако, сдѣлать при этомъ маленькую оговорку. Ученіе *Сисмонди* отличается всѣми существенными чертами, свойственными теоріи эксплуатаціи, кромѣ одной: онъ не порицаетъ явленія процента на капиталъ. Онъ представляетъ собою писателя переходной эпохи: по существу онъ преданъ новой теоріи, но все же онъ не отрѣшился еще отъ старой настолько, чтобы признать всѣ крайнія слѣдствія, вытекающія изъ новаго ученія.

Великое и вліятельное произведеніе *Сисмонди*, которое главнымъ образомъ и имѣетъ значеніе для нашей проблемы, это—*Nouveaux Principes d'Économie politique* ²⁾. Въ этомъ сочиненіи *Сисмонди* ссылается на *Адама Смита*. Онъ горячо защищаетъ его взглядъ, что трудъ представляетъ собою единственный источникъ богатства ³⁾ (р. 51): онъ порицаетъ то, что три вида дохода—ренту, прибыль на капиталъ и заработную плату—часто приписываютъ тремъ различнымъ источникамъ—землѣ, капиталу и труду; въ дѣйствительности же всякій доходъ основанъ исключительно на трудѣ, и эти три вида дохода представляютъ собою только три различныхъ способа участія въ продуктѣ человѣческаго труда (р. 85).

¹⁾ Въ томъ же духѣ высказался *А. Вагнеръ* въ своей работѣ „Grundlegung“, 3 изд. 1-ая часть. Стр. 37, прим. 1-ое и 2-ая часть стр. 281.

²⁾ 1-ое изд. 1819 г., 2-ое изд. Парижъ 1827. г. Я цитирую по послѣднему.

³⁾ Этого взгляда самъ *Смитъ*, впрочемъ, не всегда послѣдовательно придерживался. На ряду съ „labour“ онъ называетъ также нерѣдко источникомъ благъ „land“ и „capital.“

„При нашемъ состояніи цивилизаціи“, рабочій, создающій своимъ трудомъ всѣ блага, не былъ въ состояніи сохранить за собою право собственности на необходимыя средства производства. Съ одной стороны, земля обыкновенно принадлежит на правѣ собственности другому, который удерживаетъ часть продуктовъ труда рабочаго въ вознагражденіе за содѣйствіе этой „производительной силы“; эта доля представляетъ собою земельную ренту. Съ другой стороны, производительный рабочій обыкновенно не обладаетъ достаточнымъ запасомъ средствъ къ жизни, чтобы имѣть возможность существовать во время выполнения предпринятаго труда; онъ также не владѣетъ необходимымъ для производства сырымъ матеріаломъ и—нерѣдко дорогими—орудіями и машинами. Богатый человекъ, владѣющій всѣмъ этимъ, приобретаетъ, благодаря этому, нѣкотораго рода господство надъ трудомъ бѣднаго: не принимая лично никакого участія въ трудѣ, онъ, въ награду за доставленныя рабочему выгоды, вычитываетъ изъ продуктовъ труда рабочаго наиболѣе значительную часть (*la part la plus importante des fruits de son travail*). Эта часть представляетъ собою прибыль на капиталъ (р. 86 и 87). Такимъ образомъ, благодаря общественнымъ условіямъ, богатство приобрѣло способность воспроизводиться посредствомъ чужого труда (р. 82).

А на долю рабочаго, производящаго своимъ ежедневнымъ трудомъ гораздо больше, чѣмъ необходимо для его содержанія за то же время, послѣ того какъ онъ подѣлился съ землевладѣльцемъ и капиталистомъ, рѣдко остается больше самаго необходимаго для существованія, что онъ и получаетъ въ видѣ заработной платы. Причиной этого является зависимость рабочаго отъ предпринимателя, обладающаго капиталомъ. Рабочій гораздо больше нуждается въ содержаніи, чѣмъ предприниматель въ его трудѣ. Ему необходимо содержаніе, чтобы жить, между тѣмъ какъ предпринимателю нуженъ его трудъ только для того, чтобы извлечь изъ него прибыль. Такимъ образомъ, слѣдка почти никогда не приноситъ пользы рабочему: онъ почти всегда долженъ довольствоваться самымъ скуднымъ содержаніемъ, а львиная доля отъ результатовъ производительности, возросшей благодаря раздѣленію труда, выпадаетъ на долю предпринимателя (р. 91 и слѣд.).

Тотъ, кто слѣдилъ за разсужденіями *Сисмонди* и обратилъ вниманіе, между прочимъ, на слова: „богачи потребляютъ продукты труда другихъ людей“ (р. 81), долженъ

ожидать, что въ заключеніе *Сисмонди* объявить процентъ несправедливой, силою вынужденной прибылью и отвергнуть таковой. Но *Сисмонди* не дѣлаетъ такого вывода: онъ неожиданно приводитъ нѣсколько темныхъ и неясныхъ фразъ въ пользу процента на капиталъ и въ концѣ концовъ оправдываетъ таковой. Прежде всего онъ говоритъ о землевладѣльцѣ, что онъ приобрѣлъ *право* на земельную ренту благодаря первоначальному труду по расчисткѣ или же просто благодаря захвату свободнаго земельного участка (р. 110). Точно такъ же онъ приписываетъ право на процентъ на капиталъ собственнику капитала, право, основанное на „первоначальномъ трудѣ“, создавшемъ капиталъ (р. 111). Затѣмъ онъ старается доказать, что оба этихъ вида дохода, которые, какъ доходъ отъ имущества, представляютъ собою противоположность по отношенію къ доходу отъ труда, ведутъ свое происхожденіе изъ того же источника, что и доходъ отъ труда; ихъ происхожденіе относится только къ другой эпохѣ. Рабочіе съ каждымъ годомъ приобретаютъ новое право на доходъ, благодаря новому труду; собственники же приобрѣли уже раньше постоянное право, благодаря первоначальному труду, сдѣлавшему ежегодный трудъ болѣе производительнымъ ¹⁾ (р. 112). „Каждый,“ говоритъ онъ въ заключеніе, „получаетъ свою долю въ народномъ доходѣ постольку, поскольку онъ лично или же его замѣстители принимаютъ или же принимали участіе въ созиданіи этого дохода“.—Вяжутся ли эти слова съ ранѣе высказанными взглядами, на основаніи которыхъ процентъ на капиталъ представляетъ собою вычетъ изъ плодовъ чужого труда, и въ какой степени они вяжутся,—это, конечно, вопросъ иной.

Слѣдствія, которыхъ *Сисмонди* самъ не рѣшилъ еще вывести изъ своей теоріи, скоро были выведены другими съ большою опредѣленностью. *Сисмонди* представляетъ собою соединяющее звено между *Смитомъ* и *Рикардо*, съ одной стороны, и позднѣйшимъ социализмомъ и коммунизмомъ, съ другой. *Смитъ* и *Рикардо* своей теоріей цѣнности подали поводъ къ зарожденію теоріи эксплуатаціи, но сами они еще не вывели таковой. *Сисмонди* по существу даетъ теорію эксплуатаціи почти уже въ окончательномъ видѣ, но онъ не примѣняетъ ея къ социально-политическимъ проблемамъ. За нимъ слѣдуютъ, наконецъ, многочисленные представители

¹⁾ Въ этихъ словахъ, при желаніи, можно усмотрѣть огульное изложеніе трудовой теоріи *Джемса Милля* (см. выше, стр. 337. и слѣд.).

соціалізма и коммунизма, которые вывели изъ старой теоріи цѣнности всѣ ея теоретическія и практическія слѣдствія и пришли къ заключенію, что процентъ представляетъ собою присвоеніе, и что поэтому онъ долженъ быть уничтоженъ.

Съ теоретической точки зрѣнія было бы совершенно безцѣльнымъ разсмотрѣніе всей обширной соціалистической литературы нашего столѣтія со всѣми ея формами, въ которыхъ она проповѣдуетъ теорію эксплуатаціи. Мнѣ пришлось бы въ такомъ случаѣ утомлять читателя безконечнымъ множествомъ параллельныхъ мѣстъ, которыя, едва отличаясь по формѣ, представляютъ скучное однообразіе по существу, и которыя къ тому же въ громадномъ большинствѣ ограничиваются простымъ констатированіемъ главныхъ положеній теоріи эксплуатаціи, не прибавляя для доказательства таковыхъ ничего, кромѣ ссылки на авторитетъ *Рикардо* или нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ. Большинство ученыхъ соціалистовъ изошряло свой умъ не столько въ обоснованіи собственныхъ теорій, сколько въ рѣзкой критикѣ теорій противниковъ.

Поэтому изъ множества соціалистическихъ писателей я остановлюсь только на нѣкоторыхъ, которые особенно повлияли на развитіе или распространеніе нашей теоріи.

Среди нихъ особенно рѣзко выдѣляется *П. Ж. Прудонъ*, авторъ „*Contradictions économiques*“, благодаря чистотѣ мыслей и блестящей діалектикѣ—качествамъ, сдѣлавшимъ его самымъ вліятельнымъ апостоломъ теоріи эксплуатаціи во Франціи. Такъ какъ для насъ содержаніе важнѣе формы, то я не стану приводить болѣе подробныхъ образцовъ его слога, а ограничусь лишь изложеніемъ сущности его ученія въ нѣсколькихъ словахъ. Сразу можно будетъ замѣтить, что оно, если не считать нѣкоторыхъ особенностей формы, весьма мало отличается отъ вышеприведенной общей схемы теоріи эксплуатаціи.

Прежде всего *Прудонъ* считаетъ несомнѣннымъ, что трудъ создаетъ всякую цѣнность. Рабочій имѣетъ поэтому естественное право собственности на *весь* свой продуктъ. Въ наемномъ договорѣ онъ уступаетъ это право собственнику капитала за заработную плату, которая *меньше* уступленнаго продукта. При этомъ его обсчитываютъ, такъ какъ онъ не знаетъ ни своего естественнаго права, ни размѣровъ сдѣланной имъ уступки, ни смысла контракта, который заключаетъ съ нимъ собственникъ. А послѣдній пользуется при этомъ заблужденіемъ и невѣдѣніемъ, чтобы не сказать подлогомъ и обманомъ („*erreur et surprise, si même on ne doit dire dol et fraude*“).

Такимъ образомъ выходитъ, что въ наше время рабочій не въ состояніи оплатить своего собственнаго продукта. Его продуктъ на рынкѣ стоитъ больше того, что онъ получилъ въ видѣ заработной платы; продуктъ стоитъ дороже на величину различныхъ прибылей, которыя обусловлены существованіемъ права собственности, и подъ различными названіями—прибыли, процента, интереса, ренты, аренды, сбора и т. д.—образуютъ такое же количество „налоговъ“ (аубайнес), налагаемыхъ на трудъ. Такъ, напр., продукты, произведенные 20-ю милліонами рабочихъ за годовое вознагражденіе въ 20 милліардовъ франковъ, стоятъ вмѣстѣ съ такою прибылью и вслѣдствіе ея существованія 25 милліардовъ. А это значитъ, „что рабочіе, которые, для того, чтобы имѣть возможность жить, должны покупать обратно тѣ же продукты, должны платить *пять* единиць за то, что они произвели за *четыре* единицы, или же, что изъ пяти дней они въ теченіе одного должны поститься“. Такимъ образомъ, процентъ представляетъ собою добавочный сборъ съ труда, сокращеніе (retenue) заработной платы ¹⁾.—

Такой же чистотой намѣреній, какъ *Прудонъ*, отличается и нѣмецъ *Родбертусъ*, который, однако, стоитъ гораздо выше послѣдняго по уму и глубинѣ мыслей, хотя далеко уступаетъ горячему французу въ дарѣ изложенія. Для историка ученій онъ является одной изъ наиболѣе выдающихся личностей этого направленія. Его научное значеніе долгое время не было оцѣнено по достоинству и, какъ это ни странно, какъ разъ вслѣдствіе научности, преобладающей въ его сочиненіяхъ. Онъ не обращался непосредственно къ народу, какъ это дѣлали другіе, а ограничивался, главнымъ образомъ, теоретическимъ изслѣдованіемъ соціальнаго вопроса и былъ умѣренъ и остороженъ въ практическихъ совѣтахъ, которые обыкновенно представляютъ непосредственный интересъ для толпы; поэтому онъ въ теченіе нѣкотораго времени не пользовался такою извѣстностью, какую пользовались менѣе выдающіеся писатели, которые перенимали его ученіе и приспосаблили таковое къ уровню интересующейся толпы. Только новѣйшее время отдало полную справедливость

¹⁾ См. многочисленныя произведенія *Прудона* passim, въ особенности „Qu' est-ce que la propriété“ (1840 г. въ изданіи 1849 г., Парижъ р. 162), „Философія нищеты“ (нѣм. переводъ *Вильгельма Лордана*, 2 изд. стр. 62, 287 и слѣд.), „Защитительная рѣчь передъ присяжными, произнесенная въ Безансонѣ 3 февраля 1842 г.“ (полное собраніе сочиненій Парижъ 1868 г. II томъ). О *Прудонѣ* см. главнымъ образомъ объемистое сочиненіе *Дилля*. „F. I. Proudhon, seine Lehre und sein Leben“ въ 3 частяхъ, Лена 1888—1896.

Родбертусу, самому симпатичному изъ социалистовъ, и признало его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, т. е. духовнымъ отцомъ современнаго научнаго социализма. У *Родбертуса* мы не найдемъ ни горячихъ нападокъ, ни ораторскихъ пріемовъ, которыми любитъ рисоваться большинство социалистовъ,—вмѣсто этого мы находимъ у него глубокую и искренне продуманную теорію распредѣленія благъ, которая, несмотря на несостоятельность нѣкоторыхъ отдѣльныхъ положеній, все же содержитъ въ себѣ столько цѣннаго, что навсегда обезпечила за своимъ авторомъ почетное мѣсто среди теоретиковъ политической экономіи.

Я оставляю за собою право впоследствии вернуться къ обстоятельной формулировкѣ теоріи эксплоатаціи *Родбертуса*, а теперь перейду къ двумъ изъ его послѣдователей, которые отличаются другъ отъ друга въ такой же степени, какъ оба вмѣстѣ отъ своего предшественника—*Родбертуса*.

Однимъ изъ нихъ является *Фердинандъ Лассаль*, самый краснорѣчивый, но по существу наименѣ оригинальный изъ представителей социализма. Я здѣсь только упоминаю о немъ, такъ какъ онъ, благодаря своему блестящему краснорѣчію, имѣлъ большое вліяніе на распространеніе теоріи эксплоатаціи; теоретическому же ея развитію онъ почти вовсе не содѣйствовалъ. Поэтому я могу не воспроизводить его ученія, которое по существу тождественно съ ученіемъ его предшественниковъ, посредствомъ цитатъ и выдержекъ изъ его сочиненій, а ограничиться только изложеніемъ въ примѣчаніи нѣкоторыхъ изъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ¹⁾.

Такимъ образомъ, *Лассаль* является исключительно агитаторомъ. Къ теоріи снова возвращается *Карлъ Марксъ*, который послѣ *Родбертуса* является самымъ замѣчательнымъ

¹⁾ *Лассаль* опредѣленнѣ всего высказалъ свои взгляды на проблему процента и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ блестящимъ образомъ обнаружилъ свои агитаторскія способности въ „Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch, der ökonomische Julian oder Capital und Arbeit“. Главныя мѣста: трудъ представляетъ собою „источникъ и факторъ всякой цѣнности“ (стр. 83, 122, 147). Но рабочій не получаетъ всей цѣнности, а только рыночную цѣну разсматриваемого, какъ товара, труда, которая равна издержкамъ производства, т. е. необходимымъ средствамъ къ существованію (стр. 186 и слѣд.). Весь излишекъ выпадаетъ на долю капитала (стр. 194). Слѣдовательно, процентъ на капиталъ является вычетомъ изъ дохода на трудъ рабочаго (стр. 125 и очень рѣзко стр. 97). Протнвъ ученія о производительности капитала онъ высказывается на стр. 21 и слѣд., противъ теоріи воздержанія на стр. 82 и слѣд. и, въ особенности, на стр. 110 и слѣд. Ср. также остальные сочиненія *Лассалья*.

теоретикомъ соціалізма. Несмотря на то, что его ученіе во многихъ чертахъ близко подходитъ къ изслѣдованіямъ *Родбертуса*, которыя проложили дорогу теоріи експлоатаціи, тѣмъ не менѣе оно съ безспорною оригинальнію и съ необыкновенно остроумною послѣдовательностію развито въ одно своеобразное цѣлое, съ которымъ мы также познакомимся обстоятельно впослѣдствіи.

Несмотря на то, что теорія експлоатаціи была, главнымъ образомъ, развита теоретиками соціалізма, тѣмъ не менѣе ея идеи нашли себѣ приѣмъ и въ кругахъ другихъ писателей, приѣмъ весьма различный, какъ по характеру, такъ и по объему.

Одни переняли точку зрѣнія теоріи експлоатаціи цѣликомъ, отказавшись признать развѣ только послѣдніе практическіе выводы. Такова, напр., точка зрѣнія *Гута*¹⁾. Онъ цѣликомъ принимаетъ всѣ существенные принципы ученія соціалистовъ. Трудъ для него является исключительнымъ источникомъ цѣнности; процентъ получается вслѣдствіе того, что, въ силу неблагоприятныхъ условий конкуренціи, вознагражденіе за трудъ никогда не достигаетъ цѣнности продукта; *Гутъ* не задумывается вводить даже для обозначенія этого явленія рѣзкое выраженіе „эксплоатація“, какъ технической терминъ. Но въ концѣ концовъ онъ все-таки избѣгаетъ практическихъ выводовъ изъ своего ученія при помощи нѣкоторыхъ смягчающихъ оговорокъ. „Мы отнюдь не считаемъ експлоатацію рабочаго, разсматриваемую какъ источникъ первичной процентной нормы, несправедливымъ актомъ съ юридической точки зрѣнія; она основывается скорѣе на свободномъ договорѣ работодателя и рабочаго, договорѣ, который, впрочемъ, почти всегда заключается при условіяхъ рынка, неблагоприятныхъ для послѣдняго!“ Жертва, приносимая „эксплоатируемымъ“ рабочимъ, представляетъ собою скорѣе только „авансъ за возмѣщеніе“. Ростъ капитала все болѣе увеличиваетъ производительность труда, вслѣдствіе этого удешевляются продукты труда; рабочій можетъ на свое вознагражденіе купить теперь больше продуктовъ, и его реальная заработная плата, слѣдовательно, увеличивается; съ другой стороны, расширяется также, благодаря „большему спросу, и кругъ занятій рабочаго, вслѣдствіе чего увеличивается и денежная заработная плата“. Такимъ образомъ, „эксплоатація“ похожа на затрату капитала, который своимъ

¹⁾ Die Lehre vom Einkommen in dessen Gesamtzweigen, 1869 г.— я цитирую по 2-ому изданію 1878 г.

посредственнымъ дѣйствіемъ приносить рабочему все болѣе и болѣе возрастающій процентъ ¹⁾.—На чисто социалистической почвѣ стоитъ также и Дюрингъ въ своей теоріи процента. „Прибыль на капиталъ является присвоеніемъ главнѣйшей части плодовъ рабочей силы... Улучшеніе и расширеніе средствъ производства ведетъ къ увеличенію количества продуктовъ и къ сбереженію труда; но то обстоятельство, что этимъ уменьшаются препятствія и трудности производства, и что трудъ, вооружаясь техническими средствами, становится болѣе производительнымъ, не даетъ мертвому орудію никакого права требовать для себя сколько-нибудь болѣе того, что нужно для его воспроизводства. Прибыль на капиталъ не представляетъ собою, такимъ образомъ, понятія, которое могло бы быть выведено изъ чисто производственныхъ основаній и на примѣрѣ единичнаго хозяйственнаго субъекта. Она представляетъ собою видъ присвоенія и созданіе дѣйствующихъ законовъ распределенія“ ²⁾.

Вторая группа писателей, какъ, напр., Дж. Ст. Милль и Шеффле ³⁾, эклектически соединяетъ идеи теоріи эксплоатации съ иными взглядами на проблему процента.

Третьи, наконецъ, хотя и не рѣшались признать цѣлкомъ научное построеніе социалистовъ, тѣмъ не менѣе, подъ влияніемъ ихъ сочиненій, приняли нѣкоторые ихъ основные принципы. Наболѣе важнымъ въ этомъ отношеніи я считаю то, что значительная часть нѣмецкихъ писателей катедеръ-социалистическаго направленія опять воспроизвела старый взглядъ, что *одинъ только трудъ* представляетъ собою источникъ всякой цѣнности, что только онъ представляетъ единственную силу, „создающую цѣнность“.

Весьма оригинальна судьба этого ученія, признаніе или непризнаніе котораго имѣетъ громадное значеніе для оцѣнки наболѣе важныхъ народо-хозяйственныхъ явленій. Ученіе это впервые появилось въ англійской политической экономіи и нашло себѣ широкое распространеніе въ первыя десятилѣтія послѣ появленія системы Смита, наряду съ послѣдней. Вскорѣ, однако, подъ влияніемъ ученій Сэ, развившаго теорію о трехъ факторахъ производства—природѣ, трудѣ и

¹⁾ О. с. стр. 109 и слѣд., 122 и слѣд. Ср. также стр. 271 и слѣд.

²⁾ Cursus der National-und Socialökonomie, Berlin 1873 стр. 183. Нѣсколько позже (стр. 185) онъ, очевидно подъ влияніемъ „droit d'aubaine“ Прудона называетъ процентъ на капиталъ „налогомъ“, взимаемымъ за отреченіе отъ экономической власти: процентная норма представляетъ собою налоговую норму.

³⁾ См. ниже, гл. XIII.

капиталъ—, затѣмъ *Германна* и *Сеніора*, оно потеряло кредитъ у громаднаго большинства экономистовъ, даже англійской школы, и одно время признавалось чуть ли не одной только группой социалистическихъ писателей. Но, въ виду того, что нѣмецкіе катедеръ-соціалисты переняли это учение изъ сочиненій *Прудона*, *Родбертуса* и *Маркса*, оно опять нашло себѣ твердую опору въ научной политической экономіи, и можно даже предположить, что подъ флагомъ авторитетности, которой пользуются эти извѣстные представители нѣмецкой школы, оно опять побѣдоносно обойдетъ литературу всѣхъ народовъ ¹⁾).

Желательно ли это или нѣтъ—это покажетъ намъ критическая оцѣнка теоріи эксплуатаціи, къ которой я теперѣ и перехожу.

2. К р и т и к а.

Когда я приступалъ къ критикѣ теоріи эксплуатаціи, передо мной было открыто нѣсколько путей. Я могъ бы, впервыхъ, критиковать всѣхъ представителей этой теоріи отдѣльно. Это былъ бы самый вѣрный путь, но это повело бы къ излишнимъ и крайне утомительнымъ повтореніямъ, въ виду сильнаго сходства отдѣльныхъ ученій. Я могъ бы, вторыхъ, не останавливаясь ни на одной индивидуальной формулировкѣ, направить свою критику противъ общей схемы, лежащей въ основѣ отдѣльныхъ изложеній. Но тогда я натолкнулся бы на два неудобства. Съ одной стороны, я могъ бы, дѣйствительно, не обратить вниманія на нѣкоторые индивидуальные оттѣнки этой теоріи; съ другой стороны, если бы я даже и не впалъ въ эту ошибку, то мнѣ навѣрно пришлось бы услышать упреки въ томъ, что я слишкомъ уже облегчилъ себѣ свою задачу и направилъ свою критику не противъ дѣйствительнаго ученія, а противъ произвольно

¹⁾ Составлено въ 1884 г. Съ тѣхъ поръ, я полагаю, совершился въ этомъ отношеніи нѣкоторый переворотъ. Правда, первоначальная теорія трудовой цѣнности, какъ мнѣ кажется, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ распространялась весьма быстро въ связи съ распространеніемъ идей социализма, но въ послѣдніе годы она, безъ сомнѣнія, упала въ глазахъ теоретиковъ всѣхъ странъ, и, главнымъ образомъ, подъ влияніемъ теоріи „предѣльной полезности“, число приверженцевъ которой растетъ все болѣе и болѣе.

созданной карикатуры такового. Поэтому я рѣшилъ воспользоваться третьимъ путемъ: изъ множества отдѣльныхъ изложеній я выбралъ нѣсколько такихъ, которыя я считаю самыми лучшими и самыми совершенными, и подвергъ таковыя индивидуальной критикѣ.

Для этой цѣли я выбралъ изложенія *Родбертуса* и *Маркса*. Это единственныя изложенія, дающія болѣе глубокое и связное обоснованіе; притомъ первое изъ нихъ, на мой взглядъ, является самою лучшею, второе самою распространенною, въ извѣстной степени официальною, научною теорію современнаго социализма. Если я представляю подробную критику этихъ теорій, то я думаю, что мнѣ придется имѣть дѣло съ наиболѣе вѣскими доказательствами теоріи эксплуатаціи, и я останусь, такимъ образомъ, вѣрнымъ прекраснымъ словамъ *Кнуса*: „Кто хочетъ остаться побѣдителемъ въ области научныхъ изслѣдованій, тотъ долженъ дать возможность противнику выйти во всеоружіи и со всѣми своими силами“¹⁾.

Во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Цѣлью слѣдующихъ страницъ является исключительно критика теоріи эксплуатаціи, какъ теоріи, т. е. изслѣдованіе того, лежатъ ли причины экономическаго явленія процента на капиталъ дѣйствительно въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя считаетъ причинами происхожденія процента теорія эксплуатаціи. Притомъ я совсѣмъ не намѣренъ въ данномъ мѣстѣ произносить свой приговоръ о *практической, социальнo-политической* сторонѣ проблемы процента, о справедливости или несправедливости, о необходимости сохраненія или уничтоженія процента на капиталъ. Правда, я нисколько не думаю въ своемъ сочиненіи о процентѣ на капиталъ обойти молчаніемъ самый важный вопросъ, связанный съ этимъ явленіемъ, но удачно высказать свой взглядъ на практическую сторону вопроса я смогу только тогда, когда вполнѣ будетъ выяснена теоретическая сторона, а поэтому я долженъ отнести соотвѣтствующія изслѣдованія ко второму тому моего сочиненія. Здѣсь же—я повторяю—я намѣренъ изслѣдовать только вопросъ, обосновывается ли процентъ на капиталъ, независимо отъ того, справедливъ ли онъ или нѣтъ, тѣми причинами, которыя приводитъ теорія эксплуатаціи.

¹⁾ „Der Credit“ 2-ая часть, Берлинъ 1879 г. Стр. VII.

А. Родбертусъ ¹⁾.

Отправной точкой теоріи процента *Родбертуса* является взглядъ, „внесенный въ науку *Смитомъ* и еще глубже обоснованный школою *Рикардо*“, „что всѣ хозяйственныя блага должны быть разсматриваемы исключительно какъ продукты труда, что они ничего не стоятъ, кромѣ труда“. Этотъ взглядъ, который обыкновенно выражаетъ еще и въ той формѣ, что „одинъ только трудъ производителенъ“, *Родбертусъ* ближе поясняетъ слѣдующими положеніями: *во-первыхъ*, говоритъ онъ, къ числу хозяйственныхъ благъ причисляются только тѣ, которыя стоили труда, между тѣмъ какъ всѣ остальные блага, какъ бы они ни были необходимы или полезны для человѣка, являются *естественными* благами, не имѣющими никакого отношенія къ хозяйству; *во-вторыхъ*, всѣ хозяйственныя блага являются *только* продуктами труда, и въ хозяйственной сферѣ они выступаютъ не какъ продукты природы или какой-нибудь другой силы, а исключительно какъ продукты труда: всякій другой взглядъ будетъ взглядомъ естествознателя, а не экономиста;—наконецъ, *въ-третьихъ*, блага съ хозяйственной точки зрѣнія составляютъ продуктъ только того труда, который выполнялъ матеріальныя дѣйствія, необходимыя для созданія блага. Сюда относится не только тотъ трудъ, который непосредственно создаетъ благо, но также и тотъ трудъ, который создаетъ орудія, служащія для производства блага. Хлѣбъ, напр., составляетъ

¹⁾ Почти полный перечень многочисленныхъ сочиненій док. *Карла Родбертуса-Ягцова* можно найти у *Козака* въ „Rodbertus' social-ökonomische Ansichten“, Jena 1882, стр. 7 и слѣд. Я пользовался, главнымъ образомъ, вторымъ и третьимъ письмомъ къ *фонъ-Кирхманну*, изданными въ нѣсколько измѣненной перепечаткѣ *Родбертусомъ* въ 1875 г. подъ заглавіемъ „Zur Beleuchtung der sozialen Frage“; затѣмъ статьей: „Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Creditnot des Grundbesitzes“ (2 изд. Jena, 1876 г.) и четвертымъ социальнымъ письмомъ къ *фонъ-Кирхманну*, изданнымъ *Адольфомъ Вагнеромъ* и *Козакомъ* подъ заглавіемъ „Das Capital“ (Берлинъ 1884 г.) на основаніи оставленныхъ *Родбертусомъ* бумагъ.—Теорія процента *Родбертуса* нѣсколько лѣтъ тому назадъ была подвергнута необыкновенно обстоятельной и добросовѣстной критикѣ *Книсомъ* (Der Credit, 2-ая часть Берлинъ 1879 г. стр. 47 и слѣд); съ этой критикой я въ основныхъ чертахъ согласенъ. Тѣмъ не менѣе я не могу отказаться отъ самостоятельной критики, такъ какъ моя теоретическая точка зрѣнія значительно отличается отъ теоретической точки зрѣнія *Книса*, и поэтому я буду разсматривать нѣкоторые вопросы въ совершенно иномъ освѣщеніи.—Ср. о *Родбертусѣ* прежде всего сочиненіе *А. Вагнера*: „Grundlegung“, 3-ье изд., 1-ая часть § 13, II-ая часть § 132, затѣмъ *Г. Дитцеля*: „C. Rodbertus“ Jena 1886—1888.

продуктъ не только того, кто пахаль плугомъ, но и того, кто создалъ плугъ, и т. д. ¹⁾).

Физическіе рабочіе, создавшіе весь продуктъ, имѣютъ, по крайней мѣрѣ „съ чисто-правовой точки зрѣнія“, естественное и справедливое право собственности на весь ими созданный продуктъ ²⁾). Нужно, однако, сдѣлать два немаловажныхъ ограниченія. Во-первыхъ, система раздѣленія труда, на основаніи которой въ производствѣ *одного* продукта принимаютъ участіе одновременно многіе, дѣлаетъ технически невозможнымъ предоставленіе каждому рабочему его продукта *in natura*. Поэтому право на весь продуктъ должно быть замѣнено правомъ на всю *цѣнность* продукта ³⁾). Затѣмъ въ національномъ продуктѣ должны принимать участіе и всѣ тѣ, кто оказываетъ обществу полезныя услуги, не содѣйствуя непосредственно матеріальному производству благъ, какъ, напр., священникъ, врачъ, судья, естествоиспытатель, а, по мнѣнію *Родбертуса*, и предприниматели, которые „при посредствѣ капитала умѣютъ производительно занять массу рабочихъ“ ⁴⁾). Но такой посредственный хозяйственный трудъ не можетъ требовать себѣ вознагражденія уже „при первоначальномъ распредѣленіи благъ“, въ которомъ принимаютъ участіе исключительно производители, а только при „производномъ распредѣленіи благъ“. Требования, которыя физическіе рабочіе могутъ предъявить съ чисто-правовой точки зрѣнія, сводятся, слѣдовательно, къ *полученію полной цѣнности продукта труда при первоначальномъ распредѣленіи благъ*, не сокращая при этомъ второстепеннаго права на вознагражденіе другихъ полезныхъ членовъ общества.

Это естественное право, на взглядъ *Родбертуса*, въ современномъ общественномъ строѣ не осуществляется, такъ какъ при первоначальномъ распредѣленіи благъ рабочіе получаютъ въ видѣ заработной платы только часть цѣнности своего продукта, между тѣмъ какъ остальная часть получается собственниками земли и капитала въ видѣ *ренты*. Подъ рентою *Родбертусъ* понимаетъ „весь доходъ, который получается безъ личнаго труда, исключительно въ силу владѣнія“ ⁵⁾). Она бываетъ двухъ видовъ: *земельная рента* и *прибыль на капиталъ*.

1) Zur Beleuchtung der socialen Frage. стр. 68 и 69.

2) Sociale Frage стр. 56. Erklärung und Abhilfe стр. 112.

3) Sociale Frage стр. 87 и 90; Erklärungen и т. д. стр. 111; Capital стр. 116.

4) Sociale Frage стр. 146; Erklärung und Abhilfe II, стр. 109 и слѣд.

5) Sociale Frage стр. 32.

„Въ силу какихъ основаній“, спрашиваетъ *Родбертусъ*, „несмотря на то, что всякій доходъ есть только продуктъ труда, въ обществѣ получаютъ доходъ (и доходъ къ тому же первичный) лица, которыя не ударили пальцемъ о палецъ для его созданія?“—Этимъ вопросомъ *Родбертусъ* выдвинулъ общую теоретическую проблему ренты ¹⁾. Отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ даетъ слѣдующій:

Рента обязана своимъ существованіемъ стеченію двухъ обстоятельствъ: первое изъ нихъ имѣетъ экономической характеръ, второе положительно-юридическій. Экономическая причина ренты заключается въ томъ, что трудъ, со времени введенія раздѣленія труда, производитъ больше, чѣмъ необходимо рабочимъ для поддержанія ихъ жизни и для продолженія ихъ труда, такъ что и другіе *могутъ* жить на его результаты. Юридическая причина заключается въ существованіи права частной собственности на землю и на капиталъ. Въ силу этой частной собственности, рабочіе лишены возможности распоряжаться необходимыми условіями производства; они могутъ производить только по предварительному соглашенію съ собственниками и на службѣ у послѣднихъ. Собственники же за предоставленіе этихъ условій производства налагаютъ на рабочихъ обязанность уступать имъ часть продукта труда въ видѣ ренты. Эта уступка совершается къ тому же въ болѣе тяжелой формѣ, а именно, рабочіе уступаютъ собственникамъ право на *весь* продуктъ, а взамѣнъ получаютъ отъ нихъ, въ видѣ заработной платы, только часть цѣнности продукта, столько, сколько безусловно необходимо для поддержанія жизни и продолженія труда. Силой, заставляющей рабочихъ соглашаться на такія условія, является голодъ.—Приведемъ слова самого *Родбертуса*.

„Такъ какъ не можетъ существовать никакого другого дохода, кромѣ создаемаго трудомъ, то рента покоится на двухъ неизбѣжныхъ условіяхъ. Во-первыхъ, не можетъ быть ренты, если трудъ не создаетъ больше того, что необходимо рабочимъ, по крайней мѣрѣ, для продолженія труда, ибо представляется невозможнымъ, чтобы безъ такого излишка кто-либо могъ получать регулярный доходъ, не работая самъ. Во-вторыхъ, не можетъ быть ренты, если не существуетъ установленій, которыя отнимаютъ этотъ излишекъ у рабочихъ цѣликомъ или частью и передаютъ его другимъ, лично не работающимъ, ибо рабочіе въ силу природы вещей всегда первоначально владѣютъ своимъ продуктомъ. То, что трудъ

¹⁾ Sociale Frage, стр. 74 и слѣд.

даетъ такой излишекъ, покоится на экономическихъ основаніяхъ, именно на тѣхъ, которыя повышаютъ производительность труда. То, что этотъ излишекъ отнимается цѣликомъ или отчасти у рабочихъ и предоставляется другимъ, покоится на основахъ положительнаго права, которое, какъ издавна соединяемое съ насиліемъ, осуществляетъ это отнятіе продолжающимся принужденіемъ“.

„Первоначально это принужденіе осуществлялось посредствомъ рабства, возникновеніе котораго совпадаетъ съ появленіемъ земледѣлія и поземельной собственности. Рабочіе, которые создавали такой излишекъ въ продуктѣ своего труда, были рабами, а господинъ, которому принадлежали рабочіе и вмѣстѣ съ тѣмъ и самый продуктъ, давалъ отъ него рабамъ только необходимое для продолженія ихъ труда, а остальное, или излишекъ, удерживалъ себѣ. Когда вся земля въ странѣ перешла въ частную собственность, когда вмѣстѣ съ тѣмъ сложилась частная собственность на весь капиталъ, земельная и капиталистическая собственность стала проявлять подобное же принужденіе по отношенію къ освобожденнымъ или свободнымъ рабочимъ. Ибо эта собственность производитъ, во-первыхъ, подобно рабству, то, что продуктъ принадлежитъ не самимъ рабочимъ, а господамъ земли и капитала, и, во-вторыхъ, то, что рабочіе, ничѣмъ не владѣющіе, въ противоположность господамъ, владѣющимъ землей и капиталомъ, чувствуютъ себя довольными, если получаютъ только часть продукта своего собственнаго труда для поддержанія своего существованія, т. е. для продолженія своего труда. Правда, вмѣсто распоряженія рабовладѣльца появился договоръ рабочаго съ работодателемъ, но этотъ договоръ свободенъ только формально, а не матеріально, и голодъ почти вполнѣ замѣняетъ плеть. То, что раньше называлось кормомъ, теперь именуется заработной платой“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, всякая рента является *присвоеніемъ* ²⁾ или же, какъ *Родбертусъ* выражается иногда еще рѣзче ³⁾, *грабежомъ* продукта чужого труда. Этотъ характеръ носятъ одинаково всѣ виды ренты, и земельная рента, и прибыль на капиталъ, и вытекающіе изъ нихъ арендная плата и ссудный процентъ. Послѣдніе правомѣрны въ отношеніи къ

1) Sociale Frage стр. 33 Въ томъ же духѣ и еще подробнѣе стр. 77—94.

2) Sociale Frage стр. 115, и другія.

3) О. с. стр. 150; Capital стр. 202.

предпринимателямъ, которые ихъ платятъ, въ той же мѣрѣ, въ какой они неправомѣрны въ отношеніи къ рабочимъ, на счетъ которыхъ въ концѣ концовъ они и уплачиваются 1).

Размѣръ ренты растетъ съ производительностью труда, такъ какъ, при системѣ свободной конкуренціи, рабочій въ общемъ и, съ теченіемъ времени, даже постоянно получаетъ только сумму, необходимую для существованія, т. е. определенное, реальное количество продукта. Чѣмъ выше производительность труда, тѣмъ меньше доля общей цѣнности продукта, поглощаемая этимъ реальнымъ количествомъ продукта, тѣмъ больше доля продукта и цѣнности, получаемая собственникомъ въ видѣ ренты 2).

Несмотря на то, что, на основаніи сказаннаго, всѣ ренты представляютъ собою въ сущности одну и ту же массу вполне однороднаго происхожденія, все же въ практической хозяйственной жизни рента, какъ извѣстно, подраздѣляется на два вида: земельную ренту и прибыль на капиталъ. Причину и принципы, лежащіе въ основѣ такого дѣленія, *Родбертусъ* объясняетъ въ высшей степени своеобразно. Прежде всего надо замѣтить, что во всѣхъ своихъ соответствующихъ изслѣдованіяхъ *Родбертусъ* исходитъ изъ того теоретическаго предположенія, что мѣновая цѣнность каждаго продукта равна затраченному на него труду, другими словами, что всѣ продукты обмѣниваются сообразно затраченному на нихъ труду 3). *Родбертусъ* знаетъ, правда, что это предположеніе не соответствуетъ въ точности дѣйствительности, однако, онъ увѣренъ, что фактическое отклоненіе состоитъ только въ томъ, что „дѣйствительная мѣновая цѣнность бываетъ то выше то ниже этого уровня“, при чемъ все же всегда наблюдается тяготѣніе къ этому пункту, „который является какъ бы естественной и справедливой мѣновой цѣнностью“ 4). Онъ вполне исключаетъ взглядъ, что блага и при нормальныхъ условіяхъ обмѣниваются не сообразно затраченному на нихъ труду, а какъ-нибудь иначе, что отклоненія отъ предполагаемаго имъ отношенія могутъ быть не только слѣдствіемъ случайныхъ „временныхъ колебаній рынка“, а определеннаго закона, дающаго цѣнности другое

1) Sociale Frage стр. 115, 148 и слѣд. Ср. также критику, направленную противъ *Бастіа*. О. с. стр. 115—119.

2) Sociale Frage стр. 123 и слѣд.

3) Sociale Frage стр. 106.

4) Sociale Frage стр. 107. Въ томъ же духѣ стр. 113, 147. Ergl. I стр. 123.

направленіе 1). Я пока только обращаю вниманіе читателя на это обстоятельство, которое впоследствии окажется важнымъ.—

Общее производство благъ, по Родбертусу, можно раздѣлить на двѣ вѣтви—на *производство сырья*, добываемаго при помощи земли, и на *обрабатывающую промышленность*, перерабатывающую сырой продуктъ. До введенія раздѣленія труда добываніе и дальнѣйшая обработка сырыхъ продуктовъ совершались въ непосредственной послѣдовательности однимъ и тѣмъ же предпринимателемъ, которому доставалась также безъ различія вся получающаяся рента: въ этой стадіи хозяйственнаго развитія раздѣленіе ренты на поземельную ренту и на прибыль на капиталъ еще не имѣло мѣста. Но со времени введенія раздѣленія труда предприниматель въ производствѣ сырья и предприниматель въ слѣдующей за производствомъ сырья обрабатывающей промышленности являются совершенно различными лицами. Прежде всего возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи рента, получаемая отъ общаго производства, распределяется между производителемъ сырья, съ одной стороны, и предпринимателемъ обрабатывающей промышленности, съ другой?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ характера ренты. Рента представляетъ собою вычетъ изъ цѣнности продукта, нѣкоторую ея долю. Поэтому размѣръ ренты, получаемой въ производствѣ, обуславливается высотой цѣнности продукта, созданнаго въ этомъ производствѣ. А такъ какъ цѣнность продукта, въ свою очередь, обуславливается количествомъ затраченнаго труда, то производство сырья и обрабатывающая промышленность должны распределить между собою общую ренту соответственно *стоимости труда*, затраченнаго на каждую изъ этихъ отраслей производства. Разовьемъ эту мысль на конкретномъ примѣрѣ 2). Если добываніе нѣкотораго количества сырого продукта требуетъ 1000 рабочихъ дней, а обработка его 2000 рабочихъ дней, и если рента вообще отчисляетъ 40% цѣнности продукта въ пользу собственниковъ, то на долю производителя сырья выпадаетъ продуктъ 400 рабочихъ дней, на долю предпринимателя обрабатывающей промышленности—продуктъ 800 рабочихъ дней.—Напротивъ, величина *капитала*, затраченнаго въ той или другой отрасли производства, не имѣетъ

1) Sociale Frage стр. 148.

2) Этого примѣра у Родбертуса нѣтъ; я его привожу отъ себя, желая устранить недоразумѣнія, могущія возникнуть въ этомъ сложномъ ходѣ мыслей.

ровно никакого значенія для этого распредѣленія: правда, рента относится къ капиталу, но опредѣляется не въ зависимости отъ этого капитала, а въ зависимости отъ количества затраченнаго труда.

То обстоятельство, что величина затраченнаго капитала *не имѣетъ никакого* причиннаго вліянія на величину ренты, получаемой въ извѣстной отрасли производства, представляетъ собою какъ разъ причину происхожденія земельной ренты. Дѣло представляется такъ. Хотя рента и представляетъ собою продуктъ труда, но все же считается и доходомъ на имущество, такъ какъ она обусловливается владѣніемъ такового. Такъ какъ въ обрабатывающей промышленности примѣняется только капиталъ, а не земля, то вся получаемая въ обрабатывающей промышленности рента разсматривается специально какъ выручка отъ капитала или прибыль на капиталъ. Вычисляя, какъ это принято, отношеніе между размѣромъ дохода и размѣромъ капитала, дающаго таковой, мы можемъ констатировать опредѣленную процентную норму прибыли, которую можно получить въ обрабатывающей промышленности на капиталъ. Эта норма прибыли, которая, въ силу извѣстныхъ тенденцій конкуренціи, устанавливается во всѣхъ отрасляхъ почти на одномъ и томъ же уровнѣ, пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе и при вычисленіи прибыли на капиталъ въ производствѣ сырья уже потому, что въ обрабатывающей промышленности примѣняется гораздо большая часть національнаго капитала, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ, и потому, что, какъ это и понятно, выручка отъ большей части капитала можетъ опредѣлить для меньшей норму, по которой получается прибыль на послѣднюю. Поэтому производители сырья изъ общей ренты, получаемой въ производствѣ сырья, отчисляютъ въ свою пользу, въ видѣ прибыли на капиталъ, сумму, соотвѣтствующую величинѣ затраченнаго капитала и величинѣ обычной нормы прибыли на капиталъ. Остальная же часть ренты разсматривается какъ выручка съ земли; она и составляетъ земельную ренту.

Такая земельная рента, по ученію *Родбертуса*, *должна* обязательно получаться въ сыромъ производствѣ, при единственномъ условии, что продукты обмѣниваются по количеству овещественнаго въ нихъ труда. *Родбертусъ* обосновываетъ это слѣдующимъ образомъ. Размѣръ ренты, получаемой въ обрабатывающей промышленности, зависитъ, какъ было указано, не отъ величины авансированнаго капитала, а отъ количества труда, затраченнаго въ обрабатывающей

промышленности. Этотъ трудъ состоитъ изъ двухъ составныхъ частей: во-первыхъ, изъ непосредственнаго промышленнаго труда и, во-вторыхъ, изъ того посредственнаго труда, „который слѣдуетъ принять въ расчетъ, въ виду амортизаціи орудій и машинъ“. Такимъ образомъ, изъ различныхъ составныхъ частей авансированнаго капитала только нѣкоторыя вліяютъ на размѣръ ренты, а именно тѣ, которыя идутъ на заработную плату, машины и орудія. Капиталь же, затраченный на сырой матеріаль, такого вліянія не оказываетъ, такъ какъ этой затратѣ не соотвѣтствуетъ никакой трудъ, затраченный въ стадіи обрабатывающей промышленности. Но эта часть затраты увеличиваетъ капиталъ, къ которому относятся, въ качествѣ дохода, созданную ренту. Существованіе части капитала, которая, хотя и увеличиваетъ затраченный на производство капиталъ, къ которому относятся, въ качествѣ прибыли, соотвѣтствующую часть ренты, но не увеличиваетъ самой прибыли, должно, очевидно, уменьшить въ производствѣ отношеніе прибыли къ капиталу, другими словами, норму прибыли на капиталъ.

На основаніи этой пониженной нормы и вычисляется прибыль на капиталъ въ производствѣ сырья. Но вообще здѣсь условія болѣе благоприятны. Такъ какъ въ земледѣліи производство начинается *ab ovo*, и не обрабатывается матеріаль, подготовленный предварительно другимъ производствомъ, то капиталъ, затраченный на *земледѣліе*, не содержитъ въ себѣ, въ качествѣ составной части, „цѣнности вещества“. Этой части могла бы соотвѣтствовать одна только земля, но послѣдняя, согласно всѣмъ теоріямъ, предполагается даровой. Изъ этого слѣдуетъ, что въ распредѣленіи прибыли не принимаетъ участія ни одна изъ частей капитала, которая не оказывала бы также вліянія и на величину прибыли, изъ чего, въ свою очередь, слѣдуетъ, что отношеніе между получаемой рентой и затраченнымъ капиталомъ въ земледѣліи должно быть болѣе благоприятно, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности. А такъ какъ прибыль на капиталъ и въ земледѣліи вычисляется только на основаніи болѣе низкой нормы прибыли, получающейся въ обрабатывающей промышленности, то постоянно долженъ оставаться нѣкоторый излишекъ ренты, получаемый землевладельцемъ въ качествѣ земельной ренты. Такого, по ученію *Родбертуса*, происхожденіе земельной ренты и ея отличіе отъ прибыли на капиталъ ¹⁾.—

¹⁾ Sociale Frage, стр. 94 и слѣд., въ особенности стр. 109—111; Erklärung I, стр. 123.

Въ дополненіе къ сказанному я долженъ еще замѣтить, что *Родбертусъ*, несмотря на весьма рѣзкое теоретическое осужденіе эксплуатаціонной природы прибыли на капиталъ, все же не является сторонникомъ ни отчужденія частной собственности на капиталъ ни отчужденія прибыли на таковой. Напротивъ, онъ приписываетъ собственности на землю и капиталъ „воспитательную силу“, безъ которой нельзя обойтись, „своего рода отеческую власть, которая можетъ быть замѣнена только совершенно другой національной системой воспитанія, для которой, однако, нѣтъ еще ни одного изъ предварительныхъ условій“¹⁾. До этого же времени онъ смотритъ на собственность на землю и капиталъ, какъ на „своего рода должностъ, заключающуюся въ выполненіи національно-экономическихъ функций, направляющихъ экономическій трудъ и экономическія средства націи соотвѣтственно ея потребностямъ“. Что же касается ренты, то ее съ этой—наиболѣе для нея благоприятной—точки зрѣнія можно разсматривать какъ вознагражденіе, получаемое такими „должностными лицами“ за выполненіе соотвѣтствующихъ функций²⁾. Я выше уже замѣтилъ, что *Родбертусъ* въ этихъ случайно—въ примѣчаніи—высказанныхъ словахъ впервые выставилъ идею, изъ которой позднѣйшіе писатели, въ особенности *Шеффле*, развили оригинальный вариантъ трудовой теоріи.—

Теперь я перехожу къ критикѣ научнаго построенія *Родбертуса*. Я безъ оговорокъ сейчасъ же долженъ замѣтить, что выставленная имъ теорія процента на капиталъ является, на мой взглядъ, совершенно ошибочной. По моему убѣжденію, она страдаетъ рядомъ вѣскихъ теоретическихъ недостатковъ, которые я попытаюсь изложить въ дальнѣйшемъ, какъ можно яснѣе и безпристрастнѣе.

Критическая оцѣнка должна уже остановиться на первомъ положеніи, которое *Родбертусъ* кладетъ въ основу своего научнаго построенія,—на положеніи, что всѣ блага съ хозяйственной точки зрѣнія представляютъ собою исключительно продукты труда.

Что обозначаютъ, прежде всего, слова: „съ хозяйственной точки зрѣнія“? *Родбертусъ* поясняетъ это при помощи про-

¹⁾ Erklärung II, стр. 303.

²⁾ Erklärung II, стр. 273 и слѣд. Въ изданномъ послѣ смерти автора сочиненіи о „капиталѣ“ *Родбертусъ* высказывается, правда, болѣе рѣзко противъ частной собственности на капиталъ—онъ, хотя и не является сторонникомъ совершеннаго уничтоженія таковой, но желаетъ ее замѣны (стр. 116 и слѣд.).

тивопоставленія. Онъ противопоставляетъ хозяйственную точку зрѣнія точкѣ зрѣнія естественника. Онъ категорически присоединяется къ тому, что, съ точки зрѣнія естественника, блага представляютъ собою не только продукты труда, но и продукты силъ природы. Если же, несмотря на это, съ хозяйственной точки зрѣнія блага все-таки представляютъ собою только продукты труда, то это можетъ быть истолковано только въ одномъ смыслѣ, а именно въ томъ, что содѣйствіе силъ природы въ производствѣ не имѣетъ абсолютно никакого значенія для человѣческаго хозяйства. Въ одномъ мѣстѣ онъ придаетъ этой точкѣ зрѣнія необыкновенно яркое выраженіе. Онъ говоритъ: „какъ бы ни были необходимы или полезны для человѣка всѣ остальные блага (кромѣ тѣхъ, которыя стоили труда), они представляютъ собою естественныя блага, *до которыхъ хозяйству нѣтъ никакого дѣла*“. „Человѣкъ долженъ быть благодаренъ природѣ за то, что она вложила въ хозяйственные блага отъ себя, такъ какъ это сберегаетъ ему соотвѣтственное количество труда, *но хозяйство принимаетъ это въ расчетъ* лишь постольку, поскольку *трудъ* пополняетъ дѣло природы“¹⁾.

Эта точка зрѣнія совершенно не вѣрна. Хозяйству приходится имѣть дѣло и съ чисто-естественными благами, если они только рѣдки по сравненію со спросомъ на нихъ. Или, можетъ быть, хозяйству нѣтъ дѣла до куска чистаго золота, въ видѣ метеора упавшаго на землю землевладѣльца, или же до залежей серебра, случайно открытых послѣднимъ въ его участкѣ земли? Неужели собственникъ не будетъ обращать вниманія на данныя ему природой золото и серебро, неужели онъ подаритъ ихъ другому или промотаетъ только потому, что онъ получилъ ихъ отъ природы безъ всякаго труда? И не будетъ ли онъ ихъ такъ же заботливо охранять, защищать противъ притязаній жадности другихъ людей и обмѣнивать осмотрительно на рынкѣ, однимъ словомъ, не будетъ ли онъ располагать или распорядиться своимъ золотомъ и серебромъ совершенно такъ же, какъ если бы онъ приобрѣлъ ихъ собственнымъ трудомъ?—И въ самомъ ли дѣлѣ хозяйство принимаетъ во вниманіе блага, стоившія труда, лишь постольку, поскольку *трудъ* дополнилъ дѣло природы? Если бы это было такъ, то люди, занимающіеся хозяйствомъ, должны были бы цѣнить совершенно одинаково ведро наилучшаго рейнвейна и ведро хорошо воздѣ-

¹⁾ Sociale Frage, стр. 69.

ланнаго, но по природѣ своей простого мѣстнаго вина, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ человѣческій трудъ причастенъ болѣе или менѣе въ одинаковой степени. То обстоятельство, что рейнвейнъ въ хозяйственной жизни все же часто оцѣнивается въ десять разъ выше мѣстнаго вина, представляетъ собой очевидный протестъ жизни. противъ теоріи *Родбертуса*.

Эти возраженія такъ естественны, что мы могли бы ожидать, что *Родбертусъ* тщательно защитилъ свою первую и притомъ самую важную основную точку зрѣнія противъ таковыхъ. Но это ожиданіе не оправдалось. Правда, *Родбертусъ* принялъ мѣры къ тому, чтобы придать этому своему положенію убѣдительность, но эти мѣры сводятся либо къ не имѣющей доказательной силы ссылкѣ на авторитеты, либо къ имѣющей такъ же мало доказательной силы діалектикѣ, которая даже не касается существеннаго пункта, а обходитъ его.

Къ первой категоріи относятся частыя ссылки на авторитеты *Смита* и *Рикардо* въ пользу принципа, „по поводу котораго въ новѣйшей политической экономіи нѣтъ больше спора“, и который вполне упрочился среди англійскихъ экономистовъ, находить себѣ представителей среди французскихъ, и, „что самое важное, неизгладимо запечатлѣнъ въ народномъ сознаніи, не взирая на всѣ софизмы ученія, скрывающаго заднія мысли“¹⁾. Однако, въ послѣдствіи мы должны будемъ констатировать интересный фактъ, что *Смитъ* и *Рикардо* выставляютъ данный принципъ аксіоматически и совершенно его не обосновываютъ; притомъ оба они, какъ это прекрасно доказалъ *Книсъ*²⁾, сами даже не вездѣ соблюдали этотъ принципъ. Такъ какъ въ научной полемикѣ, конечно, и авторитеты доказываютъ не силой своихъ именъ, а силой приводимыхъ ими доводовъ, и такъ какъ въ данномъ случаѣ кромѣ именъ нѣтъ не только никакихъ доводовъ, но и послѣдовательнаго постулированія, то такая ссылка на авторитеты существенно не усиливаетъ позиціи *Родбертуса*—его позиція всецѣло обуславливается тѣми доводами, которые онъ самъ можетъ привести въ пользу своего принципа.⁴

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ принять во вниманіе нѣсколько болѣе обстоятельное доказательство въ первой изъ пяти теоремъ „Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen

¹⁾ Sociale Frage, стр. 71.

²⁾ Credit, II часть, стр. 60 и слѣд.

Zustände“ и болѣе сжатый силлогизмъ въ сочиненіи „Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Creditnot des Grundbesitzes“.

Въ первомъ изъ указанныхъ сочиненій *Родбертусъ* прежде всего вполне удачно доказываетъ, что мы должны экономно обращаться съ благами, стоящими труда, и поясняетъ, почему это такъ. Онъ съ полнымъ правомъ выдвигаетъ на первый планъ количественное несоотвѣтствіе между „безконечностью и ненасытностью нашихъ желаній“ („Unendlichkeit und Unersättlichkeit unseres Begehrungsvermögens“) или нашихъ потребностей и ограниченностью нашего времени и нашихъ силъ; затѣмъ только, и притомъ больше намеками, говоритъ онъ о томъ, что трудъ „тягостенъ“, что онъ представляетъ собою жертву „свободы“ и т. д. ¹⁾ Такимъ же образомъ онъ выводитъ также вполне удачно и то, что (и по какой причинѣ) на затрату труда слѣдуетъ смотрѣть, какъ на „стоимость“. „Слѣдуетъ только—говорить онъ ²⁾—выяснить себѣ понятіе „стоить“ („kosten“). Это понятіе заключаетъ въ себѣ не только то, что для производства продукта требуется извѣстная затрата. Къ этому понятію существенно относится еще и то, что сдѣлана затрата, которой теперь нельзя уже сдѣлать съ другой цѣлью, и то, что эта затрата сдѣлана лицомъ, на которомъ *отзывается* невозможность возврата затраты. Изъ послѣдняго обстоятельства вытекаетъ, что понятіе „стоить“ можетъ быть отнесено только къ человѣку“.

Вполнѣ вѣрно!—Такъ же вѣрно и то, что, какъ это *Родбертусъ* выводитъ дальше, оба критерія даннаго понятія наблюдаются въ трудѣ, ибо затрата труда, вызываемая каждымъ благомъ, „не можетъ быть уже сдѣлана для другого блага.“—первый критерій—и „можетъ отозваться только на *человѣкъ*, такъ какъ она состоитъ изъ его силы и его времени, которыя оба ограничены по отношенію къ безчисленному ряду благъ,“—второй критерій.

Теперь, однако, *Родбертусъ* долженъ еще доказать, что понятіе „стоить“, а, слѣдовательно, и причина хозяйственнаго отношенія къ благамъ могутъ быть отнесены исключительно къ труду, а не къ какому-либо другому элементу. Онъ прежде всего соглашается съ тѣмъ, „что въ производствѣ блага должно участвовать и участвовать въ дѣйстви-

¹⁾ „Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände“ (1842) Erstes Theorem, стр. 5 и 6.

²⁾ О. с. стр. 7.

тельности еще нѣчто другое (кромѣ труда)“, т. е.—если не принимать во вниманіе идей, предоставляемыхъ человѣческимъ умомъ,—матеріаль, предоставляемый природой, и силы природы, „которыя содѣйствуютъ труду при обработкѣ или добываніи веществъ“. Однако, участіе природы не обладаетъ ни тѣмъ ни другимъ критеріемъ нашего понятія. Активная сила природы „безконечна и неразрушима: сила, обращающая въ хлѣбное зерно соотвѣтствующія субстанціи, всегда сопутствуетъ этимъ субстанціямъ. Правда, матеріаль, предоставляемый природой для *одного* блага, не можетъ, естественно, въ то же время быть использованъ и для другого. Однако, если бы мы хотѣли по этому поводу говорить о „стоимости“, мы олицетворяли бы природу и говорили бы о томъ, чего стоитъ *ей* предоставленный ею матеріаль. Матеріаль не является затратой, дѣлаемой *человѣкомъ* для блага; стоитъ же благо можетъ только *человѣку*“¹⁾.

Изъ двухъ частей этого вывода предпосылка, отрицающая наличность перваго критерія, очевидно, невѣрна. Силы природы, конечно, вѣчны и неразрушимы, но для вопроса о затратахъ на производство имѣетъ значеніе не то, продолжаютъ ли эти силы вообще существовать, а то, продолжаютъ ли онѣ существовать и дѣйствовать такъ, чтобы быть въ состояніи еще разъ содѣйствовать производству. А въ этомъ отношеніи, единственно имѣющимъ значеніе для нашего вопроса, не можетъ быть и рѣчи о безконечномъ существованіи. Если мы сожгли уголь, то химическія силы углерода, которыя, благодаря соединенію съ кислородомъ атмосфернаго воздуха, вызвали желательное тепловое дѣйствіе, хотя и продолжаютъ существовать, но ихъ дѣйствіе, состоящее въ связываніи атомовъ кислорода, съ которыми атомы углерода соединяются въ углекислоту, прекращается, и о вторичномъ полезномъ дѣйствіи этихъ силъ пока не можетъ быть и рѣчи. Затрата химическихъ силъ, которую мы сдѣлали въ пользу производства нѣкотораго блага при помощи сжиганія угля, уже не можетъ быть сдѣлана вторично въ пользу другого блага²⁾. То же самое, конечно, можно сказать и о сыромъ матеріалѣ. Относительно послѣдняго *Родбертусъ*, правда, соглашается—хотя и не достаточно категорически—

¹⁾ О. с. стр. 8.

²⁾ Не трудно убѣдиться, что *Родбертусъ*, будучи послѣдовательнымъ, долженъ былъ бы назвать вѣчной и неразрушимой и рабочую силу, такъ какъ химическія и механическія силы, покоящіяся въ человѣческомъ организмѣ, также не исчезаютъ!

съ этимъ положеніемъ, говоря, что сырой матеріаль „въ теченіе этого времени“ не можетъ быть затрачиваемъ на другое благо. Въ дѣйствительности же сырой матеріаль не можетъ быть затрачиваемъ на производство другого блага не только въ „теченіе этого времени“, т. е. того времени, въ теченіе котораго онъ находится въ первомъ благѣ; по правилу онъ не можетъ быть затраченъ и впоследствии. Если я, напр., затрачиваю дерево на балку, то оно не только не можетъ быть употребляемо для производства другого блага въ теченіе ста лѣтъ, въ продолженіе которыхъ оно служить въ домѣ балкой и постепенно гниетъ, но и послѣ сгниенія, потому что его химическіе элементы, хотя и продолжаютъ существовать, но находятся теперь въ состояніи, непригодномъ уже для направленія ихъ на полезныя цѣли человѣка. Нѣсколько позже, при разсмотрѣніи собственнаго возраженія, *Родбертусъ* самъ отказывается отъ перваго своего довода и опирается уже только на то, что нѣтъ второго критерія, на основаніи котораго понятіе „стоять“ можетъ быть отнесено только къ человѣку.

Но и въ этомъ *Родбертусъ* неправъ. Затрата рѣдкихъ даровъ природы также представляетъ собою затрату, невозможность возврата которой отзывается на человѣкѣ совершенно такъ же, какъ это *Родбертусъ* требуетъ въ своемъ опредѣленіи понятія „стоять“, и по совершенно той же причинѣ, которую онъ самъ признаетъ по отношенію къ труду. Въ самомъ дѣлѣ, какъ слѣдуетъ понимать то, что *Родбертусъ* считаетъ причиной, заставляющей насъ экономно обращаться съ трудомъ и его продуктами, не, напр., страданія, сопряженныя съ трудомъ, а—нѣсколько разъ выразительно это подчеркивая—количественную ограниченность труда по отношенію къ безконечности нашихъ потребностей. Это можно понимать только въ томъ смыслѣ, что всякое расточеніе труда, и безъ того недостаточнаго для полнаго удовлетворенія потребностей, должно еще болѣе усилить невозможность удовлетворенія нашихъ потребностей. Этотъ мотивъ остался бы въ силѣ и тогда, еслибы трудъ не былъ сопряженъ съ перенесеніемъ личныхъ страданій, мученій, принужденія и т. п., а доставлялъ рабочимъ одно только ничѣмъ не нарушаемое удовольствіе, но притомъ все же не былъ бы количественно достаточнымъ для производства всѣхъ желанныхъ благъ. На человѣкѣ, такимъ образомъ, отражается не только расточительная, но и обыкновенная затрата труда просто потому, что, благодаря ей, онъ лишенъ возможности удовлетворить какую-либо другую по-

требность ¹⁾. То же имѣеть мѣсто и тогда, если рѣдкій даръ природы расточается или вообще затрачивается. Если я расточаю зря или путемъ хищнической разработки цѣнныя залежи минераловъ или угля, то я расточаю совокупность удовлетвореній потребностей, которую я могъ бы приобрести при экономномъ обращеніи, и которой я лишаясь при неэкономномъ обращеніи ²⁾.

Родбертусъ и самъ обратилъ вниманіе на это возраженіе, котораго не принять во вниманіе почти невозможно. Мы могутъ возразить, говоритъ онъ, что, помимо труда, затраченнаго на рубку деревьевъ и т. д., собственнику лѣса стоитъ также самъ матеріалъ, „потому что, будучи обращеннымъ на одно благо, онъ не можетъ уже быть обращеннымъ на другое и поэтому представляетъ собою затрату, которая отражается на немъ, на собственникѣ“ ³⁾. Но *Родбертусъ* отдѣлывается отъ этого возраженія софизмомъ. Это возраженіе, говоритъ онъ, покоится на „фикціи“, „такъ какъ отношеніе положительнаго права обращаютъ въ экономическій принципъ, между тѣмъ какъ таковымъ могутъ служить только законныя естественныя отношенія“. Только съ точки зрѣнія существующаго положительнаго правопорядка можно было бы предположить, что для предметовъ природы существуетъ „собственникъ“ уже тогда, когда на нихъ не было еще затрачено труда, и дѣло обстояло бы совсѣмъ иначе, если бы отмѣнили право собственности на землю:

А между тѣмъ въ рѣшающемъ пунктѣ дѣло вовсе не обстояло бы иначе. Если стволъ дерева вообще представляетъ собою относительно рѣдкій даръ природы, то уже природа вещи, независимо отъ всякаго правопорядка, требуетъ, чтобы всякое расточеніе рѣдкихъ даровъ природы

¹⁾ При этомъ можно еще, напр., остановиться на вопросѣ, не имѣеть ли разумное основаніе экономно обращаться съ чужимъ трудомъ и повелитель надъ чужимъ трудомъ, будь это работодатель, глава семьи или содержатель рабовъ. Конечно, причиной здѣсь уже не можетъ быть то, что трудъ обуславливается его временемъ, его силой или его личной жертвой свободы—здѣсь, очевидно, принимается во вниманіе только изложенное въ текстѣ отношеніе къ удовлетворенію его (или же его семьи) потребностей.

²⁾ Установленія всѣхъ горныхъ законодательствъ, направленныхъ противъ хищнической разработки, представляютъ собою наглядное опроверженіе взгляда *Родбертуса*, потому что они прямо-таки вмѣняютъ въ обязанность—по очей основательнымъ причинамъ—экономно обращаться съ рѣдкими дарами природы.

³⁾ О. с. стр. 9.

отзывалось на благосостояніи и неблагосостояніи людей: правовой порядокъ имѣеть значеніе только при выборѣ тѣхъ или другихъ лицъ, на которыхъ оно будетъ отзываться. При существованіи права частной собственности заинтересованнымъ является собственникъ—на немъ, слѣдовательно, оно отзывается; при общественной собственности оно отзывалось бы на всей совокупности членовъ общества; при отмѣнѣ всякаго праваго порядка на фактическомъ повелителѣ, будь это первый захватчикъ или сильнѣйшій. Но никогда нельзя было бы избѣжать того, чтобы потеря или затрата рѣдкихъ даровъ природы вообще не отражалась на удовлетвореніи потребностей ни отдѣльнаго лица ни совокупности лицъ, за исключеніемъ развѣ того случая, если лѣсъ вообще не обитаемъ людьми, или же, если обитатели его въ силу какихъ-либо другихъ, нехозяйственныхъ, напр., религіозныхъ, соображеній принципиально воздерживаются отъ всякаго примѣненія деревьевъ. Тогда, конечно, не обращались бы съ лѣсомъ экономно, но не потому, что чистые дары природы принципиально не могутъ служить предметомъ жертвы, отзывающейся на томъ или другомъ лицѣ, а потому, что, въ силу конкретныхъ условий даннаго случая, они были исключены изъ такихъ личныхъ отношеній, къ которымъ они сами по себѣ способны.—

Въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ работъ *Родбертусъ* посвящаетъ своему положенію еще одно краткое обоснованіе, которое, очевидно, преслѣдуетъ ту же идею, хотя отчасти въ нѣсколько иномъ направленіи. Онъ высказываетъ взглядъ, что всякій продуктъ, который становится для насъ благомъ благодаря затратѣ труда, *тѣмъ же самымъ* долженъ, съ хозяйственной точки зрѣнія, быть отнесенъ исключительно на счетъ человѣческаго труда, ибо трудъ является единственной первичной силой и единственной первичной затратой, съ которыми обращается экономно человѣческое хозяйство ¹⁾. Что касается этой аргументаціи, то, во-первыхъ, можно очень сомнѣваться въ правильности самой предположки, которой пользуется здѣсь *Родбертусъ*; такъ относится къ ней *Книсъ*, высказавшій свое сомнѣніе вполнѣ рѣшительно и опирающійся, по моему мнѣнію, на довольно вѣскіе аргументы ²⁾. И, во-вторыхъ, если бы данная пред-

¹⁾ Erklärung und Abhilfe II, стр. 160. Въ томъ же духѣ *Sociale Frage*, стр. 69.

²⁾ *Der Credit*, II часть, стр. 69: „То, что *Родбертусъ* приводитъ, какъ единственный доводъ въ пользу своей точки зрѣнія, т. е. взглядъ, что „трудъ представляетъ собою единственную первичную силу и

посылка была даже правильна, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что правиленъ и выводъ. Даже въ томъ случаѣ, если бы трудъ въ дѣйствительности представлялъ собою единственную первичную силу, съ которой экономно обращается человѣческое хозяйство, то для меня совершенно еще непонятно, почему человѣческое хозяйство, на ряду съ „первичными силами,“ не можетъ экономно обращаться еще съ чѣмъ-либо другимъ. Почему, напр., оно не можетъ экономно обращаться и съ извѣстными результатами этой первичной силы или результатами другихъ первичныхъ силъ? Почему, напр., не съ золотымъ метеоромъ, о которомъ мы говорили выше? или со случайно найденнымъ драгоценнымъ камнемъ? или съ естественными залежами каменнаго угля? *Родбертусъ* смотритъ слишкомъ узко на сущность и мотивы хозяйства. Мы обращаемся экономно съ первичной силой „трудъ,“ какъ вѣрно замѣчаетъ *Родбертусъ*, „потому, что этотъ трудъ ограниченъ во времени и силѣ, потому, что, будучи разъ затраченъ, онъ совершенно исчерпывается, и потому, наконецъ, что онъ является для насъ лишеніемъ свободы“. Но это все только промежуточные мотивы; это еще не послѣдній мотивъ нашего экономнаго обращенія. Въ концѣ концовъ мы обращаемся экономно съ ограниченнымъ и тяжелымъ трудомъ потому, что при неэкономномъ обращеніи съ нимъ намъ пришлось бы потерять извѣстную долю нашего благосостоянія. Но тотъ же мотивъ побуждаетъ насъ обращаться экономно и со всякой другой полезной вещью, лишеніе или потеря которой должны повлечь за собою извѣстную потерю жизненныхъ удобствъ, разъ эта вещь существуетъ только въ ограниченномъ количествѣ,—все равно, будетъ ли она первичной силой или нѣтъ, стоитъ ли она затраты первичной силы—труда, или нѣтъ.

Наконецъ, позиція, занимаемая *Родбертусомъ*, совершенно не выдерживаетъ критики еще и потому, что, по *Родбертусу*, всѣ блага должны быть даже разсматриваемы исключительно

единственную первичную затрату, съ которыми обращается экономно человѣческое хозяйство,“ прямо-таки невѣрно по существу!“ Какое поразительное ослѣпленіе, притомъ у землевладѣльца, ослѣпленіе, заставляющее думать, что неэкономными людьми дѣйствующая въ нашихъ ограниченныхъ участкахъ сила земли не можетъ быть оставлена „мертво-лежащей“ или же „расточаема“ для разведенія „сорныхъ травъ“ и т. д., и т. д. Такое неправильное разсужденіе должно также въ концѣ концовъ защитить и взглядъ, что потеря x моргеиновъ земли „не представляетъ собою хозяйственной потери“ для землевладѣльца, и что потеря y квадратныхъ миль земли „не представляетъ собою хозяйственной потери“ для народнаго хозяйства.

какъ продукты *матеріальнаго ручнаго* труда. Эта точка зрѣнія, исключаящая, между прочимъ, изъ сферы хозяйственно-производительной дѣятельности даже непосредственное духовное руководство производствомъ, ведетъ къ массѣ внутреннихъ противорѣчій и ложныхъ слѣдствій, которыя не допускаютъ даже сомнѣнія относительно ея неправильности; послѣднія были раскрыты *Книсомъ* съ такой убѣдительностью, что вторичное разсмотрѣніе этого вопроса совершенно излишне ¹⁾.

Такимъ образомъ, уже первое основное положеніе *Родбертуса* идетъ въ разрѣзъ съ истиной. Впрочемъ, чтобы быть совершенно лойяльнымъ, я долженъ здѣсь сдѣлать уступку, которой *Книсъ*, исходя изъ точки зрѣнія теоріи пользованія, представителемъ которой онъ является, допустить не могъ. А именно, я согласенъ, что съ опроверженіемъ этого основного положенія отнюдь не опровергнута еще вся теорія процента *Родбертуса*. Это положеніе невѣрно не потому, что оно ошибочно представляетъ въ производствѣ благъ долю капитала, а потому, что оно ошибочно представляетъ долю природы. Я полагаю, подобно *Родбертусу*, что, если разсматривать результатъ всѣхъ стадій производства, какъ цѣлое, то капиталъ не можетъ занимать самостоятельнаго мѣста среди издержекъ производства: капиталъ представляетъ собою не исключительно „предварительно затраченный трудъ,“ какъ полагаетъ *Родбертусъ*,—онъ представляетъ собою только часть, обыкновенно, правда, даже главную, „предварительно затраченнаго труда,“ остальную же часть его составляютъ накопленныя силы природы, обладающія цѣнностью. Если же послѣднія отсутствуютъ—какъ это бываетъ, напр., въ производствѣ, въ которомъ во всѣхъ стадіяхъ затрачиваются исключительно свободные дары при-

¹⁾ См. *Книсъ*, „Der Credit“ II часть, стр. 64 и слѣд.; напр.: „Кто хочетъ „произвести“ каменный уголь, тотъ долженъ не только копать, но долженъ копать въ опредѣленномъ мѣстѣ; онъ можетъ безуспѣшно тратить все тотъ же матеріальный трудъ раскопки въ тысячѣ мѣстъ. Но если предпринять тяжелый и необходимый трудъ опредѣленія мѣста специальнымъ лицомъ, напр., геологомъ; если безъ посторонней „духовной силы“ не можетъ быть построена шахта и т. д.,—то, какимъ же образомъ, спрашивается, „хозяйственнымъ“ трудомъ является только раскопка? Если, напр., выборъ веществъ, опредѣленіе количественныхъ отношеній и т. д. совершаются не тѣмъ лицомъ, которое изготовляетъ пилулы, а инымъ,—то неужели хозяйственная цѣнность этого вещественнаго тѣла и само это цѣлебное средство, какъ таковое, могутъ быть продуктомъ исключительно соответствующаго ручнаго труда?“

роды и трудъ или же такіе продукты, которые сами созданы исключительно свободными дарами природы и трудомъ,—то мы, въ самомъ дѣлѣ, можемъ вмѣстѣ съ *Родбертусомъ* утверждать, что блага, созданныя въ такомъ производствѣ, съ хозяйственной точки зрѣнія, представляютъ собою исключительно продукты труда. Если, такимъ образомъ, основная ошибка *Родбертуса* относится не къ роли капитала, а исключительно къ роли природы, то и слѣдствія, которыя онъ выводитъ изъ этого основного положенія относительно природы прибыли на капиталъ, могутъ и не быть невѣрными. Только въ томъ случаѣ, если и въ дальнѣйшей части его ученія найдутся существенныя ошибки, мы будемъ въ правѣ отвергнуть таковое, какъ невѣрное. А такія ошибки, безъ сомнѣнія, имѣются.

Чтобы не использовать неподходящимъ образомъ первой ошибки *Родбертуса*, я во всемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи буду дѣлать только такія предположенія, въ которыхъ будутъ совершенно устранены слѣдствія этой ошибки. Я буду предполагать, что всѣ блага производятся исключительно совмѣстной дѣятельностью труда и *свободныхъ* силъ природы и при исключительномъ содѣйствіи такихъ капиталовъ, которые сами созданы только совмѣстной дѣятельностью труда и свободныхъ силъ природы, безъ содѣйствія обладающихъ мѣншею цѣнностью даровъ природы. При такомъ ограничивающемъ предположеніи и я могу признать дѣйствительнымъ основное положеніе *Родбертуса*, что блага, съ хозяйственной точки зрѣнія, стоятъ только труда.—Посмотримъ, что будетъ дальше.

Слѣдующее положеніе *Родбертуса* гласитъ: естественно и съ „чисто-юридической точки зрѣнія“ вполне справедливо, что рабочему долженъ принадлежать весь продуктъ, который созданъ только имъ, или вся цѣнность такового, безъ вычетовъ.—Я также вполне согласенъ съ этимъ положеніемъ, противъ правильности и справедливости котораго, при вышесдѣланномъ ограничительномъ предположеніи, нельзя, на мой взглядъ, ничего возразить. Но я полагаю, что *Родбертусъ*, а съ нимъ и всѣ социалисты, имѣютъ объ осуществленіи этого дѣйствительно справедливаго положенія невѣрное представленіе и, увлеченные этимъ представленіемъ, требуютъ осуществленія состоянія, которое не соотвѣтствуетъ этому положенію, а противорѣчитъ. Такъ какъ въ многочисленныхъ попыткахъ опроверженія, направленныхъ до сихъ поръ противъ теоріи эксплуатаціи, этотъ рѣшающій

пунктъ былъ—какъ это ни странно—разсматриваемъ только въ высшей степени поверхностно и никогда еще не былъ освѣщенъ надлежащимъ образомъ, то я думаю, что могу себѣ позволить попросить читателя внимательно слѣдить за дальнѣйшими разсужденіями, тѣмъ болѣе, что эта нелегкая задача обязательно требуетъ внимательнаго отношенія.

Я сначала назову ошибку, въ которой я упрекаю *Родбертуса*, а потомъ только постараюсь освѣтить ее. Вполнѣ вѣрное положеніе, что рабочій долженъ получать всю цѣнность своего продукта, можетъ только обозначать или, что рабочій долженъ получать всю *настоящую* цѣнность произведеннаго имъ продукта *въ настоящемъ*, или, что онъ долженъ получать всю *будущую* цѣнность его *въ будущемъ*. Но *Родбертусъ* и социалисты понимаютъ это положеніе въ томъ смыслѣ, что рабочій долженъ получать всю *будущую* цѣнность своего продукта уже *въ настоящемъ*, и дѣлаютъ при этомъ видъ, будто ихъ точка зрѣнія является вполнѣ естественной и единственно возможной.

Поясимъ это на конкретномъ примѣрѣ. Положимъ, что производство благъ, напр., паровой машины, стоитъ пяти рабочихъ лѣтъ, и что мѣновая цѣнность, которой достигаетъ готовая машина, равна 5.500 гульденамъ. Положимъ далѣе—временно отвлекаясь отъ факта распредѣленія продукта между нѣсколькими лицами,—что машину производитъ одинъ рабочій своимъ непрерывнымъ пятилѣтнимъ трудомъ. Какое же, спрашивается, онъ долженъ получить вознагражденіе въ силу того принципа, что рабочему долженъ принадлежать, въ качествѣ заработной платы, весь его продуктъ или же вся цѣнность его продукта?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: онъ долженъ получить всю паровую машину, или же всѣ 5.000 гульденовъ. Но *когда?*—И по поводу этого также не можетъ быть никакого сомнѣнія: очевидно, по истеченіи пяти лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя овладѣть паровой машиной, если она не существуетъ, нельзя овладѣть собственнымъ трудомъ созданной цѣнностью въ 5.500 гульденовъ, если она еще не создана. Въ данномъ случаѣ рабочій получить свое вознагражденіе по формулѣ: весь будущій продуктъ или его будущая цѣнность въ будущемъ.

Но очень часто случается, что рабочій не можетъ или не хочетъ ждать, пока его продуктъ будетъ вполнѣ законченъ. Нашъ рабочій желаетъ, напр., получить соответствующую часть вознагражденія уже по истеченіи года. Возникаетъ вопросъ, какъ опредѣлить эту часть въ зависимости

отъ вышеприведеннаго принципа.—Я полагаю, что и относительно этого не можетъ возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія: рабочій получить все, что ему слѣдуетъ, если онъ теперь получить то, что онъ создалъ. Слѣдовательно, если, напр., онъ до настоящаго времени добылъ извѣстное количество руды, желѣза или стали, то онъ получить все то, что ему слѣдуетъ, если получить все это количество руды, желѣза или стали или же всю ту цѣнность, которой обладаютъ всѣ эти вещества, конечно, *въ настоящемъ*.—Я не думаю, чтобы кто-либо изъ социалистовъ могъ имѣть что-либо противъ такого рѣшенія вопроса.

Какъ же велика будетъ эта цѣнность по сравненію съ цѣнностью готовой паровой машины?—При отвѣтѣ на этотъ вопросъ поверхностный мыслитель можетъ впасть въ ошибку. Рабочій въ настоящее время доставилъ пятую часть техническаго труда, необходимаго для изготовленія всей машины: слѣдовательно,—этотъ выводъ легко можетъ быть сдѣланъ при поверхностномъ разсмотрѣніи вопроса—его настоящій продуктъ также будетъ обладать пятой частью цѣнности всего продукта, т. е. цѣнностью въ 1.100 гульденовъ. Такимъ образомъ, рабочій долженъ за годъ получить заработную плату въ 1.100 гульденовъ.

Этотъ выводъ ложенъ. 1.100 гульденовъ представляютъ собою пятую часть цѣнности готовой, имѣющейся налицо паровой машины. Но рабочій пока произвелъ не пятую часть машины, которая уже готова, а пятую часть машины, которая будетъ готова только черезъ четыре года. А это не одно и то же, не только на словахъ, но и по существу. Первая пятая часть имѣетъ цѣнность, отличную отъ цѣнности второй, совершенно такъ же, какъ и цѣлая, имѣющаяся налицо машина при настоящей оцѣнкѣ имѣетъ другую цѣнность, чѣмъ машина, которая будетъ готова только черезъ четыре года,—совершенно такъ же, какъ всѣ вообще настоящія блага имѣютъ въ настоящее время цѣнность, отличную отъ цѣнности благъ будущихъ.

Тотъ фактъ, что по оцѣнкѣ настоящаго времени, къ которому относится наше хозяйство, настоящія блага обладаютъ большей цѣнностью, чѣмъ будущія блага того же вида и качества, является однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ и наиболѣе важныхъ въ хозяйствѣ. О причинахъ, которымъ этотъ фактъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, о разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, въ которыхъ онъ проявляется, и о столь же разнообразныхъ слѣдствіяхъ, къ которымъ онъ ведетъ въ хозяйственной жизни, я приведу

подробныя изслѣдованія во второмъ томѣ моего настоящаго сочиненія; эти изслѣдованія не будутъ ни такъ легки ни такъ просты, какъ это можетъ показаться на основаніи ясности основнаго положенія. Но я полагаю, что и теперь, хотя я и не привелъ этихъ подробныхъ изслѣдованій, я въ правѣ ссылаться на фактъ, что настоящія блага обладаютъ большей цѣнностью, чѣмъ такія же будущія, такъ какъ существованіе этого факта несомнѣнно подтверждается самымъ поверхностнымъ наблюденіемъ обыденной жизни. Спросимъ у 1.000 лицъ, предпочитаютъ ли они получить подарокъ въ 1000 гульденовъ въ настоящее время или черезъ 50 лѣтъ, и всѣ до единаго отдадутъ предпочтеніе настоящимъ 1000 гульденамъ; или спросимъ у 1000 другихъ лицъ, которымъ нужна лошадь, и которая за хорошую лошадь согласна уплатить 200 гульденовъ, сколько они дали бы въ настоящее время за такую же лошадь, которую, однако, получаютъ только лѣтъ черезъ 10 или 50; всѣ они назовутъ—если только вообще назовутъ—гораздо меньшую сумму, и этимъ они только подтвердятъ, что всѣ люди, занимающіеся хозяйствомъ, считаютъ настоящія блага болѣе цѣнными, чѣмъ совершенно такія же блага въ будущемъ.

Такимъ образомъ, изготовленная нашими рабочими въ теченіе перваго года пятая часть паровой машины, которая будетъ закончена только черезъ четыре года, не имѣетъ полной цѣнности пятой части уже готовой машины, а меньшую. Насколько же меньшую?—Этого я теперь не могу еще объяснить, не желая забѣгать впередъ, въ ущербъ дѣлу. Здѣсь же я ограничусь замѣчаніемъ, что это обстоятельство находится въ извѣстной, на опытѣ наблюдаемой связи съ величиной существующей въ этой странѣ процентной нормы¹⁾ и съ отдаленностью момента, въ который будетъ законченъ весь продуктъ. Если я предположу, что существующая въ данной странѣ процентная норма=5%, то продуктъ перваго рабочаго года будетъ имѣть въ концѣ его цѣнность приблизительно въ 1000 гульденовъ²⁾. Такимъ образомъ, вознагражденіе, которое долженъ получить рабочій за первый рабочій годъ на основаніи принципа, что рабочій долженъ

¹⁾ Я, конечно, и не думаю вводить здѣсь процентную норму, какъ причину низшей оцѣнки будущихъ благъ. Я прекрасно знаю, что процентъ и процентная норма могутъ быть только *слѣдствіемъ* этого основнаго явленія. Я здѣсь даю не объясненіе фактовъ, а только изложеніе.

²⁾ Правильность этого на первый взглядъ страннаго подбора цифръ вскорѣ обнаружится.

получать весь свой продуктъ или всю его цѣнность, будетъ равняться 1000 гульд.

Быть можетъ, кому-либо, несмотря на предыдущіе выводы, покажется, что это мало,—тогда я обращаю его вниманіе на слѣдующее. Никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что вознагражденіе рабочаго не будетъ сокращено, если онъ черезъ пять лѣтъ получить всю паровую машину или всю ея цѣнность въ 5500 гульд. Вычислимъ въ цѣляхъ сравненія и цѣнность авансированной части вознагражденія къ концу пятаго года. Такъ какъ 1000 гульд., полученныхъ въ концѣ перваго года, можно на четыре года отдать на проценты и при пятипроцентной нормѣ (безъ сложныхъ процентовъ) увеличить ихъ еще на 200 гульд. (примѣненіе, доступное и рабочему, получившему вознагражденіе), то очевидно, что 1000 гульд., уплаченныхъ въ концѣ перваго года, равноцѣнны 1200 гульд., уплаченнымъ въ концѣ пятаго года. Если поэтому рабочій получаетъ за пятую часть своего технического труда по истеченіи года 1000 гульд., то очевидно, что онъ получаетъ вознагражденіе по масштабу не менѣе благоприятному, чѣмъ если бы онъ получилъ за весь продуктъ по истеченіи пяти лѣтъ 5500 гульд.

Какъ же представляютъ себѣ осуществленіе идеи, что рабочій долженъ получать всю цѣнность своего продукта, *Родбертусъ* и социалисты?—Они требуютъ, чтобы вся цѣнность, которою будетъ обладать въ концѣ работы готовый продуктъ, была обращена на заработныя платы и выплачивалась *pro rata* уже въ теченіе работы. Подумаемъ, что это значитъ. Въ примѣненіи къ нашему примѣру это значитъ, что рабочій, если принять во вниманіе среднюю соответствующихъ уплатъ, получить всѣ 5500 гульд., которымъ будетъ равняться цѣнность паровой машины черезъ 5 лѣтъ, уже черезъ 2½ года. Я долженъ сознаться, что считаю абсолютно невозможнымъ обосновать такое требованіе сдѣланной предпосылкой. Какимъ образомъ можно назвать естественнымъ и съ чисто-правовой точки зрѣнія вполне справедливымъ фактъ, что человѣкъ получить уже по истеченіи 2½ лѣтъ то, что онъ создастъ только черезъ 5 лѣтъ? Это такъ мало „естественно“, что естественнымъ путемъ даже неосуществимо. Это невыполнимо даже тогда, если освободить рабочаго отъ всѣхъ оковъ такъ часто осуждаемаго наемнаго договора и поставить его въ самыя благоприятныя условія независимаго предпринимателя. Будучи рабочимъ-предпринимателемъ, онъ, конечно, получить 5500 гульд. цѣликомъ, но получить ихъ не раньше, чѣмъ они будутъ

созданы, т. е. через 5 лѣтъ. И какимъ же образомъ, во имя чисто-юридической точки зрѣнія, можно осуществить при помощи наемнаго договора то, въ чемъ природа вещей отказала самому предпринимателю?

Требованія социалистовъ, если называть вещи по имени, сводятся къ тому, что рабочіе, въ силу наемнаго договора, должны получать *больше*, чѣмъ они заработали, больше, чѣмъ они могли бы получить, если бы они были предпринимателями за свой счетъ, больше, чѣмъ они создаютъ для предпринимателя, съ которымъ они заключаютъ наемный договоръ. Рабочіе создали 5500 гульд. только по истеченіи 5-ти лѣтъ и на это по справедливости имѣютъ право. Но 5500 гульд. по истеченіи $2\frac{1}{2}$ лѣтъ, которыхъ требуютъ для рабочихъ, представляютъ собою большую сумму—они представляютъ собою, при пятипроцентной нормѣ, столько, сколько приблизительно 6200 гульд. по истеченіи пяти лѣтъ. И это отношеніе цѣнностей отнюдь не является слѣдствіемъ неизбежныхъ социальныхъ учрежденій, которыя создали процентъ и опредѣлили его пятипроцентную норму; оно является непосредственнымъ слѣдствіемъ того, что наша жизнь ограничена предѣлами времени, что сегодняшній день со своими потребностями и заботами предшествуетъ завтрашнему, что въ послѣзавтрашнемъ днѣ мы, можетъ быть, вообще уже не можемъ быть увѣренными. Не только жадные капиталисты дѣлаютъ различіе между настоящимъ и будущимъ—его дѣлаетъ каждый рабочій, каждый вообще человѣкъ. Какъ жаловался бы на обсчетъ рабочій, если бы ему взамѣнъ его недѣльной заработной платы въ 10 гульд., подлежащей уплатѣ сегодня, предложили 10 гульд. черезъ годъ! А неужели для предпринимателя безразлично то, что не безразлично для рабочаго? Неужели онъ долженъ платить 5500 гульд. черезъ $2\frac{1}{2}$ года за 5500, которые онъ получитъ только черезъ 5 лѣтъ въ видѣ готоваго продукта? Это и не справедливо и не естественно! Справедливымъ и естественнымъ будетъ, я еще разъ охотно это признаю, если рабочій получитъ всѣ 5500 гульд. черезъ пять лѣтъ. Если же онъ не можетъ или не хочетъ ждать въ теченіе пяти лѣтъ, то онъ, конечно, также долженъ получить всю цѣнность своего продукта, но только *настоящую* цѣнность *настоящаго* продукта. Но эта цѣнность по необходимости должна быть меньше, чѣмъ та часть цѣнности будущаго продукта, которая соотвѣтствуетъ техническому труду, потому что въ хозяйственномъ мірѣ господствуетъ законъ, что настоящая цѣнность будущихъ благъ меньше, чѣмъ насто-

ящая цѣнность настоящихъ благъ; этотъ законъ обязанъ своимъ происхожденіемъ не какому-либо общественному или государственному учрежденію, а непосредственно природѣ человѣка и природѣ вещей.—

Если гдѣ-либо можно извинить многословіе, то уже навѣрно въ данномъ мѣстѣ, въ которомъ рѣчь идетъ объ опроверженіи столь важнаго по своимъ послѣдствіямъ ученія, какъ социалистическая теорія эксплуатаціи. Поэтому, рискуя даже надѣсть тому или другому изъ моихъ читателей, я все же приведу еще одинъ конкретный примѣръ, который, надѣюсь, дастъ мнѣ возможность еще рѣзче освѣтить ошибку социалистовъ.

Въ нашемъ первомъ примѣрѣ я отвлекся отъ факта раздѣленія труда. Теперь же я такъ видоизмѣню примѣръ, чтобы онъ въ этомъ отношеніи ближе подходилъ къ дѣйствительности хозяйственной жизни. Предположимъ поэтому, что въ производствѣ машины принимаютъ участіе на началахъ раздѣленія труда пять различныхъ рабочихъ, изъ которыхъ каждый доставляетъ годичный трудъ. Одинъ изъ рабочихъ, положимъ, добываетъ необходимую желѣзную руду, другой изготовляетъ изъ нея желѣзо, третій перерабатываетъ желѣзо въ сталь, четвертый готовитъ изъ нея необходимыя отдѣльныя составныя части, пятый, наконецъ, придаетъ имъ необходимую связь и вообще заканчиваетъ работу. Такъ какъ при этомъ каждый послѣдующій рабочій, въ силу природы дѣла, можетъ начать свою работу только тогда, когда его предшественники закончили уже свою предварительную работу, то наши рабочіе могутъ взять на себя трудъ этихъ пяти рабочихъ лѣтъ не одновременно, а послѣдовательно одинъ за другимъ; слѣдовательно, изготовленіе машины будетъ продолжаться, какъ и въ первомъ примѣрѣ, пять лѣтъ. Предположимъ, что цѣнность готовой машины будетъ та же, что и прежде, т. е. 5500 гульд. Какую же часть ея можетъ теперь требовать за свой трудъ каждый изъ пяти участниковъ, согласно принципу, что рабочій долженъ получать всю цѣнность своего продукта?

Попытаемся рѣшить этотъ вопросъ прежде всего для того случая, когда вопросъ о заработной платѣ рѣшается безъ участія посторонняго предпринимателя, исключительно самими рабочими, т. е. когда полученный продуктъ просто распределяется между пятью рабочими. Для этого случая не подлежатъ сомнѣнію два факта. *Во-первыхъ*, распределеніе возможно *только по истеченіи пяти лѣтъ*, такъ какъ до этого времени нѣтъ ничего, что можно было бы распредѣ-

лить; если бы, напр., хотѣли между отдѣльными лицами распределить, въ качествѣ заработной платы, уже руду и желѣзо, произведенныя въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, то не было бы сырого матеріала для продолженія работы; напротивъ, ясно, что предварительный продуктъ, произведенный въ теченіе первыхъ лѣтъ, не можетъ подлежать никакому распределенію до конца производства, и что до этого времени онъ долженъ быть связанъ въ производствѣ. — Во-вторыхъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что общую цѣнность въ 5500 гульд. слѣдуетъ распределить между пятью рабочими.

По какому же принципу?

Конечно, не поровну, какъ это можетъ показаться на первый, поверхностный взглядъ, такъ какъ такое распределение предоставило бы значительное преимущество тѣмъ рабочимъ, трудъ которыхъ относится къ болѣе поздней стадіи общаго производства, по сравненію съ ихъ товарищами, трудившимися раньше. Рабочій, заканчивающій машину, получилъ бы за свой рабочій годъ 1100 гульд. непосредственно по истеченіи этого года; тотъ рабочій, который изготовилъ отдѣльныя составныя части машины, получилъ бы ту же сумму, но долженъ былъ бы дожидаться своего вознагражденія еще цѣлый годъ по истеченіи своего рабочаго года; а тотъ рабочій, который добываетъ руду, получилъ бы то же вознагражденіе только по истеченіи четырехъ лѣтъ послѣ затраты своего труда. Такъ какъ такая отсрочка ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть безразличной для лицъ, принимавшихъ участіе въ производствѣ, то каждый хотѣлъ бы взять на себя заключительный трудъ, который вознаграждается безъ отсрочки, и никто не согласился бы взять на себя предварительную работу. Чтобы все-таки найти лицъ, согласныхъ взять на себя эту послѣднюю, рабочіе заключительныхъ стадій были бы вынуждены обезпечить за товарищами предварительныхъ стадій большую долю въ окончательной цѣнности продукта, въ видѣ вознагражденія за отсрочку. Величина этой доли зависѣла бы отчасти отъ продолжительности отсрочки, отчасти же отъ величины разности, наблюдаемой въ хозяйственныхъ и культурныхъ условіяхъ нашего маленькаго общества при оцѣнкѣ настоящихъ и будущихъ благъ. Если эта разность равна, напр., 5%, то доли пяти рабочихъ будутъ уменьшаться въ слѣдующемъ порядкѣ:

Первый изъ занятыхъ въ производствѣ рабочихъ, который по истеченіи своего рабочаго года долженъ дожидаться

вознагражденія еще 4 года, получить въ концѣ пятого года	1200
второй, который долженъ ждать 3 года, ...	1150
третій, который ждетъ 2 года, ...	1100
четвертый, который ждетъ годъ, ...	1050
послѣдній, получающій вознагражденіе непосредственно послѣ окончанія своей работы, ...	1000
	<hr/>
	итого . . . 5500

Предположеніе, что каждый рабочій получаетъ одно и то же вознагражденіе въ 1100 гульд., возможно только при условіи, что разница во времени не имѣетъ для нихъ никакого значенія, и что они считаютъ себя одинаково вознагражденными, какъ 1100 гульд., которые они получаютъ тремя или четырьмя годами позже, такъ и 1100 гульд., которые они получаютъ непосредственно послѣ окончанія работы. Я врядъ ли долженъ замѣтить, что такое предположеніе никогда не имѣетъ мѣста и имѣть не можетъ. А чтобы каждый изъ нихъ получалъ 1100 гульденовъ *непосредственно послѣ окончанія работы, вообще невозможно*, если сюда не приводить третье лицо.

Я полагаю, что не будетъ излишнимъ мимоходомъ обратить особенное вниманіе читателя на одно обстоятельство. Я не думаю, чтобы кто-либо нашелъ несправедливой вышеприведенную схему распредѣленія. О несправедливости же со стороны предпринимателя-капиталиста совершенно не можетъ быть рѣчи, такъ какъ рабочіе распредѣляютъ свой собственный продуктъ исключительно между собою: а между тѣмъ рабочій, исполнившій предпослѣднюю пятую часть труда, все же не получаетъ полной пятой части окончательной цѣнности продукта, а только 1050 гульд., послѣдній же рабочій получаетъ всего только 1000 гульд. —

Предположимъ теперь, какъ это и бываетъ обыкновенно въ дѣйствительности, что рабочіе не могутъ или не желаютъ ждать своего вознагражденія до окончательнаго завершения производства машинъ, и что они заключаютъ съ предпринимателемъ договоръ, на основаніи котораго они получаютъ отъ него вознагражденіе по окончаніи своей работы, взаменъ чего предприниматель становится собственникомъ окончательнаго продукта. Положимъ далѣе, что этотъ предприниматель человекъ въполнѣ справедливый и безкорыстный, который вовсе не желаетъ использовать бѣдственное положеніе рабочихъ въ цѣляхъ ростовщическаго пониженія ихъ заработной платы. Теперь возникаетъ вопросъ, на какихъ

условіяхъ заключается при такихъ обстоятельствахъ наемный договоръ.

Отвѣтить на этотъ вопросъ будетъ нетрудно. Очевидно, обращеніе съ рабочими будетъ вполне справедливо, если предприниматель предложитъ имъ въ вознагражденіе то же, что они получили бы, въ качествѣ доли распредѣленія, въ томъ случаѣ, если бы производили за свой счетъ. Это положеніе даетъ намъ твердую точку опоры прежде всего для одного рабочаго, а именно для послѣдняго. Если бы рабочіе производили за собственный счетъ, то онъ получилъ бы 1000 гульд. непосредственно послѣ окончанія своей работы; чтобы быть совершенно справедливымъ, предприниматель долженъ также предложить ему 1000 гульд. Для остальныхъ рабочихъ указанное положеніе не даетъ непосредственной точки опоры. Въ самомъ дѣлѣ, моментъ вознагражденія теперъ другой, чѣмъ въ случаѣ распредѣленія, и поэтому суммы, соотвѣтствующія послѣднему, не могутъ быть непосредственно рѣшающими. Но мы имѣемъ другую твердую точку опоры. Такъ какъ всѣ пять рабочихъ затратили одинаковый трудъ для завершенія работы, то справедливость требуетъ, чтобы всѣ они получили одно и то же вознагражденіе; это же вознагражденіе выразится теперъ въ одинаковыхъ суммахъ, такъ какъ каждый рабочій получаетъ вознагражденіе непосредственно послѣ окончанія своей работы. Слѣдовательно, каждый изъ пяти рабочихъ въ концѣ рабочаго года получитъ 1000 гульд., какъ этого и требуетъ справедливость.

Какому-либо изъ моихъ читателей можетъ показаться, что это слишкомъ мало; я приведу поэтому простой численный примѣръ, который покажетъ, что въ данномъ случаѣ рабочіе получаютъ ту же цѣнность, которую они получили бы при—безусловно справедливомъ—распредѣленіи всего продукта только между ними. Въ случаѣ распредѣленія продукта рабочій № 5 получаетъ 1000 гульд. непосредственно послѣ окончанія пятаго рабочаго года, въ случаѣ же наемнаго договора онъ получаетъ ту же сумму и въ то же время. Рабочій № 4 получаетъ въ случаѣ распредѣленія продукта 1050 гульд. черезъ годъ послѣ окончанія рабочаго года, въ случаѣ же наемнаго договора 1000 гульд. непосредственно послѣ окончанія рабочаго года; если онъ отдастъ эту сумму на проценты, то, по истеченіи года послѣ окончанія работы, онъ будетъ находиться въ совершенно тѣхъ же условіяхъ, въ которыхъ онъ находился бы въ случаѣ распредѣленія,—у него будетъ 1050 гульд. Рабочій № 3 получаетъ въ случаѣ

распределенія продукта 1100 гульд. черезъ два года послѣ окончанія продукта, въ случаѣ же наемнаго договора немедленно 1000 гульд., которые, будучи отданы на проценты, къ тому же сроку обратятся въ 1100 гульд. Точно такъ же 1000 гульд., которые получаютъ рабочіе № 1 и № 2 вмѣстѣ съ процентами, наросшими за соотвѣтствующее время, вполне равны 1200 и 1500 гульд., которые они получили бы въ случаѣ распределенія продукта черезъ 4 и черезъ 3 года послѣ окончанія работы. Если же каждое отдѣльное вознагражденіе равно соотвѣтствующей долѣ распределенія, то и сумма всѣхъ этихъ отдѣльныхъ вознагражденій должна естественно равняться суммѣ всѣхъ долей распределенія: сумма въ 5000 гульд., которую предприниматель уплачиваетъ рабочимъ непосредственно послѣ окончанія работы, совершенно равноцѣнна 5500 гульд., которые во второмъ случаѣ могли бы быть распределены между рабочими въ концѣ пятого года ¹⁾).

¹⁾ *Штольцманнъ* (Socialle Kategorie, стр. 305 и слѣд.) привелъ противъ этого моего пояснительнаго примѣра нѣсколько, какъ я полагаю, довольно несущественныхъ и къ тому же основанныхъ на недоразумѣніи возраженій. Исходя изъ ошибочнаго положенія, будто я своей группой рабочихъ хотѣлъ или долженъ былъ представить своего рода первобытный типъ, маленькое государство съ полнымъ, замкнутымъ хозяйствомъ, онъ возражаетъ, что и послѣдній рабочий „со своей готовой машиной не могъ бы еще ничего подѣлать, не могъ бы существовать ни одного дня“ (307), и что предположенное мною вознагражденіе перваго рабочаго въ 1200 гульд. въ концѣ пятого года представляетъ собою слишкомъ малое вознагражденіе за пятилѣтнее выжиданіе; напротивъ, рабочий, „если онъ не хочетъ умереть съ голоду за продолжительное время“, въ теченіе котораго „его заставляютъ бесполезно и праздно сидѣть, сложа руки“, долженъ получить вознагражденіе за всѣ пять лѣтъ, т. е., 5000 гульд. (308).—По отношенію къ этому возраженію я долженъ только установить, что я отнюдь не думалъ дать примѣръ замкнутаго первобытнаго типа; я хотѣлъ только представить и представить товарищество изъ пяти человекъ, дѣйствующее въ сферѣ современной хозяйственной жизни и исключительно для одного единственнаго предпріятія, а именно для производства машины. При этомъ я могу сослаться на рельефность высказанныхъ мною на страницѣ 436-ой предположеній моего примѣра, въ которомъ, между прочимъ, идетъ рѣчь о „мѣнновой цѣности“ готовой машины, и въ которомъ я отвлекся исключительно отъ раздѣленія труда, — при чемъ даже отъ раздѣленія труда я отвлекся только временно и только по отношенію къ производству машины. Поэтому не можетъ быть и рѣчи о необходимости для участниковъ соотвѣтствующей производительной операци оставаться праздными въ теченіе того времени, когда они не заняты въ данномъ производствѣ. И если затѣмъ *Штольцманнъ* на стр. 313-ой упрекаетъ меня въ „крупномъ *error dupli*“, такъ какъ я предполагаю возможность, что, напр., и одинъ изъ рабочихъ можетъ отдать на проценты заранее полученную имъ долю вознагра-

Высшее вознагражденіе, напр., вознагражденіе рабочаго года 1100 гульденами, было бы мыслимо только въ томъ случаѣ, если бы для предпринимателя было совершенно безразлично то, что не безразлично для рабочихъ, т. е. разница во времени, или если бы предприниматель захотѣлъ сдѣлать рабочимъ подарокъ, равный разности цѣнностей между настоящими 1100 гульд. и будущими. Отъ частныхъ предпринимателей, по крайней мѣрѣ въ видѣ правила, нельзя ожидать ни того ни другого, но за это имъ нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека, не говоря уже объ обвиненіи въ несправедливости, эксплуатаціи или грабежѣ. Существуетъ одно только лицо, отъ котораго рабочіе могли бы по правилу ожидать такого обращенія,—это государство. Съ одной стороны, государство, какъ существо вѣчное, не должно необходимо приписывать такое значеніе разницѣ во времени между предоставленіемъ и возвращеніемъ благъ, какъ недолговѣчные индивиды; и, съ другой стороны, государство, конечной цѣлью котораго является благосостояніе совокупности всѣхъ его членовъ, можетъ, если рѣчь идетъ о благосостояніи большого числа членовъ, отрѣшиться отъ строгой точки зрѣнія взаимныхъ услугъ — оно можетъ дарить, вмѣсто того, чтобы торговаться. Въ этомъ смыслѣ, конечно, мыслимо, что государство,—но и *только* оно—являясь предпринимателемъ грандіознаго производства, могло бы предоставлять рабочимъ, въ качествѣ вознагражденія, полностью будущую цѣнность будущаго продукта уже въ настоящемъ, т. е. непосредственно послѣ окончанія

жденія до конца пятаго года, и „возвожу, такимъ образомъ, рабочихъ въ капиталъ, на ряду съ предпринимателями“, то я могу только замѣтить, что я въ своемъ примѣрѣ ни однимъ словомъ не исключилъ возможности, что тотъ или другой изъ участниковъ самъ располагаетъ средствами, которыя дали бы ему возможность ждать. Напротивъ, я и на стр. 436 и на стр. 443 (392 и 399 Гѣм. изд.) выразительно подчеркнулъ альтернативу, что рабочіе не „могутъ или не хотятъ ждать“ (können oder wollen), а между тѣмъ Штольманъ на стр. 307 и 309 цитируетъ это мѣсто, очевидно, по недоразумѣнію, невѣрно, а именно, „могутъ и хотятъ“ (können und wollen).—Наконецъ, я уже выше въ (имѣющемся уже въ I изд.) примѣчаніи 1-омъ къ стр. 438 категорически замѣтилъ, что я своимъ примѣромъ отнюдь не намѣренался дать *объясненіе* самой проблемы процента, а хотѣлъ только освѣтить опредѣленный ходъ мыслей, руководствуясь данными фактами.—Болѣе интересныя и глубже вникающія въ суть дѣла возраженія сдѣлалъ докторъ Робертъ Мейеръ въ своемъ галаитливо написанномъ сочиненіи „Das Wesen des Einkommens“ (Берлинъ 1887 г., стр. 270 и слѣд.). Разсмотрѣніе его возраженій—также основанныхъ на недоразумѣніи—невозможно безъ помощи нѣкоторыхъ деталей изъ моей положительной теоріи капитала, и я долженъ поэтому отнести таковое ко II тому настоящаго сочиненія.

ихъ работы. *Должно-ли* государство такъ поступать — социальный вопросъ практически разрѣшился бы, такимъ образомъ, въ духѣ социализма — или нѣтъ, это вопросъ цѣлесообразности, и разсмотрѣніе его не относится къ задачѣ настоящаго моего сочиненія. Я повторяю, однако, еще разъ и обращаю на это особое вниманіе: если социалистическое государство будетъ выплачивать рабочимъ, въ качествѣ заработной платы, всю будущую цѣнность продукта уже въ настоящемъ, то это будетъ не *соблюденіе*, а на социалистическихъ соображеніяхъ основанное *нарушеніе* принципа, что рабочій долженъ получать въ качествѣ вознагражденія всю цѣнность своего продукта; это будетъ не возстановленіе состоянія, которое само по себѣ было бы естественно или соотвѣтствовало бы чисто-юридической точкѣ зрѣнія, но которое въ настоящее время нарушается вслѣдствіе жадности капиталистовъ,—это будетъ искусственный приемъ для того, чтобы сдѣлать возможнымъ то, что при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ не выполнимо, и притомъ сдѣлать возможнымъ благодаря скрытому, постоянному подарку бѣднымъ членамъ со стороны великодушной общественности—государства.

Теперь я перехожу къ краткому примѣненію сказаннаго. Легко убѣдиться въ томъ, что тотъ способъ вознагражденія, о которомъ я говорилъ въ нашемъ примѣрѣ, и есть тотъ, который фактически осуществляется въ нашемъ хозяйственномъ мірѣ. И здѣсь распредѣляется въ качествѣ вознагражденія не полная, окончательная цѣнность продукта труда, а меньшая сумма, но зато въ болѣе раннее время. Поскольку соотвѣтственно распредѣляемая общая сумма вознагражденія отличается отъ окончательной цѣнности окончательнаго продукта не больше, чѣмъ на величину, необходимую для заполнения господствующей разности въ оцѣнкѣ настоящихъ и будущихъ благъ, другими словами, поскольку величина вознагражденія отличается отъ окончательной цѣнности продукта не больше, чѣмъ на сумму процентовъ, которую можно получить при существующей въ данной странѣ процентной нормѣ,—постольку право рабочихъ на полную цѣнность создаваемого ими продукта остается въ полной силѣ; они получаютъ весь продуктъ по оцѣнкѣ того времени, когда они получаютъ свое вознагражденіе. Только въ томъ случаѣ, если общее вознагражденіе отличается отъ окончательной цѣнности продукта больше, чѣмъ на сумму процентовъ, которую можно получить при существующей въ данной странѣ процентной

нормѣ, можно при извѣстныхъ обстоятельствахъ усмотрѣть дѣйствительную эксплуатацію рабочихъ ¹⁾).

Возвратимся теперь къ *Родбертусу*. Вторая и самая рѣшительная ошибка, въ которой я его упрекалъ въ послѣднихъ разсужденіяхъ, состоитъ въ томъ, что онъ невѣрно и нелогично толкуетъ признаваемый мною принципъ, что рабочій долженъ получать всю цѣнность своего продукта, въ томъ смыслѣ, что рабочій *теперь* уже долженъ получить всю цѣнность, которой *никогда* будетъ обладать его законченный продуктъ.

Если мы пожелаемъ опредѣлить источникъ этой ошибки *Родбертуса*, то мы увидимъ, что таковымъ является иная ошибка, *третья* важная ошибка, которую я констатирую въ его теоріи эксплуатаціи. *Родбертусъ* исходитъ изъ того предположенія, что цѣнность благъ опредѣляется исключительно количествомъ труда, необходимаго для ихъ производства. Если бы это было вѣрно, то предварительный продуктъ, вмѣщающій въ себѣ годичный трудъ, уже теперь обладалъ бы полной пятой частью цѣнности, которой будетъ обладать окончанный продуктъ, вмѣщающій въ себѣ пять рабочихъ лѣтъ; въ такомъ случаѣ было бы справе-

1) Болѣе подробныя изслѣдованія этого вопроса я оставляю для второго тома. Для того, чтобы предупредить могущія возникнуть недоразумѣнія, въ особенности же предположеніе, будто я всякую предпринимательскую прибыль, превышающую сумму процентовъ, которую можно получить при существующей въ данной странѣ процентной нормѣ, считаю „хищнической прибылью“, я долженъ замѣтить слѣдующее. Въ общую разность между цѣнностью продукта и выплачиваемымъ вознагражденіемъ, выпадающую на долю предпринимателя, могутъ войти четыре существенно различныхъ составныхъ части: 1) Премія за рискъ на случай неудачи производства. Правильно опредѣленная, она за нѣсколько лѣтъ въ среднемъ служитъ для покрытія дѣйствительныхъ потерь и, конечно, не заключаетъ въ себѣ сокращенія заработной платы рабочихъ. 2) Вознагражденіе за собственный трудъ предпринимателя, который, конечно, также не подлежитъ сомнѣнію и въ извѣстныхъ случаяхъ, напр., при использованіи новаго изобрѣтенія предпринимателя, можетъ цѣниться высоко, при чемъ и въ этомъ не будетъ несправедливости по отношенію къ рабочимъ. 3) Разсмотрѣнное въ текстѣ вознагражденіе за разность времени между уплатой вознагражденія и реализаціей окончательнаго продукта, соответствующее существующей въ данной странѣ процентной нормѣ; наконецъ, въ 4-хъ, предприниматель можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ добиться увеличенія прибыли еще использованіемъ затруднительнаго положенія рабочихъ для еще большаго ростовщическаго пониженія заработной платы. Изъ этихъ четырехъ составныхъ частей только послѣдняя представляетъ собою нарушеніе принципа, что рабочій долженъ получать всю цѣнность своего продукта.

дливо и требованіе, что рабочій долженъ уже теперь получить въ вознагражденіе полную пятую часть этой цѣнности.

Однако, это предположеніе въ томъ видѣ, въ которомъ его высказываетъ *Родбертусъ*, безусловно невѣрно. Для того, чтобы доказать это, я могу даже не затрагивать вопроса о принципиальной вѣрности или невѣрности знаменитаго закона цѣнности *Рикардо*, что трудъ представляетъ собою источникъ и мѣрило всякой цѣнности; достаточно, если я укажу на существованіе важнаго исключенія изъ этого закона, которое было добросовѣстно отмѣчено и подробно рассмотрѣно въ особой главѣ самимъ *Рикардо*, но которое — какъ это ни странно — *Родбертусомъ* было оставлено безъ всякаго вниманія. Я говорю о томъ, что изъ двухъ благъ, производство которыхъ требуетъ одинаковой затраты труда, то изъ нихъ пріобрѣтаетъ большую мѣновую цѣнность, изготовленіе котораго требуетъ большаго аванса предварительнаго труда или болѣе продолжительнаго промежутка времени. *Рикардо* отмѣчаетъ этотъ фактъ въ своеобразной формѣ. Онъ выводитъ (отд. IV, I гл. его Principles), что „принципъ, на основаніи котораго относительную цѣнность благъ опредѣляетъ количество труда, затраченное на ихъ производство, *перетерпѣваетъ значительное видоизмѣненіе* благодаря примѣненію машинъ и вообще основнаго и сохраняющагося капитала“, а также (отд. V), „благодаря неодинаковой продолжительности существованія капитала и неодинаковой скорости, съ которой онъ возстанавливается въ рукахъ собственника“. Блага, на производство которыхъ затраченъ большой основной капиталъ или же основной долго сохраняющійся капиталъ, а также блага съ болѣе продолжительнымъ періодомъ возстановленія оборотнаго капитала предпринимателя, обладаютъ болѣе мѣновой цѣнностью, чѣмъ блага, которыя стоили такого же труда, но для которыхъ вышеприведенныя обстоятельства вовсе не имѣютъ мѣста или же имѣютъ мѣсто, но въ меньшей степени, а именно, мѣновой цѣнностью, болѣе на величину прибыли на капиталъ, оставаемой предпринимателемъ за собою.

И самые ревностные поборники закона трудовой цѣнности не могутъ сомнѣваться въ дѣйствительномъ существованіи этого, установленнаго *Рикардо* исключенія изъ даннаго закона; они не могутъ также сомнѣваться и въ томъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, временная отсрочка оказываетъ на цѣнность благъ даже большее вліяніе, чѣмъ количество затраченнаго труда. Я напому, напр., о цѣн-

ности старого, въ теченіе многихъ десятилѣтій отстаивавшагося вина или о цѣнности столѣтняго дерева въ лѣсу.

Объ этомъ исключеніи можно сказать еще кое-что. Не нужно быть особенно проникательнымъ, чтобы замѣтить, что въ немъ собственно заключается суть первичнаго процента на капиталъ: излишекъ мѣновой цѣнности, приобретаемый благами, производство которыхъ требуетъ аванса предварительнаго труда, и представляетъ собою то, что остается въ рукахъ предпринимателя-капиталиста въ видѣ прибыли на капиталъ при распредѣленіи цѣнности продукта. Если бы не было этой разности цѣнностей, то не было бы и первичнаго процента на капиталъ; эта разность цѣнностей дѣлаетъ возможнымъ его существованіе, она содержитъ его въ себѣ, она тождественна съ нимъ. Нѣтъ ничего легче, чѣмъ доказать это, если вообще еще необходимо доказать этотъ фактъ, столь очевидный. Положимъ, что производство каждаго изъ трехъ благъ требуетъ одного года труда, но различной продолжительности аванса этого труда—первое годовичнаго, второе десятилѣтняго, третье двадцатилѣтняго. При такихъ обстоятельствахъ, мѣновая цѣнность перваго блага будетъ и должна быть достаточной для того, чтобы покрыть вознагражденіе за рабочій годъ и, сверхъ того, еще годовичный процентъ на затраченный трудъ. Но очевидно, что *та же* мѣновая цѣнность *не* можетъ быть достаточной для того, чтобы покрыть то же вознагражденіе за рабочій годъ и, сверхъ того, еще *десяти-и двадцатилѣтній* процентъ на одинаковое количество авансируемаго труда. Этотъ процентъ можетъ быть уплаченъ только тогда (и потому), когда цѣнность второго и третьяго блага будетъ соотвѣтственно больше цѣнности перваго блага, хотя всѣ три блага стоили одного и того же количества труда; разность мѣновыхъ цѣнностей, очевидно, и представляетъ собою источникъ, изъ котораго вытекаетъ и можетъ вытекать десяти-или двадцатилѣтній процентъ на капиталъ.

Такимъ образомъ, это исключеніе изъ закона трудовой цѣнности имѣетъ очень важное значеніе: оно тождественно съ главнымъ видомъ первичнаго процента на капиталъ. Кто хочетъ объяснить *этотъ послѣдній*, тотъ долженъ прежде всего объяснить *данное исключеніе*: безъ объясненія этого исключенія немыслимо объяснить проблему процента. Если же въ разсужденіяхъ, предметомъ которыхъ какъ разъ и является процентъ на капиталъ, все же игнорируется, чтобы не сказать отрицается, это исключеніе, то это представляетъ собою ошибку, и притомъ такую, крупнѣе

которой вообще трудно себя представить. Игнорирование этого исключения *Родбертусомъ* равносильно игнорированию главной части того, что онъ хотѣлъ объяснить.

Эту ошибку нельзя извинить и тѣмъ, что *Родбертусъ* не намѣревался установить правило, наблюдаемое въ дѣйствительной жизни, а хотѣлъ только выставить гипотетическое предположеніе, которымъ онъ могъ бы пользоваться для того, чтобы имѣть возможность провести свои отвлеченныя изслѣдованія легче и удачнѣе. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій *Родбертусъ* и придаетъ положенію, что цѣнность всѣхъ благъ опредѣляется количествомъ затраченнаго труда, характеръ простого условнаго предположенія ¹⁾. Однако, во-первыхъ, нѣтъ также недостатка въ мѣстахъ, въ которыхъ *Родбертусъ* высказываетъ убѣжденіе, что его законъ цѣнности дѣйствителенъ и въ фактической хозяйственной жизни ²⁾, и, во-вторыхъ, даже гипотетически нельзя предполагать все то, что хочется предположить. И въ чисто гипотетическомъ предположеніи можно отвлекаться только отъ такихъ условій дѣйствительности, которыя для разсматриваемаго вопроса не имѣютъ особенно важнаго значенія. Но что сказать, если во главѣ теоретическаго изслѣдованія процента на капиталъ отвлекаются отъ существованія самаго главнаго вида процента на капиталъ? если главная часть того, что должно быть объяснено, устраняется путемъ „предположенія“?!!

Родбертусъ, конечно, правъ: если желаютъ отыскать принципъ, въ родѣ принципа земельной ренты или процента на капиталъ, то нельзя „заставлять цѣнность колебаться то въ ту, то въ другую сторону“ ³⁾, а надо предположить существованіе опредѣленнаго правила цѣнности. Но не является ли также опредѣленнымъ правиломъ цѣнности и то, что блага съ болѣе продолжительнымъ промежуткомъ времени между затратой труда и ихъ окончаніемъ обладаютъ *caeteris paribus* большей цѣнностью? И не имѣетъ ли это правило цѣнности основнаго значенія для явленія процента на капиталъ? А, несмотря на это, мы все же будемъ

¹⁾ Напр. *Sociale Frage*, стр. 44, 107.

²⁾ *Sociale Frage*, стр. 113, 147; *Erklärung und Abhilfe*. I, стр. 123. Въ послѣднемъ мѣстѣ *Родбертусъ* говоритъ: „если цѣнность сельско-хозяйственнаго и фабричнаго продукта регулируется количествомъ овеществленнаго въ немъ труда, что въ общемъ и всегда имѣетъ мѣсто въ свободномъ обмѣнѣ“, и т. д.

³⁾ *Sociale Frage*, стр. 111, прим.

Отъ него отвлекаться, какъ отъ не подчиняющейся никакому закону случайности рыночныхъ отношеній?! ¹⁾

1) Вышеизложенныя разсужденія были составлены до опубликованія посмертнаго сочиненія *Родбертуса* о „капиталѣ“ (1884). Въ послѣднемъ *Родбертусъ* проявляетъ къ нашему вопросу необыкновенно странное отношеніе, которое побуждаетъ скорѣе усилить критику, чѣмъ смягчить ее. Правда, *Родбертусъ* теперь выразительно подчеркиваетъ, что законъ трудовой цѣнности представляетъ собою не точный, а только приблизительный законъ тяготѣнія (стр. 6 и слѣд.); онъ признаетъ также категорически, что, въ виду притязаній предпринимателей на прибыль на капиталъ, наблюдается постоянное отклоненіе фактической цѣнности благъ отъ цѣнности, опредѣляемой количествомъ затраченнаго труда (стр. 11 и слѣд.). Однако, онъ признаетъ это только по отношенію къ очень ограниченной сферѣ, такъ какъ онъ предполагаетъ, что это отклоненіе имѣетъ мѣсто только во взаимоотношеніи различныхъ стадій производства одного и того же блага, а не „въ цѣломъ, на всѣхъ ступеняхъ производства“. Если, напр., производствомъ какого-нибудь блага распадается на нѣсколько отдѣловъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собою самостоятельный промыселъ, то по *Родбертусу* цѣнность „отдѣльнаго продукта“, произведеннаго въ каждомъ отдѣлѣ, не можетъ точно соответствовать количеству затраченнаго труда потому, что предприниматели болѣе позднихъ стадій производства должны взять на себя болшія издержки на матеріалъ, а, слѣдовательно, и болшую затрату капитала, и должны поэтому требовать болшей прибыли на капиталъ, которая можетъ быть покрыта только сравнительно болшей цѣнностью соответствующаго продукта. Какъ этотъ взглядъ ни вѣренъ, все же ясно, что онъ недостаточно широкъ. Не только между предварительными продуктами извѣстнаго блага имѣетъ мѣсто отклоненіе фактической цѣнности благъ отъ количества затраченнаго труда, отклоненіе, которое впоследствии въ другихъ стадіяхъ производства можетъ быть уничтожено взаимной компенсаціей для того, чтобы опять подчинить окончательный результатъ всѣхъ стадій производства, готовыхъ потребительныхъ благъ, закону трудовой цѣнности; на отклоненіе цѣнности отъ точнаго соответствія съ количествомъ затраченнаго труда оказываетъ *окончательное* вліяніе количество авансированнаго капитала и продолжительность времени между затратой и возстановленіемъ такового.—Но наиболѣе рѣзкаго порицанія заслуживаетъ то, что, несмотря на свое собственное признаніе, *Родбертусъ* все еще продолжаетъ развивать законъ распредѣленія всѣхъ благъ на заработную плату и ренту на основаніи теоретической гипотезы, что всѣ блага обладаютъ „нормальной“, т. е. соответствующей количеству затраченнаго труда цѣнностью. Онъ считаетъ себя въ правѣ такъ поступать потому, что нормальная цѣнность „относится совершенно безразлично къ образованію, какъ ренты вообще, такъ и земельный ренты и ренты на капиталъ въ частности. Она одна не добивается ничего изъ того, что должно быть объяснено лишь при ея помощи, какъ это, наоборотъ, бываетъ со всякой цѣнностью, въ которую уже напередъ включаютъ ту или другую составную часть для ренты“ (стр. 23). *Родбертусъ* здѣсь грубо ошибается. Онъ „добивается“ болѣе непристойно, чѣмъ кто-либо изъ его противниковъ, только въ обратномъ направленіи. Между тѣмъ какъ его противники „добились“ существованія процента

Слѣдствія этого страннаго отвлеченія не преминали явиться. О первомъ я уже упомянулъ: *Родбертусъ* не обратилъ вниманія на вліяніе времени на цѣнность продукта, и вслѣдствіе этого онъ могъ и долженъ былъ впасть въ ошибку и смѣшивать право рабочаго на всю настоящую цѣнность его продукта съ правомъ на будущую цѣнность такового. Съ нѣкоторыми другими слѣдствіями мы сейчасъ познакомимся. —

Четвертый мой упрекъ *Родбертусу* заключается въ томъ, что въ самыхъ важныхъ вопросахъ его ученіе противорѣчитъ самому себѣ.

Вся теорія земельной ренты *Родбертуса* основывается на часто и выразительно высказываемомъ имъ положеніи, что абсолютная величина „ренты“, получаемой въ какомъ-либо производствѣ, зависитъ не отъ величины затраченнаго капитала, а исключительно отъ количества труда, затраченнаго въ данномъ производствѣ. Допустимъ, что въ какомъ-либо опредѣленномъ промышленномъ производствѣ, напр., въ сапожномъ ремеслѣ, занято 10 рабочихъ; каждый рабочій въ теченіе года создаетъ продуктъ цѣнностью въ 1000 гульд.; необходимое содержаніе, получаемое имъ въ качествѣ заработной платы, представляетъ собою 500 гульд.: будетъ ли затраченный капиталъ великъ или малъ, годичная рента, получаемая предпринимателемъ, будетъ равняться 5000 гульд. Если, напр., затраченный капиталъ равняется 10.000 гульд., изъ которыхъ 5000 гульд. идетъ на заработную плату и 5000 гульд. на матеріалъ, то рента составляетъ 50% капитала. Если въ какомъ-нибудь другомъ производствѣ, напр., въ производствѣ золотыхъ вещей, занято тоже 10 рабочихъ, то, при условіи, что цѣнность продуктовъ опредѣляется количествомъ овеществленнаго въ нихъ труда, каждый изъ нихъ будетъ также производить добавочный годичный продуктъ въ 1000 гульд., изъ которыхъ половина достается имъ, въ качествѣ вознагражденія за трудъ, другая же половина достается предпринимателю, въ качествѣ ренты. А такъ какъ въ данномъ случаѣ матеріалъ, золото, представляетъ собою гораздо большую цѣнность, чѣмъ кожа сапожника, то общая рента въ 5.000 гульд. должна быть отнесена къ гораздо большому

на капиталъ, самъ *Родбертусъ* „добывается“ его несуществованія, такъ какъ онъ посредствомъ своего постояннаго отклоненія отъ „нормальной цѣнности“, которая вызываетъ и поддерживаетъ первичный процентъ на капиталъ, устраняетъ самый главный видъ явленія процента.

капиталу; если мы предположимъ, что послѣдній равенъ 200.000 гульд., изъ которыхъ 5.000 гульд. идетъ на уплату вознагражденія рабочимъ, а 195.000 гульд. на матеріаль, то рента въ 5.000 гульд. будетъ соответствовать только 2½ процентной прибыли на капиталъ.—Оба примѣра составлены строго въ духѣ теоріи *Родбертуса*.

Такъ какъ почти въ каждомъ „промышленномъ производствѣ“ существуетъ иное соотношеніе между числомъ (непосредственно и посредственно) занятыхъ рабочихъ и величиной затраченнаго капитала, то, слѣдовательно, почти во всякомъ промышленномъ производствѣ капиталъ долженъ приносить процентъ по нормѣ, измѣняющейся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. *Родбертусъ* самъ не рѣшается утверждать, что въ дѣйствительности это такъ; но въ одномъ, довольно странномъ мѣстѣ своей теоріи земельной ренты онъ предполагаетъ, что, въ силу конкуренціи капиталовъ, во всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ должна установиться одна и та же норма прибыли. Я приведу это мѣсто дословно. *Родбертусъ* замѣчаетъ здѣсь, что ренту, получаемую въ промышленномъ производствѣ, всецѣло разсматриваютъ, какъ прибыль на капиталъ, т. е., что здѣсь затрачивается одно только *капитальное* имущество, и продолжаетъ:

„Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается также норма прибыли на капиталъ, которая вліяетъ на уравненіе прибылей, и сообразно которой должна поэтому высчитываться изъ части ренты, приходящейся на сырой продуктъ, прибыль на капиталъ, необходимый въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если, вслѣдствіе выступающей вездѣ мѣнливости цѣнности, теперь существуетъ однообразный масштабъ для выраженія отношенія дохода къ имуществу, то этотъ масштабъ служитъ и по отношенію къ части ренты, приходящейся на промышленный продуктъ, для выраженія отношенія прибыли къ капиталу; другими словами, можно сказать, что прибыль въ известной промышленности составляетъ x процентовъ на затраченный капиталъ. Эта норма прибыли устанавливаетъ затѣмъ мѣру для уравненія прибылей на капиталъ. *Если въ какой-нибудь отрасли промышленности прибыль оказывается выше этой нормы, то конкуренція вызываетъ притокъ капитала въ эту отрасль, благодаря чему прибыль стремится къ равенству.* По той же причинѣ никто не будетъ прилагать капиталъ тамъ, гдѣ онъ не можетъ ожидать прибыли сообразно этой нормѣ“¹⁾.

¹⁾ Sociale Frage, стр. 107 и слѣд.

Стоить труда рассмотреть это мѣсто поближе.

Родбертусъ считаетъ конкуренцію тѣмъ факторомъ, который устанавливаетъ одну однообразную норму прибыли въ области промышленнаго производства. Но *Родбертусъ* даетъ только довольно поверхностныя указанія, какимъ образомъ это совершается. Онъ предполагаетъ, что всякая норма прибыли, превышающая среднюю, понизится до средней нормы вслѣдствіе прилива капитала, и—я думаю, мы можемъ это прибавить отъ себя—всякая низшая норма прибыли поднимется до средняго уровня вслѣдствіе отлива капитала.

Продолжимъ нѣсколько дальше разсмотрѣніе этихъ явленій, которое *Родбертусъ* непосредственно обрываетъ. Какимъ образомъ приливъ капиталовъ можетъ нивелировать ненормально высокую норму прибыли? Очевидно, что только слѣдующимъ: такъ какъ съ ростомъ капитала растутъ и производство соответствующаго товара, то, вслѣдствіе роста предложения, мѣновая цѣнность продукта понизится настолько, что, послѣ вычета заработныхъ платъ, останется только рента, соответствующая обычной нормѣ прибыли. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ изъ сапожнаго ремесла мы могли бы себѣ представить нивелированіе ненормальной—50-ти-процентной—нормы прибыли до средней, 5-ти-процентной, очевидно, слѣдующимъ образомъ. Сбланившись высокой 50-ти-процентной нормой прибыли, съ одной стороны, много новыхъ лицъ примется за сапожное ремесло, а, съ другой, бывшіе производители расширять свое производство. Такимъ образомъ, увеличится предложение обуви, вслѣдствіе чего понизятся ея цѣна и мѣновая цѣнность. Этотъ процессъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока мѣновая цѣнность годового продукта, произведеннаго въ сапожномъ ремеслѣ 10-ю рабочими, не понизится отъ 10000 гульд. до 5500. Тогда, послѣ вычета необходимой заработной платы въ 5000 гульд., на долю предпринимателя выпадетъ только рента въ 500 гульд., которая, будучи отнесена къ капиталу въ 10.000 гульд., даетъ обычную прибыль въ 5%. На этомъ уровнѣ мѣновая цѣнность обуви и должна установиться окончательно, чтобы прибыль въ сапожномъ ремеслѣ не стала опять ненормальной, что опять привело бы къ повторенію изложеннаго процесса нивелированія.

Аналогично этому, стоящая ниже средней $2\frac{1}{2}$ -процентная норма прибыли въ производствѣ золотыхъ вещей возрастаетъ до 5% слѣдующимъ образомъ: вслѣдствіе слишкомъ незначительной прибыли производство золотыхъ вещей

сократится; благодаря этому уменьшится предложение золотых вещей, и их мѣновая цѣнность будетъ возрастать до тѣхъ поръ, пока прибавочный продуктъ 10-ти рабочихъ въ производствѣ золотыхъ вещей не приобрететъ мѣновой цѣнности въ 15000 гульд. Теперь, послѣ вычета необходимой заработной платы въ 5000 гульд., на долю предпринимателя выпадетъ рента въ 10000 гульд., которая, будучи отнесена къ капиталу въ 200000 гульд., даетъ обычную прибыль въ 5%; такимъ образомъ, достигнуть уровень, на которомъ окончательно можетъ установиться мѣновая цѣнность золотыхъ вещей совершенно такъ же, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ цѣнности обуви.

То обстоятельство, что нивелированіе ненормальныхъ нормъ прибыли не можетъ совершаться безъ продолжительнаго измѣненія мѣновой цѣнности соотвѣствующихъ продуктовъ, представляетъ собою явленіе особой важности; поэтому, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему, я хочу освѣтить его еще съ другой стороны. Если бы мѣновая цѣнность продуктовъ оставалась неизмѣнной, то недостаточная норма прибыли могла бы возрасти до нормальной только тогда, если бы нехватаящая сумма покрывалась на счетъ необходимаго вознагражденія рабочихъ. Если бы, напр., продуктъ десяти рабочихъ въ производствѣ золотыхъ вещей неизмѣнно сохранялъ цѣнность въ 10.000 гульд., соотвѣтствующую количеству затраченнаго труда, то нивелированіе нормы прибыли до 5%, т. е. увеличеніе прибыли отъ 5.000 гульд. до 10.000 было бы, очевидно, мыслимо только въ томъ случаѣ, если бы вознагражденіе въ 500 гульд., получаемое каждымъ изъ 10-ти рабочихъ, удерживалось цѣликомъ, и весь продуктъ передавался капиталистамъ, въ видѣ прибыли. Не говоря уже о томъ, что такое предположеніе прямо-таки невозможно, я укажу только на то, что оно противорѣчитъ въ одинаковой степени и дѣйствительности и собственной теоріи Родбертуса. Оно противорѣчитъ дѣйствительности, такъ какъ послѣдняя показываетъ, что слѣдствіемъ нивелирующаго ограниченія предложенія въ какой-либо отрасли производства является обыкновенно не пониженіе заработной платы, а повышеніе цѣнъ продуктовъ: если бы притязанія на большую прибыль должны были удовлетворяться на счетъ вознагражденія рабочихъ, а не на счетъ цѣнъ продуктовъ, то въ промыслахъ, требующихъ большой затраты капитала, заработная плата была бы значительно меньше, чѣмъ въ другихъ промыслахъ, чего въ дѣйствительности не наблюдается.

Но это предположеніе противорѣчитъ и собственной теоріи *Родбертуса*, такъ какъ послѣдняя предполагаетъ, что рабочіе въ общемъ всегда получаютъ въ качествѣ вознагражденія необходимыя средства содержанія,—правило, которое грубо нарушалось бы такого рода нивеллированіемъ.

Съ другой стороны, такъ же легко можно было бы доказать, что паденіе прибыли, превышающей среднюю, при неизмѣнной цѣнности продукта могло бы имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если бы въ соотвѣтствующихъ промыслахъ заработная плата рабочихъ поднялась выше нормы, что опять-таки противорѣчило бы дѣйствительности и теоріи *Родбертуса*. Я могу поэтому надѣяться, что представилъ процессъ нивеллированія прибыли согласно съ дѣйствительностью и предположеніями, сдѣланными самимъ *Родбертусомъ*, если скажу, что нивеллированіе ненормальныхъ прибылей обуславливается постояннымъ измѣненіемъ, пониженіемъ или повышеніемъ, мѣновой цѣнности соотвѣствующихъ продуктовъ.

Если же для того, чтобы предположенное *Родбертусомъ* уравненіе прибыли могло постоянно происходить, годичный продуктъ 10-ти рабочихъ въ сапожномъ ремеслѣ имѣеть и долженъ имѣть мѣновую цѣнность въ 5,500 гульденовъ, а годичный продуктъ 10-ти рабочихъ въ производствѣ золотыхъ вещей имѣеть и долженъ имѣть мѣтовую цѣнность въ 15.000 гульд., то какую же силу, спрашивается, имѣеть тогда предположеніе *Родбертуса*, что продукты обмѣниваются по количеству овеществленнаго въ нихъ труда? И если при затратѣ одного и того же количества труда въ одномъ предпріятіи получается 500 гульд. ренты, а въ другомъ 10.000, то какую же силу имѣеть ученіе, что размѣръ ренты, получаемой въ производствѣ, опредѣляется не размѣрами затраченнаго капитала, а исключительно количествомъ затраченнаго труда? Противорѣчіе, въ которое впалъ здѣсь *Родбертусъ*, такъ же очевидно, какъ и неразрѣσιμο. Или продукты дѣйствительно въ общемъ обмѣниваются соотвѣтственно количеству овеществленнаго въ нихъ труда, и размѣръ ренты въ производствѣ дѣйствительно опредѣляется количествомъ затраченнаго труда, и тогда нивеллированіе прибыли на капиталъ невозможно; или же имѣеть мѣсто нивеллированіе прибыли на капиталъ, и тогда невозможно то, что продукты продолжаютъ обмѣниваться по количеству овеществленнаго въ нихъ труда, и что количество затраченнаго труда исключительно обуславливаетъ собою размѣръ получаемой ренты. *Родбертусъ* долженъ

былъ бы замѣтить это очевидное противорѣчіе, если бы онъ удѣлилъ процессу нивеллированія прибыли хоть немного серьезнаго вниманія, а не ограничился бы поверхностной фразой о нивеллирующемъ дѣйствиі конкуренціи!

Но этого еще недостаточно. Все объясненіе земельной ренты, которое у *Родбертуса* такъ тѣсно связано съ объясненіемъ процента на капиталъ, основано на непоследовательности, которая такъ рѣзко бросается въ глаза, что могла остаться незамѣченной авторомъ только въ силу почти непонятной небрежности.

Возможно только одно изъ двухъ: или имѣеть мѣсто уравниеніе прибыли на капиталъ, какъ слѣдствіе конкуренціи, или же не имѣеть. Допустимъ, что оно имѣеть мѣсто; что же даетъ въ такомъ случаѣ *Родбертусу* право предполагать, что нивеллированіе, хотя и распространяется на всю область промышленнаго производства, но остановится, какъ заколдованное, на границахъ производства сырья? Почему, напр., если земледѣліе обѣщаетъ дать бѣльшую прибыль, не затратить на него больше капитала, почему не расчистить больше земли, не обрабатывать интенсивнѣе, не повышать культивировки до тѣхъ поръ, пока мѣновая цѣнность сырыхъ продуктовъ не будетъ соответствовать возросшему земледѣльческому капиталу и также не будетъ давать только обычную норму прибыли? Если „законъ“, что размѣръ ренты зависитъ не отъ величины затраченнаго капитала, а отъ количества затраченнаго труда, не препятствуетъ нивеллированію въ промышленномъ производствѣ, то какимъ образомъ, спрашивается, онъ можетъ препятствовать нивеллированію въ производствѣ сырья? Куда же дѣнется тогда постоянный излишекъ надъ обычной нормой прибыли, или земельная рента?

Допустимъ теперь, что нивеллированіе вообще не имѣеть мѣста. Тогда вообще невысказана общая обычная норма прибыли, тогда невысказана, какъ вообще, какъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, въ частности, опредѣленная норма для того, какую часть „ренты“ надо отвести на счетъ прибыли на капиталъ; тогда невысказана, наконецъ, и пограничная линія между прибылью на капиталъ и земельной рентой. Существуетъ ли нивеллированіе или нѣтъ, въ обоихъ случаяхъ теорія земельной ренты *Родбертуса* виситъ въ воздухѣ. — Итакъ, противорѣчіе за противорѣчіемъ, и притомъ не въ мелочахъ, а въ основныхъ положеніяхъ теоріи!

До сихъ поръ я критиковалъ только отдѣльныя положенія теоріи *Родбертуса*. Въ заключеніе я хочу еще подвергнуть испытанію всю теорію, какъ цѣлое. Если теорія вѣрна, то она должна быть въ состояніи дать удовлетворительное объясненіе явленія процента на капиталъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно наблюдается въ дѣйствительной хозяйственной жизни, т. е. во всѣхъ его существенныхъ видахъ; если она этого сдѣлать не въ состояніи, то приговоръ надъ нею уже произнесенъ—она невѣрна.

Я утверждаю и сейчасъ же это докажу, что теорія эксплуатаціи *Родбертуса*, если и въ состояніи—да и то съ грѣхомъ пополамъ—объяснить прибыль на ту часть капитала, которая затрачена на покрытіе заработной платы, то она абсолютно уже не въ состояніи объяснить прибыль на ту часть капитала, которая затрачивается на матеріалъ для производства. Подумаемъ немного.

Положимъ, что у ювелира, занимающагося, главнымъ образомъ, нанизываніемъ жемчуга на нитки, работаетъ пять рабочихъ, которые ежегодно нанизываютъ жемчугъ, цѣнностью въ миллионъ; положимъ далѣе, что жемчугъ этотъ онъ въ среднемъ сбываетъ по истеченіи года. Такимъ образомъ, будетъ непрерывно затрачиваться миллионный капиталъ, который по существующей въ данной странѣ процентной нормѣ долженъ давать ему въ годъ чистую прибыль въ 50.000 гульденовъ. Зададимъ теперь вопросъ: какъ объяснить этотъ процентъ ювелира?

Родбертусъ отвѣчаетъ, что процентъ на капиталъ представляетъ собою хищническую прибыль, образуемую сокращеніемъ естественной и справедливой заработной платы. Какихъ же рабочихъ? Пяти рабочихъ, сортирующихъ и нанизывающихъ жемчугъ? Это, я думаю, невозможно: если сокращеніемъ справедливой заработной платы пяти чело-вѣкъ можно выгадать 50.000 гульд., то ихъ справедливая заработная плата во всякомъ случаѣ должна быть больше 50000 гульд., больше 10000 гульд. на чело-вѣка—величина справедливой заработной платы, о которой врядъ ли можно говорить серьезно, тѣмъ болѣе, что трудъ сортировки и нанизыванія жемчуга почти совершенно не отличается отъ чернаго труда.

Но посмотримъ далѣе: можетъ быть, ювелиръ получаетъ свою хищническую прибыль за счетъ продукта труда рабочихъ болѣе ранней стадіи производства, за счетъ труда, напр., тѣхъ рабочихъ, которые добыли жемчужныя раковины?—Но съ этими рабочими ювелиръ вовсе не имѣлъ

дѣла, такъ какъ онъ вѣдь купилъ свой жемчугъ прямо у предпринимателя, добывшаго жемчугъ, или даже у посредника: онъ, значить, совсѣмъ и не имѣлъ возможности сократить продуктъ или цѣнность продукта рабочихъ, добывшихъ жемчугъ. Но, можетъ быть, это сдѣлалъ вмѣсто него предприниматель, добывшій жемчугъ, такъ что прибыль ювелира основана на вычетѣ изъ заработной платы, сдѣланномъ этимъ предпринимателемъ по отношенію къ его рабочимъ?—И это невозможно, такъ какъ очевидно, что ювелиръ получалъ бы свою прибыль и тогда, если бы предприниматель, добывшій жемчугъ, совершенно не сокращалъ заработной платы своихъ рабочихъ. Если бы онъ раздѣлил между своими рабочими въ качествѣ заработной платы даже весь милліонъ, котораго стоитъ добытый жемчугъ, и который онъ получаетъ отъ ювелира въ качествѣ покупной цѣны, то и тогда онъ достигнетъ только того, что *онъ самъ* не получить прибыли, а не того, что ювелиръ лишится своей прибыли, такъ какъ для послѣдняго совершенно безразлично, какимъ образомъ распредѣлится между отдельными лицами уплаченная имъ покупная цѣна, если только она благодаря этому не повысится. Какъ мы ни будемъ напрягать фантазію, мы тщетно будемъ искать рабочихъ, изъ справедливой заработной платы которыхъ ювелиромъ могли бы быть вычтены его 50000 гульд. прибыли.

А, можетъ быть, у кого-либо изъ читателей все-таки остается еще нѣкоторое сомнѣніе насчетъ этого примѣра. Можетъ быть, кто-нибудь и находитъ нѣсколько страннымъ, что трудъ пяти рабочихъ, нанизывающихъ жемчугъ, представить собою источникъ, изъ котораго ювелиръ можетъ черпать такую значительную прибыль, какъ 50000 гульд., но все же не считаетъ этого абсолютно невозможнымъ. Я приведу поэтому другой, еще болѣе убѣдительный примѣръ, хорошій, старый примѣръ, который не разъ служилъ пробнымъ камнемъ теорій процента, и о который всѣ онѣ разбивались.

У собственника виноградника имѣется боченокъ хорошаго молодого вина. Непосредственно послѣ уборки винограда вино обладаетъ мѣншею цѣнностью въ 100 гульд. Онъ помѣщается вино въ погребъ, гдѣ оно отстаивается въ теченіе 12-ти лѣтъ, по истеченію которыхъ оно, какъ старое вино, обладаетъ мѣншею цѣнностью въ 200 гульд. Этотъ фактъ общеизвѣстенъ. Разность въ 100 гульд. выпадаетъ на долю собственника вина, въ видѣ процента на заключенный въ винѣ капиталъ. На счетъ какихъ же рабочихъ была нажита эта прибыль на капиталъ?

Такъ какъ во время отстаиванія вина на такое уже не было затрачено никакого труда, то возможенъ только одинъ отвѣтъ: на счетъ тѣхъ рабочихъ, которые произвели молодое вино. Собственникъ виноградника уплатилъ имъ слишкомъ малое вознагражденіе. Однако, спрашиваю я, сколько же онъ имъ долженъ былъ уплатить „по справедливости“? Если бы онъ заплатилъ имъ даже полностью 100 гульд., которыхъ стоило молодое вино во время уборки винограда, то все же остается ему излишекъ цѣнности въ 100 гульд., который *Родбертусъ* и клеймитъ названіемъ хищнической прибыли. Даже если онъ уплатитъ имъ въ качествѣ заработной платы 120 или 150 гульд., то все же не избѣжать ему упрека въ эксплуатаціи; онъ избавился-бы отъ этого упрека только тогда, если бы онъ представилъ имъ всѣ 200 гульд.

Можно ли серьезно требовать, чтобы за продуктъ, который обладаетъ цѣнностью только въ *сто* гульд., платили въ видѣ „справедливой заработной платы“ *двести* гульд.? Знаетъ ли собственникъ напередъ, приобрѣтетъ ли его продуктъ вообще когда-либо цѣнность въ 200 гульд.? Не можетъ ли онъ, несмотря на свое первоначальное намѣреніе, быть поставленъ въ необходимость потребить или продать вино до истеченія 12-ти лѣтъ? и не заплатилъ ли бы онъ въ такомъ случаѣ 200 гульд. за продуктъ, который никогда не имѣлъ цѣнности больше 100 или, можетъ быть, 120 гульд.? А какъ же ему вознаграждать рабочихъ, производящихъ то молодое вино, которое онъ продастъ немедленно за 100 гульд.? Тоже 200 гульд.? Тогда вѣдь онъ разорится. Или только 100 гульд.? Тогда различныя рабочіе получатъ различное вознагражденіе за одинъ и тотъ же трудъ, что опять-таки несправедливо, не говоря уже о томъ, что врядъ ли можно сказать заранѣе, чей продуктъ будетъ проданъ немедленно, а чей будетъ сохраняться 12 лѣтъ.

Но можно итти еще дальше. Можно даже утверждать, что и вознагражденіе въ 200 гульд. за боченокъ молодого вина еще не представляетъ собою заработной платы, которая была бы обезпечена противъ упрека въ эксплуатаціи: вѣдь собственникъ можетъ оставить вино въ погребѣ не въ теченіе 12-ти лѣтъ, а въ теченіе 24-хъ лѣтъ, и вино будетъ имѣть тогда цѣнность не въ 200, а въ 400 гульд. Долженъ ли онъ въ такомъ случаѣ „по справедливости“ платить рабочимъ, которые произвели вино 24 годами раньше, *четыреста* гульд. вмѣсто ста? Это утвержденіе слишкомъ уже нелѣпно! А если онъ уплачиваетъ имъ только 100 гульд.

или 200 гульд., то онъ получаетъ прибыль на капиталъ, и *Родбертусъ* заявляетъ, что онъ удержалъ часть цѣнности созданнаго рабочими продукта и сократилъ, такимъ образомъ, ихъ справедливую заработную плату!

Я не думаю, чтобы кто-либо рѣшился утверждать, будто теорія *Родбертуса* объясняетъ приведенные мною и многіе другіе аналогичные съ ними случаи получения процента. А теорія, которая не даетъ объясненія для важной части объясняемыхъ явленій, не можетъ быть правильной, и поэтому общее заключительное резюме ведетъ къ тому же результату, который можно было ожидать на основаніи предшествовавшей детальной критики: теорія эксплуатаціи *Родбертуса* не вѣрна и въ своемъ обоснованіи и въ своихъ выводахъ, она противорѣчитъ самой себѣ и явленіямъ дѣйствительной жизни.—

Въ силу характера моей критической задачи мнѣ пришлось на предыдущихъ страницахъ указывать преимущественно только на ошибки, которыя допустилъ *Родбертусъ*. Я считаю себя передъ памятью этого замѣчательнаго чело-вѣка обязаннымъ открыто заявить, что я признаю за нимъ не менѣе выдающіяся заслуги въ дѣлѣ развитія экономической теоріи; къ сожалѣнію, однако, изложеніе этихъ заслугъ лежитъ внѣ рамокъ настоящей моей задачи.

В. Марксъ ¹⁾.

Главнымъ теоретическимъ произведеніемъ *Маркса* является его большое трехтомное сочиненіе о капиталѣ. Основы его теоріи эксплуатаціи изложены въ I-омъ томѣ, единственно

¹⁾ Zur Kritik der politischen Oekonomie, Berlin 1859; das Capital Kritik der politischen Oekonomie, 3 тома 1867—1894. Ср. о *Марксѣ* статью *Энгельса*: „Марксъ въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ (тамъ же приложение полного перечня всѣхъ сочиненій *Маркса*); затѣмъ *Книса*: „Das Geld“, 2-ое изд. 1885, стр. 153 и слѣд.; *А. Вагнера*: „Grundlegung der politischen Oekonomie“ 3-е изд. passim, въ особенности II, 285 и слѣд.; *Лексиса* въ „Conrad's Jahrbücher“ 1885. N. F. XI, 452 и слѣд.; *Гросса*: „K. Marx“ Leipzig 1885; *Адлера*: „Grundlagen der Marx'schen Kritik der bestehenden Volkswirtschaft“ Tübingen 1887; *Коморзинскаго*: „Der dritte Band von Karl Marx das Capital“ въ „Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung“ Томъ VI. стр. 242 и слѣд.; *Венкштерна*: „Marx“ Leipzig 1896; *Зомбарта* „Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx“ въ Archiv für soc. Gesetzgebung und Statistik. Томъ VII, вып. 4, стр. 555 и слѣд.; мою статью: „Zum Abschluss des Marx'schen Systems“ въ „Festgaben für Karl Knies“ Berlin 1896 (въ отдельномъ изданіи на русскомъ языкѣ, С.-Петербургъ 1897 г. и на англійскомъ языкѣ, Лондонъ 1898 г.); *Дилля*: „Über das Verhältniss von

вышедшемъ еще при жизни автора—въ 1867 году. Второй томъ, изданный уже послѣ смерти автора *Энгельсомъ* въ 1885 году, по содержанію вполнѣ однороденъ съ первымъ. Менѣе однороденъ, какъ извѣстно, третій томъ, изданный только послѣ многолѣтняго перерыва въ 1894 году. Многіе, въ томъ числѣ и авторъ этихъ словъ, придерживаются взгляда, что содержаніе третьяго тома не можетъ существовать на ряду съ содержаніемъ перваго и наоборотъ. Но такъ какъ самъ *Марксъ* не призналъ этого, а, напротивъ, въ третьемъ томѣ оставляетъ все еще въ полной силѣ ученіе, изложенное въ 1-омъ томѣ, то критика въ правѣ и обязана, несмотря на существованіе 3-яго тома, считать ученіе перваго тома выраженіемъ настоящихъ и постоянныхъ взглядовъ *Маркса*. Однако, она также въ правѣ и обязана приводить въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ ученіе 3-го тома въ цѣляхъ освѣщенія и критики.

Марксъ исходитъ изъ того отправнаго пункта, что цѣнность всѣхъ товаровъ опредѣляется исключительно количествомъ труда, необходимаго для ихъ производства. Эту точку зрѣнія онъ высказываетъ болѣе рѣшительно, чѣмъ *Родбертусъ*. Послѣдній приводитъ ее только въ своихъ разсужденіяхъ, скорѣе какъ бы между прочимъ, часто лишь въ видѣ гипотетическаго предположенія, и нигдѣ ни однимъ словомъ не старается ее доказать; между тѣмъ у *Маркса* она является отправнымъ пунктомъ всего его ученія, и онъ посвящаетъ ей подробное обоснованіе и освѣщеніе.

Область своихъ изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью „попасть на слѣдъ цѣнности“ (1—23)¹⁾, *Марксъ* съ самаго начала ограничиваетъ *товарами*, подъ которыми мы, становясь на его точку зрѣнія, должны понимать не всѣ хозяйственныя блага, а только *продукты труда*, произведенные для рынка²⁾. Свое изслѣдованіе онъ начинаетъ съ „анализа товара“ (I. 9). Съ одной стороны, товаръ, какъ полезная вещь, удовлетворяющая, благодаря присущимъ ей свойствамъ, какую-либо потребность человѣка, представляетъ собою потребительную

Wert und Preis im ökonomischen System von Karl Marx“, Abdruck aus der Festschrift zur Feier des 25-jährigen Bestehens des staatswissenschaftlichen Seminars zu Halle a. S., Jena 1898; *Масарика*: „Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus“, Wien 1899.

¹⁾ Я цитирую 1-ый томъ капитала *Маркса* всегда по (второму) изданію 1872 года, 2-ой томъ—по изданію 1885 года, 3-й—по изданію 1894 и притомъ, если нѣтъ особаго замѣчанія, подъ 3-ьимъ томомъ всегда понимаю 1-ую книгу 3-яго тома.

²⁾ I. 15, 17, 49, 87 и др. Ср. также *Адлера*: „Grundlagen der Carl Marx'schen Kritik der bestehenden Volkswirtschaft“, Tübingen. 1887. Стр. 210 и 213.

цѣнность, а, съ другой стороны, онъ является вещественнымъ носителемъ мѣновой цѣнности. Къ изслѣдованію этой послѣдней *Марксъ* затѣмъ и переходитъ. „Мѣновая цѣнность представляется, прежде всего, въ видѣ количественнаго отношенія, пропорціи, въ которой потребительныя цѣнности одного рода обмѣниваются на потребительныя цѣнности другого рода,—и это отношеніе постоянно мѣняется по мѣсту и времени“. Мѣновая цѣнность кажется поэтому чѣмъ-то случайнымъ. А между тѣмъ въ этой мѣнѣ должно существовать что-то постоянное, что *Марксъ* и старается отыскать. Онъ это дѣлаетъ, пользуясь своей извѣстной диалектикой: „Возьмемъ два товара, напр., пшеницу и желѣзо. Каково бы ни было ихъ мѣновое отношеніе, всегда можно составить уравненіе, въ которомъ данное количество пшеницы приравнивается къ какому-либо количеству желѣза, напр., одинъ кварталъ пшеницы= a центнерамъ желѣза. Что же означаетъ это уравненіе? Что нѣчто общее одинаковой величины существовать въ двухъ различныхъ вещахъ, въ одномъ кварталѣ пшеницы и въ a цент. желѣза. Обѣ эти вещи, слѣдовательно, равны порознь чему-то третьему, которое само по себѣ не есть ни то, ни другое. Каждая изъ этихъ двухъ вещей поэтому, поскольку она есть мѣновая цѣнность, можетъ быть приведена къ этому третьему“.

„Этимъ общимъ не можетъ быть ни геометрическое, ни физическое, ни химическое, ни какое-либо иное естественное свойство товаровъ. Ихъ физическія свойства имѣютъ вообще значеніе лишь постольку, поскольку они дѣлаютъ ихъ полезными предметами, т. е. потребительными цѣнностями. Но, съ другой стороны, очевидно, что характернымъ для мѣнового отношенія товаровъ является именно его независимость отъ потребительныхъ цѣнностей. Въ самомъ процессѣ обмѣна одна потребительная цѣнность стоитъ ровно столько же, сколько и всякая другая, разъ она имѣется въ надлежащей пропорціи. Или, какъ говоритъ старикъ *Барбонъ*: „одинъ родъ товара такъ же хорошъ, какъ и другой, если ихъ мѣновыя цѣнности одинаковы; между вещами одинаковой мѣновой цѣнности не существуетъ никакой разницы, никакого различія“. Какъ потребительныя цѣнности, товары имѣютъ, прежде всего, различныя качества; какъ мѣновыя цѣнности, они могутъ различаться лишь количествомъ и не заключаютъ въ себѣ поэтому ни одного атома потребительной цѣнности“.

„Если оставить въ сторонѣ потребительную цѣнность товаровъ, то у нихъ остается только одно свойство, а именно то, что всѣ они—продукты труда. Но разсматриваемый

такъ продуктъ труда является существенно инымъ, чѣмъ онъ представлялся намъ раньше. Разъ мы оставляемъ въ сторонѣ его потребительную цѣнность, мы вмѣстѣ съ этимъ отвлекаемся и отъ всѣхъ тѣхъ физическихъ элементовъ и формъ, которые дѣлають его потребительной цѣнностью. Это уже больше не столъ, домъ, пряжа или какая-либо другая полезная вещь; всѣ его доступныя чувственному воспріятію свойства улетучились. Это также больше не продуктъ столярнаго, плотничьяго, прядильнаго или какого-либо другого опредѣленнаго производительнаго труда. Когда продукты труда перестаютъ быть полезностями, то вмѣстѣ съ тѣмъ воплощенный въ нихъ разнообразный трудъ утрачиваетъ свой полезный характеръ, и, стало быть, различіе конкретныхъ формъ этого труда исчезаетъ: они уже больше не отличаются другъ отъ друга, а всѣ сводятся къ равному человѣческому труду, выражаютъ абстрактный человѣческій трудъ“.

„Разсмотримъ теперь то, что послѣ всѣхъ этихъ отвлеченій осталось въ продуктахъ труда. Отъ нихъ осталась только одна, общая имъ всѣмъ и какъ бы прозрачная сущность, простой сгустокъ безразличнаго человѣческаго труда, т. е. затрата человѣческой рабочей силы, безотносительно къ формѣ затраты. Всѣ эти вещи теперь выражаютъ собою лишь тотъ фактъ, что при ихъ производствѣ потрачена человѣческая рабочая сила, что въ нихъ накопленъ человѣческій трудъ. Въ качествѣ кристалловъ этой общей всѣмъ имъ общественной субстанции онѣ являются цѣнностями“.

Такимъ образомъ найдено и опредѣлено понятіе цѣнности. По діалектической формѣ оно не тождественно съ понятіемъ мѣновой цѣнности, однако, оно находится съ послѣднимъ въ самой тѣсной, нераздѣльной связи. Это абстрактное понятіе, извлеченное изъ мѣновой цѣнности. Цѣнность, говоря словами самого *Маркса*, есть „то общее, что выражается въ мѣновомъ отношеніи или въ мѣновой цѣнности товаровъ“, и, наоборотъ, „мѣновая цѣнность есть необходимый способъ выраженія или форма проявленія цѣнности“ (I. 13).

Отъ установленія понятія цѣнности *Марксъ* переходитъ къ изслѣдованію ея масштаба и величины. Такъ какъ трудъ является субстанціей цѣнности, то, естественно, и величина цѣнности всѣхъ благъ измѣряется количествомъ заключеннаго въ нихъ труда или же рабочимъ временемъ, но не тѣмъ индивидуальнымъ рабочимъ временемъ, которое случайно понадобилось тому индивиду, который создалъ

известное благо, а общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ, которое *Марксъ* опредѣляетъ какъ „рабочее время, необходимое для изготовленія той или другой потребительной цѣнности при существующихъ нормальныхъ въ данномъ обществѣ условіяхъ производства и средней степени умѣлости и напряженности труда“ (I. 14). „Величина цѣнности какой-либо полезной вещи опредѣляется только количествомъ общественно-необходимаго труда или общественно-необходимаго для ея производства рабочаго времени. Каждый отдѣльный товаръ считается здѣсь вообще какъ средній экземпляръ даннаго рода товара. Товары, въ которыхъ содержатся одинаковыя количества труда, или которые могутъ быть произведены въ одинаковыя промежутки рабочаго времени, имѣютъ поэтому одинаковую цѣнность. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого. Какъ цѣнности, всѣ товары суть только опредѣленные количества застывшаго рабочаго времени“.

Изъ всего этого вытекаетъ содержаніе великаго „закона цѣнности“, который „имманентенъ обмѣну товаровъ“ (I, 141, 150) и управляетъ отношеніями обмѣна. Этотъ законъ гласитъ— и на основаніи сказаннаго только и можетъ гласить,—что товары обмѣниваются другъ на друга по количеству овеществленнаго въ нихъ общественно-необходимаго средняго труда (напр., I. 52). Этотъ же законъ выраженъ и иначе: товары „обмѣниваются пропорціонально ихъ цѣнности“ (напр., I. 142, 183; III. 167) или „эквивалентъ обмѣнивается на эквивалентъ“ (напр., I. 150, 183). Правда, въ отдѣльныхъ случаяхъ, подъ вліяніемъ временныхъ колебаній предложенія и спроса, встрѣчаются также цѣны, которыя выше или ниже цѣнностей. Однако, эти „постоянныя колебанія рыночныхъ цѣнъ... компенсируются, взаимно уничтожаются и сами приводятся къ средней цѣнѣ, какъ къ своей внутренней нормѣ“ (I. 151, прим. 37). Но вообще „въ случайныхъ и постоянно колеблющихся мѣновыхъ отношеніяхъ“ постоянно насильно прорывается „общественно-необходимое рабочее время, какъ регулирующий естественный законъ“ (I. 52). *Марксъ* называетъ этотъ законъ „вѣчнымъ закономъ обмѣна товаровъ“, (I. 182) „раціональнымъ“, „естественнымъ закономъ равновѣсія“ (III. 167). Правда, какъ уже было сказано, встрѣчаются случаи, въ которыхъ товары обмѣниваются по цѣнамъ, отклоняющимся отъ цѣнностей, но эти случаи нужно разсматривать, какъ „случайные“ по отношенію къ нормѣ

(I. 150 прим. 37), а самая отклоненія, какъ „нарушеніе закона обмѣна товаровъ“ (I. 142).

На этихъ теоретическихъ основаніяхъ понятія цѣнности *Марксъ* строитъ затѣмъ вторую часть своего научнаго зданія, свое знаменитое ученіе о „прибавочной цѣнности“. Онъ изслѣдуетъ источникъ прибыли, которую капиталисты извлекаютъ изъ своихъ капиталовъ. Капиталисты затрачиваютъ извѣстную сумму денегъ, обращаютъ ее въ товары, затѣмъ опять обращаютъ товары—съ промежуточнымъ процессомъ производства или безъ него—путемъ продажи въ большую сумму денегъ. Откуда же получается этотъ приростъ, этотъ излишекъ вырученной суммы денегъ надъ первоначально затраченной, или, какъ его называетъ *Марксъ*, „прибавочная цѣнность“?

Затѣмъ *Марксъ* со свойственнымъ ему пріемомъ діалектическаго разграниченія отмежевываетъ себѣ условія проблемы. Онъ прежде всего доказываетъ, что прибавочная цѣнность не можетъ происходить ни отъ того, что капиталистъ, какъ покупатель, постоянно покупаетъ товары ниже ихъ цѣнности, ни также отъ того, что онъ, какъ продавецъ, всегда продаетъ ихъ выше цѣнности. Проблема, слѣдовательно, представляется такъ: „Нашъ... владѣлецъ денегъ долженъ покупать товары по ихъ цѣнности, продавать ихъ тоже по ихъ цѣнности и все-таки въ концѣ процесса извлекать изъ обращенія больше цѣнности, чѣмъ онъ въ него пустилъ... Таковы условія проблемы. Нис Rhodus, hic salta!“ (I. 150 и слѣд.).

Разрѣшеніе этой проблемы *Марксъ* видитъ въ томъ, что существуетъ товаръ, потребительная цѣнность котораго обладаетъ своеобразнымъ свойствомъ служить источникомъ мѣновой цѣнности. Этимъ товаромъ является способность къ труду, или рабочая сила. Рабочая сила предлагается на рынкѣ при двухъ условіяхъ: во-1-ыхъ, рабочій лично долженъ быть свободенъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, продавалась бы не рабочая сила, а личность, какъ личность раба; и, во-2-ыхъ, рабочій долженъ быть лишенъ „всѣхъ предметовъ, необходимыхъ для овеществленія его рабочей силы“, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ предпочиталъ бы производить за собственный счетъ и предлагать свои продукты, вмѣсто своей рабочей силы. Оперировавъ этимъ товаромъ, капиталистъ получаетъ прибавочную цѣнность слѣдующимъ образомъ.

Цѣнность товара-рабочей силы, какъ и всякаго другого товара, опредѣляется рабочимъ временемъ, необходимымъ.

для ея воспроизводства, или, въ данномъ случаѣ, рабочимъ временемъ, необходимымъ для производства такого количества средствъ существованія, какое необходимо для поддержанія жизни рабочаго. Если, напр., для производства необходимыхъ для одного дня средствъ существованія требуется 6 часовъ общественнаго рабочаго времени, и если притомъ—мы это допускаемъ—то же время овеществляется въ трехъ шиллингахъ золота, то рабочую силу одного дня можно будетъ купить за три шиллинга. Если капиталистъ совершилъ эту покупку, то потребительная цѣнность рабочей силы принадлежитъ ему, и онъ реализуетъ ее, заставляя рабочаго работать на него. Если бы онъ заставлялъ его ежедневно работать только столько часовъ, сколько ихъ овеществляется въ самой рабочей силѣ, и сколько онъ долженъ былъ оплатить при ея покупкѣ, то онъ не получалъ бы никакой прибавочной цѣнности, такъ какъ 6 часовъ труда не могли бы—въ силу нашего предположенія—придать продукту, въ которомъ они овеществляются, цѣнность, превышающую 3 шиллинга, а столько же онъ истратилъ на заработную плату. Но капиталисты поступаютъ не такъ. Даже въ томъ случаѣ, если они купили рабочую силу по цѣнѣ, которая соотвѣтствуетъ только 6-ти часовой рабочей силѣ, они заставляютъ рабочаго работать цѣлый день. Такимъ образомъ, въ продуктѣ, произведенномъ въ теченіе этого дня, овеществляется больше рабочихъ часовъ, чѣмъ долженъ былъ оплатить капиталистъ,—продуктъ, слѣдовательно, имѣетъ большую цѣнность, чѣмъ уплаченное вознагражденіе; эта разность и представляетъ собою „прибавочную цѣнность“, которая выпадаетъ на долю капиталиста.

Возьмемъ примѣръ. Допустимъ, что рабочій въ продолженіе 6-и часовъ можетъ превратить въ пряжу 10 фунтовъ хлопка. Допустимъ, что для производства самого хлопка потребовалось 10 рабочихъ часовъ, и хлопокъ поэтому обладаетъ цѣнностью въ 10 шиллинговъ. Допустимъ далѣе, что прядильщикъ въ теченіе 6-ти рабочихъ часовъ снашиваетъ часть орудій, соотвѣтствующую 4-часовому труду и представляющую собою, слѣдовательно, цѣнность въ 2 шиллинга. Такимъ образомъ, общая цѣнность средствъ производства, затраченныхъ на превращеніе нашего хлопка въ пряжу, будетъ равняться 12 шиллингамъ, согласно 24 рабочимъ часамъ. Въ процессѣ пряденія хлопокъ „всасываетъ въ себя“ еще дальнѣйшіе 6 рабочихъ часовъ: готовая пряжа представляетъ собою поэтому въ своемъ цѣломъ продуктъ 30 рабочихъ часовъ и будетъ, такимъ образомъ, обладать

цѣнностью въ 15 шиллинговъ. При условіи, что капиталистъ заставляетъ работать нанятаго рабочаго только 6 часовъ въ теченіе дня, производство пряжи стоило бы капиталисту также 15 шиллинговъ: 10 шиллинговъ—хлопокъ, 2 шиллинга—порча орудій, 3 шиллинга—вознагражденіе за трудъ. Прибавочной цѣнности здѣсь нѣтъ никакой.

Но дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе, если капиталистъ заставляетъ рабочаго трудиться 12 часовъ въ день. За 12 часовъ рабочій обрабатываетъ 20 фунтовъ хлопка, въ которыхъ уже раньше было овеществлено 40 рабочихъ часовъ, и которые поэтому имѣютъ цѣнность въ 20 шиллинговъ; затѣмъ онъ снашиваетъ часть орудій, представляющую собою продуктъ 8 рабочихъ часовъ, по цѣнности равную 4 шиллингамъ, но зато онъ прибавляетъ къ сырому матеріалу въ теченіе дня 12 рабочихъ часовъ, т. е. новую цѣнность въ 6 шиллинговъ. Теперь итогъ представляется такъ: пряжа, произведенная въ теченіе дня, стоила всего 60 рабочихъ часовъ и имѣетъ поэтому цѣнность въ 30 шиллинговъ. Расходы капиталиста составляютъ: 20 шиллинговъ—хлопокъ, 4 шиллинга—порча орудій и 3 шиллинга—вознагражденіе за трудъ, т. е. вмѣстѣ только 27 шиллинговъ. Теперь остается „прибавочная цѣнность“ въ 3 шиллинга.

Такимъ образомъ, по *Марксу*, прибавочная цѣнность является слѣдствіемъ того, что капиталистъ заставляетъ рабочаго часть дня работать на него, не оплачивая ея. Въ рабочемъ днѣ слѣдуетъ поэтому различать двѣ части. Въ теченіе первой части рабочаго дня—„необходимаго рабочаго времени“—рабочій создаетъ средства своего собственнаго существованія или ихъ цѣнность; за эту часть своего труда онъ получаетъ эквивалентъ въ видѣ заработной платы. Въ теченіе второй части—„прибавочнаго рабочаго времени“—онъ „эксплуатируется“, онъ создаетъ „прибавочную цѣнность“, не получая за нее никакого эквивалента (I. 205 и слѣд.). „Капиталь означаетъ, такимъ образомъ, не только главенство (Commando) надъ трудомъ, какъ говоритъ *А. Смитъ*; онъ по своему существу есть главенство надъ неоплаченнымъ трудомъ. Всякая прибавочная цѣнность, въ какую бы особенную форму—прибыли, процента, ренты и т. д.—она впослѣдствіи ни кристаллизовалась, есть по своей субстанціи матеріальное воплощеніе неоплаченнаго рабочаго времени. Тайна самовозрастанія капитала цѣликомъ сводится къ распоряженію определеннымъ количествомъ чужого неоплаченнаго труда“ (I. 554).

Такова центральная идея теории эксплуатации *Маркса*, какъ онъ ее изложилъ въ I-омъ томѣ „Капитала“, и съ которой—какъ мы дальше увидимъ—идеть въ разрѣзъ III-й томъ, можетъ быть, противъ желанія автора, но отъ которой онъ во всякомъ случаѣ не отказался. Внимательный читатель, по всей вѣроятности, узналъ въ этомъ изложеніи—хотя отчасти въ нѣсколько измѣненной формѣ—всѣ существенныя ученія, изъ которыхъ *Родбертусъ* создалъ свою теорію процента: ученіе, что цѣнность благъ измѣняется количествомъ труда, ученіе, что одинъ только трудъ создаетъ всякую цѣнность, что въ наемномъ договорѣ рабочій получаетъ меньшую цѣнность, чѣмъ создаетъ, при чемъ нужда заставляетъ его согласиться на такія условія, что капиталистъ присваиваетъ себѣ излишекъ, и что получаемая, такимъ образомъ, прибыль на капиталъ носить характеръ эксплуатации чужого труда.

Въ виду истинности содержания обѣихъ теорій, или—правильнѣе—обѣихъ формулировокъ одной и той же теоріи, почти все то, что я привелъ для опроверженія ученія *Родбертуса*, остается въ полной силѣ и по отношенію къ *Марксу*. Я могу поэтому ограничиться нѣсколькими дополненіями, которыя я считаю необходимыми, отчасти для того, чтобы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приноровить критику къ оригинальной формулировкѣ *Маркса*, а отчасти для того, чтобы разсмотрѣть нѣкоторыя дѣйствительныя нововведенія, данныя *Марксомъ*.

Изъ всѣхъ этихъ нововведеній самымъ важнымъ является безусловно попытка не только постулировать взглядъ, что всякая цѣнность основана на трудѣ, но и обосновать его. По отношенію къ *Родбертусу* я опровергъ этотъ взглядъ такъ же мимоходомъ, какъ тотъ его мимоходомъ высказалъ: я ограничился приведеніемъ нѣкоторыхъ не подлежащихъ сомнѣнію исключеній изъ этого правила, не доходя до его корней. По отношенію же къ *Марксу* я не могу и не хочу этимъ ограничиться. Правда, я при этомъ вступаю въ область, которая разрабатывалась уже не разъ и притомъ замѣчательными учеными въ литературномъ спорѣ, и поэтому я врядъ ли могу надѣяться дать много новаго въ томъ, что я предпологаю сказать. Тѣмъ не менѣе я думаю, что допустилъ бы грубую ошибку, если бы въ книгѣ, предметомъ которой является критическое изложеніе теорій процента на капиталъ, я не далъ подробной критики идеи, которую одна изъ наиболѣе важныхъ теорій ставитъ во главѣ своего ученія, какъ самое важное основное его положеніе. Притомъ, къ сожа-

лѣнію, современное состояніе нашей науки не таково, чтобы возобновеніе критической попытки могло считаться излишнимъ трудомъ: дѣло въ томъ, что какъ разъ въ наше время ¹⁾ эта идея принимается, подобно евангелію, во все болѣе широкихъ кругахъ, а между тѣмъ она въ сущности представляетъ собою только басню, когда-то высказанную великимъ человѣкомъ и съ тѣхъ поръ повторяемую вѣрующей толпой.

Въ качествѣ основателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и важныхъ авторитетовъ ученія, что цѣнность всѣхъ благъ основывается на трудѣ, обыкновенно называютъ два славныхъ имени—*Адама Смита* и *Рикардо*. Это дѣлается не безосновательно, но и не совсѣмъ основательно. Это ученіе, дѣйствительно, встрѣчается въ сочиненіяхъ, какъ того, такъ и другого; но *Адамъ Смитъ* иногда ²⁾ ему также противорѣчить, а *Рикардо* суживаетъ область его дѣйствія настолько и ограничиваетъ его такими важными исключеніями, что мы врядъ ли въ правѣ утверждать, будто бы онъ считалъ трудъ общимъ и исключительнымъ принципомъ цѣнности благъ ³⁾. А именно, въ самомъ началѣ своихъ „Principles“ онъ категорически заявляетъ, что мѣновая цѣнность благъ опредѣляется двумя источниками: ихъ *рѣдкостью* и *количествомъ труда*, котораго стоило ихъ производство. Нѣкоторыя блага, какъ, напр., рѣдкія статуи и картины, получаютъ свою цѣнность исключительно изъ перваго источника, и только цѣнность тѣхъ благъ, которыя неограниченно можно воспроизводить при помощи труда,—а они, по мнѣнію *Рикардо*, составляютъ громадное большинство всѣхъ благъ—опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на ихъ производство. Но и относительно послѣднихъ благъ *Рикардо* считаетъ себя вынужденнымъ сдѣлать еще одно ограниченіе: онъ долженъ признать, что и ихъ мѣновая цѣнность опредѣляется не исключительно трудомъ, но что на нее оказы-

¹⁾ Составлено въ 1884 году; см. о томъ же выше, стр. 415, примѣч. 1-е.

²⁾ Напр., онъ слѣдующимъ образомъ выражается въ 5-ой главѣ II-ой книги: „Не только трудящіеся рабочіе и рабочія арендатора являются производительными рабочими, но и его рабочій скотъ“; и дальше: „Въ земледѣліи природа трудится на ряду съ человѣкомъ, и, хотя ея трудъ не стоитъ ничего, но все-таки ея продукты имѣютъ свою цѣнность, какъ и продукты дорого оплачиваемыхъ рабочихъ“. Ср. *Knies*: „Der Credit“, II часть, Стр. 62.

³⁾ Ср. на эту тему прекрасное изслѣдованіе *Verrijn Stuart'a*: „Ricardo and Marx“ и мой разборъ этой статьи въ „Conrad's Jahrbücher“, 3-ій выпускъ, томъ I (1891) Стр. 877 и слѣд.

ваетъ значительное вліяніе и *время*, которое проходитъ между затратой авансированнаго труда и реализаціей окончательнаго продукта ¹⁾.

Такимъ образомъ, ни *Смитъ* ни *Рикардо* не высказываютъ разсматриваемаго нами принципа такъ безусловно, какъ это приписываетъ имъ распространившаяся молва. Но все-же они его высказали, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Посмотримъ теперь, какими соображеніями они его обосновываютъ.

Здѣсь мы можемъ сдѣлать весьма странное открытіе, а именно—ни *Смитъ* ни *Рикардо* совершенно не обосновали этого принципа, а постулировали таковой, какъ нѣчто, само по себѣ понятное. Знаменитыя слова, въ которыхъ *Смитъ* высказался по этому вопросу, и которыя въ послѣдствіи были дословно приведены *Рикардо* въ его собственномъ сочиненіи, гласятъ:

„Дѣйствительной цѣной всякой вещи, тѣмъ, что каждая вещь дѣйствительно стоитъ тому, кто желаетъ ее приобрести, являются трудъ и усиліе приобрѣтенія. То, во что *въ дѣйствительности цѣнится* (is really worth) каждая вещь тѣмъ, кто ее приобрѣлъ и желаетъ продать или обмѣнять на что-либо другое, *есть трудъ и усиліе, отъ которыхъ данная вещь можетъ его освободить, и которые, благодаря обладанію этой вещью, могутъ быть переложены на другихъ людей*“ ²⁾.

Остановимся здѣсь на минуту. *Смитъ* высказываетъ эти слова такимъ тономъ, какъ будто вѣрность ихъ должна быть непосредственно очевидна. Но въ самомъ ли дѣлѣ она очевидна? Въ самомъ ли дѣлѣ *цѣнность и трудъ* представляютъ собою два такъ тѣсно связанныхъ понятія, что мы непосредственно должны прийти къ убѣжденію, что трудъ является обоснованіемъ цѣнности?—Я полагаю, что ни одинъ безпристрастный человекъ не въ состояніи это утверждать. То обстоятельство, что я трудился изъ-за какой-либо вещи, представляетъ собою *одинъ* фактъ, а то обстоятельство, соотвѣтствуетъ ли цѣнность данной вещи этому труду,—*другой*, отличный отъ перваго; оба эти факта не всегда идутъ рука-объ-руку—это слишкомъ уже убѣдительно подтверждается дѣйствительностью и поэтому не подлежитъ никакому сомнѣнію. Объ этомъ свидѣлствуютъ безчисленные безрезультатныя усилія, которыя ежедневно тратятся на дѣла, не оплачивающія затраты

¹⁾ См. выше, стр. 449, а также Knies, о. с. стр. 66 и слѣд.

²⁾ Inquiry, 1-ая книга, V-ая глава (р. 13 изд. *Макъ-Куллоха*); *Ricardo*, Principles, глава I-ая.

вслѣдствіе отсутствія технической ловкости, ошибочнаго расчета или просто неудачи; въ такой же степени свидѣтельствуя объ этомъ также и тѣ многочисленные случаи, въ которыхъ незначительная затрата труда вознаграждается большою цѣнностью, какъ, напр., захватъ земельного участка, находка драгоценнаго камня, открытіе золотыхъ россыпей. Однако, если даже не считать этихъ случаевъ, которые можно-бы разсматривать, какъ исключенія изъ обычнаго хода вещей, то все-же то обстоятельство, что одинаковыя усилія различныхъ лицъ имѣютъ весьма различную цѣнность, является настолько же несомнѣннымъ, какъ и вполне нормальнымъ фактомъ. Плодъ мѣсячнаго труда извѣстнаго художника сплошь и рядомъ имѣетъ въ 100 разъ большую цѣнность, чѣмъ плодъ такого же мѣсячнаго труда простаго маляра. Какимъ образомъ это было бы возможно, если бы трудъ въ самомъ дѣлѣ былъ принципомъ цѣнности, если бы, въ силу непосредственной психологической связи, наше сужденіе о цѣнности основывалось на соображеніяхъ труда и усилій, и только на этихъ соображеніяхъ? Или неужели природа такъ аристократична, что посредствомъ своихъ психологическихъ законовъ заставляетъ наше мышленіе оцѣнивать усилія художника въ сто разъ выше, чѣмъ болѣе скромныя усилія маляра ¹⁾?—Я полагаю, что тотъ, кто хотъ

¹⁾ По поводу явленія, упомянутаго въ текстѣ, *Смитъ* высказываетъ слѣдующій взглядъ: „Если—говоритъ онъ—извѣстный родъ труда требуетъ необыкновенной ловкости и остроумія, то, *въ виду уваженія, которымъ пользуются такіе таланты*, продуктамъ, производимымъ ими, приписывается болшая цѣнность, чѣмъ слѣдовало бы при простомъ вознагражденіи за затраченное время. Такіе таланты приобрѣтаются въ большинствѣ случаевъ только усидчивымъ трудомъ, и болшая цѣнность ихъ продуктовъ *обыкновенно* представляетъ собою только справедливое вознагражденіе за время и трудъ, затраченные на ихъ приобрѣтеніе“ (1-ая книга, гл. VI). Недостаточность этого объясненія очевидна. Прежде всего ясно, что болшая цѣнность продуктовъ *необыкновенно* ловкихъ людей обуславливается совершенно другими мотивами, „чѣмъ уваженіемъ, которымъ пользуются такіе таланты“! Сколькихъ поэтовъ и ученыхъ публика заставила умереть съ голода, несмотря на величайшее уваженіе, питаемое къ ихъ талантамъ, и сколькимъ *безсовѣстнымъ спекулянтамъ* она платила за ихъ ловкость сотнями тысячъ, хотя она совсѣмъ и не уважала ихъ „талантовъ“! Если же мы допустимъ, что уваженіе обуславливаетъ собой цѣнность, то въ этомъ случаѣ законъ, что цѣнность основывается на *трудѣ*, очевидно, не подтверждается, а нарушается.—Во второй изъ приведенныхъ цитатъ *Смитъ* дѣлаетъ попытку свести болшую цѣнность къ труду, затраченному на приобрѣтеніе этой ловкости, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ своимъ словомъ „обыкновенно“ самъ признаетъ, что это возможно не во всѣхъ случаяхъ. Противорѣчіе, такимъ образомъ, остается въ силѣ.

сколько-нибудь соображаетъ вмѣсто того, чтобы слѣпо вѣрить, придетъ къ убѣжденію, что не можетъ быть и рѣчи о непосредственно очевидной внутренней связи между трудомъ и цѣнностью, какъ это, очевидно, предполагаетъ приведенная нами цитата изъ *Смитъ*.

Но относится ли это мѣсто въ самомъ дѣлѣ только къ мѣншой цѣнности, какъ это обыкновенно молчаливо предполагаютъ?—Я полагаю, что человекъ, относящійся къ этому мѣсту безпристрастно, не можетъ этого утверждать. Оно не относится ни къ мѣншой цѣнности, ни къ потребительной цѣнности, ни вообще къ какой бы то ни было „цѣнности“ въ строго научномъ смыслѣ. *Смитъ* употребляетъ здѣсь слово „цѣнность“ въ самомъ широкомъ, расплывчатомъ смыслѣ, въ которомъ оно употребляется въ обыденной вульгарной рѣчи, на что указываетъ уже употребляемый имъ терминъ (*worth*, а не *value*). Это необыкновенно характерная черта! Невольно сознавая, что эта точка зрѣнія не можетъ выдержать суда строгаго научнаго анализа, *Смитъ* при помощи обыденной рѣчи обращается къ менѣе строго контролируемымъ впечатлѣніямъ обыденной жизни и, какъ показали опытъ, не безъ успѣха, о чемъ, однако, надо искренне сожалѣть въ интересахъ науки.

Какъ мало вся эта цитата можетъ имѣть притязаніе на научную строгость, вытекаетъ, наконецъ, и изъ того факта, что въ этихъ немногихъ словахъ заключается еще противорѣчіе. А именно, *Смитъ* приписываетъ свойство служить основаніемъ „дѣйствительной“ цѣнности одновременно и тому труду, который можно сберечь посредствомъ владѣнія извѣстнымъ благомъ, и тому труду, который можно переложить на другого. А между тѣмъ обѣ эти величины, какъ это каждый знаетъ, совершенно не тождественны. При господствѣ раздѣленія труда, трудъ, который я лично долженъ былъ бы затратить на приобрѣтеніе желанной вещи, обыкновенно гораздо больше того труда, при помощи котораго произвести ее специалистъ-рабочій. По отношенію къ какому же изъ этихъ „трудовъ“ непосредственно очевидно, что онъ опредѣляетъ собою дѣйствительную цѣнность,—по отношенію къ „сбереженному“ или „переложенному на другого“?

Однимъ словомъ, пресловутое мѣсто, въ которомъ нашъ почтенный учитель *Смитъ* вводитъ трудовой принципъ въ ученіе о цѣнности, какъ нельзя дальше отстоять отъ того, что обыкновенно видятъ въ немъ,—отъ великаго и серьезно обоснованнаго научнаго положенія. Оно само по себѣ не очевидно; оно не подтверждается ни однимъ словомъ, его

обосновывающимъ; оно имѣетъ небрежный видъ и небрежное содержаніе вульгарнаго изреченія; оно, наконецъ, само себѣ противорѣчитъ. Что же касается того, что оно, несмотря на все это, встрѣтило всеобщее довѣріе, то, по моему мнѣнію, оно обязано этимъ стеченію двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, тому, что его высказалъ такой человѣкъ, какъ *Адамъ Смитъ*, а, во-вторыхъ, тому, что онъ высказалъ его безъ всякаго обоснованія. Если бы *Смитъ* вмѣсто того, чтобы обращаться только къ непосредственному чувству, обратился хотя бы однимъ поясняющимъ словомъ къ уму, то умъ не преминулъ бы логично изслѣдовать приведенные доводы, и тогда безусловно обнаружилась бы ихъ несостоятельность. Такія ученія могутъ побѣждать только благодаря неожиданному появленію.

Послушаемъ теперь, что говорятъ *Смитъ*, а за нимъ и *Рикардо* дальше: „Трудъ является первой цѣнной, первоначальными деньгами, которыми платили за всѣ предметы“.—Этотъ взглядъ почти неоспоримъ, но для принципа цѣнности онъ ничего не даетъ.—

„Въ томъ первобытномъ, дикомъ состояніи общества, которое пре дшествовало накопленію капиталовъ и захвату земли, отношеніе между количествами труда, необходимыми для пріобрѣтенія различныхъ вещей, является, *кажется*, единственнымъ обстоятельствомъ, которое въ состояніи дать норму для взаимнаго ихъ обмѣна. Если, напр., въ охотничьемъ племени убійство бобра требуетъ вдвое больше труда, чѣмъ убійство оленя, то за бобра *должно, естественно*, получить двухъ оленей, и цѣнность бобра равна цѣнности двухъ оленей. *Естественно*, что вещь, обыкновенно являющаяся продуктомъ двухдневнаго или двухчасоваго труда, должна имѣть цѣнность въ два раза больше той, которую имѣетъ обыкновенно продуктъ однодневнаго или одночасоваго труда“.

И въ этихъ словахъ напрасно мы будемъ искать какого бы то ни было слѣда мотивировки: *Смитъ* говорить просто: „*кажется*, является единственнымъ обстоятельствомъ“, „*должно естественно*“, „*естественно, что*“ и т. д. и цѣликомъ предоставляетъ читателю самому убѣдиться въ „естественности“ высказанныхъ имъ взглядовъ. Это—замѣчу между прочимъ—задача, которая не легко дается читателю, критически относящемуся къ дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, если вообще должно быть „естественнымъ“, что продукты обмѣниваются исключительно въ зависимости отъ времени, затраченнаго на ихъ производство, то должно было бы, напр.,

быть естественнымъ и то, что какой-нибудь рѣдкій пестрый мотылекъ или рѣдкая съѣдобная лягушка среди дикарей должны имѣть въ десять разъ большую цѣнность, чѣмъ олень, такъ какъ обыкновенно первыхъ приходится искать десять дней, между тѣмъ какъ послѣдняго можно обыкновенно раздобыть однодневнымъ трудомъ,—отношеніе, „естественность“ котораго врядъ ли будетъ для кого-либо очевидна.—

Изъ послѣднихъ разсужденій я считаю себя въ правѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: *Смитъ* и *Рикардо* высказали взглядъ, что трудъ является принципомъ цѣнности благъ совсѣмъ безъ обоснованія, исключительно какъ аксіому. А между тѣмъ это далеко не аксіома. Слѣдовательно, тотъ, кто вообще желаетъ удержать этотъ принципъ, долженъ отказаться отъ *Смита* и *Рикардо*, какъ отъ компетентныхъ свидѣтелей, и искать самостоятельнаго обоснованія.

Весьма характерно то, что почти никто изъ позднѣйшихъ писателей этого не сдѣлалъ. Тѣ же люди, которые въ другихъ случаяхъ подвергали разрушающей критикѣ старинныя ученія отъ начала до конца, для которыхъ ни одно старинное положеніе не оказалось достаточно прочнымъ для того, чтобы не подвергнуть его еще разъ критикѣ и не испытать его доказуемости,—тѣ же люди какъ разъ отказались отъ всякой критики по отношенію къ важнѣйшему основному положенію, которое они унаслѣдовали отъ стараго ученія. Отъ *Рикардо* до *Родбертуса*, отъ *Сисмонди* до *Лассаля* имя *Смита* является единственнымъ прикрытіемъ, которое считали необходимымъ давать этому ученію; лично же отъ себя прибавляли только постоянныя увѣренія, что это положеніе истинно, неопровержимо, несомнѣнно, но не дѣлали никакой попытки дѣйствительно доказать его истинность, дѣйствительно опровергнуть возраженія, дѣйствительно устранить сомнѣнія. Люди, презирающіе доказательства, опирающіяся на авторитеты, сами довольствуются ссылкой на авторитеты; враги лишенныхъ доказательствъ презумируемыхъ утверждений сами довольствуются утверждениями безъ доказательствъ. Только очень немногіе приверженцы теоріи трудовой цѣнности представляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе, и однимъ изъ этихъ немногихъ является *Марксъ*.

Всякому, кто вообще ищетъ какого-либо дѣйствительнаго обоснованія этого положенія, напрашиваются сами по себѣ, какъ естественные, два пути, посредствомъ которыхъ можно искать и найти такое обоснованіе: путь эмпирической и психологической. Можно было бы или просто подвергнуть пере-

испытанію эмпирическаго мѣновья отношенія и убѣдиться, дѣйствительно ли отражается въ нихъ эмпирическая гармонія между величиной мѣновой цѣнности и затратой труда, или же—по средствомъ часто употребляемаго въ нашей наукѣ сочетанія индукціи съ дедукціей—подвергнуть анализу психологическіе мотивы, которые руководятъ людьми въ процессы мѣновыхъ операций и установленіи мѣновыхъ цѣнъ, съ одной стороны, и при ихъ сотрудничествѣ въ производствѣ, съ другой; тогда изъ свойствъ этихъ мотивовъ можно было бы сдѣлать заключеніе о типическомъ образѣ дѣйствій людей, при чемъ возможно, что, между прочимъ, обнаружилась бы также связь между постоянно запрашиваемыми и даваемыми цѣнами и количествомъ труда, необходимаго для изготовленія товаровъ. Между тѣмъ *Марксъ* не избралъ ни одного изъ этихъ двухъ естественныхъ способовъ изслѣдованія, и—что удивительнѣе всего—мы узнаемъ теперь изъ третьяго тома, что онъ самъ прекрасно зналъ, что ни анализъ фактовъ ни анализъ психологическихъ побудительныхъ мотивовъ, дѣйствующихъ въ „конкуренціи“, не могли привести къ благопріятному для его положенія выводу.

Вмѣсто этого онъ вводитъ третій, для такого рода вопроса навѣрно нѣсколько странный способъ доказательства, а именно, способъ чисто логическаго доказательства, діалектической дедукціи, вытекающей изъ сущности обмѣна.

Уже у стараго *Аристотеля* *Марксъ* нашельзвглядъ, что „обмѣнъ не можетъ происходить безъ равенства, а равенство—безъ соизмѣримости“ (I. 35). На этомъ взглядѣ онъ основывается. Онъ представляетъ себѣ обмѣнъ двухъ товаровъ въ видѣ уравненія и заключаетъ, что въ двухъ обмѣненныхъ и, благодаря этому, приравненныхъ вещахъ должно существовать „что-то общее одинаковой величины“, и желаетъ найти это общее, къ которому должны быть „сведены“ уравненные вещи, какъ мѣновья цѣнности¹⁾.

Я позволю себѣ мимоходомъ замѣтить, что уже первое предположеніе, на основаніи котораго въ обмѣнѣ двухъ вещей должно обнаруживаться ихъ „равенство“, кажется мнѣ устарѣвшимъ,—что, впрочемъ, не имѣетъ особеннаго значенія,—а также нереальнымъ, неправильнымъ. Тамъ, гдѣ существуетъ равенство и точное равновѣсіе, обыкновенно не происходитъ никакого измѣненія прежняго положенія покоя. Если поэтому въ случаѣ обмѣна дѣло сводится къ тому, что товары мѣняютъ своихъ владѣльцевъ, то это ско-

¹⁾ I. 11. См. выше, стр. 464 и слѣд.

рѣе является признакомъ того, что существовало какое-то неравенство или перевѣсъ, который вызвалъ это измѣненіе,— совершенно такъ же, какъ между составными частями сложныхъ тѣлъ, приведенныхъ въ соприкосновеніе, образуются новыя химическія соединенія въ томъ случаѣ, если „химическое сродство“ между составными частями этихъ тѣлъ сильнѣе, чѣмъ сродство между составными частями каждаго въ отдѣльности. Въ дѣйствительности и современная политическая экономія согласна насчетъ того, что старинный схоластико-богословскій взглядъ относительно эквивалентности подлежащихъ обмѣну цѣнностей несостоятеленъ. Но я не хочу этому пункту придавать особенное значеніе и перехожу къ критическому изслѣдованію тѣхъ логическихъ и методическихъ приѣмовъ, посредствомъ которыхъ *Марксъ* пришелъ къ заключенію, что трудъ является искомымъ „общимъ“.

Стараясь отыскать характерное для мѣновой цѣнности общее, *Марксъ* поступаетъ слѣдующимъ образомъ. Онъ подвергаетъ генеральному смотру различныя свойства, которыми вообще обладаютъ подвергающіяся обмѣну вещи, выдѣляетъ затѣмъ посредствомъ метода исключенія всѣ тѣ, которыя не выдерживаютъ испытанія, до тѣхъ поръ, пока въ концѣ концовъ изъ нихъ не остается только одно единственное свойство. Это свойство—свойство, быть продуктомъ труда—должно, слѣдовательно, быть искомымъ общимъ свойствомъ.

Этотъ приѣмъ нѣсколько страненъ, но самъ по себѣ не предосудителенъ. Безъ сомнѣнія, нѣсколько странно, если, вмѣсто того, чтобы подвергнуть положительному анализу предполагаемое характерное свойство,—что, во всякомъ случаѣ, привело бы къ одному изъ двухъ вышеупомянутыхъ, тщательно обойденныхъ *Марксомъ* методовъ—создаютъ себѣ исключительно отрицательнымъ путемъ убѣжденіе, что именно это свойство является искомымъ, что всѣ остальные свойства не являются таковыми, между тѣмъ какъ одно вѣдь существовать должно. А все-таки этотъ методъ можетъ привести къ желанной цѣли, если имъ пользоваться съ надлежащей осторожностью и полнотой, т. е., если съ педантичной заботливостью обращать вниманіе на то, чтобы все, что относится къ данному вопросу, въ самомъ дѣлѣ было помѣщено въ сито логики, и затѣмъ, чтобы не была допущена ни одна ошибка при исключеніи какого-либо члена путемъ процѣживанія сквозь это сито.

Какъ же поступаетъ *Марксъ*?

Онъ съ самаго начала кладетъ въ сито только тѣ имѣ-

ющія мѣновую цѣнность вещи, которыя обладаютъ тѣмъ свойствомъ, которое онъ въ концѣ концовъ желаетъ видѣть „общимъ“, а всѣ другія оставляетъ внѣ сита. Онъ поступаетъ, какъ человекъ, который сильно желаетъ, чтобы изъ урны вышелъ бѣлый шаръ, и предусмотрительно содѣйствуетъ этому результату тѣмъ, что кладетъ въ урну только бѣлые шары. Въ самомъ дѣлѣ, онъ съ самаго начала ограничиваетъ объемъ своего изслѣдованія субстанции мѣновой цѣнности „товарами“, при чемъ онъ не даетъ точнаго опредѣленія этого термина. Во всякомъ случаѣ, онъ понимаетъ его уже, чѣмъ „благо“, и сводитъ его къ продуктамъ труда, въ противоположность дарамъ природы. А вѣдь ясно, какъ на ладони, что, разъ обмѣнъ дѣйствительно обозначаетъ уравненіе, которое предполагаетъ существованіе „общаго одинаковой величины“, то необходимо, чтобы это общее могло быть отыскиваемо и находимо во всѣхъ видахъ благъ, которыя поступаютъ въ обмѣнъ, не только въ продуктахъ труда, но и въ дарахъ природы, какъ, напр., въ землѣ, деревѣ, силахъ воды, пластахъ каменнаго угля, каменоломняхъ, залежахъ нефти, минеральныхъ водахъ, золотыхъ рудникахъ и т. п. ¹⁾ То обстоятельство, что блага, имѣющія цѣнность, но не являющіяся продуктомъ труда, при отыскиваніи общаго свойства, служащаго основой мѣновой цѣнности, исключаются, является, при такихъ условіяхъ, методическимъ смертельнымъ грѣхомъ. Это ничѣмъ не отличается отъ того, какъ если бы физикъ, желая отыскать причину общаго всѣмъ тѣламъ свойства, напр., тяжести, на основаніи процѣживанія сквозь сито одной группы тѣлъ, напр., тѣлъ прозрачныхъ, производилъ генеральный смотръ всѣмъ свойствамъ прозрачныхъ тѣлъ, а о всѣхъ другихъ свойствахъ утверждалъ, что они не могутъ быть причиной тяжести, и, на основаніи этого, дѣлалъ заключеніе, что прозрачность должна быть причиной тяжести.

Исключенія даровъ природы (которое, навѣрно, не пришло бы въ голову отцу взгляда объ уравненіи въ обмѣнѣ—*Аристотелю*) нельзя оправдать, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые дары природы, какъ, напр., почва, принадлежатъ

¹⁾ Удачно возражаетъ *Марксу Книсъ*: „Въ разсужденіи *Маркса* совсѣмъ нельзя замѣтить причины, почему, подобно уравненію: 1 кварталъ пшеницы=*a* центнерамъ въ лѣсу производимаго дерева, не можетъ появиться также и такое: 1 кварталъ пшеницы=*a* центнерамъ дико растущаго лѣса=*v* моргенамъ дѣвственной почвы=*c* моргенамъ пастбища на естественныхъ лугахъ“ (*Das Geld*, 1-ое изд., стр. 121; 2-ое изд. стр. 157).

къ наиболѣе важнымъ имущественнымъ и мѣновымъ объектамъ, и что никакъ уже нельзя утверждать, будто бы мѣновыя цѣнности даровъ природы всегда устанавливаются случайно и произвольно. Съ одной стороны, случайныя цѣны встрѣчаются и у продуктовъ, создаваемыхъ трудомъ, а, съ другой, цѣны даровъ природы часто указываютъ на очевидную связь съ прочными основаниями или опредѣляющими причинами. Такъ, напр., не подлежитъ сомнѣнію, что покупная цѣна земельныхъ участковъ представляетъ собою умноженную ренту, зависящую отъ существующей въ данной странѣ процентной нормы, что такъ же несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что дерево (несрубленное) или находящійся въ землѣ уголь различнаго качества или находящійся въ различныхъ мѣстахъ, при неравныхъ условіяхъ добыванія приобрѣтаютъ различныя цѣны не благодаря одной только случайности и т. п.

Марксъ остерегается также дать ясный отчетъ о томъ, что онъ съ самаго начала исключилъ часть благъ, имѣющихъ цѣнность, изъ области изслѣдованія, и въ силу какихъ причинъ онъ это сдѣлалъ. Онъ и здѣсь умѣетъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, обойти со своей увертливой діалектической ловкостью щекотливыя мѣста своего разсужденія. Прежде всего онъ не обращаетъ вниманія читателей на то, что его понятіе „товара“ уже, чѣмъ понятіе имѣющаго мѣвовую цѣнность блага вообще. Онъ очень ловко готовитъ для позднѣйшаго ограниченія области изслѣдованія одними только товарами естественное связывающее звено, въ видѣ поставленной въ самомъ началѣ книги и, на первый взглядъ, совершенно невинной общей фразы: „Богатствомъ обществъ, въ которыхъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, является огромное скопленіе товаровъ“. Этотъ взглядъ совершенно невѣренъ, если слово товаръ понимать въ томъ смыслѣ, который ему придаетъ *Марксъ* въ послѣдствіи, а именно, въ смыслѣ продукта труда, такъ какъ дары природы, включая сюда и почву, составляютъ весьма значительную и важную составную часть народнаго богатства. Но простодушный читатель незамѣтно проходитъ мимо этой неточности; онъ вѣдь не знаетъ, что въ послѣдствіи *Марксъ* придаетъ слову „товаръ“ гораздо болѣе узкій смыслъ.

Онъ не объясняетъ этого и въ дальнѣйшемъ. Напротивъ, въ первыхъ строкахъ первой главы рѣчь идетъ попеременно о „вещи“, о „потребительной цѣнности“, „благѣ“ и „товарѣ“, при чемъ между первыми и послѣднимъ не проводится никакого рѣзкаго различія. „Полезность вещи“—говорится

на страницѣ 10-й—„дѣлаетъ ее *потребительной цѣнностью*“.
 „Товарное тѣло... есть *потребительная цѣнность* или *благо*“.
 На страницѣ 11-й мы читаемъ: „Мѣновая цѣнность представляется... въ видѣ количественнаго отношенія..., въ которомъ *потребительныя цѣнности* одного рода обмѣниваются на *потребительныя цѣнности* другого рода“. Замѣтимъ, что здѣсь объектомъ явленія мѣновой цѣнности онъ прямо таки называетъ потребительную цѣнность=благо. Посредствомъ же словъ: „разсмотримъ этотъ вопросъ поближе“, которыя отнюдь не должны указывать на переходъ къ другой, болѣе тѣсной области изслѣдованія, *Марксъ* продолжаетъ: „Каждый отдѣльный *товаръ*, положимъ кварталъ пшеницы, обмѣнивается въ разнообразѣйшихъ отношеніяхъ на другіе *предметы*“. Нѣсколько дальше—„возьмемъ затѣмъ другіе два *товара*“ и т. д. Въ томъ же абзацѣ даже еще разъ встрѣчается слово „вещи“, и притомъ какъ разъ въ важномъ для проблемы положеніи, что „нѣчто общее одинаковой величины существуетъ въ двухъ различныхъ *вещахъ*“ (которыя и приравняются въ обмѣнѣ другъ другу).

На слѣдующей страницѣ—двѣнадцатой—*Марксъ* отыскиваетъ „общее“ только для „мѣновой цѣнности *товаровъ*“, ни единымъ словомъ не указывая на то, что онъ этимъ хочетъ ограничить область изслѣдованія только частью благъ, а именно благами, имѣющими мѣновую цѣнность ¹⁾. И немедленно же на ближайшей—тринадцатой—страницѣ ограниченіе вновь исчезаетъ, и выводъ, только что полученный для болѣе узкой области товаровъ, распространяется и на болѣе широкий кругъ потребительныхъ цѣнностей благъ. „*Потребительная цѣнность* или *благо* имѣетъ поэтому цѣнность лишь потому, что въ ней осуществлень, матеріализованъ абстрактный человѣческій трудъ“!

Если бы *Марксъ* въ рѣшительномъ мѣстѣ не ограничилъ области своего изслѣдованія продуктами труда, а искалъ общее свойство и въ имѣющихъ мѣновую цѣнность дарахъ природы, то было бы очевиднымъ, что трудъ не можетъ быть этимъ общимъ свойствомъ. Если бы онъ высказалъ это ограниченіе ясно и отчетливо, то онъ самъ и его читатели наткнулись бы несомнѣнно на грубую методическую ошибку—они посмѣялись бы надъ наивной уловкой, благодаря кото-

¹⁾ Въ цитатѣ изъ *Барбона* еще разъ, и притомъ даже нѣ одномъ и томъ же абзацѣ нарушается различіе между товарами и вещами; „одинъ родъ *товара* такъ же хорошъ, какъ и другой, если ихъ мѣновыя цѣнности одинаковы; между *вещами* одинаковой мѣновой цѣнности не существуетъ никакой разницы, никакого различія!“.

рой свойство быть продуктомъ труда благополучно оказалось общимъ свойствомъ круга вещей, послѣ того какъ изъ него были предварительно исключены всѣ по своей природѣ сюда же относящіяся вещи, имѣющія мѣнновую цѣнность, но не являющіяся продуктами труда. Къ этой уловкѣ можно было прибѣгнуть только такъ, какъ это сдѣлалъ *Марксъ*, т. е. незамѣтно, путемъ діалектики, затрагивающей этотъ щекотливый вопросъ только слегка и поверхностно. Послѣ того, какъ я откровенно высказалъ свое удивленіе по поводу ловкости, съ которой *Марксъ* сумѣлъ сдѣлать приемлемымъ такого рода ошибочный способъ, я все же, конечно, могу только констатировать то, что этотъ способъ абсолютно несостоятеленъ.

Но посмотримъ дальше. При помощи изложенной уловки *Марксъ* только достигъ того, что трудъ вообще могъ принять участіе въ состязаніи. Посредствомъ искусственного ограниченія круга вещей трудъ вообще только сдѣлался *однимъ* изъ „общихъ“ для этого круга свойствъ. Но вѣдь на ряду съ трудомъ могли также быть общими и другія свойства. Какимъ же образомъ устраняются эти другіе конкуренты?

Это совершается при помощи двухъ дальнѣйшихъ положеній, изъ которыхъ каждое заключаетъ въ себѣ крупную логическую ошибку, несмотря на то, что содержитъ въ себѣ только нѣсколько словъ.

Въ первомъ положеніи *Марксъ* исключаетъ всѣ „геометрическія, физическія, химическія и всѣ другія естественныя свойства товаровъ“, такъ какъ „ихъ физическія свойства имѣютъ вообще значеніе лишь постольку, поскольку они дѣлаютъ ихъ полезными вещами, т. е. потребительными цѣнностями. Но, съ другой стороны, очевидно, что характерной для мннового отношенія товаровъ является именно его независимость отъ потребительныхъ цѣнностей“, ибо „въ самомъ процессѣ обмѣна одна потребительная цѣнность имѣетъ такое же значеніе, какъ и всякая другая, разъ она имѣется въ надлежащей пропорціи“ (I. 12).

Что сказалъ бы *Марксъ* по поводу слѣдующей аргументаціи? Три знаменитыхъ оперныхъ лѣвца, теноръ, басъ и баритонъ, получаютъ каждый жалованье въ 20000 гульденовъ. Спрашиваютъ, какова общая причина, благодаря которой они получаютъ одинаковое жалованье. Я отвѣчаю: въ отношеніи къ жалованью одинъ хорошій голосъ имѣетъ ровно столько же значенія, сколько и всякій другой, хорошій голосъ тенора столько же, сколько хорошій голосъ баса

или баритона, если только они существуют въ надлежащей пропорціи. Слѣдовательно, въ вопросѣ о жалованьѣ, „очевидно“, отвлекаются отъ хорошаго голоса, и въ результатѣ хорошій голосъ не можетъ быть общей причиною высокаго жалованья.—Ясно, что эта аргументація ложна. Но такъ же ясно, что аргументація *Маркса*, точной копией съ которой является приведенная мною, ни на юту не лучше. Обѣ эти аргументаціи страдаютъ однимъ и тѣмъ же недостаткомъ. Онѣ смѣшиваютъ отвлеченіе *отъ какого-либо обстоятельства вообще* съ отвлеченіемъ отъ тѣхъ *спеціальныхъ формъ*, въ которыхъ выступаетъ это обстоятельство. Въ нашемъ примѣрѣ для вопроса о жалованьѣ имѣетъ одинаковое значеніе, очевидно, только та спеціальная форма, въ которой выступаетъ хорошій голосъ, какъ теноръ, басъ или баритонъ, но никакъ уже не хорошій голосъ вообще. Совершенно такъ же обстоитъ дѣло съ мѣновыми отношеніями товаровъ: отвлекаются отъ спеціальной формы, въ которой можетъ выступать потребительная цѣнность товаровъ, т. е. отъ того, служить ли товаръ для пропитанія, жилища, одежды и т. д., но никакъ не отъ потребительной цѣнности вообще. Непосредственно отъ этой послѣдней отвлекаться нельзя — объ этомъ *Марксъ* могъ заключить уже изъ того, что вѣдь немислимо существованіе мѣновой цѣнности, если нѣтъ цѣнности потребительной,—фактъ, который нѣсколько разъ долженъ былъ признать самъ *Марксъ* 1).

1) Напр., стр. 15 въ концѣ: „Наконецъ, никакая вещь не можетъ быть цѣнностью, не будучи предметомъ потребленія. Если она бесполезна, то и содержащейся въ ней трудъ бесполезенъ, не считается за трудъ (sic!) и поэтому не создаетъ никакой цѣнности.“—На осуждаемую мною въ текстѣ логическую ошибку обратилъ уже вниманіе *Книскъ*. См. *Das Geld*, Berlin 1873, стр. 123 и слѣд. (2-е изд. стр. 160 и слѣд.). *Адлеръ* (*Grundlagen der Karl Marx'schen Kritik*, Tübingen 1877, стр. 211 и слѣд.)—какъ это ни странно—не понялъ моего аргумента, такъ какъ онъ мнѣ возражаетъ, что хорошіе голоса не представляютъ собою товаровъ въ смыслѣ *Маркса*. Я вѣдь совершенно не имѣлъ въ виду того, можно ли подвести „хорошіи голоса“, какъ хозяйственное благо, подъ заковъ цѣнности *Маркса* или нѣтъ,—я хотѣлъ только дать примѣръ логическаго вывода, который заключалъ бы въ себѣ ту же ошибку, что и выводъ *Маркса*. Я могъ бы даже для этой цѣли избрать примѣръ, который не имѣетъ совершенно никакого отношенія къ области хозяйства. Я могъ бы, напр., также показать, что, на основаніи логики *Маркса*, общее свойство *пестрыхъ* тѣлъ заключается, Богъ знаетъ, въ чемъ, только не въ смѣшеніи нѣсколькихъ цвѣтовъ. Въ самомъ дѣлѣ, одна смѣсь цвѣтовъ, напр., бѣлаго, синяго, желтаго, чернаго, фіолетоваго, имѣетъ для пестроты такое же значеніе, какъ и всякая другая смѣсь цвѣтовъ, напр., зеленаго, краснаго, оранжеваго, голубого и др., разъ они только существуютъ въ „надлежащей пропорціи“: слѣдовательно, мы можемъ, очевидно, отвлекаться отъ цвѣта и смѣси цвѣтовъ!

Еще хуже обстоит дѣло со слѣдующимъ положеніемъ его доказательства. „Если оставить въ сторонѣ потребительную цѣнность товаровъ“—говорить *Марксъ* дословно,—„то у нихъ остается только еще одно свойство, а именно то, что всѣ они—продукты труда“. Въ самомъ ли дѣлѣ? Неужели только еще одно свойство? Не остается ли у благъ, имѣющихъ мѣновую цѣнность, напр., еще то общее свойство, что они *рѣдки* по отношенію къ потребности? Или то, что они являются предметами спроса и предложенія? Или то, что они апропрированы? Или то, что они „продукты природы“? Ибо никто яснѣе не высказалъ того, что они являются продуктами природы въ такой же степени, какъ и продуктами труда, чѣмъ самъ *Марксъ*, когда онъ говоритъ: „товарныя тѣла—это не что иное, какъ соединеніе двухъ элементовъ, матеріи и труда“, или когда онъ сочувственно цитируетъ слова *Петти*: „трудъ его (матеріальнаго богатства) отецъ, а земля его мать“¹⁾.

Почему же—спрашиваю я—принципъ цѣнности не можетъ совершенно такъ же заключаться въ какомъ-либо изъ *этихъ* общихъ свойствъ, вмѣсто свойства быть продуктами труда? Вѣдь въ пользу послѣдняго *Марксъ* не привелъ ни одной положительной причины: единственной его причиной является причина отрицательная, что путемъ отвлеченія удачно устраненная потребительная цѣнность *не* является принципомъ мѣновой цѣнности. Но не относится ли эта отрицательная причина въ совершенно одинаковой степени и ко всѣмъ остальнымъ, обойденнымъ *Марксомъ*, общимъ свойствамъ?

Даже больше! На той же двѣнадцатой страницѣ, на которой *Марксъ* устранилъ влияніе потребительной цѣнности на цѣнность мѣновую посредствомъ мотивировки, что одна потребительная цѣнность имѣетъ такое же значеніе, какъ и всякая другая, если она только имѣется въ надлежащей пропорціи, рассказываетъ онъ намъ о продуктахъ труда слѣдующее: „Однако, продуктъ труда является существенно инымъ, чѣмъ онъ представлялся намъ раньше. Разъ мы оставляемъ въ сторонѣ его потребительную цѣнность, мы, вмѣстѣ съ этимъ, отвлекаемся и отъ всѣхъ тѣхъ физическихъ элементовъ и формъ, которые дѣлаютъ его потребительной цѣнностью. Это уже больше не столъ, домъ, пряжа или какая-либо другая полезная вещь; всѣ его доступныя чувственному воспріятію свойства улетучились. *Это также*

¹⁾ Das Kapital, стр. 17 и слѣд.

больше не продукт столярнаго, плотничьяго, прядильнаго или какого-либо другого опредѣленнаго производительнаго труда. Когда продукты труда перестаютъ быть полезностями, то вмѣстѣ съ тѣмъ воплощенный въ нихъ разнообразный трудъ утрачиваетъ свой полезный характеръ, и, стало быть, различіе конкретныхъ формъ этого труда исчезаетъ: онъ уже больше не отличаются другъ отъ друга, а всѣ сводятся къ равному человѣческому труду, выражаютъ абстрактный человѣческій трудъ“.

Можно ли яснѣе и отчетливѣе сказать, что въ мѣновомъ отношеніи не только одна потребительная цѣнность имѣетъ такое же значеніе, какъ и всякая другая, но и одинъ родъ труда и продуктовъ труда „имѣетъ какъ разъ такое же значеніе, какъ и всякій другой, если они имѣются только въ надлежащей пропорціи“? Или, другими словами, что тѣ же условія, на основаніи которыхъ *Марксъ* только что исключилъ потребительную цѣнность, существуютъ и по отношенію къ труду? Трудъ и потребительная цѣнность имѣютъ качественную и количественную стороны. Поскольку качественно различна потребительная цѣнность, какъ, напр., столъ, домъ, пряжа, постольку качественно различенъ также трудъ столяра, плотника и прядильщика. И поскольку можно сравнивать трудъ различнаго рода по количеству, постольку можно также сравнивать потребительныя цѣнности различнаго рода по величинѣ потребительной цѣнности. Совершенно непонятно, почему одни и тѣ же условія у одного конкурента должны вести къ исключенію, а у другого къ вознагражденію посредствомъ цѣны! Если бы *Марксъ* случайно измѣнилъ порядокъ изслѣдованія, то при помощи того же приема, посредствомъ котораго онъ исключилъ потребительную цѣнность, онъ могъ бы исключить трудъ, а затѣмъ опять, при помощи того же приема, при помощи котораго онъ вознаграждаетъ трудъ, объявить потребительную цѣнность единственно оставшимся и, слѣдовательно, искомымъ общимъ свойствомъ, и цѣнность считать „сгусткомъ потребительной цѣнности“ („Gebrauchswert-Gallerte“). Я думаю, можно не на шутку, а вполне серьезно утверждать, что въ обоихъ отдѣлахъ 12-й страницы, въ одномъ изъ которыхъ устраняется вліяніе потребительной цѣнности, а въ другомъ трудъ объявляется искомымъ общимъ свойствомъ, можно было бы замѣнить подлежащія, совершенно не измѣняя при этомъ внѣшней логической правильности; что, не измѣняя порядка перваго отдѣла, можно вмѣсто словъ „потребительная цѣнность“ вездѣ вставить слова „трудъ и продукты труда“, а

во второмъ вмѣсто „труда“ вездѣ „потребительная цѣнность“!

Таковы логика и методъ, посредствомъ которыхъ *Марксъ* вводитъ въ свою систему свое основное положеніе о трудѣ, какъ объ единственномъ основаніи цѣнности. Какъ я недавно замѣтилъ уже въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, я совершенно исключаю возможность, чтобы этотъ діалектическій *hocus-rosus* былъ основаніемъ и источникомъ убѣжденія для самого *Маркса*. Если бы такой мыслитель, какъ *Марксъ*—ая считаю его мыслителемъ первостепеннымъ—имѣлъ въ виду только выработку своихъ собственныхъ взглядовъ, если бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, только искалъ связи вещей свободно и безпристрастно, то онъ ни въ коемъ случаѣ не сталъ бы прибѣгать къ такому искусственному и противоестественному приему, онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ бы, въ силу одной только несчастной случайности, допустить послѣдовательно всѣ указанныя нами логическія и методическія ошибки, и не могъ бы, при помощи этого приема, прийти къ естественному, заранѣе не извѣстному и не предвидѣнному выводу, что единственнымъ источникомъ цѣнности является трудъ.

Я полагаю, что настоящее положеніе дѣлъ было иное. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что *Марксъ* дѣйствительно и искренне былъ убѣжденъ въ правильности своего положенія. Но причины его убѣжденія не тѣ, которыя онъ ввелъ въ свою систему. Онъ вѣрилъ въ свое положеніе, какъ фанатикъ въ догму. Онъ, безъ сомнѣнія, принялъ это положеніе на основаніи тѣхъ же неопредѣленныхъ, случайныхъ, разумомъ недостаточно провѣренныхъ впечатлѣній, которыя до него побудили *Адама Смита* и *Рикардо* высказать аналогичный взглядъ, и подъ вліяніемъ этихъ выдающихся авторитетовъ, и онъ никогда не сомнѣвался въ его истинности. Для него самого его положеніе было аксіомой. Но для своихъ читателей онъ долженъ былъ его доказать. Эмпирически или хозяйственно-психологически онъ не могъ бы его доказать—онъ обратился поэтому къ и безъ того уже отвѣчающей направленію его ума логическо-діалектической спекуляціи, хитрилъ и вертѣлъ терпѣливыми понятіями и предпосылками съ своего рода достойнымъ удивленія искусствомъ до тѣхъ поръ, пока онъ, дѣйствительно, не пришелъ къ заранѣе извѣстному и предвидѣнному выводу, съ внѣшней стороны, впрочемъ, вполне удовлетворительному.

¹⁾ Zum Abschluss des Marx'schen Systems, стр. 77 и слѣд.

Эта попытка *Маркса* придать своему положенію убѣдительность путемъ диалектики, какъ мы только-что убѣдились, потерпѣла полное крушеніе. Но нельзя ли было бы придать ей опору при помощи одного изъ обойденныхъ *Марксомъ* приемовъ, эмпирическаго или психологическаго?

Анализъ дѣйствующихъ при образованіи мѣновыхъ цѣнностей психологическихъ мотивовъ приводитъ къ другому заключенію—въ этомъ мы убѣдимся во второй, положительной части настоящаго сочиненія; собственно говоря, это въ послѣдствіи было признано даже самимъ *Марксомъ* въ оставленномъ имъ третьемъ томѣ ¹⁾). Остается, такимъ образомъ, только эмпирическая попытка, попытка, вытекающая изъ фактовъ дѣйствительной жизни. Что же говорить факты?

Факты говорятъ, что мѣновая цѣнность находится въ зависимости отъ количества труда, котораго стоило ихъ производство, только у одной части благъ и притомъ не непосредственно.—Несмотря на то, что эта фактическая зависимость, въ виду обуславливающей ее очевидности, хорошо извѣстна, все же правильно она оцѣнивается очень рѣдко. Правда, насчетъ того, что факты не вполне подтверждаютъ трудовой принципъ, согласны всѣ, не исключая и социалистическихъ писателей. Однако, очень часто можно встрѣтить взглядъ, что тѣ случаи, въ которыхъ дѣйствительность согласна съ трудовымъ принципомъ, составляютъ громадное большинство, тѣ же случаи, которые противорѣчатъ этому принципу, составляютъ лишь относительно незначительное исключеніе. Этотъ взглядъ очень ошибоченъ. Чтобы разъ навсегда его устранить, я хочу здѣсь соединить въ группы всѣ „исключенія“, которыя, какъ показываетъ опытъ, нарушаютъ въ хозяйственномъ мѣрѣ принципъ трудовой цѣнности. Мы увидимъ, что „исключенія“ составляютъ такое значительное большинство, что они почти ничего не оставляютъ для „правила“.

1) Изъ сферы дѣйствія трудового принципа исключаются всѣ „рѣдкія блага“, которыя, въ силу какого-либо существующаго фактическаго или юридическаго препятствія, совершенно не могутъ быть воспроизводимы или могутъ быть воспроизводимы лишь въ ограниченномъ количествѣ. *Рикардо* приводитъ въ качествѣ примѣра статуи, картины, рѣдкія книги и монеты, дорогія вина и прибавляетъ, что эти блага „составляютъ только незначительную часть той

1) Смотри еще ниже.

массы благъ, которыя ежедневно обмѣниваются на рынкѣ“. Если, однако, обратить вниманіе и на то, что къ этой же категоріи относятся также вся земля, затѣмъ многочисленныя блага, при производствѣ которыхъ имѣли значеніе патенты на изобрѣтенія, авторское право или секретъ промышленности, то объемъ этихъ „исключеній“ отнюдь не будетъ уже незначительнымъ ¹⁾.

2) Исключеніе составляютъ всѣ блага, которыя производятся не простымъ, а квалифицированнымъ трудомъ. Несмотря на то, что въ дневномъ продуктѣ скульптора, рѣзчика, скрипачника, машиностроителя и т. п. овеществлено не больше труда, чѣмъ въ дневномъ продуктѣ простого ремесленника или фабричнаго рабочаго, все же первый имѣетъ большую, часто даже во много разъ большую мѣрную цѣнность.—Послѣдователи теоріи трудовой цѣнности не могли, конечно, оставить безъ вниманія это исключеніе. Но, какъ это ни странно, они дѣлаютъ видъ, что здѣсь нѣтъ никакого дѣйствительнаго исключенія, что здѣсь имѣетъ мѣсто только маленькая модификація, входящая въ составъ самого правила. Что же касается *Маркса*, то онъ смотритъ на квалифицированный трудъ, какъ на кратное простого труда. „Сложный трудъ“—говоритъ онъ (стр. 19)— „есть только возведенный въ степень или, вѣрнѣе, помноженный простой трудъ, такъ что меньшее количество сложнаго труда равняется большому количеству простого труда. Опытъ показываетъ, что такое приведеніе постоянно происходитъ. Какой-нибудь товаръ можетъ быть произведеніемъ самаго сложнаго труда, но цѣнность его дѣлаетъ его равнымъ продукту простого труда, а поэтому и сама представляетъ лишь извѣстное количество простого труда“.

Воистину теоретическій образчикъ поразительной наивности! Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напр., при оцѣнкѣ, можно считать пять рабочихъ дней землекопа равными одному рабочему дню скульптора. Но вѣдь никто не станетъ утверждать, что 12 часовъ труда скульптора дѣйствительно *представляютъ собою* 60 часовъ простого труда. Въ теоретическихъ вопросахъ, какъ, напр., въ вопросѣ о принципѣ цѣнности, рассматривается не то, что люди могутъ воображать, а то, что въ дѣйствительности существуетъ. Въ теоретическомъ отношеніи дневной продуктъ скульптора есть и остается продуктомъ *одного* дня труда; и если продуктъ одного дня

¹⁾ Ср. *Knies*, „Credito“, II часть, стр. 61.

труда имѣть такую же цѣнность, какъ и всякое другое благо, являющееся продуктомъ *пяти* дней труда, то это— пусть люди воображаютъ, что хотятъ,—составляетъ исключеніе изъ постулируемаго правила, по которому мѣновая цѣнность благъ опредѣляется количествомъ оуществленнаго въ нихъ человѣческаго труда.—Положимъ, что желѣзная дорога въ общемъ устанавливаетъ свои тарифы сообразно съ длиной пути, который проѣзжаютъ данные лица и товары; при этомъ, однако, она постановляетъ, чтобы въ предѣлахъ извѣстнаго разстоянія, въ которыхъ транспортъ связанъ съ особенно большими издержками, каждый километр считался за *два*. Можно ли утверждать, что длина пути *въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою* единственный принципъ такихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ? Конечно, нѣтъ: *условно допускается*, что это такъ; на дѣлѣ, однако, на ряду съ длиной пути принимается во вниманіе и *качество* его. Точно такъ же, несмотря на всѣ ухищренія, невозможно спасти теоретическое единство трудового принципа ¹⁾.

Это второе исключеніе обнимаетъ собою—дальнѣйшее доказательство этого я считаю излишнимъ—значительную часть мѣновыхъ благъ. Строго говоря, сюда относятся почти всѣ блага, такъ какъ въ производствѣ всякаго блага принимаетъ участіе хотя бы маленькая доля квалифицированнаго труда, труда изобрѣтателя, управляющаго, заготовщика и т. п., который и поднимаетъ его цѣнность выше того уровня, который соответствовалъ бы количеству одного только труда.

3) Число исключеній увеличивается не имѣющимъ, конечно, большого значенія множествомъ благъ, которыя производятся неестественно низко оплачиваемымъ трудомъ. Извѣстно, что, благодаря причинамъ, которыхъ здѣсь нѣтъ нужды излагать, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства, какъ, напр., въ женскихъ рукодѣліяхъ, шитьѣ, вышиваніи, вязаніи и т. п., заработная плата можетъ въ теченіе продолжительнаго времени быть ниже минимума, необходимаго для существованія. Въ такомъ случаѣ и продукты этого труда имѣютъ неестественно низкую цѣнность. Такъ, напр., нерѣдко случается, что цѣнность продукта трехдневнаго труда швеи не равенъ даже цѣнности продукта двухдневнаго труда фабричной работницы.—

Всѣ перечисленныя до сихъ поръ исключенія заключаются въ томъ, что извѣстныя группы благъ совершенно

¹⁾ Подробнѣе я недавно высказался по этому вопросу въ моей часто цитируемой статьѣ „Zum Abschluss des Marx'schen Systems“.

не подлежатъ дѣйствию закона трудовой цѣнности и суживаютъ, такимъ образомъ, область дѣйствія послѣдняго. Они оставляютъ для нея, главнымъ образомъ, только тѣ блага, для свободнаго воспроизводства которыхъ нѣтъ никакихъ ограниченій, и для созиданія которыхъ требуется только простой трудъ. Но даже и въ этой ограниченной области законъ трудовой цѣнности не является исключительно господствующимъ; напротивъ, нѣкоторыя дальнѣйшія исключенія дѣйствуютъ въ томъ направленіи, что ослабляется строгость его дѣйствія.

4-ое исключеніе изъ трудового принципа создается извѣстнымъ и никѣмъ не оспариваемымъ явленіемъ, что даже тѣ блага, мѣновая цѣнность которыхъ въ общемъ соотвѣтствуетъ количеству затраченнаго на нихъ труда, не всегда обнаруживаютъ это соотвѣтствіе; что, напротивъ, благодаря колебаніямъ предложенія и спроса, мѣновая цѣнность то поднимается выше, то падаетъ ниже того уровня, который долженъ былъ бы соотвѣтствовать количеству труда, овеществленнаго въ благахъ. Количество труда представляетъ собою только точку тяготѣнія, но не точку опоры мѣновой цѣнности. — Мнѣ кажется, что и съ этимъ исключеніемъ социалистическіе приверженцы трудового принципа раздѣляются слишкомъ легко. Они, хотя и констатируютъ таковое, но относятся къ нему, какъ къ маловажной, переходящей ненормальности, наличность которой не причиняетъ никакого ущерба великому „закону“ мѣновой цѣнности. Нельзя, однако, отрицать того, что эти ненормальности представляютъ собою столько же примѣровъ образованій мѣновыхъ цѣнностей, регулируемыхъ иными опредѣляющими мотивами, а не количествомъ затраченнаго труда. Это должно было бы, по крайней мѣрѣ, побудить къ изслѣдованію, не существуетъ ли болѣе общій принципъ мѣновой цѣнности, подъ который можно было бы подвести не только „правильныя“, но и — съ точки зрѣнія трудовой теории — неправильныя образованія мѣновыхъ цѣнностей. Напрасно, однако, мы стали бы искать у теоретиковъ разсматриваемаго нами направленія такого изслѣдованія.

5) наконецъ, оказывается, что и, помимо этихъ временныхъ колебаній, мѣновая цѣнность благъ *постоянно* значительно отклоняется отъ уровня, устанавливаемаго количествомъ овеществленнаго труда, такъ какъ изъ двухъ благъ, производство которыхъ стоитъ одинаковаго количества общественнаго средняго труда, имѣетъ высшую мѣновую цѣнность то, для производства котораго требуется больше

„предварительнаго“ труда. *Рикардо*, какъ извѣстно, подробно разсмотрѣлъ это исключеніе изъ трудового принципа въ двухъ отдѣлахъ первой главы своихъ „Основъ“; *Родбертусъ* и *Марксъ* игнорируютъ его при созиданіи своихъ теорій ¹⁾, но открыто его не отрицаютъ; этого сдѣлать они, конечно, не могли, ибо слишкомъ ужъ извѣстно и не можетъ быть съ успѣхомъ оспариваемо то, что столѣтній дубъ представляетъ собою большую цѣнность, чѣмъ та, которая соотвѣтствуетъ минутѣ труда, необходимаго для его посѣва.

Резюмируемъ: мнимому „закону“, что цѣнность благъ опредѣляется количествомъ овеществленнаго въ нихъ труда, значительная часть благъ *совершенно не* подчиняется, остальные же подчиняются *не всегда*, а если и подчиняются, то *никогда въ точности*—это данныя опыта, съ которыми приходится считаться теоретику цѣнности.

Какой выводъ можетъ сдѣлать безпристрастный теоретикъ изъ этихъ данныхъ?—Навѣрное не тотъ, что происхожденіе и мѣра всякой цѣнности основывается исключительно на трудѣ. Такой выводъ не былъ бы ни на іоту лучше того, какъ если бы мы, основываясь на опытѣ, что электричество возникаетъ часто вслѣдствіе тренія, часто же и въ силу другихъ причинъ, захотѣли провозгласить законъ: всякое электричество возникаетъ вслѣдствіе тренія.

Безъ сомнѣнія, можно сдѣлать выводъ, что затрата труда является обстоятельствомъ, оказывающимъ сильное вліяніе на мѣновую цѣнность многихъ благъ, но—и я это подчеркиваю—не въ качествѣ окончательной причины, ибо она въ такомъ случаѣ должна была бы быть общей для всѣхъ явленій цѣнности, а въ качествѣ частичной, промежуточной. Для такого вліянія труда на цѣнность не трудно будетъ отыскать также и внутреннее обоснованіе, что абсолютно невозможно по отношенію къ тому, болѣе широкому положенію. Быть можетъ, очень интересно и очень важно точнѣе прослѣдить вліяніе труда на цѣнность благъ и результаты этого изслѣдованія выразить въ формѣ законовъ—но при этомъ нельзя, однако, забывать, что это будутъ только *частичные* законы цѣнности, которые не затрагиваютъ общей сущности цѣнности. Употребляя сравненіе: законы, формулирующіе вліяніе труда на мѣновую цѣнность благъ, будутъ

¹⁾ *Марксъ* обращаетъ на это исключеніе серьезное вниманіе только въ третьемъ, посмертномъ томѣ, и въ результатѣ онъ, какъ и слѣдовало ожидать, впадаетъ въ противорѣчіе съ законами перваго тома, которые онъ построилъ, игнорируя это исключеніе.

относиться къ общему закону цѣнности приблизительно такъ же, какъ законъ: „западный вѣтеръ приносить дождь“ относится къ общей теоріи дождя. Западный вѣтеръ является весьма распространенной промежуточной причиной дождя совершенно такъ же, какъ и затрата труда является весьма распространенной промежуточной причиной цѣнности благъ; но сущность дождя такъ же мало покоится на западномъ вѣтрѣ, какъ сущность цѣнности на затраченномъ трудѣ.

Самъ *Рикардо* только въ незначительной степени перешагнулъ границы дозволеннаго. Какъ я указалъ выше, онъ прекрасно зналъ, что его законъ трудовой цѣнности представляетъ собою только частичный законъ, что, напр., цѣнность „рѣдкихъ благъ“ покоится на совершенно другихъ началахъ. Онъ ошибается лишь постольку, поскольку онъ слишкомъ преувеличиваетъ объемъ благъ, для которыхъ этотъ законъ вѣренъ, и приписываетъ ему почти универсальное значеніе въ практической жизни. Въ связи съ этимъ находится и то, что онъ въ послѣдствіи почти совершенно уже забываетъ маловажныя, на его взглядъ, исключенія, на которыя онъ самъ указывалъ въ началѣ своего сочиненія, и о своемъ законѣ говоритъ часто—несправедливо—въ такомъ тонѣ, какъ будто онъ представляетъ собою универсальный законъ цѣнности.

Только его менѣе дальновидные послѣдователи совершили едва постигаемую ошибку и вполнѣ сознательно выставили трудъ, какъ универсальный принципъ цѣнности въ полномъ его объемѣ. Я говорю: едва постигаемую ошибку потому, что, въ самомъ дѣлѣ, очень трудно постичь, какимъ образомъ теоретически образованные люди послѣ зрѣлаго размышленія могли постулировать ученіе, котораго они просто не могли обосновать—ни природой вещи, потому что она абсолютно не указываетъ ни на какую необходимую зависимость между цѣнностью и трудомъ, ни фактами, которые, напротивъ, показываютъ, что цѣнность въ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствуютъ затраченному труду, ни, наконецъ, авторитетами, потому что призываемые авторитеты никогда не постулировали этого положенія съ той требовательной, рѣшительной общностью, которую любятъ приписывать ему въ настоящее время.

И это совершенно ни на чемъ не основанное ученіе социалистическіе приверженцы теоріи эксплуатаціи выставляютъ не между прочимъ, не въ какомъ-либо скромномъ уголкѣ научно-теоретическаго построенія—они ставятъ его во главѣ важнѣйшихъ практическихъ требованій. Они постулируютъ

законъ, что цѣнность всѣхъ товаровъ основывается на овеществленномъ въ нихъ рабочемъ времени, для того, чтобы немедленно же объявить всѣ образованія цѣнностей, которыя не подчиняются этому „закону“, какъ, напр., разность въ цѣнности, которая выпадаетъ на долю капиталиста въ видѣ прибавочной цѣнности, „противозаконными“, „нестественными“, „несправедливыми“ и призывать къ ихъ уничтоженію. Прежде всего они игнорируютъ поэтому исключенія, чтобы быть въ состояніи объявить свой законъ цѣнности общимъ. Когда же они, такимъ образомъ, добились общаго значенія такового, они опять начинаютъ относиться къ исключеніямъ внимательнѣе и клеймятъ ихъ, какъ погрѣшности противъ закона. Это заключеніе въ дѣйствительности ничуть не лучше того, какъ если бы кто-либо, видя, что существуетъ множество глупыхъ людей, и игнорируя существованіе умныхъ людей, пришель къ „общему закону“, что „всѣ люди глупы“, и затѣмъ требовалъ истребленія „противозаконно“ существующихъ умныхъ!—

Такъ я относился къ закону трудовой цѣнности вообще и къ данному *Марксомъ* его обоснованію въ частности уже 15 лѣтъ тому назадъ, въ первомъ изданіи настоящаго сочиненія. Послѣ этого появился третій, посмертный томъ капитала *Маркса*. Его появленіе ожидалось съ извѣстнымъ напряженіемъ среди теоретиковъ всѣхъ направлений. Съ напряженіемъ ждали, какъ *Марксъ* справится съ извѣстнымъ затрудненіемъ, въ которое по-необходимости должно было его поставить ученіе перваго тома, и которое въ первомъ томѣ осталось не только неразрѣшеннымъ, но временно даже совершенно не затронутымъ.

Уже по отношенію къ *Родбертусу* я указалъ на то, что взглядъ, соотвѣтствующій духу закона трудовой цѣнности и заключающійся въ томъ, что блага обмѣниваются въ отношеніи къ труду, затраченному на ихъ производство, совершенно несомѣстимъ съ вполнѣдствіи высказаннымъ *Родбертусомъ* и къ тому же не подлежащимъ никакому сомнѣнію—въ виду его согласія съ фактами, вытекающими изъ опыта—взглядомъ, что прибыли на капиталъ стремятся къ одному уровню ¹⁾. То же затрудненіе долженъ былъ, конечно, встрѣтить на своемъ пути и *Марксъ*; у него оно даже еще больше обострилось въ виду того, что какъ разъ та сторона ученія, въ которой лежитъ камень пре-

¹⁾ См. выше, стр. 457.

ткновения, формулирована имъ съ особенной, вызывающей, такъ сказать, это затрудненіе, рельефностью.

Въ самомъ дѣлѣ, *Марксъ* различаетъ въ капиталѣ, который служитъ капиталисту для присвоенія прибавочной цѣнности, двѣ составныхъ части: одна часть предназначена для оплаты труда—„перемѣнный капиталъ“, другая расходуется на вещественныя средства производства, сырой матеріалъ, орудія, машины и т. п. — „постоянный капиталъ“. Такъ какъ только живой трудъ можетъ въ дѣйствительности создать новую прибавочную цѣнность, то только превращенная въ рабочую силу часть капитала можетъ измѣнять, увеличивать въ процессѣ производства свою цѣнность, почему *Марксъ* и назвалъ ее „перемѣннымъ“ капиталомъ. Только она воспроизводитъ свою собственную цѣнность и сверхъ того создаетъ еще нѣкоторый излишекъ, прибавочную цѣнность. Цѣнность же сношенныхъ средствъ производства просто сохраняется, возстановляясь въ измѣненномъ видѣ, но неизмѣнной величиной—откуда и названіе „постоянный капиталъ“—въ цѣнности продукта; она не въ состояніи „создать прибавочную цѣнность“. Отсюда неизбежно слѣдуетъ, и *Марксъ* не упустилъ возможности подчеркнуть это, что масса прибавочной цѣнности, которая можетъ быть произведена какимъ-либо капиталомъ, находится въ прямомъ отношеніи не ко всей величинѣ капитала, а только къ *перемѣнной* его части ¹⁾. Изъ этого слѣдуетъ дальше, что капиталы одинаковой величины должны производить неодинаковое количество прибавочной цѣнности, если въ нихъ сочетаніе постоянныхъ и перемѣнныхъ составныхъ частей — *Марксъ* называетъ это ихъ „органическимъ строеніемъ“ — различно. Если мы затѣмъ вмѣстѣ съ *Марксомъ* назовемъ отношеніе прибавочной цѣнности къ перемѣнной части капитала, обращенной на заработныя платы, „нормой прибавочной цѣнности“, а ея отношеніе ко всему затраченному капиталистомъ капиталу, сообразно съ которымъ онъ на практикѣ обыкновенно вычисляетъ присвоюемую прибавочную цѣнность, „нормой прибыли“,

¹⁾ „При данной нормѣ прибавочной цѣнности и при данной цѣнности рабочей силы массы произведенной прибавочной цѣнности прямо пропорціональны величинѣ авансированныхъ перемѣнныхъ капиталовъ“. „Массы цѣнности и прибавочной цѣнности, производимыя различными капиталами, при данной цѣнности и одинаковой степени эксплуатаціи рабочей силы, прямо пропорціональны величинамъ перемѣнныхъ частей этихъ капиталовъ, т. е. ихъ составныхъ частей, превращенныхъ въ живую рабочую силу“ (*Марксъ*, I. 311 и слѣд.).

то окажется, что, при равной степени эксплуатаціи или равной нормѣ прибавочной цѣнности, капиталы неодинаковаго органическаго строенія должны приносить неодинаковыя нормы прибыли. Капиталы, въ составѣ которыхъ преобладаетъ переменная часть, должны приносить болѣе высокія нормы прибыли, чѣмъ тѣ капиталы, въ составѣ которыхъ преобладаетъ постоянная часть. Опытъ, однако, показываетъ, что, по закону уравненія прибыли, капиталы, независимо отъ различія ихъ строенія, приносятъ вообще одинаковыя нормы прибыли. Такимъ образомъ, обнаруживается явное противорѣчіе того, что есть, съ тѣмъ, что, по ученію *Маркса*, должно было бы быть.

На существованіе этого противорѣчія обратилъ вниманіе уже самъ *Марксъ*. Онъ упомянулъ о немъ лаконически уже въ первомъ томѣ, но назвалъ его только „кажущимся“ и за разрѣшеніемъ его отослалъ къ послѣдующимъ частямъ своей системы ¹⁾. Долговременныя ожиданія, какъ *Марксъ* разрѣшить эту роковую дилемму, наконецъ, были удовлетворены появленіемъ третьяго тома. Онъ содержитъ подробное выясненіе проблемы, но, конечно, не разрѣшеніе таковой, а, какъ и слѣдовало ожидать, подтвержденіе непримиримаго противорѣчія и молчаливое, непризнанное, приукрашенное, но въ сущности все же отреченіе отъ ученія перваго тома.

Марксъ развиваетъ теперь слѣдующее ученіе. Онъ категорически признаетъ, что въ дѣйствительности, вслѣдствіе дѣйствія конкуренціи, нормы прибыли капиталовъ, каково бы ни было ихъ органическое строеніе, приравниваются и должны быть приравниваемы одной средней нормѣ прибыли ²⁾. Далѣе, онъ категорически признаетъ, что равныя нормы прибыли при неравномъ органическомъ строеніи капиталовъ возможны только тогда, если отдѣльные товары обмѣни-

¹⁾ I, стр. 312 и 542.

²⁾ „Съ другой стороны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ дѣйствительности, отвлекаясь отъ несущественныхъ, случайныхъ и взаимно уничтожающихся различій, въ разныхъ отрасляхъ промышленности не существуетъ различія между средними нормами прибыли, да и не можетъ существовать его безъ разрушенія всей системы капиталистическаго производства“ (III. 132). „Вслѣдствіе различнаго органическаго строенія капиталовъ, вложенныхъ въ различныя отрасли производства, ... нормы прибыли, господствующія въ различныхъ отрасляхъ производства, первоначально очень различны. При помощи конкуренціи различныя нормы прибыли уравниваются, образуя общую норму прибыли, представляющую среднее изъ этихъ различныхъ нормъ прибыли“ (III. 136).

ваются другъ на друга не пропорціонально опредѣляемой трудомъ цѣнности, а нѣсколько иначе: товары, въ производствѣ которыхъ принималъ участіе капиталъ съ большей въ процентномъ отношеніи постоянной частью (капиталы „высшаго строенія“), обмѣниваются выше своей цѣнности, а товары, въ производствѣ которыхъ принималъ участіе капиталъ съ меньшей въ процентномъ отношеніи постоянной частью, а большей переменнѣй (капиталы „низшаго строенія“), обмѣниваются ниже своей цѣнности¹⁾. Наконецъ, *Марксъ* категорически признаетъ, что образованіе цѣны въ практической жизни дѣйствительно происходитъ такимъ образомъ. Цѣну товара, которая, сверхъ возмѣщенія уплаченныхъ заработныхъ платъ и сношенныхъ средствъ производства („цѣны издержекъ производства“), содержитъ также и среднюю прибыль на затраченный въ производствѣ капиталъ, *Марксъ* называетъ „цѣной производства“ (III, 136). Она „фактически обозначаетъ то же самое, что *А. Смитъ* называетъ „natural price“ (естественной цѣной), *Рикардо* — „price of production“ (цѣной производства) физиократы — „prix nécessaire“ (необходимой цѣной), такъ какъ цѣна производства является постояннымъ условіемъ предложенія и воспроизводства товаровъ въ каждой отдѣльной сферѣ производства (III, 178)“. Такимъ образомъ, въ дѣйствительной жизни товары не обмѣниваются уже пропорціонально ихъ цѣностямъ, а обмѣниваются пропорціонально цѣнамъ производства, или, какъ любитъ эфемистически выражаться *Марксъ*, (напр. III, 176) „цѣнности превращаются въ цѣны производства“.

Невозможно отрицать того, что эти допущенія и утвержденія третьяго тома находятся въ вопіющемъ противорѣчій съ основными ученіями перваго тома. Въ первомъ томѣ

¹⁾ *Марксъ* развиваетъ это ученіе на примѣрѣ таблицы, которая обнимаетъ пять родовъ товаровъ и отраслей производства съ капиталами различнаго органическаго строенія, и комментируетъ результаты этой таблицы слѣдующими словами: „Въ общей суммѣ товары продаются на $2+7+17=26$ выше и на $8+18=26$ ниже цѣнности, такъ что отклоненія цѣны взаимно уничтожаются благодаря равномерному распредѣленію прибавочной цѣнности, т. е. благодаря присоединенію средней прибыли въ 22 на каждую сотню авансированнаго капитала къ соответственнымъ издержкамъ производства товаровъ I—V; въ томъ же самомъ отношеніи, въ какомъ одна часть товаровъ продается выше, другая часть продается ниже ея цѣнности. И только продажа ихъ за такія цѣны дѣлаетъ возможнымъ тотъ фактъ, что норма прибыли во всѣхъ подраздѣленіяхъ I—V одинакова и равна 22% , несмотря на различное органическое строеніе капиталовъ I—V“. Эта же мысль развивается затѣмъ подробнѣе на стр. 135—144.

читателямъ говорятъ, что изъ сущности обмѣна логически и неизбежно вытекаетъ, что два въ обмѣнѣ приравненные другъ другу товара должны содержать въ себѣ нѣчто общее одинаковой величины, и что этимъ общимъ одинаковой величины является трудъ. Изъ третьяго тома мы узнаемъ, что два въ обмѣнѣ приравненные другъ другу товара въ дѣйствительности постоянно содержатъ и по необходимости должны содержать неодинаковое количество труда. Въ первомъ томѣ (I, 142) говорится: „товары, правда, могутъ продаваться по цѣнамъ, отклоняющимся отъ ихъ цѣнностей, но это отклоненіе является нарушеніемъ закона обмѣна товаровъ“. Теперь же закономъ обмѣна товаровъ является то, что товары продаются по цѣнамъ производства, которыя принципиально отличаются отъ ихъ цѣнностей. Никогда еще, я думаю, начало какой-либо системы не было рѣшительнѣе и рѣзче изобличено во лжи ея концомъ!

Тѣмъ не менѣе самъ *Марксъ* совершенно не видитъ въ этомъ противорѣчія. Онъ и въ третьемъ томѣ утверждаетъ, что законъ цѣнности перваго тома управляетъ дѣйствительными отношеніями при обмѣнѣ благъ, и не шадитъ труда и діалектическихъ уловокъ, чтобы все-же доказать хоть какое-либо существованіе такого господства. Въ другомъ мѣстѣ¹⁾ я подробно разсмотрѣлъ всѣ эти уловки и доказалъ ихъ несостоятельность. Здѣсь я остановлюсь только на одной изъ нихъ, частью потому, что она, на первый взглядъ, дѣйствительно какъ бы содержитъ въ себѣ нѣчто убѣдительное, частью же потому, что она нашла себѣ выраженіе не только у *Маркса*, но, и къ тому же до появленія третьяго тома, у одного изъ самыхъ даровитыхъ социалистическихъ теоретиковъ современнаго поколѣнія. Именно, въ 1899-омъ году *Конрадъ Шмидтъ* сдѣлалъ попытку самостоятельно достроить тогда еще не существовавшую часть *Марксовой* системы, стараясь остаться вѣрнымъ духу *Маркса*²⁾. При этомъ онъ пришелъ къ построенію, которое также привело къ тому, что отдѣльные товары не могутъ обмѣниваться пропорционально овеществленному въ нихъ количеству труда, какъ этого требуетъ дословное толкованіе закона цѣнности *Маркса*. Въ виду такого результата изслѣдованія, у него естественно возникъ вопросъ, можно ли вообще, а если можно, то въ какой степени, защищать

¹⁾ Zum Abschluss des Marx'schen Systems, стр. 25—62.

²⁾ Die Durchschnittsprofitrate auf Grund des Marx'schen Wertgesetzes, Stuttgart 1889.

дѣйствительность закона цѣнности *Маркса*, и онъ уже тогда пытался спасти дѣйствительность этого закона посредствомъ того же діалектическаго аргумента, который приводится съ тою же цѣлью самимъ *Марксомъ* въ его третьемъ томѣ.

Аргументъ этотъ состоитъ въ томъ, что отдѣльные товары, хотя и обмѣниваются то выше то ниже своихъ цѣнностей, но эти отступленія взаимно компенсируются или уничтожаются, такъ что для всѣхъ обмѣниваемыхъ товаровъ въ совокупности сумма уплаченныхъ цѣнъ все же равна суммѣ ихъ цѣнностей. Такимъ образомъ, для совокупности всѣхъ отраслей производства несомнѣнно вѣренъ законъ цѣнности, какъ „господствующая тенденція“¹⁾.

Однако, діалектическую ткань этого quasi - аргумента можно—какъ я это уже раньше показалъ при другомъ случаѣ²⁾—очень легко разорвать.

Въ чемъ же вообще заключается задача „закона цѣнности“? Вѣдь она заключается какъ разъ въ объясненіи наблюдаемаго въ дѣйствительности мѣноваго отношенія благъ. Мы желаемъ знать, почему въ обмѣнѣ, напр., одинъ сюртукъ стоитъ какъ разъ столько же, сколько 20 аршинъ полотна, почему 10 фунтовъ чаю стоятъ столько же, сколько полтонны желѣза и т. д. Такъ опредѣлилъ также задачу объясненія закона цѣнности и *Марксъ*. О мѣновомъ отношеніи можетъ, очевидно, быть рѣчь только при обмѣнѣ различныхъ отдѣльныхъ товаровъ *другъ на друга*. Если же разсматривать всѣ товары *въ совокупности* и сложить ихъ цѣны, то неизбежно и преднамѣренно приходится отвлекаться отъ заключающагося въ этой совокупности отношенія. Условныя внутреннія различія цѣнъ компенсируются вѣдь

1) „Въ томъ же самомъ отношеніи, въ какомъ одна часть товаровъ продается выше, другая продается ниже ея цѣнности“ (III, 135). „Общая цѣна товаровъ I—V (въ приведенной *Марксомъ* таблицѣ) равнялась бы, такимъ образомъ, общей ихъ цѣнности... И, такимъ образомъ, въ самомъ обществѣ—если разсматривать всѣ отрасли производства, какъ одно цѣлое—сумма цѣнъ производства произведенныхъ товаровъ равна суммѣ ихъ цѣнностей“ (III, 138). Разности между цѣнами производства и цѣностями „разрѣшаются всегда благодаря тому, что въ одинъ товаръ прибавочной цѣнности входитъ на столько больше, сколько ея недостаетъ въ другомъ, а, слѣдовательно, уклоненія отъ цѣности, заключающіяся въ цѣнахъ производства, взаимно уничтожаются“ (III, 140). Въ томъ же духѣ высказывается и *К. Шмидтъ*, о. с. стр. 51: „Необходимая разность между дѣйствительной цѣной и цѣнностью отдѣльныхъ товаровъ исчезаетъ... если только разсматривать сумму отдѣльныхъ товаровъ, годичный національный продуктъ“.

2) Прежде всего при обсужденіи упомянутой статьи *Шмидта* въ „Tübinger Zeitschrift“, 1890. стр. 390 и слѣд.

въ совокупности. Насколько, напр., чай цѣнится дороже желѣза, настолько желѣзо стоитъ дешевле чая и *vice versa*. Во всякомъ случаѣ это не отвѣтъ на нашъ вопросъ, если мы спрашиваемъ, каково мѣновое отношеніе благъ въ народномъ хозяйствѣ, а намъ въ отвѣтъ приводятъ сумму цѣнъ, которой они достигаютъ всѣ вмѣстѣ, — совершенно такъ же, какъ если бы на нашъ вопросъ, на сколько минутъ или секундъ побѣдитель на скачкахъ употребилъ для совершенія установленнаго разстоянія меньше, чѣмъ его конкуренты, намъ отвѣтили: всѣ конкуренты въ совокупности употребили 25 минутъ 13 секундъ!

Дѣло представляется теперь такъ. На вопросъ о проблемѣ цѣнности марксисты сначала отвѣчаютъ своимъ закономъ цѣнности, что блага обмѣниваются въ отношеніи къ овеществленному въ нихъ рабочему времени; затѣмъ они берутъ—явно или скрыто — этотъ отвѣтъ обратно по отношенію къ области обмѣна отдѣльныхъ товаровъ, т. е. какъ разъ къ той области, для которой этотъ вопросъ вообще имѣетъ смыслъ, и сохраняютъ его въ полной чистотѣ только для всего національнаго продукта, какъ такового, т. е. для той области, для которой этотъ вопросъ совершенно не можетъ быть поставленъ, какъ безсодержательный. Такимъ образомъ, какъ отвѣтъ на дѣйствительный вопросъ о проблемѣ цѣнности, „законъ цѣнности“, какъ я уже замѣтилъ, опровергается фактами; а въ томъ единственномъ примѣненіи, въ которомъ онъ не опровергается, онъ совершенно не представляетъ собою отвѣта на дѣйствительно требующій разрѣшенія вопросъ; въ лучшемъ случаѣ онъ могъ бы служить отвѣтомъ на какой-либо иной вопросъ.

Однако, онъ не служитъ также отвѣтомъ и на другой вопросъ—это совсѣмъ не отвѣтъ, а просто тавтологія. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ это знаетъ всякій экономистъ, проникнуть взоромъ сквозь внѣшнюю оболочку денежнаго обращенія, то товары въ концѣ концовъ обмѣниваются опять на товары. Всякій товаръ, поступающій въ обмѣнъ, является одновременно и товаромъ и цѣной товара, получаемого въ обмѣнъ. Сумма товаровъ, такимъ образомъ, тождественна съ суммой уплачиваемыхъ за нихъ цѣнъ. Другими словами, цѣна всего національнаго продукта не представляетъ собою ничего иного, какъ самый національный продуктъ. При такихъ условіяхъ, конечно, совершенно вѣрно, что сумма цѣнъ, уплачиваемая за весь національный продуктъ, какъ таковой, вполнѣ совпадаетъ съ кристаллизованной въ немъ суммой цѣнностей или труда. Однако, это

тавтологическое выраженіе не представляет собою никакого прогресса дѣйствительнаго знанія и, въ особенности, не можетъ служить пробнымъ камнемъ вѣрности предполагаемаго закона, что блага обмѣниваются въ отношеніи къ овеществленному въ нихъ труду. Дѣйствительно, при помощи этого приѣма можно было бы такъ же удачно — или, вѣрнѣе, такъ же неудачно — доказать и любой другой „законъ“, какъ, напр., „законъ“, что блага обмѣниваются по масштабу ихъ *удѣльнаго вѣса*! Въ самомъ дѣлѣ, если одинъ фунтъ золота, какъ „отдѣльный товаръ“, обмѣнивается не на *одинъ* фунтъ желѣза, а на 40.000 фунтовъ, то все же *сумма цѣнъ*, уплачиваемая за фунтъ золота и 40.000 фунтовъ желѣза *въ совокупности*, не больше и не меньше, какъ 40000 фунтовъ желѣза и фунтъ золота. Такимъ образомъ, общій вѣсъ суммы цѣнъ — 40001 фунтъ — вполнѣ соотвѣтствуетъ овеществленному въ суммѣ товаровъ общему вѣсу тоже въ 40001 фунтъ; слѣдовательно, *вѣсъ* является настоящимъ масштабомъ, по которому устанавливается мѣновое отношеніе благъ?!

С. Ученіе Маркса въ устахъ его послѣдователей.

Если я не ошибаюсь, то съ выходомъ въ свѣтъ третьяго тома системы *Маркса* для теоріи трудовой цѣнности наступило начало конца. Діалектика *Маркса* потерпѣла въ немъ такое очевидное крушеніе, что слѣпое довѣріе къ нему должно было поколебаться даже въ рядахъ сторонниковъ. Слѣды этого начали уже проявляться въ литературѣ, пока, впрочемъ, въ видѣ попытокъ спасти ученіе *Маркса* путемъ различныхъ толкованій, такъ какъ придерживаться его въ дословномъ видѣ больше уже было невозможно.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько такихъ толкованій со стороны серьезныхъ теоретиковъ. *Вернеръ Зомбартъ* совершенно согласенъ съ тѣмъ, что законъ цѣнности *Маркса* не выдерживаетъ критики, если отъ него требовать, чтобы онъ соотвѣтствовалъ эмпирической дѣйствительности. Но онъ желаетъ придать ученію *Маркса* тотъ смыслъ, будто „понятіе цѣнности“ послѣдняго должно лишь быть „вспомогательнымъ средствомъ нашего мышленія“. По его мнѣнію, цѣнность *Маркса* и не выступаетъ въ обмѣнѣ капиталистически произведенныхъ товаровъ и не имѣетъ никакого значенія въ качествѣ фактора распределенія при раздѣлѣ годового общественнаго продукта, а

просто служить только вспомогательнымъ понятіемъ мышленія для того, чтобы несоизмѣримыя вслѣдствіе своего качественного различія потребительныя блага могли быть представлены въ видѣ количественныхъ величинъ и, какъ таковыя, сдѣланы соизмѣримыми для нашего мышленія; въ качествѣ такой умственной функціи, она можетъ быть сохранена ¹⁾.

Я думаю, и этотъ свой взглядъ я высказалъ уже и въ другомъ мѣстѣ ²⁾, что точка зрѣнія *Зомбарта* обладаетъ всѣми свойствами компромисса, неприемлемаго ни для одной изъ обѣихъ сторонъ. Она не можетъ удовлетворить марксистовъ, потому что она противорѣчитъ наиболѣе категорически высказаннымъ положеніямъ *Маркса* и, по существу своему, является полнымъ отрицаніемъ его ученія; въ самомъ дѣлѣ, теорія, признанная невѣрной въ примѣненіи къ дѣйствительности, не можетъ, очевидно, имѣть рѣшающее значеніе для объясненія и оцѣнки дѣйствительныхъ отношеній; неудивительно поэтому, что изъ лагеря марксистовъ раздались уже голоса рѣшительнаго отказа ³⁾. Съ другой стороны, съ этимъ взглядомъ не можетъ согласиться и безпристрастный теоретикъ съ точки зрѣнія чисто теоретическихъ требованій, такъ какъ и вспомогательныя понятія, которыми оперируетъ теоретикъ, должны быть абстрагированы отъ дѣйствительности, а не находиться съ нею въ противорѣчій. Попытку толкованія *Зомбарта* я считаю поэтому толкованіемъ, которое врядъ ли найдетъ себѣ много сторонниковъ и литературныхъ защитниковъ.

Больше матеріала для литературнаго спора представляетъ, повидимому, вторая попытка толкованія, которую недавно сдѣлалъ *Конрадъ Шмидтъ*. Въ разборѣ моей нѣсколько разъ упомянутой статьи „*Zum Abschluss des Marx'schen Systems*“, отличающемся похвальной содержательностью и безпристрастіемъ, *Шмидтъ* приходитъ къ выводу, что законъ цѣнности *Маркса*, въ виду обнаруженныхъ въ третьемъ томѣ фактовъ, дѣйствительно теряетъ то значеніе, „которое, какъ казалось, онъ имѣлъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ въ первомъ томѣ *Капитана*“, и противъ котораго была направлена моя критика, но именно поэтому онъ при-

¹⁾ Zur Kritik des ökonomischen Systems von Carl Marx, Archiv für sociale Gesetzgebung, томъ VII, вып. 4, Стр. 573 и слѣд.

²⁾ Zum Abschluss des Marx'schen Systems, стр. 103 и слѣд.

³⁾ Напр., *Энгельсъ* въ своей послѣдней, оубликованной въ „*Neue Zeit*“ (№ 1 и 2 XIV года изданія 1895—1896) работѣ: „*Ergänzung und Nachtrag zum dritten Buche des Kapital*“.

обрѣтаетъ „новый, болѣе глубокой смыслъ, противорѣчіе котораго съ первоначальнымъ пониманіемъ закона цѣнности должно, однако, быть еще точнѣе выяснено“. Посредствомъ толкованія („Umdenken“) теоріи цѣнности „въ духѣ, указанномъ — правда, только неясно — уже самимъ *Марксомъ*“, можно будетъ, „по крайней мѣрѣ въ принципѣ“, избѣгнуть выдвинутыхъ мною противорѣчій. И *Шмидтъ* указываетъ также основныя черты такого „толкованія“.

По его мнѣнію, какъ цѣна, такъ и рабочее время представляютъ собою измѣримыя величины. Само по себѣ мыслимо между ними двоякое соотношеніе. „Или величина цѣны опредѣляется непосредственно на основаніи заключающагося въ товарѣ рабочаго времени, или же, въ силу извѣстныхъ, допускающихъ, по крайней мѣрѣ, общую формулировку, правилъ наблюдается отступленіе отъ нормы этого прямого отношенія“. Послѣднее такъ же мыслимо, какъ и первое; поэтому, если допустить первое, то на законъ цѣнности слѣдовало бы смотрѣть, какъ на гипотезу, подтвержденіе или дальнѣйшее видоизмѣненіе которой представляетъ собою задачу дальнѣйшаго конкретнаго изслѣдованія. Въ первыхъ двухъ томахъ *Марксъ* „выводитъ всѣ слѣдствія этой первоначальной, простой гипотезы“ и создаетъ, такимъ образомъ, „подробную картину капиталистическаго, на эксплуатаціи основаннаго народнаго хозяйства, какимъ оно явилось бы при непосредственномъ совпаденіи цѣны и рабочаго времени“. Но эта картина, если даже она и „отражаетъ въ себѣ въ основныхъ чертахъ“ капиталистическую дѣйствительность, все-таки въ извѣстномъ отношеніи ей противорѣчитъ; и поэтому необходимо видоизмѣнить эту гипотезу, „дабы уничтожить частичное противорѣчіе между ней и дѣйствительностью“ — что и сдѣлано въ третьемъ томѣ. „Простое правило совпаденія обоихъ факторовъ, которое было необходимо для предварительной оріентировки, должно быть измѣнено лишь въ томъ смыслѣ, что дѣйствительныя цѣны отступаютъ отъ указанной нами предполагаемой нормы по извѣстному, допускающему общую формулировку правилу“. Такимъ околнымъ путемъ, и исключительно такимъ, можетъ быть опредѣлено и въ частностяхъ понято дѣйствительное соотношеніе между цѣнами и рабочимъ временемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительный способъ эксплуатаціи, которая составляетъ характерный признакъ капиталистическаго производства ¹⁾.

¹⁾ 1-ое приложение къ номеру „Vorwärts“ отъ 10-го апрѣля 1897 г.

Для этой попытки толкованія теоріи *Маркса* я не могу поставить болѣе благоприятнаго прогноза, чѣмъ для оригинала *Маркса*. Будучи остроумнымъ діалектикомъ, *К. Шмидтъ* при детальной разработкѣ слегка набросаннаго ученія можетъ, конечно, при помощи ловкихъ оборотовъ и увлекающихъ аргументовъ стараться сдѣлать это ученіе пріемлемымъ; но при всемъ его искусствѣ изложенія и аргументаціи онъ не сможетъ избѣгнуть двухъ камней преткновения, а изъ находящагося передъ нами очерка его программы уже ясно, что на своемъ пути онъ долженъ на нихъ наткнуться. Это двѣ методическія ошибки, положительная и отрицательная, которыя теперь уже появляются въ его программѣ: полная противорѣчій *petitio principii* и абсолютная шаткость исходной точки.

Полная противорѣчій *petitio principii*. Попробуемъ - те стать на ту точку зрѣнія, которую приглашаетъ насъ занять *Шмидтъ*. Будемъ считать „законъ цѣнности“, на основаніи котораго мѣнное отношеніе товаровъ опредѣляется исключительно въ зависимости отъ овеществленнаго въ нихъ труда, покамѣстъ лишь гипотезой, правильность которой еще не доказана, а только должна быть провѣрена посредствомъ болѣе точнаго изслѣдованія фактовъ. Каковъ же результатъ этого изслѣдованія?

Шмидтъ открыто признаетъ, что гипотеза подтверждается ими не вполне; напротивъ, онъ долженъ согласиться, что въ дѣйствительности количество овеществленнаго труда не является исключительной причиной, опредѣляющей цѣны, получаемыя за товары ихъ владѣльцемъ. Если принять во вниманіе, что постулируемая исключительность вліянія труда на цѣнность—съ его *частичнымъ* вліяніемъ согласна въ всякую другую теорію цѣнности—составляетъ какъ разъ отличительную и характерную черту закона цѣнности *Маркса*, то становится очевиднымъ, что „неполное подтвержденіе“ обозначаетъ въ данномъ случаѣ *неподтвержденіе* гипотезы въ ея единственно существенномъ пунктѣ.

И вотъ я спрашиваю: на какомъ основаніи *Шмидтъ* можетъ, при такихъ условіяхъ, утверждать, что неподтвержденная въ своемъ основномъ пунктѣ гипотеза все-таки „отражаетъ въ себѣ капиталистическую дѣйствительность въ ея основныхъ чертахъ“—въ особенности, въ томъ, что процентъ, получаемый капиталистами, основанъ принципиально на „дѣйствительной эксплуатаціи“ рабочихъ? Если бы *Шмидтъ* привелъ какія-либо другія соображенія, которыя могли бы мотивировать эксплуатационный характеръ процента, то мы,

конечно, должны были бы самостоятельно изслѣдовать эти другія соображенія. Но такихъ другихъ самостоятельныхъ причинъ Шмидтъ въ своей программѣ не приводитъ и, какъ мы вскорѣ увидимъ, привести не можетъ. Его единственное доказательство эксплуатационнаго характера процента основано на гипотезѣ закона цѣнности. А въ этой гипотезѣ эксплуатационный характеръ процента является слѣдствиемъ того, и только того, что единственную причину мѣновой цѣнности и ея величины слѣдуетъ искать въ овеществленномъ трудѣ: а если (и такъ какъ) ни одинъ атомъ мѣновой цѣнности не можетъ имѣть иной причины, кромѣ труда, то ясно, что часть цѣнности, которую получаетъ изъ цѣнности продукта не-рабочій, можетъ быть имъ получаемая только на счетъ рабочихъ, а, слѣдовательно, какъ доходъ отъ эксплуатации. А разъ приходится признать, что мѣновая цѣнность товаровъ отстываетъ отъ овеществленнаго въ нихъ количества труда, то ясно, что въ образованіи мѣновой цѣнности, помимо труда, принимаетъ участіе еще другой факторъ, другая причина; и тогда нельзя уже утверждать, что участіе капиталиста въ цѣнности основано на эксплуатации рабочихъ, такъ какъ возможно и даже болѣе вѣроятно, что оно основано на другой, конкурирующей съ трудомъ причинѣ образованія мѣновой цѣнности, относительно сущности которой еще не извѣстно ничего определеннаго. Такимъ образомъ, право считать на основаніи гипотезы „закона цѣнности“ процентъ на капиталъ доходомъ отъ эксплуатации и покоится на *полномъ* признаніи этой гипотезы и уничтожается благодаря такому. Уже частичное ослабленіе ея лишаетъ этотъ взглядъ всякаго основанія, потому что онъ коренится какъ разъ въ неподтвержденной части гипотезы, въ предположеніи, что трудъ является *исключительной* опредѣляющей причиной мѣновой цѣнности. Считая ничѣмъ не обоснованное предположеніе, что гипотеза эксплуатации „отражаетъ въ себѣ капиталистическую дѣйствительность въ ея основныхъ чертахъ“, не подлежащимъ никакому сомнѣнію, вытекающимъ изъ подтвержденной части закона цѣнности, Шмидтъ явно совершаетъ *petitio principii*.

Къ тому же, эта *petitio principii* обостряется еще противорѣчіемъ. Одна (ничѣмъ не доказанная) презумпція эксплуатационнаго характера процента все еще не привела бы его къ цѣли. Напротивъ, онъ долженъ разсматривать роковое положеніе, что величина мѣновой цѣнности опредѣляется исключительно количествомъ овеществленнаго труда, въ ходѣ

логическаго разсужденія, которое должно привести его къ объясненію фактическихъ явленій процента, попеременно, то какъ фактически вѣрное то какъ фактически невѣрное. Онъ долженъ объяснить не только происхожденіе процента, но и его размѣръ. При этомъ онъ, подобно *Марксу* въ третьемъ томѣ, становится на ту точку зрѣнія, что размѣръ процента устанавливается такимъ образомъ, что совокупность захваченной капиталистами прибавочной цѣнности распределяется равномерно по закону уравненія прибыли на всѣ затраченные капиталы пропорціонально ихъ величинѣ и времени обращенія; а для того, чтобы провести эту часть объясненія, открыто признается, что предварительная гипотеза закона цѣнности, будто товары обмѣниваются какъ разъ пропорціонально овеществленному въ нихъ труду, не соответствуетъ дѣйствительности, что она фактически не вѣрна.

Но этого еще не достаточно для объясненія размѣра процента. Напротивъ, здѣсь должно быть еще указано и объяснено, какъ великъ дивидендъ, соответствующій такому равномерному распределенію, или какъ велика совокупность выжатой капиталистами прибавочной цѣнности. Для этой части объясненія *Шмидтъ* вмѣстѣ съ *Марксомъ* во всѣхъ трехъ томахъ предполагаетъ, что капиталисты все-же въ состояніи реализовать мѣновую цѣнность товаровъ, которые они создаютъ благодаря своимъ рабочимъ, мѣновую цѣнность, которая вполне соответствуетъ гипотезѣ закона цѣнности и по своей величинѣ отвѣчаетъ какъ разъ числу рабочихъ часовъ, овеществленныхъ въ товарахъ. Такимъ образомъ, въ двухъ стадіяхъ одного и того же хода доказательства онъ разсматриваетъ законъ цѣнности попеременно, то какъ фактически вѣрный то какъ фактически невѣрный. Это было бы еще возможно, если бы двумъ стадіямъ доказательства соответствовали также двѣ различныя стадіи дѣйствительности, если бы образованіе прибавочной цѣнности происходило въ *одномъ*, законченномъ предшествующемъ процессѣ, а распределеніе образованной прибавочной цѣнности въ *другомъ*, отъ него независимомъ, послѣдующемъ процессѣ, какъ это бываетъ, напр., съ прибылью акціонернаго общества, образованіе и общая величина которой опредѣляется на основаніи выручки отъ операцій въ теченіе разсматриваемаго года, между тѣмъ какъ распределеніе опредѣляется только впоследствии, посредствомъ акта, совершенно независимаго отъ актовъ пріобрѣтенія, а именно, на основаніи окончательнаго постановленія генеральнаго собранія. Но не такъ обстоитъ дѣло съ „прибавочной цѣнностью“

капиталистовъ. Ея образованіе и ея распредѣленіе на основаніи ученія *Маркса-Шмидта* отнюдь не распадается на два различныхъ акта, а совершается посредствомъ одного и того же факта, а именно, посредствомъ образованія мѣновой цѣнности товаровъ: прибавочная цѣнность образуется утверждаемымъ *Марксомъ* способомъ и въ утверждаемомъ имъ количествѣ потому, что реализованная предпринимателями-капиталистами мѣновая цѣнность товаровъ опредѣляется вполнѣ и исключительно на основаніи овеществленныхъ въ нихъ рабочихъ часовъ, а распредѣляется утверждаемымъ *Марксомъ* способомъ потому, что *та же* реализованная предпринимателями-капиталистами мѣновая цѣнность товаровъ опредѣляется *не* вполнѣ и единственно на основаніи овеществленныхъ въ нихъ рабочихъ часовъ. Такимъ образомъ, относительно одного и того же факта, а именно, образованія мѣновой цѣнности товаровъ, приходится одновременно утверждать, что законъ цѣнности—полная эмпирическая дѣйствительность, и что законъ цѣнности—невѣрная гипотеза!

Въ лагерѣ *Маркса* охотно опираются на аналогію съ законами и гипотезами естествознанія, эмпирическая дѣйствительность которыхъ подвергается якобы нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ вслѣдствіе нарушающихъ ее препятствій, при чемъ вѣрность закона отъ этого нисколько не нарушается. Если бы, напр., законъ тяготѣнія осуществлялся въ полной своей чистотѣ, то паденіе тѣлъ должно бы происходить нѣсколько иначе, чѣмъ оно происходитъ въ дѣйствительности, въ виду препятствій, создаваемыхъ сопротивленіемъ воздуха и т. п. А между тѣмъ законъ тяготѣнія несомнѣнно настоящій, дѣйствительный научный законъ. Точно такъ же обстоитъ дѣло и съ „закономъ цѣнности“: законъ вѣренъ, это значеніе нарушается только на практикѣ вслѣдствіе существованія частнаго капитала, требующаго для себя одинаковой нормы прибыли; подобно тому, какъ сопротивленіе воздуха отклоняетъ падающія тѣла отъ точныхъ, изъ закона тяготѣнія вытекающихъ скоростей, точно такъ же вліяніе частнаго капитала съ его требованіемъ одинаковыхъ нормъ прибыли отклоняетъ мѣновую цѣнность товаровъ отъ точнаго совпаденія съ овеществленными въ нихъ количествами труда.

Это сравненіе, однако, не удачно. Выводъ *Маркса* заключается въ себѣ недостатокъ, для котораго въ ясныхъ выводахъ физиковъ не найдется и не можетъ найтись аналогіи. Физикъ вполнѣ убѣжденъ, что тяготѣніе составляетъ един-

ственную причину скорости паденія тѣлъ, но только въ лишенномъ сопротивленія, безвоздушномъ пространствѣ; но онъ также убѣжденъ, что скорость паденія въ воздушномъ пространствѣ является равнодѣйствующей нѣсколькихъ причинъ, и поэтому онъ остерегается высказать для воздушнаго пространства что-либо, что обуславливалось бы исключительно дѣйствіемъ тяготѣнія. Не такъ поступаютъ марксисты. Даже послѣ того, какъ они ввели въ гипотезу существованіе частнаго капитала—аналогичнаго сопротивленію воздуха,—они все еще, какъ мы видѣли, основываютъ появленіе и общую величину „прибавочной цѣнности“ на предположеніи, что мѣновая цѣнность товаровъ обуславливается исключительно овеществленными въ нихъ количествами труда, и только при объясненіи распредѣленія общей цѣнности между отдѣльными частями капитала они начинаютъ вспоминать о существованіи конкурирующей причины. Это ничѣмъ не отличается отъ того, какъ если бы физики стали утверждать, что и въ воздушномъ пространствѣ общая скорость падающаго тѣла остается такой же, какой она была бы въ безвоздушномъ пространствѣ, но что она теперь распредѣляется между отдѣльными слоями, черезъ которые тѣло проходитъ, въ другомъ отношеніи, чѣмъ въ безвоздушномъ пространствѣ.

Однако, физики имѣютъ хорошее основаніе для своего убѣжденія, что, по крайней мѣрѣ, въ безвоздушномъ пространствѣ, паденіе тѣлъ дѣйствительно точно происходило бы по закону тяготѣнія. Марксисты же, напротивъ, для аналогичнаго предположенія, что въ строѣ безъ частнаго капитала мѣновая цѣнность товаровъ въ точности слѣдовала бы постулируемому закону трудовой цѣнности, не имѣютъ ни хорошаго ни плохого обоснованія, такъ какъ они совѣмъ не имѣютъ такового.—Теперь я перехожу ко второй вышеуказанной кардинальной погрѣшности программы *Шмидта*, а именно къ абсолютной шаткости его исходной точки.

Я полагаю, что марксисты слишкомъ облегчаютъ себѣ постановку „гипотезы“ трудовой цѣнности. Безъ сомнѣнія, эта гипотеза не содержитъ въ себѣ ничего, что съ самаго начала, *a priori*, было бы невысказаннымъ или невозможнымъ. Но этого еще недостаточно для того, чтобы гипотезу положить въ основу серьезной теоріи. *A priori* не было бы вѣдь также невысказаннымъ, что мѣновая цѣнность покоится на удѣльномъ вѣсѣ тѣлъ!—Весьма ненадежной является также и точка зрѣнія, будто ги-

гипотеза может считаться удовлетворительной до тѣхъ поръ, пока не добьешься буквальнаго, нагляднаго ея опроверженія. Я могъ бы, напр., выставить гипотезу, что все міровое пространство наполнено безчисленнымъ множествомъ невидимыхъ большихъ и малыхъ кобольдовъ, которые тянутъ тѣла и производятъ на нихъ давленіе, чѣмъ и вызывается то явленіе, которое физики—въ силу другой гипотезы—приписываютъ тяготѣнію вещества. Всякій изслѣдователь-теоретикъ согласится со мною, что точное опроверженіе такой фантастической гипотезы, какъ бы велика ни была ея фантастичность, невозможно при помощи существующихъ способовъ познанія. Никогда нельзя будетъ доказать, что никакихъ тянущихъ и производящихъ давленіе кобольдовъ не существуетъ; въ лучшемъ случаѣ можно будетъ только доказать, что ихъ существованіе въ высшей степени невѣроятно. Но, несмотря на это, меня съ полнымъ правомъ осмѣяли бы, если бы я вздумалъ утверждать, что этой гипотезѣ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе передъ всѣми другими до тѣхъ поръ, пока не удастся ее совершенно опровергнуть. Гораздо болѣе очевидно,—и такъ смотрятъ на это испоконъ вѣка во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ—что только та гипотеза можетъ предъявить притязанія на серьезное научное вниманіе, которая имѣетъ за собою какія-либо положительныя причины, дѣлающія ее хорошей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ сравнительно наилучшей гипотезой.

Гипотеза, что цѣнность товаровъ основывается исключительно на овеществленномъ въ нихъ трудѣ, въ современной стадіи полемики не имѣетъ за собою никакого обоснованія. Непосредственно очевидной аксіомой, не требующей никакого обоснованія, она навѣрно не является; это мы видѣли уже выше. Единственная попытка внутренняго обоснованія, какая вообще была слѣлана, попытка *Маркса*, потерпѣла крушеніе, и, какъ отъ таковой, отъ нея отказался и *Шмидтъ*. Въ самомъ дѣлѣ, требуется слишкомъ ужъ большая смѣлость для того, чтобы пытаться навязать намъ убѣжденіе, будто принципиально необходимымъ условіемъ обмѣна является равенство обмѣниваемыхъ количествъ труда, между тѣмъ какъ самъ *Марксъ* въ третьемъ томѣ указываетъ намъ на наблюдаемую въ извѣстныхъ условіяхъ экономическую необходимость, въ силу которой въ обмѣнѣ должны приравниваться другъ другу *неравныя* количества труда! Строгаго согласія съ фактами дѣйствительности, которое, въ извѣстныхъ условіяхъ, могло бы замѣнить собою внутреннее обоснованіе,—а его нужно замѣнить почти вездѣ, гдѣ идетъ

рѣчь о послѣднихъ, для дальнѣйшаго анализа уже болѣе недоступныхъ фактахъ,—во всякомъ случаѣ нѣтъ; напротивъ, опытъ, какъ это уже достаточно выяснено, указываетъ на многочисленныя рѣзкія противорѣчія и на всей линіи ни на одно точное согласіе съ „гипотезой“. Наконецъ, попытка—которая опять привела бы къ внутреннему обоснованію—путемъ анализа дѣйствующихъ въ обмѣнѣ мотивовъ вывести или сдѣлать очевиднымъ внутреннее свойство образованія цѣнности на основаніи одного только внѣшними препятствіями нарушаемаго соответствія съ количествомъ труда, марксистами даже не дѣлалась, какъ безнадежная. Напротивъ, все, что мы видимъ въ дѣйствительности и знаемъ относительно мотивовъ, управляющихъ обмѣномъ, заставляетъ насъ скорѣе предполагать, что цѣнность не могла бы соответствовать количеству труда и въ некапиталистическомъ обществѣ совершенно такъ же, какъ и въ частно-капиталистическомъ: во всякомъ строѣ общества и при всякомъ распредѣленіи богатствъ люди руководствуются соображеніями выгоды и издержекъ, среди которыхъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ также извѣстное, но безусловно не исключительное значеніе величина трудовой затраты, и среди которыхъ, въ частности, играетъ также роль и время, въ теченіе котораго блага приносятъ свою пользу, время, для котораго гипотеза трудовой цѣнности совершенно не оставляетъ мѣста.

Въ самое послѣднее время появилось еще одно заслуживающее вниманія произведеніе изъ социалистическаго лагеря, которое отступаетъ за защищаемую *Конрадомъ Шмидтомъ* линію еще на одинъ важный шагъ и вообще не считаетъ уже закона цѣнности опорой для доказательства социалистической теоріи эксплуатаціи. Правда, авторъ этого произведенія, *Эдуардъ Бернштейнъ* ¹⁾, посвящаетъ еще закону цѣнности нѣкоторую, довольно вялую апологію, ходъ мыслей которой составляетъ нѣчто среднее между мыслями *Зомбарта* и *Шмидта*. Онъ открыто признаетъ недѣйствительность закона цѣнности, поскольку таковой долженъ относиться къ мѣновымъ отношеніямъ отдѣльныхъ товаровъ; онъ объявляетъ трудовую цѣнность „чисто-интеллектуальнымъ построеніемъ“, „на абстракціи основаннымъ, чисто-интеллектуальнымъ фактомъ“; она представляетъ собою „только ключъ, отвлеченное представленіе, подобно одушевленному атому“. Посредствомъ положенія, что отдѣльные товары

1) Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Socialdemokratie, Stuttgart 1899.

отчуждаются на основаніи ихъ цѣнности, *Марксъ* хотѣлъ только на примѣрѣ „конструированнаго отдѣльнаго случая“ „наглядно представить“ процессъ, какимъ, на его взглядъ, въ дѣйствительности является все производство въ совокупности, т. е. фактъ „прибавочнаго труда“. Но *Бернштейнъ* не объясняетъ уже послѣдняго на основаніи „закона цѣнности“, по всей вѣроятности, вслѣдствіе твердаго убѣжденія, что законъ цѣнности самъ слишкомъ уже недостаточно обоснованъ для того, чтобы могъ еще служить опорой для чего-либо другого. Онъ объявляетъ: „вѣрна ли теорія цѣнности *Маркса* или нѣтъ — это совершенно безразлично для того, чтобы доказать существованіе прибавочнаго труда. Въ этомъ отношеніи она не составляетъ доказываемаго положенія, а лишь средство анализа и нагляднаго представленія“¹⁾.

Затѣмъ—что весьма характерно—онъ къ этой уступкѣ присоединяетъ еще и другія, а именно, что цѣнность труда представляетъ собою какъ бы ключъ, „который въ извѣстномъ пунктѣ застрялъ и потому сдѣлался роковымъ для каждаго почти ученика *Маркса*“; что вообще „ученіе о цѣнности не даетъ еще нормы для справедливости или несправедливости распредѣленія продукта труда, какъ не даетъ ея ученіе объ атомахъ для красоты или безобразія художественнаго произведенія“; „что цѣнность, основанная на предѣльной полезности школы *Госсена-Джевонса-Бэма*, которая, хотя и покоится на „дѣйствительныхъ отношеніяхъ“, подобно трудовой цѣнности *Маркса*, но построена на абстракціяхъ,—такъ же, какъ и цѣнность *Маркса*, „имѣетъ значеніе и для извѣстныхъ цѣлей и въ извѣстныхъ предѣлахъ,“ и что, хотя бы уже въ виду того, что самъ *Марксъ* подчеркиваетъ значеніе потребительной цѣнности, нельзя „устранять теоріи *Госсена-Бэма* нѣсколькими высококомѣрными словами“²⁾.

Чѣмъ же хочетъ *Бернштейнъ* замѣнить отвергнутыя имъ доказательства, которыя болѣе ранній марксизмъ искалъ въ законѣ цѣнности, чтобы все-таки, какъ это онъ дѣлаетъ, оправдать теорію эксплоатаціи?—Онъ прибѣгаетъ къ необыкновенно простой, но все-же необыкновенно сомнительной, въ смыслѣ доказательной силы, предпосылкѣ. Онъ просто указываетъ на тотъ фактъ, „что при производствѣ и доставкѣ товаровъ принимаетъ дѣятельное участіе только одна часть общества, между тѣмъ какъ другая состоитъ

1) О. с. стр. 38, 41, 42, 44.

2) О. с. стр. 45, 41, 42.

изъ людей, которые либо получаютъ доходъ за услуги, которыя не находятся ни въ какомъ непосредственномъ отношеніи къ производству, либо получаютъ нетрудовой доходъ. Такимъ образомъ, на счетъ общаго труда, заключающагося въ производствѣ, живетъ гораздо большее число людей, чѣмъ то, которое принимаетъ въ немъ дѣятельное участіе, и статистика доходовъ показываетъ намъ, что не участвующіе въ производствѣ слои присваиваютъ себѣ даже гораздо бѣльшую долю общаго продукта, чѣмъ этого требовало бы ихъ численное отношеніе къ производящей части. Прибавочный трудъ этой послѣдней есть эмпирической, наблюдаемый на опытѣ и не требующій дедуктивнаго доказательства фактъ“¹⁾.

Другими словами, *Бернштейнъ* все-таки понимаетъ „прибавочный трудъ“ въ строго марксовомъ смыслѣ, т. е. какъ эксплуатируемый чужой трудъ: благодаря простому факту, что не весь національный продуктъ распределяется между производящими рабочими въ видѣ заработной платы, и что существуютъ еще другія формы дохода, *Бернштейнъ* считаетъ уже непосредственно эмпирически доказаннымъ, что рабочіе подвергаются эксплуатаціи, и не требуетъ для этого вывода никакого дедуктивнаго освѣщенія. Напротивъ, этотъ выводъ, очевидно, такъ неостороженъ, содержитъ въ себѣ такую явную *petitio principii*, что онъ едва ли нуждается въ дѣйствительномъ опроверженіи. Ясно, что съ помощью точно такого же способа доказательствъ можно было бы, превосходя даже физиократовъ, такъ же доказать, что все остальное человѣчество живетъ эксплуатаціей земледѣльческихъ классовъ, потому что въ концѣ концовъ и фактъ, что на счетъ продуктовъ земли, добываемыхъ сельскими рабочими, живетъ также масса другихъ людей, неоспоримъ!

Проблема эта все-таки не такъ уже проста. Опытъ прежде всего показываетъ, что національный продуктъ создается совмѣстной дѣятельностью человѣческаго труда и вещественныхъ средствъ производства, частью естественнаго, частью искусственнаго происхожденія (земля, капиталъ), и распределяется между различными классами, доставляющими сотрудничающіе факторы, на основаніи какого-нибудь опредѣленнаго принципа. Кто придерживается мнѣнія—къ тому же весьма спорнаго,—что изъ всѣхъ дѣйствительныхъ участниковъ *долженъ* участвовать только одинъ, и что участіе другого уже безусловно является эксплуатаціей перваго,

¹⁾ О. с. стр. 42.

тотъ долженъ бы заглянуть во внутреннее соотношеніе этихъ факторовъ и постараться, на основаніи внутреннихъ причинъ, доказать, что (и почему), несмотря на внѣшнюю многочисленность сотрудничающихъ факторовъ, одинъ изъ нихъ вообще или, по крайней мѣрѣ, въ вопросѣ о распредѣленіи имѣетъ исключительное значеніе и поэтому можетъ все требовать для себя, другіе же не имѣютъ никакого значенія и поэтому не въ правѣ ничего требовать. Такъ понималъ эту проблему и *Марксъ*. Блага въ хозяйственной жизни имѣютъ значеніе лишь въ зависимости отъ ихъ цѣнности, и поэтому *Марксъ*, чтобы доказать исключительное право рабочихъ на цѣнность всего продукта, долженъ былъ—вполнѣ послѣдовательно—доказать, что цѣнность создается исключительно трудомъ: его законъ цѣнности и былъ для него средствомъ доказательства, на основаніи котораго должны были посредствамъ дедуктивнаго метода быть отвергнуты всѣ притязанія землевладѣльцевъ и капиталистовъ на участіе въ продуктѣ.

И *Бернштейнъ*—я думаю—не сможетъ совершенно обойтись безъ дедукціи. Ясно, что въ его якобы чисто-эмпирическомъ доказательствѣ все-таки находится невысказанное дедуктивное звено, а именно положеніе *Родбертуса*, что, съ хозяйственной точки зрѣнія, всѣ блага являются исключительно продуктами труда. Если не имѣть въ виду хотя бы этого положенія—послѣ того какъ законъ цѣнности *Маркса* положительно исключенъ изъ предпосылокъ доказательства въ качествѣ связующаго звена,—то заключеніе *Бернштейна* не будетъ правильнымъ даже съ формальной стороны. Но эта дедуктивная предпосылка, къ которой долженъ вернуться *Бернштейнъ*, не въ состояніи поддержать теорію эксплуатаціи съ бѣльшимъ успѣхомъ, чѣмъ законъ цѣнности *Маркса*. Она, какъ мы знаемъ, положительно невѣрна, поскольку она не признаетъ, отрицаетъ значеніе рѣдкихъ даровъ природы для человѣческаго хозяйства и производства ¹⁾; и, что важнѣе всего для нашей проблемы процента на капиталъ, она, даже въ предѣлахъ своей вѣрности, не представляетъ никакого основанія для того положенія и тѣхъ слѣдствій, которыя желаетъ вывести изъ нея теорія эксплуатаціи. Въ самомъ дѣлѣ, теорія эксплуатаціи, какъ мы знаемъ, не ограничивается требованіемъ для рабочихъ всего того, что они создаютъ,—она требуетъ предоставленія всего этого уже тогда, когда производство

¹⁾ См. выше, стр. 426 и слѣд.

еще не закончено, и, по крайней мѣрѣ для этого искусственнаго предваренія, нѣтъ ни естественнаго ни естественному праву соответствующаго законнаго основанія, пренебреженіе которымъ принципиально могло бы быть заклеимено названіемъ „эксплоатации“. Правда, представители теории эксплуатации не выясняютъ ни себѣ, ни своимъ читателямъ этого неестественнаго, чтобы не сказать противоестественнаго, противорѣчія со своими постулатами, основанными якобы на очевидныхъ естественныхъ положеніяхъ, но отрицать его существованіе все же невозможно. Я доказалъ это выше, по отношенію къ *Робертусу*, на конкретномъ примѣрѣ, какъ бы въ частномъ видѣ ¹⁾; теперь же по отношенію къ *Бернштейну* я выясню это еще разъ, въ общемъ видѣ. Такимъ образомъ, какъ мнѣ кажется, споръ по поводу теории эксплуатации—въ виду того, что эпизодъ съ пресловутымъ закономъ цѣнности *Маркса* уже клонится къ концу—еще разъ возвращается къ той стадіи, въ которой находился *Робертусъ* со своими теоремами, стадіи, въ которой этотъ споръ, на мой взглядъ, и найдетъ себѣ свое окончательное разрѣшеніе.

Бернштейнъ придаетъ сущности этой стадіи выраженіе поразительной простоты своимъ указаніемъ на то, что и другіе люди, помимо производительныхъ рабочихъ, живутъ на счетъ національнаго продукта. Я хочу противопоставить этому нѣкоторые не менѣ простые и элементарные факты.

Фактъ, что обычные въ настоящее время способы производства, въ которыхъ съ помощью „посредственнаго труда“ заранѣе изготовляются матеріалы, орудія, машины, вспомогательныя вещества, средства передвиженія и т. п., гораздо производительнѣе, чѣмъ тѣ способы производства, которые лишены такихъ обширныхъ подготовленій. Фактъ, что, если смотрѣть на весь непосредственно и посредственно затраченный на существующее уже потребительное благо трудъ, какъ на цѣлое, то созрѣвшій для потребленія плодъ можно получить только въ концѣ продолжающагося нѣсколько или даже много лѣтъ полнаго труда процесса. Фактъ также, что социалисты требуютъ весь этотъ продуктъ или всю его цѣнность исключительно для рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ, какъ „полный результатъ ихъ труда“, но что они ни въ какомъ случаѣ не согласны допустить отсрочку распределенія всей этой цѣнности между рабочими до того момента, когда созданный ими продуктъ будетъ готовымъ,

¹⁾ См. выше, стр. 436 и слѣд.

созрѣвшимъ для распредѣленія; наоборотъ, они претендуютъ на то, чтобы каждый рабочій немедленно послѣ совершенія своей части труда получалъ полный, равноцѣнный эквивалентъ изъ того, что будетъ произведено совмѣстнымъ трудомъ рабочихъ только нѣсколько лѣтъ спустя.

А сюда приводить еще второй рядъ фактовъ. Фактъ, что всякое распредѣленіе между рабочими до окончательнаго изготовленія ими продукта вообще возможно лишь въ томъ случаѣ (и потому), если уже до окончанія ихъ продукта имѣются созрѣвшія для потребленія блага, происходящія изъ какого-либо другого источника; и что только при этомъ же условіи трудъ можетъ быть вообще направленъ на отдаленные результаты, или же могутъ быть употреблены производительные и на продолжительное время рассчитанные способы производства, между тѣмъ какъ въ противномъ случаѣ нужно было бы довольствоваться меньшими выручками, которыя могли бы быть извлечены съ помощью менѣе подготовленныхъ, на меньшій срокъ времени рассчитанныхъ способовъ производства. Такіе запасы благъ въ настоящее время сосредотачиваются, переходя по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому и постоянно увеличиваясь, въ рукахъ капиталистовъ. Ихъ приобрѣтеніе было, быть можетъ, — пусть это временно останется неизслѣдованнымъ — только отчасти законно, отчасти же незаконно, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этотъ запасъ благъ создается и сохраняется иной заслугой, чѣмъ заслугой тѣхъ рабочихъ, которые содержались и оплачивались изъ него въ продолженіе начатыхъ процессовъ производства.

Такимъ образомъ, явленіе, что по истеченіи извѣстнаго промежутка времени получается нѣкоторый болѣе цѣнный продуктъ, отнюдь не составляетъ исключительной заслуги настоящихъ рабочихъ, ихъ труда, ихъ ловкости; часть заслуги принадлежитъ также извѣстному кругу раньше трудившихся лицъ, которыя заботились объ образованіи и сохраненіи накопленныхъ запасовъ благъ. А въ такомъ случаѣ не долженъ ли трудъ первыхъ рабочихъ давать имъ неоспоримое право не только требовать, чтобы этотъ болѣе цѣнный продуктъ принадлежалъ имъ сполна, но чтобы онъ принадлежалъ имъ сполна уже тогда, когда онъ еще не произведенъ?

Въ этомъ хочетъ насъ убѣдить теорія эксплоатации, но въ этомъ трудно убѣдиться даже самому горячему защитнику рабочихъ, если онъ себѣ ясно и точно представляетъ положеніе дѣла. Но этого-то именно и не дѣлаетъ теорія эксплоатации. Она до сихъ поръ во всѣхъ своихъ формулировкахъ

избѣгала центрального пункта проблемы—различія времени между уплатой вознагражденія и окончательнымъ изготовленіемъ продукта,—какъ она вообще избѣгала значенія различія времени для производственной техники и для оцѣнки благъ. Она или оставляетъ этотъ вопросъ незатронутымъ или же затрагиваетъ его ошибочно, невѣрно, при чемъ въ этой погрѣшности въ значительной степени опять повиненъ *Марксъ*. Въ одномъ мѣстѣ онъ объявляетъ „совершенно безразличнымъ“ для образования цѣнности то обстоятельство, что часть необходимаго для созданія готового продукта труда была примѣнена раньше и „относится ко времени давнопрошедшему“ („im Plusquamperfectum steht“) ¹⁾; въ другомъ же мѣстѣ съ помощью извращающей діалектики онъ доказываетъ даже противоположное, что, получая заработную плату въ установленные сроки, рабочіе получаютъ ее не преждевременно, а слишкомъ поздно и притомъ въ ущербъ своимъ интересамъ, такъ какъ они вѣдь обыкновенно получаютъ свою плату въ концѣ дня, недѣли, мѣсяца, въ продолженіе котораго они уже работали въ пользу предпринимателя, такъ что не предприниматель авансируетъ плату, а, наоборотъ, рабочіе авансируютъ свой трудъ ²⁾.

Это было бы совершенно вѣрно, если бы можно было согласиться съ той точкой зрѣнія, что заработная плата рабочаго не имѣетъ ничего общаго съ будущимъ продуктомъ, который произойдетъ изъ его труда, если утверждать, что предприниматель покупаетъ не будущій продуктъ, который будетъ созданъ трудомъ, а просто настоящій физическій трудъ рабочаго; принесетъ ли онъ вообще какую-либо пользу, а если принесетъ, то какую,—это, послѣ заключенія договора, дѣло его, предпринимателя, и не касается уже рабочаго и его правъ на вознагражденіе. Кто согласенъ съ этой точкой зрѣнія, тотъ можетъ, и, конечно, не безъ основанія, утверждать, что при уплатѣ жалованія, слѣдующей за выполненіемъ работы, авансируетъ не предприниматель плату, а рабочій—трудъ. Но если, какъ это дѣлаютъ *Марксъ* и социалисты,—и, быть можетъ, дѣлаютъ небезосновательно—основывать право на вознагражденіе непосредственно на продуктѣ, который будетъ созданъ трудомъ, и, въ зависимости отъ этого, строятъ все свое критическое сужденіе объ уплачиваемыхъ заработныхъ платахъ именно на томъ отношеніи, въ которомъ находятся эти заработныя платы къ

¹⁾ I 175.

²⁾ II, 197 и слѣд.

окончательному продукту труда, то не слѣдуетъ также упускать изъ вида, отрицать тотъ фактъ, что, если даже заработныя платы и выдаются нѣсколько позже отдѣльныхъ частей работы, то все же онѣ значительно опережаютъ образование созрѣвшихъ для потребленія продуктовъ, и поэтому основанное на продуктѣ право на вознагражденіе удовлетворяется съ искусственнымъ предвареніемъ, которое, въ виду существованія различія въ настоящемъ и будущемъ, не можетъ остаться безъ возмѣщенія въ величинѣ заработной платы.

Всякій разъ, когда мнѣ приходилось выше упоминать о принимающихъ участіе въ народномъ производствѣ остальныхъ группахъ лицъ, я намѣренно не высказывался или высказывался въ отрицательномъ духѣ. Это соответствовало природѣ моей настоящей задачи. Правильность или неправильность теоріи эксплуатаціи зависитъ не отъ того, находятъ ли себѣ невходящія въ составъ заработной платы части національнаго продукта помѣщеніе, въ точности соответствующее дѣйствительной заслугѣ тѣхъ или иныхъ лицъ, а только и исключительно отъ того, можно ли доказать, что абсолютное право рабочихъ на искусственно созданное предварительное полученіе всего національнаго продукта основано на ихъ заслугѣ. Если этого доказать нельзя, то теорія эксплуатаціи невѣрна, и тогда остается свободной часть національнаго продукта, на которую могутъ предъявить вполне справедливыя притязанія другіе кандидаты, а, если таковыхъ нѣтъ, то законы просвѣщеннаго государства могутъ располагать ею на основаніи мудрыхъ соображеній цѣлесообразности, направленныхъ на постоянное развитіе общаго благосостоянія. Возможно—и въ дѣйствительности кажется, что развитіе нашего законодательства идетъ въ этомъ направленіи, о чемъ свидѣтельствуетъ современное страхование рабочихъ, прогрессивные подоходные налоги, увеличивающееся число государственныхъ монополій,—возможно, говорю я, что законодательство имѣетъ полное основаніе посредствомъ искусственныхъ, на соображеніяхъ цѣлесообразности въ высшемъ значеніи этого слова основанныхъ мѣропріятій еще больше увеличить покоящуюся на естественномъ правѣ долю трудящихся классовъ на счетъ этой свободной части національнаго продукта и непосредственно или посредствомъ ограничить доходы на имущество; однако, при обсужденіи и рѣшеніи этого вопроса имѣютъ значеніе совершенно не тѣ причины, которыя приводитъ и признаетъ теорія эксплуатаціи, а совершенно иныя. Роль теоріи эксплуатаціи въ конечномъ результатѣ

сводится къ тому, чтобы подъ прикрытіемъ ложнаго юридическаго основанія оборвать разсужденіе и не дать возможности высказать имѣющія дѣйствительное значеніе соображенія и причины при разсмотрѣніи той части національнаго продукта, которая не можетъ быть прикрыта законнымъ правомъ рабочихъ.—

Разсмотрѣнію теоріи эксплуатаціи я посвятилъ необыкновенно и несоразмѣрно много мѣста. И не безосновательно. Ни одно ученіе, даже въ приближеніи, не имѣло такого большаго вліянія на мысли и чувства цѣлыхъ поколѣній, какъ теорія эксплуатаціи. Въ наше время она какъ разъ достигла своего апогея, съ котораго, если я не ошибаюсь, она теперь начинаетъ уже падать; однако, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы нельзя было въ будущемъ ожидать новыхъ попытокъ ея упорной защиты или воскресенія въ измѣненномъ видѣ. И поэтому я думаю, что оказалъ дѣлу услугу тѣмъ, что я не удовольствовался чисто ретроспективной критикой законченныхъ въ настоящее время стадій развитія этого ученія, а, предугадывая будущее, старался также критически освѣтить и ту область мыслей, въ которой, по очевиднымъ признакамъ, еще разыграется борьба взглядовъ.

Однако, по отношенію къ старой социалистической теоріи эксплуатаціи, которую мы разсматривали въ лицѣ ея двухъ лучшихъ представителей, *Родбертуса* и *Маркса*, я не могу смягчить того строгаго приговора, который я произнесъ о ней уже 15 лѣтъ тому назадъ. Она не только не вѣрна, но, если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія теоретической цѣнности, занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди всѣхъ теорій процента. Если представители нѣкоторыхъ другихъ теорій и допустили грубыя ошибки въ мышленіи, то все же, я думаю, ни въ одной изъ нихъ не соединено такъ много и такихъ грубыхъ ошибокъ, какъ въ теоріи эксплуатаціи: легкомысленныя, необдуманная допущенія, ложная діалектика, внутреннее противорѣчіе и близорукость по отношенію къ дѣйствительнымъ фактамъ. Какъ критики, социалисты дѣльны, но какъ догматики, они необыкновенно слабы. Это убѣжденіе уже давно завоевало бы умы, если бы случайно положеніе сторонъ было обратное, если бы такіе люди, какъ *Марксъ* и *Лассаль*, направили ту блестящую риторику и ту мѣткую и ѣдкую иронию, которую они направляли противъ „вульгарныхъ экономистовъ“, противъ социалистическихъ теорій!

Если же теорія эксплуатаціи, несмотря на свою вну-

тренную слабость, все же находила и находить себѣ столько вѣры, то этимъ она, на мой взглядъ, обязана стеченію двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, тому, что она перенесла споръ въ область, въ которой обыкновенно говорить не только умъ, но и сердце. Чему вѣрять охотно, тому вѣрять и легко. Положеніе трудящихся классовъ, въ дѣйствительности, большей частью бѣдственно: всякій филантропъ долженъ желать его улучшения. Много прибылей на капиталъ течетъ, въ дѣйствительности, изъ мутныхъ источниковъ: всякій филантропъ долженъ желать исчезновенія такихъ источниковъ. Если теперь передъ нимъ теорія, результаты которой направлены на то, чтобы увеличить требованія бѣдняковъ, а уменьшить требованія богачей, результаты, вполне или частью совпадающіе съ его желаніями, то не одинъ изъ нихъ заранѣе отнесется къ ней пристрастно и не примѣнитъ противъ ея научныхъ доводовъ доброй части той критической строгости, которую онъ примѣнилъ бы въ противномъ случаѣ. Толпа же — что вполне понятно — тѣмъ болѣе переходитъ на сторону такой теоріи. Критическое изслѣдованіе вѣдь не ея дѣло; она просто слѣдуетъ своимъ желаніямъ. Она вѣритъ въ теорію эксплуатаціи, потому что она ей пріятна, хотя она и невѣрна; и она вѣрила бы въ нее и въ томъ случаѣ, если бы ея теоретическое обоснованіе было еще слабѣе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ.

Второе обстоятельство, которое благопріятствовало теоріи эксплуатаціи и ея распространенію, — это слабость ея противниковъ. До тѣхъ поръ, пока научная полемика противъ нея велась съ точки зрѣнія и при помощи аргументовъ не менѣе слабыхъ теорій производительности, воздержанія или трудовой и велась въ духѣ *Бастіа* или *Макъ-Куллоха*, *Рошера* или *Страсбургера*, до тѣхъ поръ споръ не могъ кончиться пораженіемъ социалистовъ. Занимая такія ненадежныя позиціи, противники не попадали въ цѣль: ихъ неудачныя нападенія могли быть отражаемы безъ особеннаго труда, и нападающій преслѣдовался побѣдоносно въ свой собственный лагерь; и социалисты умѣли это дѣлать съ такимъ же счастьемъ, какъ и искусствомъ. Этимъ, и почти исключительно этимъ, принесъ социализмъ пользу теоріи: если нѣкоторые социалистическіе писатели и завоевали себѣ вѣчное значеніе въ исторіи теорій хозяйства, то этимъ они обязаны той силѣ и той ловкости, съ которыми они разбивали нѣкоторыя старыя и глубоко укоренившіяся ложныя ученія. Замѣнить же ложь истиной социалисты не сумѣли, еще въ большей степени, чѣмъ нѣкоторые изъ поруганныхъ ими противниковъ.

ХІІІ.

Эклектики.

Трудности, которыя готовило наукѣ разрѣшеніе проблемы процента, ни въ чемъ, я думаю, не отразились ярче, чѣмъ въ томъ, что большинство экономическихъ писателей нашего столѣтія вообще не успѣло даже составить себѣ опредѣленнаго взгляда на нашу проблему ¹⁾.

Что касается формы, въ которой проявлялось отсутствіе опредѣленнаго сужденія, то перемѣна въ ней наступила приблизительно въ тридцатыхъ годахъ. До того времени экономисты, не составившіе себѣ опредѣленнаго мнѣнія—а число ихъ всегда было велико,—прямо-таки избѣгали проблемы процента; они заполняли собою ряды той категоріи, которую я обозначилъ именемъ „безцвѣтныхъ“. Позднѣе, когда проблема процента сдѣлалась уже предметомъ постоянныхъ научныхъ изслѣдованій, такое отношеніе къ ней стало уже невозможнымъ. Нужно было высказать какой-либо взглядъ. И вотъ экономисты, не составившіе себѣ опредѣленнаго мнѣнія, дѣлаются эклектиками. Теорій процента было выдвинуто много и даже очень много. Тотъ, кто не могъ или не хотѣлъ создать собственную теорію или принять исключительно какую-либо изъ существующихъ, выбиралъ изъ двухъ, трехъ или еще большаго числа разнородныхъ теорій отвѣчающія его взглядамъ части и сплеталъ ихъ въ одно цѣлое, въ большинствѣ случаевъ довольно безсвязное; или же, не пытаясь даже создать что-либо цѣлое, хотя бы только съ внѣшней стороны, онъ примѣнялъ въ своихъ разсужденіяхъ то ту то другую теорію альтернативно, въ зависимости отъ преслѣдуемой имъ въ данный моментъ цѣли.

Само собою разумѣется, что такой эклектизмъ, ни съ того ни съ сего отрѣшившійся отъ главнѣйшей обязанности теоретика—ислѣдовательности, отнюдь не свидѣтельствуеть о высокомъ уровнѣ теоріи. Тѣмъ не менѣе и здѣсь, какъ и

---

¹⁾ Составлено въ 1884 г.; о новѣйшемъ развитіи литературы, см. приложение къ этой книгѣ.

раньше среди „бездвѣтныхъ“, на ряду съ многочисленными писателями второстепеннаго значенія встрѣчаются и перво-классные мыслители. И это нисколько не должно казаться страннымъ, если принять во вниманіе то своеобразное развитіе, которое приняла теорія процента, развитіе, въ силу котораго именно серьезные мыслители легко могли соблазниться стать эклектиками. Существовало такое огромное число разнородныхъ теорій, что можно было полагать, будто существующія вполне уже исчерпываютъ число вообще возможныхъ. Критическій умъ не могъ вполне удовлетвориться ни одной изъ нихъ. Но, съ другой стороны, нельзя было также не признать, что каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ зерно истины. Теорія производительности, напр., какъ цѣлое, была безусловно неудовлетворительна; но ни одинъ безпристрастный изслѣдователь не могъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что существованіе процента все-же должно находиться въ какой-то связи съ большею производительностью капиталистическаго производства, или, какъ выражались, съ производительностью капитала. Точно такъ же нельзя было вывести полнаго объясненія процента на капиталъ и изъ „воздержанія капиталиста“, а между тѣмъ трудно было также отрицать, что воздержаніе, съ которымъ обыкновенно сопряжено сбереженіе, не находится ни въ какой зависимости отъ существованія и величины процента. При такихъ условіяхъ, въ самомъ дѣлѣ, было весьма естественнымъ собрать изъ различныхъ теорій всѣ эти зерна истины, тѣмъ болѣе, что вопросомъ дня была не только теоретическая, но и социально-политическая сторона процента на капиталъ, и многіе, желая оправдать процентъ, охотнѣе жертвовали единствомъ теоріи, чѣмъ количествомъ оправдательныхъ аргументовъ. Правда, эти собранныя зерна истины въ рукахъ эклектиковъ такъ и остались одними зернами, между которыми постоянно происходило треніе, и которыхъ никакъ нельзя было соединить въ одно гармоническое цѣлое. —

Эклектизмъ представляетъ собою богатый рядъ комбинацій различныхъ отдѣльныхъ теорій. Чаще всего мы находимъ сочетаніе тѣхъ двухъ теорій, связь которыхъ съ истинною, хотя и ложно понимаемая, была наиболѣе естественной, — теоріи *производительности* и теоріи *воздержанія*. Изъ многочисленныхъ писателей, прибѣгающихъ къ такому сочетанію теорій, я нѣсколько подробнѣе остановлюсь на *Росси*, отчасти потому, что пониманіе имъ теоріи производительности не лишено нѣкоторой своеобразности, отчасти же потому, что его отношеніе къ проблемѣ можетъ служить

характернымъ типомъ того отсутствія послѣдовательности, которое мы наблюдаемъ у эклектиковъ.

Росси въ своемъ „Cours d'Économie politique“¹⁾ пользуется поочередно то теоріей производительности то теоріей воздержанія и не дѣлаетъ даже попытки соединить ихъ въ одну цѣльную теорію; притомъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онъ говоритъ о явленіи процента и о его происхожденіи въ болѣе общихъ чертахъ, онъ отдастъ предпочтеніе теоріи воздержанія, въ деталяхъ же ученія, главнымъ образомъ въ изслѣдованіяхъ величины процента, онъ отдастъ предпочтеніе теоріи производительности. Я приведу самыя важныя изъ соответствующихъ мѣстъ одно за другимъ, нисколько не заботясь о согласованіи ихъ, о которомъ не заботился также и самъ авторъ.

Росси, по примѣру другихъ, считаетъ капиталъ факторомъ производства на ряду съ трудомъ и землею (т. р. 92).— За свое содѣйствіе капиталъ требуетъ вознагражденія, прибыли (profit). А почему это такъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ пока только въ мистическихъ словахъ, которыя, мнѣ кажется, приходится толковать скорѣе въ смыслѣ теоріи производительности: „по тѣмъ же причинамъ и на томъ же основаніи, что и трудъ“ (р. 93). Точнѣе и къ тому же вполне опредѣленно въ духѣ теоріи воздержанія высказывается *Росси*, резюмируя третью лекцію III тома: „капиталистъ требуетъ вознагражденія, соответствующаго тѣмъ лишеніямъ, которыя онъ беретъ на себя“ (III. 32). Въ слѣдующей лекціи онъ развиваетъ эту мысль точнѣе. Прежде всего онъ упрекаетъ *Мальтуса* въ томъ, что тотъ включилъ прибыль на капиталъ, которая вѣдь представляетъ собою доходъ капиталиста, а не расходъ, въ издержки производства—упрекъ, который онъ, впрочемъ, прежде всего могъ бы высказать по своему собственному адресу, такъ какъ въ шестой лекціи перваго тома онъ самъ вполне формально и категорически причислил прибыль на капиталъ къ издержкамъ производства²⁾. Взвѣсивъ этого, онъ провозглашаетъ истиннымъ элементомъ издержекъ „капитализированное сбереженіе“ (l'épargne capitalisée), непотребленіе и производительное примѣненіе благъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи. И впоследствии онъ во многихъ мѣстахъ (напр. III. 261, 291) указываетъ еще на отреченіе капи-

¹⁾ 4-е издание. Парижъ, 1865 г.

²⁾ I. р. 93: „Les frais de production se composent; 1. de la rétribution due aux travailleurs, 2. des profits du capitaliste“ etc.

талиста отъ потребления, какъ на одинъ изъ факторовъ, содѣйствующихъ появленію прибыли.

Если *Россіи* до сихъ поръ является, главнымъ образомъ, теоретикомъ воздержанія, то со второй половины третьяго тома появляются, сначала спорадически, а потомъ все чаще и чаще, разсужденія, свидѣтельствующія о томъ, что *Россіи* находился также подъ вліяніемъ широко распространенной теоріи производительности. Первоначально онъ еще въ нѣсколькихъ неопредѣленныхъ словахъ приводитъ прибыль на капиталъ въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, „что капиталы способствуютъ производству“ (III. 258). Нѣсколько дальше (стр. 340) онъ говоритъ уже вполне опредѣленно: „прибыль является соотвѣтствующимъ вознагражденіемъ за *производительную силу*“—а не за воздержаніе, какъ раньше. Наконецъ, величина процента на капиталъ объясняется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ на основаніи производительности капитала. *Россіи* считаетъ „естественнымъ“ то, что на долю капиталиста должна выпадать такая часть продукта, какую произвелъ его капиталъ; эта часть будетъ велика, если производительная сила капитала велика, и мала, если производительная сила мала. Такимъ образомъ, *Россіи* приходитъ къ закону, что естественная величина прибыли на капиталъ соотвѣтствуетъ величинѣ производительной силы капитала. Развивая этотъ законъ, онъ прежде всего предполагаетъ производство, которое требуетъ для своего существованія *только* капитала, между тѣмъ какъ факторомъ „трудъ“, какъ безконечно малымъ, можно пренебречь, и принимаетъ во вниманіе только потребительную цѣнность продукта. При такихъ условіяхъ онъ считаетъ очевиднымъ, напр., то, что, если примѣненіе лопаты на извѣстномъ земельномъ участкѣ даетъ, сверхъ возстановленія затраченнаго капитала, еще прибыль въ 20 гектолитровъ хлѣба, то примѣненіе болѣе производительнаго капитала, напр., плуга, на томъ же участкѣ должно, сверхъ полнаго возстановленія капитала, дать болѣшую прибыль, напр., 60 гектолитровъ, „потому что былъ примѣненъ капиталъ, обладающій болѣшей производительной силой.“ Но этотъ же естественный основной законъ дѣйствителенъ также и для сложныхъ отношеній нашей фактической хозяйственной жизни. И здѣсь „естественно,“ что капиталистъ и рабочіе распредѣляютъ между собою общій продуктъ въ томъ же отношеніи, въ которомъ находятся производительная сила предоставленнаго капиталистомъ капитала и производительная сила рабочихъ. Если, напр., въ производствѣ, въ которомъ при-

нимало участіе 100 рабочихъ, вводится машина, замѣняющая собою силу 50-ти рабочихъ, то капиталистъ, естественно, имѣеть право на половину общаго продукта, т. е. на вознагражденіе 50-ти рабочихъ.

Это естественное отношеніе нарушается только тѣмъ, что капиталистъ играетъ двойную роль. Онъ не только предоставляетъ свой капиталъ для общаго сотрудничества, а всегда соединяетъ съ этимъ еще другую дѣятельность—покупку труда. Въ силу перваго момента онъ всегда получалъ бы только естественную прибыль, соответствующую производительности капитала. Но, покупая трудъ то дешево то дорого, онъ можетъ или еще увеличить естественную прибыль на капиталъ на счетъ естественной заработной платы или же потерять часть ея въ пользу рабочихъ. Если, напр., 50 рабочихъ, вытѣсненныхъ введеніемъ машины, увеличило предложеніе рабочихъ рукъ и понизило этимъ заработную плату, то вполне возможно, что капиталистъ приобрететъ трудъ оставшихся 50-ти рабочихъ за меньшую часть общей выручки, чѣмъ слѣдовало бы согласно отношенію ихъ производительной силы къ производительной силѣ капитала; онъ приобрететъ ихъ трудъ, примѣрно, не за 50%, а за 40% общаго продукта. Тогда къ естественной прибыли на капиталъ присоединится еще прибавочная прибыль въ 10%. Однако, эта прибыль по своей природѣ не имѣеть ничего общаго съ прибылью на капиталъ, съ которою ее обыкновенно ошибочно смѣшиваютъ; она должна быть разсматриваема скорѣе какъ прибыль отъ покупки труда. Антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ создаетъ не естественная прибыль на капиталъ, а только эта посторонняя прибавочная сумма; только принимая во вниманіе эту сумму, по справедливости можно утверждать, что прибыль увеличивается съ уменьшеніемъ заработной платы, и наоборотъ; естественная же, истинная прибыль на капиталъ вовсе не вліяетъ на заработную плату и зависитъ только отъ производительной силы капитала (III лекція 21 и 22).—

Послѣ всего того, что уже было сказано выше о теоріяхъ производительности, эти ученія уже не нуждаются въ подробной критикѣ деталей; я укажу только на одно несуразное слѣдствіе, вытекающее изъ этихъ ученій: по *Россіи* всѣ добавочные доходы, получаемые благодаря введенію и улучшенію машинъ или вообще благодаря развитію капитала, должны постоянно поступать къ капиталистамъ, рабочіе же никогда не будутъ принимать участія въ резуль-

татахъ прогресса, такъ какъ эти добавочные доходы обязаны своимъ происхожденіемъ увеличенію производительной силы капитала, плоды же послѣдней составляютъ „естественную“ долю капиталистовъ! 1).

Въ тѣхъ же кругахъ, что *Росси*, не давая ничего новаго, возвращаются изъ французскихъ писателей *Моллиари* 2) и *Леруа-Больё* 3), изъ нѣмецкихъ *Рошеръ* со своими послѣдователями, *Шюцъ* и *Максъ-Виртъ* 4).

Въ итальянской литературѣ того же направленія я останавлиюсь на *Л. Косси*. Къ сожалѣнію, этотъ талантливый писатель не рѣспространилъ своего монографическаго изслѣдованія, посвященнаго понятію капитала 5), и на вопросъ о процентѣ на капиталъ, и въ послѣднемъ отношеніи мы можемъ поэтому обратиться только къ тѣмъ весьма лаконическимъ замѣчаніямъ, которыя встрѣчаются въ его извѣстныхъ „*Elementi di Economia Politica*“ 6). Судя по содержанию этихъ замѣчаній, и *Косса* является эклектикомъ; все же мнѣ кажется, что его толкованіе обычныхъ ученій ясно свидѣтельствуемъ о томъ, что онъ относится къ нимъ не

1) Ср. рѣзкую, но въ большинствѣ случаевъ мѣткую критику *Пирсторфа*, о. с. стр. 93 и слѣд.

2) *Cours d'Economie Politique*, 2 изд. Парижъ 1863 г. Его теорія производительности составлена во вкусѣ *Сэ* (процентъ является вознагражденіемъ за „*service productif*“ капитала; напр. I. p. 302); его теорія воздержанія (ср. I. p. 289, 293 и слѣд., 300 и слѣд.) особенно неудовлетворительна вслѣдствіе своеобразнаго значенія, приписываемаго имъ слову „*privation*“. Подъ этимъ терминомъ онъ понимаетъ тѣ лишенія, которыя можетъ потерѣть капиталистъ вслѣдствіе того, что капиталъ, затраченный на производство, не находится въ его распоряженіи и не можетъ поэтому служить для удовлетворенія необходимыхъ потребностей, которыя могутъ у него появиться во время производства. Это, я думаю, очень неудачная основа для общей теоріи процента!

3) *Essai sur la Répartition des Richesses*, 2 изд. Парижъ 1883. См., въ особенности, p. 236 (теорія воздержанія), затѣмъ 233 и слѣд., 238 и слѣд. (теорія производительности). См. и выше, стр. 157.

4) О *Рошеръ* см. выше стр. 151 и слѣд. *Schütz*, *Grundsätze der National-Oekonomie*, Tübingen 1843, въ особенности стр. 70, 285, 296 и слѣд., *Max Wirth*, *Grundzüge der National-Oekonomie*, 3 изд. I. 324, 5 изд. I. 327 и слѣд.—Ср. затѣмъ *Huhn*, *Allgemeine Volkswirtschaftslehre*, Leipzig 1862, стр. 204; *H. Bischof*, *Grundzüge eines Systems der National-Oekonomie*, Graz 1876, стр. 459 и слѣд., въ особенности 465, прим. 2; *Schulze-Delitzsch*, *Capitel zu einem deutschen Arbeiterkatechismus*, стр. 23 и слѣд. 27, 28 и т. д.

5) *La nozione del Capitale*. Въ „*Saggi di Economia Politica*“, Миланъ, 1878, p. 155 и слѣд.

6) 6-ое изданіе 1883 г.

безъ критическихъ сомнѣній. Такимъ образомъ, онъ, хотя и считаетъ процентъ на капиталъ вознагражденіемъ за „производительныя услуги“ капитала (р. 119), но отказывается признать послѣдній основнымъ факторомъ производства и считаетъ его только „производнымъ орудіемъ“ производства ¹⁾. Затѣмъ онъ, хотя и включаетъ, по примѣру теоретиковъ воздержанія, „лишенія“ (privazioni) въ число издержекъ производства (р. 65), но въ ученіи о процентѣ онъ говоритъ объ этомъ въ такомъ тонѣ, какъ будто онъ высказываетъ не свое собственное убѣжденіе, а передаетъ ученія третьихъ лицъ ²⁾.

Самой интересной изъ всѣхъ эклектическихъ теорій, соединяющихъ теорію воздержанія съ теоріей производительности, я считаю теорію англичанина *Джевонса*, изложеніемъ которой я и закончу настоящую группу.

Джевонсъ ³⁾ прежде всего даетъ очень ясное, свободное отъ мистицизма особой „производительной силы“, представленіе о народохозяйственныхъ функціяхъ капитала. Онъ видитъ эти функціи просто въ томъ, что капиталъ даетъ возможность затрачивать трудъ въ производствѣ авансомъ. Капиталъ помогаетъ намъ преодолѣть тѣ трудности, которыя лежали въ промежуткѣ времени между началомъ и концомъ какого-либо предпріятія. Существуетъ безконечное число улучшеній въ производствѣ благъ, введеніе которыхъ по необходимости связано съ удлиненіемъ промежутка времени между моментомъ затраты труда и моментомъ окончанія предпріятія. Всѣ эти улучшенія обуславливаются употребленіемъ капитала, а въ предоставленіи возможности ихъ осуществленія и заключается великая, можно даже сказать, единственная польза капитала ⁴⁾.

На этихъ основаніяхъ *Джевонсъ* строитъ свою теорію процента на капиталъ слѣдующимъ образомъ. Онъ предполагаетъ, что всякое удлиненіе промежутка времени между затратой труда и потребленіемъ окончательнаго продукта даетъ возможность получить большій продуктъ при одинаковой затратѣ труда. Разность между продуктомъ, который

¹⁾ р. 34 и подробнѣе въ „Saggi.“

²⁾ „Due sono gli elementi dell'interesse, cioè: 1. la retribuzione pel non uso del capitale, o, come altri dice, per la sua formazione, e pel suo servizio produttivo“ etc. (р. 119).—Цитированныя мною замѣчанія можно найти въ почти неизмѣненномъ видѣ еще въ десятомъ, послѣднемъ при жизни автора вышедшемъ изданіи „Elementi“.

³⁾ Theory of Political Economy. 2-ое изд. Лондонъ, 1879.

⁴⁾ р. 243 и слѣд.

можно было получить при болѣе короткомъ промежуткѣ времени, и болѣе большимъ продуктомъ, получаемымъ при удлинении этого промежутка, представляетъ собою прибыль на тотъ капиталъ, затрата котораго дала возможность увеличить этотъ промежутокъ времени. Если обозначить посредствомъ t меньшій промежутокъ времени, а увеличенный благодаря прибавочной затратѣ капитала черезъ $t + \Delta t$, затѣмъ продуктъ, получаемый въ меньшій промежутокъ времени при затратѣ опредѣленнаго количества труда черезъ Ft , то, по сдѣланному предположенію, продуктъ, получаемый за болѣе шій промежутокъ времени, будетъ соотвѣтственно больше, т. е. $F(t + \Delta t)$. Разность этихъ двухъ величинъ, $F(t + \Delta t) - Ft$, представляетъ собою прибыль на капиталъ.

Чтобы опредѣлить процентную норму, соотвѣтствующую этой прибыли, надо опредѣлить величину прибыли, соотвѣтствующей той части затраченнаго капитала, которая дала возможность продлить промежутокъ времени. Затраченнымъ капиталомъ надо считать величину Ft , такъ какъ она представляетъ собою количество продуктовъ, которые можно было потребить уже по истеченіи промежутка времени t безъ затраты прибавочной части капитала. Продолжительностью прибавочной затраты является Δt . Вся величина прибавочной затраты выразится, слѣдовательно, произведеніемъ $Ft \times \Delta t$. Если мы раздѣлимъ вышеприведенную разность продуктовъ на послѣднюю величину, то мы получимъ процентную норму. Процентная норма равняется

$$\frac{F(t + \Delta t) - Ft}{\Delta t} \times \frac{1}{Ft} \quad 1)$$

Чѣмъ богаче страна капиталомъ, тѣмъ больше продуктъ Ft , который можно получить безъ новой прибавочной затраты капитала, тѣмъ больше затѣмъ и капиталъ, къ которому относить прибыль, получаемую при добавочномъ удлинении промежутка времени, и тѣмъ ниже, слѣдовательно, процентная норма, соотвѣтствующая этой прибыли. Этимъ и объясняется тенденція процентной нормы падать съ ростомъ благосостоянія. Такъ какъ затѣмъ всѣ капиталы стремятся къ одной и той же процентной нормѣ, то всѣ должны довольствоваться той наименьшей процентной нормой, которая соотвѣтствуетъ послѣдней изъ затраченныхъ

1) Ср. 266 и слѣд. *Джевонсъ* даетъ ту же формулу еще въ другихъ видахъ, которые я спокойно могу обойти молчаніемъ.

прибавокъ капитала. Такимъ образомъ, прибыль, получаемая въ производствѣ на послѣднюю изъ затраченныхъ прибавокъ, всегда является рѣшающей для величины общей процентной нормы въ данной странѣ.

Читатель, по всей вѣроятности, замѣтилъ сходство этого хода мыслей съ разсужденіями нѣмецкаго писателя *Тюнена*. И критика находитъ въ немъ аналогичныя слабыя стороны. Въ самомъ дѣлѣ, *Джевонсъ*, подобно *Тюнени*, слишкомъ необдуманно отождествляетъ „излишекъ продукта“ съ излишкомъ *цѣнности*. Въ его изложеніи „increment of produce“ кажется дѣйствительно яснымъ по отношенію къ тому случаю, когда производство имѣетъ мѣсто безъ содѣйствія послѣдней прибавки капитала. Но *Джевонсъ* нигдѣ не доказалъ, что этотъ излишекъ продукта представляетъ собою и излишекъ *цѣнности* надъ затраченнымъ капиталомъ. Выяснимъ это на конкретномъ примѣрѣ. Для насъ вполне понятно, что при помощи несовершенной, но быстро приготовленной машины, можно въ теченіе рабочаго года произвести 1000 экземпляровъ какого-либо вида благъ, а при помощи болѣе совершенной, но долго изготовляемой машины въ теченіе рабочаго года—1200 экземпляровъ того же вида благъ. Но изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, что разность въ 200 экземпляровъ представляетъ собою чистый излишекъ *цѣнности*. Можетъ случиться, что болѣе совершенная машина, содѣйствующая производству лишнихъ 200 экземпляровъ, *цѣнится*, въ силу этой ея способности, такъ высоко, что излишекъ въ 200 экземпляровъ *цѣликомъ* поглощается возмѣщеніемъ ея амортизации; возможно также, что новый, болѣе производительный способъ производства будетъ примѣняться такъ часто, что усиленное предложеніе можетъ понизить *цѣнность* теперешнихъ 1200 экземпляровъ до уровня, соответствующаго прежней *цѣнности* 1000 экземпляровъ,—въ обоихъ случаяхъ прибавочной *цѣнности* не будетъ. *Джевонсъ*, такимъ образомъ, впалъ здѣсь въ старую ошибку теоретиковъ производительности: легко доказываемый излишекъ продуктовъ онъ механически толкуетъ въ смыслѣ прибавочной *цѣнности*.

Правда, въ его ученіи можно найти также попытки объясненія и разности въ *цѣнности*. Но онъ ихъ не привелъ въ связь со своею теоріей производительности; онъ не дополняютъ ея, а только переплетаютъ.

Одна изъ этихъ попытокъ заключается во включеніи элементовъ теоріи воздержанія. *Джевонсъ* сочувственно цитируетъ *Сеніора*, объясняетъ его „abstinence“ какъ „времен-

ную жертву потребленія, существенно связанную съ существованіемъ капитала“, или какъ „неудовлетвореніе потребностей“ (endurance of want) и набрасываетъ формулы для опредѣленія величины жертвы „abstinence“, (р. 253 и слѣд.). Послѣднюю (а иногда и *процентъ*—въ силу неточнаго способа выраженія мыслей) онъ причисляетъ къ издержкамъ производства и въ одномъ мѣстѣ открыто называетъ доходъ капиталиста вознагражденіемъ за „воздержаніе и рискъ“ (р. 295 въ концѣ).

Очень интересенъ затѣмъ рядъ замѣчаній *Джевонса* о вліяніи *времени* на оцѣнку потребностей и ихъ удовлетвореній. Онъ замѣчаетъ, что мы предвкушаемъ будущія страданія и удовольствія; ожиданіе будущихъ удовольствій теперь уже является для насъ „предвкушеніемъ“ удовольствія. Но интенсивность послѣдняго всегда меньше интенсивности будущаго удовольствія и зависитъ отъ двухъ факторовъ: отъ интенсивности будущаго, предвкушаемаго удовольствія, во-первыхъ, и отъ величины промежутка времени, который отдѣляетъ насъ еще отъ дѣйствительнаго момента наступленія самаго удовольствія, во-вторыхъ (р. 36 и слѣд.). *Джевонсъ*, какъ это ни странно, находитъ различіе, которое мы дѣлаемъ при немедленной оцѣнкѣ настоящаго и будущаго потребленія, не совсѣмъ справедливымъ; оно-де обуславливается только недостаткомъ склада нашего ума и сердца, въ дѣйствительности же время не должно бы оказывать здѣсь никакого вліянія. Но все-таки, въ силу несовершенства чело-вѣческой природы, фактъ остается фактомъ, что „будущее ощущеніе имѣетъ меньшее вліяніе, чѣмъ настоящее“ (р. 78).

Джевонсъ дѣлаетъ затѣмъ совершенно правильный выводъ, что эта наша способность предвкушать будущія ощущенія должна оказывать большое вліяніе на хозяйственную жизнь; между прочимъ, говоритъ онъ, на ней основано всякое накопленіе капитала (р. 37). Къ сожалѣнію, однако, онъ ограничивается замѣчаніями самаго общаго характера и нѣсколькими совершенно отрывочными приложеніями такъ-выхъ¹⁾; онъ не доходитъ до плодотворнаго развитія и радикальнаго примѣненія этой точки зрѣнія къ теоріи цѣнности и дохода. Это упущеніе тѣмъ удивительнѣе, что нѣкоторыя черты его теоріи процента на капиталъ ясно обнаруживаютъ

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ *Джевонсъ* высказываетъ взглядъ, что, при распредѣленіи запаса благъ между настоящимъ и будущимъ, на долю будущихъ временъ присудятъ подѣляемому въ настоящее время въ зависимости отъ ихъ отдаленности (р. 78 и слѣд.).

склонность широко использовать моментъ времени для объясненія процента на капиталъ. Съ одной стороны, онъ энергичнѣе всѣхъ предшествовавшихъ ¹⁾ ему писателей подчеркиваетъ значеніе *времени* въ функціи капитала. Конечно, было бы весьма естественнымъ изслѣдовать, не можетъ ли разность во времени оказать какое-либо непосредственное вліяніе на оцѣнку продукта, вліяніе, на основаніи котораго можно было бы объяснить и разность цѣнности, лежащую въ основѣ процента на капиталъ. Между тѣмъ *Джевонсъ*, какъ мы знаемъ, ограничивается старымъ приемомъ и объясняетъ процентъ на капиталъ просто на основаніи разности *количествъ* продукта.—Можетъ быть, было бы еще болѣе естественнымъ привести упомянутое имъ понятіе „abstinence“ въ связь съ той разницей, которая наблюдается при оцѣнкѣ настоящихъ и будущихъ потребленій, и свести жертву, которая якобы заключается въ отсрочкѣ потребления, къ той же низшей оцѣнкѣ будущей пользы. Однако, *Джевонсъ* не только не высказываетъ этой мысли положительно, но косвенно даже ее исключаетъ, такъ какъ онъ, съ одной стороны, какъ было упомянуто выше, называетъ эту низшую оцѣнку будущаго только *зablужденіемъ*, обуславливаемымъ несовершенствомъ нашей природы, а, съ другой, считаетъ „abstinence“ *настоящей и дѣйствительной жертвой*, состоящей въ продолженіи (перетерпѣваемаго) состоянія неудовлетворенныхъ потребностей.

Такимъ образомъ, среди различныхъ интересныхъ и острымныхъ взглядовъ, высказанныхъ *Джевонсомъ* на нашу тему, мы не находимъ взаимнаго плодотворнаго вліянія, и самъ *Джевонсъ* остается эклектикомъ, хотя и даровитымъ.—

Другая группа эклектиковъ приводитъ въ связь съ другими теоріями и трудовую въ томъ или другомъ ея вариантѣ.

Прежде всего я остановлюсь на *Ридъ*, работа ²⁾ котораго, относящаяся, правда, къ самому смутному періоду англійской литературы о процентѣ, представляетъ собою особенно непоследовательное сплетеніе взглядовъ.

Ридъ прежде всего придаетъ особенное значеніе самосто-

¹⁾ Написано въ 1884 г.; съ тѣхъ поръ выведены изъ мрака неизвѣстности изслѣдованія выдающагося его предшественника *Рэ*, по духу родственныя изслѣдованія *Джевонса*, но, по всей вѣроятности, оставшіяся для него безызвѣстными. Ср. выше гл. XI.

²⁾ An inquiry into the natural grounds of right to vendible property or Wealth, Edinburgh. 1829.

тельной производительности капитала, въ существованіи которой онъ твердо убѣжденъ. „Какимъ нелѣпымъ“, восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ (р. 83), „должно казаться утвержденіе, будто трудъ создаетъ все и является единственнымъ источникомъ всѣхъ богатствъ, какъ будто капиталъ ничего не можетъ произвести и не является также дѣйствительнымъ и самостоятельнымъ (a real and distinct) источникомъ богатства“. И нѣсколько дальше онъ заканчиваетъ освѣщеніе значенія капитала въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства вполне соответствующимъ духу теории производительности объясненіемъ, что все остающееся послѣ вознагражденія рабочихъ, принимающихъ участіе въ производствѣ, по справедливости можетъ считаться *продуктомъ и вознагражденіемъ капитала* (may fairly be claimed as the produce and reward of capital).

Однако, нѣсколько дальше дѣло представляется ему въ совершенно иномъ свѣтѣ. На первый планъ онъ выдвигаетъ теперь фактъ, что самъ капиталъ созданъ трудомъ и сбереженіемъ, и на немъ основываетъ объясненіе процента на капиталъ, напоминающее собою отчасти трудовую теорію *Джемса Милля*, отчасти теорію воздержанія *Сеніора*. „Человѣкъ“, говоритъ онъ теперь (р. 310), „который раньше трудился, но не потребилъ продукта своего труда, а сберегъ и примѣняетъ его теперь для поддержанія другого рабочаго въ дѣлѣ производства, имѣетъ такое же право на свою прибыль или интересъ (который является вознагражденіемъ за прошлый трудъ и за сбереженіе и сохраненіе плодовъ этого труда), какъ и настоящій рабочій на свое вознагражденіе, представляющее собою вознагражденіе за его позднѣйшій трудъ“.

Само собою разумѣется, что, при такомъ эклектическомъ поворотѣ, нельзя было обойтись безъ противорѣчій. Такъ, напр., *Ридъ* самъ сводитъ теперь капиталъ къ предварительно затраченному труду, противъ чего онъ раньше ¹⁾ возставалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ; затѣмъ *Ридъ* самъ называетъ теперь прибыль на капиталъ вознагражденіемъ за предварительно затраченный трудъ, между тѣмъ какъ онъ раньше ²⁾ въ самой рѣзкой формѣ упрекалъ *Макъ-Куллоха* за то, что тотъ не различаетъ понятій „profit“ и „wages“.—

¹⁾ О. с. р. 131 и вообще во всей полемикѣ противъ *Годвина* изъ анонимной статьи „labour defended“.

²⁾ О. с. примѣчаніе къ р. 247.

Ближе всего къ *Риду* стоитъ, по моему мнѣнію, нѣмецкій писатель *Герстнеръ*. На „извѣстный вопросъ“, производить ли капиталъ самостоятельно и независимо отъ двухъ другихъ источниковъ благъ или нѣтъ, онъ отвѣчаетъ утвердительно; онъ полагаетъ, что можно съ математическою точностью вычислить участіе орудія производства—капитала—въ производствѣ общаго продукта, и безъ оговорокъ считаетъ эту долю въ производствѣ рентой отъ общей прибыли, „принадлежащей капиталу“ ¹⁾. Къ этой, правда, весьма лаконической теоріи производительности *Герстнеръ* примѣшиваетъ нѣкоторые отгѣнки трудовой теоріи *Милля*: онъ называетъ (стр. 20) орудія производства „своего рода антиципацией труда“ и, настаивая на этомъ, считаетъ капитальную ренту, выпадающую на долю орудій производства, послѣдующимъ вознагражденіемъ за предварительно затраченный трудъ (стр. 23). Ему, какъ и *Риду*, и въ голову не приходитъ естественно напрашивающійся вопросъ, не получилъ ли раньше затраченный трудъ уже раньше и свое вознагражденіе изъ цѣнности капитала, и почему собственно онъ, сверхъ того, долженъ еще получать постоянную прибавку въ видѣ процента.

Далѣе сюда относятся французы *Ковзсъ* ²⁾ и *Жозе Гарнье*.

Выше ³⁾ я уже показалъ, что *Ковзсъ*, высказывающійся по этому вопросу вообще весьма осторожно, является приверженцемъ трудовой теоріи *Курселля-Сенейля*. Но на ряду съ этими взглядами онъ развиваетъ и различные взгляды, коренящиеся въ теоріи производительности. Полемизируя съ социалистами, онъ приписываетъ капиталу самостоятельное „активное значеніе“ въ производствѣ на ряду съ трудомъ (I. p. 235 и слѣд.); въ „производительности капитала“ онъ видитъ причину, постоянно опредѣляющую размѣръ ссуднаго процента ⁴⁾, а существованіе „прибавочной цѣнности вообще выводитъ изъ производительности капитала, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ онъ основываетъ объясненіе процента на капиталъ на фактѣ, что производительной затратѣ капитала „мы обязаны извѣстной прибавочной цѣнностью“ ⁵⁾.

1) Beitrag zur Lehre vom Capital, Erlangen 1857. Стр. 16, 22 и слѣд.

2) Précis d'Économie politique, 2-ое изданіе Парижъ. 1881. г.

3) См. стр. 345 и слѣд.

4) Le principe est donc que le taux de l'intérêt est en raison directe de la productivité du capital (II p. 100).

5) „Nous avons vu que la valeur réelle de l'intérêt dépendait de l'emploi productif donné au capital; puisqu'une certaine plus-value est due au capital, l'intérêt est une partie de cette plus-value présumée fixée à forfait que reçoit le prêteur pour le service par lui rendu“ (II. p. 189).

У Жозе Гарнье ¹⁾ мы находимъ даже эклектическую смѣсь элементовъ трехъ различныхъ теорій. Основу его взглядовъ составляетъ, очевидно, теорія производительности Сэ, изъ которой онъ даже позаимствовалъ давно уже отвергнутый критикой взглядъ, будто *процентъ* на капиталъ представляетъ собою составную часть издержекъ производства ²⁾. При этомъ онъ—слѣдуя, по всей вѣроятности, *Бастіа*—считаетъ причиной, оправдывающей процентъ, лишение (privation), которое беретъ на себя ссужающій капиталъ при уступкѣ такого, и, наконецъ, заявляетъ еще, что процентъ обуславливаетъ собою и вознаграждаетъ „трудъ сбереженія“ (travail d'épargne) ³⁾.—

Всѣ до сихъ поръ упомянутые эклектики соединяютъ нѣсколько теорій, которыя, если и не согласны между собою во внутреннемъ обоснованіи, то, по крайней мѣрѣ, согласны въ своихъ практическихъ выводахъ: всѣ они соединяютъ теоріи, благопріятствующія проценту на капиталъ. Но, какъ это ни странно, существуетъ и цѣлый рядъ писателей, которые съ одной или съ нѣсколькими теоріями, благопріятствующими проценту, приводятъ въ связь и элементы враждебной проценту теоріи эксплоатаціи.

Такъ, напр., *И. Г. Гоффманнъ* выдвигаетъ, съ одной стороны, своеобразную теорію, благопріятствующую проценту на капиталъ, теорію, которая называетъ процентъ вознагражденіемъ за извѣстныя общепользныя услуги, оказываемыя капиталистами ⁴⁾. Но, съ другой стороны, онъ рѣшительно отвергаетъ уже въ его время широко распространенную теорію производительности и называетъ иллюзіей ⁵⁾ взглядъ, „что въ мертвой массѣ капитала или земли заключаются производительныя силы“; вмѣсто этого, онъ сухо заявляетъ, что въ видѣ процента на капиталъ капиталистъ загребаетъ плоды чужого труда. „Капиталъ“, говоритъ онъ ⁶⁾, „можетъ быть примѣненъ для содѣйствія, какъ собственному труду, такъ и чужому. Въ послѣднемъ случаѣ собственнику слѣдуетъ наемная плата, которая можетъ уплачиваться только изъ плодовъ труда. Эта плата, процентъ, носитъ характеръ земельной ренты постольку, поскольку она—какъ

1) Traité d'Économie Politique. 8 изд. Парижъ 1880 г.

2) О. с. р. 47.

3) Р. 522.

4) Kleine Schriften staatswirtschaftlichen Inhalts; Berlin 1843. Стр. 566. См.: выше стр., 354 прим. 2-ое.

5) О. с., стр. 588.

6) О. с. стр. 576.

и послѣдняя—*поступаетъ къ получателю изъ плодовъ чужого труда.*

Еще рѣзче смѣсь противорѣчивыхъ взглядовъ у *Дж. Ст. Милля* ¹⁾. Уже не разъ было замѣчено, что *Милль* занимаетъ двойственное положеніе между двумя сильно расходящимися направленіями политической экономіи: между такъ называемымъ манчестерскимъ направленіемъ, съ одной стороны, и социализмомъ, съ другой. Понятно, что такое двойственное положеніе вообще не могло благоприятствовать развитію строго одинаго ученія и менѣе всего, конечно, въ той области, которая какъ бы представляетъ собою главную арену для борьбы „капитализма“ и „социализма“,—въ области теоріи процента на капиталъ. И, дѣйствительно, ученіе *Милля* о процентѣ на капиталъ представляетъ собою такую путаницу, что мы были бы по отношенію къ этому замѣчательному мыслителю весьма несправедливыми, если бы судили о его научномъ значеніи по этой, самой неудачной части его произведенія.

Такъ какъ *Милль* въ общемъ развивалъ экономическіе взгляды *Рикардо*, то онъ перенялъ у него также и ученіе, что трудъ является главнымъ источникомъ всякой цѣнности. Но этотъ принципъ нарушается фактическимъ существованіемъ процента на капиталъ. И вотъ *Милль*, въ угоду проценту на капиталъ, видоизмѣняетъ этотъ принципъ такимъ образомъ, что вмѣсто труда называетъ факторомъ, опредѣляющимъ цѣнность благъ, издержки производства въ болѣе общемъ видѣ, а среди этихъ послѣднихъ отводитъ на ряду съ трудомъ, который представляетъ собою „главный, даже почти единственный элементъ издержекъ производства“, самостоятельное мѣсто и прибыли на капиталъ: прибыль на капиталъ является у него вторымъ постояннымъ элементомъ издержекъ производства ²⁾. Слабой стороной его ученія является уже то, что онъ, по примѣру *Мальтуса*, считаетъ излишекъ производства жертвой производства; это тѣмъ удивительнѣе, что эта ошибка давно уже подверглась рѣзкой и мѣткой критикѣ въ англійской литературѣ, въ особенности со стороны *Торренса* и *Сеніора*.

Но каковъ же источникъ прибыли на капиталъ?—На этотъ вопросъ *Милль* даетъ не одинъ, а три противорѣчивыхъ отвѣта.

¹⁾ Principles of Political Economy. Я цитирую по переводу *Сэтбеера*, Лейпцигъ 1869.

²⁾ Третья книга, глава IV, §§ 1, 4, 6. Глава VI, § 1 № VIII и др.

Меньше всего *Милль* ссылается на теорію производительности: онъ обращается къ ней только въ отдѣльныхъ мѣстахъ и то съ различными оговорками. Прежде всего онъ нѣсколько осторожно называетъ капиталъ третьимъ самостоятельнымъ факторомъ производства. Правда, капиталъ самъ является продуктомъ труда, и его дѣятельность въ производствѣ является поэтому, собственно говоря, посредственнымъ трудомъ. Но тѣмъ не менѣе *Милль* считаетъ „необходимымъ принять его во вниманіе отдѣльно“¹⁾. Не менѣе уклончиво выражается онъ и по поводу другого — родственнаго этому — вопроса, обладаетъ ли капиталъ самостоятельною производительностью. „Часто говорятъ о производительныхъ силахъ капитала. Это выраженіе въ буквальномъ смыслѣ неправильно. Собственно говоря, производительны только трудъ и силы природы. Если же о какой-либо части капитала желаютъ сказать, что она обладаетъ своей собственной производительной силой, то это только возможно по отношенію къ орудіямъ и машинамъ, о которыхъ можно утверждать, что они (подобно вѣтру и водѣ) содѣйствуютъ труду. Пища рабочихъ и матеріалы производства производительной силой не обладаютъ“²⁾... Значитъ, орудія дѣйствительно производительны, сырой же матеріалъ не производителенъ—различіе настолько же странное, какъ и не выдерживающее критики.

Гораздо опредѣленнѣе высказывается *Милль* въ пользу теоріи воздержанія *Сеніора*. Она какъ бы составляетъ его официальный взглядъ на процентъ: онъ категорически и обстоятельно излагаетъ ее въ отдѣлѣ, посвященномъ прибыли на капиталъ, и, кромѣ того, часто ссылается на нее въ другихъ мѣстахъ сочиненія. Подобно тому, „какъ заработная плата рабочаго представляетъ собою вознагражденіе за трудъ“, говоритъ *Милль* въ XV главѣ II книги своихъ „Основныхъ положеній“, „такъ и прибыль капиталиста (по мѣткому выраженію г. *Сеніора*) представляетъ собою вознагражденіе за воздержаніе. Она получается потому, что капиталистъ воздерживается отъ личнаго потребленія капитала и предоставляетъ послѣдній производительнымъ рабочимъ для ихъ потребленія. За такое воздержаніе онъ требуетъ вознагражденія“. И такъ же опредѣленно онъ высказывается въ другомъ мѣстѣ: „Анализируя условія производства, мы нашли, что помимо труда есть еще другой

1) Книга I. Глава VII § 1 (р. 107).

2) I, V, § 1.

необходимый элементъ, а именно капиталъ. Такъкакъ онъ составляетъ результатъ воздержанія, то продуктъ или же цѣнность продукта должны быть достаточными для вознагражденія не только за весь необходимый для производства трудъ, но и за воздержаніе всѣхъ лицъ, которыя доставляли заработную плату различнымъ классамъ рабочихъ. Вознагражденіе за воздержаніе представляетъ собою прибыль на капиталъ¹⁾.

Но въ той же XV главѣ 2-й книги, разсматривающей прибыль на капиталъ, *Милль*, кромѣ того, излагаетъ еще третью теорію. „Настоящая причина прибыли на капиталъ“, говоритъ онъ въ § 5 этой главы, „заключается въ томъ, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется для его содержанія. Причина, почему земледѣльческій капиталъ приноситъ прибыль, заключается въ томъ, что люди могутъ произвести больше средствъ къ жизни, чѣмъ необходимо для ихъ прокормленія во время производства, включая сюда и время, необходимое для изготовленія орудій и для выполнения другихъ необходимыхъ приготовленій. Изъ этого слѣдуетъ, что, если капиталистъ беретъ кормить рабочихъ съ условіемъ, что онъ получитъ зато доходъ отъ ихъ труда, то, послѣ возмѣщенія затраченнаго капитала, нѣкоторая часть дохода остается для капиталиста; или, выражаясь иначе, причина, почему капиталъ приноситъ прибыль, заключается въ томъ, что пища, одежда, сырой матеріалъ и орудія существуютъ дольше того времени, которое потребовалось на ихъ производство, и поэтому рабочіе, которыхъ капиталистъ снабжаетъ всѣмъ этимъ, съ условіемъ, что онъ получитъ весь доходъ отъ ихъ труда, воспроизведутъ все, потраченное на доставленіе имъ предметовъ необходимости и орудій, и у нихъ еще останется нѣкоторая часть времени, чтобы *работать на капиталиста*“.—Здѣсь онъ усматриваетъ „истинную причину прибыли на капиталъ“ не въ производительной силѣ капитала и не въ необходимости вознаграждать капиталиста за особенную жертву—воздержаніе, а просто въ томъ, „что трудъ производитъ больше того, что необходимо для его существованія“, что „рабочіе имѣютъ возможность работать еще нѣкоторое время въ пользу капиталиста“; однимъ словомъ, прибыль на капиталъ объясняется въ смыслѣ теоріи эксплоатаціи, какъ присвоеніе капиталистомъ прибавочной цѣнности, создаваемой трудомъ.—

Такое же двойственное положеніе на рубежѣ между

1) III. Глава IV, § 4. См. еще I p. 42, 228, III p. 320 и др.

„капитализмом“ и „соціализмом“ занимають и нѣмецкіе катедеръ - соціалисты. Результатомъ этого двойственнаго положенія и здѣсь нерѣдко является эклектизмъ, который, однако, въ своихъ основныхъ чертахъ подходитъ ближе къ теоріи эксплуатаціи, чѣмъ у *Милля*. Я остановлюсь здѣсь только на главѣ катедеръ-соціалистовъ, *Шеффле*, съ которыми мы въ этомъ сочиненіи встрѣчались уже не разъ.

Въ сочиненіяхъ *Шеффле* по вопросу о процентѣ на капиталъ можно рѣзко отличить три различныхъ направленія. Въ первомъ своемъ направленіи *Шеффле* слѣдуетъ теоріи пользованія *Германна*, которую онъ ухудшаетъ въ теоретическомъ отношеніи вслѣдствіе субъективной окраски понятія пользованія, хотя зато приближаетъ ее ко второй своей теоріи. Это первое направленіе преобладаетъ въ „*Gesellschaftliches System der menschlichen Wirtschaft*“, но яркіе слѣды его замѣтны еще и въ „*Bau und Leben des Socialen Körpers*“ ¹⁾. Второе направленіе объясняетъ процентъ на капиталъ какъ профессиональный доходъ, получаемый капиталистомъ за извѣстныя услуги. Этотъ взглядъ, высказанный уже въ „*Gesellschaftliches System*“, категорически подтверждается въ „*Bau und Leben*“ ²⁾. Но на ряду съ этимъ замѣчается, наконецъ, въ послѣднемъ изъ названныхъ сочиненій и немало зачатковъ соціалистической теоріи эксплуатаціи. Они прежде всего сказываются въ томъ, что всѣ издержки производства сводятся къ труду. Между тѣмъ какъ въ своемъ „*Gesellschaftliches System*“ *Шеффле* еще считаетъ пользованіе имуществомъ самостоятельнымъ элементарнымъ факторомъ издержекъ на ряду съ трудомъ ³⁾, онъ теперь заявляетъ: „издержки состоятъ изъ двухъ составныхъ частей—изъ затраты личныхъ благъ въ видѣ труда и изъ затраты капитала. Но послѣднія издержки можно также свести къ издержкамъ на трудъ, ибо производительную затрату вещественныхъ благъ можно свести къ суммѣ частицъ труда, затраченныхъ въ предыдущіе періоды производства, и поэтому всѣ издержки могутъ быть разсматриваемы какъ издержки на трудъ“ ⁴⁾.

Если, такимъ образомъ, трудъ является единственной важной въ хозяйственномъ отношеніи жертвой, которой стоитъ производство благъ, то ясно, что и результатъ производства долженъ быть цѣликомъ предоставленъ тѣмъ.

¹⁾ См. выше, стр. 247 и слѣд.

²⁾ См. выше, стр. 348 и слѣд.

³⁾ I. 258, 268, 271 и др.

⁴⁾ *Bau und Leben*. III стр. 273 и слѣд.

кто принесъ эту жертву. *Шеффле* даетъ также часто (напр., III, 313 и слѣд.) понять, что идеаль народо-хозяйственнаго распредѣленія благъ онъ видитъ въ томъ, что блага должны распредѣляться между отдѣльными членами народа по масштабу предоставленнаго труда. Въ настоящее время, конечно, осуществленіе этого идеала еще задерживается различными препятствіями, между прочимъ тѣмъ, что обладаніе капиталомъ служитъ средствомъ присвоенія, частью нелегальнаго и неморальнаго, частью же для легальнаго и моральнаго, продуктовъ труда¹⁾. Однако, *Шеффле* не отвергаетъ окончательно этого „присвоенія капиталистами прибавочной цѣнности“: послѣдняя должна существовать въ качествѣ оппортунистическаго средства до тѣхъ поръ, пока мы не въ состояніи замѣнить „народохозяйственныя услуги частнаго капитала другою, вполне опредѣленную, болѣе совершенною и „поглощающею“ меньшую долю прибавочной цѣнности общественною организаціею“²⁾.

На ряду съ такою оппортунистическою терпимостью, *Шеффле* часто высказываетъ также въ сухой формѣ взглядъ теоріи эксплоатаціи, что процентъ на капиталъ является грабежомъ чужого труда. Такъ, напр., непосредственно за вышеприведенными словами онъ говоритъ: „Во всякомъ случаѣ спекулятивная частно-хозяйственная организація не является еще *non plus ultra* исторіи народнаго хозяйства. Она служитъ соціальной цѣли только посредственно; непосредственно же она направлена не на наибольшую чистую пользу для общества, а на наибольшее *приобрѣтеніе частными владѣльцами средствъ производства и на доставленіе наивысшаго наслажденія жизнью семьямъ капиталистовъ*. Обладаніемъ недвижимыми и движимыми средствами производства пользуются для того, чтобы присвоить себѣ какъ можно большую часть дохода отъ національнаго труда. Уже *Прудонъ* въ своей критикѣ слѣлалъ вполне очевиднымъ, что капиталъ *эксплоатируетъ въ ста различныхъ видахъ*. На долю наемныхъ рабочихъ постоянно выпадаетъ только часть дохода, необходимая одаренному разумомъ рабочему животному, котораго нельзя заставить довольствоваться удовлетвореніемъ однѣхъ только животныхъ потребностей, для того, чтобы удержаться на томъ исторически обусловленномъ уровнѣ, который дѣлаетъ возможной для предпринимателя конкуренцію“.

1) III 266 и слѣд.

2) III 423. Ср. также III 330, 386, 428 и др.

Двѣ новѣйшія попытки.

Обширное распространеніе эклектизма я считаю симптомомъ неудовлетворительнаго состоянія экономической доктрины о процентѣ: сочетаютъ элементы нѣсколькихъ теорій тогда (и потому), если ни одной изъ нихъ не находятъ для себя удовлетворительной.

Вторымъ симптомомъ, свидѣтельствующимъ о томъ же, является то обстоятельство, что литературное движеніе по вопросу о процентѣ на капиталъ не можетъ улесться, несмотря на большое число существующихъ теорій. Съ тѣхъ поръ, какъ научный социализмъ вызвалъ скептическое отношеніе къ старымъ школамъ, нѣтъ ни одного пятилѣтія, а въ послѣднемъ пятилѣтіи почти ни одного года, чтобы не появилась какая-нибудь новая теорія процента ¹⁾. Поскольку послѣднія сохраняли хотя бы нѣкоторыя основныя положенія болѣе раннихъ объясненій и видоизмѣняли ихъ оригинально только въ разработкѣ деталей, я старался подвести ихъ подъ господствующія направленія и изложилъ ихъ въ связи съ послѣдними уже въ предыдущихъ отдѣлахъ.

Нѣкоторыя новыя попытки принимаютъ, однако, совершенно своеобразное направленіе. Двѣ изъ нихъ, на мой взглядъ, довольно замѣчательны и заслуживаютъ поэтому болѣе подробнаго изложенія. Одна изъ нихъ, которая въ своихъ основныя положенія нѣсколько напоминаетъ собою теорію естественной производительности *Тюрго*, и которую я поэтому назову „новѣйшей теоріей естественной производительности“, принадлежитъ американцу *Генри Джорджу*, другая, представляющая собою нѣсколько видоизмѣненную теорію воздержанія,—нѣмцу *Роберту Шелльвину*.

---

¹⁾ Написано въ 1884-омъ году; о новѣйшемъ развитіи смотри еще приложение къ этому тому.

А. Новѣйшая теорія естественной производительности Джоржа.

Джоржъ ¹⁾ развиваетъ свою теорію процента въ полемикѣ противъ *Бастіа* и его пресловутаго примѣра объ отдачѣ въ наемъ рубанка. Плотникъ Яковъ приготовилъ себѣ рубанокъ, который онъ отдалъ на годъ въ наемъ другому плотнику, Вильгельму. Онъ не довольствуется возвращеніемъ такого же рубанка, потому что въ такомъ случаѣ онъ не получилъ бы никакого вознагражденія за потерю выгоды, которую онъ могъ бы получить отъ употребленія этого рубанка въ теченіе года, и требуетъ поэтому, въ качествѣ процента, еще новую доску. Эту отдачу доски *Бастіа* объясняетъ и оправдываетъ тѣмъ, что Вильгельмъ „получилъ свойственную орудію силу увеличивать производительность труда“ ²⁾. Этому объясненія производительностью капитала *Джоржъ* по разнымъ внутреннимъ и внѣшнимъ мотивамъ, которые здѣсь для насъ не имѣютъ никакого значенія, не признаетъ и говоритъ слѣдующее:

„И я склоненъ думать, что, если бы все богатство состояло изъ такихъ вещей, какъ рубанки, а все производство было бы такимъ, какъ плотническое дѣло, т. е., если бы богатство состояло лишь изъ инертнаго вещества земли, а производство изъ преобразованія этого вещества въ различныя формы, *процентъ былъ бы лишь грабежомъ промышленности и не могъ бы долго существовать... Но не вся блага одной природы съ рубанками, досками или деньгами, и не всякое производство есть преобразованіе въ другія формы инертнаго вещества земли. Если бы я сберегалъ деньги, я не имѣлъ бы прироста—это правда. Но предположите, что я сберегаю вино. Къ концу года я буду имѣть возросшую цѣнность, ибо вино улучшится въ качествѣ. Или предположимъ-те, что я, въ пригодномъ для этого мѣстѣ, держу пчель; къ концу года у меня будетъ больше роевъ, а къ тому же и медъ, который онѣ накопятъ. Или предположимъ-те, что я выгоняю въ поле овецъ, свиней и крупный скотъ; къ концу года я, въ среднемъ, также буду имѣть приростъ. То, что даетъ приростъ въ этихъ случаяхъ, есть нѣчто такое, что, хотя вообще и требуетъ труда, чтобы быть утилизованнымъ, но тѣмъ не менѣе есть нѣчто отличное и отдѣльное отъ труда, а именно—*дѣйствительная сила**

¹⁾ Fortschritt und Armut. Нѣмецкій переводъ *Гюхова*. Берлинъ 1881 г. стр. 153 и слѣд.

²⁾ Capital et Rente. См. выше стр. 333.

природы, начало роста, воспроизведенія, которымъ характеризуются всѣ формы того таинственнаго явленія или условія, которое мы называемъ жизнью. И мнѣ кажется, что именно эта-то сила и есть причина процента или прироста свыше того, чѣмъ мы обязаны труду“.

То обстоятельство, что и для использованія воспроизводительныхъ силъ природы необходимъ трудъ, и что поэтому, напр., и продуктъ земледѣлія въ извѣстной степени является продуктомъ труда, не въ состояннн уничтожить ту существенную разницу, которая, по мнѣнію *Джорджа*, существуетъ между различными видами производства. При тѣхъ видахъ производства, „которые заключаются только въ измѣненнн формы или мѣста вещества, какъ, напр., строганіе досокъ или добываніе каменнаго угля“, *исключительной* причиной является трудъ. „Останавливается трудъ—оставливается съ заходомъ солнца, приростъ цѣнности, который онъ создаетъ при помощи своего рубанка, прекращается, пока онъ снова не начнетъ своей работы на слѣдующее утро... Промежуточное время, поскольку это касается производства, могло бы даже не существовать. Теченіе дней, перемена временъ года не представляетъ собою *никакого элемента въ производствѣ*, которое зависитъ лишь отъ количества затраченнаго труда“. Въ другихъ же видахъ производства, которые „стараятся использовать воспроизводительныя силы природы“, *элементомъ является время*. „Сѣмя въ землѣ всходитъ и растетъ даже тогда, когда земледѣлецъ спитъ или обрабатываетъ другія поля“ ¹⁾.

До сихъ поръ *Джоржъ* объяснялъ, какимъ образомъ извѣстные естественно-размножающіеся виды капиталовъ приносятъ процентъ. Извѣстно, однако, что всѣ виды капиталовъ, даже естественно - неразмножающіеся, приносятъ таковой. *Джоржъ* объясняетъ это просто дѣйствіемъ закона уравненія прибыли. „Никто не сталъ бы держать капиталъ въ данной формѣ, если бы онъ могъ превратить его въ другую, болѣе выгодную форму... И, такимъ образомъ, во всякомъ мѣновомъ

¹⁾ Параллельно съ „жизненными силами природы“, по *Джорджу*, дѣйствуетъ также „утилизированіе разницъ въ силахъ природы и челоѵка *посредствомъ обмѣна*“. И оно ведетъ къ увеличенію, которое „въ извѣстной степени равняется увеличенію, произведенному жизненными силами природы“ (стр. 161 и слѣд.). Я могу здѣсь не давать болѣе опредѣленнаго объясненія этого нѣсколько темнаго элемента, такъ какъ самъ *Джоржъ* приписываетъ ему второстепенное значеніе при появленнн процента на капиталъ.

кругъ способность къ приросту, которую производительная или жизненная сила природы даетъ нѣкоторымъ видамъ капитала, должна выравниваться между всѣми видами его; и тотъ, кто ссужаетъ или пускаетъ въ обмѣнъ деньги, рубанки, доски или платье, не лишается возможности получить такой же приростъ, какой онъ имѣлъ бы въ томъ случаѣ, если бы ссужалъ или примѣнялъ для воспроизводительныхъ цѣлей этотъ капиталъ въ формѣ, способной къ приросту.“

Примѣнимъ теперь сказанное къ примѣру *Бастія*. Причина, почему Вильгельмъ въ концѣ года долженъ возвратитъ Якову больше, чѣмъ одинъ такой же рубанокъ, заключается не въ большей силѣ, сообщаемой отданнымъ въ наемъ рубанкомъ, „ибо она не представляетъ собою элемента“, а обуславливается элементами времени—разницей въ одинъ годъ между отдачей въ наемъ и возвратомъ рубанка. Если мы ограничимъ изслѣдованіе однимъ этимъ примѣромъ, „то мы не найдемъ въ немъ ничего такого, что указывало бы, какимъ образомъ долженъ дѣйствовать элементъ времени, ибо рубанокъ въ концѣ года имѣетъ не болѣшую цѣнность, чѣмъ въ началѣ. Но возьмемъ вмѣсто рубанка теленка, и намъ станетъ вполне яснымъ, почему Вильгельмъ, чтобы поставить Якова въ тѣ же условія, въ какихъ онъ находился бы, если бы не давалъ займы, долженъ бы былъ въ концѣ года возвратитъ уже не теленка, а корову. Или предположимъ, что десять дней труда было затрачено на посѣвъ хлѣба, и мы тотчасъ же замѣтимъ, что Яковъ не былъ бы вполне вознагражденъ, если бы въ концѣ года онъ получилъ обратно только такое же количество засѣяннаго хлѣба, ибо въ теченіе года засѣянное зерно проросло бы, выросло и умножилось; точно такъ же, если бы рубанокъ былъ пущенъ въ обмѣнъ, то онъ могъ бы въ продолженіе года обернуться нѣсколько разъ, при каждомъ обмѣнѣ принося приростъ Якову... *Въ конечномъ результатѣ выгода, которая создается теченіемъ времени, вытекаетъ изъ творческой силы природы и изъ различій въ силахъ природы и человѣка*“.—

Эта теорія обнаруживаетъ очевидное сходство съ теоріей естественной производительности *Торго*. Обѣ онѣ выходятъ изъ того отправного пункта, что нѣкоторые виды благъ обладаютъ способностью производить приростъ цѣнности, какъ даромъ природы, и обѣ показываютъ, что этотъ даръ, подъ влияніемъ обмѣна и стремленія хозяйствующаго субъекта обращать свои капиталы на самое прибыльное предпріятіе, долженъ былъ бы путемъ искусственнаго об-

общенія-распространиться на всѣ виды благъ. Онѣ расходятся только въ томъ, что *Тюрго* видитъ источникъ прироста цѣнности совершенно внѣ капитала, въ приносящей ренту землѣ, между тѣмъ какъ *Джоржъ* ищетъ его внутри капитала, въ извѣстныхъ естественно-размножающихся видахъ благъ.

Благодаря этому различію, *Джоржъ* избѣгаетъ наиболѣе существеннаго возраженія, которое мы сдѣлали *Тюрго*. *Тюрго* оставилъ невыясненнымъ, почему уже за относительно низкую цѣну можно купить земельные участки, которые въ концѣ концовъ приносятъ безконечно большую ренту, и, благодаря этому, дать безплодному капиталу преимущество постоянно существующей естественной производительности. У *Джоржа*, напротивъ, очевидно, что неразмножающіяся блага обмѣниваются на размножающіяся въ одинаковомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія могутъ, благодаря производству, быть произведены въ любомъ количествѣ, и поэтому возможность увеличить ихъ предложеніе не допускаетъ того, чтобы за нихъ получали высшую цѣну, чѣмъ за неразмножающіяся блага, стоившія такихъ же издержекъ производства.

Зато теоріи *Джоржа* можно сдѣлать два другихъ и, какъ я полагаю, рѣшающихъ упрека.

Во-первыхъ, раздѣленіе отраслей производства на двѣ группы, въ одной изъ которыхъ живыя силы природы должны составлять элементъ на ряду съ трудомъ, въ другой же не должны, совершенно не выдерживаетъ критики. *Джоржъ* повторяетъ здѣсь въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ старую ошибку физиократовъ, которые признавали содѣйствіе природы въ производствѣ такъ же въ одной только отрасли производства, земледѣліи. Естественныя науки давно уже намъ доказали, что содѣйствіе природы универсально. Все наше производство покоится на томъ, что мы умѣемъ посредствомъ примѣненія силъ природы придать непреходящей матеріи полезную форму. То обстоятельство, является ли сила природы, которой мы при этомъ пользуемся, органической или неорганической, механической или химической, совершенно не мѣняетъ отношенія, въ которомъ находится сила природы къ нашему труду. Утвержденіе, будто въ производствѣ при помощи рубанка „дѣйствующей причиной является одинъ только трудъ“, совершенно ненаучно; движеніе мускуловъ строгальщика приносило бы очень незначительную пользу, если бы ему не помогали естественныя силы и свойства стального лезвія рубанка. И вѣрно ли затѣмъ также утвержденіе, будто въ силу характера

строганія досокъ, какъ простаго „измѣненія формы или мѣста матеріи“, природа ничего тутъ не въ состояніи сдѣлать безъ труда? Нельзя ли вставить рубанокъ въ какую-либо автоматическую машину, которую приводятъ въ движеніе силой воды, и которая непрерывно продолжаетъ производить даже тогда, когда плотникъ спитъ? Неужели въ производствѣ хлѣба природа дѣлаетъ больше? И тѣмъ не менѣе дѣйствіе природы здѣсь является элементомъ, а тамъ нѣтъ?

Во-вторыхъ, *Джоржъ* самъ не объясняетъ того первичнаго явленія процента, при помощи котораго онъ желаетъ объяснить всѣ остальные явленія такового. Онъ говоритъ, что всѣ виды благъ должны приносить процентъ, такъ какъ ихъ можно обмѣнять на хлѣбъ, скотъ или вино, а послѣдніе вѣдь приносятъ процентъ. Но почему же приносятъ процентъ эти послѣдніе?

Кому-либо изъ читателей можетъ, на первый взглядъ, показаться, какъ это, очевидно, казалось самому *Джоржу*, что это ясно само по себѣ. Очевидно, что десять пшеничныхъ зеренъ, въ которыя обращается одно посѣянное зерно, имѣютъ бѣольшую цѣнность, чѣмъ посѣянное зерно; и что выросшая корова имѣетъ бѣольшую цѣнность, чѣмъ теленокъ, изъ котораго она выросла. Нужно, однако, обратить вниманіе на слѣдующее: десять пшеничныхъ зеренъ выросли не просто изъ одного зерна; здѣсь принимали также участіе дѣятельность почвы и извѣстная затрата труда. А что десять пшеничныхъ зеренъ имѣютъ бѣольшую цѣнность, чѣмъ одно зерно + затраченныя дѣйствія почвы + затраченный трудъ, уже, понятно, не очевидно. Такъ же мало очевидно и то, что корова имѣетъ бѣольшую цѣнность, чѣмъ теленокъ + кормъ, который онъ сѣбдуетъ во время своего роста, + трудъ, котораго требуетъ присмотръ за нимъ. А между тѣмъ только при такомъ условіи можетъ остаться процентъ, выпадающій на долю пшеничнаго зерна или теленка.

Даже относительно вина, которое улучшается благодаря отстаиванію, также само по себѣ не очевидно, что лучше отстоявшееся вино имѣетъ бѣольшую цѣнность, чѣмъ менѣе хорошее, неспѣлое вино, такъ какъ при нашемъ способѣ оцѣнки благъ, которыми мы обладаемъ, мы несомнѣнно придерживаемся принципа предвкушенія будущей пользы ¹⁾. Мы оцѣниваемъ наши блага не по той пользѣ или, по крайней мѣрѣ, не только по той пользѣ, которую они намъ при-

¹⁾ Сравни разсужденіе о „компутаціи имущества“ въ *monix* „Rechte und Verhältnisse“ Стр. 80 и слѣд.

носятъ въ данный моментъ, но и по той пользѣ, которую они намъ принесутъ въ будущемъ. Мы приписываемъ полю, которое въ данный моментъ находится подъ паромъ, цѣнность потому, что принимаемъ во вниманіе тѣ урожаи, которые оно намъ принесетъ въ будущемъ; мы приписываемъ отдѣльнымъ кирпичамъ, балкамъ, гвоздямъ, скобкамъ, которые сами по себѣ не приносятъ намъ никакой пользы, цѣнность уже теперь потому, что принимаемъ во вниманіе ту пользу, которую они окажутъ намъ *впоследствии*, будучи соединены въ домъ; мы цѣнимъ бродящее вино, которымъ мы въ такомъ видѣ совершенно не въ состояніи пользоваться, потому, что мы знаемъ, что оно со временемъ обратится въ годное для употребленія вино. Точно такъ же мы могли бы цѣнить и неспѣлое вино, о которомъ мы знаемъ, что оно благодаря отстаиванію обратится въ превосходное вино, по той будущей пользѣ, которую оно намъ принесетъ, въ качествѣ отстоявшагося вина. А разъ мы будемъ приписывать ему уже теперь соотвѣтствующую этому цѣнность, то для прироста цѣнности и процента не будетъ уже больше мѣста. А почему же намъ не поступать такимъ образомъ?

Если же мы не поступаемъ такимъ образомъ или поступаемъ не вполне такимъ образомъ, то причина этого, навѣрно, заключается не въ томъ, что мы принимаемъ во вниманіе производительныя силы природы, присущія вину, какъ это полагаетъ *Джоржъ*. Ибо то обстоятельство, что въ бродящемъ винѣ, которое само по себѣ даже вредно, или что въ неспѣломъ винѣ, которое само по себѣ приноситъ только незначительную пользу, заключаются еще живыя силы природы, ведущія къ появленію дорогихъ продуктовъ, могло бы, въ силу природы вещи, служить только причиной *высокой*, а не *низкой* оцѣнки носителей этихъ дорогихъ силъ. Если же мы оцѣниваемъ ихъ относительно низко, то мы это дѣлаемъ не *потому*, что они являются носителями полезныхъ силъ природы, а *независимо* отъ этого.—Такимъ образомъ мы видимъ, что прибавочная цѣнность продуктовъ природы, на которые ссылается *Джоржъ*, отнюдь не является очевидной.

Джоржъ дѣлаетъ, впрочемъ, слабую попытку объяснить эту прибавочную цѣнность утвержденіемъ, будто бы время образуетъ при ея производствѣ самостоятельный элементъ на ряду съ трудомъ. Но является ли это дѣйствительно объясненіемъ, а не гораздо скорѣе обходомъ объясненія? Какимъ образомъ человѣкъ, бросающій сѣмя въ землю, доходитъ до того, что заставляетъ вознаграждать себѣ въ

цѣнности продукта не только свой трудъ, но и „время“, въ теченіе котораго зерно находилось въ землѣ и росло? Неужели время является предметомъ монополіи? По поводу этого обоснованія такъ и хочется напомнить *Джорджу* наивныя слова древнихъ канонистовъ, что время представляетъ собою общее для всѣхъ благо, какъ для должника, такъ и для заимодавца, какъ для производителя, такъ и для потребителя!

Джоржъ, по всей вѣроятности, имѣлъ здѣсь въ виду собственно не время, а во времени дѣйствующія полезныя органическія силы природы. Но какимъ образомъ производитель можетъ требовать вознагражденія за эти органическія силы природы посредствомъ особой прибавочной цѣнности продукта? Являются ли эти силы природы предметомъ монополіи, не доступны ли онѣ каждому, кто имѣетъ сѣмя? И не можетъ ли каждый пріобрѣсти таковое? Не увеличивалось ли бы постоянно количество хлѣба—хлѣбъ вѣдь можетъ быть производимъ при помощи труда въ любомъ количествѣ—до тѣхъ поръ, пока присущая ему монополія силъ природы не сдѣлала бы обладаніе имъ особенно выгоднымъ? И не должно ли бы въ такомъ случаѣ предложеніе расти до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ всякій связанный съ нимъ экстренный доходъ, и производство хлѣба не перестанетъ быть болѣе выгоднымъ, чѣмъ всякій другой видъ производства?

Внимательный читатель замѣтитъ, что данная нами здѣсь критика напоминаетъ собою критику теоріи производительности *Страсбургера* ¹⁾. *Джоржъ* въ этомъ мѣстѣ своей теоріи не понялъ значенія проблемы процента, подобно *Страсбургеру*, при чемъ еще въ большей степени и съ еще большей наивностью. И тотъ и другой необдуманно считаютъ силы природы причиной процента. *Страсбургеръ* имѣлъ, по крайней мѣрѣ, намѣреніе точно обосновать существующую якобы между ними причинную зависимость и мотивировать всѣ частности. *Джоржъ* же не далъ ничего, кромѣ презумирующей фразы, что въ извѣстныхъ видахъ производства время является „элементомъ“. Такъ дешево нельзя было, конечно, добиться разрѣшенія серьезной проблемы.

В. Видоизмѣненная теорія воздержанія Шелльвина.

Разсужденія *Шелльвина* ²⁾ нѣкоторое время идутъ параллельно социалистической теоріи *Маркса*.

¹⁾ Смотри выше, гл. VII стр. 220 и слѣд.

²⁾ Die Arbeit und ihr Recht. Berlin 1882. Стр. 195 и слѣд.

Цѣнность благъ проявляется въ цѣнѣ, „внутреннимъ свойствомъ“, „субстанціей“ которой она является. Факторами цѣны являются спросъ и предложеніе, или же производство и потребленіе, лежащія въ основѣ таковыхъ. Названные факторы оказываютъ свое вліяніе на цѣнность различнымъ образомъ. Потребленіе является факторомъ цѣнности, конечно, лишь потому, что мы не приписываемъ цѣнности благу, которое не можетъ быть потребляемымъ или полезнымъ; оно является, слѣдовательно, *условіемъ* цѣнности. Но такъ какъ потребности и желанія сами по себѣ ирраціональны, а полезности отсюда несоизмѣримы, то полезность не можетъ быть *масштабомъ* цѣнности. Масштабъ цѣнности заключается исключительно во второй основной области, области производства или труда, а именно, въ рабочемъ времени. Понятно, что отдѣльныя цѣнности могутъ цѣниться только по рабочему времени, необходимому для ихъ изготовленія, а именно, по простому труду, къ которому можно свести всякій сложный трудъ ¹⁾.

Начиная съ этого мѣста, *Шелльвинъ* порываетъ съ *Марксомъ*. Онъ находитъ, что *Марксъ* не придалъ надлежащаго значенія одной своеобразной формѣ результата труда, которая является причиной процента на капиталъ. Для цѣнности имѣетъ существенное значеніе не только потребляемость или полезность, но и дѣйствительное потребленіе. Цѣнность всѣхъ благъ *осуществляется* только посредствомъ потребленія, къ которому она постоянно стремится; только благодаря такому, благо *приобрѣтаетъ цѣнность*. Если же, напротивъ, благо совершенно не поступаетъ въ потребленіе или поступаетъ слишкомъ поздно, то оно *уменьшается въ цѣнности*. Уменьшающее цѣнность непотребленіе имѣетъ иногда патологическій, разрушающій цѣнность, характеръ; на ряду съ этимъ оно имѣетъ также въ хозяйственной жизни постоянное значеніе, „когда оно не разрушаетъ цѣнности, а повышаетъ ее“. Это имѣетъ мѣсто въ двухъ группахъ случаевъ.

Во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда временное непотребленіе продукта необходимо для того, чтобы этотъ продуктъ могъ поступить въ потребленіе вообще, или при извѣстныхъ условіяхъ. Такъ, полевымъ плодамъ мы должны предоставить время для созрѣванія, вину—время для отстаиванія въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Поскольку необходимъ такой промежутокъ времени между окончаніемъ

¹⁾ О. с. стр. 195—201.

продукта и приобретением имъ цѣнности, постольку онъ долженъ вести къ увеличенію его цѣнности, потому что временное непотребленіе обуславливаетъ собою „уменьшеніе результата труда“, а это для цѣны имѣетъ такое же значеніе, какъ увеличеніе необходимаго рабочаго времени: „необходимое время непотребленія“ образуетъ поэтому совершенно такъ же, какъ и дѣйствительное рабочее время, составную часть опредѣляющаго цѣнность „общественнаго времени производства“ ¹⁾.

Вторая группа обнимаетъ тѣ случаи, въ которыхъ изготовленіе одного продукта требуетъ, чтобы другіе продукты не были потреблены. Это имѣетъ мѣсто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда капиталъ составляетъ условіе производства, слѣдовательно, всегда. При этомъ обнаруживается слѣдующее: „Капиталъ не потребляется, по крайней мѣрѣ по роду. Отдѣльныя части капитала, правда, потребляются въ производствѣ и входятъ поэтому въ цѣнность продукта именно потому, что онѣ потребляются. Этотъ потребленный капиталъ возмѣщается продуктомъ, въ цѣнности котораго возстановляется цѣнность затраченнаго капитала. Но потребленный капиталъ долженъ, дѣйствительно, возстановляться: хозяйственно-необходимый капиталъ долженъ постоянно сохраняться, онъ не долженъ потребляться. Если поэтому капиталъ не потребляется въ процессѣ производства, то продуктъ долженъ содержать въ себѣ вознагражденіе за это непотребленіе, а это обуславливаетъ собою соответственное повышеніе цѣнности продукта. Если бы продуктъ содержалъ въ своей цѣнности только эквивалентъ вошедшей въ него, благодаря потребленію капитала, цѣнности и новаго, необходимаго для его изготовленія труда, то капиталъ не получалъ бы такого вознагражденія за свое потребленіе, а это, съ хозяйственной точки зрѣнія, немислимо; планомѣрное непотребленіе можетъ имѣть мѣсто въ хозяйственной жизни лишь въ томъ смыслѣ, что использование непотребленныхъ и поэтому обезцѣненныхъ благъ получается посредственно, путемъ использованія новыхъ продуктовъ“ ²⁾.—Эта часть цѣнности, получаемая въ качествѣ вознагражденія за непотребленіе капитала, является процентомъ на капиталъ.

Гораздо легче сдѣлать узелъ, чѣмъ распутать его. Точно такъ же и я боюсь, что для того, чтобы распутать хитро

¹⁾ Стр. 203 и слѣд.

²⁾ Стр. 204 и слѣд.

сплетенную изъ различныхъ ошибокъ и заблужденій тканьъ, заключающуюся въ вышеизложенныхъ словахъ, мнѣ понадобится больше словъ, чѣмъ понадобилось *Шелльвину*, для того, чтобы ее соткать.

Основной ошибкой *Шелльвина* является чуть ли не съ комизмомъ граничащая двойная игра понятіемъ „потребленіе капитала“ и не менѣе граничащей съ комизмомъ двойной счетъ при возмѣщеніи потребленнаго и непотребленнаго капитала.

Шелльвинъ исходитъ изъ того положенія, что даже одно временное непотребленіе благъ дѣлаетъ ихъ „самими по себѣ безцѣнными“, и что, разъ оно было необходимо для производства другихъ благъ, то оно должно быть вознаграждено покупателемъ этихъ благъ. Уже это предположеніе необыкновенно спорно; если не наступаетъ естественная порча или перемѣна моды, то благо, напротивъ, вслѣдствіе временнаго непотребленія обыкновенно не уменьшается въ цѣнности. Но оставимъ-те все-таки это предположеніе въ силѣ.

Въ производствѣ потребляются части капитала; такъ, напр., въ производствѣ сукна потребляется шерсть. Однако, для того, чтобы быть въ состояніи вести производство планомѣрно, предприниматель немедленно замѣняетъ потребленные части капитала такими же новыми: вмѣсто потребленной шерсти суконный фабрикантъ закупаетъ новую шерсть. Этотъ необыкновенно простой фактъ *Шелльвинъ* разсматриваетъ съ двоякой точки зрѣнія: съ одной стороны, онъ принимаетъ во вниманіе конкретныя части капитала; послѣднія, несомнѣнно, потребляются—и вотъ *Шелльвинъ* утверждаетъ, что *капиталъ потребляется*. Съ другой стороны, отвлекаясь отъ конкретныхъ частей, онъ принимаетъ во вниманіе исключительно *родъ* капитала; онъ находитъ, что, благодаря возстановленію потребленныхъ частей другими, капиталъ по роду сохраняется—и вотъ онъ утверждаетъ, что *капиталъ не потребляется*.—Послѣдній взглядъ, въ свою очередь, нѣсколько сомнителенъ; по моему мнѣнію, это скорѣе игра словъ, чѣмъ обозначеніе сущности явленія, но я также оставляю его въ силѣ безъ всякихъ возраженій.—Теперь слѣдуетъ рѣшающій шагъ.

Вмѣсто того, чтобы окончательно остановиться на одномъ изъ этихъ взглядовъ, *Шелльвинъ*, подобно фокуснику, выставляетъ попеременно то одинъ, то другой, а въ концѣ концовъ на основаніи этихъ противоположныхъ данныхъ обновременно требуетъ вознагражденія капиталиста. Сначала

онъ разсматриваетъ капиталъ, какъ потребленный, чтобы „этотъ потребленный капиталъ“ былъ возмѣщенъ въ продуктѣ, при чемъ покупатель долженъ уплатить его полную цѣнность; вслѣдъ за тѣмъ онъ тотъ же капиталъ разсматриваетъ, какъ „просто непотребленный“, чтобы продуктъ служилъ также возмѣщеніемъ за „это непотребленіе“, при чемъ покупатель долженъ уплатить добавочную цѣну, какъ премію за непотребленіе!

Что сказали бы *Шелльвинъ* по поводу слѣдующаго примѣра? У меня старый вѣрный слуга, который, однако, страдаетъ крупнымъ недостаткомъ—любитъ выпивать. Я хочу отучить его отъ пьянства и заключаю съ нимъ слѣдующій договоръ. Если онъ будетъ продолжать пить, то я буду платить ему за дѣйствительно выпитое вино, но при этомъ не больше, чѣмъ за одинъ литръ вина ежедневно. Если же онъ броситъ пить, то за каждый день воздержанія онъ получитъ сумму, равную цѣнности двухъ литровъ, въ качествѣ преміи. Договоръ заключенъ. Слуга выпиваетъ одинъ литръ вина, затѣмъ покупаетъ другой литръ, но не выпиваетъ его и, на основаніи договора, требуетъ отъ меня сумму, равную цѣнности *трехъ* литровъ: сумму, равную цѣнности *одного* литра, такъ какъ я ему обѣщала платить за дѣйствительно выпитое имъ вино, а, поскольку дѣло идетъ о конкретной вещи, онъ дѣйствительно выпилъ вино, и сумму, равную цѣнности *двухъ* литровъ, такъ какъ онъ немедленно же замѣнилъ выпитый имъ литръ вина новымъ, котораго не выпилъ, слѣдовательно, *по роду* онъ не потребилъ вина, вслѣдствіе чего ему слѣдуетъ вознагражденіе за непотребленіе!—Я очень боюсь, что *Шелльвинъ* не будетъ въ состояніи отрицать полную аналогію этого примѣра съ его ученіемъ!

Впрочемъ, чтобы разрѣшить этотъ важный вопросъ не только посредствомъ аналогій, но и по существу, представимъ себѣ конкретный примѣръ въ духѣ теоріи *Шелльвина*. Допустимъ, что суконный фабрикантъ превращаетъ шерсть, цѣнностью въ 100.000 гульденовъ, въ сукно, и что процессъ производства продолжается годъ. Отвлечемся при этомъ отъ всѣхъ другихъ издержекъ производства, какъ издержекъ на машины, заработную плату и т. п., и сосредоточимъ все наше вниманіе на вопросѣ, какую цѣнность должно имѣть сукно, чтобы предприниматель получилъ должное вознагражденіе за содѣйствіе его капитала—шерсти.

Шелльвинъ говоритъ: конкретно шерсть потребляется, по роду она не потребляется. Теперь можетъ произойти одно

изъ двухъ: такъ какъ шерсть подлежитъ временному непотребленію, то она или должна уменьшиться въ цѣнности или не должна. Допустимъ вмѣстѣ съ *Шелльвиномъ*, что такое уменьшеніе цѣнности, дѣйствительно, имѣеть мѣсто, и опредѣлимъ его размѣръ въ 5% = 5000 гульденамъ. При такомъ предположеніи я категорически признаю, что цѣнность продукта должна дать вознагражденіе за это уменьшеніе цѣнности: приростъ цѣнности въ 5000 гульденовъ, дѣйствительно, долженъ имѣть мѣсто. Но приростъ къ чему? Къ цѣнности конкретно потребленной шерсти? Но если она „вслѣдствіе временного непотребленія“ уменьшилась въ цѣнности на 5000 гульденовъ, то она, очевидно, имѣеть цѣнность только въ 95000 гульденовъ, и общее возмѣщеніе, которое должно дать цѣнность продукта, равняется, включая уже приростъ въ 5000 гульденовъ, только 100000 гульденамъ. Прибавочная цѣнность сверхъ первоначального капитала въ 100.000 гульденовъ, очевидно, ни на чемъ не основана.

Положимъ теперь, что временное непотребленіе не уменьшаетъ цѣнности шерсти: тогда въ цѣнность продукта войдетъ шерсть, цѣнностью въ 100.000 гульденовъ, но тогда нѣтъ также никакого основанія, почему эта сумма должна приобрести приростъ за непотребленіе, ибо *Шелльвинъ* требуетъ его, очевидно, потому, что непотребленіе влечетъ за собою „уменьшеніе цѣнности“, „уменьшеніе результата труда“¹⁾.

Какъ бы мы ни примѣняли это предположеніе, мы ни въ какомъ случаѣ не найдемъ объясненія для прибавочной цѣнности сверхъ первоначальной цѣнности потребленного капитала. На основаніи всего хода доказательства *Шелльвина*

¹⁾ Можно было бы представить дѣло еще слѣдующимъ образомъ. Шерсть, превращенная въ сукно, дѣйствительно потребляется и должна поэтому съ полной своей цѣнностью быть причислена къ издержкамъ производства; приобретенная затѣмъ шерсть временно не потребляется, „уменьшается въ цѣнности“ и имѣеть поэтому право на возмѣщеніе за свое ипотребленіе. Но это объясненіе не приводитъ, очевидно, къ желанной цѣли: для того, чтобы раскрыть ошибку, слѣдуетъ только распространить разсужденіе на послѣдующій періодъ производства. Шерсть, приобретенная позже, потребляется въ ближайшій періодъ производства „конкретно“. Если она уменьшается въ цѣнности, то въ ближайшій періодъ она должна быть причислена къ издержкамъ производства только съ уменьшенной цѣнностью; мы приходимъ, такимъ образомъ, къ изложенному въ текстѣ выводу. Если же она не уменьшается въ цѣнности, то въ предшествующій періодъ она не нуждалась ни въ какомъ возмѣщеніи за уменьшеніе въ цѣнности.

мы не можемъ даже серьезно этого ожидать. Въ самомъ дѣлѣ, по *Шелльвину* вознагражденіе за непотребленіе должно быть исключительно возмѣщеніемъ убытка, который терпитъ продуктъ труда благодаря уменьшенію въ цѣнности, возмѣщеніемъ, безъ котораго „счетъ не будетъ вѣренъ“. Но какимъ же образомъ *возмѣщеніе убытка* можетъ обратиться въ *излишекъ*? Если я изъ 100 яблокъ потеряю 5 и для возмѣщенія убытка прибавлю столько же яблокъ, сколько потерялъ, то $100 - 5 + 5$ дастъ всегда только 100, а не 105!!

Само собой разумѣется, что такая неясная теорія не могла быть ясно изложена. Если бы *Шелльвинъ* изложилъ ее яснѣе, то ея противорѣчія, конечно, натолкнулись бы другъ на друга. Правда, *Шелльвинъ* излагаетъ ее подробно, даже очень подробно, но его подробность не заключается въ томъ, что онъ одинъ разъ подробно излагаетъ свою мысль, а въ томъ, что онъ часто повторяетъ ее съ одинаковой неопредѣленностью и двусмысленностью. При этомъ онъ дѣлаетъ своеобразную ошибку при опредѣленіи своего отношенія къ теоріи трудовой цѣнности. Несмотря на то, что на ряду съ дѣйствительно затраченнымъ рабочимъ временемъ онъ считаетъ вторымъ самостоятельнымъ элементомъ цѣнности благъ непотребленіе, онъ все же полагаетъ, что далъ теорію, которая „вытекаетъ изъ сущности труда и цѣнности,“ и „которая по необходимости слѣдуетъ изъ теоріи цѣнности, основанной на трудѣ.“

Однако, теорія *Шелльвина* необычайно поучительна именно благодаря своимъ ошибкамъ. Она рельефно показываетъ, какъ беспомощна теорія трудовой цѣнности по отношенію къ объясненію процента на капиталъ. *Родбертусъ* и *Марксъ* пытались ненарушимо оставаться при своемъ основномъ положеніи, что количество труда является единственнымъ законнымъ принципомъ, регулирующимъ цѣнность всѣхъ благъ. Это было возможно только постольку, поскольку они просто игнорировали важнѣйшую область процента на капиталъ — прибавочную цѣнность тѣхъ продуктовъ, которые при одинаковой затратѣ труда требуютъ для своего производства болѣе продолжительнаго времени. *Шелльвинъ* былъ достаточно безпристрастнымъ, чтобы не видѣть, что это игнорированіе ни къ чему не приводитъ, и искренне старался дѣйствительно объяснить эти факты при помощи теоріи трудовой цѣнности. Но непримиримаго нельзя примирить. Всѣ его искусственные приемы и обороты по поводу потребленнаго капитала, который въ то же время

не потребляется, о „времени непотребленія“, которое является частью времени производства, о „приравненіи“, которое является излишкомъ, приводятъ только къ тому, что онъ въ концѣ концовъ вмѣсто того, чтобы добиться объясненія явленія процента на капиталъ, измѣняетъ своему теоретическому отправному пункту. Ложная въ самомъ своемъ основаніи, теорія трудовой цѣнности всегда будетъ изобличаться во лжи фактами хозяйственной жизни.

Теорія *Шеллвина* поучительна еще въ одномъ отношеніи. Мы, экономисты, очень любимъ освобождать наши научныя категоріи отъ общаго матеріальнаго основанія, въ которомъ онѣ проявляются, и приписывать имъ болѣе свободное, идеальное существованіе. „Цѣнность“ благъ, напр., кажется намъ слишкомъ благородной для того, чтобы всегда оставаться тѣсно связанной съ матеріальнымъ благомъ, которое является ея носителемъ. Мы освобождаемъ ее отъ этой недостойной связи; мы придаемъ ей самостоятельное существованіе, которое идетъ своей дорогой, независимо, даже въ разрѣзъ съ судьбой ея неблагороднаго носителя. Мы допускаемъ, что „цѣнность“ продается независимо отъ блага, и что благо продается, хотя „цѣнность“ его не отчуждается; мы допускаемъ, что блага уничтожаются, между тѣмъ какъ ихъ „цѣнность“ остается, и, наоборотъ. „цѣнности“ исчезаютъ, между тѣмъ какъ ихъ носители остаются невредимыми. Точно такъ же кажется намъ слишкомъ простымъ относить категорію капитала къ совокупности матеріальныхъ благъ. Мы освобождаемъ ее отъ этого: капиталъ—это нѣчто такое, что носится надъ благами; онъ продолжаетъ существовать даже тогда, если части, его составляющія, исчезаютъ. „Прежде всего“—говоритъ *Германъ*—„нужно отличать предметъ, въ которомъ капиталъ овеществляется, отъ самого капитала“ ¹⁾. А *Макъ-Леодъ* считаетъ „метафорой“ приписываніе благамъ названія капитала ²⁾.

Честь, кому честь подобаешь! Благо наукѣ, которая не пытается втиснуть въ Прокрустово ложе механическо-материалистической точки зрѣнія воистину идеальныя потенціи.

1) Staatswirtschaftliche Untersuchungen 2-ое издание, стр. 605.

2) И понятіе „true capital“, которое выставляетъ проф. *К. Б. Кларкъ* въ противоположность „concrete capital goods (The Genesis of capital, Yale Review, ноябрь 1893, стр. 302 и слѣд.) принадлежить, по моему мнѣнію, къ той же категоріи мистическихъ образованій понятій. Сравни по этому вопросу мою статью „The positive Theory of capital and its Critics“ въ „Quarterly Journal of Economics“, выпускъ IX, январь 1895 г. стр. 113 и слѣд.

вляющія на нашу жизнь. Нужно, однако, умѣть различать Наши вещественныя блага и ихъ польза, наши вещественныя капиталы и ихъ производительное дѣйствіе принадлежатъ, дѣйствительно, къ матеріальной сферѣ, хотя они ею и не исчерпываются. Идеализировать ихъ—это значитъ не возвышать пониманіе, а фальсифицировать его. Это значитъ разрѣшать себѣ объяснять тѣ предметы, которые существуютъ въ матеріальномъ мірѣ на основаніи законовъ матеріальнаго міра, независимо отъ этихъ законовъ, даже въ разрѣзъ съ ними.

А не разрѣшаютъ себѣ этого тогда, если не думаютъ этимъ разрѣшеніемъ воспользоваться. Кто безхитростно и вѣрно придаетъ естественному естественное объясненіе, того не поощряетъ идеализирующая фраза, тому она мѣшаетъ. Тому же, кто въ объясненіи естественнаго желаетъ измѣнить природѣ, она даетъ прекрасный предлогъ: то, чего нельзя объяснить *согласно* природѣ, сначала ставятъ *внѣ* природы, чтобы потомъ объяснить *въ разрѣзъ* съ нею.

Я уже давно привыкъ считать встрѣчаемая ложныя идеализированія предупредительнымъ сигналомъ. И я рѣдко ошибался. Если одно изъ нашихъ простыхъ, обыденныхъ понятій, какъ, напр., благо, имущество, капиталъ, выручка, пользованіе, продуктъ и т. п., которыя гнѣздятся глубоко въ мірѣ осязаемаго, освобождается посредствомъ идеализирующаго толкованія отъ своихъ конкретныхъ основъ и даже совсѣмъ становится въ разрѣзъ съ ними, то трудно не сдѣлать ложнаго вывода, опорой для котораго является такое толкованіе. Въ подтвержденіе сказаннаго я могъ бы привести длинный рядъ заблужденій изъ литературы нашей науки, но я не дѣлаю этого, не желая задерживать хода нашихъ изслѣдованій. Читатель, интересующійся этимъ, и безъ моего содѣйствія найдетъ подтвержденіе. Я же приведу только одинъ опредѣленный примѣръ, который далъ непосредственный толчокъ къ настоящему моему отступленію, примѣръ *Шелльвина*: не успѣлъ *Шелльвинъ* отдѣлать въ своемъ мышленіи „капиталъ“ отъ „частей“, изъ которыхъ онъ состоитъ, и противопоставить его таковымъ, какъ уже начинается игра капиталомъ, который въ одно и то же время потребляется и не потребляется, въ одно и то же время сохраняетъ полную свою цѣнность и уменьшается въ цѣнности, и уменьшеніе цѣнности котораго становится излишкомъ потому, что она снова восстанавливается!

Заключеніе.

Бросимъ взглядъ, который слишкомъ ужъ долго оставивался на частностяхъ, на цѣлое. Мы видѣли, что появилось пестрое множество теорій процента на капиталъ. Всѣ эти теоріи мы тщательно разсмотрѣли и изслѣдовали. Ни одна изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ абсолютной истины. Но были ли онѣ поэтому совершенно безплодными? Не образуютъ ли онѣ въ совокупности ничего, кромѣ хаоса противорѣчій и заблужденій, при исходѣ котораго мы находимся къ истинѣ не ближе, чѣмъ въ началѣ? Или же сквозь путаницу противорѣчивыхъ ученій все же проходитъ черта развитія, которая, если и не привела еще къ самой истинѣ, то все-таки, по крайней мѣрѣ, указала дорогу, которая ведетъ къ ней? И какъ проходитъ линія этого развитія?

Приступая къ отвѣту на этотъ заключительный вопросъ, я считаю самымъ цѣлесообразнымъ попросить своихъ читателей еще разъ ясно представить себѣ содержаніе нашей проблемы. Что имѣетъ въ виду и къ чему стремится проблема процента? *Она должна изслѣдовать и изложить причины, направляющія въ руки капиталистовъ рукавъ потока благъ, получаемыхъ ежегодно изъ національнаго производства даннаго народа.* Она представляетъ собою, слѣдовательно,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія—проблему *распредѣленія благъ.*

Однако, въ какой части теченія рѣшается вопросъ объ отдѣленіи этого рукава?—На эту тему историческое развитіе ученій выставило три существенно различныхъ точки зрѣнія, которыя привели къ тремъ столь же различнымъ основнымъ объясненіямъ всей проблемы процента.

Останемся вѣрными картинѣ теченія еще одно мгновеніе; она даетъ возможность освѣтить нашу проблему. Источникъ представляетъ собою производство благъ, устье—окончательное распредѣленіе дохода, предназначенное для удовлетворенія потребностей; среднее же теченіе этого потока

представляет собою ту промежуточную стадию между появлением и окончательным распределением благъ, въ которой они въ хозяйственномъ обменѣ переходятъ изъ рукъ въ руки и, благодаря оцѣнкѣ людей, приобретаютъ цѣнность.

Упомянутыя нами три точки зрѣнія таковы:

Одна изъ нихъ считаетъ долю капиталистовъ уже выдѣленной въ самомъ источникѣ. Три отдѣльныхъ источника, природа, трудъ и капиталъ, приносятъ каждый, въ виду присущей ему производительной силы, опредѣленное количество благъ, обладающихъ опредѣленной цѣнностью; при этомъ вся цѣнность, вытекающая изъ каждаго источника, становится доходомъ тѣхъ лицъ, собственностью которыхъ является источникъ. Это, собственно, не *одинъ* потокъ, а *три* потока, которые хотя и текутъ одно время въ среднемъ своемъ теченіи по одному и тому же руслу, но не сливаются и при устьѣ вновь развѣтвляются въ томъ же отношеніи, въ которомъ они вышли изъ отдѣльныхъ источниковъ.—Эта точка зрѣнія переноситъ все объясненіе въ источникъ—въ производство благъ; она разсматриваетъ проблему процента, какъ *проблему производства*. Это точка зрѣнія наивныхъ теорій производительности.

Вторая точка зрѣнія какъ разъ противоположна первой. Она ищетъ развѣтвленія только и исключительно въ устьѣ. Существуетъ только *одинъ* источникъ, изъ котораго нераздѣльно вытекаетъ весь потокъ благъ,—трудъ; даже среднее теченіе однообразно и нераздѣльно: въ цѣнности благъ нѣтъ ничего, что приводило бы къ распределенію таковыхъ между различными участниками, ибо вся цѣнность измѣряется исключительно трудомъ. Только при самомъ устьѣ, когда потокъ благъ хочетъ и долженъ уже вылиться въ доходъ рабочихъ, которые его создали, земельные собственники и капиталисты съ двухъ сторонъ запружаютъ потокъ жердью своей монополіи и насильно отводятъ часть теченія въ свою сторону.—Это—точка зрѣнія социалистической теоріи эксплоатации. Она отказывается проценту въ предварительномъ существованіи въ болѣе раннихъ стадіяхъ существованія благъ, разсматриваетъ его исключительно какъ результатъ неорганическаго, случайнаго насильнаго захвата, а проблему процента считаетъ *чистой проблемой распределенія въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова*.

Третья точка зрѣнія лежитъ по срединѣ. На основаніи этой точки зрѣнія блага вытекаютъ изъ двухъ, а, какъ утверждаютъ нѣкоторые, даже изъ трехъ источниковъ и

немедленно же соединяются въ одинъ нераздѣльный потокъ. Здѣсь они, однако, подпадаютъ подъ вліяніе образованія цѣнности, отъ котораго теченіе потока немедленно снова начинаетъ развѣтвляться и переплетаться. Люди, оцѣнивая, посредствомъ опредѣленія потребительной цѣнности различныхъ благъ и видовъ благъ и основанной на ней мѣнливой цѣнности, то значеніе, которое для нихъ имѣютъ таковыя, въ зависимости отъ количества и интенсивности ихъ потребностей, съ одной стороны, и отъ существующаго количества средствъ удовлетворенія, съ другой, устанавливаютъ разницу между благами—повышаютъ одну ихъ часть и понижаютъ другую. И вотъ появляются сложныя измѣненія уровней, приливы и отливы, подъ вліяніемъ которыхъ массы потока благъ постепенно выдѣляются въ три рукава, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое особое устье: первый выливается въ доходъ земельныхъ собственниковъ, второй—въ доходъ рабочихъ, третій—въ доходъ капиталистовъ. Эти три рукава, однако, не только не тождественны съ двумя или тремя источниками, но по своей силѣ даже не соответствуютъ имъ. О силѣ теченія каждаго изъ этихъ рукавовъ при устьѣ свидѣтельствуетъ не сила теченія каждаго источника, а та доля соединеннаго потока, которую образованіе цѣнности отвело каждому изъ нихъ. Къ этой точкѣ зрѣнія сводятся всѣ остальные теоріи процента. Относя окончательное распредѣленіе къ стадіи образованія цѣнности, онѣ считаютъ своей обязанностью вернуться въ своемъ теоретическомъ объясненіи къ этой области: онѣ расширяютъ и развиваютъ проблему распредѣленія процента въ *проблему цѣнности*.

Какая же изъ этихъ трехъ основныхъ точекъ зрѣнія была правильной?—Для трезваго и безпристрастнаго изслѣдователя рѣшеніе не могло возбудить сомнѣнія.

Первая навѣрно не была таковой. Не только капиталъ не является первичнымъ источникомъ благъ, такъ какъ онъ всегда былъ плодомъ природы и труда, но нѣтъ также, какъ мы въ этомъ достаточно убѣдились, никакой силы какого-бы то ни было фактора производства, которая сама по себѣ могла бы придавать его физическимъ продуктамъ уже и опредѣленную цѣнность. Подобно цѣнности вообще и прибавочной цѣнности въ частности, процентъ на капиталъ не появляется въ готовомъ видѣ уже въ производствѣ благъ: проблема процента не представляетъ собою чистой проблемы производства.

Но и вторая точка зрѣнія не могла быть правильной.

Ее опровергаютъ факты. Не только въ распредѣленіи, но уже въ образованіи цѣнности появляется посторонній элементъ на ряду съ трудомъ. Столѣтній дубъ, который за все продолжительное время своего роста требовалъ одного дня заботливаго труда, имѣетъ въ сто разъ болъшую цѣнность, чѣмъ стулъ, который былъ изготовленъ изъ нѣсколькихъ досокъ тоже въ теченіе одного дня. Притомъ дубъ, являющийся продуктомъ одного дня труда, не сразу приобрѣлъ во сто разъ болъшую цѣнность, чѣмъ стулъ, стоящій одного дня труда. Но день за днемъ, годъ за годомъ его возрастающая цѣнность удалялась отъ цѣнности стула. И какъ обстоитъ дѣло съ цѣнностью дуба, такъ обстоитъ оно также съ цѣнностью всѣхъ продуктовъ, которые требуютъ для своего производства не только труда, но и времени.

Эти медленно и постоянно дѣйствующія силы шагъ за шагомъ отдѣляли цѣнность дуба отъ цѣнности стула и дали проценту на капиталъ его происхожденіе. Дѣйствуя уже задолго до времени распредѣленія благъ, онѣ заранѣе намѣчаютъ будущую грань между заработной платой и процентомъ на капиталъ, ибо трудъ можетъ вознаграждаться только по принципу: „одинаковое вознагражденіе за одинаковый трудъ“. Если, однако, цѣнность благъ, которыя производятся одинаковымъ трудомъ, сдѣлалась неодинаковой вслѣдствіе напряженія этихъ силъ, то одинаковый уровень заработной платы не можетъ вездѣ покрываться неодинаковымъ ростомъ цѣнности благъ: только цѣнность благъ, находящихся въ неблагоприятныхъ условіяхъ, придерживается этого уровня и исчерпывается также универсальной нормой заработной платы, которую она опредѣляетъ; всѣ же блага, находящіяся въ благоприятныхъ условіяхъ, превышаютъ означенный уровень, въ зависимости отъ условій образованія цѣнности, и не могутъ исчерпываться универсальной нормой заработной платы. Если они затѣмъ подвергаются окончательному распредѣленію, то, послѣ того какъ всѣ рабочіе за одинаковый трудъ получили одинаковое вознагражденіе, они сами по себѣ должны оставить еще часть, которую можетъ присвоить и присваиваетъ себѣ капиталистъ. Они оставляютъ ее не потому, что капиталистъ въ послѣдній часъ, благодаря своему внезапному захвату, искусственно понизилъ уровень заработной платы за предѣлы уровня цѣнности благъ, а потому, что уже задолго до этого тенденціи образованія цѣнности повысили цѣнность тѣхъ благъ, производство которыхъ стоитъ труда и времени, надъ уровнемъ цѣнности остальныхъ благъ, производство

которыхъ требуетъ *только* немедленно оплачивающагося труда, и цѣнность которыхъ устанавливаетъ въ то же время направленіе универсальной нормы заработной платы, такъ какъ она должна вѣдь быть достаточна для того, чтобы удовлетворить затраченный на *ея* производство трудъ.

Такъ говорятъ факты. Выводы, къ которымъ они побуждаютъ, очевидны. Проблема процента представляетъ собою проблему распредѣленія. Но это распредѣленіе имѣетъ свою предварительную исторію, и на основаніи *ея* оно должно быть объяснено. Совокупности благъ не распадаются сразу въ распредѣленіи, но линіи распредѣленія, по которымъ онѣ распадаются, намѣчаются уже въ болѣе раннихъ стадіяхъ существованія благъ медленно и постепенно. Кто дѣйствительно хочетъ понять и объяснить распредѣленіе, тотъ долженъ слѣдить за происхожденіемъ этихъ едва замѣтныхъ, но все же опредѣленныхъ линій распредѣленія. Этотъ путь ведетъ къ области цѣнности благъ. Здѣсь и придется дать главную часть объясненія процента. Кто разсматриваетъ проблему процента, какъ чистую проблему производства, тотъ обрываетъ объясненіе до рѣшающаго пункта; кто разсматриваетъ *ее*, какъ проблему распредѣленія, и *исключительно* какъ таковую, тотъ начинаетъ *ее* разсматривать только послѣ рѣшающаго пункта. Только тотъ, кто берется выяснить всѣ тѣ своеобразныя повышенія и пониженія цѣнности благъ, разность между размѣрами которыхъ становится „прибавочной цѣнностью“, можетъ надѣяться дать при ихъ посредствѣ дѣйствительно научное объясненіе процента: проблема процента въ концѣ концовъ является *проблемой цѣнности*.

Если мы это будемъ имѣть въ виду, то мы получимъ основаніе для оцѣнки значенія каждой отдѣльной группы теорій и поймемъ направленіе линіи прогрессивнаго развитія.

Двѣ теоріи совершенно не поняли природы проблемы процента: онѣ занимаютъ, одна образуя pendant къ другой, въ общемъ самую низкую ступень развитія. Этими двумя теоріями являются наивная теорія производительности и социалистическая теорія эксплуатаціи. Это сопоставленіе можетъ показаться страннымъ. Какъ глубоко отличаются обѣ теоріи по своимъ результатамъ! Какъ высоко ставятъ себя приверженцы теоріи эксплуатаціи надъ наивными презумпціями теоретиковъ производительности! Съ какой самоувѣренностью они называютъ себя передовымъ критическимъ направленіемъ!

А все-же это сопоставленіе справедливо. Прежде всего

объ теоріи сходятся въ отрицательномъ смыслѣ: ни одна изъ нихъ не касается дѣйствительной проблемы, ни одна изъ нихъ не приводитъ ни одного слова для объясненія тѣхъ своеобразныхъ волнъ, которыя порождаетъ цѣнность благъ, и изъ которыхъ появляется прибавочная цѣнность. Теорія производительности въ объясненіи возрастаній цѣнностей ограничивается утвержденіемъ, что они произведены, между тѣмъ какъ теорія эксплуатаціи—чуть ли не хуже—даже ихъ игнорируетъ: они для нея совершенно не существуютъ; для нея, какъ бы ни возставали противъ этого факты хозяйственной жизни, уровень цѣнности благъ совершенно совпадаетъ съ уровнемъ затраты труда ¹⁾.

Но не одна только отрицательная сторона связываетъ объ теоріи; ихъ связываетъ также и положительная идея, и связываетъ притомъ тѣснѣе, чѣмъ можно было бы предполагать. Онѣ, дѣйствительно,—плоды одной и той же вѣтви, дѣти одного и того же наивнаго предубѣжденія, что цѣнность вырастаетъ изъ производства, какъ стебель изъ земли.

Это предубѣжденіе имѣетъ въ литературѣ нашей науки длинную исторію. Въ постоянно измѣняющихся формахъ оно прогосподствовало въ нашей наукѣ въ теченіе 130 лѣтъ и, придавая ложное направленіе объясненію основного явленія, тормозило ея развитіе. Прежде всего проявляется оно въ ученіи фізіократовъ, что земля производитъ весь избытокъ цѣнности посредствомъ своего плодородія. *Смитъ* ослабилъ его значеніе, *Рикардо* совершенно его уничтожилъ. Однако, прежде чѣмъ оно окончательно исчезло въ своей первоначальной формѣ, *Сэ* ввелъ его въ науку вторично въ новой, расширенной формѣ: вмѣсто одной производительной силы фізіократовъ, появляются теперь три производительныя силы, создающія цѣнности и излишки цѣнно-

¹⁾ Написано въ 1884-омъ году до появленія третьяго тома *Капитала Маркса*. Послѣдняя фаза марксизма не только не улучшаетъ положенія дѣла, но еще ухудшаетъ его, такъ какъ она смѣшиваетъ первоначальное игнорированіе рѣшающихъ разностей цѣнностей съ запоздалымъ ихъ признаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, игнорированіе имѣло мѣсто до тѣхъ поръ, пока не были сдѣланы всѣ рѣшающіе ложные выводы, которые были возможны только благодаря такому игнорированію; нарочно такъ долго отсрачиваемое признаніе фактическихъ образованій цѣнностей наступаетъ слишкомъ поздно для того, чтобы исправить появившіяся благодаря этому пренебреженію основныя положенія, но зато достаточно рано для того, чтобы имъ противорѣчить. Система, такимъ образомъ, не только не становится болѣе правильной, но даже болѣе противорѣчивой. Сравни выше, гл. XII, стр. 493 и слѣд.

стей совершенно такъ же, какъ, по мнѣнію физиократовъ, создавался „produit net“. Въ этой своей формѣ предубѣжденіе это держало въ своихъ оковахъ науку въ теченіе многихъ десятилѣтій. Наконецъ, оно вторично было изобличено, въ особенности страстной, но дѣльной критикой социалистическихъ теоретиковъ. Но и теперь проявилась его упорная жизненная сила: оно отказалось только отъ своей формы, но не отъ сущности и сумѣло еще разъ спасти себя въ новой формѣ; странный же капризъ судьбы сдѣлалъ то, что оно нашло себѣ свой новый пріютъ какъ разъ въ сочиненіяхъ тѣхъ писателей, которые наиболѣе ѣдко опровергали его въ его предыдущей формѣ,—въ сочиненіяхъ социалистовъ. Исчезли создающія цѣнность *силы*; осталась создающая цѣнность *сила* труда, а вмѣстѣ съ ней и старая бѣда, заключающаяся въ томъ, что для необыкновенно сложныхъ условій образованій цѣнностей, выясненіе которыхъ должно было сдѣлаться задачей и гордостью нашей науки, не осталось ничего иного, кромѣ грубой презумпціи или, поскольку они не годились для презумпціи, еще болѣе грубаго отрицанія.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительности наивная теорія производительности капитала и эманципированное ученіе социалистовъ являются теоретическими близнецами. Пусть послѣднее все же считаетъ себя критическимъ ученіемъ: оно, дѣйствительно, является таковымъ, но оно является также, какъ это оказывается, ученіемъ наивнымъ. Оно критикуетъ одну наивную крайность, чтобы впасть въ другую, не менѣе наивную противоположную крайность. Оно не представляетъ собою ничего иного, какъ временно запоздавшее pendant къ наивной теоріи производительности.

Въ этомъ отношеніи всѣ остальные теоріи процента могутъ похвалиться тѣмъ, что поднялись ступеню выше. Онѣ ищутъ разрѣшенія проблемы процента уже въ той области, въ которой она дѣйствительно должна быть разрѣшена,—въ области цѣнности благъ. При этомъ, однако, степени ихъ заслугъ различны.

Тѣ теоріи, которыя стараются объяснить процентъ внѣшними средствами теоріи издержекъ, должны нести еще добрую часть тяжести предрасудка, что цѣнность происходитъ изъ производства. Ихъ объясненіе не можетъ дѣлиться безъ остатка. Подобно тому, какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что основныя силы, приводящія въ движеніе хозяйственныя стремленія людей, являются ихъ—эгоистическими или альтруистическими—интересами благо-

состоянія, точно такъ же не подлежитъ сомнѣнію и то, что ни одно объясненіе хозяйственныхъ явленій не можетъ быть удовлетворительнымъ, если нити его не находятся въ безупречной связи съ этими несомнѣнными основными силами. А противъ этого грѣшатъ теоріи издержекъ, Полагая, что принципъ цѣнности, этого компаса и универсальнаго промежуточнаго мотива хозяйственной дѣятельности людей, находится не въ отношеніи къ человѣческому благосостоянію, а въ сухомъ фактѣ внѣшняго процесса появленія благъ, въ техническихъ условіяхъ ихъ производства, онѣ отклоняютъ нить общаго объясненія въ постороннюю, глухую область, изъ которой она не можетъ уже пробраться къ психологическому мотиву,—а къ этому послѣднему должно сводиться всякое удовлетворительное объясненіе. Этотъ приговоръ касается—несмотря на все различіе въ деталяхъ—самой значительной части разсмотрѣнныхъ нами теорій процента.

Еще одной ступеню выше стоятъ, наконецъ, тѣ теоріи, которыя окончательно отрѣшились отъ стариннаго суевѣрія, что цѣнность благъ обуславливается не ихъ прошлымъ, а будущимъ. Эти ученія знаютъ, что хотятъ объяснить, и въ какомъ направленіи это можно объяснить. Если они все-таки не открыли абсолютной истины, то это объясняется только случайностями, между тѣмъ какъ ихъ предшественники истину открыть не могли потому, что—отдѣленные стѣной предрасудка—они искали ее въ ложномъ направленіи.—Еще высшая ступень развитія достигнута единичными формулировками теоріи воздержанія, а въ особенности позднѣйшими теоріями пользованія; изъ этихъ же теорій, на мой взглядъ, теорія Менгера является высшей точкой всего предшествующаго развитія, не потому, чтобы его положительное *разрѣшеніе* было самымъ совершеннымъ, а потому, что самой совершенной является его *постановка* проблемы—два обстоятельства, изъ которыхъ, какъ это часто бываетъ, и какъ это имѣетъ мѣсто и въ данномъ случаѣ, второе, можетъ быть, важнѣе и труднѣе перваго.

На этой подготовительной почвѣ я хочу попытаться найти разрѣшеніе этой мною разрабатываемой проблемы, разрѣшеніе, которое ничего не выдумывало бы и не допускало бы произвольно, а просто и безхитростно стремилось бы, при помощи явленій образованія цѣнности, вывести явленіе процента на капиталъ изъ простѣйшихъ естественныхъ и психологиче-

сихъ основъ нашего хозяйства. Я хочу здѣсь вкратцѣ опредѣлить еще тотъ элементъ, при помощи котораго, по моему мнѣнію, будетъ открыта полная истина: это—вліяніе *времени* на человѣческую оцѣнку благъ. Развитие этой точки зрѣнія составитъ задачу второй, положительной части моего труда.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Литература о процентѣ въ настоящее время.

(1884—1899).

I.

Со времени появленія перваго изданія настоящаго сочиненія проблема процента непрерывно была предметомъ горячихъ и многостороннихъ изслѣдованій. Литература о процентѣ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ сравнительно гораздо богаче литературы любого предшествующаго промежутка времени одинаковой продолжительности. Но и это послѣднее время не дало намъ—я бы сказалъ, какъ и слѣдовало ожидать—окончательнаго разрѣшенія этой великой проблемы. Но все-же въ области литературнаго спора замѣчается нѣкоторое перемѣщеніе борющихся силъ, перемѣщеніе, которое, на мой взглядъ, свидѣтельствуетъ о болѣе развитой, близящейся къ разрѣшенію стадіи спора. Споръ не такъ уже разбросанъ, какъ это было еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Правда, выдвинуты еще и новые взгляды, но зато нѣкоторые изъ болѣе старыхъ совершенно или почти совершенно преданы забвенію, и въ настоящее время споръ сосредоточенъ только еще на немногихъ, серьезно защищаемыхъ позиціяхъ, между которыми и колеблется окончательное его разрѣшеніе. И по отношенію къ нимъ, я думаю, рѣшеніе существенно подвинулось впередъ. Уже не пререкаются издали, уже не спорятъ изъ-за аванпостовъ — подготовляющія стадіи уже настолько выполнили свою задачу, предпосылки и слѣдствія спорящихъ теорій, составляющія какъ бы ихъ теоретическій фонъ, уже настолько выяснены, что споръ врядъ ли можетъ уже сводиться къ обсужденію второстепенныхъ вопросовъ, и ожидаемое разрѣшеніе должно уже коснуться центральной идеи нашей проблемы.

Быть историкомъ современности, по извѣстнымъ причинамъ, всегда неудобно. Кто самъ стоитъ посреди лѣса, тотъ

не можетъ объять, какъ слѣдуетъ, взоромъ весь лѣсъ. Что касается меня, то здѣсь присоединяются еще двѣ спеціальныя причины, которыя затрудняютъ мнѣ задачу хорошаго изложенія современнаго состоянія литературы о процентѣ. Несмотря на мое искреннее желаніе быть безпристрастнымъ, мнѣ все же не легко быть таковымъ въ виду того, что я самъ являюсь авторомъ одной изъ конкурирующихъ теорій процента; если же къ родственности точки зрѣнія присоединится еще личная симпатія изслѣдователя, то правильная оцѣнка различій представляетъ собой еще болѣе трудную задачу. Сверхъ того современное поколѣніе экономистовъ несомнѣнно переживаетъ эпоху перерожденія взглядовъ на проблему процента. За какой бы теоріей въ концѣ концовъ ни признали побѣду, одно не подлежитъ никакому сомнѣнію: то, что мы передадимъ будущему поколѣнію, какъ взглядъ нашего времени, будетъ существенно отличаться отъ того, что мы нашли въ научныхъ произведеніяхъ нашей молодости и переняли изъ таковыхъ. Мы всѣ, не исключая самыхъ отсталыхъ, перерабатываемъ эти перешедшіе къ намъ взгляды. Исторически-правильное изслѣдованіе литературы, переживающей такой переворотъ, — дѣло своеобразной, исключительной трудности. Мы встрѣчаемъ массу переходныхъ взглядовъ, среди которыхъ, въ свою очередь, можно найти — и, по всей вѣроятности, въ значительномъ большинствѣ, — какъ не имѣющіе значенія варианты отживающихъ теорій, такъ и жизнеспособныя переходныя ступени прогрессивнаго развитія, при чемъ нерѣдко требовался бы прямо-таки пророческій взглядъ, чтобы рѣшить съ достовѣрностью, слѣдуетъ ли отнести данное теоретическое построеніе къ той или другой изъ этихъ категорій.

Несмотря, однако, на это, я все же считалъ бы чувствительнымъ пробѣломъ при выполнении задачи настоящаго сочиненія, если бы эти соображенія могли удержать меня хотя бы отъ попытки дать моимъ читателямъ критическій обзоръ современнаго состоянія литературы о процентѣ: вѣдь критическую исторію ученій пишутъ только для того, чтобы освѣтить путь для будущаго изслѣдованія, и я поступилъ бы, очевидно, во вредъ своей цѣли, если бы нарочно оставилъ во мракѣ неизвѣстности какъ разъ послѣдній этапъ продолженнаго пути и тотъ пунктъ, изъ котораго надо выйти, чтобы пойти впередъ. Но все же, приступая къ этой части моей задачи, я считаю необходимымъ выразительно оговориться, что мое отношеніе можетъ оказаться ошибочнымъ и неудовлетворительнымъ.

По отношенію къ значительному большинству современныхъ теорій я съ самаго начала ограничусь общимъ обзоромъ. Въ особенности, я принципиально буду воздерживаться отъ подробнаго изложенія и разбора тѣхъ ученій, которыя представляютъ собою лишь видоизмѣненія какой-либо изъ главныхъ теорій, причѣмъ такимъ отношеніемъ я отнюдь не намѣренъ подчеркнуть то, что я считаю такое видоизмѣненіе не заслуживающимъ вниманія, или соотвѣтствующее ученіе неважнымъ. Подробно излагать и критиковать я буду только очень небольшое число новѣйшихъ теорій, а именно только тѣ, которыя или отличаются такой очевидной своеобразностью, что въ существенныхъ чертахъ расходятся со всѣми разсмотрѣнными выше типами теорій, или же тѣ, которыя, хотя и представляютъ собою лишь видоизмѣненія или сочетанія старыхъ, но все же формулированы такъ опредѣленно и разработаны такъ обстоятельно, что значеніе приданнаго имъ оттѣнка вполне очевидно.

II.

Я упомянулъ уже о томъ, что въ послѣднее время къ старымъ взглядамъ присоединились еще новые. Самое большее значеніе въ этомъ отношеніи имѣеть, на мой взглядъ, та теорія, которая сводитъ объясненіе процента къ *разности цѣнностей настоящихъ и будущихъ благъ*.

Слабые зачатки этой точки зрѣнія можно найти уже у *Галиани* и *Турго*. Полвѣка спустя, замѣчательное изложеніе этой точки зрѣнія далъ *Джонъ Рэ*; къ сожалѣнію, однако, ему не было суждено оказать какое-либо вліяніе на дальнѣйшее развитіе литературы. Еще до лѣтъ спустя, большая часть предпосылокъ, на которыхъ основана эта теорія, была мастерски разработана *Джевансомъ*, но и онъ не развилъ тѣхъ промежуточныхъ ступеней, которыя ведутъ отъ этихъ предпосылокъ къ явленію процента; въ этомъ отношеніи онъ стоитъ даже гораздо ниже своего оставшагося неизвѣстнымъ предшественника *Рэ*, съ которымъ онъ стоитъ болѣе или менѣе на одной ступени въ дѣлѣ развитія психологическихъ предпосылокъ; но что касается пониманія производственно-техническихъ предпосылокъ, то *Джевансъ* стоитъ безусловно выше послѣдняго.

Непосредственно за *Джевансомъ* слѣдуетъ назвать *Лаун-*

гардта ¹⁾ и Эмиля Закса ²⁾. Оба они превосходятъ Джевонса только въ томъ отношеніи, что открыто высказали по существу уже подготовленный, но формально еще не высказанный—правда, за это время (1884 г.) уже возвѣщенный мною, какъ программа моей теоріи процента—взглядъ, что процентъ основывается на обусловленной психологическими мотивами разности цѣнностей настоящихъ и будущихъ благъ ³⁾. Но и они только высказали таковой, а не вывели. Отсутствіе всякихъ детальныхъ выводовъ мѣшало также названнымъ авторамъ подвергнуть изслѣдованію вопросъ, представляютъ ли вообще психологическіе мотивы низшей оцѣнки будущихъ благъ достаточно широкое основаніе для полнаго объясненія явленія процента, или же въ объясненіе должны быть включены также и извѣстные—ими упущенные изъ вида—производственно-техническіе факты.

Труды Лаунгардта и Закса относятся къ промежутку между появленіемъ перваго (1884 г.) и втораго (1889 г.) томовъ опубликованнаго авторомъ сочиненія: „Kapital und Kapitalzins“. Изложенная во второмъ томѣ „положительная теорія капитала“ является попыткой вывести всѣ формы явленія процента изъ разности цѣнностей настоящихъ и будущихъ благъ, само же это явленіе—изъ совмѣстнаго дѣйствія цѣлаго ряда, частью психологическихъ, частью производственно-техническихъ причинъ. Эта попытка нашла себѣ много противниковъ, но не меньше сторонниковъ и

¹⁾ Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre, Leipzig, 1885: см., въ особенности, стр. 5—7, 67 и слѣд., 129.

²⁾ Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft, Wien 1887, стр. 178 и слѣд., 313 и слѣд.

³⁾ „Требуемая процентная норма покоится на низшей цѣнности, которой обладаетъ будущее потребленіе въ сравненіи съ такимъ же потребленіемъ, предлагаемымъ въ настоящее время“. (Лаунгардтъ, стр. 129). „Величина цѣнности капитала. . . зависитъ отъ цѣнности потребительнаго блага, которое изъ него получается. Такъ какъ потребность, удовлетворенію которой косвенно служитъ капиталъ, является его будущей потребностью, то эта перенесенная цѣнность должна быть меньше той цѣнности, которую хозяйственный субъектъ приписываетъ такому же потребителю блага въ настоящемъ, или—что одно и то же—меньше той цѣнности, которую впоследствии будетъ имѣть готовое конкретное потребительное благо, сообразно съ установившейся тогда потребностью. Ибо цѣнность будущаго потребительнаго блага, отъ которой зависитъ цѣнность капитала, обуславливается будущей потребностью, которая, какъ предчувствуемая (настоящая) потребность, слабѣе той“. . . „Въ разности цѣнностей капитала и происходяшаго изъ него потребительнаго блага. . . заключается такъ называемая „производительность“ капитала“. (Заксъ, стр. 317 и 321, сравни также стр. 178 и слѣд.).

послѣдователей. Родственные идеи возникли—хотя и не въ такомъ исчерпывающемъ изложеніи и притомъ еще безъ сознательнаго обособленія отъ идей болѣе ранней теоріи воздержанія—почти въ одно и то же время и у американскихъ мыслителей, въ особенности у *Симона Н. Паттена* ¹⁾, у *С. М. Мэквена* ²⁾ и у *Ж. Б. Кларка* ³⁾.

Не менѣе сильно дѣйствоваль толчокъ, данный блестящимъ, все болѣе и болѣе цѣннымъ теоретиками различныхъ націй трудомъ *Джевонса*. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что связанная съ тѣмъ или другимъ изъ упомянутыхъ толчковъ теорія разности цѣнностей настоящихъ и будущихъ благъ—я назвалъ бы ее, если вообще уже надо опредѣлить ее краткимъ именемъ, „теоріей лажа“ („Agiо-Theorie“) ⁴⁾—пустила корни въ литературѣ всѣхъ культурныхъ націй, а въ нѣкоторыхъ даже взяла перевѣсъ.

Въ особенности, какъ мнѣ кажется, родственные взгляды того или другого оттѣнка нашли широкое распространеніе въ англо-американской ⁵⁾, итальянской ⁶⁾, голландской ⁷⁾ и скандинавской ⁸⁾ литературахъ ⁹⁾.

1) „The fundamental idea of capital“ въ „Quarterly Journal of Economics“, январь 1889 г.

2) Смотри краткую, но очень замѣчательную его статью „Analysis of cost of production“ въ „Quarterly Journal of Economics“, июль 1887 г., а затѣмъ нѣкоторыя позднѣйшія статьи, тамъ же, октябрь 1890 г. и январь 1892 г.

3) Многочисленные произведенія, которыя этотъ остроумный и неутомимый теоретикъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія посвятилъ изслѣдованію теоріи капитала и процента на капиталъ, начинаются сочиненіемъ „Capital and its Earnings“ 1888 г. Большинство его позднѣйшихъ статей находятся въ „Quarterly Journal of Economics“, нѣкоторыя въ „Annals of the American Academy“ (июль 1890 г.) и „Yale Review“ (ноябрь 1893 г.).

4) *Мэкферленъ* (Value and distribution, p. XXII, затѣмъ 230 и слѣд.) называетъ ее „теоріей обмѣна“ („Exchange-theory“), такъ какъ она коится на взглядѣ, что процентъ происходитъ изъ обмѣна настоящихъ и будущихъ благъ. На мой взглядъ, однако, это иззаваніе мало характерно. — Благодаря странному недоразумѣнію, *Зальскій* („Ученіе о капиталѣ“, Казань, 1898 г.) видитъ въ заглавіи „Positive Theorie des Kapitales“, данному мною второй части моего сочиненія, содержащей положительно-догматическое изложение, въ противоположность первой, критико-исторической части, характерный признакъ, на который я будто-бы претендую по отношенію къ моей теоріи.

5) Кромѣ названныхъ въ текстѣ писателей болѣе или менѣе родственные взгляды высказали: *J. Bonar* (Quarterly Journal of Economics, апрѣль и октябрь 1889 г., апрѣль 1890 г.), *W. Smart* (Introduction to the theory of value. London 1891; The new theory of interest, Economic Journal 1891), *F. Y. Edgeworth* (Economic Journal, июнь 1892 г.), *E. B. Andrews* (Institutes of Economics, Boston 1889 г.), *Lourey* (Annals of the American Academy, мартъ 1892 г.), *Ely* (Outlines of Economics, New-York 1893 г.),

III.

Изъ многочисленныхъ теорій, которыя уже въ предыдущій періодъ боролись изъ-за пальмы первенства, въ послѣдній періодъ нашего изслѣдованія однѣ вовсе не были

Carver (Quarterly Journal of Economics, октябрь 1893 г.), *Taussig* (Wages and capital, New-York 1896 г.), *Irving Fisher* (Economic Journal, декабрь 1896 г., июнь и декабрь 1897 г.) *Mixter* (A forerunner of Boehm-Bawerk, Quarterly Journal of Economics, январь 1897 г.), *Macfarlane* (Value and distribution, Philadelphia 1899 г.); въ общемъ, я думаю, также *Hobson* (Evolution of modern Capitalism, London 1894 г.) и *Hadley* (Economics, New-York 1896 г. и Annals of the American Academy, ноябрь 1893 г.). Отчасти высказалъ свое согласіе съ этимъ взглядомъ и *Giddings*. Послѣдній, однако, полагаетъ, что для пополненія и углубленія этой теоріи нужно еще прибавить, что постоянный недостатокъ въ предложениі настоящаго благъ или капитала объясняется тѣмъ, что образованію капитала служатъ, главнымъ образомъ, послѣдніе, связанные со все болѣе возрастающей неохотою и страданіями рабочіе часы. Этотъ плюсъ тягостности труда образуетъ экстренныя издержки при образованіи капитала—по сравненію съ издержкамъ по производству непосредственно потребляемыхъ благъ,—при чемъ эти экстренныя издержки должны вознаграждаться изъ процента.—Однако, я не въ состояніи убѣдиться въ существованіи всѣхъ фактическихъ предположеній этой теоріи, какъ я не въ состояніи убѣдиться и въ томъ, что, если бы были сдѣланы эти фактическія предположенія, то они могли бы проявлять свое дѣйствіе въ созиданіи процента на капиталъ. Смотря, впрочемъ, подробное обсужденіе, которое велось въ „Quarterly Journal of Economics“ отъ іюля 1889 до апрѣля 1891 г., въ которомъ принималъ участіе, кромѣ самого *Giddings'a*, *Bonar*, авторъ настоящаго сочиненія, *David I. Green* и *H. Bilgram*.

⁶⁾ *Ricca-Salerno* (Teoria del Valore, Римъ 1894 г.), *Montemartini* (Il risparmio nell'economia pura, Миланъ 1896 г.), *Crocini* (Di alcune questioni relative all'utilità finale, Туринъ 1896 г.), *Graziani* (Studi sulla teoria dell'interesse, Туринъ 1898 г.); затѣмъ въ существенномъ, я думаю, *Barone* (Sopra un libro di Wicksell, Giornale degli Economisti, ноябрь 1895 г. и Studi sulla distribuzione, тамъ же, февраль и мартъ 1896 г.), а также, хотя только отчасти, *Benini* (Il valore e la sua attribuzione ai beni strumentali, Барн 1893 г.).

⁷⁾ Здѣсь прежде всего надо назвать *H. Г. Пирсона* и его классическую работу: „Leerboek der Staathuishoudkunde“ (2-ое изд., Гарлемъ 1896 г.) и болѣе раннюю статью въ „de Economist“ (мартъ 1889 г. стр. 193 и слѣд.).

⁸⁾ Подробнѣе всего и ex professo излагается нашъ предметъ *Кнутомъ Викселлемъ* (Über Wert, Capital und Rente, Iena 1893 г. Finanztheoretische Untersuchungen, Iena 1896 г.). Др. *Викселль* былъ такъ любезенъ и, въ виду моего недостаточнаго знакомства со скандинавской литературой и наукой, помогъ мнѣ нѣкоторыми сообщеніями частнаго характера. По этимъ сообщеніямъ можно считать представителями родственнаго взглядовъ: въ Даніи профессоры *Westergaard'a* и *Falbe-Hansen'a*, въ Швеціи графа *Hamilton'a*, *David'a Davidson'a* и *Iohann'a Leffler'a*, въ Норвегіи профессоры *Aschehoug'a* и *Morgens-tierne'a*, др. *Oskar'a Jaeger'a* и др. *Einarsen'a*.

подкрѣплены новыми силами, другія только въ единичныхъ случаяхъ. Первая часть постигла главнымъ образомъ тѣ группы теорій, которыя относились къ нашей проблемѣ или съ слишкомъ большой наивностью или же, наоборотъ, съ слишкомъ большой, явно искусственной утонченностью. По первой изъ названныхъ причинъ остались безъ новыхъ изслѣдователей „безцвѣтная теорія“¹⁾, „наивная“ теорія производительности, „теорія естественной производительности“ *Турго* и *Генри Джорджа*, по второй—теоріи въ родѣ теоріи *Шеллвина*.

Къ тѣмъ теоріямъ, которыя—поскольку я могу объять взоромъ современную литературу—получили подкрѣпленіе только въ отдѣльныхъ случаяхъ, принадлежитъ прежде всего интересная теорія пользованія. Самый выдающійся ея пред-

¹⁾ Изъ оригинальныхъ произведеній нѣмецкой литературы, принадлежащихъ къ родственному направленію, я прежде всего долженъ назвать вышедшее почти одновременно съ моею „Positive Theorie“ сочиненіе *Effertz'a* (*Arbeit und Boden*, Берлинъ 1889 г.) и содержательное сочиненіе швейцарца *Georg'a Sulzer'a* (*Die wissenschaftlichen Grundgesetze in der Gegenwartsphase ihrer Entwicklung*, Цюрихъ 1895 г.). Взглядъ, что процентъ обязанъ своимъ происхожденіемъ разности во времени, *Effertz* излагаетъ въ томъ своеобразномъ смыслѣ, что и „давность“ труда и земля является „элементомъ мѣновой цѣнности“, а процентъ—„вознагражденіемъ за степень давности труда и земли“ (стр. 190 и слѣд., 198 и слѣд. 278). Необходимость „надбавки“ за „давность“ элементовъ производства объясняется, однако, весьма недостаточно, чтобы не сказать, неудачно, исключительно тѣмъ, что болѣе ранній трудъ и болѣе ранняя земля „болѣе рѣдка“, чѣмъ настоящій трудъ и настоящая земля (190, 195, 198. Ср. также стр. 218, 221, 354). Въ виду того, что *Effertz* принципиально избѣгаетъ ссылокъ на другія сочиненія, нельзя узнать, оказали ли на его вышедшее въ 1889-омъ году сочиненіе вліяніе многочисленныя предшествовавшія разсужденія объ этой же основной точкѣ зрѣнія, а, если оказали, то въ какой степени.—Отношеніе *Sulzer'a* къ нашему предмету въ общемъ представляетъ собою, на мой взглядъ, итъ что среднее между теоріей *Джевонса* и моею.—О настоящемъ отношеніи къ проценту *A. Вагнера* см. дальше, гл. V.

¹⁾ Однако, и изъ литературы новѣйшаго времени я склоненъ назвать безцвѣтной теорію процента *Лепа* („Grundbegriffe und Grundlagen der Volkswirtschaft“, Лейпцигъ 1893 г., отд. VII гл. 6); во всякомъ случаѣ, мнѣ не удалось выяснитъ въ его довольно обширныхъ разсужденіяхъ о проблемѣ процента характерное направленіе. Онъ отказывается признать большинство изъ обычныхъ теорій процента, но, со своей стороны, онъ приводитъ только разсужденія, представляющія собою или ссылки на факты дѣйствительной жизни, или же ссылки на цѣлесообразность, справедливость и законность извѣстныхъ фактовъ, или же, наконецъ, содержащія самыя общіе мотивы (какъ мотивъ *Смита*, что, не будь возможности получения процента, никто не накоплялъ бы капитала, не тратилъ бы его на производство, не отдавалъ бы въ ссуду; стр. 332); однако, на мой взглядъ, всѣ эти разсужденія не содержатъ въ себѣ дѣйствительнаго объясненія.

ставитель, *Карль Менгеръ*, не высказалъ существенно новыхъ взглядовъ. Правда, за это время онъ посвятилъ изслѣдованію понятія капитала весьма обстоятельное и плодотворное изслѣдованіе въ своей заслуживающей серьезнаго вниманія статьѣ „Zur Theorie des Capitales“¹⁾, однако, онъ не распространилъ своихъ изслѣдованій и на спорный вопросъ проблемы процента. *Вальрасъ*, который уже ранѣе далъ формулировку теоріи пользованія, близкую къ формулировкѣ *Сэ*, остается вѣрнымъ ей и въ послѣднее время²⁾. Изъ болѣе новыхъ сочиненій, выставляющихъ ясно и рѣшительно точку зрѣнія теоріи пользованія, (случайные, притомъ эклектическіе отзвуки встрѣчаются нерѣдко)³⁾ мнѣ извѣстно только появившееся на русскомъ языкѣ „Ученіе о капиталѣ“ *Владислава Зальскаго*⁴⁾. Такъ какъ мое знакомство съ этимъ сочиненіемъ ограничивается нѣкоторыми справками, представленными мнѣ лицами, знающими русскій языкъ, то я могу только констатировать фактъ, что *Зальскій* высказывается въ этомъ сочиненіи выразительно въ пользу теоріи пользованія и пытается дать ей естественно-научное объясненіе посредствомъ ученія „объ единствѣ матерій и сохраненіи энергій“. О томъ, насколько теорія *Зальскаго* удаляется, благодаря этому нововведенію, отъ теоріи пользованія *Менгера* и приближается къ мотивированной теоріи производительности,—я судить не могу.

IV.

Теорія воздержанія за послѣднія 15 лѣтъ была предметомъ оживленныхъ—я сказалъ бы даже, неожиданно оживленныхъ—теоретическихъ изслѣдованій.

¹⁾ Conrad's Jahrbücher N. F., томъ XVII (1888 г.)

²⁾ *Eléments d'Économie politique pure*, 1-ое изд., Лозанна 1874 г., 2-ое изд. 1889 г. *Вальрасъ* считаетъ процентъ на капиталъ вознагражденіемъ за „service producteur“ капитала, который будто-бы представляетъ собою особенное, нематеріальное благо (напр., стр. 201, 211 и XIII 2-го изд.). Ко взгляду *Вальраса* присоединяется въ общемъ и *Парето* (*Cours d'Économie politique I*, 40 и слѣд.), хотя и не безъ нѣкоторыхъ случайныхъ указаній на разность цѣнностей „настоящихъ и будущихъ благъ“ (напр., стр. 50).

³⁾ Напр., у *Конрада*: „Grundriss zum Studium der politischen Ökonomie“ 1-ая часть, Лена 1896 г. § 67); у *Дитцеля* въ ниже болѣе подробно рассмотрѣнной статьѣ въ „Göttinger Gelehrte Anzeigen“; у *Дилля*: „Grundriss, seine Lehre und sein Leben“, 2-ая гл., Лена 1890 г. стр. 204 и слѣд.; у *М. Блока*: „Progrès de la science Économique depuis Adam Smith.“ Парижъ 1890 г. II. гл. XXIX; у *III. Жюда*: „Principes d'Économie politique“ 5-ое изд., Парижъ 1896 г. стр. 451 и у нѣкоторыхъ другихъ.

⁴⁾ Казань 1898 г.

Остановимся прежде всего на нѣкоторыхъ частностяхъ. Она получила интересное подкрѣпленіе благодаря тому, что нѣкоторые писатели удачно защитили ее противъ того возраженія, которое сыграло самую громкую роль въ агитаторской полемикѣ, направленной противъ нея, главнымъ образомъ со стороны социалистовъ. Это возраженіе заключалось въ томъ, что самымъ богатымъ капиталистамъ приходится менѣе всего „воздерживаться“, что, такимъ образомъ, наблюдается очевидное несоотвѣтствіе между степенью выставленной причины—воздержаніемъ капиталистовъ—и ея мнимымъ слѣдствіемъ—получаемой прибылью.

На основаніи точки зрѣнія, общей теоріи *Рикардо* и теоріи предѣльной полезности, стали теперь съ разныхъ сторонъ—и не безосновательно—указывать на то, что это несоотвѣтствіе, при безпристрастномъ отношеніи, отнюдь не является еще доказательствомъ невѣрности теоріи воздержанія. Въ самомъ дѣлѣ, надо принять во вниманіе, что вознагражденіе, посредствомъ котораго рыночная цѣна продуктовъ вознаграждаетъ жертвы, принесенныя для ихъ производства, принципиально стремится, при различной величинѣ этихъ жертвъ, достигнуть уровня наибольшей изъ необходимыхъ еще жертвъ. Поэтому неудивительно, если та же норма процента, которая необходима для самой большой жертвы воздержанія, представляетъ собою слишкомъ большое вознагражденіе за жертву („savers surplus“ *Маршалля*) тѣхъ лицъ, отъ которыхъ образованіе и сохраненіе капитала требуетъ сравнительно меньшей жертвы воздержанія ¹⁾. Но въ такомъ случаѣ опровергнуто только одно, и къ тому же самое поверхностное возраженіе противъ теоріи воздержанія; болѣе же глубокаго, покоящагося на логическихъ причинахъ возраженія, на которомъ я основывалъ свое опроверженіе теоріи воздержанія, эти соображенія даже не касаются ²⁾.

¹⁾ Выразительнѣе всего этотъ ходъ мыслей былъ использованъ для апологін теоріи воздержанія *Macfarlane*’омъ („Value and distribution“, Филадельфія, 1899 г. стр. 175—177). Существенно согласны съ нимъ *Loria* („La rendita fondiaria“, Миланъ 1880 г., стр. 619 и слѣд.), *Marshall* въ своей теоріи о „savers surplus“ (Principles, 3-е изд., Лондонъ 1895 г. стр. 606), затѣмъ *Carver*, *Barone* и, по всей вѣроятности, всѣ изслѣдователи, признающіе „теорію предѣльной цѣнности“ и сочувствующіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, теоріи воздержанія; см. также выше гл. IX, стр. 319. и слѣд.

²⁾ Замѣчаніе *Мэкферлена*, относящееся и къ этому вопросу (о. с. стр. 179), на мой взглядъ, не доходитъ до самой сути дѣла, а представляетъ собою скорѣе противоположное утвержденіе, чѣмъ мотивированное возраженіе.

Затѣмъ *Мэквенотъ* было положено начало немаловажному терминологическому нововведенію: онъ замѣнилъ возбуждающее различныя сомнѣнія слово „воздержаніе“ болѣе слабымъ, но болѣе характернымъ словомъ „выжиданіе“ (*waiting*)¹⁾. Въ этомъ заключается нѣкоторое сближеніе съ точкой зрѣнія той теоріи, которая при объясненіи процента приписываетъ главную роль значенію разности во времени между настоящими и будущими потребленіями, между настоящими и будущими благами; характерно, что съ этихъ поръ многіе изъ новѣйшихъ представителей теоріи воздержанія считаютъ ее по содержанію почти тождественной съ „теоріей лажа“²⁾.

Но слянію обѣихъ теорій мѣшало и теперь еще мѣшаетъ существенное препятствіе, что *Мэквенъ* и его послѣдователи приписываютъ смягченному въ „выжиданіе“ воздержанію все еще значеніе самостоятельной жертвы на ряду съ трудомъ.

И въ послѣднее время наблюдается уже въ предыдущій періодъ замѣчавшаяся склонность теоретиковъ воздержанія включать эклектически въ изслѣдованіе проблемы процента соображенія, относящіяся къ другимъ сферамъ идей. Естественнымъ и, въ виду сказаннаго, легко объяснимымъ является поэтому часто встрѣчающееся сочетаніе элементовъ теоріи воздержанія съ элементами „теоріи лажа“. Но наблюдаются и другія эклектическія комбинаціи; такова, напр., теорія *Лорія*, представляющая собою сочетаніе элементовъ теоріи воздержанія съ элементами теоріи эксплуатаціи³⁾.

1) *Analysis of cost of production*, *Quart. Journal of Ec.*, июль 1887 г. см. также выше, стр. 567.

2) *Мэкферленъ*, напр., полагаетъ, что онъ даетъ въ существенныхъ чертахъ признаваемую имъ „*Exchange-theory*“, какъ онъ ее называетъ, (см. выше стр. 567 прим. 4-ое) только въ улучшенной и болѣе развитой формѣ (*The theory here proposed is, after all, but an extension of Böhm-Bawerk's analysis*, о. с. р. 231), при чемъ для этой улучшенной формы онъ предлагаетъ также улучшенное названіе „*Normal Value theory*“. — Такъ же приблизительно смотритъ на соотношеніе обѣихъ теорій и *Карверъ* (см. ниже), а, *можетъ быть*, и самъ проф. *Маршалль*.

3) Я полагаю, что не ошибусь, если отнесу не совсѣмъ для меня ясную точку зрѣнія *Лорія*, главнымъ образомъ, къ теоріи воздержанія. По крайней мѣрѣ, наиболѣе обстоятельныя мѣста его болѣе раннихъ произведеній указываютъ на это направленіе (*Rendita fondiaria*, стр. 610 и слѣд., *Analisi della proprietà capitalista*, Туринъ 1889 г., *passim*); въ томъ же духѣ онъ и въ послѣднемъ обширномъ своемъ сочиненіи (*La costituzione economica odierna*, Туринъ 1899 г.) считаетъ „*astensione*“ капиталнствова элементомъ, имѣющимъ существенное значеніе при распредѣленіи продукта (напр., стр. 36 и слѣд., 75). На то же направленіе указываютъ и замѣчанія автора о мотивахъ и предѣлахъ накопленія (напр., „*Costituzione*“ 73 и слѣд., 98 и слѣд.). Однако, во

Изъ ряда связанныхъ положительныхъ изложеній, относящихся къ нашей группѣ теорій, я считаю себя обязаннымъ подвергнуть еще специальному разсмотрѣнiю два ученія: одно потому, что оно представляетъ собою образцовое изложеніе теоріи воздержанія, развитой согласно съ требованіями времени и предлагаемой однимъ изъ наиболѣе авторитетныхъ и наиболѣе выдающихся ученыхъ, который, обладая всѣми дарами изслѣдованія и изложенія, пытался, очевидно, дать объясненіе вполне законченное, считающееся притомъ въ широкихъ размѣрахъ со всѣми вліятельными основными фактами; второе же потому, что оно представляетъ собою оригинальную попытку дать „жертвѣ воздержанія“ совершенно новое толкованіе.

Первымъ изъ двухъ названныхъ ученій является ученіе *Альфреда Маршалля*.

Проф. *Маршалль* усматриваетъ основныя причины процента на капиталъ въ двухъ обстоятельствахъ, которыя онъ обозначаетъ терминами „prospectiveness“ и „productiveness“ капитала. „Prospectiveness“ заключается въ томъ, что капиталъ приноситъ пользу только въ будущемъ: для того, чтобы образовать капиталъ, люди должны взять на себя актъ предусмотрительности (men must act prospectively); они должны „ждать“ и „сберегать“, они должны „жертвовать настоящимъ ради будущаго“¹⁾. „Productiveness“ основывается той производительной выгодой, которую приноситъ содѣйствіе капитала: благодаря содѣйствію капитала

въ всѣхъ сочиненіяхъ *Лорія* можно найти и замѣчанія, указывающія на взглядъ автора, что въ явленіи процента, по крайней мѣрѣ въ современномъ его видѣ и въ современныхъ размѣрахъ, принимаетъ существенное участіе и моментъ эксплуатаціи (напр., „Constitutione“, стр. 34 и слѣд., 821). Извѣстной спеціальностью *Лорія* является то, что онъ приписываютъ захвату въ собственность земли своеобразное рѣшительное и широкое вліяніе на образование и величину прибыли на капиталъ (напр., „Constitutione“, 35, 37, 67 и слѣд.). Я считаю эту точку зрѣнія совершенно ошибочной (болѣе подробно изложеніе и опроверженіе этой точки зрѣнія можно найти въ остроумномъ сочиненіи *Грациани* „Studi sulla teoria dell'interesse“, Туринъ 1898 г. стр. 46—50); да и вообще я долженъ замѣтить, что, на мой взглядъ, теоретическія спекуляціи *Лорія* отличаются иерѣдко скорѣе фантастичностью, чѣмъ правильностью, и содержатъ часто довольно поверхностныя недоразумѣнія относительно чужихъ взглядовъ.

¹⁾ Principles of Economics, 3-е изд., стр. 142, 662. Вышедшее тѣмъ временемъ четвертое изданіе во всѣхъ существенныхъ чертахъ тождественно съ третьимъ.

производство становится легче и выгоднѣе ¹⁾. Производительность капитала дѣлаетъ его предметомъ желаній (demand); но предложеніе его, вслѣдствіе жертвы, связанной съ его „prospectiveness“, стоитъ на столь низкомъ уровнѣ, что пользование имъ приобретаетъ цѣну и дѣлается источникомъ прибыли ²⁾.

Всѣ подробности вытекаютъ затѣмъ изъ общаго закона обмѣна, какъ специальный видъ котораго *Маршалль* и рассматриваетъ проблему процента. По этому общему закону „нормальная“ цѣна товаровъ устанавливается въ общемъ на томъ уровнѣ, на которомъ уравниваются спросъ и издержки производства, при чемъ *Маршалль* особенно подчеркиваетъ координированность этихъ двухъ, вліяющихъ другъ на друга факторовъ. Реальные издержки представляются какъ совокупность „усилій и жертвъ“, которыя надо взять на себя для производства блага. Издержки содержатъ въ себѣ на ряду съ трудомъ „жертву“ (sacrifice), сопряженную съ „выжиданіемъ“, съ отсрочкой потребления, неразрывно связанной со всякимъ образованіемъ и примѣненіемъ капитала (putting of consumption, postponement of enjoyment) ³⁾. Менѣе подходящимъ, вызывающимъ недоразумѣнія является обозначеніе этой жертвы словомъ „воздержаніе“, какъ это обыкновенно дѣлалось болѣе ранними экономистами: вѣдь наибольшее накопленіе капитала мы видимъ у очень богатыхъ людей, которые навѣрно уже не берутъ на себя такого „воздержанія“; правильнѣе считать, по примѣру *Мэквена*, жертвой только отсрочку потребления, „выжиданіе“ (waiting). Тѣмъ не менѣе, это послѣднее все же представляетъ собою дѣйствительную жертву, которую надо принимать въ расчетъ на ряду съ затраченнымъ трудомъ.

Эта жертва должна, подобно труду, получать свое вознагражденіе изъ цѣнъ товаровъ и притомъ по своей „mar-

¹⁾ 142, 662, 751. Въ этихъ мѣстахъ и, вообще, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ поясняется „productiveness“, проф. *Маршалль* понимаетъ ее вполне вѣрно, какъ техническую производительность, проявляющуюся въ большемъ количествѣ продуктовъ, получаемыхъ при одинаковой затратѣ основныхъ производительныхъ силъ, слѣдовательно, совершенно такъ же, какъ и я понимаю физическую и техническую производительность въ моей теоріи процента. Проф. *Маршалль* согласенъ, кажется, со мною и во взглядѣ на капиталистическое производство, какъ на производство „окольными путями“, какъ на „ground about methods“ (ср. „Principles“, стр. 612, а также и примѣчаніе къ стр. 664, указывающее, впрочемъ, скорѣе на другой взглядъ).

²⁾ Стр. 662.

³⁾ О. с. стр. 216, 315.

ginal rate“ (607), т. е., вознаграждение должно быть достаточно велико для того, чтобы соответственно вознаградить и ту часть жертвы, которая приносится съ наибольшей неохотой, съ наибольшимъ нежеланіемъ, но которую все же необходимо было принести для установленія предложенія (217). Этимъ вознагражденіемъ является процентъ на капиталъ, который, такимъ образомъ, можно удачно объяснить, какъ вознаграждение за связанную съ выжиданіемъ жертву (reward of the sacrifice involved in the waiting; 314). Правда, нашлись бы люди, которые сберегали бы капиталъ и безъ такого вознагражденія, какъ и нашлись бы люди, которые трудились бы безъ всякаго вознагражденія, и многія части капитала, безъ сомнѣнія, образовались бы и при низшей, чѣмъ господствующая, процентной нормѣ—однако, изъ этого обстоятельства вытекаетъ только то, что при соблюденіи принципа, по которому цѣна должна соотвѣтственно вознаграждать и ту часть предложенія, которая требуетъ наибольшихъ жертвъ, эти сберегатели получаютъ вознаграждение, превышающее ихъ болѣе легкую жертву; это вознаграждение *Маршалль* называетъ „saver's“ или „waiter's surplus“. Но такъ какъ только очень немногіе согласились бы дѣлать значительныя сбереженія безъ вознагражденія, заключеннаго въ процентъ, то такъ же справедливо считать процентъ „reward of waiting“ (314).

Обращаясь къ социалистамъ, утверждающимъ, что цѣнность товаровъ зависитъ исключительно отъ количества труда, затраченнаго на ихъ производство, *Маршалль* утверждаетъ, что взглядъ социалистовъ былъ бы вѣренъ тогда, но и только тогда, если бы услуги, доставляемыя капиталомъ, предлагались, какъ „свободное благо“, безъ жертвъ (669); но этотъ взглядъ не вѣренъ, если (и такъ какъ) отсрочка удовлетвореній въ общемъ требуетъ жертвы отъ соотвѣтствующихъ лицъ (the postponement of gratifications involves in general a sacrifice on the part of him who postpones; 668).

Я думаю, что не слѣлаю ошибки, если буду разсматривать высказанную проф. *Маршаллемъ* точку зрѣнія, какъ осторожно сформулированную и улучшенную въ отношеніи къ терминологіи теорію воздержанія. Въ основныхъ мысляхъ она вполне аналогична съ ученіемъ *Сеніора*. Образование капитала требуетъ со стороны капиталиста реальной, заключающейся въ отсрочкѣ потребленія жертвы, которая на ряду съ трудомъ представляетъ собою самостоятельную составную часть издержекъ производства и должна поэтому найти себѣ

въ цѣнѣ благъ самостоятельное вознагражденіе по тѣмъ (хотя и болѣе тщательно формулированнымъ *Маршаллемъ*) законамъ, по которымъ издержки вообще вліяютъ на цѣну благъ; и въ ихъ духѣ ¹⁾).

Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ мой взглядъ на теорію процента проф. *Маршалля* не можетъ существенно отличаться отъ того взгляда, который я высказалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ настоящей книги по поводу теоріи воздержанія вообще. Несмотря на то, что я совершенно согласенъ съ проф. *Маршаллемъ* въ томъ, что, какъ „prospectiveness“, такъ и „productiveness“ капитала имѣетъ нѣчто общее съ объясненіемъ процента, я все же полагаю, что связывающее промежуточное звено объясненія онъ, подобно всѣмъ другимъ теоретикамъ воздержанія, изображаетъ въ такомъ видѣ; что оно, съ одной стороны, не соотвѣтствуетъ фактамъ дѣйствительной жизни, а, съ другой, дѣлаетъ даже неизбѣжнымъ конфликтъ съ законами мышленія,

Прежде всего, я считаю неправильнымъ утверженіе, будто бы отсрочка потребленія, связанная съ затратой труда на отдаленные по времени результаты, представляетъ собою самостоятельную жертву, которую нужно принимать въ расчетъ на ряду съ трудомъ. Причины этого моего взгляда я изложилъ подробно уже выше. ²⁾ Онѣ, очевидно, недостаточно убѣдительны для проф. *Маршалля*, который, несмотря на полное съ ними знакомство, все-же остается при своемъ ученіи, въ существенныхъ чертахъ тождественномъ съ теоріей воздержанія. Поэтому я слѣлаю попытку подкрѣпить приведенныя мною раньше соображенія еще нѣкоторыми пояснительными; исходной точкой послужать для меня къ тому же нѣкоторыя замѣчанія, находящіяся въ ученіи самого *Маршалля*.

Подобно *Джевонсу* ³⁾, и *Маршалль* включилъ въ свое ученіе нѣсколько замѣчаній психологическаго характера на тему объ оцѣнкѣ будущихъ страданій и удовольствій. Природа человѣка такова, что большинство людей цѣнятъ будущее удовольствіе, если бы даже его осуществленіе не подлежало никакому сомнѣнію, не такъ высоко, какъ такое же настоящее; они цѣнятъ таковое, какъ будто „учитывая“ его величину, при чемъ размѣръ этого учета для различныхъ людей весьма различенъ и находится въ связи съ различной

¹⁾ См. изложеніе теоріи *Сеніора* выше, стр. 314 и слѣд.

²⁾ Въ главѣ IX.

³⁾ См. выше, стр. 528 и слѣд.

степенью терпѣнія и самообладанія, которую они располагаютъ ¹⁾). Поэтому настоящая цѣнность будущаго удовольствія, а, слѣдовательно, и настоящая предѣльная полезность отдаленнаго по времени источника такового (the present marginal utility of a distant source of pleasure) меньше цѣнности такого же настоящаго удовольствія и меньше также цѣнности такого же будущаго удовольствія въ моментъ его фактическаго осуществленія. Если, напр., кто-либо, согласно со своимъ темпераментомъ, вообще учитываетъ будущія удовольствія по 10-ти-процентной нормѣ, то онъ, считая грубо ²⁾, будетъ въ данный моментъ опредѣлять числомъ 10 настоящую цѣнность удовольствія, которое еще отъ насъ отдѣлено годомъ, и которое по истеченіи его будетъ обладать фактической величиною въ 11. *Маршалль*, какъ видно изъ многочисленныхъ его замѣчаній, отождествляетъ психологическій фактъ, что громадное большинство людей отдастъ настоящему удовлетворенію потребностей предпочтеніе передъ будущимъ, съ тѣмъ фактомъ, на которомъ основывается его предположеніе, что выжиданіе представляетъ собою жертву ³⁾). Утвержденіе, что мы вообще отдаемъ настоящему удовольствію предпочтеніе передъ такимъ же будущимъ, и утвержденіе, что выжиданіе будущихъ наслажденій въ общемъ также является для насъ жертвой, увеличивающей затраты на достиженіе таковыхъ, въ ученіи *Маршалля* являются только двумя различными способами выраженія одного и того же психологическаго факта.

¹⁾ Principles 195—197; въ томъ же духѣ 794 и др. При этомъ *Маршалль* совершенно ясно и совершенно правильно отличаетъ эту низшую оцѣнку будущихъ удовольствій отъ другихъ разностей въ оцѣнкѣ, которая могутъ быть также обусловлены разностью во времени, но только другого происхожденія: низшей оцѣнкой будущихъ удовольствій и благъ, обуславливаемой ненадежностью ихъ достиженія, съ одной стороны, и разностями оцѣнки, обусловленными измѣненіемъ характера или степени будущаго удовольствія, благодаря измѣненію условій, съ другой; такое значеніе имѣетъ, напр., предвидимая неустойчивость способности къ наслажденію (экскурсія въ Альпы въ преклонномъ возрастѣ!) или неустойчивость размѣровъ запаса, влияющаго на предѣльную полезность (яйца, откладываемыя на зиму).

²⁾ Т. е., пренебрегая сложными процентами; самъ *Маршалль* вводитъ для этого случая точную алгебраическую формулу въ 5-омъ математическомъ примѣчаніи къ приложенію къ своимъ Principles.

³⁾ 313 и слѣд., 429, прим. 1-ое, 662, 663 прим. 1-ое, 668, посредственно и 794 прим. 5-ое, поскольку „interest“, которое обыкновенно объясняется, какъ „reward of waiting“, приводится въ связь съ „discounting“ „future pleasures“.

Однако, въ дѣйствительности это не различные способы выраженія мыслей, а двѣ различныхъ точки зрѣнія, и—что представляетъ интересъ для нашего вопроса—двѣ противорѣчивыхъ, двѣ несомѣстимыхъ точки зрѣнія, изъ которыхъ одна вѣрна, а другая невѣрна, но которыя ни въ коемъ случаѣ не могутъ существовать вмѣстѣ. Дѣло обстоитъ такъ:

Психологическій фактъ, о правильномъ толкованіи котораго идетъ рѣчь, проявляетъ свое дѣйствіе, между прочимъ, въ томъ, что мы склонны жертвовать трудомъ или деньгами въ различныхъ размѣрахъ ради одинаковыхъ результатовъ, различающихся только отдаленностью осуществленія; этотъ фактъ наблюдается постоянно въ дѣйствительности и не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если, напр., объективная величина ожидаемаго результата равняется 10, то, если этотъ результатъ долженъ быть достигнутъ немедленно, мы будемъ склонны жертвовать для его приобрѣтенія трудомъ тѣхъ же размѣровъ, т. е. величиною до 10, или же равноцѣнной суммой денегъ, напр., до 10 гульд. Но если тотъ же результатъ, выраженный числомъ 10, отдѣленъ годомъ, и если указанный нами психологическій фактъ дѣйствуетъ у насъ, въ виду специальныхъ условий, съ силой, требующей 10-процентной нормы учета, то для достиженія этого результата мы будемъ склонны жертвовать настоящимъ трудомъ, выраженнымъ числомъ, незначительно только превышающимъ 9 (точно 9,09), или же суммой денегъ, незначительно только превышающею 9 гульденовъ (точно 9 гульд. 9 кр.). Если же отъ того же результата насъ отдѣляетъ пять лѣтъ, то наша готовность приобрѣсти таковой путемъ настоящей жертвы труда или денегъ уже остановится на трудѣ, выраженномъ приблизительно числомъ 6 (точно 6,21), или на суммѣ денегъ въ 6 гульд. 21 кр. ¹⁾.

Этотъ фактъ, по поводу дѣйствительности котораго я, какъ было замѣчено уже выше, не расхожусь во взглядахъ съ *Маршаллемъ* ²⁾, самъ по себѣ допускаетъ два толкованія. Одно толкованіе сводится къ тому, что отдаленность во времени *уменьшаетъ* въ нашихъ глазахъ *величину ожидаемаго*

¹⁾ Въ данномъ мѣстѣ, какъ и въ дальнѣйшемъ, я для простоты всегда предполагаю, что всѣ жертвы труда или денегъ приносятся сразу, въ настоящій моментъ времени.

²⁾ *Маршалль* отмѣчаетъ этотъ фактъ въ примѣрѣ о постройкѣ дома, котораго „utility“ „when finished“, должна покрыть собою „efforts required for building“ на ряду съ „amount increasing in geometrical proportion (a sort of compound interest) for the period that would elapse between each effort and the time when the house would be ready for his use“ (429).

результата: мы оцѣниваемъ будущую пользу потому, что она будущая, ниже, чѣмъ если бы она была настоящей. Это толкованіе нашло себѣ выраженіе въ упомянутыхъ выше психологическихъ замѣчаніяхъ *Маршалля* объ оцѣнкѣ будущихъ удовольствій. Настоящая цѣнность будущаго удовольствія меньше 10; при отдаленности во времени въ одинъ годъ она равна приблизительно 9, при отдаленности въ 5 лѣтъ приблизительно только 6: а такъ какъ этотъ результатъ имѣетъ для насъ цѣнность не больше 9 или 6, то мы для достиженія его не возьмемъ также на себя жертвы больше той, которая обозначается числами 9 и 6.

Ясно, какъ на ладони, что при такомъ толкованіи числа 9 и 6 должны обозначать и ограничивать собою не только величину *части жертвы*, состоящей изъ труда или денегъ, но и величину *всей жертвы*, которую мы вообще склонны взять на себя для достиженія будущаго наслажденія; другими словами, что при такомъ толкованіи нѣтъ мѣста для прибавочной жертвы „waiting“, которая приносилась бы помимо жертвы труда или денегъ,—ибо такъ же очевидно, что мы противорѣчили бы всѣмъ принципамъ экономической дѣятельности, если бы мы для достиженія удовольствія, оцѣниваемого нами только въ 9 или въ 6, согласились взять на себя сумму жертвъ, которая, слагаясь изъ труда и „waiting“ или изъ денегъ и „waiting“, достигла величины, превышающей цѣнность самого результата, напр., величины въ 10.

Второе само по себѣ возможное толкованіе имѣетъ въ виду обратное, а именно, признаетъ жертву большей величины. Это толкованіе получаетъ свое выраженіе въ разсужденіи *Маршалля* о существованіи жертвы, „waiting“, которая можетъ быть приносима отдѣльно, на ряду съ трудомъ. Если отнестись критически къ этому толкованію, то оно представится такъ: надежда на будущій результатъ, который, по истеченіи года или пяти лѣтъ, будетъ имѣть цѣнность въ 10, побуждаетъ насъ взять на себя состоящую изъ труда и выжиданія сумму жертвъ, которая мы, принимая во вниманіе степень страданія, которое готовитъ намъ выжиданіе, и предполагаемую продолжительность этого выжиданія, въ совокупности оцѣниваемъ числомъ 10.

Я полагаю, опять ясно, какъ на ладони, что такое толкованіе положенія вещей предполагаетъ, будто надежда на будущее наслажденіе, которое мы должны пріобрѣсти, влияетъ на наше настоящее рѣшеніе въ полномъ, неуменьшенномъ объемѣ предполагаемаго наслажденія; если мы обозначимъ будущій результатъ въ его неуменьшенномъ объемѣ числомъ

10, то мы, какъ съ точки зрѣнія разума, такъ и съ точки зрѣнія хозяйственнаго принципа, можемъ рѣшиться принять на себя ради его достиженія общую жертву величиною въ 10. Теорія воздержанія подчеркиваетъ эту точку зрѣнія даже особенно выразительно. Она вѣдь учитъ, что цѣнность будущихъ производительныхъ и потребительныхъ результатовъ не можетъ опуститься ниже (предположеннаго) числа 10 именно потому, что присоединеніе жертвы выжиданія поднимаетъ величину общихъ издержекъ до этой суммы, а при меньшей цѣнности результата производитель не считалъ бы себя достаточно вознагражденнымъ за принесенную жертву—ходъ мыслей, который, какъ нельзя выразительнѣе, предполагаетъ, что цѣнность будущаго результата фигурируетъ въ оцѣнкѣ производителя въ неуменьшенномъ объемѣ, выраженномъ числомъ 10.

Другими словами, ясно, какъ на ладони, что мы можемъ допустить второе толкованіе только въ томъ случаѣ, если отвергнемъ первое. Мы можемъ допустить, *или*, что отдаленность во времени уменьшаетъ въ нашей оцѣнкѣ пользу ожидаемаго будущаго результата, *или* же, что отдаленность во времени увеличиваетъ собою жертвы, принимаемая въ расчетъ при оцѣнкѣ, еще на величину „жертвы выжиданія“: допускать же одновременно и то и другое, очевидно, невозможно. Допущеніе, будто въ оцѣнкѣ производителя будущая польза уменьшается отъ 10 до 6, а жертва въ то же время увеличивается, благодаря присоединенію жертвы выжиданія, отъ 6 до 10, при чемъ производство все же будетъ приносить выгоду,—очевидно, представляетъ собою и хозяйственный и математическій нонсенсъ ¹⁾.

¹⁾ Для того, чтобы разъ навсегда предупредить возможность заблужденія, я хочу еще предусмотрѣть одно мыслимое возраженіе. При поверхностномъ отношеніи можно было бы еще истолковать себѣ положеніе дѣль слѣдующимъ образомъ. Будущая польза въ 10, которой можно достигъ только черезъ 5 лѣтъ, въ настоящей оцѣнкѣ уменьшается дѣйствительно только въ перспективѣ, т. е., оцѣнивается только числомъ 6,21. Но этой настоящей цѣности ожидаемаго результата соответствуетъ настоящая жертва (труда или денегъ), также выражающаяся только числомъ 6,21; жертва выжиданія относится, напротивъ, только къ будущему и только *въ будущемъ* найдетъ себѣ компенсацію въ полной будущей цѣности будущаго результата, выражающагося числомъ 10. Такимъ образомъ, соблюдается необходимая гармонія между настоящей цѣнностью и настоящей жертвой, съ одной стороны, и будущей цѣнностью и общей суммой жертвъ, обнимающей собою и будущія жертвы, съ другой.— При этомъ ходъ мыслей мы, однако, упустили изъ вида, что всякая

Разъ, однако, приходится признать, что надо выбирать одно изъ двухъ толкованій, которыя соединилъ въ своемъ ученіи проф. *Маршалль*, то выборъ не можетъ вообще возбуждать ни малѣйшаго сомнѣнія и, какъ я думаю, также для этого замѣчательнаго ученаго, взгляды котораго я вынужденъ здѣсь оспаривать. Съ одной стороны, фактъ, что люди, и въ особенности безпечные люди, оцѣнивають отдаленныя удовольствія ниже, чѣмъ такія же удовольствія въ настоящемъ, такъ рѣзко бросается въ глаза, что отрицать его невозможно; а, съ другой стороны, сомнѣнія относительно существованія самостоятельной жертвы воздержанія или выжиданія—которыя я подробно разсмотрѣлъ въ IX главѣ этого сочиненія,—въ виду необходимости выбора, приобретутъ большее значеніе и въ глазахъ тѣхъ, кто до сихъ поръ не

раціональная хозяйственная оцѣнка должна, и притомъ *немедленно*, принимать во вниманіе не подлежащія еще уплатѣ жертвы или части жертвы точно такъ же, какъ и уже подлежащія уплатѣ. Если я обдумываю, купить ли мнѣ домъ, предложенный мнѣ *pro rata* на 20 лѣтъ по 1000 гульд. въ годъ, или нѣтъ, то я не долженъ сравнивать настоящую цѣнность дома только съ цѣнностью немедленно подлежащей уплатѣ части жертвы, т. е., съ жертвой немедленно уплачиваемой части въ 1000 гульд.; само собою разумѣется, что я уже въ настоящее время долженъ сопоставить цѣнность дома съ цѣнностью всѣхъ 20-и частей въ совокупности, подлежащихъ уплатѣ, какъ въ настоящее время, такъ и въ будущее, при чемъ только тѣ части, которыя не подлежатъ еще уплатѣ, я долженъ принимать во вниманіе съ нѣкоторымъ вычетомъ, сводящимъ таковыя къ настоящей ихъ цѣнности. Точно такъ же на основаніи теоріи воздержанія вся жертва, которая должна быть принесена ради отдаленнаго по времени результата, состоитъ изъ первой, немедленно же приносимой части жертвы, заключающейся въ трудѣ или же въ деньгахъ, и изъ ряда дальнѣйшихъ частей „жертвъ выжиданія“, распределяющихся между отдѣльными моментами всего промежутка времени. Послѣднія могутъ быть приняты во вниманіе уже въ настоящее время—совершенно такъ же, какъ и части цѣны дома, подлежащія уплатѣ впоследствии,—только съ нѣвѣстнымъ вычетомъ, соответствующимъ ихъ отдаленности во времени, но вообще принятыми во вниманіе онѣ быть должны, тѣмъ болѣе, что, какъ мы знаемъ, съ точки зрѣнія теоріи воздержанія, какъ разъ ихъ существованіе должно удерживать производителей отъ направленія производства на будущіе результаты меньшей цѣнности. Въ нашемъ примѣрѣ эта точка зрѣнія выразится въ слѣдующихъ числахъ: немедленно приносимая жертва труда (или денегъ) равна 6,21. Совокупность пятилѣтнихъ жертвъ выжиданія, при помощи которыхъ вся жертва постепенно пополняется до 10, равна, слѣдовательно, 3,79. Однако, въ виду того, что эти жертвы выжиданія относятся только къ будущему, и въ среднемъ приходится ихъ „переносить“ только черезъ 2½ года, то настоящая ихъ цѣнность опредѣляется соответственнo ниже, и, при 10-ти-процентной нормѣ учета, будетъ равняться приблизительно 2,96. На

обращалъ на нихъ вниманія. Я полагаю, что при вторичномъ, тщательномъ изслѣдованіи врядь ли можно будетъ въ общемъ, напр., отказаться отъ взгляда, что непотребленіе не представляетъ собою еще страданія, и что безуспѣшный трудъ не можетъ представлять собою безконечно большую жертву, т. е. жертву, слагающуюся изъ ограниченнаго количества труда и неограниченнаго, вѣчно длящагося выжиданія, и т. п.—Но возможно, что у кого-либо изъ моихъ читателей, особенно скептически настроеннаго, все-же можетъ остаться еще доля сомнѣнія; я приведу поэтому еще слѣдующія соображенія.

Кто считаетъ выжиданіе самостоятельной жертвой въ смыслѣ теоріи воздержанія, тотъ долженъ прійти къ заключенію, что и безпечные люди, не думающіе о будущемъ, вынуждены для достиженія отдаленнаго—даже очень отдаленнаго—наслажденія приносить такую же жертву, какъ и для достиженія наслажденія, желательнаго въ данный моментъ; одинаковыя суммы жертвъ будутъ состоять только изъ различныхъ составныхъ частей: въ случаѣ настоящаго наслажденія изъ одного только труда, въ случаѣ же будущаго наслажденія—изъ нѣскольکو меньшаго количества труда и нѣкоторой величины „waiting“, пополняющей величину всей жертвы до того же уровня!

Нужно замѣтить еще слѣдующее: Не подлежитъ сомнѣнію—да и согласно взглядамъ самого *Маршалля*,—что рассматриваемое нами психическое явленіе распространяется не только на оцѣнку будущихъ удовольствій, но и на оцѣнку будущихъ страданій ¹⁾. Положимъ, что кому-либо угрожаетъ

основаніи этого, настоящая цѣнность всѣхъ жертвъ, которыя должны быть приняты во вниманіе, будетъ равняться $6,21 + 2,96 = 9,17$, между тѣмъ какъ настоящая цѣнность ожидаемаго результата будетъ равняться только 6,21—соотношеніе величинъ, которое, очевидно, не можетъ лежать въ основѣ разумной хозяйственной дѣятельности.—Меня, дѣйствительно, удивляетъ, что при математическомъ изслѣдованіи всего этого вопроса проф. *Маршалль* могъ не обратить вниманія на эту непослѣдовательность, проявляющуюся и въ числахъ. Впрочемъ, самъ я слишкомъ слабый математикъ для того, чтобы судить о томъ, имѣлъ ли проф. *Маршалль* право—а если имѣлъ, то въ какой степени—скрывать или ступшевывать по существу несомнѣнно наблюдаемую ошибку въ сложныхъ математическихъ формулахъ, въ которыхъ онъ математически вычисляетъ, какъ уменьшеніе, благодаря учету будущей пользы, ожидаемаго результата, такъ и жертву выжиданія, возрастающей по геометрической прогрессіи (прим. XIII и XIV въ математическомъ приложеніи).

¹⁾ На стр. 769 проф. *Маршалль* выразительно распространяетъ дѣйствіе „telescopic faculty“ на соотвѣтственно высокую оцѣнку „future ills and benefits“.

несчастье, которое, если немедленно не будут приняты соотвѣтственные мѣры, наступитъ черезъ годъ и будетъ тогда обладать силой, выраженной числомъ 10. Не подлежитъ сомнѣнiю, что данное лицо, если оно учитываетъ будущiя явленiя по 10-процентной нормѣ, будетъ согласно для предотвращенiя несчастья взять на себя жертву труда, выражающуюся числомъ не больше 9. Я могу себѣ еще съ грѣхомъ пополамъ представить, что, въ случаѣ подготовленiя какого-нибудь положительнаго наслажденiя, выжиданiе этого наслажденiя можетъ разсматриваться, какъ жертва, увеличивающая общую жертву послѣдовательно до 10. Но я никакъ не могу себѣ представить, какая жертва можетъ заключаться въ томъ, что я не въ состоянiи устранить угрожающее страданiе въ промежуточное время, когда я еще не ощущаю его. Какое мучительное страданiе, выражающееся въ „состоянiи неудовлетворенныхъ потребностей“¹⁾, можетъ, напр., заключаться въ томъ, что у меня среди лѣта нѣтъ еще зимняго платья, изготовляемаго только прялкой или ткацкимъ станкомъ? или, напр., что тридцатилѣтнiй человекъ, который въ пятьдесятъ лѣтъ будетъ нуждаться въ очкахъ противъ дальнзорокости, долженъ еще въ теченiе 20-и лѣтъ „ждать“ изготовленiя очковъ, для производства которыхъ уже начались наиболѣе отдаленныя подготовительныя работы въ горномъ дѣлѣ, производствѣ машинъ и т. д.? Для безпристрастнаго наблюдателя, я думаю, дѣло ясно, какъ Божiй день: равновѣсiе достигается не потому, что чашка вѣсовъ, содержащая первоначально затраченную жертву труда, будетъ опускаться, благодаря мучительному выжиданiю устраненiя совершенно не существующаго несчастья, до тѣхъ поръ, пока она не достигнетъ полной пользы, выраженной числомъ 10,—равновѣсiе обѣихъ частей было установлено уже съ самаго начала, въ единственно опредѣляющiй моментъ хозяйственной оцѣнки и рѣшенiя, такимъ образомъ, что оцѣнка временно отдаленнаго грозящаго страданiя была понижена въ перспективѣ, вслѣдствiе чего устраненiе этого несчастья считалось соотвѣтственно меньшей пользой, и для уравниванiя его считали достаточной жертву труда соотвѣтственно меньшей величины²⁾.

1) „Endurance of want“, *Jevons, Theory of Political Economy*, 2 изд. р. 254.

2) Мнѣ могутъ, пожалуй, возразить, что трудъ, обращенный предумотрительно на предотвращенiе будущаго страданiя, могъ бы быть направленъ и на созданiе другого, и притомъ немедленнаго положительнаго наслажденiя, и что „отсутствiе“ послѣдняго пред-

Такимъ образомъ, теорія воздержанія принципиально ошибается въ томъ, что она относитъ къ невѣрной графѣ баланса тѣ оказывающія вредное вліяніе на балансъ нашего благосостоянія разности, которыя безусловно создаются отдаленностью времени; что тамъ, гдѣ въ дѣйствительности наблюдается минусъ пользы, она вмѣсто этого минуса хочетъ отмѣтить большую жертву; что она, такимъ образомъ, изъ двухъ возможныхъ взглядовъ на факты дѣйствительной жизни выбираетъ невѣрный. Однако, проф. *Маршалль*—а съ нимъ и всѣ тѣ ученые, которые хотятъ связать съ теоріей воздержанія введенный со времени *Рэ* и *Джевонса* въ науку психологической фактъ низшей оцѣнки будущихъ удовольствій и страданій¹⁾,—сверхъ того ошибается еще и въ томъ, что онъ совершенно не замѣчаетъ, что здѣсь приходится выбирать между двумя взглядами, которые ни въ коемъ случаѣ не могутъ ужиться вмѣстѣ.

Такимъ образомъ наиболее существенныя причины,—не всѣ—въ силу которыхъ я не могу признать удовлетворительнымъ разрѣшеніе проблемы процента проф. *Маршаллемъ*. Я уже

ставляетъ собою предметъ жертвы выжиданія. На это я могу отвѣтить, что, на мой взглядъ, при такомъ отношеніи мы только уклоняемся отъ принципиальнаго вопроса, а не рѣшаемъ его; впрочемъ, мы можемъ отрѣзать всякія дальнѣйшія разсужденія тѣмъ, что выберемъ конкретныя факты такъ, чтобы такое уклоненіе было невозможно. Положимъ, напр., что субъектомъ нашего примѣра является арестантъ, не имѣющій зимняго платья; онъ знаетъ, что его выпустятъ изъ тюрьмы черезъ годъ, и къ тому же какъ разъ зимою, во время самыхъ сильныхъ морозовъ; по порядкамъ тюрьмы, ему предоставляется право, но не вмѣняется въ обязанность, заработать себѣ арестантскимъ трудомъ сумму, необходимую для покупки зимняго платья, сумму, которой онъ, однако, за все время заключенія не можетъ пользоваться, а, слѣдовательно, не можетъ также доставить себѣ болѣе ранняго наслажденія. Здѣсь для конструирования жертвы выжиданія, которую онъ взялъ бы на себя путемъ затраты труда на приобрѣтеніе теплаго зимняго платья, на ряду съ жертвой самого труда, нѣтъ абсолютно никакихъ данныхъ; поэтому, кто не хочетъ цѣликомъ отрицать фактъ, что и у субъекта, находящагося въ данномъ положеніи, соображенія о будущей пользѣ могутъ быть менѣе дѣйствительны, чѣмъ соображенія о пользѣ настоящей, тотъ по необходимости долженъ будетъ признать, что единственно допустимымъ является второе толкованіе, въ пользу котораго при этомъ говоритъ такъ много другихъ соображеній, а именно, толкованіе, что отдаленность во времени въ нашей настоящей оцѣнкѣ уменьшаетъ величину будущихъ удовольствій и страданій!

¹⁾ Изъ болѣе раннихъ, напр., *Д. Ст. Милль* и *Джевонсъ*, а въ наше время *Макферленъ*, а также—я думаю—*Карверъ*. Относительно послѣдняго смотри еще ниже.

выше ¹⁾ обратилъ вниманіе на то, что проф. *Маршалль* склоненъ приписывать очень малое значеніе различіямъ и несовершенствамъ способовъ выраженія мыслей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очень широко толковать простой вариантъ въ формѣ изложенія. Но здѣсь, безъ сомнѣнія, имѣетъ мѣсто не только менѣе рекомендуемая форма изложенія вѣрной мысли: здѣсь рѣчь идетъ о существенномъ и характерномъ звенѣ логической цѣпи, которая должна содѣйствовать объясненію процента на капиталъ. Проф. *Маршалль* самъ считаетъ это критическое звено весьма существеннымъ; это видно изъ того, что по его—на мой взглядъ, ошибочному—мнѣнію, все различіе между его взглядами и взглядами социалистовъ сводится къ тому, можно ли на ряду съ трудомъ конструировать еще самостоятельную жертву выжиданія или нѣтъ ²⁾.

Матеріальное различіе существуетъ также между взглядами проф. *Маршалля* и моими; это видно изъ того, что, на его взглядъ, исчезновеніе психологическаго факта, проявляющагося въ предпочтеніи настоящихъ благъ будущимъ, повлекло бы за собою и исчезновеніе процента ³⁾, между

¹⁾ См. мое предисловіе къ второму изданію.

²⁾ 668 и слѣд.

³⁾ Самъ *Маршалль* отнюдь не считаетъ такого измѣненія нашего физическаго и нравственнаго состоянія немислимымъ и — что является логическимъ слѣдствіемъ его объясненія процента, какъ „reward of the sacrifice involved in the waiting“—ясно высказываетъ взглядъ, что въ такомъ случаѣ „interest would be negative all along the line“. Онъ ожидаетъ уже такого результата даже въ томъ случаѣ, если—безъ полнаго исчезновенія предпочтенія такихъ же настоящихъ наслажденій—дѣятельная забота о старости и семьѣ возрастаетъ у такого числа людей и въ такой степени, что суммы, сберегаемая съ этой цѣлью, превзойдутъ суммы, необходимыя для вновь открывающихся выгодныхъ способовъ ихъ примѣненія (new openings for the advantageous use of accumulated wealth, 663, прим. 1-ое).—Для очень требовательныхъ читателей и долженъ прибавить, что этой послѣдней оговоркой, относящейся къ выгоднымъ условіямъ производства, вовсе не устанавливается матеріальное примиреніе нашихъ взглядовъ. Прежде всего, на мой взглядъ, даже при совершенно неподвижномъ состояніи, т. е. при полномъ отсутствіи „новыхъ“ капиталистическихъ способовъ примѣненія капитала, большая производительность болѣе продолжительныхъ путей производства сама по себѣ была бы въ состояніи сохранить существованіе процента въ теченіе какого угодно конечнаго промежутка времени (см. объ этомъ, въ особенности, мое разсужденіе „Einige strittige Fragen der Capitalstheorie“, Wien 1900); далѣе, въ упомянутомъ мѣстѣ проф. *Маршалль* въ многочисленныхъ появленіяхъ новыхъ способовъ примѣненія капитала, очевидно, умачиваетъ препятствіе для полнаго исчезновенія процента только при условіи, что все же остается еще извѣстная разность въ оцѣнкѣ

тѣмъ какъ, на мой взглядъ, въ такомъ случаѣ изсякъ бы, такъ сказать, только одинъ изъ нѣсколькихъ источниковъ явленія процента; само же это явленіе продолжало бы существовать, хотя, правда, въ болѣе слабой степени, такъ какъ, помимо всякой пристрастной недооцѣнки будущаго, фактъ, что болѣе продолжительные пути производства являются вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе производительными, долженъ былъ бы обезпечить за настоящимъ комплексомъ благъ, дающимъ возможность примѣненія такихъ окольныхъ путей, цѣнность, превышающую цѣнности будущихъ комплексовъ благъ¹⁾, и притомъ не только на одинъ моментъ, а на про-

одинаковыхъ настоящихъ и будущихъ *наслаждений*. Нужно строго различать различную оцѣнку одинаковыхъ настоящихъ и будущихъ *наслаждений* и различную оцѣнку одинаковыхъ настоящихъ и будущихъ *комплексовъ благъ*, какъ это необыкновенно ясно представляетъ самъ проф. *Маршалля* въ прим. 1-омъ къ стр. 197 своего сочиненія. При различной оцѣнкѣ настоящихъ и будущихъ комплексовъ благъ можетъ оказать большое вліяніе то обстоятельство, что одинъ и тотъ же комплексъ можетъ въ различные періоды времени представлять различную объективную предѣльную полезность. Поэтому человѣкъ, который самъ по себѣ отдалъ бы предпочтеніе немедленному наслажденію передъ такимъ же будущимъ наслажденіемъ, все же можетъ рѣшиться въ пользу сбереженія и безъ надежды на процентъ, если только сумма, сберегаемая для будущаго, напр., для времени нуждающейся старости, будетъ тогда имѣть предѣльную полезность, соотвѣтственно превышающую ту, которую она представляла бы въ случаѣ немедленнаго израсходованія. Очевидно, аргументъ проф. *Маршалля* имѣетъ въ виду это соображеніе. До тѣхъ поръ, пока комплексы благъ, необходимые для новыхъ примѣненій капиталовъ, еще покрываются сбереженіями тѣхъ, у кого меньшая оцѣнка одинаковыхъ будущихъ наслаждений компенсируется увеличеніемъ объективной предѣльной полезности комплексовъ благъ, перенесенныхъ въ будущее, въ балансъ нѣтъ жертвы воздержанія, требующей вознагражденія, и процента можетъ не быть. Если же величина капитала для новыхъ примѣненій превосходитъ этотъ уровень, тогда низшая оцѣнка будущихъ наслаждений уже не покрывается увеличеніемъ объективной предѣльной полезности одинаковыхъ количествъ благъ, и поэтому она должна вознаграждаться процентомъ. Если взглянуть проф. *Маршалля*, дѣйствительно, такъ— а я въ этомъ не сомнѣваюсь,— то въ смыслъ его ученія дальѣйшее существованіе различной оцѣнки настоящихъ и будущихъ *наслаждений*, какъ основы жертвы воздержанія, вознаграждаемой процентомъ, представляетъ собою *conditio sine qua non* существованія процента. По моему, это не вѣрно, потому что необходимая для процента различная оцѣнка настоящихъ и будущихъ *благъ* могла бы вызываться и вызывалась бы въ дѣйствительности уже одной болѣе производительностью болѣе продолжительныхъ окольныхъ путей производства (см. отмѣченное въ слѣдующемъ примѣчаніи мѣсто изъ моей „Positive Theorie“).

¹⁾ См. подробнѣе въ моей „Positive Theorie“ 1-ое изд. стр. 284—286.

межутки, которые, даже будучи измѣряемы по самому строгому масштабу, должны быть причисляемы къ самымъ продолжительнымъ, „вѣковымъ періодамъ“¹⁾.

Въ заключеніе я хочу еще замѣтить, что у *Маршалля* встрѣчается еще группа замѣчаній, въ которыхъ специально и довольно выразительно подчеркивается отношеніе между процентомъ на капиталъ и *употребленіемъ* капитала; если бы эти замѣчанія были единственными на тему о процентѣ, то можно было бы, пожалуй, на основаніи ихъ заключить, что проф. *Маршалль* усвоилъ себѣ и точку зрѣнія, характерную для теоріи пользования²⁾. Но, принимая во вниманіе, что *Маршалль* сомнѣвается даже въ томъ, имѣли ли наиболѣе рѣшительные представители теоріи пользования въ виду проповѣдывать свойственные послѣдней взгляды со всей строгостью³⁾, я тѣмъ болѣе не въ правѣ предположить, что *Маршалль* самъ былъ склоненъ это дѣлать; я долженъ поэтому скорѣе предположить, что употребленіе этихъ оборотовъ рѣчи, характерныхъ для теоріи пользования, обусловливается исключительно нѣкоторой свободой и небрежностью изложенія мыслей, которую *Маршалль*, кажется, разрѣшаетъ себѣ и другимъ въ области теоріи процента, несмотря на то, что какъ разъ въ этой области неясности и двусмысленности въ способѣ выраженія вызвали уже столько ошибокъ и заблужденій, несмотря на то, что тотъ же замѣчательный ученый въ другихъ случаяхъ—и едва ли безъ основанія—приписываетъ особенное значеніе ясности и мѣткости формулировокъ.

Наконецъ, какъ я уже замѣтилъ, слѣдуетъ отмѣтить еще одну, относящуюся къ самому послѣднему времени, инте-

¹⁾ Ср. *Маршалль* р. 450.

²⁾ 662, 663, 665, 666 и слѣд., 663 прим. Въ этихъ замѣчаніяхъ *Маршалль* часто называетъ употребленіе капитала или его услуги (use, services) предметомъ, за который платятъ процентъ; онъ излагаетъ подробно, что въ этомъ отношеніи нѣтъ существеннаго различія („no substantial difference“) между наймомъ длящагося блага (напр., лошади) и ссудой потребляемой или же замѣнимой суммы денегъ, и прибавляетъ, что установленное болѣе древними писателями различіе между наймомъ и ссудой, хотя и „from an analytical point of view interesting“, но имѣетъ „очень мало практическаго значенія“.—Аналогичную—и требующую аналогичнаго отношенія—смѣсь замѣчаній, въ которыхъ теорія воздержанія проповѣдуется при помощи выраженій, напоминающихъ собою теорію пользования, можно найти и у *Sidgwick'a*, *Principles of Political Economy*, 2-ое изд. (1887 г.) стр. 255 и слѣд., затѣмъ 167 и слѣд. и 264.

³⁾ Напр., 142, прим. 1. См. и выше, предисловіе ко второму изданію.

ресную попытку дать старой теоріи воздержанія новое толкованіе. Эта попытка принадлежитъ американцу *Карверу* ¹⁾, отличающемуся большимъ остроуміемъ и замѣчательной изобрѣтательностью; однако, она несостоятельна, какъ я полагаю, вслѣдствіе невѣрнаго взгляда на основной вопросъ.

Его нѣсколько искусственный, поясненный цѣлымъ рядомъ геометрическихъ діаграммъ ходъ мыслей въ свободной и краткой передачѣ приблизительно таковъ ²⁾: *Карверъ* исходитъ изъ совершенно правильнаго положенія, что большіе комплексы настоящихъ благъ сберегались бы собственниками для будущаго и въ томъ случаѣ, если бы собственники не получали никакихъ процентовъ, даже если бы имъ приходилось еще платить за храненіе сберегаемаго. Онъ отмѣчаетъ также вполне правильно и предѣлы безпроцентныхъ сбереженій. Мудрый хозяинъ изъ настоящаго запаса благъ будетъ сберегать для будущаго до тѣхъ поръ, пока полезность (предѣльная полезность) послѣдней изъ сбереженныхъ частицъ, напр., послѣдняго сбереженнаго гульдена, будетъ для будущаго представляться такой же, какою является полезность послѣдняго предназначеннаго для израсходованія гульдена въ настоящемъ. Если, напр., кто-либо обладаетъ имуществомъ въ 100.000 гульд., то, будучи мудрымъ хозяиномъ, онъ навѣрно не предназначитъ для настоящаго потребленія всѣхъ 100.000 гульд. или хотя бы значительной части таковыхъ, даже въ томъ случаѣ, если бы совершенно не было процента, потому что, поступи онъ такимъ образомъ, онъ удовлетворилъ бы въ настоящемъ совершенно несущественныя потребности роскоши, а зато въ будущемъ онъ уже не имѣлъ бы возможности удовлетворять самыя существенныя потребности. Разсуждая правильно, онъ остановилъ бы свое настоящее потребленіе тогда, когда онъ—принимая во вниманіе и ожидаемая въ будущемъ поступленія благъ—найдетъ, что предѣльная полезность послѣдняго израсходованнаго

¹⁾ „The place of abstinence in the theory of interest“, Quarterly Journal of Economics, октябрь 1893, Стр. 40—61.

²⁾ Внимательный читатель сейчасъ же замѣтитъ, что ходъ мыслей *Карвера* вначалѣ имѣетъ много общаго съ нѣкоторыми искусственными соображеніями, съ которыми мы только что познакомились у проф. *Маршалля* (см. выше, стр. 585, прим. 3-е). Я рискну даже высказать предположеніе, что разсужденія *Маршалля* послужили для *Карвера* первымъ побудительнымъ мотивомъ къ созданію его теоріи, которая затѣмъ, начиная съ извѣстнаго мѣста, принимаетъ совершенно иное направленіе.

гульдена равна будущей предѣльной полезности послѣдняго сбереженнаго гульдена.

При этомъ нужно, однако, сдѣлать весьма важную оговорку, которая выведена также *Карверомъ* въ его диаграммахъ весьма удачно. Большинство людей, въ зависимости отъ умственныхъ способностей и темперамента, обыкновенно недооцѣниваетъ будущихъ удовольствій и страданій, а, слѣдовательно, и будущей полезности благъ. Такъ, напр., беззаботный и расточительный человѣкъ будетъ въ данный моментъ цѣнить ожидаемое черезъ годъ наслажденіе или полезность, которая въ моментъ фактическаго осуществленія выразится относительнымъ числомъ 15, не выше 10-ти. Такъ какъ на настоящія хозяйственныя рѣшенія вліяетъ, естественно, только настоящая оцѣнка подлежащихъ выбору удовлетвореній потребностей, то изложенное выше правило для предѣловъ безпроцентныхъ сбереженій должно быть изменено въ томъ отношеніи, что сбереженіе имѣетъ мѣсто до тѣхъ поръ, пока предѣльная полезность послѣдняго изъ предназначенныхъ для немедленнаго израсходованія гульденовъ не будетъ равна *настоящей оцѣнкѣ* будущей предѣльной полезности послѣдняго сбереженнаго гульдена. Въ нашемъ примѣрѣ этотъ предѣлъ будетъ достигнутъ тогда, если предѣльная полезность послѣдняго истраченнаго гульдена будетъ равняться 10-ти, а будущая предѣльная полезность послѣдняго сбереженнаго гульдена 15-ти, при чемъ эти 15 въ настоящей оцѣнкѣ приравниваются только настоящей полезности въ 10.

Для того, чтобы лучше освѣтить нововведеніе *Карвера*, я сейчасъ же долженъ констатировать слѣдующее. Всѣ представители теоріи воздержанія до *Карвера* открыто или молчаливо приводятъ въ связь жертву воздержанія именно съ это послѣдней разностью ¹⁾. Предпочтеніе, отдаваемое настоящимъ наслажденіямъ, въ ихъ глазахъ представляетъ собою главную причину, почему воздержаніе отъ немедленнаго потребленія или выжиданіе ихъ вообще является „жертвою.“ Чѣмъ больше это предпочтеніе—смотри знаменитую скалу отъ индѣйскихъ племенъ, продающихъ за нѣкоторое количество „огненной воды“ земли своихъ предковъ, до трезвыхъ и предусмотрительныхъ образованныхъ классовъ культурныхъ націй,—тѣмъ большія препятствія оно ставитъ сбереженію и образованію капитала; эти препят-

¹⁾ Особенно выразительно, напр., у *Д. Ст. Милля*: „Principles“, книга II, глава XV § 2 и книга I, глава XI.

ствія могутъ быть преодолевѣаемы только тогда (и по мѣрѣ того), когда „жертва,“ сопряженная съ ихъ преодолевѣніемъ, будетъ надлежащимъ образомъ вознаграждаться процентомъ. Отсюда и размѣръ процента ставится въ зависимость отъ интенсивности указаннаго предпочтенія. Въ смыслѣ болѣе ранней теоріи воздержанія дѣйствительной и движущей силой является, такимъ образомъ, та величина, которая въ нашемъ—нарочно рѣзко подобранномъ—примѣрѣ изображается разностью 15—10, т. е., дѣйствительной величиной будущей полезности *безъ* низшей настоящей ея полезности.

Затѣмъ *Карверъ* переходитъ въ совершенно иную область. Онъ, какъ уже было замѣчено выше, также признаетъ и выразительно подчеркиваетъ существованіе означеннаго психологическаго факта. Но сущность воздержанія, требующаго вознагражденія, онъ усматриваетъ не въ этомъ фактѣ, а въ совершенно иномъ. До тѣхъ поръ, пока сбереженіе обуславливаетъ собою то, что настоящія блага, перенесенныя въ будущее, имѣютъ въ настоящемъ полезность, превышающую уже въ настоящей оцѣнкѣ полезность сбереженныхъ благъ въ случаѣ ихъ немедленнаго потребленія, до тѣхъ поръ сбереженіе вообще не сопряжено ни съ какой дѣйствительной жертвой. Эта часть образованія капитала совершается „безъ издержекъ“ и не требуетъ поэтому никакого процента, какъ вознагражденія за жертву (стр. 49). Дѣйствительная жертва начинается только тогда, когда сбереженіе распространяется или должно распространяться за этотъ предѣлъ. Если въ нашемъ примѣрѣ должно быть изъято изъ настоящаго потребленія и предоставлено будущему еще большее количество благъ, то это можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда удовлетвореніе потребностей въ настоящемъ остановится на такихъ потребностяхъ, которыя имѣютъ значеніе, превышающее еще число 10, такъ что, напр., не будетъ удовлетворяться еще и рядъ потребностей, значеніе которыхъ лежитъ между 10 и 11. Но если эти изъятыя изъ настоящаго удовлетворенія потребностей блага присоединятся къ запасу, предназначенному для покрытія потребностей будущаго, который, благодаря предшествовавшему сбереженію „безъ издержекъ“, доходилъ по настоящей оцѣнкѣ до удовлетворенія потребностей, означенныхъ числомъ 10, то, конечно, всякій новый приростъ этого запаса можетъ быть обращенъ только на удовлетвореніе еще менѣе важныхъ потребностей, напр., на удовлетвореніе ряда потребностей, значеніе которыхъ лежитъ между числами 10 и 9. Продолженіе сбереженія имѣло бы своимъ послѣдствіемъ

то, что рядъ благъ, которыя при немедленномъ примѣненіи имѣли бы предѣльную полезность отъ I до II, въ будущемъ будутъ имѣть только предѣльную полезность, по настоящей оцѣнкѣ лежащую между I и 9, слѣдовательно, меньшую. Разность представляетъ собою чистую потерю, причиненную сбереженіемъ, дѣйствительную жертву, причиненную воздержаніемъ отъ немедленнаго потребленія, которая не можетъ и не будетъ приноситься, если не будетъ соотвѣтственно вознаграждаться; этимъ вознагражденіемъ и является процентъ на капиталъ. „Потеря субъективной цѣнности, наблюдаемая въ послѣднихъ частяхъ сбереженія, должна покрываться приростомъ количества объективныхъ благъ, т. е. процентомъ“¹⁾.

Если бы потребности производства вполне удовлетворялись уже тѣмъ ничтожнымъ количествомъ капитала, которое можетъ быть образовано уже частью сбереженій, не требующей жертвъ, то процента на капиталъ вообще не существовало бы (49). Если же требуется больше капитала, т. е., если при постепенномъ использованіи всѣхъ прибыльныхъ условій примѣненія капитала можетъ быть примѣненъ капиталъ, превышающій сбереженный безъ всякихъ издержекъ, при чемъ доходъ на капиталъ къ нулю не сводится („if more is needed—i. e. if more can be used, and still afford profit at the margin“), то долженъ появиться процентъ, ибо для дальнѣйшаго сбереженія кто-нибудь долженъ взять на себя вышепредставленную жертву субъективной цѣнности сбереженнаго, требующую вознагражденія. Величину же процента опредѣляетъ „the marginal sacrifice of saving,“ т. е., величина жертвы при послѣдней, самой дорогой (соединенной съ наибольшей потерей субъективной цѣнности) части сбереженія, необходимой еще для потребностей производства (53). —

Нетрудно замѣтить, что сущность жертвы воздержанія, требующей вознагражденія процентомъ, въ дѣйствительности объясняется *Карверомъ* иначе, чѣмъ остальными теоретиками воздержанія. Послѣдніе подчеркиваютъ то, что люди по своей природѣ тяготеютъ выжиданіемъ наслажденій; *Карверъ* же вводитъ жертву не изъ отсрочки наслажденія, какъ таковой, а изъ условно съ нею связаннаго дальнѣйшаго обстоятельства, что, благодаря условіямъ сбереженій, такъ измѣняется соотношеніе потребностей и ихъ удовле-

¹⁾ „The loss in the subjective valuation of this last increment must be compensated for by an increase in objective goods or interest;“ о. с. стр. 53.

творений, что одинаковое количество благъ обладаетъ въ будущемъ меньшей предѣльной полезностью и цѣнностью, чѣмъ въ настоящемъ. Сущность жертвы у *Карвера* заключается не въ томъ, что наслажденіе наступаетъ *позже*, а въ томъ, что оно *меньше*, чѣмъ конкурирующее съ нимъ настоящее наслажденіе. Различіе это можно наглядно освѣтить и на числахъ нашего примѣра. Между тѣмъ какъ интенсивность перваго момента, какъ мы уже замѣтили, выразилась бы въ нашемъ примѣрѣ разностью 15—10, т. е., разностью между истинной величиною будущаго наслажденія и настоящей его оцѣнкой, величина жертвы воздержанія у *Карвера* измѣняется совершенно отличной отъ первой и совершенно другими причинами обуславливаемой разностью 11—9, т. е., разностью между послѣдней реализуемой въ настоящемъ полезностью и настоящей оцѣнкой послѣдней реализуемой въ будущемъ полезности.

Нетрудно, однако, замѣтить и то, что *Карверъ* по недоразумѣнію принялъ за *причину* процента явленіе, представляющее собою исключительно *слѣдствіе* такого. Все существенное, высказанное *Карверомъ*, совершенно вѣрно, равно какъ и его разсужденіе объ уменьшеніи предѣльной полезности ¹⁾, для того случая, если будущій періодъ снабдить средствами удовлетворенія потребностей лучше, чѣмъ настоящий. *Карверъ* смѣшиваетъ только причину и слѣдствіе. Процентъ вообще появляется и возрастаетъ не потому, что будущее снабжается лучше соответствующими средствами удовлетворенія потребностей—и не въ соответствіи съ этимъ лучшимъ снабженіемъ,—а какъ разъ наоборотъ: процентъ долженъ уже фактически существовать для того, чтобы былъ экономическій мотивъ для снабженія будущаго лучшими средствами; и чѣмъ больше процентъ, тѣмъ больше можетъ и будетъ расти это болѣе интенсивное снабженіе будущаго. Если (и такъ какъ) процентъ равняется 5%, то есть разумныя основанія для того, чтобы увеличить средства будущаго настолько, дабы 105 благъ слѣдующаго года обладали той же полезностью, что и 100 благъ въ настоящемъ: если (и такъ какъ) процентъ будетъ равняться 20-ти, то можно будетъ увеличить средства будущаго еще больше, а именно настолько, чтобы 120 благъ слѣдующаго года обладали той же полезностью, что и 100 благъ въ настоящемъ (при чемъ все опредѣляется на основаніи настоящей оцѣнки), и т. д.

¹⁾ Я самъ обратилъ вниманіе читателей на это явленіе (см. мою *Positive Theorie*, изд. 1-ое, стр. 446).

Напротивъ, въ *возникновеніи* процента, очевидно и несомнѣнно принимаетъ участіе другой указанный психологическій моментъ, въ которомъ усматриваютъ сущность жертвы воздержанія всѣ остальные теоретики воздержанія. Если люди предпочитаютъ немедленное потребленіе будущему удовлетворенію потребностей настолько, что въ настоящей оцѣнкѣ они приравниваютъ будущее потребленіе, выраженное числомъ 15, только настоящему потребленію, выраженному числомъ 10, то такое положеніе можетъ, конечно, сдѣлаться истинной *причиной* того, что продукты, произведенные для будущаго, приобретутъ и сохранять цѣнность, превышающую сдѣланныя на нихъ издержки. При такомъ положеніи производители не могутъ согласиться для приобретения продукта, который въ свое время будетъ обладать цѣнностью въ 15, но который по настоящей оцѣнкѣ опредѣляется только въ 10, дѣлать издержки, превышающія издержки, обозначенныя числомъ 10. Но производство по истеченіи года даетъ уже продуктъ цѣнностью въ 15; соответствующія же издержки производства равны 10-ти, откуда излишекъ цѣнности или процентъ въ 5 появляется уже самъ по себѣ. Надо замѣтить, что этотъ излишекъ цѣнности появляется и въ томъ случаѣ, если еще не понадобилась жертва воздержанія *Карвера*, т. е., въ томъ случаѣ, если для будущаго будетъ оставлено столько средствъ, что единица благъ *по настоящей оцѣнкѣ* будетъ имѣть одинаковую предѣльную полезность въ 10, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

И устраненіе этого излишка цѣнности нивелированіемъ со стороны конкуренціи при данныхъ условіяхъ, очевидно, сдѣлалось бы невозможнымъ благодаря той же причинѣ, которая вызвала его появленіе, при чемъ можно было бы обойтись и безъ появленія и вліянія жертвы воздержанія *Карвера*. Если бы, напр., вслѣдствіе временнаго усиленія производства, объективная цѣнность соответствующаго продукта понизилась отъ 15-ти до 14-ти, то, до тѣхъ поръ, пока коэффициентъ недооцѣнки будущаго остается постояннымъ, цѣнность, выраженная числомъ 14, въ настоящей оцѣнкѣ была бы равна суммѣ, меньшей 10-ти, т. е., приблизительно 9,3. Если, какъ мы предположили, запасы благъ для немедленнаго потребленія понижаются до предѣльной полезности въ 10, то очевидно, что затрата средствъ на результаты, обладающіе цѣнностью только въ 9,3, является неэкономной; прежде всего слѣдовало бы отдавать предпочтеніе тому дальнѣйшему ряду настоящихъ потребностей,

значеніе которыхъ ниже 10, но выше 9,3, передъ менѣе выгодной затратой ради будущаго результата, благодаря чему оставалось бы меньше средствъ для будущаго, уменьшалось бы производство отдаленныхъ во времени благъ, и цѣнность ихъ возрастала бы до тѣхъ поръ, пока не установилось бы прежнее соотношеніе—объективная будущая цѣнность въ 15, приравниваемая въ настоящей оцѣнкѣ настоящей предѣльной полезности въ 10, а также и прежній излишекъ цѣнности въ 5.—Разъ этими дѣйствительно движущими силами процентъ уже созданъ, то устанавливается также и его слѣдствіе, заключающееся въ томъ, что люди будутъ оставлять для будущихъ цѣлей нѣсколько больше средствъ, чѣмъ какое они оставляли бы, если бы процента не было. Это обстоятельство и служитъ причиной отмѣченнаго *Карверомъ* паденія въ настоящее время оцѣниваемой будущей предѣльной полезности единицы благъ ниже настоящей предѣльной полезности, паденія, которое, однако, отнюдь не равносильно паденію дѣйствительной, временно только *недооцѣненной* предѣльной полезности. Однако, все это есть цѣликомъ слѣдствіе явленія процента. Возможно, что это явленіе будетъ затѣмъ оказывать второстепенное обратное дѣйствіе на величину самого процента; однако, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что это обратное дѣйствіе проявится въ *уменьшеніи* процента, и роль дѣйствующей промежуточной причины при этомъ, безъ сомнѣнія, выпадетъ на долю усиленнаго сбереженія, а навѣрно не на долю жертвы воздержанія *Карвера*, которая должна была бы двигаться въ прямо противоположномъ направленіи: она должна была бы *расти* при болѣе усиленномъ сбереженіи, обильно снабжающемъ средствами будущее, и понижающемъ поэтому весьма значительно предѣльную полезность сбереженнаго!

Я дошелъ теперь до того пункта, который, какъ я думаю, даетъ мнѣ возможность рельефнѣе всего освѣтить ошибку *Карвера*. Безъ сомнѣнія, процентъ обуславливается *недостаткомъ* капитала или—что одно и то же—недостаткомъ средствъ удовлетворенія потребностей, предназначенныхъ для будущаго. *Карверъ* же доходитъ до того, что, наоборотъ, выводитъ процентъ изъ *обилія* этихъ средствъ удовлетворенія потребностей, изъ своего рода обилія сбереженій! Истинное мѣсто, которое занимаютъ вѣрно отмѣченные *Карверомъ* факты въ причинной цѣпи, лучше всего можно охарактеризовать слѣдующимъ сравненіемъ. Подобно тому, такъ недостаткомъ денегъ обуславливаемый ростъ цѣнности денегъ обыкновенно вызываетъ побочное теченіе,

которое стремится ослабить свою собственную интенсивность тѣмъ, что высокая покупательная сила денегъ, какъ извѣстно, вызываетъ чеканку значительнаго количества благородныхъ металловъ, которые раньше шли на украшенія, посуду и т. д., и вызываетъ, такимъ образомъ, усиленное предложение денегъ,—точно такъ же процентъ, обуславливаемый недостаткомъ капитала, фактомъ своего существованія вызываетъ побочное теченіе, которое стремится понизить свой собственный уровень тѣмъ, что существованіе процента даетъ поводъ къ расширенію сбереженій за тотъ предѣлъ, на которомъ они остановились бы, если бы процентъ не существовалъ. Но подобно тому, какъ въ усиленномъ обращеніи на чеканку золотыхъ и серебряныхъ вещей мы не должны и не въ правѣ усматривать движущую причину возрастанія цѣнности денегъ, точно такъ же мы не должны и не въ правѣ усматривать главную силу, вызывающую явленіе процента и опредѣляющую его величину, въ большемъ сбереженіи, вызванномъ существованіемъ процента, и въ пониженіи предѣльной полезности сбереженій, представляющихъ собою явленіе, только сопровождающее таковое!

Поскольку, такимъ образомъ, вообще въ объясненіи процента рѣчь идетъ о „воздержаніи“, я считаю себя обязаннымъ отдать предпочтеніе, хотя бы только относительное, болѣе ранней точкѣ зрѣнія теоріи воздержанія передъ новымъ толкованіемъ *Карвера*. Первая имѣла, по крайней мѣрѣ, въ виду вѣрное основное явленіе, которое въ качествѣ первоначальной движущей силы, въ самомъ дѣлѣ, принимаетъ участіе при обоснованіи процента, хотя характеръ этого участія былъ понятъ и изложенъ теоріей воздержанія невѣрно. *Карверъ* же, соблазнившись остроумной, но ошибочной комбинаціей, попалъ на невѣрный путь: вмѣсто дѣйствительной причины процента, онъ изслѣдовалъ исключительно явленіе, его сопровождающее и имъ обуславливаемое ¹⁾.

¹⁾ Интересно, что и *Карверъ*, подобно *Макберлену*, считаетъ мою теорію по существу теоріей воздержанія (соединенною съ элементами теоріи производительности); въ общемъ онъ съ нею соглашается и высказываетъ только мнѣніе, что онъ ее проповѣдуетъ въ нѣсколько исправленной, а, главное, въ болѣе понятной версіи. „With certain corrections, which will be noticed later“,—говоритъ онъ о *моей* теоріи—„his theory may be regarded as correct; but it is to be hoped that the interest problem can be explained upon principles more easily understood by the average reader“. (О. с. стр. 44). Его примѣръ, какъ и примѣръ

V.

Что касается трудовой теории, то я въ моей „Geschichte und Kritik“ различалъ три существенно-различныхъ варианта. Первый изъ нихъ, представителями котораго въ болѣе раннее время были *Джемсъ Милль* и *Макъ-Куллохъ*, насколько мнѣ извѣстно, не нашелъ себѣ послѣдователей въ послѣднее время и можетъ быть поэтому рассматриваемъ, какъ отжившій свой вѣкъ ¹⁾.

Второй, „французскій“ вариантъ, рассматривающій процентъ, какъ вознагражденіе за нравственный „трудъ сбереженія“, насколько я могу судить, не подкрѣпленъ никакими новыми силами, хотя въ томъ довольно тѣсномъ кругу, въ которомъ онъ вообще былъ признанъ, онъ своего значенія еще не потерялъ.

Относительно третьяго варианта, считающаго процентъ своего рода трудовымъ доходомъ класса капиталистовъ, которымъ ввѣрена общественная функція образованія капитала и руководства производствомъ, слѣдуетъ отмѣтить, какъ заслуживающее вниманія литературное явленіе новѣйшаго времени, что *Адольфъ Вагнеръ*, котораго я условно причислилъ къ этой группѣ, теперь уже категорически заявилъ, что не признаетъ трудовой теории, поскольку она стремится къ собственно теоретическому объясненію процента; его замѣчанія, напоминающія собою идеи трудовой теории, имѣли въ виду только социальное-политическое об- сужденіе процента, только вопросъ о его справедливости.

Мэксферлена, сопоставленный съ весьма остроумными, хотя и неудовлетворительными разсужденіями наиболѣе выдающихся ученыхъ, какъ *Джевонсъ* и *Маршалль*, представляетъ собою крайне поучительную иллюстрацію того, сколько различныхъ развѣтвленій можетъ быть во взглядахъ на quasi-простое соотношеніе настоящаго и будущаго, а также и того, что съ моей стороны вовсе не является излишней педантичностью, что, какъ въ своей критикѣ, такъ и въ положительной теории, я не довольствуюсь общими указаніями на „prospectiveness“ и „productiveness“ капитала, а настаиваю на томъ, чтобы эти идеи носили вполне опредѣленный характеръ, а именно тотъ, при которомъ онѣ единственно и соединяются въ одно дѣйствительно цѣлое, существенно и логично правильное объясненіе нашего явленія.

¹⁾ Скорѣе всего нѣкоторое сходство съ этимъ вариантомъ трудовой теории представляетъ собою уже вкратцѣ упомянутая нами выше теорія *Гиддингса* (см. выше стр. 567, прим. 5-ое). Однако, въ своихъ теоретическихъ предположеніяхъ вообще теорія *Гиддингса* такъ отличается отъ первой точки зрѣнія, настолько ее превосходить, что я въ своемъ обзорѣ считая себя обязаннымъ отнести ее къ другой, новѣйшей группѣ теорій.

Въ собственно теоретическомъ вопросѣ проблемы процента *Вагнеръ* выразилъ свое согласіе съ самыми существенными чертами моей попытки объясненія процента ¹⁾).

Зато этотъ же вариантъ трудовой теоріи былъ принятъ и подробно обоснованъ *Штольцманномъ* ²⁾. Въ виду того, что теорія *Штольцманна* отличается нѣкоторыми оригинальными чертами и представляетъ собою къ тому же самое тщательное и законченное изложеніе, какому вообще до сихъ поръ подвергалась идея трудовой теоріи, она заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія и оцѣнки.

Отправной точкой *Штольцманна* является теорія цѣнности. Онъ даетъ оригинально видоизмѣненную теорію цѣнности, имъ самимъ названную „теоріей трудовыхъ издержекъ“ (*Arbeitskostentheorie*). Мѣновая цѣнность благъ въ общемъ опредѣляется трудовыми издержками, но не количествомъ на продукты затраченнаго труда, какъ такового, какъ учатъ *Рикардо* и социалисты, не размѣрами соединеннаго съ трудомъ бремени и страданія, не размѣрами учатъ и учили нѣкоторые другіе теоретики;—рѣшающимъ является трудъ, „такъ какъ (и поскольку) онъ требуетъ вознагражденія“, „значить, собственно не трудъ, какъ таковой“, а вознагражденіе за трудъ (стр. 335). А вознагражденіе—и въ этомъ заключается вторая основная предпосылка системы *Штольцманна*—опредѣляется, какъ и все вообще распредѣленіе благъ, социальнымъ соотношеніемъ силъ. Рабочій долженъ жить. Для всякаго момента своего существованія онъ нуждается въ извѣстномъ количествѣ средствъ пропитанія (это слово здѣсь употреблено въ самомъ широкомъ смыслѣ); это количество *Штольцманнъ* называетъ его единицей пропитанія (*Nahrungseinheit*). Этому понятію онъ приписываетъ чрезвычайно большое значеніе. Это понятіе онъ считаетъ необходимымъ соединяющимъ звеномъ между образованіемъ и опредѣленіемъ цѣнности благъ. Исходя изъ довольно распространеннаго взгляда, что отдѣльныя потребности несоизмѣримы ³⁾, онъ полагаетъ, что цѣнность благъ не можетъ поэтому выводиться изъ нихъ или опредѣляться на основаніи ихъ, что „здѣсь, какъ вообще въ наукѣ, слѣдуетъ

¹⁾ „Grundlegung“ 3 изд. II часть, стр. 289 и слѣд. См. также выше, стр. 351, прим. 1.

²⁾ Die sociale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre. Berlin. 1896.

³⁾ Объ этомъ взглядѣ я высказался обстоятельно въ другомъ мѣстѣ (*Conrad's Jahrbücher* N. F. Томъ XIII, стр. 46 и слѣд.); здѣсь я принципиально избѣгаю всякой антикритики, и поэтому я на этомъ вопросѣ не останавливаюсь.

принять за ближайшую доступную намъ единицу цѣнности всего человѣка со всѣми его потребностями“ (264). Образование цѣнности происходитъ затѣмъ слѣдующимъ образомъ. Прежде всего опредѣляется, и опредѣляется социальнымъ соотношеніемъ силъ, размѣръ единицы пропитанія, которую рабочій можетъ приобрести. Послѣдняя не представляетъ собою постоянной фізіологической или же другимъ закономъ природы опредѣляемой величины, — она является результатомъ социальной борьбы, при чемъ для вопроса, какое количество средствъ пропитанія рабочій можетъ приобрести, какого образа жизни онъ можетъ добиться, имѣютъ рѣшающее значеніе не экономическія условія, а соотношеніе силъ. Изъ размѣровъ получаемой въ вознагражденіе единицы пропитанія вытекаетъ затѣмъ мѣновая цѣнность отдѣльныхъ продуктовъ по тому простому принципу, что продуктъ обладаетъ всегда цѣнностью, равной столькоимъ единицамъ пропитанія, сколько соотвѣтствующихъ рабочихъ единицъ (напр. рабочихъ дней) или же одинаковыхъ частей рабочихъ единицъ стоило его производство.

Штольцманнъ развиваетъ этотъ законъ трудовыхъ издержекъ прежде всего для предполагаемаго примитивнаго, первобытнаго типа. Онъ предполагаетъ, что социальная группа въ 10 лицъ добываетъ себѣ все необходимое для удовлетворенія общихъ потребностей 10 человѣкъ, или 10 единицъ пропитанія, раздѣливъ между собою трудъ по одному общему хозяйственному плану. Каждый изъ—одинаково трудолюбивыхъ и одинаково ловкихъ—сотоварищей обращается къ производству одного изъ 10-и видовъ благъ, изъ которыхъ складывается все необходимое для удовлетворенія общихъ потребностей, и каждый изготавляетъ, выполняя всю работу отъ начала до конца, въ теченіе одного и того же времени 10 экземпляровъ. При такихъ обстоятельствахъ—разсуждаетъ *Штольцманнъ*—между отдѣльными сотоварищами не можетъ и не будетъ имѣть мѣста никакое другое распределеніе общаго продукта, кромѣ того, что за полную единицу труда, которую каждый сотоварищъ внесъ въ производство, онъ и получаетъ полную одинаковую единицу пропитанія, состоящую изъ 10-и благъ, по одному изъ каждаго вида; отдѣльныя блага, созданныя одинаковыми частями единицы труда и представляющія собою одинаковыя части единицы пропитанія, обмѣнивались бы на одинаковыхъ условіяхъ, если бы вообще дѣло дошло до формальнаго обмѣна. Почему это такъ? Потому что при изложенныхъ обстоятельствахъ всѣ десять сотоварищей одинаково сильны, потому что никто изъ нихъ

не подвергается „принужденію“, потому что, напротивъ, каждый изъ нихъ въ состояніи подъ угрозой „уйти“ воспрепятствовать всякой попыткѣ своихъ сотоварищей—если бы дѣло дошло до этого—удѣлить ему меньшую единицу пропитанія или же вознаградить изготовленные имъ блага по меньшему масштабу ¹⁾).

Установленный, такимъ образомъ, для „первобытнаго типа“ законъ трудовыхъ издержекъ *Штольцманнъ* переноситъ затѣмъ на развитое народное хозяйство съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Здѣсь распредѣленіе значительно сложнѣе, отчасти потому, что теперь нельзя уже такъ просто „образовать изъ ихъ составныхъ частей“ единицъ пропитанія, ибо онѣ отдѣлены сложными процессами обмѣна, отчасти же потому, что рабочіе уже не являются единственными участниками, ибо на ряду съ ними выступаютъ со своими притязаніями также капиталисты и землевладѣльцы. Но сущность процесса распредѣленія остается та же. *Штольцманнъ* нѣсколько разъ и вполне категорически отвергаетъ взглядъ, будто каждый изъ содѣйствующихъ факторовъ производства принимаетъ участіе въ продуктѣ соответственно его содѣйствію въ дѣлѣ созданія продукта, будто при распредѣленіи продукта имѣютъ рѣшающее значеніе моменты производственно-техническіе или экономическіе,—да и вообще все его сочиненіе, не даромъ озаглавленное „Die sociale Kategorie“, посвящено доказательству, что современное распредѣленіе благъ опредѣляется не чисто экономическими условіями, а, главнымъ образомъ, социальными отношеніями силъ. „Исключительно сила—законъ распредѣленія—опредѣляетъ величину участія въ продуктѣ“ (41). „Часть продукта, выпадающая на долю фактора природы, съ точки зрѣнія техники опредѣляется совершенно иначе, чѣмъ съ точки зрѣнія социальныхъ условій, и не соответствуетъ въ дѣйствительности предоставляемой части выручки“ (341 и слѣд.). „Для опредѣленія этой части рѣшающее значеніе имѣетъ не то, что данный факторъ совершаетъ при содѣйствіи техническому производству продуктовъ, а какая доля выручки можетъ и должна быть выдана человѣку, влаждѣющему этимъ факторомъ, за предоставленіе таковаго“ (338). Цѣнность общаго продукта распредѣляется между собственниками трехъ факторовъ производства не на основаніи количественно опредѣленнаго участія, принимаемаго факторами производства, а на основаніи

¹⁾ О. с. Стр. 31—36; ср. также стр. 304.

другихъ принциповъ, а именно, на основаніи социальнаго соотношенія силъ“ (61).

Распредѣленіе это происходитъ слѣдующимъ образомъ. Рабочій хочетъ получить свою „единицу пропитанія рабочаго“ и нуждается въ ней. Размѣры ея зависятъ не отъ производительнаго дѣйствія труда, какъ учатъ другіе теоретики, а, главнымъ образомъ, отъ „современнаго социальнаго классового сложения общества“: при опредѣленіи размѣровъ получаемаго вознагражденія имѣетъ рѣшающее значеніе „обычный образъ жизни рабочихъ, ихъ сила, потребности и то уваженіе, которое въ данное время оказываютъ имъ, какъ ближнимъ, согласно взглядамъ на человѣческое достоинство и требованіямъ этики и религіи“ (334). Но и капиталистъ хочетъ жить. И онъ нуждается въ „единицѣ пропитанія капиталиста“ и хочетъ ее пріобрѣсти; размѣры этой единицы, какъ и размѣры единицы пропитанія рабочаго, опредѣляются социальными условіями образованія и силы, которыми являются, напр., степень развитія культуры, размѣры обычныхъ современныхъ потребностей, образованіе класса капиталистовъ, его объединеніе въ союзы, коалиціи, синдикаты, а также и государственныя учрежденія и т. п. (371 и слѣд.). А при опредѣленіи величины прибыли на капиталъ рѣшающее значеніе имѣютъ такими социальными соображеніями опредѣляемая потребности „последняго“, самаго мелкаго капиталиста; другими словами, капиталъ долженъ приносить, въ видѣ прибыли, такой процентъ, чтобы при среднемъ установившемся соотношеніи между собственнымъ и одолженнымъ капиталомъ получалась данному классу соответствующая единица пропитанія капиталиста и для самаго мелкаго предпринимателя - капиталиста, стоящаго при современныхъ условіяхъ собственности и производства на необходимомъ для обезпеченія общественнаго производства крайнемъ рубежѣ капиталистическаго производства.

Такимъ образомъ опредѣлены элементы изъ которыхъ складывается въ развитомъ народномъ хозяйствѣ мѣновая цѣнность продуктовъ. Мѣновая цѣнность товаровъ устанавливается на уровнѣ, необходимомъ для того, чтобы трудъ, затраченный на производство, вознаграждался по завоеванной рабочими нормѣ заработной платы, а содѣйствіе капитала—по нормѣ прибыли, необходимой для покрытія единицы пропитанія капиталиста. Землевладѣлецъ же является въ роли „residual claimant“; онъ получаетъ въ видѣ земельной ренты „слѣдующую ему и правомъ собственности на землю обусловленную долю, которая остается послѣ вычета изъ

общей цѣнности выручки первыхъ двухъ опредѣленныхъ суммъ“ (411).

Но въ какомъ же смыслѣ можно считать изложенную нами теорію цѣнности, усматривающую на ряду съ трудомъ и вознагражденіемъ за трудъ элементъ, созидающій цѣнность, и въ требующихъ вознагражденія *услугахъ капитала*, теоріей *трудовых* издержекъ?—Въ томъ, что функцію капиталистовъ, вознаграждаемую процентомъ, считать видомъ труда. Такъ и поступаетъ *Штольцманнъ*: въ концѣ своего систематическаго изложенія онъ объявляетъ свой взглядъ на прибыль, какъ на „соціально-необходимое вознагражденіе соціально-необходимыхъ функцій образованія и примѣненія капитала, „не новымъ“, въ сущности совпадающимъ съ той точкой зрѣнія, которую мы выше назвали нѣмецкимъ вариантомъ трудовой теоріи. *Штольцманнъ* сочувственно цитируетъ слова *А. Вагнера*, на основаніи которыхъ „трудъ“, котораго стоятъ продукты, обнимаетъ собою и необходимую дѣятельность частнаго капиталиста и частнаго предпринимателя, и открыто заявляетъ, что на этой точкѣ зрѣнія онъ хочетъ основать не только соціально-политическое оправданіе процента, какъ это дѣлаетъ *А. Вагнеръ*, но и дѣйствительное его объясненіе ¹⁾. Но этого систематически необходимаго заключительнаго направленія своей теоріи *Штольцманнъ*, кажется, вовсе не имѣлъ въ виду во всемъ своемъ сочиненіи; у него есть выраженія, въ которыхъ опредѣляющія цѣнность трудовыя издержки исчерпываются уплачиваемыми рабочимъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ частями „единицъ пропитанія рабочихъ“ ²⁾. Я полагаю, однако, что истинный взглядъ *Штольцманна* заключается не въ этихъ—противорѣчащихъ его принципу—замѣчаніяхъ, а въ провозглашеніи функцій капиталистовъ видомъ труда, требующимъ вознагражденія.

¹⁾ О. с. Стр. 421 и слѣд.

²⁾ Напр., на стр. 330 онъ говоритъ: „Капиталъ по своей цѣнности совпадаетъ съ трудовыми издержками, затраченными на его производство, а *трудовыя издержки* тождественны съ уплачиваемыми рабочимъ, въ видѣ заработной платы, *единицами пропитанія рабочихъ*“. Въ томъ же духѣ онъ высказывается на стр. 372, затѣмъ—развивая свое разсужденіе даже на числахъ—на стр. 378. Замѣчу еще, что эти слова вовсе не относятся къ некапиталистическому первобытному состоянію, а къ развитому капиталистическому обществу. Эти и тому подобныя мѣста побудили меня при разборѣ сочиненія *Штольцманна* въ „*Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung*“ (VII томъ стр. 124) упрекнуть автора въ игнорированіи вліянія неодинаковыхъ затратъ времени на образованіе цѣнности. Но при вторичномъ

Я полагаю, что учение *Штольцманна* подлежит многочисленнымъ возраженіямъ. Я не буду подробно повторять всего того, что въ соответствующемъ мѣстѣ было уже сказано по поводу трудовыхъ теорій вообще и что, конечно, относится къ трудовой теоріи *Штольцманна* не менѣе, чѣмъ къ другимъ,—я отмѣчу поэтому только нѣкоторые изъ наиболѣе яркихъ недостатковъ, которые присущи формулировкѣ трудовой теоріи *Штольцманна* въ частности.

Прежде всего не выдерживаетъ критики уже его теорія цѣнности, служащая фундаментомъ всего его учения,—законъ трудовыхъ издержекъ. *Штольцманнъ* пытается выяснить таковой на примѣрѣ „первобытнаго типа“, какъ очевидную и, такъ сказать, единственно возможную основу образованія цѣнности. Но при этомъ онъ дѣлаетъ интересную, благодаря сопровождающимъ ее обстоятельствамъ, ошибку. Дѣло въ томъ, что онъ только что самъ упрекалъ *Рикардо*, который вывелъ свой отличный отъ его, *Штольцманнъ*, законъ *трудовыхъ затратъ*, между прочимъ, изъ того же произвольно конструированнаго примѣра о первобытномъ типѣ, совершенно правильно въ томъ, что тотъ упустилъ изъ вида, что соответствіе между цѣнностью и количествами затраченнаго труда устанавливается только благодаря случайнымъ условіямъ произвольно выбраннаго примѣра (34 и слѣд.). Но непосредственно за тѣмъ *Штольцманнъ* впадаетъ въ совершенно ту же ошибку. Въ самомъ дѣлѣ, своими тремя предположеніями, что всѣ сотоварищи первобытнаго типа одинаково трудолюбивы, одинаково ловки и работаютъ въ теченіе одного и того же періода производства ¹⁾, онъ устранилъ въ своемъ примѣрѣ всѣ тѣ моменты, которые могли бы уклонить цѣнность продукта не только отъ со-

---

размышленія я нашелъ, что, съ точки зрѣнія *Штольцманна*, эти слова вызваны однимъ только недосмотромъ, между тѣмъ какъ истинными его взглядами являются тѣ, которые были изложены въ текстѣ.

1) Этого послѣдняго предположенія *Штольцманнъ*, правда, дословно не высказываетъ, все же *implicite* онъ его подразумеваетъ вполне опредѣленно, такъ какъ, во-первыхъ, онъ предполагаетъ, что каждый изъ сотоварищей изготовляетъ произведенный имъ видъ благъ „отъ начала до конца“, т. е., что онъ работаетъ въ теченіе всего періода производства, и, во-вторыхъ, что для „каждаго періода потребленія“ „имѣется для потребленія“ одинаковое количество благъ каждаго вида (31), такъ что, очевидно, періоды производства всѣхъ благъ должны быть равны періоду потребленія, а, слѣдовательно, и между собою. Замѣчаніе, подтверждающее этотъ взглядъ, находится и на стр. 32.

отвѣтствія съ трудовыми затратами *Рикардо*, но и отвѣтствія съ трудовыми издержками *Штольцманна*, приближая ее къ „standard“, замѣтно отличному отъ этихъ послѣднихъ. И по этой же причинѣ принципъ распредѣленія *Штольцманна* представляетъ собою только „случайное свойство этой особой гипотезы“, а не общее теоретическое правило. Если бы *Штольцманнъ* представилъ въ своей гипотезѣ неодинаково ловкихъ или неодинаково трудолюбивыхъ сотоварищей, то онъ быстро и несомнѣнно могъ бы убѣдиться въ томъ, что, и при отсутствіи принужденія, не всегда можно достичь полныхъ, одинаковыхъ единицъ пропитанія рабочихъ, что значительная часть ¹⁾ того, что *Штольцманнъ* склоненъ приписать „силѣ“, вытекаетъ исключительно изъ экономической дѣятельности соответствующаго фактора производства. Вполнѣ ясно, что (и почему) угроза лѣниваго или неловкаго рабочаго „уйти“ не „принудитъ“ сотоварищей къ уступкѣ большей единицы пропитанія въ такой же степени, какъ такая же угроза ловкаго и трудолюбиваго рабочаго!

Точно такъ же обстоитъ дѣло и съ различной величиной промежутка времени, который проходитъ между затратою труда и полученіемъ плода, годнаго для потребленія, и который нужно переждать. Въ первобытномъ типѣ *Штольцманна* соображенія относительно даннаго промежутка времени, конечно, такъ же не могутъ нарушить найденнаго *Штольцманномъ* принципа трудовыхъ издержекъ, такъ какъ *Штольцманнъ* предполагаетъ, что для всѣхъ работъ и для всѣхъ видовъ продуктовъ эти промежутки совершенно равны, а, слѣдовательно, взаимно компенсируются. Но *Штольцманнъ*, очевидно, не можетъ и не хочетъ предположить, что это равенство промежутковъ имѣетъ мѣсто и въ дѣйствительной жизни, и притомъ до того правильно, что его можно было бы, не задумываясь, положить въ основу вывода общихъ законовъ, какъ типичное, нормальное явленіе; точно такъ же *Штольцманнъ* не долженъ былъ безъ доказательствъ предполагать, что различіе промежутковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно фактически наблюдается, не имѣетъ значенія для образованія цѣнности. А все же онъ это предполагаетъ.

¹⁾ Конечно, не все; о проблемахъ этого направленія, которыя дождаются еще разрѣшенія, намѣченнаго *Штольцманномъ* съ одностороннимъ преувеличеніемъ фактовъ, я высказался уже въ моемъ вышеупомянутомъ разборѣ сочиненія *Штольцманна*, о. с. стр. 425 и слѣд.

Онъ затрагиваетъ этотъ вопросъ на стр. 303 своего сочиненія, гдѣ онъ высказываетъ взглядъ, что „предварительно затраченный“ трудъ „по существу“ равенъ труду „позже затраченному“, что разница заключается „только“ во времени, и что (въ его первобытномъ типѣ) „нельзя было обнаружить ея вліянія на образованіе цѣнности и распредѣленіе“. „Затрата“ труда въ томъ и другомъ случаѣ одна и та же, и поэтому, при распредѣленіи продукта, предварительно затраченный трудъ долженъ быть приравненъ позже затраченному. Время при образованіи цѣнности и распредѣленіи можетъ имѣть значеніе лишь въ качествѣ *рабочаго* времени въ томъ смыслѣ, „что цѣнности, выпадающія на долю отдѣльныхъ рабочихъ, будутъ составлять кратное или доли единицъ пропитанія, соответствующія продолжительности времени, *въ теченіе котораго заняты отдѣльные рабочіе*“, независимо отъ того, былъ ли этотъ трудъ затраченъ предварительно или же позже. Я полагаю, что все это представляетъ собою просто противорѣчащее дѣйствительности допущеніе, напоминающее собою аналогичное, ничѣмъ не обоснованное отрицаніе вліянія времени выжиданія у Маркса ¹⁾: какъ допущеніе Маркса, такъ и допущеніе Штольцманна представляютъ собою въ одинаковой степени *petitio principii* по отношенію къ выставляемому ими принципу цѣнности ²⁾.

Послѣ того, что я сказалъ уже о трудовыхъ теоріяхъ вообще, я здѣсь могу вторично уже не доказывать, какъ неестественъ взглядъ, которому отдалъ предпочтеніе

¹⁾ См. выше, стр. 515 и слѣд.

²⁾ Какъ это ни странно, Штольцманнъ хочетъ перегнуть палку въ противоположную сторону и считаетъ *petitio principii* мое, какъ я полагаю, довольно обстоятельно обоснованное разсужденіе, будто не только рабочее время, но и время выжиданія представляетъ собою обстоятельство, не лишенное значенія для вознагражденія и образованія цѣнности. Я здѣсь не намѣренъ давать антикритику, для которой, можетъ быть, найдется подходящее мѣсто во II-омъ томѣ настоящаго сочиненія, — замѣчу только, что, на мой взглядъ, всѣ попытки Штольцманна устранить „выжиданіе“, котораго будто бы можно избѣжать и въ случаѣ выбора болѣе продолжительныхъ періодовъ производства при удачной комбинаціи ступеней производства съ потребностями, обманчивы и несостоятельны (*Sociale Kategorie* стр. 304 и слѣд., въ особенности 307, 308, 313). И наиболѣе удачная комбинація не въ состояніи увеличить средствъ для удовлетворенія потребностей, и если Штольцманнъ считаетъ себя въ правѣ спокойно предположить, что въ такомъ случаѣ „всегда будетъ готовъ достаточное количество настоящихъ благъ для непосредственнаго потребленія“ (313), которыя и будутъ освобождать общество отъ всякаго тягостнаго выжиданія, то это „достаточное количе-

Штольцманнъ, взгляды, на основаніи котораго считается вознагражденіемъ за трудъ очевидный доходъ на собственность.

Совершенно очевидной ошибкой кажется мнѣ, наконецъ, попытка *Штольцманна* приписывать „единицѣ пропитанія капиталистовъ“ рѣшающее или причинное значеніе въ процессѣ образованія цѣнности и распредѣленія. Если существуетъ хоть что-либо, что во всемъ своемъ объемѣ является не причиной, а слѣдствіемъ существованія и величины процента на капиталъ, то это образъ жизни капиталистовъ. Нѣтъ никакого минимума собственности, относительно котораго можно было бы установить техническую или вообще социально-хозяйственную необходимость, въ силу которой онъ долженъ былъ бы доставлять собственнику *доходъ на капиталъ*, достаточный для опредѣленнаго образа жизни. Народное хозяйство нуждается въ капиталѣ; оно нуждается также, если (и поскольку) образованіе капитала совершается, главнымъ образомъ, въ частномъ хозяйствѣ, и въ капиталистахъ, но оно отнюдь не нуждается въ томъ, чтобы какое-нибудь лицо или же классъ лицъ вели извѣстный образъ жизни *исключительно насчетъ прибыли на капиталъ*. Кто обладаетъ капиталомъ, недостаточнымъ для того, чтобы на доходъ съ него вести желаемый, свойственный данному классу образъ жизни, тотъ отнюдь еще не обязанъ по необходимости выйти изъ своего класса (если не называть праздныхъ капиталистовъ, живущихъ на свои ренты, особымъ „классомъ“, но въ такомъ случаѣ навѣрно уже не существовало бы необходимой народо-хозяйственной потребности въ такомъ классѣ!) или же погибнуть, какъ экономическое явленіе — онъ можетъ приобрѣсти то, чего еще не хватаетъ для удовлетворенія его потребностей, путемъ примѣненія или усиленія своей личной дѣятельности. Такъ поступаетъ собственникъ небольшого капитала, который въ то же время ищетъ дохода въ качествѣ чиновника, врача или прислуги, такъ поступаетъ также и предприниматель, который не ограничивается общимъ руководствомъ своего предпріятія, а участвуетъ въ дѣлѣ личнымъ трудомъ, выполняя фактически функции директора, заготовщика или

ство настоящихъ благъ“ играетъ въ его ходѣ мыслей только роль *deus ex machina*: если бы настоящія блага были „наготовѣ“, то, конечно, всѣ затрудненія были бы разрѣшены; къ сожалѣнію, однако, *Штольцманнъ* этого не доказалъ, какъ не доказалъ онъ и съ такою увѣренностью постулируемаго „достаточнаго количества“.

простого рабочего и, такимъ образомъ, снискиваетъ себѣ въ своемъ собственномъ предпріятіи какъ бы пропитаніе или заработную плату.

Штольцманнъ самъ обратилъ вниманіе на цѣлый рядъ затрудненій, которыя встрѣчаются для его ученія о рѣшающей единицѣ пропитанія послѣдняго капиталиста: капиталисты, и притомъ какъ разъ самые мелкіе, представляютъ собою людей, которые могутъ и не жить насчетъ дохода на капиталъ; таковы, напр., мелкіе ремесленники, рабочіе или чиновники; капиталистъ и предприниматель не тождественны; праздный капиталистъ, обладающій денежными суммами, не представляетъ собою социальной необходимости; если считать рѣшающимъ лицомъ не капиталиста, обладающаго денежными суммами, а предпринимателя, примѣняющаго капиталъ производительно, то предприниматель опять-таки не всегда работаетъ съ собственнымъ капиталомъ, такъ что капиталъ, являющійся собственностью послѣдняго предпринимателя, вовсе не совпадаетъ съ величиною капитала въ послѣднемъ предпріятіи и т. п. Разбирая эти имъ самимъ отмѣченныя затрудненія, *Штольцманнъ* не умаляетъ также и ихъ значенія. У него прорывается признаніе, что въ дѣйствительной жизни для его точки зрѣнія „встрѣчаются непреодолимыя затрудненія, что, въ особенности, лежащее въ основѣ его теоріи соотношеніе между вещественнымъ и личнымъ [факторомъ производства, между капиталомъ и личнымъ собственникомъ такового — капиталистомъ, „или вовсе не существуетъ или же является только весьма второстепеннымъ и шаткимъ“ (380). Въ частности, одно изъ встрѣчающихся затрудненій онъ объявляетъ „довольно серьезнымъ“, на первый взглядъ даже „почти уничтожающимъ“; другое содержитъ въ себѣ тѣ же недостатки „еще въ гораздо большей степени“; третье заставляетъ „почти отчаиваться“ въ правильности его точки зрѣнія; четвертое дѣлаетъ такую даже „нелѣпой“ и т. п. Но, несмотря на все это, *Штольцманнъ* все же полагаетъ, что ему удастся провести свою теорію сквозь всѣ эти нагромоздившіяся затрудненія при помощи цѣлой системы искусственныхъ объясненій и смѣлыхъ дедукцій; однако, я полагаю, что эти разсужденія могутъ удовлетворить только тѣхъ, кто относится къ защищаемой *Штольцманномъ* точкѣ зрѣнія съ такимъ же пристрастіемъ, какъ и самъ авторъ. Поэтому я считаю излишней обстоятельную критику деталей этихъ разсужденій и ограничусь слѣдующими двумя замѣчаніями.

Во-первыхъ, *Штольцманнъ* вовсе не обратилъ вниманія,

на одно затрудненіе, которое, по всей вѣроятности, могло бы ярче всего доказать ему несостоятельность его точки зрѣнія. Оно заключается въ томъ, что величина предпринимательскихъ капиталовъ весьма различна не только въ однородныхъ предпріятіяхъ различныхъ размѣровъ, но и, по техническимъ причинамъ, въ различныхъ отрасляхъ производства — напр., въ пушечномъ заводѣ несравненно больше, чѣмъ въ ремеслѣ, производящемъ на заказъ или въ торговлѣ въ разность — и, что наименьшій способный къ конкуренціи предпринимательскій капиталъ ¹⁾, имѣющій по теории *Штольцманна* рѣшающее значеніе для единицы пропитанія капиталистовъ, необыкновенно малъ для народнаго хозяйства. Портной, работающій въ маленькомъ мѣстечкѣ на заказъ, можетъ, правда, еще успѣшно вести свое предпріятіе на основаніи — собственнаго или отчасти или цѣликомъ взятаго въ заемъ — предпринимательскаго капитала въ 100 гульд. И вотъ утверждаютъ, что для нормы національной прибыли или процента, напр., для ея установленія на $4\frac{1}{2}\%$, вмѣсто 4% , имѣетъ рѣшающее значеніе то, что данный человекъ и ему подобные требуютъ въ качествѣ процента на капиталъ въ годъ 4 гульд. 50 кр., а не, напр., только 4 гульд. для соответствующей его классу единицъ пропитанія предпринимателя-капиталиста?!

Во избѣжаніе всѣхъ возможныхъ возраженій, я хочу привести еще одно замѣчаніе. Можно было бы усумниться въ томъ, покрывается ли, по теоріи *Штольцманна*, единица пропитанія предпринимателя-капиталиста исключительно прибылью на капиталъ, выпадающей на долю предпринимателя, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, или же слѣдуетъ принять при этомъ во вниманіе весь его предпринимательскій доходъ; долженъ ли, по мнѣнію *Штольцманна*,

¹⁾ Понятіе „последняго капиталиста“ и само по себѣ и у *Штольцманна* нѣсколько двусмысленно. Само по себѣ оно могло бы обозначать, какъ капиталиста, стоящаго на крайнемъ рубежѣ возможности капиталистическаго производства, т. е. капиталиста, находящагося въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, такъ и самаго *мелкаго* капиталиста, т. е. капиталиста, успѣшно работающаго съ наименьшимъ капитальнымъ фондомъ. Вся связь ученія *Штольцманна*, какъ и многочисленныя замѣчанія, комментирующія этотъ взглядъ прямо и посредственно (напр., на стр. 381, 383, 390 и слѣд., 396 и слѣд.), указываютъ несомнѣнно на то, что *Штольцманнъ* долженъ былъ имѣть въ виду второе толкованіе. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ (396) онъ, при помощи заключеннаго въ скобки поясненія, опредѣленно комментируетъ самое мелкое предпріятіе въ смыслѣ „наиболѣе невыгоднаго“.

если, напр., соответствующая данному классу единица пропитанія равна 1000 гульд., послѣдній капиталистъ получать всѣ 1000 гульд. специально *только въ видѣ прибыли на капиталъ*, или же достаточно, если его общій предпринимательскій доходъ достигаетъ этой величины. Практически эта разница, весьма значительная для мелкихъ и очень мелкихъ предпринимателей, проявлялась бы въ томъ, что та часть дохода, которую предприниматель зарабатываетъ, напр., тѣмъ личнымъ трудомъ, который могли бы доставлять получающіе вознагражденіе служащіе и помощники, по второму взгляду принималась бы во вниманіе при покрытіи единицы пропитанія капиталистовъ, по первому же не принималась бы.

Въ своемъ заключительномъ формальномъ опредѣленіи понятія „послѣдняго капиталиста“ *Штольцманнъ* не разъясняетъ этого вопроса вполне опредѣленно. Онъ опредѣляетъ (стр. 396) послѣдняго капиталиста, какъ „собственника капитального имущества, посредствомъ котораго онъ, при содѣйствіи ссуднаго капитала, занимаемого имъ всегда согласно даннымъ условіямъ кредита, на основаніи собственного капитала и находящагося къ послѣднему въ болѣе или менѣе опредѣленномъ отношеніи, можетъ открыть и вести успѣшно такое самое мелкое (самое невыгодное) предпріятіе, способное къ существованію, при которомъ онъ, въ качествѣ предпринимателя, можетъ покрыть изъ цѣнности выручки производства, кромѣ возстановленія капитала, *съ заработной платой включительно*, еще и для даннаго времени установившееся социально-историческое минимальное содержаніе и процентъ на занятый имъ ссудной капиталъ“. Однако, и при такомъ опредѣленіи можно еще задать вопросъ, понимаетъ ли *Штольцманнъ* подъ „заработной платой“, представляющей собою вычитываемую сумму, только заработную плату, выплачиваемую чужимъ рабочимъ, или также заработную плату самого предпринимателя, принимающаго личное участіе въ производствѣ. Я полагаю, что весь характеръ ученія *Штольцманна* требуетъ здѣсь болѣе тѣснаго толкованія словъ „заработная плата“, такъ что заработная плата самого предпринимателя должна быть разсматриваема не какъ часть непосредственно вычитываемыхъ издержекъ, а уже какъ часть оставшейся, послѣ вычета издержекъ, единицы пропитанія капиталиста. Но какое бы изъ этихъ возможныхъ толкованій ни имѣлъ въ виду *Штольцманнъ*,—каждое изъ нихъ ведетъ его теорію къ очевидному крушенію.

Если онъ не хотѣлъ включить личный заработокъ предпринимателя въ социально-необходимую единицу пропитанія послѣдняго капиталиста, то это для нашего навѣрно уже не безосновательнаго или невозможнаго примѣра портнаго, работающаго на заказъ со 100 гульд. капитала и 4, даже 10 или 20 гульд. „прибыли на капиталъ“, обозначало бы, что соотвѣтствующій классу самостоятельныхъ мелкихъ ремесленниковъ образъ жизни при нынѣшнихъ условіяхъ не требуетъ больше 4, 10 или 20 гульд. въ годъ; или же это означало бы—очевидно, въ разрѣзъ съ дѣйствительностью—, что тѣ предприниматели, капиталы которыхъ недостаточны для того, чтобы дать имъ полное, соотвѣтствующее ихъ классу содержаніе посредствомъ одной только чистой прибыли на капиталъ, безъ содѣйствія дѣйствительнаго труда предпринимателя, вообще не могутъ существовать, другими словами, что и въ сферѣ „самыхъ мелкихъ“ предпринимателей народное хозяйство обнаруживаетъ социально-необходимую потребность въ предпринимателяхъ-капиталистахъ, лично не принимающихъ участія въ производствѣ.

Или же *Штольцманнъ* хотѣлъ включить этотъ личный заработокъ въ единицу пропитанія, но рассматриваетъ таковой не въ качествѣ личнаго заработка, а также въ качествѣ дохода на капиталъ, прибыли: въ такомъ случаѣ—какъ это ни абсурдно—онъ долженъ бы приписывать нашему портному, работающему на заказъ, который, безъ сомнѣнія, долженъ получить и получаетъ отъ своего предпріятія не меньше нѣсколькихъ сотъ гульденовъ въ годъ, „прибыль“ въ нѣсколько сотъ процентовъ на его капиталъ въ 100 гульденовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ представить эту абсурдную норму прибыли, какъ обусловленную условіями жизни послѣдняго рѣшающаго капиталиста, преобладающей для всего народнаго хозяйства даннаго времени!

Или же, наконецъ, *Штольцманнъ* хотѣлъ включить личный заработокъ въ социально-необходимую единицу пропитанія предпринимателя, но вмѣстѣ съ тѣмъ рассматриваетъ его не какъ прибыль на капиталъ, а какъ заработную плату. Замѣчу, между прочимъ, что я склоненъ думать, будто *Штольцманнъ* охотнѣе всего призналъ бы это послѣднее толкованіе, несмотря на то, что въ одномъ мѣстѣ, и притомъ какъ разъ въ опредѣленіи ex professo, онъ приводитъ замѣчаніе, которое какъ разъ идетъ въ разрѣзъ съ

этимъ толкованіемъ ¹⁾. Но если *Штольцманнъ* имѣлъ въ виду эту точку зрѣнія, то онъ, очевидно, понялъ невѣрно суть всѣхъ своихъ доказательствъ и объясненій. Онъ вѣдь хочетъ изъ своей единицы пропитанія капиталиста вывести норму прибыли на капиталъ. Если же въ этой единицѣ пропитанія, помимо прибыли на капиталъ, заключается или можетъ заключаться еще что-либо другое, а именно, заработная плата, то единица пропитанія капиталиста, если бы она была точно установлена и могла хоть что-нибудь опредѣлить, въ лучшемъ случаѣ могла бы только опредѣлить, сколько долженъ получить самый мелкій предприниматель-капиталистъ изъ двухъ различныхъ источниковъ, вмѣстѣ взятыхъ, но такъ какъ эти два источника могутъ сочетаться въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ, то доля прибыли на капиталъ въ этомъ *mixtum compositum*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая суть проблемы, все еще оставалась бы совершенно невыясненными. При этомъ *Штольцманнъ* даже не сдѣлалъ попытки доказать,—чего собственно и нельзя доказать—что должно существовать какое-то социальное-необходимое соотношение и между этими двумя источниками, что, такимъ образомъ, доля капиталистическаго источника должна представлять собою опредѣленную, въ силу социальной необходимости, величину, которая, въ свою очередь, является опредѣляющей для всего капиталистическаго рынка. Если бы *Штольцманнъ* сдѣлалъ такую попытку, то онъ—оставляя въ сторонѣ все остальное—долженъ былъ бы натолкнуться на фактъ, отмѣченный мною уже въ примѣрѣ нашего портного, работающаго на заказъ, т. е. на фактъ, что какъ

¹⁾ На стр. 396 находится слѣдующее, даже курсивомъ напечатанное мѣсто: „Норма прибыли на капиталъ, получаемая послѣднимъ предпринимателемъ, есть въ процентѣ выраженная доля, представляющая собою отношеніе величины собственнаго капитала къ социально-необходимой единицѣ пропитанія предпринимателя“. Здѣсь *норма прибыли на капиталъ* выводится изъ отношенія *цѣлой* единицы пропитанія предпринимателя къ его собственному капиталу, и, такимъ образомъ, цѣлая единица пропитанія предпринимателя, очевидно, разсматривается, какъ прибыль на капиталъ. Съ другой стороны, замѣчаніе *Штольцманна*, будто ссудный процентъ въ данное время всегда представляетъ собою *опредѣленную долю* прибыли на капиталъ (397), и что „крупные и мелкіе капиталисты получаютъ одну и ту же норму прибыли на капиталъ“ (380), прямо-таки указываетъ на то, что онъ былъ склоненъ считать прибылью на капиталъ не весь доходъ предпринимателя, а заработокъ, входящій въ составъ такового, разсматривать какъ доходъ, отъ прибыли отличный. Это рѣшающее мѣсто ученія *Штольцманна*, какъ и многія другія, неясно.

разъ у самыхъ мелкихъ предпринимателей доля капитала въ общемъ предпринимательскомъ доходѣ является сравнительно ничтожной, настоящей *quantité négligeable*, и тогда онъ не могъ бы уже миновать того абсурднаго вывода, что рѣшающая роль въ области капитала должна принадлежать измѣненіямъ въ размѣрахъ не имѣющей, очевидно, рѣшающаго значенія *quantité négligeable!*—

Въ заключеніе я не могу не замѣтить, что разсужденія *Штольцманна*, въ частности, нерѣдко производятъ на меня пріятное впечатлѣніе своею свѣжестью и оригинальностью и несомнѣнно обнаруживаютъ упорнаго изслѣдователя; тѣмъ не менѣе, его положительные теоретическіе выводы я, послѣ всего сказаннаго, долженъ считать несостоятельными, и притомъ настолько, что имъ врядъ ли предстоитъ играть вліятельную роль въ исторіи теорій процента на капиталъ.

VI.

Нельзя назвать незначительнымъ число тѣхъ теоретиковъ, которые еще въ новѣйшее время—чисто или эклектически—признаютъ *мотивированную теорію производительности*. Не думая дать исчерпывающаго перечня, я назову изъ романскихъ литературъ *Мориса Блока* ¹⁾ и *Мацфео Панталейони* ²⁾, изъ англо-американской *Франсиса Уокера* ³⁾, изъ нѣмецкой опять-таки *Дитцеля*, который при помощи своеобразнаго методическаго эклектизма пытался объяснить одну часть явленій процента на основаніи теоріи эксплуатаціи, другую же на основаніи теоріи производительности ⁴⁾, затѣмъ *Филитовича* ⁵⁾, *Дуля* ⁶⁾, *Юліуса Вольфа* ⁷⁾, *Визера* ⁸⁾.

¹⁾ Progrès de la science économique depuis Adam Smith (Paris 1890 г.) II стр. 319 и слѣд., 328, 335 и слѣд.

²⁾ Principii di Economia pura, Флоренція 1889 г. (вторая неизмѣненная перепечатка 1894 г.) стр. 301; кратко только высказанный взглядъ *Панталейони* не выходитъ, по моему мнѣнію, за предѣлы подробно изложенной ниже теоріи *Визера*.

³⁾ Quarterly Journal of Economics, июль 1892 г.; ср. также мое возраженіе, тамъ же, апрѣль 1895 г.

⁴⁾ См. ниже глава VIII.

⁵⁾ Grundriss der politischen Oekonomie, 2-ое изд. § 121.

⁶⁾ P. J. Proudhon, Seine Lehre und sein Leben, II отд. (Лена 1890 г.), стр. 216—225.

⁷⁾ Socialismus und capitalistische Gesellschaftsordnung, Штуттгартъ 1892 г.

⁸⁾ Der natürliche Wert Вѣна 1889 г.

Большинство изъ этихъ изслѣдованій или остается въ рамкахъ, типичныхъ для теоріи производительности, или же, если и выходитъ изъ нихъ, то не настолько, чтобы болѣе обстоятельное изложеніе и критика не были сопряжены съ обременительными для читателя повтореніями уже извѣстныхъ ходовъ мыслей ¹⁾. Въ особенномъ изслѣдованіи нуждается, на мой взглядъ, только весьма своеобразная теорія *Визера*.

Визеръ оказалъ наукѣ большую услугу своими глубокими изслѣдованіями общихъ отношеній между цѣнностью.

1) То же можно сказать и о довольно подробныхъ, на мой взглядъ, однако, довольно неясныхъ разсужденіяхъ *Вольфа*. Онъ постулируетъ существованіе „цѣнностной производительности капитала“, но при обоснованіи таковой довольствуется соображеніями, которыхъ я, всѣхъ до послѣдняго, не могу считать дѣйствительными обоснованіями или объясненіями, а только парафразировками самой проблемы. Онъ поясняетъ выставляемую имъ цѣнностную производительность, какъ „способность капитала давать доходъ, превышающій 1) собственную стоимость; 2) стоимость факторовъ производства, обладающихъ технической способностью въ случаѣ необходимости возстановить капиталъ“, и желаетъ „обосновать“ этотъ взглядъ ссылкой на „общедоступное наблюденіе“, что такіе излишки получаются тогда, когда, благодаря содѣйствію капитала, дѣлаются доступными преимущества раздѣленія труда, крупнаго производства, примѣненія машинъ и требующихъ „затраты“ силы природы. Такимъ образомъ, капиталъ „безусловно является объективнымъ посредникомъ производительности“ (о. с. стр. 461 и слѣд.). Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что употребленіе капитала является „посредникомъ образованія излишковъ цѣнности; это и является причиной того, что названые излишки разсматриваются“, — и теоретически и практически — какъ доходъ или *процентъ на капиталъ*, а не, напр., какъ заработная плата или предпринимательская прибыль. Но вѣдь этотъ фактъ и является предметомъ проблемы процента, объектомъ объясненія всѣхъ теорій процента, а не доказательствомъ или подтвержденіемъ вѣрности какой-нибудь определенной теоріи, напр., теоріи, проповѣдующей „цѣнностную производительность“ капитала. Правда, въ полемической части своихъ разсужденій *Вольфъ* ощущаетъ необходимость еще пополнить вышеизложенное свое „объясненіе“. Онъ полагаетъ, что потребитель по необходимости долженъ *оцѣнивать* количество продуктовъ, увеличенное благодаря примѣненію капитала, напр., вчетверо, выше, чѣмъ сношенный капиталъ, для того, чтобы „для производителя вообще существовалъ побудительный мотивъ къ примѣненію капитала“; и потребитель, въ самомъ дѣлѣ, согласится оцѣнивать таковое выше „потому, что, если онъ оцѣнитъ его выше, то и самъ онъ будетъ пользоваться услугами капитала, безъ которыхъ онъ долженъ былъ бы платить за учетверенный продуктъ вчетверо больше, между тѣмъ какъ теперь онъ платитъ больше только вдвое или втрое. Слѣдовательно, для того, чтобы существовала прибыль на затраченный капиталъ, тотъ, кто опредѣляетъ цѣнность товаровъ (потребитель), здравымъ смысломъ принуждается давать капиталисту больше простого воз-

средствъ производства и цѣнностью продуктовъ ¹⁾, а также своими необыкновенно ясными разсужденіями о томъ, что существуетъ проблема экономическаго отнесенія (Zurechnung) долей общаго продукта на счетъ нѣсколькихъ сотрудничающихъ факторовъ, отличная отъ физическаго отнесенія, при чемъ эта проблема не можетъ считаться неразрѣшимой ни практически ни теоретически ²⁾. Нѣсколько менѣе удачна положительная постановка его попытки разрѣшенія, въ особенности же примѣненіе теоріи отнесенія (Zurechnungstheorie) къ объясненію процента на капиталъ, главнымъ образомъ, какъ я полагаю, потому, что онъ здѣсь не совсѣмъ остался вѣрнымъ своимъ теоретическимъ предположеніямъ и перескочилъ въ объясненіи на такую точку зрѣнія, которая сама по себѣ не годится для разрѣшенія и притомъ противорѣчитъ другимъ предпосылкамъ теоріи отнесенія *Визера*.

Въ своей образцовой постановкѣ проблемы отнесенія *Визеръ* выходитъ изъ того, что экономическое участіе, принимаемое каждымъ изъ нѣсколькихъ сотрудничающихъ факторовъ въ производствѣ общаго продукта (*Визеръ* называетъ его „производительнымъ содѣйствіемъ“—„productiver Beitrag“), можетъ быть опредѣлено и выдѣлено, а также, что изъ величины этой „относимой на счетъ соответствующаго фактора производства доли дохода выводится цѣнность средствъ производства, послѣднее совершается такимъ путемъ, что общая цѣнность (имѣющаго въ смыслѣ „предѣльнаго закона“ рѣшающее значеніе ³⁾ продукта распределяется между совокупностью средствъ производства,

---

мѣщенія его затратъ и, такимъ образомъ, содѣйствовать полученію процента на капиталъ“. Такимъ образомъ, простая производительность благъ переходитъ въ производительность цѣностную (стр. 466).— Но, какъ извѣстно, при существованіи конкуренціи „здравый смыслъ“ направляетъ обыкновенно дѣйствія обѣихъ выступающихъ на рынкѣ сторонъ такъ, что цѣна продуктовъ падаетъ до величины издержекъ производства: удешевленіе издержекъ влечетъ за собою и удешевленіе продуктовъ. Почему же это не должно имѣть мѣста какъ разъ здѣсь, или почему не полностью? Это слѣдовало бы разъяснить нѣсколько точнѣе, чѣмъ уже *Адамомъ Смитомъ* выставленнымъ патріархальнымъ мотивомъ, что капиталистъ долженъ получать процентъ потому, что въ противномъ случаѣ не было бы въ его интересахъ тратить капиталъ на производство.

¹⁾ Über den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes. Вѣна 1884 г. стр. 139 и слѣд.; Der natürliche Wert, Вѣна 1889 г., стр. 67 и слѣд., 164 и слѣд.

²⁾ Der natürliche Wert § 20.

³⁾ Der natürliche Wert, стр. 96 и слѣд.

содѣйствующихъ его изготовленію, при чемъ доля цѣнности каждаго отдѣльнаго фактора основывается на величинѣ его „производительнаго содѣйствія“, сумма же всѣхъ производительныхъ содѣйствій въ точности исчерпываетъ цѣнность продукта ¹⁾.

О томъ, какимъ образомъ, по мнѣнію *Визера*, определяется величина производительнаго содѣйствія каждаго отдѣльнаго фактора, намъ здѣсь говорить нечего; какъ ни важенъ этотъ вопросъ для другихъ проблемъ, для рѣшенія, которое *Визеръ* пытается дать, въ частности, проблемѣ процента, онъ не имѣетъ никакого значенія. Достаточно помнить, что, по *Визеру*, продукты создаются обыкновенно путемъ совмѣстной дѣятельности земли, капитала и труда, и что на счетъ каждаго изъ этихъ трехъ факторовъ, слѣдовательно и капитала, слѣдуетъ относить извѣстную часть дохода за его производительное содѣйствіе. То обстоятельство, что изъ послѣдняго получается чистый процентъ на капиталъ, зависитъ, по мнѣнію *Визера*—на сей разъ безусловно правильному,—не отъ того, больше ли производительное содѣйствіе капитала, чѣмъ содѣйствіе земли и труда, или же меньше, а исключительно отъ явленій, происходящихъ, такъ сказать, внутри доли дохода, соответствующей капиталу. Происходить это слѣдующимъ образомъ:

„Всякій капиталъ прежде всего даетъ непосредственно только *валовой* доходъ, т. е. такой доходъ, который получается путемъ уменьшенія субстанции капитала“ ²⁾. Условія, при которыхъ этотъ валовой доходъ можетъ сдѣлаться источникомъ чистаго дохода, *Визеръ* формулируетъ такимъ образомъ, что въ валовомъ доходѣ всѣ потребленные части капитала возстановляются, при чемъ, сверхъ того должны еще получаться излишекъ. Что касается этого излишка и направленной на его производство „производительности капитала“, то слѣдуетъ различать *физическій излишекъ* и *физическую производительность* капитала, съ одной стороны, и *излишекъ цѣнности* и *цѣностную производительность* капитала, съ другой. Кто хочетъ разрѣшить проблему процента на капиталъ, тотъ долженъ въ концѣ концовъ доказать и объяснить *цѣностную производительность* капитала. Однако, для этого доказательства предварительное доказательство *физической* производительности капитала.

¹⁾ Der natürliche Wert, стр. 85 и слѣд., въ особенности 87, 90, 91, 92.

²⁾ Der natürliche Wert, стр. 123.

образуетъ какъ бы переходную ступень ¹⁾). Согласно съ этимъ, *Визеръ* раздѣляетъ свое объясненіе на двѣ части: во-первыхъ, онъ хочетъ доказать и объяснить физическую производительность капитала въ томъ смыслѣ, что „количество благъ, приобретенныхъ въ валовомъ доходѣ, больше количества сношенныхъ капитальныхъ благъ“, и, во-вторыхъ, онъ хочетъ объяснить, что „цѣнность валового дохода больше цѣнности сношеннаго капитала“.

Доказательству перваго положенія посвящено слѣдующее разсужденіе:

„Не подлежитъ сомнѣнію, что общій доходъ трехъ факторовъ производства, земли, капитала и труда, вмѣстѣ взятыхъ, достаточенъ для того, чтобы возстановить сношенный капиталъ и дать чистый доходъ. Этотъ хозяйственный фактъ общеизвѣстенъ и нуждается въ доказательствѣ такъ же мало, какъ, напр., фактъ, что существуютъ блага или же производство. Случается, правда, что то или другое производительное предпріятіе не удается и не покрываетъ слѣданныхъ затратъ, что то или другое предпріятіе даже совсѣмъ не даетъ годныхъ продуктовъ, но такіа предпріятія составляютъ исключенія; правило же заключается въ томъ, что получается чистый доходъ, даже чистый доходъ весьма крупныхъ размѣровъ, такъ что не только можно содержать больше миллиарда людей, но и обращать кромѣ того постоянно излишки на увеличеніе капиталовъ. Вопросъ, слѣдовательно, можетъ заключаться только въ томъ, слѣдуетъ ли отнести часть этого несомнѣнно существующаго чистаго дохода на счетъ фактора „капиталъ“—но и это не можетъ быть предметомъ серьезнаго вопроса. Почему же какъ разъ капиталу не должна принадлежать такая часть? Разъ мы поняли и согласились, что капиталъ представляетъ собою хозяйственный факторъ производства, на счетъ котораго должна быть отнесена извѣстная доля производительнаго результата, то мы поняли также и согласились, что на счетъ его должна быть отнесена и часть чистаго

¹⁾ „Задачей теоріи въ концѣ концовъ является доказательство цѣнной производительности капитала, но для этого раньше должна быть доказана физическая производительность, которая служитъ фундаментомъ для первой. Цѣнная производительность предполагаетъ уже опредѣленіе цѣнности капитала, опредѣленіе же цѣнности капитала можно дать только въ томъ случаѣ, если предварительно разрѣшенъ уже вопросъ объ отнесеніи физическаго дохода, такъ какъ цѣнность капитала основывается на относимой долѣ дохода“. О. с. стр. 124.

дохода, въ которомъ только овеществляется производительный результатъ. Неужели капиталъ всегда только въ состояннн произвести нѣсколько меньше своего собственнаго возстановленнн? Такое предположеннн было бы, очевидно, произвольнымъ. Неужели онъ всегда въ состояннн произвести какъ разъ только то, что необходимо для его возстановленнн, какъ бы различны ни были результаты производства? Такое предположеннн было бы, очевидно, не менѣе произвольнымъ. Отрицать чистый доходъ на капиталъ можетъ только тотъ, кто вообще отрицаетъ доходъ на таковой¹⁾.

Здѣсь, какъ я думаю, *Визеръ* впалъ въ первую ошибку. При помощи предположеннн, что путемъ отнесеннн можно вообще непосредственно предоставлять фактору чистый доходъ или долю чистаго дохода, *Визеръ* приписалъ операцин отнесеннн нѣчто такое, къ чему она по своей природѣ не способна. Оставимъ обманчивыя выраженнн и посмотримъ сухо и трезво на суть дѣла. Что представляетъ собою—по мнѣнню самаго *Визера*—предметъ и содержаннн отнесеннн?

Распредѣленнн *общаго продукта* между факторами, принимавшими участнн въ производствѣ, т. е. опредѣленнн степени участнн этихъ факторовъ въ созданнн *валоваго дохода*. Въ такомъ смыслѣ *Визеръ* понималъ проблему отнесеннн нѣсколько разъ и совершенно опредѣленно, въ такомъ смыслѣ онъ поясняетъ ее на примѣрахъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, и въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ ее понимать и въ томъ случаѣ, если желательно примѣненнн выставленнаго имъ правила для опредѣленнн долей, подлежащихъ отнесеннн²⁾. Если *Визеръ* относить, напр., цѣнность оловяннаго сосуда къ труду литейщика и матеріалу, изъ котораго этотъ сосудъ готовится,³⁾ если при опредѣленнн доли дохода, принадлежащаго землѣ, онъ считаетъ отправной точкой общую цѣнность плодовъ земли,⁴⁾ если онъ полагаетъ, что совокупность всѣхъ производительныхъ содѣйствнй въ точности исчерпываетъ цѣнность общаго дохода⁵⁾, а цѣнность каждаго отдѣльнаго фактора основывается на его производительномъ содѣйствнн, тогда совершенно ясно, что предметомъ отнесеннн является валовой доходъ отъ производства, и что, въ част-

1) О. с. стр. 124 и слѣд.

2) О. с. стр. 87.

3) Стр. 86.

4) Стр. 113.

5) Стр. 87.

ности, на долю производительнаго содѣйствія фактора „капиталь“ выпадаетъ и можетъ выпасть исключительно часть этого валового дохода, а не что-либо другое. Если, напр., земледѣлецъ получаетъ со своей земли общую выручку въ 330 мѣръ хлѣба при содѣйствіи рабочихъ и капитала, состоящаго изъ сѣмянъ, сельско-хозяйственныхъ орудій, средствъ удобренія, скота и т. д., то отнесеніе должно опредѣлить, какой долей этихъ 330-и мѣръ земледѣлецъ обязанъ своей землѣ, какой—содѣйствію рабочихъ, какой—содѣйствію названнаго и притомъ отчасти сношеннаго сельско-хозяйственнаго капитала. Если соображенія, долженствующія разрѣшить этотъ вопросъ, будутъ говорить въ пользу того, что каждый изъ этихъ трехъ факторовъ принималъ одинаковое участіе въ производствѣ даннаго продукта, то производительное содѣйствіе каждаго изъ нихъ опредѣлится 110-ю мѣрами, при чемъ совершенно ясно, что сумма въ 110 мѣръ, отведенная содѣйствію капитала, представляетъ собою долю валового дохода. Найдется ли въ этой доль валового дохода и доля чистаго дохода, а также, представляютъ ли собою доли валового дохода, отведенныя землѣ и труду, съ какой-нибудь точки зрѣнія чистый доходъ или нѣтъ—это вопросы, не имѣющіе ничего общаго съ проблемой отнесенія, вопросы, для разрѣшенія которыхъ величина относимыхъ долей валового дохода представляетъ собою, можетъ быть, немаловажный или даже необыкновенно важный элементъ, но все же только одинъ элементъ, на ряду съ которымъ могутъ оказывать вліяніе и другіе факты и соображенія, не имѣющіе ничего общаго съ операцией отнесенія. Отнесеніе въ нашемъ примѣрѣ кончается рѣшеніемъ, что изъ общей выручки въ 330 мѣръ производитель обязанъ 110-ю мѣрами содѣйствію земли, 110-ю содѣйствію труда и 110-ю содѣйствію капитальныхъ благъ; больше же оно ничего не говоритъ.

Однако, *Визеръ* все же еще надѣется доказать, что уже путемъ отнесенія должно быть предоставлено капиталу участіе въ *чистомъ* доходѣ. Но—что особенно интересно и характерно—онъ могъ перейти къ своему доказательству только такимъ образомъ, что употребляетъ—конечно, бессознательно—слова „чистый доходъ“ двусмысленно, чѣмъ и вводится въ заблужденіе. „Не подлежитъ сомнѣнію“,—говоритъ онъ въ вышецитированномъ мѣстѣ—„что общій доходъ отъ трехъ факторовъ производства, земли, капитала и труда, вмѣстѣ взятыхъ, достаточенъ для того, чтобы возстановить сношенныи капиталъ и дать чистый доходъ“. Это вѣрно и вполне понятно, ибо то, что въ этихъ словахъ называется

„чистымъ доходомъ“, представляетъ собою излишекъ общей выручки отъ земли, капитала и труда надъ цѣнностью одного только сношеннаго капитала или, другими словами, излишекъ цѣнности дохода отъ *трехъ* факторовъ надъ цѣнностью *одного* изъ нихъ. То же обстоятельство, что три фактора, вмѣстѣ взятые, могутъ произвести больше цѣнности, чѣмъ цѣнность одного изъ нихъ, не только вполне возможно, но и съ точки зрѣнія учения, въ которомъ, какъ въ ученіи *Визера*, цѣнность продукта принципиально совпадаетъ съ цѣнностью совокупности его факторовъ, вполне естественно: съ точки зрѣнія такого учения существованіе этого „чистаго дохода“ естественно въ такой же степени и по той же причинѣ, какъ естественно и то, что цѣлое больше части, или что, напр., наполненный чѣмъ-либо ящикъ долженъ всегда имѣть не только вѣсъ „брутто“, но обязательно, сверхъ вѣса самого ящика, и „чистый вѣсъ“.

При этомъ ясно, какъ на ладони, что причины, по которымъ при опредѣленіи чистаго дохода, получаемаго въ производствѣ, вычитывается изъ валового дохода цѣнность сношеннаго капитала, но не вычитываются цѣнности потребленнаго пользованія землей и потребленнаго труда, не имѣютъ ничего общаго съ вопросомъ объ отнесеніи. Какъ извѣстно, эти причины зависятъ исключительно отъ той точки зрѣнія, подъ угломъ которой зритель смотритъ на результатъ производства. Съ измѣненіемъ этой точки зрѣнія измѣняется и отношеніе его къ вопросу о вычетѣ или невычетѣ цѣнности двухъ другихъ факторовъ производства. Такъ, напр., предприниматель, покупающій и оплачивающій чужой трудъ, со своей индивидуальной - хозяйственной точки зрѣнія долженъ будетъ естественно вычесть изъ валового дохода и цѣнность потребленнаго труда ¹⁾. Если же стать на такъ называемую народно-хозяйственную точку зрѣнія, — какъ это дѣлаетъ, напр., *Визеръ* своимъ указаніемъ на то, что изъ упомянутыхъ „чистыхъ доходовъ самыхъ крупныхъ размѣровъ“ содержится больше миллиарда людей, — тогда опять

¹⁾ Возможна—въ особенности у производителя за собственный счетъ—и та точка зрѣнія, компенсируетъ ли доходъ на трудъ *его тягостность* или превышаетъ: если польза, извлекаемая рабочимъ изъ результатовъ труда, меньше тягостности, сопряженной съ трудомъ, то, съ извѣстной допустимой и немаловажной точки зрѣнія, можно утверждать, что трудъ не былъ прибыльнымъ; и, наоборотъ, излишекъ пользы надъ тягостностью, сопряженной съ ея созиданіемъ, можно считать „чистой пользой“ („producer's surplus“ *Маршалля*: Principles, 3-е изд. p. 217).

этотъ вычетъ не долженъ имѣть мѣста. Но при этомъ, я думаю, совершенно ясно, что нѣтъ абсолютно ничего общаго между вопросомъ объ отнесеніи, съ одной стороны, и выборомъ одной изъ этихъ различныхъ точекъ зрѣнія и соответствующими имъ различными методами вычисления чистаго дохода, съ другой: какую часть валового дохода относить на счетъ фактора „трудъ“, это *одинъ* вопросъ, и притомъ вопросъ отнесенія, слѣдуетъ ли затѣмъ вычетъ изъ этого валового дохода основанную на такомъ отнесеніи цѣнность самого труда или нѣтъ, это другой, совершенно отъ него независимый и отличный.

Несмотря на это, *Визеръ* хочетъ использовать существованіе чистаго дохода установленнаго выше происхожденія и характера въ качествѣ переходной ступени къ объясненію того, что, въ частности, и на счетъ капитала долженъ быть отнесенъ чистый доходъ. Вопросъ—говоритъ онъ въ вышецитированномъ мѣстѣ—можетъ заключаться только въ томъ, слѣдуетъ ли отнести часть этого несомнѣнно существующаго чистаго дохода на счетъ фактора „капиталъ“,—но это не можетъ быть предметомъ серьезнаго вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, „почему же какъ разъ капиталу *не* должна принадлежать *такая часть?*“.

Отвѣтъ очень простой: потому, что то, что называютъ чистымъ доходомъ на капиталъ, вовсе не представляетъ собою „такого“ чистаго дохода, а величину, совсѣмъ иначе квалифицированную, существованіе которой обуславливается совершенно иными, гораздо болѣе трудными условіями. Между тѣмъ какъ *чистый доходъ отъ производства*, съ вышеизложенной точки зрѣнія, существуетъ уже тогда, когда весь валовой доходъ, производимый всѣми тремя сотрудничающими факторами вмѣстѣ, больше цѣнности сношеннаго капитала,—*чистый доходъ на капиталъ* получается только тогда, если уже отдѣльная *доля* валового дохода, отнесенная на счетъ фактора „капиталъ“, больше сношеннаго капитала. А осуществленіе перваго соотношенія, въ силу полнаго различія между предположеніями, абсолютно не допускаетъ вывода,—даже основаннаго на малѣйшей вѣроятности или аналогіи—что должно сбиться или сбудется и второе соотношеніе. Можно считать вполне несомнѣннымъ и яснымъ, что три человѣка вмѣстѣ въ состояніи поднять больше, чѣмъ вѣсить одинъ изъ нихъ; но изъ того, что три человѣка вмѣстѣ въ состояніи поднять, еще „излишекъ вѣса“, сверхъ вѣса одного изъ нихъ, отнюдь еще не слѣдуетъ, что послѣдній будетъ въ состояніи одинъ поднять, сверхъ своего соб-

ственного вѣса, еще излишекъ вѣса. Возможно, что онъ сможетъ; но тотъ, кто хочетъ это утверждать и къ тому же еще объяснить, долженъ привести специальную причину, относящуюся къ *одному* только этому лицу; однако, эта причина ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть позаимствована у факта, да и не можетъ имъ подтверждаться, что три человѣка вмѣстѣ въ состояніи поднять тяжесть, превышающую вѣсъ одного изъ своихъ сотоварищей!

Если же мы отбросимъ эту ложную переходную ступень, которой *Визеръ* соединяетъ объясненіе чистаго дохода въ одномъ смыслѣ съ объясненіемъ его въ другомъ, то въ его аргументаціи не останется ничего, на что могло бы еще опираться объясненіе чистаго дохода на капиталъ. Если на вопросъ: „неужели капиталъ всегда только въ состояніи производить нѣсколько меньше своего собственного возстановленія?“ онъ даетъ отвѣтъ: „такое предположеніе было бы, очевидно, произвольнымъ“, то онъ вполне правъ. Но если онъ на второй вопросъ: „неужели онъ всегда только въ состояніи производить то, что необходимо для его возстановленія, какъ бы ни были различны результаты производства“, опять отвѣчаетъ: „такое предположеніе, очевидно, было бы не менѣ произвольнымъ“, то это уже не такъ несомнѣнно. Вѣдь, я думаю, возможно, что—правда, въ зависимости отъ степени случайной удачи производства—доходъ на капиталъ будетъ уклоняться отъ величины сношеннаго капитала то въ ту то въ другую сторону, при чемъ все же можетъ прорываться тенденція, что доходъ на капиталъ, *въ среднемъ*, какъ разъ только и будетъ покрывать сношенный капиталъ; такое предположеніе едва ли можетъ казаться совершенно произвольнымъ, въ особенности въ связи съ ученіемъ, которое, какъ ученіе *Визера*, принципиально переноситъ цѣнность продукта на цѣнность его факторовъ производства. Однако, если даже допустить, что это предположеніе произвольно, то все же, на основаніи произвольности первыхъ двухъ предположеній, нельзя еще дѣлать заключенія, что третье предположеніе, по которому капиталъ всегда производитъ больше того, что необходимо для его возстановленія, вѣрно и справедливо, или хотя бы объяснено. Если не подлежитъ никакому сомнѣнію произвольность предположенія, что человѣкъ всегда только въ состояніи поднять *меньше* своего собственного вѣса, если не подлежитъ также сомнѣнію произвольность предположенія, что онъ въ состояніи поднять *какъ разъ* свой собственный вѣсъ, а не больше или меньше,—то до тѣхъ поръ, пока не присое-

динится какая-либо другая, положительная причина, не менѣе произвольно предположеніе, что всякій человѣкъ въ состояніи поднять *больше* своего собственнаго вѣса. Если изъ трехъ возможныхъ правилъ нельзя доказать двухъ, то отсюда отнюдь еще не слѣдуетъ, что вѣрно третье: вѣдь можетъ же подлежать сомнѣнію и существованіе извѣстныхъ правилъ вообще. А если мы въ данномъ случаѣ къ тому же знаемъ, не изъ такихъ силлогизмовъ, а изъ другого источника познанія, а именно, изъ наблюдений, что часть дохода, которая должна быть отнесена на счетъ капитала, всегда превышаетъ сношенный капиталъ, то для даннаго факта эти сами по себѣ уже невѣрные силлогизмы совершенно не представляютъ *объясненія*, какое призвана и обязана дать теорія процента.

И въ дальнѣйшемъ нѣтъ ничего подобнаго. *Визеръ* желаетъ пояснить на конкретномъ примѣрѣ свой общій законъ и выбираетъ для этого примѣръ машины, вытѣсняющей ручной трудъ. „Вездѣ, гдѣ трудъ вытѣсняется капиталомъ, гдѣ напр., машина совершаетъ работу, которую до того времени, выполняли человѣческія руки на счетъ капитала, машины, нужно отнести, по крайней мѣрѣ, доходъ, относимый до ея введенія на счетъ труда. *Доходъ же этотъ представлялъ собою чистый доходъ, слѣдовательно, и на счетъ капитала долженъ быть относимъ чистый доходъ*“¹⁾). Внимательному читателю я могу вторично и не указывать на то, что единственной опорой этого силлогизма является то же двусмысленное употребленіе словъ „чистый доходъ“, въ которомъ я только что упрекалъ *Визера*. Ложный выводъ здѣсь бросается въ глаза еще ярче. Въ самомъ дѣлѣ, чистый доходъ въ первомъ смыслѣ—при чемъ цѣнность самого труда *не* вычитывается изъ дохода на таковой—получается даже при самой невыгодной, самой неэкономной, не покрывающей трудовыхъ издержекъ и приносящей, слѣдовательно, предпринимателю убытокъ затратъ труда, какъ, напр., затратъ, въ которой потребляется трудъ, цѣнностью въ 100 гульд., между тѣмъ какъ цѣнность обрабатываемаго сырого матеріала увеличивается при этомъ только на 50 гульд. Но кто, въ духѣ заключенія *Визера*, согласился бы сдѣлать выводъ, что на счетъ капитала, возстановливающаго *такой* трудъ въ одинаковой или даже нѣсколько большей степени, по необходимости долженъ быть отнесенъ не только валовой доходъ, но и чистый, такъ какъ на его счетъ долженъ быть

¹⁾ Стр. 125.

отнесенъ, по крайней мѣрѣ, тотъ же доходъ, который относился на счетъ вытѣсненнаго труда, а этотъ вѣдь представляетъ собою „чистый доходъ“?

Затѣмъ *Визеръ* въ болѣе подробныхъ разсужденіяхъ, напоминающихъ собою разсужденія *Тюнена*¹⁾, пытается технически доказать, что капиталъ долженъ содѣйствовать производству продукта, превышающаго его собственную субстанцію, и наталкивается здѣсь на то же препятствіе, на которое въ свое время натолкнулся *Тюненъ*. Дѣло въ томъ, что капиталъ въ буквальномъ смыслѣ слова вовсе не воспроизводитъ самого себя и, сверхъ того, еще нѣкоторый излишекъ. Онъ производитъ продукты другого рода, и эти продукты могутъ быть съ нимъ сравниваемы только съ точки зрѣнія цѣнности. Лукъ и стрѣлы даютъ свой продуктъ не въ лукахъ и стрѣлахъ, а въ убитой дичи; то же обстоятельство, что эта убитая дичь обладаетъ большею цѣнностью, чѣмъ сношенные лукъ и стрѣлы, не представляетъ собою технического факта, при помощи котораго можно было бы объяснить чистый доходъ на капиталъ, т. е. предметъ проблемы процента, а представляетъ собою явленіе, составляющее предметъ этой проблемы, т. е. самый подлежащій объясненію фактъ²⁾. *Визеръ* хорошо видитъ это препятствіе; онъ выразительно отмѣчаетъ, что доходъ на лукъ и стрѣлы „представляетъ собою валовой доходъ въ вещахъ другого рода, изъ которыхъ они не возстанавливаются, съ которыми они могутъ быть сравниваемы по цѣнности, но не по количеству“³⁾. Но онъ хочетъ обойти это затрудненіе нѣсколько неопредѣленнымъ замѣчаніемъ о „*посредственной дѣятельности капитала*“. „Разъ приобрѣтенное обладаніе стрѣлами, лукомъ и сѣтями облегчаетъ условія воспроизводства, хотя оно ему и не содѣйствуетъ: оно облегчаетъ ихъ необыкновеннымъ увеличеніемъ валового дохода, въ видѣ дичи и рыбы, вслѣдствіе чего теперь остается свободнымъ для производства капитала гораздо больше труда, чѣмъ прежде. Вотъ почему на счетъ этихъ капитальныхъ благъ въ концѣ концовъ и приходится относить чистый доходъ совершенно такъ же, какъ если бы они непосредственно воспроизводили себя съ излишкомъ“.

Я думаю, что извѣстное сомнѣніе можетъ возникнуть уже по поводу того, достаточно ли прочна и полна эта

1) § § 36 и 37.

2) См. выше, стр. 198 и слѣд.

3) Стр. 130.

„посредственная“ зависимость для обоснованія точнаго отнесенія. Можно было бы, въ частности, сомнѣваться и въ томъ, не нарушаетъ ли включеніе средняго члена—личности рабочаго—технической соизмѣримости между продуктами, потребляемыми рабочимъ, и продуктами, которые онъ опять произведетъ, скорѣе, чѣмъ содѣйствуетъ таковой: вѣдь трудящійся хозяйственный субъектъ—исключая только случай рабства съ точки зрѣнія самого жестокаго рабовладѣльца—представляетъ собою, съ одной стороны, какъ факторъ производства, безусловно, основную производительную силу, а, съ другой стороны, какъ потребитель, окончательный источникъ сбыта, цѣль и конечный пунктъ для трудовъ предварительнаго производства, такъ что его появленіе можетъ обозначать скорѣе цезуру въ техническомъ процессѣ производства, скорѣе окончаніе предыдущаго производства, выливающегося въ потребленіе, и начало новаго производства, чѣмъ продолженіе одного и того же процесса производства.

Однако, я не буду касаться этого и щекотливаго и труднаго вопроса. Но если даже не обращать вниманія на тѣ многочисленныя сомнѣнія, на которыя онъ наводитъ, то все же попытка объясненія *Визера* разбивается о вторую часть его программы, т. е. о ту, задачей которой является выводъ цѣнностной производительности капитала изъ физической производительности его. Положимъ, что въ дѣйствительности удалось доказать, что на счетъ капитала слѣдуетъ отнести такое физическое количество продуктовъ, которое превышаетъ количество, представляемое самимъ сношеннымъ капиталомъ,—тогда все же остается еще доказать и объяснить, что это большее количество продуктовъ должно также обладать и большей цѣнностью, чѣмъ капиталъ, изъ котораго оно произошло. А это опять-таки совсѣмъ не очевидно само собою; напротивъ, это даже противорѣчитъ общимъ предположеніямъ теоріи отнесенія *Визера*. Вся теорія цѣнности и отнесенія *Визера* настаиваетъ на томъ, что цѣнность благъ зависитъ отъ соотвѣтствующей имъ (предѣльной) полезности. Это положеніе одинаково справедливо, какъ для средствъ производства, такъ и для благъ, предназначенныхъ для потребленія. Средства производства проявляютъ свою полезность въ продуктахъ; поэтому полезность, доставляемая средствами производства, принципиально тождественна съ полезностью, доставляемой ихъ продуктами. А поэтому и средства производства, разъ цѣнность ихъ зависитъ отъ той же величины полезности, должны принципиально обладать тою же цѣнностью, что и относимый на ихъ счетъ

продуктъ; слѣдовательно,—если не примѣшивается какое-либо совершенно новое, специальное вліяніе—возможность существованія излишка цѣнности продукта надъ соотвѣтствующими ему средствами производства, т. е. цѣнностной производительности капитала, прямо-таки исключена.

Визеръ видитъ также и это препятствіе, на которое я обратилъ вниманіе читателей уже при изложеніи болѣе ранней теоріи производительности ¹⁾, и представляетъ его выразительно, какъ себѣ, такъ и читателямъ. „Капиталъ“, говоритъ онъ, „получаетъ свою цѣнность отъ своихъ плодовъ; если поэтому... изъ цѣнности этихъ плодовъ вычесть цѣнность сношеннаго капитала, то... въ результатѣ долженъ получиться нуль—всегда должно вычитываться столько, сколько составляетъ цѣнность плодовъ, которая вѣдь и представляетъ собою масштабъ для оцѣнки величины вычета; слѣдовательно, вычисленіе цѣнности не даетъ чистаго дохода, процентъ на капиталъ не только не объясненъ, его возможность даже исключена“ ²⁾. Но *Визеръ* считаетъ возможнымъ „разрѣшить“ эти „сомнѣнія“ при помощи тѣхъ данныхъ, которыя являются результатомъ его изслѣдованій объ отнесеніи. Его теорія отнесенія будто бы даетъ ему право относить на счетъ капитала не только валовой доходъ, но и физическій чистый доходъ. „Въ валовомъ доходѣ капиталъ воспроизводитъ себя съ физическимъ излишкомъ, съ чистымъ доходомъ; изъ этого слѣдуетъ, что цѣнность капитала не можетъ считаться равной всей цѣнности валового дохода. Капиталъ при воспроизводствѣ представляетъ собою только часть своего собственнаго валового дохода, и поэтому онъ можетъ заключать въ себѣ только часть его цѣнности“. Если цѣнность валового дохода равна 105, и если часть дохода въ 5 соотвѣтствуетъ плодамъ, которые можно потребить, не нарушая полнаго возстановленія капитала, „то цѣнностью капитала можно считать только остатокъ въ 100“ ³⁾.

Противъ этого хода мыслей возможны, на мой взглядъ, два возраженія. Прежде всего можно, какъ это я уже пытался доказать выше, оспорить уже предпосылку, что законы отнесенія вообще ведутъ къ отнесенію чистаго физическаго дохода на счетъ капитала ⁴⁾. Но даже въ томъ

¹⁾ См. выше, стр. 222.

²⁾ О. с. стр. 134 и слѣд.

³⁾ О. с. стр. 136; ср. также 134 и слѣд.

⁴⁾ Во избѣжаніе недоразумѣній я выразительно отмѣчу, что *Визеръ* постулируетъ существованіе физической производительности капитала въ смыслѣ, отличномъ и отъ тѣхъ всѣхъ весьма много-

случаѣ, если бы эта предпосылка была вѣрна, то былъ бы невѣренъ сдѣланный изъ нея выводъ. Положимъ, что въ дѣйствительности на капиталъ, состоящій изъ 100 единицъ, слѣдуетъ отнести валовой доходъ въ 105 однородныхъ единицъ, т. е. „чистый физическій доходъ“ въ 5 единицъ; тогда единственное правильное заключеніе, которое можно вывести изъ этого факта, согласно общему основному принципу о тождественности цѣнности средствъ производства и цѣнности продуктовъ, состояло бы въ томъ, что цѣнность отдѣльной единицы не можетъ быть одинаковой въ обѣихъ стадіяхъ капитала, и что 100 единицъ предыдущей стадіи должны обладать одинаковою цѣнностью съ 105 единицами слѣдующей стадіи, напр., стадіи слѣдующаго года, при чемъ, очевидно, сохранялась бы тождественность цѣнности капитала и цѣнности всего валового дохода на таковой.

Противоположнаго результата, а именно, что цѣнность капитала опредѣляется величиною меньшей, чѣмъ валовой доходъ на таковой, *Визеръ* достигаетъ поэтому только при помощи другой логической ошибки, основанной на ложномъ діалектическомъ приѣмѣ. Онъ повторяетъ здѣсь ошибку, пріобрѣтшую уже громадную извѣстность въ исторіи теоріи процента. Какъ нѣкогда старые канонисты со своими тогдашними противниками ¹⁾, какъ въ послѣднее время еще *Книсъ* ²⁾,—*Визеръ* предполагаетъ тождественность первоначальнаго капитала съ одинаковымъ числомъ одинаковыхъ благъ въ слѣдующемъ періодѣ. Онъ діалектически проводитъ эту фикцію. Предполагаемый—вѣрно или невѣрно—фактъ, что на капиталъ начисляется большее количество продуктовъ, чѣмъ то, изъ котораго онъ самъ состоитъ, *Визеръ* выражаетъ слѣдующими неясными словами: „въ валовомъ доходѣ капиталъ воспроизводитъ себя съ физическимъ излишкомъ“; изъ этой базы онъ постепенно выводитъ: „капиталъ при воспроизводствѣ представляетъ собою только часть своего собственнаго валового дохода“, и поэтому „онъ“ (капиталъ) можетъ заключать въ себѣ только часть цѣнности

численныхъ значеній словъ „производительность капитала“, которыя я перечислилъ и выяснилъ въ VII главѣ настоящаго сочиненія (стр. 134 и слѣд.), и отъ того смысла, въ которомъ я въ моей собственной положительной теоріи призналъ такую физическую производительность и положилъ ее въ основу нѣкоторой части моихъ разсужденій; см. томъ II, I-ое изд. стр. 92, 93 прим. 1-ое.

¹⁾ См. выше, стр. 299 и слѣд. и, въ особенности, 300.

²⁾ См. выше, стр. 282 и слѣд., а также II томъ настоящаго сочиненія, 1-ое изд., стр. 304.

валового дохода. Разсуждая правильно, *Визеръ* въ первомъ предложеніи могъ бы только сказать: „въ валовомъ доходѣ капиталъ производитъ находящееся въ нашемъ распоряженіи въ другое время и при другихъ условіяхъ *одинаковое количество одинаковыхъ благъ* и, сверхъ того, еще нѣкоторый излишекъ таковыхъ;“ второе предложеніе, если бы оно было правильно, могло бы гласить только слѣдующее: „*названное одинаковое количество* представляетъ собою только часть валового дохода“, и заключеніе могло бы только свестись къ тому, что *названное одинаковое количество* можетъ заключать въ себѣ только часть цѣнности валового дохода. Однимъ словомъ, ясно и доказано, что 100 благъ или единицъ *второй стадіи капитала* обладаетъ меньшей цѣнностью, чѣмъ 105 единицъ этой второй стадіи; а такъ какъ первоначальный капиталъ въ 100 единицъ вовсе не тождественъ со 100 единицами второй стадіи, то мы не имѣемъ также никакого права отнести къ первоначальному капиталу это соотношеніе цѣнности и валового дохода.

Въ дѣйствительности, напротивъ,—какъ этого требуютъ и общія основы теоріи *Визера*, которымъ только авторъ не вполнѣ остался вѣрнымъ,—капиталъ обладаетъ цѣнностью, равную цѣнности всего валового дохода на таковой, дохода, который, правда, можетъ состоять изъ большаго числа единицъ. Какимъ образомъ, несмотря на эту первоначальную тождественность цѣнности, можетъ еще получиться излишекъ цѣнности, представляющій собою источникъ процента на капиталъ,—въ этомъ и заключается сущность проблемы процента, для которой, на мой взглядъ, можно найти объясненіе во вліяніи отдаленности во времени на оцѣнку благъ или же въ постепенномъ созрѣваніи будущихъ благъ, первоначально обладающихъ меньшею цѣнностью, въ полную цѣнность настоящихъ благъ ¹⁾, проблемы, которая, однако, не найдетъ удовлетворительнаго объясненія въ не соответствующемъ принципу предположеніи, что, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ благъ, цѣнность капитала зависитъ только отъ той части полезности, появленіе которой должно быть отнесено на его счетъ!

Какъ это ни странно, въ дальнѣйшемъ ходѣ своихъ изслѣдованій и *Визеръ* доходитъ до признанія положенія, служащаго центральной идеей моей теоріи процента, т. е. положенія, что настоящія блага по правилу обладаютъ большею цѣнностью, чѣмъ будущія; но онъ ее признаетъ

¹⁾ Подробнѣе см. во II части настоящаго сочиненія.

не отправной точкой, а результатом выставленной имъ связи, не причиной явленія процента, а его слѣдствіемъ ¹⁾. Однако, если я только грубо не ошибаюсь, эта мысль не можетъ быть также выведена, какъ слѣдствіе изъ взглядовъ *Визера*—она съ ними прямо несовмѣстима. Если капиталъ въ 100 единицъ даетъ черезъ годъ валовой доходъ въ 105 единицъ, то въ то же время невозможно, чтобы капиталъ, состоящій изъ 100 настоящихъ единицъ, обладалъ цѣнностью, *меньшей* на 5%, чѣмъ валовой доходъ на таковой, состоящій изъ 105 единицъ, и чтобы все-таки эти 100 настоящихъ единицъ обладали *такою же* цѣнностью, какъ и 105 единицъ, получаемыхъ черезъ годъ! *Визеръ* могъ дойти до послѣдняго—вполнѣ *правильнаго*—взгляда ²⁾ только тѣмъ путемъ, что отказался здѣсь отъ недопустимой фикціи о тождественности настоящаго капитала съ такимъ же количествомъ дохода на таковой; но въ такомъ случаѣ онъ, конечно, въ предыдущихъ своихъ разсужденіяхъ не долженъ былъ бы приводить такой фикціи!—

Выведенная съ большой убѣдительностью и многими остроумными соображеніями теорія процента *Визера* имѣетъ особенный интересъ въ виду того, что она представляетъ собою оригинальную попытку включенія въ совершенно новую, современную систему старыхъ взглядовъ—сыгравшей уже столько разнообразныхъ ролей „производительности капитала“ и пользовавшейся въ старину большимъ признаніемъ фикціи о тождественности первоначальнаго капитала съ „главной суммой“, служашей въ будущемъ для его „возстановленія“. Попытка, какъ я полагаю, неудачна. Старые и новые взгляды противорѣчатъ другъ другу. Только благодаря діалектической изворотливости автора можно было—съ грѣхомъ пополамъ—скрыть въ рѣшительныхъ мѣстахъ противорѣчіе новыхъ взглядовъ, установленіе которыхъ составляетъ непреходящія заслуги *Визера*, со старыми; но внутренней связи между противорѣчивыми элементами создать было невозможно. То же обстоятельство, что потер-

¹⁾ О. с. стр. 138. „Все же не безразлично, будемъ ли мы обладать имъ (капиталомъ), начиная съ сегодняшняго дня или же только черезъ годъ, потому, что настоящее владѣніе обезпечиваетъ больший процентъ... Настоящая сумма всегда обладаетъ большею цѣнностью, чѣмъ такая же сумма позже“.

²⁾ Онъ встрѣчается въ вышеозначенномъ сочиненіи (стр. 138) въ существенно тождественной формѣ: „сотия, которую я долженъ получить только черезъ годъ, въ данный моментъ обладаетъ только цѣнностью приблизительно въ 95“.

пѣла крушеніе попытка возстановленія теоріи производительности, предпринятая съ такимъ запасомъ теоретическихъ средствъ и силъ, является, на мой взглядъ, лучшимъ доказательствомъ того, что путями, свойственными теоріи производительности, дойти до разрѣшенія проблемы процента нельзя.

VII.

Теорія эксплуатаціи за изслѣдуемый періодъ играла важную роль въ литературномъ спорѣ. Споръ былъ здѣсь даже особенно горячимъ и оживленнымъ благодаря принятому имъ своеобразно личному характеру и даже нѣкотораго рода драматическому напряженію. Изъ всѣхъ социалистическихъ писателей самое обширное вліяніе на единомышленниковъ—можетъ быть, благодаря несправедливой недооцѣнкѣ другихъ, въ особенности занимающаго видное мѣсто въ наукѣ *Родбертуса*—несомнѣнно оказалъ *Карлъ Марксъ*. Его сочиненіе какъ бы представляло собой официальные научные взгляды современнаго социализма. Оно поэтому и находилось въ центрѣ нападений и защиты: полемическая литература настоящей эпохи стала литературой о *Марксѣ*.

И это происходило при особенно интересныхъ обстоятельствахъ. *Марксъ* умеръ, не докончивъ своего сочиненія о капиталѣ. Однако, еще не изданныя части нашлись почти полностью въ оставленной имъ рукописи. Онѣ должны были, въ особенности, разъяснить вопросъ, который находился въ центрѣ нападений на теорію эксплуатаціи, и который, по ожиданію обѣихъ спорящихъ сторонъ, долженъ былъ рѣшить, состоятельна ли—какъ ожидали одни—или не состоятельна—какъ это представлялось другимъ—система *Маркса*: какимъ образомъ вяжется наблюдаемая на опытѣ одинаковая норма прибыли на капиталъ съ выведенными въ первомъ томѣ сочиненія *Маркса* закономъ цѣнности и теоріей эксплуатаціи¹⁾. Но какъ разъ изданіе третьяго тома, обсуждающаго этотъ вопросъ, затянулось еще на цѣлыхъ 11 лѣтъ послѣ смерти *Маркса*, до 1894 г. Напряженный интересъ, съ которымъ ожидали, что скажетъ объ этомъ самомъ щекотливомъ вопросѣ своего учения самъ *Марксъ*, нашелъ себѣ выраженіе въ своего рода пророческой литературѣ, которая поставила себѣ цѣлью вывести вѣроятный взглядъ *Маркса* на вопросъ о „средней нормѣ прибыли“ изъ вы-

¹⁾ См. выше глава XII, стр. 493 и слѣд.

ставленныхъ имъ въ первомъ томѣ его сочиненія предпосылокъ. Эта пророческая литература заполняетъ собою десять лѣтъ отъ 1885 г. до 1894 г. и представляетъ намъ цѣлый рядъ мелкихъ и крупныхъ работъ ¹⁾. Второй актъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кульминаціонный пунктъ драматическаго развитія представляетъ собою относящееся къ 1894 г. опубликованіе *Энгельсомъ* третьяго, посмертнаго тома. А затѣмъ слѣдуетъ, какъ бы третій актъ, крайне оживленный литературный споръ, предметомъ котораго является критическая оцѣнка этого третьяго тома, его отношеніе къ систематической исходной точкѣ и дальнѣйшія перспективы марксизма—споръ, который едва ли такъ скоро закончится ²⁾.

Я здѣсь могу ограничиться однимъ только констатированіемъ этихъ фактовъ, такъ какъ я уже раньше, въ другомъ мѣстѣ этого сочиненія, выяснилъ ихъ научное содержаніе

¹⁾ Я уже при другомъ случаѣ (въ статьѣ „Zum Abschluss des Marx'schen Systems“ въ „Festgaben für Carl Kries“ 1896 г. стр., 6) далъ перечень таковыхъ. Онъ обнимаетъ собою: *Lexis*, Jahrbücher für Nationalökonomie 1885. N. F. томъ XI, стр. 452—65; *Schmidt*, Die Durchschnittsprofitrate auf Grund des Marx'schen Wertgesetzes, Stuttgart 1889; разборъ послѣдней статьи данъ авторомъ въ „Tübinger Zeitschrift f. d. ges. Staatsw.“ 1890, стр. 590 и слѣд.; *Loria* въ „Jahrbücher für Nationalökonomie N. F. томъ 20 (1890), стр. 272 и слѣд.; *Stiebeling*, das Wertgesetz und die Profitrate, New-York 1890; *Wolf*, Das Rätsel der Durchschnittsprofitrate bei Marx, Jahrb. f. Nationalök. III. F. томъ 2 (1891), стр. 352 и слѣд.; опять-таки *Schmidt*, Neue Zeit 1892—3 № 4 и 5; *Landé*, тамъ же № 19 и 20; *Fireman*, Kritik der Marx'schen Werttheorie, Jahrb. f. Nationalök. III. F. томъ 3 (1892) стр., 793 и слѣд.; наконецъ, *Lafargue*, *Soldi*, *Coletti* и *Graziadei* въ Critica Sociale отъ іюля до ноября 1894 г. Изъ дальнѣйшей литературы о *Марксѣ* этого періода слѣдуетъ еще отмѣтить *Georg Adler*, Die Grundlagen der Karl Marx'schen Kritik der bestehenden Volkswirtschaft, Tübingen 1887.

²⁾ Изъ существующихъ пока сочиненій этого характера слѣдуетъ отмѣтить: многочисленные статьи въ „Neue Zeit“, въ особенности статьи *Engels'a* (XIV) годъ изданія, томъ I № 1 и 2), *Bernstein'a* и *Kautsky'ago*; затѣмъ *Loria*, L'opera postuma di Carlo Marx (Nuova Autologia, февраль 1895); *Sombart*, Zur Kritik des ökonomischen Systems von K. Marx (Archiv für soc. Gesetzgebung u. Statistik, томъ VII выпускъ 4); вышеназванная статья *аспора* „Zum Abschluss des Marx'schen Systems 1896; *Komorzynski*, Der dritte Baud von Karl Marx „Das Capital“ (въ Zeitschr. für Volksw. Socialpol. u. Verwaltung, томъ VI стр. 242 и слѣд.); *Wenckstern*, „Marx“, Leipzig 1896; *Diehl*, Über das Verhältnis von Wert und Preis im ökonomischen System von Carl Marx (въ Festschrift zur Feier des 25-jährigen Bestehens des staatsw. Seminars in Halle, Jena 1898); *Labriola*, La teoria del Valore di C. Marx, Миланъ 1899; *Graziadei*, La produzione capitalistica, Туринъ 1899; *Bernstein*, Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Socialdemokratie, Stuttgart 1899; *Masaryk*, Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus, Wien 1899. *Weisengrün*, Das Ende des Marxismus. Leipzig 1899.

и далъ критическую оцѣнку. При этомъ я высказалъ также открыто и взглядъ, что великое рѣшеніе окажется безусловно неблагоприятнымъ для ученія цѣнности и ученія прибавочной цѣнности *Маркса*, и что для него наступило уже начало конца.

Но разсматриваемый нами періодъ даетъ намъ еще другой, странный теоретическій образъ, о которомъ слѣдуетъ упомянуть въ этой связи, и который я въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ назвалъ „вульгарно-экономическимъ росткомъ социалистической теоріи эксплуатаціи“. Наблюдается странное явленіе, что разные выдающіеся теоретики несоциалистическаго направленія, не признающіе также предпосылокъ теоріи цѣнности социалистической теоріи эксплуатаціи, все же пришли къ тому же общему взгляду на процентъ на капиталъ, хотя и отличающемся отъ социалистической теоріи эксплуатаціи болѣе мягкой, болѣе сдержанной или же менѣе послѣдовательной формой, но не отличающемся отъ нея по существу.

Самыя характерныя замѣчанія этого рода принадлежатъ *Дитцелю* и *Лексису*. *Дитцель* высказываетъ мнѣніе, что, „на его взглядъ, теорія эксплуатаціи въ своей центральной идеѣ неоспорима“, и заявляетъ, что не можетъ отказаться отъ того, что „полученіе процента представляетъ собою „историческую“, въ правѣ современнаго обмѣна коренящуюся категорію, а именно, такой видъ дохода, сущность котораго по справедливости „заслуживаетъ упрека“ въ томъ, что при общественномъ порядкѣ, въ родѣ современнаго, она по необходимости должна противорѣчить принципу, *sum stique*“ ²⁾. *Лексисъ* высказываетъ взглядъ, что нормальная прибыль на капиталъ „находится въ связи“ съ хозяйственнымъ соотношеніемъ силъ, обусловленнымъ обладаніемъ капиталомъ и отсутствіемъ такового. Источникъ прибыли рабовладѣльца ясно выступаетъ наружу; то же можно сказать и въ отношеніи „*sweater*’а“. При нормальныхъ отношеніяхъ между предпринимателемъ и рабочимъ „такой эксплуатаціи“, правда, не существуетъ, но зато существуетъ хозяйственная зависимость рабочаго, которая несомнѣнно вліяетъ на распредѣленіе дохода отъ труда. Доля рабочаго въ доходѣ отъ производства обуславливается неблагоприятнымъ для

¹⁾ Einige strittige Fragen der Capitalstheorie, Wien 1900 стр. 111 и слѣд. (отпечатанное также въ VIII томѣ „*Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung*“).

²⁾ Göttinger Gelehrte Anzeigen № 23, 1891 г., стр. 935 и 943.

него обстоятельствомъ, что онъ самостоятельно не можетъ использовать своей рабочей силы, а вынужденъ, отказавшись отъ создаемаго ею продукта, продавать ее за болѣе или менѣе достаточныя средства содержанія ¹⁾). И въ другомъ случаѣ *Лексисъ* поясняетъ этотъ свой взглядъ на происхожденіе прибыли на капиталъ еще точнѣе тѣмъ, что „капиталистическіе продавцы, производитель сырья, фабрикантъ, крупный торговецъ, мелкій торговецъ получаютъ прибыль отъ своихъ предпріятій потому, что каждый изъ нихъ продаетъ дороже, чѣмъ покупаетъ, и увеличиваетъ, такимъ образомъ, цѣну собственныхъ издержекъ товара на извѣстный процентъ. Только рабочій не въ состоянн добиться подобной надбавки цѣнности; въ виду своего неблагоприятнаго положенія по отношенію къ капиталисту, онъ вынужденъ продавать свой трудъ за такую цѣну, которой онъ ему стоитъ самъ, т. е. за необходимыя средства существованія. Если поэтому капиталисты, покупая, со своей стороны, товары по повышенной цѣнѣ, и теряютъ часть того, что они наживаютъ, становясь продавцами, путемъ надбавки цѣнъ, то эти надбавки остаются въ полной силѣ по отношенію къ наемнымъ рабочимъ, какъ покупателямъ, и вызываютъ переходъ нѣкоторой части цѣнности общаго продукта къ классу капиталистовъ“ ²⁾).

Всѣ эти замѣчанія несомнѣнно обнаруживаютъ взглядъ, что прибыль на капиталъ—и притомъ замѣтимъ, не какая-нибудь чрезвычайная, приобрѣтенная при особенно тягостныхъ условіяхъ часть ея, а обыкновенная, „нормальная“ прибыль на капиталъ, какъ таковая,—вызывается тѣмъ давленіемъ, которое производятъ имущіе классы на неимущіе, пользуясь своей болѣе сильной позиціей въ борьбѣ цѣнъ,—т. е., въ существенныхъ чертахъ тотъ же взглядъ, который и составляетъ содержаніе социалистической теоріи эксплоатации.

Для объективной характеристики этихъ замѣчаній нужно указать еще на два обстоятельства, которыя, можетъ быть, и находятся въ извѣстной связи между собой: во-первыхъ, на то, что эти замѣчанія высказаны пока только при случаѣ, и притомъ въ условіяхъ, которыя хотя и заставляли авторовъ высказать свой собственный взглядъ на проблему процента, но не налагали на нихъ необходимости дать связанное обоснованіе своихъ взглядовъ, а именно, при крити-

¹⁾ Schmollers Jahrbuch томъ XIX стр. 335 и слѣд.

²⁾ Conrads Jahrbücher N F. томъ XI (1885 г.), стр. 453.

ческомъ разборѣ чужихъ (принадлежащихъ *Марксу* и *автору* настоящаго сочиненія) теорій процента; и, во вторыхъ, на то, что эти замѣчанія представляютъ собою пока только простое *credo*, простое выраженіе взглядовъ высказавшихъ ихъ авторовъ, при чемъ для нихъ не только не было дано законченнаго, теоретически выдерживающаго критику обоснованія, но даже не была сдѣлана попытка дать таковое. *Дитцель* не обосновываетъ соотвѣтственнаго своего замѣчанія ни однимъ словомъ, а краткія замѣчанія, въ которыхъ *Лексисъ* высказываетъ свой взглядъ, такъ неопредѣленны и оставляютъ центральную идею проблемы въ такой очевидной неясности 1), что и самъ авторъ врядъ ли будетъ утверждать, будто они содержатъ въ себѣ дѣйствительное, соотвѣтствующее теоретическимъ требованіямъ объясненіе, хотя бы только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Въ виду того, что то теоретическое обоснованіе, на которое обыкновенно опирались теоріи эксплуатаціи, т. е. социалистическая теорія цѣнности и теорія прибавочной цѣнности, во всякомъ случаѣ, не кладутся разсматриваемыми нами авторами въ основу ихъ родственной теоріи процента, другого же выдерживающаго критику обоснованія они не даютъ, то я, какъ историкъ догмы, только долженъ констатировать фактъ, что такіе взгляды фактически существуютъ, но существуютъ пока только какъ недоказанныя, не представляющія, такъ сказать, никакой теоріи утвержденія, при чемъ только будущность покажетъ, послѣдуетъ ли серьезная попытка возвести эти взгляды въ степень дѣйствительной, пытающейся ихъ обосновать теоріи, или же они замрутъ, какъ простой отзвукъ проявляющихся въ настоящее время настроеній, которыхъ, однако, нельзя привести въ связь съ выдерживающими критику научными предпосылками 2).

1) Вѣдь то обстоятельство, что капиталистическіе продавцы и при полномъ давленіи конкуренціи, которая-де является условіемъ для нивелированія прибыли на капиталъ до „нормальной“ величины, постоянно могутъ добиваться „надбавки цѣнности“ *сверхъ* собственныхъ издержекъ, представляетъ собой основную, подлежащій объясненію фактъ, который, во всякомъ случаѣ, долженъ быть приведенъ въ связь съ законами цѣнности и цѣны или же логически выведенъ изъ таковыхъ. Въ замѣчаніяхъ же *Лексиса* нельзя найти ни малѣйшей попытки такого объясненія. Ср. мое подробное обсужденіе этого вопроса въ моей уже вышеупомянутой статьѣ „Einige strittige Fragen der Capitalstheorie“, Вѣна 1900 г., стр. 110 и слѣд.

2) Болѣе подробно я высказался объ этомъ своеобразномъ росткѣ теоріи эксплуатаціи въ моей нѣсколько разъ уже упомянутой статьѣ „Einige strittige Fragen der Capitalstheorie“.—Болѣе раннюю попытку

VIII.

Не мало, наконецъ, и въ новѣйшее время число и значеніе тѣхъ теоретиковъ, которые опираютъ свое объясненіе процента на капиталъ эклектически на элементы различныхъ теорій. Это, какъ я уже отмѣтилъ при случаѣ выше 1), неудивительно. Едва ли можно еще сомнѣваться, да и какъ разъ въ нашей области новѣйшія изслѣдованія показываютъ все яснѣе и яснѣе, что съ явленіемъ процента на капиталъ находится въ причинной связи не одна только группа фактовъ; это относится въ особенности къ большей производительности капиталистическаго производства, съ одной стороны, и къ отсрочкѣ во времени потребленія благъ, сопряженной со всякой затратой капитала, съ другой. На каждомъ изъ этихъ моментовъ были основаны самостоятельныя теоріи, и до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ или признанъ окончательный исходъ, который давалъ бы возможность постичь съ одной общей точки зрѣнія совмѣстное дѣйствіе всѣхъ этихъ разнородныхъ частичныхъ причинъ, осмотрительные авторы, не закрывающіе глазъ ни на какіе факты дѣйствительности, особенно легко могли и могутъ поддаваться соблазну эклектическаго сочетанія элементовъ различныхъ теорій.

Я уже выше 2) упомянулъ о *Лориа*, который соединилъ элементы теоріи воздержанія съ элементами теоріи эксплуатаціи. *Диль* соединяетъ своего рода мотивированную теорію производительности съ соображеніями и терминами теоріи пользованія 3). Разсужденія, характерныя обыкновенно для этой послѣдней теоріи, можно на ряду съ разсужденіями, проповѣдующими и защищающими теорію воздержанія, найти и у *Сиджвика* 4), при чемъ я, впрочемъ, считаю весьма возможнымъ, что разсужденія, носящія характеръ теоріи пользованія, встрѣчаются скорѣе случайно, между тѣмъ какъ настоящую точку зрѣнія этого замѣчательнаго автора представляетъ собою только теорія воздержанія. Нѣсколько расплывчатыя разсужденія *Нейрата*, хотя и не содержатъ

приведенія теоріи эксплуатаціи въ связь съ другой, не социалистической теоріей цѣнности представляетъ собою интересная, но, на мой взглядъ, также не постигающая основнаго вопроса работа *Виттельсгефера*: „Untersuchungen über das Capital“ (Тюбингенъ 1900).

1) См. выше, глава XIII, стр. 520.

2) См. приложение, глава IV, стр. 572.

3) P. J. Proudhon, Seine Lehre und sein Leben, II отд., Вѣна 1890 г. стр. 217—225 и стр. 204.

4) Principles of Pol. Economy, II изд., Лондонъ 1887, стр. 167, 168, 264; затѣмъ 255 и слѣд.

въ себѣ опредѣленной центральной идеи, но зато обнаруживаютъ частичное сочувствіе или согласіе съ цѣлымъ рядомъ традиціонныхъ способовъ объясненія ¹⁾.

Я полагаю, что не ошибусь, если причислю къ эклектикамъ ученаго и остроумнаго автора „*Progrès de la Science Economique depuis Adam Smith*“ — *Мориса Блока*. Будучи убѣжденнымъ приверженцемъ полной законности процента на капиталъ, онъ не могъ рѣшиться отказаться ни отъ одного изъ тѣхъ взглядовъ, которые казались ему въ одинаковой степени вѣрными и благопріятными для процента на капиталъ. Я нахожу въ его многочисленныхъ разсужденіяхъ на эту тему взгляды и теоріи производительности, и теоріи воздержанія, и теоріи пользованія ²⁾. И этого замѣчательнаго ученаго отнюдь не устрашала мысль, что его могутъ причислить къ эклектикамъ; объ этомъ свидѣтельствуеъ выразительная, являющаяся, по всей вѣроятности, какъ бы *oratio pro domo* апологія въ пользу эклектизма ³⁾.

Точка зрѣнія *III. Жуда* относится, на мой взглядъ, отчасти къ теоріи пользованія, отчасти къ теоріи лажа ⁴⁾; точка зрѣнія *Никольсона* — также отчасти къ теоріи лажа, отчасти же къ теоріи воздержанія ⁵⁾. Да и вообще сочетаніе элементовъ теоріи воздержанія и теоріи лажа встрѣчается въ послѣднее время довольно часто, какъ это я имѣлъ уже возможность указать во II и IV главахъ настоящаго приложенія.

Своеобразное положеніе среди писателей, склонныхъ къ эклектизму, занимаетъ, наконецъ, *Дитцель*. Этотъ всегда остроумный, но не всегда хладнокровно разсуждающій писатель оказался при обстоятельномъ разборѣ моей теоріи процента на капиталъ методическимъ эклектикомъ въ томъ смыслѣ, что назвалъ различныя ходкія теоріи процента, въ особенности же теорію эксплуатаціи и теорію производительности, одну на ряду съ другой, правильными и примѣнимыми, каждую для одной части явленій процента. Онъ высказываетъ взглядъ, что „въ области теорій процента для различныхъ категорій социально-хозяйственныхъ явленій

¹⁾ *Elemente der Volkswirtschaftslehre*, 2 изд., Вѣна 1892, стр. 282 и слѣд. 313 и слѣд., 224 и слѣд.

²⁾ См. *Progrès* (Парижъ 1890), II томъ, стр. 319, 320, 328, 335 и слѣд.; затѣмъ 321, 326, 339; наконецъ, 320—322, 348.

³⁾ О. с. стр. 344; ср. также стр. 349.

⁴⁾ *Principes d' Economie politique*, V изд. стр. 451, прим.

⁵⁾ *Principles of Pol. Economy*, Лондонъ 1893—1897, ср. въ особенности I. 388 и II. 217 и 219.

слѣдуетъ приводить *различныя* причины объясненія, въ зависимости отъ различнаго экономическаго положенія индивидовъ и отношеній между ними. Если, напр., наниматель рояля или жилого дома обладаетъ капиталомъ, достаточнымъ для покупки рояля или дома, но предпочитаетъ примѣнять его производительно или же оставлять въ производствѣ, то процентъ, получаемый собственникомъ дома или рояля, въ дѣйствительности долженъ быть объясненъ съ точки зрѣнія производительности капитала. Если же наниматель не обладаетъ капиталомъ, достаточнымъ для покупки нанимаемаго имъ *объекта*, то процентъ долженъ быть объясненъ съ точки зрѣнія эксплуатаціи нанимателя, и „для объясненія процента примѣняется (неоспоримая въ своемъ корнѣ) теорія эксплуатаціи ¹⁾. На ряду съ этимъ, *Дитцель* защищаетъ и теорію пользованія ²⁾ и признаетъ также, если я вѣрно его понялъ, и за моей теоріей процента значеніе для извѣстной группы явленій процента, а именно, для объясненія процента въ потребительномъ кредитѣ ³⁾.

Какъ я это недавно уже подробно развилъ въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾, я считаю методическую точку зрѣнія *Дитцеля* крайне неудачной и совершенно не выдерживающей критики. Правда, противъ всякаго эклектизма найдется что-либо возразить. Но все же существуетъ еще громадное различіе относительно того, придумываютъ ли, какъ это обыкновенно дѣлаютъ эклектики, для объясненія явленія *одну* теорію, въ которой внѣшнимъ образомъ сочетаются не имѣющіе никакой внутренней связи элементы различныхъ теорій, или же для каждой группы случаевъ одного и того же явленія принципиально разрабатываютъ и признаютъ, какъ это дѣлаетъ *Дитцель*, существенно другую, въ корнѣ отличную теорію. Если тотъ видъ дохода, который экономисты обыкновенно называютъ процентомъ или рентой на капиталъ, въ противоположность земельной рентѣ, заработной платѣ и предпринимательской прибыли, вообще обладаетъ какою-либо характерной чертой, которая связываетъ между собою всѣ относящіяся къ нему случаи и отдѣляетъ его отъ другихъ видовъ дохода, то эта характерная черта не можетъ же быть различна для каждаго

¹⁾ Göttinger Gelehrte Anzeigen, 1891, № 23, стр. 930 и слѣд., въ особенности 932—935.

²⁾ О. с. стр. 933.

³⁾ О. с. стр. 932 и слѣд.

⁴⁾ Einige strittige Fragen der Capitalstheorie, Вѣна 1900 г., стр. 84 и слѣд.

сюда относящагося случая, различна притомъ въ корнѣ или даже совершенно противорѣчива. Кто все-таки пытается вмѣстѣ съ *Дитцелемъ* объяснить случаи одного и того же общаго явленія на основаніи различныхъ теорій, тотъ, во-первыхъ, неизбѣжно придетъ къ нелѣпымъ слѣдствіямъ—кто, напр., повторить за *Дитцелемъ*, что домовладѣлецъ, отдающій въ наемъ одну и ту же барскую квартиру въ теченіе двухъ лѣтъ подъярьдъ за одну и ту же цѣну въ 2000 гульд., одинъ разъ директору банка, получающему 15000 гульд. жалованія, а другой разъ собственнику фабрики, получающему 15000 гульд. ренты на имущество, обязанъ процентами, полученными въ первый разъ, допущенной имъ эксплуатаціи, а во второй разъ производительности капитала?—; и, во-вторыхъ, ему не избѣжать самыхъ очевидныхъ противорѣчій: вѣдь каждая изъ различныхъ теорій содержитъ въ себѣ предпосылки, которыя надо признать даже въ томъ случаѣ, если желательно объяснить хоть одинъ единственный случай въ духѣ этой теоріи, предпосылки, которыя находятся въ исключаемомъ другъ друга противорѣчій съ предпосылками другихъ теорій, которыя, въ свою очередь, нужно въ то же время признать для того, чтобы можно было дать объясненіе другихъ случаевъ, какъ это полагаетъ *Дитцель*. Неужели тотъ, кто считаетъ вѣрной центральную идею теоріи эксплуатаціи, можетъ, на ряду съ этимъ, объяснить какой-либо случай полученія процента въ духѣ теоріи производительности и наоборотъ?!

Этихъ рѣзкихъ противорѣчій *Дитцель*, по всей вѣроятности, могъ избѣжать только потому, что свое, какъ я полагаю, нѣсколько поверхностно набросанное методическое правило онъ выставилъ въ роли критика, а не систематика, вслѣдствіе чего онъ могъ не подвергать анализу практическаго его примѣненія.

IX.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и въ настоящее время продолжаетъ бороться между собою масса взглядовъ, и притомъ самыхъ разнообразныхъ. Окончательный исходъ этой борьбы еще не рѣшенъ. Но борьба и не стояла на мѣстѣ. На всемъ обширномъ полѣ борьбы мы видимъ немало несомнѣнныхъ удачъ, но немало и несомнѣнныхъ поражений. Одни взгляды, очевидно, распространяются и пускаютъ глубокіе корни, другіе отступаютъ и защищаютъ неблагоприятныя и оттѣсненныя позиціи, самыя сильныя

опоры которыхъ уже рушились. Я позволю себѣ набросать картину современной стади борьбы въ томъ видѣ, въ какомъ она мнѣ рисуется.

Главную позицію въ этой сильно развѣтвившейся борьбѣ занимаетъ *теорія эксплоатации*, съ одной стороны, и различныя благопріятствующія проценту теоріи, съ другой. Здѣсь, на мой взглядъ, исходъ не подлежитъ больше сомнѣнію: теорія эксплоатации потерпѣла поражение. Ей по необходимости пришлось отказаться отъ своего основного принципа — теоріи цѣнности—и отступить на позицію, которой уже нельзя отстоять. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіе нѣкотораго времени ея приверженцы еще будутъ продолжать борьбу, тѣмъ болѣе, что агитаторскія выступления отдѣльныхъ партій не скоро откажутся отъ догмы эксплоатации; но наукой, я думаю, послѣдняя вскорѣ будетъ разъ навсегда отнесена къ ряду окончательно пережитыхъ уже заблужденій. А „вульгарно-экономическій ростокъ“ теоріи эксплоатации, о которомъ мы упомянули выше, врядъ ли будетъ обладать такой жизненной силой, чтобы вымирающее въ корнѣ ученіе могло ожидать отъ него обновляющаго возрожденія и плодотворнаго дальнѣйшаго развитія.

Но и борьба, которую вели между собою конкурирующія теоріи, „благопріятствующія проценту“,—если пользоваться этимъ краткимъ, хотя и не вполне подходящимъ для безпартійныхъ теорій названіемъ—осталась не безъ нѣкоторыхъ результатовъ. Я полагаю, что въ настоящее время можно считать почти вполне установленнымъ, что послѣдними причинами явленія процента являются извѣстные факты изъ производственной техники, съ одной стороны, и фактъ временной отсрочки потребленія, съ другой,—совершенно такъ же или, по крайней мѣрѣ, приблизительно такъ же, какъ это установилъ проф. *Маршалль* своими популярными терминами „productiveness“ и „prospectiveness“ капитала. Тѣ теоріи, которыя не признаютъ этихъ соображеній или, по крайней мѣрѣ, не принимаютъ таковыхъ во вниманіе въ ходѣ своего объясненія, на мой взглядъ, не имѣютъ уже шансовъ на то, чтобы обратное движеніе опять направило развитіе въ ихъ нынѣ уже заброшенныя русла. Это относится, какъ я полагаю, къ нѣкоторымъ видамъ „*трудовыхъ теорій*“, съ одной стороны, и къ чистымъ, определеннымъ *теоріямъ производительности*, съ другой. Въ особенности, эти послѣднія, нѣкогда занимавшія столь видное мѣсто въ экономической теоріи, страдаютъ, съ нашей современной точки зрѣнія, двумя

кардинальными недостатками, которые отмѣчаются и признаются все чаще и чаще: во-первыхъ, тѣмъ, что онѣ логическимъ путемъ не могутъ достичь цѣли своего положительнаго объясненія изъ сдѣланныхъ ими предпосылокъ безъ логическихъ промаховъ, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что онѣ совершенно упускаютъ изъ вида добрую половину фактическихъ причинъ явленія процента. Весьма характернымъ симптомомъ безнадежнаго положенія этихъ чистыхъ теорій производительности является, на мой взглядъ, то, что въ послѣднее время стали—при этомъ даже, какъ я думаю, въ разрѣзъ съ фактическимъ положеніемъ вещей и съ исторической вѣрностью—совершенно отрицать существованіе такихъ чистыхъ теорій производительности и приписывать ихъ представителямъ другіе взгляды, ближе подходящіе къ господствующимъ въ настоящее время взглядамъ на нашу проблему¹⁾.

Жизнеспособныя же теоріи въ своемъ развитіи, напротивъ, дружно стремятся къ одной и той же цѣли, относительно которой въ настоящее время уже немногіе только сомнѣваются въ томъ, что она правильно выбрана, хотя бы только какъ конечный пунктъ для нашихъ стремленій къ познанію, и которая, несмотря на то, что въ настоящее время еще колеблются въ выборѣ самаго вѣрнаго ведущаго къ ней пути, раньше или позже будетъ достигнута. Этой цѣлью является объясненіе, которое свяжетъ обѣ группы причинъ—*производственно-техническіе* и *психологическіе*, съ отсрочкой потребленія связанные факты,—такимъ образомъ, чтобы не только каждая часть объясненія, сама по себѣ, была существенно и логически безупречна, но чтобы и обѣ половины объясненія составляли одно, существенно и логически безупречное цѣлое.

Среди различныхъ конкурирующихъ между собою въ стремленіи къ этой цѣли теорій надо отдать справедливость *теоріи пользованія*, которая, вѣрно и во всемъ своемъ объемѣ понимаемая, имѣетъ въ виду обѣ группы причинъ и, слѣдовательно, достаточно полна; однако, въ выводѣ объясненія она наталкивается на вѣскія существенныя и логическія препятствія, которыя, какъ кажется, въ настоящее время отмѣчаются и признаются во все болѣе и болѣе обширныхъ научныхъ кругахъ.

Теорія воздержанія на выбранномъ ею пути объясненія также наталкивается на существенныя и логическія затрудненія, которыя я старался выставить на предыдущихъ стра-

¹⁾ См. выше, *мое* предисловіе ко второму изданію.

ницахъ еще рельефнѣе, чѣмъ раньше, и притомъ мнѣ кажется, что пріемъ, при помощи котораго она хочетъ вывести „productiveness“ на ряду съ—придающей ея объясненію характерный отпечатокъ — „prospectiveness“, не приведетъ къ удачному сліянію въ одну, дѣйствительно цѣльную теорію.

Эклектики опять должны, конечно, бороться, какъ со специальными недостатками, присущими каждой изъ сочетаемыхъ ими теорій въ отдѣльности, такъ и съ сопротивленіемъ разнородныхъ элементовъ при сліяніи ихъ въ одно гармоническое цѣлое.

Со времени *P₂* моментъ *временной отсрочки потребленія* принимался во вниманіе въ такомъ смыслѣ, который отрѣшился отъ сомнительныхъ примѣсей теоріи воздержанія. Однако, самъ *P₂* во второй части объясненія застрялъ въ ошибкахъ мышленія и представленія, свойственныхъ теоретикамъ производительности. *Джевансъ* опять болѣе счастливъ въ этой второй части; менѣе удачно зато его отношеніе къ „prospectiveness“, напоминающее собою пріемы теоріи воздержанія, такъ что, во всякомъ случаѣ, и у него нельзя найти логически связнаго сочетанія аргументовъ.

Наконецъ, новѣйшая теорія въ ряду конкурирующихъ теорій процента, „теорія лажы“, сдѣлала попытку, которая, какъ бы мы ни относились къ ея результатамъ, все же ясно и сознательно имѣла въ виду искомую цѣль—связное, цѣльное объясненіе явленія процента изъ всѣхъ имѣющихся значеніе послѣднихъ его причинъ.

Едва-ли кто-либо будетъ сомнѣваться въ томъ, что при выполненіи своей задачи теорія эта осталась вѣрной первой части этой программы; характернымъ доказательствомъ того, что она широко принимала во вниманіе, какъ „productiveness“, такъ и „prospectiveness“, является то, что одни изъ ея приверженцевъ сопровождали или мотивировали свое согласіе съ ней замѣчаніемъ, что она по существу является собственно теоріей производительности, другіе же, что она является собственно теоріей воздержанія ¹⁾. И, можетъ быть, еще характернѣе проявляется этотъ взглядъ въ извѣстномъ упрекѣ одного изъ самыхъ выдающихся моихъ противниковъ. Если проф. *Маршалль* упрекаетъ меня въ преувели-

¹⁾ *Пирсонъ* въ своемъ подробномъ разборѣ моей Positive Theorie (въ „De Economist“, мартъ 1889 г., стр. 217) говоритъ: „Нашъ авторъ обѣими ногами стоитъ на почвѣ теоріи производительности“; *Макферленъ* же посвящаетъ отдѣльный параграфъ (107) своего сочиненія „Value and distribution“ доказательству, что „abstinence is recognised in the exchange-theory“.

чениі различій убѣжденій по отношенію къ моимъ предшественникамъ по теоріи процента, и если онъ для подтвержденія этого упрека указываетъ на то, что и во взглядахъ моихъ предшественниковъ можно уже найти указаніе на одинаковое значеніе „productiveness“ и „prospectiveness“, то очевидно, что это указаніе на одинаковое значеніе разматривается, какъ общій членъ обихъ ученій и, слѣдовательно, не отрицается также и по отношенію къ моей теоріи лажа.

Выполнила ли теорія лажа такъ же удачно или, по крайней мѣрѣ, удачнѣе, чѣмъ ея соперники, и второй пунктъ своей программы,—это покажетъ дальнѣйшій споръ. Чѣмъ уже будетъ отмежевываться результатами предыдущихъ изслѣдованій и критики область, въ которой должно заключаться и отыскиваться объясненіе, ведущее къ цѣли, тѣмъ тщательнѣе можно будетъ—и будутъ—искать и изслѣдовать въ будущемъ внутри этихъ предѣловъ. Направленіе мы болѣе или менѣе знаемъ, или же, какъ выразился недавно *Д. Б. Кларкъ* въ своей остроумной картинѣ „будущаго экономической теоріи“, можетъ быть, нѣсколько оптимистически, но едва ли совершенно неправильно: „*Explanations of interest that cannot be far from the truth have been offered*“ ¹⁾ Отнынѣ вся задача будетъ заключаться въ томъ, чтобы въ этихъ предѣлахъ изслѣдовать тѣ различные пути, которые въ настоящее время предлагаются конкурирующими еще теоріями, шагъ за шагомъ испытать, правильны ли они, и ведутъ ли они неуклонно къ искомой цѣли. Мы должны при этомъ быть еще требовательнѣе, еще строже, еще разборчивѣе, чѣмъ раньше, потому что мы теперь обладаемъ достаточнымъ запасомъ предварительныхъ свѣдѣній, и поэтому въ настоящее время насъ не должны удовлетворять уже только приблизительныя, неточныя указанія этихъ путей. Однако, къ какимъ бы окончательнымъ результатамъ ни привело это будущее критико-догматическое развитіе, одно мнѣ кажется несомнѣннымъ уже теперь: разъ проснувшійся критическій духъ не остановится ни на какомъ рѣшеніи, которое не удовлетворяло бы самымъ строгимъ научнымъ требованіямъ, и опасность, что онъ остановится когда-либо на одномъ изъ тѣхъ неглубокихъ quasi-рѣшеній, которыя легко выразить въ нѣсколькихъ подходящихъ словахъ, но не довести до конца послѣдовательнымъ мышленіемъ, уже миновала и миновала разъ навсегда.

¹⁾ Quarterly Journal of Economics, октябрь 1898 г., стр. 1.

Указатель авторов *)

Августикъ 37.
 Адлеръ 462, 463, 483, 629.
 Аквинскій Тома 38, 40, 41.
 Амброзій 37.
 Аристотель 32, **33** 67, 477, 479.

Барберакъ 59.
 Барбонъ 67, 464, 481.
 Баронъ 568, 571.
 Бастія 298, **331** и слѣд., 421,
 518, 539.
 Бауеръ 67.
 Беккариа 70, 71 и слѣд.
 Бемеръ 31, 59.
 Бенини 568.
 Бентамъ 67.
 Беригарди 118, **247**.
 Бернштейнъ 509 и слѣд., 629.
 Безольдъ 30 и слѣд., 59.
 Вильграмъ 568.
 Вишофъ 524.
 Влокъ 570, 611, **633**.
 Водень **72**.
 Воксгорнъ 59.
 Бонарь 567, 568.
 Борнитцъ 50.
 Бредерсенъ 68.
 Баконъ **51**, 62.
 Бюшъ 404.

Вагнеръ 288, **349** и слѣд., 407,
 417, 462, 569, 596 и слѣд.,
 601.
 Ваконій Вакунійскій 39.
 Вальрасъ 570.
 Васко 68, 70, 71.
 Вейзенгринъ 629.
 Венкштернъ 462, 629.
 Верринъ Стюартъ 118, 471.

Вестергаардъ 568.
 Визеръ 611 и слѣд.
 Вискелль 568
 Виртъ 330, 524.
 Вискеманъ 31, 44.
 Виттельсгеферъ 633.
 Воллемборгъ 178, 330.
 Вольфъ **611**, 612, 629.

Гадлей 568.
 Галиани **69** и слѣд., 76, 250,
 301, 382, 565.
 Галль 405.
 Гай 296.
 Гамильтонъ 568.
 Гарнье Жермень 129 и слѣд.
 Гарнье Жозефъ 157, 330, 346,
 531, 532.
 Гельдъ 405.
 Геновези 70.
 Германъ 19, 179, 228, **234** и
 слѣд., 248, 249, 250, 251, 252,
258 и слѣд., 270, 273, 275 и
 слѣд., 288, 415, 552.
 Герстнеръ 340, **531**.
 Гиддингсъ 568, 596.
 Глазеръ 202 и слѣд.
 Гобсонъ 568.
 Годвинъ 313, 405.
 Годскинъ 406.
 Гольдшмидтъ 295.
 Гофманъ 355, 532.
 Грасвинкель 59.
 Грациден 629.
 Грациани 568, 573.
 Гринъ 568.
 Гроссъ 462.
 Гроцій 52, **53** и слѣд.
 Гунъ 524.

*) Числа обозначаютъ страницы; жирнымъ шрифтомъ обозначены главныя мѣста.

Гуть 413.
 Гуфеляндъ 102.
 Давидсонъ 568.
 Джевонсъ 330, 355, 382 и слѣд.,
 384, 525 и слѣд., 565, 569,
 576, 583, 584, 596, 639.
 Джонсъ 126.
 Джоржъ 86, 538 и слѣд., 569.
 Диль 411, 462, 570, 611, 629,
 633.
 Дитцель Г. 417, 570, 611, 630
 и слѣд., 634 и слѣд.
 Дитцель К. 330.
 Дровъ 129, 131 и слѣд.
 Дюмулень см. Молиней.
 Дюрингъ 414.
 Егеръ 568.
 Жидъ 570, 634.
 Заксъ 382, 384, 566.
 Залъскій 567, 570.
 Зарторій 102.
 Зейгеръ 102.
 Зодень 103 и слѣд., 106, 403.
 Зомбартъ 462, 500 и слѣд.,
 509, 629.
 Зонненфельсъ 60 и слѣд., 79,
 404.
 Зульцеръ 569.
 Кальвинъ 45 и слѣд., 85.
 Камерарій 50.
 Канаръ 129 и слѣд.
 Канкринъ 102.
 Карверъ 568, 571, 572, 584, 588
 и слѣд.
 Катонъ 32.
 Каутскій 629.
 Кенэ 83.
 Кернсъ 330.
 Клейнвехтеръ 154 и слѣд.,
 159, 160.
 Клоппенбургъ 59.
 Кларкъ 552, 567, 640.
 Книсъ 31, 32, 34, 35, 71, 220,
 250 и слѣд., 259, 265, 269,
 273, 281 и слѣд., 287, 288,
 296, 301, 360, 416, 417, 427,
 432, 434, 462, 470, 472, 479,
 483, 488, 625.
 Коваррувій 38, 39.
 Ковесъ 157, 345 и слѣд., 531.

Колетти 629.
 Коморзинскій 462, 629.
 Конрадъ 570.
 Контцень А. 60.
 Конщина 68.
 Косса Л. 356, 524 и слѣд.
 Краусъ 102.
 Кроцини 568.
 Кульпеперь 63.
 Курселя-Сенейль 288, 340 и
 слѣд., 531.
 Кэнанъ 95, 125, 340.
 Кэри 181 и слѣд., 193, 200,
 336, 352.

Лабриола 629.
 Лактанцій 37.
 Ланде 629.
 Ласпейресъ 31, 53, 59.
 Лассаль 216, 318 и слѣд., 412.
 Лаунгардтъ 382, 384, 565 и
 слѣд.
 Лафаргъ 629.
 Лейбницъ 60.
 Лексисъ 462, 629, 630 и слѣд.
 Леръ 569.
 Леруа-Болье 157, 168, 524.
 Леффлеръ 568.
 Ло 72, 79.
 Ловрей 567.
 Лодердаль 133, 149, 169 и
 слѣд., 182, 183, 200, 222, 312,
 317, 394.
 Локкъ 64 и слѣд., 79, 80, 170,
 312, 404, 407.
 Лоріа 320, 571, 572, 629, 633.
 Лотцъ 104 и слѣд., 403.
 Лука св. 35.
 Людерь 102.
 Лютеръ 44.

Макъ-Куллохъ 120 и слѣд.,
 312, 317, 337, 340, 518, 596.
 Макъ-Леодъ 126 и слѣд., 552.
 Мальтусъ 118, 119, 176 и слѣд.,
 312, 316, 317, 382, 521, 533.
 Мангольдтъ 247.
 Марезій 59.
 Марло 233.
 Марксъ 152, 216, 217, 406, 407,
 412, 416, 462 и слѣд., 506,
 512, 513, 515, 517, 546, 551,
 604, 628 и слѣд.

Маршалль 3, 5 и слѣд. 163,
 320, 329, 571, 572, 573 и слѣд.,
 588, 596, 618, 637, 639.
 Массарикъ 463, 629.
 Массалійскій Алексій 54, 56.
 Матая 255.
 Маффеи, маркизъ 68.
 Мейеръ Р. 446.
 Меланхтонъ 45.
 Мелонъ 72.
 Менгеръ А. 405, 406.
 Менгеръ К. 228, 240, 252 и
 слѣд., 301 и слѣд., 561, 570.
 Мерсиа-де-ля Ривьеръ 83.
 Микстеръ 356, 357, 359, 360,
 363, 385, 388, и слѣд., 401,
 568.
 Милль Джемсъ 312, 317, 337 и
 слѣд., 409, 530, 531, 596.
 Милль Дж. Ст. 330, 355 и
 слѣд., 414, 533 и слѣд., 584,
 589.
 Мирабо 72, 73 и слѣд., 83.
 Митгофъ 247.
 Молинари 77, 157, 330, 524.
 Молиней 37, 45, 47 и слѣд., 55,
 72, 79.
 Монтемартини 568.
 Монтестье 68, 72.
 Моргенстирнъ 568.
 Мургардъ 102.
 Мэквенъ 567, 572, 574.
 Мэкверленъ 320, 329, 567, 568,
 571, 584, 595, 639.
 Нассе 250.
 Небеніусъ 232 и слѣд. 313.
 Нейманъ М. 31, 45, 53, 59, 60.
 Нейратъ 633.
 Никольсонъ 634.
 Нодтъ 59.
 Нортъ 63.
 Панталеони 611.
 Парето 570.
 Паттенъ 567.
 Пелитцъ 102.
 Петти 484.
 Пирсонъ 568, 639.
 Пирсторффъ 27, 92, 113, 164,
 178, 181, 317, 333, 524.
 Плавтъ 32.
 Платонъ 32.
 Платтеръ 92, 95.
 Потье 72, 76.

Прудонъ 157, 410 и слѣд., 414,
 537.
 Пуфендорфъ 60.
 Рау 108 и слѣд.
 Реслеръ 205 и слѣд., 243.
 Ридель 150 и слѣд., 159, 160,
 167, 252.
 Ридъ 181, 340, 406, 529 и слѣд.
 Ризи 31, 73.
 Рикардо. 109 и слѣд., 128 178,
 180, 243, 311, 313, 317, 338,
 354, 382, 391, 403, 405, 417,
 449, 471, 472, 476, 486, 491,
 492, 496, 533, 559, 571, 602,
 603.
 Рикка-Салерно 568.
 Родбертусъ 216, 333, 346 и
 слѣд., 406, 407, 411 и слѣд.,
 416, 417 и слѣд., 470, 491,
 512, 513, 517, 628.
 Росси 157, 330, 510 и слѣд.
 Рошеръ 31, 50, 51, 60, 63, 65,
 79, 135, 151 и слѣд., 159, 166,
 167, 243, 252, 288, 290, 330,
 518, 524.
 Ра 1, 263, 301, 355 и слѣд.,
 529, 565, 584.
 Сальмазій 53, 54 и слѣд., 68,
 72, 78 и слѣд., 297, 299 и
 слѣд., 332.
 Сенека 32.
 Сениоръ 93, 109, 179, 288, 311,
 314 и слѣд., 415, 530, 533, 575.
 Сиджвикъ 587, 633.
 Симонди 405, 407 и слѣд., 476.
 Сиверсъ 84.
 Скропъ 313, 406.
 Смартъ 567.
 Смитъ А. 78, 91 и слѣд., 101,
 105, 107, 108, 109, 110, 128,
 146, 150, 170, 177, 178, 179,
 311, 313, 354, 357, 382, 403,
 407, 409, 414, 417, 471 и слѣд.,
 486, 496, 559, 613.
 Смитъ П. 181, 189 и слѣд.
 Солди 629.
 Стюартъ 65 и слѣд., 79, 404.
 Страсбургеръ 216 и слѣд., 394,
 518, 545.
 Сціалоя 157 и слѣд., 159.
 Сэ 107, 108, 128, 133, 142 и
 слѣд., 156, 158, 160, 179, 228

и слѣд., 239 и слѣд., 252,
258, 265, 270 и слѣд., 274 и
слѣд., 287 и слѣд., 414, 559,
570.

Гауссигъ 568.

Теллесъ 38, 39.

Томпсонъ 313, 405, и слѣд.

Торренсъ 119 и слѣд., 178,
316, 533.

Тюнень 193 и слѣд., 366, 386,
и слѣд., 401, 527, 622.

Тюрго 75 и слѣд., 82 и слѣд.,
99, 131, 170, 301, 382, 538,
541, 542, 565, 569.

Ульпианъ 296.

Уокеръ 3, 4, 611.

Уэтли 126.

Фальбе-Ганзенъ 568.

Филипповичъ 611.

Фейрманъ 629.

Фишеръ И. 263, 568.

Форбоннэ 61, 68.

Фульда 107.

Функъ, 31, 77, 79.

Хризостомъ 37.

Цабарелла 41.

Цвингли 44.

Цицеромъ 32.

Чайльдъ 63.

Чомерсъ 126.

Шанцъ 62.

Шелльвинъ 538, 545 и слѣд.,
569.

Шень 150.

Шербюлье 330, 346.

Шеффле 247 и слѣд., 259 и
слѣд., 269, 271, 274 и слѣд.,
288, 348 и слѣд., 354, 414,
425, 536 и слѣд.

Шмальць 102.

Шмидтъ 497, 498, 501 и слѣд.,
629.

Штибелингъ 629.

Штольцманъ 351, 445 и слѣд.,
597 и слѣд.

Шторхъ 230 и слѣд.

Шульце-Деличъ 153, 524.

Шюць 330, 524.

Эджверсъ 567.

Эйзеленъ 108.

Эйнарсенъ 568.

Эли 537.

Энгельсъ 462, 463, 501, 629.

Эндеманъ 31, 35, 37, 38, 41,
42, 43, 44, 47, 50, 53, 55, 59, 79.

Эндрюсъ 567.

Эффертцъ 569.

Юмъ 66, 68, 79, 81.

Юсти 60, 79.

Якобъ 107.

~~WF 19~~
48 1/2

K96345